научный рецензируемый цитируемый журнал

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВАК И БЕЛЫЙ СПИСОК

KANT

№ 2(59)

июнь 2026

ИГРАИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ••• ИДЕОЛОГИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ И ВОСПРОИЗВОДСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ••• ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНИФИКАЦИИ НАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАРИАННЫ, СТАТУИ СВОБОДЫ И РОДИНЫ-МАТЕРИ ••• «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ И ВЫЗОВ ЗАПАДНЫМ МОДЕЛЯМ РАЗВИТИЯ МИРА ••• ИНТЕГРАТИВНОЕ СООБЩЕСТВО: ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ДРУГОГО В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ••• ВИЗУАЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ: ПЕРФОРМАНС ПОВСЕДНЕВНОСТИ ••• ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ СМЕРТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА ••• ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ БЫТИИ: ЭКЗИСТЕНЦИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ ••• ОТ МОДЕРНИСТСКОГО ПРОСТРАНСТВА К ПОСТМОДЕРНИСТСКОМУ ГОРОДУ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ГОРОДСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ••• ИНКОРПОРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СМЫСЛА КРИЗИСА В ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ • КЛАССИЧЕСКИЙ И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ФАШИЗМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

ISSN 2222-243X

KANT

2(59)’2026

KANT ориентирован на междисциплинарный диалог. Издается с 2011 года. Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь). Индексируется в РИНЦ, Google Scholar, PhilPapers, DOI

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83359 от 7 июня 2022 года. Подписной индекс по каталогу «Пресса России» — Т62200.

ISSN 2222-243X

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК РФ (Q2) по следующим отраслям науки: 5.2. Экономика; 5.7. Философия; 5.8. Педагогика. Список ЕГПНИ (Белый список)

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ООО “Издательство
СТАВРОЛИТ”

ставролит
издательство

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Григорьев А.Ф., д-р культурологии, проф. (Ставрополь, Россия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Агаркова Л.В., д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Бакланов И.С., д-р филос. н., проф. (Москва, Россия)
Билалов М.И., д-р филос. н., проф. (Махачкала, Дагестан)
Бичеев Б.А., д-р филос. н.(Элиста, Калмыкия)
Бобрышов С.В., д-р пед. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Великая Н.Н., д-р ист. н., проф., (Армавир, Россия)
Воеводин А.П., д-р филос. н., проф.(Луганск, ЛНР)
Воробьев Н.Н., д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Грачев С.И., д-р полит. н., проф. (Н. Новгород, Россия)
Гурнович Т.Г., д-р э. н., проф. (Краснодар, Россия)
Давыдянц Д.Е., д-р э. н., проф.(Ставрополь, Россия)
Деменчонок Э.В., д-р филос., проф. (Пич-Каунти, США)
Жидков В.Е., д-р т. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Захарова Е.Н., д-р э. н., проф., (Майкоп, Россия)
Косов Г.В., д-р полит. н., проф. (Москва, Россия)
Костина А.В., д-р культурологии, д-р филос. н., проф. (Москва, Россия)
Костюкова Е.И., д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Крохичева Г.Е., д-р э. н., проф. (Ростов-на-Дону, Россия)
Кудрина Е.Л., член РАЕН, д-р пед. н., проф.(Москва, Россия)
Лю Сяоянь, д-р филолог. н., проф. (Пекин, КНР)
Плугина М.И., д-р психол. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Прабхакара Джатьяло Рао, профессор лингвистики (Хайберабат, Индия)
Скрипкина А.В., д-р пед. н., доц. (Москва, Россия)
Солопанова О.Ю., д-р пед. н., проф. (Краснодар, Россия)
Тамов А.А., д-р э. н., проф. (Майкоп, Россия)
Туравец Н.Р., д-р пед. н., проф. (Белгород, Россия)
Фурсов В.А., д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)

ИЗДАТЕЛЬ: **ООО «Издательство Ставролит»**
ИНН/КПП **2635120079/263501001**
Адрес изд-ва, редакции, типографии: **355044, Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44**
E-mail: info@stavrolit.ru; Сайт: stavrolit.ru/kant

© «KANT», 2026, №2(59), 1–490 с.

Выпускающий редактор *А.Д. Григорьева*
Дизайн обложки М.А. Зоря
Техническое редактирование и верстка *П.В. Арсентьев*
Корректура *К.Д. Ковтун*

Подписано в печать 25.06.2026. Выход в свет 26.07.2026. Формат 84 x 108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PalatinoLinotype. Уч.-изд. л. 88,20. Тираж 1000 экз. Заказ № 665. Цена свободная.

Уважаемые читатели!

Журнал «KANT» ориентирован на междисциплинарный диалог с последующей публикацией исследований, в фокусе которых находятся проблемы образовательного пространства, экономические тенденции и их неэкономические следствия, прежде всего в свете философского осмысления.

Построенная на традиционных этических принципах научной периодики, разработанных COPE, и полагающаяся на стандарты Международной социологической ассоциации редакционная политика журнала направлена на создание открытой площадки обмена научной информацией, результатами фундаментальных и прикладных исследований специалистов академического и экспертно-аналитического профиля.

В своей деятельности редакция журнала руководствуется принципами научности, профессионализма, объективности. Журнал нацелен на создание и поддержку единого пространства научной коммуникации в стремлении преодолеть информационную пропасть между изданиями регионального, федерального и международного уровня.

Критериями статей служат актуальность, научная новизна и научная достоверность представленных материалов, практическая значимость, уровень оригинальности представленного материала, а также качество его изложения. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией на основе мнений ведущих ученых, привлекаемых в качестве рецензентов и экспертов.

шеф-редактор журнала
к. полит. н. М.А. Григорьева

Содержание

Философия 5.7

Астапова Е.С. **Играизация политической реальности в современном обществ**-------4

Борисенко К.С. **Идеология в конструировании и воспроизводстве национальной идентичности**----------9

Валиуллина З.Р., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. **Идея экологической устойчивости культуры в контексте её метафизических оснований**----------16

Воробьев Д.В. **Понятие «парадигма» и его взаимосвязь с понятием научного сообщества в исследовательской программе Томаса Куна**----------21

Джангетов А.А. **Трансформация интеллектуального труда в обществе: философский дискурс**----------26

Ионайтис О.Б. **Концепция права в «Философических предложениях» Я.П. Козельского**----------32

Каширина О.В., Сергодеева Е.А. **Роль исторической памяти в формировании духовно-нравственного иммунитета современной российской молодежи**----39

Козлюк Д.В. **Идеал и деятельность человека: диалектико-типологические аспекты социальной взаимосвязи**--------44

Кострицкая Т.А., Полубояринов А.Р., Цао Ю. **Теоретико-методологическая характеристика классовой идентичности: социально-философская перспектива**----------50

Ломанова Т.Д. **Репрезентация-анонс в контексте утопии и антиутопии**----------61

Лукьянов А.В., Ханова Р.В., Хасанова Л.Р. **Духовная культура как основа формирования чувств и рассудка: философский анализ**----------69

Маркина Л.А. **Женские персонификации нации: сравнительный семиотический анализ Марианны, Статуи Свободы и Родины-Матери**----------75

Марушан Д.С. **«Я» и «Другой» в структуре семейных отношений: социально-философский анализ**----------81

Нижник Е.А. **Общественные скрепы как основа сохранения традиционных национальных ценностей**----------88

Опошнянский А.В. **«Китайская мечта» как цивилизационная стратегия и вызов западным моделям развития мира**----------94

Петрунин В.В. **Религия и политика: религиоведческая дисциплинарная перспектива**----------102

Рогаленко Н.А. **Интегративное сообщество: основания для признания другого в пространстве глобальной сети**--------107

Суховская Д.Н. **От модернистского пространства к постмодернистскому городу: философский анализ городской субъектности**----------116

Терехова Е.С. **Визуальная автобиография: перформанс повседневности**----------122

Турдимуродов Г.А. **Социальные инновации как традиции модернизирующегося общества**---------128

Углинская Н.А., Углинская В.В. **Инкорпорация экономического смысла кризиса в проблемное поле культуры**----------133

Чернов А.В., Новикова С.В. **Классический и неклассический фашизм с точки зрения культурно-исторического подхода**----------140

Шаповалов И.С. **Проблема отчуждения человека от смерти в обществе постмодерна: социально-философский анализ**---------146

Яговдик В.А. **Человек в цифровом бытии: экзистенция и экзистенциальность**----------163

Януш С.В., Золотарев С.П. **Взаимосвязь между традиционными основами (устоями) и инновациями с социально-философских позиций**----169

Экономика 5.2

Абдураимова Э.Д., Ахтемова А.Р. **Современные цифровые и информационные технологии в системе государственного контроля: оценка уровня внедрения и направления совершенствования**-----177

Абрамян Г.А., Ал-Ани Х.Х.Р. **Оценка качества человеческих ресурсов как императив государственного управления в условиях инновационно-цифровой трансформации**----------183

Акимова О.Е., Кожухова М.Т., Смирнов В.М. **Роль малого и среднего предпринимательства в обеспечении устойчивости региональных рынков труда и градообразующих предприятий в условиях внешних ограничений**----------188

Ангеловский А.С. **Цифровой рубль: сопоставление стратегических целей Банка России с результатами пилотного проекта**----------195

Бережной В.Г. **Инфляция и инфляционные ожидания населения как фактор формирования денежно-кредитной политики Банка России в современных условиях**----------206

Евтушенко А.Э. **Трансформация географии и отраслевой структуры спроса на трудовых мигрантов в регионах России**----------215

Железняк Ф.Д. **Эволюция теоретических подходов к исследованию инновационно-инвестиционной деятельности региона: от ресурсного к экосистемному подходу**----------224

Кириченко Н.С. **Комплексный анализ факторов устойчивости региональных экономических систем: системный подход и направления управленческого воздействия**----------230

Курляндский В.В., Кузьмин А.В., Киреенко А.С. **Удобная шкала времени как структурообразующий компонент предложений долгосрочных бизнес-кредитов**----------239

Лайпанова З.М. **Многоконтурная цифровая модель организационно-экономического механизма инновационного развития аграрных формирований**----------243

Меликян Л.Ф. **Снижение транзакционных издержек в портовой логистике: институциональные барьеры и регуляторные решения**----------254

Ратников А.М., Скитер Н.Н. **Совершенствование стратегии управления организациями социально-культурной сферы на основе принципов социальной ответственности**----------263

Ромазанов Р.Р. **Алгоритм риск–ориентированного мониторинга интеграции дистанционного и контактного надзора за субъектами рынка коллективных инвестиций**----------272

Свиридова Н.Д., Медяник А.В. **Управление качеством туристских услуг в современных условиях отечественного рынка**----------280

Сейдаметова З.С., Темненко В.А. **Структура и динамика глобальной экономики в XXI веке. XIX. Корреляция ВВП и численности населения для Донжона Глобального Юга в 2010-2024**----------287

Сейдаметова З.С., Темненко В.А. **Структура и динамика глобальной экономики в XXI веке. XX. «Малые» и «Мельчайшие» экономики Глобального Юга в 2010-2024**----------293

Сериков Д.А., Ставриянов Г.В. **Совершенствование финансового моделирования и адаптация стратегии маркетинга девелоперов жилой недвижимости в условиях банковского финансирования**----------304

Тихончук Р.Г., Коковихин А.Ю., Сурнина Н.М. **Практика применения антикоррупционных инструментов цифрового управления в системе «государственный — общественный контроль»: перспективы и риски**--------310

Углицких О.Н., Сизон Ю.Е. **Оценка эффективности проведенного IPO маркетплейса Ozon**----------318

Чаус Л.В. **Институциональное высокомерие, институциональное трение и панический сдвиг равновесия Нэша: теоретическая модель устойчивости коалиционных иерархий**----------324

Энгельгардт И. **Управленческие барьеры при внедрении баз данных в организациях: типология и методы преодоления**----------334

Педагогика 5.8

Абраменко Н.Ю., Ма Ч. **Организационно-педагогические условия развития социальной активности студентов в процессе профессионального становления**----------341

Александров К.А. **Интегративная методика обучения локализации при переводе японских текстов «манга»**----------347

Андреева А.А. **Развитие исследовательских компетенций слушателей ДПО средствами искусственного интеллекта**----------355

Арсеньева О.П. **Педагогические условия формирования концертно-исполнительских навыков у студентов в классе домры**----------362

Артамонова Е.В., Айтуганова Ж.И. **Трансформация контрольно-оценочного аппарата профессиональной школы в контексте современной образовательной политики в России**----------368

Блудов И.Р. **Формирование профессиональных компетенций, связанных с применением огнестрельного оружия: современные проблемы и пути их решения**----------374

Воробьева О.М., Дёшина Л.А., Левченко В.В. **Методика работы с текстами профессиональной направленности в условиях погружения поколений Z и альфа в цифровую электронную среду**----------380

Глущенко О.П. **Состязательность обучающихся в условиях внутреннего мониторинга образовательных результатов**----------386

Дрондин А.Л. **Проблемы совершенствования оценки качества российского высшего образования: анализ позитивных и негативных тенденций в современной практике**---393

Егорова Е.В., Рынкевич А.В. **Цифровая трансформация профориентационной работы со старшеклассниками: модели, инструменты, эффективность**-399

Загороднюк А.Н., Маракушина И.Г., Старостина Е.Н. **Структурно-содержательная характеристика компетенции самоанализа педагогической деятельности учителя начальных классов**----------405

Кириченко А.М. **Реализация индивидуального образовательного маршрута в обучении иностранному языку аспирантов**----------410

Ланг П.П. **Формирование антикоррупционного мировоззрения будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества**--417

Ли Г. **Оценка и верификация образовательных результатов при интеграции сленга и жаргона в курсы РКИ для китайской аудитории**----------426

Лихушина М.В. **Синдром лингвистической неполноценности у младших школьников: структура, факторы формирования и педагогические техники его преодоления**----------432

Маливенко М.В. **Аксиологические основы персонализации обучения в цифровую эпоху: проблема субъектности и ответственности**-------438

Мамонтова К.В. **Ценностно-смысловой аспект профессиональной подготовки будущих педагогов к развитию интеллектуально-творческих способностей воспитанников в условиях инклюзивной образовательной среды**----------448

Моисеев Е.О. **Обучение подростков эстрадно-джазовому пению с применением нейросетевых технологий**----------457

Сидорова В.Н. **Эволюция образа идеального педагога в отечественной и зарубежной педагогической мысли (от античности до наших дней): ретроспективный анализ**----------465

Сяо С. **Развитие профессионально-педагогических компетенций у будущих китайских учителей музыки в вокальном классе средствами кейс-метода**----------471

Чэнь Л., Туравец Н.Р. **Структурно-функциональная модель педагогической технологии формирования художественно-исполнительских навыков в фортепианном классе у обучающихся в китайских вузах**-------476

Якушев И.В. **Педагогические условия интеграции инновационного комплекса в профессиональную подготовку курсантов — будущих военных дирижеров**----------481

GAMIFICATION OF POLITICAL REALITY IN MODERN SOCIETY

Astapova Elena Sergeevna, *Postgraduate student, Armavir State Pedagogical University, Armavir (Russia)*

This article examines the growing influence of gamification on the formation and functioning of the political reality of modern society. The role of the gaming factor is evolving and increasing in the context of social transformation processes. Gamification permeates all areas of social life, including politics. Whether gaming in politics is a tool or an environment determines the choice of research methods. Gamification in politics is not just a tool, but a special way of knowing. Modern politics is increasingly being justified through the prism of gaming metaphors. However, this metaphorical nature conceals a fundamental philosophical problem: gaming as a way of organizing social reality and a form of power. In theoretical and methodological terms, the study of this problem relies on the concepts of J. Huizinga, R. Caillois, J. Derrida, P. Bourdieu, H. Arendt, and E. Fink. As a result, the concepts under consideration expose fundamental comparisons of the "political and the gaming." As an object of study, gaming is at the intersection of the following scientific paradigms: biologization, sociology, cultural studies, and linguistics. Through gamification, new meanings are revealed in the political space, allowing us to rely on the game as a cultural phenomenon with high cognitive and fundamental significance, exceeding its functional significance in the political sphere.

Keywords: *game; social reality; gamification; politics; game factor; society.*

EDN: AQBMRV **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.1**

Цитировать: *Астапова Е.С. Играизация политической реальности в современном обществе // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 4-8. EDN: AQBMRV. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.1*

УДК 101.1
5.7.7

© Астапова Е.С., 2026

ИГРАИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

АСТАПОВА Елена Сергеевна, *аспирант, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир (Россия)*

SPIN-код: 7367-9608

В статье рассматриваются актуальные вопросы возрастающего влияния играизации на формирование, функционирование политической реальности современного общества. Роль игрового фактора эволюционирует и возрастает в условиях социальных трансформационных процессов. Игра проникает во все области жизни общества: в том числе и политику. Игра в политике — это инструмент или среда, от ответа зависит выбор методов исследования. Играизация в политике не просто инструмент, а особый способ познания. Современная политика все чаще находит обоснование сквозь призму игровых метафор. Однако за этой метафоричностью скрывается фундаментальная философская проблема: игра как способ организации социальной реальности и форма власти. В теоретико-методологическом плане исследование проблемы полагается на концепции Й. Хейзинга, Р. Кайуа, Ж. Дерриды, П. Бурдьё, Х. Арендт и Э. Финка. В результате, рассматриваемые концепции экспонируют основополагающие сопоставления «политического и игрового», как объект исследования игра находится на пересечении следующих научных парадигм: биологизаторская, социологизаторская, культурологическая и лингвистическая. Посредством играизации в политическом пространстве открываются новые смыслы, позволяющие опираться на игру как на культурное явление с высокой познавательной и фундаментальной значимостью, превосходящей её функциональное значение в политической сфере.

Ключевые слова: *игра; социальная реальность; играизация; политика; игровой фактор; общество.*

Одним из элементов социальной реальности является — политика. Отличительной чертой играизации в политике является игра по определенным правилам [5, с. 51-70]. При этом она (играизация) не ограничивается жесткими правовыми стандартами и является криптонормированой, идеологичной. Победа, выигрыш — цель любой политиче-

ской игры, где ключевым игроком является государство, обладающее монополией на силу и капитал.

Любой политик является игроком в силу того, что его деятельность связана с высоким уровнем конкурентности. Выигрыш политического деятеля — власть. Ее всегда недостаточно, поэтому игра может длиться бесконечно. Индивид управляющий людьми или процессами всегда будет нуждаться во власти. В моделируемой социальной реальности власть — это область неограниченных возможностей с политиками, изобретающими свои персональные правила, в соответствии с которыми вынуждено играть общество. Бесконечность политической игры как процесса состоит в том, что ее цель не конечный результат, а само существование внутри этой системы, состоящей из правил и взаимодействий. «Стремление к лидерству — и есть тот выигрыш, ради которого затеваются политические игры. Политическое лидерство не рождается непосредственно из игры, а проходит постепенную процедуру разыгрывания, воплощаясь через языковые, экзистенциальные, коммуникативные и эмпирические возможности игрового действия, реализованные в рекламном продукте» [2, с. 124-125].

Игра в философии — это конструируемая реальность через правила и роли, особая форма бытия, в которой создается условная реальность с собственными правилами, индивиды разделяются на игроков и зрителей с обязательным наличием символов (ресурсы, власть, престиж).

Й. Хейзинг («Homo Ludens») определяет игру как первичную форму культуры, предшествующую политике. При этом сама политика возникает как институционализация игровых практик. Важный аспект — состязательность (агональность) как ядро игры [13, с. 118-120]. Р. Кайуа («Игры и люди» отмечает, что классификация игр (агон, алеа, мимикрия, иллинкс) применима к политическим процессам. Например, выборы — агональная игра, пропаганда — мимикрия [8, с. 51-62]. Ж. Деррида рассматривает игру как деконструкцию устойчивых смыслов. В политике это проявляется в постоянной смене дискурсов и нарративов, где значение слов и действий зависит от контекста [3, с. 227]. П. Бурдьё выводит концепт «поля» как пространства игры, где действуют особые правила и накапливается специфический капитал (политический, символический). Политическая борьба — это борьба за установление правил игры и контроль над капиталами [4, с. 42]. Х. Арендт маркирует политику как публичное пространство действия, напоминающее театральное представление. Игра здесь — способ раскрытия человеческой сущности через публичные поступки [1, с. 19-24]. Согласно Э. Финку, игра — один из фундаментальных экзистенциалов человеческого бытия наряду с трудом, любовью, смертью и властью [12, с. 372-378].

Аристотель: политика как «игра» добродетелей, где цель — общее благо. Н. Макиавелли: политика как игра без моральных ограничений, где выигрыш оправдывает средства. И. Кант: категорический императив как этический ограничитель политических игр — нельзя использовать людей как средство. Ю. Хабермас: идеальная речевая ситуация как этический стандарт политической коммуникации (игра с равными возможностями для всех участников). Ж.-П. Сартр: свобода как ответственность — политические игроки должны осознавать последствия своих «ходов» [5, с. 32-36].

Современные политические концепции претерпели фундаментальные трансформации. На смену прямых директивных методов приходят сложные технологии управления общественным сознанием. Явные указания политических акторов сменяются на косвенные механизмы влияния, тем самым формируя информационное поле, в котором желательные модели поведения воспринимаются как естественные и самоочевидные.

В современном обществе победа на политической арене достигается не физическим превосходством, а контролем и манипуляциями над смыслами и символами, как следствие политическое противостояние эволюционировало от открытой конфронтации к сложной «информационной войне».

Игра в политике — это уже не случайный элемент, а системная доминанта, органически встроенная в политические технологии. Эта парадигма проступает в политических конфликтах как состязательное взаимодействие, в переговорных процессах — стратегическое моделирование, консультационных практиках — игровое моделирование, в шоу-поли-

тике в ее театральности, конкурентности и игровых принципах.

Стремление к лидерству — и есть тот выигрыш, ради которого затеваются политические игры. Политическое лидерство не рождается непосредственно из игры, а проходит постепенную процедуру разыгрывания, воплощаясь через языковые, экзистенциальные, коммуникативные и эмпирические возможности игрового действия, реализованные в рекламном продукте.

Политическая игра принимает субъективную форму объективной политической действительности. Она выполняет двойную функцию: диагностическую — выявление реальных, а не декларируемых позиций социальных групп и прогностическую — моделирование возможных сценариев развития ситуаций [5, с. 24-31].

Игровое моделирование позволяет формировать порядок действий для анализа конфликтов и путей их разрешения, базирующихся на обоснованном расчете и учете потребностей всех сторон.

Два основных направления применения игровых методик в переговорах — стратегическое (взаимная полезность и рациональность) и тактическое (идеальная модель поведения).

Тактика, стратегическая хитрость, смекалка приходят на смену силовому давлению.

В политическом консультировании игровые формы становятся самостоятельным видом консалтинговых услуг благодаря своей динамичности — "живой" методологии исследования ситуаций, гибкости — частично программируемым действиям, диагностической точности — уточнению оценок и прогнозов [5, с. 88-98].

Исследовательский интерес к феномену игры в отечественной науке актуализировался в переходные периоды, когда традиционные методы анализа оказывались недостаточными для понимания динамичных политических процессов.

Существует несколько методологических подходов к изучению игры. Игра как объект исследования находится на пересечении различных научных парадигм: биологизаторский (К. Гроос — игра как инстинкт) [5, с. 88-98], социологизаторский (Р. Кайуа — игра как социальный конструкт) [8, с. 43-52], культурологический (Й. Хейзинга — игра как культурный феномен, часть традиций) [13, с. 21-28], лингвистический (Ж. Деррида — игра как языковая практика, игра слов в риторике) [11, с. 93-102].

Игровые подходы в политике призваны решить следующие задачи: адаптировать политические процессы к современным реалиям; выявлять рациональные подходы к принятию решений; трансформировать динамику политических процессов в эффективные действия; моделировать переходы между реальным и возможным [5, с. 118-125].

Несмотря на потенциал, игровые технологии имеют существенные ограничения, такие как: ресурсоемкость — требуют значительных временных и материальных затрат, контекстуальная зависимость — применимы не ко всем политическим процессам, информационная чувствительность — требуют точных исходных данных, «риск заиграться» — возможность утраты связи с реальностью.

Эффективность игровых подходов достигается только при их грамотном сочетании с другими методами исследования и практического действия.

Современная политика реализуется через сложную систему знаков и символов: Политическая реальность = Семантика, Синтаксис, Прагматика, где: семантика — содержательное наполнение образов, синтаксис — структурная организация сообщений, прагматика — практические эффекты коммуникации.

Исторически сложились три базовых типа политических ролей: «Власть Творца» — созидатель/разрушитель, трансформирующий реальность, «Власть Судьи» — арбитр, распределяющий вознаграждения и наказания и «Власть Вождя»— харизматичный лидер, эталон для подражания.

Политическая сфера все больше напоминает театральное действо с декорациями (официальные мероприятия, инаугурации), костюмами (стилизованный публичный образ), сценариями (заранее подготовленные сюжеты), режиссурой (управление восприятием через СМИ).

Политическая игра неизбежно включает элементы стратегического блефа (сознательного введения в заблуждение), симуляции реальности (создания виртуальных политических пространств), нарушения правил ("нечестной игры" в погоне за преимуществом).

Политическая деятельность содержит существенный элемент азарта, что проявляется в рискованных решениях в условиях неопределенности, авантюрных стратегиях с расчетом на случайный успех, эмоциональной вовлеченности участников политического процесса.

Дальнейшее исследование игровых феноменов в политике предполагает разработку специальных политологических методов на основе игрового подхода, создание интегративных моделей анализа политических процессов, формирование политической игрологии как самостоятельной научной дисциплины.

Игровые технологии могут быть эффективно использованы для стратегического планирования в государственном управлении, прогнозирования политических кризисов и конфликтов, оптимизации избирательных кампаний и политического маркетинга, разработки сценариев социально-политического развития.

Современная политическая реальность представляет собой сложное игровое пространство, где традиционные формы власти трансформируются под влиянием информационных технологий, создающих новые возможности манипуляции, коммуникационных стратегий, формирующих виртуальные политические миры, семиотических систем, конструирующих образы и символы власти.

Игра в политике — это не просто метафора, а фундаментальный принцип организации политического взаимодействия в условиях постмодерна. Она позволяет моделировать сложные социально-политические процессы, находить неочевидные решения в конфликтных ситуациях, трансформировать политическую реальность через работу со смыслами и символами. Однако эффективность игровых технологий напрямую зависит от их грамотного применения, учета контекстуальных ограничений и этических норм. Будущее политического управления будет определяться способностью акторов совмещать игровую креативность с ответственностью за последствия своих ходов в большой политической игре.

В конечном счете, игра как компонент политических процессов решает такие вопросы: как в полной мере увязать политику с современными реалиями, выработать рациональные стратегии для принятия решений, эффективная реализация политических действий, от идеи к реальности и наоборот. Сложно найти замену данным возможностям игры в политических процессах. Игра не «панацея» для решения политических проблем, она эффективна при компетентном соединении алгоритмов и приемов. Политическая реальность многогранна и насыщенна, она интегрировала игру в свои процессы. Политология заинтересовалась игрой так как она (игра) наиболее эффективно и полно раскрывает значимость (практическую, теоретическую) игровых механизмов в политике.

В процессе эволюции общества одной из особо значимых проблем оставалась проблема лидерства на политической арене. В стремлении решить эту проблему большинство социальных теоретиков, философов разрабатывали разносторонние теории и теоретико-игровой метод исследования социального пространства приобрел важное значение. Посредством играизации в политическом пространстве открываются новые смыслы, позволяющие опираться на игру как на культурное явление с высокой познавательной и фундаментальной значимостью, превосходящей её функциональное значение в политической сфере. Благодаря своей многогранности и включенности сразу в несколько дискусов (социально — философский, психологический, культурологический) делает ее наиболее эффективным инструментом анализа политического лидерства и не нацелена на негативную оценку, а фокусируется на смысловом и структурном анализе как самого политического процесса, так и его лидеров. Рассматриваемые концепции в отдельности по каждому феномену экспонируют основополагающие сопоставления «политического и игрового». Связь игры и политики воспринимается как научным сообществом, так и широкой аудиторией весьма узконаправленно.

Литература

1. Арендт Х. О насилии / Ханна Арендт; пер. с англ. Г.М. Дашевского. — М.: Новое издательство, 2014. — С. 148.
2. Астапова Е.С. Играизация социальной реальности в современном обществе / Е.С. Астапова. // Вестник Армавирского государственного педагогическо-

го университета. 2025. — №3 — С. 120-126. EDN: PIAPUC
3. Азарова Ю.О. Аристотель и Деррида об этике, дружбе и политике / Ю.О. Азарова. // Сибирский философский журнал. — 2017. — Т. 15, №4. — С. 220-231. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-4-220-231 EDN: YPTZLN
4. Бурдьё П. Начала / Пьер Бурдьё; пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 181-182.
5. Ветренко И.А. Игровые практики в политическом процессе: дис. доктор политических наук: 23.00.02 / И.А. Ветренко. // Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. — Омск, 2009. –378 с.
6. Емельянов Ф.Г. Игровая доминанта политических процессов (Социально-философский аспект) / Ф.Г. Емельянов. // Science Time. — 2015. — №4(16). — С. 262-269. EDN: TSAISV
7. Каминский С.И. Теоретические аспекты изучения геймификации политики: видеоигры как инструмент влияния на общественное мнение / С.И. Каминский, Д.А. Федотов. // Право и политика. — 2025. — №6. — С. 51-70. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.6.74423 EDN: PTHHAE
8. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. // Нация и культура / Научное наследие: Антропология — М.: ОГИ, 2007. — С. 51-62.
9. Кравец А.С. Феномен играизации в постсовременном обществе / А.С. Кравец, И.Ю. Тихонова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2021. — №2(40). — С. 47-54. EDN: QVFJYS
10. Пелевин С.И., Осипов Э.А. Поляризация как системный риск: логика медиапотребления в усилении социального размежевания // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 251-258. EDN: PENKZQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.39
11. Ретюнских Л.Т. Онтология игры: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01 / Лариса Тимофеевна Ретюнских. — М., 1998. –397 с.
12. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. пер. / сост. и послесл. П.С. Гуревича. — М. 1988. — С. 357-403.
13. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Йохан Хёйзинга. — СПб.: Азбука, 2018. — 396 с.

IDEOLOGY IN THE CONSTRUCTION AND REPRODUCTION OF NATIONAL IDENTITY

Borisenko Kirill Sergeevich, *Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia)*

The article examines the role of ideology as a mechanism for the construction and reproduction of national identity. Ideological systems turn abstract ideas about the national unity of the people into an emotionally significant reality for people. Special attention is paid to the instruments of reproduction of national identity — institutional and symbolic. The research methodology is proposed by the constructivist approach (P. Berger, T. Lukman), the modernist paradigm (E. Gellner, B. Anderson, E. Hobsbawm), as well as the provisions of the concept of ethnosymbolism (E. Smith, J. Armstrong), which are complemented by the ideas of neo-Marxists about ideology (A. Gramsci, L. Althusser). Based on the author's analysis of classical and modern theoretical approaches, the mechanisms of ideological construction of national identity, including social institutions and symbolic state policy, are revealed, and the role of ideology in this process is determined. The prospects of the research are related to the use of the results of the work for an empirical analysis of the processes of constructing national identity in modern states. Their application is also possible to study the mechanisms of collective identity formation in historical retrospect.

Keywords: *ideology; constructivism; national identity; nation; nationalism; ethnosymbolism; historical memory; population censuses.*

EDN: ASOBWB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.2***

Цитировать: *Борисенко К.С. Идеология в конструировании и воспроизводстве национальной идентичности // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 9-15. EDN: ASOBWB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.2*

Идеология в конструировании и воспроизводстве национальной идентичности

УДК 101.1
5.7.7

© Борисенко К.С., 2026

В статье рассматривается роль идеологии как механизма конструирования и воспроизводства национальной идентичности. Идеологические системы превращают абстрактные представления о национальном единстве народа в эмоционально значимую для людей реальность. Особое внимание уделяется механизмам воспроизводства национальной идентичности — институциональным и символическим. В качестве методологии исследования предлагается конструктивистский подход (П. Бергер, Т. Лукман), модернистская парадигма (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), а также положения концепции этносимволизма (Э. Смит, Дж. Амстронг), которые дополняются идеями неомарксистов об идеологии (А. Грамши, Л. Альтюссер). На основе авторского анализа классических и современных теоретических подходов раскрываются механизмы идеологического конструирования национальной идентичности, включая социальные институты и символическую политику государства, а также определяется роль идеологии в этом процессе. Перспективы исследования связаны с использованием результатов работы для эмпирического анализа процессов конструирования национальной идентичности в современных государствах. Их применение также возможно и для исследования механизмов формирования национальной идентичности в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: *идеология; конструктивизм; национальная идентичность; нация; национализм; этносимволизм; историческая память; переписи населения.*

БОРИСЕНКО Кирилл Сергеевич,
преподаватель, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (Россия)
ORCID: 0009-0005-0946-210X

Введение

Проблема формирования национальной идентичности приобретает особую значимость в условиях современных геополитических процессов, связанных с ростом вооружённых конфликтов и стремлением государств обеспечить свою национальную безопасность. Одним из факторов, позволяющих обеспечить национальные интересы и устойчивое развитие государства, выступает национальная

идентичность, которая является фактором интеграции общества. Кроме того, национальная идентичность представляет собой социальный конструкт, позволяющий формировать и поддерживать чувство принадлежности людей к общему культурно-политическому пространству. В этом контексте ключевым механизмам, обеспечивающим смысловое наполнение и эмоциональную привязку индивидов к государству как политическому сообществу, выступает идеология. Понимание этого определяет необходимость исследования влияния идеологии на процесс конструирования и воспроизводства национальной идентичности государства.

Концептуальным для изучения потенциала идеологии в формировании национальной идентичности является конструктивистский подход, позволяющий рассматривать национальную идентичность как социально-политический конструкт (П. Бергер, Т. Лукман). Значимой для понимания специфики процесса нациестроительства выступает модернистская парадигма (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), а также положения концепции этносимволизма (Э. Смит, Дж. Амстронг). Для исследования потенциала идеологии в конструировании и воспроизводстве национальной идентичности мы опираемся на идеи неомарксистов (А. Грамши, Л. Альтюссер).

Теоретические подходы к пониманию процесса формирования национальной идентичности

Появление в научном дискурсе понятия «национальная идентичность» связано с процессом формирования государств-наций в XIX веке, обусловленным развитием капитализма в Европе. Становление национальных государств отражало не только экономические интересы зарождающейся буржуазии, но и сопровождалось глубокими политическими и культурными трансформациями, связанными с централизацией власти, оформлением государственных границ, развитием массового образования, унификацией языка. Эти социальные процессы начинают оказывать влияние на возникновение новых политических образований, получивших в дальнейшем название национальных государств.

В настоящее время существует значительное количество исследований, посвящённых анализу национальной идентичности и ее влиянию на гражданскую консолидацию людей. Однако открытым остаётся вопрос об идеологии как инструменте формирования и закрепления национальной идентичности в массовом сознании.

В научном дискурсе сложилось три основных подхода в понимании процесса формирования национальной идентичности:

1) примордиалистский подход (Э. Шилз, К. Гирц, П. Ван ден Берге, С. М. Широкогоров, Л. Гумилев, Ю. Бромлей), в рамках которого формирование национальной идентичности есть закономерный результат исторического процесса, в ходе которого интеграция людей происходит на основе общности территории проживания, языка и традиций;

2) инструменталистский подход (С. Олзак, Дж. Бентли, Н. Н. Чебоксаров, С. А. Арутюнов) рассматривает национальную идентичность как инструмент мобилизации социальных групп, используемый политическими элитами в своих целях;

3) конструктивистский подход, представители которого указывают на то, что национальная идентичность есть результат целенаправленного конструирования, которое осуществляется посредством социальных институтов.

Конструктивистский подход открывает возможность для исследования социальных механизмов, применяемых для формирования и воспроизводства национальной идентичности государства.

Конструктивистский подход к концепту «национальная идентичность»: основные механизмы формирования

В рамках конструктивистской парадигмы можно выделить классические и современные подходы, раскрывающие специфику национальной идентичности и возможности ее формирования.

Классический подход сложился в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Смита. Согласно Б. Андерсону, национальная идентичность конструируется в процессе создания национальных государств, которые представляют собой воображаемые политические сообщества, члены которого верят в свою принадлежность к этой единой общности [2]. Осознание

своей национальной идентичности формируется в процессе дифференциации представителей своей нации от членов других политических сообществ. Одним из механизмов формирования национального самосознания, по мнению Б. Андерсона, выступает книгопечатание, которое расширило возможности доступа масс к информации и способствовало развитию массового образования в Европе. Это ускорило процесс формирования национального языка как основного символа государственности.

Становление национального самосознания связано с формированием идеологии национализма. Анализируя концепт «национализма», Б. Андерсон указывает на его отличия от расизма, тем самым подчёркивая, что национализм мыслит категориями языка и исторических судеб, обращаясь к любви и самопожертвованию как к базису существования, а не к ненависти к другим нациям или её представителям, в отличие от расизма, вытекающего из идеологии класса, а не нации [2].

В своих работах Б. Андерсон называет национализм «культурным артефактом», указывая на его тесную связь с религией, а не с идеологией. В то же время ученый выделяет «официальный национализм», под которым понимает идеологию государства, которая обеспечивает политическую консолидацию людей и закрепляет их национальную идентичность. Ценности, формируемые в обществе при помощи государственной идеологии, транслируются через социальные институты: систему образования, СМИ, музеи, географические карты, армию и даже переписи населения [2]. Эти институты являются агентами влияния на массовое сознание, формирующими определенные ценностные установки, что позволяет людям осознавать свою принадлежность к нации. Интерпретируя позицию Б Андерсона, можно сказать, что музеи формируют «биографию» (историю) нации, благодаря чему индивид может чувствовать себя преемником прошлого, соотнося себя с героями и событиями прошлого и выступая их продолжателем; карта становится знаком, можно сказать, священным логотипом, изображающимся на учебниках, документах и т. д.; переписи служат инструментом осознания «серийности», что позволяет индивиду осознавать себя частью общности и её единицей [2]. К тому же переписи населения формально закрепляют положение каждого конкретного индивида, относят его к социальной группе, и, тем самым, формируют чёткий образ «своего»-«чужого», показывая принадлежность к нации.

Таким образом, Б. Андерсон указывает на роль идеологии в формировании национальной идентичности граждан государства. По мнению ученого, национальная идентичность является социальным конструктом, создаваемым политическими и экономическими субъектами при помощи социальных институтов и символической политики государства. Посредством официального идеологического дискурса осуществляется политическая и культурная гомогенизация населения.

В свою очередь, Э. Геллнер отмечает неразрывную связь между нациями и национализмом [6]. В отличие от некоторых своих предшественников, он считает, что именно национализм как идеологический конструкт является ключевым фактором возникновения политических наций, а не наоборот. Возникновение наций в эпоху модерна способствует развитию национальной идентичности, так как индивид может получать образование, работать и уважать себя только в процессе идентификации себя с нацией.

Процесс формирования национальной идентичности опирается, прежде всего, на общую систему ценностей, идей и взглядов, разделяемых людьми, что создает основу для признания их членами одной общности [6]. Таким образом, согласно позиции Э. Геллнера, именно идеология национализма создает ценностную основу для создания политических наций и навязывает ему национальный язык.

Э. Геллнер также указывает на важность школы как инструмента формирования нации [6]. Можно сказать, что школа, и, шире, система образования, помимо выполнения образовательной, интегративной, социализирующей и других функций, служит источником распространения официального нарратива, приобщая человека к общему языку, истории своей страны, государственным праздникам посредством их многократного повторения.

Таким образом, Э. Геллнер понимает национальную идентичность как идеологический конструкт, сложившийся в эпоху модер-

на и детерминированный экономическими и политическими интересами буржуазии. Так же, как и Б. Андерсон, он подчеркивает роль символических систем (языка) и социальных институтов в формировании национальной идентичности.

Несколько иной подход к пониманию специфики национальной идентичности присутствует у Э. Смит. Основоположник концепции этносимволизма подчеркивает, что нации формируются на основе этнических связей, мифов, культурных символов и исторической памяти народа [11]. То есть, национальная идентичность — это не продукт современных процессов нациестроительства, а результат исторического и культурного развития общностей. Для её конструирования используются различные инструменты, среди которых важную роль играют мифы и исторические нарративы, транслирующие представления о прошлом народа, его героических победах и исторических травмах.

Таким образом, важную роль в конструировании национальной идентичности играют культурные символы народа, задающие параметры и маркеры его интеграции. В процессе формирования политической общности символика приобретает уже государственный характер, что проявляется в таких символах государства, как герб, флаг и гимн [11]. Рациональная и эмоциональная связь между членами политической общности формируется посредством социальных институтов, в первую очередь, институтов образования. Последние транслируют культурные и политические ценности нации, реализуют языковую и историческую политику государства.

Современные конструктивистские подходы к формированию национальной идентичности в рамках данной работы представлены исследованиями отечественных учёных, в частности, В.А. Ачкасова и В.А. Тишкова.

В.А. Ачкасов акцентирует внимание на связи национальной идентичности и исторической памяти народа [4]. История, по мнению ученого, выступает «…"сырьем" для конструирования «подлинной» истории нации, формирования «образа древности» столь важного для любого национального самосознания» [4, с. 20]. Фактически историческая память является результатом деятельности профессиональных агентов исторической политики — политических элит, а представления о прошлом не естественны, а искусственно сконструированы. Именно элиты определяют, какие события из истории приобретают судьбоносный характер, а какие — нет, продвигая необходимые для легитимации их власти нарративы в сознание масс посредством распространения через подконтрольные им образовательные, научные и масс-медиа дискурсы.

Официальный исторический нарратив становится конвенциональным для массового сознания и отражает национальные интересы государства, которые выступают приоритетными в конкретный период. Посредством законодательных актов, системы образования, СМИ данный нарратив становится доминирующим в обществе. В последствие, ключевые исторические сюжеты и их политические интерпретации превращаются в политические мифы.

Таким образом, историческая память является результатом конструирования образа прошлого государства в интересах его политических элит.

С конструктивистских позиций национальная идентичность рассматривается в работах В.А. Тишкова, который особое внимание уделяет анализу специфики гражданского и этнического видов национализма. Если гражданский национализм «основывается на понятии нации как социально-политической общности или согражданства» [12, с. 12], то «культурный (или этнический) национализм рассматривает нацию как этническую общность с глубокими историческими корнями, психической и даже генетической основами» [12, с. 12–13]. В связи с этим, национальную идентичность В.А. Тишков определяет как «особую форму политической идентификации, которая не является естественной, заданной», отмечая существенную роль политических деятелей и интеллектуалов в этом процессе, благодаря действиям которых между нацией и индивидом устанавливается связь [14, с. 588]. Более того, по мнению ученого, национальная идентичность, в первую очередь, основана «…на общих социальных характеристиках, таких как историческая память, ценности и традиции, культура и язык, а во многих случаях также религия и политическая философия об идее нации» [12, с. 29].

Таким образом, В. А. Тишков прямо указывает на определяющую роль социальных механизмов в формировании национальной идентичности государства. С позиций конструктивистского подхода он рассматривает и этническую идентичность, подчеркивая наличие в ней «социально-конструируемой природы» [12, с. 12–13]. Общие механизмы формирования этнической и национальной идентичности указывают на то, что и гражданская, и этническая нации являются «целиком порождением идей и деятельности людей: политиков и идеологов» [12, с. 12–13].

Анализируя современные концепции национальной идентичности, В.А. Тишков выявляет их противоречивость: так, опора на «общую кровь», единых предков, к которой часто апеллирует политическая элита, сочетается с конструктивистскими практиками формирования национальной идентичности (создание общих учебников, использование единой государственной символики и др.) [12; 13]. Таким образом, исследователь подчеркивает политическую сущность нации, считая её результатом целенаправленного социального конструирования, в процессе которого осуществляется легитимация государственной власти и формирование коллективных представлений об общем происхождении, историческом пути и судьбе политической общности.

Вышеуказанные теоретические основания исследования национальной идентичности позволяют говорить о том, что она представляет собой результат политического конструирования, необходимый для консолидации людей в едином государственном пространстве. Ключевым субъектом этого конструирования выступают институты власти, обладающие ресурсами (образование, СМИ и пр.) для создания у людей веры в их общее происхождение, общие историю и культуру. В этом аспекте интересна роль идеологии при формировании этих смыслов, которые транслируются социальными институтами.

Роль идеологии в процессе формирования национальной идентичности

Анализируя многоаспектность «идеологии», А. Грамши косвенно указывает на её конструктивистскую функцию. Система ценностей, которую представляет идеология, является основой, благодаря которой возможным становится скрепление так называемого «социального блока» [7, с. 5–10], тем самым она превращает разрозненные желания людей в «коллективную волю» [7, с. 5–10], соединяя людей, обладающих общим мировоззрением, для достижения собственных целей [7].

Неомарксистский подход к пониманию роли идеологии в обществе представлен в работах Л. Альтюссера. Ученый анализирует деятельность идеологических и репрессивных аппаратов государства для консолидации общества [1]. В соответствии с его теорией такие социальные институты, как школа, семья, церковь, правовая система, составляющие идеологические аппараты государства, являются инструментами, которые формируют чувство принадлежности людей к единой политической общности [1]. Так, посредством данных институтов идет процесс идеологического воздействия на общественное сознание, внедрение в него необходимых установок для стабилизации политической системы государства.

Анализ концепций Л. Альтюссера и А. Грамши позволяет заявить о том, что идеология внедряется в общественное сознание при помощи социальных институтов, которые задействованы в процессе формирования национальной идентичности государства. Таким образом, идеология представляет собой структурированную систему ценностей, сквозь призму которых представляется возможным интерпретация исторических событий воспроизводство определённого социального порядка, который поддерживается с помощью социальных институтов. Последние играют существенную роль в конструировании, трансляции и воспроизводстве национальной идентичности в обществе.

Эффективность идеологии в качестве инструмента конструирования и воспроизводства национальной идентичности заключается в ее функциях, которые она выполняет в обществе. Идеология формирует мировоззрение индивида, его систему ценностей и представления о хорошем и плохом, чем определяет его собственные границы допустимого. Идеология как инструмент управления общественным сознанием стремится к объединению всех членов общества

в единый «социальный блок», тем самым выполняя интегративную функцию [7]. Именно благодаря идеологии осуществляется легитимация социального порядка, обеспечивается ценностный консенсус в обществе [1]. Важной функцией идеологии выступает мобилизационная функция, которая позволяет интегрировать людей и направлять их деятельность для достижения определенных целей. Так, идеология национализма выступает основной движущей силой нациестроительства, способствуя консолидации общества для создания политической нации. [6].

Идеология не только представляет структурированную систему ценностей, но и интегрирует разрозненные социальные институты, координируя их работу по воспроизводству национальной идентичности (армия, церковь, школа и др.), создаёт единое представление о культурном единстве, общности «нации», инструментами чему служат язык, система символов, историческая память, общие исторические мифы и др.

В работах западных (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Смит) и отечественных учёных-конструктивистов (В. Ачкасов, В. Тишков) конструирование национальной идентичности представляет собой сложный процесс, в ходе которого социальные институты и культурные символы общества выступают в качестве инструментов, обеспечивающих ее формирование и воспроизводство. Анализ работ вышеназванных авторов позволяет осуществить классификацию инструментов, применяемых в процессе конструирования национальной идентичности общества. Можно выделить две группы таких механизмов по характеру их воздействия на индивида — институциональных и символических, а также системообразующей роли идеологии в этом процессе.

Символические механизмы имеют знаковый характер происхождения и содержат в себе смысловую нагрузку, формируя эмоциональную привязанность к нации. К таковым относятся язык, историческая память, государственные символы (герб, флаг, гимн), карты, политический миф. Институциональные механизмы имеют исторически сложившуюся структуру и существуют вне зависимости от сознания индивида. К таковым механизмам относятся система политических, образовательных, религиозных, информационных и других институтов общества, которые выступают каналами распространения ценностей, смыслов, символов. Функцией данных институтов является социализация индивида, включение его в политический и ценностный порядок социума, что делает их эффективными проводниками государственных идеологем.

Таким образом, можно говорить о том, что формирование национальной идентичности является комплексным процессом, в рамках которого идеология, вырабатываемая представителями интеллектуальной и политической элиты, выполняет роль инструмента духовной власти в обществе. Трансляция ценностей, норм, идеалов в обществе осуществляется посредством социальных институтов и символических систем.

Заключение

Национальная идентичность, с точки зрения конструктивистского подхода, является сложным, динамичным процессом, представляющим собой результат целенаправленного, комплексного воздействия на общественное сознание со стороны государства. Эффективными инструментами формирования национальной идентичности в обществе выступают культурные символы и социальные институты, посредством которых конструируются ценностные основания, объединяющие людей в общее политическое пространство.

Таким образом, комплексный анализ процесса формирования национальной идентичности с учётом оценки роли идеологии в этом процессе приобретает особую актуальность в контексте современных полиэтничных государств, в которых идеология консолидирует общество на основе общенациональных ценностей, что позволяет сохранить культурное разнообразие при одновременном формировании общегражданской солидарности и укреплении политической нации. Результаты данного исследования могут выступать в качестве теоретической основы для анализа процесса формирования национальной идентичности в современных полиэтничных государствах.

Литература

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования)

/ Л. Альтюссер // Неприкосновенный запас. — 2011. — №3(77). — С. 159–175.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
3. Ачкасов В.А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. — 2018. — №10. — С. 19–26.
4. Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичность в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Международные отношения. — 2012. — №1. — С. 85–91.
5. Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991. — 321 с.
6. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая / А. Грамши. — М.: Издательство политической литературы, 1991. — 560 с.
7. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. — 2015. — №2. — С. 16–25.
8. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 384 с.
9. Маннгейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — С. 7–276.
10. Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. — М.: Праксис, 2004. — 464 с.
11. Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. — М.: ИЭА РАН, 2023. — 72 с.
12. Тишков В.А. Нация, национализм, нациестроительство // Россия в глобальной политике. — 2021. — №2. — С. 42–62.
13. Тишков В.А. Российская нация и её критики // Национализм в мировой истории. — М.: Наука, 2007. — 607 с.

THE IDEA OF ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY OF CULTURE IN THE CONTEXT OF ITS METAPHYSICAL FOUNDATIONS

Valiullina Zaynab Rakhimyanovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Lukyanov Arkadiy Viktorovich, *DSc of Philosophical sciences, Professor*

Pushkareva Marina Alekseevna, *DSc of Philosophical sciences, Professor*

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan (Russia)

The idea of environmental sustainability of culture is presented as a fundamental shift in worldview paradigm, which affects the deep foundations of human existence and social structure. The essence of the idea lies in the need to rethink the place of man in the world through the position of accepting responsibility in the present for the future, transforming consumer culture within the framework of reasonable sufficiency, and the categories of justice, love, faith, and hope. The purpose of the study is to analyze the idea of environmental sustainability from the perspective of its metaphysical foundations. The focus of the work and its key aspects contributing to the achievement of this goal are revealed in the following tasks: 1) exploring the idea of environmental sustainability as a dialectical process capable of overcoming moral and social harm to future generations; 2) analyzing the spiritual prerequisites for the possibility of creatively overcoming undesirable consequences for the development of the spiritual potential of people and communities; 3) developing a dialectic of society and the individual, according to which the interaction between the "I" and the "not-I" is currently intensifying and which seeks to overcome human alienation from the world and self-alienation. As a result, the metaphysical foundations of the idea of environmental sustainability and cultural impulses that allow for the formation of environmental activities based on the formation of national traditions were revealed.

Keywords: *environmental sustainability; metaphysical and social foundations of sustainability; culture; cultural impulses; the potential for the spiritual potential of individuals and communities; dialectic; human self-alienation; ultimate foundations of being and cognition.*

EDN: ATNECX ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.3***

Цитировать: *Валиуллина З.Р., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. Идея экологической устойчивости культуры в контексте её метафизических оснований // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 16-20. EDN: ATNECX. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.3*

УДК 101.1
5.7.8

© Валиуллина З.Р., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А.,2026

ВАЛИУЛЛИНА Зайнаб Рахимьяновна, *кандидат философских наук, доцент*
SPIN-код: 4823-4430
ORCID: 0009-0007-6194-4100

ЛУКЬЯНОВ Аркадий Викторович, *доктор философских наук, профессор*
SPIN-код: 1919-7396
ORCID: 0009-0005-6353-3386

ПУШКАРЕВА Марина Алексеевна, *доктор философских наук, профессо*
SPIN-код: 4586-8125
ORCID: 0009-0007-7832-3773

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Республика Башкортостан (Россия)

Идея экологической устойчивости культуры в контексте её метафизических оснований

Идея экологической устойчивости культуры представлена как фундаментальная смена мировоззренческой парадигмы, которая затрагивает глубинные основы человеческого бытия и социального устройства. Суть идеи состоит в необходимости переосмысления места человека в мире через позиции принятия ответственности в настоящем перед будущим, трансформации культуры потребления в рамках разумной достаточности, категории справедливости, любви, веры и надежды. Цель исследования заключается в анализе идеи экологической устойчивости с точки зрения её метафизических оснований. Фокус работы и её ключевые позиции, способствующие достижению цели, раскрываются в следующих задачах: 1) исследование идеи экологической устойчивости как диалектического процесса, способного преодолевать моральный и социальный вред будущим поколениям; 2) анализ духовных предпосылок возможности творческого преодоления нежелательных последствий для развития духовного потенциала людей и сообществ; 3) разработка диалектики общества и личности, согласно которой в настоящее время усиливается острота взаимодействия «Я» и «не-Я» и которая стремится преодолеть человеческое отчуждение от мира и самоотчуждение человека. В результате выявлены метафизические основания идеи экологической устойчивости и культурные импульсы, позволяющие формировать экологическую деятельность на базе формирования традиций народа.

Ключевые слова: *экологическая устойчивость; метафизические и социальные основания устойчивости; культура; культурные импульсы; возможность духовного потенциала людей и сообществ; диалектика; человеческое самоотчуждение; предельные основания бытия и познания.*

Философия как рефлексия над предельными универсалиями культуры задаёт высокий уровень существования в современном мире. Учёные разрабатывают безопасные для будущих поколений формы, способы поддержания и воспроизводства жизни, а, значит, формируют в веру и надежду на относительное бессмертие, которое является определённым состоянием социальной жизни и её устойчивости. Аристотель, в этом плане, говорит, что человек выбирает не другую жизнь, а продолжает прежнюю [1, с. 425]. Как он жил в этой жизни, чего достиг, то и получается после, т.е. его будущее бессмертие оценивается в памяти людей. Таким образом, он как бы вовлекает в «круг своей деятельности» и «дальнего» человека, будущие поколения [16, с. 440]. Любой человек жаждет достойной жизни, которая сопряжена с устойчивостью его жизненного мира и которая стремится оставить после себя духовное наследие потомкам. Нравственность (в отличие от морали) не сопряжена исключительно с запретами, табу, а означает императивы активного жизненного поведения.

В связи с этим, целью исследования является анализ идеи экологической устойчивости в контексте исследования её метафизических, предельных оснований. Задачами исследования выступают: 1) выявление оснований преодоления морального вреда будущим поколениям; 2) исследование духовных предпосылок возможности творческого преодоления нежелательных последствий для развития духовного потенциала людей и сообществ; 3) разработка диалектики общества, согласно которой сегодня усиливается острота взаимодействия «Я и «не-Я» и которая стремится преодолеть основную интенцию, связанную с человеческим самоотчуждением. Научная новизна исследования связана с главной темой формирования экологической устойчивости с точки зрения её исследования в контексте предельных оснований бытия и познания.

Достоинство человека (связанное с идеей экологической устойчивости) определяет «безусловное значение каждого Лица». В силу данного обстоятельства «общество определяется как внутреннее, свободное согласие всех», так что именно в этом заключается «единственная нравственная норма» [15, с. 347]. Человек лишь в том случае подлинный человек, когда он уважает человеческое достоинство как таковое, т.е. в других также, как и в самом себе [15, с. 350]. Стремление к общечеловеческим ценностям предполагает рефлексию над такими универсалиями культуры, как «метафизический страх», «надежда» на более справедливый мир и любовь к прекрасному, и определяет духовное бессмертие человека.

Экологическая культура, её устойчивость связаны с демонополизацией глобализации, которая, в свою очередь, нивелирует национальные культурные особенности этносов, народов [4, с. 36] и тем самым сужает спектр поиска решений в ходе возникающих цивилизационных угроз и социальных трансформаций. Можно сказать, метафизический, экзистенциальный план исследования экологической устойчивости включает в себя возможность развития духовного потенциала личности, а также общества, находящегося на этапе социальных трансформаций, в которых важное место занимает сама свобода самоопределения человека в сложном и быстро изменяющемся современном мире.

Рефлексия над будущим и его утратой лежит в основе метафизического страха. Человек силён тем, что не боится утратить будущее как таковое, но боится утратить нечто близкое и родственное, а также дом как центр притяжения, точку исхода и точку возвращения. Но «дальнее» Я не прерывается внезапно, а соотносится с невидимым страданием, которое властно заявляет о себе.

Процесс глобализации размывает границы национального самосознания, сами пределы метафизического страдания. Обретение творческой способности мыслить априорно позволило человеку накапливать потенциал прошлого, постепенно возвышаться над био-

логической природой и переходить к формированию духовно-зрелого возраста.

Априорное познание связано с погружением в опыт человека, где красота человеческих взаимоотношений определяется архитектоникой мирового порядка. Эта красота носит универсальный характер. Априорное состоит в том, что сам человек не формирует законы прекрасного, хотя, следует заметить, что люди неодинаковы в своей способности их выявить, а также оценить. Человеческое «сердце», или «душа» связано не с количественной сущностью рассудка, который сужает наш мир, а с тем фактом, что отчужденный мир вступает в противоречие с разумом. При этом, таинственному и земному миру нет места друг для друга, но именно таинственное всегда предполагало познание: «есть мистический туман и есть туман незнания, в котором всё непонятное представляется мистическим и потому отрицается» [2, с. 339]. Разум человека всегда оказывался настроенным не против спекулятивного мышления, а, напротив, всегда гармонировал с мечтой человека о справедливом мире, в котором устойчивость и изменчивость, симметрия и асимметрия достигают гармонии.

Обладающий совестью человек стремится восходить к последним, или предельным основаниям бытия, где первоначальная искренность, которая оказалась утраченной под воздействием научно-технического прогресса, навсегда отдалилась от «сердца» человека, а сокровищница «души» стало иллюзией. Экологическая устойчивость перестраивается «ради скрытого в человеке творческого начала» [4, с. 37]. Но необходимо всё же сохранить социальную память о «душе», которая направлена на борьбу с технократическим духом, приостанавливающим всякую устойчивость в социальном и экологическом развитии.

Привычка, которая составляет натуру человека, составляет культуру и в знании, и в поведении [6, с. 343]. Экологическая устойчивость основана на привычке к разумному потреблению. Формирование разумных потребностей составляет основу развития общества [14]. В то же время устойчивое развитие невозможно без становления культуры диалога. Духовная ценность «культуры диалога культур определяется противостоянием однобокости, догматичности существующих тезисов в сфере научной мысли» [3, с. 123-124]. Преодоление однобокости связано с развитием понимания и взаимопонимания между народами. При этом, уважение к государственному устройству помогает преодолевать социальные и духовные риски.

Аналогично, понимание и, особенно, предпонимание выступает предпосылкой преодоления расколотости бытия на отдельные фрагменты, где экологические, а, следовательно, и культурные импульсы, продолжают сохранять своё значение. Импульсы укоренены в человеческом бытии и касаются самоутверждения человека и этноса. Культурные импульсы связаны с идеальной экологической деятельностью, которая, безусловно, определяется оценкой духовных и социальных последствий принимаемых человеком решений.

Таким образом, культурные импульсы стимулируют идеальную деятельность, которая нуждается в понимании функционального пространства-времени человека и общества. Любой народ обживает культурный участок своей деятельности. Он не может существовать без языка, обрядов и иных элементов культуры. Импульсы зависят от побуждений, воли человека. Так, И.Г. Фихте, устанавливая различие «между абсолютной, практической и интеллигентной сущностями «Я» [19, с. 469], развивает ту мысль, что под «интеллигенцией» понимается человеческий дух, но в его основе находятся первоначальные смутные чувства. Строго говоря, самосознание «способствует появлению в горизонте нашего видения вещей, ранее нами не замечаемых» [10, с.149].

Сама экологическая культура незаметна и латентна, но она подталкивает нас к культурному бытию, которое, зачастую, выражается в духовном чувстве. В этом чувстве органичным образом связаны «деятельность» и «ограничение деятельности (именно «толчок» на самосознание). Но сам «толчок» не следует приписывать деятельности абсолютного «Я». Ведь, в данном случае возникает «игра абсолюта с самим собой, а нравственность и долженствование становятся цинизмом» [20, с. 94]. Теория «Я» в данном случае является трансцендентальной, а не трансцендентной, поскольку позволяет погрузиться в глубину экологического опыта и повлиять на все сферы социальной жизни. При этом, пространство и время выделяют «душу человека», ко-

торая «велика и обширна» [7, с. 245]. Однако пространство и время позволяют рассматривать «социальные отношения в их совокупности или отдельности» [9, с. 300]. Г.Д. Гачев говорит о том, что «пространство и время этноса связаны с архетипами этноса» [5, с. 176]. Образы экологической культуры имеют смысловую наполненность, они составляют духовный стержень культуры, определяют её самобытность [8, с. 82]. Нравственность, нравственный мир никогда не может разочаровать человека, поскольку человек существует как раз благодаря духовным и социальным импульсам, которые преодолевают фрагментарность бытия, что имеет сегодня устойчивый, способный к социальной динамике, характер. Самое первое, что отталкивает человека от нравственного идеала это холодный и принудительный волевой дух, в сущности, дух технократический.

Духовные импульсы экологического движения есть некая «сердцевина» бытия. Эта «сердцевина» осуществляется на уровне духовного и душевного бытия этноса. Сегодня необходимо подумать не только о сильных людях, но и о любви к слабым незащищённым в экологическом плане. В противном случае ставится «под угрозу будущее человеческого рода» [18, с. 262].

Экологическая культура всегда ориентирована на сострадание и стремление прийти на помощь слабым. Это, в свою очередь, порождает импульсы, которые гармонизируют пространство и время этноса, саму способность человека к самоутверждению в сложном и быстро меняющем мире. Духовными экзистенциалами экологической культуры являются вера, надежда и любовь, любовь к ближнему и дальнему человеку. Вера сопряжена с ценностными ориентациями, которые придают устойчивость социуму в контексте проблемы его предельных, метафизических оснований. Вера позволяет преодолевать остроту взаимодействия «Я» и «не-Я». Эта острота, ставящая социум в затруднительное положение, существует вместе с надеждой как сознаванием изначальной точки движения к концу исторического процесса [2, с. 281]. Но, вместе с тем, данный конец есть и, одновременно, начало нового творческого развития. Сами предельные основания бытия, его «качественные характеристики и сущностные силы» связаны с надеждой «человека на более лучший мир» [12, с. 2]. Надежда становится неким «срезом» социальных отношений и не имеет ничего общего с пассивным состоянием человека. Если обстоятельства формируют жизнь людей, то они призваны быть сформированы именно человеческим, человечным образом.

Сами сущностные силы отрываются от внешнего отношения полезности. Человек имеет дело с отчуждением и самоотчуждением. Поэтому духовная, нравственная деятельность реализуется лишь в универсальном, всеобщем бытии и в истории политики, литературной и музыкальной деятельности. Люди, которые руководствуются надеждой на более справедливый мир, исходят, зачастую, не из наслаждения миром, а напротив, из идеи улучшения мира. Тем не менее, эта воля представляет собой некий «закон сердца», душу исторического прогресса. Надежда на справедливость повышает серьёзность цели человека. При этом, усиливается острота самой идеи самосознания, или «Я». Человек, в принципе, оказывается озабоченным «страданием мира», и в то же время, его улучшением. Когда «закон сердца» постепенно достигает своего осуществления, то он преодолевает «личную» волю и становится общей силой [17, с. 274]. «Закон сердца» вполне может достичь господства, но с течением времени этот закон становится окоченевшим, каким был раньше. Кроме того, сама действительность может представлять не жестокую необходимость, а душу человека; этот закон навязывает ей спокойствие. С. Радхакришнан развивает мысль, что в земном мире человеку присуща неуверенность в своих силах; «всё это направляло внимание индивида на изучение своей души и своих эмоций» [13, с. 229]. На место разумной (моральной) веры выдвигается сегодня поверхностное умозрение: несмотря на утрату надежды на более совершенный мир, попытки отыскать духовную опору и устойчивость не прекращаются.

Современный мир отличается переходом от духа авторитета к эпохе эластичной свободы, когда науку о культуре начинают преподавать без всякой внутренней связи. Сам диалог культур начинает носить чисто прагматический, примитивно-рассудочный характер. Но диалог, точнее, культура диалога культур базируется на диалектической логике, которая представляет собой величайшую ценность.

Идея экологической устойчивости основана на доверии человека к человеку, человека к обществу, что предполагает преодоление упрощенного подхода к действительности. В современную нам эпоху наблюдается отрыв познания от бытия, при этом, огрубление действительности можно представить как своеобразный вид возмущения, искажения действительности. Здесь трудно вести речь об устойчивости социальной системы, когда духовная ценность диалога культур определяется саморазвитием диалоговой деятельности.

Итак, сделаем следующие выводы.

1. Любовь как сущностная сила человека влияет на диалог культур, поскольку любовь, как нравственное чувство, пульсирует в человеке и в социуме. Культурные импульсы надежды и любви влияют на основные ценности и убеждения. Они формируют представления о добре и зле, справедливости, вере, надежде и иные аспекты социальной жизни.

2. Когда человек оказывается подверженным культурным импульсам, то он активно формирует свои представления о мире.

3. Именно пульсация между прагматическим интересом и обращённостью человека к высшим духовным ценностям и создаёт экологическую устойчивость в контексте рассмотрения её метафизических, диалектических оснований. Экологическая культура способствует активному формированию культурных традиций народа, оказывая влияние на мировоззрение людей и жизнь общества.

4. Одним из метафизических оснований устойчивости экологической культуры выступает принцип деятельности, который состоит не в пассивном отражении бытия, а в созидании нравственных норм, связанных с человеком. Не нравственный разум призван вращаться вокруг вещей, а вещи — вокруг разума. Это такое богатство, которое никогда невозможно утратить.

Литература

1. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. — Т. 2 / ред. З.Н. Микеладзе. — М.: Мысль, 1978. — 687 с.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 400 с.
3. Валиуллина З.Р., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. Духовная ценность культуры диалога культур // Культура диалога культур в глобализирующимся мире / под ред. Файзуллин Ф.С., Мамедзаде И.Р., Гезалов А.А. — М.: Канон+; Реабилитация, 2022. — С. 119-124.
4. Валиуллина З.Р., Пушкарева М.А. Идея экологической устойчивости в контексте социокультурного развития // Культура, творчество и инновация для устойчивого развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 27 апреля 2023 г.) / отв. ред. Л.А. Иткулова. — Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. — 270 с.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. — М., 1995. — 480 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. Издательство социально-экономической литературы. — М.: Мысль, 1977. — 471 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 3 т. — Т. 1. — М., 1968. — 312 с.
8. Иткулова Л.А. Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ. — Уфа, 222 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М., 2011. — 544 с.
10. Лукьянов А.В., Шергенг Н.А. Фихтевская теория "толчка" в свете проблемы возникновения самосознания // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 282-286. EDN: OGKHXG. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.41.
11. Лукьянов А.В. Идея метакритики «чистой» любви (философское введение в проблему соотношения диалектики и метафизики). — Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2001. — 226 с.
12. Пушкарева М.А. Философия надежды: онто-гносеологический анализ. / М.А. Пушкарева. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. — 132 с.
13. Радхакришнан С. Индийская философия. — Т. 1. / пер. с англ. — М.: Миф, 1993. — 623 с.
14. Садыков Ф.Б. Особенность советской цивилизации. — Уфа: Гилем, 1998. — 368 с.
15. Соловьёв В.С. Сочинения. — Т. 1. — М., 1990. — С. 347-350.
16. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. — Т. 1. / сост. и примеч. Владимира Волжского. — СПб.: Мифрил,1993. — 587 с.
17. Фишер К. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. — М., 1933. — С. 272-274.
18. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: работы разных лет. — М., 1989. — 559 с.
19. Fichte J.G. Werke. Fichte in sechs bänden / ed.by F.Medicus. — Leipziq, 1908. — Vol. 1. — 802 s.
20. Wagner F. Der Gedanke der Personlichkeit bei Fiche und Hegel. — Gutersloh, 1971. — 300 s.

THE CONCEPT OF "PARADIGM" AND ITS RELATIONSHIP TO THE CONCEPT OF A SCIENTIFIC COMMUNITY IN THOMAS KUHN'S RESEARCH PROGRAM

Vorobev Dmitry Valerievich, *DSc of Philosophical sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia)*

The article examines the most important part of Thomas Kuhn's t doctrine, that reveals the relationship between the concept of a paradigm and the concept of a scientific community. According to Kuhn, these concepts involve a so-called logical circle. This means that one concept is defined through another, and the other is defined by the first. A paradigm is something that unites members of the scientific community, and conversely, the scientific community consists of people, that recognize the paradigm. The scientific community is therefore the bearer, exponent, and developer of the paradigm. Members of the scientific community usually have similar education, similar professional skills, and similar specialties. They study the same educational literature and draw similar conclusions from what they read. The result of the study is a conclusion that the previously outlined relationship between these two concepts is actually more complex and involves at least several components. In order to identify this relationship, Kuhn introduces the concept of a disciplinary matrix, that, in his opinion, will make it possible to distinguish specialist scientists from the general mass of scientists and determine their affiliation to a specific scientific community.

Keywords: *paradigm; scientific community; disciplinary matrix; research program.*

EDN: AVDWTG ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.4***

Цитировать: *Воробьев Д.В. Понятие «парадигма» и его взаимосвязь с понятием научного сообщества в исследовательской программе Томаса Куна // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 21-25. EDN: AVDWTG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.4*

УДК 1(091)
5.7.2

Понятие «парадигма» и его взаимосвязь с понятием научного сообщества в исследовательской программе Томаса Куна

© Воробьев Д.В., 2026

В статье рассматривается наиболее важная часть учения Томаса Куна, касающаяся понятия парадигмы и его взаимосвязи с понятием научного сообщества. Согласно Куну, эти понятия предполагают наличие, так называемого, логического круга. Последнее означает, что одно понятие определяется через другое, а другое — через первое. Парадигма — это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму. Научное сообщество, следовательно, является носителем, выразителем и разработчиком парадигмы. Члены научного сообщества имеют, как правило, схожее образование, схожие профессиональные навыки и схожие специальности. Они изучают одну и ту же учебную литературу и делают из прочитанного схожие выводы. Результатом исследования является вывод, согласно которому намеченная ранее взаимосвязь между двумя этими понятиями, в реальности обладает более сложным характером и предполагает, как минимум, наличие нескольких компонентов. Для выявления этой взаимосвязи Кун вводит понятие дисциплинарной матрицы, которое, по его мнению, позволит выделить ученых-специалистов из общей массы ученых и определить их принадлежность к конкретному научному сообществу.

Ключевые слова: *парадигма; научное сообщество; дисциплинарная матрица; научно-исследовательская программа.*

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Валерьевич, *доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия)*
SPIN-код: 3227-0340
ORCID ID: 0000-0003-2434-1443
ResearcherID: V-6842-2018

Определение парадигмы, со слов самого Куна, «таит в себе логический круг» [4, с. 226]. Парадигма — это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму. Научное сообщество, следовательно, является носителем, выразителем и разработчиком парадигмы [9, с. 529]. При этом изначально научное сообщество следует рассматривать как некий предмет без его

отношения к парадигме, которая затем обнаруживается благодаря скрупулезному изучению поведения его членов [4, с. 226].

Согласно расхожему мнению, члены сообщества имеют, как правило, схожее образование, схожие профессиональные навыки и одну и ту же специальность. Они изучали одну и ту же учебную литературу и делали из прочитанного схожие выводы. Все это вместе определяет предмет исследования. Или, лучше сказать, его границы. Существуют и исключения, когда сообщества, имея различные точки зрения и следуя разными путями, приходят к одном и тому же предмету исследования [4, с. 227]. Подобное положение вещей приводит, как правило, к конкуренции, которая быстро заканчивается.

Любое такое сообщество предполагает несколько уровней. Самым большим считается сообщество, куда входят все представители естественных наук. Оно также предполагает несколько уровней. Первый уровень предполагает сообщество, куда входят физики, химики, астрономы. Определить принадлежность ученого к такому сообществу не требует каких-то особых усилий. Членство в научных клубах, чтение определенных журналов и определенной научной литературы — все это является признаками такой принадлежности.

Следующий, более низкий уровень предполагает уже отдельные группы ученых. Специалистов не просто по физике, а, к примеру, по физике твердого тела или по физике конденсированного состояния. Членство такого сообщества предполагает участие в специальных конференциях, научную переписку с коллегами, публикацию монографий и особых научных статей.

Уровень ниже предполагает более узких специалистов. Обычно такие сообщества состоят не более, чем из ста человек. Отдельные члены сообществ этого уровня могут принадлежать сразу к нескольким сообществам такого типа. Ученые этого уровня наиболее талантливые. Они-то и являются «основателями и зодчими научного знания» [4, с.229], которые формируют парадигмы. Парадигма является, следовательно, тем, что принимается членами таких сообществ. Исследование парадигм предполагает, следовательно, скрупулезный анализ структур тех самых сообществ, которые их принимает.

Но, если с понятием «научное сообщество» все более или менее ясно, то не совсем понятно, что следует понимать под термином «парадигма» [7, с. 252]. Есть мнение, например, что законы механики Ньютона являются парадигмой. В других случаях — они являются частями парадигмы. А иногда говорят, что они носят «парадигмальный характер, то есть заменяют парадигму» [4, с. 230].

Идея научной революции существовала задолго до Куна. В «Критике чистого разума» И. Кант говорит, например, об интеллектуальной революции, осуществленной в VI веке до н.э. представителями Милетской школы. А в вышедших в один год со «Структурой научных революций» Томаса Куна «Предположениях и опровержениях» Карл Поппер говорит о Коперниканской научной революции, осуществленной Коперником, а затем и самим И. Кантом [6, с. 302].

С точки зрения Куна, существуют «два различных употребления этого термина» [4, с.230]. В своем обычном употреблении это понятие предполагает модель или образец. Или модель в качестве образца. В грамматике латинского языка существует, к примеру, модель, которую можно использовать в качестве образца, в соответствии с которым «спрягается какая-то часть латинских глаголов» [4, с. 49]. Такая модель предполагает копирование и подпадает под категорию парадигмы в обычном ее применении. Святой, жизнь которого представляет собой пример для всех остальных, также является парадигмой [8, с. 14]. Далее, если новая парадигма являет собой хороший пример решения старой проблемы в форме, скажем, явления, которое не могла объяснить и предсказать предыдущая парадигма, то такая новая парадигма послужит хорошим примером-моделью для последующих поколений ученых, которые пойдут тем же самым путем для решения аналогичных проблем [8, с. 14].

Второе употребление этого термина, согласно Куну, близко по смыслу с понятием научно-исследовательской программы, введенным в научный оборот Имре Лакатосом. Или, точнее сказать, с его понятием жесткого [5, с. 217]. Подобно научно-исследовательской программе, парадигма должна обладать предсказательной силой (мощью). То есть способностью предсказывать факты, еще не попавшие

по какой-то причине в поле нашего эмпирического наблюдения или эксперимента [5, с. 213]. Так, гелиоцентрическая планетарная система Коперника, предсказывающая явление годичного параллакса для звезд, нашла подтверждение своим предсказаниям значительно позже, а именно с изобретением специальных телескопов спустя много лет [4, с. 53]. Тогда как предсказанные этой же системой фазы Венеры нашли свое подтверждение только с изобретением телескопа в 1609 году.

Подобно научно-исследовательской программе, парадигма — это «не просто несвязанная и потому изолированная от прочих теорий теория» [1, с.105]. В таком смысле этого слова под парадигмой следует понимать «совокупность последовательно возникающих и идущих друг другу вслед непрерывно теорий» [1, с.105], объединенных одним и тем же предметом исследования, и решением общих (схожих) задач, а, кроме того, совокупность сопутствующих им методов и образцов, и необходимое оборудование для решения этих задач. Кроме того, с точки зрения Куна, всякая парадигма обладает двумя важными характеристиками. Во-первых, она должна быть беспрецедентной. То есть, чем-то принципиально новым, не встречающимся ранее нигде, что позволяет привлечь на свою сторону ученых из конкурирующих между собой научных сообществ. Во-вторых, она должна быть понятной (открытой) для нового поколения ученых, что, таким образом, обеспечивает преемственность поколений [4, с.34].

Понятие дисциплинарной матрицы

В дополнениях 1969 года Кун вводит понятие дисциплинарной матрицы. Это новшество обусловлено недовольством Томаса Куна понятием «парадигма», которое, по его же словам, можно использовать в двадцати двух смыслах [4, с. 233]. Понятие «дисциплинарная матрица», с его точки зрения, позволит выделить сообщество специалистов из общей массы ученых, определить их принадлежность к такому сообществу, «выявить относительную полноту их профессиональной коммуникации и относительное единодушие их профессиональных суждений» [4, с. 233]. «Дисциплинарной» такая матрица называется потому, что определяет принадлежность ученых-исследователей к определенной научной дисциплине, а «матрицей» — потому что состоит из нескольких элементов [4, с. 234]. Всего таких элементов четыре.

Первый из них Кун называет символическими обобщениями. К их числу, к примеру, относится математическая формула, которая служит математическим выражением второго закона Ньютона, а именно: F=ma. Когда эта формула была сформулирована, члены научного сообщества уже знали, что такое сила, масса и ускорение. Однако это обобщение сообщило им, что величина ускорения обратно пропорциональна массе, и что, если на тело действует сила, то это тело движется с ускорением, величина которого прямо пропорциональна величине той самой силы, которая действует на это тело и заставляет это тело двигаться именно с этим ускорением. Благодаря обобщениям этого рода, члены конкретного научного сообщества могут применять мощный математический аппарат и, в частности, применять его для решения задач-головоломок в рамках текущей нормальной науки.

В качестве второго типа компонентов выступают, так называемые, «метафизические парадигмы» или, другими словами, «метафизические части парадигм». Речь здесь идет об общепринятых предписаниях, типа: «теплота есть мера кинетической энергии элементов системы» или «потенциальная энергия идет на построение взаимосвязей, в которых состоят элементы системы, а кинетическая придает таким элементам движение». С точки зрения Куна, такие предписания помогают нам определить, что должно использовать для решения задачи-головоломки. А, с другой стороны, они не позволяют нам определить перечень нерешенных задач-головоломок и значимость каждой из них.

В качестве третьего вида элементов дисциплинарной матрицы Кун рассматривает общие ценности или, так называемые, ценностные установки, используемые исследователями более широко, чем символические обобщения и метафизические модели.

В общепринятом понимании, система ценностей — это система базовых представлений о том, что есть хорошо, и том, что есть плохо. Любое ученое сообщество имеет свои общие ценности (общие в том смысле,

что они, эти ценности, распространяются на каждого члена такого сообщества), свои представления о том, что есть хорошо. К примеру, ссылаться в конце статьи на определенных авторов — это есть хорошо, а на других — считается проявлением дурного тона. Или, к примеру, решать данную группу проблем следует с помощью именно этих методов и стандартов, а в качестве образцов для их решения следует выбирать именно эти образцы. Именно ссылки, которые делает автор в процессе написания своей статьи, и выявляют его принадлежность к тому либо иному научному сообществу. Благодаря ценностным установкам, присущим данному научному сообществу, среди его членов возникает чувство единства в принятии тех или иных решений. Они действуют постоянно, но приобретают особую значимость во время кризисов, когда следует выбрать единственный путь для их преодоления и исключить все иные пути исследования в данной, конкретной области науки. По возможности, такие ценности должны быть простыми для понимания и не противоречить друг другу.

И, наконец, четвертый тип элементов — это, так называемые, образцы. Именно этот элемент общепринятых групповых предписаний в свое время и привел Томаса Куна к выбору термина «парадигма» [4, с.240]. Как уже отмечалось, согласно Куну, подобное положение дел было вызвано тем, что существуют два различных употребления понятия «парадигма». Причем, в своем обычном употреблении такое понятие очень близко по смыслу с понятием «образец». Под этим, четвертым типом элементов Кун понимает конкретные образцы для решения конкретных задач-головоломок (в форме, к примеру, схем или алгоритмов, описывающих последовательность действий для решения этих задач), с которыми сталкиваются студенты уже на первом курсе в лабораториях, на экзаменах, в используемой ими учебной литературе [4, с.241].

Понятие предсказательной силы

Приверженность ученых главенствующей на данный момент парадигме основано, согласно Куну, на той точке зрения, что научное сообщество знает, как устроен мир или, по крайней мере, знает на что он похож. Смена парадигм при этом, в соответствии с Куном, представляет собой, безусловно, истинный прогресс, однако ни одна из принятых нами парадигм не приближает нас к истинному пониманию того, как устроен мир, к подлинной картине мира [8, с.86].

Но что это значит? Почему научная революция, представляя собой истинный прогресс, не ведет нас к истинному пониманию мироустройства? В чем же тогда ее прогрессивность? Прогрессивность научной революции, равно как и прогрессивность парадигмы, пришедшей на смену предшествующей ей парадигме, заключается, очевидно, не в адекватности, не в способности парадигмы или теории отражать адекватно реалии нашего мира, а в ее предсказательной силе. При этом адекватность и результативность теории (ее предсказательная сила или, другими словами, мощь) — это суть разные вещи. Результативность теории, ее способность давать предельно точные результаты в форме прогнозов, которые соответствуют эмпирическим фактам (при максимальной простоте достижения этих результатов), вовсе не означает, что эта теория отражает реальное положение дел и претендует на истинное объяснение мироустройства [3, с.95].

Должно выделить несколько уровней эмпирически наблюдаемых фактов. Бывают факты, попадающие в поле нашего ежедневного чувственного восприятия. Они существуют, к примеру, в форме движущихся по небу планет и относительно неподвижных звезд. Предсказанием таких фактов занимается существующая в рамках текущей парадигмы гелиоцентрическая планетарная система, осуществляющая воспроизводство движения планет и предсказывающая, таким образом, их место нахождения в данный, конкретный момент времени в данной, конкретной точке пространства [2, с.129]. Ко второй категории фактов следует отнести такие, которые по какой-то причине еще не попали в поле наших эмпирических наблюдений (или в поле нашего осмысления). Последние следует, в свою очередь, разделить на три категории.

Под первую категорию подпадают такие факты, обнаружение которых не ведет к каким бы то ни было изменениям в рамках текущей парадигмы. Обнаружение этих фактов

прямиком подпадает под категорию ожидаемых открытий. К числу вторых следует отнести такие факты, обнаружение которых влечет изменение какой-то части текущей парадигмы, но не разрушает ее. Это значит, что существующая парадигма не обладает должной предсказательной мощью и, таким образом, не обладают способностью их предсказать. Подобное положение вещей приводит к тому, что парадигма вынуждена меняться под натиском этих фактов, подстраиваться под эти самые факты (путем изменения своего содержимого или содержимого того математического аппарата, который дается к ней в приложении), чтобы в конечном итоге обрести такую способность. И хотя обнаружение таких фактов не подпадают под категорию ожидаемых открытий, они не предполагают замены текущей парадигмы, а лишь ее изменения, пускай даже существенные.

В отличии от предыдущих, неожидаемые факты, подпадающие под третью категорию, предполагают замену текущей парадигмы, поскольку ни одна из существующих в рамках такой парадигмы теорий не способна их предсказать. Постепенное накопление этих фактов достигает критической массы, что ведет в конечном итоге к замене текущей парадигмы на другую, идущую ей вслед, в рамках которой все эти накопленные и не предсказанные факты, очевидно, получат свое предсказание. Происходит научная революция.

В заключение должно сказать, что именно обнаружение таких фактов и подпадает, как правило, под категорию крупных открытий. Подобное положение дел дает ответ на вопрос, почему, с точки зрения Куна, самой удивительной особенностью любой парадигмы является то, что «они в очень малой степени ориентированы на крупные открытия, будь то открытие новых фактов или создание новой теории» [4, с. 63]. И почему, со слов Яна Хакинга, всякая парадигма и разворачивающаяся в рамках такой парадигмы нормальная наука «имеют тенденцию открывать то, что они ожидают открыть» [8, с. 13].

Литература

1. Воробьев Д.В. Конвенционализм и инструментализм в свете теории научно-исследовательских программ Имре Лакатоса // Философия науки и техники. — 2016. — Т. 21, №2. — С. 97-110. EDN: XXZQUR
2. Клайн М. Математика: поиск истины. — М.: РИМИС, 2007. — 400 с.
3. Клайн М. Математика: утрата определенности. — М.: РИМИС, 2007. — 640 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2003. — 605 с. EDN: QWFEIT
5. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. — М.: Академический проспект, 2008. — 475 с. EDN: QWTSUT
6. Поппер К. Предположение и опровержения. — М.: АСТ, 2004. — 638 с.
7. Фейерабенд П. Прощай разум. — М.: АСТ, 2010. — 477 с.
8. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. — М.: Логос, 1998. — 296 с.
9. Юлов В.Ф. История и философия науки. — Киров, 2007. — 579 с. ISBN: 978-5-91371-012-3 EDN: QWSFUD

TRANSFORMATION OF INTELLECTUAL LABOR IN SOCIETY: A PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Dzhangetov Aslan Alievich, *Postgraduate student, North-Caucasus Federal University, Stavropol (Russia)*

The purpose of the research is to characterize the process of the development of intellectual labor in the philosophical discourse. The scientific novelty of the study lies in identifying the prospects for the development of intellectual labor in light of existing new social challenges. Intellectual labor is characterized from various perspectives according to the historical period in which labor activity was considered. This work reflects the influence of conditions and processes that shaped the understanding of intellectual labor and its role in society. As a result, it is concluded that the development of intellectual labor depends on a number of factors that may lead to its transformation in various forms. Intellectual labor requires a high level of personal involvement in self-development and self-organization. Philosophical reflection on intellectual labor allows for the formation of a holistic understanding of its role in an individual's life.

Keywords: *intellect; labor; intellectual labor; philosophy; society; human; information society; informatization; technologies; artificial intelligence.*

EDN: BCUPWB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.5***

Цитировать: *Джангетов А.А. Трансформация интеллектуального труда в обществе: философский дискурс // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 26-31. EDN: BCUPWB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.5*

УДК 101.1
5.7.7

© Джангетов А.А., 2026

Трансформация интеллектуального труда в обществе: философский дискурс

Цель исследования — охарактеризовать процесс развития интеллектуального труда в философском дискурсе. Научная новизна исследования заключается в том, что определены перспективы развития интеллектуального труда с учетом существующих новых социальных вызовов. Интеллектуальный труд охарактеризован с различных позиций в соответствии с тем историческим периодом, в котором рассматривалась умственная деятельность. Данная работа отражает влияние условий и процессов, которые формировали представление об интеллектуальном труде, его роли в жизни общества. В результате делается вывод о том, что развитие интеллектуального труда зависит от ряда факторов, которые могут привести к его трансформации в различных формах. Интеллектуальный труд требует высокого уровня вовлеченности человека в саморазвитии и самоорганизации. Философское осмысление интеллектуального труда позволяет сформировать целостное представление об его роли в жизни индивида.

Ключевые слова: *интеллект; труд; интеллектуальный труд; философия; общество; человек; информационное общество; информатизация; технологии; искусственный интеллект.*

ДЖАНГЕТОВ Аслан Алиевич, *аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь (Россия)*

Введение

На сегодняшний день развитие интеллектуального труда является одним из приоритетных направлений не только общества, но и самого человека. Саморазвитие, самообразование, профессиональный рост являются ключевыми факторами развития интеллектуального труда. Однако наряду с личностным развитием человека в формировании интеллектуального труда участвуют такие внешние факторы, как развитие производства, информационно-коммуникационных технологий, изменение условий труда, трансформация рынка товаров и услуг и др.

Поэтому изучение вопроса трансформации интеллектуального труда в соответствии с требованиями и условиями, которые предлагает общество, является одной из актуальных проблем в философском дискурсе. Цель исследования структурировала следующие задачи: 1) представить развитие понятия «Интеллектуальный труд» с позиции его философского осмысления; 2) охарактеризовать интеллектуальный труд через его историческое развитие; 3) определить современное осмысление интеллектуального труда.

Теоретической базой исследования послужили положения деятельностного и аксиологического подходов в анализе транс-

формации интеллектуального труда, а также классические и новейшие концепции модернизации.

Развитие интеллектуального труда в работах философов в различные периоды исторического развития человечества

Идея о важности интеллектуального труда начала свое формирование, когда вопрос передачи информации стал важным для передачи ее будущим поколениям. Некоторые исследователи считают, что отправной точкой следует считать появление первых письменных источников, другие полагают, что интеллектуальный труд появился задолго до письменности. В нашем же представлении интеллектуальный труд имел место на протяжении всего существования человека как разумного биологического вида. Данная идея обусловлена тем, что любая деятельность человека сопровождается мыслительными процессами.

Интеллектуальный труд в различных отраслях науки рассматривается в зависимости от тех потребностей, которые ставит перед собой исследователь: интеллектуальный труд выступает и социально-экономическим продуктом, и результатом трудовой деятельности, и инструментом удовлетворения собственных потребностей. В рамках данной работы мы будем ориентироваться на идею интеллектуального труда, во-первых, как результата внутренней потребности человека решить определенные перед собой задачи, во-вторых, как общественную деятельность, создающую нематериальные предметы потребления.

Определение характера развития интеллектуального труда невозможно без анализа истории формирования идей об интеллектуальной деятельности. Вопросы изучения интеллекта, разума, труда рассматривались еще в эпоху древних цивилизаций, когда господствовало религиозное (языческое) мировоззрение: свою деятельность люди рассматривали через космическое начало. А все космическое начало проявлялось через человеческую природу. Человеческий разум воспринимался как часть мирового сознания, который действовал согласно законам, неподвластным человеку.

Эпоха Античности

В эпоху Античности интеллектуальный труд трансформируется в качестве продукта деятельности. Платон в своей работе «Государство» отмечал труд, в том числе интеллектуальную деятельность, как часть государства [8, с. 57]. При этом идею труда он сопоставлял с природными способностями человека, то есть с врожденным его интеллектуальным потенциалом.

Аристотель к данному вопросу подходил с иной позиции: труд воспринимался как основа бытия. В своих работах «Политика» и «Никомахова этика» Аристотель подразделял труд на два вида: необходимый труд и труд ради добродетели [1, с. 13].

Необходимый труд Аристотель связывал с работой, обеспечивающей выживанием. К этому виду труда относились земледельцы, ремесленники и рабы. Труд ради добродетели включал в себя духовное развитие, саморазвитие и самосовершенствование. Данный вид труда был привилегией свободных граждан: они могли спокойно участвовать в философии, искусстве и политической жизни.

Исходя из суждений Аристотеля и Платона, можно сказать, что в период Античности интеллектуальный труд подразделялся на «низший» и «высший». И такое разделение напрямую коррелировалось с родословной, классом и статусом, соответственно, исключало равенство в трудовой деятельности среди людей.

Следует отметить, что данные идеи до сих пор являются актуальными для общества. Качество интеллектуального труда зависит от имеющихся у человека возможностей. Поэтому актуальной сохраняется проблема социальной справедливости и распределения труда.

При этом философы эпохи Античности не отрицали значимость интеллектуального труда. Наиболее ярко о важности высказывался Сенека. В своем письме к Луцилию философ задается вопросом «А что лучшее в человеке?» и дает на него собственный ответ: «Разум, который его выделяет среди животных и приближает к Богам. Значит, совершенный разум есть благо, присущее именно человеку, ибо все прочие чувства он делит с животными» [10, с. 112].

Средние века и эпоха Возрождения

Рассматривая эпоху Средних веков, важно отметить, что понятия «труд», «разум» и «мудрость» не рассматривались в одной плоскости и не расценивались как взаимосвязанные. В данном случае можно сказать о неком регрессе восприятия понятия «интеллектуальный труд». Труд расценивался как физическое действие, в то время как разум и мудрость сопоставлялись с чем-то духовным (божественным). Если разумная деятельность в понимании мыслителей того времени проявлялась в талантах и способностях человека, то труд считался чем-то приземленным, простым и понятным.

Кроме того, в раннее сохранившихся источниках Библии неоднократно даются положительные оценки разуму: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум. Потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота» [1, с. 13-14]. При этом идеи о разуме сопоставлялись с чем-то космическим. В священных Писаниях мудрость появилась задолго до существования Земли и бытия.

Теологическая концепция разума и мудрости и «приземленный» характер труда сохранялась вплоть до эпохи Возрождения. Ослабление роли церкви, усложнение социальных процессов и явлений, протекающих в обществе, включая мануфактурный и ремесленный прогресс, урбанизацию населения, заставили общественность переоценить организацию труда, его содержание и условия [12, с. 23].

Одним из первых исследователей, начавших цепочку идей об интеллектуальном труде, стал философ-гуманист Томас Мор. В своей книге «Утопия» исследователь обозначил социальные проблемы наемного рабочего, включая рабские условия труда, обесценивание жизни таких работников [7, с. 75].

И в данном случае прослеживается продолжение идей Платона и Аристотеля. Идея научного труда заключалась в необходимости создания условий, при которых все члены общества обладают равными возможностями в получении образовании, науки, творчеству. При этом Мор обозначал проблему сохранения доступа интеллектуального труда ограниченному кругу лиц.

Эпоха Нового и Новейшего времени

Наиболее приближенными к современным концепциям понимания интеллектуального труда стали идеи, сформированные в эпоху Нового времени. Одним из ярких представителей того времени является Фрэнсис Бэкон, который отметил взаимосвязь интеллектуальной деятельности и искусства. Умственная деятельность в работах Бэкона выражена не просто в качестве продукта труда, но и двигателя прогресса [3, с. 81].

Аналогичная взаимосвязь интеллекта и трудовой деятельности наблюдается работах Клода Адриана Гельвеция «Об уме» и «О человеке». Так, Гельвеций использует понятие «практический ум», под которым подразумевал определенную часть сознания человека, ориентированную на поиск пользы, которая выражалась во всевозможных благах [4, с. 5; 5, с. 145]. Философ в своих трудах отрицал неравенство между людьми при формировании интеллектуальной деятельности, считал, что любой труд приносит человеку лишь удовольствие, однако его идеи не отражали те проблемы и потребности, с которыми сталкивались люди при осуществлении трудовой деятельности.

В работе «О человеке» Гельвеций показал, что интеллектуальная деятельность не может быть по своей природе простой, она влияет на общественное устройство и протекающие в нем процессы. Идеи Гельвеция о практическом уме в дальнейшем оказали влияние на идеи И. Канта, Ж.Б. Сея, А. Смита и др.

В работах Иммануила Канта разум представлен как источник труда, морали и эстетики. Кант предпринял попытку объяснить взаимосвязь между разумом и человеческим опытом, а также выйти за рамки сформированной традиционной философии и метафизики [6, с. 51]. Разум и человеческий опыт взаимосвязаны через априорные формы познания, которые структурируют весь опыт. И здесь философ указывает, что видимая часть вещей не соответствует его содержанию. А само познание осуществляет через чувства (восприятие пространства и времени), рассудок (восприятие качества, количества и модальности) и разум (идеи о душе и Боге).

Адам Смит выражал идеи об интеллектуальном труде через протекающие социально-экономические процессы. Техническое и

экономическое процветание стран Смит определял не только успехами в промышленном производстве, но и в качестве использования труда. Основными факторами труда Смит выделял мастерство, ловкость и сообразительность работающих людей. Кроме того, в идеях Смита начинает впервые прослеживаться влияние машинного труда на трудовую деятельность людей [11, с. 47]. Он отмечал, что использование технических приспособлений снижает затраты труда, при этом производительность труда постепенно увеличивается.

Жан Батист Сей рассматривал интеллектуальный труд с иной стороны. Он один из первых мыслителей, кто провел экономический анализ умственного труда, а также первый, кто начал рассматривать интеллектуальный труд как профессиональную деятельность, ориентированную на создание благ (полезных вещей). И такой род деятельности был ориентирован на невещественное производство. Данная идея была ориентирована на то, что интеллектуальный труд — это не активность сознания, а профессиональный продукт нематериальной деятельности, например, обучение детей, консультация врача и др. К такой деятельности Сей относил государственную службу, музыкальную, медицинскую, церковную и иную профессиональную интеллектуальную деятельность [9, с. 74].

Идеи Ж.-Б. Сея нельзя воспринимать как многофакторную точку зрения, так как его концепция интеллектуального труда сводилась в большей степени к идее «услуги», при этом в дальнейшем появлялись представители теории предельной полезности такие как Э. Бем-Баверк и К. Менгер, которые считали стоимость любого товара и (или) услуги как психологического явления, который выражается в его полезности. Соответственно, интеллектуальный труд как выраженная услуга определялась финансовыми или материальными благами, которые могли удовлетворить ненасущные потребности человека.

Теория об интеллектуальном труде как о производственной силе наблюдается в работе Карла Маркса «Капитал». В своей работе Маркс не разделял физический и умственный труд: умственная работа является неотъемлемым компонентом трудовой деятельности, человек осуществляет любую свою деятельность за счет мыслительных процессов [13, с. 215]. Однако концепция Маркса не подразумевала разграничение интеллектуального и физического труда как отдельных производственных сил созданию нематериальных услуг и физических товаров.

Несмотря на то, что идея Маркса не предполагала рассмотрение интеллектуального и физического труда как отдельных друг от друга категорий, развитие общественной жизни в трудовой сфере привел к сепарации производственных сил и формированию отдельного трудового класса, участвующего в производстве благ на стадии их идеального формирования (идеи о предоставляемой товаре или услуге) [13, с. 132-143].

Концепция интеллектуального труда и отдельного класса, занимающегося умственной деятельностью, сразу не нашла своих сторонников и зачастую подвергалась критике. В работах исследователей интеллектуальный труд был связан с интеллигенцией, а их вклад, по мнению общественности, не предполагал создание каких-либо материальных благ. Философы полагали, что представители интеллигенции лишь оказывали содействие труду рабочего класса.

В эпоху социализма интеллектуальный труд обретает новое содержание и является своеобразной «прослойкой» между классом рабочих и классом крестьян: в социальной жизни выполняет волю рабочего класса. При этом оставались сторонники идеи о том, что интеллектуальный труд не существует и является лишь частью жизни в действиях каждого человека.

Однако данная мысль ломалась в связи с произошедшей научно-технической революции, заставившей общественность переоценить важность интеллектуального труда, люди начали отличать интеллектуальный труд инженера, ученого, писателя, музыканта от деятельности обычного рабочего. Кроме того, осмысление интеллектуального труда в советский период не могло не учитывать идеи высших эшелонов власти: В.И. Ленин определял трудовую деятельность рабочего класса через совокупность действий, реализуемых индивидом во время работы [14, с. 18].

Современное понимание интеллектуального труда

Если советская теория отрицала идею «труда интеллигенции», то западный мир

склонялся все большей его сепарации. Данная тенденция была обусловлена тем, что во второй половине XX века все больше развивалась сфера услуги. В работах западных социологов (Д. Белл, О. Тоффлер и др.) интеллектуальная деятельность соотносилась с сектором услуг, а каждая интеллектуальная работа характеризовалась видом профессиональной деятельности — образование, наука, культура, искусство и др.

По нашему мнению, такая идея не способна в полной мере отразить специфику интеллектуального труда, так как отражает только ее сторону в качестве продукта производства, независимо от того, создается ли товар или услуга.

Современное понимание интеллектуального труда в философском дискурсе не ограничивается характером труда, отношением к сектору услуг, к продукту производства, не относится исключительно к определенному сословию или классу.

Осмысление интеллектуального труда включает в себя изучение его природы, социальных последствий, этических аспектов, влияние на самого человека и общество.

Интеллектуальный труд нами представляется как совокупность мыслительных процессов, результатом которых является производство благ, удовлетворяющих потребности человека или общества. Интеллектуальный труд не определяется исключительно характером труда по определенному виду деятельности, а формируется на основе полученных знаний, умений и навыков, которые используются в определенных протекающими событиями обстоятельствами и потребностями. Интеллектуальный труд характеризуется генерацией идей, воображением, креативностью.

Кроме того, на интеллектуальный труд влияют внутренние и внешние факторы: психоэмоциональное состояние человека, его знания, квалификация, имеющиеся для генерации идей ресурсы, потребности, влияние общественности, технологический прогресс, влияние информационных технологий и др. Такая многогранность интеллектуального труда ставит перед обществом новые проблемы и угрозы.

Поэтому у философов появляются все новые направления исследований интеллектуального труда и его осмысление будет трансформироваться в зависимости от протекающих в обществе процессов. Современные идеи об интеллектуальном труде в информационном обществе — сложный феномен, который требует междисциплинарного анализа. Философы исследуют его в контексте технологий, социальных изменений, этики и человеческой природы, стремясь понять как возможности, так и риски цифровизации.

Заключение

Таким образом, идеи об интеллектуальном труде формировались в различные исторические эпохи и зависели от тех социальных процессов и явлений, которые протекали в указанный отрезок времени.

Идеи об интеллектуальном труде берут свое начало с эпохи Античности, когда древнегреческие философы Платон и Аристотель предпринимали попытки осмысления таких понятий, как «труд», «разум», «мудрость». На дальнейшее становление идей об интеллектуальном труде оказали влияние теологический характер философии Средних веков, научное осмысление интеллектуальной деятельности, научно-технические революции и развитие науки в целом.

Несмотря на трансформацию идей об интеллектуальном труде, чаще всего, выдвигаемые концепции отражали лишь частично сущность и содержание интеллектуального труда и воспринимали данное понятие как продукт социально-экономической деятельности.

Только в настоящее время интеллектуальный труд в философском дискурсе рассматривается как комплексный многофакторный процесс интеллектуальной деятельности, включающую в себя не только производство продуктов материального и нематериального потребления, но и деятельность, формирующуюся за счет личностных и профессиональных качеств человека, самообразования, саморазвития личности, ее интеграции в общество, влияния общества формирование интеллектуальной деятельности человека.

Литература:

1. Аристотель. Политика. — М.: ЭКСМО, 2025. — 263 с.
2. Библия. Книга притчей Соломоновых в русском переводе с греческого текста LXX, с славянским переводом, введением и примечаниями / пер. П. Юнгерова. — Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1908. — 154 с.

3. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Ф. Бэкон. Соч.: в 2-х тт. — Т. 1. — М.: Мысль, 1977. — 524 с.
4. Гельвеций. О человеке // Гельвеций. Соч.: в 2-х тт. — Т. 2. — М.: Мысль, 1974. — 568 с.
5. Гельвеций. Об уме // Гельвеций. Соч.: в 2-х тт. — Т. 1. — М.: Мысль, 1974. — 647 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. — М.: ЭКСМО. 2015. — 267 с.
7. Мор Т. Утопия. — М.: Наука, 1978. — 415 с.
8. Платон. Софист. 224. // Платон. Соч.: в 4-х тт. — Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 275-345.
9. Сей Ж.-Б. Сокращенное учение о государственном хозяйстве. — СПб.: Типография главного штаба Его Императорского Величества, 1816. — 204 с.
10. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. — М.: Ладомир-Наука, 1993. — 383 с.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Наука, 1993. — 569 с.
12. Соколов В.В. Европейская философия XV-XVII веков. — М.: Высшая школа, 1984. — 448 с.
13. Туйцын Ю.В. Труд в философии и экономической теории Карла Маркса // Марксизм и современность: сб. науч. ст. / под ред. Б.Н. Бессонова, О.А. Сергеевой. — Вып. 2. — М.: МГПУ, 2009. — С. 132-143.
14. Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы). — «ВФ», 1991, № 9–11. — 247 с.

THE CONCEPT OF LAW IN THE «PHILOSOPHICAL PROPOSITIONS» OF YA. P. KOZELSKY

Ionaitis Olga Borisovna, *DSc of Philosophy, Professor, Research Fellow at the Yekaterinburg Theological Seminary, Ural Federal University, Yekaterinburg (Russia)*

The article is devoted to one of the original and at the same time typical thinkers of the Russian Enlightenment of the 18th century, Yakov Pavlovich Kozelsky. His life reflects the era of changes in the scientific and philosophical orientations of Russian philosophers, as well as in the formation of new features of Russian statehood. His writings introduce readers to European philosophy, which he was well-versed in, but he was not a mere copyist; he thought through and filtered all ideas through his own original vision. The article focuses on the significance of law in the philosophical system of Ya. P. Kozelsky, examines all aspects of his philosophical and legal ideas, and reveals the understanding of the interplay between legal and anthropological views.

Keywords: *Ya. P. Kozelsky; Enlightenment philosophy; Russian philosophy of the 18th century; philosophy of law in Russia.*

EDN: BHOPQS ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.6***

Цитировать: *Ионайтис О.Б. Концепция права в «Философических предложениях» Я.П. Козельского // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 32-38. EDN: BHOPQS. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.6*

УДК 141.3
5.7.2

© Ионайтис О.Б., 2026

Концепция права в «Философических предложениях» Я.П. Козельского

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна, *доктор философских наук, профессор, научный сотрудник Екатеринбургской духовной семинарии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия)*
SPIN-код: 3549-9726
ORCID: 0000-0002-3505-3562

Статья посвящена одному из оригинальных и в то же время типичных для русского Просвещения XVIII века мыслителей — Якову Павловичу Козельскому. Его жизненный путь отражает эпоху перемен в научных и философских ориентирах отечественных философов, а также в становлении новых черт российской государственности. Его сочинения знакомят читателей с европейской философией, которую автор хорошо знал, но не был копиистом, все идеи он обдумывал и пропускал через собственное оригинальное их видение. В статье внимание уделяется значению права в философской системе Я.П. Козельского, рассматриваются ключевые аспекты его философско-правовых идей, раскрывается понимание взаимовлияния правовых и антропологических воззрений.

Ключевые слова: *Я.П. Козельский; философия Просвещения; русская философия XVIII века; философия права в России.*

Введение: основные вехи пути и отражение эпохи

XVIII век для России — век радикальной трансформации культурных, религиозных, политических реалий и идеалов. Петр I, Екатерина II создали, по сути, новую страну — огромную империю, у которой появились Академия наук, университеты, научные лаборатории и журналы, но главное — появился новый человек — гражданин, энциклопедист, познающий и преобразующий мир. Разумеется, идеал не был абсолютно воспроизведен в жизни, но идеал для того и существует, чтобы вдохновлять свой век — век Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского, Антиоха Кантемира, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, А.Т. Болотова, А.Н. Радищева и многих других отечественных философов, ученых, правоведов. Это было время и новой философии. Справедливо замечание, что «философия России XVIII в. поучительна не своей “заданностью” или “назначением”, но средствами поиска истины. Жизненность отечественных традиций духовной и материальной культуры XVIII в. определила их влияние на новые поколения россиян, славянских и других народов (и национальностей) вплоть до наших дней» [9, с. 221].

В конце XVII — начале XVIII в. вопрос о систематическом преподавании философии становится актуальным. Школа при Чудовом монастыре, Киево-Могилянская академия, Славяно-греко-латинская академия — учебные заведения, в которых создавались первые учебники по философским курсам, философские словари, формировалась традиция

отечественного преподавания философии. В течение всего XVIII в. дискуссии о том, как преподавать философию в России продолжались. В ряду тех мыслителей, которые, одновременно с созданием собственных философских сочинений, внесли вклад в создание отечественной традиции преподавания философии, был Яков Павлович Козельский (1726/1728 — около 1794). Кроме того, он внес вклад в становление философии права в России. Его работы содержат философско-правовые рефлексии, отражающие его время и новые искания в этой области.

Раздел книги «Сыны отечества», в котором А.С. Варшавский пишет о Я.П. Козельском, неслучайно озаглавлен «Опережая век». Козельский действительно опережал свой век, как и большинство русских мыслителей второй половины XVIII века [см.: 2, с. 217–240]. Поэтому его идеи были столь интересны современникам и потомкам. По оценке В.Ф. Пустарнакова, относительно роли Козельского в истории отечественной философской мысли: «"Философические предложения" (1768) — настолько значительное явление в истории философии в России XVIII в., что уже в конце XIX в. его содержание не без основания было охарактеризовано как "первая система философии, вышедшая из-под пера русского автора"» [7, с. 432–433].

Необходимо отметить и еще одну черту времени, в котором работал философ. XVIII век был веком нового отношения к праву, как в теории, так и на практике. Создавались комиссии, цель которых — усовершенствовать законодательство России, столь быстроменяющееся, а порой, не успевающее за переменами в обществе, экономике, политике, появлялись первые трактаты, в которых был представлен анализ сущностных основ права. Как пишет Б.В. Емельянов в своей работе 2005 года «Русская философия права»: «XVIII век в истории русской философии права занимает особое место. Это период, когда в России появляются первые профессионально выполненные теоретические работы, посвященные праву, появляются ученые, занимающиеся проблемами права, а юриспруденция становится предметом преподавания в учебных заведениях» [3, с. 34]. В этой, кипящей идеями и процессами, среде и работал Я.П. Козельский.

Нужно отметить, что с биографическими данными Козельского до сих пор много затруднений и до настоящего времени ведутся дискуссии, уточняющие биографию мыслителя [8, с. 33]. Известно, что он родился в городке Келеберда (ныне Кременчугский район Полтавской области) в семье казацкого старшины, учился в Киевской духовной семинарии, затем переехал в Петербург, чтобы продолжить обучение в гимназии при Академии наук и в Академическом университете. Еще в студенческие годы он тяготел к наукам и языкам, напечатал несколько статей по математике. Его однокурсниками были Н.Н. Поповский и А.А. Барсов, чьи имена вписаны в историю отечественной философии. В числе учителей-наставников были М.В. Ломоносов и Г.В. Рихман. После окончания обучения с 1752 по 1766 гг. Козельский состоял на армейской службе.

В 60-е гг. Козельский преподавал механику и математику в Артиллерийской школе и Инженерном шляхетском кадетском корпусе. В манифесте от 16 декабря 1763 г. Правительство четко сформулировало необходимость повышения уровня образования в специальных офицерских учебных заведениях. Этот призыв был близок ученику Ломоносова — Козельскому и он отдался преподавательской деятельности с рвением и талантами. Козельский выпустил два учебника в 1764 г. («Арифметические предложения», «Механические предложения») — это были первые в России не переводные учебники, специально рассчитанные на артиллеристов и инженеров. При этом автор сам указывал, что составил материалы таким образом, чтобы теория и практика осваивались параллельно, что было в методологическом плане для того времени новационно. «Механические предложения» — первое в своем роде в России сочинение, которое автор посвятил Академии наук России, ставшей, по его словам, путеводной звездой в мир наук и просвещения.

Козельский во всем сын своего времени: ученый, литератор и переводчик. Так, в 1764 г. он публикует свой перевод трагедии Отвея «Возмущение против Венеции». Выбор перевода интересен: в трагедии главная тема — возможность выступления против тирании, право человека на свободу. В этот же период он публикует переводы шести книг по истории от древности до современности. По сути, из этих переводов можно составить историю человечества.

Военная служба сложилась успешно, в 1764 г. он был уже в чине инженер-капитана. И все же в 1766 г. он оставил военную службу и перешел на службу секретаря в Сенат. Но интерес к праву, поддерживаемый чтением современной литературы и знанием жизни привел к тому, что его в 1767 г. избрали депутатом в Комиссию для сочинения проекта нового уложения от Днепровского пикинерского полка. По свидетельству очевидцев, Козельский принимал активное участие в работе Комиссии: в частности, получили широкое обсуждение его предложения о преимуществах дворянства по сравнению с родовой аристократией, и о положении крестьян. В 1768 г. Екатерина II организовала «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», в котором Козельский принял участие своими переводами статей из «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.Л. Д`Аламбера. Козельским были переведены статьи «Философия», «Мораль», «Естественное право», «Юриспруденция», «Право натуральное», «Политика», др. В 1770 г. Козельский в чине статского советника поступил на службу в Малороссийскую коллегию, в которой служил до 1788 г. В 1788–1793 гг. одновременно с должностью инспектора Гимназии чужестранных единоверцев в Петербурге, он вновь продолжил работу в возобновленной Комиссии по проекту нового уложения. В 1793 г. по состоянию здоровья Козельский оставил службу и уехал в свое имение на Полтавщине, где скончался в 1795 г.

Своим учителем Я.П. Козельский считал М.В. Ломоносова. Сам дух энциклопедизма, увлеченностью науками и искусствами, столь характерный для Ломоносова и всего XVIII в., отразился в личности Козельского и в его работах. Козельский автор пособий по математике, фортификации, а также сочинений «Философические предложения» (СПб., 1768), «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» (СПб., 1788), он много переводил и популяризировал французских энциклопедистов: «История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах, собранная господином Шофиным из сочинений Родена, Кравиера и др.» (СПб., 1965), «История датская» Л. Голберга (СПб., 1765–1766), «Государь и министр» Ю. Мозера (СПб., 1766), «История о переменах, происходивших в Швеции» аббата Верто (СПб., 1764–1765), «Статья о философии и частях ее из французской энциклопедии» (СПб., 1770). Это были не просто переводы. Каждая книга сопровождалась обширной вступительной статьей и примечаниями Козельского, в которых он выражал свои политико-правовые воззрения. «Для того времени это было новой формой публицистических выступлений, первооткрывателем которой в России можно считать Козельского. В них он указывал на социальные язвы, осуждал тиранию и сословное неравенство, рассуждал о пользе просвещения и необходимости общественных преобразований» [8, с. 34].

«Философические предложения» Козельского

Первая работа Козельского «Философические предложения» носит явно компилятивный характер, автор этого и не скрывает. Но работа показывает основные ориентиры Козельского: вольфианство, французское Просвещение. И более того, «в своем сочинении Я.П. Козельский излагает личные взгляды на философию, ее задачи и методы, критически отзывается об абстрактном философствовании, дает объективную оценку философским авторитетам» [8, с. 36].

Приступая к изложению своих идей, Козельский на первых же страницах формулирует авторское понимание целей и задач философского знания, он указывает, что польза философии в том, что «она приводит человека от познания мудро устроенных тварей к познанию Творца, учит его признавать бытие, величество, премудрость и всемогущество Божие, показывает ему должность его во всяком случае, наставляет его к прямой добродетели, на которую всемогущий Творец призирает больше, нежели на все приношения и жертвы, наполненные часто всякими неправдами» [4, с. 17–18]. Философия понимается автором «Философических предложений» в духе своего времени, ее цель усилить гражданскую позицию человека, следовать идеалам времени — служить государству и согражданам с пониманием высших целей просвещения. Философия также является наукой, помогающей пройти личный жизненный путь осмысленно и с достоинством.

По сути — все стороны жизни человека философия облагораживает и придает им высший смысл. В этом ее практическая цель. Она «направляет в юношестве волнующиеся в них и кипящие страсти к общему добру, утверждает мужество в постоянной добродетели, утешает старость и заставляет смотреть на суету и преходимость вещей сего мира беспристрастными глазами, в печальных приключениях неблагополучных людей утешает и подает отраду в надежде лучших времен, а благополучных людей научает пользоваться с разумом и умеренностью своим благоденствием» [4, с. 18]. Тут же автор подчеркивает, чтобы философия сыграла столь важную роль в жизни человека, важно не только читать философские книги, но и следовать в жизни их указаниям. Философия — это не набор абстрактных знаний, а правила мысли и жизни.

Я.П. Козельский в своем сочинении стремится выстроить систему философского знания: логика, метафизика, психология, этика, юриспруденция, политика. Как видно, все сферы жизни человека охвачены философией, анализируются и определяются. Философия трактуется как наука о познании истин вещей и дел, между тем она делится на теоретическую и практическую или нравоучительную. Теоретическая — состоит из логики («науки ума») и метафизики, которая включает в себя онтологию (знание вещей вообще) и психологию (наука о духе или душе). Практическая — включает юриспруденцию (науку о правах) и политику. Козельский подчеркивает, что философия не должна брать на себя решение богословских вопросов.

Рассуждая об истине, он указывает, что мы можем выделить три вида истин: естественные или натуральные, нравоучительные и логические. Истина натуральная — это соответствие вещи и ее сущности. Нравоучительная истина проявляется тогда, когда человек говорит то, что думает. Истина логическая есть единство мыслей с самой вещью. Разные науки, произрастающие из философии, ищут указанные истины и стремятся их обосновать. Но сама философия имеет более глубокое проникновение в истины, так как ищет причины истин, логику их формирования. Козельский пишет: «…те люди философствуют, которые испытывают причины неизвестных истин, и что испытатели причин всех случающихся истин называются философы» [4, с. 20]. Становлению, по его словам, предшествует «долговременное упражнение <в искусстве> рассуждать о причинах истин» [4, с. 20], обосновании предположений и поиске неоспоримых доказательств., которые составляют философский метод познания.

Видение правовых вопросов

Исходя из указанных выше суждений о философии, Козельский приступает к изложению своего видения правовых вопросов. В разделе под названием «Юриспруденция» ход дальнейших размышлений задан через определение: «знание всех возможных прав или правостей» [4, с. 56]. Раздел открывается Главой первой «О правах», во вступительной часть которой он пишет следующее: «Основание всякого доброго или беспристрастного, то есть ни худого, ни доброго в рассуждении всех чувствующих тварей, дела называю я правом или правостию, или справедливостью» [4, с. 56]. Таким правом автор называет право человека любить и быть любимым, несмотря на то, что оно не носит утилитарного значения, однако придает осмысленность жизни человека. Такое право Я.П. Козельский называет божественным правом, «потому что оно произведено от самого Бога, вечным — что с ним пребывает и прибывать должно, необходимым — что без него все чувствующие твари страдать должны, непременным — что не зависит от твари, а от Творца» [4, с. 56]. Общее право Козельский делит на право натуральное, право всемирное, право гражданское и т. д. Тут же он гневно отвергает так называемое военное право и пишет: «Ненасытные самолюбцы, не зная или не хотят знать, в чем состоит истинное право, выдумали еще некое военное право, которое никогда не было, ни есть и не будет правом… бесчеловечное желание, сопряженное с могуществом и силою, чтобы причинять своему ближнему всевозможный вред, даже и самою смерть без страха казни, называю я военное право» [4, с. 57]. Козельский отвергает право кого-либо на войну за исключением одного: «…кроме тех людей, которые так обижены, что обида их сто́ит по справедливости войны» [4, с. 57].

Первая часть раздела «Юриспруденция» носит заглавие «О законах и основываемых на

них добродетелях» и тем самым ориентирует читателя на эпоху Просвещения, на традиционную для нее связь закона и нравственности. Козельский утверждает, что система прав, которую он рассматривает как единое древо, ветви которого — божественное право, натуральное право, всемирное право, гражданское право и другие, формируют систему законов: божественный закон, натуральный, всемирный, гражданский и т. д. При это автор подчеркивает, что «как всех прав существо состоит в праведном и полезном для человеческого рода намерении, то потому они все без изъятия справедливы» [4, с. 58]. Законы, основанные на указанных правах, по сути своей будут справедливы. Если же законы будут основаны не на этих правах, то они и не будут справедливыми.

Чтобы разобраться с тем, что есть закон, Козельский предлагает прежде всего уяснить, что есть обязательство. Обязательство или должное есть склонение человека по его собственной воле или насильно к доброму делу. Склонение к доброму делу усиливается, если апеллировать к уму человека, являть причины должного. При этом Козельский говорит, что обязывать нужно лишь тех, кто обязанности может осознать. Младенцы и лишенные разума люди не могут быть оценены как дееспособные. Нельзя обязывать к тому, что не находится в воле человека, а также к злу. Любое обязательство должно быть направлено к добру. Обязательство всегда сопряжено со страхом и надеждою, по этому поводу Я.П. Козельский пишет: «Закон называю я правило или повеление, по которому человек дела свои располагать обязывается страхом наказания или надеждою награждения. А то правило, которому следовать может человек с полною свободою, также без страха наказания и без надежды награждения называю я советом» [4, с. 59].

Закон может быть применим только к тому, кому он известен. Чтобы избежать ссылок на незнание, законов должно быть столько, чтобы человек мог их уяснить все. Все граждане обязаны знать законы в полной мере. Это их гражданский долг. Если в обществе многозаконие, то это свидетельствует о несправедливости общественного устройства.

По мнению Козельского, все законы можно свести к четырем основным группам:

— *Божественные законы* установлены Создателем, они вечны и обширны, они базируются на десяти заповедях, которые утверждают все известные добродетели и изничтожают все известные пороки;

— *Натуральные законы* отражают то в человеке, что ему хочется или не хочется делать: есть, гулять, искать приятного, отвращаться от противного и т. п.;

— *Всемирные законы* служат общению между народами и государствами;

— *Гражданские законы* направлены на удобства граждан конкретной страны, они изменчивы во времени.

Законы должны разбирать дела человеческие как добрые, так и злые. «Дело доброе называется то, которое клониться к чьему благополучию без обиды других, а худое — есть то, которое способствует к чьему неблагополучию, или хотя и к благополучию, да с обидою других» [4, с. 61]. Есть дела беспристрастные, то есть те, следствием которых не бывает ни добра, ни зла. Козельский называет склонность человека к праву и закону добродетелью, а склонность к преступлению — пороком. И добродетельность, и порочность лежат в основе действий людей. Тот, кто к чему склонен, будет поступать либо во всем добродетельно, либо порочно. Человек не сразу становится добродетельным или порочным, но укрепляет в себе то или иное качество всей своей жизнью. Добродетельность формируется из глубокого осознания того, что есть добро и из подражания примерам добродетельных людей. Добродетельность должна быть в сердце человека, не может быть признан добродетельным тот, кто делает добро исключительно в надежде на вознаграждение. То, что человек, во всем порочный, может однажды сотворить добродетельный поступок, не делает его добродетельным. И наоборот. И для закона подобные правила важно уяснить. «То добро, которое воздает законодавец за хорошие дела, называется вознаграждение, а зло, которое воздает он за худые дела, называется наказание» [4, с. 62].

Обычаи, установившиеся в обществе, дополняют представления человека о добре и зле, ориентируют его, приучают к *подражанию* добра. Из анализа исторического опыта человечества следует, что «всякому обществу для отвращения своих граждан от пороков

полезно стараться прежде не допускать их к порокам, для того, что тогда, как они навыкнут к ним, и наказания уж мало пользуют и нескоро отвращают их от пороков» [4, с. 63]. Таким образом, если общество настроено на исполнение закона, правопорядка, то следует всеми средствами культивировать добродетель, осуждать пороки, закрепляя ориентиры на нравственные идеалы. Обществу следует придерживаться категории совести, которая выступает залогом благого поведения: «Когда человек, предпринимая какое дело, рассуждает об его доброте или худобе, то такое рассуждение называется совесть» [4, с. 63]. Она должна помочь человеку направить самого себя в сторону благого выбора и поступка. Совесть и закон должны быть едины, это послужит залогом формирования и укрепления нравственности общества.

Я.П. Козельский был сторонником просвещенного абсолютизма. Но при этом подчеркивал актуальность для власти заниматься вопросом прав и свобод как крепостных крестьян, так и свободных земледельцев. Он подчеркивает, что необходимо разводить нравственные и юридические понятия даже в повседневной жизни. Например, Козельский рассуждает так: «В нашем российском народе вошло в обычай называть убогого человека бедным, а простой народ подлым; но думается, что бедным называть должно того, кто не может трудом своим сыскать пропитания, а разве милостынею, а подлым того, кто упражняется в порочных делах» [4, с. 67]. Козельский в своей практической деятельности стремился внедрять идеи гармонизации общества. К примеру, выступая в заседаниях Уложенной комиссии, он ратовал против законопроекта об увеличении преимуществ дворянства, требовал расширения возможностей получения дворянского знания выходцам из низших сословий, показавших свое служение Отечеству, выступал против увеличения повинностей крестьян, агитировал за предоставление крестьянам права собственности на движимое имущество и права наследственного владения землей, указывая на пользу для государства подобных новаций [5, с. 142–144].

Власть и подчинение: взглядах на общественный договор

Взгляды Я.П. Козельского отражают гуманистически-просветительский характер его мировоззрения. [1, с. 9] Это отражается в его взглядах на общественный договор. Власть и подчинение должны базироваться на справедливом и всеми принимаемом договоре. «Власть в обществе есть не что иное, как право повелительства над ним, основанное на праведном договоре, а сила в нем есть могущество производить все то в действо, что способствует его благополучию или неблагополучию» [4, с. 92]. Власть должна управлять с любовью и вниманием к заботам подданных, а те, в свою очередь, с почтением и повиновением должны исполнять приказы власти. В правильно устроенном государстве власть и подданные стремятся к гармонии взаимоотношений, видя в просвещении, образовании, развитии добродетелей у всех сторон общественного устройства залог процветания и прогресса.

В своих размышлениях Козельский часто обращается к философии французского просвещения: Руссо, Монтескье, Гельвеций, считая, что идеи мыслителей должны быть использованы для благоустройства общества, как, впрочем, и жизни отдельного гражданина. Воспитание в духе просвещения должно коснуться всех, будущих правителей — в том числе. При таких условиях мы увидим руководство страной в руках тех, кто будет вести ее к прогрессивному будущему. В Предисловии к книге Шоффеня Козельский пишет о том, что идеальным является то правление, которое синтезирует в единое целое всеобщее и частное благо, основанием же для своей деятельности определяет закон. Законы же должны быть справедливыми и должны бороться с пороками как общества, так и отдельного человека [10, с. 308]. Действительно, в работах Я.П. Козельского мы видим, что закон понимается как критерий эффективности политической системы. Подобная установка была в целом характерна для отечественных мыслителей — современников Козельского, вдохновленных, как и он сам, идеями Просвещения [см.: 6, с. 109–114].

Заключение

В целом мы можем сделать вывод о том, что в своих работах Я.П. Козельский, порой с преувеличенным оптимизмом, характерным для эпохи Просвещения, высказывал идеи необходимости права и закона, обустроенных с целью совершенствования человека и государ-

ства, благополучия личности, связывая закон, государство, систему правления и человека в единое целое, где развитие каждого элемента является залогом развития всей системы.

«Философские предложения» отражают позиции, согласно которым права — божественное и общее — должны служить механизмом обеспечения справедливого устройства общества, построенного на согласии и порядке, где личная польза неотделима от общей. Законам, среди которых божественные, натуральные, всемирные и гражданские, Козельский отводит воспитывающую функцию: государство должно защищать, проявлять заботу к интересам людей и работать на «общую пользу всех», а те, в свою очередь, обязаны следовать установленным правилам, следуя совести и придерживаясь добродетели как «соединения пользы для одного с общей для всех». При этом важная роль в его концепции отведена согласованности законов между собой, согласно установленной закономерности в том, что плохие законы порождают пороки, а хорошие — исправляют нравы. В этом смысле роль просвещения состоит не столько в прогрессе разума, сколько в стремлении к нравственному мироустройству, которое, по представлениям Я.П. Козельского, отличает российский путь развития.

Литература

1. Архипов С.И. Зарождение представлений о правовом прогрессе в России (XVIII — начало XIX в.) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2023. — №5. — С. 5-18. DOI: 10.34076/22196838_2023_5_5 EDN: FWMWVX
2. Варшавский А.С. Опережая век // Варшавский А.С. Сыны Отечества. — М.: Детская литература, 1987. — С. 217–240.
3. Емельянов Б.В. Русская философия права. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. — 148 с.
4. Козельский Я.П. Философические предложения, сочиненные надворным советником. — М.: ЛКИ, 2015. — 216 с.
5. Кузнецов В.А. Полузабытые имена русской философии: Я.П. Козельский // Вестник Челябинского государственного университета. — 2021. — №2(448). Философские науки. — Вып. 59. — С. 142–144.
6. Лаптева Ю.В. Основные тенденции в рассуждениях отечественных мыслителей 60–80-х годов XVIII века о роли закона в государстве // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — №18(309). История. — Вып. 56. — С. 109–114. EDN: QZRAER
7. Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. — СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2003. — 919 с.
8. Чернявский А.Г., Куницын А.С., Воронцов А.Л. Антология российской естественно-правовой мысли. — Т. 1. — М.: ИНФРА-М, 2023. — 166 с.
9. Шкуринов П.С. Философия России XVIII века. — М.: Высшая школа, 1992. — 256 с.
10. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей второй половины XVIII века / под ред. С.А. Покровского. — М.: Госюриздат, 1959. — 638 с.

THE ROLE OF HISTORICAL MEMORY IN THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL IMMUNITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Kashirina Olga Valeryevna, *DSc of Philosophical sciences, Professor*

Sergodeeva Elena Alexandrovna, *DSc of Philosophical sciences, Professor*

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The relevance of this study is determined by the importance of historical memory in the processes of consolidation of the multinational Russian society and the formation of its civilizational code. The study focuses on understanding historical memory as a value-semantic resource of civilizational development and a mechanism for consolidation of a multinational society. The purpose of the study is to clarify the philosophical content of historical memory in the context of the culture of time, identify the axiological foundations of the semantic-linguistic crisis and determine the mechanisms of formation of spiritual and moral immunity of young people. The purpose of the study involves solving the following tasks: 1) clarify the understanding of historical memory in the context of the culture of time; 2) characterize the "meaning-linguistic crisis" as an axiological characteristic of the modern socio-cultural space; 3) identify the influence of historical memory on the formation of spiritual and moral immunity of a young person in modern Russian society. The methodology of the study is based on the concept of the culture of time of O.V. Kashirina, the theory of the semantic-linguistic crisis of L.V. Skvortsova, as well as a civilizational approach to the analysis of historical memory. The article's ideas are developed through a cultural-temporal analysis of the unity of the past, present, and future and an interpretation of the crisis-driven transformations of communicative spaces. The scientific novelty of the study lies in the integration of the concept of the culture of time and the theory of the semantic-linguistic crisis into a unified analytical model for interpreting historical memory, as well as in the substantiation of spiritual and moral immunity as a systemic effect of its functioning among young people. Historical memory is considered as a mechanism for the individual's value self-regulation in the context of information warfare. As a result, it has been established that historical memory acts as a system-forming factor in national identity and the basis for the spiritual and moral immunity of young people, ensuring critical thinking, resilience to destructive influences, and the preservation of civilizational codes in the face of global uncertainty.

Keywords: *historical memory; spirituality; values; youth; spiritual and moral immunity, culture of time; semantic and linguistic crisis; civilizational code.*

EDN: BTMADR ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.7***

Цитировать: *Каширина О.В., Сергодеева Е.А. Роль исторической памяти в формировании духовно-нравственного иммунитета современной российской молодежи // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 39-43. EDN: BTMADR. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.7*

Роль исторической памяти в формировании духовно-нравственного иммунитета современной российской молодежи

УДК 141.3

5.7.7

© Каширина О.В., Сергодеева Е.А., 2026

Актуальность данного исследования обусловлена важностью исторической памяти в процессах консолидации многонационального российского общества и формировании ее цивилизационного кода. Исследование фокусируется на осмыслении исторической памяти как ценностно-смыслового ресурса цивилизационного развития и механизма консолидации многонационального общества. Цель исследования состоит в прояснении философского содержания исторической памяти в контексте культуры времени, выявлении аксиологических оснований смысло-языкового кризиса и определении механизмов формирования духовно-нравственного иммунитета молодежи. Цель исследования предполагает решение следующих задач: 1) прояснить понимание исторической памяти в контексте культуры времени; 2) охарактеризовать «смысло-языковый кризис» как аксиологическую характеристику современного социокультурного пространства; 3) выявить влияние исторической памяти на формирование духовно-нравственного иммунитета молодого человека в современном российском обществе. Методология исследования основана на концепции культуры времени О.В. Кашириной, теории смысло-языкового кризиса Л.В. Скворцова, а также циви-

КАШИРИНА Ольга Валерьевна, *доктор философских наук, доцент*
SPIN-код: 4641-7391
ORCID: 0000-0002-1834-4464

СЕРГОДЕЕВА Елена Александровна, *доктор философских наук, профессор*
SPIN-код: 1600-9198
ORCID: 0000-0002-2076-1988

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

лизационном подходе к анализу исторической памяти. Идеи статьи раскрываются через культурно-временной анализ единства прошлого, настоящего и будущего и интерпретацию кризисных трансформаций коммуникативных пространств. Научная новизна исследования заключается в интеграции концепта культуры времени и теории смысло-языкового кризиса в единую аналитическую модель интерпретации исторической памяти, а также в обосновании духовно-нравственного иммунитета как системного эффекта ее функционирования в молодежной среде. Историческая память рассматривается как механизм ценностной саморегуляции личности в контексте информационного противоборства. В результате установлено, что историческая память выступает системообразующим фактором национальной идентичности и основой духовно-нравственного иммунитета молодежи, обеспечивающего критическое мышление, устойчивость к деструктивным воздействиям и сохранение цивилизационного кода в условиях глобальной неопределенности.

Ключевые слова: *историческая память; духовность; ценности; молодежь; духовно-нравственный иммунитет, культура времени; смысло-языковый кризис; цивилизационный код.*

Введение

Актуализация проблемы исторической памяти в современных социогуманитарных исследованиях обусловлена тем, что она играет ключевую роль в обеспечении стабильного функционирования и саморазвития современного российского общества. Во-первых, историческая память является основополагающим фактором формирования общественного самосознания, поскольку понимание коллективной истории влияет на восприятие современных событий и выстраивание поведенческих стратегий современного человека. Во-вторых, историческая память важна как общенациональная ценность, позволяющая легитимировать государственную политику в изменяющихся условиях. В-третьих, она важна как средство стабилизации межпоколенных взаимодействий, в русле которых происходит «мягкая» трансляция традиций (в быту и повседневных практиках), что обеспечивает историческую преемственность и культурную связность общественного развития.

Особую ценность историческая память имеет для молодежи, инновационный потенциал которой становится в современном обществе одним из главных ресурсов социальной динамики. Ее отношение к историческому наследию и его критическое переосмысление во многом определяет тренды социально-политической активности молодых людей. Важен также потенциал исторической памяти в сфере преодоления деструктивных последствий межпоколенных конфликтов, тормозящих воспроизводство структуры социальных взаимодействий современного общества.

Особый акцент в актуализации исторической памяти вносит вопрос о статусе России как государства-цивилизации [5]. Такая квалификация нашей страны базируется на ее тысячелетней истории и культуре, объединяющей традиции взаимодействия различных народов. Формируя своеобразный цивилизационный код, коллективная память позволяет преодолеть кризисные моменты развития нашей страны, определяя пределы ее адаптационного потенциала и возможности рефлексивных ответов на вызовы глобальной современности.

Историческая память в контексте культуры времени

В современной социкультурной и политической ситуации российское государство выполняет миссию поддержания глобального баланса сил и выстраивания многополярной международной системы. Данная миссия исторически обусловлена как сложившейся геополитической ситуацией, так и исторически сформировавшейся культурной традицией. Многонациональный характер современной российской государственности, а также наличие «Русского мира» как выходящего за границы нынешней РФ культурно-историче-

ского пространства, актуализирует создание единой культурной среды в русле российской цивилизационной идентичности. В качестве ее основы может выступать историческая память как ресурс единения народов и формирование духовно-нравственного иммунитета.

Историческая память, основанная на коллективных репрезентациях прошлого, является важным элементом национальной идентичности, связывающим поколения и формирующим представления о своем прошлом, настоящем и будущем. Это не просто отвлеченные воспоминания, а живое ощущение сопричастности к судьбе своей страны. К примеру, сохранение исторической памяти о Победе нашего народа в Великой Отечественной войне приобретает особое значение, поскольку здесь память — это не только дань уважения подвигу предков, но и основа для укрепления гражданского самосознания и противодействия попыткам искажения истории, а также упрочения государственного и культурного суверенитета. Память о предках формирует не только чувство общности судьбы, но и ответственность (этику) будущих поступков.

Важно в этой связи то, что историческая память может быть использована для формирования групповой идентичности. Эти идентичности строятся на исторических мифах, определяющих «своих» и «чужих», а также конструирующих культурные значения современных международных противостояний. Обращая внимание на роль исторической памяти в противостоянии народов, зарубежные исследователи подчеркивают, что в современном обществе устная традиция передачи сведений дополняется (а нередко замещается) специализированными институтами [9]. Выполняя ее, эти институты одновременно обеспечивают лояльность населения к власти, ее легитимацию и социализацию молодого поколения.

Конструктивные характеристики исторической памяти определяют значимость рассмотрения ее осмысления в методологической рамке культуры времени. Концепция культуры времени как метаидеологии диагноза общественного сознания предложена О.В. Кашириной для исследования самосознания и деятельности цивилизационных субъектов [3]. Культура времени представляет собой инвариантную ценностно-смысловую структуру, позволяющую осмыслить единство прошлого как преемственности, настоящего как процессуальной целостности и будущего как целесообразности. Она, по сути, возвращает к долговременным ценностям, отделяя сиюминутное от традиционного.

Глобализационные тенденции современности, влекущие за собой связность символов и культурных кодов, ставят новые вопросы коллективной памяти. Элизабет Халас относит к ним такие, как: «Свое, или чужое прошлое мы помним?»; «Разделяет или объединяет нас прошлое?»; «Может ли историческая память превратиться в инструмент глобальной ассимиляции?» [8]. Все эти вопросы могут стать основой «конфликтов памяти», когда интерпретация событий прошлого служит инструментом обоснования лидерства той или иной нации в глобальном мире, формирует ее «национальный бренд» или определяет государственный имидж в современной международной повестке [1, с. 12].

События прошлого могут становиться предметом интерпретаций и манипуляций, особенно в современном цифровом пространстве, в котором разворачиваются информационные войны с их значимыми ценностно-смысловыми последствиями. В этой ситуации процессы отбора событий исторического прошлого, актуализации или сознательного забвения тех или иных фактов напрямую связаны с возможностями критического сознания социальных субъектов. Особенно значимы интерпретации прошлого для молодого поколения, склонного к его селективному восприятию и не всегда готовому к формулировке взвешенной оценки исторических событий [7].

Смысло-языковый кризис как аксиологическая характеристика современного социокультурного пространств

Для оценки данной ситуации представляет эвристическую ценность концепт смысло-языкового кризиса как пространства хаотизации языков и манипуляции сознанием и самосознанием. Этот концепт введен отечественным исследователем Л.В. Скворцовым для характеристики аксиологической ситуации в условиях глобальных геополитических противостояний [6].

В XXI веке ценностно-языковые кризисы сопровождают «гибридные» войны, проводимые Западом против России на культурном, идеологическом, энергетическом, коммуникационном, валютно-финансовом и других «фронтах». Смысло-языковый кризис свидетельствует о наступлении периода бифуркации глобального развития, когда определяются цивилизационные субъекты, берущие на себя ответственность за будущее ближайшего всего человечества. Ядром концепта смысло-языкового кризиса выступает культурно-временной анализ кризисной структуры смысловых полей коммуникации. Он проявляет обострение ценностных противоречий в индивидуальном и коллективном сознании и самосознании цивилизационных субъектов.

Проявления смысло-языкового кризиса наблюдается в следующих моментах.

— *Кризис внутренней мотивации*, когда происходит нарушение симметрии между информацией, знанием и пониманием. Результатом такого кризиса является разрыв личностного времени, в котором прошлое трактуется как перегруженное общественное значение, а опора на собственные силы чревата игнорированием культурно-временной перспективы. Появляется клиповое мышление, кризис внутренней мотивации делает субъекта легко внушаемым, подверженным внешней манипуляции.

— *Кризис внешней целесообразности* проявляется в состоянии максимального сближения оценок/ценностей с общественными значениями в смысловых полях коммуникации. Цивилизационные субъекты воспринимают такое сближение, как жесткое управление посредством внешних факторов.

— *Кризис коммуникативной правды* как динамического равновесия соответствия/несоответствия мотивации и целесообразности. Множество разрозненных языков порождает потенциал двойных стандартов: цивилизационную истину диктует меньшинство узкой элиты общества, в том числе научных экспертов, а коммуникативную правду очевидности формирует большинство масс. Возникает монополия на знания, которая господствует в постиндустриальном мире.

Эта ситуация ведет к увеличению числа индивидов, чья активность опирается на принципы клипового и примитивного мышления в понимании объективной реальности, а не на формирование духовных принципов и критического отношения к действительности. В связи с этим примитивизм как проявление общего духовного кризиса культуры нельзя преодолеть без культурфилософского осмысления социокультурной саморегуляции человека и формирования общей культуры самосознания цивилизационного субъекта и духовно-нравственного иммунитета [2].

Историческая память и духовно-нравственный иммунитет молодого человека

Духовно-нравственный иммунитет понимается как комплексное свойство личности, определяющее ее способность противостоять негативным влияниям информационным влияниям, сохранять и транслировать моральные ценности и устойчивую систему нравственных установок. Он включает в себя:

— невосприимчивость человека к чуждым воззрениям и другим духовным феноменам;

— его способность противостоять деструктивным воздействиям окружающей среды на духовном, ментальном и эмоциональном уровнях;

— профилактику психологической, социальной и информационной дезадаптации личности.

В этих процессах формируется критическое отношение к действительности, самопознанию, самовоспитанию и самокоррекции на основе общечеловеческих и традиционных ценностей [7]. Духовно-нравственный иммунитет в контексте восприятия прошлого позволяет нам воспринимать цивилизационных субъектов как носителей исторического опыта и находить общие смыслы деятельности. Его ценностный каркас предполагает усвоение традиционных понятий долга, верности и справедливости, контекстуально изменяющихся, но транслируемых на протяжении истории.

Интерпретация исторической памяти в современном российском обществе, таким образом, должна основываться не на сиюминутных интересах манипулирования сознанием, а на фундаментальных принципах современной онтологии и эпистемологии исторического наследия. В этом случае сознание молодежи со свойственной ей восприимчивостью к современным способам

подачи информации, противоречивостью ценностных установок и гиперкритицизмом, способно адекватно отражать цивилизационный код России. Складываясь из поколения в поколение, этот код отражает национальную идентичность и способность народа адаптироваться к изменяющимся условиям, сохраняя свои традиции и ценности. В этой связи, ценностно-смысловые и ценностно-значимые мировоззренческие координаты России требуют укрепления исторической памяти через институты социализации, и прежде всего, систему образования.

В сфере образования и воспитания молодежи необходимо делать опору на все, что нам помогает ей идентифицировать себя как полиэтничную и поликонфессиональную российскую нацию, способную не просто развиваться, но и ускоренно расти. Особенно стоит подчеркнуть идею единства прошлого опыта и будущих достижений в развитии российского общества, которая отражается в формировании духовно-нравственного иммунитета. Духовно-нравственный иммунитет — это мощный адаптирующий механизм, обеспечивающий целостность и невосприимчивость духовного мира человека к чуждой ментальности, сохраняющей собственную активность, путем информационного отбора и духовного сопротивления требованиям нерациональной повседневности, а также восхождению к современности как единству прошлого (преемственности) и будущего (потенциальной целесообразности) в информационном поле культуры.

Заключение

Проведенное исследование позволило раскрыть философское содержание исторической памяти в контексте культуры времени и уточнить ее значение как формы коллективного самосознания, обеспечивающей преемственность прошлого, процессуальную целостность настоящего и целевую направленность будущего. Историческая память показана не как совокупность сведений о прошлом, а как ценностно-смысловая структура, интегрирующая индивидуальное и коллективное измерения исторического опыта.

Анализ смысло-языкового кризиса современного социокультурного пространства продемонстрировал, что хаотизация ценностных полей, клиповое мышление и манипулятивные стратегии информационного воздействия ослабляют способность молодежи к целостному историческому восприятию. Выявлено, что кризис мотивации, целесообразности и коммуникативной правды подрывает внутренние механизмы саморегуляции личности и делает особенно актуальным укрепление культуры самосознания.

В работе обосновано, что духовно-нравственный иммунитет формируется как результат осмысленного включения исторической памяти в процессы социализации, прежде всего, через систему образования. Он проявляется в способности личности к критическому восприятию информации, сохранению традиционных ценностей и ответственному участию в общественной жизни. Тем самым историческая память выступает ключевым ресурсом цивилизационной устойчивости и фактором укрепления национальной идентичности в условиях глобальных вызовов.

Литература:

1. Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена // Ineternum. — 2013. — №1 (8). — С. 6-16.
2. Каширин В.И. Становление гуманитарной философии многополярности // Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал. — 2017. — Т. 6, №6. — С. 97-108. EDN: ZXWHUR
3. Каширина О.В. Культура времени как философская проблема // Наука. Инновации. Технологии. — 2005. — №41. — С. 5-10. EDN: SMDIFX
4. Мещерякова Е.И. Развитие духовно-нравственного иммунитета студенческой молодежи в условиях современного информационного противоборства // Гаудеамус. — 2022. — Т. 21, №2. — С. 67-74. DOI: 10.20310/1810-231X-2022-21-2-67-74 EDN: EOJPWB
5. Панов Е.Г. Историческая память в структуре фундаментальных социальных констант российской цивилизации // Казанский педагогический журнал. — 2022. — №1(150). — С. 249-254. DOI: 10.51379/kpj.2022.151.1.032 EDN: BFQAGF
6. Скворцов Л.В. Цивилизационные опасности: философская интерпретация. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 384 с.
7. Скворцова Е.М., Климова Я.С. Методологические основания интерпретации исторического прошлого как способа воздействия на сознание российской молодежи // Общество: философия, история, культура. — 2023. — №12. — С. 115-121. DOI: 10.24158/fik.2023.12.15 EDN: IDCZKJ
8. Halas E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age // Time & Society. — 2008. — Vol. 17. — №1. — Pp. 103-118. DOI: 10.1177/0961463X07086305
9. Smith A. D. Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism // Nations and Nationalism. — 1996. — Vol. 2. — №3. — Pp. 371-388.

HUMAN IDEAL AND ACTIVITY: DIALECTIC-TYPOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL INTERCONNECTION

Kozliuk Denis Valerievich, *Postgraduate student, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Donetsk People's Republic (Russia)*

The purpose of the study is to identify the key moments of the relationship between the ideal and human activity in the paradigm of social ontology and dialectical typology. The novelty of the work lies in substantiating the meaning-creating dominance of the ideal in the priority choice of the mode of action by the subject of sociality. The forms of rational relationship between the ideal and the activity of a socialized individual are substantiated in the context of the manifestation of the principle of the dialectical unity of typologies of nature, man, society, and culture. The main functions of the relationship between the ideal and the social activity of the subject of social practice are identified. The article reveals the ontological and epistemological mechanism of ideal formation in the format of "idea — goal formation — ideal achievement" in the cognitive and semantic activity of a socialized individual. The article focuses on the methodology of the logical and epistemological transition of the subjective image of the ideal-goal into the meaning image (thought form) of a specific action, which determine the reality of the practical activity of a creative individual.

Keywords: *person; society; ideal; activity; dialectics; typology; and sociality.*

EDN: CEYGYV **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.8**

Цитировать: *Козлюк Д.В. Идеал и деятельность человека: диалектико-типологические аспекты социальной взаимосвязи // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 44-49. EDN: CEYGYV. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.8*

УДК 101.8+140
5.7.7

© Козлюк Д.В., 2026

ИДЕАЛ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: ДИАЛЕКТИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

КОЗЛЮК Денис Валерьевич, *аспирант, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, Донецк, Донецкая Народная Республика (Россия)*

Цель исследования — выявить ключевые моменты взаимосвязи идеала и деятельности человека в парадигме социальной онтологии, диалектической типологии. Новизна работы состоит в обосновании смыслосозидающей доминантности идеала в приоритетном выборе способа действия субъектом социальности. Обосновываются формы рациональной взаимосвязи идеала и деятельности социализированной личности в контексте проявления принципа диалектического единства типологий природы, человека, общества и культуры. Выявляются основные функции взаимосвязи идеала и социальной деятельности субъекта общественной практики. Раскрывается онтогносеологический механизма идеалообразования в формате «идея — целеформирование — идеалодостижение» в когнитивно-смысловой активности социализированной личности. Акцентируется внимание на методологии логико-гносеологического перехода субъективного образа идеала-цели в смыслообраз (мыслеформу) конкретного действия, которые определяют реальность практической деятельности созидающей личности. Делается вывод о том, что взаимосвязь идеала и деятельности является надежным идейным фундаментом для духовно-нравственных ценностей сознательного человека, делающих его мировоззрение более устойчивым, надежным и неуязвимым. Утверждается, что социальный характер этой взаимосвязи доминантно проявляется в концептуальной парадигме диалектико-типологических отношений человека и общества. Используются принципы отражения, рефлексии, сравнения, всеобщей связи и развития, восхождения от абстрактного к конкретному.

Ключевые слова: *человек; общество; идеал; деятельность; диалектика; типология; социальность.*

Проблема идеала и деятельности человека занимает ключевое место в философском и социально-гуманитарном знании. В цивилизационном пространстве социально-типологической реальности их детерминационная взаимосвязь в структуре личности принципиально невозможна без смысловой предметности понятийного мышления субъекта соци-

альной практики позитивной или негативной ориентации.

Смысловая конкретность идеала индивида способствует разработке ведущих стратегий человеческой жизнедеятельности, особо проявляемых в ситуациях социальной неопределенности и связанных с обострением кризисных явлений в общественной среде. Объектологические сложности в развитии современного информационного общества указывают на необходимость, с одной стороны, более глубокого социально-философского анализа типоопределенной сущности человека, приоритетность диалектико-типологического выявления многовидовых факторов развития сущностных сил индивида и социума. С другой стороны, динамика коммуникативных связей в информационной среде, логика смыслоформирующего проявления общественных идеалов и ценностей, антропокультурных норм бытия онтологически редуцируют новые возможности диалектического понимания типологии многообразных социальных взаимоотношений.

Эти и другие моменты основополагают философию когнитивно-типологической взаимосвязи идеала и социальной деятельности, конкретизируют практические аспекты мировоззренческой и смысложизненной позициональности человека-созидателя. В предметном фокусе этих значений идеал представляет собой всеобщую концептуальную модель духовно-нравственных стремлений человека, осознанная конструктивность которой направлена на практическое воплощение (самоосуществление) его высших идей, созидательных целей, благородных намерений в социуме. Говоря об идейно-нравственных аспектах ценностного отношения человека к окружающей действительности, можно сказать, что социальный идеал «это ценностная модель его познавательной активности. Субъективированный характер этой модели имеет идеальную сущность, так как отражает систему мировоззренческих устремлений индивида к достижению целей существования как человека, так и общества. В своей идейно-нравственной конкретности эта система служит концептуальной целеустановкой для социально-типологического развития личности в трансформационных условиях ее бытия» [6, с. 37].

Диалектико-типологический подход к исследованию позволил выявить сущностные характеристики идеала. Во многих исследованиях под идеалом понимается: идеальный образ; образец (стандарт) кого-либо или чего-либо; воображаемый образец совершенства; мыслимый эталон стремлений, желаний, побуждений человека; прогностическая мечта; высшая степень ценного состояния какого-либо явления в общественной среде (Л.С. Андреева, Д.А. Блануца, В.П. Бранский, А.В. Гижа [1], В.Е. Давидович, М.Я. Дворецкая, С.В. Ермолов, Л.С. Зарилова, Ю.П. Ивонин, Д.И. Измайлова [4], З.Г. Искандарова, Г.П. Ковалева, Т.А. Лукшина, В.В. Матушевская [11], А.В. Миронов, Л.А. Павлова, Д.В. Пивоваров, Н.М. Полетаева, Е. М. Прошина, А.Г. Теслинов [12], С.В. Тимофеева, С.В. Туманов, Е.В. Ушаков, В.Р. Фельдман, С.Н. Шумилов и др.). Отмечая высокую роль морально-нравственного эталона в социальной деятельности человека, Е.В. Кирпеченок подчеркивает: «идеал выступает в форме идеального образа, образца, универсальной цели рода человеческого, всеобщей формы целеполагающей деятельности, определяющего способа и характера поведения. Идеал есть совершенство, совершенный образец чего-либо; высшая конечная цель стремлений, деятельности. Идеал — высшая цель на пути самосовершенствования, постулат и императив. При этом он может выступать и в виде конкретно-чувственного представления о высшей норме и пути его достижения» [5, с. 105].

Идеал выступает как высшая цель, образец совершенства, норма или представление о конечном состоянии чего-либо, к которому стремится субъект. Идеал человека не может рассматриваться вне социально-культурного контекста, вне системы общественных ценностей и доминирующих идей государства. Он является продуктом общественного бытия и общественного сознания, отражая тем самым культуроёмкую структуру социальных связей и отношений. В этой связи немецкий философ Альберт Швейцер говорил о том, что идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет свою подлинную человечность.

Социальный идеал — ценностная основа национального самосознания образованного и культурно воспитанного человека. Роль и значение общества в этом вопросе — первостепенна. Как подчеркивают А.Ф. Григорьев и

М.А. Григорьева, «формирование нравственно-эстетических, моральных, духовных ценностей в обществе является фундаментальной основой культуры, обеспечивающей позитивную динамику социокультурного и социально-экономического развития общества…» [3, с. 20].

Социальная деятельность представляет собой сознательную активность, которая направлена на преобразование человеком реальности в соответствии с имеющимися у него целями и усвоенными культурными ценностями (А.С. Анисимов, В.Н. Антошкин, Е.М. Бабосов, В.Л. Гавеля, И.А. Газиева, И.А. Гусейнова, А.С. Кравец [7], И.Д. Личман, К.Н. Новикова, Р.Ю. Соколов, А.А. Станюкович, В.С. Степин и др.).

Идеал как феномен субъективного мира тесным образом связан с деятельностью, представляя тем самым некий познавательный результат сравнительного постижения реальности в фокусе ее объективной значимости и обоснованной целесообразности применения в социально-культурной практике бытия человека.

Идеал и результаты деятельности социализированной личности диалектически взаимосвязаны, их влияние друг на друга весьма существенно. Социальная онтология их взаимного воздействия динамична, близкородственна и в зависимости от своей интенциональной предметности способна диалектико-типологическим образом развивать как интеллектуальные, так физические свойства (качества) индивида.

Рациональная взаимосвязь идеала и деятельности, по мнению автора, проявляется в таких основных формах, как:

а) *целеполагание*. Онтологическая и логико-гносеологическая сущность идеала закономерно трансформирована в конкретную, измеримую и достижимую цель, которая формирует созидательную мотивацию индивида, конкретизируя смысл и приоритеты в использовании им материальных, интеллектуальных ресурсов, времени, способов принятия и реализации различного рода решений. Цель — имманентная основа идеала;

б) *проектирование*. Идеалы служат «созидающим фундаментом» для разработки конкретных планов и проектов. В мышлении субъекта социальной практики рациональность моделируемого строится на логическом анализе имеющихся возможностей, а также на сопоставлении желаемого результата с реальными условиями его бытия. Это помогает индивиду избежать хаоса и бессистемности в действиях. В своей проектируемой направленности деятельность личности должна быть организована таким образом, чтобы минимизировать затраты и максимизировать результат.

в) *смысловая регуляция.* Идеи и идеалы обладают свойством упорядочивания итогов практических достижений человека, а поэтому выступают критерием оценки результатов его целеопределенной деятельности. Исходя из более эффективной реализации замысла на действие, корректировка человеческой активности происходит посредством внесения изменений в планы, методы и стратегии деятельности с учетом различных данных и анализа обратной связи. Постоянное типологическое сравнение результатов достигнутого с планами практической реализации позволяет выявлять ошибки и вносить необходимые коррективы. Такой процесс способствует совершенствованию как деятельности, так содержания самих идеалов.

В совокупности эти формы рациональной взаимосвязи позволяют, как человеку, так обществу, не просто иметь накопленные знания и опыт, но целенаправленно, осмысленно и эпродуктивно работать над воплощением различных идеалов в жизнь.

Несомненно, в формах взаимосвязи идеала и деятельности в снятом виде наличествует имманентная составляющая, закономерность проявления которой определена противоречивым форматом человеческой активности: «идея — цель — идеал». Рациональная явленность этого формата противоречива, чем определяет приоритетность выбора способа действий человеком. Говоря о генезисе причинности, Г.В. Гелель в своей книге «Наука логики» авторитетно резюмировал о том, что противоречие есть корень всякого движения и жизненности, поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью.

Онтологическое и гносеологическое единство форм взаимосвязи идеала и социальной деятельности является необходимым условием и закономерной детерминантой познава-

тельно-типологической опосредованности образно-понятийного представления человека о конкретной действительности и способах ее практического освоения.

Смыслосозидающая доминантность идеала проявляется в приоритетном выборе соответствующих свойств и способа действия субъектом социальности. Это возможно в силу того, что формы рациональной взаимосвязи идеала и деятельности социализированной личности детерминированы проявлением принципа диалектического единства типологий природы, человека, общества и культуры. Сущность данного принципа, согласно утверждению Ю.М. Лустина, представляет собой «основополагающее установление, раскрывающее органическое единство типологического содержания природы, человека, общества и культуры, которое отражает взаимопроникновение их свойств, относительная тождественность которых сохраняется в процессе антропосоциотипогенеза» [9, с. 296].

Такой диалектико-материалистический подход отражает методологию логико-гносеологического перехода субъективного образа идеала-цели в смыслообраз (мыслеформу) конкретного действия, определяющие реальность практической деятельности созидающей личности. По сути дела, функциональность образно-мыслительной деятельности человека, в снятой форме своей существенности, имеет смыслополагающую определенность, в которой концепт «идея-образ-идеал» — есть закономерный результат развития человека в мировоззренческом постижении реальности. Более того, функциональная модальность данного концепта является основой онтогносеологического механизма идеалодостижения в практике социального бытия.

Как следствие, диалектико-типологическое содержание концептуальной взаимосвязи идеала и социальной деятельности раскрывается в ее функциях. Основными из них являются:

а) *методологическая*. Данная функция отражает способность понятийного мышления человека духовно-нравственным образом интегрировать смысловые связи и отношения человеческого бытия в их направленности на практическую деятельность. Конструктивность этой способности, прямо или косвенно, связана с качеством когнитивных возможностей субъекта использовать различные формы социального познания (знания) в праксеологических моделях их реальной значимости и диалектико-типологической осуществимости [13].

б) *логико-конструктивная.* Социально-типологическая составляющая взаимосвязи идеала и деятельности конструктивна в предметном поле своей духовно-нравственной потенциальности, практической актуальности, интеллектуальной значимости.

Типология процесса оценочно-прогностического конструирования человеком реальности рефлексивно фундирована моментами логико-гносеологического «наложения» его мыслительных абстракций на объективность внешней среды, которые ее восприняты (различные понятийные конструкции, факты самоанализа интерактивных размышлений, концепт-алгоритмы смысловой актуальности, когнитивные результаты рефлексивного опыта и т.п.). Стало быть, идеал выступает как рефлексивно-конструктивный модератор в доминантном оперировании мыслительными средствами познания во всех модусах человеческого бытия. В этой связи, говоря об интеллектуальной координации элементов рефлексивного процесса мыслительной деятельности индивида, Ю.М. Лустин пишет: «Рефлексивная составляющая типологического конструктива ориентирована на социокультурную реконструкцию всего предшествующего знания человека, что позволяет достижимо представлять его обновленное содержание в процессе инновационного развития личностного интеллекта. Данное установление предполагает, прежде всего, диалектику перехода логико-гносеологических связей, образований, зависимостей различной модальности в устойчивые элементы креативно обновленной человекомерной содержательности, которые идентифицируют эвристические, оригинально-новаторские и смыслопостигаемые пути творческого самоопределения индивида» [8, с. 192].

в) *рефлексивная.* С позиции деятельностного подхода содержание процесса идеалообразования определяется результатами рефлексии мотивационно-ценностной сферы сознания (мышления) личности. Идеал как рефлексивно-оптимизирующий ориентир самопостижения бытия развивает способность

"взглянуть на себя со стороны", критически оценить индивидуальный опыт и понять его значение под воздействием различного рода информационной реальности. Социальная энергия этого влияния актуализирует процесс ментального самосовершенствования индивидуального «Я» в структуре деятельности личности. Это способствует ментальному постижению действительности, рефлексивному расширению жизненных устоев субъективно-ценностных стилей деятельности современной личности, пониманию глубинных основ ее индивидуальности.

г) *мотивационная*. Особенность типологии любой мотивационной активности заключается в онтологическом и гносеологическом побуждении человека предопределять логико-смысловую, интуитивную, чувственно-рациональную направленность своей деятельности. Аксиологические аспекты идеалообразования, в мотивационном контексте причинно-следственной зависимости, существуют в реальном формате человеческой жизнедеятельности: «социальный интерес — социальная потребность — социальный характер — социальная установка — социальная деятельность».

д) *когнитивно-управленческая*. Идеал как фактор деятельной сущности личности — это источник побудительной активности ее витальных сил. Модальность этой активности, по отношению к социальным явлениям, имеет свойство мобилизующего действия организационной направленности, логико-когнитивной регулятивности и координирующей значимости для человека и общества.

В главном и основном данные функции взаимосвязи идеала и социальной деятельности выполняют в жизнедеятельности человека важную роль, определяя, во-первых, цели и образы его личностного и профессионального развития. Во-вторых, поливариантность содержания отмеченных функций носит мировоззренческий, а значит, доминантный характер, который сублимирует духовно-нравственную энергию человека, повышает идейно-моральный уровень его самосознания. Говоря об идейных аспектах духовно-нравственного императива сознательного гражданина, Ю.М. Лустин и О.В. Пефтиев отмечают: «Мировоззрение социализированной личности обладает качеством интерсубъективности, поскольку в идейно-политическом процессе объективных и субъективных отношений ей презентируется особая статусность — быть связующим моральным эталоном между осознанными целями человека и его реальными действиями по их осуществлению в духовно-нравственной, идеологической, культурно-бытовой, психолого-интуитивной, этнонациональной сферах жизнедеятельности общества» [10, с. 234]. Если это так, то существование идеала в мировоззрении личности связано с особым когнитивно-смысловым состоянием «эталонности сознания» и понимающего мышления, что предполагает, в качестве наивысшего образца побудительной активности, наличие у нее твердых убеждений, общезначимых интересов, принципиальных политико-идеологических и патриотических позиций. Взаимосвязь идеала и деятельности является надежным идейным фундаментом для духовно-нравственных ценностей сознательного человека, что делает его мировоззрение более устойчивым, надежным и неуязвимым. Социальный характер этой взаимосвязи доминантно проявляется в концептуальной парадигме диалектико-типологических отношений человека и общества [14].

Заключение

1. Идеал является атрибутивной характеристикой человеческой жизнедеятельности. Идеалы человека придают его устремлениям цивилизованные формы своего проявления. Основополагающая черта социального идеала заключается в потенциальной возможности действенного воплощения в конкретных результатах практической деятельности человека. Диалектически отражая структуру социальных отношений, господствующую систему ценностей и идеологию общества, идеал влияет на всестороннее развитие типологии (типа) человека и типа (типологии) социума.

В своей антропо-онтологической и логико-гносеологической существенности социальный идеал предстает в качестве смыслового образа понимающего мышления деятельного человека, способного к самосовершенствованию, креативному и активному участию в жизни государства и гражданского общества.

2. Диалектико-типологическая обусловленность форм взаимосвязи идеала и социальной деятельности может быть эксплицирована в двух планах. Первый план конкретизирует

проявление форм взаимосвязи в качестве основы онтогносеологического механизма идеалообразования в формате «идея — целеформирование — идеалодостижение». Второй план определяет содержание функций взаимосвязи идеала и когнитивно-сознательной активности созидательной личности.

3. Социально-типологическая взаимосвязь идеала и социальной деятельности детерминирована противоречивым единством материального и духовного, актуального и потенциального, должного и сущего, рационально-логического и эмоционально-чувственного, существенного и достижимого.

Диалектическое единство социального идеала и когнитивно-сознательной активности социализированной личности представляет собой некий онтогносеологический формат отношений субъективных духовно-нравственных свойств и объективных качеств практической деятельности, которые смыслоопределяют доминантное содержание ее жизнедеятельности. В этом плане морально-духовные основания бытия социализированной личности детерминируют смысловые аспекты культурно-рациональной деятельности ее сознания (мышления), что способствует осознанной реализации ключевых стратегий человеческого существования. «Когда природа лишила человека его способности ходить на четвереньках, говорил Максим Горький, она дала ему, в виде посоха, — идеал! И с той поры он бессознательно, инстинктивно стремится к лучшему — все выше! Сделайте это стремление сознательным, … только в сознательном стремлении к лучшему — истинное счастье» [2, с. 427].

Литература

1. Гижа А.В. Идеология будущего и религия // Культура и цивилизация. — 2018. — №2(8). — С. 59-64. EDN: YRNBYD
2. Горький М. Часы // Собрание сочинений: в 30-ти т. — Т. 2. Рассказы, стихи. 1895-1896. / М. Горький; Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. — М.: Гослитиздат, 1949.
3. Григорьев А.Ф., Григорьева М.А. Культура как духовная константа эволюции общества. — KANT. — 2020. — №2(35). — С. 15-21. — EDN: EUDKUJ. DOI: 10.24923/2222-243X. 2020-35.2
4. Измайлова Д.И. СМИ как аксиологический регулятор общественного сознания: социально-философский аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание, 2021. — №8. — С. 70-73. DOI: 10.37882/2500-3682.2021.08.07 EDN: KOYZSG
5. Кирпиченок Е.В. Проблема идеала и гармония человеческого бытия // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. — 2011. — Т. 11. — С. 101-106. EDN: STGLSH
6. Козлюк Д.В. Социальный идеал и типология человека: диалектическая концептуальность // Культура и цивилизация. — 2025. — №3(25). — С. 36-45. EDN: DFQYKJ
7. Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности: монография / А.С. Кравец; — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2008. — 301 с. EDN: QOJAUF
8. Лустин Ю.М. Типологический конструктив как гносеологическая доминанта мыслетворчества личности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2021. — Т. 10, №3А. — С. 194-201. EDN: ZLJKAM. DOI: 10.34670/AR.2021.-64.61.028
9. Лустин Ю.М. Личность, типология, общество: диалектика социальной рациональности: монография, — Донецк: ДОННУЭТ, 2023. — 340 с. EDN: BKMILQ
10. Лустин Ю.М., Пефтиев О.В. Патриотическое сознание и правовая культура человека: концептуальность аксиологического взаимодействия. — KANT. — 2025. — №2(55). — С. 229-236. — EDN: OXWFTJ. DOI: 10.24923/2222-243X. 2025-55.34
11. Матушевская В.В. Проблема взаимодействия человека и природы в современной научной мысли / В.В. Матушевская // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: колл. монография по итогам VI Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 04 декабря 2025 года. — М.: Русайнс, 2026. — С. 94-100. — EDN: OOHTRS.
12. Теслинов А.Г. О порождении идеалов развития общества // Идеи и идеалы. — 2022. — Т. 14, №3-1. — С. 175-194. DOI: 10.17212 /2075-0862-2022-14.3.1-175-194
13. Lustin Yu. M. Dialectical typology: conceptual potentiality // Scientific Dialogues: Russia and the UAE in the 21st Century: Proceedings of the International University Scientific Forum (April 23, 2025. UAE). — Part 2. — Pp. 88-94. DOI: 10.34660/INF.2025.75.74.142 EDN: QRXUWD
14. Lustin Yu. M. The concept of dialectical-typological Interaction between man and society: social and ontological foundations // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: Proceedings of the International Conference — Reports in English (August 27, 2025. Beijing, PRC). — Pp. 109-115.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CLASS IDENTITY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Kostritskaya Taisa Andreevna, *PhD of Philosophy, Assistant Professor*

Poluboyarinov Andrey Romanovich, *Assistant*

Cao Yun, *Postgraduate student*

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow (Russia)

The purpose of the study is to provide a theoretical and methodological characterization of class identity. The article examines identity as a stable form of individual consciousness, which is formed in the process of the individual's practical-critical activity. Identity describes individuals as relatively stable integralities that are "identical to themselves". The absence of identity is a state of alienation. In the formation of class identity, labor activity is a key factor. The scientific novelty of the research lies in substantiating a new approach to understanding identity. The article formulates a definition of class identity and examines the interrelationship between concepts such as "class", "identity", and "alienation". The study of class identity sheds light on several crucial aspects of human life at the intersection of labor, alienation, and exploitation. The findings of the study establish that class identity is a stable form of consciousness, encompassing a specific set of social relations, practices, and behaviors of an individual, determined by their position in social reproduction. This identity is a relation formed in the process of class struggle, rather than a predetermined state or property of the individual. The complex process of forming class identity is inextricably linked to the processes of class formation in society (the transition from a "class-in-itself" to a "class-for-itself") and to the practical-critical activity of the individual. The presence of class identity in an individual is determined by the development of their class consciousness and their readiness for collective action.

Keywords: *philosophy; identity; class identity; class struggle; alienation; labor; exploitation.*

EDN: CFMFAT ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.9***

Цитировать: *Кострицкая Т.А., Полубояринов А.Р., Цао Ю. Теоретико-методологическая характеристика классовой идентичности: социально-философская перспектива // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 50-60. EDN: CFMFAT. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.9*

УДК 101.8
5.7.7

© Кострицкая Т.А., Полубояринов А.Р., Цао Ю., 2026

КОСТРИЦКАЯ Таиса Андреевна, *кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии*
ORCID: 0000-0001-5168-149X
SPIN-code: 5113-1507

ПОЛУБОЯРИНОВ Андрей Романович, *ассистент кафедры социальной философии*

ЦАО Юнь, *аспирант кафедры социальной философии*
ORCID: 0009-0006-4180-8323

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва (Россия)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЛАССОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Цель исследования — теоретико-методологическая характеристика классовой идентичности. В статье рассматривается идентичность как устойчивая форма сознательности индивида, которая формируется в процессе его практико-критической деятельности. Идентичность описывает индивидов в качестве относительно устойчивых, «тождественным самим себе» целостностей. Отсутствием идентичности является состояние отчуждения. При формировании классовой идентичности ключевым фактором выступает трудовая деятельность. Научная новизна исследования заключается в обосновании нового подхода к пониманию идентичности. В статье формулируется определение классовой идентичности и рассматривается взаимосвязь между такими понятиями, как «класс», «идентичность» и «отчуждение». Исследование классовой идентичности позволяет пролить свет на ряд важнейших сторон жизни человека, находящихся на стыке труда, отчуждения и эксплуатации. В результате исследования установлено, что классовая идентичность является устойчивой формой сознательности, включающей в себя набор определенных социальных отношений, практик и поведения индивида, определяемых их местом в общественном воспроизводстве. Данная идентичность является отношением, формируемым в процессе классовой борьбы, а не раз и навсегда определенным состоянием или свойством индивида. Сложный процесс формирования классовой идентичности неразрывно связан с процессами классообразования в обществе (переходом от состояния «класса-в-себе» к состоянию «класса-для-себя») и

с практико-критической деятельностью самого индивида. Наличие у индивида классовой идентичности определяется сформированностью у него классового сознания и готовностью к совместным коллективным действиям.

Ключевые слова: *философия; идентичность; классовая идентичность; классовая борьба; отчуждение; труд; эксплуатация.*

Введение

Проблема исследования заключается в том, что современные исследования классовой идентичности укоренены в двух традициях понимания класса, восходящих к концепциям К. Маркса и М. Вебера. Для М. Вебера понятия класса и классового статуса обозначают «только факт тождественности или похожести в типичной ситуации, где данный индивид и многие другие люди определились в своих интересах», а классовые статусы конституируются сочетанием средств производства, инвестиций, основных капиталов, рыночных способностей и т.д. [5, с. 147-156] Для исследователей, работающих в веберовской традиции, экономическое классовое положение создает жизненные возможности, которые в совокупности с социальным статусом и политическими партиями формируют конкретные идентичности. Для этой традиции характерно внимание к социальным аспектам класса, в то время как марксистская линия делает акцент на формирование класса как политической силы с помощью классового сознания, посредством которого осознается общий интерес.

Актуальность исследования обусловлена терминологическим сдвигом в исследовании идентичности. В этом контексте примечательно замечание М. Карадага о терминологическом сдвиге, который произошел в исследованиях классовой субъектности: понимание ее как сознания сменилось видением ее в качестве идентичности [21, с. 1031]. Исследования первого типа обращают внимание на проблему осознания людьми общих интересов и собственного положения. Они уделяют приоритетное внимание изучению классовой культуры и аспектов, связанных с трудовыми отношениями. Исследования же классовой идентичности обращают внимание на различные виды повседневной деятельности вроде обучения в школе, воспитания детей, досуга и потребления. Настоящее исследование делает акцент на понимании классовой идентичности как источника политического самоопределения.

Согласно указанной цели, можно поставить следующие задачи: 1) сформулировать определения идентичности; 2) рассмотреть взаимосвязи между идентичностью, отчуждением и трудовой деятельностью; 3) определить факторы формирования классовой идентичности; 4) обосновать публичные основания классовой идентичности и их организационное закрепление в переходе от опыта к действию; 5) провести критический анализ концепции классовой идентичности.

Основу методологии исследования составляет социально-философский подход, а также общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение и другие). Теоретической базой данного исследования являются социальные теории К. Маркса, М. Вебера, Э. Гидденса, А. Пржеворского. Теоретико-методологическую основу данного исследования составляют классические и современные концепции социальной стратификации, а также подходы, рассматривающие классовую идентичность как социальный и культурный конструкт таких авторов, как С. Лоулер, Б. Скэггс, М. Сэвидж, В. Боттеро, М. Хечтер, М. Рис и Л. Франсуа. Существенный вклад в понимание сложной природы идентичности вносят исследования Х. Хартманн, Дж. Лернер, И.И. Юкиной. Теоретическая база исследования также опирается на обширный пласт эмпирических работ, анализирующих классовую идентичность в различных национальных контекстах: Т. Гаврилюк и В. Гаврилюк, Ли Пэйлинь, Лю Айюй, Сюй Ци, Фэн Шичжэн, Цинь Гуанцян, М. Кан Томас и другие. Критический анализ классовой идентичности представлен в работах Р. Нисбета, Д. Белла, Я. Пакульски, У. Бека, Э. Бека-Гернсхайма.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его теоретических выводов и эмпирических

обобщений для решения широкого круга прикладных задач в области социальной политики, управления общественными процессами, а также в деятельности социальных институтов. Материалы исследования вносят вклад в понимание механизмов формирования идентичности у социальных классов. Выдвижение принципиально нового подхода к определению идентичности может послужить основой для дальнейших исследований в этой области.

Определение идентичности

Исследование рассматривает не вопрос «кто чем владеет», а то, как субъект в практиках труда и повседневности формирует позицию — «с кем он вместе». Определение класса через происхождение или собственность плохо объясняет ряд типичных для современности явлений: люди со сходным происхождением демонстрируют полярные политические установки, тогда как люди разного происхождения способны вступать в устойчивые коалиции в отдельных конфликтах. Если же свести класс к техническому описанию экономической позиции, остается неясным, почему и при каких условиях люди начинают мыслить себя как «мы» и готовы коллективно действовать.

В ходе практико-критической деятельности у людей формируются устойчивые формы сознательности, зависящие от уровня развития общества и общественного производства. Одной из таких устойчивых форм является идентичность, которая описывает индивидов в качестве относительно устойчивых, «тождественным самим себе» целостностей. Говоря философски, идентичностью является осознание человеком своей родовой сущности. Однако идентичность есть не свойство, а отношение, которое закрепляется или трансформируется только в ходе социального взаимодействия. Идентичность является деятельностью индивида по поддержанию тождественности себе, выражающееся в соответствующем поведении и практиках. Можно сказать, что идентичность — это самосознание человека, его противоположность — отчуждение.

Идентичность, отчуждение и трудовая деятельность

Классовая идентичность, как и любая другая, не присуща человеку от рождения, а формируется им в процессе практико-критической деятельности. Классовая идентичность тесным образом связана с процессами классообразования, в которых обнаруживает себя индивид в зависимости от места в системе разделения труда и отношения к средствам производства. Как отмечает В. Боттеро, «вопрос не в том, почему рабочий класс не имеет классовой идентичности, а скорее в том, почему и при каких обстоятельствах иерархически дифференцированные группы формируют явные классовые дискурсы» [4, с. 997]. Классовая идентичность — это не индивидуальный ярлык и не сумма частных переживаний, а позициональная форма самопонимания, формируемая внутри институционализированных отношений и проверяемая в публичном взаимодействии. Ее реляционный характер не означает «отрыва от структуры». Напротив, структурное положение становится частью субъективного опыта лишь тогда, когда оно входит в жизненный мир через порядок общения и практики обоснования. В результате возникает относительно устойчивая связка: «кто мы» — «какие требования считаем оправданными» — «как действуем».

Трудовая деятельность и, в целом, деятельность как таковая является ключевым элементом при формировании идентичности. В процессе практико-критической деятельности происходит усвоение индивидом определенных устойчивых черт и свойств, которые становятся основой для образования устойчивых форм сознательности личности. Поэтому отправной точкой в исследовании классовой идентичности является место человека в системе общественного воспроизводства. Трудовое положение в данном подходе понимается шире, чем доход и профессия. Оно включает контроль над трудовым процессом, степень заменяемости, распределение рисков, власть над временем, а также то, как издержки социальной репродукции (образование, уход, здоровье, жилье) поглощаются семьей и индивидом. Классовые различия переживаются не как статистика, а как повседневные факты: «мое время уважают или нет», «меня можно заменить в любой момент или нет», «я один несу неопределенность или нет».

Современное общество остается классовым обществом, основанном на разделении труда

и эксплуатации. По утверждению М. Рис и Л. Франчос, «следует отметить, что западные общества все еще в значительной степени зависят от глобального разделения труда, которое построено на наличии дешевой, плохо защищенной и в основном неквалифицированной рабочей силы в регионах, занимающих второстепенное или непосредственно периферийное положение по отношению к традиционным центрам экономической и политической власти» [28, с. 12].

Механизмом классообразования является система эксплуатации, в которой одни классы являются владельцами средств производства и продуктов труда, а у других — продукты их труда отчуждаются. «Большинство людей подвергаются эксплуатации. Это общее положение. Женщины из рабочего класса подвергаются эксплуатации как работники и угнетению как женщины. Как работники, они имеют общие интересы с работниками-мужчинами. Кроме того, хотя такие социальные группы, как женщины, чернокожие, далиты, мусульмане, евреи, иммигранты, беженцы, инвалиды, коренные народы, подвергаются особому угнетению (некоторые из них подвергаются угнетению по признаку пола, а другие — по признаку расы), общее для всех них заключается в том, что происходит посягательство на демократические права всех групп населения» [16, с. 25].

Отчуждение, являясь обратной стороной классовой идентичности, становится движущей силой ее формирования. Однако процесс приобретения классовой идентичности может быть длительным в зависимости от интенсивности деятельности и силы эксплуатации. В. Боттеро обращает внимание, что если у рабочего отсутствует классовая идентичность, то это не является доказательством отсутствия классовой борьбы и эксплуатации [4, с. 992]. В конечном счете, классовая идентичность приобретается в процессе борьбы классов, которая объединяет разных по полу, национальности, расе и другим особенностям людей.

Приобретение классовой идентичности и классового сознания напрямую связано с переходом из «класса-в-себе» в «класс-для-себя», выражаясь словами К. Маркса, когда происходит осознание индивидом своего классового положения и своих классовых интересов. Э. Гидденс отмечает, что «классовое сознание включает прежде всего осознание наличия, пусть смутное, другого класса или других классов: восприятие классовой идентичности предполагает осознание характеристик, которые отличают тот класс, к коему принадлежит субъект, от другого или других» [18, с. 37]. Иными слова, чтобы крестьянин XIX века осознал себя как класс, ему было необходимо установление достаточно богатых и комплексных коммуникаций с другими представителями его класса. Помимо коммуникации, о зрелости классовой идентичности и классового сознания говорит способность к коллективному действию. Именно в коллективном классовом действии «класс-в-себе» переходит в «класс-для-себя».

Факторы формирования классовой идентичности

Формирование классовой идентичности зависит от многих факторов, начиная от социально-экономических, заканчивая культурными и политическими условиями. М. Рис и Л. Франчос пишут, что «культурные репрезентации класса отражают и активно участвуют в этом множестве позиций, как становится ясно из обширного, постоянно расширяющегося архива повествовательных и визуальных историй, посвященных наиболее гетерогенным интимным и социальным, личным и коллективным переживаниям класса» [28, с. 24]. Классовая идентичность индивида на субъективном уровне выражается в совокупности личных историй и жизненного опыта, воспроизводящего в той или иной форме основные классовые противоречия. Б. Эйдлин обращает внимание на то, что «классовая идентичность не возникает просто так. Она является результатом часто случайных и непредсказуемых социальных и политических процессов» [17, с. 1052].

Ключевым посредником между структурой и опытом выступает порядок признания. Классовая ситуация, как правило, переживается через рутинное распределение достоинства и пренебрежения: кому «положено» говорить и быть услышанным, кого воспринимают как «деталь», «временного», «приезжего»; чьи требования читаются как права, а чьи — морализуются как «капризы» и «неблагодарность». Эти повторяющиеся различения

оседают в стыд, злость, апатию или готовность к сопротивлению и во многом определяют, станет ли ситуация осмыслена как позиция.

При этом идентичность не фиксируется на уровне аффекта. Ее устойчивость зависит от того, возникает ли общий язык оснований, позволяющий связывать разрозненные эпизоды в объяснимую и защищаемую линию. В дальнейшем мы будем обозначать это как публицизация: перевод жизненных фактов в форму нормативных утверждений, пригодных для обсуждения, возражения и согласования действий. Публицизация предполагает грамматику обоснования — устойчивые способы объяснять, почему определенный порядок несправедлив, почему риск распределен односторонне, почему должны измениться правила и обращения. Пока такой грамматики нет, опыт остается фрагментированным и персонализированным; когда она появляется и воспроизводится в коммуникации, возникает коллективное «мы» и связанная с ним линия действия.

Следовательно, формирование классовой идентичности не описывается схемой «структура → сознание» как автоматическим выводом. Речь идет о процессе, в котором структурное напряжение, порядок признания и практики публицизации взаимно усиливают или, напротив, блокируют друг друга.

Китайские эмпирические исследования дают здесь важный контекст. Фэн Шичжэн на материалах CGSS различает политическую классовую идентичность и идентичность в системе стратификации и показывает связь изменения структуры самоидентификаций с социальной стабильностью в переходный период [10, с. 127-133]. Это указывает на несовпадение «классового» и «политизируемого»: публицизация не является прямым отражением позиции, она разворачивается в поле социальных воздействий и конкурирующих интерпретаций. Сюй Ци, анализируя CGSS 2010 и 2013 годов, вводит понятие «смешанного» субъективного стратификационного самоопределения, подчеркивая роль статуса супруга и родителей; тем самым семья выступает важной единицей анализа [9, с. 102]. В социально-философском смысле это подчеркивает укорененность идентичности в режимах репродукции: распределение обязанностей ухода, образовательных расходов и поглощения рисков влияет на рамки интерпретации и выбор стратегий. Лю Айюй на материале реформ государственных предприятий показывает, как различия в занятости, гарантиях и шансах продвижения порождают внутри рабочих групп разные режимы идентичности и разные практики действия [8, с. 21-26]. Здесь особенно видна связь порядка признания с институциональной архитектурой. Ли Пэйлинь, анализируя социальные конфликты и классовое сознание в период реформ, демонстрирует, что классовая идентичность активируется и переписывается в ситуациях столкновения интересов [7, с. 7]. Цинь Гуанцян, обобщая результаты эмпирических работ, подчеркивает двуединство измерений «объективная стратификация / субъективная идентификация» и отмечает посредническую роль признания статуса между классовым сознанием и стратификационной идентичностью [11, с. 5]. В рамках предлагаемого подхода эти результаты читаются как подтверждение: структурная позиция, опыт достоинства и публицизация — разные стороны одного процесса, определяющего, когда и как идентичность произносится и может ли она стабилизироваться в форме устойчивой коллективной способности действовать.

В этом контексте различение «класс-в-себе / класс-для-себя» целесообразно трактовать как траекторию практик, а не как линейный сюжет «пробуждения». «В-себе» означает не отсутствие страдания, а отсутствие общей грамматики, связывающей опыт в публично обсуждаемое основание. «Для-себя» означает, что через коммуникацию, связи и организационные практики формируется повторяемая линия «мы» и закрепляется набор требований, которые можно удерживать во времени.

Китайские понятия «差序格局» (концентрическая, дифференцированная структура отношений), механизмы «礼—面子» (ритуал — лицо/престиж) и «义利之辨» (различение должного и выгоды) позволяют точнее увидеть, как именно классовое положение входит в опыт. В структуре «差序格局» ресурсы и достоинство распределяются по кругам близости; различия переживаются как «свой/чужой», «дают ли лицо», «считают ли тебя “приличным”». В порядке «礼—面子» право говорить, ценность времени, допустимость

грубости без извинений задают микропроцедуры, через которые структурные различия превращаются в устойчивый опыт достоинства или унижения. «义利之辨» в таком чтении выступает не морализаторством, а ресурсом публицизации: требование легче получает поддержку, когда формулируется как защита базовой «приличности», трудового достоинства и долгосрочного жизнеобеспечения, а не как борьба за частную выгоду.

От опыта к действию: публичные основания и их организационное закрепление

Переход от разрозненного опыта к устойчивой позиции следует понимать как социальный процесс: опыт упорядочивается в сетях отношений, получает новые имена и удерживается во времени. Значение сетевых «переподключений» состоит не в усилении аффекта как такового, а в создании площадок сравнения. Чаты платформенных работников, дворовые и «жилищные» группы, локальные взаимопомощи дают возможность сопоставлять частные эпизоды и распознавать повторяемость правил и санкций. На этой основе возникает почва для публицизации.

Однако сетевые связи часто дают иной эффект: не публицизацию, а эмоциональную разрядку и цинизм («все бессмысленно»). Этот провал объясним в рамках предложенной схемы.

Во-первых, действует обратная логика порядка признания: стигматизация и морализация возвращают требования в частную сферу. Ярлыки типа «скандалисты», «жадные», «неразумные» стимулируют самоцензуру и разобщение. Во-вторых, конкурентная структура разрушает возможность «мы»: при распределении дефицитных ресурсов в нулевой сумме сеть не объединяет, а разделяет, а общий опыт подменяется оценкой индивидуальных качеств. В-третьих, отсутствуют механизмы удержания: даже удачная общая формула распадается без повторяемых процедур кооперации. Тогда сеть производит не позицию, а краткую вспышку аффекта.

Отсюда следует: публицизация требует не только коммуникации, но и переписывания нарратива, то есть перевода жизненных фактов в спорные нормативные основания. «Не повезло» превращается в вопрос о распределении риска; «терпи» — в механизм морализующего подавления требований; «потерял лицо» — в институционализированное пренебрежение достоинством. Такое именование делает возможным согласование требований: заработная плата, рабочее время, охрана труда, социальные гарантии, безопасность, уважение.

Далее необходим «порог времени». Для устойчивой позиции важна ритмизация: повторяемые циклы совместных действий и процедур, через которые публичные основания закрепляются. Регулярные обсуждения, устойчивое распределение ролей, взаимные фонды, практики сохранения общей памяти, стандартные процедуры принятия решений — все это превращает публичные основания в практическое знание, доступное в повседневной кооперации. В социально-философском плане принципиально то, что организация не просто «оформляет» требования, а встраивает их в образ совместной жизни.

В китайском контексте ритмизация и публицизация сталкиваются с ограничениями «差序格局» и «礼—面子». Доверие легче возникает в ближних кругах и хуже переносится на дальние; логика «лица» сжимает конфликт в частное терпение и самообъяснение. Вместе с тем именно чувствительность темы соответствия приличиям создает ресурс: когда такое соответствие переводится из личной морали в категорию институционального достоинства, она становится основанием, способным пересекать границы кругов близости. В таком режиме «义利之辨» работает как стратегия обоснования: требование, заданное как защита достоинства и долгосрочного воспроизводства жизни, труднее стигматизировать как «частный шум».

В этом же ключе интерпретируется и «межклассовая позиция». Она не является ни романтическим жестом, ни отрицанием происхождения. Это результат изменения сетей отношений и усвоения иной грамматики обоснования: часть обладателей образовательного и культурного капитала, включаясь в низовые трудовые миры и практики взаимопомощи, переучивается оценивать справедливость через распределение риска и власть над правилами. Тогда возможны устойчивые коалиции, основанные не на «сочувствии», а на разделяемом понимании оправданности требований и неприемлемости унижения.

Классовая идентичность: критический анализ

Критика концепции классовой идентичности направлена, во-первых, на актуальность самого классового разделения в современном обществе, во-вторых, на статус классовой идентичности как первичной и основной, в-третьих, на понимание механизмов формирования классовой идентичности.

Первый тип критики обращает внимание на структурные экономические изменения в постиндустриальном обществе. Ее сторонники нередко говорят о «смерти класса». Так, Р. Нисбет указывает на разрыв между владением собственностью и корпоративным контролем в крупных секторах экономики, который в большей степени стал определяться распределением производительных сил. Этот разрыв означает ослабление связи между собственностью и экономической властью, а значит, между владением собственностью и классом. Рост третичного сектора экономики, являющегося сравнительно высокооплачиваемым и не подпадающим под какую-либо классовую систему, означает, что сама структура занятости оказывается слишком изменчивой для формирования стабильных классов [25, с. 15]. Кроме того, все более возрастающая ценность знания означала увеличение значения контроля над производством знаний по сравнению с обладанием собственностью на средства производства [3, с. 10].

Другая ветвь критики, отвергая экономический критерий в качестве фундаментального, утверждает, что понятие классовой идентичности уже в принципе не столь актуально для понимания современного общества. Ж. Пакульски полагает, что в состоянии постмодерна классовое неравенство уступает место комплексному (на основании гендера, расы, распределения политической власти, гражданства и т.д.), и класс уже не является основой социальной структуры [26, с. 152]. У. Бек рассматривает современное общество как капитализм без классов, но с индивидуализированным социальным неравенством [1, с. 88]. Конфликты возникают в связи с такими характеристиками, как раса, цвет кожи, пол, этническая принадлежность, возраст, физическая инвалидность и т.д. Видимость этих характеристик делает возможными независимые социальные и индивидуальные процессы идентификации, на основе которых осуществляется стремление к политическому влиянию [1; 2, с. 40]. М. Хехтер объясняет упадок классовой политики усилением «прямого правления» (direct rule), которое само по себе было стимулировано в демократических обществах классовой политикой, но привело к централизованному распределению социальных благ, ранее распределявшихся локально профсоюзами. Обеспечение государством социальных благ ослабило классовую борьбу, однако вторжение прямого правления в «некогда автономные сферы» (семья, личные отношения, местное образование и т.д.) образовало группы, придерживающиеся разных норм и ценностей, сделав культурные различия более политически значимыми и вызвав сдвиг от класса к культуре [20, p. 436].

Тем не менее, исследования, анализирующие роль классовых различий в формировании идентичности, обнаруживают, что она по-прежнему велика. Классовые различия влияют на воспитание и образование детей [14, с. 77], потребление еды [15, с. 39], досуг [23, с. 1049] и т.д. Подобные исследования концентрируются на проблеме воспроизводства социального неравенства, они доказывают влияние класса на формирование идентичности, однако не рассматривают класс как источник формирования политической идентичности. Тем не менее, они демонстрируют, что экономический критерий продолжает оставаться значимым.

Исследователи, ориентированные на марксистский подход, полагают классовый анализ актуальным, утверждая, что политические конфликты, то и дело вспыхивающие в мире, имеют схожие экономические причины, когда малочисленным элитам на фоне мирового экономического кризиса удается навязать политику жесткой экономии, растущего неравенства, лишения прав и льгот в условиях демократического дефицита [13, с. 2]. Однако, как отмечает Барри Эйдлин, при отстаивании экономических интересов традиционный для марксистской традиции язык классового конфликта зачастую заменяется негодованием в отношении нестабильных (precarious) условий труда и правящей элиты, которая рассматривается как оторванная от реальности, либо активно усугубляющая ситуацию [17, с. 1046]. Таким образом, даже если классовый анализ

признается актуальным, столь же актуальной оказывается и проблема идентификации с определенным классом.

Б. Скеггс в своих исследованиях обнаруживает «диз-идентификацию» ((Dis)identifications of Class) женщин-работниц со своим классом, объясняя это тем, что ярлык «рабочий класс», применяясь к женщинам, зачастую использовался для описания всего того, что является грязным, опасным и не имеющим ценности [29, с. 74]. Принадлежность к рабочему классу означает отсутствие доступа к культурному капиталу, доступа к знанию в смысле умения его приобретать и использовать. В результате принадлежность к рабочему классу для женщин становится формой субъективности, переживаемой как знание о том, что значит всегда быть «не правильной» [29, с. 90]. Эти женщины стремятся выдавать себя за средний класс: они посещают колледж для того, чтобы отличаться от рабочего класса [29, с. 76]. Их действия не представляют вызова классовой системе и воспроизводят иерархии и оценки, которые регулируют, обесценивают и лишают легитимности рабочий класс [29, с. 91]. В данном случае осознание принадлежности к классу в форме понимания жизненных ограничений не ведет ни к позитивному формированию классовой идентичности, ни к пониманию системной природы этих проблем, ни к созданию внутриклассовых связей на основе общего опыта с целью их решения.

В России отношение к рабочему классу существенно отличается. Так, исследование идентичности молодежи рабочего класса показало, что почти 80% опрошенных (N = 1534) отметили, что относятся к рабочим «с уважением», но как собственную жизненную перспективу становление рабочим отметили только 9% из них [6, с. 839]. Однако и в России женщины, составляющие большую часть сервисной части наемных работников, более склонны идентифицировать себя со средним классом, нежели с рабочим [6, с. 847-848]. В исследовании делается вывод о том, что у российской рабочей молодежи постепенно формируется классовая идентичность. Сложность ее формирования авторы связывают, в первую очередь, с отсутствием четких представлений о социальной структуре российского общества и отказом от употребления в общественном дискурсе понятия «класс» [6, с. 849].

Среди обозначенных подходов выделяется феминистская теория. Она критикует классическое понимание класса, но при этом некоторые феминистские теории (особенно социалистической направленности) признают экономический критерий главенствующим, а классовый анализ актуальным. Г. Лернер указывает на то, что каждый класс в любой момент истории на самом деле состоял из двух: класса женщин и класса мужчин [24, с. 386]. И действительно, именно с перспективы классического марксистского основания классового деления это так: женщины и мужчины, принадлежащие к классам буржуа или рабочих, имеют разный доступ к средствам производства. Как отмечает Лернер, классовая принадлежность мужчин определяется на основании их отношения к средствам производства, а женщин — на основании отношения к мужчинам, через которых они получают доступ к материальным ресурсам [24, с. 9].

С перспективы создания классовой идентичности важен исторический опыт формирования ее среди рабочих. Так, враждебное отношение мужчин-работников к женщинам-работницам, работа которых рассматривалась ими как угроза их собственной занятости (особенно в силу более низкой оплаты женского труда) [19, с. 155], демонстрирует, что класс, который они представляли — это класс мужчин-рабочих, но не рабочий класс в целом. С другой же стороны, пример России показывает, что отстаивание интересов работниц исторически во многом осуществлялось именно женщинами, которых обычно причисляют к классу буржуазии, несмотря на то, что собственностью на средства производства они владели редко и в порядке исключения. Так, именно первые женские политические партии, программа которых включала в себя реформы в пользу работниц, добились при их поддержке распространения на всех женщин «всеобщих» гражданских прав [12, с. 414-418]. Таким образом, идентификация по признаку пола, а не класса, оказывалась первичной в приведенных примерах. Однако это связано с тем, что принадлежность к полу в большей степени определяла экономическое положение и жизненные возможности. Учет этого и привел к пониманию класса, подобному таковому Лернер. Эта критика признает значение классового разделения, однако трансфор-

мирует само понимание класса. Что касается идентичности, то первичной для нее оказывается идентификация с «классами» женщин или мужчин, а само их определение в качестве подобных опирается на классическое основание классового деления: отношение к средствам производства. Иными словами, речь уже не идет о классовой идентичности в исходном ее понимании, хотя классовый анализ при этом остается актуальным.

Наконец, третий аспект критики концепции классовой идентичности связан с анализом механизмов ее формирования. На основании различения объективного и субъективного измерения класса некоторые исследователи предложили новое понимание процесса создания классовой идентичности. Адам Пшеворский указывает на то, что она не формируется сама по себе на основе экономического положения: большую роль в ее создании играет идеологическая борьба, которая предопределяет само понимание классов, и политическое противостояние, которое влияет на форму организации классовой борьбы и саму ее возможность [27, с. 370].

Эти аргументы подчеркивают связь между институциональной организацией и идентичностью. Б. Эйдлин указывает на то, что индивиды могут обладать множеством различных идентичностей, но именно в контексте организации одни из них начинают получать большее значение, чем другие. Некоторые сторонники этого подхода указывают на то, что уменьшение влияния классовой идентичности связано не с естественным упадком класса, а политическим поражением и потерей влияния формирующих ее организаций (профсоюзы, левые партии) [17, с. 1056]. Как отмечает Эйдлин, классовые идентичности развиваются в диалоге и напряжении в контексте соревнующихся групп и идентичностей: нет никакого «естественного» перевода классовой идентичности в политическое действие [17, с. 1058].

Таким образом, критика концепции классовой идентичности существенно трансформировала ее понимание. Никакой класс сам по себе не является «двигателем истории»: выстраивание политического действия происходит посредством создания организаций, в рамках которых пересекается множество идентичностей. Классовая идентичность может либо играть доминирующую роль, либо отвергаться в силу определенных политических обстоятельств, связанных со степенью влияния поддерживающих ее институтов. В конечном итоге, она является следствием не базовых экономических структур, но политической «надстройки». Классовая идентичность не появляется «естественным образом»: для ее возникновения и функционирования требуется, с одной стороны, организационная политическая работа и влиятельное представительство в публичной сфере, с другой — возможность роста самосознания на «местах» в ходе непосредственного обмена опытом и живого взаимодействия между представителями одного класса.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Классовая идентичность является устойчивой формой сознательности, включающей в себя набор определенных социальных отношений, практик и поведения индивида, определяемых местом в общественном воспроизводстве. Р. Дас заключает, что такая идентичность объединяет «работающих мужчин и женщин, чернокожих и белых работников, чтобы бороться с классовой эксплуатацией и угнетением по признаку пола и расы. Существует определенный «классовый инстинкт», обусловленный их материальными условиями, инстинкт борьбы с этими условиями, и такая борьба требует от них единства в отношении своей идентичности» [16, с. 21].

2. Классовая идентичность является формой самосознания человека, сформированной в ходе классовой борьбы. Можно предположить, что она является высшей формой сознательности человеком условий своего существования, побуждающая его отстаивать свои интересы. Более того, С. Лоулер отмечает, что классовая идентичность «не существует отдельно от других осей — рода, расы, нации, сексуальности и так далее, — чего никогда и не предполагалось» [22, с. 804]. Классовая идентичность не вымещает собой другие идентичности, а позволяет им раскрыться в принадлежности к тому или иному классу. Практически невозможно говорить о классовой идентичности, не учитывая националь-

ные, половые, расовые и другие особенности. «Если все люди — белые и черные, мужчины и женщины, высшие касты и низшие — в будущем обществе получат возможность доступа к тому, что им необходимо для благополучной и полноценной жизни, что тогда произойдет с социальным угнетением?» [16, с. 7] Потому борьба против классовой эксплуатации является в то же время борьбой против всех форм угнетения и эксплуатации.

Наконец, классовая идентичность не является единственной осью. Она переплетается с гендером, регионом, hukou и другими институционализированными различиями, создавая эффекты наложенного давления. Поэтому публицизация, претендующая на устойчивость, должна допускать перевод разных опытов друг в друга и включать их в грамматику солидарности, а не объявлять различие «расколом».

3. В итоге классовая идентичность описывается как позициональный социальный факт, который производится в институционализированных отношениях, проходит проверку в публичных взаимодействиях и стабилизируется в организационных практиках. Ее переход от «в-себе» к «для-себя» определяется тем, возникает ли публицизация, формируется ли грамматика обоснования и удается ли ритмизировать совместные действия. Именно это превращает «позицию» из мнения в коллективную агентность.

Дальнейшие исследования могут носить как теоретический, так и эмпирический характер, раскрывающий взаимосвязи между идентичностью, трудом и отчуждением.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
2. Бек У., Бек-Гернсхайм Э. Индивидуализированное общество / пер. с англ. — М.: Логос, 2008. — 390 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
4. Боттеро В. Классовая идентичность и идентичность класса // Социальная стратификация / сост. С.В. Соколова; пер. с англ. — М., 2017. — С. 212–233.
5. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. — 1994. — №5. — С. 147–156.
6. Гаврилюк В.В., Гаврилюк Т.В. Классовая идентичность рабочей молодежи современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2021. — Т. 21, №4. — С. 839–854.
7. Ли Пэйлинь. Социальный конфликт и классовое сознание: исследование социальных противоречий современного Китая // Социологические исследования = 社会冲突与阶级意识 // 当代中国社会矛盾研究 (《社会》). — 2005. — Т. 25, №1. — С. 7–27. (на кит. яз.).
8. Лю Айюй. Внутренняя дифференциация рабочего класса и различия в идентичности в процессе институциональных преобразований // Journal of Fujian Party School = 制度变革过程中工人阶级的内部分化与认同差异 // 中共福建省委党校学报. — 2004. — № 6. — С. 21–26. (на кит. яз.).
9. Сюй Ци. «Смешанная» субъективная классовая идентичность: новая интерпретация классовой идентичности в Китае // Sociological Studies = 混合型" 主观阶层认同: 关于中国民众阶层认同的新解释 // 社会学研究. — 2018. — Т. 33, №6. — С. 102–129. (на кит. яз.).
10. Фэн Шичжэн. Классовая идентичность и социальная стабильность в период социальной трансформации Китая (эмпирическое исследование на данных Китайского комплексного социального обследования, CGSS) // Social Sciences in Heilongjiang = 中国社会转型期的阶级认同与社会稳定 // 基于中国综合调查的实证研究 (《黑龙江社会科学》). — 2011. — №3. — С. 127–133. (на кит. яз.).
11. Цинь Гуанцян. Исследование социальной стратификации: объективное и субъективное измерения = 社会分层研究：客观与主观的双重维度. — Пекин: Social Sciences Academic Press, 2019. — 280 с. (на кит. яз.).
12. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. — СПб.: Алетейя, 2007. — 544 с.
13. Barker C., Cox L., Krinsky J., Nilsen A.G. Marxism and Social Movements: An Introduction // Marxism and Social Movements / Ed. by C. Barker, L. Cox, J. Krinsky, A.G. Nilsen. — Leiden: Brill, 2013. — P. 1–40.
14. Cano T.M. Social class, parenting, and child development: A multidimensional approach // Research in Social Stratification and Mobility. — 2022. — Vol. 77. — Art. 100648. https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100648
15. Cheng S., Olsen W., Southerton D., Warde A. The Changing Practice of Eating: Evidence from UK Time Diaries, 1975 and 2000 // The British Journal of Sociology. — 2007. — Vol. 58, №1. — P. 39–61. — https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2007.00138.x
16. Das R. Identity Politics: A Marxist View // Class, Race and Corporate Power. — 2020. — Vol. 8, Iss. 1. — Art. 5. — 25 p.
17. Eidlin B. Class Formation and Class Identity: Birth, Death, and Possibilities for Renewal // Sociology Compass. — 2014. — Vol. 8, №8. — P. 1045–1062. https://doi.org/10.1111/soc4.12197
18. Geddens A. The Class Structure of the Advanced Societies. — New York: Harper & Row, 1975. — 336 p.

19. Hartmann H. Capitalism, patriarchy and job segregation by sex // Capitalist Patriarchy and the Case for Socialist Feminism / ed. by Z.R. Eisenstein. — New York: Monthly Review Press, 1979. — P. 206–247.
20. Hechter M. From Class to Culture // American Journal of Sociology. — 2004. — Vol. 110, № 2. — P. 400–445. https://doi.org/10.1086/421357
21. Karadag M. Class Identities and Cultural Practices: New Debates on Recent Theories // Gaziantep University Journal of Social Sciences. — 2016. — Vol. 15, №4. — P. 1029–1035.
22. Lawler S. Introduction: Class, Culture and Identity // Sociology. — 2005. — Vol. 39, №5 (Special Issue on 'Class, Culture and Identity'). — P. 797–806.
23. Le Roux B., Rouanet H., Savage M., Warde A. Class and Cultural Division in the UK // Sociology. — 2008. — Vol. 42, № 6. — P. 1049–1071. https://doi.org/10.1177/0038038508096933
24. Lerner G. The Creation of Patriarchy. — Oxford: Oxford University Press, 1987. — 318 p.
25. Nisbet R.A. The Decline and Fall of Social Class // The Pacific Sociological Review. — 1959. — Vol. 2, № 1. — P. 11–17.
26. Pakulski J. Foundations of a Post-class Analysis // Approaches to Class Analysis / Ed. by E.O. Wright. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 152–179.
27. Przeworski A. Proletariat into a Class: The Process of Class Formation from Karl Kautsky's The Class Struggle to Recent Controversies // Politics & Society. — 1977. — Vol. 7, № 4. — P. 343–401.
28. Rys M., Francois L. Re-Imagining Class. — Leuven: Leuven University Press, 2024. — 297 p.
29. Skeggs B. Formations of Class and Gender: Becoming Respectable. — London: Sage, 2001. — 192 p.

REPRESENTATION-PREVIEW IN THE CONTEXT OF UTOPIA AND DYSTOPIA

Lomanova Tatyana Dmitrievna, *Postgraduate student, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod (Russia)*

The article examines utopian and dystopian works through the prism of the concept "representation-preview" thus manifesting realistic and constructivist duality of these genres. The linguistic and philosophical aspects of the suggested concept are considered. The novels "Looking Backward: 2000-1887" by E. Bellamy and "1984" by G. Orwell serve as the material of the research. Representation allows to reassemble the writers' real world into the picture defining the borders of the subject and the objective reality; preview points at the possibility to change the societal realia according to the subject's vision.

Keywords: *utopia; dystopia; representation-preview; future; realism; constructivism.*

EDN: CKFSWO ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.10***

Цитировать: *Ломанова Т.Д. Репрезентация-анонс в контексте утопии и антиутопии // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 61-68. EDN: CKFSWO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.10*

Репрезентация-анонс в контексте утопии и антиутопии

УДК 101.1
5.7.7

© Ломанова Т.Д., 2026

Статья посвящена анализу утопических и антиутопических произведений сквозь призму понятия «репрезентация-анонс», в чем проявляется реалистическая и конструктивистская двойственность данных жанров. Рассматриваются лингвистический и философский аспекты предлагаемого понятия. В качестве материала исследования выступают романы «Через сто лет» Э. Беллами и «1984» Дж. Оруэлла. Репрезентация позволяет пересобрать реальный мир писателей в картину, определяя границы субъекта и объективной действительности; анонс указывает на возможность изменения реалий общества в соответствии с видением субъекта.

Ключевые слова: *утопия; антиутопия; репрезентация-анонс; будущее; реализм; конструктивизм.*

ЛОМАНОВА Татьяна Дмитриевна, *аспирант, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород (Россия)*

SPIN-код: 4262-6980

Введение: постановка вопроса

Категория времени играет особую роль в жизни человека. Именно человек всегда стремился заглянуть в будущее дальше возможного времени своей жизни, что было подмечено в 1796 году Дж. Л. Тауэрсом: «Желание проникнуть в будущее является врожденной страстью человеческого ума» [13, с. 9].

В отличие от прошлого, несомненные признаки которого можно наблюдать в любой момент, будущее — это неведомая территория [13, с. 18], оно не существует в непосредственно данном и чувственно воспринимаемом виде. Это лишь умозрительная конструкция, которая удерживается человеческим сознанием, поскольку человек изобрел различные способы фиксации времени (от зарубок на дереве до таймера на телефоне) и уловил цикличность событий во времени, таких как времена года и т.д. Завтра никогда не наступает — человек всегда просыпается сегодня.

Несмотря на то, что само будущее изменить нельзя, человек тысячелетиями живет с желанием изменить ход событий, стратегию поведения себя и других, чтобы каждый следующий день, наступающий в настоящем времени, отличался от предыдущего в лучшую сторону. Однако несовпадение в ценностях у людей рождает вечные споры о том, что такое благо, красота, польза и т.д., в связи с чем попытки внести коррективы в будущее разрывают его в разные стороны, как в известной басне И.А. Крылова. Прошлое позволяет людям проводить «работу над ошибками» при формировании принципов организации общественной жизни в настоящем с фокусом на будущее, чтобы обеспечить стабильность или изменить существующий уклад.

Будущее неизвестно наверняка, а потому оно пугает. Через разнообразные обряды и ритуалы люди стремились узнать грядущие события, повлиять на них, а также успокоиться, убедив себя в том, что определенные

действия, часто связанные с окружающей их природой, обеспечат безопасность в будущем. Такое представление о будущем приобретает двойственную структуру: с одной стороны, фатализм в убеждении, что природа больше влияет на человеческую жизнь, чем человек управляет природой; с другой стороны, вера в то, что «человечество может изменять будущее, выражая отказ от беспомощности» [13, с. 81].

Различного рода религиозные верования возникли потому, что человек ощущал необходимость в объяснении опасностей окружающего мира и поиске механизмов взаимодействия с ним. Такое мышление позволяло перенести значительную часть ответственности за происходящие события на иные, высшие силы — нечто более властное влияет на всю жизнь человека (погода, пожары, болезни), а человек может лишь считывать и интерпретировать знаки как проявления этой власти, подбирая правильные «ответы». Однако с накоплением опыта и переходом от мифологического и религиозного мышления через философию к научному взгляду на мир человек увидел, что у природы есть множество логичных закономерностей и что он сам может управлять ими, созидать нечто полезное и даже приносящее выгоду.

«Предсказание» и «прогноз»

Несмотря на смену парадигмы мышления, стремление заглянуть вперед, в неизвестное, никуда не исчезло — оно приобрело иные особенности и наличествующие средства. По выражению Цицерона, «вообще нет народа, <…> который не считал бы возможным, что будущие события могут быть узнаны, поняты и предсказаны определенными людьми» [13, с. 9]. Здесь необходимо определиться с терминами прогностической деятельности, а именно — «предсказание» и «прогноз». В своей статье «Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего» С.В. Пирожкова рассматривает несколько подходов и классификаций в отношении этих понятий. В рамках отечественной литературы упоминается подход И.В. Бестужева-Лады, суть которого состоит в том, что предсказание понимается как любое описание будущего события, а прогноз — как научно обоснованное описание. С.В. Пирожкова формулирует определения нескольких форм прогностической деятельности — научного предвидения (логический или математический расчет, выверенные эмпирические данные) и прогнозирования (открытые системы, недостаточно информации для точных результатов) [10, с. 124].

Среди зарубежных ученых, чьи классификации также предполагают разные дефиниции данных терминов (в английском языке это слова-синонимы), упоминается Н. Решер, для которого предсказание — это «высказывание о будущем, которое может быть категорическим и условным, иметь форму конкретного или общего утверждения о будущем состоянии дел», а прогноз — это «точное предсказание, которое всегда относится к определенным событиям» [10, с. 115]. Концепция испанских ученых В. Гонсалеса и А. Гвиллан Допико видится более обоснованной: рассматривая элемент неопределенности в качестве ключевого, они выделяют предвидение (все переменные контролируются, их значения предсказуемы), предсказание (неконтролируемые факторы, надежность их значений уменьшается) и прогноз (неопределенность больше; как результат — не точное значение, а интервал значений) [10, с. 117].

Предсказания разной степени точности, когда-либо сделанные человечеством, можно в общем виде разделить на религиозные (часто связанные с тысячелетним царством Христа — милленарианские или хилиастические) и не имеющие такого компонента, секулярные. Среди последних можно выделить те, которые делаются в рамках научной деятельности и опираются на научную доказательную базу, и те, которые делаются в более свободной форме (в них могут присутствовать научные обоснования), часто выраженные в художественной и философской литературе. Поскольку такая литература зачастую была плодом творения верующих людей, в них может просматриваться общая тональность или элементы религиозного характера, но непосредственно к милленаризму такие произведения обычно не имеют отношения.

Утопии и антиутопии как инструмент предвосхищения событий

В рамках литературы такого рода важнейшим жанром является утопия, получившая

свое название от одноименной книги английского юриста и философа Томаса Мора, опубликованной в 1516 г. Изначально утопия не была направлена в будущее — она являлась лишь попыткой «судить о поведении современников в свете общепринятых стандартов» [13, с. 137], в связи с чем утопические произведения, написанные в период с XVI по XVIII вв., располагались в пространстве, а не во времени. Они были «где-то» в мире, но прямого указания на время не было. Поскольку в таких произведениях приводились детальные описания более продвинутых по сравнению с прошлым или настоящим цивилизаций и обществ, то такие умозрительные конструкции воспринимались как что-то, чего еще не существовало, а значит, такое состояние человеческого общества может наступить в будущем. Это были идеальные модели будущего [13, с. 139]. По К. Манхейму, в утопическом мышлении заключена заинтересованность угнетенных групп в уничтожении и преобразовании существующего строя. Носители такого мышления видят в современной им ситуации только те элементы, которые направлены на отрицание этого общества [6, с. 40]. Польский исследователь Е. Шацкий писал о том, что «некоторые авторы видят сущность утопии в предвосхищении» [18, с. 23], то есть в ней заключены чаяния и надежды на изменение мира и общественного устройства в лучшую сторону. Утопии трансцендентны бытию, так как «ориентируют поведение на элементы, не содержащиеся в данном реальном бытии» [6, с. 167].

Однако К. Манхейм видел проблему утопии в том, что современники какой-либо стадии бытия видят утопические представления и устремления «как принципиально невозможные в своей реализации на практике» [6, с. 168]. С такой позицией не был согласен представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе. В своем эссе «Конец утопии» он утверждал, что «утопические проекты «временно» неосуществимы» [7] ввиду того, что, во-первых, возможность их реализации выясняется с научно-техническим прогрессом, на что требуется время, во-вторых, осуществлению таких преобразований в обществе мешают противодействующие силы в т.ч. и социальной природы, которые преодолеваются в ходе революции.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что утопия — это идеальное устройство общества, которое зависит от прогресса в науке и технике и однажды будет полностью достижимо. Но человек не был бы человеком, если бы не имел недостатков, препятствующих формированию абсолютно положительного для всех общественного уклада. Именно так считал румынский мыслитель Э.М. Чоран: «Изобретатель утопий — это моралист, видящий в людях одно бескорыстие, самопожертвование, самозабвение» [17]. Представитель любого слоя населения в любую историческую эпоху может желать выгоды себе и близким, желать свободы, иметь иное мнение в различных вопросах или просто не хотеть менять существующие нормы, так как они устраивают его или он к ним привык. Ввиду такого восприятия человека создателями утопических проектов они видятся невозможными ни в каком государстве, что соответствует смыслу этого термина, образованного от древнегреческих слов — по выражению Э.М. Чорана, «нигдейя» [17].

Он же писал в своей работе «Механика утопии»: «Мечты утопистов рано или поздно сбываются, но в умах других. То, что для них было совершенством, для нас превращается в изъян, их химеры становятся нашими бедами» [17]. Здесь наступает другая эпоха восприятия идеализированного, «математически безошибочного счастья» [4, с. 3] для всех, и в художественной литературе появляется новый жанр под названием «антиутопия». Что, если человек хотел блага, свободы, а получил унифицированные требования и контроль за каждым своим движением и даже мыслью? Антиутопия — это, по сути, кривое зеркало утопии: всеобщее равенство во всем оборачивается для людей принуждением, контролем, потерей свободы выбора. Людям запрещено быть разными, иными.

Утопия «Через сто лет» Эдварда Беллами и Антиутопия «1984» Джорджа Оруэлла

Этот жанр появился в начале XX века с появлением новых стратегий и методов государственного управления, сопряженных с понятием тоталитаризма, когда писатели и философы пересматривали концепт общечеловеческого счастья, глядя на реализацию

утопических принципов с помощью методов, которые там не упоминались. Вообще в утопических произведениях не описываются методы достижения соответствующей общественной организации — приводится только детальное и логичное внутри самого себя описание уже готового состояния жизни людей. Одной из ключевых черт любой утопии исследователь Д. Уилсон считает отсутствие юристов [13, с. 12]. Например, в романе «Через сто лет» (1888) Э. Беллами нет законов, потому что в них нет необходимости — люди живут по принципам справедливости, морали и честности и соблюдают их по собственной инициативе. Поскольку антиутопия — это неправильное отражение утопии, то и здесь нет законов и юристов. Однако здесь царит беззаконие и тотальная слежка за каждым. Так происходит в романе «1984» (1949) Дж. Оруэлла. Кто не соблюдает принципов такого государства, часть которых передается громкими лозунгами партии Старшего Брата, часть — шепотом под давлением страха, тот имеет все шансы закончить жизнь в муках и быть стертым из истории человечества и воспоминаний близких этому человеку людей. Такие шансы имеет даже тот, кто неукоснительно выполняет требования государства — в таком мире никто никогда не знает, в какой момент за ним придут.

Выражение К. Манхейма о трансцендентности утопий бытию можно экстраполировать и на антиутопии, так как описанных в них элементов тоже нет «в данном реальном бытии». Можно сказать, что оба варианта организации общественной жизни отличаются от текущего бытия автора таких проектов: утопии — это скорее положительная версия, антиутопии — скорее отрицательная. Как писал Е. Шацкий, «фантазии» одного века оказываются реальностью в другом» [18, с. 21], то есть в каждом следующем историческом периоде появляются новые элементы бытия, в связи с чем качественное наполнение утопий и антиутопий изменяется — сдвигается точка отсчета реальности, от которой автор может пойти к положительному или отрицательному полюсу социального бытия.

Ранее мы говорили о формах прогностической деятельности — научном предвидении и прогнозировании. Однако такое трансцендирование бытия не похоже ни на одну из них, хотя утопии и антиутопии имеют отношение к будущему. С.В. Пирожкова в своей статье упоминает третью форму такой деятельности, связанную с футурологией и исследованиями многовариантного будущего. Такую форму автор статьи предлагает называть «футурологический сценарий» [10, с. 124], ссылаясь на труды Э. Тоффлера. Такие видения будущего «слабо обоснованы» и формируются «путем свободной игры воображения, т.е. смелых, неожиданных, нефундированных достаточным образом аналогий, экстраполяций, метафор, ассоциаций» [10, с. 122]. Но трудно спорить с тем, что утопические и антиутопические произведения, относящиеся к категории сценариев, оказали колоссальное влияние на культурное и общественное развитие человечества.

Данные жанры имеют двойственную природу — одновременно расположены в знакомом настоящем и в неизведанном будущем — что находит отражение в двух направлениях философской мысли — реализме и конструктивизме. Реализм не всегда связан с настоящим, т.к. он связан с процессом познания и накопления опыта, что может отсылать и к прошлому. Стоит отметить, что «не существует никакого фундаментального понятия реализма, которое было бы строго и последовательно прописано» [12, с. 294], ввиду чего мы наблюдаем совокупность учений, которые «признают реальность предмета познания и его независимость от сознания и актов познания субъекта», а также «требуют адекватности знания предмету познания» [12, с. 289], от наивного до гипотетического реализма, от знака равенства между миром и его восприятием до сомнений в существовании реального мира и возможности его познания. Поскольку субъект стремится установить границы себя и действительности, данной ему в обыденном опыте, окружающая реальность становится все более понятной, известной, знакомой. В.А. Лекторский определяет конструктивный реализм как позицию, снимающую «дихотомию конструктивизма и традиционного реализма», в которой познание «имеет дело именно с реальностью» — посредством психики и тела субъект соотносит реальность окружающего мира со своей деятельностью [5, с. 8].

Можно сделать вывод, что реализм — не просто теория об истинном представлении о реальности без участия субъекта, а миро-

воззренческая установка, осуществляющаяся лишь при наличии субъекта, который производит «вероятностные умозаключения о причинно-следственных связях в действительности» [12, с. 294]. В случае утопий и антиутопий автор пересматривает реалии знакомой ему жизни и «субъективно достраивает априорный, предшествующий данному конкретному опыту, смысл» [15, с. 330].

Что касается неизвестного будущего, то здесь на сцену выходит конструктивизм, который позволяет связать настоящее с тем, что еще не наступило, поскольку «мир, в котором мы живем, является таковым благодаря нам самим» [3]. Э. фон Глазерсфельд рассматривает мир, который познается человеком через собственный опыт и им же конструируется, как непроизвольный акт, и утверждает, что такое конструирование не является предметом специального внимания. Радикальный конструктивизм предлагает теорию познания, в которой знание не равно «объективной» действительности, а связано с «организацией опытного мира, формируемого в процессе жизни» [3]. Эпистемологический конструктивизм может становиться методологическим принципом, инструментом для решения проблем, формируя «поведение, благодаря которому организм мог бы выжить в окружающей среде» [16, с. 234].

По мнению Дж. Вико, стабильность и надежность нашего мира обеспечивается возможностью конструировать его. Всякий конструктивизм интуитивно связывает когнитивные события с целеориентированным сознанием, которое «оценивает события собственного опыта, с тем чтобы одни повторить, а других по¬пытаться избежать» [3]. Такая установка совпадает с одной из задач антиутопических произведений — гипотетически сконструировать другую реальность, зачастую в негативном ключе, и показать людям, что может произойти с миром, если определенные события возьмут верх в организации социального бытия.

Сквозь призму понятия «репрезентация-анонс»

Исследование двойственной структуры утопии и антиутопии как жанров художественной и философской литературы может быть проведено через призму понятия «репрезентация-анонс», составные части и общее значение которого будут определены далее. Для начала обратимся к «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (2000) в поисках значения слова «репрезентация». Именно такое слово в данном словаре отсутствует, однако имеются однокоренные слова:

1. Репрезентант (франц. représentant) — представитель кого-, чего-л.

2. Репрезентировать (франц. représenter — представлять) — представить — представлять кого-, что-л.; быть представителем кого-, чего-л.

3. Репрезентироваться — получить — получать внешнее выражение, воплощение [1, с. 1118].

В данной словарной выкладке нет подробных пояснений, касаемо значения корня слова, т.к., если обратиться к современному английскому языку, глагол *to present* (без приставки *re-* со значением «снова») тоже имеет значение «представлять (что-либо; кого-либо кому-либо)». Из приведенных слов несколько иной смысл имеет возвратный глагол «репрезентироваться», что видится верным направлением поиска. В связи с этим необходимо обратиться к иным источникам для уточнения значения термина.

В своем эссе «Репрезентация: слово, идея, вещь» К. Гинзбург с помощью статьи Р. Шартье «Мир как репрезентация» (1990) обращается к двум французским словарям — «Всеобщему словарю» Фюретьера 1727 года издания и «Малому Роберу», однотомному изданию словаря Поля Робера второй половины XX века. У Фюретьера приведены две противоположные группы смыслов: «С одной стороны, репрезентация позволяет видеть нечто отсутствующее, и здесь предполагается четкое различение между репрезентирующим и репрезентируемым; с другой стороны, репрезентация являет присутствие, демонстрирует публике некую вещь или личность» [2]. В первом случае отсутствующий предмет познается опосредованно через его замену воскрешающим в памяти изображением или его описанием, во втором случае подразумевается символическая связь между видимым знаком и обозначаемым референтом, «репрезентация чего-то духовного посредством изображений или же свойств естественных

вещей» [2], например, лев — символ достоинства. Именно первый вариант интерпретации подходит вышеупомянутым жанрам ввиду отсутствия в текстах известного нам мира и наличия того, что похоже на него.

Приведенная в «Малом Робере» статья разделена на две рубрики. Первая трактует репрезентацию как «действие, в результате которого взгляду или уму кого-либо предстает нечто», а также как «придание чувственной воспринимаемости» чему-то отсутствующему через изображение, знак и т.д. Во второй части приведена совокупность значений, наиболее подходящим из которых видится «замена (кого-либо), действие вместо него (при исполнении какого-либо долга) [2]. Обе эти рубрики имеют кое-что общее — идею субституции, замены, которая подразумевает отсутствие. Но главный для первой категории элемент напоминания, или миметический элемент, отсутствует во второй категории. Т.к. миры утопий и антиутопий напоминают нашу действительность, будто отражают в необычном зеркале, то первое значение в данном случае будет предпочтительнее.

Чтобы не ограничиваться лишь лингвистической трактовкой термина, обратимся к философскому видению этого явления в статье «Репрезентация; частный метод или фундаментальная операция познания?» Л.А. Микешиной. Одним из ключевых становится вопрос о том, чем является репрезентация — отражением мира или его представлением. Когда человек смотрит на мир, он стремится к его познанию, однако необходимо различать отражение как свойство материи и как познавательную операцию [8, с. 6]. Неверно трактовать отражение слишком широко, включая в него творческие, конструктивные и проблемные аспекты познания. По Микешиной, «репрезентация не является буквально отражательной процедурой, но сочетает в себе моменты образности и конструирования, воображения и поиска посредников, через которые субъект представляет не только объект, но и свое присутствие» [8, с. 7]. Репрезентация как вторичный процесс при познании мира пересобирает реальность при непосредственном участии человека, который, основываясь на отраженном, задает необходимые критерии и границы.

В свете эпистемологии репрезентация является одной из фундаментальных операций познавательной деятельности, суть которой — в представлении «идеальных и материальных объектов в акте сознания в помощью их заместителей — символических, знакомых, языковых систем с теми же функциями» [8, с. 8]. По М. Хайдеггеру, представление влечет за собой понимание мира в смысле картины, а человек становится субъектом, интерпретирующим ре-презентацию, по сути, повторное представление, сущего [8, с. 9]. Э. Кассирер предлагает емкое определение репрезентации как «представления одного элемента сознания в другом и посредством другого» [8, с. 10], когда мысль, обходя действительность, учится использовать систему знаков как «представителей» предметов реального мира. Через символы репрезентация позволяет выходить в сферу значения, где смыслы нестабильны и зачастую абстрактны, а значит, не поддаются влиянию отражения.

Рассмотрев различные подходы к трактовке исковой части термина, приходим к выводу о том, что репрезентация связана не с простым отражением однажды воспринятой реальности, а с представлением, конструктивистски пересобирающим мир в картину, где имеют место символические интерпретации.

Перейдем ко второй части предлагаемого понятия. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (2000) слово французского происхождения «анонс» определено как «объявление о предстоящих гастролях, спектаклях, концертах и т.п.» [1, с. 40-41]. В «Словаре современного русского литературного языка» (1950) под анонсом понимается «предварительная, без подробных сведений афиша, объявление о предстоящем спектакле, лекции, издании и т.п.» [11, с. 147]. В данном словаре кратко указана этимология этого слова вплоть до латинского annuntiare — возвещать, извещать.

Слово «анонс» отсылает нас к будущему, но не к далекому, а к ближайшему, может, даже предсказуемому будущему, когда о грядущих событиях можно говорить со значительной уверенностью. Утопии и антиутопии пытаются заглянуть вперед, как и анонсы спектаклей объявляют о том, что скоро произойдет.

Сформируем определяемое понятие в целом. С одной стороны, репрезентация как ва-

риант реалистической перспективы говорит о представлении объектов реального мира через их символическую пересборку. С другой стороны, анонс указывает на возможность пересмотра реальности во времени, то есть в еще не наступившем, что свидетельствует о конструктивистском видении действительности.

Кратко проиллюстрируем, как понятие «репрезентация-анонс» представлено в художественной литературе на примере утопии «Через сто лет» Э. Беллами и антиутопии «1984» Дж. Оруэлла. Посредством репрезентации оба автора связывают созданные ими миры с современной им реальностью — в романах присутствуют вещи и понятия конца XIX в. и середины XX в., выбранные писателями для представления знакомой действительности в требуемом для выражения их идей виде. Э. Беллами рефлексирует о своем времени и его бедах, чтобы создать контраст с позитивным, по его мнению, будущим; роман Дж. Оруэлла создан в темных красках военного времени 1940-х, что отражает реалии окружавшего его общества. Среди современных авторам предметов можно назвать купольный потолок, фонтан, фресковую живопись, кресла и софы в магазине [14, с. 209] Беллами, запах вареной капусты и старых половиков, партийных товарищей, плакаты, трехлетний план, утреннюю зарядку Оруэлла — оба автора описывают будущее, но делают это с разных точек отсчета, наблюдая разное состояние общества.

При исследовании данных жанров нельзя не упомянуть изобретения будущего, описание которых строится на известных авторам словах — и в этом аспекте «репрезентацию-анонс» нельзя разделять на составляющие. Люди не могут говорить о действительном будущем, т.к. не знают, что именно случится, поэтому предвосхищают его, используя современные для них реалии — в этом ярче всего проявляется конструктивистская оптика. Так, Беллами говорит о навесе от дождя, возникающем из ниоткуда над головами главных героев, направлявшихся в столовую, о музыкальном телефоне — для музыки и будильника, а также о проповедях священников, которые можно слушать дома через этот механизм. Изобретения Оруэлла связаны со слежкой и контролем за населением — среди примеров можно назвать телекран, речепис и пневматическую трубу [9, с. 4, 39]. Оруэлл описывает мир, в котором властные структуры проводят политику упрощения языка для уменьшения недоразумений и мыслепреступлений, поэтому многие слова сокращены до трех слогов. Даже сам термин для нового лингвистического явления — новояз [9, с. 45] — подходит под этот критерий. В конце романа «1984» приведено приложение «О новоязе» с подробным описанием нового языка, над обновленными изданиями которого работают члены партии.

К анонсной части романов можно отнести несколько темпоральных аспектов, связанных с будущим. Названия обоих произведений — «Через сто лет» и «1984» (относительно 1949 года издания) — непосредственно говорят о переносе времени действия в будущее. Хронология романа Беллами четкая — главный герой Юлиан Вест без труда различает, когда он говорит о родном ему XIX веке, а когда речь идет о 2000 годе, и состояния этих эпох стабильны на протяжении всего текста; хронология антиутопии Оруэлла намеренно размытая: главный герой Уинстон Смит «не знал, правда ли, что год — 1984-й. <…> но теперь невозможно установить никакую дату точнее, чем с ошибкой в год или два» [9, с. 9]. Партия Старшего Брата изменяла содержание всех материальных свидетельств событий, поэтому «прошлое… не просто было изменено, оно уничтожено» [9, с. 37]. Смит сам был членом внешней партии, в чьи обязанности входило переписывание официальных документов в соответствии с реальностью — если Старший Брат в прошлом ошибался в своих предсказаниях, нужно было исправить их под наступившее событие. Так «ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее» [9, с. 41]. Изменения во времени также прослеживаются в архитектуре: в Бостоне конца XX века имеются широкие улицы, красивые здания, скверы, фонтаны, статуи и нет труб на крышах, т.к. такой способ отопления устарел [14, с. 163, 165], тогда как регресс инфраструктуры Лондона 1980-х представлен «вереницами обветшалых домов XIX века, подпертых бревнами, с залатанными картоном окнами, пьяными стенками палисадников», «прогалинами от бомбежек», что и создает впечатление «чумазого города» [9, с. 5].

Заключение

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в стремлении предсказать будущее были созданы такие жанры литературы, как утопия (идеальное устройство общества) и антиутопия (его противоположность), основанные на принципах футурологического сценария. Обоим жанрам свойственны реалистический и конструктивистский аспекты, в связи с чем такая двойственность анализируется через призму понятия «репрезентация-анонс». В произведениях Э. Беллами и Дж. Оруэлла репрезентация осуществляет связь с современным авторам обществом, анонс создает переход в грядущее, а также приводятся несуществующие технологические изобретения через знакомые авторам языковые средства, что соединяет обе части предлагаемого понятия воедино.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь / пер. с франц. Галины Галкиной // НЛО. — 1998. — №33.
3. Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм / пер. С.А. Цоколова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2001. — №4. — С. 59-81.
4. Замятин Е.И. Мы: [роман]. — М.: АСТ, 2022. — 224 с.
5. Лекторский В.А. Конструктивизм и реализм в эпистемологии // Философские науки. — 2008. — №3. — С. 5-9.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени — М.: Юрист. — 1994. — 697 с.
7. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. — 2004. — №6. — С. 18-23.
8. Микешина Л.А. Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? // Эпистемология и философия науки. — 2007. — Т. 11, №1. — С. 5-17.
9. Оруэлл Дж. 1984: [роман] / Джордж Оруэлл; пер. с англ. В. Голышева. — М.: АСТ, 2019. — 318, [2] с.
10. Пирожкова С.В. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // Философия науки и техники. — 2016. — Т. 21, №2. — С. 111-129.
11. Словарь современного русского литературного языка — М., Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950. — Т. 1. — 767 с.
12. Смирнов Ю.В. К вопросу о реализме и его интерпретациях // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. — 2012. — №3(96). — С. 288-296.
13. Уилсон Д. История будущего / Дэвид Уилсон; пер. с англ. И.Е. Добровольского. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 286, [2] с.
14. Утопия XIX века. Проекты рая: [сборник: перевод с английского] / Эдвард Беллами, Уильям Моррис, Эдвард Бульвер-Литтон. — М.: АСТ, 2019. — 608 с.
15. Фатенков А.Н. Реализм: очертание берегов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — №2. — С. 329-332.
16. Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. — Мюнхен: Phren, 2000. — 332 с.
17. Чоран Э.М. Механика утопии: эссе / пер. с франц. и предисл. Б. Дубина // Иностранная литература. — 1996. — №4.
18. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск.; общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. — М.: Прогресс, 1990. — 456 с.

SPIRITUAL CULTURE AS A BASIS FOR THE FORMATION OF FEELINGS AND REASON: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Lukyanov Arkadiy Viktorovich, *DSc of Philosophical sciences, Professor*

Khanova Rufina Vilsonovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Khasanova Lilia Ravilyevna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

Spiritual culture, as the foundation for the development of feelings and reason, is linked to the formation of the "transcendental subject" and requires research in this vein. Human greatness is manifested in its striving for spiritual existence, which is revealed and realized through creativity, that is, through the unity of thought and experience. Culture, ultimately, expresses the integrity of human life and human nature itself. Culture is correlated with the development of civilization, as it entails a rethinking of life's meanings and value orientations. The spiritual "I," acting as a cultural "I," shapes social programs oriented toward the future. As social change accelerates, the significance of cultural creativity increases. Humans accumulate and organize a system of values, and ultimately, a holistic, generalized image of the human world is expressed in cultural universals. Cultural time reunites all forms of sensory experience (including space and time).

Keywords: *spiritual culture; feelings; reason; creative activity; social life programs; cultural universals; creative human nature; spiritual values; transcendental subject.*

EDN: CSKHUM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.11***

Цитировать: *Лукьянов А.В., Ханова Р.В., Хасанова Л.Р. Духовная культура как основа формирования чувств и рассудка: философский анализ // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 69-74. EDN: CSKHUM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.11*

Духовная культура как основа формирования чувств и рассудка: философский анализ

УДК 1:316

5.7.7

© Лукьянов А.В., Ханова Р.В., Хасанова Л.Р., 2026

Духовная культура как основа формирования чувств и рассудка связана с формированием «трансцендентального субъекта» и требует исследования в этом ключе. Человеческое величие проявляется в его устремлённости к духовному существованию, которое раскрывается и реализуется через творчество, то есть из единства мышления и переживания. Культура, в конечном счёте, выражает целостность человеческой жизни и самой человеческой природы. Культура соотнесена с развитием цивилизации, поскольку оно влечёт переосмысление жизненных значений и ценностных ориентиров. Духовное «Я», выступающее как культурное «Я», формирует программы общественной жизни, ориентированные на будущее. По мере ускорения общественных изменений возрастает значимость культурного творчества. Человек накапливает и упорядочивает систему ценностей, и в итоге целостный, обобщённый образ человеческого мира выражается в культурных универсалиях. Культурное время воссоединяет все формы чувственности (в том числе пространство и время).

Ключевые слова: *духовная культура; чувства; рассудок; творческая деятельность; программы социальной жизни; культурные универсалии; креативная природа человека; духовные ценности; трансцендентальный субъект.*

ЛУКЬЯНОВ Аркадий Викторович, *доктор философских наук, профессор*

SPIN-код: 1919-7396

ХАНОВА Руфина Вильсоновна, *кандидат философских наук, доцент*

SPIN-код: 6079-3597

ХАСАНОВА Лилия Равильевна, *кандидат философских наук, доцент*

SPIN-код: 4084-5957

Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)

Духовная культура есть нечто подвижное и динамичное. Чувственная культура человека всегда наталкивается на границу самосознания, «Я». Чувство есть «некоторое ограничение побуждения» [10, с. 293]. Но в те моменты, когда человек стремится реализовать свою духовную природу, он устремляется к тому, чтобы указать, что существует «два ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из общего, но неизвестного нам корня, именно чувственность и рассудок» [4, с. 123-124]. Посредством чувственности предме-

ты нам даются, а при помощи рассудка они мыслятся. Если бы оказалось, что чувственная культура содержит в себе априорные представления, «составляющие условие, под которым нам даются предметы, то она имела бы отношение к трансцендентальной философии» [4, с. 46]. Заметим, что условия, под которыми предметы даются человеческому познанию в целом, предшествуют условиям, «под которыми они мыслятся» [4, с. 46].

Духовная культура человека заключена в стремлении к бесконечному и прекрасному. Но когда человек стремится к границе «Я», то здесь уже содержится конечность. Ведь то, «чему не оказывается сопротивления, не является стремлением» [10, с. 271]. Но человек стремится к лучшему миру и данное стремление оказывает влияние на духовную культуру. Человек велик тем, что стремится к духовному бытию, а духовное до конца не потребляется, а вечно осваивается. Но главным все же является стремление человека к состоянию «самоограничения Я». Когда человек стремится к абсолютным ценностям, то он включает в себя нечто прекрасное, которое «может быть обретено в Я и непременно должно быть там обретено» [10, с. 273]. Однако сущность самосознания состоит в его деятельности и если эта деятельность ослабевает, то и мышление ослабевает.

Сегодня можно говорить об усталости и инерции мышления, однако культура способна преодолевать всё отжившее. Чувственность выступает исходным основанием всякого знания о человеке и составляет фундамент духовной культуры. «Абстрактная вражда между чувством и духом необходима до тех пор, пока собственным трудом человека еще не созданы человеческий вкус к природе, человеческое чувство природы, а значит и естественное чувство человека» [7, с. 135]. Чувства общественного человека — иные чувства, чем чувства «необщественного человека» [7, с. 122]. Богатство внутреннего мира человека формируется благодаря многообразию освоенного им предметного содержания культуры. Чем шире круг идей, символов, практик и форм деятельности, с которыми личность вступает в осмысленное взаимодействие, тем глубже и сложнее становится её субъективная сущность. Человек не замыкается в собственных переживаниях: его индивидуальность складывается через обращение к внешнему миру — к языку, искусству, науке, традициям, социальному опыту. Осваивая объективированные формы культуры, он интериоризирует их, превращая внешнее в внутреннее. В результате субъективность оказывается не природно заданной, а исторически и культурно формируемой: личность развивается по мере того, как она присваивает и перерабатывает богатство человеческого мира.

Музыкальное ухо человека, другие чувства, способные к человеческим наслаждениям, утверждают себя как человеческие силы. Не только пять внешних органов чувств, но и так называемые внутренние, или духовные, а также практические чувства — воля, любовь и прочие — словом, всё человеческое чувствование, сама человечность чувств, формируются лишь при наличии соответствующего объекта, благодаря природе, ставшей человеческой. [7, с. 122].

«Человек представляет собой чувственно-разумное существо, способное на собственный выбор. По Канту, свобода человека проявляется в самостоятельном выборе, автономии. Чтобы поступок человека стал моральным, он должен соответствовать общезначимым требованиям, быть всеобщим» [11, с. 137]. Чувства и рассудок человека в духовной культуре связаны с преодолением грубой практической потребности. Эта потребность, как нам думается, обладает лишь ограниченным смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а имеется лишь ее абстрактное бытие как пищи. Пища могла бы иметь самую грубую форму и невозможно сказать, а «чем отличается это поглощение пищи от поглощения его животным» [7, с. 122].

Человек устремлён к духовному существованию, и это стремление не сводится к пределам самосознания, где начинают доминировать природные импульсы. Именно устремлённость образует субстанциальную основу духовной культуры. В этом смысле она подобна «свежему ветру», преодолевающему застой и неподвижность духовной жизни. Творческая же активность человека проистекает из единства мышления и переживания, хотя в современной действительности эта связь нередко проявляется смутно и не вполне отчётливо.

Творческая деятельность опирается на идею преобразования как внутренней, так и внешней реальности. Внутренний мир человека соотнесён с его чувственной сферой и с задачей формирования универсального чувства, позволяющего переживать и осмыслять человеческий опыт в более широком, общезначимом измерении. Это чувство есть «ум, универсальная чувственность» [8, с. 75]. А эта чувственность — «это духовность» [8, с. 75]. «Даже низшие чувства — обоняние и вкус — поднимаются у человека до духовных теоретических актов» [8, с. 75]. Даже такие, казалось бы, чисто природные потребности, как питание, у человека приобретают культурный характер. Его «желудок» функционирует не как животный инстинкт, а как человеческая способность, опосредованная нормами, смыслом и мерой. Поэтому человек не сводится к бесконтрольному удовлетворению потребностей: он способен регулировать их, придавать им форму и значение. Если бы его телесность определялась исключительно хищной природой, он утратил бы человеческое измерение существования. Иначе говоря, человек остаётся человеком постольку, поскольку его природные импульсы преобразованы культурой: он не просто потребляет, а выбирает, ограничивает, оценивает и осмысляет своё отношение к потребностям. «Нравственное, или разумное, отношение человека к желудку состоит поэтому только в том, чтобы рассматривать последний не как скотскую, но как человеческую сущность» [8, с. 76].

По-настоящему человеческое отношение к природе включает не только эстетическое, художественное или нравственное её переживание, но и особое интеллектуальное чувство — способность понимать и осмыслять её. Человек характеризуется тем, что он не отбрасывает существенные стороны опыта: ему в принципе открыто всё человеческое. Поэтому «универсальное чувство» можно рассматривать как своеобразный девиз философии, поскольку именно в нём соединяются рациональное понимание и иррациональное переживание. Естественная точка зрения человека соприкасается с «Я» философией. «Новая философия, превращая существенный и высший предмет сердца — человека — также в существенный и высший предмет ума, кладет, таким образом, разумное основание единству головы и сердца, мышления и жизни» [8, с. 77]. Культура состоит в целостности человеческой жизни и человеческой сущности.

Мысль человека продолжается там, где чувство пробуждается перед глазами человека [1, с. 63]. Но в любом случае мы призваны отталкиваться от идеи изменения внутреннего и внешнего миров.

Духовное, нравственное «Я» существует внутри человека. И. Кант не был так остроумен, когда выступал против «высоких башен, вокруг которых всегда ветрено» [1, с. 65]. Но страсть «к рассмотрению знания не признает никаких границ» [5, с. 36]. «Рассекая в свободном полете воздух и чувствуя противодействие его, легкий голубь мог бы вообразить, что в безвоздушном пространстве ему было бы еще легче летать» [5, с. 36]. Платон расстался с чувственным миром, поскольку поставил узкие границы рассудку и отважился «пуститься за пределы его на крыльях идей в пустое пространство чистого рассудка» [5, с. 36]. Он «не заметил, что своими усилиями он не пролагал дороги, так как не встречал никакого сопротивления» [5, с. 36].

Культура развивается только тогда, когда сталкивается с препятствиями и вызовами; именно преодолевая сопротивление, она стремится к более глубокому и совершенному знанию. Но вместо этой идеи К. Маркс выделил экономические интересы «в качестве двигателя истории» [1, с. 67]. Если идея «сталкивается с интересом, она себя посрамляет» [1, с. 67]. У человека всегда есть конкретные интересы, однако без идей, содержащих внутренний побудительный импульс, эти интересы постепенно утрачивают жизненную силу и приходят в упадок. В человеке, говорит И.Г. Фихте, невозможна никакая интеллигенция, если в нем нет никакой практической способности [10, с. 264]. Эта способность соотносится с идеей «стремления». Но в понятии «стремления» содержится конечность.

В определённый момент человек переживает внутренний импульс, из-за которого его деятельность обращается на саму себя и становится предметом рефлексии. Даже идеал имеет свои пределы, однако эти пределы подвижны и со временем изменяются. Остаётся неясным, обусловлен ли этот импульс абсолютностью «Я» или иным источником. Тем не менее духовное существование уже в себе

содержит возможность самоопределения. Культура связана с цивилизационным развитием, что предполагает изменение жизненных смыслов и ценностей. Переустройство общества связано с революцией в умах, с выработкой новых ценностей. Заметим, что чем «чище» и «благороднее» стремление, тем «сильнее оно стремится осуществить себя в реальной жизни» [6, с. 151].

Но благородное стремление реализует себя как «заурядное» и «обыкновенное». И, тем не менее, «толчок» свойственен деятельности «абсолютного Я» [14]. Абсолютное «Я» заключает в себе силу самополагания. Абсолютное, хотя и отличается от духовного бытия, тем не менее, оно содержит в себе осколки прошлых эпох, которые существуют в современном мире. Духовное «Я», как культурное «Я», образует программы социальной жизни, которые направлены в будущее. Чем динамичнее общество, тем бóльшую ценность обретает культурное творчество. Человек аккумулирует организованную ценностную систему. В результате целостный обобщенный образ человеческого мира олицетворяет культурные универсалии.

Духовную культуру можно рассматривать как основание становления как чувственной, так и рациональной сторон человеческого сознания. Она формирует не только способы мышления, но и способы переживания мира. Чувственность и рассудок, таким образом, не являются изолированными способностями: они, по-видимому, восходят к единому источнику, в котором восприятие и понимание ещё не разделены. В культурном опыте человек одновременно чувствует и осмысляет действительность, и именно через духовную культуру эти два измерения человеческого существования получают согласование и форму.

Современная культура ставит вопрос об эластичности исторического времени. Переживание длительности зависит от состояния сознания: увлечённые часы пролетают мгновенно, тогда как пустые и однообразные тянутся бесконечно. Воспоминание о чём-то значительном и прекрасном наполняет дни протяжённостью, а месяцы скуки, напротив, сжимаются до короткого момента. Культурное время не совпадает со временем часового циферблата: оно указывает на то, что не фиксируется механическим отсчётом и не поддаётся строгим метрическим измерениям.

Культурное время отлично от механического времени. Оно «выпрямляет пережитое ценой упорядоченного оцепенения» [1, с. 158], отталкивается от идеи преодоления хронометрического акта. Культурное время соразмерно историческому времени. Но культурное время воссоединяет все формы чувственности (в том числе пространство и время).

Сегодня мы имеем дело с эластичным пространством и временем. Для нас важна не взаимосвязь пространства и времени, а изменчивая метрика, которая уже не является полностью эвклидовой [1, с. 160]. Кроме того, современное «риманово пространство» является эластичным. Оно есть незастывшее понятие «исторического времени» [1, с. 160]. Духовная культура связана с тем, что социальный прогресс «течет не в гомогенном ряду времени, а в различных уровнях времени» [1, с. 165].

Исторические и иные временные ряды следует понимать через различную «плотность» развёртывания историко-материальных событий. Духовная культура соединяет в себе измерения как исторического, так и природного времени. При этом природное время кажется более протяжённым, если смотреть из перспективы прошедшего, но не из перспективы будущего. В историческом процессе модус будущего всё же преобладает над настоящим и прошлым, и это связано с творческой, проективной природой человека, ориентированного на создание ещё не существующего. «Творческий поиск дает человеку надежду на успех, воображение позволяет строить неординарные проекты, интуиция ведет к креативным решениям» [12, с. 215].

Культура противостоит «обеднённому» времени, лишённому событийной насыщенности. Однако можно ли считать, что природа в человеческой истории принадлежит лишь прошлому? И вправе ли мы игнорировать культурное наследие? В реальных культурах всегда присутствует целевая направленность: она несёт в себе духовное содержание, а значит — и обращённость к будущему. Культура, выступая основанием формирования чувственности и рассудка, одновременно содержит в себе и особое историческое, культурное время. Речь идет о

новой гуманистической космологии, в основе которой лежат идеи Ф. Шиллера о «прекрасной душе», о нравственности, которая призвана жить в человеческом роде.

Призыв к движению вперёд и духовному совершенствованию остаётся столь же незавершённым, как и сама цель, к которой он обращён. Это проявляется, в частности, в возникновении интеллигенции — особого слоя людей, традиционно стремившегося принять на себя ответственность за просвещение общества в России. Например, ум для В.Н. Татищева составлял генеральное понятие, определяющее природу философии. Ум относится к важнейшим силам души. Ум есть цель и «назначение истинной образованности» [9, с. 142].

Сегодня перед нами стоит задача осмыслить возможность преодоления этих трудностей. Прежде всего, необходимо снять противопоставление культуры и цивилизации. Оно не может объясняться лишь различием духовных ценностей. В самом духовном бытии присутствует некое абсолютное начало, которое одновременно препятствует полному совпадению материальных, духовных и интеллектуальных форм человеческой деятельности и тем самым усложняет достижение их единства.

Духовная культура не закреплена жёстко в пределах пространства. Она обладает подвижностью и нелинейностью, соотносясь с множественностью временных измерений и форм переживания времени. Следовательно, необходимо «возвращаться только к такому прошлому, которое незавершено и предвосхищает будущее» [1, с. 178]. Культурное наследие существует лишь в форме традиции, а традиция связана с осмыслением того, что ещё не проявилось и не осуществилось полностью. С одной стороны, она представляет собой устойчивую и закреплённую форму опыта, но это не означает отказа от верности прошлому. Социальная память освещается сознанием, ориентированным в будущее. Традиция объединяет прошлое и настоящее: она не только переосмысливает прошедшее, но и задаёт направление грядущему. «Характерной особенностью такого явления, как традиция, является её присутствие во всех социальных и культурных системах» [13, с.149].

Духовная культура обретает реальность не вне человека, а в его внутренней жизни — в способе переживания, мышления и оценки собственных поступков. Чувственная и рациональная стороны человеческого существования формируются в социальном бытии, однако это бытие определяется не мерой материального изобилия. Его подлинное содержание раскрывается в способности человека выходить за пределы утилитарных интересов и обращаться к ценностям, имеющим безусловное значение. Именно здесь, таким образом, возникает этическое измерение культуры: она ориентирует человека не столько на обладание, сколько на ответственное отношение к миру и к другому человеку. «Моральная философия в чистом виде не может обойтись без метафизики нравственности как основы этики, очищенной от всего эмпирического» [5, с.79]. Образ «звёздного неба» выражает стремление человека к порядку и гармонии мироздания, тогда как «нравственный закон в нас» указывает на внутренний источник долга и самоограничения. Духовная культура соединяет эти два полюса — созерцание и обязанность — и тем самым формирует моральную автономию личности, способной руководствоваться не только желаниями, но и принципами.

Духовная культура, ее социально-философский анализ связаны с трансцендентальным подходом к философии хозяйства. Так, С.Н. Булгаков говорит о натурфилософских основаниях теории хозяйства, о «трансцендентном субъекте хозяйства». Ведь хозяйство есть «синтез свободы и необходимости». Эта проблема «должна быть поставлена именно нашим временем» [2, с. 261]. С этих позиций предстают основные вопросы философского и интеллектуального сознания. Хозяйство — это процесс не индивидуальный, но родовой и исторический. Хозяйство — это процесс общественный и исторический. «Истинным и притом единственным трансцендентальным субъектом хозяйства… является не человек, но человечество» [2, с. 94], как некий «трансцендентальный деятель», который связывает разрозненные акты хозяйственной деятельности в одно единое целое. Духовная культура связывает многие хозяйственные явления в духовное целое. Этим и обосновывается единый процесс, в котором творится общее дело всего человеческого духа.

Заключение

Духовная культура как основа формирования чувств и рассудка связана с формированием «трансцендентального субъекта», который воссоединяет «возможность знания, хозяйства, истории» [2, с. 99]. Чувственная и интеллектуальная культура человека укоренены в социальном бытии. Однако это бытие определяется не материальным изобилием, а обращённостью к осмыслению единства космического порядка — «звёздного неба» — и внутреннего нравственного закона, присутствующего в самом человеке.

Необходимо обратиться к анализу сущности «трансцендентального субъекта». Он шире и содержательнее, чем субъект, понимаемый лишь в гносеологическом смысле. Трансцендентальный субъект можно трактовать как некое общее духовное начало — своего рода «мировую душу» или человеческий род, проявляющийся в синтезирующей деятельности рассудка. Причастность человека миру делает возможной и его практическую, в том числе хозяйственную, деятельность. Поэтому важно размышлять о живой организующей силе общества, способной противостоять безличным механизмам, разрывающим связь человека с природой и ослабляющим органическое единство между людьми.

Сегодня важно осмыслить человечность как глубинную возможность объединения людей на нравственной основе. Подлинная личность не распадается на отдельные функции и роли, а стремится к духовности, проявляющейся в мире через её действия. Творчество носит софийный характер, поскольку основано на причастности человека к идее мудрости. Благодаря этому человек свободен и самобытен в применении своих сил. Эти силы по своей природе нравственны, а нравственность выступает фундаментом культуры.

Литература:

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 400 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. — М.: Наука, 1990. — 412 с.
3. Иткулова Л.А. Автономия воли и трансцеденталь-ная свобода в моральной философии И. Канта // Культура и творчество в свете философской рефлексии: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию со дня рождения выдающегося мыслителя, основателя немецкой классической философии Иммануила Канта (1724-1804). — Уфа, 2024. — С.78-81.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. — СПб.: Тайм-Аут, 1993. — 476 с.
5. Кант И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. — Т. 3. — М.: Мысль, 1964.– 799 с.
6. Лукьянов А.В. Абсолютная и духовная сущность «Я»: к вопросу о реконструкции фихтевской теории «толчка» // Философия и религия в истории и современности: сб. ст. научной конференции. — Уфа: Изд-е Башкирск. ун-та, 2002. — 188 с.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1944 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 42. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — С. 43-174.
8. Фейербах Л. Основы философии будущего. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — 151 с.
9. Философия культуры. Становление и развитие. — СПб.: Лань, 1998. — 448 с.
10. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. — Т. 1 / сост. и примечания Владимира Волжского. — СПб.: Мифрил, 1993. — 687 с.
11. Хабибуллина З.Н. Размышления И. Канта о воспитании и образовании // Культура и творчество в свете философской рефлексии: материалы ВНПК, — Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. — С. 135-140.
12. Хабибуллина З.Н. Творческий поиск как основа успешной самореализации // Культура и творчество в свете философской рефлексии: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию со дня рождения выдающегося мыслителя, основателя немецкой классической философии Иммануила Канта (1724-1804). — Уфа, 2023. — С. 213-220.
13. Хасанова Л.Р. Некоторые вопросы института традиции как элемента механизма социальной памяти // Культура и творчество в свете философской рефлексии: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию со дня рождения выдающегося мыслителя, основателя немецкой классической философии Иммануила Канта (1724-1804). — Уфа, 2023. — С. 147-149.
15. Girndt H. Die Differenz des Fichteschen und Hegelschen Systems in der Hegelschen „Differenzschrift“ // Abhandlungen zur Philosophie, Psychologie und Pädagogik. — Bd. 30. — Bonn, 1965.

FEMALE PERSONIFICATIONS OF THE NATION: A COMPARATIVE SEMIOTIC ANALYSIS OF MARIANNE, THE STATUE OF LIBERTY AND MOTHER RUSSIA

Markina Lidia Alexeevna, *applicant, National Research Mordovia State University, Saransk (Russia)*

In the context of globalization and transformation of national identities, the study of symbolic mechanisms of political community construction acquires particular significance. Female personifications of nations represent a universal phenomenon of political culture requiring comparative semiotic analysis. The aim of this work is to identify common and specific features of three key female national allegories: French Marianne, American Statue of Liberty, and Soviet/Russian Mother Russia. The research is based on iconographic analysis of visual representations (posters, monuments, official symbols) using R. Barthes semiotic methodology, P. Noras concept of memory sites, and theoretical frameworks of M. Warner, M. Agulhon, and N. Yuval-Davis. Comparative and historical-cultural analysis methods were employed. A typology of female national personifications was identified, including revolutionary-militant (Marianne), institutional-inclusive (Statue of Liberty), and maternal-mobilizing (Mother Russia) types. It was established that differences in iconography (headwear, attributes, degree of nudity) reflect the specifics of political cultures and historical experience of respective societies. Comparative analysis demonstrates that female personifications of nations function as polysemantic symbols capable of reinterpretation in changing political contexts. The gendered nature of these allegories is connected with archetypal notions of the nation as territory requiring protection and as a mother giving birth to citizens.

Keywords: *political semiotics; national identity; Marianne; Statue of Liberty; Mother Russia; female allegories; symbolic politics.*

EDN: DBTSFN ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.12***

Цитировать: *Маркина Л.А. Женские персонификации нации: сравнительный семиотический анализ Марианны, Статуи Свободы и Родины-Матери // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 75-80. EDN: DBTSFN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.12*

УДК 316.77:32.019.5
5.7.7

ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНИФИКАЦИИ НАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАРИАННЫ, СТАТУИ СВОБОДЫ И РОДИНЫ-МАТЕРИ

© Маркина Л.А., 2026

В условиях глобализации и трансформации национальных идентичностей изучение символических механизмов конструирования политических сообществ приобретает особую значимость. Женские персонификации наций представляют собой универсальный феномен политической культуры, требующий сравнительного семиотического анализа. Цель исследования состоит в выявлении общих и специфических черт трёх ключевых женских национальных аллегорий: французской Марианны, американской Статуи Свободы и советской/российской Родины-Матери. Исследование основано на иконографическом анализе визуальных репрезентаций (плакаты, монументы, официальная символика) с применением семиотической методологии Р. Барта, концепции мест памяти П. Нора и теоретических подходов М. Уорнер, М. Агюлона, Н. Юваль-Дэвис, М. Эпштейна, О. Рябова. Использованы методы сравнительного и историко-культурного анализа. В результате, выявлена типология женских национальных персонификаций, включающая революционно-воинственный (Марианна), институционально-инклюзивный (Статуя Свободы) и материнско-мобилизационный (Родина-Мать) типы. Установлено, что различия в иконографии (головной убор, атрибуты, степень обнажённости и др.) отражают специфику политических культур и исторического опыта соответствующих обществ. Сравнительный анализ показывает, что женские персонификации наций функционируют как полисемантические символы, способные к реинтерпретации в изменяющихся политических контекстах. Гендерная природа этих аллегорий связана с архетипическими представлениями о нации как территории, требующей защиты, и как матери, порождающей граждан.

МАРКИНА Лидия Алексеевна, *соискатель, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск (Россия)*

Ключевые слова: *политическая семиотика; национальная идентичность; Марианна; Статуя Свободы; Родина-Мать; женские аллегории; символическая политика.*

Введение

Женские персонификации наций представляют собой один из наиболее устойчивых и универсальных феноменов политической символики. От древнегреческой Афины до современных национальных аллегорий (Марианны, Британии, Германии, Родины-Матери) женские фигуры воплощают абстрактные политические ценности: свободу, справедливость, республиканские идеалы, готовность к самопожертвованию. При этом сам выбор женского образа для репрезентации преимущественно маскулинных по своей структуре политических сообществ представляет собой семиотический парадокс, требующий объяснения.

Британская исследовательница Марина Уорнер в своем фундаментальном исследовании «Памятники и девы» сформулировала этот парадокс предельно точно: «Свобода изображается женщиной не потому, что женщины были или являются свободными» [15]. Аллегория, по мнению М. Уорнер, требует разрыва между означающим и означаемым, между конкретным образом и абстрактной идеей. Женская фигура оказывается «пустым означающим», способным вместить любое содержание: от революционного порыва до государственной стабильности, от материнской заботы до воинственного призыва.

Цель данного исследования — провести сравнительный семиотический анализ трёх ключевых женских национальных персонификаций: французской Марианны, американской Статуи Свободы и советской/российской Родины-Матери. Выбор именно этих символов обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, все три репрезентируют крупнейшие политические традиции, а именно — французский республиканизм, американский либерализм и советский/российский патриотизм. Во-вторых, они демонстрируют различные модели женской персонификации: революционную, институциональную и материнскую. В-третьих, между ними существуют документированные генетические связи: Статуя Свободы была создана французским скульптором и подарена США Францией, а советская Родина-Мать испытала влияние как античных прототипов, так и французских образцов.

Теоретико-методологические основания исследования

При анализе политических символов будет оптимально применить семиотический подход. Ролан Барт в «Мифологиях» разработал концепцию мифа как вторичной семиотической системы, превращающей историю в природу [6]. Применительно к национальным персонификациям это означает, что исторически конкретные и политически мотивированные конструкты «натурализуются», представая универсальными и вечными истинами. Задача семиотического анализа, на наш взгляд, состоит в выявлении этих механизмов, в демонстрации того, как конкретный образ приобретает статус «естественного» символа нации.

Другая важная для исследования концепция «мест памяти» (*lieux de memoire*) Пьера Нора позволяет рассматривать национальные символы как материальные, функциональные и символические воплощения коллективной памяти [12]. Женские персонификации выступают одновременно во всех трёх измерениях: как материальные объекты (монументы, бюсты, изображения), как элементы ритуальных практик (праздники, церемонии) и как концептуальные символы национальной идентичности.

Также важное значение для понимания гендерного измерения национальной символики имеет работа Ниры Юваль-Дэвис «Гендер и нация», где выделяются три роли женщин в националистическом дискурсе: биологические воспроизводители нации, воспроизводители границ этнических/национальных групп и передатчики культуры [16]. Женская персонификация нации, таким образом, апеллирует к архетипическим представлениям о матери как источнике жизни и хранительнице традиций.

Наконец, немецко-американский историк и педагог Джордж Моссе в своей ра-

боте «Национализм и сексуальность» тоже связывает националистическую символику с буржуазными представлениями о респектабельности [11]. По его мнению, женщина как национальный символ выступает хранительницей непрерывности и неизменности нации, воплощением её респектабельности. Это объясняет, почему степень обнажённости женской фигуры становится предметом политических дискуссий — она маркирует границу между революционной трансгрессией и государственной стабильностью.

Марианна: революционная богиня Республики

Первый образ, на котором следует остановиться, — это Марианна, женская аллегория, персонифицирующая Французскую Республику с момента Великой французской революции. М. Агюлон, создавший трёхтомное исследование этого символа, показал, как Революция «праздновала Республику как аллегорию Свободы; аллегория приняла двойную форму пластической репрезентации и живого театра» [5]. «Живые богини», молодые женщины, воплощавшие Свободу и Разум на революционных празднествах, стали яркими символами нового политического порядка.

Классическая «иконография» Марианны включает несколько ключевых элементов. Первое — это фригийский колпак (*bonnet phrygien*), головной убор, восходящий к пилеусу, который в Древнем Риме носили освобождённые рабы. Очевидным образом он символизирует свободу от тирании. Второе — обнажённая грудь. Она отсылает к античным образам и одновременно символизирует щедрость Республики, кормящей своих детей. Третье — копьё или пика — указывает на готовность защищать завоевания революции. Наконец, кокарда триколора напоминает о революционных истоках республиканского строя [1].

Линн Хант в работе «Политика, культура и класс во Французской революции» проанализировала соперничество между Геркулесом и Марианной как символами Республики, показав, как «напряжение между властью и демократией проявлялось в дискурсе, действии и гендерных образах» [7]. Победу женской аллегории над мужской можно объяснить её большей универсальностью: Марианна могла воплощать абстрактные ценности, тогда как Геркулес слишком явно ассоциировался с грубой силой.

М. Агюлон выдели ключевое характерное для французской политической традиции противостояние двух образов Марианны: «благоразумной и классической» (*sage et classique*), ассоциирующейся с умеренной республикой, и «радикальной, более красной» (*radicale, plus rouge*), связанной с революционной традицией [4]. Власти Третьей республики стремились минимизировать революционные коннотации, заменяя фригийский колпак диадемами или лавровыми венками. Отметим, что эта борьба за определение «правильного» образа Марианны продолжается и в современной Франции.

Наиболее известным художественным воплощением революционной Марианны стала картина Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» (1830), где женская фигура с обнажённой грудью, в фригийском колпаке, с триколором и мушкетом предводительствует восставшим на баррикадах. Этот образ — безусловно энергичный, воинственный, эротически заряженный — представляет революционный полюс семантического поля Марианны.

Статуя Свободы: укрощённая революция

Второй символ, который представляется важным рассмотреть, — это Статуя Свободы, официально именуемая «Свобода, озаряющая мир» (*Liberty Enlightening the World*). Она была создана французским скульптором Фредериком Огюстом Бартольди и подарена Францией Соединённым Штатам в 1886 году. Американский исследователь Э. Беренсон утверждает: «символически нечёткая, неоклассическая форма статуи позволила американцам интерпретировать её значение разнообразными способами» [7].

Сравнительный анализ иконографии Статуи Свободы и Марианны позволяет выделить систематические различия, отражающие различие политических культур Франции и США. Фригийский колпак здесь отсутствует: он заменён лучистой короной, отсылающей к солярной символике и образу

[1] Official website of the Elysee Palace. Marianne. URL: https://www.elysee.fr/en/french-presidency/marianne

маяка. Грудь полностью закрыта классическими драпировками, в отличие от обнажённой «революционной» Марианны Делакруа. Разбитые цепи перенесены к ногам и частично скрыты. Примечательно, что первоначально Бартольди планировал разместить их в руке статуи, но Эдуард де Лабуле, инициатор проекта, настоял на более сдержанном решении [2].

В частности, Лабуле настаивал на том, что статуя должна держать «факел, а не пламя», и этот выбор слов не случаен. Дело в том, что пламя ассоциировалось с феноменом *petroleuse* — женщинами-поджигательницами Парижской Коммуны 1871 года, которые поджигали здания с помощью бутылок с нефтью. Статуя Свободы, таким образом, представляла собой сознательную «депролетаризацию» революционной символики.

Американский историк Тайлер Стовалл в своем обращении к Американской исторической ассоциации (2018) предложил критическое прочтение Статуи Свободы как символа «свободы белого человека» [14]. Марианна, согласно его мнению, является «прямым предком Статуи Свободы», но с принципиальными модификациями, символизирующими консервативный республиканизм. Он отмечает, что перемещение разбитых цепей с рук к ногам хронологически совпало с окончанием Радикальной Реконструкции (1877); именно тогда европейские иммигранты приняли статую как часть процесса трансформации в «белых американцев».

Таким образом, семиотическая судьба Статуи Свободы демонстрирует процесс наслоения и трансформации значений. Изначально задуманная как символ франко-американской дружбы и республиканских ценностей, статуя приобрела дополнительные коннотации благодаря своему расположению в гавани Нью-Йорка. Для миллионов иммигрантов, прибывавших через остров Эллис, она стала первым визуальным символом Америки, «Матерью изгнанников», воплощением надежды и возможностей [8].

[2] Statue of Liberty: official website. URL: https://www.statueofliberty.org/

Родина-Мать: архетип жертвенной матери

Родина-Мать представляет собой специфически российский/советский вариант женской персонификации нации, существенно отличающийся от западных аналогов. Дж. Хаббс в фундаментальной монографии «Матушка-Русь: женский миф в русской культуре» подробно анализирует всю историю «женского» национального мифа России. Она называет Бабу-Ягу, русалок, Мать Сыру Землю «центральными культурными силами», связывая древнеславянскую богиню Мокошь с концептом «Матери-России» [9].

Как пишет М.Н. Эпштейн, историческая зависимость России от земледелия поддерживала «мифологическое представление о земле как божественной матери» [3]. Неслучайно грамматический женский род слова «Россия» естественно допускает выражения «матушка Россия», «Русь-матушка». Впрочем, важно отметить, что дореволюционная «Матушка Россия» и советская «Родина-Мать» представляют собой различные семиотические конструкты.

До революции «Матушка Россия» появлялась на официальных изображениях с короной, мантией, державой и скипетром, т.е. атрибутами монархической власти. В период Гражданской войны большевики ассоциировали этот образ с отсталостью и реакцией, тогда как для белого движения он оставался священным. После обретения советской властью устойчивости данный образ снова стал актуальным, но претерпел определенные модификации. Так, произошёл сдвиг от «отечества» (мужской концепт) к «родине» (женский концепт), от монархических атрибутов — к военно-мобилизационным [2].

Первым каноническим воплощением советской Родины-Матери стал плакат Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовёт!» (1941). Родина здесь изображена как «матронообразная русская женщина» с поднятой рукой в призывающем жесте, который может означать как призыв к оружию, так и собственную атаку навстречу врагу [13]. Важно, что военная атака, т.е. изначально мужское действие, ассоциирована с женщиной, которая имитирует жест опытного полевого командира.

Визуальные коды плаката многослойны. Фигура лишена определённых женствен-

ных черт, что универсализирует образ. Обрамление штыками винтовок Мосина создаёт милитаризованную рамку, напоминающую нимб вокруг святой фигуры. Красный цвет несёт двойное значение: кровь (жертва) и красота (красный/красивый — это яркая этимологическая связь в русском языке). Имеет значение и документ в руке — это текст Присяги Красной Армии, которая напрямую связывает личный долг гражданина с защитой государства.

Исследователи утверждают, что в политической и социальной практике раннего советского периода плакат функционировал «подобно иконе Божьей Матери: солдаты носили репродукции в нагрудном кармане гимнастёрки» [1]. Это свидетельствует о глубинной связи образа Родины-Матери с религиозной иконографией, несмотря на официальный атеизм советского государства.

Другой важный материальный символ Родины-Матери — это монумент Евгения Вучетича «Родина-мать зовёт!» в Волгограде (1967). Скульптура высотой 85 метров была создана при участии инженера Николая Никитина. Исследователи памятника обычно отмечают прямое влияние Ники Самофракийской — знаменитой статуи греческой богини победы, а также связь с барельефом «Марсельеза» на Триумфальной арке в Париже.

В контексте исследуемой темы примечательно, что Е. Вучетич отверг предложения облачить фигуру в русский национальный костюм, аргументируя это тем, что Сталинградская битва была международным событием. Первоначальный замысел подразумевал изображение коленопреклонённого солдата, передающего меч Родине, но в итоге он был изменён, поскольку «солдат не мог передать меч никому, потому что война ещё не закончилась» [3]. Отметим, что монумент входит в концептуальный триптих с мемориалом в Трептов-парке (Берлин) и памятником «Тыл — фронту» в Магнитогорске: меч был выкован на Урале, поднят Родиной в Сталинграде и опущен после победы в Берлине.

[3] «Родина-мать зовет!» 10 фактов о монументе. URL: https://www.culture.ru/materials/159169/rodina-mat-zovet-10-faktov-o-monumente

Сравнительный анализ: типология женских персонификаций

На основе вышеизложенного можно выделить три типа женских национальных персонификаций, соответствующих различным политическим культурам и историческим контекстам.

Первый — *революционно-воинственный тип* («Марианна» Делакруа, революционные версии Марианны) характеризуется следующими чертами: обнажённая грудь, фригийский колпак, оружие в руках, динамичная поза, призыв к активному действию. Этот тип связан с моментами революционного разрыва, трансгрессии существующего порядка, и даже коллективного насилия во имя свободы.

Второй — *институционально-инклюзивный тип* (Статуя Свободы, бюсты Марианны в мэриях) отличается закрытой грудью, отсутствием оружия, статичной позой, сдержанной символикой. Факел заменяет пику, корона — фригийский колпак. Этот тип, на наш взгляд, репрезентирует стабильность институтов, «упорядоченную», «укрощенную» свободу (ordered liberty), инклюзивность политического сообщества.

Третий — *материнско-мобилизационный тип* (Родина-Мать) сочетает материнские коннотации с призывом к защите Отечества от любых угроз. Грудь закрыта, но образ не статичен: он всегда призывает к действию. Ключевое отличие от западных аналогов, на наш взгляд, здесь состоит в том, что символ апеллирует не к абстрактным ценностям (свобода, равенство), а к конкретным отношениям (мать-дети, родина-граждане). Именно жертвенность, а не абстрактные политико-правовые категории, становится центральной категорией в женских персонификациях национального мифа России.

Думается, что принципиальное различие между западными и российской/советской персонификациями связано с различием политических культур. Марианна и Статуя Свободы воплощают классические республиканские ценности: свободу, равенство, права граждан. Родина-Мать апеллирует к иному комплексу значений: семья, жертвенность, защита родной земли. Можно также отметить, что западные аллегории функционируют в горизонтальном измерении (граждане — это равные члены политического сообщества), в

то время как Родина-Мать задаёт вертикальное измерение (мать — и ее дети, требующие защиты и одновременно обязанные эту защиту обеспечивать).

Заключение

В завершение сформулируем ряд ключевых выводов.

Во-первых, женские персонификации наций представляют собой универсальный феномен политической культуры, однако их конкретное наполнение существенно различается в зависимости от исторического опыта и ценностных ориентаций соответствующих обществ. Марианна воплощает революционный республиканизм, Статуя Свободы — либеральную демократию и иммигрантскую инклюзивность, Родина-Мать — жертвенный патриотизм и защиту родной страны.

Во-вторых, иконографические различия (головной убор, степень обнажённости, атрибуты) являются не произвольными эстетическими решениями, а семиотически значимыми элементами, маркирующими различия между революцией и стабильностью институтов, трансгрессией и респектабельностью, правами и обязанностями.

В-третьих, гендерная природа национальных аллегорий связана с архетипическими представлениями о нации как территории (требующей защиты) и как матери (порождающей и вскармливающей граждан). Парадокс женской персонификации патриархальных по своей структуре политических сообществ объясняется разрывом между означающим и означаемым, характерным для аллегории как семиотической формы.

В-четвёртых, все три рассмотренных в настоящей статье символа демонстрируют способность к реинтерпретации в изменяющихся политических контекстах. Марианна остаётся предметом борьбы между различными политическими силами. Статуя Свободы переосмысливается в контексте критических исследований расы и иммиграции (что характерно для современной американской политической семиотики). Родина-Мать, в свою очередь, однозначно отражает патриотический и мобилизационный потенциал в современной России.

Литература

1. Рябов О.В. «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. — 2014. — №1. — С. 90-113. EDN: SDYGGH
2. Тимофеев М.Ю. Монументальный образ Родины-матери в политиках памяти современной России // Вестник Пермского университета. История. — 2016. — №4(35). — С. 86-94. DOI: 10.17072/2219-3111-2016-4-86-94 EDN: XEPBNN
3. Эпштейн М. Русская культура на распутье // Звезда. — 1999. — №1.
4. Agulhon M. Marianne au pouvoir: L'imagerie et la symbolique republicaines de 1880 a 1914. — Paris: Flammarion, 1989. — 450 p.
5. Agulhon M. Marianne into Battle: Republican Imagery and Symbolism in France, 1789-1880. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
6. Barthes R. Mythologies. — Paris: Seuil, 1957.
7. Berenson E. The Statue of Liberty: A Transatlantic Story. — New Haven: Yale University Press, 2012.
8. Higham J. Send These to Me: Immigrants in Urban America. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1984. — 260 p.
9. Hubbs J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. — Bloomington: Indiana University Press, 1988. — P. 15-47.
10. Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. — Berkeley: University of California Press, 1984.
11. Mosse G.L. Nationalism and Sexuality: Respectability and Abnormal Sexuality in Modern Europe. — Madison: University of Wisconsin Press, 1985.
12. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations. — 1989. — №26.
13. Pavia-Logan M. The Motherland Calls: The Portrayal of Women in War Posters During the Great Patriotic War, 1941-1945. — MA Thesis: California State University Fullerton, 2017.
14. Stovall T. White Freedom and the Lady of Liberty // AHA Presidential Address. — 2018. — №5.
15. Warner M. Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form. — London: Weidenfeld and Nicolson, 1985.
16. Yuval-Davis N. Gender and Nation. — London: SAGE, 1997. 168 p.

«I» AND «THE OTHER» IN THE STRUCTURE OF FAMILY RELATIONS: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Marushan Denis Sergeevich, *Senior Lecturer, Senior Lecturer, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don (Russia)*

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the "I am the Other" relationship in the structure of family relations as the primary form of sociality. The relevance of the research is due to the transformation of social ties, increased individualization and the crisis of stable forms of solidarity, which requires an appeal to those foundations of social existence that precede institutionally organized interactions. In the work, the family is considered not as a set of functions and norms, but as a space in which the initial experience of recognition and responsibility is formed. The purpose of the study is to identify the philosophical foundations of understanding the family as a basic form of sociality, in which the primary image of Another is formed and the self—determination of the subject is realized. Within the framework of the task, the concept of the self as being formed in relation to, as well as the specifics of the family experience of the irreplaceability and concreteness of the Other is analyzed. The methodological basis consists of the provisions of social philosophy and the axiological approach, the ideas of the philosophy of dialogue, as well as the concepts of self and otherness, developed in the phenomenological and hermeneutic tradition. As a result, it is established that the subject does not precede the relation, but arises in the space of recognition and responsibility, and the family acts as the primary form of sociality, in which the foundations of social cohesion are laid. It is shown that the weakening of family ties can be considered as one of the factors of the solidarity crisis, which gives the philosophical analysis of the family methodological importance for understanding the dynamics of modern society.

Keywords: *«I am Different»; family relations; social philosophy; axiological approach; self; otherness; recognition; responsibility; social solidarity.*

EDN: DCKFET ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.13***

Цитировать: *Марушан Д.С. «Я» и «Другой» в структуре семейных отношений: социально-философский анализ // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 81-87. EDN: DCKFET. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.13*

УДК 101.1:316
5.7.7

«Я» И «ДРУГОЙ» В СТРУКТУРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

© Марушан Д.С., 2026

Статья посвящена социально-философскому анализу отношения «Я — Другой» в структуре семейных отношений как первичной формы социальности. Актуальность исследования обусловлена трансформацией социальных связей, усилением индивидуализации и кризисом устойчивых форм солидарности, что требует обращения к тем основаниям социального бытия, которые предшествуют институционально организованным взаимодействиям. В работе семья рассматривается не как совокупность функций и норм, а как пространство, в котором формируется исходный опыт признания и ответственности. Цель исследования — выявить философские основания понимания семьи как базовой формы социальности, в которой складывается первичный образ Другого и осуществляется самоопределение субъекта. В рамках поставленной задачи анализируется концепция самости как формирующейся в отношении, а также специфика семейного опыта незаменимости и конкретности Другого. Методологическую основу составляют положения социальной философии и аксиологического подхода, идеи философии диалога, а также концепции самости и инаковости, разработанные в феноменологической и герменевтической традиции. В результате установлено, что субъект не предшествует отношению, а возникает в пространстве признания и ответственности, а семья выступает первичной формой социальности, в которой закладываются основания социальной связности. Показано, что ослабление семейных связей может рассматриваться как один из факторов кризиса солидарности, что придаёт философскому анализу семьи методологическое значение для осмысления динамики современного общества.

МАРУШАН Денис Сергеевич,
старший преподаватель,
Южно-Российский институт управления, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Ростов-на-Дону (Россия)
SPIN-код 6215-5703
ORCID ID 0009-0007-5674-9650

Ключевые слова: *«Я — Другой»; семейные отношения; социальная философия; аксиологический подход; самость; инаковость; признание; ответственность; социальная солидарность.*

Введение

В современной социально-философской мысли проблема Другого занимает центральное место, поскольку через это отношение раскрываются основания социальности и границы индивидуальной автономии. «Я» рассматривается не как замкнутая сущность, а как формирующееся в пространстве межличностной соотнесённости, выступающей условием самоопределения субъекта. Однако чаще всего данная проблематика анализируется на уровне абстрактных межсубъектных и институциональных взаимодействий.

На этом фоне значительно менее осмысленной остаётся философская специфика тех первичных форм социальности, в рамках которых отношение «Я — Другой» складывается до включения индивида в систему формализованных социальных и политических отношений. Одной из таких форм является семья, традиционно анализируемая либо как социальный институт, выполняющий определённые функции, либо как носитель и транслятор ценностных установок. В современных исследованиях проблема «Я» и «Другого» в структуре семьи нередко рассматривается в философско-антропологическом ключе, с акцентом на повседневные взаимодействия и ролевые модели формирования идентичности [4]. Подобные подходы, несмотря на их эвристическую значимость, нередко оставляют в стороне вопрос о том, каким образом в семейных отношениях формируется первичный образ Другого и каким образом этот опыт влияет на последующее включение субъекта в социальную реальность.

В условиях трансформации социальных связей и усиления индивидуализации философский анализ семьи требует переосмысления. Речь идёт не о нормативной защите семейных ценностей, а о рассмотрении семьи как первичного пространства отношения «Я — Другой», где Другой дан не как социальная роль или результат выбора, а как конкретное и незаменимое присутствие. Именно в этом опыте формируются признание, ответственность и границы самости, задающие основания социальной связности.

Цель исследования — социально-философский анализ семьи как базовой формы социальности, в которой складывается исходный образ Другого и осуществляется самоопределение субъекта. Научная новизна заключается в смещении фокуса с функционального описания семьи на её философское осмысление как структуры, формирующей предпосылки социальной реальности.

Отношение «Я» и «Другой» как философская проблема социальности

В социально-философской перспективе всё более проблематичным становится представление о «Я» как изначально автономной, самодостаточной и замкнутой сущности. Подобное понимание, укоренённое в индивидуалистических моделях субъекта, оказывается недостаточным для объяснения механизмов социальной связности и тех форм взаимодействия, в рамках которых человек включается в общее пространство социального бытия. В отличие от представлений об изначально автономном субъекте, в современной философии всё чаще подчёркивается, что «Я» не существует вне отношений и формируется в процессе соотнесённости с Другим.

В этом контексте показательно определение самосознания как «рефлексивной предповеденческой структуры, связанной с осознанием субъектом самого себя и своего места в окружающей действительности» [3, с. 278].

С этой точки зрения «Я» возникает не как исходная данность, а как результат обращения к Другому и отклика на это обращение. Субъект обретает собственную определённость лишь в пространстве признания, где присутствие Другого выступает не внешним обстоятельством, а условием возможности самоидентификации. Отношение здесь понимается не как вторичное взаимодействие уже сложившихся индивидов, а как первичная структура, в рамках которой и становится возможным становление субъекта как «Я». Подобное смещение акцента позволяет рассматривать идентичность не как внутренне замкнутое качество, а как процесс, постоян-

но поддерживаемый через соотнесённость с Другим [7].

Существенное уточнение данной позиции обнаруживается в философии П. Рикёра, который показывает, что субъект не может быть понят как замкнутая точка самоотнесения. «Я» становится возможным лишь в той мере, в какой оно способно мыслить и признавать другого как носителя собственного опыта и сознания. Иначе говоря, самость формируется не из изоляции: человек может приписывать мысли и переживания себе только при условии, что допускает возможность их принадлежности другому. Тем самым отношение к Другому оказывается не внешним дополнением к уже готовому «Я», а внутренним условием его формирования [9].

В философии диалога данная логика находит выражение в утверждении первичности отношения по отношению к субъекту, когда «Я» мыслится как производное от формы обращения к Другому. В этом контексте субъектность раскрывается не через изоляцию или самоутверждение, а через способность быть в отношении, отвечать и быть обращённым. Тем самым «Я» оказывается структурно зависимым от опыта признания, без которого невозможна ни устойчивая самоидентификация, ни включённость в социальную реальность. Аналогичную установку можно обнаружить и в этико-философских концепциях, в которых Другой предстает источником требования и ответственности, задающих границы и направление самоопределения субъекта.

Отказ от понимания «Я» как изначально автономного приводит к более общему выводу о приоритетности социальности по отношению к индивидуализации. Человек становится субъектом не вне социальных связей и не до них, а в процессе включения в отношения, где Другой выступает не объектом взаимодействия, а смыслообразующим элементом самой структуры социального опыта. В этом смысле социальность не является надстройкой над уже сформировавшейся индивидуальностью, но, напротив, предшествует ей, задавая условия, в рамках которых «Я» может быть осмыслено и утверждено как субъект социального бытия.

В социально-философской перспективе категория Другого выступает не как вторичная характеристика межличностного взаимодействия, а как принципиальный вызов классическому пониманию субъекта и социальности. Если «Я» мыслится не как изначально автономная сущность, то присутствие Другого перестает восприниматься исключительно как внешнее ограничение или источник угрозы индивидуальной свободе. Напротив, Другой обнаруживает себя как структурное условие возможности самости, граница, через которую «Я» обретает определённость и устойчивость.

В философии диалога данное понимание получает развитие в утверждении онтологической первичности отношения по отношению к его участникам. Другой в этом контексте не редуцируется к объекту познания или функции социального взаимодействия, а предстает как носитель автономного смыслового центра, с которым «Я» соотнесено до всякого рефлексивного самоописания. Такое смещение акцента позволяет рассматривать социальность не как производную от индивидуальных стратегий, а как исходную форму человеческого бытия, в рамках которой субъект становится возможным именно благодаря признанию инаковости Другого.

Принципиально важно, что в диалогической традиции Другой не противопоставляется «Я» в логике отрицания или поглощения. Речь идёт о форме соотнесённости, в которой автономия субъекта сохраняется, но не мыслится как изолированная самодостаточность. Концептуальное выражение данной логики получает разработку в идее «причастной автономии», позволяющей мыслить субъекта как сохраняющего собственную уникальность лишь постольку, поскольку он включён в пространство отношений и со-бытия с Другим [6].

В этом контексте Другой предстает не только как философская проблема, но и как экзистенциальное испытание для субъекта. Встреча с Другим всегда связана с риском утраты самотождественности, необходимостью выхода за пределы привычных схем самоописания и принятия ответственности, не сводимой к нормативным предписаниям. Именно поэтому в ряде философских концепций подчеркивается амбивалентный характер отношения к Другому, в котором возможность признания неразрывно связана с опытом напряжения и уязвимости. Показательно в этом отношении замечание Э. Левинаса: «Другой,

поскольку он другой, — не просто alter ego; он есть то, что я не есмь. И он таков не в силу своего характера, облика или психологии, но в силу самого своего бытия другим» [5, с. 90]. Тем самым инаковость мыслится не как внешнее отличие, а как принципиальная несводимость, задающая асимметричную структуру пространства между индивидами.

Вместе с тем понимание Другого как вызова не означает признания его деструктивной роли по отношению к субъекту. Напротив, философский анализ показывает, что без обращения во вне невозможно ни формирование устойчивой идентичности, ни становление подлинной социальности. В этом смысле Другой является не отрицанием автономии, а условием её содержательного наполнения.

Такое понимание отношения «Я — Другой» позволяет рассматривать социальную реальность как пространство событийного со-бытия, в котором субъект не предшествует отношению, а возникает в нём. В этом контексте показательной является позиция Бахтина, согласно которой «высший архитектонический принцип действительного мира поступка есть конкретное, архитектонически значимое противопоставление я и другого», поскольку именно в соотнесённости этих двух ценностных центров «распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия» [1, с. 67].

Данное положение имеет принципиальное значение для анализа первичных форм социальности, в рамках которых отношение «Я — Другой» не только осмысливается теоретически, но и переживается как конкретный опыт совместного бытия. Одной из таких форм выступает семья, где Другой изначально дан не абстрактно, а в модусе незаменимого и лично значимого присутствия, требующего ответа, признания и ответственности. Именно в семейных отношениях архитектоника со-бытия, описанная в философии диалога, обретает свою первичную социальную и экзистенциальную конкретность.

Семья как первичное пространство социальности

Если отношение «Я — Другой» рассматривается как исходная структура социального бытия, то закономерно возникает вопрос о том, в какой форме это отношение впервые приобретает конкретное жизненное содержание. Такой формой выступает семья, в которой встреча с Другим переживается не абстрактно, а как непосредственный опыт совместного существования. Одной из таких форм является семья — не только как социальный институт или нормативно закреплённая ячейка общества, но прежде всего как особое пространство жизненного со-бытия, в рамках которого Другой оказывается дан субъекту не опосредованно, а непосредственно, в модусе личной значимости и незаменимости. Именно в семейных отношениях философская логика первичности отношения получает своё социальное воплощение: здесь «Я» формируется не через абстрактные социальные роли и формальные взаимодействия, а через опыт признания, ответственности и обращённости к конкретному Другому, что позволяет рассматривать семью как фундаментальный уровень воспроизводства социальности в целом.

В социально-философском измерении семья выступает не просто как одна из форм совместного существования, а как особое пространство первичного опыта отношения к Другому. Современные исследования демонстрируют подвижность и расширение границ семьи, включающих как кровные, так и некровные формы родства, что свидетельствует о трансформации представлений о семейной идентичности [2]. Однако при всей динамике форм сохраняется более глубокий уровень семейной социальности. В отличие от большинства социальных связей, предполагающих возможность выбора, замещения или разрыва, семейные отношения изначально складываются как отношения незаменимости. Другой в семье не является результатом договорённости или рационального решения; он дан как конкретное и уникальное присутствие, с которым «Я» соотнесено ещё до осознанного самоопределения.

Именно эта незаменимость позволяет рассматривать семью как специфическую форму социальности, в рамках которой отношение «Я — Другой» приобретает особую онтологическую и аксиологическую насыщенность. Другой здесь не сводится к роли, функции или статусу, но предстает как носитель собственной, несводимой к общему, ценностной значимости. В семейных отношениях субъект сталкивается с тем, что инаковость Другого не

может быть устранена или нейтрализована без разрушения самой структуры совместного бытия.

Принципиально важно и то, что опыт Другого в семье не носит абстрактного или опосредованного характера. Он формируется в непосредственном со-бытии, где Другой присутствует не только как социальный партнёр, но как телесно и экзистенциально данная реальность. Такое присутствие требует не интерпретации, а ответа — включённости, признания и ответственности. Именно в этом пространстве отношение перестаёт быть внешним взаимодействием и становится внутренним условием формирования субъекта.

В отличие от многих институциональных форм социальности, семейные отношения не допускают полной объективизации Другого. Даже в ситуациях конфликта или дистанцирования сохраняется опыт причастности, который препятствует окончательному превращению Другого в «чужого» или безразличного. Это обстоятельство делает семью особым типом социальной связи, в которой различие удерживается без разрушения самой возможности отношения.

В результате семья может быть понята как первичное пространство, в котором субъект осваивает опыт границы собственного «Я». Эта граница не навязывается извне и не задаётся нормативно, а возникает из самой логики отношения к Другому — близкому и одновременно непрозрачному, включённому и автономному. Через данный опыт формируется способность удерживать различие и ответственность, что выступает необходимым условием последующего включения субъекта в более сложные формы социальной реальности.

Рассмотрение семьи как пространства незаменимого Другого позволяет перейти от анализа индивидуального опыта к более широкому социально-философскому измерению. Семейные отношения формируют не только первичную структуру субъективности, но и задают основания тех форм социальности, которые выходят за пределы частной сферы. Именно в семье закладывается исходный опыт совместности, на основе которого становится возможным участие субъекта в более сложных и опосредованных социальных связях.

Принципиальной особенностью семейной формы социальности является её изначальная асимметричность. Отношения внутри семьи редко строятся на симметрии взаимных ожиданий или равенстве позиций; напротив, они предполагают различие ролей, уровней зависимости и мер ответственности. Однако данная асимметрия не разрушает социальную связь, а, напротив, делает её устойчивой, поскольку основана не на обмене или взаимной выгоде, а на признании уязвимости и ответственности по отношению к Другому.

Именно в этом контексте семья может быть понята как матрица социальной солидарности. Опыт заботы, принятия ограничений собственного «Я», способности отвечать за Другого и действовать не исключительно из логики самосохранения формирует те установки, которые затем воспроизводятся в общественной жизни. Солидарность в данном случае возникает не как результат рационального согласования интересов, а как продолжение усвоенного в семье способа быть с Другими.

Важно подчеркнуть, что семья не передаёт готовые социальные нормы или ценности в их завершённом виде. Её философская значимость заключается в формировании способности к социальности как таковой — способности признавать инаковость, удерживать связь при различии и принимать ответственность, не сведённую к формальным обязанностям. Именно эта способность делает возможным существование устойчивых форм общественного взаимодействия, выходящих за рамки утилитарных или инструментальных отношений.

С этой точки зрения, кризисы социальной солидарности могут рассматриваться не только как следствие институциональных или экономических трансформаций, но и как симптом ослабления первичных форм социальности. Разрыв семейных связей или их редукция к функциональным моделям ведёт к утрате того опыта совместного бытия, на котором основываются доверие, взаимное признание и готовность к участию в общем социальном пространстве; показательно, что даже в условиях нуклеаризации исследователи фиксируют устойчивость межпоколенной солидарности как важнейшего ресурса социальной и демографической устойчивости общества [8].

Для более отчётливого понимания различий между уровнями социальности и их влияния на формирование отношения «Я — Другой» целесообразно представить данную логику в обобщённом виде.

Таблица 1 — ***Уровень социальности и его влияние на формирование отношения «Я — Другой»***

Уровень анализа	Характер отношения «Я — Другой»	Формируемое качество	Социальный эффект
Абстрактная социальность (институциональная сфера)	Взаимодействие ролей и статусов; нормативная регуляция.	Координация действий.	Обеспечивает функциональную устойчивость социальных институтов, но не гарантирует глубинной личной вовлечённости.
Публичная сфера	Признание формального равенства и прав Другого.	Первичная привязанность и доверие.	Способствует поддержанию гражданской солидарности и правового порядка, однако сохраняет дистанцию между субъектами.
Семья	Незаменимый и лично значимый Другой; отношение ответственности.	Способность к признанию и принятию границы собственного «Я».	Формирует базовый опыт доверия и ответственности, который затем воспроизводится в более сложных общественных формах взаимодействия.

Представленная схема позволяет увидеть, что семья занимает в структуре социальной реальности особое место. В отличие от институциональных и публичных форм взаимодействия, где отношение к Другому опосредовано ролью, нормой или правовым статусом, в семье оно изначально носит характер личной незаменимости и ответственности. Именно здесь формируется не только способность к координации действий или признанию формального равенства, но и более глубокая установка на удержание различия без разрушения связи. В этом контексте показательно замечание Э. Фромма о том, что «суть проблемы не в браке как таковом, а в безлично — экзистенциальной структуре обоих партнеров» [10, с. 77]. Логика обладания, перенесённая в сферу межличностных отношений, трансформирует другого в объект присвоения и тем самым ослабляет основания устойчивой связи между людьми. Поэтому семья должна рассматриваться не как частная альтернатива обществу, а как фундаментальный уровень социальной реальности, где формируются предпосылки подлинной солидарности.

Заключение

Проведённый социально-философский анализ показал, что отношение «Я — Другой» представляет собой фундаментальную структуру социального бытия, в рамках которой формируется самость. Субъект не предшествует отношению, а возникает в пространстве признания и ответственности, где инаковость выступает условием самоопределения. В этом контексте семья раскрывается не только как социальный институт, но как первичная форма социальности, в которой Другой дан в конкретности и незаменимости, задавая опыт ответственности, выходящий за пределы формального нормативного регулирования.

Ослабление семейных связей может интерпретироваться как один из факторов кризиса социальной солидарности, поскольку утрата опыта персонального признания отражается на структуре общественной связности в целом. Философское осмысление семьи тем самым приобретает методологическое значение, позволяя выявить глубинные основания социальной реальности. Перспективность дальнейших исследований связана с анализом трансформаций семейных форм в условиях цифровизации и культурной дифференциации, а также с компаративным изучением философских концепций самости и инаковости в контексте современных изменений социального порядка.

Литература:

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. — М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. — С. 7–68.

2. Бурмыкина О.Н. Границы семьи: идентификация и динамика // Семиотические исследования. Semiotic studies. — 2024. — Т. 4, №3. — С. 74–83. DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-74-83.
3. Каширина О.В., Сергодеева Е.А. Культура самосознания как ценность цивилизационного развития // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 278–282. — DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.40.
4. Куркин В. «Я» и «Другой» в структуре семьи: философско-антропологический анализ повседневных взаимодействий // Личность. Культура. Общество. — 2025. — Т. 27, №4.
5. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. с франц. А. В. Парибка; вступ. ст. и комм. Г. И. Беневича. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. — 265 с.
6. Махлин В. Л. Причастная автономия. К вопросу о «диалогизме» М. М. Бахтина // Вопросы философии. — 2022. — №11. — С. 12–23. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-11-12-23.
7. Медведев В.А. Проблема онтологической многоплановости социальной реальности // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 236–241. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.35.
8. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2023. — Т. 3, №4. — С. 59–77. — DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.4
9. Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с франц. Б.М. Скуратова; под общ. ред. И.С. Вдовиной. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. — 416 с.
10. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с англ. — М.: АСТ, 2014. — 320 с.

SOCIAL BONDS AS THE BASIS FOR PRESERVING TRADITIONAL NATIONAL VALUES

Nizhnik Evgeny Alekseevich, *PhD of Sociology, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University, Armavir (Russia)*

This article presents an analysis of social bonds as a fundamental mechanism for social integration and sustainability in modern societies. The purpose of the study is to determine the influence of civilizational factors on the formation of social bonds, establishing similarities and differences in the processes of their emergence, maintenance, and change in new historical conditions. Using a comparative approach, this article analyzes regional and national models of social bonds that have developed in various civilizational areas. Particular attention is paid to the Far Eastern model (China, Japan, South Korea, Singapore), formed under the influence of Confucian ethics, as well as the models of Central Asian countries and the United States. The specific sources of social bonds are considered: from traditional values and religious norms to ideological constructs and legal institutions. The article identifies common and specific features in the mechanisms for maintaining social solidarity, as well as the response of various models to the challenges of digitalization, migration, and post-globalization. A conclusion is drawn about the civilizational determinacy of social bonds and the impossibility of a universal model applicable to all societies.

Keywords: *social bonds; regional models; Confucianism; traditional values; Far Eastern civilization; social solidarity; collectivism; civil religion; postglobalization; comparative analysis.*

EDN: DKPIOU **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.14**

Цитировать: *Нижник Е.А. Общественные скрепы как основа сохранения традиционных национальных ценностей // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 88-93. EDN: DKPIOU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.14*

УДК 101.1:316
5.7.7

© Нижник Е.А., 2026

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СКРЕПЫ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

НИЖНИК Евгений Алексеевич, *кандидат социологических наук, доцент, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир (Россия)*

SPIN-код: 2722-4147

В статье представлен анализ общественных скреп как фундаментального механизма социальной интеграции и устойчивости современных обществ. Цель исследования — определить влияние цивилизационного фактора на формирование социальных скреп, установлении сходства и различия в процессах их возникновения, поддержки и изменения в новых исторических условиях. На основе компаративного подхода анализируются региональные и национальные модели общественных скреп, сложившиеся в различных цивилизационных ареалах. Особое внимание уделяется дальневосточной модели (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур), сформированной под влиянием конфуцианской этики, а также моделям стран Средней Азии и США. Рассматривается специфика источников общественных скреп: от традиционных ценностей и религиозных норм до идеологических конструктов и правовых институтов. Выявляется общее и особенное в механизмах поддержания социальной солидарности, а также реакция различных моделей на вызовы цифровизации, миграции и постглобализации. Делается вывод о цивилизационной обусловленности общественных скреп и невозможности существования универсальной модели, применимой для всех обществ.

Ключевые слова: *общественные скрепы; региональные модели; конфуцианство; традиционные ценности; дальневосточная цивилизация; социальная солидарность; коллективизм; гражданская религия; постглобализация; компаративный анализ.*

Введение

Современный этап общественного развития, который исследователи определяют как эпоху постглобализации, отличается сложностью и двойственностью происходящих процессов. Цифровые технологии и коммуникации ускоряют интеграцию разных культур, создавая общее информационное поле. Одновременно усиливается тенденция сохранения локальных особенностей, проявляется

интерес к региональному и национальному своеобразию, происходит поиск прочных основ общественной организации. Это ставит перед наукой задачу изучения феномена социальных связующих факторов — глубоких нравственно-культурных устоев, которые обеспечивают устойчивость и преемственность развития общества.

Данная работа направлена на проведение сравнительного анализа региональных и национальных моделей социальных связей вне пределов России. Рассматриваются дальневосточный регион (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур), Средняя Азия и США. Эти регионы выбраны неслучайно: каждый из них представляет особый путь разрешения вопроса социальной сплоченности. Дальневосточные общества демонстрируют стойкость традиций конфуцианского мировоззрения даже в условиях стремительных изменений современности. Среднеазиатские государства сочетают традиционные родовые структуры и религиозные ценности с элементами советского наследия и современными реалиями. Американская модель демонстрирует способность формировать социальные связи преимущественно через идеологию, без опоры на этнические корни или глубокие исторические традиции.

Главная цель исследования заключается в том, чтобы выявить влияние цивилизационного фактора на формирование социальных скреп, а также установить сходства и различия в процессах их возникновения, поддержки и изменения в новых исторических условиях. Задачи включают: исследование основных ценностей дальневосточных обществ и их национальных вариантов; описание мусульманских традиций Средней Азии; анализ особенностей американской гражданской религии; сравнение устойчивости и гибкости различных моделей в условиях цифровой эпохи и постглобализационных вызовов. [1]

Методологически исследование основывается на цивилизационном подходе, рассматривающем общественные устои как результат длительной исторической эволюции, тесно связанный с культурной спецификой каждого народа. Применяются также методы сравнительного и институционального анализа, позволяющие сравнивать моральные нормы различных сообществ и определять влияние важнейших социальных институтов (семьи, государства, религии, правовых норм) на поддержание единства общества.

Модель общественных скреп цивилизационного ареала Дальнего Востока и их национальных вариантов

Следующая региональная модель общественных скреп может быть рассмотрена на цивилизационном ареале Дальнего Востока, сформировавшемся преимущественно под влиянием конфуцианства (Китай, Япония, Корея, Сингапур). Эта модель, ключевыми ценностями которой являются гармония, иерархия и коллективный успех, продолжает оставаться наиболее устойчивой из всех региональных моделей общественных скреп, и определяет социальный порядок даже в условиях форсированной модернизации, пройденной этими странами.

В основе дальневосточной региональной модели общественных скреп лежат ценности конфуцианства и так называемая конфуцианская триада, которая включает следующие категории: 1) ли (ритуал, этикет, нормы поведения) как основа социального порядка; 2) жэнь (человеколюбие, гуманность) как нравственный идеал; 3) сяо (сыновняя почтительность) — база семейных и, по аналогии, государственных отношений. Ключевыми принципами конфуцианства являются гармония, поддержание баланса, уважение к иерархии и старшим, примат коллектива (семьи, общины, нации) над индивидом, ценность образования и самосовершенствования. Семья в конфуцианстве является центральным институтом, моделью для государства. Общество понимается как сеть взаимных обязательств (гуаньси). Государство выступает как «патерналистский моральный менеджер», ответственный за поддержание гармонии и благосостояния. Право традиционно в конфуцианстве играло вспомогательную роль по отношению к нормам морали и ритуалу.

В современном Китае действует модель коммунистической идеологии, адаптированная к конфуцианству (идея «гармоничного общества»). Экономический успех объясняется, в том числе, сильными общественными скрепами китайского этноса: трудовой этикой, коллективной ответственностью, низким

уровнем социального недоверия. Государство активно использует традиционные ценности для легитимации своей власти и обеспечения социальной стабильности. Модернизация коммунистических идей не привела к триумфу западного индивидуализма, а скорее, к «коммунистическому капитализму». [3] Из сильных сторон можно назвать высокий уровень социального капитала и доверия, долгосрочная ориентация, стабильность, проработанная и выверенная трудовая этика, эффективное сочетание коллективизма с конкурентностью. При этом, присутствует подавление индивидуальной инициативы и свободы самовыражения, давление на личность со стороны коллектива, сложности с интеграцией иных культурных моделей.

Рассматривая японскую национальную модель общественных скреп, можно отметить, что она сформировалась вокруг концепции «ва» — гармонии, достигаемой через подчинение индивидуальных интересов групповым интересам. Эта гармония поддерживается не столько через жесткие правовые нормы, сколько через густую сеть неформальных обязательств (гири), взаимозависимости (амаэ) и внимания к социальному контексту (харагеи).

Уникальной для Японии особенностью во второй половине XX века стала система «пожизненного найма», охватывающая в основном крупные корпорации. Эта система создает своеобразную общность, предлагающую работнику не только привычные во всем мире социальные отношения, но и социальную идентичность, чувство принадлежности и взаимной заботы с вертикальной интеграцией «компания-сотрудник». Таким образом, общественные скрепы формируются не только на государственном, но и на профессионально-корпоративном уровне. Однако усиление экономической нестабильности, возникающее в Японии с 1990-х годов, приводит к тому, что традиционные корпоративные скрепы начинают ослабевать. Рост нерегулярной занятости, индивидуализация молодежи, кризис традиционной семейной модели, связанная с низкой рождаемостью при естественном старении, бросают вызов устойчивости модели «ва». Современная Япония ищет новые формы социальной сплоченности: развивается волонтерское движение, НКО, цифровые сообщества. [10] Тем не менее, глубинная ориентация на коллектив и высокий уровень общего социального доверия остаются фундаментальными скрепами, отличающими японское общество.

Корейская (Южная Корея) национальная модель общественных скреп исторически базировалась на строгой конфуцианской иерархии и центральной роли семьи. Однако в условиях стремительной индустриализации и урбанизации во второй половине XX века понятие семьи было расширено. Крупные финансово-промышленные группы (например, Samsung и Hyundai) приняли на себя патриархальную роль, предлагая покровительство в обмен на лояльность. Так, вслед за Японией, в Корее возник феномен «корпоративного фамилизма». В корейской модели сочетается исключительно сильные социальные связи «свои» (семья, выпускники одного университета, земляки…) с конкурентной борьбой между индивидами и группами за место в социуме. Общество скрепляется не столько гармонией, сколько общей вовлеченностью в гиперконкурентную гонку за образованием и статусом. Таким образом, в Корее «скрепа через конкуренцию» обеспечивает высокую социальную мобильность и динамизм, но порождает у граждан состояние постоянного стресса, ведет к низкой рождаемости и социальному расслоению.

Гражданское общество в Южной Корее, после 1980–90-х гг., развилось за счет активного участия граждан. [4] В Южной Корее объединены горизонтальные скрепы солидарности вокруг идеи справедливости и либерализма. Таким образом, современная Южная Корея демонстрирует сложный гибрид: вертикальные скрепы ослабевающего корпоративного фамилизма, сильные горизонтальные сети «своих» и либеральных ценностей.

Сингапур представляет собой наиболее яркий пример сознательного конструирования общественных скреп «сверху». Оказавшись в условиях этнического разнообразия (китайское большинство, малайское и индийское меньшинства) и геополитической уязвимости, правящая партия «Народное действие» осуществила сознательное конструирование общественных скреп на базе официальной идеологии. [5] «Официальная идеология Сингапура построена на противопоставлении азиатских ценностей, тради-

ционного гуманизма технократизму Запада. Многонациональный состав населения побуждает идеологов к выбору универсального в традиционном наследии, что не входило бы в конфликт с основными ценностными ориентациями разных этно-конфессиональных групп — верность стране, уважение к порядку, экономическая самодисциплина, религиозная и расовая гармония». Под действием официальной идеологии Сингапура появилось своеобразное сочетание ценностей. Это смесь идеологии «азиатских ценностей» (конфуцианства), роли государства (в первую очередь в системе жилищного строительства, благодаря которой 80% граждан живет в государственных квартирах), жесткой правовой системы и сочетающийся с ними культивированием «прагматической» идентичности.

Скрепы в Сингапуре носят в большей степени рационально-инструментальный, а не эмоционально-традиционный характер. Государство выступает главным гарантом стабильности и процветания, что обеспечивает ему высокий уровень легитимности. Однако такая модель порождает и вызовы: деполитизацию общества, осторожность в публичном выражении мнений, трансформацию семьи под давлением экономических реалий. Современное руководство Сингапура стремится добавить в эту модель больше «сердца», поощряя волонтерство и общественные инициативы, не ставя под сомнение базовые принципы.

Таким образом, общественные скрепы стран конфуцианского региона Дальнего Востока имеют общие черты, но при этом разнятся. В Китае скрепы формировались исторически, но коммунистическая идеология внесла в нее свои коррективы. В Японии скрепы также формировались исторически, но поддерживались корпоративным сектором. В Южной Корее они эволюционировали из семейных структур, адаптируясь к условиям гиперконкуренции. В Сингапуре они были сознательно сконструированы и поддерживаются сильным государством.

Китайское общество объединяют яркие конвенциальные скрепы, которые вписались в социалистическую, коллективистскую идеологию, опирающуюся на повышенную конкуренцию. Для Японии характерна органическая гармония группы. Отличительной особенностью Южной Кореи является динамичная солидарность «своих» в условиях конкуренции. Для Сингапура характерен рациональный контракт индивида с государством, обеспечивающим порядок и процветание. При этом, несмотря на имеющиеся различия, все четыре рассмотренных общества демонстрируют высокий уровень социального доверия, уважение к образованию, приоритет коллективного блага над индивидуальными интересами, хотя понимание этого блага различно. [6]

Таким образом, общественные скрепы Китая, Японии, Южной Кореи и Сингапура представляют собой четыре успешные, частично схожие, но в то же время и различные национальные разновидности региональной модели общественных скреп стран Дальнего Востока. Устойчивость этих национальных разновидностей общественных скреп в будущем будет зависеть от их способности гибко адаптироваться к новым демографическим, технологическим и социальным реалиям, не утрачивая своего интегрирующего ядра.

Модель общественных скреп стран Средней Азии

Далее представлена региональная модель общественных скреп республик Средней Азии, которые входили в состав СССР. В постсоветский период в Средней Азии произошло образование из бывших советских республик национальных государств, в каждом из которых происходит интенсивная трансформация традиционных общественных скреп.

Основными традиционными общественными скрепами в Средней Азии выступают семьи, включающие множественность родственных связей. Семья — это сеть взаимопомощи, солидарности и социального обеспечения. Далее по значимости идет территориально-соседская община, выполняющая функции социального контроля, поддержки, разрешения локальных конфликтов и сохранения традиций. Особое значение соседская община имеет в Узбекистане и Таджикистане. [7]

Важное значение имеют «землячества», которые могут заменять территориально-соседские общины. В ряде стран Средней Азии, особенно в Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане большое значение приобретает клановость и региональная солидар-

ность. Большинство жителей Средней Азии — мусульмане. В следствии этого, Ислам становится маркером культурной и социальной принадлежности. Поэтому региональную модель общественных скреп стран Средней Азии, несмотря на то, что они ранее входили в состав СССР и были социалистическими, можно назвать традиционно-мусульманской.

В странах Средней Азии сильно развиты нормы гостеприимства и взаимопомощи, такие как коллективный труд и помощь, укрепляющие горизонтальные связи и чувство общности. С одной стороны, это позитивные ценности, связанные с помощью каждому члену социума, а с другой — скрепы могут трансформироваться в кланово-коррупционные сети. Урбанизация и миграция ослабляют территориальные скрепы, но могут усиливать кланово-земляческие сети в диаспорах.

Модель общественных скреп США

Возникновение американской модели уникально, так как она изначально строилась не на этнической или длительной исторической традиции, а на идеологических основаниях. Основные ценности в США — либеральные: индивидуализм, свобода, равные возможности, упорный труд, демократия, вера в особую миссию Америки. Социолог Р. Белла ввёл понятие «гражданской религии» — светской квази-религиозной системы, объединяющей нацию вокруг священных для американцев символов (Флаг, Конституция, Отцы-основатели). Протестантская этика продолжает оставаться мощным культурным подтекстом в американской модели.

Особое внимание необходимо уделить таким правовым инструментам, как Конституция и Билль о правах, который был предложен еще на заре американской государственности в качестве 10-й поправок к Конституции, подтверждающих права и свободы граждан. Учитывая историческую особенность возникновения США, Конституция и Билль о правах стали частью общественных скреп, а важнейшим институтом декларируется закон, либеральные и демократические ценности.

Американские общественные скрепы, не привязанные к конкретным этносам, вошедшим в состав американской нации, способствуют привлечению и ассимиляции талантов со всего мира. В США процветает культ инноваций и предпринимательства, заработок денег возведен в национальную идею. Кроме того, развит мощный правозащитный механизм, который позволяет судить и судиться с любым (не зависимо от статуса) лицом. При этом, система права, как таковая, очень сильно зависит от финансовых возможностей участников процесса, когда одна из сторон может себе позволить услуги высокооплачиваемого адвоката, а другая — нет.

Рост социального неравенства ставит под сомнение декларируемый принцип равных возможностей, что приводит к кризису доверия к общественным институтам. Каждые президентские или иные выборы в США, особенно в последнее время, превращаются в шоу и редко заканчиваются без массовых протестов. Межрасовые и иные противоречия внутри американского общества, «гендерная толерантность» и ряд других факторов приводят к внутренним конфликтам и ослабляют общественные скрепы. Наконец, общество в США традиционно сильно политизировано.

Заключение

Анализ региональных и национальных общественных скреп в странах Западной Европы, Дальнего Востока, Средней Азии и США позволяет сделать вывод, что не существует единой универсальной формулы общественных скреп. Их характер исторически и цивилизационно обусловлен. Каждая из скреп, как правило, берет свое начало в традиционной для конкретной страны религии, вере предков и принятых в социуме взаимоотношений между его членами. Россия делает ставку на державно-духовные скрепы с акцентом на противостояние внешнему миру; Западная Европа — на постматериальные и правовые; Дальний Восток (конфуцианский) — на коммунитарно-иерархические скрепы; Средняя Азия — на традиционно-мусульманские; США — на идеолого-меритократические скрепы в рамках гражданской религии.

Во всех региональных и национальных моделях общественных скреп, кроме, возможно, современной западноевропейской в её надгосударственной форме, традиционные ценности остаются ключевым источником скреп. Однако их содержание и способ актуализации различен. При этом, ни одна из моделей

скреп не является застывшей и меняется под влиянием глобализации, постглобализации, цифровизации, миграционных тенденций и иных вызовов времени. Кризис скреп наиболее остро проявляется в обществах, которые в силу ряда причин поменяли преимущественно идеологические направления развития (в силу революций, вхождения в состав новых политических образований, выхода из прежних и т.д.).

Польза общественных скреп очевидна — они объединяют большие социумы, делают их устойчивыми, отличными друг от друга, обеспечивают социальную стабильность, повышают доверие, дают смысловые ориентиры в периоды кризиса, способствуют коллективной мобилизации. Однако избыточно жёсткие, насаждаемые сверху скрепы могут подавлять свободу, инновационный потенциал и приводить к социальной напряжённости. Идеальный баланс, видимо, лежит в создании «гибкой солидарности» — новом виде социальной солидарности, представляющем собой систему общественных скреп, которая, сохраняя ядро идентичности, оставляет пространство для плюрализма и адаптации к изменениям.

Литература:

1. Демяшева Л.С., Рязанов А.В. От традиционной культуры к глобальному сообществу: личностный аспект // Манускрипт. — 2021. — №14(3). — С. 495-499.
2. Покровская Н.Н., Сметанина Т.В., Шелонаев С.И. Социальные взаимодействия в партисипативных моделях распределенных сетей: актуализация понятий в условиях цифровых трансформаций // Социология и право. — 2021. — №3(53). — С. 6-18.
3. Радевич Е.В. Глобальное пространство социума и гибридные конфликты постсовременности // Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности: сб. науч. ст. XV Международного междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 7–8 декабря 2021 г., Минск, Республика Беларусь / Ин-т философии НАН Беларуси; под ред. А.И. Зеленкова. — Минск: БГУ, 2021. — С. 206-212.
4. Сабурова Л.А. "Облегченная социальность" цифрового мира: особенности интеграции онлайн-сообществ // Публичное/частное в современной цивилизации: материалы XXII Российской научно-практической конференции (с международным участием, Екатеринбург, 16–17 апреля 2020 года). — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020. — С. 75-78.
5. Сюе Л. Наследование и развитие китайских традиционных культурных ценностей // Общественные науки: культура, культурология. — 2021. — №3. — С. 135-138.
6. Alexandrov D.A., Boukhanovsky A.V., Chugunov A.V. et al. Digital Transformation and Global Society: 6th International Conference, DTGS 2021, St. Petersburg, Russia, June 23–25, 2021. — Springer Cham, 2022. — 546 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93715-7
7. Nanaeva B.B., Akaev V.H., Dohaeva A.B., Abubakarov A.S. Humanistic components of ethnocultural traditions in the context of globalization processes. 2021. — Pp. 2379–2384. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.11.314
8. Topor F.S. (2021). Cultural Perspectives on Global Research Epistemology: Emerging Research and Opportunities. — Information Science Reference, 2021. — 116 p. https://doi.org/10.4018/978-1-5225-8984-6
9. Zajda J., Majhanovich S. Globalisation, Cultural identity and nation-building: The changing paradigms. — Springer Dordrecht, 2021. — 173 p. https://doi.org/10.1007/978-94-024-2014-2
10. Zaripova L.R., Yao M.K., Emanova Zh.G., Pushkar T. Values of traditional culture at students of arts specialty // Revista Gênero e Interdisciplinaridade. — 2021. — Vol. 2(01). https://doi.org/10.51249/gei.v2i01.152

THE «CHINESE DREAM» AS A CIVILIZATIONAL STRATEGY AND A CHALLENGE TO WESTERN MODELS OF WORLD DEVELOPMENT

Oposhnyansky Alexey Valentinovich, *PhD of Philosophy, Associate Professor, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov, Krasnodar (Russia)*

Given the current geopolitical situation and the development of partnerships with China, it is imperative to analyze China's contemporary socio-political stratagem, known as the "Chinese Dream," which presupposes the inseparable unity of traditional and modern culture. China has extensive historical experience in formulating and implementing stratagems in ideology. The construction of socialism draws on both its own tradition (primarily Confucianism) and global experience, which is the result of political continuity and creates the foundation for a stable political partnership between China and Russia. The purpose of this study is to identify the origins of the ontological and axiological foundations of the "Chinese Dream" concept as a civilizational project that reveals a unique worldview and value-based rationality that constitute an alternative model for national development in an era of global transformation. The research methodology relies on a socio-semiotic approach, drawing on a combination of structural-functional and substantive analysis methods applied to the ideological concepts and guidelines of the "Chinese Dream," its content, and discursive expression. The study's results systematize the cultural and ideological foundations of the "Chinese Dream" concept and demonstrate how Chinese leaders utilize its key concepts. The findings reveal the high potential for interstate cooperation between Russia and China within the new geopolitical realities, based on the practical implementation of the components of the "Chinese Dream" concept as the PRC's primary guiding principle. The research's prospects lie in the development of a relevant partnership model for interstate cooperation between Russia and China. The concept is of particular interest due to its cultural and ideological affinity and offers valuable experience in combining modernization with a focus on national identity, which can be adopted in the implementation of Russia's development strategy.

Keywords: *history of philosophy; Chinese civilization; Chinese-specific socialism; ideology; Chinese stratagems; the Chinese Dream; and Confucianism.*

EDN: EPVUYQ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.15***

Цитировать: *Опошнянский А.В. «Китайская мечта» как цивилизационная стратегия и вызов западным моделям развития мира // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 94-101. EDN: EPVUYQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.15*

УДК 101.1:316
5.7.2 / 5.7.7

© Опошнянский А.В., 2026

«Китайская мечта» как цивилизационная стратегия и вызов западным моделям развития мира

В связи с современной геополитической обстановкой и развитием партнерских отношений с Китаем, представляется необходимым анализ современной социально-политической стратагемы Китая, которая именуется «Китайская мечта» и предполагает неразрывное единство традиционной и современной культуры. Китай имеет богатый исторический опыт формулировки и реализации стратагемных установок в идеологии. Построение социализма опирается как на собственную традицию (конфуцианство прежде всего), так и на мировой опыт, что является результатом политической преемственности и создает основу для стабильного политического партнерства Китая и России. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить истоки онтологических и аксиологических оснований концепции «Китайская мечта» как цивилизационного проекта, раскрывающего особый тип мировоззрения и ценностной рациональности, которые составляют альтернативную модель развития государства в эпоху глобальной трансформации. Методология исследования опирается на социально-семиотический подход на основе комплекса методов структурно-функционального и содержательного анализа, примененных к идеологическим концептам и ориентирам «Китайской мечты», ее содержанию и дискурсивному выражению. Результаты исследования составляет систематизацию культурно-идеологических оснований концепции «Китайская мечта», получении использования китайскими лидерами ключевых понятий концепции. Выво-

ды позволяют установить высокий потенциал межгосударственного взаимодействия России и Китая в рамках новых геополитических реалий, на основе практической реализации составляющих концепции «Китайская мечта» как главного ориентира КНР. Перспективы исследования связаны с разработкой актуальной партнерской модели межгосударственного взаимодействия России и Китая, особый интерес концепция представляет благодаря культурно-идеологической близости и предлагает ценный опыт сочетания модернизации с опорой на национальную идентичность, который можно перенять при реализации российской стратегии развития.

Ключевые слова: *история философии; Китайская цивилизация; социализм с китайской спецификой; идеология; стратагемы Китая; «Китайская мечта»; конфуцианство.*

ОПОШНЯНСКИЙ Алексей Валентинович, *кандидат философских наук, доцент, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, Краснодар (Россия)*
SPIN-код: 7209-8177
ORCID 0000-0002-5755-8166

Введение в проблематику

Актуальность темы обусловлена комплексным характером концепции «Китайская мечта», которая представляет собой ответ на современные вызовы, стоящие перед КНР, а в долгосрочной перспективе готова изменить баланс сил в мировой политике. На внешнеполитическом уровне «Китайская мечта» служит инструментом «мягкой силы» и продвижения китайского влияния в мире, создавая основу формирования многополярного мира [21]. Естественно, это вызывает реакцию со стороны других государств, особенно в контексте территориальных споров и конкуренции с западными моделями развития. С позиции современности, концепцию следует рассматривать как альтернативу «американской мечте», поскольку в китайской модели сочетаются социалистические принципы с национальной спецификой, но при этом имеется реальная возможность и готовность соединить «китайскую мечту» с устремлениями других стран ради «всемирной мечты» о мире и экономическом благоденствии [1]. С этой позиции концепция заслуживает изучения в связи с базовыми компонентами, заложенными в ней — укрепление военной мощи, расширение национальных интересов и более активное участие в решении международных проблем, поскольку Китай экономический партнер и политический союзник России [1]. «Китайской мечтой» запланированы масштабная модернизация экономики, повышение конкурентоспособности в стратегически важных сферах, включая военную и космическую отрасли и введение инновационных решений во все сферы экономики. Поэтому важное значение приобретает рассмотрение культурно-идеологического основания концепции «Китайская мечта».

Это имеет важное значение для понимания возможностей совместимости модели с другими центрами силы, тем более, что в настоящее время нарастают разрушительные геополитические процессы. «Китайская мечта» как идеологема и стратагема китайского социума имеет значение и для России [1, с.127-142]. Она имеет практическое значение для стратегии и тактики развития российской цивилизации в современном мире. То есть, проект «Китайская мечта» имеет практическое значение для цивилизационного, социально-экономического и социально-гуманистического развития как Китая, который под руководством Си Цзиньпина определяет стратегию своего цивилизационного выбора, так для России, которая вынуждена радикально подвергнуть критическому анализу западный опыт развития, который в конце 90-х-начале 2000-х представлял собой предпочтительный вектор развития для нашего государства [8].

Материалами для работы послужили статьи отечественных и китайских авторов (за период 2012–2026 гг.) по теме цивилизационного развития Китая, официальные документы КНР, в том числе документы КПК, официальные речи Си Цзиньпина и государственные программы, а также публикации в российских и западных медиаресурсах. Анализу подвергнуты основные цели концепции, такие

[1] Friedman T.L. China Needs Its Own Dream. URL: https://www.mercurynews.com/2012/10/03/thomas-l-friedman-china-needs-its-own-dream/

как создание сильной экономики, социального согласия, высокого благосостояния народа. Практическим методом исследования является контент-анализ. Контент-анализ необходим для систематизации и представления количественной оценки содержания анализируемых текстов, отражающих концепцию «Китайская мечта». Метод поможет частоту употребления ключевых понятий и идеологических маркеров, проследить их эволюцию во времени, в привязке употребления конкретным лидером китайского народа. Контент анализ включал несколько этапов. На первом этапе были выявлены категории, которые наиболее полно характеризуют содержание концепции «Китайская мечта». Далее, на основании кодировки, была составлена таблица с категориями и подкатегориями, получившим порядковые номера в зависимости от частоты и контекста употребления категорий. Отметим, что категории использовались в переводной интерпретации (в текстах). Результаты исследования состоят в систематизации культурно-идеологических оснований концепции «Китайской мечты», получении количественных данных ключевых понятий концепции. Выводы позволяют установить высокий потенциал межгосударственного взаимодействия России и Китая в рамках новых геополитических реалий, на основе практической реализации составляющих концепции «Китайская мечта», как главного ориентира КНР.

Цель исследования: рассмотреть концепцию «Китайская мечта» как цивилизационный проект, раскрывающий особый тип мировоззрения и ценностной рациональности, основанные на онтологических и аксиологических основаниях, которые составляют альтернативную модель цивилизационного самоопределения и стратегии развития КНР в эпоху глобальной трансформации.

Изучение темы «Китайская мечта» потребовало обращения к теоретическим исследованиям, направленным на структурирование элементов отдельных единиц культуры в структуре концептосферы. Этому посвятили труды Д.С. Лихачев и Ю.М. Лотман [10; 11]. Термин «концептосфера» ввел в научный оборот Д.С. Лихачев, рассматривая элементы культуры языка и культуры. В концептосфере Д.С. Лихачев выделял: концепты, (мыслитель определял их на основе русской культурной традиции), системность и взаимодействие внутри концептосферы и динамичность во времени смысловых единиц и концептосферы в целом. Эта позиция отличается от взглядов на концептосферу классической философии, которая включает в нее категории бытия, его сущность и структуру, понятия добра и зла, ключевые категории этики и причинно-следственные связи между событиями. Ю. Лотман, термином семиосферы обозначил область знаковой системы, которая выступает условием целостности и единства культурного типа.

В полевой структуре «Китайской мечты» обнаруживаются элементы концептосферы, а также присутствие философской и семантической структур. Особенностью «Китайской мечты» является ориентир не на отвлеченную идею, а четко прослеживается стремление к достижению национального идеала. Председатель КНР Си Цзиньпин 18 октября 2017 г. отметил на XIX Национальном съезде КПК соответствие «Китайской мечты» идейно-политическим ориентирам и национальным ценностям государства. Как считают российские [16, с. 380-382], и иностранные исследователи [3, с. 41-45; 22], особую роль в успешном прогрессе Китая и в процессе возрождения традиционного духа китайской нации играют стратагемы конфуцианства [5; 6]. Си Цзиньпин стремится современные идеологемы Китая согласовывать в первую очередь с учением Конфуция [8]. Гуманистическая парадигма конфуцианства содержит два принципа, на которых держится ядро китайской культуры, — верность долгу и стремление к самосовершнсвованию, превосходящему личное эго и ориентированное на достижение общественного блага [9].

История развития концепции

До возникновения учения Конфуция в Китае возникло и развивалось большое количество различных точек зрения на смысл бытия и способы достижения гармонии. Среди китайских мыслителей были сторонники личностного развития в противовес общественному, которые полагали, что возможно лишь что-то одно: либо счастливая личность, которая не принимает в расчет интересы общества, либо общественное благо, и недоучет потребностей отдельной личности (Ян Чжоу).

Были философы, основной акцент учений которых содержал орентир на любовь к людям, приоритет их интересов перед своими (Мо-цзы). Основы учения Лао-цзы составляют философские концепции, изложенные в трактате «Дао дэ цзин» («Книга о пути и добродетели»). В основе — пассивное принятие законов Вселенной, влияние человека может помешать протекать этим процессам, как они задуманы Космосом.

К принципам, восходящим к даосизму, относятся возврат к простоте, понимаемой в рамках первозданного отсутствия социальных отличий, а также критика социальных условностей и стремления к знаниям. Эти же принципы составили учение Конфуция, который объединил достижение личного и общественного блага, включив в учение гуманистическую парадигму, основанную на сострадании ближнему и стремлении к справедливости. Конфуцианство принимает справедливость и гуманизм как высшие блага. Любовь к ближнему являлась тем гуманистическим регулятором собственной гармонии, который позволял обрести баланс между осознанием полноценности личного и общественного бытия. Достижению этого способствует принцип «жэнь» [2]. В этом принципе ярко проявляются отличия человеколюбия, понимаемого конфуцианством от его христианской традиции. Христианство провозглашает человеколюбие на основе прощения обид и исключает классическую модель «Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую», так проповедовал Христос. Конфуций в аналогичных ситуациях сторонник воздаяния справедливости.

Также важную роль в конфуцианстве занимает смыкание личного и общественного смысла уважения к старшим. Почитание культа предков дает толчок к развитию всего общества. Если в семье нет потомства — это не только трагедия отдельной семьи, это большое горе для всего общества. Так действует человеколюбие как на примере семьи, так и в общественном смысле. Исследователь принципа «жэнь» Ю.Г. Благодер приводит примеры подвигов детей, совершенных из любви к членам семьи [2, с. 18]. Конфуций видел верность долгу в семье как начало подлинной любви к Отечеству, уважения к властям государства и добросовестному исполнению обязанностей гражданина. Вежливость является одним из способов избежать обидных высказываний в духе европейских традиций. Эта вежливость превосходит параметры проявлений хорошего воспитания, это способ взаимодействия с окружающим миром на основе сдержанности и осознания принципа жэнь. Его осознание приходит через взаимодействие с человеколюбивыми людьми и понимание пагубности дурных поступков.

Ориентир на общественное благосостояние стал источником возникновения в идеологии «Китайская мечта» — ориентира на «общество малого достатка («сяокан»). Этим понятием обозначается уровень жизни, характеризуемый наличием достатка сверх предметов первой необходимости, но без избыточности, в духе идей разумного распределения. Ориентир на создание китайским руководством «общества малого достатка» было закономерным историческим итогом предшествующего этапа развития Китая. В настоящее время целью модернизации китайского общества является достижение «Великого единения» — «даотун» [4, с. 570-571]. Уже на этапе «общества малого благоденствия» в Китае был достигнут высокий уровень народного просвещения, здравоохранения и гигиены.

Стратагемы традиционной культуры Китая транслируются в современную идеологию. Например, идеология Си Цзиньпина репрезентована в плакатной форме с использованием понятий конфуцианства: 1) на первом месте «добродетель «*дэ*» — бережливость и трудолюбие [13]; 2) на втором «*сяо*» — родительская почтительность; 3) «*гу*» — поклонение опыту древних.

В настоящее время постулаты «Китайской мечты» тесно переплетены с идеями Конфуция. В «Китайской мечте» идеи Конфуция воплощаются в стремлении к гармоничному обществу и миру. «Китайская мечта» является синтезом наиболее прогрессивных философских идей, так, конфуцианство включает нравственное саморазвитие, а буддизм — духовное просветление. В «Китайской мечте» это отражается в идее культурного просвещения и личностного роста, в сочетании гармонии человека и его достижений.

Если сравнить «Китайскую мечту» с Программами КПСС, то можно отметить

большую рационалистичность документов СССР, дополненной также ориентирами на молодое поколение, которому предназначался Моральный Кодекс строителя коммунизма. Однако программы КПСС не имели корней с моральной, религиозной и культурной традицией России. Проблемой недостаточной жизнеспособности программных целей КПСС был огромный разрыв принятой культурной основы жизни населения со всем предшествующим опытом духовно-нравственной философской основы национальной жизни. Известным историческим событием является отправление из России не менее пяти рейсов пассажирских судов, высланных 29 сентября 1922 г. из Советской России философов. Большинство высланных относятся к направлению религиозной философии, поскольку идеология СССР основывалась на атеистической идее.

Приводя сравнение с «американской мечтой», следует отметить разительные противоречия. Основой американской, как и европейской идеологии, является индивидуализм и не имеющая ограничений конкуренция. Это противостоит духу коллективизма и взаимопомощи [15, с. 6-15]. Понятие «американской мечты» нашло отражение в американской литературе. Ее краху посвящен роман Т. Драйзера «Американская трагедия». Первоначальный вариант американской мечты составил содержание романов Горацио Алджера. С критикой идей «американской мечты» связано творчество писателя Э. Олби. Автор показывает оборотную сторону «американской мечты»: безконтрольное потребление, жажда накопительства, иждивенчество.

Четыре компонента и системообразующие категории «Китайской мечты»

В концептосфере «Китайкой мечты» выделяются три системообразующих направления развития: 1) государственный уровень, на котором ценности Китая транслируются в рамках мирового цивилизационного развития. 2) уровень национальных приоритетов 3) индивидуальная траектория личного развития. Первое направление представлено программными положениями и идеями о сильном и богатом государстве. Национальным приоритетом развития является возрождение нации и всеобщее национальное благополучие. В индивидуальной траектории концепция «китайской мечты» основана на формировании таких качеств личности, как патриотизм, дружелюбие, добропорядочность, преданность работе и коллегам.

Периферийные элементы китайской ценностной системы выполняют функцию дублирования и развития базовых принципов, структурированных в рамках концепции [12]. Данная структура реализуется на уровне государства, включая понятия экономическое могущество, демократия, культурно-образовательный прогресс и социальное согласие. На общественном уровне приоритетными являются: индивидуальная свобода, социальное равенство, принцип верховенства права и справедливость.

В целом, в концепции «Китайская мечта» выделяются четыре компонента: идеологический, культурный, стратегический и внешнеполитический, каждый из которых был наполнен системообразующими категориями, которые составили содержание таблицы.

Коммунистическую идеологию Китая следует рассматривать как развитие национальных идей предшествующего этапа истории. Полувековой опыт современного ускорения уходит в конец 1970 гг. XX в. и заключается в опыте реформ, проведенных Дэн Сяопином.

Направления, пути, ориентиры стратагемы «Китайская мечта»

Стратагема «Китайская мечта» инициирована Си Цзиньпином и имеет следующие этапные ориентиры: 1) 2021 год — годовщина создания КПК знаменует достижения «общества средней зажиточности» («сяокан»), 2) 2049 год — столетие со дня создания КНР, планируется создание «богатого, могущественного, демократического, цивилизованного и гармоничного модернизированного социалистического государства» [9, с. 37]. Это общество мыслится не как «новый социум», а как мечта о великом возрождении китайской нации — «Китайская мечта» [18]. Концепция Си Цзиньпина предполагает глубокую преемственность по отношению к китайской культуре, конфуцианству и внутрипартийной преемственности в идейном отношении [7]. Это следует из следующих идеологем — «социализма с китайской спецификой» (Ден Сяопин), «три представительства» (Цзян

Таблица — ***Категории концепции «Китайская мечта» и их содержательное наполнение»***

Категория	Понятие	Код	Содержание
Идеология	Социализм с китайской спецификой». Идея политики Дэн Сяопина. (максимальное употребление в речи Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК 8 ноября 2012 г. [9, с. 37]);	И1	официальная идеология Коммунистической партии Китая (КПК), сочетающая принципы научного социализма и коммунизма с особенностями экономического и социально-политического развития КНР
	Сяокан («общество средней зажиточности»). Цзян Цзэминь в докладе на XVI съезде КПК в 2002 г. [14]	И2	«Достижение общества средней зажиточности к 2021 году – первый этап реализации „Китайской мечты“»
	Датун («Общество Великого единения»). В контексте «китайской мечты» Си Цзиньпина «датун» рассматривается как цель, следующая за «сяоканом».	И3	«К 2049 году Китай построит „Общество Великого единения“ – гармоничное и справедливое общество»
	Патриотизм (Цзян Цзэминь считал патриотизм знаменем, воодушевляющим народ на борьбу за объединение, и общей духовной опорой народов всех национальностей. Си Цзиньпин включил патриотизм в состав «ключевых ценностей социализма» на XVIII съезде КПК	И4	«Возвышение китайского духа через патриотизм – ключевой элемент национальной идентичности»
	Реформы и новаторство (ключевой элемент политики Дэн Сяопина); (ключевой элемент «китайской мечты» Си Цзиньпина)	И5	«Реформы и новаторство – движущая сила модернизации Китая в XXI веке»
Культура	Дэ (добродетель) (Си Цзиньпин использовал конфуцианские принципы с целью подчеркнуть важность традиционных ценностей для «китайской мечты»)	К1	«Бережливость и трудолюбие – основа добродетели (дэ), культивируемой в китайском обществе»
	Сяо (почтительность к родителям) (в выступлениях Си Цзиньпина)	К2	фундамент семейных и социальных отношений в Китае»
	Гу (почитание традиций) (Си Цзиньпин)	К3	«Почитание опыта древних (гу) помогает сохранить культурную преемственность»
	Конфуцианские ценности (Си Цзиньпин)	К4	«Конфуцианские принципы гармонии и иерархии лежат в основе социальной стабильности Китая»
Стратегия	Сильная экономика (Дэн Сяопин связывал экономический рост с успехом построения социализма. Ху Цзиньтао с Построением «среднезажиточного общества»	С1	«Создание сильной экономики – основа процветания и влияния Китая на мировой арене»
	Социальное согласие (условие, которое Ху Цзиньтао считает необходимым для гармоничного общества)	С2	«Обеспечение социального согласия – необходимое условие устойчивого развития китайского общества
	Высокое благосостояние (в речи Си Цзиньпина о «Китайской мечте»)	С3	«Повышение благосостояния народа – одна из важных целей „Китайской мечты“»
	Процветание (чаще используется в речи Си Цзиньпина о «Китайской мечте»)	С4	на XX съезде КПК (2022) Си Цзиньпин подчеркнул, что общее процветание – «существенное требование социализма и ключевая особенность модернизации в китайском стиле», которое включает экономическое, социальное, культурное, политическое и международное процветание, а также экологическое процветание.
	Культура высокой духовности (в речи Си Цзиньпина о «Китайской мечте)	С5	«Развитие культуры высокой духовности способствует укреплению национальной идентичности»
	Возрождение китайской нации в речи Си Цзиньпина о «Китайской мечте»)	С6	«Перспективы и судьбы каждого человека тесно переплетены с перспективами и судьбами государства и нации. Если государству хорошо, нации хорошо, то и всем будет хорошо».
	Инновации (у всех лидеров Китая)	С7	«Создание системы инноваций как цель „Китайской мечты“: переход от „мировой фабрики“ к технологическому лидерству»
	Мирное сосуществование (у всех лидеров Китая)	С8	«Принцип мирного сосуществования определяет внешнеполитический курс КНР и отношения с другими странами»
Внешнеполитическая	Один пояс – один путь (инициатива, Си Цзиньпина 2013 г.)	В1	«Инициатива „Один пояс – один путь“ способствует укреплению экономических и культурных связей между странами Евразии
	Мягкая сила (идея внешней политики Си Цзиньпина)	В2	«Использование „мягкой силы“ – ключевой инструмент продвижения китайского влияния и ценностей в мире»
	Идея многополярного мира (Ху Цзиньтао о новом типе международных отношений)	В3	«Китай выступает за формирование многополярного мира, где учитываются интересы всех государств»

Цземинь) и «научная теория развития» (Ху Цзиньтао).

Си Цзиньпин наметил три главных направления реализации китайского пути [3]: 1) поддерживать национальный дух на пути построения социализма с китайской спецификой; 2) возвышать китайский дух, реформы и новаторство, в основе которых лежит качество патриотизма; 3) сплотить в единую силу пятьдесят шесть национальностей Китая.

Как КНР пришел к концепции «Китайской мечты?» На это последовательно были направлены усилия лидеров, начиная с 2000-х гг.

Основными целями идеологии «Китайская мечта» являются [3, с.41-45]: 1) создание сильной экономики, науки, образования, 2) создание социального согласия, 3) высокое благосостояние народа, 4) создание культуры высокой духовности, 5) создание смарт-городов и экологичной окружающей среды, 6) создание системы инноваций, 7) мирное сосуществование с другими народами. Осуществление социального проекта «Китайская мечта» предполагает реализацию еще одной современной стратагемы, сформулированной Си Цзиньпином: «Один пояс — один путь» («Великий шелковый путь»). Предполагается, что Китай реализует себя и как высокоразвитая экономика, и как этносоциальный проект под руководством коммунистической партии Китая.

Заключение

Концепция «Китайская мечта» опирается на идеологическую основу в виде «социализма с китайской спецификой» и традиционные конфуцианские ценности: «дэ», «сяо», «гу», «жэнь». Стратегические цели проекта охватывают построение сильной экономики, достижение социального согласия, повышение благосостояния населения, развитие духовности и внедрение инноваций, а во внешнеполитическом измерении он реализуется через инициативы «Один пояс — один путь», инструменты «мягкой силы» и продвижение идеи многополярного мира [14]. Ключевой особенностью концепции выступает преемственность идей лидеров КНР на пути к «Китайской мечте» [17]. Концепция имеет временные этапные ориентиры: достижение «общества средней зажиточности» (сяокан) к 2021 году и построение «Общества Великого единения» (датун) к 2049 году, при этом в сочетании модернизации с сохранением культурной идентичности [9; 14]. Перспективы достижения ориентира «Великого единения» к 2049 году вызывают разногласия среди экспертов [2]. Для России концепция представляет особый интерес как альтернатива западным моделям развития [1], она представляет собой основу для идейного партнерского взаимодействия благодаря культурно-идеологической близости и предлагает ценный опыт сочетания модернизации с опорой на национальную идентичность, который можно перенять при реализации российской стратегии развития.

Литература

1. Абдрахимов Л.Г. Идея «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2023. — Т. 25, №1. — С. 189–203. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203.
2. Благодер Ю.Г. Конфуцианская концепция «жэнь» в контексте формирования нравственных ценностей китайского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2018. — №12(98), Ч. 2. — С. 15–19.
3. Ван Вэй. Цели и содержание политических курсов «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» и «Один пояс — один путь» // Общество: политика, экономика, право. — 2018. — №6.- С. 41–45.
4. XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.). — М.: ИДВ РАН, 2012. — 312 с.
5. Гэн Хайтянь, Ли Ин. Роль и место конфуцианства в китайском политическом руководстве Ху Цзиньтао // Научно-образовательное и культурное сотрудничество стран-участниц ШОС: сб. ст. XII Международной научно-практической конференции. — Чита: Забайкальский государственный университет, 2014. — С. 6–15.
6. Грузинов И.И. Роль и место традиционной китайской идеологии в концепции «китайской мечты» // Общество и государство в Китае: сб. ст. 47-й научной конференции. Ученые записки отдела Китая. — Т. 27. — М.: Институт Востоковедения РАН, 2017. — С. 570–571.
7. Ишутина Ю.А. К вопросу о формировании концепта «Новый Китай» в парадигме национальной идеи Китайской Народной Республики «Китайская мечта» // Ученые записки Комсомольско-

[2] Тавровский Ю.В. Доживёт ли Китай до 2049 года? URL: https://www.mk.ru/economics/2024/01/23/dozhivet-li-kitay-do-2049-goda.html

го-на-Амуре государственного технического университета. — 2024. — №2(74). — С. 18–25.

8. Копцева Н.П., Ма Л. Идеологемы «великая китайская мечта» и «гармоничная культура» в политике современной Китайской Народной Республики // Международные отношения. — 2016. — №2. — С. 163–178. DOI 10.7256/2305-560X.2016.2.16869.
9. Крушинский А.А., Ломанов А.В., Переломов Л.С. «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли // Проблемы Дальнего Востока. — 2015. — №5. — С. 135–148.
10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. — М.: Academia, 1997. — С. 280–287.
11. Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
12. Мясников В.С. Стратагематика — наука точная // Зенгер Х. фон. Полное собрание 36 знаменитых китайских стратагем в одном томе. — М.: ЭКСМО, 2015.
13. Ознос Э. Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае. — М., 2016. — 528 с.
14. Останин В.А. Глобальный проект «Пояс — Путь» как инструмент реализации китайской мечты о Великом возрождении китайской нации // Вестник науки. — 2020. — Т. 3, №5(26). — С. 53–67.
15. Садовникова О.Н., Серебренникова Е.Ф. Способы реализации аксиологической стратегии дискурса Китайской мечты // Культура и текст. — 2023. — №4(55). — С. 134–145. DOI 10.37386/2305-4077-2023-4-134-145.
16. Скрипаль М. В. Зачем Китаю «Китайская мечта»? // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2015. — №10-2. — С. 380–382.
17. Сухадольская Л.Л. Традиционная китайская идеология и «китайская мечта» // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тезисы докладов XXII Международной научной конференции (Москва, 12–13 октября 2016 г.). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. — С. 119–120.
19. Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин. Новая эпоха. — М.: ЭКСМО, 2018. — 384 с.
20. Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. — М.: ЭКСМО, 2015. — 272 с.
22. Harro von Senger. Strategeme. Band II. Bern; Munich; Wien: Scherz Verlag, 1999.
23. Zhao Tingyang. First Philosophy … ; Idem. The «China Dream» in Question // Economic and Political Studies. — 2014. Vol. 2, iss. 1. — P. 127–142.

RELIGION AND POLITICS: RELIGIOUS STUDIES DISCIPLINARY PERSPECTIVE

Petrunin Vladimir Vladimirovich, *PhD of Philosophy, Assistant Professor, Orel State University, Orel (Russia)*

This article substantiates the need to institutionalize a new discipline within the field of religious studies—religious political science—in Russian religious studies. The relevance of religious and political issues for both Soviet and Russian religious studies necessitates a religious studies approach to understanding religious ideas about politics and politics within the framework of this new academic subject. The article explicates the concept of "religious political science." The term is understood in two distinct senses, defining religious political science, on the one hand, as a set of doctrines about politics and politics within a specific religious tradition, and on the other, as a discipline within religious studies aimed at describing confessional ideas about politics and politics. The article also presents the distinction between religious political science and political theology, which is relevant for defining the political doctrines of the Abrahamic religions (Judaism, Christianity, and Islam). Based on an analysis of the political tenets of confessional social doctrines, the proposed subject area of religious political science is identified, and the importance of the methodological application of historicism and comparative research in the study of religious political doctrines is substantiated. Not only the theoretical but also the practical significance of the new discipline is demonstrated, particularly in the area of state-religious relations, as well as within the framework of state religious studies examinations and forensic religious studies examinations. The research results are important for substantiating the emergence of a new field in Russian religious studies — the political science of religion — within which research will focus not only on religious ideas about politics and the political (religious political science), but also on the analysis of the relationship between political institutions and religion.

Keywords: *religion and politics; religious studies; religious studies discipline; religious political science; political theology; political science of religion; confessional social doctrines.*

EDN: EUJLFQ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.16***

Цитировать: *Петрунин В.В. Религия и политика: религиоведческая дисциплинарная перспектива // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 102-106. EDN: EUJLFQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.16*

УДК 291
5.7.9

© Петрунин В.В., 2026

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА: РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

ПЕТРУНИН Владимир Владимирович,
кандидат философских наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл (Россия)
SPIN-код: 6182-2186
ORCID ID: 0000-0001-8552-6527
ResearcherID: AAE-5623-2020

В статье обосновывается необходимость институализации в отечественной науке о религии новой религиоведческой дисциплины — религиозной политологии. Актуальность религиозно-политической проблематики, как для советского, так и для российского религиоведения, обуславливает целесообразность религиоведческого осмысления религиозных представлений о политике и политическом в рамках нового учебного предмета. В статье проводится экспликация понятия «религиозная политология». При этом сам термин понимается в двух различных смыслах, которые определяют религиозную политологию, с одной стороны, как комплекс учений о политике и политическом в конкретной религиозной традиции, с другой стороны, как религиоведческую дисциплину, направленную на дескрипцию конфессиональных представлений о политике и политическом. Представлено отличие религиозной политологии от политической теологии, которая релевантна для обозначения политических учений авраамических религий (иудаизм, христианство и ислам). На основе анализа политических положений конфессиональных социальных доктрин выделяется предполагаемое предметное поле религиозной политологии, обосновывается важность методологического применения историзма и сравнительного исследования в изучении религиозных политических учений. Показана не только теоретическая, но и практическая значимость новой дисциплины, особенно в сфере государственно-религиозных отношений, а также в рамках проведения государственной религиоведческой экспертизы и судебной религиоведческой экспертизы. Результаты исследования важны для обоснования появления в отечественном религиоведении нового раздела — политологии религии, в рамках которой исследовательский интерес будут представлять не только

религиозные представления о политике и политическом (религиозная политология), но и анализ взаимоотношений между политическими институтами и религией.

Ключевые слова: *религия и политика; религиоведение; религиоведческая дисциплина; религиозная политология; политическая теология; политология религии; конфессиональные социальные доктрины.*

Введение

В религиоведческом знании проблема взаимоотношений религии и политики является одной из самых дискуссионных, что обусловлено, в первую очередь тем, что известный постулат о том, что религия «в значительной степени частное дело» [12, с. 1] продолжает оставаться доминирующим в современных секулярных обществах. Вместе с тем, тот же Чарльз Тейлор признает, что в домодерную эпоху религия присутствовала в политических практиках, а, например, в архаических обществах вообще невозможно вычленить различия между религиозными и иными аспектами общественной жизни, так как религия была «"всюду" и ни в каком смысле не составляла отдельной, самостоятельной "сферы"» [12, с. 3]. Более того, современные авторы говорят о своеобразном «реванше Бога», который рассматривается в контексте усиления влияния религии в социально-политической сфере [17]. Таким образом, проблема взаимоотношения религии и политики вновь становится «животрепещущей исследовательской темой» [13, с. 57] в современной науке.

Обращение к исследовательской традиции отечественного религиоведения позволяет говорить нам о важности религиозно-политической проблематики в научных трудах как советских, так и российских религиоведов. В советский период признавалось, что религия была «фактором, оказывавшим значительное воздействие на общественно-политические процессы» [7, с. 3]. Данное утверждение ставило перед исследователями вполне конкретные задачи, которые заключались не только в изучении истории взаимовлияния религии и политики, но и позиций различных религиозных институтов в отношении актуальных политических проблем современности, специфики различных религиозно-политических движений и др. [7, с. 4].

Современное российское религиоведение также признает важность изучения взаимодействия религии и политики. Показательной является проведенная М.Ю. Смирновым выборочная систематизация мнений отечественных религиоведов, касавшихся фундаментальных проблем религиоведческого знания и наиболее актуальных современных религиоведческих исследований [11, с. 29].

Целый ряд исследователей выделили следующие фундаментальные проблемы науки о религии: роль религии в становлении российского государства, проблемы секуляризации, религия и геополитика, социально-политическая роль религии, проблемы свободы совести, политологические аспекты изучения религии, проблемы религиозной политики и др. [11, с. 34-44]. В числе неотложных религиоведческих проблем, требующих научной рефлексии значатся: взаимодействие религиозных институтов с государством, политизация религиозных сообществ, секуляризация, свобода совести, проблемы государственно-религиозных отношений, религия и глобализация и др. [11, с. 46-55].

Таким образом, анализ спектра мнений современных отечественных исследователей религии позволяет говорить об актуальности целого ряда вопросов, которые напрямую относятся к религиозно-политической проблематике. Очевидно, что решение поставленных вопросов невозможно без изучения собственно религиозного взгляда на политику и политическое, который теоретически представлен в социальных/политических учениях религий мира. Религиоведческие возможности для последующей рефлексии видятся нам в контексте институализации новой религиоведческой дисциплины — религиозной политологии.

Проблема определения религиозной политологии

В отечественном религиоведении мы можем найти примеры устоявшейся институализации таких религиоведческих дисциплин как религиозная антропология, религиозная

социология, религиозная философия, религиозная этика, религиозная эстетика и др. В целом ряде учебников мы видим специальные разделы и главы, посвященные некоторым из указанных учебных курсов [3, с. 488-564; 6, с. 271-353; 9, с. 97-110; 10, с. 115-186] или отдельные учебные пособия, например, по религиозной антропологии [1].

Названные дисциплины раскрывают религиозную рефлексию в отношении антропологических, этических, социальных, философских проблем, а их знание составляет необходимый фундамент для научного изучения религии, та же религиозная антропология рассматривается как «одна из наиболее важных религиоведческих дисциплин» [4, с. 92].

Обозначенная выше актуальность религиозно-политической проблематики для отечественной науки о религии эксплицирует необходимость изучения религиозных представлений о политике и политическом, которые могут быть раскрыты в рамках религиозной политологии.

В отечественной науке практически не употребляется понятие «религиозная политология». Единственный пример, который можно обозначить как критическую терминологическую экспликацию религиозной политологии, мы находим в трудах А.В. Щипкова. Политический философ считает, что религиозная политология есть пример «устойчивого постмодернистского гибрида» [16, с. 145], который появляется в результате секулярной трансформации христианства. Основной задачей религиозной политологии А.В. Щипков видит дальнейшую секуляризацию церкви, путем «вменения ей на уровне теоретического базиса секулярных политических понятий и категорий» [15, с. 239].

В данном случае перед исследованием стоит задача обосновать позитивное определение понятия «религиозная политология» и возможность его употребления в религиоведческом дискурсе. Авторский подход заключается в том, что религиозная политология понимается как религиоведческая дисциплина, которая раскрывает религиозное восприятие политики и политического, сформулированное в различных религиозных традициях мира. Т.е. мы можем говорить о религиозной политологии христианства, ислама, буддизма, индуизма, иудаизма и т.д. Более того, в рамках каждой религиозной традиции можно выделить конфессиональную специфику. Например, в рамках христианской религиозной политологии представляется возможным ее деление на православную, католическую и протестантскую, в исламской религиозной политологии очевидно различие между суннизмом и шиизмом и т.д.

Кроме того, рассматривая религиозную политологию монотеистических религий (иудаизм, христианство, ислам) можно говорить о такой ее специфической форме, как политическая теология.

В современной науке нет однозначного понимания политической теологии. Можно согласиться с мнением известного немецкого ученого Яна Ассмана, который определяет политическую теологию как «дидактически развиваемую речь об отношениях между господством и спасением» [2, с. 54] и отмечает, что в рамках религиоведения встает «вопрос о формах, в которых отношения между господством и спасением намечаются, институализируются и рефлексируются» [2, с. 54]. Ассман считает, что политическая теология характерна не только для авраамических религий. Например, немецкий исследователь говорит о позитивной политической теологии, существовавшей в Древнем Египте. Более того, Ассман подчеркивает актуальность изучения политической теологии, представленной в различных религиях мира, и делает вывод о том, что сегодня «нам не хватает … нового Макса Вебера, который мог бы сделать для политической культуры религий то, что он сделал для политической культуры хозяйственной этики» [2, с. 66-67].

Таким образом, понимание политической теологии Яном Ассманом фактически релевантно нашему пониманию религиозной политологии. Вместе с тем, употребление термина политическая теология в отношении политических учений, представленных в неаврамических религиях, сталкивается с рядом проблем, одна из которых заключается в том, что ряд исследователей под политической теологией понимают политические учения, основанные на божественном откровении, что ограничивает употребление данного термина иудаизмом, христианством и исламом [5, с. 43; 14, с. 12].

Предметное поле и методология исследования религиозной политологии

Исходя из разнообразия современных научных представлений о политике и политическом, а также учитывая специфику понимания данных понятий в религиозных учениях, мы можем выделить ключевые проблемы, которые могут составить предметное поле религиозной политологии.

В качестве теоретического основания данной экспликации способны выступать конфессиональные социальные доктрины, имеющиеся как у зарубежных (Римско-католическая церковь, Константинопольский патриархат), так и отечественных религиозных организаций (Русская православная церковь, российские иудейские, протестантские и мусульманские религиозные организации).

Анализ политических положений конфессиональных социальных доктрин позволяет сформулировать проблемное поле религиозной политологии. Это понимание политической власти, в том числе ее соотнесенности с божественной властью, проблема государства и его типов и форм, война и мир, международные отношения, глобализация и секуляризация, религиозный экстремизм и терроризм, различные аспекты государственно-религиозных отношений, например, проблемы свободы совести и др.

Методология исследования религиозной политологии включает в себя как общенаучные, так и частнонаучные, теоретические и эмпирические методы. Особое место занимает историзм, который позволяет рассмотреть развитие религиозных политических учений в соответствии с конкретными историческими условиями, а также сравнительный метод, посредством которого можно выявить общее и различное в религиозных политических учениях.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что религиозная политология может быть понимаема в двух значениях. Религиозная политология в широком смысле — это комплекс учений о политике и политическом в конкретной религиозной традиции. Религиозная политология в узком смысле представляет собой религиоведческую дисциплину, направленную на дескрипцию религиозных представлений о политике и политическом.

Институализация в отечественном религиоведении религиозной политологии поможет раскрыть эвристический потенциал науки о религии. Особое значение приобретает знание религиозно-политической проблематики в контексте государственного регулирования деятельности религиозных объединений и, собственно, государственно-религиозных отношений. Кроме того, практические аспекты изучения религиозной политологии, необходимы религиоведам, при проведении государственной религиоведческой экспертизы и, тем более, судебной религиоведческой экспертизы.

Теоретическая и практическая важность религиозной политологии поднимает вопрос об институализации в отечественной науке о религии политологии религии, как базового религиоведческого раздела [8, с. 219-221]. Представляется, что именно религиозная политология должна стать главным предметом изучения политологии религии.

Вариативность религиоведческих разделов актуализирует проблему дальнейшей институализации религиоведения в российской номенклатуре научных специальностей, которая может выглядеть следующим образом: область науки: социальные и гуманитарные науки → группа специальностей: религиоведение → научная специальность: история религии, антропология религии, социология религии, психология религии, политология религии, география религии и т.д.

Литература

1. Аринин Е.И. Религиозная антропология: учебное пособие для студентов специальности «Религиоведение»: в 2 ч. Ч. 1. — Владимир: Ред-изд. комплекс ВлГУ, 2005. — 124 с.
2. Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем / пер. с нем. — СПб.: Владимир Даль, 2022. — 180 [1] с.
3. Введение в общее религиоведение: учебник / под ред. проф. И.Н. Яблокова. — М.: Университет, 2001. — 576 с.
4. Костылев П.Н. Религиозная антропология как религиоведческая дисциплина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — №10(48). Ч. 1. — С. 92-95.
5. Майер Г. Что такое политическая теология? Вводные замечания относительно одного спорного понятия // Ассман Я. Политическая теология меж-

ду Египтом и Израилем: пер. с нем. — СПб.: Владимир Даль, 2022. — С. 29-49.
6. Основы религиоведения: учебник / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков, К.И. Никонов и др.; под ред. И.Н. Яблокова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высшая школа, 1998. — 480 с.
7. От редколлегии // Вопросы научного атеизма: Вып. 33. Религия и политика. — М.: Мысль, 1985. — С. 3-4.
8. Петрунин В.В. Религия и политика: религиоведческая перспектива // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2018. — Т. 7, №6А. — С. 218-223.
9. Религиоведение: учебник для бакалавров / под ред. И.Н. Яблокова. — М.: ЮРАЙТ, 2013. — 479 с.
10. Религиоведение: учебник и практикум для академического бакалавриата / А.Ю. Рахманин, Р.В. Светлов, С.В. Пахомов [и др.]: под ред. А.Ю. Рахманина. — М.: ЮРАЙТ, 2017. — 307 с.
11. Смирнов М.Ю. Современное религиоведение в спектре мнений российских исследователей религии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. — 2025. — №1. — С. 27-57.
12. Тейлор Ч. Секулярный век / пер. с англ. — М.: ББИ, 2017. — xiv + 967 с.
13. Штекль К. Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — №1. — С. 57-82.
14. Штраус Л. Что такое политическая философия? // Штраус Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. — М.: Логос, Праксис, 2000. — С. 9-50.
15. Щипков А.В. Гродненский нарратив в контексте современной политической посттеологии // Ортодоксия. — 2021. — №2. — С. 224-242.
16. Щипков А.В. Теология и политика. Попытки политического подчинения Церкви // Современная Европа. — 2023. — №3. — С. 143-151.
17. Kepel G. The Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World. — University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1994. — 215 p.

INTEGRATIVE COMMUNITY: FOUNDATIONS FOR RECOGNIZING THE OTHER IN THE GLOBAL NETWORK SPACE

Rogalenko Nikita Aleksandrovich, *Postgraduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia)*

This article addresses the challenge of overcoming the insularity of digital echo chambers as a specific phenomenon of digital society. Echo chambers —isolated online communities of like-minded people — are characterized by low tolerance for any alternative opinions, preventing the polyphony of digital culture from unfolding. It is becoming increasingly important to understand the community of network users as an integrative community that brings together people with different views and opinions based on the principles of pluralism and equal rights for different groups. The aim of this research is to identify the foundations for a person's recognition of network users with different worldviews, where recognition is understood as a morally significant relationship based on mutual respect and the importance of the communicants. The theoretical basis is provided by philosophical concepts of community, which focus on understanding community not based on identity, but on the process of people coexisting side by side, which is relevant given the impermanence of identity in the digital society and the pronounced collective nature of the global network. To achieve the goal, the characteristic features and principles of existence in digital space were identified, articulating the commonality of users regardless of their specific group, as well as the cultural forms of digital society in which these principles are embodied. It was found that the foundations for recognizing network users with different views lie in joint network activity and shared vulnerability to the institutions of digital society. These foundations are embodied in the form of digital performance and in the sensitivity of new sincerity cultural situation.

Keywords: *echo chamber; digital culture; philosophy of community; performance; new sincerity; network proximity; mondialization.*

EDN: DXOCTZ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.17***

Цитировать: *Рогаленко Н.А. Интегративное сообщество: основания для признания другого в пространстве глобальной сети // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 107-115. EDN: DXOCTZ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.17*

ИНТЕГРАТИВНОЕ СООБЩЕСТВО: ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ДРУГОГО В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

УДК 141.319.8
5.7.8

© Рогаленко Н.А., 2026

Статья посвящена проблеме преодоления замкнутости цифровых эхо-камер как особого феномена цифрового общества. Эхо-камеры — изолированные сетевые объединения схожих во взглядах людей — характеризуются низкой толерантностью к любым альтернативным мнениям, препятствуя раскрытию полифоничности цифровой культуры. Актуальной становится проблема понимания сообщества пользователей сети как сообщества интегративного, объединяющего в себе людей с разными взглядами и мнениями на основе принципов плюрализма и равноправия разных групп. Целью исследования является выявление оснований для признания человеком пользователей сети с другими мировоззренческими установками, где под признанием понимается морально значимое отношение, основанное на взаимном уважении и значимости сторон. Теоретической основой стали философские концепции сообщества, в фокусе внимания которых — понимание сообщества, основанное не на идентичности, а на самом процессе сосуществования людей рядом, что оказывается актуально ввиду непостоянности идентичности человека цифрового общества и ярко выраженного коллективного начала в природе глобальной сети. Для достижения цели определены характерные черты и принципы существования в цифровом пространстве, в которых артикулируется общность пользователей независимо от конкретной группы, а также культурные формы цифрового общества, в которых эти принципы находят свое воплощение. Установлено, что основания для признания пользователей сети с иными взглядами лежат в плоскости совместной сетевой активности и разделяемой уязвимости перед институтами цифрового общества. Эти основания находят

РОГАЛЕНКО Никита Александрович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург (Россия)
SPIN-код: 9838-4490
ORCID ID: 0000-0001-5301-8616
ResearcherID: OGQ-3606-2025

свое воплощение в форме цифрового перформанса и в чувствительности, характерной для ситуации новой искренности.

Ключевые слова: *эхо-камера; цифровая культура; философия сообщества; перформанс; новая искренность; сетевая близость; мондиализация.*

Введение

Коммуникация в глобальной информационной сети давно стала неотъемлемой частью жизни человека XXI века и фундаментом социокультурной реальности цифрового общества как комплексного явления, трансформирующего все сферы человеческой деятельности. Подключение к сети посредством технических устройств стало ритуалом ежедневного погружения в виртуальное цифровое пространство, в котором происходит большая часть повседневных активностей человека, включая как трудовую деятельность, так и проведение досуга. При этом непрерывное пребывание в сети неразрывно сопряжено с постоянным виртуальным присутствием других, с сосуществованием рядом с другими людьми через взаимодействие в едином медиа пространстве, представленное в формах онлайн общения, просмотра и комментирования контента, цифровой репрезентации посредством профилей и аватаров.

Новая техническая реальность, превратив весь мир в "глобальную деревню", в которой информация распространяется от одного конца света к другому почти мгновенно [7], привела к невиданной ранее степени взаимосвязанности людей друг с другом, стирая географические границы и ослабляя культурные различия в глобальном сетевом пространстве. При этом влияние социокультурных реалий цифрового общества оказывается двойственным по отношению к человеку. С одной стороны, виртуальное пространство как область постоянной открытости и "выставленности" на обозрение других размывает рамки частного и публичного, с другой же — создает условия для развития личности через контакт с другими мнениями, взглядами и мировоззренческими установками. В то же время нельзя сказать, что Интернет стал полноценной площадкой для открытого диалога. Как показывает практика, люди живут не столько в глобальной деревне, сколько в "построенных по заказу коттеджах, производящихся глобально, а распределяемых локально" [12, с. 258]. Здесь идет речь о проблеме возникновения эхо-камер, создаваемых циркулирующими в сети информационными потоками. Под эхо-камерой понимаются замкнутые коммуникативные пространства, все участники которых разделяют одни и те же взгляды, не допуская иных точек зрения [2]. Низкая толерантность к иным мнениям, изолированность в "пузыре", создаваемом определенными информационными потоками, лидерами мнений, популярными трендами и алгоритмами рекомендаций, уничтожает потенциал глобальной сети как среды для коммуникации между людьми разных взглядов, препятствуя как развитию самого человека, так и появлению новых культурных форм.

Таким образом, можно сказать, что порожденная цифровым обществом форма коллективности влечет за собой необходимость философского осмысления особенностей сосуществования людей в сети, в частности, концептуализации тех принципов коммуникации, которые могут способствовать преодолению цифровых эхо-камер, а следовательно, и раскрытию полифоничности цифровой культуры, в пространстве которой рядом с каждым человеком сосуществует множество других голосов и систем взглядов. Целью данного исследования является выявление оснований для признания людей с иными взглядами в пространстве глобальной цифровой сети. Под признанием понимается морально значимое отношение к пользователям, разделяющим иные мировоззренческие установки, которое обеспечивает возможность ведения диалога с ними. Для этого, в первую очередь, необходимо определить, в чем заключается общность пользователей глобальной сети, в чем артикулируются те общие черты совместного бытия в сети, которые могут сблизить людей, имеющих разные интересы и принадлежащих к разным социальным группам. Следующей задачей становится обнаружение и раскрытие выделенных оснований для при-

знания другого в культурных формах, характерных для сложившихся реалий цифрового общества.

Актуальность исследования объясняется взаимозависимостью пользователей сети друг от друга. Информационная среда как пространство перформативное, где любое публичное высказывание в некоторой степени оказывает воздействие на облик всей сети, меняя ее информационный фон, проблематизирует вопрос о всеобщей ответственности за создаваемый и распространяемый контент. Нести ответственность за свои действия перед кем-либо без признания его ценности и значимости невозможно. В дополнение к этому вопрос о признании другого в его инаковости становится актуальным в связи с унифицирующим влиянием глобализации на мировую культуру, которое усиливается процессами алгоритмизации, сводящими активность пользователей к массивам данных для технической обработки. Именно через легитимацию других цифровая среда способна стать не просто пространством воспроизводства императивов информационных эхо-камер, а областью порождения смыслов, сближающей людей, сохраняя культурное разнообразие и плюрализм взглядов. Исследователи обращают на это внимание в связи с анализом особенностей феноменов виртуального межличностного общения и сетевой близости [16], выявления характеристик человека как субъекта-коммуниканта в пространстве информационной сети [6], изучения признаков Интернет-коммуникации как особого типа взаимодействия между людьми [8]. Особенность же настоящего исследования в том, что в фокусе внимания оказывается поиск такого понимания сетевой близости, которое не основывается на конкретных интересах и целях, а способствует сближению любых пользователей сети.

Теоретической основой исследования стала философская концепция сообщества Ж.-Л. Нанси, а также работы других философов сообщества, таких как Дж. Агамбен, М. Бланшо, Р. Эспозито. Это связано с тем, что в фокусе внимания данных мыслителей оказывается понимание сообщества, которое основывается не на фиксированной субстанциальной идентичности (например, класс, народ, род деятельности), а на самом процессе со-существования рядом, со-присутствии вместе в едином коммуникативном пространстве, сохраняя уникальность и инаковость каждого его участника. С точки зрения рассматриваемой проблемы подобное понимание кажется наиболее продуктивным для выявления таких оснований для признания других, которые не замыкали бы пользователей сети в границах эхо-камер, а наоборот способствовали бы формированию единого сообщества, интегрирующего в себе разные взгляды и мнения. Более того, в условиях цифрового пространства сама идентичность человека оказывается множественной, текучей и динамичной, что затрудняет применение каких-либо эссенциалистских подходов к осмыслению глобального сообщества. Опираясь на труды перечисленных авторов, можно сформулировать этические и аксиологические принципы сетевой коммуникации и сам способ организации цифрового сообщества, не редуцирующего своих членов к унифицированному стандарту, однако специфика оформления и реализации этих идей определяется особенностями культурной ситуации цифрового общества. По этой причине целесообразно также обратиться к культурологическим теориям и концепциям XXI века, к характерным для цифрового общества формам искусства, в частности, к чувствительности новой искренности.

Выбор методологической базы исследования обусловлен теоретическим фундаментом и включает в себя концептуальный анализ философских концепций сообщества, а также гипотетико-дедуктивный метод, представляющий собой формирование и корректировку гипотез об основаниях для признания другого пользователя в глобальной сети. Также в работе применяется междисциплинарный подход к анализу социокультурной ситуации цифрового общества, предполагающий обращение как к философским, так и к культурологическим теориям.

Общность существования пользователей в глобальной сети

Какие принципы лежат в основании сообщества как объединения людей, возникающего на почве сопричастности, а не общей идентичности? Ж.-Л. Нанси, называя такое сообщество “непроизводимым”, подчеркивает необходимость десубстанционализации

сообщества, рассматривая его через категорию "бытия-вместе" как фундаментального качества бытия. Такое сообщество не "производит" универсального субъекта через жестко заданные границы какой-либо идентичности [11]. Более того, по Ж.-Л. Нанси, сообщество, основанное на эссенциалистской модели или на едином проекте, подавляет единичность, редуцируя ее до массы, приводя к тоталитаризму. Фундаментом непроизводимого сообщества становится сам модус существования "вместе", пребывание рядом с другими как изначальная предзаданность человеческого существования. Такое сообщество по своей природе противостоит любой завершенности, превознося близость друг к другу, но без слияния воедино, с сохранением инаковости каждого своего участника и границ между ними, удерживая при этом открытость для расширения. Говоря словами Дж. Агамбена, сообщество должно существовать, "не требуя признания какой-либо идентичности", и стать пространством, где "люди бы именно со-принадлежали друг другу, а у самой этой со-принадлежности в принципе бы отсутствовали какие-либо значимые и формализуемые условия" [1, с. 78–79].

Возникновение же социокультурной ситуации цифрового общества поставило вопрос о сообществе особенно остро. В пространстве глобальной сети парадигма совместного существования радикализируется, поскольку, как говорилось ранее, в сети мы всегда окружены другими людьми и находимся в контакте друг с другом, что особенно явно выражается на примере социальных медиа, где мы всегда "выставлены" друг другу, оказываясь на виду. Интернет стал пространством присутствия, в котором самовыражение человека как никогда связано с другими, происходит под присмотром других и совместно с другими. Вместе с тем особую важность приобретает вопрос об эмпатии, проблема осознания, что по ту сторону экрана находится личность, а не просто набор данных. Касаясь данного вопроса, Ж.-Л. Нанси в своих более поздних работах противопоставляет понятия глобализации и "мондиализации". Глобализация выступает процессом унификации и алгоритмизации мира, сведения его к объекту, подчиненному логике капитала, в котором сеть оказывается лишь технической инфраструктурой, а другой человек становится инструментом для достижения практических целей и поставщиком данных для обработки. Мондиализация же предстает как процесс совместного создания смысла, создания значимых связей, в которой сосуществуют различия и признается уникальность каждого [18]. Глобальная сеть как пространство созидания мира неразрывно связана с ответственностью перед другим пользователем и возможна лишь при условии взаимного признания, переживания каждого момента коммуникации как морально значимого. В связи с этим необходимо рассмотреть, в чем может выражаться близость между участниками сети, каким образом проявляется та общность, на основании которой возможно взаимное признание, но которая не сводилась бы к формализованным критериям и утилитарному проекту.

В ситуации цифрового общества, скрываясь за цифровыми профилями и аватарами, мы лишены возможности прямого контакта, коммуникации лицом к лицу, через которую, как указывал Э. Левинас, обычно и рождается признание. В связи с невозможностью предстать непосредственно перед ликом Другого основанием для близости в сети становятся общие действия, повторяемые активности, которые исполняются большинством пользователей. Вне зависимости от взглядов и целей люди, в первую очередь, разделяют сам факт совместности самого своего пребывания онлайн. Особенности существования в цифровом пространстве как в среде перформативной создаются и поддерживаются через социальные акты и дискурсы, т. е. определяются через деятельность, через процесс. Такими действиями являются схожая активность в глобальной сети и в социальных медиа, включающая в себя публикацию, комментирование и оценивание контента. Цифровой текст имеет коллективную природу, роли автора и читателя становятся условными, поскольку контент находится в состоянии постоянной пересылки между пользователями, в процессе которой его модифицируют, цитируют и обсуждают. Цифровой артефакт всегда незавершен, он всегда открыт к трансформации, и в самой по себе подобной интерактивности, в возможности каждого единичного пользователя его менять, как раз и проявляется общность, на основе которой возможно признание.

Другим основанием для признания пользователей сети и для раскрытия потенциала глобальной сети как пространства подлинности становится уязвимость перед другим. Близость между пользователями обнаруживается в таком опыте, который люди разделяют, находясь "вместе", но не могут контролировать и выбирать, подвергаться ли его воздействию. По Ж.-Л. Нанси, подобным опытом становится осознание собственной конечности. Подлинное соприкосновение сингулярностей, связывающее, но не поглощающее единичности, происходит через смерть, через точку бессилия перед миром. "Бытие-к-смерти" как ключевой экзистенциал в интерпретации Ж.-Л. Нанси не является сугубо личным переживанием и оказывается связан с другими людьми [9; 10, с. 139–140; 14]. Смерть связывает всех нас в своей неизбежности, сохраняя при этом характер события единичного и уникального для каждого человека. Обращаясь же к пространству цифровому, стоит отметить, что сам способ его технической организации создает эффект вечного присутствия, поскольку цифровые артефакты как результаты деятельности и активности человека в сети остаются на просторах Интернета потенциально неограниченное количество времени. Одним из оснований для признания другого человека в случае глобальной сети становится скорее особая разделяемая уязвимость непосредственно перед институтами цифрового общества; относящийся к каждому человеку опыт собственной подверженности превосходящей внешней силе, которая целиком определяет его бытие в виртуальном пространстве.

Такими угрозами, перед которыми возникает всеобщая уязвимость, становятся особенности самого медиума цифровой коммуникации, среди которых как технические детали (способы создания, передачи и потребления информации), так и специфика формирования мировоззрения человека цифрового общества, не имеющего целостной картины мира и вынужденного собирать свой образ мира через разрозненные фрагменты информации, преломленные в медиасреде. Утрата реальности в пользу симулякров, стирание границ между частной и публичной жизнью, постоянная пресыщенность информацией, которая дезориентирует человека — все это реалии цифрового общества. О воздействиях цифрового общества пишет также Бён Чхоль Хан, рассуждая о надзоре, контроле и об ограничении свободы в условиях глобальной инфократии, о манипуляции данными и информацией. Указывает он и на опасность постоянного выгорания и депрессии, которые формируются под воздействием императива действия, навязанного принуждения к достижению транслируемого в сети образа успешной жизни, ведущего к эксплуатации человеком самого себя [15]. В качестве иллюстрации разделяемой уязвимости можно привести и изменения цифровой сети, связанные с трансформацией форм капитализма, что выражается в ситуации "капитализма платформ", когда активность пользователей на сетевых площадках оказывается во власти владеющих инфраструктурой IT-компаний, которые используют данные для контроля пользователей и извлечения прибыли [13].

Все перечисленное является примерами слабости и уязвимости единичного человека перед самими принципами функционирования глобальной сети, укорененными в ее природе. Однако именно такая уязвимость и может стать базисом для близости, не подавляемой общей идентичностью, а следовательно, и для признания других пользователей сети. В контексте данного тезиса показательно будет также обратиться к понимаю сообщества Р. Эспозито, для которого конститутивной характеристикой сообщества является неполнота. С его точки зрения, сообщество связано не с "обладанием" идентичностью или собственностью, а с общей нехваткой, отсутствием целостности, требующей выхода из обособленности для ее восполнения через связь с другими [17]. Без разделяемой уязвимости, без готовности "отдавать" себя и взаимодействовать с другими сообщество становится замкнутым и разлагается в процессе "иммунизации" как закрытости от нового. Быть "иммунным" значит быть защищенным, но ценой изоляции и атомизации, восприятия "чужих" как угрозы, что в ситуации цифрового общества явным образом проявляется на примере эхо-камер.

Из сказанного следует, что именно описанные примеры разделяемой уязвимости перед институтами цифрового общества выходят за рамки информационного пузы-

ря и обнажают нехватку и незащищенность в контексте пребывания в сети как такового (каждый независимо от взглядов подвержен дезинформации, нарушениям конфиденциальности своих персональных данных и т. п.), тем самым становясь каналом для признания других. То же касается и описанных ранее повторяемых действиях в сети, цифровых активностях, практиках общения и взаимодействия с контентом — они обнажают разделяемость самого способа существования человека в сети, самих способов коммуникации с другими; общность специфики самореализации человека в глобальной сети и воздействия на виртуальную среду. Таким образом, решая первую из поставленных задач, можно выдвинуть тезис о том, что общность, не зависящая от фиксированной идентичности, артикулируется в разделяемости уязвимости перед институтами цифрового общества и совместности сетевых практик как способа бытия в сети.

Культурные формы цифрового общества: признание других пользователей

Обратимся к вопросу о проявлении этой общности в культуре цифрового общества, выявлению культурных форм, в которых она возникает и становится осязаемой для пользователей сети. Проводить поиск подобных форм имеет смысл в сфере искусства как в специфической духовной деятельности, как в области поэтического, представляющей собой "набрасывание" нового мира в противовес уже сформировавшимся герметичным эхо-камерам. При этом сам процесс производства цифрового артефакта должен закреплять коллективный элемент глобальной сети, становясь еще и актом сопричастности, способствующим признанию других пользователей.

Принципы совместности деятельности и активного преобразования виртуального пространства наиболее ярко выражаются в перформансе как в особой форме художественного процесса. Суть перформанса как формы искусства составляют действия художника в определенном времени, месте и, самое главное, в его прямом взаимодействии с аудиторией. Основная особенность перформанса как культурного артефакта состоит в том, что "перформанс в отличие от художественного образа не есть воссоздание подлинного мира. Он представляет собой вторжение в этот мир" [4, с. 13]. Как пишет И. И. Докучаев, "художественная модель перформанса не изображает сущности мира и не выражает никаких свойств его материи, она вторгается в сам мир и производит сбой привычных связей, своего рода новую структуру, акцентируя что-то и отстраняя привычные формы" [Там же]. Перформанс — это всегда изменение мира, утверждение реальности через соучастие автора перформанса, его зрителей и непосредственных участников. Свидетелем перформанса потенциально может стать любой участник сети, а ввиду структуры цифрового пространства он может стать и соавтором, и комментатором действа. В сочетании такого тесного взаимодействия с общностью места (глобальное цифровое пространство) и времени (все культурные артефакты фиксируются на серверах и оказываются доступны по запросу в любой момент времени) обнаруживается, что само по себе цифровое пространство становится ареной одного непрерывного глобального перформанса. Это подчеркивает и И. И. Докучаев, отмечая, что "фактически сам Интернет и ВР [виртуальная реальность] становятся одним сплошным перформансом, глобальным перформансом, отличающимся от локальных перформансов — ограниченных вторжений в подлинный мир" [4, с. 13].

Особенно важно для нас, что глобальный перформанс как фундаментальная характеристика Интернета становится базисом для деятельного соучастия, необходимого как для обретения близости с другими, так и для личностного развития как такового. Каждый конкретный перформанс содержит в себе потенциал стать не просто шоу, а совместным событием, создающим саму ткань сообщества, где глобальная сеть становится пространством общего присутствия, в котором пользователи "соприкасаются" через технические интерфейсы, не споря о своих взглядах, а привнося нечто свое в совместную активность, сохраняя при этом собственную индивидуальность. Такими активностями становятся флэш-мобы, интерактивные представления, видео-арт, ток-шоу, реалити-шоу. Модель перформанса как особого формата диалога между автором и публикой в сочетании с техническими возможностями Интернета становится про-

дуктивной для формирования сообщества глобальной сети, основанного на взаимном признании через соучастие.

Но если перформанс — это, скорее, подходящая форма взаимодействия, то его содержательная сторона должна вытекать из описанной ранее разделяемой уязвимости пользователей сети. При этом понятие уязвимости тесно связано с понятием искренности и с умением прежде всего признать собственную уязвимость. Искренность как открытость подразумевает некоторую степень риска; взывает к доверию и честности по отношению к другому человеку. Подобная чувствительность уже находит свое воплощение в культуре и искусстве XXI века в таком направлении, как новая искренность [19]. Пафос новой искренности заключается в призыве к более человечному отношению людей друг к другу, в смелости позволить себе быть наивным, сентиментальным и сочувствующим; в коммуникации ради нее самой, а не для накопления социального капитала. Литература и кино — ситуации "новой искренности" — призваны преодолеть постмодернистскую иронию и насмешку, вернуться к серьезности в переживании волнующих человека вопросов, к ценности любви и дружбы с признанием эмоциональной уязвимости друг перед другом. Литературные сюжеты эпохи новой искренности акцентируются на повседневности, на бытовых проблемах, заботах и переживаниях, знакомых и близких каждому; фокус внимания направлен на простоту, доброту, наивность и детскость.

В чувствительности новой искренности разделяемая уязвимость находит свое культурное воплощение, обнажающее общность хрупкости каждого отдельного пользователя сети. Парадигма новой искренности превозносит поиск подлинности в современном мире и способствует признанию других через открытость в высказывании собственных тревог и проблем. Взаимная прозрачность и "выставленность" собственных переживаний друг другу составляет основу "бытия-вместе", образуя сообщество, не замкнутое в границах своей эхо-камеры, а основанное на признании внутренней неполноты и уязвимости каждого участника, которую он разделяет с другими независимо от конкретных взглядов. Отказ от цинизма в пользу искренности, хоть и сопряжен с риском, является необходимым условием для процесса мондиализации, совместного созидания мира, предполагающего несение ответственности перед другими.

Чувствительность новой искренности в сочетании с перформансом как способом утверждения себя в глобальной сети становится практическим способом реализации выявленных оснований для признания других пользователей. Перформанс — это среда, где сингулярности соприкасаются через соучастие и через разделяемые сетевые практики; это пространство, которое становится "инструментом для обсуждения актуальных вопросов и тем, которые волнуют общество, отражая многообразие мнений и культур" [5, с. 83]. Через перформанс происходит обращение "к глобальным темам, таким как политика, экология, личные истории" и создаются произведения, которые "находят отклик у многих и побуждают к действию или размышлениям о самых широких аспектах человеческого существования" [Там же]. Чувствительность новой искренности же усиливает этот эффект и делает такую коммуникацию морально значимой, позволяя говорить о чувствах откровенно, акцентируя внимание на сопереживании друг другу, и обращаться в перформансе к волнующим широкие массы пользователей темам. При этом процесс перформанса, сопровождаемый искренностью и открытостью, помогает признать других пользователей сети без их унификации в жестко фиксированных мировоззренческих рамках. Перформанс, основанный на общей уязвимости перед лицом какой-либо проблемы, не превращается в эхо-камеру, поскольку он принципиально ситуативен, возникая вокруг конкретной темы или события, волнующего людей и привлекающего их внимание. Такое ситуативное сообщество близко к идеалу "неописуемого" сообщества М. Бланшо, которое внезапно появляется как временное единение и "распадается так же случайно, как и создается", препятствуя своей понятийной фиксации [3]. Живое же и искреннее обсуждение волнующих событий ведет к диссенсусу в противоположность консенсусу, характерному для эхо-камер; к плюрализму мнений, взглядов и культурных форм, сохраняющему многообразие пользователей как единичностей, разделяющих при

этом обязательства друг перед другом как перед участниками дискуссии.

Заключение

Признание другого в его инаковости как морально значимое отношение к пользователям с иными взглядами оказывается критически важным для раскрытия полифоничности культуры цифрового общества через преодоление унифицирующего воздействия процессов глобализации и изоляции цифровых эхо-камер, существующих в своем информационном пузыре и отвергающих все за его пределами. Основаниями же для сообщества интегративного, которое было бы толерантно к любым мнениям и было бы способно признать любых пользователей в качестве своих участников, не могут быть субстанциональные признаки, общая неизменная идентичность, ограничивающая уникальность и единичность человека. Основания для существования такого сообщества определяются спецификой общности совместного бытия в сети и лежат в плоскости разделяемых действий и активностей, а также разделяемой уязвимости перед институтами цифрового общества, общей независимо от принадлежности к конкретной группе. Обнаруживаться же эти основания могут в перформансе как в ситуативном коммуникационном пространстве, объединяющем людей разных мнений вокруг какой-либо проблемы или идеи. Перформанс же как сам принцип существования глобальной сети должен дополняться чувствительностью новой искренности, способствующей обретению цифровой близости и признанию ценности других через открытость к серьезному откровенному диалогу о волнующих человека проблемах, предлагая пройти путь от признания уязвимости собственной до признания уязвимости разделяемой.

Безусловно, предложенная модель сообщества не является исчерпывающей, в рамках работы были определены лишь фундаментальные принципы взаимодействия в глобальной сети, необходимые для достижения взаимного признания, являющегося определяющим требованием для несения ответственности друг перед другом. Границы и условия практической реализации выведенных положений требуют доработок и уточнений. Другим направлением дальнейших исследований также может стать пристальное изучение роли технических интерфейсов, опосредующих виртуальную коммуникацию, как посредников в формировании сетевого сообщества.

Литература:

1. Агамбен Дж. Грядущее сообщество / Дж. Агамбен; пер. с ит. Дм. Новикова. — М.: Три квадрата, 2008. –144 с.
2. Бажанов В.А. Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» / В.А. Баженов // Философский журнал / Philosophy Journal. — 2022. — Т. 15, №4. — С. 152–164.
3. Бланшо М. Неописуемое сообщество / М. Бланшо; пер. с фр. Ю. Стефанова. — М.: Московский философский фонд, 1998. –78 с.
4. Докучаев И.И. Перформативная сущность сетевой культуры и искусства. Опыт типологического анализа / И.И. Докучаев // Международный журнал исследований культуры. — 2024. — №2(55). — С. 6–16.
5. Крестиненко Н.В. Виды перфоманса в сетевой культуре / Н.В. Крестиненко // Личность. Культура. Общество. — 2025. — Т. 27, №2. — С. 78–83.
6. Лазинина Е.В. Коммуникативная компетенция в условиях цифровизации как характеристика субъекта цифрового общества / Е.В. Лазинина // Современные исследования социальных проблем. — 2022. — Т. 14, №. 1. — С. 64–80.
7. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне / Маршалл Маклюэн, Квентин Фиоре; пер. с англ. И. Летберга. — М.: АСТ: Астрель, 2012. — 219 с.
8. Морозова О.Н. Особенности Интернет-коммуникации: определение и свойства / О.Н. Морозова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2010. — №5. — С. 150–157.
9. Нанси Ж.-Л. Дистинкты образа / перевод и вс. сл. М.А. Григорьевой // KANT: Social science & Humanities. — 2025. — №2(22). — С. 2-8. EDN: BHLCDE. DOI: 10.24923/2305-8757.2025-22.1
10. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное и множественное / Ж.-Л. Нанси; пер. с фр. В.В. Фурс под ред. Т.В. Щитцовой. — Минск: Логвинов, 2004. — 272 с.
11. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное / Ж.-Л. Нанси; пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. — М.: Водолей, 2011. — 208 с.
12. Родосский Н.А. Постправда или фейк: проблема истины в социальных медиа / Н.А. Родосский. — СПб.: Владимир Даль, 2023. — 303 с.
13. Срничек Н. Капитализм платформ / Н. Срничек; пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 128 с.
14. Стенограмма интервью с Жан-Люком Нанси. О пустыне смыслов, анонимных ритмах и пульсации чужого сердца / предисл. к переводной версии М.А. Григорьевой // KANT: Social science & Humanities. — 2024. — №4(20). — С. 88-94. EDN: LMZQVS. DOI: 10.24923/2305-8757.2024-20.12

15. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / Б.-Ч. Хан; пер. с нем. А. Салина — М.: Издательство АСТ, 2023. — 160 с.
16. Якимова Е.В. Сетевая близость и цифровая дружба: специфика и трансформация межличностной коммуникации в эпоху позднего модерна. (Обзор) / Е.В. Якимова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. — 2021. — №4. — С. 15–30.
17. Bird G., Short J. Community, Immunity, and the Proper an introduction to the political theory of Roberto Esposito / G. Bird and J. Short // Angelaki. — 2013. — Vol. 18. — №. 3. — P. 1–12.
18. Meurs P. This world without another. On Jean-Luc Nancy and la mondialisation / P. Meurs, N. Note, D. Aerts // Journal of Critical Globalisation Studies. — 2009. — №1. — P. 31–46.
19. Sokolov A., Shabrova P. New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space // 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities-Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020). — Atlantis Press, 2020. — P. 191–196.

FROM A MODERNIST SPACE TO A POSTMODERN CITY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF URBAN SUBJECTIVITY

Sukhovskaya Darya Nikolaevna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Historical, Social and Philosophical Sciences, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk (Russia)*

The article examines a decisive turn in the modern philosophy of the city from understanding space as a neutral geometric background to understanding it as a living, meaningful environment shaped by bodily experience, everyday practices and affects. The relevance of the research is due to the revision of outdated modernist ideas about the city and the need for a new approach that takes into account the subjective experience of urban space. The aim of the work is to analyze the key philosophical and urban approaches that conceptualize this transformation — from phenomenology and critical theory to affective urbanism and the concepts of multiple "cities". Attention is focused on how these approaches shift the focus from the abstract "container" model of space to the experience and construction of the city by its inhabitants. The methodological basis of the research consists of the concepts of social production of A. Lefebvre's space, M. de Certeau's place of residence, and the imagery of the city. Lynch, the affective atmosphere in new urban theories. This interdisciplinary theoretical approach allows us to identify common features of various concepts. The scientific novelty of the work lies in the synthesis of diverse ideas to substantiate a new paradigm of urban subjectivity. As a result, it is shown that urban space is a dynamic field of multiple interactions and meanings, rather than a static object. It is constantly produced by the joint activity of people, their perception and emotional and sensory experience. The common features of the new approaches are revealed: recognition of the multiplicity of spatial experiences, the event-driven nature of urban life, the importance of everyday practices and atmospheres in shaping the environment. It is concluded that it is necessary to revise the principles of urban planning theory and practice, taking into account urban subjectivity.

Keywords: *urban space; urban subjectivity; phenomenology of space; affective urbanism; urban atmosphere; everyday practices; creative spaces; smart city; social production of space.*

EDN: DYBMPI ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.18***

Цитировать: *Суховская Д.Н. От модернистского пространства к постмодернистскому городу: философский анализ городской субъектности // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 116-121. EDN: DYBMPI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.18*

УДК 130.2
5.7.7

© Суховская Д.Н., 2026

От модернистского пространства к постмодернистскому городу: философский анализ городской субъектности

В статье рассматривается поворот в современной философии города от понимания пространства как нейтрального геометрического фона к его осмыслению как живой, наполненной смыслами среды, формируемой телесным опытом, повседневными практиками и аффектами. Актуальность исследования обусловлена пересмотром устаревших модернистских представлений о городе и необходимостью нового подхода, учитывающего субъектный опыт городского пространства. Целью исследования является анализ ключевых философских и урбанистических подходов, осмысливающих эту трансформацию, от феноменологии и критической теории до аффективной урбанистики и концепций множественных «городов». Внимание сосредоточено на том, как эти подходы смещают фокус от абстрактной «контейнерной» модели пространства к переживанию и конструированию города его обитателями. Методологическую основу исследования составляют концепции социального производства пространства А. Лефевра, проживаемого места М. де Серто, образности города К. Линча, аффективной атмосферы в новых урбанистических теориях. Такой междисциплинарный теоретический подход позволяет выявить общие черты различных концепций. Научная новизна работы заключается в синтезе разнородных идей для обоснования новой парадигмы городской субъектности. В результате показано, что городское пространство представляет собой динамическое поле множественных взаимодействий и смыслов,

а не статичный объект. Оно постоянно продуцируется совместной деятельностью людей, их восприятием и эмоционально-чувственным опытом. Выявлены общие черты новых подходов: признание множественности пространственных опытов, событийного характера городской жизни, значимости повседневных практик и атмосфер в формировании среды. Сделан вывод о необходимости пересмотра принципов градостроительной теории и практики с учётом городской субъектности.

Ключевые слова: *городское пространство; городская субъектность; феноменология пространства; аффективная урбанистика; городская атмосфера; повседневные практики; креативные пространства; умный город; социальное производство пространства.*

СУХОВСКАЯ Дарья Николаевна, *кандидат философских наук, доцент кафедры исторических, социально-философских наук, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный университет, Пятигорск (Россия)*
SPIN-код: 8633-1318
ORCID: 0000-0002-9749-9367
ResearcherID: E-1246-2017

В современной философии города наметился поворот от представления пространства как нейтрального и геометрически фиксированного фона к пониманию его как живой, насыщенной смыслом среды, формируемой телесным опытом, практиками и аффектами.

Современные географы и философы, продолжая эту линию, подчёркивают множественность и текучесть городских пространств. Н. Трифт в своих работах настаивает на необходимости радикально переосмыслить пространство города. По его мнению, вместо единой «ньютоновской сетки» в городской среде существует множество пересекающихся пространств-времен, соотносящихся с разными способами передвижения и технологическими практиками [23, с. 56]. Например, пешеход, возвращающийся домой от работы по оживленной улице, воспринимает пространство иначе, чем пассажир, едущий этим же маршрутом на метро: хотя географическая «кадастровая» сетка та же, субъективные координаты рассогласованы. Н. Трифт резюмирует: «Вместо одного пространства-времени мы породим столько пространств и времён, сколько типов отношений существует между объектами» [23, с. 57], это значит, что каждая динамика и контекст движения порождает собственную картину города. Соответственно, город предстает как конгломерат параллельных «миров» опыта, которые мы переживаем одновременно: пульс толпы переплетается с ритмами транспорта, онлайн-стримы смешиваются с уличными звуками. Сам факт изменения темпа движения (например, появление перегрузок на улице из-за ремонтных работ) мгновенно изменяет воспринимаемое «пространство»: вечный перекрёсток под текущим дождём глазами водителя — это иное пространство, чем тот же перекрёсток под звёздным небом глазами пешехода.

Кроме того, новые парадигмы подчёркивают событийную природу города. Если раньше планировщики старались заранее просчитать все функции улиц, то сегодня внимание смещается на сам процесс возникновения событий. Карнавал, уличный фестиваль, внезапная театральная акция или скейт-паркур — каждый из этих случаев на время превращает город в особую «сцену», задаёт необычные маршруты и новые формы взаимодействия. Эти события «выглаживают» жёсткую планировку и привносят недетерминированность: сеть улиц начинает играть роль фона, на котором люди сами создают смыслы [8, с. 234]. Реконструкция «старого города» с учётом фестивалей и перформансов считается более удачной в урбанистике XXI века, чем статичные схемы зонирования [6, с. 171].

Таким образом, современные авторы рассматривают город не как зрительский зал для заранее спроектированных карт, а как площадку для живых действий, где пространство постоянно конструируется через практику, а не только через проекционные чертежи.

Важное значение получает и аффективная составляющая городской среды. Городские исследователи вводят понятие атмосферы — свода невидимых эмоций и предощущений, пронизывающих пространство и влияющих на самочувствие людей. Атмосфера выступает как фоновая «погода духа», в которой мы пребываем раньше, чем осознано воспринимаем город [4, с. 67]. Учёные уточняют, что существуют два уровня такого опыта: амбьянс (ambiance) — совокупность явных сенсорных

стимулов (цвета, звуки, запахи), и аффективная атмосфера — скрытый, телесный слой настроений [10, с. 196]. В исследованиях подчёркивается, что амбьянс акцентирует внимание на перцептивном, осознанном восприятии, тогда как аффективная атмосфера — на доосознаваемом, телесно-пространственном опыте. Например, заход в пустынную длинную подземку может невольно вызвать тревогу у пешехода, ещё до того как он увидит чёрный туннель: непрямое ощущение «опасности» передаётся средой без слов. Или сонный центральный парк может наполнить путника умиротворением благодаря мягкому тёплому свету, приглушённым звукам и свежему аромату трав, эти явления не описываются градостроительными формулами, но задают неписаную архитектуру настроения [2, с. 89]. Отмечено, что именно такая пререфлексивная атмосфера задаёт тон городской повседневности: влияет на маршруты (например, люди в праздничном настроении чаще останавливаются пофотографироваться у уличной живописи) и на социальное поведение (например, спокойный фон понижает агрессию водителей и прохожих) [3, с. 101]. Повышенное внимание к этим тонким эффектам привело к появлению аффективного словаря в урбанистике (например, «теплые» улицы, «мрачные» переулки), описывающего субъективный опыт места [1, с. 13].

Одним из столпов новой урбанистической теории стала концепция «*vibrant matter*» («оживлённой материи») Дж. Беннетт. Она доказывает, что окружающие города объекты и силы проявляют собственную активную силу вне рамок человеческой воли [17, с. 20]. Аппараты, здания, шторы, почтовые урны, сами по себе — это носители аффекта, которые «эффектируют» пространство. Дж. Беннетт призывает увидеть, что даже травинка на тротуаре или холодная поверхность бетонной стенки могут вызывать интенсивные переживания у прохожих. По её словам, мысль о «мертвой материи» подпитывает человеческую гордыню и разрушительные фантазии покорения природы. Применительно к городу это означает, что технократические «мертвецы» (промышленные зоны, офисные коробки) способны оживить восприятие пространства, дав ему другую форму, например, зелёную крышу или интерактивную арт-инсталляцию [14, с. 261]. Политический же вынос этой мысли прост: если перестать видеть город как неживой объект управления, а начать признавать влияние материалов и сред, откроются пути к более экологичному и уважительному проектированию. В урбанистике XXI века это важно: города и изменения климата тесно связаны, и ослабляя «мертвые» связи с природой, мы вынуждены терпеть катастрофы. Дж. Беннетт предлагает переосмыслить эти связи, видеть, что городская «глина» может сопротивляться и творить вместе с нами, а не просто подчиняться.

Современные подходы подчёркивают также множественность городских субъектов и их стратегий. Любой город состоит из разнородных «я»: мигранты и коренные жители, бизнесмены и художники, подростки и пенсионеры одновременно проживают одно и то же пространство, но имеют разные потребности и границы допустимого [7, с. 103]. Например, учебные корпуса университетов задают одни маршруты велосипедистам, но для матери с коляской они могут стать препятствием [11, с. 268]; пешеходный мост для селфи может быть «местом силы» для жителей, а для автомобилиста — просто дорожной проблемой.

В этой парадигме особое внимание уделяется повседневным практикам и микрополитикам. Город — это не только политические площади и магистрали, но и сотни незаметных микротроп: магазинов, лавочек, придомовых скверов, где происходят ежедневные ритуалы. Исследователи отмечают, что даже простой маршрут в детский сад или прогулка с собакой конструируют слой городской среды, недоступный архитекторам или управленцам [9]. Эти микродействия интерпретируются как формы сопротивления или утверждения в быту: раскрашенная детскими мелками лавочка превращается в неписаное место встречи, спонтанная уличная уборка — в микрополитику честности и ответственности. Антропологи и географы М.О. Пискунов [12, с. 217], Н.Л. Пушкарева [5], Т.Н. Раков [13, с. 31] говорят о «микрополитике» пространства: идеях и тактиках, которые возникают не из больших идеологий, а из непосредственного взаимодействия людей с местом [15, с. 66]. С этой точки зрения агональные пространства (по Ш. Муфф и другим теоретикам) — это те самые улицы и площадки, где честный

спор и конфликт значений неизбежен [18, с. 80]. Магистрали превращаются в арены перформансов протестов, а детские площадки становятся пространством солидарности, где передаются жизненные навыки. В результате город видят как поле жёстких, но продуктивных столкновений интересов, а не только как узор для решения инженеров. Появление сетевых технологий усиливает эти тренды: любое общественное пространство может стать точкой коллективного внимания через трансляцию в Интернет.

В качестве примеров «субъектно-ориентированных» преобразований городского пространства часто приводят известные проекты. «*High Line*» в Нью-Йорке, бывшая грузовая эстакада, превращён в общественный парк. Теперь это не просто железнодорожный пролёт, а череда зон с разными функциональными и аффективными нагрузками: здесь выстроены площадки для культурных событий, инсталляций и прогулок. Ранее безжизненный бетон обрёл жизнь через акции и фестивали — люди превратили еду, звуки и искусство в часть городского пейзажа [22]. Подобным образом зону «*Carlsberg City*» в Копенгагене, где стоял одноимённый завод, проектируют с учётом событийного использования: от летних концертов до творческих мастерских. В обоих случаях дизайн пространства направлен на формирование определённой атмосферы и образа жизни, их называют практиками «аффективной урбанистики». Эти примеры показывают, что нематериальные эффекты (вовлечённость людей, психологический комфорт) стали частью экономического потенциала: оживление пространства привлекает инвестиции и туристов, создавая замкнутую цепочку обратной связи между атмосферой и развитием территории [22].

К. Самсон описывает весь этот подход как «аффективный урбанизм»: архитекторы и градостроители выступают здесь не столько инженерами, сколько режиссёрами опыта. «Городской дизайн всё чаще используется как материальная и аффективная стратегия для постановки сцены, для манипуляции и производства городской жизни», — пишет исследователь [22]. Иными словами, планировщики создают не просто здания и улицы, а целые «сцены», маршруты и ситуации, которые призваны вызвать определённые чувства. Именно этот сдвиг отражает принцип, что среда сама по себе становится активным участником опыта: лавочки устроены так, чтобы объединять людей в разговоры, фонари, чтобы укрывать тишиной, а дорожная геометрия, чтобы возбуждать любопытство. По мнению К. Самсон, новые градостроительные практики «хореографируют» городские потоки, программируют вовлечение и игру. Н. Трифт называет такие процессы «политикой аффекта»: в них внешняя форма города служит передатчиком политических и культурных смыслов, связывая экономические и социальные отношения с тем, как люди чувствуют этот город [23, с. 179].

Таким образом, прежняя модель «абстрактного» города модерна всё более уходит на задний план, уступая место анализу города как живой, субъективно насыщенной среды. По этим концепциям город — это прежде всего сеть отношений и переживаний, а не просто территория. Представление о полисе как пространстве проявления возвращается и развивается: в центре внимания — не проект города «для абстрактного гражданина», а реальные люди со своими историями. Город описывается как субъект-субъектное поле: он возникает и трансформируется через встречи, конфликты и творческие акты индивидов и групп. В работах Ж.-Л. Нанси город можно представить как «сообщество присутствия»: здесь пространство существует только как «между нами», а не отдельно [19, с. 36]. Границы города — это одновременно и объединение, и разделение: мы соучастны в его ткани, и каждый приносит свою «концовку» ко всему полотну. С этой точки зрения подлинное освоение пространства происходит через со-жительство и взаимопризнание, а не через манипуляцию абстракциями.

Подходы, основанные на понятиях неокибернетики и умных городов, фокусируются на функционировании города как адаптивной системы. Трафик, городской климат, данные датчиков, всё входит в обратную связь с саморегуляцией. Город становится подобием нервной системы: например, «умные» светофоры реагируют на плотность пешеходов, а службы такси перенастраиваются по статистике вызовов [20]. В такой модели город распадается на сотни микросетей, ко-

торые постоянно обмениваются информацией. Это стирает традиционные разделения «частный — публичный»: личные мобильные устройства через приложения влияют на общие потоки движения, а происходящее в офлайне транслируется онлайн, становясь частью городского цифрового тела [16, с. 101]. Концепция урбано-антропоцена подчёркивает, что даже естественные процессы (изменение климата, биоразнообразие) тесно связаны с городским образом жизни. Города и погода рассматриваются уже как единый гибрид: например, «острова тепла» городов влияют на местные биосистемы, а сокращение зелёных зон меняет осадки и ветер. В этой перспективе урбанизм — это не только борьба за пространство, но и за право на будущее биосферы [21, с. 26].

Подытоживая, в новой философии города субъект и пространство сливаются в единую ткань. Современный город — это поле множественных тел и чутких объектов, сопряжённых через эмоции и практики. Само понятие «карты» дополняется понятиями эмпатии и внимания: важнее не формальные координаты, а то, как мы их переживаем. Задача анализа — раскрыть скрытые слои опыта: от повседневных маршрутов до коллективных хоров памяти. Именно эта перспектива обогащает понимание города: оно перестаёт быть схемой, а превращается в микрокосм человеческого мира, где каждый уголок наполнен личной историей и чувством. Такой подход раскрывает городскую субъектность как многосложный феномен, в центре которого — не абстрактная геометрия, а телесное, аффективное и событийное переживание городской жизни.

Таким образом, рассмотренные философские подходы свидетельствуют, что прежняя модель абстрактного, геометрически фиксированного города уступает место пониманию города как живой, субъективно насыщенной среды. Современный город предстаёт как сеть множественных тел, объектов и отношений, связанных через эмоции, восприятие и практики. Формальная карта дополняется «картой» эмпатии и внимания: важны не столько координаты пространства, сколько то, как оно переживается обитателями. Город оказывается микрокосмом человеческого мира, где каждый уголок наполнен личными историями и чувствами, а пространство существует только в совместном проживании и взаимодействии.

В свете этого сдвига усиливается акцент на «праве на город» и человеко-ориентированном проектировании. Признание городской субъектности подразумевает переосмысление урбанистической политики: вместо унифицированных решений «сверху» востребованы подходы, учитывающие множественность голосов и опытов. Новые технологии и концепция антропоцена также вписываются в эту парадигму, стирая границы между человеком, городом и природой, и требуют экологически чуткого отношения к городской среде. В целом, переход от модернистского к постмодернистскому видению города раскрывает его как сложный многосубъектный феномен, где пространство и субъект неразделимы, что открывает новые горизонты для философии и практики города.

Литература:

1. Барсукова Н.И. Визуальные и тактильные переживания дизайна городской среды / Н.И. Барсукова // Modern Science. — 2022. — №1-1. — С. 13-18.
2. Воличенко О. Иммерсивные практики в пространстве современного парка / О. Воличенко, Т. Цурик // Проект Байкал. — 2024. — Т. 21, № 80. — С. 89-95.
3. Горшенин М.Л. Изучение атмосферы городского пространства: теоретико-методологический подход / М.Л. Горшенин, Ю.Р. Хайруллин // Безопасность человека и устойчивое развитие общества перед вызовами глобальных трансформаций: сб. ст. Международной междисциплинарной научной конференции. — Йошкар-Ола, 2023. — С. 101-104.
4. Гулеватая А.Н. Философская прогулка: из античности в современность / А.Н. Гулеватая, Е.Г. Миляева, Р.В. Пеннер, С.А. Сулейманова // Социум и власть. — 2020. — №6(86). — С. 67-78.
5. Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века): науч.-иссл. работа / рук. Н.Л. Пушкарева; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: РАН, 2022–2023.
6. Задворянская Т.И. Феномен атмосферы пространства: ключи к пониманию города / Т.И. Задворянская // Перспективы науки. — 2021. — №5(140). — С. 171-176.
7. Каримова И.С. Репрезентация территориальной идентичности города в дизайне среды / И.С. Каримова // Общество: философия, история, культура. — 2023. — №2(106). — С. 103-108.
8. Козловский М.Е. Город в предметном пространстве социально-гуманитарного знания: исторические и современные аспекты исследования / М.Е. Козловский // Вестник Южно-Российского го-

сударственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2023. — Т. 16, №1. — С. 234-242.
9. Корандей Ф.С. Как создаются городские места: этнография современных проектировочных практик: отчет по НИР / грант № 25-28-00789 / Ф.С. Корандей. — Российский научный фонд, 2025.
10. Мазаева М.М. Атмосфера и амбьянс: концептуальное различение понятий / М.М. Мазаева // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — №3. — С. 196-198.
11. Петренко В.В. Университетский нарратив в структуре современного города и городская идентичность / В.В. Петренко // Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации: программа, тезисы докладов. — М., 2024. — С. 268.
12. Пискунов М.О. Микрополитика позднесоветского завода: общее «своеволие» и борьба за дисциплину труда (случай Выборгского целлюлозно-бумажного завода 1982–1985 годов) / М.О. Пискунов // Журнал исследования социальной политики. — 2017. — № 15 (2). — С. 217-234.
13. Пискунов М.О. Позднесоветские субботники: от продуктивистской утопии к ритуалам политической лояльности / М.О. Пискунов, Т.Н. Раков // Вестник Томского государственного университета. История. — 2021. — №73. — С. 31-40.
14. Сосна Н.Н. Практики «удерживания себя» в постантропологических условиях: проект Дж. Беннетт / Н.Н. Сосна // Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов и др. — М.: Институт философии РАН, 2024. — С. 261-271.
15. Янишевский О.Б. Реформа городской маршрутной сети как катализатор социальных процессов / О.Б. Янишевский // Интеракция. Интервью. Интерпретация. — 2022. — Т. 14, №2. — С. 66-79.
16. Anderson B. For a cooperative "smart" city yet to come: Place-based knowledge & commons / B. Anderson, M. Brynskov, P. Dalsgaard et al. // Urban Planning. — 2023. — Vol. 8, №2. — P. 101-103.
17. Bennett J. Vibrant Matter: A Political Ecology of Things. — Durham, NC; London: Duke University Press, 2010. — 145 p.
18. Mouffe C. The Democratic Paradox. — London; New York: Verso, 2000. — 132 p.
19. Nancy J.-L. The City in the Distance. — Fordham University Press, 2024. — 312 p.
20. Rito P. Aveiro Tech City Living Lab: A communication, sensing and computing platform for city environments / P. Rito, P. Loureiro, R. Matos et al. // arXiv preprint. — 2022. — arXiv:2207.12200. –https://doi.org/10.48550/arXiv.2207.12200
21. Russo A. Towards Nature Positive Smart Cities: Bridging the Gap Between Technology and Ecology // Smart Cities. — 2025. — Vol. 8, №1. — P. 26.
22. Samson K. Affective Urbanism: The politics of affect in recent urban design / Kristine Samson. — Paper presented at Designing and Transforming Capitalism, Aarhus, Denmark, February 9–10, 2012. — Roskilde University.
23. Thrift N. Non Representational Theory: Space, Politics, Affect / Nigel Thrift. — London: Routledge, 2008. — 336 p.

VISUAL AUTOBIOGRAPHY: PERFORMANCE OF EVERYDAY LIFE

Terekhova Elena Sergeevna, *Undergraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (Russia)*

The article examines the phenomenon of visual autobiography as a new form of self-description that has emerged in the digital age. Drawing on the concepts of S. Turkle (multiple identity), I. Goffman (dramaturgical sociology), R. Barthes (death of the author), P. de Man (autobiography as de-facement), and J. Baudrillard (simulacrum), the author analyzes the key characteristics of visual autobiography: the absence of reflection, the disruption of temporal coherence, the changing role of the audience, and algorithmic co-authorship. Special attention is paid to the phenomenon of «identity glitch» — a state that occurs when access to the media space is lost, when the visual self becomes «frozen». It is concluded that visual autobiography is not just a technical innovation but an anthropological shift: a transition from the reflective self to the performative self, from a life that is lived to a life that is shown.

Keywords: *visual autobiography; performance of everyday life; everyday life; digital identity; identity; multiple self; death of the author; algorithmic co-authorship; simulacrum; philosophical anthropology.*

EDN: FYTAQM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.19***

Цитировать: *Терехова Е.С. Визуальная автобиография: перформанс повседневности // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 122-127. EDN: DYBMPI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.19*

УДК 141.319.8
5.7.8

© Терехова Е.С., 2026

Визуальная автобиография: перформанс повседневности

В статье исследуется феномен визуальной автобиографии — новой формы самоописания, возникшей в цифровую эпоху. На основе концепций Ш. Тёркл (множественная идентичность), И. Гофмана (драматургическая социология), Р. Барта (смерть автора), П. де Мана (автобиография как обезличивание) и Ж. Бодрийяра (симулякр) анализируются ключевые характеристики визуальной автобиографии: отсутствие рефлексии, разрыв временной связности, изменение роли аудитории, алгоритмическое соавторство. Особое внимание уделяется феномену «глитча идентичности» — состоянию, возникающему при потере доступа к медиапространству, когда визуальное «я» оказывается «замороженным». Делается вывод, что визуальная автобиография представляет собой не просто техническую инновацию, а антропологический сдвиг: переход от рефлексивного «я» к перформативному, от жизни, которую проживают, к жизни, которую показывают.

Ключевые слова: *визуальная автобиография; перформанс повседневности; повседневность; цифровая идентичность; идентичность; множественное «я»; смерть автора; алгоритмическое соавторство; симулякр; философская антропология.*

ТЕРЕХОВА Елена Сергеевна, *магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург (Россия)*
SPIN-код: 7299-2720
ORCID ID: 0009-0002-5810-2846

Введение

Современная цифровая культура отличается новыми формами самоописания, непохожими на классическую автобиографическую традицию. В своей повседневности миллионы людей фиксируют свою жизнь через короткие видеоролики, фотографии, истории (сторис) — не столько рассказывая о себе, сколько демонстрируя себя. Всё многообразие визуальной информации о человеке представляет собой ленту социальной сети, где каждый пользователь ведёт своеобразный «визуальный дневник», где запечатлевает завтраки, посещенные места, одежду, прочитанные книги — всё это становится знаками идентичности. Подобный феномен можно обозначить как «визуальная автобиография» — новый жанр самоописания, в котором традиционная рефлексия уступает место перформансу, а текст замещается образом.

Проблема исследования в том, что классические теории автобиографии (Ф. Лежён, Ж. Гусдорф, П. де Ман), ориентированные на текстовые и нарративные формы, не могут

описать практики визуальной самопрезентации в цифровой среде [5; 9; 8]. Трансформация жанра требует нового концептуального аппарата, учитывающего как изменение медиума, так и изменение самого субъекта — человека, который конструирует свою идентичность через визуальные образы, ориентируясь на реакции аудитории и логику алгоритмов. Соответственно, цель данного исследования — проанализировать феномен «визуальной автобиографии» как новой формы самоописания и показать, что она представляет собой не только смену технических средств фиксации жизни, а глубинное антропологическое преобразование, где мы отходим от рефлексивного «я» к перформативному, от временной связанности к самопрезентации в «сейчас-моменте», от авторства к алгоритмическому соавторству.

Теоретическую основу исследования составляют концепции множественной идентичности Ш. Тёркл [11; 10], драматургическая социология И. Гофмана [3], теория «смерти автора» Р. Барта [1] и концепция симулякра Ж. Бодрийяра [2], а также работа П. де Мана об автобиографии как обезличивании [8]. Методологически работа строится на сочетании культурологического, философско-антропологическому и семиотического подходов.

Традиционная автобиография

Вопрос о происхождении автобиографического жанра остаётся дискуссионным. Ряд исследователей, в частности Ж. Гусдорф, возводят точку отсчёта к «Исповеди» Августина Блаженного (IV в.), видя в ней первую развёрнутую рефлексивную нарративную структуру самоописания [9, p. 15–20]. С другой стороны, например, Ф. Лежён настаивает, на более позднем возникновении жанра, связывая его с эпохой Просвещения и творчеством Ж.-Ж. Руссо, чья «Исповедь» (1782–1789) задала канон светской автобиографии [5, с. 26–30]. Тем не менее, независимо от точки зрения на генезис, выделяется ряд устойчивых признаков классической автобиографии. Ф. Лежёном автобиография определяется как: «ретроспективный прозаический рассказ реального человека о собственной жизни, в котором внимание акцентируется на истории его личности» [5, с. 26]. Исходя из данного определения, можно выявить следующие ключевые позиции:

1. Автобиография предполагает не только перечисление событий жизни, а их осмысление, оценку, установление связей между прошлым и настоящим — это делает её *рефлексивной*. Как отмечает П. де Ман, автобиографический дискурс строится на дистанции между *narrating self* (рассказывающим «я») и *narrated self* (рассказанным «я») [8, p. 68–70].

2. Жизнь повествуется как история, у которой есть начало, середина и конец, за счёт этого события выстраиваются в хронологическую последовательность, причинно-следственные связи становятся видимыми, выделяется самое ключевое и существенное. Это свидетельствует о *нарративности* автобиографии.

3. В данном жанре также присутствует автор, который организует материал, задаёт точку зрения, делится оценками того или иного события. Читатель имеет дело не с буквальной жизнью («как она есть»), а с её интерпретацией. Мы видим её через призму определённого субъекта, поэтому здесь будет важно *авторство*.

4. Классическая автобиография подводит итог определённому эпизоду, жизненному этапу или целой жизни, что говорит о *завершённости*. Рассказ не продолжается после того, как автор ставит точку.

Описанные черты очень важны для понимания сущности классической автобиографии, однако не все они находят отражение в её современном визуальном варианте. Рассмотрим каждую черту через призму цифровой эпохи.

Визуальная автобиография

Визуальная автобиография возникает на пересечении двух процессов: демократизации средств производства визуальности (каждый человек с телефоном может снимать и публиковать информацию о своей жизни) и трансформации идентичности в цифровой среде. Ш. Тёркл в своей работе «*Life on the Screen Identity in the Age of the Internet*» (1995) показала, что цифровые среды позволяют человеку создавать множественные версии самого себя [11, p.178]. Может сильно отличаться наше позиционирование в «настоящей» жизни, в виртуальной среде, более того, в каждой социальной сети мы можем конструировать новый образ «я». Позже в книге «*Alone Together*» (2011), был описан парадокс гиперсвязанно-

сти и эмоциональной изоляции, ставший нормой цифрового общения [10, p. 19-21]. Это возможно, например, когда вы находитесь с человеком на культурном мероприятии, но один из вас не включён в события настоящего, а стремится продемонстрировать их в своей виртуальной среде, избегая живого контакта и осмысления происходящего.

Исходя из возможностей современной цифровой среды, предложим ключевые формы визуальной автобиографии: 1) *влог* (видеоблог) — регулярные видеодневники, в которых автор фиксирует события своей жизни, иногда с элементами рефлексии (исследования цифровой культуры определяют влог как «визуальный дневник, где камера выступает в роли доверенного лица» [6, с. 45]); 2) *сторис* (истории) — короткие (до 15-60 секунд) видео или фото, которые исчезают через 24 часа, они также создают эффект сиюминутности, «живого» контакта с аудиторией; 3) *клипы* (*reels, shorts, clips*) — короткие вертикальные видео (до 60-90 секунд) под музыкальное сопровождение, которые распространяются через алгоритмические ленты (в отличие от стори они не исчезают и могут становиться виральными, также ориентированы на повторяемость трендов); 4) *лента постов* — непрерывная последовательность изображений и текстов, формирующая долгосрочный визуальный нарратив.

В чем же заключается различие между традиционными представлениями об автобиографии и современным взглядом, где она видоизменяется и приобретает визуальность? Для начала стоит отметить, что в первом варианте автор интерпретирует свою жизнь, осмысливает события прошедшего и выстраивает их в связный нарратив. В современном же виде — автобиография презентует жизнь человека. Как отмечает Т.В. Семёновских, в условиях цифровой среды доминирует клиповое мышление, характеризующееся фрагментарностью и поверхностностью усвоения [6, с. 118]. Рефлексия подменяется эстетизацией.

Также происходит разрыв временной связанности. В традиционном формате автор мог выстраивать события в совокупность зависимых друг от друга эпизодов, которые имели бы логику и смысл. Лента социальных сетей не отличается последовательностью повествования, здесь происходит монтаж фрагментов, выделение самого яркого и значимого. Время перестаёт быть линейным, оно становится набором изолированных «сейчас-моментов».

М. Хайдеггер в «Бытии и времени» различал подлинное время (экзистенциальное, целостное) и неподлинное — как бесконечную последовательность «сейчас-моментов» [7, с. 42-43]. Визуальная автобиография как раз-таки усиливает неподлинное время, человеческая жизнь распадается на разрозненные фрагменты, клипы, из-за этого теряется ощущение единой биографии.

Кроме того, в визуальной автобиографии читатель перестаёт быть пассивным созерцателем, он может принимать роли соучастника. Отметки «нравиться», комментарии, дублирование контента — работает не только как обратная связь, но и как инструмент конструирования идентичности. Автор может подстраиваться под желания аудитории, корректировать свой образ в зависимости от реакции зрителя. Здесь можно вспомнить драматургическую социологию И. Гофмана, в работе «Представление себя другим в повседневной жизни» (1956) он описал социальное взаимодействие как театральный перформанс, где каждый индивид исполняет роль, управляет впечатлениями, разделяет «переднюю» (*front stage*) и «заднюю» (*backstage*) зоны поведения [3, с. 144–148]. В данном случае «передняя зона» — это то, что показывается публике; «задняя» — та сфера, где можно быть собой, снять маску. Однако социальные сети гипертрофируют, «передняя зона» становится ключевой и главной реальностью, а «задняя» либо исчезает, либо сама превращается в очередной перформанс (например, съёмка «закулисных» моментов, многообразие реалити-шоу). Как показывают исследования цифровой идентичности, современный пользователь постоянно находится в режиме самопрезентации, управляя впечатлениями о себе [4, с. 210].

Возвращаясь к термину «перформанс», стоит отметить, что он в данном контексте заимствуется из драматургической социологии Ирвинга Гофмана, где представляется как социальное взаимодействие в театральном контексте. В применении к визуальной автобиографии данное понятие требует уточнения. Речь идёт не только о демонстрации себя, а о действии, которое конструирует идентичность

человека. В отличие от театрального перформанса, где есть чёткое разделение на сцену и закулисье, актёра и зрителя, в социальных сетях эти границы могут быть размыты.

Во-первых, здесь нет возможности «отрепетировать» свою жизнь заранее, всё происходит за счёт импровизации в реальном времени. Многое зависит от реакции на события, настроения, обратной связи аудитории. При этом перформанс никогда не заканчивается — даже пауза в публикациях (например, «цифровой детокс») воспринимается как часть образа.

Во-вторых, это перформанс, где зритель сам становится соавтором. Идентичность формируется не как выражение внутреннего «я», а как ответ на внешний запрос. Как отмечает Ш. Тёркл, в цифровой среде человек привыкает конструировать себя для разных аудиторий, и это приводит к тому, что «я» перестаёт быть единым и целостным [11, p. 178].

В-третьих, как уже было сказано, в данном формате автобиографии стирается грань между подлинным и наигранным. Даже те части личности, которые могут быть отнесены в «заднюю» зону поведения, могут быть целенаправленно показаны, чтобы получить больше одобрения или виральности в сети. Таким образом, визуальная автобиография становится способом существования, при котором идентичность производится и воспроизводится через визуальный перформанс, не имеющий внешнего референта.

Авторство и симуляция

В классической автобиографии фигура автора была центральной, Р. Барт в эссе «Смерть автора» (1967) объявил, что текст живёт своей жизнью, независимой от замысла создателя. Значение рождается в акте чтения, а не в интенции автора [1, с. 384–391]. Другую точку зрения предложил Поль де Ман. В своём эссе «Автобиография как обезличивание» (1979) он утверждал, что автобиография — это не жанр, а «фигура чтения и понимания», которая не столько раскрывает личность автора, сколько её «обезличивает» [8, p. 70]. Автобиографический жест, по де Ману, — это попытка «дать себе лицо» через письмо, которая парадоксальным образом уничтожает само лицо, поскольку язык не может напрямую передать живое присутствие личности.

В цифровой среде этот тезис обретает новую силу. Текст (и визуальный образ) может быть бесконечно скопирован, переслан, отредактирован другими пользователями, встроен в новые контексты. Мем, цитата, фотография, музыкальная вставка живут собственный жизнью, претерпевая метаморфозы, которые не могут быть подконтрольны автору. Исходя из этого, автор не просто уступает место читателю, но и теряет контроль над самим материалом. Здесь также важен вопрос авторства в целом. Кто является автором, например видеоролика? Человек, который его снял? Программа для монтажа? Или алгоритм социальной сети, который подобрал музыку, отрегулировал яркость и решил, кому показывать контент?

Алгоритмы социальный сетей (в том числе запрещённой в РФ организации Meta) активно участвуют в создании визуальной автобиографии. Они активно вовлекаются в продвижение тех или иных продуктов информации, формируют музыкальную сферу, предлагают фильтры. Пользователь, таким образом, лишь отчасти контролирует то, что в итоге увидят его подписчики. Здесь можно говорить об алгоритмическом соавторстве: визуальное «я» конструируется не только человеком, но и машинными процессами, которые предсказывают и формируют его желания. Ж. Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» (1981) описал процесс, в котором знак отрывается от реальности и начинает жить собственной жизнью. На последней четвёртой стадии симулякр (знак) становится «чистой симуляцией» — он не отражает реальность, не искажает её, не скрывает её отсутствие, а создаёт гиперреальность, в которой знаки отсылают только к другим знакам [2, с. 15–16].

Примером подобного симулякра могут быть AI-генерированные изображения людей, которые никогда не существовали. У подобных виртуальных прототипов-людей даже могут появляться личные аккаунты, наполненные таким же сгенерированным контентом. Пользователи также используют свои собственные фотографии, загружают их в нейросеть и получают фото или видеосюжеты, которых никогда не было в их настоящей жизни, тем не менее они тоже становятся частью их визуальной биографии. Отфильтрованное, смонтированное, снабжённое музыкой изо-

бражение жизни становится не отражением реальности, а её гиперреалистичной копией, которая воспринимается как более «настоящая», чем сама жизнь. Завтрак, который сфотографирован и выложен, оказывается более значимым, чем съеденный без фиксации. Путешествие, которое не было снабжено видеоблогом, как будто не состоялось в реальности.

В этом контексте вопрос кто говорит «я» оказывается парадоксальным. «Я» в визуальной автобиографии — это конструкция, собранная из образов, реакций, комментариев и алгоритмических рекомендаций. Человек перестаёт быть автором собственной жизни и становится персонажем, которого пишут другие.

Глитч идентичности

Если визуальная автобиография существует только в медиапространстве, то что происходит, когда доступ к нему утрачивается? Этот вопрос редко попадает в поле зрения исследователей, но он также имеет антропологическое значение.

Визуальное «я» не может существовать вне социальных сетей и виртуального пространства. Так как оно не имеет материального носителя — только цифровые профили, облачные хранилища, алгоритмические ленты. Без аудитории, отметок «нравиться» и обратной связи визуальная автобиография может терять смысл. Как отмечает Ш. Тёркл, перформанс идентичности требует зрителя [10, p. 19-20]. В 2022 году доступ к Instagram и Facebook (признаны экстремистскими и запрещены на территории РФ) был ограничен. 1 апреля 2026 года был ограничен доступ в Telegram. Миллионы российских пользователей потеряли часть аудитории, которая отказалась от использования данных приложений и перешла на альтернативные сервисы. Кроме того, некоторые авторы сами потеряли возможность продолжать свою деятельность в данных приложениях. Кто-то смог адаптироваться и перейти в другие социальные сети, однако их прежние профили остались «замороженными» — последний пост завис навсегда, фиксируя человека в последнем опубликованном образе.

Данный феномен можно обозначить как «глитч идентичности» (от англ. *glitch* — сбой, ошибка цифрового изображения). Идентичность прекращает свою трансляцию, она обрывается и не подводит итог, как в традиционной автобиографии. Человек жив, но его визуальное «я» мертво, оно остаётся в сети как недвижимый архив. Аналогичная ситуация возникает при блокировке аккаунта, техническом сбое, удалении платформы. Визуальная биография оказывается хрупкой конструкции, существование которой зависит от решений владельцев платформ, алгоритмов модерации, технической инфраструктуры.

Ещё один аспект проблемы — обезличивание визуальной автобиографии в условиях её массового тиражирования. Миллионы пользователей ежедневно публикуют одни и те же жанровые сцены: завтрак в кафе, фото на фоне заката, фотография новой книги, обзор покупок и т.п. Уникальность подменяется знакомым и понятным шаблоном. Как отмечает Ж. Бодрийяр, в гиперреальности копия не отсылает к оригиналу, а существует в ряду других копий [2, с.17]. «Я» становится копией других «я», а уникальная личность статистической единицей визуального тренда.

Исходя из сказанного, идентичность, вынесенная вовне и зависящая от цифровой инфраструктуры, оказывается хрупкой. Она не принадлежит человеку, а арендуется у платформы, где он её конструирует. Возвращение к себе (offline) становится проблематичным, потому что «себя» больше нет — есть только архив остановленных образов, который может быть удалён, заблокирован, утерян. Визуальная автобиография не столько расширяет возможности самоописания, сколько создаёт для них новые формы зависимости и уязвимости.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько ключевых выводов. Во-первых, визуальная автобиография представляет собой новый жанр самоописания, который значительно отличается от классической текстовой традиции. В нём отсутствует рефлексия, временная связанность превращается в обрезание и склеивание фрагментов жизни, авторство распределяется между человеком и алгоритмами платформы, а идентичность формируется не изнутри, а извне.

Во-вторых, визуальная автобиография функционирует как перформанс повседневности. Человек не рассказывает о себе, а демонстрирует себя, управляя впечатлениями, следуя драматургической логике «передней зоны» [3, с. 144–148]. Социальные сети выступают как сцена, а зрители становятся соучастниками конструирования образа.

В-третьих, визуальная автобиография уязвима. Её существование зависит от медиапространства. Потеря доступа к аккаунту или удаление платформы превращает идентичность в «замерший» архив. Массовое производство одинаковых образов нивелирует уникальность. Идентичность оказывается не внутренним достоянием, а внешней конструкцией, арендованной у платформы.

Наконец, визуальная автобиография — это не просто техническая инновация, а антропологический сдвиг. Она фиксирует переход от человека, рефлексирующего к человеку перформативному, от жизни, которую проживают изнутри, к жизни, которую показывают. Это сдвиг порождает новые формы свободы (возможность экспериментировать с идентичностью) и новые формы зависимости (подчинение логике алгоритмов и ожиданиям аудитории). Осознание этих процессов становится необходимой предпосылкой для выработки критической дистанции по отношению к собственному визуальному «я» для сохранения способности к рефлексии вне цифровых интерфейсов.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1994. — С. 384–391.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. О.А. Печенкина. — Тула, 2013. — 204 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. А.Д. Ковалёва. — М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. — 304 с.
4. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы / А.М. Кондаков, А.А. Костылева // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. — 2019. — Т. 16, №3. — С. 207–218.
5. Лежён Ф. В защиту автобиографии / Ф. Лежён; пер. с франц. // Иностранная литература. — 2013. — №12. — С. 25–38.
6. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде / Т.В. Семеновских // Вестник евразийской науки. — 2014. — №5(24). — С. 1–10.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. — СПб.: Наука, 2020. — 452 с.
8. de Man P. Autobiography as De facement / P. de Man // The Rhetoric of Romanticism. — New York: Columbia University Press, 1984. — P. 67–81.
9. Gusdorf G. Conditions and Limits of Autobiography / G. Gusdorf // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / ed. by J. Olney. — Princeton: Princeton University Press, 1980. — P. 15–30.
10. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other / S. Turkle. — New York: Basic Books, 2011. — 360 p.
11. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet / S. Turkle. — New York: Simon & Schuster, 1995. — 352 p.

SOCIAL INNOVATIONS AS TRADITIONS OF A MODERNIZING SOCIETY

Turdimurodov Golib Azamatovich, *Postgraduate student, North-Caucasus Federal University, Stavropol (Russia)*

The relevance of this study is due to the fact that the increasing speed of social change and its global reach require a socio-philosophical understanding of innovation in the socio-cultural space of a modernizing society. The aim of the study is a socio-philosophical analysis of social innovation as a form of reproduction and transformation of traditions in the context of a modernizing society. Achieving this goal requires solving the following tasks: clarifying the essence and characterizing the social focus of innovation in modern society; identifying the role of innovation in social modernization; and examining the relationship between traditions and innovation in modernizing societies. The methodological basis of the study was social modernization, identifying the stages of social transformations and determining their parameters. A dialectical approach allowed us to consider the dynamics of the mutual transition of tradition to innovation in conjunction with qualitative and quantitative changes in society. A socio-cultural approach made it possible to analyze the integral dynamics of societal development as a process of interaction between political and economic components with cultural phenomena and values, unfolding in historical space and time. As a result, it was established that social innovation in a modernizing society serves not only as a source of change but also as a unique "development tradition" that shapes sustainable cultural codes of modernization. It is shown that the productive interaction of tradition and innovation is a prerequisite for social sustainability and a responsible foundation for managing societal transformations.

Keywords: *social innovation; tradition; modernization; modern society; technology; culture; social changes.*

EDN: GJWPOR **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.20**

Цитировать: *Турдимуродов Г.А. Социальные инновации как традиции модернизирующегося общества // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 128-132. EDN: GJWPOR. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.20*

УДК 141.3
5.7.7

© Турдимуродов Г.А., 2026

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ КАК ТРАДИЦИИ МОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

ТУРДИМУРОДОВ Голиб Азаматович, *аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь (Россия)*

Актуальность данного исследования связана с тем, что увеличивающаяся скорость социальных изменений и их глобальный охват востребуют социально-философское осмысление инноваций в социокультурном пространстве модернизирующегося общества. Целью исследования является социально-философский анализ социальных инноваций как формы воспроизводства и трансформации традиций в условиях модернизирующегося общества. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: уточнить сущность и охарактеризовать социальную направленность инноваций в современном обществе; выявить роль инноваций в социальной модернизации; рассмотреть взаимосвязь традиций и инноваций в модернизирующихся обществах. Методологической базой исследования послужили социальной модернизации, выявляющие стадии социальных трансформаций и определяющие их параметры. Диалектический подход позволил рассмотреть динамику взаимного перехода традиции в инновацию в совокупности с качественными и количественными изменениями общества. Социокультурный подход дал возможность проанализировать интегральную динамику развития общества как развернутого в историческом пространстве-времени процесса взаимодействия политических и экономических компонентов с феноменами и ценностями культуры. В результате установлено, что социальные инновации в модернизирующемся обществе выступают не только источником изменений, но и своеобразной «традицией развития», формирующей устойчивые культурные коды модернизации. Показано, что продуктивное взаимодействие традиций и инноваций является условием социальной устойчивости и ответственным основанием управления общественными трансформациями.

Ключевые слова: *социальная инновация; традиция; модернизация; современное общество; технологии; культура; социальные изменения.*

Введение

Вопрос о взаимодействии старого и нового, традиций и инноваций в общественном развитии является одним из тех, которые никогда не утрачивают своей значимости. Особую актуализацию он получает в современном обществе, характеризующемся перманентной социальной модернизацией.

В традиционных обществах, как уже очевидно из их названия, традиции являются основополагающим принципом их формирования и стабильного функционирования. Существуя в различных формах (обычаи, ритуалы, и т.д.) и поддерживаясь соответствующими большими нарративами (в основном религиозным мировоззрением), традиции способствовали передаче исторического опыта, регулированию общественных отношений и формировали ценностно-смысловые основания социальной реальности. Инновации в этот период носили спорадический характер и были связаны, в основном, с видоизменением или дополнением традиций. В некоторых случаях возникают инновации, связанные с социальными заимствованиями и культурной диффузией, которые можно обозначить, по сути, в качестве взаимодействия традиций.

В модернизирующемся обществе ситуация кардинально изменяется, инновации становятся ключевым фактором не только экономического развития, но и общественного прогресса в целом. На эту ситуацию большое влияние оказывают общие глобальные тенденции современного социума. Взаимосвязь и взаимозависимость производств, экономик и культур способствует ускорению и расширению инновационных процессов, востребуют их новые формы, что влечет за собой необходимость поведенческих, институциональных и государственных трансформаций.

Это, тем не менее, не означает исчезновения традиций, которые не только сохраняют свои функции, но и приобретают новые, играя роль стимулирующего, стабилизирующего или ограничивающего механизма модернизации [3; 5]. Усложняется в модернизирующихся обществах также взаимоотношения традиций и инноваций. Отставание социокультурных изменений от экономико-технологических преобразований, мировоззренческие трудности в рецепции нововведений, расширение ценностных оснований конфликтов «своего» и «чужого», «нового» и «старого», распространение явлений архаизации — все это обусловливает теоретическую и практическую значимость философского анализа инноваций в ситуации социальной модернизации.

Несмотря на достаточно широкую разработанность данной проблематики в плане исследований модели модернизации и взаимодействия традиций и инноваций в современном обществе, увеличивающаяся скорость социальных изменений и их глобальный охват требуют социально-философского осмысления инноваций в социокультурном пространстве модернизирующегося общества.

Понятие инноваций и подходы к их пониманию

Первые дефиниции понятия инноваций появились в рамках экономической науки, поскольку именно в производственно-технологической сфере нововведения изначально показали свою общественную значимость. Вслед за Й. Шумпетером ученые стали определять инновации не просто как изобретения или новые продукты, но также новые методы производства, научную организацию труда, создание сопутствующих им институциональных структур [8, с. 72-73].

Благодаря такому широкому кругу явлений, попадающих под квалификацию инноваций, в современных экономических исследованиях сложились три подхода к их пониманию «… как процесс («осуществление»), как результат («осуществленность») и как процесс и результат одновременно (двухполярный подход)» [1, с. 26]. Стоит согласиться с Ю.А. Гаджиевым в том, что наибольший эвристический потенциал имеет именно двухполярный подход, позволяющий рассматривать инновации комплексно и определять их эффективность на всех уровнях хозяйственной деятельности [1, с. 28].

Еще более широкий ракурс рассмотрения предлагает включение инноваций в социальные и культурные контексты. Даже в экономических исследованиях отмечается, что инновации являются социальными, поскольку ведут к созданию ценности, предлагают более совершенные решения актуальных проблем и, в конечном счете, способствуют расширению социальной справедливости и увели-

чению общественного благосостояния [10]. Независимо от вида инноваций (продуктовые, технологические, управленческие и т.д.), их реализация предполагает соответствующие социальные изменения, а значит, их внедрение ведет к более или менее значимым прогрессивным общественным трансформациям.

Однако в наибольшей степени эти контексты социальных инноваций затрагиваются в социологических и философских работах. В них подчеркиваются, что социальные инновации — это не только сознательно разработанный механизм социального преобразования, не только социальный проект, инновации могут носить спонтанный, непреднамеренный характер, что позволяет называть их естественноисторическими [2, с. 55]. Эти инновации особенно важны для понимания сущности и механизмов модернизации общества. Известный исследователь социальной модернизации В.Г. Федотова подчеркивает, что, несмотря на общеупотребительность словосочетания «проект Модерна», становление современного общества скорее можно охарактеризовать как пересечение самых разнообразных проектов, программ и стратегий, в столкновении которых и реализовались тенденции естественноисторические развития [7, с. 4]. Для иллюстрации этого автор акцентирует внимание на трех этапах модернизации:

— первая «современность» как органический процесс становления современного общества в странах Запада с начала Нового времени до конца XIX века;

— вторая «современность», начавшаяся после Первой мировой войны и носившая по большей части неорганический характер, была связана с проектами распространения западных образцов социальной модернизации на незападные страны;

— третья «современность», тенденции которой начали проявляться в последнюю треть XX века, обозначается как «Новое время незападных стран» и демонстрирует органический отход от универсальной модели модернизационного развития [7, с. 4-5].

Именно в обществе Модерна происходит слом прежних механизмов социальной саморегуляции, когда инновации становятся системообразующим фактором общественного развития. В.Г. Федотова считает, что само появление капитализма можно назвать такой инновацией, причем сначала капиталистические отношения появились как форма производства и лишь в дальнейшем повлекли за собой политические и социальные изменения [7, с. 5]. Нобелевский лауреат в области экономики Саймон Кузнец полагает, что эпохальной инновацией, положившей начало современному обществу, стало ускоренное развитие науки, которое позволило при помощи эффективных технологий и соответствующих им политических институтов обеспечивать разнообразные потребности населения [1, с. 26]. На самом деле первоначальная модернизация действительно появилась на пересечении нескольких инновационных тенденций, которые зафиксировал еще М. Вебер — развитие науки, интенсификация производства, идеи Просвещения и Реформации — совокупность которых привела к формированию нового рационального человека.

Из этого следует, что инновации на этапе модернизации не сводятся лишь к технологическим и производственно-экономическим нововведениям, а охватывают широкий спектр социальных изменений. Для их принятия важна идеологическая и культурная «легитимация», которая способствует принятию и проведению инновационных изменений социальным субъектом как действующим актором. Именно от его деятельности зависит осуществление инноваций, их реализация и воплощение — останутся ли они замыслом (проектом), или получат свое осуществление в социальной жизни.

Проблема взаимодействия традиций и инноваций

В данной ситуации и возникает проблема взаимодействия традиций и инноваций, или вопрос о том, каким образом инновационные изменения проникают в общественную жизнь, не совпадая с прежними социальными установками. Для прояснения этой ситуации важно разделение так называемых «волн модернизации» или этапов становления современности.

Для раннего этапа модернизации или так называемой «первой современности» характерно жесткое противопоставление традиции и инновации. Традиция рассматривалась как архаичное отмирающее социальное явление, препятствующее изменениям, а сама

модернизация виделась в качестве вытеснения традиционных форм социальной жизни. Прогрессистский оптимизм сводился к представлению о возможности прямого переноса западных моделей общественного развития на все страны и государства.

Критика первоначальных моделей модернизации в середине XX века изменила отношение к традиции, которая стала рассматриваться как один из механизмов общественной устойчивости, необходимой для реализации социальных инноваций. Это положило начало переосмыслению пониманию роли традиций в современном обществе и их взаимодействия с инновациями. Стало понятно, что инновация, оставаясь триггером социокультурных изменений, должна соответствовать традиции, а сама традиция может способствовать или препятствовать ее осуществлению [4, с. 272]. Сами инновации могут имеет разные формы, быть достаточно «гибкими и «мягкими, и не иметь прямых трансформационныз эффектов [5].

Интересна в этом плане теория Й. Форнаса, который включил исследования традиций и инноваций в контекст рассмотрения стабильности и изменений в обществе. В арсенале изменчивости современной социальной жизни он выявил некоторые повторяющиеся структуры изменений; волнообразные циклы (связанные с поколениями); модернизационные проекты и стохастические непредсказуемые инновации [9]. Он описывает модернизацию как направленный тренд социальных преобразований и концентрирует свое внимание на роли традиций в модернизации. Отмечая неотвратимость модернизации (то, что новые формы общественной жизнедеятельности принципиально нельзя заместить прежними), он обращает внимание на то, что этот процесс нельзя назвать кумулятивным и свести его к замене домодерновых форм социальной жизни новыми. Модернизация глубоко воздействует на традиционные формы социальной жизни, означая по большей части медленную перестройку традиции и ее адаптацию к новым условиям.

Вопрос о взаимодействии традиций и инноваций еще в более острой форме встал в так называемой «третьей современности», когда проявилась вся проблематичность их взаимодействия. А.Б. Гофман, отмечая парадоксальность этого вопроса, замечает, «традиционные инновации» и «инновационные традиции» — это не контрадикторные определения понятий, а «взаимозависимые, взаимодополняющие и взаимопроникающие факторы социокультурных изменений [6, с. 27]. В это время на смену антитрадиционалистским рефлексиям пришли представления о модернизационном потенциале традиций. Стало понятно, что общество, отказываясь от перемен, перестает быть стабильным.

Для успешного модернизирующегося общества инновационный процесс перестает быть разовым актом (изобретением или нововведением) и превращается в своеобразный культурный код развития. Важно при этом, что и те, и другие, как отмечает В.В. Колбановский, связаны с коллективным сознанием и возникают спонтанно, всегда имея своего «социального носителя» [3, с. 155-156].

Инновации, как свидетельствует социальная практика, в любом случае сталкивается с определенными традиционными аспектами культуры, которые представляют собой преграду для ее распространения и воспроизводства. Поэтому разрывы между инновациями и традициями ведут к нарушению преемственности и ценностным конфликтам. Социальные практики, связанные с одобрением инноваций и их включением в социальную жизнь, противоречиво взаимодействуют с установками на сохранение и возвращение традиций. При их несоответствии могут возникать феномены архаизации, или «усиленная» традиционализация тех явлений, которые раньше считались нетрадиционными или антитрадиционными [3].

Таким образом, социальная инновация в XXI веке представляется важным способом сохранения традиции. В современном модернизирующемся обществе не актуальна передача потомкам незыблемых форм общественного устройства, значимость приобретет передача им инструментов и целей социального развития. Традиция в современном мире — это не то, каким образом может меняться человек и социум, сохраняя свою субъектность в глобальном мире.

Заключение

Проведенное исследование позволило уточнить сущность социальных инноваций

как особого типа социокультурных изменений, выходящих за рамки их узкоэкономического или технологического понимания. Показано, что социальные инновации представляют собой не только результат целенаправленной деятельности по созданию новых форм социальной практики, но и процесс, включенный в более широкий контекст ценностно-смысловых преобразований. Их социальная направленность проявляется в ориентации на решение общественно значимых проблем, повышение качества социальной жизни и расширение возможностей самореализации человека, что позволяет рассматривать инновации как форму развития коллективной субъектности.

В рамках анализа функций социальных инноваций в модернизационных процессах установлено, что они выступают системообразующим фактором современного общества, обеспечивая переход социальных систем в новые качественные состояния. Инновации не только инициируют структурные и институциональные изменения, но и способствуют формированию новых моделей поведения, типов рациональности и способов социального взаимодействия. Тем самым модернизация предстает не как линейная замена старых форм новыми, а как сложный и многоуровневый процесс, в котором инновации выполняют роль механизма адаптации общества к меняющимся условиям.

Рассмотрение моделей взаимодействия традиций и инноваций на различных этапах современности показало эволюцию от их жесткого противопоставления к пониманию взаимодополняемости и взаимопроникновения. Если на ранних этапах модернизации традиции интерпретировались преимущественно как препятствие изменениям, то в более поздних концепциях они осмысляются как ресурс устойчивости и культурной легитимации нововведений. В условиях «третьей современности» традиции и инновации образуют динамическое единство, в котором инновации могут выступать формой сохранения традиции, а традиции — основанием для принятия и воспроизводства инноваций.

Литература:

1. Гаджиев Ю.А. Теоретические подходы к определению сущности инноваций // Sciences of Europe. — 2016. –№6-1(6). — С. 25-29.
2. Горюнов А.В. Модели социальных инноваций в социальной философии и науке: экспликация и социально-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — №4(10). — Ч. II. — С. 54-60.
3. Колбановский В.В. «Традиции и инновации в современной России»: размышления над коллективной монографией под редакцией А.Б. Гофмана // Социологический журнал. — 2010. — №4. — С. 153-168.
4. Сапрыкина Е.В., Гуляк И.И., Сергодеева Е.А. Научная экспертиза социальных инноваций: философский анализ // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 270-275.
5. Теняков А.В. Социокультурный механизм взаимосвязи традиции и инновации // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. — 2023. — №2. — С. 186-191.
6. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 543 с.
7. Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. — 2010. — №10. — С. 3-16.
8. Шумпетер Й. Теории экономического развития. — М.: Директ-Медиа, 2007. — 400 с.
9. Fornas J. Cultural Theory and Late Modernity. — London: Sage Publications, 1995. — 320 p.
10. Phills Jr. J. A., Deiglmeier K., Miller D. T. Rediscovering social innovation // Stanford social innovation rev. — 2008. — Fall. — P. 34-43.

INCORPORATION OF THE ECONOMIC MEANING OF THE CRISIS INTO THE PROBLEM FIELD OF CULTURE

Uglinskaya Nadezhda Alexandrovna, *PhD of Philosophy, Lecturer, Volgograd State Technical University, Volgograd (Russia)*

Uglinskaya Victoria Vladimirovna, *PhD of Economics, Rubtsovsk Industrial Institute (branch), Polzunov Altai State Technical University, Rubtsovsk (Russia)*

This article analyzes the processes by which the economic meaning of the concept "crisis" is transferred to the problematic fields of philosophy and cultural studies. It demonstrates that, despite the cautious attitude of sociocultural scholars toward the intrusion of economic terminology into the cultural field (risks of monetization, standardization, the substitution of cost for aesthetic value, etc.), it is the economic interpretation of crisis that possesses significant heuristic potential for philosophy and cultural studies. It is shown how the properties previously inherent exclusively in economic cycles (globality, structural interdependence, cyclicity, connection with technological progress and manageability) have been adapted to comprehend crisis phenomena in culture. The adaptation of such parameters of economic crises as global manifestations and structural interdependence has made it possible to conceptualize the cultural crisis not as a local failure, but as a universal challenge facing all of humanity. The global nature of the cultural crisis is reflected in the idea of the unification of values and the loss of national identity (K.N. Leontiev, K. Jaspers). The recognition of cyclicity makes it possible to interpret the crisis not as a unique catastrophe, but as a natural transition from one cultural phase to another (A. Comte, P. Sorokin), which Uncovers the possibility for predicting the trajectories of cultural development. Special attention is paid to the problem of technical development as a crisis factor. Following the economists who linked the crises of overproduction with the introduction of innovations, the philosophers of culture (M. Weber, A. J. Toynbee, K. Lorenz) record the negative impact of accelerated technological growth on art, religion, intergenerational ties and value orientations. The transformation of apocalyptic consciousness into managerial consciousness to be the key result of extrapolating the economic meaning of the concept of "crisis" to the sphere of culture. Previously, the crisis was perceived as a fatal "end of the world", requiring only passive expectation, but the economic interpretation introduces the possibility and necessity of active actions to overcome the crisis.

Keywords: *crisis; crisis of culture; economic crisis; the concept of "cultural crisis"; the economic meaning of the crisis; conceptualization of the crisis; philosophy of culture.*

EDN: GVIOXG **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.21**

Цитировать: *Углинская Н.А., Углинская В.В. Инкорпорация экономического смысла кризиса в проблемное поле культуры // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 133-139. EDN: GVIOXG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.21*

УДК 130.2
5.7.8

© Углинская Н.А., Углинская В.В., 2026

ИНКОРПОРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СМЫСЛА КРИЗИСА В ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу процессов переноса экономического смысла понятия «кризис» в проблемное поле философии и культурологии. Показано, что, несмотря на настороженное отношение представителей социокультурного знания к вторжению экономической терминологии в культурное поле (риски монетизации, стандартизации, подмены эстетической ценности стоимостью и т.п.), именно экономическая трактовка кризиса обладает значительным эвристическим потенциалом для философии и культурологии. Показано, как свойства, ранее присущие исключительно экономическим циклам (глобальность, структурная взаимозависимость, цикличность, связь с техническим прогрессом и управляемость), были адаптированы для осмысления кризисных явлений в культуре. Адаптация таких параметров экономических кризисов, как глобальность проявлений и структурная взаимозависимость, позволила концептуализировать кризис культуры не как локальный сбой, а как универсальный вызов, стоящий перед всем человечеством. Глобальный характер кризиса культуры находит отражение в идее унификации ценностей и утраты национальной самобытности (К.Н. Леонтьев, К. Ясперс). Признание цикличности позволяет интерпретировать кризис не как уникальную катастрофу, а как закономерный переход от одной культурной фазы к другой (О. Конт, П. Сорокин), что открывает возможность для прогнозирования тра-

УГЛИНСКАЯ Надежда Александровна, *кандидат философских наук, преподаватель, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград (Россия)*

ORCID: 0000-0002-5593-0913

УГЛИНСКАЯ Виктория Владимировна, *кандидат экономических наук, Рубцовский индустриальный институт (филиал), Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Рубцовск (Россия)*

екторий развития культуры. Особое внимание уделяется проблеме технического развития как фактора кризиса. Вслед за экономистами, связывавшими кризисы перепроизводства с внедрением инноваций, философы культуры (М. Вебер, А. Дж. Тойнби, К. Лоренц) фиксируют негативное влияние ускоренного технологического роста на искусство, религию, межпоколенческие связи и ценностные ориентиры. Выявлено, что ключевым результатом экстраполяции экономического смысла понятия «кризис» на сферу культуры является трансформация апокалиптического сознания в менеджерское. Если прежде кризис воспринимался как фатальный «конец света», требующий лишь пассивного ожидания, то экономическая трактовка привносит возможность и необходимость активных действий по преодолению кризиса.

Ключевые слова: *кризис; кризис культуры; экономический кризис; концепт «кризис культуры»; экономический смысл кризиса; концептуализация кризиса; философия культуры.*

Введение в проблематику

К проникновению экономических идей в сферу культуры представители социокультурного знания всегда относились настороженно. Казалось, что экономический язык привносит в культуру несвойственные ей ценности потребления и расчета. Ю. Хабермас, например, отмечал, что применение к сфере образования такого экономического элемента управления, как планирование означает ранее не встречающуюся возможность «административной обработки культурной традиции» [13, с. 121]. То же самое можно сказать о планировании семьи, планировании брака, планировании ребенка, планировании жизни и т.п.

Перенимая из экономической сферы погоню за ростом ВВП и быстрой оборачиваемостью денег, в культурную сферу проникают идеи краткосрочной рентабельности. Они распространяются на сферу творчества, которая переживает своеобразный «естественный отбор», отказываясь от лучших произведений в пользу тех, что обладает высокой монетизацией (более адаптированные к рынку, простые, стандартизированные). Само понятие «монетизация» в современной культуре переходит из разряда экономических показателей в разряд оценочных. Стоимость произведения стала определять его эстетическую ценность, вопреки теории автономности П. Бурдье, согласно которой эстетическая ценность культурного продукта не может быть опосредована его ценой.

П. Кругман называет сильные экономические идеи, которые проникают из экономической сферы через политическую сферу в область культуры и влияют на сознание людей, «зомби-идеями», или «живыми мертвецами» [22]. Действительно экономический язык вносит свои коррективы в привычные культурные явления. «Качество» заменяется «количеством», «смысл» — «стоимостью», а «культура» — «культурными индустриями».

Однако, при всем многообразии рисков, которые экономика генерирует в культурной среде, существует важное исключение, касающееся популярного концепта «кризис культуры». Дело в том, что экономический смысл понятия «кризис» оказывается основополагающим для функционирования концепта «кризис культуры» и позволяет рассматривать кризис культуры в телеологическом аспекте, т.к. предполагает возможность и необходимость принятия активных действий в борьбе с кризисом.

С позиции П. Рикера экономический смысл понятия «кризис» в значительной степени сформировал его современное социокультурное восприятие. Во многом этому способствовала западная идеология, которая, начиная с XIX века, провозглашала приоритет экономики над всеми сферами жизни общества, и была экспортирована на весь мир. В связи с чем экономическое понимание кризиса было привнесено в социокультурную сферу и стало глобальным явлением. Такие свойства экономического кризиса, как разрыв, упадок, депрессии, нарушение равновесия, провал, были перенесены на область культуры, где становились индикаторами

кризисных процессов. Эвристический потенциал подобного концептуального переноса был отмечен еще Р. Козеллеком. Он показал, что использование понятия «кризис» в качестве экономического термина способствовало его концептуальной кристаллизации — стало возможным выделить универсальные структурные признаки, присущие кризисам как таковым. Среди таких признаков — переходный характер, периодическая повторяемость, глобальная взаимозависимость, обусловленность развитием техники, мировой характер и управляемость [21].

Механизмы трансфера интерпретаций «кризиса» из экономической науки в поле культурологических исследований

Начиная с середины XIX века, экономические кризисы стали рассматриваться как глобальные явления, вызванные развитием капиталистической системы. Если раньше встречались словосочетания, повествующие о локальных кризисах в экономике («денежный кризис», «торговый кризис», «финансовый кризис» и т.д.), то в XIX веке начинает осознаваться взаимозависимость между локальными кризисами и общими закономерностями в экономике, между разными культурами перед лицом мирового кризиса. Так, немецкий экономист В. Рошер отмечает существование «общих кризисов», свойственных для англосаксонской и американской экономик. С позиции К. Маркса, причины отраслевых кризисов в экономике являются симптомами одного капиталистического кризиса (несовершенства капиталистической системы). Стремление сохранить капиталистическую систему, сотканную из внутренних противоречий, приводит к кризису. Это происходит, когда пытаются насильственно навязать внутреннее единство фаз производственных процессов, ставших независимыми друг от друга. Примечательно, что для западного мышления термин «кризис» остается почти исключительно экономической категорией, неразрывно связанной с капитализмом. На это указывает большое количество современных западных исследований [17-20; 24; 25]. Кризис интерпретируется как объективный материальный процесс, производный от динамики капиталистического производства, конкурентной борьбы и кредитной системы.

Представители социальных и гуманитарных наук адаптировали такие параметры экономических кризисов, как глобальность проявлений и структурную взаимозависимость для концептуализации кризисных явлений в культуре. Глобальный характер кризиса культуры нашел отражение в идее унификации ценностей, происходящей на фоне утраты национальными культурами своей самобытности. Причину унификации ценностей усматривают в культурной экспансии Запада, навязавшего всему миру ценности эффективности, контроля, предсказуемости, количественных показателей, скорости, новизны [11]. В связи с чем проблема сохранения своеобразия культур является достаточно популярной в философском и культурологическом дискурсе. Так, К.Н. Леонтьев писал о том, что универсализация общественных форм, утрата национальной специфики свидетельствуют о приближения народов к стадии разложения. Он утверждал, что историческая миссия каждой нации заключается в создании единственной оригинальной цивилизации, рассматривая при этом европейскую культуру как исчерпавший свой потенциал «устаревший организм» [5].

То, что К.Н. Леонтьев считал признаком разложения европейской культуры, К. Ясперс возводит в абсолют уже для всего XX века. У немецкого мыслителя локальный «закат» превращается в глобальный кризис — эпоху культурного синкретизма и эрозии ценностей, ставшую универсальным вызовом для всего человечества: «Все охвачено кризисом, необозримым и непостижимым в своих причинах, кризисом, который нельзя устранить, а можно только принять как судьбу, терпеть и преодолевать» [16, с. 335].

Подобно тому, как последователи К. Маркса видят причину глобального кризиса в стремлении сохранить капиталистическую систему, сотканную из внутренних противоречий, в философии культуры в качестве причины кризиса ряд исследователей указывают *стремление сохранить традиционные ценности, которые уже не работают в современных условиях*. Такой точки зрения придерживался А. Вебер, видевший в реставрации и защите ценностей, неактуальных для действительности — легитимизме, натурализме, позитивизме — причину современного ему кризиса

западной культуры. Аналогично, П. Сорокин считал, что значительная часть культурных ценностей утрачивает свою функциональность, отравляет культуру и по праву «ожидает приличествующего захоронения» [9, с. 434]. Поэтому кризис как механизм перехода от старых ценностей к новым даже необходим, ведь он уничтожает ценности, которые тормозят развитие культуры.

О том, что нет смысла бороться за сохранение старых ценностей, говорит также автор идеи «текучего» общества З. Бауман. Вводя понятие «interregnum» [2] («междуцарствие»), он характеризует кризис как временной разрыв, в котором отжившие ценности теряют силу, но новые еще не обрели четких очертаний.

По аналогии с признанием периодической повторяемости и цикличности экономических кризисов в работах Ж. де Сисмонди, Дж. М. Кейнса, К. Маркса, Й. Шумпетера, К. Жюгляра, Н.Д. Кондратьева и др. в философии культуры также сложились циклические концепции, исходящие из признания повторяемости определенных фаз кризиса культуры. Так, О. Конт рассматривал кризис культуры как процесс смены культурных фаз (теологической, метафизической и позитивной), сопровождающийся изменениями в ценностях. При переходе к новой фазе старая культура «отмирает». П.А. Сорокин в произведении «Кризис нашего времени» выделял внутри культуры три сверхсистемы: идеациональную, чувственную и идеалистическую. Каждая из этих форм культуры характеризуется определенным набором ценностей, собственной организацией во всех сферах и своеобразным типом сознания. Для идеациональной сверхсистемы главной ценностью выступает Бог, и, соответственно, во всех сферах ценно то, что служит Абсолюту. Такой культурой в истории являлось Средневековье. Его закат начался в конце XII века, когда появились зачатки нового основного принципа, заключавшегося в том, что объективная реальность и ее смысл чувственны. В момент перехода от идеациональной к чувственной форме культуры, в XIII–XIV столетиях, образовался третий тип сверхсистемы, которую П. Сорокин назвал идеалистической. Основным свойством этой формы культуры было смешение ценностей сверхчувственного и чувственного. Начиная с XVI века, стал доминирующим чувственный принцип и основанная на нем культура — сенсорная, эмпирическая, светская. Кризисные процессы, которые происходят в культуре, связаны с переходом от одной формы культуры к другой в качестве доминантной, и находят выражение в переоценке ценностей: «Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра» [9, с. 427]. Кризис начала XX века заключался, на его взгляд, в том, что чувственная сверхсистема культуры, господствовавшая последние четыре столетия, подошла к моменту своего регресса. Ее ценности девальвировались, потребовалась новая форма культуры. Причина кризиса чувственной формы культуры в релятивизме и условном характере чувственных ценностей.

Определение понятия «кризис», часто встречающееся в экономических словарях, звучит следующим образом: кризис — одна из фаз (наряду с депрессией, оживлением и подъемом) цикла производства, проявляющаяся в резком спаде объемов производства в результате перепроизводства товаров по сравнению с платежеспособностью. Одной из главных причин перепроизводства считают развитие технических инноваций. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс обратили внимание на то, что «периодическое обесценение наличного капитала, — это имманентное средство капиталистического способа производства, сдерживающее понижение нормы прибыли и ускоряющее накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, — нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными приостановками и кризисами процесса производства» [7, с. 273–274]. Внедрение новой техники и технологии приводит в итоге к снижению рамок покупательной способности населения и быстрому моральному старению основного капитала. В работе «Наброски к критике политической экономии» Энгельс объяснял обостряющиеся циклические кризисы избытком производительных сил, что от этого самого избытка люди голодают [15, с. 563]. С развитием производительных сил, усовершенствованием техники, росли производительность труда

и общественное богатство, и усиливались экономические кризисы, росли необеспеченность существования и безработица все более широких слоев трудящихся масс.

Опасность стремительного и бесконтрольного технологического развития из экономической переходит в культурную плоскость, где прочно закрепляется. Связь кризиса культуры с техническим прогрессом исследовали многие философы. М. Вебер указывал, что развитие научного знания негативно сказывается на тех сферах культуры, которые чужды постоянным изменениям (искусство, религия). Научный прогресс ведет к массовизации явлений, что обесценивает их: высокое искусство утрачивает монументальность, становясь интимным, а религиозное пророчество превращается в сугубо личное переживание. А. Дж. Тойнби видел причину кризиса в абсолютизации технических достижений и отказе человечества от христианских ценностей. А. Печчеи, напротив, не считал технику первопричиной кризиса. По его мысли, техника становится неуправляемой уже вследствие комплексного кризиса. Опасность возникает тогда, когда человек утрачивает контроль над равновесием между материальным прогрессом и социокультурными целями. К. Лоренц усматривал в ускоренном техническом развитии причину углубления разрыва между поколениями. По его мысли, техника диктует столь высокий темп обновления культуры, что молодежь обоснованно воспринимает значительную часть наследия старших как безнадежно устаревшую. В синергетике утверждается, что технологический рост, лишенный компенсирующих механизмов сдерживания, увеличивает вероятность культурных кризисов [12].

Выявление симптомов надвигающегося кризиса и поиски антикризисной стратегии

Неотъемлемой частью экономической трактовки кризиса является признание возможности управляющего влияния на него. Ю. Хабермас писал: «Экономические кризисы — это первый (и возможно, единственный) в истории пример системного кризиса, который отмечен тем обстоятельством, что диалектическое противоречие между участниками процесса взаимодействия развивается в пределах структурно неразрешимых системных противоречий или проблем управления» [13, с. 54]. Одним из значимых результатов экстраполяции экономического смысла на область культуры является переход к философии культуры от апокалиптического сознания к менеджерскому. На эту трансформацию, в частности, обратил внимание Й. Хёйзинга. По его мнению, прежнее апокалиптическое сознание, которое принимало религиозные формы и заключалось в простой констатации кризиса и ожидания «близящегося конца света», сменилось установкой на активный поиск решений, где кризис осмысляется научно — через вопросы о его преодолении.

Б. Мильштейн называет эту особенность кризисного сознания, несущего в себе менеджерский потенциал, «прагматической силой». Она заключается в способности и необходимости предпринять действия в ответ на кризис: «“Прагматическая сила” концепции кризиса заключается не просто в представлении о том, что что-то в социальном мире срочно и необъяснимо пошло наперекосяк, но и в том, что в ответ на эту ситуацию могут и должны быть предприняты какие-то действия» [23].

Для разработки действенной антикризисной стратегии необходимо четко идентифицировать симптомы надвигающегося кризиса. Как правило, описание симптомов имплицитно содержит в себе призыв к немедленным действиям.

К. Лоренц в работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» диагностирует кризис культуры через ряд симптомов: перенаселение, гипертрофия потребления, разрушение природной среды, эмоциональная «изнеженность» человека, разрыв поколений, унификация сознания (реклама, мода), дегуманизация науки [6]. Эти процессы в совокупности образуют «болезнь культуры». Однако философ не ограничивается констатацией диагноза: он определяет свою книгу как призыв к исправлению, утверждая тем самым возможность преодоления затруднений и излечения современной культуры.

По мнению Й. Хёйзинги, современное понимание кризиса культуры должно подразумевать возможность управления им. В книге «Homo ludens» он через сравнение культуры с игрой показывает: кризис наступает тогда,

когда культура утрачивает свой естественный игровой характер и начинает использоваться как инструмент извлечения выгоды. Иначе говоря, управление культурой ради достижения индивидуальных целей и есть проявление ее кризиса. С.С. Аверинцев, анализируя «Homo ludens», показывает, что для Хёйзинги обличение культуры как игры является действенным способом вывести ее из общественной лжи: «Предполагается, что чем яснее и честнее культура осознает себя как «всего лишь» игру, тем больше шансов у нее стать высокой Игрой; но прежде всего у нее окажется шанс избегнуть включения во всеохватывающую систему хитроумной фальсификации. Подлинный мыльный пузырь — это все же почетнее, чем фальшивый банкнот» [1, с. 171]. Выход из кризиса в том, чтобы продолжать созидание культуры, ибо в ней есть ценности, которые необходимо сохранить.

Идея управляющего воздействия на кризис культуры не обязательно выражается в требовании вмешательства с целью исправления; она может выражаться в призыве к членам общества взять ответственность за свой собственный внутренний мир. Так, по мнению А. Дж. Тойнби, для преодоления кризиса культуры, симптомами которого являются, в частности, всеобщее смешение всех сфер общественной жизни, вульгаризация правящего меньшинства, варваризация искусства, свободный язык, чувство «всесмешения» в религии и т.д., необходима кардинальная смена ценностей, которую Тойнби называет «новое рождение» [10, с. 351]. А. Вебер также считал, что кризис нельзя предотвратить внешне, через вмешательство в социальную структуру, в развитие техники и т.п., но был уверен в необходимости внутреннего преобразования человека, которое он называет «внутренней кристаллизацией человека» [3, с. 257] и «глубоко кристаллизующей и активизирующей человечностью» [3, с. 258]. А. Печчеи пишет о необходимости внутренней трансформации человека, которая возможна с помощью новой этики — «нового гуманизма». Эта этика базируется на идеалах глобального сознания, приверженности справедливости, единстве человечества, отказе от насилия, культурном развитии и раскрытии потенциала каждой личности.

Вывод

Таким образом, проведенный анализ показал, что экономическое понимание кризиса, не просто обогатило категориальный аппарат философии и культурологии, но и принципиально изменило сам способ осмысления культурных катаклизмов, наделив их свойствами, ранее присущими исключительно экономическим циклам. Это позволило ввести культурную динамику в телеологическую плоскость, обосновав возможность и необходимость антикризисного управления.

Литература

1. Аверинцев С.С. Культурология Йохана Хейзинги // Вопросы философии. — 1969. — №3. — С. 169 — 174.
2. Бауман З. Текучая современность: взгляд из 2011 года. Лекция. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 10.05.2011. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/4992
3. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. — СПб.: Университетская книга, 1998. — 565 с.
4. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / пер. с фр. — Изд. 2-е. — М.: Либроком, 2011. — 80 с.
5. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство / соч. К.Н. Леонтьева. — М.: Унив. тип., 1876. — [2], 132, [1] с.
6. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Оборотная сторона зеркала: сб. трудов. — Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. — С. 17–94.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2 изд. — Т. 25, Ч. 1. — М.: Гос. изд. полит. лит., 1961. — 545 с.
8. Печчеи, А. Человеческие качества. — М.: Прогресс, 1985. — 311 с.
9. Сорокин П.А. Человек Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
10. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник. — 2-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2002. — 640 с.
11. Углинская Н.А., Воронецкая О.С. Потребление как неотъемлемое свойство современной культуры. В мире научных открытий. — Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. — №1.3(37). — С. 294 — 305.
12. Углинская Н.А., Шкута Р.В. Эвристический потенциал синергетической парадигмы рассмотрения кризиса культуры // KANT. — 2024. — №2(51). — С. 301– 306.
13. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. — М.: Праксис, 2010. — 264 с.
14. Хёйзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — 464 с.
15. Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2 изд. — Т. 25, Ч. 1. — М.: Гос. Изд. Полит, 1955. — С. 563.

16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
17. Azmanova A. Crisis? Capitalism Is Doing Very Well. How Is Critical Theory? // Constellations. — 2014. — Vol. 21, №3. — P. 351–365.
18. Fraser N. Legitimation Crisis? On the Political Contradictions of Financialized Capitalism // Critical Historical Studies. — 2015. — Vol. 2, №2 (Fall 2015). — P. 157-189.
19. Haiven M. Crises of Imagination, Crises of Power. — London, UK: Zed Books, 2014.
20. Janzen D. W. Crisis Culture: The Theory & Politics of Historical Rupture. — A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in English. Department of English & Film Studies. University of Alberta, 2017. — 187 p.
21. Koselleck R. Crisis / trans. Michaela W. Richter // Journal of the History of Ideas. — 2006. — 67(2). — P. 357–400.
22. Krugman P. Arguing with Zombies. Economics, Politics, and the Fight for a Better Future. — New York: WW Norton & Co, 2020. — 415 p.
23. Milstein B. Thinking Politically about Crisis: A Pragmatist Perspective // European Journal of Political Theory. — 2014. — Vol. 14, Issue 2. — Pp. 141-160. https://doi.org/10.1177/1474885114546138
24. Robinson W.I. Global capitalism and the crisis of humanity. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
25. Roitman J. Anti-Crisis. — Durham, NC: Duke University Press, 2014. — 157 p.

CLASSICAL AND NON-CLASSICAL FASCISM FROM THE POINT OF VIEW OF CULTURAL AND HISTORICAL APPROACH

Chernov Andrey Vladimirovich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Novikova Svetlana Valerievna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg (Russia)

This study explores the socio-philosophical understanding of the complex phenomenon of fascism. The author's concept proposes viewing fascism as an ideological, political, and socio-economic product of the Romano-Germanic cultural-historical type, developed in response to the crises of the early 20th century. However, since the Romano-Germanic type is not monolithic, two versions of fascism emerged within it: the classical version, based on a Catholic value system, and the non-classical version, based on occult-mystical ("Nordic," "Aryan") ideas. While the first version was represented primarily by the regimes of B. Mussolini in Italy and F. Franco in Spain, the second was represented primarily by Nazi Germany. The results of the study make it possible to identify both the commonalities and differences between these regimes. The article concludes that, despite all the differences between classical and non-classical fascism, both regimes were deeply hostile to both Anglo-American liberalism and Soviet socialism.

Keywords: *Mussolini; Franco; Italy; Germany; classical fascism; non-classical fascism; cultural and historical type.*

EDN: GXWMWM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.22***

Цитировать: *Чернов А.В., Новикова С.В. Классический и неклассический фашизм с точки зрения культурно-исторического подхода // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 140-145. EDN: GXWMWM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.22*

УДК 142
5.7.7

© Чернов А.В., Новикова С.В., 2026

Классический и неклассический фашизм с точки зрения культурно-исторического подхода

ЧЕРНОВ Андрей Владимирович, *кандидат философских наук, доцент*

НОВИКОВА Светлана Валерьевна, *кандидат философских наук, доцент*

Уральский государственный юридической университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург (Россия)

Исследование посвящено социально-философскому осмыслению такого сложного явления, как фашизм. Авторская концепция предлагает рассматривать фашизм как идейно-политический и социально-экономический продукт романо-германского культурно-исторического типа, выработанный в ответ на кризисы начала XX века. Однако, поскольку романо-германский тип не монолитен, то в его рамках сформировалось сразу две версии фашизма — классическая, в основе которой лежала католическая система ценностей, и неклассическая, основанная на оккультно-мистических («нордических», «арийских») представлениях. Если первая версия была представлена в основном режимами Б. Муссолини в Италии и Ф. Франко в Испании, то вторая — преимущественно гитлеровской Германией. Результаты исследования дают возможность выявить как точки соприкосновения этих режимов, так и их различия. В статье представлен вывод о том, что, несмотря на все имевшиеся различия между классическим и неклассическим фашизмом, оба режима были глубоко враждебного характера как по отношению к англо-американскому либерализму, так и к советскому социализму.

Ключевые слова: *Муссолини; Франко; Италия; Германия; классический фашизм; неклассический фашизм; культурно-исторический тип.*

Возникновение в 1920-е гг. итальянского фашизма, заявившего о себе как о «третьем пути» и противопоставлявшего себя как советскому социализму, так и англо-американскому либерализму, породило в первой половине XX века целый общеевропейский тренд. Стоит заметить, что этот тренд был популярен в первую очередь среди католических стран Европы, с большим недоверием относившихся как к большевизму, так и к либеральной демократии. Можно с уверенностью сказать, что если либерализм как явление мировой культуры был органически связан с протестантским миром [4; 13], то фа-

шизм — однозначно с католическим [10]. Так, лидер итальянских фашистов Б. Муссолини в "Доктрине" говорил об этом прямо: «фашизм — концепция религиозная», «фашистское государство есть государство католическое». Таким образом, фашизм выступал ни чем иным, как специфической формой актуализации католических ценностей, чем в дальнейшем и обуславливалась география его распространения. Однако из этой стройной, на первый взгляд, модели выпадает Германия и ряд ориентированных на неё режимов. В этом случае ключевым выступает вопрос: следует ли признать фашизм единым феноменом, но с национальной спецификой, или же стоит признать наличие двух разных форм фашизма.

Можно сказать, что рождение фашизма было исторически обусловлено: это была, по сути, болезненная реакция Европы на тяжелейшие экономические и социальные потрясения, вызванные Великой депрессией, а также на поражение в Первой мировой войне. Стоит учесть, что фашистские режимы возникли не просто в Европе, а конкретно в «проигравшей Европе», то есть в тех странах, которые потерпели поражение в мировой войне. Это утверждение относится и к самой колыбели фашизма — Италии, — которую даже союзники по Антанте называли «проигравшей в стане победителей» [8]. Однако, что есть Европа: это не просто какой-то географический регион, а в первую очередь это романо-германский культурно-исторический тип. И именно этот культурно-исторический тип в ходе своей эволюции породил сразу две, во многом схожие, но в то же время различные версии фашизма.

С точки зрения формационного подхода, и та, и другая версии представляют собой террористическую диктатуру наиболее реакционных кругов финансового капитала, и с этим трудно поспорить. Однако, с точки зрения культурно-исторического подхода, эти две версии фашизма довольно сильно отличались друг от друга. Поскольку романо-германский культурно-исторический тип никогда не был монолитным (ни этнически, ни политически), то фашизм смог возникнуть сразу в двух независимых очагах — романском и германском. Причём эти две версии фашизма уже изначально строились на разных идейно-мировоззренческих матрицах, то есть общепринятых в каждом конкретном обществе системах духовных ценностей. В рамках романо-германского типа можно выделить две таких системы ценностей — католическую и оккультно-мистическую. В связи с этим, «католическая», если можно так выразиться, версия фашизма будет рассмотрена ниже в качестве классической, отдельно от неклассической версии, представленной главным образом немецким национал-социализмом.

Особую группу крайне правых режимов 1920–1940-х гг. составляют так называемые «профашистские» режимы стран Восточной и Южной Европы, например: Польша (Ю. Пилсудский), Венгрия (М. Хорти, Ф. Салаши), Хорватия (А. Павелич), Болгария (Борис III) и Румыния (Й. Антонеску). При этом, два последних случая примечательны тем, что пытались создать свои фашистские режимы на совершенно неподходящей для этого православной системе ценностей, или, как мы её назвали, идейно-мировоззренческой матрице. В целом, все эти режимы были «заимствованными», «вторичными», поскольку носили откровенно подражательный характер [12], либо вообще искусственными, возникшими под давлением со стороны гитлеровской Германии [3]. Неудачный пример построения полноценного фашистского режима в католической Польше связан, на наш взгляд, с сильной переоценкой польским руководством своих возможностей и неправильным внешнеполитическим выбором. Так, например, вместо того, чтобы пойти на полноценное сотрудничество с гитлеровской Германией, как это сделали все остальные режимы, признав себя «младшим партнёром», Польша занялась реконструкцией «Второй Речи Посполитой» [6], в равной степени противостоящей как Германии, так и СССР, что в конечном счёте её и погубило. Иными словами, все предпосылки построения фашизма в Польше имелись, но польское руководство не смогло ими воспользоваться.

Классические же фашистские режимы Бенито Муссолини (Италия) и Франциско Франко (Испания), а также в меньшей степени Антониу ди Салазара (Португалия), несмотря на присутствовавшую национальную специфику, имели единый «католический вектор» развития, что отчётливо проявилось в

их теории и практике. Как выразился по этому поводу один зарубежный автор, «фашизм беспардонно перенял весь набор католических ритуалов и символов» [16]. Так, важнейшей чертой внутренней политики указанных режимов была ставка на традиционализм со всеми вытекающими отсюда государственными институтами и социально-экономическими реформами: наличие монархии и слоя крупных помещиков, патриархальные семейные ценности (и, как следствие, подчинённое положение женщины), строгое религиозное воспитание, жёсткая социальная иерархия, культ рыцарства и пр. Любопытно, что институт монархии официально сохранялся только в фашистской Италии [14], и дуче никогда не посягал на власть короля Виктора Эммануила III, бывшего при нём всего лишь главой правительства. В соседней Испании монархия пала ещё в 1931 году, не выдержав крупных социальных потрясений, вызванных Великой депрессией. Однако, несмотря на личные неприязненные отношения со свергнутым королём Альфонсо XIII и провозглашение себя «верховным правителем Испании, ответственным только перед Богом и историей», Франко никогда не выступал против института монархии. Более того, каудильо сам сделал своим преемником будущего короля Испании Хуана Карлоса I де Бурбона, приняв активное участие в его воспитании и дав тем самым возможность в дальнейшем восстановить монархию.

Тем не менее, анализ классических фашистских режимов показывает, что и среди них был эталонный и, соответственно, подражательный. Эталоном, без всякого сомнения, был итальянский режим Б. Муссолини, на который потом ориентировался и режим А. Салазара, и режим Ф. Франко, и многие режимы стран Восточной Европы. Другим эталоном чуть позднее стал германский фашизм, который мы отнесли к неклассическим фашистским режимам по той причине, что он строился не столько на католической системе ценностей, сколько на оккультно-мистической, хотя и использовал многие христианские элементы. Немецкая версия фашизма очень быстро стала популярной во многих странах, в том числе и в Восточной Европе, где даже смогла оттеснить на второй план классический фашизм Муссолини. Таким образом, мы приходим к выводу, что двумя эталонными вариантами фашистского режима были: классический, или романский, и неклассический, или германский; все остальные правые режимы первой половины XX века были в той или иной мере «вторичными», или «заимствованными».

Стоит также заметить, что вопреки расхожему мнению об имевшем месте тоталитаризме классических фашистских режимов [2; 7], это не соответствовало действительности. Настоящий тоталитарный режим, на наш взгляд, имел место только в гитлеровской версии фашизма, в «католической» же версии речь могла идти лишь об авторитаризме: условно говоря, о «жёстком авторитаризме» в Италии и Испании, и «мягком авторитаризме» в Португалии. При этом, даже «жёсткая» версия фашистского авторитаризма по комплексу репрессивных мероприятий не шла ни в какое сравнение с гитлеровским тоталитаризмом, а иногда даже и с американским либерализмом. По замечанию одного из американских исследователей относительно соотношения репрессивных мер, «любой из губернаторов Техаса казнил больше своих граждан во время лишь одного срока правления, чем смог приговорить к смерти Муссолини на протяжении всей своей диктатуры» [15].

Стоит заметить, что и особого расизма в указанных режимах тоже не было, поскольку классический фашизм декларировал своей главной целью сплочение нации. Так, если португальское общество (и в меньшей степени испанское, учитывая традиционно сепаратистские регионы) было практически моноэтничным, то итальянское общество, напротив, было многонациональным. Как мы видим, расовая политика в этом случае могла сыграть с ним очень плохую шутку. Собственно националистические настроения проявлялись лишь спорадически, но никогда не носили системного характера. Так, например, национальная неприязнь отмечалась в Италии по отношению к африканцам во время Итало-эфиопской войны (1935-1936 гг.), а в Испании по отношению к баскским сепаратистам. Аналогичным же образом обстояли дела и в отношении антисемитизма, который носил в основном бытовой характер, но никогда не приобретал характера системного.

Например, в Национальной фашистской партии Муссолини состояло большое число евреев, часть из которых даже участвовала в «Марше на Рим» в 1922 году. Более того, одной из многочисленных любовниц итальянского диктатора была М. Сарфатти, дочь влиятельного венецианского юриста и бизнесмена еврейского происхождения, что говорит нам о первоначальном «отсутствии у дуче антисемитских идей» [9]. Начало же государственного антисемитизма в фашистской Италии было связано с изданием в 1938 году расовых законов [1] [1], принятых под прямым нажимом гитлеровской Германии, а политика геноцида вообще началась лишь в 1943 году, и то в рамках так называемой Итальянской социальной республики — марионеточного государства на севере Италии, созданного гитлеровским командованием после свержения Муссолини. В связи с этим мы настаиваем, что даже при всех имевшихся репрессиях и перегибах «на местах» классический фашизм никогда не был тоталитарным несмотря на то, что сам термин «тоталитаризм» возник в фашистской Италии.

Возвращаясь к идейно-мировоззренческой матрице германского фашизма, хочется сказать следующее. Истоки будущего национал-социализма появляются ещё в 1911 году, когда на волне увлечения древнегерманской культурой и популярными в то время расовыми теориями возникает закрытая элитарная организация «Ложа Вотана» (названная, как мы видим, в честь главного языческого бога германских племён). В следующем 1912 году эта организация совершает ребрендинг и предстаёт уже в виде «Германского ордена», куда входят «представители военной, финансовой и политической элит Германской империи. Однако в годы Первой мировой войны происходит раскол в ордене, связанный с разницей в социальной ориентации: старое руководство во главе с основателем ордена Теодором Фричем настаивает на прежнем, т.е. элитарном, статусе организации, в то время как новое руководство во главе с Рудольфом фон Зеботендорфом настаивает на широком народном представительстве и, как следствие, предлагает «идти в массы». Так, в 1918 году в Мюнхене (Бавария) возникает новая структура — ариософское «Общество Туле», куда сразу же входят такие будущие деятели национал-социализма, как Дитрих Эккарт, Рудольф Гесс и Альфред Розенберг. Поскольку «Общество Туле» изначально было нацелено на пропаганду своих идей среди широких слоёв немецкого общества и в первую очередь среди немецкого пролетариата, то практически сразу возникает тесная связь с рабочим движением. Так, в 1918 году Антон Дрекслер, один из членов «Общества Туле» и по совместительству слесарь мюнхенского железнодорожного депо, создаёт Немецкую рабочую партию (DAP), в которую чуть позже войдёт будущий фюрер Германии, а заодно и переименует её в печально известную NSDAP — Национал-социалистическую немецкую рабочую партию [2].

В ходе дальнейшей эволюции немецкого фашизма «Общество Туле» будет фактически упразднено, а его члены войдут либо в руководство NSDAP, либо в созданную на базе институтов SS организацию «Аненербе» с аналогичными оккультно-мистическими функциями. Однако в любом случае, в каком бы направлении ни шла реорганизация фашистских ячеек, общая идейно-мировоззренческая матрица гитлеровского режима нам более чем ясна — это гремучая смесь из оккультизма, неоязычества и расизма, имеющая мало чего общего с католической системой ценностей. Так, если для каждого убеждённого католика «человеком №1» всегда был и будет Римский папа, то для национал-социалиста — однозначно фюрер. Если классический фашизм делал ставку на корпоративное единство нации (что является органичным продолжением корпоративной культуры средневековых гильдий) и служение «общему делу», то неклассический фашизм — на беспрекословное подчинение всех воле фюрера и физическое истребление несогласных (что является скорее продолжением языческой культуры или в крайнем случае тевтонской). Если классический фашизм был интернационален

[1] Хартия расы или Расовый манифест (*Manifesto degli scienziati razzisti, Manifesto della razza*) — документ, который анонсировал принятие расовых законов в Италии в октябре 1938 года.

[2] Восхождение НСДАП: от тайных обществ к государственной идеологии / М. Молчанова // Дилетант. — 2016. — 9 ноября.

по своей сути, то неклассический фашизм — глубоко националистичен и расово предвзят.

Таким образом, мы вынуждены признать, что вклад католической Церкви и в целом католического наследия в становление гитлеровского фашизма крайне мал и поверхностен. В связи с этим хотелось бы выразить своё несогласие с распространённым сегодня мнением о том, что «колыбелью фашизма была не вся Германия в целом, а католическая Бавария» [3]. Да, основным электоратом фашистского движения первоначально были баварские рабочие, воспитанные в католической системе ценностей, однако к выборам в Рейхстаг в 1933 году электоральной основой NSDAP были уже в основном немецкие протестанты [5]. Такая динамика говорит нам о том, что католические и протестантские настроения лишь умело использовались гитлеровским режимом в своих политических целях.

Учитывая то, что идейно-мировоззренческой матрицей германского фашизма было отнюдь не католичество, то становятся понятными и его отличия от классического фашизма. Так, точек соприкосновения между ними было, по сути, всего лишь три: ставка на крупную национальную буржуазию (и, как следствие, резкое неприятие коммунизма), великодержавный дискурс («новая Римская империя», «тысячелетний рейх») и культ личности вождя (и, как следствие, отрицание любых форм демократии, особенно либеральной). Всё остальное — наличие института монархии, традиционные семейные ценности, религиозное воспитание, консервативное устройство общества и пр. — в неклассическом фашизме не просто отсутствовало, но зачастую даже и запрещалось. Ставка в германской версии фашизма была сделана на прогресс и модернизацию, на воспитание «сверхчеловека» и создание по-настоящему тоталитарного общества, на оккультно-мистическую идею «позитивного христианства» и т.д., что в корне расходилось с консервативной повесткой классического фашизма.

[3] Коммунизм и фашизм — принципиально разные формы коллективистских идеологий / И. Бойков // Завтра.ру. — 2015. — 29 апреля.

Выводы

На основании совокупности изложенных фактов, ожно заключить, что пора пересмотреть сложившиеся представления о сущности фашизма и подвергнуть глубокой ревизии его систематику. Если положить в основу классификации культурно-исторический подход, то смело можно сделать вывод о неоднородности фашизма, и выделить как минимум две основные его версии: классическую (католическую, или романскую) и неклассическую (оккультно-мистическую, или германскую). Таким образом, в рамках романо-германского культурно-исторического типа было сформировано сразу две модели фашизма, но несмотря на все их различия, обе этих модели были глубоко враждебны как англо-американскому либерализму, так и советскому социализму.

Литература

1. Адлер Х.Ф. Евреи — сначала буржуа, затем враги, а потом жертвы: поворот итальянского фашизма к расизму в 1938 году // Берегиня. — 2014. — №4(23). — С. 150-163.
2. Босворт Р. Границы фашистского тоталитаризма // Берегиня. — 2016. — №4(31). — С. 112-120.
3. Валева Е.Л. Трудный выбор царя Бориса III: к проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. — 2016. — Т.11. — С.278-291
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с. — С. 44-271.
5. Исаков П.С. Государственно-конфессиональные отношения в Третьем рейхе // Studia Humanitatis. — 2017. — №1.
6. Кондратюк С.В. Политическая и правовая система Второй Речи Посполитой // Вестник СПбГУ. Сер.14. — 2014. — Вып.4. — С. 15-23.
7. Косых Е.С., Ларионова В.Ю. Особенности итальянского фашизма // Теория и практика современной науки. — 2017. — №7(25). — С. 76-78.
8. Михайленко В.И. «Побеждённая в лагере победителей»: итальянская дипломатия после Первой мировой войны // Известия УрФУ. Серия 3: Общественные науки. — 2014. — №4(134). — С. 26-34.
9. Неретин А.И. Муссолини и еврейский вопрос в дневниках Кларетты Петаччи // Человек и культура. — 2024. — №2. — С.87-94
10. Новикова С.В., Чернов А.В., Лебедева Г.В. Христианство как онтологическая основа европейских идеологий первой половины XX века // KANT. — 2023. — №3(48). — С.137-144.

11. Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. / под ред. И. Петрова; пер. с немецк. С. Визгиной, И. Петрова; коммент. С. Визгиной, А. Дюкова, В. Симиндея, И. Петрова; предисл. А. Дюкова; сопр. ст. И. Петрова. — М.: Фонд «Историческая память», Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2015. — 448 с.
12. Поппетров Н. Фашизм в Болгарии: специфические черты // Берегиня. — 2015. — №3(26). — С. 32-41.
13. Раков М.В. Протестантская этика и дух либерализма // Вестник Пермского университета. Серия «История». — 2004. — Вып. 5. — С. 62-66.
14. Чернов А.В. Токарева П.М. К вопросу о колебаниях социально-экономического курса фашистской Италии в 1920-1930-е гг. // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — №11(137). doi:10.23670/IRJ.2023.137.66
15. Ebner M. Ordinary Violence in Mussolini's Italy // American Historical Review. — 2013. — Jan. — P.277-278
16. Pollard, Jh. The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914–1958. — Cambridge, 2014. — P. 158

The problem of human estrangement from death in postmodern society: socio-philosophical analysis

Shapovalov Igor Sergeevich, *lecturer, Voronezh State University, Voronezh (Russia)*

The article examines the problem of human alienation from death and existential issues in modern Western civilization. The purpose of this research is to reveal the main ideas about death in postmodern society. The novelty of the work lies in the discovery of a new form of death denial: under the influence of total pluralism and the cult of consumption, death and dying are pushed out of everyday life and then returned to the mass cultural consciousness in the form of entertainment, games, and consumer products. The author shows that the postmodern society generates the phenomenon of alienation from death: a situation in which death and dying are transferred from the plane of personal and existential events to the entertainment space of mass media in the form of a spectacle and the scientific sphere in the form of a technical problem. All of this leads to the loss of human authenticity and transformation into a thoughtless and destructive consumer. This study shows that the denial of death has a destructive effect on people's identity, and that incorporating death-related practices into daily life is necessary to awaken existential awareness. This can be achieved through educational initiatives that engage in ethical discussions about mortality, as well as through the revival of cultural rituals that promote collective mourning. Additionally, healthcare reforms that emphasize a humanistic approach to dying and a critical examination of the current consumerist ideology that promotes the cult of eternal youth are also necessary.

Keywords: *postmodernity; alienation from death; existential blindness; the frozen universe of postmodernity; the simulacrum of death.*

EDN: HBTQBO ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.23***

Цитировать: *Шаповалов И.С. Проблема отчуждения человека от смерти в обществе постмодерна: социально-философский анализ // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 146-162. EDN: HBTQBO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.23*

УДК 101.1:316
5.7.7

© Шаповалов И.С., 2026

Проблема отчуждения человека от смерти в обществе постмодерна: социально-философский анализ

Шаповалов Игорь Сергеевич,
преподаватель, Воронежский государственный университет, Воронеж (Россия)

В статье рассматривается проблема отчуждения человека от смерти и экзистенциальных проблем в современной западной цивилизации. Цель данного исследования — раскрыть главные представления о смерти в обществе постмодерна. Новизна работы состоит в обнаружении новой формы отрицания смерти: под влиянием тотального плюрализма и культа потребления смерть и умирание вытесняются из повседневной жизни и затем возвращаются в массовое культурное сознание в форме развлечения, игры и потребительского продукта. Автором показано, что общество постмодерна генерирует феномен отчуждения от смерти: ситуация, в которой смерть и умирание переносятся из плоскости личного и экзистенциального события в развлекательное пространство масс-медиа в форме зрелища и научную сферу в форме технической проблемы. Все это приводит к тому, что человек утрачивает свою аутентичность и превращается в бездумного и деструктивного потребителя. В результате данного исследования показано, что отрицание смерти разрушительно влияет на идентичность людей и для пробуждения экзистенциального зрения необходимо внедрение практик осмысления смерти в нашу повседневную жизнь. Это может быть реализовано посредством образовательных инициатив, включающих этические дискуссии о конечности, а также через возрождение культурных ритуалов, способствующих коллективному переживанию утраты. Параллельно необходимы реформы и в системе здравоохранения, акцентирующие гуманистический подход к процессу умирания, и критический пересмотр современной потребительской идеологии, пропагандирующей культ вечной молодости.

Ключевые слова: *постмодерн; отчуждение от смерти; экзистенциальная слепота; замороженная вселенная постмодерна; симулякр смерти.*

Введение

Постсовременное общество, пропитанное духом постмодерна, стремится отодвинуть смерть на периферию сознания, делая ее чем-то далеким и почти нереальным. Бесконечные потоки информации, в которых трагедии быстро сменяют друг друга на телеэкранах, и заверения врачей о медицинских возможностях бесконечного продления жизни создают довольно обманчивое ощущение власти над жизнью и смертью. Однако это лишь приводит к тому, что человек отчуждается от природной реальности и ее трагического аспекта (в форме страданий, болезни и гибели). Так, сегодня забота о ритуалах, связанных со смертью, перекладывается на больницы и похоронные службы, а вместо живого прощания часто предлагаются виртуальные мемориалы в разных социальных сетях. Пандемия COVID-19 стала наглядным примером массового отстранения от смерти: люди умирали в изоляции медицинского пространства, а скорбь выражалась в форме лайков под фотографиями, что демонстрирует, как реальные чувства утраты растворяются в цифровом шуме.

В современной, раздробленной культуре понятие отчуждения, берущее начало в античной философии, приобретает новые формы. Если раньше смерть была естественной частью жизни, освященной традициями и верованиями, то сегодня она вытесняется на периферию культурного сознания. Ее скрывают в медицинском пространстве, смягчают эвфемизмами или полностью заменяют футуристическими идеями, такими как крионика или же цифровое бессмертие (перенос сознания в виртуальную реальность). Постмодернизм, с его культом индивидуализма, потребления и симулякров, лишь усугубляет это отчуждение. Жан Бодрийяр отмечал, что в условиях гиперреальности символы смерти теряют связь с действительностью и становятся новым товаром — от фильмов о зомби до сервисов планирования посмертного «наследия». Урбанизация и секуляризация также способствуют этому разрыву: анонимность и атомизация в очень больших городских мегаполисах препятствует экзистенциальному переживанию утраты, а ориентация на потребление и сиюминутные удовольствия отвлекает от мыслей о хрупкости и конечности бытия.

Таким образом, можно утверждать следующее: если в традиционном или индустриальном обществе смерть была неотъемлемой частью человеческой жизни, то в постмодернистскую эпоху её восприятие кардинально изменилось: она потеряла свою экзистенциальную значимость и цельность, превратившись в бесконечно фрагментарный и ироничный поток нарративов. В отличие от прошлых эпох, когда смерть понималась либо как полное исчезновение, либо как путешествие в загробный мир, сегодня она обретает множество смыслов и часто становится частью виртуальных миров и публичных дискуссий. Современная культура, демонстрируя это, использует образ смерти в мемах, играх и сериалах (например, «Чёрное зеркало») не для выражения трагизма, а как инструмент для анализа реальности. Философы эпохи постмодерна (Бодрийяр, Деррида и Фуко) понимают феномен смерти как симулякр, знак отсутствия и часть биополитики. Эта трактовка соответствует западному тренду недоверия ко всем традиционным описаниям реальности (в том числе и смерти). Это изменение в восприятии не ограничивается академическим дискурсом, а проникает в массовое культурное сознание западной цивилизации и влияет на то, как человек справляется с горем от утраты значимых других в перегруженном информацией мире.

Актуальность исследования обусловлена и тем, что постмодернистские идеи, выйдя за пределы философских кулуаров, глубоко изменили отношение к смерти у западного обывателя. Влияние постмодерна очень явно прослеживается в современном медиапространстве, искусстве и даже в подходах к психотерапии. Среди очень многих молодежных субкультур Запада наблюдается склонность к деструктивному поведению, что находит отражение в их культурных практиках: нигилистические тексты, игры со смертью и культ агрессии. Эта темная сторона современной культуры не случайна: потеря универсального смысла жизни и веры в глобальные проекты и высшие истины порождает экзистенциальную тревогу, которую массы пытаются заглушить бесконечным потреблением. И это исследование поможет нам понять, почему религиозные и научные концепции (такие как христианское воскресение или гегелевская

концепция духа) потеряли свою силу, а на их место приходят ризоматические метафоры, представляющие смерть как децентрализованное и неиерархическое событие, которое можно в свою очередь трактовать и переживать, как угодно.

Также актуальность данного исследования связана с тем, что наблюдаемое отчуждение от смерти не только деформирует человеческую природу, но и порождает глубокий кризис идентичности. В современном мире, где технологии, такие как ИИ, обещают вечную жизнь через цифровые следы, а генетические анализы сохраняют всю нашу персональную информацию даже после смерти, существует реальная угроза потери человеком своей субъектности. Он рискует превратиться в совокупность алгоритмов. Русская классика XIX века, от Пушкина до Достоевского, уже предвосхищала подобные мотивы отчуждения. Однако в постмодернистскую эпоху эти тенденции трансформируются: смерть из фундаментальной данности превращается в опцию, доступную в рамках самых различных жизненных стилей. Наша работа направлена на выявление механизмов этого феномена посредством социально-философского анализа.

Методологическая основа данного исследования напрямую вытекает из открытий философии постмодернизма: деконструкция текстов, дискурс-анализ и интерпретация культурных артефактов. Также в работе были задействованы общелогические методы (анализ, аналогии, дедукция), которые помогли нам изучить и выявить главные особенности современной культуры постмодерна и ее негативные проявления в форме отчуждения от смерти; и использовался историко — культурный анализ, который позволил определить явное изменение в психическом мире западного человека с переходом из традиционного общества в современный информационный мир.

Теоретическая база исследования складывается из трудов, посвященных аналитике культурного состояния постмодерна и теорий в области death studies. Для раскрытия ключевых черт общества постмодерна были использованы труды Бодрийяра, Делеза и Гваттари, Дерриды, Лиотара, Липовецки, Симоновой и Бен Чхоль Хана. Для понимания мортальных представлений в обществе постмодерна были задействованы танатологические концепции Бодрийяра, Варавы, Даути, Коробова-Латынцева, Мохова, Слепокурова и Янкелевича.

Практическая значимость данной работы заключается в расширении общего горизонта исследований в области философской танатологии и описании грандиозных социокультурных изменений в мире постмодерна. Доказано, что постмодернистское общество порождает экзистенциальную слепоту (человек перестает видеть реальную смерть и природную действительность в целом, так как его жизненным пространством становится гиперреальность, сотканная из симулякров), что усиливает дистанцию между человеком и смертью, превращая ее в абстрактный медийный продукт, зрелище или управляемый социальными институтами процесс. В данной работе проводится комплексный анализ проблем культуры постмодерна в его социальном и экзистенциальном аспекте, что может помочь и другим философам и культурологам в их собственных теориях по изучению кризисных явлений и угроз нашей текучей современности.

Понятие отчуждения в западной социальной философии

Изначально в западном философском дискурсе понятие отчуждение очень часто осмысливалось как фундаментальный разрыв между подлинной природой и сущностью человека и его воплощениями в мире. Гегель интерпретировал этот феномен как динамический диалектический процесс, в ходе которого мировой дух, материализуясь в природе, утрачивает свою внутреннюю гармонию. Он приводил аналогию с художником, чье творение, обретя самостоятельность, начинает жить своей жизнью и даже может противостоять своему создателю. Фейербах углубил эту концепцию, выделив, как индивид отдаляется от своей собственной человеческой природы, превращая ее в предмет обожествления или идеализации.

Карл Маркс кардинально изменил понимание отчуждения, применив его к общественным отношениям. Он утверждал, что в условиях капитализма рабочий испытывает отчуждение на нескольких уровнях: от созданного им продукта, который становится лишь рыночным товаром; от производственного процесса, который превращается в монотонный и бездушный процесс; от других

людей, которые воспринимаются как конкуренты; и, наконец, от собственной природы, которая находит выражение лишь в вульгарном потреблении. В такой системе человек низводится до уровня простого механизма, а его работа служит лишь средством бесконечного накопления капитала. Эта же проблема явно отражается в русской литературе XIX столетия: у русского писателя Гоголя многие герои, такие как Акакий Акакиевич из «Шинели», полностью растворяются в безликой и анонимной бюрократии, утрачивая личность и онтологическую уникальность. А Достоевский в своих «Записках из подполья» обнаруживает как проблема отчуждения порождает протест против социальных норм и предписаний.

В социальной теории XX века понятие обогащается психологическими и культурными измерениями. Эрих Фромм описывал его как потерю спонтанности и уникальности под гнетом конформизма, где индивид подменяет истинные нужды ложными потребностями рынка. Маркузе развивал эту линию, указывая на «одномерного человека» в индустриальном обществе, где технологии и реклама подавляют его критическое мышление, навязывая иллюзию свободы. Дюркгейм же через призму аномии фиксировал разрыв между нормами и реальностью, ведущий к социальному распаду, а Вебер связывал отчуждение с «железной клеткой» рациональной бюрократии, где личность растворяется в безличных процедурах.

Современные интерпретации, особенно в контексте постиндустриальных трансформаций, явно акцентируют культурно-исторический аспект: отчуждение перестает быть только экономическим, становясь онтологическим разрывом субъекта с миром опыта. В теориях по идентичности эпохи постмодерна подчеркивается утрата субъектности, когда каждый человек фрагментируется под влиянием симулякров и новых виртуальных практик, подобно тому, как в повседневности смерть вытесняется из дискурса, превращаясь в табуированный объект. Процессы социогенеза усиливают этот токсичный эффект: урбанизация, цифровизация труда и потребления сильно дробят традиционные связи, оставляя индивида в состоянии глубокой экзистенциальной изоляции. Исследования подтверждают, что это массовое отчуждение проявляется в психологической отстраненности, потере жизненного ориентира и даже в странной привязанности к неодушевленным предметам — гаджетам и брендам, которыми люди пытаются заполнить зияющую пустоту в сфере межличностных отношений. И именно поэтому «проблема человека XXI века заключается не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую именно идентичность выбрать и как суметь от нее вовремя избавиться и избрать другую. Человека современности постоянно сопровождает работа по переустройству и формированию собственной идентичности» [10, с. 121].

Главные особенности и философские установки общества постмодерна

Постмодернизм появился как ответ на разочарование в модернистском проекте о всеобщем знании и прогрессе, который обещал освобождение и новый дивный мир, в котором не будет социальных или экономических проблем. Но вместо обещанного Рая человечество получило Мировые войны и геноцид, что в свою очередь привело к пессимизму и критическому пересмотру всех концептов модернизма. Ключевой фигурой в этой критике стал философ Жан-Франсуа Лиотар, который в конце 70-х годов определил постмодерн как недоверие к грандиозным историям (например, к идеям Гегеля об истории как объективации мирового духа или Маркса о классовой борьбе). Эти всеобъемлющие теории утратили свою актуальность в мире, где доминируют разрозненные, локальные точки зрения. Знание перестало быть единым целым, а стало огромной мозаикой, где научные и мифологические представления сосуществуют на равных. И как пишет сам Лиотар: «Упрощая до самой крайности, мы считаем «постмодерном» абсолютное недоверие в отношении метарассказов. С выходом из употребления метанарративного механизма легитимации связан, в частности, мощный кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции» [8, с. 10]. Таким образом, постмодерн характеризуется распадом традиционных систем абсолютных истин, что оставляет человека без прочной основы для формирования единого мировоззрения. Вместо этого преобладает тотальный плюрализм, при ко-

тором все убеждения равноправны, а понятие истины становится очень ситуативным и контекстуальным. Как утверждают по этому поводу философы: «В постмодерне объективная истина либо вообще не существует, либо же недоступна человеческому восприятию. Поэтому любое знание или же утверждение — это только точка зрения того, кто его озвучивает» [16, с. 328].

Деконструкция Жака Деррида усиливает культуру постмодерна, подрывая бинарные оппозиции западной метафизики — добро/зло, присутствие/отсутствие, жизнь/смерть, субъект/объект. Для Деррида всё вокруг подобно тексту, а значит, смысл никогда не бывает окончательным и всегда ускользает. Это он называет «différance» — постоянное откладывание значения, которое лишает нас твёрдой почвы под ногами. В таком свете реальность предстаёт не как нечто неизменное, а как бесконечная паутина различных взаимосвязей. Даже смерть перестаёт быть абсолютным завершением, превращаясь в один из элементов в бесконечном потоке интерпретаций. Деррида критикует платоновскую традицию, которая возвышала то, что «есть» (присутствие), и отрицала то, чего «нет» (отсутствие). Постмодернизм же, следуя Деррида, переворачивает эту иерархию. Как пишет сам Деррида: «Конечная цель моей философии поставить под вопрос все то, что мы, кажется, понимаем под близостью, непосредственностью, наличием (эту близь, эту свойственность, эту частицу «на»). Эта деконструкция всего наличия проходит через деконструкцию сознания и, следовательно, через неустранимое понятие следа (Spur), появившееся у Ницше и Фрейда» [5, с. 199].

Также, важными для осмысления общества постмодерна являются теории философа Мишеля Фуко, который предложил концепцию власти как сложной системы микропрактик, которые пронизывают наше физическое существование и язык. В своей работе «Надзирать и наказывать» он прослеживает переход от публичных казней, где тело преступника служило символом суверенной власти, к дисциплинарному обществу, где контроль становится внутренним процессом и осуществляется через такие социальные институты, как тюрьмы, клиники и психиатрические больницы. Для Фуко смерть перестает быть трансцендентным событием и становится продуктом биополитики — государственной стратегии управления населением через регулирование здоровья и смертности. Многие его работы указывают на то, что индивид в мире постмодерна не самодостаточен, а скорее является продуктом взаимодействия власти и знания, где даже восприятие и переживание смерти формируется институциональными рамками. Как пишет сам Фуко: «Порядок «отводит» каждому индивиду его место, его тело, болезнь и смерть, все его благосостояние посредством вездесущей и всеведущей власти, которая равномерно и непрерывно подразделяется вплоть до самого конечного определения индивида: того, что характеризует его, принадлежит только ему, происходит с ним» [18, с. 288].

Жан Бодрийяр описывает общество постмодерна как гиперреальность, в которой симулякры замещают собой реальное. В своих работах он утверждает, что война в Персидском заливе не случилась как событие, поскольку была инсценирована массмедиа. А это означает, что человек отрывается от природной реальности и оказывается в плену цифровой матрицы. Смерть в этом контексте — это не экзистенциальное событие, а спектакль: телесные катастрофы в новостях размножаются как знаки без референта. Потребительское общество полностью и незаметно перерабатывает трагедии в эстетику, делая их частью бесконечного потока образов. Так, Бодрийяр опираясь на маркетинговые данные и культурные артефакты, показывает нам, как управление информацией стирает грань между живым и мертвым. Как пишет сам Бодрийяр про общество постмодерна, которое во многом подчинено законам рыночной экономики: «При капиталистическом строе каждый одинок перед лицом всеобщего эквивалента. Точно также каждый одинок и перед лицом смерти — и это не случайное совпадение. Ибо всеобщая эквивалентность — это и есть смерть. С этого момента основным рациональным двигателем политической экономии становится очень навязчивый страх смерти и стремление отменить ее путем накопления» [1, с. 340].

Делез и Гваттари в «Тысяче плато» предлагают мощную метафору ризомы как альтернативу древовидной, иерархической модели, характерной для эпохи модерна. В отличие от дерева с его центральным стволом и кор-

нем, ризома — это подземная сеть, подобная корням бамбука, где новые связи множатся во всех направлениях, без единого центра или исходного начала. Эта концепция стала краеугольным камнем постмодернистской мысли, где идентичность понимается как мозаика, а смерть — не как финал, а как переломный момент в бесконечном потоке изменений: «смерть — это деталь желающей машины, которая и сама должна оцениваться и описываться с точки зрения функционирования машины и с точки зрения самой системы ее энергетических преобразований, а не как абстрактный принцип» [4, с. 424]. Их идея «тела без органов» — это виртуальная энергия, свободная от привычных органических форм, что перекликается с тем, как современное западное искусство, используя новый ризоматический подход, предлагает множество трактовок понятия смерти. И как пишут сами Делез и Гваттари: «Наш опыт смерти должен быть достаточно богатым, чтобы мы могли жить и знать, что желающие машины не умирают. И что сам субъект как прилагающаяся деталь всегда остается неким «мы», которое и проживает опыт, а не тем Я, которое обретает образец» [4, с. 420].

По сути, все эти философы утверждают, что каждый человек утрачивает свою индивидуальность перед лицом смерти. В отличие от Мартина Хайдеггера, для которого смерть была подлинным столкновением с бытием, постмодернисты видят в ней лишь очередной конструкт. Бодрийяр указывает на виртуальность как на место, где смерть превращается в высшую форму симулякра — например, через «жизнь» клонированных образов умерших в соцсетях. Фуко добавляет, что исторический контекст, как в случае с контролем над телами казненных в России или Франции XVIII века, определяет все наше понимание смерти. Деррида же деконструирует страх, превращая его в очень разрозненную сеть эмоций. Таким образом, постмодерн лишает феномен смерти экзистенциального содержания и трансформирует его в симулякр и культурный нарратив, который можно по-разному описывать и изучать. И поэтому «Деррида переводит смерть в другую плоскость — следов и различающих процессов. Сама знаковость — возможность знака (как неналичия вещи) и есть определенное отношение к феномену смерти, выраженное в культуре (вспомним, что, по Деррида, всякая графема имеет смысл завещания, да и ссылки на Тота в связи с ритуалом письма), подобно тому, как устранение знака в метафизике было попыткой устранить мысль о смерти» [5, с. 59].

Постмодернизм во многом обязан своим появлением идее, что язык не просто описывает реальность, а активно её создаёт. Эта мысль, заложенная ещё Фердинандом де Соссюром с его концепцией произвольности значения знаков, привела к тому, что даже такие понятия, как «смерть», стали восприниматься как дискурсивные конструкции, а не объективные факты. В литературе, например, у Толстого, мы видим предвестники этого плюрализма: разные виды смерти (от болезни, холода, казни) представлены как отдельные истории, а не единое событие. Интересно, что даже детское восприятие смерти, как показывают нам исследования, формируется под влиянием культуры, а не является врождённым.

Постмодернизм переосмысливает знание, видя его не как универсальную истину, а как набор локальных, контекстуальных моделей. В этом новом мире искусственный интеллект, подобный ChatGPT, стирает старые границы между подлинным мышлением и его имитацией. Страх перед лицом смерти перестает быть простым чувством, превращаясь в сложную, взаимосвязанную систему реакций. Великие идеи Просвещения распадаются, уступая место иронии и игре. И в данных социокультурных условиях даже феномен смерти трансформируется в гламурный объект эстетического переживания (в различных перформансах и инсталляциях). Таким образом, вся философия постмодернизма — это аналитика культурной фрагментации, в которой все высшие истины и социальные идеалы растворяются в бесконечном потоке симулякров. И как пишет об процессе строительства новой реальности в постмодерне философ Стивен Хикс: «Для постмодернистского разума жестокие уроки современного мира заключаются в том, что реальность недоступна, что ничего не может быть известно, что человеческий потенциал ничтожен и что этические и политические идеалы ни к чему не привели. Психологическая реакция на потерю всего — гнев и отчаяние» [21, с. 259].

Центральную роль в обществе постмодерна играет культура потребления, которая трансформирует жизнь человека и социума

в целом в непрерывный цикл приобретений товаров и услуг. В этом контексте смерть, как финальная точка и трагическая фатальность, оказывается несовместимой с доминирующей логикой сознания счастливого потребителя (общество потребления принуждает людей к счастью, а если ты несчастлив — то ты дефектен и нуждаешься в психоанализе и медикаментозном лечении). Поэтому ее стараются завуалировать с помощью таких эвфемизмов, как «уход» или «переход», а древние погребальные ритуалы деградируют до стандартизированных предложений похоронных бюро. Ярким примером такого отчуждения от реальности смерти служит очень ироничное изображение этого явления в американских сериалах, например, в «Клиент всегда мертв», где зритель дистанцируется от ее травматического аспекта. Технологический прогресс, в частности крионика и трансгуманизм, усугубляет эту тенденцию, предлагая всем возможность отменить смерть через цифровое бессмертие сознания, создавая иллюзию вечности в виртуальном пространстве.

Фрагментация идентичности дополняет картину. Человек постмодерна — это коллаж из ролей, генерируемых социальными сетями: сегодня инфлюенсер, завтра анонимный потребитель. Жан Бодрийяр анализировал трансформацию тела в объект стилизации и коммерциализацию смерти в контексте индустрии wellness. В качестве примера можно привести легализацию эвтаназии в Европе, которая позиционируется как проявление самоконтроля и утверждение полной автономии личности над процессом телесного увядания. Современная западная медиакультура усугубляет эту тенденцию, представляя такие важные события, как теракты или пандемии, в режиме реального времени, но исключительно как зрелище, дистанцированное от непосредственного личного переживания. Как пишет историк Харари: «люди часто хотят, чтобы истина была не такой, какая она есть» [23, с. 66].

Влияние безграничного релятивизма постмодерна на этику проявляется в эрозии моральных принципов и реинтерпретации смерти как вопроса личного выбора, а не универсальной неизбежности. Это явление можно рассматривать как отголосок ницшеанской концепции «смерти Бога» в секуляризованном мире, где трансцендентные ценности замещаются имманентными устремлениями — от физического совершенствования до биотехнологий. В контексте азиатских стран, например, Южной Кореи, урбанизация и цифровизация катализируют этот процесс, способствуя уходу молодежи от размышлений о смертности в сферы массовой культуры (K-pop) и виртуальной реальности. Следовательно, постмодернистская парадигма конструирует барьер между субъектом и его конечностью, усиливая чувство тотального отчуждения посредством симуляции безграничных возможностей и формируя бесконечный поток симулякров.

Феномен отчуждения от смерти в обществе постмодерна

В эпоху постмодерна смерть утратила свою экзистенциальную значимость и превратилась в нечто абстрактное и отдаленное (вечное завтра, которое очень возможно никогда и не наступит), став второстепенным аспектом нашей жизни. Это связано с тем, что происходят фундаментальные и необратимые изменения в аксиологической сфере, что влияет на самовосприятие человека: традиционные представления о конечности существования теряют свою прежнюю силу в условиях фрагментированного опыта. Под влиянием вездесущих образов вечной молодости из рекламы и цифрового пространства, человек явно начинает воспринимать смерть не как неизбежную реальность, а как проблему, которую можно решить или «оптимизировать». Это проявляется и в массовой культуре, где умирание «обезболивается»: сериалы демонстрируют его в отстраненной манере, минимизируя страдания героев с помощью спецэффектов, а весь траур превращается в простые акты потребления — от памятных предметов до онлайн-мемориалов и его трагический и сакральный статус стирается.

Философский анализ данного феномена опирается на идеи о потере субъектности, где индивид отчуждается от своей собственной смертности через гипертрофию индивидуализма. В постмодернистском контексте, насыщенном плюрализмом ценностей, смерть перестает быть универсальным табу, но обретает особый статус персонализированного события, изолированного от коллективного опыта. Исследования подчеркивают роль культурных практик: в урбанистических мега-

полисах тела усопших удаляются за пределы жилых зон в специализированные учреждения, а обсуждение гибели человека сводится к бюрократическим процедурам. Такой подход усиливает разрыв, делая смерть невидимой нормой, подобно тому, как в литературе классиков отчуждение от жизненных оснований передавалось через образы потерянной целостности. Как пишет Жан Бодрийяр: «Сегодня быть мертвым ненормально, и это нечто новое. Смерть — это антиобщественное, и неисправимо отклоняющееся поведение» [1, с. 301].

В рамках многих социально-философских дискуссий подчеркивается, как новые технологические достижения, такие как крионика, и генная инженерия, предлагают иллюзию отсрочки неизбежного и усиления контроля над природой. Это порождает отчуждение: общество, обладая обширными научными знаниями о смерти, но эмоционально обедняется, избегая прямого столкновения с ней. Повседневные примеры явно иллюстрируют эту динамику: социальные сети изобилуют контентом о здоровье и долголетии, в то время как упоминания о реальных утратах редки и часто подвергаются цензуре, заменяя аутентичность на эвфемизмы. В конечном итоге, в социальных условиях постмодернистской раздробленности, смерть перестает быть фундаментальным аспектом жизни и превращается в незначительный элемент, подчиненный рыночным отношениям.

Социальные аспекты отчуждения от смерти в постмодернистском обществе. Смерть в массовой культуре и медиапространстве

Общество постмодерна — это время господства масс-медиа, которые, по сути, и генерируют для людей всю окружающую их действительность. Масс-медиа создают культуру, в которой смерть становится коммерческим продуктом и неотъемлемой частью повседневного развлекательного контента. В новую эпоху, когда границы между реальным и виртуальным стираются, сериалы типа «Игры престолов» и «Ходячих мертвецов» демонстрируют очень масштабные картины насилия, убийства и истребления целых народов с поразительной обыденностью, сравнимой с прогнозом погоды. Зрители привыкают к зрелищу оживших после казни персонажей или же к зомби-эпидемиям как к фоновым элементам интриг. Это не просто сюжетные ходы, а стратегия встраивания смерти в бесконечный цикл потребления игрового контента. По Бодрийяру, это проявление гиперреальности: смерть перестает быть отражением жизни, и сама становится отчужденной от телесных страданий моделью, превращаясь в очень зрелищный эффект, который можно перемотать или монетизировать через мерчандайзинг. Как ярко пишет об этом историк Дина Хапаева: «Изгнанная из общественной жизни по обе стороны Атлантики и вообще не упоминаемая в повседневных разговорах, смерть теперь торжествует в виртуальной реальности. Зрители наслаждаются ее жуткими образами, ее чудовищные описания целиком и полностью захватывают читателей. Многие американцы испытывают очень навязчивую фиксацию на смерти, умирании и мертвецах» [20, с. 20]. Отсюда явно следует тенденция обращения смерти в виртуальный образ и развлечение. Таким образом, постмодерн создает с помощью виртуальной реальности и масс-медиа экзистенциальную слепоту: опасный феномен, при котором человек не способен адекватно воспринимать всю реальность смерти и её подлинную трагическую сущность. И это неведение лишает его возможности осознать, что именно конечность бытия придает жизни её глубочайшую ценность, а также упускает очень важный, фундаментальный ресурс для формирования зрелой и аутентичной идентичности (ведь только по отношению к смерти можно понять важность и неповторимость всех событий и ценность всего вокруг).

Киноиндустрия лишь усиливает этот тренд, предлагая гибриды, где смерть обесценивается через супергеройские франшизы Marvel или DC. Там персонажи вроде Таноса или Джокера сеют хаос, но возврат к жизни — всего лишь пауза в сиквеле, а фанаты обсуждают в твиттере не личную трагедию, а CGI-качество разлетающихся конечностей. Постмодернистская логика здесь проявляется в деконструкции линейного нарратива: смерть перестает быть финалом, становясь фрагментом коллажа, где аутентичное переживание вытесняется иронией и отсылками. Вспомним «Матрицу», где Нео умирает и воскресает в цифровом потоке, — это иллюстрирует бодрийяровский симулякр, где

медиа не копируют смерть, а порождают ее бесконечные копии, более убедительные, чем оригинал.

Поэтому цифровой поворот, по мнению современных культурологов, «приводит человека в ситуацию, когда он оказывается дезориентирован и растерян. Он не знает, кому верить, не понимает, что именно происходит вокруг него, потому что зачастую не имеет оснований верить тем источникам, которые имеет» [12, с. 64].

Социальные вездесущие медиа значительно усиливают интерактивность происходящего. Платформы вроде TikTok и Instagram переполнены вирусными вызовами, которые зачастую имитируют суицидальные действия или несчастные случаи. Подростки, стремясь к популярности, бездумно копируют сцены из произведений вроде «13 причин почему», игнорируя все потенциальные риски. Прямые эфиры с реальными трагедиями — будь то полицейские перестрелки в США или уличные конфликты в крупных городах — привлекают миллионы зрителей, превращая человеческие страдания в материал для алгоритмов. В этом контексте концепция ризомы Делёза и Гваттари обретает реальность: смерть теряет свою иерархичность, распространяясь по сетям в виде мемов, коротких видео и историй, где лишь один инцидент порождает бесчисленное множество вариаций. Вместо истинной скорби пользователи делятся контентом, оставляя комментарии вроде «круто» или же «это правда?», — страх растворяется в непрерывном потоке информации, а глубина эмоционального отклика сводится к показателям вовлеченности, измеряемым платформами (количество лайков и просмотров становится важнее экзистенциальной глубины и подлинности). И подобное очень инфантильное отношение к реальности в обществе постмодерна становится повсеместным и поэтому профессор Симонова пишет, что сегодня «человек, успешно делающий карьеру и зарабатывающий себе деньги, терпит неудачи в установлении прочных человеческих отношений: ему трудно быть верным, жертвенным, необходимым своему избраннику. И такая трагическая ситуация обусловлена тем, что в современной культуре отсутствует идеал» [13, с. 65]. И поэтому духовная пустота замещается бесконечным потреблением.

Музыкальные клипы и видеоигры усиливают эту тенденцию, превращая смерть в некий элемент игры или бунта. Рэперы, такие как Эминем и Lil Peep, используют образы смерти (черепа на татуировках, песни о передозировках) как часть своей бунтарской эстетики, делая их саундтреком к вечеринкам. Игры вроде «GTA» и «The Last of Us» позволяют игрокам безнаказанно уничтожать противников, где возможность возрождения (respawn) снимает ответственность, а успехи в убийствах и насилии поощряются. Постмодернизм, с его акцентом на многообразие взглядов, показывает, что отношение к смерти раздроблено по субкультурам: от готических романтиков, ищущих бессмертие в темном образе вампиров, до подкастов о преступлениях, где все убийства анализируются с холодной отстраненностью. В русскоязычном интернете, на платформах вроде ВКонтакте и YouTube, наблюдается схожая картина: контент о мрачных событиях 90-х или детальные разборы преступлений привлекают аудиторию, для которой смерть становится скорее объектом ностальгии и развлечения, нежели источником страха и личной экзистенциальной угрозы.

Реклама и потребительская культура завершают этот образ. Парфюмы с мрачными названиями вроде «Смерть поэта» или энергетики, обещающие «воскрешение» после усталости, встраивают идею конца в процесс покупки. Фестивали ужасов, такие как «Comic-Con», превращают зомби-апокалипсисы в развлечение, где люди косплеят разложение для фотографий. В этой медийной среде постмодернизм лишает смерть ее сакрального значения. Великие истории о загробной жизни уступили место более мелким нарративам, где смерть становится просто выбором в потоке контента. Постоянное воздействие образов притупляет чувствительность зрителей: опросы показывают, что миллениалы меньше боятся смерти, воспринимая ее лишь как сюжетный поворот, а не как неизбежный финал.

На платформах вроде Netflix или в подкастах типа «Crime Junkie» жанр true crime разворачивает перед нами реальные истории преступлений, от леденящих душу дел Джеффри Дамера до забытых местных драм. Однако их цель — не морализаторство, а нагнетание саспенса. Мы, зрители, словно

завороженные, погружаемся в темные уголки сознания маньяков, забывая о тех, чьи жизни были разрушены. Это похоже на фукианскую власть над телами: медиа вновь и вновь «препарируют» эти трагедии, выставляя их на всеобщее обозрение масс. В постмодернистском танце знаков, где реальность и вымысел переплетаются, это скорее игра, чем осуждение. Восточные произведения, такие как «Токийский гуль» или «Берсерк», добавляют свой мистический оттенок: здесь смерть — это не конец, а лишь трансформация, а монстры — вечные странники в цикле насилия. Это усиливает модный глобальный нарратив о бессмертии, достигаемом через бесконечное воспроизводство цифрового контента, которое затягивает в сферу постоянного потребления сериалов, фильмов и игр. Как пишет о виртуальном порабощении известный философ Бен Чхоль Хан: «Смартфон оказывается очень полезным информатором, который подвергает нас постоянному надзору. Под предлогом удобства надзор проникает и в повседневность. В цифровой тюрьме, поданной как зона комфорта, исчезает всякое сопротивление господствующему режиму. Лайк исключает любую революцию» [19, с. 39-40].

В результате, культура общества постмодерна порождает смешанное восприятие, в котором смерть утрачивает свою первоначальную значимость в качестве экзистенциального события и сакрального феномена, трансформируясь в медийный контент. Это отрицание реальности смерти становится основой для формирования идентичности нарцисса и источником развлечений, что в свою очередь приводит к деструктивному поведению у молодежи и культу агрессии.

Потеря единого метанарратива и её влияние на отношение к смерти

В эпоху постмодерна, когда все масштабные объяснения мира (будь то религиозные, исторические или научные описания действительности) потеряли свою силу, смерть больше не является центральным событием, придающим смысл всей жизни. Если раньше она органично вписывалась в общую канву — как завершение духовного пути, акт самопожертвования или этап эволюции, то теперь, лишившись этой всеобъемлющей рамки, она дробится на бессчётные, разрозненные истории. Каждая из этих историй претендует на свою истину, но ни одна не обладает универсальной значимостью. Такое размывание смысла порождает чувство неопределённости, где смерть то незаметно растворяется в потоке обыденности, то вдруг шокирует нас своей бессмысленной внезапностью.

Современная западная культура, представленная такими произведениями, как «Матрица» или «Черное зеркало», переосмысливает смерть. Она перестает быть окончательным рубежом, превращаясь в своего рода «перезагрузку» или симуляцию, которую можно пройти заново или стереть. Без всеобъемлющего нарратива, объясняющего смысл жизни и смерти, это явление встраивается в потребительскую культуру. Смерть становится товаром: от вирусных мемов о зомби до технологических обещаний виртуального бессмертия. Люди находят собственные интерпретации в обрывках информации: одни обращаются к очень древним восточным духовным практикам, другие же — к научным теориям криоконсервации, а третьи — просто отшучиваются от идеи смерти и конца света в интернете. Такая плюралистичность, с одной стороны, снижает страх перед смертью, заменяя его бесконечной иронией, но с другой — усиливает тревогу, поскольку отсутствует единая система координат для понимания этого явления.

В литературе постмодерна, как показывают Умберто Эко и Дэвид Фостер Уоллес, смерть часто предстает не как грандиозное событие, а как мозаика из цитат и аллюзий. У Эко, например, в «Имени розы», смерть становится частью лабиринта текстов, где каждый умерший — лишь стимул для новых толкований. Подобная фрагментация отношения к смерти наблюдается и в современной России, где постмодернистские веяния смешиваются с местными обычаями. Подростки с зависимостями могут воспринимать смерть лишь как мимолетное озарение в состоянии опьянения, тогда как разные городские интеллектуалы анализируют ее через призму исторических мифов о казнях или народных суеверий. Отсутствие общего метанарратива не позволяет этому бесконечному потоку переживаний пересобраться в единую ментальную картину. Эта ситуация оставляет каждого человека наедине с его личными переживаниями о смысле жизни и феномене смерти.

Цифровые технологии также трансформируют наше восприятие смерти. Погребения часто упрощаются до минимума или же переходят в виртуальное пространство (онлайн-мемориалы), а скорбь выражается через активную гипер-деятельность в соцсетях (продуцирование лайков, репостов, грустных видео). В эпоху, когда все воспоминания и переживания создаются цифровыми данными и алгоритмами, смерть упрощается до набора информации на экране телефона или компьютера — статистики, кодов, медицинских показателей. Однако без связующего нарратива все эти данные не утешают, а лишь усиливают ощущение абсурдности всего сущего. Вместо принятия экзистенциальных проблем человек бросается в погоню за суррогатами — от фитнес-трекеров до умных цифровых ботов, имитирующих умерших. Это в свою очередь создает иллюзию контроля за жизнью и трансформирует смерть в бесконечный калейдоскоп виртуальных образов, где каждый элемент лишен экзистенциальной глубины и становится частью игры. Как пишет Бодрийяр: «Всюду гонимая и цензурируемая, смерть отовсюду возникает вновь. Уже не в виде древних апокалиптических легенд, преследующих живое воображаемое некоторых эпох, а именно очищенная от всякой воображаемой субстанции; она проникает в самую наибанальнейшую реальность, выглядит для нас как сам принцип реальности, господствующий над нашей жизнью. Смерть — это когда все функционирует и для чего-то служит, это абсолютная кибернетическая функциональность городской среды, абсолютная зависимость человека от его функции, как у Кафки: век чиновников — это и век культуры смерти» [1, с. 421].

Институциональное управление смертью в обществе постмодерна

В постмодернистском обществе смерть давно вышла за рамки личного или семейного переживания, превратившись в объект строгого институционального контроля. Медицинские учреждения задают тон этому процессу, где умирание организуется по протоколам: от интенсивной терапии в палатах реанимации до паллиативного ухода в специализированных хосписах. Пациент здесь — не субъект, а лишь случай в картотеке, где решения о продлении жизни принимают комитеты этики или алгоритмы аппаратуры. В США, к примеру, сеть клиник вроде Mayo или Cleveland Clinic стандартизирует уход за неизлечимо больными, минимизируя контакт родных с телом умирающего, что усиливает разрыв между человеком и естественным финалом бытия.

Похоронная индустрия лишь усиливает этот тренд, превращая прощание в новый коммерческий сервис. Крупные корпорации, например Service Corporation International, доминируют на рынке, предлагая очень широкий спектр услуг — от кремации до создания мемориальных видео с голографическими изображениями покойных. В Европе ритуальные агентства, такие как Co-operative Funeralcare, интегрируют новейшие цифровые решения, включая виртуальные кладбища в метавселенные, где скорбящие могут оставлять свои аватары. Это не просто предоставление услуг, а скорее новый механизм замещения: физическое тело исчезает в крематории по расписанию, а память о человеке упаковывается в фирменный медиапродукт. И это, по мысли современного антрополога Сергея Мохова, «позволяет превратить горе в товар. Одним из первых примеров, подсветивших этот тренд, стала смерть принцессы Дианы. Почти сразу после ее трагической гибели появилось множество предложений для горюющих: почтить память народной любимицы можно было, продемонстрировав куклу, тарелку, магнит, фотографию, футболку или кулон с изображением принцессы [11, с. 39].

Общество постмодерна, через все свои государственные и финансовые структуры, бюрократизирует и коммерциализирует феномен смерти, отчуждая её от личного и ритуального измерения. От обязательной регистрации в ЗАГСах до невероятно сложных протоколов ДНК-идентификации, смерть превращается в административную процедуру. Законы, подобные российскому федеральному закону о погребении, детально регламентируют каждый аспект, лишая семью возможности самостоятельно проводить ритуалы. В Южной Корее министерства здравоохранения координируют трансплантацию органов, где смерть одного человека рассматривается как особый ресурс для другого, что демонстрирует утилитарный подход. Финансовые институты довершают эту новую картину: страховые компании, например Allianz, оценивают

жизнь через полисы, а споры о наследовании криптоактивов, таких как биткоины или NFT, разрешаются судами, которые реконструируют волю покойного из смарт-контрактов.

Современные социальные системы, пропитанные токсичной логикой постмодернистского потребления, лишают смерть ее естественной остроты, превращая ее в очень предсказуемое и дистанцированное событие. Больницы маскируют агонию, похоронные службы — оформляют ее через контракты, государство — через формальности, а банки — через финансовые отчеты. Таким образом, индивид оказывается перед лицом не реального завершения жизни, а перед процессом, где его роль сводится к формальному подписанию документов. И как пишут об этом процессе отстранения от смерти современные философы: «Установка современной культуры на культ тела, на вечное продление жизни, поддерживаемая все повышающимся уровнем медицины, приводит к тому, что человек не хочет принимать смерть во внимание как возможность своего бытия. Он не просто боится ее, а именно искореняет из своего существование как что-то, что вторгается в его телесное существование, что извращает его планы и образ жизни» [17, с. 91].

Смерть и индивидуализация в постмодерне

В современном постмодернистском мире индивидуализм пронизывает даже отношение к смерти. И поэтому человек начинает воспринимать смерть как личный проект, который должен показать уникальность всей его жизни и здесь вмешательство других считается неприемлемым. Это раскрывает социальный сдвиг, который произошел в западном сознании: если в традиционном обществе смерть переживалась как сакральное событие, которое через ритуалы прощания объединяла всю семью или родовую общину, то в постмодерне (которое создает дистанцию в отношении природной реальности и все переваривает в культурные игровые формы) умирающий человек оказывается в полной изоляции больниц и хосписов. И часто родственники узнают о его смерти по телефону, а для своего комфорта они утилизируют покойника в крематории и получают прах по почте (и этот кейс становится очень распространённым на Западе). Такая приватность превращает смерть из семейного и общего события в личный выбор, который можно отложить на вечное потом или же переосмыслить. Легализация эвтаназии в западных странах — яркий тому пример: люди сами решают, когда им уйти из жизни и считают это актом личной самоидентификации. Также индивидуализм в отношении к смерти можно наблюдать в трансформации ритуальных практик прощания в современных клиниках, которые предлагают превратить последний день жизни человека в игровой спектакль. Параллельно развивается феномен «цифрового бессмертия»: сегодня массово создаются виртуальные клоны или аватары умерших для коммуникации с их близкими. В России это проявляется в сохранении активных цифровых профилей покойных, где любой человек и даже незнакомец может оставить свое соболезнование в отстраненной форме лайка или пустого вежливого сообщения.

Общество постмодерна генерирует гипертрофированный индивидуализм в отношении мертвого тела и смерти. В то время как многие обеспеченные люди, подобные клиентам американской компании Alcor, инвестируют свои богатства в крионику и замораживают тела своих погибших в ожидании воскрешения, другие предпочитают экологически чистые похороны с полным разложением. Эти, казалось бы, проявления личной свободы, на деле отрывают человека от природной реальности и коммодифицирует смерть в товар, доступный на рынке услуг. Так смерть становится частью рыночной индустрии.

В мире постмодернизма, в котором человек раздроблен на бесконечное множество ролей (от покупателя и блогера до родителя), смерть фиксирует не единую сущность, а показывает набор социальных масок, за которыми чаще всего скрывается пустота. Семья, лишенная возможности пережить свою утрату совместно (так как каждый зациклен на себе и своем комфорте), ищет утешения в психотерапии или онлайн-комьюнити. И в этих социальных моделях поведения каждый индивидуально осмысливает потерю. Однако нередко экзистенциальные кризисы или само горе начинают восприниматься как препятствие на пути к личному благополучию и поэтому период скорби сводится к минимуму.

И этот тренд на отрицание смерти и быстрое проживание чувства скорби от потери близкого усиливает экзистенциальное одиночество умирающего, что превращает его уход из жизни в трагедию. Вместо того чтобы находить утешение и поддержку в кругу близких, человек перед лицом смерти оказывается один на один с безликими анкетами о погребальных ритуалах или же с алгоритмами блокчейна, управляющими распределением наследства. Все это явно создает вокруг умирающего социальный пузырь, который полностью отрывает его от семьи и общества в целом. Таким образом, если смерть в традиционном социуме объединяла разные поколения и служила социальным клеем между различными людьми, то в новом гипер-индивидуализированном мире постмодерна умирание очень быстро превращается в процесс глубокой экзистенциальной изоляции, что показывает нам ненадежность и атомизацию современного мира. И как об этом пишут философы: «Постмодернизм, по сути, является лишь дополнительной вехой на пути персонализации нарцисса, занятого лишь самим собой и в разной степени безразличного ко всему остальному» [9, с. 50]. Поэтому в область развлекательного потребления в постмодерне оказалась втянута и смерть.

Психологические стратегии преодоления смерти в постмодернистском обществе

В эпоху постмодерна, когда все привычные границы существования стираются под напором обрывочных переживаний, люди изобретают различные психологические механизмы, чтобы справиться с осознанием конечности. Один из таких механизмов — это погружение в искусственно созданную реальность, где смерть отступает на второй план, уступая место бесконечному потоку цифровых имитаций. Люди часами находятся в виртуальных мирах, где их цифровые двойники обретают некое подобие бессмертия, а физическое увядание кажется чем-то из давно минувшего. Взять, к примеру, новые онлайн-игры или метавселенные: там участники постоянно «воскресают», что создает иллюзию управления собственной гибелью, скрывая глубинный ужас за маской игры.

Постмодернистский подход к смерти отличается от традиционного: вместо борьбы с ней, очень многие люди, особенно молодежь, предпочитают иронично переосмысливать ее через разные культурные формы. Смерть деконструируется, превращаясь в элемент стиля или же объект насмешки. В молодежной среде, особенно среди тех, кто склонен к аддикциям, это выражается в черном юморе, который позволяет дистанцироваться от пугающей реальности и превратить страх в повседневный ритуал. Подростки, постоянно видящие насилие и гибель в медиа, усваивают стратегию нормализации, где смерть воспринимается не как трагедия, а как рядовой эпизод игрового шоу. Как об этом пишет современный танатолог Хейли Кэмпбелл: «Мы всегда окружены смертью. Она присутствует в новостях, романах, видеоиграх, она есть в наших комиксах про супергероев, хотя там ее по прихоти авторов могут отменить хоть каждый месяц. При этом видео сейчас редактируют, отрезанную голову журналиста замыливают, слова старых песен «обезвреживают» для современной молодежи. Реальное сплетается с воображаемым и превращается в фоновый шум. Смерть повсюду, но она либо прикрыта вуалью, либо выдумана. Трупы исчезают как в компьютерной игре» [7, с. 14].

Кроме того, тревога перед небытием сублимируется в потребительские практики, направленные на бесконечное улучшение тела и психики. Фитнес, антивозрастные технологии и ноотропы создают иллюзию отсрочки старения и смерти, формируя нарратив культа вечной молодости. Здесь работает механизм проекции: смерть приписывается «другим» (старикам, больным), в то время как собственное существование воспринимается как особый бесконечный проект. В семейном контексте это отражается в детском восприятии: мультфильмы с воскрешающимися героями формируют у малышей гибридное понимание смерти как временной паузы, что закладывает важную основу для будущей отстраненности от этой темы.

Социальные сети играют ключевую роль в постмодернистском восприятии смерти, превращая ее в непрерывный процесс самопрезентации. Цифровые профили продолжают существовать и после физической кончины пользователя, поддерживаемые алгоритмами или близкими людьми, что создает своего рода коллективную терапию, где горе раство-

ряется в потоке обновлений. В то же время, постмодернистский подход к смерти, метафоризирующий ее через образы снов, поверий или данных (например, как «выключение экрана» или «потерю сигнала»), позволяет психике избежать драматизма и воспринимать конец жизни более отстраненно.

В критических ситуациях, таких как приближение смерти мозга, люди склонны к рационализации, опираясь на медицинские показатели для создания иллюзии контроля и снижения паники. В деструктивных сообществах смерть воспринимается как часть бунта: мысли о ней, вызванные употреблением разных психотропных веществ, парадоксальным образом сочетаются с эйфорией, где сам риск ухода в небытие становится стимулом к выживанию. Таким образом, культурное сознание постмодерна через отрицание, токсичную иронию и вечное производство симулякров адаптирует ментальное здоровье человека к миру, в котором больше нет богов, философских абсолютов и истин. И поэтому смысл жизни и смерти остается забытым в новой пустыне реального.

Критика отчуждения от смерти в западном мире постмодерна

В западном постмодернистском обществе феномен смерти отрицается и поэтому фундаментальные основы человеческого бытия забываются, а жизнь начинает восприниматься как вечное гедонистическое настоящее. Постмодерн помещает все западное общество и массовое сознание в застывшую и по сути своей замороженную вселенную (постмодернити разрывает связь человека и с прошлым и даже с будущим и разрушает историческое мышление): бесконечную виртуальную гиперреальность, состоящую из развлечений и симулякров. И в результате этого культурного наркоза люди привыкают отрицать трагическую сторону жизни (страдания, старение и смерть) и свою особую онтологическую уязвимость и поэтому теряют свою экзистенциальную целостность и подлинную идентичность (она приходит лишь с осознанием и переживанием смерти). А это в свою очередь приводит человека к отрыву от собственного тела (которое для него становится объектом потребления) и исторического контекста (постмодерн сливает все эпохи в одно целое за счет культурной эклектике), что и растворяет все сущее в бесконечном ризоматическом потоке симулякров. Антропология сталкивается с парадоксом: смерть, которая раньше определяла личность, теперь вытесняется технологиями, обещающими вечную жизнь (крионика, цифровые аватары). В итоге, человек становится менее целостным, его «я» растворяется в виртуальности, а телесная уязвимость игнорируется. Это проявляется и в том, как больницы скрывают страдания, а социальные сети превращают смерть в обезличенные мемы, лишая ее глубокого смысла. Как пишет о современном механизме табуирования смерти антрополог Анна Соколова: «Умирание, смерть и похороны — из закономерного итога любой жизни и явления, которому соответствует очень понятное каждому поведение, превратилось в череду событий, вызывающих сильную неловкость у их свидетелей, поскольку уже никто больше не имеет четкой, прописанной и проверенной поколениями программы действий, которая вписывала бы смерть и похороны в социальный контекст» [15, с. 12]. Поэтому и возникает симулякр смерти: это виртуальная и нереальная копия, которая, подпитываемая рыночной экономикой и культом потребления, превращается в нечто развлекательное и игровое, заменяя собой настоящую смерть. Смерть перестает быть экзистенциалом и становится игрой.

Этическая оценка данного процесса лишь усугубляет проблему, выявляя деградацию моральных ориентиров. Когда смерть становится лишь объектом институционального управления — от эвтаназии, позиционируемой как самый «достойный финал», до медицинских протоколов, направленных на продление жизни — она утрачивает свою экзистенциальную природу и превращается в управляемый ресурс. Постмодернистская этика, с ее культом плюрализма и релятивизма, размывает старые границы ответственности: врач превращается в технического специалиста, а умирающий — в потребителя услуг, чьи страдания становятся источником дохода. Здесь проявляется конфликт ценностей: иллюзия автономии индивида маскирует коллективное избегание любой боли, подменяя истинную эмпатию бездушными алгоритмами. И мы видим примеры, когда решения об отключении жизнеобеспечения пациента

принимаются семьями не из сострадания, а исходя из финансовых расчетов, или когда медиа цинично эксплуатируют горе для привлечения внимания. Эта этическая инверсия лишает смерть ее глубинного морального значения, превращая ее в предмет рыночных отношений, где человеческое достоинство приносится в жертву эффективности.

Отказ от принятия смерти, с социально-философской и антропологической точки зрения, порождает кризис идентичности. Не осознавая конечности жизни, человек не способен по-настоящему ценить время, скатываясь либо в чрезмерное стремление к удовольствиям, либо в полное отрицание смысла. В то время как древние мыслители видели в конечности жизни источник мудрости, современная эпоха постмодерна заменяет это ложным ощущением бессмертия, создаваемым цифровыми данными и новыми генетическими архивами. С этической стороны возникает вопрос о том, насколько общество вправе определять условия и сроки смерти — от государственных правил паллиативной помощи до корпоративных страховок, исключающих «неэффективных» людей. В результате человек теряет связь не только со своей смертью, но и с чужой, утрачивая чувство общности перед лицом неизбежного конца. С отрицанием смерти угасает и способность к эмпатии и осознание всей ценности и неповторимости жизни и природы в целом.

Перспективы преодоления отчуждения от смерти

В эпоху постмодерна, когда феномен смерти часто прячется за миражом бесконечной молодости и технологического бессмертия, нам необходимо найти способы лишить её ореола таинственности и запретности. Это требует от нас как индивидуальных усилий, так и системных изменений в обществе. Ключевым моментом здесь становится реформа в сфере образования: вместо того чтобы замалчивать тему смерти, нам следует внедрять программы, которые помогут всем учащимся психологически и педагогически осмыслить конечность бытия. Примером могут служить скандинавские школы, где уже существуют курсы, интегрирующие обсуждение потерь через личные рассказы, что способствует формированию здорового отношения к неизбежному, без паники или отрицания. Смерть в них учат принимать как важную для экзистенции предельную границу всего бытия. Как мудро пишет философ Янкелевич: «Смерть — не бесконечный притягивающий нас горизонт, а непроницаемая, останавливающая нас стена …. Смерть есть абсолютное «Нет»» [22, с. 80].

Для преодоления проблемы отчуждения от смерти также следует активно задействовать культурные инструменты, опираясь на богатые литературные и художественные традиции, которые способствуют развитию эмпатии к чужому опыту. Русская литература XIX столетия, с ее глубоким проникновением в человеческую хрупкость (как у Пушкина или Достоевского), может стать ценным ориентиром для современных литературных клубов, посвященных теме умирания. Подобные инициативы, уже успешно апробированные в европейских университетах, помогают сократить дистанцию между личным переживанием и коллективным осмыслением. Философски это перекликается с концепцией Соловьева о преодолении ницшеанского кризиса («смерти Бога») через новую этическую антропологию: возврат к древнему идеалу совершенного человека подразумевает признание своей смертности как неотъемлемой части подлинной субъективности. Как ярко пишет современный танатолог Коробов-Латынцев: «Философия может начинаться с удивления перед Бытием. Но чаще всего она начинается с отчаяния от предстояния перед небытием, от острого недостатка Бытия» [6, с. 234]. Именно тревога в отношении смерти и пробуждает впервые в человеческом сознании философскую рефлексию и созерцательность.

Для укрепления хосписной помощи нам необходимо сосредоточиться на индивидуальном подходе. Это означает, что медицинские и психологические специалисты должны не просто облегчать страдания, но и помогать пациентам осмыслить свою жизнь и смерть. В Южной Корее, где борются с различными формами отчуждения, включая исламофобию, очень активно внедряют практики принятия различий, в том числе и смерти. Подобный подход можно применить и в современном обществе, организуя общественные площадки для обмена опытом пережива-

ния утраты. Технологии также должны быть переосмыслены: вместо погони за виртуальным бессмертием, стоит развивать приложения для цифровых завещаний, которые могут нам помочь интегрировать тему смерти в повседневную жизнь. Примером здесь может служить использование ДНК-идентификации для сохранения памяти о близких.

Наконец, на уровне нашей идентичности, постмодернистский взгляд на человека подталкивает к медитативным и терапевтическим практикам. Ключ здесь — принятие нашей конечности, что, парадоксальным образом, возвращает нам ощущение полноты жизни. Постепенное внедрение этих подходов может кардинально изменить нашу парадигму: от избегания к глубокому осмыслению, делая смерть органичной частью нашего жизненного пути. И как пишет философ Слепокуров Алексей: «Размышления о смерти носят универсальный характер. В этом смысле и философия тоже универсальна, поскольку, чтобы размышлять на вечные темы, не нужно быть профессиональным философом, достаточно быть мыслящим и нравственным существом» [14, с. 74].

Заключение

Постмодернизм кардинально меняет наше представление о смерти. Вместо того, чтобы видеть ее как логичное завершение жизни, он рассматривает ее как нечто раздробленное, подобное бесконечным корням, переплетающимся во всех направлениях. Смерть перестает восприниматься как необратимый и трагичный финал бытия и растворяется в бесконечных игровых интерпретациях и пустых разговорах постмодерна. Философы, такие как Деррида и Фуко, показывают, что смерть — это не сакральная тайна или экзистенциальное событие, а некая идея или мифологический конструкт, который каждый человек постоянно создает и по-новому переинтерпретирует. Если же экзистенциалисты (Сартр, Хайдеггер) полагали, что смерть является предельной и неотъемлемой границей любого бытия (и этот экзистенциал по их мысли должен быть встроен в сознание и жизнь человека), то уже Жан Бодрийяр считает, что современный человек погружен в симулятивную гиперреальность, в которой реальная смерть камуфлируется за бесконечным потоком гедонистических и развлекательных образов масс-медиа. Эта идея находит свое отражение в западной популярной культуре, в которой смерть становится зрелищным представлением и игрой: кино-блокбастеры и разные видеоигры, в которых насилие эстетизируется и смерть отменяется за счет воскрешения героев; бесконечный поток мемов о гибели реальных людей, в которых реальная трагедия и горе перетекают в модус комического осмеяния и развлечения.

В условиях постмодернистского общества наблюдается явное углубление отчуждения человека от феномена смерти. Смерть трансформируется либо в очень абстрактный медийный конструкт, либо же в строго регламентированный институциональный процесс. Данное исследование показывают, что масс-медиа, подменяя экзистенциальный опыт умирания зрелищностью и игрой, и акцент на индивидуальной самореализации, отодвигающий осознание конечности бытия, способствуют этому. Философские течения, от ницшеанской концепции «смерти Бога» до постмодернистских представлений о технологическом бессмертии, лишь усиливают эту ужасную дистанцию, ставя под угрозу антропологическую целостность человеческого бытия. Как пишет о современном кризисе философ Владимир Варава: «Человек сегодня отказывается от своего пола, идентичности, традиционного антропологического образа. Сегодня эти патологии направились на тотальную модификацию человеческой природы и его традиционного образа. Это, безусловно, экзистенциальная «усталость» сопровождается небывалым античеловеческим подъёмом и энтузиазмом стать не-человеком» [2, с. 30].

Для преодоления экзистенциального разрыва, порождаемого отчуждением от смерти, очень целесообразно интегрировать осмысление конечности бытия в повседневную жизнь. Это может быть достигнуто посредством образовательных инициатив, включающих этические дебаты о смертности, и культурных практик, способствующих коллективному переживанию утраты. Параллельно требуются реформы в системе здравоохранения, направленные на гуманизацию процесса умирания, и новое критическое осмысление гедонистического культа вечной молодости.

Реализация данного комплекса мер позволит вернуть человеку его субъектность, приведя ее в соответствие с фундаментальной неизбежностью смерти. А это в свою очередь повысит способность человека к эмпатии и снизит уровень агрессии и деструктивности, которые сегодня стали повсеместными. Поэтому всегда нам нужно помнить, что «посреди жизни мы окружены смертью — уже только рождаясь, с каждым днем мы начинаем медленно умирать» [3, с. 224].

Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с анализом современных социокультурных практик, таких как death positive и death cafe, направленных на преодоление проблемы отчуждения от смерти. Нам видится перспективным изучение возвращения к экзистенциальной проблематике и теме смерти в культуре метамодерна, которая может выступить противоядием от всех антропологических и социальных угроз постмодерна, превзойдя и улучшив его. Также явно заслуживает исследовательского внимания проблема репрезентации смерти в виртуальных группах смерти, которые связаны с культом небытия и философским пессимизмом (творчество Бенатара, Лавкрафта, Лиготти).

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — М.: РИПОЛ классик, 2021. — 512 с.
2. Варава В.В. Новая меланхолия (экзистенциальные трансформации современной культуры) / В. В. Варава // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2021. — №5(103). — С. 23-34.
3. Даути К. Когда дым застилает глаза: провокационные истории о своей любимой работе от сотрудника крематория / К. Даути. — М.: ЭКСМО, 2019. — 256 с.
4. Делез Ж; Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и Шизофрения. — Т. 1 / Ж. Делез; Ф. Гваттари. — М.: Рипол Классик, 2025. — 512 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — М.: Ad Marginem, 2000. — 511 с.
6. Коробов-Латынцев А.Ю. Смерть Истины, истина смерти / А. Ю. Коробов-Латынцев // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее: материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений: сб. ст., Москва, 23 октября 2017 года. — М.: Летний сад, 2018. — С. 227-234.
7. Кэмпбелл Х. О дивный тленный мир. Когда смерть — дело жизни / Х. Кэмпбелл. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 352 с.
8. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
9. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. — М.: Владимир Даль, 2001. — 304 с
10. Манакова И.Ю. Человек в постиндустриальном обществе / И.Ю. Манакова. — Саарбрюккен: LAP LAMBERT, 2012. — 227 с.
11. Мохов С. История смерти. Как мы боремся и принимаем / С. Мохов. — М.: Индивидуум, 2020. — 232 с.
12. Симонова С.А. Влияние цифрового поворота на социокультурный аспект существования личности / С.А. Симонова, В.Л. Алиханова // Научный поиск: личность, образование, культура. — 2022. — №1(43). — С. 63-66
13. Симонова С.А. Основные элементы архитектоники культуры / С. А. Симонова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. — 2015. — №2(14). — С. 58-67.
14. Слепокуров А.А. Непостижимость смерти как этико-философская проблема: дисс. … канд. филос. наук / Алексей Александрович Слепокуров. — 2016. — 151 с.
15. Соколова А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР / А. Соколова. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 456 с.
16. Сулимов С.И. Культурология: учебник для студентов негуманитарных факультетов / С.И. Сулимов, И.В. Черниговских, В.Д. Черных. — Воронеж: Научная книга, 2020. — 364 с.
17. Тихонова И.Ю. Проблема смерти в философской антропологии / И.Ю. Тихонова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2015. — №1(15). — С. 88-93.
18. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М.: Ad Marginem, 1999. — 478 с.
19. Хан Б. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху / Б. Хан. — М.: АСТ, 2025. — 160 с.
20. Хапаева Д. Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма / Д. Хапаева. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 328 с.
21. Хикс С. Объясняя постмодернизм / С. Хикс. — М.: РИПОЛ-Классик, 2022. — 320 с.
22. Янкелевич В. Смерть / В. Янкелевич. — М.: Издательство Литературного института, 1999. — 448 с.
23. Harari Y. Nexus / Harari Y. — Britain: Penguin Books US, 2025. — 544 p.

A PERSON IN DIGITAL BEING: EXISTENCE AND EXISTENTIALITY

Yagovdik Vyacheslav Aleksandrovich, *Postgraduate student, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod (Russia)*

The purpose of the study is to analyze the essence and existence of a person in digital existence, to identify their existential foundations in the transforming information and technological world, and to understand the factors that generate existential risks and challenges. The scientific novelty lies in the justification of the intensification of existential experiences caused by the need to use new forms of socialization, identification, and communication. As a result of the study, it was found that classical existential foundations acquire new perspectives in the problematic field of digital existence. The emotional intensity and depth of a person's experiences are not only directly dependent on the extent and degree of their involvement in the online space and the intensity of their immersion in digital reality, which is quite evident, but also serve as sources of existential risks and threats that require the development of a new methodological approach and its practical implementation to mitigate these phenomena.

Keywords: *existence; existential risks; digitalization; digital technologies; virtual reality; fear; alienation; modus.*

EDN: HINEGA ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.24***

Цитировать: *Яговдик В.А. Человек в цифровом бытии: экзистенция и экзистенциальность // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 163-168. EDN: HINEGA. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.24*

Человек в цифровом бытии: экзистенция и экзистенциальность

УДК 130.2
5.7.8

© Яговдик В.А., 2026

Цель исследования — анализ сущности и существования человека в цифровом бытии, выявление его экзистенциальных оснований в трансформирующемся информационно-технологическом мире, а также уяснение факторов, порождающих экзистенциальные риски и вызовы. Научная новизна заключается в обосновании усиления экзистенциальных переживаний, вызванных необходимостью использования новых форм социализации, идентификации и коммуникации. В результате исследования установлено, что классические экзистенциальные основания приобретают новые смыслы в проблемном поле цифрового бытия. Эмоциональная острота и глубина испытываемых человеком переживаний находятся не просто в непосредственной зависимости от объема и степени вовлеченности индивида в онлайн-пространство, интенсивности его погружения в цифровую реальность, что достаточно очевидно, а являются источниками возникновения экзистенциальных рисков и вызовов, требующих разработки нового методологического подхода и его практической реализации для нивелирования данных феноменов.

Ключевые слова: *экзистенция; экзистенциальные риски; цифровизация; цифровые технологии; виртуальная реальность; страх; отчуждение; модус.*

ЯГОВДИК Вячеслав Александрович,
аспирант, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород (Россия)
SPIN-код: 6317-3899
ORCID: 0000-0001-9640-9705

Введение

Современный этап развития техники и технологий, характеризующийся цифровой перестройкой всех сфер социокультурного пространства, привел к значительным онтологическим и гносеологическим модификациям среды человеческого существования. Цифровое бытие, являясь частью реального пространственно-временного континуума, породило глубокую духовную трансформацию человека, изменило его экзистенциальные основания. Новые цифровые модели взаимодействия с миром предполагают формирование новых экзистенциальных компетенций, необходимых для встраивания человека в формирующееся информационное общество. Знаково-символическая форма коммуникации, виртуальная реальность, оперирование симулякрами никогда раньше не входили в структуру субъективного опыта. Современный же человек — это человек гибридной реальности, в которой физическое

и цифровое бытие сосуществуют одномоментно, когда феномен «человек — машина» уже является не фантастической анатомической интерпретацией Ж. офре де Ламетри [6], а предметом дискуссий ученых гуманитарных и естественных наук. В этом отношении, современной проблемой экзистенциальной аналитики существования человека в цифровом пространстве является недостаточность теоретического ресурса по данному вопросу.

Методологическое ядро исследования экзистенциальных оснований составляют работы, затрагивающие различные аспекты бытия человека в цифровом мире. Экзистенциализм цифрового бытия сохраняет преемственность принципов, подходов и анализа существования человека в классической трактовке. В настоящее время «именно человек становится центром рассмотрения всех онтологических проблем» [5, с. 29].

По мнению А.В. Фролова, трансформация условий жизни человека в дигитализированном пространстве, превращает последнего в «машину потребления» [12, с. 18]. Противоположная точка зрения изложена в работе Ю.Ю. Гафаровой, утверждающей, что «цифровизация не сделала человека менее человечным, а культуру не лишила ее сущности, напротив, предоставила новые возможности для антропологии в целом» [2, с. 14]. Проблема самореализации индивида как важного аспекта человеческой экзистенции раскрывается в работе Н.И. Петева [8, с. 48], а в ракурсе поиска идентичности — у И.В. Цифановой [13, с. 25].

С учетом изложенного выше, следует подчеркнуть, что плюрализм ракурсов исследования феномена человека должен, вероятно, рассматриваться с точки зрения диалектического метода, так как уникальность человеческой экзистенции может раскрыться только в динамике его становления и развития в единстве с обществом, с различными сферами социокультурного пространства.

Бытие человека и цифровое бытие

Целью, смыслом и истиной экзистенциальной философии является поиск способов гармоничной включенности человека в бытие, конструктивной реализации его ожиданий, развития его духовного потенциала.

Процесс разворачивания индивидуального бытия в цифровом мире можно представить двумя моделями его отношения к цифровому бытию. Первая — это модель противопоставления человека цифровому бытию. Данная модель может быть представлена, по аналогии со вторым законом диалектики, своего рода противоположностями, которые имеют единую природу происхождения, противопоставлены друг другу, одновременно взаимоопределяемы и находятся в единстве. Представители технопессимизма негативно оценивают технологию цифровизации, посредством которой, на их взгляд, человек лишается основы своего реального земного существования, и тотальная цифровая коммуникация с этим миром лишь усугубляет его экзистенциальные переживания.

Вторая модель — это модель взаимодействия человека с цифровым бытием, предполагающая его активное участие в цифровых реалиях в качестве как пользователя, так и ИТ-специалиста. Здесь бытие человека и цифровое бытие не противопоставляются, не противодействуют друг другу, а объединяются, в результате чего в практической деятельности человека открываются новые возможности и потенциал для реализации собственных способностей и постановки целей. Для человека такого рода Е.Н. Труфанова вводит понятие «распределенность» [11, с. 372], которая проявляется в возможности индивида находиться одновременно в реальном и виртуальном пространствах, последнее их которых, в свою очередь, также является мультилокальным, дающим возможность находиться, например, одновременно в различных мессенджерах, а в них — в нескольких сообществах и т.д. Феномен «вездеприсутствия», как сегодня становится очевидным, дает ошибочное представление о включенности в социальную жизнь, о важности и значимости получаемого из цифровой среды объема информации. Это обусловлено тем, что компьютерные технологии и их виртуальное воплощение в сознании человека постепенно обретают иллюзию материального бытия, так как чувственное восприятие человека на уровне его сенсорных систем определяет цифровой образ как физический объект. На самом же деле, тотальная вовлеченность в информационно-цифровую среду сужает горизонты

человеческого мировосприятия до уровня диагонали экрана гаджета.

В этой связи можно констатировать наличие/построение нового «комбинантного бытия» с новыми экзистенциальными смыслами и основаниями, сочетающего в себе все формы существования. Даже само бытие человека раздваивается и пребывает в реальном и виртуальном воплощениях. Человек в виртуальной реальности предстает неким оцифрованным элементом, включенным в пространство сетевого взаимодействия, и, по сути, является его «квазиреальным» двойником, обладающим модусом существования, хотя и симуляционным. Нетрудно заметить, что компьютер также обладает модусом существования и информационные технологии обладают этим же модусом, но только человек способен экзистировать, переживая в цифровом потоке свое бытие. Экзистенция невозможна без акта рефлексии, осмысления своего внутреннего мира, своего «я», самоопределения и идентификации. Поэтому первым аспектом, раскрывающем экзистенциальные основания человека в цифровом мире, будет *модус цифровой идентичности*.

Модус цифровой идентичности

Проблема идентичности человека в современном мире затрагивается многими исследователями [1; 7; 10]. С одной стороны, человек, ощущая себя самостоятельным существом, индивидом, переживает процесс выделения из природной и социальной среды, процесс противопоставления себя миру, а с другой — пытается приспособиться к нему. Анализ феномена «идентификация» раскрывает дуальную установку «человек — мир», когда человек одновременно и отождествляет себя с миром, и выделяется из него своей «самостью» [4, с. 23]. Идентичность в цифровом бытии является результатом функционирования механизма социализации индивида, адаптации его в обществе.

Ввиду новизны цифрового техноуклада, как уже было указано выше, поколения людей разделились на две группы, отличающиеся друг от друга степенью вовлеченности в компьютерно-информационную среду: внецифровое поколение и цифровое поколение, которые, в свою очередь, также имеют свою дифференциацию. Модель идентификации и самопрезентации в каждом случае будет различаться в том, что первые, имея опыт офлайн жизни, только приобретают навыки личностной трансформации, вторым же приходится изначально переживать дихотомию конструирования самого себя одновременно в двух реальностях. Причем, конструирование себя виртуального эмоционально насыщеннее, так как формируемый образ — это, прежде всего, образ усовершенствованный, образ-апгрейд. В виртуальной коммуникационной среде человек проигрывает/проживает различные социальные статусы, профессии, вплоть до эксперта в любой области. Здесь правильнее было бы использовать определение, применяемое к такому варианту развития событий, как «человек ищущий». Ищущий самого себя, рефлексирующий над впечатлениями, произведенными им на окружающих его людей своими различными ролями.

Мультипликация образов и калейдоскоп информации вызывает у человека ложное ощущение причастности к цифровому происходящему, к цифровому бытию: он видим, он услышан, он сопричастен, он со-бытиен. Компьютерные игры и виртуальные симулякры действуют на экзистенцию человека амбивалентно. С одной стороны, за счет релаксации, вызванной сосредоточенным погружением в виртуальный мир, снижается уровень переживания, например, страха и тревожности. Возможность получить несколько кибержизней в киберпространстве, например, отодвигает экзистенциальные проблемы, связанные с Танатосом, далеко на второй план. С другой стороны, человек становится частью среды и структуры с четко прописанными параметрами, ритуалами, стереотипизацией, движением по лекалам заложенной программы, стирая тем самым основания своего «Я». Современный человек остро переживает проблему дуалистичности бытия и вынужденного нахождения в нем, воспринимает себя незавершенным, неопределенным, нецельным, нереализованным, сталкивается с потерей смыслов и жизненных ориентиров, ощущая себя везде и нигде. Утрата целостности восприятия себя всегда порождает в человеке чувства страха и тревоги. Поэтому вторым аспектом, раскрывающим экзистенциальные основания цифрового бытия, будут *модусы цифрового страха*.

Модусы цифрового страха

Понятие «страх» является одним из ключевых экзистенциальных оснований, которое часто коррелируют со схожими по смыслу понятиями, но различными по степени переживаний, такими как «боязнь», «тревога», «ужас», «фобия». Страх — это кратковременное или долговременное переживание реальной или вымышленной опасности. Фобия же характеризуется концентрированным выражением страха, на постоянной основе или эпизодически, но с полным отсутствием контроля со стороны сознания.

Нужно заметить, что содержание современного информационного пространства, с его расширением и тотальным вхождением в жизнь практически каждого человека, способно вызвать и отобразить все модусы цифрового страха и всю полноту эмоциональных переживаний, в первую очередь, тревожности. Так, например, закрытый профиль человека в мессенджере говорит о его беспокойстве относительно безопасности своего контента, о желании исключить общение с незнакомыми людьми, избежать их оценок или взлома личной страницы. Такого рода волнения, на первый взгляд, кажутся беспочвенными, ввиду того, что неудобного собеседника в любой момент можно отправить в черный список. С другой стороны, сам факт возможности коммуникации с незнакомцем или недоброжелателем уже может вызвать негативные переживания, а при уже имеющемся подобном опыте вполне возможно формирование стойкой фобии. Переживание чувства тревоги иногда носит длительный или даже постоянный характер и ощущается как неоконченность: иррациональное трудноопределяемое предчувствие травмирующих событий. Тревога всегда связана с бессознательными процессами и усугубляется пугающим контентом, обильно присутствующим в Сети и несущим экзистенциальную угрозу человеку. Более того, известны примеры, когда профессионально и реалистично выполненная компьютерная графика шокирующих образов наделяется эстетической ценностью и креативностью.

Цифровой ужас транслируется не только в виде фильмов. Компьютерные хорор-игры последовательно завоевывают Интернет-пространство, получая все более и более эффективные формы привлечения пользователя. Адепты такого рода контента пытаются доказать его полезность как технологии психологического обучения противостояния страху, выработки способности с ним жить и не испытывать дискомфорт.

Преодоление страха является важной составляющей формирования характера человека, его смелости и решительности. Действительно, правильные способы воспитания этих качеств позволяют вырастить социально полноценного человека, наделенного волей и целеустремленностью, тогда как тотальный «цифровой хорор» способен нанести экзистенциальный ущерб даже взрослому человеку.

Все это свидетельствует о существовании потенциальных экзистенциальных рисков, для должного противостояния которым необходима методика их распознавания и нейтрализации. Степень противодействия экзистенциальным вызовам зависит, в первую очередь, от осведомленности самого пользователя, его впечатлительности и эмоциональности, во-вторую — от окружения, способного оказать моральную поддержку человеку в сложной ситуации. Поэтому рефлексия восприимчивости цифрового хорор-контента пользователем призвана помочь низведению его страхов до уровня умеренной тревоги, с которой легче справляться и вернуть качество жизни, а с ней и свободу для реализации новых замыслов.

Модус свободы

Модус свободы в цифровом пространстве приобретает парадоксальную характеристику. Внимание на ограничение свободы выбора в условиях цифрового детерминизма акцентируется в работе А.Р. Сабитовой [9]. «В цифровой среде свобода оказывается ограниченной фильтрами, рекомендациями и скрытыми механизмами управления. Осознанность выбора подменяется реакцией на цифровые стимулы, что формирует иллюзию свободы» [9, с. 259]. Это приводит к снижению навыков распознавания социальной значимости окружающих объектов и происходящих событий. Максимум возможностей, которые дают новые компьютерные технологии для реализации человеческого потенциала, его самовыражения, расшире-

ния интеллектуальных горизонтов, нивелируется минимумом потребностей современного пользователя, начиная с добровольного физического ограничения контактов с реальным миром и заканчивая полной самоизоляцией от него. Реклама, призывающая совершать покупки, не выходя из дома, по сути, эстетизирует образ человека-одиночки, социофоба или некоего современного «сверхчеловека», что противоречит отечественной традиции социоцентричности, архетипу соборности [14, с. 8].

Виртуальные эксперименты, симуляция социальных ролей, компьютерные игры и алгоритмы являются условием существования человека в цифровом бытии. Остаются открытыми вопросы: транслируются ли при этом в то самое бытие реальные смыслы, ценности и нормы; можно ли утверждать целесообразность цифрового бытия, симуляционно-виртуального бытия, как репетицию сценариев реального, как часть реального бытия, как настоящее бытие; где человек себя чувствует более «настоящим»; Можно ли считать, что, наоборот, реальное бытие готовит человека морально и физически для встречи с миром онлайн, в котором он также проживает свою жизнь; реализуется ли в полной мере в цифровом бытии, как и в реальном, *модус экзистенциальной ответственности.*

Модус экзистенциальной ответственности

Если следовать теории категорического императива, то переживание ответственности и в том, и в другом случае должно иметь одинаковую степень интенсивности. Но, зачастую, в цифровом контенте все еще допускаются морально-нравственные послабления, обусловленные, видимо, лояльным отношением к возможным опасностям, дистанционно проявляющимся, но не несущим прямой угрозы жизни и здоровью человека.

Все большая укорененность человека в цифровом бытии, безусловно, потребует от общества выработки единых этико-эстетических требований и законов, регламентирующих жизнесуществование человека в информационном пространстве, в том числе, обеспечение его безопасности.

Высокотехнологичное цифровое пространство наращивает проблемное поле взаимодействия человека и Сети, человека и компьютера, человека и искусственного интеллекта, что является предметом современных дискуссий [3, с. 90]. Распределение функций между человеком и машиной уже началось. Итогом этого явилось возникновение в цифровом экзистенциализме *модуса отчуждения человека,* приводящего к формированию риска атомизации общества.

Модус отчуждения человека

Различные ракурсы данного модуса раскрывались еще в философии Нового времени, в немецкой классике и марксизме. В цифровом бытии данная категория получает новое определение — «цифровое отчуждение», которое может быть представлено как некая апория, заключающаяся, с одной стороны, в доступности визуализированной коммуникации, устраняющей границы времени и пространства, а с другой — в рефлексии индивидуального монобытия.

Философская мысль описала множество форм отчуждения, которые в настоящее время можно наблюдать и в цифровом бытии человека. Например, передачу контроля над своей деятельностью, своими функциями, а в конечном итоге и над собственным существованием. В данном случае, цифровые технологии выступают некой довлеющей силой, отнимающей время и жизненное пространство каждого, кто владеет компьютером или подобного рода устройствами. Позиционируя себя инструментами, обеспечивающими комфортное существование, новый уровень реализации возможностей и удовлетворения потребностей, они постепенно заполняют жизненное пространство человека, вынуждая его жертвовать реальным бытием. В этой связи уместно провести смысловые параллели с бессмертной классикой — человек оказывается «заброшенным» в цифровое бытие.

Экзистенциальные вызовы, связанные с расширением цифрового бытия, всегда многоуровневые и многоаспектные, что усложняет задачу их описания и анализа. Тем не менее, целенаправленная работа в этом направлении позволит найти оптимальные способы их преодоления.

Заключение

Данное исследование, имевшее целью анализ сущности и существования человека в

цифровом бытии, позволило последовательно решить поставленные задачи и получить искомые результаты.

Рассмотрены две основные модели диалектического взаимоотношения человека и цифрового бытия — противопоставления и взаимодействия. На этом основании констатировано наличие «комбинантного бытия», сочетающего в себе реальное бытие, цифровое бытие и бытие человека с трансформированными экзистенциальными смыслами и основаниями.

Был осуществлен анализ экзистенциальных оснований-модусов в цифровом преломлении: идентичности, страха, свободы, ответственности и отчуждения. Это позволило установить, что классические экзистенциалы человека, соприкасаясь с феноменами, порожденными цифровыми технологиями — виртуальной реальностью, сетевыми способами коммуникации и самоидентификации — приобретают новые смыслы, качества и свойства.

Сделан вывод о зависимости увеличения объема и степени переживания человеком своего цифрового жизнесуществования не столько от интенсивности погружения его в цифровую реальность, сколько от возникающих при этом экзистенциальных рисков и угроз, поиск путей предотвращения которых является важной задачей дальнейших исследований.

Литература

1. Гагарин А.С. Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии / А.С. Гагарин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — №12-2 (62). — С. 70-73. EDN: UXLIIT
2. Гафарова Ю.Ю. Цифровая антропология: установки и принципы / Ю.Ю. Гафарова // Человек в социокультурном измерении. — 2022. — №2. — С. 10-14. EDN: RYEXCK
3. Даниелян Н.В. Экзистенциальность человека в современном высокотехнологичном мире / Н.В. Даниелян // Высокотехнологичное право: современные вызовы: сб. ст. IV Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва-Красноярск, 17–20 февраля 2023 года. — Том 1. — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. — С. 89-93. EDN: RHELFC
4. Жижилева Л.И. Экзистенция и идентичность человека в современном мире / Л.И. Жижилева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2019. — №3(24). — С. 22-26. DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-22-26 EDN: YIWMDZ
5. Исаев А.А. Человек как центр рассмотрения понятий: бытие, существование, экзистенция / А.А. Исаев // Социум и власть. — 2015. — №3(53). — С. 29-33. EDN: UBFNCN
6. Ламетри Ж.О. Сочинения. М.: Мысль, — 1983. — 509 с.
7. Нижников С.А. Экзистенция и философия / С.А. Нижников // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2017. — Т. 14, №3. — С. 8-13. EDN: ZSLMBR
8. Петев Н.И. Экзистенция индивида: вопрос самореализации и особенностей индивидуума / Н.И. Петев // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). — 2019. — №2(8). — С. 47-54. EDN: SOORTI
9. Сабитова А.Р. Философские аспекты выбора в условиях цифрового детерминизма // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 258-262. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-57.40 EDN: PHEMIH
10. Сулимов В.А. Антропология современности: экзистенция, социальность, когниция / В.А. Сулимов, И.Е. Фадеева // Человек. Культура. Образование. — 2015. — №2. — С. 120-131. EDN: UUXEPR
11. Труфанова Е.О. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный / Е.О. Труфанова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2021. — №3. — С. 370-375.
12. Фролов А.В. Экзистенция и мир в цифровую эпоху / А. В. Фролов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2018. — №3. — С. 18-30. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375 EDN: IIPRCO
13. Цифанова И.В. Поиски идентичности в ситуации постмодерна: социальная игра и историческая экзистенция / И.В. Цифанова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2017. — №4(196). — С. 21-27. EDN: SZIWYR
14. Шиловская Н.С. Гуманизм, экзистенция и социальное / Н.С. Шиловская // Вестник Мининского университета. — 2013. — №3(3). — С. 6-13. EDN: SGNNDL

THE RELATIONSHIP BETWEEN TRADITIONAL FOUNDATIONS (PRINCIPLES) AND INNOVATIONS FROM A SOCIO-PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Yanush Sergey Vladimirovich, *DSc of Historical sciences, Professor, Krasnodar Higher Military Aviation Order of Peoples' Friendship Pilot School named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov, Krasnodar (Russia)*

Zolotarev Sergey Petrovich, *DSc of Philosophical sciences, Associate Professor, Stavropol State Agrarian University, Stavropol (Russia)*

The purpose of this study is to identify the conditions that foster the formation of sustainable traditions and the dynamic development of society. Tradition and innovation are presented as interdependent elements of a single, evolving system. To this end, the evolutionary model of scientific formation proposed by Stephen Toulmin is used. Tradition is not a static structure, but a dynamic environment that facilitates the emergence and dissemination of new ideas. Professional communities, scientific institutions, and other social structures play a key role in the selection and implementation of new technologies. Innovation selection factors represent a complex system consisting of internal and external elements. Internal factors associated with a specific spiritual or social sphere determine the extent to which an innovation corresponds to the core values and principles of the tradition. External factors, such as political, economic, and cultural trends, reflect the influence of the environment. The results of the analysis allow us to conclude that traditions remain viable thanks to the complex interaction of innovation selection mechanisms, which are filtered by cognitive attitudes and closely linked to institutional factors that create barriers to some innovations while paving the way for the development of others.

Keywords: *method; innovation; science; concept; cultural group; communication; social environment; postpositivism.*

EDN: HXSRZI **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.25**

Цитировать: *Януш С.В., Золотарев С.П. Взаимосвязь между традиционными основами (устоями) и инновациями с социально-философских позиций // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 169-176. EDN: HXSRZI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.25*

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ТРАДИЦИОННЫМИ ОСНОВАМИ (УСТОЯМИ) И ИННОВАЦИЯМИ С СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ПОЗИЦИЙ

УДК 141
5.7.7

© Януш С.В., Золотарев С.П., 2026

Цель исследования состоит в выявлении условий, способствующих формированию устойчивых традиций и динамичному развитию общества. Традиции и инновации представлены как взаимозависимые элементы единой развивающейся системы. Для этого используется эволюционная модель формирования науки, предложенная Стивеном Тулмином. Традиция — это не статичная структура, а динамичная среда, которая способствует появлению и распространению новых идей. Профессиональные сообщества, научные институты и другие социальные структуры играют ключевую роль в отборе и внедрении новых технологий. Факторы отбора инноваций представляют собой сложную систему, состоящую из внутренних и внешних элементов. Внутренние факторы, связанные с конкретной духовной или социальной сферой, определяют, насколько инновация соответствует основным ценностям и принципам традиции. Внешние факторы, такие как политические, экономические и культурные тенденции, отражают влияние окружающей среды. Результаты анализа позволяют заключить, что традиции остаются жизнеспособными благодаря сложному взаимодействию механизмов по отбору инноваций, которые фильтруются когнитивными установками и тесно связаны с институциональными факторами, создающими барьеры для одних инноваций, одновременно открывая путь для развития других.

Ключевые слова: *метод; новация; наука; концепция; культурная группа; коммуникация; социальная среда; постпозитивизм.*

ЯНУШ Сергей Владимирович, *доктор исторических наук, профессор, Краснодарское высшее военное авиационное ордена Дружбы народов училище лётчиков имени Героя Советского союза А.К. Серова, Краснодар (Россия)*

ЗОЛОТАРЕВ Сергей Петрович, *доктор философских наук, доцент, Ставропольского государственный аграрный университет, Ставрополь (Россия)*
ORCID 0000-0003-2055-2067

Введение

Эффективное сочетание накопленного опыта и перспективных идей требует не только глубокого осмысления, но и квалифицированного использования доступных ресурсов. Благоприятная атмосфера для интеллектуального роста и надежные общественные институты формируют сбалансированное развитие, где традиции и новаторство не вступают в конфликт, а обогащают друг друга. Данное исследование рассматривает непростую связь между устоями прошлого и современными подходами, подчеркивая их согласованное взаимодействие как важную составляющую поступательного развития социума.

Устои общества надежно связывают опыт и реалии, являясь прочной базой для перспективных нововведений. Развитие высоких технологий и внедрение «искусственного» интеллекта представляет собой вызовы, решение которых носит стратегический характер развития цивилизации и связано со сменой мировозренческой парадигмы и необходимостью выработки путей адаптации человека к новым условиям. Успешной реализации при этом содействует интеграция модели человек, технологий и социума. В отношении перспективы развития российского культурного кода, научные и учебные центры должны стать местом притяжения не только ведущих ученых инженеров, но и представителей дружественных России государств, которые должны быть «точкой роста» по обмену новыми знаниями и перспективными технологиями. Кроме того, необходимо развивать не только «крупные» научные проекты, но и небольшие инновационные «стартапы», для эффективной генерации новых научных идей.

Одним из позитивных направлений интеграции последних технологий в социум является создание благоприятных условий по конструктивному диалогу между государством, бизнесом и человеком. Необходимо учреждать научные центры, основной задачей которых должны стать выявление перспективных научных точек зрения, способствующих внедрению в производство новых изобретений. Конечной целью подобных организаций должно стать быстрое внедрение технологических процессов в общество для повышения благосостояния граждан, укрепление безопасности страны и сохранение традиционных ценностей. Внедрение перспективных научных открытий должно опираться на динамичное развитие производства, сохранение баланса экономического роста на основе социальной справедливости и всемерной ответственности по экологической безопасности.

В числе примеров эффективного применения научных технологий можно привести Японию, которая смогла сохранить свой культурный код и бережное отношение к традициям и ритуалам. Успешным стало эффективное применение средств коммуникации и цифровизации по развитию гармоничного общества и обогащение культуры японского народа. Основной задачей удачного применения современных научных технологий является создание благоприятных условий по налаживанию открытого диалога между государством, бизнесом и обществом. Обсуждение ключевых проблем в рамках научных площадок позволяет формировать перспективные направления будущих успехов и возможных рисков по внедрению эффективных технологий в социальную среду.

Однако эта задача не может быть реализована без внедрения новейших образовательных программ в системе просвещения и воспитания патриотизма и правильной оценки актуальных событий. Общество должно результативно внедрять в повседневную жизнь истинные инновации, направленные на развитие уровня образования, способности к творчеству, изобретательству и ответственному отношению к новым технологиям. Тем самым принятие обществом новых инноваций является непростым многоаспектным процессом, основанным на научном анализе и стратегическом планировании во всех сферах. Создание справедливого и гармоничного общества должно опираться на богатое культурное наследие многонационального народа России.

Динамика традиций и актуальных новаций в науке

В современной науке концепция «научной дисциплины», предложенная С.Э. Тулмином, оказалась наиболее конструктивной для анализа существующей динамики традиций и актуальных новаций в науке. Согласно его концепции, наука представляет собой неутолимый, эволюционирующий организм,

где научные популяции идей рождаются, процветают и, увы, отмирают, словно цветы в быстротечном времени. Изменчивость и разнообразие мысли — живительный эликсир, который обеспечивает успешное развитие научной сферы. Однако не разнообразие само по себе, а суровый «фильтр отбора» решает дальнейшую судьбу научной популяции. [24, с. 44, 45; 25] Этот устойчивый механизм определяет, какие идеи будут бережно переданы следующим поколениям в качестве «общепринятой мудрости», кристаллизованного знания, а какие будут преданы забвению или безжалостно отвергнуты. Согласно С.Э. Тулмину, этот фильтр выполняет две витально важные функции: установление институциональных связей между идеями и определение их «экологической сообразности». Первая функция предполагает гармоничное встраивание новой концепции в существующий алгоритм знаний, определение её уникального места в сложной системе научных дисциплин, выявление неожиданных связей с другими, казалось бы, далекими областями познания. Вторая функция подразумевает строгую оценку перспективности идеи с точки зрения её применения для решения насущных проблем, и соответствия незыблемым ценностям, а также амбициозным целям научного сообщества [9].

С.Э. Тулмин, в отличие от Т. Куна и И. Лакатоса, переносит фокус внимания с внутренних, порой хаотичных, факторов развития науки (накопления аномалий, признаков «вырождения» исследовательских программ) на внешние, всепроникающие — социальные, институциональные, ценностные. Именно эти факторы, подобно невидимым нитям, по мнению философа, играют решающую роль в определении того, какие идеи будут радушно приняты научным сообществом и навечно закреплены в качестве традиций, а какие будут с презрением отвергнуты и преданы анафеме. [26]

Анализ проблемы извечного противостояния традиций и инноваций в науке, предложенный Куном, Лакатосом и Тулмином, дает возможность по-новому взглянуть на процессы, происходящие в научном сообществе, обнаружив за фасадом рациональности сложную и многогранную картину. Наука при этом подходе раскрывается не просто сухое, рациональное стремление к истине, но и сложный социальный институт, где рациональное неразрывно переплетено с иррациональным, объективное — с субъективным.

Закрепление новых знаний и подходов — это всегда результат сложного взаимодействия между внутренними потребностями неуклонного развития науки и внешними требованиями, предъявляемыми к ней обществом, словно диалог между разумом и душой [12, с. 46].

В дальнейшем эти перспективные идеи нашли свое развитие в рамках социологии знания, STS (Science and Technoloy Studies) и других междисциплинарных направлений, расширяя горизонты понимания. Особое внимание стало уделяться определяющей роли социальных и культурных факторов в развитии научных знаний, исследованию влияния властных отношений на научные практики, требующие научного анализа процессов легитимации новых технологий, и других важных направлений. Все это позволило создать более полную и многогранную картину динамичного развития науки, учитывающую не только её внутренние закономерности, но и неразрывную взаимосвязь с социокультурным контекстом [8, с. 3].

Проблема соотношения традиций и инноваций в науке является одной из ключевых для глубокого понимания направлений развития научного знания [2; 4; 20], подобно компасу, указывающему верное направление. Подходы, предложенные Куном, Лакатосом и Тулмином, стали той самой отправной точкой, с которой началось научно-практическое исследований в этой области, и позволили по-новому взглянуть на сложные процессы, происходящие в научном сообществе, и на их неразрывную взаимосвязь с социокультурным контекстом, открывая новые горизонты познания [13].

Проблема заключается в том, что ни одна из этих теорий не является исчерпывающей. Истина, как это часто бывает, лежит где-то посередине. Социальная система, не обладающая механизмом воспроизводства, обречена на распад. Однако выстроенный алгоритм, закостеневший в собственных догмах и традициях, рано или поздно будет сметён волной научных перемен. В эпоху XXI века, с её небывалым темпом развития технологий, задача

нахождения равновесия между традициями и новаторством приобретает особую значимость. Глобальные процессы и цифровая революция испытывают на прочность привычные нормы, требуя от социума адаптивности и новаторского подхода. В то же время, необходимо оберегать культурное наследие и духовные ориентиры, которые являются фундаментом национальной самобытности.

Общество способно ценить свое прошлое и одновременно адаптироваться к будущему, иметь наибольшие перспективы для процветания и устойчивого развития в период глобальных преобразований и негативных вызовов. Зачастую конкуренция служит катализатором инноваций, подталкивая к поиску оптимальных решений, подобно печи, в которой закаляется металл. Впоследствии эти передовые идеи могут быть включены в систему социальных норм и стать ориентирами для дальнейшего развития, подобно компасу, указывающему путь в океане возможностей.

При изучении глубинных причин и сложных процессов, формирующих радикальные нововведения, преобразующие уклад общества, следует учитывать, что они редко возникают спонтанно. Зачастую они представляют собой логичное следствие совокупного эффекта, когда небольшие, постепенные модификации, аналогично каплям воды, веками разрушающим камень, постепенно накапливаются, достигая критической точки, что в конечном итоге ведет к качественному прорыву, открывающему новые перспективы. Значимую роль играют и мощные внешние факторы, такие как технологические открытия, кардинально меняющие способы производства, крупные экономические потрясения, вынуждающие искать принципиально новые модели развития, и, безусловно, политические перевороты, коренным образом преобразующие общественный строй [15].

Вызовы современности как фитиль трансформации

И, наконец, вопрос о возможности и целесообразности применимости закономерностей, выявленных в сфере развития науки, к другим областям социальной жизни. На наш взгляд, существует немало параллелей между развитием науки и формированием общества в целом. В обоих случаях мы имеем дело с процессом накопления знаний, с конкуренцией идей, с борьбой за их природные ресурсы. Однако существуют и иные различия. Наука, в отличие от других сфер социума, в большей степени ориентирована на поиск истины и на рациональное обоснование своих положений. Поэтому прямое перенесение методологических подходов из науки в другие области может быть проблематичным [22, с. 40].

В современном мире, в некоторых жизненных ситуациях лишенная четких ориентиров личность оказывается один на один с актуальными проблемами. Необходимо научиться ориентироваться в этом зыбком мире, сохраняя при этом свою индивидуальность и ценности, не позволяя себя захватить потоку безудержного потребления и поверхностных отношений. Только так можно сохранить человеческое достоинство и обрести смысл в эпоху всепоглощающей неопределенности. «В наши дни паттерны и конфигурации утратили свою предопределенность и самоочевидность, — констатирует он, — их многообразие сталкивает их друг с другом, предписания противоречат, лишая их былой принуждающей силы» [1, с. 14].

Примечательно, что даже творцы самых строгих нормативных теорий, поддавшись очарованию собственных мыслей, приходят к осознанию хрупкости образованных научных теорий, изменчивости стандартов и социальных практик. Однако этот процесс не является однонаправленным и безоблачным. Сопротивление консервативных сил, словно тяжелая почва, сковывает свободу прорастания нового, стремясь сохранить привычный уклад, уберечь его от вторжения чуждых элементов. Ведь «эстафета по своей сути нестабильна, она перманентно мутирует, если не существует дополнительных стабилизирующих механизмов» [19, с. 103].

Подобно двуликому Янусу, взирающему в прошлое и будущее, преемственность практик у Э. Гидденса неразрывно переплетена с рефлексивностью, и эта связь, словно искра, способна воспламенить фитиль трансформации, уничтожая устаревшие социальные устои. Теоретический маневр стирает четкие границы между традицией и новацией, погружая их в зыбкое марево всеобщей неопределенности, в «текучую» неустойчивость социума. [6] Но история, словно мудрый летописец,

и осмысление эволюции общественных сфер свидетельствуют о поразительной живучести социальных норм, от противоречий между традицией и внедрением инноваций. Вспомним хотя бы «Физику» Аристотеля, чьи представления о движении почти два тысячелетия железной хваткой удерживали умы, словно заковав их в цепи догмы. Ненамного меньше в астрономии доминировала геоцентрическая система Птолемея, являющаяся абсолютной истиной. А незыблемые столпы классической ньютоновской механики оставались несокрушимыми на протяжении двух с половиной веков, возвышаясь над миром науки, словно гранитные изваяния древних богов. И социокультурные традиции демонстрируют миру феноменальную живучесть. В русской культуре, подобно неутихающему урагану, уже два столетия бушует извечная полемика между «западниками» и «славянофилами» — вечными оппонентами в споре о пути развития страны, ее самобытности и месте в мире.

Разделяя позицию К.В. Розова, мы убеждены: чтобы проникнуть в самое сердце традиции, необходимо выявить ее стабилизирующие механизмы, обнажить те сокрытые пружины, что беспощадно отсеивают чуждые новации. Схожая задача, в опоре на эволюцию научного знания, была блестяще решена постпозитивистами, и особенно Ст. Тулмином. Его эволюционный взгляд, уподобляющий стабилизацию научных практик естественному отбору, представляется нам не просто перспективным, но и глубоко эвристичным. Он искусно выстраивает сложную систему фильтров, сквозь призму которых преломляются научные идеи, разделяя их на когнитивные и институциональные. К когнитивным достоинствам Тулмин причисляет не только релевантность, точность и объяснительную мощь концепций, но и незримые, властные устои научного сообщества, эвристический импульс, находящийся в побочных ответвлениях теорий, и, наконец, бесценный ларец памяти самой дисциплины. Институциональные условия отбора, по мнению философа, — это профессиональные арены, где разворачивается научная драма: школы, специализированные издания, престижные награды, каналы научной коммуникации и, что особенно важно, консенсус сообщества относительно критериев оценки, подобный неписаному кодексу чести [7].

Проистекающие из этого вопросы состоят в том, можно ли раздвинуть границы эволюционной модели С. Тулмина, применив её к исследованию не только научных, но и других социальных новаций, и допустимо ли перенести лекала, выкованные в горниле научной методологии, на живую ткань общества. Эти вопросы и ответы на них отражаются в самой сути науки. Т. Кун и его последователи-постпозитивисты увидели в науке не отвлечённый поиск истины, парящий в эмпиреях, а сложный социальный институт, заложивший методологический фундамент для изучения социальных явлений и построения целостной социальной теории.

Итак, подвержены ли другие социальные и культурные новации столь же безжалостному, но необходимому когнитивному и институциональному отбору? Можно сказать, что эта неумолимая сила действует не только в стерильном лабораторном пространстве, но и в бурлящем котле самой общественной жизни. Когнитивные факторы — словно невидимые нити, пронизывающие канву времени, — играют ключевую роль в сохранении традиций и одновременно в формировании нового. Системность и взаимосвязь элементов традиции, их хитроумное переплетение с другими социальными установками, образуют сложную, многогранную сеть, определяющую жизнеспособность любой идеи. Подобно бдительному церберу, внутренняя и внешняя согласованность традиции зорко охраняет свои врата, отсекая те новации, что неспособны органично влиться в существующую систему или стать прочным краеугольным камнем для созидания новой. Анри Пуанкаре полагал, что «изобретение в математике как дар распознавать и выбирать те факты, что соединяют, казалось бы, далекие, давно известные, но доселе не связанные меж собой законы» [18, с. 359].

По мнению математика, успех сопутствует лишь «красивым» комбинациям, тем, что пленяют своей внутренней гармонией и созвучием с набором уже существующих знаний. Красота математической конструкции — это, отнюдь, не внешнее украшение, а глубинное родство с устоявшейся системой координат. Лишь открытие, выдержавшее строгий

экзамен «системного отбора», сумевшее органично вплестись в ткань теоретического знания, имеет шанс на бессмертие. И напротив: нововведение, чуждое этой гармонии, словно диссонанс в симфонии, обречено на забвение, останется лишь неслышным шепотом в безбрежном океане науки.

Системные факторы объективных и субъективных возникновений социокультурных инноваций

Аристотелевская традиция — не просто пример, а целая энциклопедия «системного» отбора, выкованная в рамках научного познания. Словно неприступная цитадель, сотканная из внутренних гармоний, она отражала любые дерзкие помыслы, покушавшиеся на её незыблемость. Тем самым для уничтожения этой стройной твердыни требовался не бунт, а коренное перерождение самих основ. До тех пор, пока эта метаморфоза не совершится, система, словно бдительный Цербер, яростно охраняла свои догмы от чуждых «мутаций», отсекая все, что угрожало её незыблемости [16].

Из VI века до нашей эры сохранились обрывочные теории и сведения об основных проблемах бытия. Например античный философ-неоплатоник Симпликий Киликийский, в толкованиях аристотелевской «Физики», осмелился усомниться в объяснении движения брошенных тел через посредническую среду. Но, лишь коснувшись кончиком пера этой крамольной мысли, он не решился выпустить её на волю, поспешно укрывшись в спасительной тени аристотелевских аксиом. «Что же стало с той непреодолимой преградой? Какая сила удерживала гениев античности от, казалось бы, очевидного прозрения, заставляя их, словно зачарованных, блуждать в лабиринтах умозрений, наделяя стихии воздуха и воды несвойственной им ролью посредников движения?» — вопрошает Я.Г. Дорфман [10, с.73]. И тут же, словно разгадывая древнюю загадку, заключает: «Препятствием, по всей видимости, служило укоренившееся представление о том, что тело, наделенное способностью к самостоятельному движению, неотличимо от живой души» [10, с.74].

Прими античный мир эту мысль, и фундамент мироздания затрещал бы под натиском парадоксов. Такое откровение стало бы дерзким вызовом самой сути разделения естественного и искусственного, кощунственным отрицанием пустоты — а вместе с ней и головокружительной, всепоглощающей скорости беспредельности. Оно обрушило бы хрупкий карточный домик представлений о космосе, заключенном в незыблемые границы.

Этот безжалостный механизм отбора, основанный на системности, властвует не только в строгих стенах науки, но и в зыбких песках социальных традиций. Фердинанд де Соссюр, прозревая тайну несокрушимости языковых знаков, указывал на три столпа их устойчивости: титанические усилия, вложенные в постижение языка; неисчислимое множество этих знаков; и лабиринтную сложность самой языковой системы. Подобно паутине, каждый знак связан с другим, и малейшее изменение возможно лишь при изменении системы в целом. «Система письма, состоящая из 20-40 букв, может быть заменена другой, — писал Соссюр. — То же самое можно было бы сделать и с языком, если бы число его элементов было ограничено. Но число знаков языка бесконечно» [23, с. 107].

Кириллица — древний и непреклонный столп русской культуры. Сколько раз предпринимались дерзкие попытки сломить её, привить чуждые элементы латиницы или вовсе отринуть в пользу латинского алфавита. Но всякий раз эти посягательства разбивались о гранитное основание традиции. И причина не только в привычке или удобстве, а в глубокой, органичной включенности кириллического письма в саму ткань российской культуры, в её православное сердце, в её исторические предания и сокровенные культурные коды.

Представленные примеры демонстрируют, как возникновение социокультурных и экономических инноваций обусловлено сложным переплетением системных факторов. Кириллица, возникнув как инструмент сохранения культурной идентичности в условиях геополитической напряженности, укрепилась благодаря своей интеграции в существующую структуру общества и культурные традиции. Попытки латинизации, напротив, воспринимались как деструктивные и не прижились, за исключением периодов ослабления национального контроля и усиления западного влияния.

Заключение

Таким образом, жизнеспособность любой системы определяется не количеством ее компонентов, а характером их взаимодействия. Устоявшиеся интегративные системы современных государств выдерживают глобальные вызовы и катастрофы, возникающие как в мире, так и отдельном государстве. Эти вызовы являются результатом быстрого развития новых технологий, проблемами демографических перемен, неординарной внешней политикой некоторых государств, нарушение основ традиционных культур и т.д. В кризисные ситуации, возникающая в рамках социально-экономических преобразований необходимость в новых инновациях возрастает в геометрической прогрессии [14].

В прошлом веке зарождающиеся общественные инновации возникали на основе общедоступности среднеспециального и высшего образования, создания системы институтов социальной защиты населения и внедрения новых экономических моделей в производственную деятельность предприятий. Многочисленные новации способствовали глобальным изменениям в политике, экономике и социально-культурной среде не только отдельных государств, но и их объединений в различные союзы. Эти новации способствовали развитию перспективных схем общественных отношений.

Одним из эффективных методов по реализации различных государственных программ стал «системный подход», который оказал существенное влияние на создание современных информационных технологий, которые привели к оригинальным методам коммуникации, получения образования и отношениям между работниками и работодателями в условиях рыночной экономики. Для осуществления перспективы развития государства и общества в современных реалиях необходимо применять системных подход на основе сложившихся теорий и практик с учетом стратификации общества. Эти меры позволят в настоящем и будущем противостоять формированию экономических кризисов, политических разногласий между государствами и социальными группами. Подобные меры способствуют принятию органами государственной власти обоснованных и взвешенных решений в различных область жизнедеятельности страны и мирового сообщества.

Такой системный подход способствует более осознанному и предсказуемому управлению процессами социальных преобразований.

Институциональный отбор — не просто краеугольный камень, но сама, основа стабилизации традиции, её позитивный прагматизм. Их присутствие ощутимо в каждом уголке социума, от фундаментальных правовых норм, определяющих взаимодействие граждан, до негласных кодексов поведения, формирующих межличностные отношения. Институты — это не просто застывшие формы, но динамичные системы, адаптирующиеся и трансформирующиеся под влиянием времени и обстоятельств [3].

Факторы отбора можно уподобить двуликому Янусу: «внутренние», что пульсируют в замкнутом пространстве конкретной духовной или социальной сферы, и «внешние», где сам институт, охраняющий традиции, черпает силы из иного, порой враждебного, лона. Хрестоматийные примеры подтверждают роль церкви, обуздывающей порывы научной мысли (достаточно вспомнить тернистый путь гелиоцентризма), и деспотичное влияние политической доктрины, ограничивающий искусство, общественных наук и самой социальной жизни под тяжестью тоталитарных режимов. Несмотря на мрачную репутацию, природа этих институциональных влияний по-прежнему остается неизученной территорией для философии и социологии. Даже церковь, как устойчивый бастион традиций, применяет свою «сдерживающую» силу точечно, подобно искусному садовнику, удаляющему лишь отдельные, непослушные ростки, а не уничтожающему все дерево моральных принципов и нравственных стандартов. «Одна из гипотез, требующая дальнейшей разработки, предполагает, что условием критического отношения институтов одной социальной сферы к новациям в другой является их конкуренция в духовном или социальном пространстве» [21, с. 12].

Таким образом, взращенная на благодатной почве истории науки, исследовательская программа таит в себе могучий эвристический потенциал, словно дремлющий вулкан. К сожалению, рамки настоящей статьи не позволяют в полной мере раскрыть все грани её возможностей, представить во всей позитивности панораму перспектив развития об-

щества. Лишь время и успешная реализация новых научных парадигм смогут подтвердить её право занять место надежного методологического компаса, способного уверенно провести сквозь существующие концепции социальных и философских наук.

Литература

1. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
2. Богданов А.В. Проблема соотношения традиции и инновации в трудах зарубежных мыслителей (на примере работ О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, М. Вебера) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. — 2018. — Т. 18, вып. 3. — С. 345–348. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-345-348
3. Варшавский А.Е. Проблемные инновации: риски для человечества: Экономические, социальные и этические аспекты. — М.: URSS, 2014. — 328 с.
4. Вебер А.Б. Взаимосвязь традиций и инноваций в свете проблем современности // Социологическая наука и социальная практика. — 2017. — Т. 5, №2. — С. 47-62. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5149
5. Вернадский В.И. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г. П. Аксенов. — М.: Современник, 1993. — 685 с.
6. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005. — 528 с.
7. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Ежегодник. — Вып. 11 / отв. ред. М.К. Горшков. — М.: Новый хронограф, 2012. — С. 3-26.
8. Горшков М.К. О чём мечтают россияне: идеал и реальность / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь М, 2013. — 400 с.
9. Давыдов Ю.Н. Современная западная социология. Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — 432 с.
10. Дорфман Я. Г. Беседы о магнетизме / Я.Г. Дорфман. — М., Ленинград: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. — 80 с.
11. История теоретической социологии: в 4-х т. — Т. 4 / отв. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. — СПб.: РХГИ, 2000. — 736 с.
12. Капустин Б.Г. Что такое консерватизм? // Свободная мысль-XXI. — 2004. — №2. — С. 44-53.
13. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 640 с.
14. Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. — Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. — М.: Mbira, 1989. — 476 с.
15. Кондратьева Т. С. Кормить и править: О власти в России XVI-XX вв. / пер. с фр. — М.: РОССПЭН, 2009. — 208 с.
16. Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. — М.: URSS, 2010. — 144 с.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 23. — М.: Политиздат, 1960. — 2-е изд. — 907 с.
18. Пуанкаре Анри (1854-1912). Последние мысли: с портретом автора / Анри Пуанкарэ; пер. А.И. Стожарова; под ред. и с предисл. А.П. Афанасьева. — Петроград: Научное книгоизд-во, 1923. — 133 с.
19. Розов М.А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке / АН СССР. Сиб. отд. Ин-т истории филологии и философии; отв. ред. А.Н. Кочергин. — Новосибирск: Наука, 1987. — 318 с.
20. Силютина А.В. Проблема соотношения традиционных и инновационных ценностей в современном обществе // KANT. — 2024. — №4(53). — С. 304-309. EDN: QRIGXS. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-53.47
21. Фахрутдинова А.З. Традиции и инновации: когнитивная и институциональная поддержка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия Философия. Политология. Культурология. — 2016. — Т. 2(68), № 4. — С. 11-20.
22. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / пер. с англ. — М.: Изд-во Новости; Catallaxv, 1992. — 304 с.
23. Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. — М., 1986. — С. 71-82.
24. Toulmin S. Does the distinction between normal and revolutionary science hold water? // In book: Criticism and Growth of Knowledge / ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. — Cambridge, 1970. — Pp. 39-47.
25. Toulmin S. History, praxis and the «third world». Ambiguities in Lakatos' theory of methodology // In book: Essays in memory of Imre Lakatos / Ed. by R.S. Cohen, P.K. Feyerabend, M.W. Wartofsky. — Vol. 39. — Boston: BSPS, 1976. — Pp. 660-661.
26. Toulmin S. Innovation and the Problem of Utilization // In book: Factors in the Transfer of Technology / ed. by W. Gruber, D. Marquis. — Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1969.

MODERN DIGITAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE STATE CONTROL SYSTEM: ASSESSMENT OF THE IMPLEMENTATION LEVEL AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Abduraimova Elvina Dilyaverovna, *PhD of Economics*

Akhtemova Aishe Rustemovna, *Lecturer*

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Republic of Crimea (Russia)

The purpose of the study is to assess the level of implementation of digital and information technologies in the state control system and to identify priority directions for its improvement. The article examines the theoretical foundations of digitalization of state control, systematizes the key directions of digital and information technology application, and analyzes the dynamics of control activity indicators of three key bodies — the Accounts Chamber of the Russian Federation, the Federal Treasury, and the Federal Tax Service — for the period 2022–2024. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive assessment of the level of implementation of digital and information technologies in the state control system based on data from three key control bodies over the period 2022–2024. As a result, the directions of digitalization of state control have been systematized, stable trends of growth in the effectiveness of control activities under digital transformation have been identified, differences in the level of digital maturity between federal and regional levels of control have been determined, and priority directions for improving digital and information technologies in the state control system have been formulated.

Keywords: *state control; state financial control; digital technologies; information technologies; digitalization.*

EDN: HZAHLM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.26***

Цитировать: *Абдураимова Э.Д., Ахтемова А.Р. Современные цифровые и информационные технологии в системе государственного контроля: оценка уровня внедрения и направления совершенствования // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 177-182. EDN: HZAHLM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.26*

УДК 338

5.2.3

Современные цифровые и информационные технологии в системе государственного контроля: оценка уровня внедрения и направления совершенствования

© Абдураимова Э.Д., Ахтемова А.Р., 2026

Цель исследования — оценить уровень внедрения цифровых и информационных технологий в систему государственного контроля и определить приоритетные направления её совершенствования. В статье рассматриваются теоретические основы цифровизации государственного контроля, систематизируются ключевые направления применения цифровых и информационных технологий, анализируется динамика показателей контрольной деятельности трех ключевых органов — Счетной палаты Российской Федерации, Федерального казначейства и Федеральной налоговой службы — за период 2022–2024 годов. Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке уровня внедрения цифровых и информационных технологий в систему государственного контроля на основе данных трех ключевых контрольных органов в динамике за 2022–2024 годы. В результате систематизированы направления цифровизации государственного контроля, выявлены устойчивые тенденции роста результативности контрольной деятельности в условиях цифровой трансформации, определены различия в уровне цифровой зрелости федерального и регионального уровней контроля, сформулированы приоритетные направления совершенствования цифровых и информационных технологий в системе государственного контроля.

Ключевые слова: *государственный контроль; государственный финансовый контроль; цифровые технологии; информационные технологии; цифровизация.*

АБДУРАИМОВА Эльвина Диляверовна, *кандидат экономических наук*

АХТЕМОВА Айше Рустемовна, *преподаватель*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым (Россия)

Введение

Цифровая трансформация государственного управления выступает одним из ключевых факторов повышения эффективности публичного администрирования. Государственный контроль как важнейший инструмент обеспечения законности и целевого использования публичных ресурсов не является исключением — внедрение цифровых и информационных технологий кардинально меняет методы и результативность контрольной деятельности.

В этой связи актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексной оценки уровня внедрения цифровых и информационных технологий в систему государственного контроля и определения приоритетных направлений её дальнейшего совершенствования. Цель исследования структурировала следующие задачи: 1) систематизировать направления применения цифровых и информационных технологий в системе государственного контроля, 2) проанализировать динамику показателей контрольной деятельности ключевых контрольных органов за 2022-2024 годы, 3) оценить уровень внедрения цифровых технологий, 4) определить приоритетные направления совершенствования.

В статье применяются следующие методы исследования: анализ и синтез, статистический анализ данных контрольных органов, структурный и сравнительный анализ, графический метод визуализации. Теоретической базой послужили публикации отечественных ученых, а также официальные данные годовых отчетов Счетной палаты Российской Федерации, Федерального казначейства и Федеральной налоговой службы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов органами государственной власти при разработке стратегий цифровой трансформации контрольной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

Изучением различных аспектов цифровизации государственного контроля и надзора занимались Н.Н. Макеев, А.А. Савина [4], В.Н. Сиваков [5], К.Д. Валов [2]. Проблематику цифровой трансформации государственного финансового контроля, её возможности и риски исследовали М.И. Букреев [1], Ю.С. Ермакова [3]. Однако комплексная оценка уровня внедрения цифровых и информационных технологий в систему государственного финансового контроля на основе данных ключевых контрольных органов остаётся недостаточно изученной, что определяет актуальность настоящего исследования.

Государственный контроль представляет собой важнейший инструмент обеспечения законности, эффективности и целевого использования публичных ресурсов. В условиях цифровой трансформации экономики традиционные методы контрольной деятельности претерпевают существенные изменения: ручные процедуры проверки уступают место автоматизированным системам мониторинга, анализа больших данных и искусственному интеллекту. Цифровизация государственного контроля позволяет не только повысить скорость и охват контрольных мероприятий, но и перейти от реактивного выявления нарушений к их превентивному предупреждению [5]. Современные цифровые и информационные технологии, применяемые в системе государственного контроля, можно систематизировать по нескольким ключевым направлениям, представленным на рисунке 1.

Каждое из выделенных направлений реализуется через конкретные информационные системы и платформы, функционирующие как на федеральном, так и на региональном уровнях государственного управления. Автоматизация контрольных процедур снижает трудозатраты и минимизирует влияние человеческого фактора, межведомственное взаимодействие обеспечивает полноту и достоверность проверяемых данных, инструменты анализа данных позволяют перейти от реактивного выявления нарушений к их превентивному предупреждению, а платформенные решения создают условия для непрерывного дистанционного мониторинга. Совокупность данных технологий формирует цифровую экосистему государственного контроля, обеспечивающую сквозной охват объектов проверки на всех уровнях бюджетной системы. Наиболее полное отражение представленных технологий наблюдается в системе государственного финансового контроля,

где цифровая трансформация охватывает деятельность ключевых контрольных органов — Счётной палаты Российской Федерации, Федерального казначейства и Федеральной налоговой службы, анализ которых позволяет дать комплексную оценку уровня внедрения цифровых и информационных технологий в контрольную деятельность.

Рисунок 1 — **Классификация цифровых и информационных технологий в системе государственного контроля**

В качестве высшего органа внешнего государственного финансового контроля Счетная палата Российской Федерации последовательно внедряла цифровые инструменты в контрольную деятельность: от автоматизации рутинных контрольных процедур до применения искусственного интеллекта и технологий анализа больших данных. Основные показатели работы ведомства за 2022–2024 годы систематизированы по данным годовых отчетов Счетной палаты Российской Федерации за 2022-2024 годы и представлены в таблице 1.

Представленные данные свидетельствуют о существенном росте результативности контрольной деятельности Счетной палаты в условиях цифровой трансформации. Несмотря на незначительное сокращение числа контрольных мероприятий, объем возврата средств в бюджет за анализируемый период вырос почти в 11 раз — с 8,9 млрд рублей в 2022 году до 95,9 млрд рублей в 2024 году, что свидетельствует о повышении качества и точности контрольных процедур благодаря внедрению цифровых инструментов. Показательно, что в 2024 году впервые был рассчитан совокупный экономический эффект от деятельности ведомства, который составил 148,9 млрд рублей [Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году].

Таблица 1 — **Основные показатели контрольной деятельности Счетной палаты Российской Федерации за 2022–2024 годы**

Показатель	2022 год	2023 год	2024 год	Изменение за период
Количество завершенных мероприятий	338	332	339	+1 (+0,3%)
в том числе контрольных	246	244	235	−11 (−4,5%)
Выявлено нарушений и недостатков, млрд руб.	885,6	2 110,0	1 154,9	+269,3 (+30,4%)
Возврат средств в бюджет, млрд руб.	8,9	26,4	95,9	+87,0 (+977,5%)

Наряду со Счетной палатой Российской Федерации важным элементом системы государственного финансового контроля выступает Федеральное казначейство, цифровая трансформация которого реализуется

прежде всего через механизм казначейского сопровождения — инструмента автоматизированного контроля за целевым использованием бюджетных средств в режиме реального времени. Цифровая инфраструктура ведомства включает ГИИС «Электронный бюджет» как платформенное решение для межведомственного взаимодействия и дистанционного мониторинга бюджетных операций, а также единый портал бюджетной системы, обеспечивающий открытость и прозрачность государственных финансов. Основные показатели развития системы казначейского сопровождения за 2022–2024 годы обобщены по данным отчетов Федерального казначейства Российской Федерации [Отчет об исполнении Плана деятельности Федерального казначейства, за 2022-2024 годы] и представлены в таблице 2.

Таблица 2 — **Показатели развития системы казначейского сопровождения в Российской Федерации за 2022–2024 годы**

Показатель	01.01.2023 год	01.01.2024 год	01.01.2025 год	Измен-е за период
Участников КС федерального уровня	30 879	36 527	39 505	+8 626 (+27,9%)
Разделов лицевых счетов (федеральный)	126 191	112 707	100 169	−26 022 (−20,6%)
Лицевых счетов КС регионального уровня	15 442	26 601	30 573	+15 131 (+98,0%)
Разделов лицевых счетов (региональный)	24 095	45 856	54 523	+30 428 (+126,3%)

Представленные данные свидетельствуют о последовательном расширении охвата системы казначейского сопровождения как инструмента цифрового контроля за целевым использованием бюджетных средств. На федеральном уровне число участников казначейского сопровождения за анализируемый период увеличилось на 27,9% — с 30 879 до 39 505, что указывает на планомерное вовлечение новых получателей бюджетных средств в систему автоматизированного контроля. При этом сокращение числа разделов лицевых счетов на 20,6% свидетельствует не об уменьшении охвата, а об оптимизации и консолидации системы на данном уровне. На региональном и местном уровне динамика носит принципиально иной характер: число лицевых счетов выросло практически вдвое (+98,0%), а число разделов — более чем в два раза (+126,3%), что отражает стадию активного расширения цифрового контроля на субфедеральном уровне. Таким образом, федеральный уровень казначейского сопровождения находится на этапе зрелости и оптимизации, тогда как региональный — на этапе интенсивного роста, что в совокупности характеризует высокий и устойчивый уровень внедрения данного цифрового инструмента в систему государственного финансового контроля.

Не менее значимым субъектом государственного финансового контроля является Федеральная налоговая служба, цифровая трансформация которой охватывает все ключевые направления, представленные на рисунке 1. В части автоматизации контрольных процедур ФНС активно применяет АСК НДС-3 и АИС «Налог-3», обеспечивающие контроль налоговых обязательств в режиме реального времени, в части дистанционного мониторинга — систему онлайн-касс и АИС «Маркировка», позволяющие отслеживать движение товаров и денежных потоков по всей цепочке поставок. К 2024 году ФНС реализовала свыше 70 цифровых платформ, адаптированных под запросы различных категорий налогоплательщиков. Основные показатели контрольной деятельности ФНС за 2022-2024 годы обобщены по данным отчетов Федеральной налоговой службы Российской Федерации [Отчет по форме № 2-НК, за 2022-2024 годы] и представлены в таблице 3.

Данные таблицы 3 наглядно демонстрируют качественные изменения в системе налогового контроля, обусловленные активным внедрением цифровых технологий. Наиболее показательной является динамика камеральных проверок: их количество за анализируемый период возросло с 7,7 млн до 107,9 млн, что свидетельствует о переходе к автоматизированному контролю в режиме реального времени. При этом число выездных проверок организаций сократилось на 37,7% — с 2 253 до 1 403, однако результативность контроля возросла с 94,3% до 96,9%, что отражает переориентацию с традиционных проверок на

риск-ориентированный подход, позволяющий охватывать значительно большее число налогоплательщиков при одновременном снижении административной нагрузки на бизнес.

Таблица 3 — **Основные показатели контрольной деятельности Федеральной налоговой службы Российской Федерации за 2022-2024 годы**

Показатель	01.01.2023 год	01.01.2024 год	01.01.2025 год	Изменение за период
Камеральные проверки, ед.	7 695 545	7 664 656	107 936 286	+100 240 741 (+1302,7%)
из них выявившие нарушения	364 435	379 912	431 925	+67 490 (+18,5%)
Выездные проверки организаций, ед.	2 253	1 132	1 403	−850 (−37,7%)
из них выявившие нарушения	2 124	1 093	1 360	−764 (−36,0%)
Результативность выездных проверок, %	94,3	96,6	96,9	+2,6 п.п.
Доначислено по выездным проверкам организаций, млрд руб.	217,6	103,4	168,9	−48,7 (−22,4%)

Вместе с тем, несмотря на достигнутые результаты в сфере государственного финансового контроля, цифровая трансформация системы государственного контроля в целом остается незавершенной и требует определения приоритетных направлений дальнейшего совершенствования. На основе проведенного анализа выделены ключевые направления, представленные на рисунке 2.

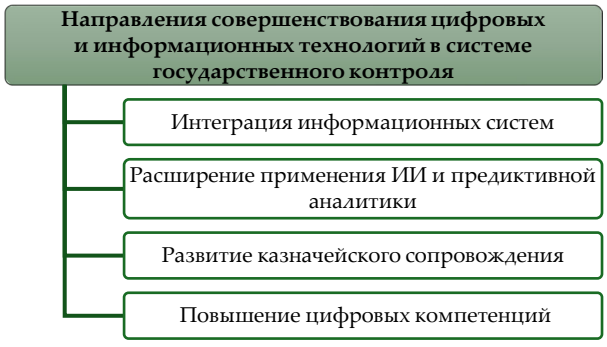

Рисунок 2 — **Направления совершенствования цифровых и информационных технологий в системе государственного контроля**

Реализация выделенных направлений совершенствования носит комплексный характер. Углубление интеграции информационных систем Счетной палаты, Федерального казначейства и Федеральной налоговой службы устранит существующую разрозненность цифровых платформ и обеспечит полноту и достоверность контрольной информации. Расширение применения искусственного интеллекта и предиктивной аналитики, апробированных Счетной палатой с точностью классификации нарушений до 90%, позволит тиражировать данный опыт на все уровни контрольной деятельности и перейти от реактивного выявления к превентивному предупреждению нарушений. Планомерное развитие казначейского сопровождения на субфедеральном уровне, демонстрирующем опережающий рост относительно федерального, создаст условия для сквозного контроля бюджетных средств на всех уровнях бюджетной системы. Реализация трех технологических направлений, в свою очередь, невозможна без соответствующего кадрового обеспечения — формирования системы непрерывного профессионального развития сотрудников контрольных органов в области цифровых и информационных технологий.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие выводы.

1. Цифровые и информационные технологии в системе государственного контроля охватывают четыре ключевых направления: автоматизацию контрольных процедур, межведомственное информационное взаимодействие, анализ данных и риск-ориентированный контроль, а также платформенные решения дистанционного мониторинга. Совокупность данных технологий формирует цифровую экосистему государственного финансового контроля, обеспечивающую сквозной охват объектов проверки на всех уровнях бюджетной системы.

2. Анализ деятельности Счетной палаты Российской Федерации за 2022–2024 годы свидетельствует о существенном росте результативности контроля в условиях цифровой трансформации: возврат средств в бюджет

увеличился почти в 11 раз — с 8,9 до 95,9 млрд рублей, что обусловлено внедрением искусственного интеллекта, технологий анализа больших данных и запуском 7 новых цифровых проектов в 2024 году.

3. Система казначейского сопровождения Федерального казначейства демонстрирует устойчивое расширение охвата: число участников федерального уровня за анализируемый период возросло на 27,9%, а на региональном и местном уровнях число лицевых счетов увеличилось практически вдвое, что свидетельствует о переходе от точечного к системному цифровому контролю за целевым использованием бюджетных средств.

4. Цифровая трансформация налогового контроля Федеральной налоговой службы обеспечила кратный рост охвата камеральных проверок — с 7,7 млн до 107,9 млн единиц при одновременном повышении результативности выездных проверок с 94,3% до 96,9%, что отражает качественный переход к риск-ориентированному подходу на основе автоматизированных аналитических систем.

5. Приоритетными направлениями совершенствования цифровых и информационных технологий в системе государственного контроля являются: углубление интеграции информационных систем контрольных органов, расширение применения искусственного интеллекта и предиктивной аналитики, развитие казначейского сопровождения на субфедеральном уровне, а также повышение цифровых компетенций сотрудников контрольных органов.

Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований в области оценки экономического эффекта от цифровизации государственного контроля и разработки методологии комплексной оценки уровня цифровой зрелости контрольных органов.

Литература

1. Букреев М.И. Цифровизация как приоритет развития государственного (муниципального) финансового контроля: возможности и риски / М.И. Букреев // Студенческий форум. — 2025. — №32-1(341). — С. 30-33. — EDN ANACJE.
2. Валов К.Д. Цифровизация государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства: правовые основы, риски и перспективы / К.Д. Валов // Закон. Право. Государство. — 2025. — №2(46). — С. 65-67. — EDN KFRGSS.
3. Ермакова Ю.С. Государственные институты финансового контроля в условиях цифровизации / Ю.С. Ермакова // Сфера услуг: инновации и качество. — 2023. — №65. — С. 70-77. — EDN FYNIBW.
4. Макеев Н.Н. Цифровизация государственного контроля (надзора): новеллы, проблемы, тенденции развития / Н.Н. Макеев, А.А. Савина // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. — 2023. — №21. — С. 47-50. — EDN LYVIWQ.
5. Сиваков В.Н. Цифровизация государственного контроля (надзора): теоретический аспект / В.Н. Сиваков // Научный вектор: сб. науч. тр. — Ростов-на-Дону: РИНХ, 2024. — С. 426-429. — EDN FUPVEA.

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF HUMAN RESOURCES AS AN IMPERATIVE OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF INNOVATION AND DIGITAL TRANSFORMATION

Abramyan Gor Ashotovich, *PhD of Economics, Senior Lecturer*

Al-Ani Hamam Hikmat Rajab, *Postgraduate student*

Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia)

Contemporary challenges facing government bodies responsible for implementing socio-economic policy require new approaches to human capital management, which is impossible without developing relevant tools for assessing the quality of human resources within the country, which is the goal of this study. The innovative and digital transformation of the economy, in turn, further increases the importance of human resources for socio-economic policy, as they are both the subject and object of this transformation. This study presents a unique approach to defining the concept of human resource quality at the macro level and presents a methodology for assessing human resource quality based on the calculation of an integrated national index of human resource quality.

Keywords: *human resource quality; human capital; integrated national index; innovative and digital transformation; demographic characteristics; innovation activity; degree of digitalization; quality of life.*

EDN: IHNJZJ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.27***

Цитировать: *Абрамян Г.А., Ал-Ани Х.Х.Р. Оценка качества человеческих ресурсов как императив государственного управления в условиях инновационно-цифровой трансформации // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 183-187. EDN: HZAHLM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.27*

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ КАК ИМПЕРАТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННО-ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 331
5.2.6

Современные вызовы, стоящие перед органами государственной власти, ответственными за реализацию социально-экономической политики, требуют новых подходов к управлению человеческим капиталом, что невозможно без разработки актуальных инструментов оценки качества человеческих ресурсов на территории страны, что и является целью исследования. Инновационно-цифровая трансформация экономики, в свою очередь, еще больше повышает значимость человеческих ресурсов для социально-экономической политики, являющихся одновременно как субъектом, так и объектом данной трансформации. Результатом исследования является авторский подход к определению понятия качества человеческих ресурсов на макроуровне, а также представлена методика оценки качества человеческих ресурсов на основе расчета интегрального национального индекса качества человеческих ресурсов.

Ключевые слова: *качество человеческих ресурсов; человеческий капитал; интегральный национальный индекс; инновационно-цифровая трансформация; демографические характеристики; инновационная активность; степень цифровизации; качество жизни.*

© Абрамян Г.А., Ал-Ани Х.Х.Р., 2026

АБРАМЯН Гор Ашотович, *кандидат экономических наук, старший преподаватель*
SPIN-код: 3657-149333
ORCID ID: 0000-0002-7950-2999
ResearcherID: GLS-4569-2022

АЛ-АНИ Хамам Хикмат Раджаб, *аспирант*
ORCID ID: 0009-0005-2981-2891

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (Россия)

Введение

Разрушение мировых кооперационных связей, демографические изменения, экономические кризисы и технологические трансформации создают новые вызовы для органов государственной власти при стратегическом планировании. Наличие эффективной и гибкой системы управления качеством человеческих ресурсов, встроенной в стратегию долгосрочного национального развития, позволяет государству адаптироваться к этим вызовам, сохранять социальную стабильность и обеспечивать конкурентоспособность экономики [3]. Уже в среднесрочной перспективе это позволяет более эффективно распределять финансовые и организационные ресурсы — направлять инвестиции в приоритетные направления развития человеческих ресурсов,

контролировать результаты и корректировать политику на основе мониторинга и анализа, что позволяет минимизировать потери ресурсов и максимизировать отдачу от реализации государственных программ [2].

При этом очевидно, что в условиях наращивания доли наукоемких производств в общей структуре экономики императивом государственной политики должны стать не только количественные характеристики человеческих ресурсов, но и качественные, т.е. отражающие конкурентоспособность человеческого капитала на основе целого комплекса социально-экономических параметров.

Ниже представлены основные научные подходы к управлению качеством человеческих ресурсов как на микро-, так и на макроуровне. *Системный* подход (Л.Ф. Берталанфи, Д.Х. Тлисова) рассматривает человеческие ресурсы как часть сложной социально-экономической системы, состоящей из взаимосвязанных элементов (индивид — организация — государство), ключевой целью которой является согласование экономических и социальных целей, комплексная интеграция функций управления человеческими ресурсами на разных уровнях [9; 14]. *Стратегический* подход (М. Армстронг, Ю.Г. Одегов) приоритезирует долгосрочное планирование развития человеческого потенциала и интеграцию политики по управлению человеческими ресурсами с национальными целями и корпоративными стратегиями на основе обучения, развития компетенций, гибкости и мотивации населения [6; 7]. *Поведенческий* подход (Д. Мак-Грегор, Р.М. Ходжетт) фокусируется на индивидуальном и групповом поведении, мотивации, лидерстве, межличностных отношениях и культурных аспектах с акцентом на влияние нематериальных факторов на качество и результативность кадров [11; 12]. *Административно-бюрократический* подход (Л.В. Карташова, Л.С. Бабынина, М.А. Фатеев) основывается на регулировании через государственные нормы, стандарты, инструкции, управленческую иерархию, распространен в госслужбе, для строгого контроля, подбора и учета кадров [4]. *Социально-психологический* подход (М. Паркер-Фоллетт, А.В. Тебекин) исследует влияние социальных групп, микроклимата коллектива, корпоративной культуры и коммуникации на качество человеческих ресурсов, акцентирует развитие гибких навыков, поддержки и климата доверия в госструктурах [8; 13].

Анализ данных теорий позволяет сделать вывод о том, что действующие научные теории управления человеческими ресурсами, несмотря на их глубину и многоаспектность, во-первых, недостаточно уделяют внимание вопросам формирования именно государственной системы управления качеством человеческих ресурсов, а во-вторых, не учитывают современную внешнюю среду, характеризующуюся инновационно-цифровой трансформацией экономики, что формирует новые требования к содержанию оценки качества человеческих ресурсов.

В контексте данного исследования целесообразно зафиксировать следующее определение инновационно-цифровой трансформации экономики: это процесс, связанный с переходом организаций на цифровые платформы и массовое использование ими в ходе реализации экономической деятельности цифровых инновационных технологий, продуктов и услуг, достижений науки и техники, с их внедрением на всех уровнях управления деятельностью [5]. Именно целеориентирование на повышение качества человеческих ресурсов как ответ на вызов инновационно-цифровой трансформации должно стать императивом государственной социально-экономической политики в современных условиях. А для реализации подобной политики необходимо сформировать инструментарий оценки качества человеческих ресурсов, который позволит оперативно проводить динамический (ретроспективный) анализ готовности человеческого капитала к инновационно-цифровой трансформации.

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии с авторским подходом, качество человеческих ресурсов на макроуровне — это системное свойство человеческого капитала, определяемое совокупностью его демографических, профессионально-квалификационных, социально-психологических и ценностно-нормативных характеристик. При этом необходимо учитывать, что оценка качества человеческих ресурсов в контексте инновационно-цифровой трансформации эконо-

мики требует смещения акцента в методике оценки в сторону инновационного потенциала и уровня цифровизации общества.

Предложенный авторами подход подразумевает расчет интегрального национального индекса качества человеческих ресурсов, который базируется на статистических социально-экономических показателях, отражающих соответствие человеческого капитала возможности осуществления инновационно-цифровой трансформации в экономике страны. Все показатели, включенные в состав формул для расчета индекса, являются открытыми и наблюдаемыми в Федеральной службе государственной статистики (Росстат) [1]. При апробации методики расчета на примере других стран с целью сравнительного анализа допускается замена показателей на аналогичные в рамках государственной системы статистического наблюдения конкретной страны.

Для расчета национального индекса качества человеческих ресурсов предлагается основываться на методике интегральной оценки, базирующейся на среднегеометрической субиндексов, что является актуальным и распространенным инструментом в социально-экономических исследованиях [1]. Данные субиндексы отражают качественные демографические характеристики населения, уровень жизни населения, инновационный потенциал населения и степень цифровизации населения. Расчет каждого субиндекса подразумевает линейное масштабирование показателей для их корректного сопоставления. Соответственно, формула с учетом установленного состава показателей может быть записана следующим образом:

$$НИ_i^{КЧР} = \sqrt[4]{И_i^{НАС} \times И_i^{УРЖИЗ} \times И_i^{ИННОВ} \times И_i^{ЦИФР}}, \quad (1)$$

где $НИ_i^{КЧР}$ — национальный индекс качества человеческих ресурсов *i*-й страны;

$И_i^{НАС}$ — субиндекс демографических характеристик населения *i*-й страны;

$И_i^{УРЖИЗ}$ — субиндекс качества жизни населения *i*-й страны;

$И_i^{ИННОВ}$ — субиндекс инновационной активности *i*-й страны;

$И_i^{ЦИФР}$ — субиндекс степени цифровизации *i*-й страны.

Для расчета каждого из субиндексов, в свою очередь, предлагается использовать линейное масштабирование конкретных статистических показателей:

$$И_i^{НАС} = \sqrt[3]{П_{1i}^{НАС} \times П_{2i}^{НАС} \times П_{3i}^{НАС}}, \quad (2)$$

где $И_i^{НАС}$ – субиндекс демографических характеристик населения *i*-й страны;

$П_{1i}^{НАС}$ — линейно масштабированный показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении *i*-й страны;

$П_{2i}^{НАС}$ — линейно масштабированный показатель заболеваемости на 1000 человек населения;

$П_{3i}^{НАС}$ — линейно масштабированный показатель численности занятых, приходящихся на одного пенсионера *i*-й страны.

$$И_i^{УРЖИЗ} = \sqrt[3]{П_{1i}^{УРЖИЗ} \times П_{2i}^{УРЖИЗ} \times П_{3i}^{УРЖИЗ}}, \quad (3)$$

где $И_i^{УРЖИЗ}$ — субиндекс уровня жизни населения *i*-й страны;

$П_{1i}^{УРЖИЗ}$ — линейно масштабированный показатель среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций *i*-й страны;

$П_{2i}^{УРЖИЗ}$ — линейно масштабированный показатель численности населения с денежными доходами ниже границы бедности *i*-й страны;

$П_{3i}^{УРЖИЗ}$ — линейно масштабированный показатель потребительских расходов в среднем на душу населения *i*-й страны.

$$И_i^{ИННОВ} = \sqrt[3]{П_{1i}^{ИННОВ} \times П_{2i}^{ИННОВ} \times П_{3i}^{ИННОВ}}, \quad (4)$$

где $И_i^{ИННОВ}$ — субиндекс инновационного потенциала населения *i*-й страны;

$П_{1i}^{ИННОВ}$ — линейно масштабированный показатель численности аспирантов, ординаторов и ассистентов-стажеров, докторантов *i*-й страны;

[1] Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

$П_{2i}^{ИННОВ}$ — линейно масштабированный показатель численности персонала, занятого исследованиями и разработками *i*-й страны;

$П_{3i}^{ИННОВ}$ — линейно масштабированный показатель численности исследователей с учеными степенями *i*-й страны.

$$И_i^{ЦИФР} = \sqrt[3]{П_{1i}^{ЦИФР} \times П_{2i}^{ЦИФР} \times П_{3i}^{ЦИФР}}, \quad (5)$$

где $И_i^{ЦИФР}$ — субиндекс степени цифровизации населения *i*-й страны;

$П_{1i}^{ЦИФР}$ — линейно масштабированный показатель среднегодовой численности занятых по виду экономической деятельности «деятельность в области информации и связи» *i*-й страны;

$П_{2i}^{ЦИФР}$ — линейно масштабированный показатель затрат на внедрение и использование цифровых технологий *i*-й страны;

$П_{3i}^{ЦИФР}$ — значение удельного веса домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Проведение оценки качества человеческих ресурсов на основе интегрального национального индекса позволит органам государственной власти проводить мониторинг изменения состояния человеческого капитала и оценивать его готовность к инновационно-цифровой трансформации экономики.

Индекс может быть рассчитан на основе ретроспективных данных, что позволит оценить эффективность государственной социально-экономической политики в области повышения конкурентоспособности человеческого капитала и стимулирования инновационно-цифровой активности на территории страны в динамике.

Заключение

Таким образом, в рамках данного исследования был проведен анализ актуальных теоретико-методологических подходов к понятию качества человеческого капитала в российской и зарубежной научной литературе, а также сформулировано авторское понимание данной дефиниции, в соответствии с которым качество человеческих ресурсов на макроуровне в широком смысле представляет собой системное свойство человеческого капитала, определяемое совокупностью его демографических, профессионально-квалификационных, социально-психологических и ценностно-нормативных характеристик.

Для оценки качества человеческих ресурсов в контексте их готовности к инновационно-цифровой трансформации экономики была представлена авторская методика на основе расчета интегрального национального индекса качества человеческих ресурсов ($НИ_i^{КЧР}$), базирующегося на среднегеометрической субиндексов, отражающих качественные демографические характеристики населения ($И_i^{НАС}$), уровень жизни населения ($Иi^{УРЖИЗ}$), инновационный потенциал населения ($Иi^{ИННОВ}$) и степень цифровизации населения ($Иi^{ЦИФР}$).

В дальнейшем исследование можно направлено на апробацию авторский методики оценки качества человеческих ресурсов на ретроспективных статистических данных конкретных стран.

Литература

1. Абрамян Г.А. Экспресс-рэнкинг конкурентоспособности экономики субъектов Российской Федерации / Г.А. Абрамян, Д.А. Шевченко // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — №3(149). — С. 7-13. — DOI 10.26726/1812-7096-2023-3-7-13. — EDN NBUIVE.
2. Ал-Ани Х.Х.Р. Концептуальные основы государственной системы управления качеством человеческих ресурсов в условиях инновационно-цифровой трансформации / Х.Х.Р. Ал-Ани // Естественно-гуманитарные исследования. — 2025. — №3(59). — С. 746-749. — EDN TSZMQY.
3. Жидкова И.А. Государственное управление в системе формирования инновационного менеджмента человеческих ресурсов / И.А. Жидкова // Современные подходы к управлению экономическими системами в условиях глобальной трансформации: материалы IV Международной научно-практической конференции, St. Louis, Missouri, USA, 17 февраля 2018 года. — St. Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, Ltd., 2018. — С. 60-64. — EDN XZFQSL.
4. Карташова Л.В. Международные и российские тренды в управлении персоналом / Л.В. Карташова, Л.С. Бабынина, М.А. Фатеев // Лидерство и менеджмент. — 2025. — Т. 12, №3. — С. 561-578. — DOI 10.18334/lim.12.3.122604. — EDN SMZTXV.
5. Лазарева Е.И., Матвеев Н.В. Критериальная оценка уровня инновационно-цифровой трансформа-

ции системы управления организацией // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. — 2022. — №1(61). — С. 45-55.
6. Одегов Ю.Г. Человеческие резервы рынка труда России / Ю.Г. Одегов, Л.С. Бабынина, Р.В. Одегов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. — 2025. — Т. 22, №1(139). — С. 128-147. — DOI 10.21686/2413-2829-2025-1-128-147. — EDN EOASCC.
7. Стратегическое управление человеческими ресурсами: пер. с англ. / М. Армстронг. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 328 с.
8. Тебекин А.В. Противоречия тактических и стратегических решений в развитии бизнеса / А.В. Тебекин, Н.В. Митропольская-Родионова, А.В. Хорева // Стратегии бизнеса. –Т. 8, №4. — 2020. — С. 112-116. DOI 10.17747/2311-7184-2020-4-112-116.
9. Тлисова Д.Х. Управление человеческими ресурсами организации: системный подход / Д.Х. Тлисова // Молодые экономисты — будущему России: сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Ставрополь, 20–22 декабря 2016 года. — Ч. 2. — Ставрополь: Секвойя, 2016. — С. 218-221. — EDN XXPVMP.
10. Шевченко Д.А. Трансформация технологий управления человеческими ресурсами в контексте развития платформенной занятости под влиянием экономики впечатлений / Д.А. Шевченко, Н.В. Матвеев, Х.Х.Р. Ал-Ани // Вестник Академии знаний. — 2025. — №4(69). — С. 896-902. — EDN ZZFYKJ.
11. International Management: Culture, Strategy, and Behavior. — 6th ed. / Richard M. Hodgett etc. — Boston: McGraw-Hill, 2006. — 622 p.
12. Kopelman R.E. Douglas McGregor's Theory X and Y: Toward a Construct-valid Measure / R.E. Kopelman, D.J. Prottas, L. Anne // Journal of Managerial Issues. — 2008. — №20(2). –P. 255–271. — JSTOR 40604607.
13. Mendenhall M.E. Mary Parker Follett: Prophet of Chaos and Complexit / M.E. Mendenhall, J.H. Macomber, M.Cutright // Journal of Management History. — 2000. — №6(4). — P. 191–204. –DOI 10.1108/13552520010348353.
14. Uncommon Sense: The Life and Thought of Ludwig Von Bertalanffy / Mark Davidson. — Los Angeles: J.P. Tarcher, 1983– 247 p.

THE ROLE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN ENSURING THE SUSTAINABILITY OF REGIONAL LABOR MARKETS AND CITY-FORMING ENTERPRISES IN THE FACE OF EXTERNAL CONSTRAINTS

Akimova Olga Evgenievna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Kozhukhova Margarita Tagirovna, *Senior Lecturer*

Smirnov Vasiliy Mikhailovich, *Undergraduate student*

Volgograd state technical university, Volgograd (Russia)

This article explores the potential of small and medium-sized enterprises (SMEs) as a strategic tool for diversifying the economies of single-industry municipalities in the Russian Federation. In the context of external sanctions, the SME sector is viewed not only as a source of alternative employment for laid-off staff at city-forming enterprises but also as a factor in attracting and retaining young professionals, including by reducing the social burden on industrial giants. An analysis of statistical indicators of SME activity in single-industry towns over a five-year period beginning in 2020 is conducted, and state support mechanisms within the framework of advanced development territories and VEB.RF programs are also examined.

Keywords: *single-industry towns; small and medium-sized enterprises (SMEs); economic diversification; labor market; territories of advanced development (TOP); sustainability of the regional economy; import substitution.*

EDN: JNNVKH ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.28***

Цитировать: *Акимова О.Е., Кожухова М.Т., Смирнов В.М. Роль малого и среднего предпринимательства в обеспечении устойчивости региональных рынков труда и градообразующих предприятий в условиях внешних ограничений // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 188-194. EDN: JNNVKH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.28*

УДК 338.124
5.2.3

Роль малого и среднего предпринимательства в обеспечении устойчивости региональных рынков труда и градообразующих предприятий в условиях внешних ограничений

© Акимова О.Е., Кожухова М.Т., Смирнов В.М., 2026

АКИМОВА Ольга Евгеньевна, *кандидат экономических наук, доцент*

КОЖУХОВА Маргарита Тагировна, *старший преподаватель*

СМИРНОВ Василий Михайлович, *магистрант*

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград (Россия)

В статье исследуется потенциал малого и среднего предпринимательства (МСП) как стратегического инструмента диверсификации экономики монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации. В условиях внешних санкционных ограничений сектор МСП рассматривается не только как источник альтернативной занятости для высвобождаемых кадров градообразующих предприятий, но и как фактор привлечения и удержания молодых специалистов, в том числе для снижения социальной нагрузки на индустриальных гигантов. Проведен анализ статистических показателей деятельности МСП в моногородах за пятилетний период с 2020 года, а также изучены механизмы государственной поддержки в рамках территорий опережающего развития и программ ВЭБ.РФ [1].

Ключевые слова: *моногорода; малое и среднее предпринимательство (МСП); диверсификация экономики; рынок труда; территории опережающего развития (ТОР); устойчивость региональной экономики; импортозамещение.*

Введение

Современная экономическая парадигма развития Российской Федерации в условиях беспрецедентного внешнего санкционного давления и структурной трансформации диктует необходимость переосмысления механизмов функционирования монопрофильных муниципальных образований. Традиционная жесткая зависимость моногорода от одного градообразующего предприятия (ГП) в текущих

[1] ВЭБ.РФ. Поддержка моногородов. — URL: https://вэб.рф/podderzhka-monogorodov

реалиях выступает критическим фактором уязвимости не только локальной социально-экономической системы, но и региональной безопасности в целом. В данной связи роль малого и среднего предпринимательства (МСП) трансформируется из вспомогательного сектора в стратегический инструмент обеспечения экономической резильентности, диверсификации хозяйственной структуры и стабилизации рынка труда.

Функционирование моногородов в условиях внешних ограничений характеризуется разрывом устоявшихся производственно-сбытовых цепочек, ограничением доступа к высокотехнологичному импорту и волатильностью спроса на продукцию ГП. Эти факторы создают прямые риски высвобождения значительных трудовых ресурсов, что в отсутствие альтернативных сфер занятости ведет к росту социальной напряженности и деградации человеческого капитала. Развитие сектора МСП позволяет нивелировать указанные риски путем формирования гибкой экономической среды, способной оперативно реагировать на рыночные флуктуации и обеспечивать поглощение высвобождаемых кадров. На основании вышеобозначенных положений, обращение к проблематике обусловлено необходимостью анализа потенциала малого и среднего предпринимательства (МСП) как стратегического инструмента диверсификации экономики монопрофильных муниципальных образований. Цель исследования состоит в научном обосновании роли МСП как ключевого механизма обеспечения резильентности социально-экономических систем моногородов и инструмента структурной трансформации их рынков труда в условиях внешних ограничений.

Теоретико-методологические аспекты функционирования МСП в монопрофильных территориях

Научное понимание роли малого и среднего бизнеса в экономике моногорода базируется на концепции многоукладности и адаптивности. В отличие от крупных промышленных гигантов, обладающих значительной инерцией, субъекты МСП характеризуются высокой скоростью принятия решений и способностью осваивать узкие ниши, которые являются нерентабельными для масштабного производства. В академической литературе МСП рассматривается как катализатор экономического роста, обеспечивающий решение проблемы безработицы и сглаживание территориальных диспропорций [1; 2; 4].

Процесс диверсификации моногорода через развитие предпринимательства включает в себя несколько уровней. Первый уровень — это удовлетворение базовых потребностей населения в товарах и услугах, что напрямую зависит от покупательной способности жителей. Второй уровень предполагает создание производственных МСП, ориентированных на межрегиональные и внешние рынки, что позволяет привлечь в город дополнительные финансовые потоки. Третий, наиболее сложный уровень, заключается в формировании инновационного пояса вокруг градообразующего предприятия, где малые компании выполняют роль высокотехнологичных подрядчиков и разработчиков [3; 7].

Для наглядного представления различий в адаптационных механизмах крупного и малого бизнеса в условиях санкционного давления ниже приведено сопоставление их ключевых характеристик (табл. 1).

Таблица 1 — **Сравнительный анализ устойчивости ГП и субъектов МСП в условиях внешних ограничений**

Параметр сравнения	Градообразующее предприятие (ГП)	Субъекты малого и среднего бизнеса (МСП)
Реакция на санкции	Высокая инерция, зависимость от крупных поставок	Высокая адаптивность, поиск альтернативных каналов
Зависимость от импорта	Критическая (в части станков и ПО)	Средняя (возможность оперативного замещения)
Социальная роль	Основной работодатель, высокая нагрузка	Создание альтернативных мест, снижение напряженности
Инновационный потенциал	Масштабные НИОКР, длительные циклы	Быстрое внедрение улучшающих инноваций
Взаимодействие с бюджетом	Основной налогоплательщик, риск дефицита	Диверсификация доходов местного бюджета

Составлено авторами на основе данных [3; 5; 7].

Анализ данных таблицы 1 показывает, что МСП выступает в качестве комплементарного

элемента, компенсирующего слабые стороны монопрофильной экономики. В то время как ГП обеспечивает масштаб и базу, МСП гарантирует гибкость и устойчивость системы к внешним шокам.

Диверсификация экономики как фактор снижения социальной напряженности

Суть диверсификации в моногородах заключается в создании альтернативной экономической базы, способной функционировать независимо от производственных циклов градообразующего гиганта. Малое и среднее предпринимательство выступает ключевым инструментом этого процесса, решая задачу поглощения высвобождающихся кадров. В условиях модернизации ГП, сопровождающейся автоматизацией и высвобождением персонала, именно сектор МСП становится основным реципиентом трудовых ресурсов [1].

По официальным данным, на начало 2024 года средний уровень безработицы в моногородах зафиксирован на отметке 0,62%, что сопоставимо с общероссийским уровнем 0,6%. В крупных монопрофильных образованиях, таких как Тольятти и Набережные Челны, показатели еще ниже — 0,3% и 0,16% соответственно [2]. Столь низкие уровни безработицы в условиях санкций стали возможны во многом благодаря активному развитию альтернативных производств и сферы услуг, поддерживаемых государством.

Механизм снижения социальной напряженности через МСП реализуется по следующим направлениям:

1) прямое создание рабочих мест в отраслях, не связанных с основным производством (пищевая промышленность, деревообработка, текстиль) [3];

2) развитие сферы услуг, что повышает качество жизни и комфорт городской среды;

3) стимулирование самозанятости, что позволяет гражданам самостоятельно обеспечивать свои доходы в периоды экономической нестабильности. К 2021 году количество самозанятых в РФ достигло 7,8 млн человек, что значительно превзошло прогнозные показатели [3].

Особую роль в диверсификации играют территориальные преференции. В моногородах создаются территории опережающего развития (ТОР), которые предлагают резидентам налоговые льготы и сниженные страховые взносы. Это привлекает инвестиции в создание новых предприятий, не зависящих от ГП. С 2023 года режим ТОР был значительно либерализован: теперь резидентам разрешены практически все виды деятельности, за исключением производства подакцизных товаров и ряда добывающих отраслей [4].

Для оценки долгосрочных результатов политики диверсификации целесообразно рассмотреть динамику макроэкономических показателей деятельности предприятий в монопрофильных образованиях за десятилетний период (табл. 2).

Таблица 2 — **Динамика показателей деятельности предприятий в моногородах (2014–2024 гг.)**

Показатель	2014	2019	2021	2023	2024
Суммарная выручка всех предприятий (трлн руб.)	8,5	10,2	12,8	14,8	16,0
Доля в ВВП страны (%)	-	6,4	7,1	7,8	8,0
Создано рабочих мест вне ГП (кумулятивно, тыс.)	-	12,5	24,0	34,0	-
Привлечено частных инвестиций (кумулятивно, млрд руб.)	-	82,0	155,0	235,0	-

Составлено авторами на основе данных ВЭБ.РФ.

Рост выручки предприятий в моногородах почти в два раза за 10 лет свидетельствует о накоплении экономического потенциала вне основного производственного ядра, что подтверждает тезис об эффективности предпринимательства как инструмента диверсификации.

---

[2] Моногорода / Минэкономразвития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/razvitie_gorodov/monogoroda/

Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru

[3] Малое и среднее предпринимательство в России: итоги развития, оценка эффективности реализации программы господдержки, вызовы и новые возможности: доклад. URL: http://uralfo.gov.ru/media/files/file/UgCf61U21DQK34LRPL2V0KJYbcODlkKg.pdf

[4] Рецепты создания территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в моногородах для улучшения инвестиционной привлекательности города и области? Как создать ТОСЭР? / Консалтинговая компания "Верное решение. URL: https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/toser-monogorod-create-upgrade-november-2017

Удержание молодежи и развитие человеческого капитала через инновационный бизнес

Одной из наиболее острых проблем моногородов является миграционный отток населения, прежде всего молодежи. Традиционная занятость на крупном заводе часто воспринимается молодым поколением как бесперспективная и не отвечающая современным требованиям к самореализации. В этой связи развитие инновационного малого бизнеса и креативных индустрий вокруг технологий основного производства становится критическим фактором удержания талантов в регионе [5].

Альтернативные рабочие места, создаваемые субъектами МСП, предлагают молодежи:

— работу в сфере ИТ и высоких технологий, ориентированную на цифровизацию промышленных процессов;

— возможности для стартапов в области инжиниринга и промышленного дизайна;

— современную сферу услуг и досуга, сопоставимую по качеству с крупными агломерациями.

Например, в Арктических моногородах, таких как Кировск, предпринимательская активность рассматривается как драйвер роста в условиях сложной внешней среды. Здесь механизмы взаимодействия крупного и малого бизнеса включают интрапренерство (внутреннее предпринимательство) и франчайзинг, что позволяет молодежи реализовывать свои идеи в рамках защищенных бизнес-моделей [6].

Государственная поддержка молодежного предпринимательства в моногородах включает гранты на открытие дела и субсидирование процентных ставок. Важным аспектом является также образовательная составляющая — обучение современным управленческим практикам, что снижает страх неудачи у начинающих бизнесменов. Создание комфортной городской среды через проекты ВЭБ.РФ дополнительно повышает привлекательность моногородов как места для долгосрочного проживания [5].

Повышение устойчивости градообразующего предприятия через взаимодействие с МСП

Развитие малого бизнеса выгодно не только городу, но и самому градообразующему предприятию. В условиях внешних ограничений ГП вынуждены искать пути оптимизации издержек и повышения маневренности. Передача непрофильных функций на аутсорсинг малым и средним предприятиям позволяет крупному бизнесу сосредоточиться на основной деятельности и снизить социальную нагрузку [7].

Основные механизмы повышения устойчивости ГП за счет сектора МСП:

1. Аутсорсинг вспомогательных производств. Это может быть ремонт оборудования, логистика, изготовление комплектующих и тары. Это позволяет ГП превратить постоянные издержки на содержание соответствующих цехов в переменные расходы на закупку услуг.

2. Снижение социальной ответственности. Развитие городской инфраструктуры и сферы услуг силами МСП освобождает ГП от необходимости содержать на своем балансе объекты соцкультбыта, что критически важно в периоды падения прибыли.

3. Развитие инновационной экосистемы. Малые инновационные предприятия могут быстрее и дешевле проводить апробацию новых технологий для нужд ГП.

Таблица 3 — **Модели взаимодействия ГП и МСП в условиях внешних ограничений**

Модель взаимодействия	Суть механизма	Эффект для ГП	Эффект для МСП
Производственный аутсорсинг	Передача части технологической цепочки	Снижение себестоимости, гибкость	Стабильный объем заказов, рост компетенций
Сервисная модель	Обслуживание инфраструктуры и быта	Снятие социальной нагрузки	Развитие сферы услуг, занятость населения
Инновационный кластер	Совместные НИОКР, малые КБ	Доступ к новым технологиям	Грантовая поддержка, коммерциация
Дистрибьюторская сеть	Реализация продукции ГП через малых дилеров	Расширение рынков сбыта	Формирование торгового капитала

Составлено авторами на основе данных [3; 5; 6].

Особое значение в текущих условиях имеет импортозамещение. Субъекты МСП способны оперативно копировать или разрабатывать аналоги импортных деталей и расходных материалов, которые перестали поставляться из-за санкций. Такое «малое» импортозамещение обеспечивает непрерывность производственных циклов на ГП.

Ниже представлены основные модели кооперации, способствующие повышению эффективности производственных процессов в моногородах (табл. 3, выше). Наиболее эффективной моделью в условиях санкций является производственный аутсорсинг, который позволяет ГП оперативно решать задачи "малого" импортозамещения за счет компетенций локальных малых предприятий.

Эффективность данных моделей подтверждается опытом функционирования ТОР. Например, в Татарстане резиденты ТОР активно встраиваются в производственные цепочки таких гигантов, как КАМАЗ, обеспечивая поставку автокомпонентов и инженерные услуги [7].

Институциональная среда и государственная поддержка: ТОР и ВЭБ.РФ

Эффективное развитие МСП в моногородах невозможно без системной государственной поддержки. В период 2020–2024 гг. финансирование программ развития моногородов значительно увеличилось. Объем поддержки МСП через различные каналы с 2016 года вырос почти в два раза и превысил 17 млрд рублей, а на период 2022–2024 гг. выделено дополнительных 7 млрд рублей в рамках специализированных подпрограмм [5] [4].

Ключевым институтом развития выступает государственная корпорация ВЭБ.РФ. За период с 2014 по 2023 год через этот механизм в экономику моногородов было направлено 36,5 млрд рублей бюджетных средств, что позволило привлечь более 235 млрд рублей частных инвестиций. В 2024 году на поддержку моногородов выделено 1,66 млрд рублей, аналогичные суммы были запланированы на 2025 и 2026 годы [6].

Приоритетными направлениями поддержки ВЭБ.РФ являются:

— льготное кредитование инвестиционных проектов (ставки 1% и 5%);

— софинансирование строительства и реконструкции инженерной и транспортной инфраструктуры;

— поддержка проектов развития городской среды.

Важнейшим инструментом остаются ТОР в моногородах. С июля 2023 года вступили в силу изменения, расширяющие льготный режим на все виды деятельности. Особое внимание уделяется производственным МСП. С 2025 года для них вводится пониженный тариф страховых взносов — 7,6% на выплаты свыше 1,5 МРОТ, что позволяет существенно снизить налоговую нагрузку на фонд оплаты труда [2].

Для оценки инвестиционной привлекательности монопрофильных территорий следует проанализировать действующий льготный налоговый режим (табл. 4).

Таблица 4 — **Налоговые преференции для МСП — резидентов ТОР в моногородах (с учетом изменений 2023–2024 гг.)**

Налог / Платеж	Стандартная ставка	Ставка в ТОР	Период действия льготы
Налог на прибыль (фед. часть)	3%	0%	Первые 5 лет
Налог на прибыль (рег. часть)	17%	0–5%	В зависимости от региона
Страховые взносы (МСП)	30%	7,6%	При получении статуса в первые годы [5]
Налог на имущество	2,2%	0%	До 10 лет
Земельный налог	до 1,5%	0%	До 10 лет

Составлено авторами на основе данных [9]

Сочетание нулевых ставок по налогу на прибыль и имущество с радикальным снижением страховых взносов (до 7,6%) делает режим ТОР ключевым фактором финансовой

[5] По данным: Дайджест: меры господдержки для моногородов // Strategy Partners. — ноябрь 2025. URL: https://strategy.ru/rnd/files/116/download/

[6] По данным: Проблемы социально-экономического развития моногородов / Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. URL: http://region.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/157845/

устойчивости новых предпринимательских проектов в моногородах. Возможность «заморозить» налоговые ставки на низком уровне является критически важной в условиях неопределенности. Кроме того, государство берет на себя строительство инфраструктуры для новых инвесторов. По механизму постановлений Правительства №1704 и №1705 регионы могут списывать свои долги перед федеральным бюджетом в объеме налогов, поступивших от новых проектов, что стимулирует местные власти активно помогать предпринимателям.

Несмотря на значительные успехи, развитие малого и среднего бизнеса в моногородах сталкивается с рядом серьезных препятствий. Внешние ограничения актуализировали проблемы сокращения государственного финансирования некоторых программ и сложности с доступом к импортному оборудованию.

Основные сдерживающие факторы:

— снижение реальных доходов населения. Несмотря на рост номинальных зарплат, инфляционное давление и рост тарифов ЖКХ ограничивают покупательную способность жителей моногородов, что сужает рынок сбыта для МСП, ориентированных на внутреннее потребление [3];

— кадровый дефицит. Отток квалифицированной силы и молодежи создает сложности с наймом персонала для новых проектов. Устаревание кадров и отсутствие традиций предпринимательства в монопрофильных городах также замедляют развитие сектора [1];

— финансовые барьеры. Высокие процентные ставки в коммерческих банках делают заемный капитал труднодоступным для малого бизнеса, не имеющего значительного залогового обеспечения [7];

— инфраструктурные ограничения. В ряде моногородов пропускная способность сетей (электричество, газ) исчерпана, что требует значительных вложений в реконструкцию коммуникаций [5].

Для решения этих проблем предлагается «донастройка» режимов ТОР. В частности, эксперты и представители Минфина указывают на необходимость повышения эффективности использования бюджетных средств на инфраструктуру и более жесткого отбора проектов с высокой вероятностью успеха. Также актуальным является переход от количественных показателей (число созданных рабочих мест) к качественным (уровень заработной платы, объем инновационной продукции).

Будущее моногородов в условиях долгосрочных внешних ограничений неразрывно связано с углублением диверсификации. Стратегическим приоритетом становится переход к модели «умного моногорода», где сектор МСП интегрирован в цифровые производственные платформы ГП.

В качестве основных направлений перспективного развития моногородов авторами выделяются следующие:

1. Развитие ИТ-сектора и креативных индустрий. Создание условий для удаленной работы и цифровых сервисов, что позволит удерживать молодежь без привязки к локальному производству.

2. Стимулирование инвестиций в интеллектуальный капитал. Учет затрат на НИОКР, патенты и ноу-хау в качестве капитальных вложений для резидентов ТОР, что соответствует задачам «Индустрии 4.0».

3. Экологическая трансформация. Развитие малых предприятий в сфере переработки промышленных отходов ГП, что решает одновременно экономические и экологические задачи.

4. Расширение льготного лизинга. Обеспечение малого бизнеса высокотехнологичным оборудованием отечественного производства по ставкам 1–8 %.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что малое и среднее предпринимательство играет фундаментальную роль в обеспечении устойчивости моногородов в условиях внешних ограничений. Выступая в качестве гибкого инструмента диверсификации, МСП эффективно решает триединую задачу:

Во-первых, смягчает социальные последствия трансформации градообразующих предприятий путем создания альтернативных рабочих мест и поглощения высвобождаемого персонала.

Во-вторых, создает современную экономическую и социальную среду, способствующую удержанию молодежи и развитию человеческого потенциала.

В-третьих, повышает операционную устойчивость самих ГП через развитие механизмов аутсорсинга, сервисного обслуживания и малого импортозамещения.

Эффективность данной модели подтверждается стабильно низким уровнем безработицы в моногородах и ростом выручки альтернативных производств. Однако сохранение устойчивой динамики требует продолжения активной государственной политики по поддержке МСП, «донастройки» налоговых преференций в рамках ТОР и расширения инвестиций в инфраструктуру. В долгосрочной перспективе именно синергия крупного промышленного потенциала ГП и адаптивности малого бизнеса станет залогом технологического суверенитета и социально-экономического благополучия регионов России.

Литература

1. Барзаева М.А. Реализация политики поддержки малого и среднего предпринимательства как один из факторов решения проблем эффективной занятости в регионе / М.А. Барзаева, Л.М. Идигова, Х.А. Бакаева // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2024. — Т. 20, №3(37). — С. 5-14.
2. Гайнанов Д.А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства и развитие территорий / Д.А. Гайнанов, Т.Ю. Алтуфьева, П.А. Иванов // Проблемы развития территории. — 2023. — Т. 27, №6. — С. 104-120. — DOI 10.15838/ptd.2023.6.128.7.
3. Жолудева В.В. Малое и среднее предпринимательство как фактор развития моногородов / В.В. Жолудева, Н.Ф. Мельниченко, О.В. Маркова // Муниципальная академия. — 2022. — №2. — С. 170-176. — DOI 10.52176/2304831X_2022_02_170.
4. Казаков М.Ю. Программно-целевое стимулирование региональной системы предпринимательства в субъектах с депрессивным типом экономической динамики / М.Ю. Казаков, Э.Б. Бабалян, Ж.Н. Моисеенко // Московский экономический журнал. — 2021. — №1. — С. 20. — DOI 10.24411/2413-046X-2021-10051.
5. Петров А.М. Приоритетные направления развития моногородов / А.М. Петров // Экономические науки. — 2024. — №230. — С. 131-136. — DOI 10.14451/1.230.131.
6. Скуфьина Т.П. Инновации градообразующих предприятий в проявлении предпринимательской активности в условиях Арктики (на примере г. Кировска Мурманской области) / Т.П. Скуфьина, Е.А. Бажутова // Инновации. — 2019. — №3(245). — С. 77-85.
7. Ушанов И.Г. О роли субъектов малого и среднего предпринимательства в контексте всестороннего развития моногородов / И.Г. Ушанов // Экономические науки. — 2023. — №225. — С. 96-99. — DOI 10.14451/1.225.96.

DIGITAL RUBLE: COMPARING THE STRATEGIC GOALS OF THE BANK OF RUSSIA WITH THE RESULTS OF THE PILOT PROJECT

Angelovskiy Alexander Sergeevich, *Postgraduate student, International Banking Institute named after Anatoly Sobchak, St. Petersburg (Russia)*

The relevance of the study stems from the transition of the digital ruble project from the stage of conceptual elaboration to the stage of initial budget settlements, combined with the postponement of the mass rollout from July 2025 to September 2026. The article presents a comparative analysis of the strategic goals declared by the Bank of Russia at the launch of the digital ruble project against the interim results of pilot testing and the first steps of mass implementation. The aim of the work is to reveal the gaps between the project design and the actual course of implementation and to identify the barriers hindering the achievement of the declared strategic goals. The methodological basis of the study comprises a retrospective analysis of the regulatory documents of the Bank of Russia, a comparative "plan — fact" analysis, content analysis of pilot participants' reports and elements of sociological analysis based on VCIOM data. The theoretical framework draws on the institutional approach to the analysis of monetary systems and on the concept of a two-tier retail architecture of central bank digital currencies. The author's typology of barriers to the implementation of the digital national currency is proposed, encompassing technological, institutional, behavioural and macroeconomic factors; their interrelation is revealed, forming a "vicious circle" of asymmetric incentives between the regulator, banks, the budget, retail and citizens. It is shown that the pilot project has confirmed the technological feasibility of the platform and the workability of individual applied scenarios; however, of the five declared strategic goals, only one (platform stability for domestic settlements) has received preliminary confirmation, two have been partially achieved (competition and innovation), and two remain unachieved (cost reduction and financial inclusion); the cross-border circuit remains at the conceptual stage.

Keywords: *digital ruble; central bank digital currency; Bank of Russia; pilot project; payment infrastructure; financial inclusion; smart contracts; money circulation.*

EDN: KLPAPH ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.29***

Цитировать: *Ангеловский А.С. Цифровой рубль: сопоставление стратегических целей Банка России с результатами пилотного проекта // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 195-205. EDN: KLPAPH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.29*

УДК 336.74
5.2.4

© Ангеловский А.С., 2026

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: СОПОСТАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ БАНКА РОССИИ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ПИЛОТНОГО ПРОЕКТА

АНГЕЛОВСКИЙ Александр Сергеевич, *аспирант, Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, Санкт-Петербург (Россия)*

Актуальность исследования обусловлена переходом проекта цифрового рубля из стадии концептуальной проработки к стадии первых бюджетных расчетов при одновременном переносе массового внедрения с июля 2025 года на сентябрь 2026 года. В статье проведен сопоставительный анализ стратегических целей, заявленных Банком России при запуске проекта цифрового рубля, с промежуточными результатами пилотного тестирования и первыми шагами массового внедрения. Цель работы — выявить разрывы между проектным замыслом и фактическим ходом реализации и определить барьеры, сдерживающие достижение заявленных стратегических целей. Методологическую основу исследования составили ретроспективный анализ нормативных документов Банка России, компаративный анализ «план — факт», анализ отчетов участников пилота и элементы социологического анализа на основе данных ВЦИОМ. Теоретическая рамка опирается на институциональный подход к анализу денежных систем и концепцию двухуровневой розничной архитектуры цифровых валют центральных банков. Предложена авторская типология барьеров внедрения цифровой национальной валюты, включающая технологические, институциональные, поведенческие и макроэкономические факторы, а также выявлена их взаимосвязь, формирующая «порочный круг» асимметрии стимулов между регулятором, банками, гражданами и другими участниками отношений. Показано, что пилотный проект подтвердил технологическую реализуемость платформы и работоспособность отдельных при-

кладных сценариев; однако из пяти заявленных стратегических целей предварительное подтверждение получила одна (устойчивость платформы для внутренних расчетов), две достигнуты частично (конкуренция и инновации), две остаются недостигнутыми (снижение издержек и финансовая доступность); трансграничный контур удерживается на концептуальной стадии.

Ключевые слова: *цифровой рубль; цифровая валюта центрального банка; Банк России; пилотный проект; платежная инфраструктура; финансовая доступность; смарт-контракты; денежное обращение.*

Введение

На протяжении большей части 2010-х годов цифровые валюты центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC) оставались предметом академических дискуссий, а практические шаги казались отдаленной перспективой. Ситуация изменилась во второй половине десятилетия под влиянием распространения частных криптовалют и стейблкоинов, сокращения наличного оборота в ряде экономик и пандемии COVID-19, ускорившей цифровизацию платежей. К середине 2020-х годов CBDC превратились из теоретической конструкции в объект экспериментирования: десятки стран запустили пилотные проекты, несколько юрисдикций перешли к этапу эксплуатации. По результатам глобального опроса Банка международных расчетов 2024 года среди 93 центральных банков мира, 85 из них (91%) ведут исследования или пилотные проекты в этой области [1]. Россия вошла в число стран-лидеров, запустивших тестирование цифровой национальной валюты в реальных условиях.

Проект цифрового рубля прошел путь от концептуальной идеи (октябрь 2020 года) до полноценного пилота с участием пятнадцати банков и нескольких тысяч пользователей (2023–2025 гг.), а к началу 2026 года вышел на стадию первых бюджетных расчетов. За тот же период была сформирована правовая база, включающая три федеральных закона, утверждены тарифы, протестированы смарт-контракты. Вместе с тем массовое внедрение, запланированное на июль 2025 года, было перенесено на сентябрь 2026 года, а социологические данные фиксируют сдержанное отношение населения к новой форме валюты.

Цифровая валюта центрального банка по своей природе представляет собой цифровое обязательство регулятора, доступное широкому кругу пользователей для осуществления платежей и переводов. В отличие от безналичных денег, размещенных на счетах коммерческих банков, CBDC является прямым требованием к центральному банку, что сближает ее с наличными деньгами по уровню надежности. Концептуальные основы такого разграничения заложены в аналитических материалах Банка международных расчетов и развиты в отечественной литературе в рамках институциональной теории денег [11, с. 56–65] и в исследованиях, определяющих место цифровой валюты в видовом составе денежных форм [4, с. 5–11]. В дискуссии о природе цифрового рубля сосуществуют позиции, согласно которым он рассматривается как разновидность фиатных денег [10, с. 1350–1355], как технологически модифицированная форма безналичных средств [4, с. 5–11] и как принципиально «третья форма денег» [1, с. 56–65; 12, с. 239–245]. Правовая природа цифрового рубля получила подробное рассмотрение в работах, посвященных гражданско-правовому статусу и защите прав пользователей платформы [12; 15, с. 30–36].

В мировой практике сложилось несколько подходов к построению CBDC: розничные модели, ориентированные на граждан и юридических лиц; оптовые, предназначенные для межбанковских расчетов; и гибридные, сочетающие свойства обеих. Подавляющее большинство действующих и планируемых проектов, включая российский, используют двухуровневую розничную модель. Макроэкономические последствия внедре-

[1] Advancing in tandem — results of the 2024 BIS survey on central bank digital currencies and crypto // BIS Papers. 2025. № 159. URL: https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap159.htm

ния CBDC остаются предметом дискуссий. В рабочем докладе BIS указано, что при грамотном дизайне политики возможен прирост благосостояния и снижение волатильности трансграничных банковских потоков [2]; при этом положительный эффект достигается лишь при наличии лимитов на балансы кошельков и учете особенностей тарифной политики. Отечественные исследователи дополнительно акцентируют внимание на рисках оттока депозитов из коммерческих банков и необходимости сопряжения эмиссии цифровой валюты с инструментами денежно-кредитной политики [2, с. 52–57; 6, с. 285–289].

Ни один из запущенных CBDC-проектов в мире пока не достиг массового использования. Наиболее развитым считается проект цифрового юаня (e-CNY), тестируемого в Китае с 2021 года: суммарный объем транзакций к сентябрю 2025 года достиг 14,2 трлн юаней [3], число зарегистрированных кошельков — 2,25 млрд [4]. Однако доля e-CNY в совокупном объеме розничных платежей страны остается незначительной. Sand Dollar на Багамах и eNaira в Нигерии формально запущены, но масштаб их использования невелик [5]. Развернутый обзор международного опыта и типологии рисков представлен в работах [8, с. 130–145; 9, с. 276–290; 14, с. 175–180].

Применительно к цифровому рублю в литературе последовательно решались разные задачи. Д.А. Кочергин провел одно из первых сравнительных исследований цифрового юаня и цифрового рубля, уделив внимание конфиденциальности и дифференциации инструментов цифровых кошельков [7, с. 51–78]. И.О. Нестеров рассмотрел раннюю стадию тестирования прототипа платформы и обосновал гипотезу о перспективности цифровых валют для международных платежей [13, с. 33–54]. Л. В. Санникова обратила внимание на проблемы правового регулирования платформы и защиты прав пользователей [15, с. 27–44]. В.В. Калухов и М.В. Дугаев подготовили обзор, охватывающий 134 страны и затрагивающий интеграцию цифрового рубля в международные финансовые системы в условиях санкционного давления [5, с. 62–76]. Анализ литературы выявляет пробел: систематическое сопоставление стратегических целей Банка России, зафиксированных на этапе проектирования, с фактическими промежуточными результатами пилота до настоящего времени не проводилось. Восполнение этого пробела составляет задачу настоящей статьи.

Цель исследования состоит в сопоставительном анализе заявленных Банком России стратегических целей внедрения цифрового рубля с промежуточными результатами пилотного проекта и в выявлении барьеров реализации. Объектом исследования выступает пилотный проект цифрового рубля, предметом — соотношение стратегических целевых установок и фактических параметров реализации проекта.

Материалы и методы

Методологическая основа работы требует предварительной оговорки. Банк России формулировал собственные цели пилотного тестирования, и они носили преимущественно технологический и операционный характер: проверить работоспособность платформы, протестировать клиентские и операционные сценарии, отработать интеграцию с банками. Стратегические цели проекта (снижение издержек, финансовая доступность и др.) заведомо шире задач любого пилота, и результаты пилота не могут служить доказательством достижения или недостижения стратегических целей. Вместе с тем промежуточные данные позволяют оценить, в какой мере практика приближает реализацию заявленного замысла и какие барьеры на этом пути обнаруживаются.

Методологический инструментарий включает ретроспективный анализ нормативных документов Банка России, компаративный анализ «план — факт», анализ отчетов участников пилота, а также элементы социологи-

---

[2] CBDC policies in open economies // BIS Working Papers. 2023. № 1086. URL: https://www.bis.org/publ/work1086.htm

[3] China's digital RMB transactions top 14.2 trillion yuan // english.www.gov.cn. URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202510/29/content_WS6901a9c9c6d00ca5f9a0726a.html

[4] China's digital yuan CBDC processes $2 trillion. mBridge scale revealed // Ledger Insights. URL: https://www.ledgerinsights.com/chinas-digital-yuan-cbdc-processes-2-trillion-mbridge-scale-revealed/

[5] Central Bank Digital Currency Adoption: Inclusive Strategies for Intermediaries and Users // IMF Fintech Notes. 2024. URL: https://www.imf.org/en/publications/fintech-notes/issues/2024/09/21/central-bank-digital-currency-adoption-inclusive-strategies-for-intermediaries-and-users-555118

ческого анализа на основе данных ВЦИОМ. Теоретическая рамка опирается на институциональный подход к анализу денежных систем [11, с. 55–65] и на концепцию двухуровневой розничной архитектуры CBDC, сформулированную в ряде отечественных исследований [2, с. 52–57; 15, с. 30–36]. Источниковую базу образуют официальные документы Банка России, федеральные законы, аналитические отчеты международных организаций (BIS, IMF, Atlantic Council, Carnegie) и научные публикации.

Хронология проекта цифрового рубля

Публичная дискуссия о цифровом рубле началась осенью 2020 года с публикации Доклада для общественных консультаций [6], в котором Банк России впервые представил несколько возможных моделей третьей формы национальной валюты. Полгода спустя, весной 2021 года, регулятор утвердил Концепцию цифрового рубля [7], которую сам Банк России считает официальной точкой старта проекта. Была выбрана двухуровневая розничная модель, в рамках которой кошельки размещаются на платформе Банка России, а коммерческие банки выступают посредниками, обеспечивающими доступ клиентов через собственные мобильные приложения. Концепция закрепила несколько базовых принципов: один кошелек на одного пользователя; паритет обмена 1:1 с наличными и безналичными рублями; бесплатность переводов для граждан; поддержка смарт-контрактов и офлайн-расчетов.

В 2022 году двенадцать банков приступили к тестированию прототипа платформы и провели первые успешные переводы между физическими лицами [8]. Конкретных количественных индикаторов пилота (планового числа кошельков, целевого объема операций) регулятор публично не фиксировал. Отсутствие измеримых целевых параметров затрудняет оценку результативности и представляется методологическим упущением проекта.

Правовая база формировалась параллельно и была закреплена в 2023 году тремя федеральными законами. Первый (№ 339-ФЗ) внес изменения в Гражданский кодекс, признав цифровой рубль объектом гражданских прав, собственности и наследования [9]. Второй (№ 340-ФЗ) определил статус Банка России как оператора платформы, правила ведения счетов, порядок переводов и нормы банковской тайны [10]. Третий (№ 610-ФЗ), принятый в конце того же года, урегулировал налоговые аспекты [11].

Летом 2023 года начался пилот с реальными цифровыми рублями. На первом этапе участвовали тринадцать банков, около 600 физических лиц и ряд торгово-сервисных предприятий из одиннадцати городов [12] (в разных документах Банка России фигурируют числа 22 и 30 компаний). За первый год проведено свыше 27 тыс. переводов и более 7 тыс. оплат. Осенью 2024 года параметры пилота были расширены: число допущенных физических лиц выросло до 9 тыс., юридических лиц — до 1 200, началось подключение банков второй волны.

К весне 2025 года на платформе было открыто около 2 500 кошельков в более чем 150 населенных пунктах. Совокупные показатели пилота к тому моменту составляли свыше 63 тыс. переводов, около 13 тыс. оплат и более 17 тыс. исполненных смарт-кон-

[6] Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций // Банк России. Октябрь 2020 г. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

[7] Концепция цифрового рубля // Банк России. Апрель 2021 г. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf

[8] Цифровой рубль: текущий статус проекта // Банк России. Июнь 2025 г. URL: https://cbr.ru/content/document/file/177415/digital_ruble_30062025.pdf

[9] Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31, ч. III. Ст. 5765.

[10] Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31, ч. III. Ст. 5766.

[11] Федеральный закон от 19.12.2023 № 610-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 52. Ст. 9523.

[12] Цифровой рубль: текущий статус проекта // Банк России. Июнь 2025 г. URL: https://cbr.ru/content/document/file/177415/digital_ruble_30062025.pdf

трактов. К осени того же года объем вырос до 90 тыс. операций (переводы и оплаты, без учета смарт-контрактов) и свыше 24 тыс. смарт-контрактов.

Вместе с тем массовое внедрение, изначально запланированное на лето 2025 года, было отложено. Подписанный в июле 2025 года, но не вступивший в силу на момент подготовки статьи Федеральный закон № 248-ФЗ установил поэтапный график обязательного внедрения [13]. Системно значимые банки и крупные торговые предприятия (с годовой выручкой свыше 120 млн руб.) обязаны обеспечить прием цифровых рублей к осени 2026 года. Для банков с универсальной лицензией срок сдвинут на год, для остальных участников рынка — еще на год. Э.С. Набиуллина объяснила перенос необходимостью определить наиболее востребованные сервисы [14]. Председатель комитета Государственной Думы по финансовому рынку А.Г. Аксаков указал на потребность в подготовке инфраструктуры [15]. Фактически перенос обусловлен комплексом технологических, экономических и регуляторных обстоятельств.

Показательно, что замедление темпов внедрения CBDC наблюдается и в других юрисдикциях. Банк Кореи в конце июня 2025 года приостановил второй этап пилота «Project Han River» [16]: семь банков-участников совокупно потратили около 35 млрд вон за три месяца тестирования и отказались продолжать без понятной коммерческой модели. Правительство переориентировало повестку на регулирование частных стейблкоинов, привязанных к воне. Уже в августе 2025 года Банк Кореи заявил о намерении возобновить пилот в новом формате — для адресного распределения государственных субсидий [17].

В США администрация Д. Трампа издала указ, запрещающий федеральным агентствам действия по созданию или продвижению розничной CBDC [18]. По оценке Atlantic Council, это сделало США единственной крупной экономикой, формально заблокировавшей розничный CBDC-проект [19]. Следует уточнить, что Федеральная резервная система к тому моменту не запускала розничного пилота цифрового доллара, ограничиваясь теоретическими исследованиями. Участие США в проекте Agorá (совместно с BIS) продолжается, что свидетельствует о разграничении розничного и оптового направлений.

Складывающаяся картина позволяет сделать вывод о том, что замедление в развитых экономиках связано не столько с технологическими недоработками, сколько с отсутствием убедительного ценностного предложения для населения, которое уже пользуется быстрыми и дешевыми цифровыми платежами.

Стратегические цели проекта и промежуточные результаты пилота

В документах Банка России зафиксированы пять стратегических целей проекта цифрового рубля: снижение издержек; повышение финансовой доступности; развитие конкуренции; содействие инновациям; создание новых механизмов платежей, включая трансграничные. Для удобства анализа они группируются в четыре аналитических блока. Группировка носит авторский характер. Пилот преследовал собственные задачи технологической проверки, поэтому приведенный ниже анализ фиксирует, в какой мере промежуточные данные приближают или отдаляют реализацию стратегического замысла.

Одним из центральных аргументов в пользу цифрового рубля является обещание

---

[13] Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 30, ч. II. Ст. 4397.

[14] Набиуллина объяснила перенос массового внедрения цифрового рубля // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8196833

[15] Аксаков: процесс массового внедрения цифрового рубля начнется в 2026 году // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/24251321

[16] BOK Halts Digital Currency Project As Stablecoins Gain Momentum // Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-06-30/bok-halts-digital-currency-project-pausing-talks-with-banks

[17] South Korea planning to revive paused CBDC programme // Central Banking. URL: https://www.centralbanking.com/central-banks/currency/digital-currencies/7973596/south-korea-planning-to-revive-paused-cbdc-programme

[18] Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology/

[19] Central Bank Digital Currency Tracker // Atlantic Council. URL: https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/

снизить стоимость платежей. Нормативная тарифная модель Банка России предусматривает комиссию 0,3% от суммы платежа (но не более 1 500 руб.) для операций бизнеса (C2B), тогда как средняя ставка эквайринга на российском рынке составляет 1,2–3%, по данным самого регулятора. Для переводов между гражданами (C2C) комиссия равна нулю. На первый взгляд, разница кратная, и экономия для ритейлеров должна быть ощутимой.

Однако в реальности указанное преимущество остается нормативной конструкцией. Банк России дважды продлевал бесплатный период для бизнеса и по состоянию на конец 2025 года установил нулевую комиссию до 31 декабря 2026 г. Ставка 0,3% вступает в силу лишь с 1 января 2027 года. Для торговых предприятий, принимающих решения о подключении к платформе, это создает парадоксальную ситуацию: сегодня цифровой рубль для них бесплатен, но и клиентский поток через него практически отсутствует; завтра появится ценовое преимущество перед эквайрингом, но только при условии, что покупатели начнут пользоваться новым инструментом. Готовность населения, как показывают данные ВЦИОМ, пока остается ограниченной [20].

Исследование компании «Яков и Партнеры» дает представление о потенциальном масштабе экономических эффектов . В оптимистичном сценарии совокупный ежегодный эффект для B2B-сектора оценивается в 328 млрд руб., из которых до 267 млрд руб. приходится на бизнес (прежде всего за счет снижения комиссий и ускорения расчетов) и до 61 млрд руб. — на банки (за счет новых продуктов на базе смарт-контрактов и программируемых платежей). Указанные цифры, впрочем, относятся к сценарию полного масштабирования, а не к текущему состоянию пилота. При тринадцати тысячах оплат за два года тестирования любая макроэкономическая оценка остается непроверяемой гипотезой.

Расходная сторона проекта, в отличие от доходной, уже вполне реальна. По данным того же исследования, средние разовые затраты одного банка на интеграцию с платформой цифрового рубля составляют 200–300 млн руб. Основные статьи расходов приходятся на построение системы информационной безопасности, создание платежного шлюза с Банком России и доработку мобильных приложений. Один из банков-участников первого этапа пилота к началу 2024 года уже инвестировал 150 млн руб., и руководство оценивало указанную сумму как промежуточную. Для крупных кредитных организаций расходы могут увеличиться в несколько раз. Совокупные вложения банковского сообщества (от 100 до 200 кредитных организаций, которые предположительно будут участвовать в проекте) оцениваются в 30–50 млрд руб. При этом механизм компенсации указанных затрат со стороны государства или регулятора на текущий момент не предусмотрен.

Складывающийся баланс выгод и издержек распределяется между участниками крайне неравномерно. Ритейлеры выигрывают за счет пониженной комиссии с 2027 года, тем более значительно, чем выше оборот. Государство выигрывает, поскольку программируемость позволяет контролировать целевое расходование бюджетных средств. Граждане остаются в позиции безразличия: для них переводы через СБП бесплатны и мгновенны, банковские карты обеспечивают кэшбек, а у цифрового рубля ни кэшбека, ни процентов на остаток нет. Банки оказываются в наименее выгодном положении: значительные разовые затраты на интеграцию, перспективная потеря части комиссионного дохода от эквайринга и отложенные выгоды (61 млрд руб. в оптимистичном сценарии), зависящие от пока недостижимого масштаба внедрения. Указанная асимметрия формирует одну из корневых причин замедления проекта: без перераспределения нагрузки (например, субсидирования затрат банков на интеграцию, как на ранних этапах СБП) или формирования убедительного ценностного предложения для массового пользователя описанный дисбаланс будет и дальше сдерживать динамику проекта.

Банк России вкладывает в понятие финансовой доступности несколько конкретных смыслов. Первый из них касается независимости от конкретного банка. Кошелек цифрового рубля хранится не в банке, а на платформе Банка России, а значит, гражданин

[20] Цифровой рубль на пороге: в поисках преимуществ и недостатков // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-rubl-na-poroge-v-poiskakh-preimushchestv-i-nedostatkov

может открыть его через приложение одного банка, а пользоваться — через приложение другого. Если человек живет в населенном пункте, где работает только одна кредитная организация, он не окажется «заложником» ее тарифов и условий. Второй смысл связан с возможностью платить без подключения к Интернету. Офлайн-режим задумывался для территорий с нестабильным покрытием, где обычные безналичные расчеты недоступны, а наличные остаются единственным инструментом. Третий смысл носит ценовой характер. Все операции с цифровым рублем для физических лиц бесплатны, включая переводы и оплату товаров, что снимает финансовый барьер для жителей с невысоким уровнем дохода. Ключевые компоненты, однако, пока не проверены: офлайн-функционал не реализован, несмотря на то, что участниками пилота являются клиенты крупнейших банков.

По данным ВЦИОМ, осведомленность россиян о цифровом рубле остается низкой [21]: лишь 7% опрошенных, по собственным оценкам, хорошо понимают, что это такое, 45% — имеют общее представление, 43% — слышали термин, но не могут объяснить его содержание. Для каждого второго россиянина цифровой рубль остается, по формулировке ВЦИОМ, «малопонятной абстрактной категорией».

Готовность попробовать цифровой рубль медленно растет (с 30% в 2023 году до 35% в 2025-м), но происходит это не за счет появления энтузиастов, а за счет размывания категоричного отказа: доля тех, кто «точно не хотел бы» пользоваться цифровым рублем, сократилась с трети до четверти, хотя общая доля нежелающих по-прежнему составляет 51%. Настораживает динамика восприятия преимуществ: доля россиян, не видящих у цифрового рубля никаких преимуществ перед наличными и безналичными средствами, выросла до 40% в 2025 году. Суммарно более трех четвертей респондентов либо не верят в полезность новой формы валюты, либо не понимают, зачем она нужна.

Сложившаяся картина представляет для проекта более серьезный риск, чем технологические или правовые барьеры. Технологию можно доработать, закон — принять, а формирование добровольного спроса со стороны населения, которое уже привыкло к мгновенным бесплатным переводам через СБП и кэшбеку по картам, требует не столько нормативных усилий, сколько убедительного ответа на вопрос «зачем мне это нужно». Пока регулятор не сформулировал такого ответа на языке, понятном массовому пользователю.

Смарт-контракты стали наиболее зрелым инновационным элементом пилота. За время тестирования на платформе исполнено свыше 24 тыс. смарт-контрактов, и их число продолжает расти. Речь идет о простых операциях, когда платеж срабатывает автоматически при наступлении заданного условия, но даже в таком формате механизм подтвердил свою работоспособность. Перспективным направлением применения смарт-контрактов оказалась бюджетная сфера. Банк России совместно с Федеральным казначейством начал тестировать программируемые выплаты еще до расширения пилота. Сначала проверялись операции по перечислению стипендий и оплате штрафов в тестовых цифровых рублях. Затем эксперимент перешел на региональный уровень: в Костромской области часть социальных выплат и заработных плат стали перечислять в реальных цифровых рублях. Позднее цифровой рубль стал доступен для ряда федеральных бюджетных расходов, включая социальное обеспечение, зарплаты бюджетникам и капитальное строительство.

Министерство финансов при этом особо подчеркнуло принцип добровольности. Получатель бюджетных средств сам решает, хочет ли он получать выплаты в цифровых рублях, и самостоятельно открывает кошелек. Принудительного перевода заработных плат или пособий на новую форму валюты не предусмотрено.

Если сравнивать цифровой рубль с уже существующими платежными инструментами, его главное отличие лежит не в скорости и не в стоимости расчетов. Переводы через СБП и так проходят мгновенно, банковские карты привычны и повсеместны, QR-коды широко распространены. Повторять то, что уже работает, было бы бессмысленно. Принципиально новым свойством цифрового рубля является программируемость — возможность заложить в саму денежную единицу условия,

[21] Кому достанутся цифровые рубли? // Яков и Партнеры. URL: https://yakovpartners.ru/publications/cbdc/

при которых она может быть потрачена. Например, субсидия на капитальный ремонт школы, выраженная в цифровых рублях, может быть запрограммирована так, что ее удастся направить только на оплату строительных материалов и работ конкретных подрядчиков, а попытка перевести средства на иные цели будет технически заблокирована платформой.

На нынешнем этапе основным бенефициаром указанной функции выступает государство. Контроль целевого расходования бюджетных средств, прозрачность государственных закупок, автоматическое исполнение условий субсидий — все эти сценарии решают задачи именно публичного сектора. Банк России в отчете за 2025 год перечисляет и коммерческие сценарии (оплата по факту оказания услуг, автоматическое перераспределение средств внутри группы компаний, страховые выплаты при наступлении страхового случая), однако ни один из них пока не прошел тестирование в рамках пилота. Для рядового пользователя программируемость остается абстракцией, а привычные преимущества безналичных платежей (кэшбек, начисление процентов на остаток) у цифрового рубля отсутствуют.

По данным Банка России, предварительные результаты пилота подтвердили работоспособность и устойчивость платформы. Базовый набор операций протестирован на реальных транзакциях и в реальных условиях. Критически важно, что платформа выдержала поэтапное масштабирование от нескольких сотен пользователей до нескольких тысяч без публично зафиксированных критических сбоев. В совокупности с принятым законодательством о противодействии отмыванию доходов в отношении операций с цифровыми рублями пятая стратегическая цель является единственной из пяти, по которой можно констатировать заметное, хотя и предварительное, продвижение. Оговорка существенна, так как масштаб пилотных нагрузок (порядка 90 тыс. операций к осени 2025 года) несопоставим с объемами национальной платежной системы, обрабатывающей миллиарды транзакций в год, и окончательные выводы об устойчивости при эксплуатации преждевременны.

Принципиально иная картина складывается в трансграничном измерении пятой цели: проект находится на концептуальной стадии, и разрыв между амбициями и реальностью хорошо заметен. Один из крупнейших российских банков представил прототип системы B2B-переводов в цифровых рублях из России в Беларусь. На XVI саммите БРИКС в Казани Президент России предложил создать BRICS Bridge — платформу расчетов в цифровых валютах центральных банков стран-участниц, концептуально близкую проекту mBridge [3, с. 80–94]; на XVII саммите в Рио-де-Жанейро инициатива была подтверждена техническим докладом о концепции платежной системы БРИКС. Вместе с тем реальное содержание инициативы ограничено: BRICS Bridge остается на стадии согласования концептуальных основ, запуск потребует пересмотра национального законодательства стран-участниц, а конкретные сроки не определены.

А. Прокопенко формулирует фундаментальное противоречие трансграничного сценария для цифрового рубля: Россия заинтересована в создании расчетного контура, альтернативного SWIFT, что имеет стратегическое значение в условиях санкционного давления, однако именно санкционный контекст отталкивает потенциальных партнеров. Иностранные банки, рассматривающие подключение к платформе цифрового рубля, вынуждены учитывать риск вторичных санкций, а BIS, координировавший мультивалютные CBDC-проекты, не может поддерживать участие подсанкционных стран, что ограничивает институциональные рамки сотрудничества.

Трансграничный потенциал цифрового рубля находится в зоне наибольшей неопределенности из всех направлений проекта. Потребность России в альтернативных каналах международных расчетов реальна и усиливается, однако ни одна из существующих инициатив пока не вышла за пределы ограниченных пилотов или концептуальных обсуждений применительно к России. Ликвидность большинства валют БРИКС (за исключением юаня) остается низкой, а часть расчетов даже в национальных валютах по-прежнему проходит через корреспондентские счета в американских банках, что сохраняет уязвимость к вторичным санкциям.

Барьеры, выявленные в ходе пилота, целесообразно разделить на четыре группы.

Каждая из них по отдельности замедляет проект, но по-настоящему проблемным становится их совместное действие.

Первая группа — технологическая. Интеграция банковских систем с платформой цифрового рубля оказалась значительно более трудоемкой и дорогой, чем предполагалось на старте. Существенная часть российских банков к весне 2025 года не обеспечивала необходимого уровня готовности. Для малых и средних банков инвестиции сопоставимы со значительной долей годовой прибыли, при этом механизма компенсации со стороны государства или регулятора не предусмотрено.

Вторая группа — институциональная. Правовая база проекта, при всей скорости ее формирования, содержит пробелы. Л.В. Санникова обращала внимание на недостаточную урегулированность вопросов защиты прав пользователей платформы [15, с. 35–40]: порядок разрешения споров между гражданином и банком-посредником, ответственность оператора платформы за технические сбои, процедура восстановления доступа к кошельку остаются в зоне правовой неопределенности. Институциональную среду определяет и конфликт интересов: банки обязаны инвестировать в подключение к платформе, но в перспективе теряют часть комиссионного дохода от эквайринга в пользу ритейлеров. Вынужденные нести гарантированные расходы ради негарантированного дохода, банки выбирают рациональную стратегию минимального исполнения нормативных требований, а не активное развитие клиентских сервисов.

Третья группа — поведенческая. Социологические данные ВЦИОМ фиксируют нарастающий скептицизм: доля россиян, не видящих у цифрового рубля преимуществ перед существующими инструментами, растет от года к году. Причина лежит на поверхности. Цифровой рубль в нынешнем виде не предлагает массовому пользователю ничего, чего тот не мог бы получить привычными средствами, зато лишает кэшбека и процентов на остаток. В таких условиях добровольный спрос формируется с трудом, а принудительный перевод на цифровой рубль законодательно исключен.

Четвертая группа — макроэкономическая. Теоретически внедрение CBDC создает риск оттока средств из коммерческих банков на платформу центрального банка, что способно дестабилизировать кредитный рынок. Рабочий доклад BIS показывает, что грамотный дизайн CBDC-политики позволяет минимизировать указанный риск и даже добиться положительных макроэкономических эффектов. Банк России, судя по принятым проектным решениям (отсутствие начисления процентов, лимиты на балансы кошельков), выбрал консервативный подход. Угроза массового оттока ликвидности на нынешнем этапе невелика, однако ценой консервативности стала ограниченная привлекательность продукта для населения.

Взаимодействие четырех групп барьеров формирует порочный круг. Банки не инвестируют в качественную интеграцию, поскольку не видят коммерческой отдачи; функционал платформы остается ограниченным; население не обнаруживает в цифровом рубле преимуществ перед привычными инструментами; спрос не возникает, что подтверждает опасения банков и лишает их мотивации наращивать вложения. Разорвать круг может либо директивное вмешательство государства (заложено в ФЗ № 248-ФЗ), либо появление ценностного предложения, которое сделает переход на новый инструмент выгодным для каждого участника. Банк России пытается сочетать оба подхода, опираясь на смарт-контракты для бюджетных расходов как «якорный» сценарий формирования спроса и одновременно ужесточая нормативные требования к банкам. Успех стратегии покажет массовый этап внедрения, старт которого назначен на осень 2026 года.

Таблица обобщает результаты сопоставления. Для каждой из стратегических целей указаны замысел, промежуточные результаты пилота, выявленные барьеры и оценка степени продвижения.

Из пяти стратегических целей проекта одна получила предварительное подтверждение: платформа работоспособна, базовые операции протестированы на реальных транзакциях. Две цели достигнуты частично: архитектура создает предпосылки для конкуренции между банками, но при нынешнем масштабе участников конкурентный эффект не проявляется; смарт-контракты подтвердили работоспособность и нашли применение

в бюджетном секторе, однако ценностное предложение для бизнеса и граждан пока не сформировано. Оставшиеся две цели, по существу, не достигнуты: снижение издержек обеспечено нормативной моделью, которая вступит в силу лишь в 2027 году и реальную проверку еще не прошла; финансовая доступность осталась нереализованной в своих ключевых компонентах — офлайн-режим не тестировался, целевая аудитория в пилот не вовлечена, осведомленность населения остается низкой.

Таблица — **Сводная оценка продвижения по стратегическим целям проекта цифрового рубля**

Стратегическая цель	Замысел регулятора	Результат пилота	Ключевые барьеры	Оценка
Снижение издержек платежей и переводов	Бесплатные C2C-переводы; комиссия C2B ниже эквайринга; экономия для ритейлеров и бюджета	Тарифная модель утверждена, но фактически не применяется. Масштаб пилота слишком мал для проверки экономического эффекта	Асимметрия выгод: ритейлеры выигрывают, банки несут затраты; для граждан преимущество перед СБП неочевидно	Не достигнута
Повышение финансовой доступности	Единый кошелек через любой банк; офлайн-расчеты для удаленных территорий; нулевые комиссии для граждан	Принцип доступа через любой банк технически реализован. Офлайн-режим не тестировался	Низкая осведомленность населения; отсутствие офлайн-функционала; нарастающий скептицизм	Не достигнута
Развитие конкуренции на платежном рынке	Снижение зависимости пользователя от конкретного банка; доступ к единому кошельку через любую подключенную организацию	Архитектура платформы предусматривает независимость кошелька от банка. На практике число подключенных банков и пользователей минимально для оценки эффекта	Малое число участников пилота; отсутствие конкурентного давления между банками за качество сервиса	Частично
Содействие инновациям (смарт-контракты)	Программируемые деньги; автоматизация целевых выплат; контроль расходования бюджетных средств; новые бизнес-сценарии	Смарт-контракты подтвердили работоспособность. Бюджетные сценарии тестируются совместно с Казначейством. Коммерческие сценарии в пилот не вошли	Основной бенефициар – государство; бизнес и граждане не получили ценностного предложения; отсутствие кэшбека и процентов на остаток	Частично
Новые механизмы платежей, включая трансграничные	Дополнительный контур платежной инфраструктуры; трансграничные расчеты в CBDC; снижение зависимости от SWIFT	Внутренний контур: платформа устойчива, базовые операции протестированы. Трансграничный контур: представлен лишь прототип B2B-переводов; BRICS Bridge на концептуальной стадии	Геополитическое противоречие: санкционный контекст отталкивает потенциальных партнеров	Внутренний: достигнута. Трансграничный: не достигнута

Источник: составлено автором.

Пятая цель — новые механизмы платежей — распадается на внутренний и трансграничный контуры с неоднородной оценкой: внутренний — единственный безусловный успех пилота, трансграничный не продвинулся дальше прототипов, а геополитические противоречия ставят под вопрос саму возможность его реализации в обозримой перспективе. Итоговое соотношение свидетельствует о том, что проект прошел стадию технологической валидации, но не приблизился к стадии массового воздействия на платежный рынок. Разрыв между замыслом и реальностью объясняется не технологическими провалами, а дефицитом спроса и асимметрией стимулов между участниками.

Заключение

Проведенный анализ выявил центральное противоречие проекта. Пилот подтвердил технологическую зрелость платформы, однако экономическая модель проекта и готовность участников рынка к его использованию остаются уязвимыми местами. При этом перенос массового внедрения не следует интерпретировать как провал. Ни одна юрисдик-

ция в мире не преодолела барьер массового использования CBDC, а ряд стран отказались от попыток. Россия, в отличие от них, сохраняет проект. Стратегия Банка России, сочетающая нормативное принуждение с опорой на бюджетные смарт-контракты как «якорный» сценарий, представляется на нынешнем этапе единственно жизнеспособной. Однако ее успех зависит от того, удастся ли перейти от принудительного подключения к добровольному использованию. Формальное исполнение закона банками и торговыми предприятиями создаст инфраструктуру, но не создаст спрос.

Массовый этап, стартующий осенью 2026 г., станет первой настоящей проверкой проекта. Дальнейшие исследования целесообразно направить на мониторинг поведения пользователей после обязательного подключения банков, оценку влияния цифрового рубля на структуру ликвидности банковского сектора, анализ эффективности смарт-контрактов в бюджетном процессе и наблюдение за трансграничными инициативами в рамках BRICS Bridge. Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, сможет ли директивное внедрение запустить органический рост или проект останется технологически безупречной, но невостребованной инфраструктурой.

Литература

1. Андрюшин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства / С.А. Андрюшин // Актуальные проблемы экономики и права. — 2021. — Т. 15, №1. — С. 54–76.
2. Вершинина О.В. Анализ возможностей и рисков введения в обращение цифровых валют центральных банков на примере «цифрового рубля» / О.В. Вершинина, Я.Г. Лабушева, И.С. Султаниев // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2021. — №1. — С. 51–60.
3. Данилова Е.А. Цифровые валюты в международных расчетах: проект mBridge / Е.А. Данилова, А.В. Маслов // ЭКО. — 2024. — №3(597). — С. 80–94.
4. Исхаков И.Р. Место цифровой валюты центрального банка в видовом составе денег / И.Р. Исхаков // Финансы и управление. — 2025. — №1. — С. 1–15.
5. Калухов В.В. Цифровой рубль в России и мире / В.В. Калухов, М.В. Дугаев // Финансы: теория и практика. — 2025. — Т. 29, №6. — С. 62–76.
6. Корищенко К.Н. Вопросы эмиссии и обращения цифрового рубля / К.Н. Корищенко // Russian Journal of Economics and Law. — 2021. — №2. — С. 280–293.
7. Кочергин Д.А. Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля / Д.А. Кочергин // Актуальные проблемы экономики и права. — 2022. — Т. 16, №1. — С. 51–78.
8. Кочергин Д.А. Мировой опыт внедрения цифровых валют центральных банков для розничных платежей в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах / Д.А. Кочергин // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2024. — №5. — С. 130–171.
9. Кочергин Д.А. Цифровые валюты центральных банков и токенизированные депозиты: экономическое содержание, платформенная интеграция и подходы к регулированию рисков / Д.А. Кочергин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2025. — Т. 41, №2. — С. 274–295.
10. Кузьмина О.Ю. Цифровая валюта центрального банка как новая форма денег / О.Ю. Кузьмина, М.Е. Коновалова // Креативная экономика. — 2023. — Т. 17, №4. — С. 1347–1366.
11. Маскаев А.И. Эволюция цифровых валют центральных банков в контексте институциональной теории денег / А.И. Маскаев, Д.С. Захарова, С.С. Цыганков // Journal of Economic Regulation. — 2024. — №1. — С. 55–65.
12. Недров А.А. Правовая природа цифрового рубля / А.А. Недров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2025. — №1. — С. 236–252.
13. Нестеров И.О. Цифровые валюты центральных банков: инновационный инструмент для более эффективных внутренних и международных расчетов / И.О. Нестеров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2023. — Т. 39, №1. — С. 33–54.
14. Оглоблина Е.В. Цифровые валюты центральных банков: международный опыт и риски развития / Е.В. Оглоблина, В.В. Макарова // Теория и практика общественного развития. — 2025. — №10. — С. 170–181.
15. Санникова Л.В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля / Л.В. Санникова // Финансовый журнал. — 2023. — Т. 15, №5. — С. 27–44.

INFLATION AND INFLATION EXPECTATIONS OF THE POPULATION AS A FACTOR DEFINING THE MONETARY POLICY OF THE BANK OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

Berezhnoy Vladislav Gennadyevich, *Postgraduate student, Voronezh State University, Voronezh (Russia)*

The case of inflation and inflation expectations has always had a key place in the framework of monetary policy implemented by Central banks of different countries, which emphasizes the need for a more in-depth study and understanding of the nature of these economic categories. The purpose of this study is to reveal the essence of these economic categories, identify and systematize the factors that have had a significant impact on them, and analyze the measures taken by the Central Bank of the Russian Federation to influence inflation and inflation expectations of economic entities in 2023-2025. The study identifies and systematizes the factors that had the greatest impact on economic categories described above during the period under review, analyzes their dynamics. Based on statistical data, as well as publicly available information from Bank of Russia Board of Directors meetings on key rate changes, the study concludes that there is a close correlation between inflation expectations and the depreciation of the national currency, the Bank of Russia's monetary policy (in particular, informational), as well as between inflation expectations and the volume and quantity of loans issued during the analyzed period. The study finds that, in anticipation of a further increase in the Bank of Russia's key rate and, consequently, the cost of credit, economic subjects tend to have higher estimates of future price changes and to finance expenditures with borrowed funds. However, if the mega-regulator signals the market about a possible future reduction in the key rate, this may also have a restrictive effect on the final inflation expectations, confirming the importance of the communication tool at the current stage of economic development, where its subjects have a broad access to information sources.

Keywords: *inflation; inflation expectations; mega-regulator; monetary policy; information policy; exchange rate; consumer lending.*

EDN: LACBRK **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.30**

Цитировать: *Бережной В.Г. Инфляция и инфляционные ожидания населения как фактор формирования денежно-кредитной политики Банка России в современных условиях // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 206-214. EDN: LACBRK. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.30*

УДК 336.71
5.2.4

© Бережной В.Г., 2026

ИНФЛЯЦИЯ И ИНФЛЯЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ БАНКА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Проблема инфляции и инфляционных ожиданий субъектов экономики всегда занимала одно из ведущих мест в рамках реализуемой Центральными банками разных стран денежно-кредитной политики, что подчеркивает необходимость более глубокого исследования и понимания характера данных экономических категорий. Цель настоящего исследования заключается в раскрытии сущности инфляции и инфляционных ожиданий экономических субъектов, выявлении и систематизации факторов, которые оказали на них значительное влияние, а также анализе мер, принятых Центральным банком Российской Федерации для воздействия на инфляцию и инфляционные ожидания экономических субъектов в 2023-2025 г.г. В результате исследования выявлены и систематизированы факторы, оказавшие наибольшее воздействие на данные экономические категории в рассматриваемый период времени, проанализирована их динамика. На основе статистических данных, а также открытых данных по итогам заседаний Совета директоров Банка России по изменению величины ключевой ставки в исследовании делается вывод о наличии тесной взаимосвязи между повышением инфляционных ожиданий и падением курса национальной валюты, денежно-кредитной политикой Банка России (в частности, информационной), а также между инфляционными ожиданиями и объемом и количеством выданных кредитов в анализируемый период времени. В результате исследования установлено, что в ожидании дальнейшего роста ключевой ставки Банка России и, соответственно, стоимости

кредитных ресурсов, субъекты экономики склонны к более высоким оценкам будущего изменения цен, а также к финансированию расходов за счет кредитных средств. Тем не менее, если мегарегулятор подает рынку сигнал о возможном будущем снижении ключевой ставки, это также может оказать сдерживающее воздействие на итоговую величину инфляционных ожиданий, что подтверждает важность инструмента коммуникации на современном этапе развития экономики с широким доступом её субъектов к источникам получения информации.

Ключевые слова: *инфляция; инфляционные ожидания; мегарегулятор; денежно-кредитная политика; информационная политика; валютный курс; кредитование населения.*

БЕРЕЖНОЙ Владислав Геннадьевич, *аспирант, Воронежский государственный университет, Воронеж (Россия)*
ORCID: 0009-0002-7880-348X

Введение

Проблема высоких темпов роста цен на товары и услуги в последние несколько лет стала одной из самых актуальных для мировых центральных банков. Прошедшая пандемия новой коронавирусной инфекции, геополитическая нестабильность, деглобализация, а также повсеместная цифровизация экономики в совокупности с внедрением искусственного интеллекта, оказали существенное влияние на принятие мегарегуляторами разных стран решений в области денежно-кредитного (монетарного) регулирования, основная цель которого в большинстве государств мира заключается в обеспечении ценовой стабильности. Данная политика не означает стремление Центрального банка к снижению темпов роста цен в экономике до нулевого уровня. Полное отсутствие роста цен на товары и услуги может привести к возникновению в экономике дефляции, падению спроса на них со стороны потребителей и банкротству производителей, что, в конечном итоге, приведет к рецессии. Исходя из этого, ценовая стабильность подразумевает поддержание цен на таком уровне, который будет приемлемым как для производителей, так и для потребителей, а также для внешних торговых партнеров страны.

Российская экономика, несмотря на внешние ограничения в виде экономических санкций, также столкнулась с проблемой высоких темпов роста цен на товары и услуги. Именно поэтому в 2014 году российский мегарегулятор в лице Банка России перешел к политике таргетирования инфляции вместо ранее целенаправленного поддержания валютного курса. В отличие от западных стран, главной проблемой, с которой столкнулся российский мегарегулятор при реализации данной политики, стал не непосредственно высокий рост цен на товары и услуги, а те причины, которые лежат в его основе, а именно высокие инфляционные ожидания населения, обладающие давней природой. В связи с этим, Банк России был вынужден учитывать данный фактор как один из ключевых при реализации своей монетарной политики.

Исходя из вышесказанного, актуальность данного исследования заключается в анализе факторов инфляции и инфляционных ожиданий населения России на текущем этапе ее развития, выявление и систематизация факторов, которые оказали на них определяющее влияние, а также анализ денежно-кредитной политики Банка России с учетом фактора инфляции и инфляционных ожиданий населения.

Цель исследования структурировала его следующие задачи: 1) проанализировать величины инфляции и инфляционных ожиданий населения России за последние несколько лет, а также динамику их изменения; 2) выявить факторы, которые оказали наибольшее влияние на величину и динамику инфляции и инфляционных ожиданий населения России; 3) оценить меры воздействия на инфляцию и инфляционные ожидания, принятые мегарегулятором финансового рынка в лице Банка России в рамках его денежно-кредитной политики.

Для осмысления результатов, полученных в ходе решения вышеуказанных задач, в статье применяются следующие методы исследования: теоретический анализ литературы отечественных и зарубежных авторов, посвященной проблеме инфляции, инфляционных ожиданий населения и денежно-кредитной политики Банка России в данной области,

аналитический и табличный методы, метод сравнительного анализа.

Теоретической базой исследования послужили публикации российских и зарубежных авторов в области исследования инфляции и денежно-кредитной политики Банка России. В рамках рассматриваемой тематики можно выделить несколько исследований, посвященных описанной выше проблеме.

Так, в статье А.А. Широва, М.С. Гусева и Ф.О. Некрасова выявлена положительная корреляция между приростом величин кредитов населению России и индексом потребительских цен в России во второй половине 2022— третьем квартале 2024 гг. Посредством корреляционного анализа авторами доказывается не только неоднократно звучавшие утверждения со стороны Банка России о том, что в основе высокой динамики инфляции в последние годы лежит повышенный спрос населения на товары и услуги, но и предположение о том, что экономические субъекты более склонны к финансированию своих расходов за счет заемных средств в периоды ужесточения мегарегулятором денежно-кредитной политики в ожидании дальнейшего повышения величины ключевой ставки, что оказывает еще большее давление на совокупный спрос в экономике и, как следствие, итоговую инфляцию [9, с. 10].

В исследовании И.Н. Гурова выявлена проблема восприятия населением официальной информации о росте цен, выражающаяся в разрыве данных по фактической инфляции со стороны Банка России и домохозяйств примерно на 7,6 п.п., что в перспективе оказывает негативное влияние на доверие населения к мегарегулятору и служит еще одним фактором, вносящим вклад в высокое инфляционное давление [3, с. 109].

В работе О. Бланшара, Дж. д'Аричча и П. Мауро, написанной после окончания мирового финансового кризиса 2008 года и посвященной урокам, которые необходимо извлечь монетарным властям разных стран мира, утверждается, что низкие инфляционные ожидания населения не являются в абсолютной степени положительным фактором, так как в периоды кризисов могут сдерживать стимулирующие эффекты денежно-кредитной политики, направленные на повышение совокупного спроса в экономике [10, с. 17].

Статьи М.В. Храмцова, а также Т.А. Бурцевой и А.А. Френкель посвящены характеристике и анализу недостатков таких экономических категорий в области исследования инфляции, как инфляционное таргетирование и индекс потребительских цен (далее — ИПЦ), соответственно. К главным недостаткам двух указанных категорий, по мнению авторов, является неполная и запоздалая оценка уровня инфляции в стране при расчете ИПЦ в целях осуществления таргетирования инфляции, преодолеть отрицательные эффекты которой можно за счет повышения прозрачности деятельности мегарегулятора [8, с. 1; 1, с. 58].

Согласно прогнозу Ю.Н. Перевышина и П.В. Трунина, в качестве главных факторов, которые окажут влияние на рост инфляции в ближайшие годы, станут эффект переноса валютного курса в итоговую цену товаров и услуг, рост государственных расходов, восстановление совокупного спроса в экономике, сокращение совокупного предложения в связи с дефицитом кадров и внешними ограничениями на экспорт, введенными со стороны западных стран [5, с. 8].

Таким образом, практическая значимость настоящего исследования состоит в возможности более глубокого понимания факторов, оказавших влияние на величину инфляции, инфляционных ожиданий экономических субъектов в России в последние несколько лет в целях выработки практических мер для поддержания ценовой стабильности.

Результаты исследования и их обсуждение

Инфляция и инфляционные ожидания представляют из себя две разных, но тесно взаимосвязанных экономических категории, соответственно, для получения наиболее достоверных результатов научного исследования необходимо сначала охарактеризовать данные понятия.

М.Р. Галоян определяет инфляцию как процесс обесценивания денег, вследствие переполнения каналов товарного обращения денежной массой [2, с. 251], однако данное определение не учитывает главного следствия, которое вызывает инфляция, а именно повышение цен в экономике. С учетом этого, инфляция может быть определена как увеличение общего уровня цен в экономике вслед-

ствие превышения величины совокупного спроса над величиной совокупного предложения, сопровождающееся обесценением национальной денежной единицы. Исходя из данного определения, главным условием для возникновения инфляции является превышение объема находящейся в обращении денежной массы над объемом товаров и услуг в экономике. Причиной данного превышения являются резкие изменения величины совокупного спроса в экономике, результатом которого и становится переполнение каналов денежного обращения избыточной денежной массой. Данная ситуация является следствием изменения величины инфляционных ожиданий субъектов экономики.

Так как единое общенаучное определение инфляционных ожиданий на сегодняшний день отсутствует, то они могут быть определены как экономическая категория, выражающая мнение домохозяйств и организаций реального сектора экономики о будущих темпах роста цен на товары и услуги, оказывающее влияние на принятие ими решений в области расходования денежных средств и, соответственно, на величину совокупного спроса. Несмотря на то, что инфляционные ожидания представляют из себя только мнение экономических субъектов о будущем характере изменения уровня цен в экономике, данное мнение может оказывать определяющее воздействие на ценовую стабильность, например, через склонность населения к спонтанным тратам денежных средств в ожидании дальнейшего повышения величины инфляции, что само по себе является катализатором раскручивания инфляционной спирали.

На сегодняшний день инфляционные ожидания населения являются предметом пристального внимания со стороны мегарегулятора российского финансового рынка в лице Центрального банка Российской Федерации (Банка России), так как целью главного финансового института страны является обеспечение ценовой стабильности, достичь которой без устойчивых инфляционных ожиданий экономических субъектов достаточно затруднительно.

Изучение данной экономической категории в нашей стране началось не так давно. Так, в декабре 2009 года Банк России провел первый социологический опрос населения об оценке будущего ожидания изменения цен на товары и услуги, а с 2014 года подобные опросы стали проходить и публиковаться в открытом доступе на постоянной основе (один раз в месяц), что стало логичной мерой, принятой в рамках перехода к таргетированию инфляции как режиму реализации денежно-кредитной политики, осуществленной в этом же году. Проведение данных опросов свидетельствует не только о повышенном внимании мегарегулятора к проблеме инфляционных ожиданий экономических субъектов, но и отражает уровень прозрачности деятельности и их доверия к самому Банку России.

Для наиболее полного анализа инфляции и инфляционных ожиданий экономических субъектов необходимо определить, какие факторы оказывают наибольшее влияние на изменение величин данных экономических категорий. В данном случае можно выделить следующие внешние и внутренние факторы:

— предыдущие значения величины инфляции — то есть, если в прошлом инфляция составляла высокую величину, то и в будущем субъекты экономики более склонны к ожиданию её повышенной величины. В России данная проблема наиболее чувствительна, так как за последние три десятилетия страна прошла через несколько экономических кризисов, сопровождавшихся всплесками в изменении стоимости товаров и услуг, соответственно, население, помня предыдущие периоды ценовой нестабильности, наиболее склонно к спонтанным тратам в ожидании дальнейшего роста цен [6, с. 79];

— ценовая нестабильность, выражающаяся в скачкообразном росте цен на товары и услуги в условиях изменения экономического цикла (перехода от роста экономики к стагнации/рецессии и наоборот);

— изменение курса национальной валюты — так как стоимость некоторых групп потребляемых населением товаров и материалов, используемых производителями, измеряется в валютах разных стран, то при изменении валютного курса их стоимость для экономических субъектов внутри страны также меняется, что, как следствие, может привести к изменению величины инфляционных ожиданий;

— денежно-кредитная политика мегарегулятора финансового рынка — выражается в способности Центрального банка оказывать

воздействие на совокупный спрос и потребительские настроения в экономике через изменение стоимости кредитования путем изменения величины ключевой ставки, а также прогнозами по инфляции и сигналами о будущем характере денежно-кредитной политики (в том числе информационной политики, как её части);

— социально-политическая, экономическая ситуация в стране, а также геополитические факторы (в случае, если они носят негативный характер) повышают нестабильность и тревожность в обществе, что также оказывает влияние на изменение цен в экономике.

Согласно данным мегарегулятора, на сегодняшний день инфляционные ожидания экономических субъектов находятся на достаточно высоком уровне, составляющем двузначную величину (рис. 1).

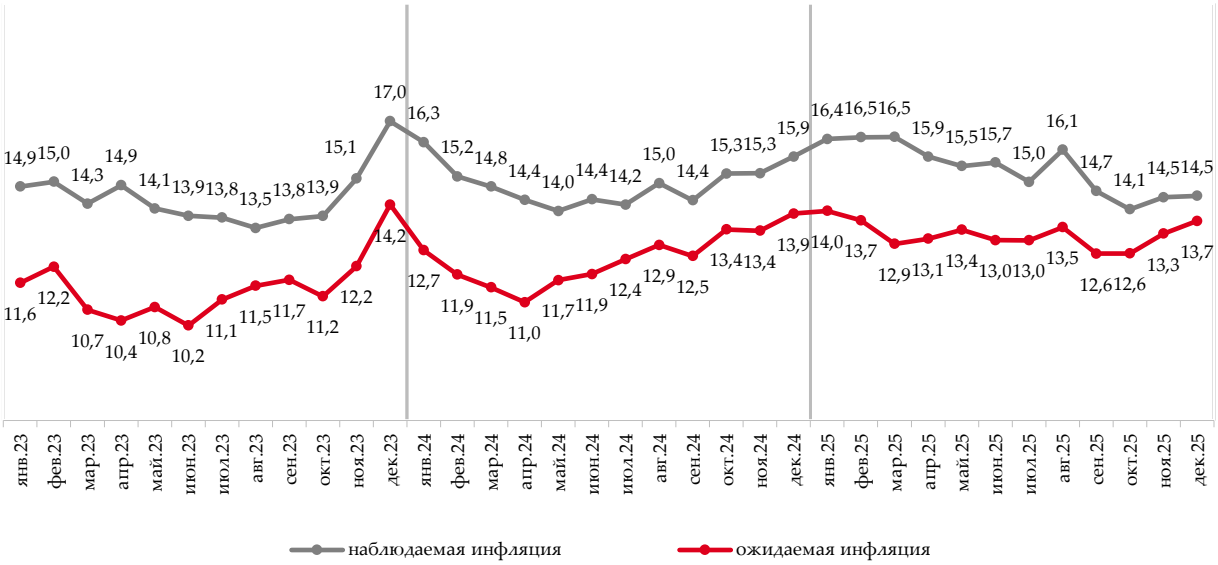

Рисунок 1 — **Инфляционные ожидания населения России в 2023-2025 гг.**

Составлено на основе данных официального сайта Центрального Банка Российской Федерации.

Так, исходя из рисунка 1, можно выделить три периода резких изменений величин инфляционных ожиданий в российской экономике: июнь 2023 — апрель 2024 г. и сентябрь 2024— октябрь 2025 г. Наибольшие всплески величин инфляционных ожиданий и, как следствие, наблюдаемой в экономике России инфляции, произошли в декабре 2023 года, составив значения в 14,2 и 17,0 %, соответственно. Несмотря на дальнейшее замедление и даже небольшое снижение указанных величин, их дальнейший рост произошел уже в сентябре 2024 до уровня 12,5 и 14,4 %, соответственно. Данный рост достиг пиковых значений в 14 и 16,4 % к январю 2025 и незначительно отклонялся от данных показателей в большую или меньшую сторону вплоть до весны 2025 года. На основе рисунка 1 нетрудно сделать вывод о том, что показатели наблюдаемой и ожидаемой инфляции превышают целевой показатель Банка России в 4% примерно в 3-4 раза, что составляет достаточно высокую величину и отражает значимость данных показателей для эффективного таргетирования инфляции.

Одним из важнейших факторов, оказывающих значительное влияние на фактическое и ожидаемое изменение цен в экономике как со стороны домохозяйств, так и организаций реального сектора экономики, является валютный курс, так как от него зависит стоимость импортируемых товаров, потребляемых населением страны и материалов, используемых производителями.

На рисунках 2 и 3 представлена динамика изменения величины курса рубля по отношению к доллару США и евро, так как даже несмотря на внешнеэкономические ограничения, в которых находится экономика Российской Федерации, в виде экономических санкций, а также постепенный переход расчетов с другими странами на национальные денежные единицы, данные валюты являются основными международными платеж-

ными единицами, за счет которых до сих пор осуществляется значительная доля расчетов в экономике нашей страны.

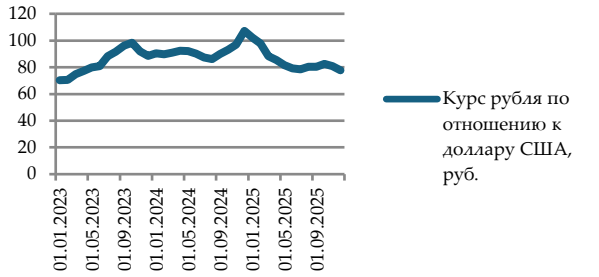

Рисунок 2 — **Динамика изменения курса рубля по отношению к доллару США в 2023-2025 гг.**
Составлено на основе данных официального сайта Центрального Банка Российской Федерации.

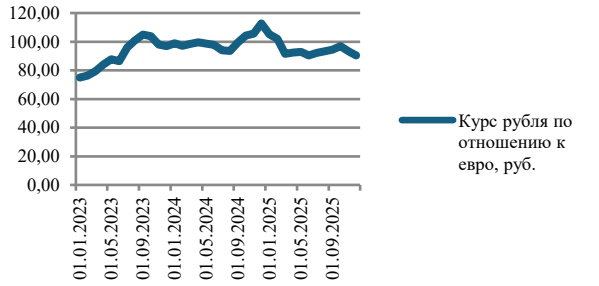

Рисунок 3 — **Динамика изменения курса рубля по отношению к евро в 2023-2025 гг.**
Составлено на основе данных официального сайта Центрального Банка Российской Федерации.

Так, падение курса рубля по отношению к доллару и евро до 98,48 руб. и 104,17 руб. в октябре 2023 года соответственно, положило начало росту инфляционных ожиданий населения на 3 п.п. с 11,2% в указанном месяце до 14,2% в декабре 2023 года. Ещё более значительное влияние на инфляционные ожидания населения оказало падение курса рубля до 107,18 руб. за доллар и 112,80 руб. за евро в декабре 2024 года. Как было указано в пояснении к Рисунку 1, после падения курса рубля в декабре 2024 года инфляционные ожидания населения России поднялись до уровня 15,9% в этом же месяце, а незначительное изменение их величин в пределах указанного выше значения (несмотря на последующее постепенное падение валютного курса уже в январе 2025 года) свидетельствует об установке инфляционных ожиданий на постоянном устойчиво высоком уровне, что представляет из себя серьезный вызов для экономики и монетарных властей страны. При этом в условиях высоких инфляционных ожиданий домохозяйства и организации реального сектора экономики предпочитают тратить денежные средства уже сейчас в ожидании будущего роста цен, что только усиливает рост инфляции.

Как уже было отмечено ранее, на инфляционные ожидания экономических субъектов оказывает влияние денежно-кредитная политика Центрального банка, а также эффективность его коммуникации, так как сегодня данный инструмент монетарной политики многие авторы рекомендуют применять во всех странах, практикующих инфляционное таргетирование, в том числе и в России [4, с. 7]. В таблице 1 ниже представлены данные по действиям Банка России в области изменения величины ключевой ставки, а также его комментарии о характере инфляции и инфляционных ожиданий согласно пресс-релизу по результату заседания Совета директоров в 2023-2025 гг.

Из представленной таблицы 1 видно, что повышение Банком России величины ключевой ставки до 8,5% в ответ на рост инфляционных ожиданий экономических субъектов произошло в конце июля 2023 года, после чего её рост продолжался до октября 2024 года, достигнув в указанном месяце величины в 21%, что практически совпадает с динамикой изменения инфляционных ожиданий, представленных ранее на рисунке 1. При этом совокупность проинфляционных факторов, к которым также относятся и инфляционные ожидания, Банк России также оценивал и продолжает оценивать как находящуюся на достаточно высоком уровне. Примечательным и в то же время парадоксальным является тот факт, что снижением величины ключевой ставки сразу на 2 п.п. 25 июля 2025 года и ещё на 1 п.п. 12 сентября 2025 года мегарегулятор направляет рынку позитивный сигнал о его будущем прогнозируемом состоянии (в сторону стабилизации), а также возможным снижением инфляции. С учетом этого и, несмотря на высокое давление проинфляционных факторов в условиях снижения ключевой ставки, в инфляционных ожиданиях субъектов экономики России уже наметился тренд на снижение осенью 2025 года. Тем не менее, инфляционные ожидания снова показали тенденцию к росту уже в конце 2025 года, что объясняется повышен-

ным спросом населения на товары и услуги в преддверии новогодних праздников, а также стремлением организаций реального сектора экономики к заключению контрактов на покупку материалов и закупку продукции до конца года по прежним ценам.

Таблица 1 — Изменение величины ключевой ставки Банка России в 2023-2025 гг. в ответ на изменение инфляции и инфляционных ожиданий, а также выдержки из пресс-релизов мегарегулятора

Дата	Результат изменения величины ключевой ставки Банка России	Пресс-релиз Банка России о характере инфляции и инфляционных ожиданий
21.07.2023	Ключевая ставка повышена до уровня 8,5% годовых	Инфляционное давление усиливается.
15.08.2023	Ключевая ставка повышена до уровня 12% годовых	Инфляционное давление продолжает усиливаться, текущие темпы прироста цен продолжают ускоряться.
15.09.2023	Ключевая ставка повышена до уровня 13% годовых	Инфляционное давление в российской экономике остается высоким.
27.10.2023	Ключевая ставка повышена до уровня 15% годовых	Текущее инфляционное давление значительно усилилось
15.12.2023	Ключевая ставка повышена до уровня 16% годовых	Текущее инфляционное давление остается высоким.
26.07.2024	Ключевая ставка повышена до уровня 18% годовых	Риски для инфляции остаются проинфляционными
13.09.2024	Ключевая ставка повышена до уровня 19% годовых	Риски для инфляции остаются проинфляционными
25.10.2024	Ключевая ставка повышена до уровня 21% годовых	Инфляция складывается существенно выше прогноза Банка России.
06.06.2025	Ключевая ставка снижена до уровня 20% годовых	Незначительное снижение проинфляционных рисков, но недостаточное для преобладания над дезинфляционными рисками
25.07.2025	Ключевая ставка снижена до уровня 18% годовых	Проинфляционные риски по-прежнему преобладают над дезинфляционными
12.09.2025	Ключевая ставка снижена до уровня 17% годовых	Проинфляционные риски по-прежнему преобладают над дезинфляционными
24.10.2025	Ключевая ставка снижена до уровня 16,5% годовых	Проинфляционные риски выросли и по-прежнему преобладают над дезинфляционными
19.12.2025	Ключевая ставка снижена до уровня 16% годовых	Проинфляционные риски по-прежнему преобладают над дезинфляционными

Также немаловажным проинфляционным фактором, действие которого традиционно проявляется в конце года, является повышение спроса на заемные средства и, в частности, ипотеку (в особенности семейную). Особенность анализируемого периода времени заключается в том, что с 1 февраля 2026 года вступает в силу ужесточение выдачи данного вида льготного кредита на покупку первичного жилья, согласно которому данная мера будет доступна только одной семье, что также оказывает проинфляционное воздействие на экономику, вызывая повышенный спрос на жилье на рынке недвижимости, что также вносит вклад в итоговые величины инфляции и инфляционных ожиданий.

Примечательным также является тот факт, что именно в периоды повышенных инфляционных ожиданий в России увеличивался объем выдачи кредитов физическим лицам (рис. 4)

Так, рост данной величины до её пиковых значений в 2652680 млн руб. произошел в августе 2023 и до 2994920 млн руб. в июне 2024 гг, после чего на некоторое время данные объемы демонстрировали тенденцию к снижению, однако снова возобновили рост с марта 2025 года, хотя и не достигли своих пиковых значений 2023-2024 гг.. Ситуация с замедлением объема выдачи кредитов российским физическим лицам-резидентам также оказала влияние на снижение величины ключевой ставки Банка России, так как замедление кредитования в экономике свидетельствует о её охлаждении и уменьшении деловой активности, которые при длительном устойчивом снижении могут привести к риску возникновения рецессии. Рисунок 4 и его описание также подтверждают гипотезу о том, что население склонно финансировать свои расходы в ожидании будущего повышения цен за счет заемных средств в ожидании как дальнейшего роста цен на товары и услуги, так и самой стоимости кредитных ресурсов.

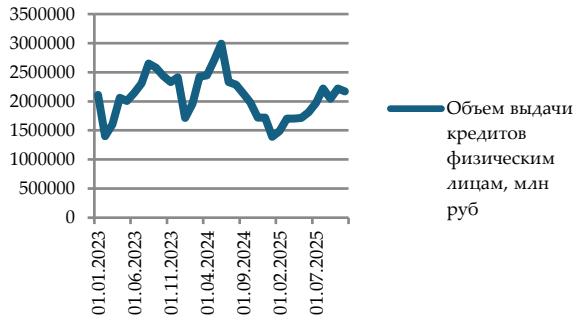

Рисунок 4 — **Динамика изменения объема выдачи кредитов физическим лицам в России в 2023-2025 гг.**

Составлено на основе данных официального сайта Центрального Банка Российской Федерации.

Рисунок 5 также показывает резкий рост числа выданных ипотечных кредитов населению России в октябре 2023 года (238346 шт.),

июле 2024 года (202501 шт.) и затем устойчивое их увеличение в течение 2025 года после падения в 2024 году (хотя в 2025 году и не были достигнуты пиковые значения предыдущего года).

Рисунок 5 — **Динамика изменения количества выданных ипотечных кредитов физическим лицам в России в 2023-2025 гг.**

Составлено на основе данных официального сайта Центрального Банка Российской Федерации.

Примечательно, что все пики выдачи кредитов как по объемам, так и по количеству приходились на периоды ужесточения правил выдачи данных кредитов в связи с повышенной долговой нагрузкой населения России, которая происходит преимущественно за счет её низкодоходной части [7, с. 107].

Заключение

Таким образом, по результатам исследования можно сделать выводы о том, что определяющим фактором, оказывающим значительное влияние на величину инфляции и инфляционных ожиданий российских домохозяйств и организаций реального сектора экономики, стал валютный курс, падение которого повысило ожидания будущей инфляции в июне 2023— апреле 2024 г., а также сентябре 2024 — октябре 2025 г. Другим фактором, также оказавшим влияние на итоговую величину инфляционных ожиданий (однако уже в сторону их понижения, хотя и незначительного) стала денежно-кредитная политика Банка России в области изменения величины ключевой ставки, которая длительный период времени находилась на уровне 21% годовых, однако постепенно снижалась в течение 2025 года, несмотря на достаточно высокие на тот момент инфляционные ожидания экономических субъектов, что отражает доверие мегарегулятора рынку и прогнозируемое им будущее снижение инфляции. Соответственно, уменьшение величины ключевой ставки объясняется как снижением общего объема кредитования в экономике в 2025 году, так и сигналами мегарегулятора рынку о будущих значениях величин как инфляции, так и самой ключевой ставки, за которыми, как ожидается, последует изменение и потребительских настроений экономических субъектов в сторону охлаждения. Данное явление также свидетельствует о важности инструмента коммуникации Банка России на современном этапе развития экономики с повсеместным доступом её субъектов к средствам массовой информации. На основе анализа статистических данных по инфляционным ожиданиям экономических субъектов России и объемов выдачи кредитов в исследовании также подтверждено явление, согласно которому потребители более склонны к финансированию своих расходов за счет заемных средств в ожидании как будущего повышения цен на товары и услуги, так и роста стоимости банковского кредита (за счет увеличения величины ключевой ставки).

Несмотря на вышесказанное, перед российской экономикой по-прежнему стоят определенные вызовы, в основе которых лежат как внутренние, так и внешние факторы, однако уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что как субъекты экономики, так и сам Банк России адаптировались под данные вызовы и в случае, если ситуация макроэкономической нестабильности все же возникнет, то негативные последствия данного явления будут эффективно преодолены с учетом уже имеющегося опыта.

Литература

1. Бурцева Т.А. Мониторинг инфляции в условиях новой геополитической реальности / Т.А. Бурцева, А.А. Френкель, Б.И. Тихомиров, А.А. Сурков // Мир новой экономики. — 2023. — Т. 17, №2. — С. 48–61. https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-2-48-61
2. Галоян М.Р. Инфляция: понятие, сущность, определение / М.Р. Галоян // Вестник экономической безопасности. — 2016. — №4. — С. 251–252
3. Гуров И.Н. Инфляция в России: различия между официальными данными и оценками населения / И.Н. Гуров // Вопросы статистики. — 2022. — Т. 29,

№3. — С.100–111. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-3-100-111
4. Зеленева Е.С. Коммуникации как инструмент современной денежно-кредитной политики / Е.С. Зеленева // Вестник Евразийской науки. — 2019. — №6. — С.1–9
5. Перевышин Ю.Н. Ускорение инфляции потребует высокой ключевой ставки в 2023–2024 гг. / Ю.Н. Перевышин, П.В. Трунин // Экономическое развитие России. — 2023. — Т. 30, №12. — С. 4–8.
6. Сомова И.А. Оценка инфляционных ожиданий в России в период 2015–2020 годов / И.А. Сомова, В.С. Шилов // Мир экономики и управления.- 2021. — Т. 21, №4. — С. 61–81. https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-4-61-81.
7. Трофимов Д.В. Риски, связанные с увеличением долговой нагрузки населения в России / Д.В. Трофимов // Финансовые рынки и банки. — 2023. — №10. — С. 84–89.
8. Храмцов М.В. Инфляционное таргетирование как метод борьбы с инфляцией / М.В. Храмцов // Вестник Евразийской науки. — 2024. — Т. 16, №2. — С. 1–8.
9. Широв А.А. Природа инфляции в современной российской экономике и ее влияние на экономический рост / А.А. Широв, М.С. Гусев, Ф.О. Некрасов // Проблемы прогнозирования. —2025. — №2. — С. 5–19.
10. Blanchard O. Rethinking Macroeconomic Policy / O. Blanchard, G. Dell'Ariccia, P. Mauro // IMF Staff Position Note. — 2010. — №SPN/10/03. — P. 1–17.

TRANSFORMATION OF GEOGRAPHY AND INDUSTRY STRUCTURE OF DEMAND FOR MIGRANT WORKERS IN RUSSIAN REGIONS

Evtushenko Alexander Eduardovich, *Postgraduate student, Ural State University of Economics; Yekaterinburg (Russia)*

The existing contradiction between the declared goals of state migration policy and objective economic trends, such as personnel shortages in regional labor markets in Russia, determines the purpose of the study — to identify key areas of geographic and sectoral restructuring of Russian employers' demand for foreign labor from visa countries. To achieve this goal, clusterization of donor countries by sub-regions was carried out, the sectoral dynamics of employers' needs for foreign workers from visa-eligible countries was analyzed, and changes in the number of regions, employers, and declared professions were assessed. The study was conducted using comparative and structural-dynamic analysis of absolute and relative indicators. The empirical basis was data from the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation on the need stated by employers to attract foreign workers from visa-eligible countries from 2021 to 2025. A fundamental geographical shift in the demand of Russian employers has been identified. Basically, the reorientation is taking place in the labor markets of South Asian countries. Other migration corridors are also being formed, for example, with African countries. The formation of new migration corridors with African countries has been revealed. There is a high industry concentration in the traditional areas of employment of foreign citizens — construction and manufacturing industries. At the same time, there is a growing demand in sectors of the economy for which this process was not typical: logistics, administrative activities, real estate transactions. It also shows the growing involvement of employers in the process of employing foreign workers from visa-eligible countries. The results indicate the systemic nature of the changes and their significance for regional labor markets.

Keywords: *gional economy; attraction of foreign labor; labor migration; visa countries; regions of Russia; labor market; migration policy; sectoral structure; spatial distribution.*

EDN: LOKWQW ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.31***

Цитировать: *Евтушенко А.Э. Трансформация географии и отраслевой структуры спроса на трудовых мигрантов в регионах России // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 215-223. EDN: LOKWQW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.31*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОГРАФИИ И ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ СПРОСА НА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 332.133
5.2.3

© Евтушенко А.Э., 2026

Существующее противоречие между декларируемыми целями государственной миграционной политики и объективными экономическими тенденциями, например, такими как кадровый дефицит на региональных рынках труда в России, определяет цель исследования — выявить ключевые направления географической и отраслевой перестройки спроса российских работодателей на иностранную рабочую силу из визовых стран. Для достижения цели проведена кластеризация стран-доноров по субрегионам, проанализирована отраслевая динамика потребности работодателей в иностранных работниках из визовых стран и выполнена оценка изменения числа регионов, работодателей и заявленных профессий. Исследование проведено в рамках использования сравнительного и структурно-динамического анализа абсолютных и относительных показателей. Эмпирической базой послужили данные Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о заявленной работодателями потребности в привлечении иностранных работников из визовых стран с 2021 по 2025 годы. Установлен фундаментальный географический сдвиг спроса российских работодателей. В основном, переориентация происходит на рынки труда стран Южной Азии. Формируются также и другие миграционные коридоры, например, со странами Африки. Выявлено формирование новых миграционных коридоров со странами Африки. Зафиксирована высокая отраслевая концентрация в традиционных сферах применения труда иностранных граждан — строительства и обрабатывающих производств. Одномоментно фиксируется растущий спрос в секторах экономики, для которых данный процесс был не характерен: логистика,

ЕВТУШЕНКО Александр Эдуардович, *аспирант, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург (Россия)*
SPIN-код: 9915-6282
ORCID: 0009-0008-7819-1683

административная деятельность, операции с недвижимостью. Показан также рост вовлеченности работодателей в процесс применения труда иностранных работников из визовых стран. Полученные результаты указывают на системный характер изменений и их значение для региональных рынков труда.

Ключевые слова: *региональная экономика; привлечение иностранной рабочей силы; трудовая миграция; визовые страны; регионы России; рынок труда; миграционная политика; отраслевая структура; пространственное распределение.*

Введение

Вопрос осмысления миграционных процессов в России вышел далеко за рамки научного дискурса и стал предметом активного обсуждения в социуме. Происходящие геополитические и социально-экономические изменения обуславливают формирование новых потоков движения трудовых ресурсов.

По данным Международной организации по миграции Организации Объединенных Наций (IOM) Россия является одной из основных стран, привлекательных для трудовых мигрантов [1]. Основные потоки мигрантов формируются из представителей стран ближнего зарубежья — Таджикистана и Узбекистана. При этом, в последние годы на фоне кадрового дефицита в России работодатели стали все чаще обращаться к механизму привлечения иностранных работников из визовых стран, например, из Индии. По данным «Коммерсанта» до конца 2025 года ожидался приезд около 35 тысяч работников из данной страны [2].

Объективные данные говорят о том, что без привлечения иностранных работников, как одной из форм восполнения кадрового дефицита, ситуация с наполнением российской экономики кадрами будет только ухудшаться. Согласно первому кадровому прогнозу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, до 2030 года потребуется дополнительное привлечение около 10,9 миллионов работников, из них 10,1 миллиона человек для замещения работников, которые уйдут на пенсию, и 800 тыс. человек, которые будут трудоустроены на вновь создаваемые рабочие места [3].

В свою очередь меняются подходы к управлению миграционной политикой в Российской Федерации, о чем свидетельствует новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. Впервые концептуально обозначен приоритет поддержания национальной безопасности российских граждан. При этом в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы не фигурирует понимание миграции в качестве одного из источников решения демографических проблем и восполнения дефицита на рынке труда. Также в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы появились новые механизмы регулирования трудовой миграции, например, организованный набор.

Возникает противоречие: с одной стороны, наблюдается растущая и диверсифицированная потребность российской экономики, в том числе, региональной в притоке иностранной рабочей силы, с другой стороны, миграция не рассматривается в документах стратегического планирования в качестве источника развития. Данное противоречие требует глубокого изучения реальных трендов привлечения иностранной рабочей силы на фоне социально-политических и экономических событий последних лет, что определяет актуальность проводимого исследования.

Обращаясь к предыстории изучения вопроса миграционных процессов, как отмечает *Л.Л.* Рыбаковский: «представления о миграции населения, причем не просто подобные тем, какие высказывал Э. Равенштейн, а более

[1] International Organization for Migration | IOM, UN Migration. URL: https://www.iom.int/

[2] Квота на привлечение работников из Индии в РФ в 2025 году составила 72 тысячиhttps // Коммерсантъ. Карьера. — 2025. — 26 ноября.

[3] Минтруд оценил масштаб нехватки работников в России // Lenta.ru. — 2025. — 14 июля.

близкие к современному пониманию стадий миграционного процесса, были уже в конце XIX столетия у ряда российских исследователей переселенческого движения.» [7]. Среди российских исследователей, можно упомянуть таких авторов, как Т.И. Заславская, Ж.А. Зайончковская.

Теоретической рамкой текущего исследования выступают работы зарубежных и российских авторов, посвященные различным концептам управления трудовой миграцией, так как данное явление является как глобальным, так и региональным трендом в области мобильности населения.

До пандемии COVID-19 в зарубежной научной литературе актуальной была концепция «облегчения мобильности» для создания каналов регулируемой миграции, отвечающей кадровым потребностям рынка труда [10].

Реальные режимы управления миграцией на региональном уровне зачастую поддаются критике зарубежных авторов: региональное управление сводится к решению тактических задач, например, замещения ниш на рынке труда, не учитывая стратегические приоритеты и глобальные гуманитарные задачи [11]. Ценность труда мигрантов поддалась серьезной переоценке после пандемии — актуализировалась зависимость развитых стран от труда иностранных работников, в том числе занимающих низкоквалифицированные ниши на рынке труда. В зарубежной научной литературе сформировалась концепция «системно значимой работы» [9].

Российские исследования последних лет сконцентрированы на проблематике анализа трудовой миграции в условиях демографического спада и кадрового дефицита. Формируется феномен «комфортного рынка труда» для российских граждан, что становится драйвером привлечения низкоквалифицированных мигрантов [3]. Высвобождаемый сегмент «непрестижных» вакансий закономерно занимают иностранные работники [4], что становится ключевым стабилизирующим элементом поддержания баланса на рынке труда [5]. Существующая тенденция актуализирует проблемы российской модели управления трудовой миграцией [6]. Изучены отдельные аспекты управления миграционной политикой на региональном уровне [8]. Данные проведенного экспертного опроса фиксируют необходимость совершенствования инструментария привлечения высококвалифицированных иностранных специалистов [1]. В последнее время все большее количество работодателей прибегают к механизму квотирования специалистов из Южной и Юго-Восточной Азии, так как это снимает дополнительные финансовые риски для предприятия в случае неприбытия работника в страну [2].

Таким образом, несмотря на достаточную изученность вопроса трудовой миграции в российской научной литературе, существующие работы либо фиксируют общероссийские тренды, либо сосредоточены на региональных кейсах или критике модели управления. Необходимо восполнение пробела — проведение анализа, соединяющего географическую и отраслевую динамику спроса на трудовых мигрантов из визовых стран в пространстве регионов России.

Целью данного исследования является рассмотрение трансформации географии и отраслевой структуры спроса российских работодателей на иностранную рабочую силу, прибывающую из стран с визовым режимом въезда в период с 2021 по 2025 годы.

Новизна исследования заключается в кластеризации субрегионов и стран дальнего зарубежья, из которых прибывают иностранные работники в Российскую Федерацию с целью осуществления трудовой деятельности, а также выделении секторов занятости данной категории иностранной рабочей силы.

Исследование проведено с использованием метода сравнительного анализа на основании данных Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о потребности в привлечении иностранных работников за 2021-2025 годы, которая формируется в соответствии с заявками работодателей. Стоит отметить методическое ограничение: приводимые цифры отражают потребность, но не конечный результат привлечения иностранных работников, то есть их въезд на территорию России. При этом, по мнению автора, анализ данных Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о потребности в привлечении иностранных работников позволяет оценить текущие тенденции по данному вопросу.

Обсуждение результатов исследования

Проведенный анализ позволяет, прежде всего, зафиксировать однозначный рост потребности работодателей в привлечении и использовании иностранных работников за период с 2021 по 2025 годы. В 2021 году общая потребность в привлечении и использовании иностранных работников в Российской Федерации составляла 89 719 рабочих мест, в 2025 году — 200 653 рабочих места. Ключевой особенностью изучаемых миграционных процессов является не просто увеличение запроса работодателей на иностранных работников из визовых стран, а географическая перестройка миграционных процессов.

Рассматривая динамику изменения потребности работодателей в привлечении иностранных работников, можно выделить деление по субрегионам. К 2025 году условный центр тяжести миграционных процессов приходится на Восточную, Западную и Южную Азию, а также ряд африканских регионов. В 2021 году большая часть потребности в привлечении иностранных работников приходилась на Восточную Азию — 38 326 человек (42,7% от общего количества потребности работодателей). Из стран Восточной Азии основная часть приходилась на Китай; именно из этой страны работодатели планировали привлекать иностранных граждан (38 157 человек). Стоит отметить следующую тенденцию: несмотря на то, что численность иностранной рабочей силы, планируемой к привлечению, из стран Восточной Азии, в абсолютных значениях к 2025 году возросла до 59 739 человек, то ее доля снизилась до 29,8%.

В последние годы растет роль Южной Азии в перераспределении миграционных потоков. С 2021 по 2025 годы потребность российских работодателей в специалистах из Южной Азии увеличилась в 9,6 раза (с 7826 человек до 75 377 человек). Доля потребности в специалистах из Южной Азии увеличилась с 8,7% в 2021 году до 37,6% в 2025 году. Таким образом, в 2025 году Южная Азия является крупнейшим поставщиком трудовых мигрантов (визовых) для России. В первую очередь рост Южной Азии в структуре потребности в привлечении иностранных работников обеспечен обращением работодателей к рынку труда Индии. В 2021 году на Индию приходилось 6 860 человек (7,6% от общей потребности), а в 2025 году — 58 023 человека (28,9% от общей потребности). Значительный рост демонстрирует Бангладеш: в 2021 году планировалось привлечение труда всего 2 иностранных работников, а в 2025 году — уже 9145 человек.

Изучая ситуацию по другим значимым регионам, стоит отметить, что Юго-Восточная Азия сохраняет достаточно высокие абсолютные показатели (в 2021 году — 20 081 рабочее место, в 2025 году — 37 020 рабочих мест), но теряет долю в общей потребности в привлечении иностранных работников (в 2021 году — 22,4%, в 2025 году — 18,4%). Основным поставщиком рабочей силы для России остается Вьетнам. Западная Азия переживает как абсолютное, так и относительное сокращение. Численность планируемых к привлечению иностранных работников снизилась с 16 508 человек до 7700 человек, а доля — с 18,4% до 3,8%. Наибольшее снижение интереса российских работодателей зафиксировано в отношении работников из Турции (с 16 240 человек до 7 342 человек). Центральная Азия, как регион, представлена исключительно Туркменистаном, поскольку представители других стран Центральной Азии входят в другую категорию — осуществляющих трудовую деятельность по патенту, следовательно, работодателю не требуется подавать заявки о потребности в привлечении иностранных работников. Туркменистан показывает резкий рост в 2024-2025 годах (с 2005 рабочих мест до 9830 рабочих мест) и увеличение доли в структуре общей потребности с 2,0% до 4,9%.

Нельзя не отметить рост потребности работодателей в работниках из Африки. Если обращаться к рассмотрению того, из каких регионов Африки российские работодатели хотели бы привлечь иностранных граждан:

Восточная Африка (2021 год — 2 рабочих места, 2025 год — 3036 человек);

Западная Африка (2021 год — 1 рабочее место, 2025 год — 1877 человек);

Центральная Африка (2021 год — 0 рабочих мест, 2025 год — 771 человек).

В Восточной Африке можно выделить Эфиопию, Уганду и Кению. В Западной Африке ключевыми странами-донорами стали Нигерия и Гана. Доля Африки не так значительна по сравнению с иными субрегионами, при этом к 2025 году можно отметить

тенденцию к формированию новых миграционных коридоров.

Европейские субрегионы и ранее занимали небольшую долю в структуре потребности — в 2021 году всего 5,6%. К 2025 году, в связи с происходящими социально-политическими изменениями, потребность работодателей в работниках из Европейских субрегионов составила суммарно 1,1%. Из Американских регионов можно выделить Южную Америку: с 2021 года потребность составляла 107 человек, в 2025 году — 788 человек. Основными поставщиками иностранной рабочей силы являются Бразилия (в 2021 году — 0 человек, в 2025 году — 188 человек) и Венесуэла (в 2021 году — 1 человек, в 2025 году — 168 человек).

Проведенный анализ подтверждает фундаментальную переориентацию миграционных потоков: российские работодатели в действительности обращают внимание на новые страны-доноры иностранной рабочей силы. В особенности виден рост Южной Азии, а именно Индии, а также появление новых источников из Африки. Изменяются роли исторически сложившихся крупных источников миграции из Восточной и Западной Азии. Происходящие изменения связаны с совокупностью факторов: геополитические события, новые экономические вызовы, изменения миграционной политики в странах-рецептиентах. Текущий процесс говорит о возникновении новых транснациональных сетей.

Выявленная трансформация географии привлечения иностранной рабочей силы, а также выявление переориентации российского бизнеса на новые рынка труда (Южная Азия) сопровождается существенными изменениями в пространственной структуре спроса внутри России. Проведенный анализ данных о количестве российских регионов, работодателей, участвующих в привлечении данной категории иностранной рабочей силы, позволяет не только оценить масштаб вовлечения российских территорий в процесс привлечения иностранной рабочей силы, но и сделать ряд выводов, значимых для региональной экономики. Обращает внимание тот факт, что к 2025 году 79 субъектов Российской Федерации выразили потребность в привлечении иностранных работников из визовых стран. Потенциально это может свидетельствовать о том, что побуждающий работодателей к поиску иностранных кадров фактор приобрел всеобщий пространственный характер. С точки зрения региональной экономики, данный факт может свидетельствовать о формировании единого национального рынка спроса на труд иностранных работников из визовых стран. Различия между регионами в данном случае определяются структурой и интенсивностью спроса на иностранную рабочую силу.

Таблица — **Динамика потребности работодателей в привлечении иностранных работников исходя из деления на субрегионы (человек, %)**

Континент / Субрегион / Страна		2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025
Азия	Южная Азия	7826	9742	16787	39039	75377	8,7%	12,4%	16,9%	29,6%	37,6%
	в том числе: Индия	6860	7389	12117	29378	58023	7,6%	9,4%	12,2%	22,2%	28,9%
	Восточная Азия	38326	33855	41172	44447	59739	42,7%	43,0%	41,4%	33,7%	29,8%
	в том числе: Китай	38157	33744	41065	44349	59656	42,5%	42,9%	41,2%	33,6%	29,7%
	Юго-Восточная Азия	20081	22380	27722	35493	37020	22,4%	28,4%	27,8%	26,9%	18,4%
	в том числе: Вьетнам	16264	19289	23768	31166	30954	18,1%	24,5%	23,9%	23,6%	15,4%
	Западная Азия	16508	8782	8804	7124	7700	18,4%	11,2%	8,8%	5,4%	3,8%
	Центральная Азия	1428	696	2005	2732	9830	1,6%	0,9%	2,0%	2,1%	4,9%
Африка	Восточная Африка	2	35	158	528	3036	0,0%	0,0%	0,2%	0,4%	1,5%
	Западная Африка	1	11	72	97	1877	0,0%	0,0%	0,1%	0,1%	0,9%
	Северная Африка	435	66	61	90	1037	0,5%	0,1%	0,1%	0,1%	0,5%
	Центральная Африка	0	1	44	76	771	0,0%	0,0%	0,0%	0,1%	0,4%
	Южная Африка	0	0	17	18	451	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,2%
Европа		5039	3015	2684	2319	2219	5,6%	3,8%	2,7%	1,8%	1,1%
Южная и Северная Америка		65	99	34	104	1596	0,1%	0,1%	0,0%	0,1%	0,8%
Австралия и Океания		8	1	0	0	0	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%

С 2021 по 2025 годы практически на 40% увеличилось количество работодателей, которые обращаются к механизму применения труда иностранных работников из визовых стран. Практика трудоустройства таких работников перестает быть исключительно нишевой — в процесс вовлекается все большее количество

представителей крупных предприятий. В отдельных регионах, наоборот, участвуют представители малого бизнеса.

Наиболее интересную динамику показывает показатель «средняя численность иностранных работников на одного работодателя»: с 2021 по 2025 годы рост наблюдается с 42 до 69 человек. С одной стороны, работодатели расширяют масштабы привлечения иностранных работников из визовых стран, что говорит об удовлетворенности результатом и формировании устойчивых каналов рекрутинга. С другой стороны, спрос работодателей концентрируется — отдельные компании (вероятно, крупные застройщики, промышленные холдинги, логистические операторы) планируют привлекать мигрантов целыми группами, бригадами. Для регионов такая ситуация означает необходимость дополнительной проработки вопроса приема и обустройства иностранных работников, что требует иных подходов в жилищной политике, социальной инфраструктуре и межкультурной коммуникации.

Таким образом, с 2021 по 2025 годы в России формируется качественно новый спрос работодателей на иностранных работников из визовых стран, характеризующийся: масштабным охватом большинства регионов, ростом числа работодателей и их потребности в иностранных работниках. Для региональных экономик такая тенденция ставит новые управленческие вызовы: необходимы программы адаптации новых категорий иностранных работников с учетом отраслевой специализации региона, а также мониторинг социально-экономических эффектов (влияние на заработные платы, занятость местного населения, межнациональные отношения) в каждом субъекте Российской Федерации, участвующем в привлечении иностранной рабочей силы.

Переходя к представлению результатов проведенного сравнительного анализа абсолютных показателей и расчета темпов прироста отраслевой динамики потребности в привлечении иностранных работников за период с 2021 по 2025 годы, стоит также отметить, что ключевые сектора экономики, в которые планируется привлечение иностранных работников, достаточно устойчивы.

В анализируемом периоде наибольшая потребность работодателей заявлена в сфере строительства (в 2025 году — 81 515 человек, или 40,6% от общей потребности). Заметный спад интереса работодателей к привлечению иностранных работников был зафиксирован в 2022 году. После этого периода наблюдается устойчивый рост интереса работодателей к замещению рабочих мест иностранными работниками из визовых стран. Ниша строительства считается в большей степени, подходящей для трудовых граждан из СНГ. Следующая сфера после строительства — обрабатывающие производства. В 2025 году планировалось привлечение труда 71 129 иностранных работников из визовых стран. Для данной сферы характерен стабильный монотонный рост потребности работодателей в наблюдаемый период. На два сектора экономики приходится 76,0% общей потребности работодателей в иностранных работниках из визовых стран.

Значительные темпы относительного прироста зафиксированы в нескольких видах экономической деятельности, которые ранее не использовались для применения труда иностранных граждан из визовых стран (рис.):

Деятельность по операциям с недвижимым имуществом: в 2021 году — 549 рабочих мест, в 2025 году — 8988 человек.

Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги: в 2021 году — 491 рабочее место, в 2025 году — 8507 человек.

Транспортировка и хранение: в 2021 году — 432 рабочих места, в 2025 году — 4748 человек.

Потенциально такой тренд может свидетельствовать о начавшемся процессе диверсификации отраслевого распределения иностранной рабочей силы из визовых стран.

В качестве секторов с минимальным привлечением иностранной рабочей силы (менее 100 человек) ежегодно можно отметить социально-значимые сектора, требующие высокого уровня квалификации: деятельность в области информации и связи, финансовая и страховая деятельность, образование, обеспечение электрической энергией, газом и паром, а также деятельность в области культуры, спорта и досуга.

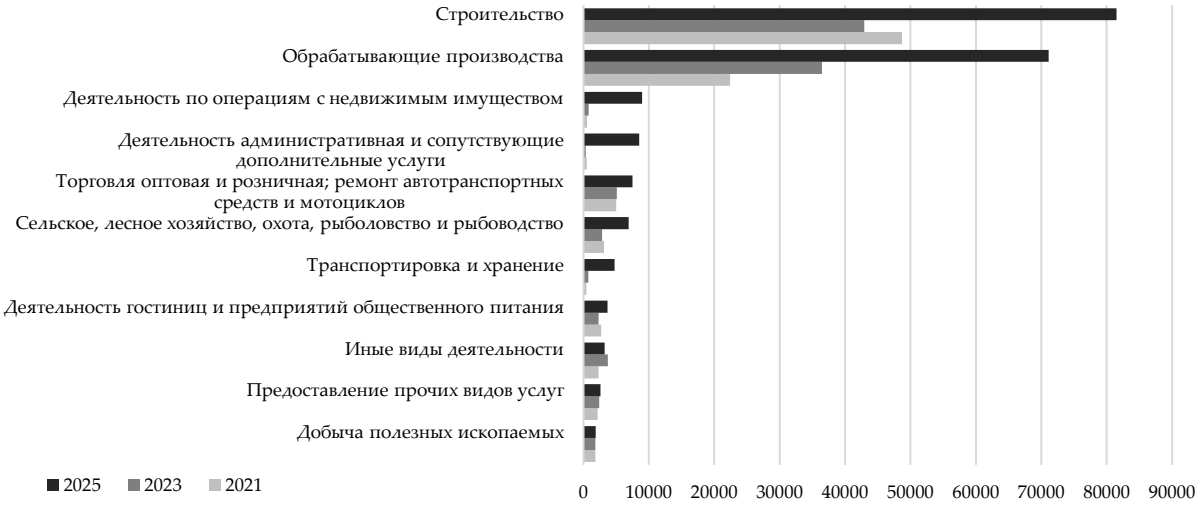

Рисунок — **Динамика потребности работодателей в привлечении иностранных работников в разрезе ТОП-10 видов экономической деятельности (человек)**

Проведенный анализ отраслевого распределения потребности работодателей в иностранных работниках свидетельствует о нескольких тенденциях. Во-первых, происходит в целом трансформация отраслевой структуры (добавились новые сферы применения труда иностранных граждан). Во-вторых, усиливается отраслевая концентрация — растут традиционные сектора-лидеры (строительство и обрабатывающие производства). В-третьих, формируются новые точки роста, связанные с логистикой и административной поддержкой, что может потенциально быть индикатором структурного сдвига в спросе на иностранную рабочую силу в сторону более диверсифицированной сервисной экономики. В-четвертых, сферы, требующие высокого уровня квалификации, остаются практически закрыты для трудовых мигрантов из визовых стран.

В рамках данного исследования установлено формирование новой конфигурации миграционных потоков из визовых стран в Россию, что требует, в свою очередь, комплексного рассмотрения в складывающемся контексте геополитических, экономических и регуляторных изменений. Полученные данные верифицируют тезис о переориентации российских работодателей на новые рынки труда. Смещение «условного центра тяжести» с традиционных стран-поставщиков рабочей силы из Восточной Азии (Китай) в страны Южной Азии (Индия, Бангладеш), а также открытие новых миграционных коридоров из Африки являются прямым следствием внешнеполитических условий и адаптации российского бизнеса к новой реальности. Тренд на привлечение иностранной рабочей силы также логичен в парадигме глобального процесса регионализации миграционных систем и общего поиска трудовых ресурсов в условиях трансформации международных отношений. Меняется и количество работодателей, и их потребность в привлечении иностранных работников, что является новыми вызовами регионального управления.

Отраслевая специфика, установленная в рамках исследования, подтверждает идею «комфортного рынка труда» для российского рынка труда. Концентрация практически 80% потребности работодателей в строительстве и обрабатывающих производствах указывает, что иностранная рабочая сила из визовых стран продолжает замещать менее престижные ниши, где не требуется высокий уровень квалификации. Формируется новый тренд, который впоследствии может стать феноменом рынка труда иностранной рабочей силы. Растет спрос работодателей на иностранных работников из визовых стран по следующим видам экономической деятельности: логистика, операции с недвижимостью, административная деятельность. Возможно, это может быть свидетельством о начале глубокой структурной адаптации российского рынка труда, когда иностранная рабочая сила будет занимать не только «низовые» вакансии, но и сервисные ниши, связанные с расширением

новых транснациональных экономических связей и необходимостью их обслуживания.

Полученные выводы концептуально противоречат положениям Концепции государственной миграционной политики на 2026-2030 годы, где исключена роль миграции как одной из возможностей решения демографических проблем и восполнения дефицита на российском рынке труда. Настоящие данные демонстрируют рост потребности работодателей в визовых иностранных работниках, а не снижение зависимости ключевых отраслей экономики. Складывающееся противоречие может создать потенциал для дисбаланса между декларируемыми целями государственного управления и текущими объективными тенденциями. Предлагаемый механизм организованного набора, упоминаемый в вышеуказанной Концепции, потенциально может быть перспективным направлением развития российского рынка труда. Тем не менее, его эффективность в условиях диверсификации стран-доноров и роста значимости частных транснациональных сетей требует отдельного изучения.

Также ранее было заявлено о существующем методологическом ограничении — анализ базируется на данных о потребности в привлечении иностранных работников, которая косвенно отражает тенденции, а не реальные миграционные потоки иностранных граждан из визовых стран в Россию. Таким образом, представленные тренды указывают скорее на вектор изменения спроса и стратегий рекрутинга иностранной рабочей силы в российском бизнесе и его адаптивность в период турбулентности.

В качестве перспективных направлений для исследования можно выделить:

— изучение новых механизмов регулирования трудовой миграции в России, а также возможности их применения в отношении иностранных граждан из визовых стран;

— анализ процесса интеграции иностранных работников из новых для России стран (Индия, Бангладеш);

— оценку долгосрочных эффектов смены миграционных коридоров на отраслевую структуру региональных рынков труда.

Заключение

По результатам проведенного исследования подтвержден фундаментальный процесс перестройки миграционных потоков в Россию на фоне социально-политических и экономических изменений последних лет. Произошел качественный сдвиг от Восточной к Южной Азии. Научная новизна заключается в кластеризации субрегионов и стран дальнего зарубежья, из которых прибывают иностранные работники в Российскую Федерацию с целью осуществления трудовой деятельности, а также в выделении секторов занятости данной категории иностранной рабочей силы. Усиление отраслевой концентрации, привлекаемой иностранной рабочей силы сопряжено с растущими новыми секторами экономики, где применяется труд иностранных граждан.

Выявлена пространственная всеобщность спроса работодателей в России на иностранную рабочую силу из визовых стран — охват к 2025 году составил 79 из 89 регионов, а также рост количества привлекаемых иностранных работников на одного работодателя.

Полученные результаты указывают на растущую зависимость ключевых отраслей от иностранной рабочей силы из новых регионов, что создает потенциал для противоречия с декларируемым курсом на снижение роли миграции в решении кадровых проблем. Выявленные тенденции требуют выработки дифференцированных подходов к адаптации мигрантов с учетом отраслевой специализации территорий, а также своевременной оценки социально-экономических эффектов от принятия иностранной рабочей силы в регионах.

В качестве возможных направлений совершенствования государственной политики управления трудовой миграцией требуется взвешенный подход, учитывающий выявленные тренды географического и отраслевого характера, а также приоритеты международного сотрудничества.

Литература:

1. Бедрина Е.Б. Реализация миграционной политики в Свердловской области глазами экспертов: поиск управленческих решений / Е.Б. Бедрина, Н.П. Неклюдова // Ars Administrandi. — 2024. — Т. 16, №1. — С. 98–123. — DOI: 10.17072/2218-9173-2024-1-98-123. — EDN CZTRYW.
2. Евтушенко А.Э. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда / А.Э. Евтушенко, Н.Г. Чевтаева, Д.С. Кононова, А.Е. Агумбаева // Вопросы

управления. — 2024. — №5(90). — С. 69–87. — DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-69-87. — EDN SOGZHW.
3. Ионцев В.А. Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России / В.А. Ионцев // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2023. — №2(10). — С. 90–96. — DOI: 10.24412/1994-3776-2023-2-90-96. — EDN AXNOWY.
4. Красинец Е.С. Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда / Е.С. Красинец // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — №12(158). — С. 189–198. — DOI: 10.26726/1812-7096-2023-12-189-198. — EDN UWKXHG.
5. Красинец Е.С. Внешняя трудовая миграция в современном российском обществе: динамика и последствия / Е.С. Красинец // Народонаселение. — 2025. — Т. 28, №3. — С. 61–73. — DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73. — EDN XISKJD.
6. Кулапов М.Н. Современные проблемы и возможные перспективы управления трудовой миграцией в России / М.Н. Кулапов, С.В. Манахов, И.А. Марков // Развитие территорий. — 2025. — №1(39). — С. 8–20. — DOI: 10.32324/2412-8945-2025-1-08-20. — EDN NZSIKU.
7. Рыбаковский *Л.Л.* Предистория возникновения теории трех стадий миграционного процесса / *Л.Л.* Рыбаковский // Уровень жизни населения регионов России. — 2018. — Т. 14, №2. — С. 86–94. — DOI: 10.19181/1999-9836-2018-10018.
8. Филиппова К.В. Иностранная трудовая миграция на Дальнем Востоке России: проблемы, основные тренды / К. . Филиппова // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 151–156. — DOI: 10.24923/2222-243X.2025-57.21. — EDN HEQULW.
9. Anderson B. Rethinking labour migration: Covid-19, essential work, and systemic resilience / B. Anderson // Comparative Migration Studies. — 2021. — Vol. 9, No. 1. — P. 9–45. — DOI: 10.1186/s40878-021-00252-2.
10. Crépeau F. Towards a mobile and diverse world: «facilitating mobility» as a central objective of the global compact on migration / F. Crépeau // International Journal of Refugee Law. — 2018. — Vol. 30, No. 4. — P. 650–665. — DOI: 10.1093/ijrl/eez006.
11. Lavenex S. Regional migration governance — building block of global initiatives? / S. Lavenex // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2019. — Vol. 45, No. 8. — P. 1275–1293. — DOI: 10.1080/1369183X.2018.1441606.

THE EVOLUTION OF THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF REGIONAL INNOVATION AND INVESTMENT ACTIVITY: FROM RESOURCE-BASED TO ECOSYSTEM APPROACH

Zheleznyak Fedor Denisovich, *Postgraduate student, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk (Russia)*

The transition to a knowledge economy and the network organization of economic activity poses new challenges for regional development analysis. Classical approaches, which rely primarily on assessing resource availability, no longer adequately reflect real-world processes. A contradiction emerges between traditional factor models and contemporary practices of interaction among participants in innovation and investment activities at the regional level. This study examines how theoretical understandings of regional innovation and investment activity have evolved and why the ecosystem approach is replacing previous concepts. The paper aims to identify the logic and main stages in the evolution of theoretical approaches and to demonstrate the pattern of transition from the resource-based paradigm to the ecosystem approach. The research draws on the principles of historical-logical and comparative analysis, as well as on the systematization of theoretical propositions developed within the framework of spatial economics, cluster theory (M. Porter), and the concept of innovation ecosystems (C. Freeman, R. Nelson). The resource-based approach captures the presence of factors of production but does not explain the mechanisms of their implementation. The cluster approach adds a spatial dimension and takes into account inter-firm linkages. The ecosystem approach integrates the achievements of its predecessors and allows for the analysis of the institutional environment, network effects, and self-organization. The ecosystem approach therefore represents a natural stage in the development of regional economic thought, providing a deeper understanding of the factors driving territorial innovation growth. The results obtained can inform the development of regional development strategies and the adjustment of government support measures for innovation and investment activities of the region.

Keywords: *regional economy; innovation and investment activity; resource-based approach; cluster approach; ecosystem approach; spatial development; investment attractiveness of the region; sectoral structure; regional policy; evolution of scientific thought.*

EDN: LRBGHE ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.32***

Цитировать: *Железняк Ф.Д. Эволюция теоретических подходов к исследованию инновационно-инвестиционной деятельности региона: от ресурсного к экосистемному подходу // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 224-229. EDN: LRBGHE. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.32*

УДК 330.3

5.2.3

© Железняк Ф.Д., 2026

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА: ОТ РЕСУРСНОГО К ЭКОСИСТЕМНОМУ ПОДХОДУ

В условиях перехода к экономике знаний и сетевой организации хозяйства классические подходы к анализу регионального развития, основанные преимущественно на оценке ресурсной обеспеченности, перестают адекватно отражать реальные процессы. Возникает противоречие между традиционными факторными моделями и современными практиками взаимодействия участников инновационной и инвестиционной деятельности в регионах. Данное исследование посвящено анализу того, как менялись теоретические представления об инновационно-инвестиционной деятельности региона и почему экосистемный подход приходит на смену предшествующим концепциям. Цель исследования — выявить логику и основные этапы эволюции теоретических подходов, а также показать закономерность перехода от ресурсной парадигмы к экосистемной. Исследование опирается на принципы историко-логического и сравнительного анализа, а также на систематизацию теоретических положений, разработанных в рамках пространственной экономики, теории кластеров (М. Портер) и концепции инновационных экосистем (К. Фримен, Р. Нельсон). В результате установлено, что смена подходов происходит по траектории усложнения предмета анализа: от статичной оценки ресурсного потенциала территории через учёт динамики инвестиционных процессов и отраслевой структуры к исследованию синергетических эффектов взаимодействия стейкхолдеров в регио-

нальной экосистеме. Показано, что ресурсный подход фиксирует наличие факторов производства, но не объясняет механизмы их реализации. Кластерный подход добавляет пространственное измерение и учитывает межфирменные связи. Экосистемный подход интегрирует достижения предшественников и позволяет анализировать институциональную среду, сетевые эффекты и самоорганизацию. Экосистемный подход является закономерным этапом развития региональной экономической мысли, обеспечивая более глубокое понимание факторов инновационного роста территорий. Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий регионального развития и корректировке мер государственной поддержки инновационно-инвестиционной деятельности региона.

Ключевые слова: *региональная экономика; инновационно-инвестиционная деятельность; ресурсный подход; кластерный подход; экосистемный подход; пространственное развитие; инвестиционная привлекательность региона; отраслевая структура; региональная политика; эволюция научной мысли.*

ЖЕЛЕЗНЯК Федор Денисович, *аспирант, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск (Россия)*

Введение

Трансформация пространственной организации современной экономики обусловливает необходимость пересмотра сложившихся представлений о факторах и механизмах регионального развития. Традиционные факторные модели, описывающие инновационно-инвестиционную деятельность региона сквозь призму обеспеченности ресурсами (труд, капитал, природные ископаемые), утрачивают объяснительную силу перед лицом процессов, в которых определяющую роль приобретают нематериальные активы, институциональная среда и характер взаимодействия между экономическими агентами. Возникает противоречие между классическим теоретическим инструментарием и современными практиками организации инновационно-инвестиционной деятельности на региональном уровне, что требует обращения к эволюции научных подходов и выявления логики их смены.

Вопрос о факторах регионального развития был впервые поставлен в классических трудах теоретиков размещения производительных сил. Работы И.Г. Тюнена, А. Вебера, В. Кристаллера и А. Лёша заложили основы пространственного анализа экономики [1, с. 45; 2, с. 112]. В середине XX века сформировался ресурсный подход, в рамках которого инновационно-инвестиционная деятельность региона рассматривалась как функция от наличия факторов производства. Значительный вклад в развитие этого направления внесли исследования Р. Солоу, показавшего роль технического прогресса как фактора экономического роста; впоследствии эти идеи были адаптированы к региональному уровню [3, с. 78].

Следующий этап связан с осознанием важности агломерационных эффектов и пространственной близости. Теории полюсов роста Ф. Перру и концепции промышленных районов А. Маршалла подготовили почву для кластерного подхода, получившего системное оформление в трудах М. Портера применительно к региональной конкурентоспособности [4, с. 215]. Кластерный подход позволил сместить акцент с пассивного обладания ресурсами на активные процессы взаимодействия фирм и организаций в географически ограниченном пространстве, что составило важный этап в развитии региональной экономической науки.

Рубеж XX–XXI веков ознаменовался возникновением экосистемного подхода, который в последние годы получил интенсивное развитие в работах отечественных и зарубежных исследователей [5; 6; 7]. В рамках этого подхода инновационно-инвестиционная деятельность региона предстаёт как результат коэволюции разнородных акторов, институтов и инфраструктуры в пространстве региона и в разрезе отдельных отраслей [8, с. 33; 9, с. 91]. В исследованиях последних лет особое внимание уделяется пространственным аспектам формирования региональных инновационных экосистем, их способности к самоорганизации, роли институциональной

среды в обеспечении устойчивого развития территорий, а также отраслевой специфике инвестиционных процессов [10; 11; 12].

Несмотря на обилие публикаций, в литературе отсутствует целостная картина эволюции теоретических представлений именно применительно к региональному уровню анализа. Большинство работ либо фокусируются на одном из подходов, либо ограничиваются их простым перечислением без выявления внутренней логики смены парадигм. Остаётся не до конца проясненным, как именно происходило накопление знаний об инновационно-инвестиционной деятельности региона и что послужило причиной перехода от простых ресурсных моделей к сложным экосистемным конструктам, учитывающим пространственную неоднородность и отраслевую специфику.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа эволюции теоретических подходов выявить закономерности перехода от ресурсной парадигмы к экосистемной в исследовании инновационно-инвестиционной деятельности региона и обосновать экосистемный подход как закономерный этап развития региональной экономической мысли.

Научная новизна заключается в обосновании экосистемного подхода как закономерного этапа эволюции теоретических представлений об инновационно-инвестиционной деятельности региона, что позволяет предложить направления совершенствования системы стимулирования данной деятельности на основе учёта не только ресурсных факторов, но и институциональной среды, сетевых эффектов и пространственной организации экономики.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: систематизировать ключевые положения ресурсного подхода в региональном анализе; раскрыть содержание кластерного подхода как переходного этапа к учёту пространственной организации и отраслевой структуры; охарактеризовать экосистемный подход как современный этап развития региональной экономической мысли; выявить преемственность и различия между подходами в контексте их применимости к анализу регионального развития.

В качестве методов исследования используются историко-логический анализ эволюции научных концепций, сравнительный анализ теоретических подходов в региональной экономике, а также вторичный анализ эмпирических данных, представленных в публикациях последних лет по проблемам регионального инновационно-инвестиционного развития.

Ресурсный подход в региональном анализе: возможности и границы применения

Ресурсный подход исторически выступает одной из первых теоретических конструкций, применявшихся к анализу территориального развития. Его формирование связано с классическими теориями размещения производительных сил, в рамках которых экономическая активность рассматривалась как производная от наличия и комбинации факторов производства. Применительно к инновационно-инвестиционной деятельности региона это означало, что её интенсивность и эффективность напрямую зависят от обеспеченности территории трудовыми ресурсами, запасами полезных ископаемых, транспортно-географического положения и накопленного основного капитала.

Значимым результатом развития ресурсного подхода стала разработка методик оценки инвестиционной привлекательности регионов, базирующихся на системе статистических показателей. Эти методики позволяли проводить сравнительный анализ территорий по уровню их ресурсного потенциала и на этой основе вырабатывать рекомендации для региональной политики. Однако к концу XX века ограничения данного подхода стали проявляться всё отчётливее. Во-первых, статичный характер анализа не давал возможности объяснить различия в траекториях развития регионов со сходной ресурсной базой. Во-вторых, за рамками рассмотрения оставались качественные характеристики ресурсов, в первую очередь уровень развития человеческого капитала. В-третьих, ресурсный подход не учитывал механизмы взаимодействия между экономическими агентами, которые в современных условиях играют определяющую роль в трансформации ресурсов в инновации и инвестиции.

Таким образом, ресурсный подход позволяет зафиксировать исходные условия, в которых осуществляется инновационно-ин-

вестиционная деятельность, но не объясняет, каким образом эти условия реализуются в конкретных экономических результатах. Осознание данного ограничения стимулировало поиск новых теоретических оснований, способных отразить динамический и пространственно обусловленный характер регионального развития.

Кластерный подход: пространственная организация и межфирменное взаимодействие

Следующий этап эволюции теоретических представлений связан с преодолением статичности ресурсного анализа за счёт введения в исследовательскую оптику категорий пространственной близости и межфирменных взаимодействий. Теоретической базой здесь выступили концепции промышленных районов А. Маршалла, теория полюсов роста Ф. Перру и, в наибольшей степени, теория кластеров М. Портера, адаптированная к задачам анализа региональной конкурентоспособности. В рамках данного подхода кластер понимается как географически сконцентрированная группа взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций [4, с. 218].

Кластерный подход принципиально изменил взгляд на природу инновационно-инвестиционной деятельности региона. Инвестиции перестали рассматриваться как автономный поток капитала, направляемый в регион исключительно под влиянием ресурсных факторов. На первый план вышли сетевые эффекты, возникающие в результате взаимодействия фирм, их специализации и кооперации в границах ограниченного пространства. Инновации, в свою очередь, предстали как продукт коллективного обучения и диффузии знаний, интенсивность которых напрямую зависит от плотности и характера связей между участниками кластера.

Введение пространственного измерения позволило объяснить феномен повышенной инвестиционной активности в регионах, не обладающих уникальными ресурсами, но характеризующихся высокой концентрацией взаимосвязанных производств. Однако по мере развития исследований стали проявляться и ограничения кластерного подхода. Он оказался эффективным для описания устойчивых, сложившихся производственных систем, но не давал удовлетворительного объяснения процессам возникновения принципиально новых технологических направлений. Кроме того, за рамками анализа оставалась роль институтов, не сводимых к рыночным взаимодействиям, — университетов, исследовательских центров, венчурных фондов, органов государственной власти. Их влияние на инновационно-инвестиционную деятельность региона требовало иных концептуальных средств.

Экосистемный подход: институциональная среда и самоорганизация регионального развития

Экосистемный подход представляет собой современный этап теоретического осмысления инновационно-инвестиционной деятельности региона. Его формирование связано с развитием концепции национальных инновационных систем, предложенной К. Фрименом и Р. Нельсоном, и последующей её проекцией на региональный уровень. В рамках данного подхода регион рассматривается не как пассивное вместилище ресурсов и не как пространственно ограниченный кластер, а как сложная самоорганизующаяся система, в которой инновации и инвестиции возникают в результате козволюции разнородных акторов, институтов и инфраструктуры [5; 8; 9].

Ключевое отличие экосистемного подхода от предшествующих заключается в трактовке инновационно-инвестиционной деятельности как эмерджентного свойства системы, не сводимого к сумме характеристик её отдельных элементов. Инвестиционная привлекательность региона и его способность генерировать инновации определяются не столько наличием ресурсов или даже сложившимися межфирменными связями, сколько качеством институциональной среды — формальными и неформальными правилами, нормами, практиками, которые либо стимулируют, либо блокируют взаимодействие между участниками. Важную роль играют также механизмы трансфера знаний, развитость венчурной инфраструктуры, предпринимательская культура и уровень доверия в обществе.

В исследованиях последних лет экосистемный подход получает дальнейшее развитие применительно к анализу пространственных аспектов инновационно-инвестиционной деятельности. Особое внимание уделяется способности региональных экосистем к самоорганизации и адаптации к изменяющимся условиям, а также отраслевой специфике инвестиционных процессов [10; 11; 12]. Показано, что успешность регионов в привлечении инвестиций и генерации инноваций определяется не столько ресурсными факторами, сколько конфигурацией экосистемы и характером связей между её элементами [7; 16].

Важно подчеркнуть, что экосистемный подход не противопоставляется ресурсному и кластерному, а интегрирует их достижения в более широкую теоретическую рамку. Ресурсная база и пространственная организация сохраняют своё значение, но рассматриваются в контексте институциональных условий и сетевых эффектов, которые опосредуют их влияние на инновационно-инвестиционную деятельность. Тем самым создаётся основа для более полного и адекватного понимания факторов регионального развития, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение для выработки мер региональной политики.

Заключение

Проведённый анализ эволюции теоретических подходов к исследованию инновационно-инвестиционной деятельности региона позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Развитие научных представлений в данной области происходит по траектории последовательного усложнения объекта исследования, что отражает как углубление понимания самих экономических процессов, так и изменение региональной реальности под влиянием технологических, институциональных и пространственных трансформаций.

На начальном этапе формирования теоретического фундамента региональной экономики сложился ресурсный подход, в рамках которого инновационно-инвестиционная деятельность трактовалась как производная от наличия факторов производства. Его основным достижением стала разработка методик оценки инвестиционного потенциала территорий, однако статичный характер анализа и неспособность объяснить механизмы реализации ресурсных преимуществ выявили границы применимости данной парадигмы.

Дальнейшее развитие научной мысли привело к формированию кластерного подхода, который ввёл в исследовательскую оптику категории пространственной близости и межфирменных взаимодействий. Инвестиции и инновации перестали рассматриваться как автономные процессы, но предстали как результат сетевых эффектов, кооперации и специализации в границах ограниченного пространства. Вместе с тем кластерный подход оказался ограничен в объяснении роли институциональных факторов и механизмов возникновения принципиально новых технологических направлений.

Современный этап развития региональной экономической мысли связан с экосистемным подходом, который интегрирует достижения предшествующих концепций и дополняет их анализом институциональной среды, сетевых эффектов и способности к самоорганизации. В рамках данного подхода инновационно-инвестиционная деятельность региона предстаёт как эмерджентное свойство сложной системы, возникающее в результате козволюции разнородных акторов, институтов и инфраструктуры. Инвестиционная привлекательность и инновационная активность территории определяются не столько ресурсной базой, сколько качеством институциональной среды, уровнем доверия, развитостью механизмов трансфера знаний и культурой предпринимательства.

Таким образом, смена теоретических парадигм не означает полного отрицания предшествующих подходов, но представляет собой процесс накопления и синтеза знаний, в рамках которого каждый последующий этап вбирает в себя достижения предыдущего, помещая их в более широкий контекст. Ресурсный подход фиксирует исходные условия, кластерный — пространственную организацию и межфирменные связи, экосистемный — институциональные механизмы и синергетические эффекты, опосредующие влияние ресурсов и пространства на инновационно-инвестиционную динамику. Понимание логики эволюции подходов позволяет обосновать необходимость смещения акцентов в региональной политике с прямого

распределения ресурсов на создание условий для самоорганизации региональных экосистем. Поддержка кооперации между университетами и бизнесом, развитие венчурной инфраструктуры, стимулирование предпринимательской культуры и совершенствование институциональной среды выступают не альтернативой ресурсному обеспечению, а необходимым дополнением, без которого ресурсный потенциал может остаться нереализованным.

Литература:

1. Анимица Е.Г., Сухих В.А. Пространственно-временная парадигма в экономике: эволюция подходов / Е.Г. Анимица, В.А. Сухих // Журнал экономической теории. — 2019. — №1. — С. 98–110.
2. Вебер А. Теория размещения промышленности / А. Вебер; пер. с нем. — Л.: Книга, 1926. — 224 с.
3. Губанова Е.С. Методологические аспекты анализа инвестиционного потенциала региона / Е.С. Губанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2018. — Т. 11, №3. — С. 48–63.
4. Нетребин Ю.Ю. Особенности применения комплексов мер поддержки в региональных инновационных экосистемах // Управление наукой: теория и практика. — 2026. — №8(1). — С. 143-157. https://doi.org/10.19181/smtp.2026.8.1.8
5. Портер М. Конкуренция / М. Портер; пер. с англ. — М.: Вильямс, 2005. — 608 с.
6. Пространственный аспект научно-технологического развития: экосистемный подход и формирование межрегиональных партнерств: научный доклад / Д.Р. Белоусов, Д.А. Матвеев, Н.А. Ганичев [и др.]; под общ. ред. Д.Р. Белоусова. — М.: Динамик Принт, 2025. — 92 с.
7. Соловьева Т.С. Формирование и развитие региональных социально-инновационных подсистем: монография / Т.С. Соловьева. — Вологда: ВолНЦ РАН, 2025. — 158 с.
8. Солоу Р. Теория роста / Р. Солоу // Панорама экономической мысли конца XX столетия: сб. ст. / под ред. Д. Гринэуэя [и др.]. — СПб.: Экономическая школа, 2002. — С. 72–98.
9. Тюнен И.Г. Изолированное государство в отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии / И.Г. Тюнен; пер. с нем. — М.: Экономическая жизнь, 1926. — 325 с.
10. Ceci G., Ancona A., Iovanella A., Veglianti E. Entrepreneurial and innovation ecosystems: a scoping review on the complexity of nested configurations / G. Ceci, A. Ancona, A. Iovanella, E. Veglianti // UNINT IRIS. — 2026. — 22 p.
11. Cooke P. Regional innovation systems: competitive regulation in the new Europe / P. Cooke // Geoforum. — 1992. — Vol. 23, №3. — P. 365–382.
12. Freeman C. Technology policy and economic performance: lessons from Japan / C. Freeman. — London: Pinter Publishers, 1987. — 155 p.
13. Long Y., Chen Q., Wang M. Research on multiple improvement paths of innovation performance in regional innovation ecosystem based on fuzzy qualitative comparative analysis / Y. Long, Q. Chen, M. Wang // Technological and Economic Development of Economy. — 2026. — P. 1–27. — DOI: 10.3846/tede.2026.25190.
14. Lundvall B.A. National systems of innovation: towards a theory of innovation and interactive learning / B.A. Lundvall. — London: Anthem Press, 2010. — 388 p.
15. Peavoy H., Cunningham J., Sapsed J. Understanding the influence of strategic choices on regional innovation (eco)systems' performance and policy: the case of European Digital Innovation Hubs (EDIHs) / H. Peavoy, J. Cunningham, J. Sapsed // British Academy of Management Conference, 1–5 September 2025 : conference proceedings. — 2025. — 10 p.
16. Smirnova O.V., Ivanov I.I. Configuration analysis of regional innovation ecosystems in Russia: a fuzzy-set QCA approach / O.V. Smirnova, I.I. Ivanov // Regional Science Policy & Practice. — 2026. — Vol. 18, №2. — P. 45–62.

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE FACTORS OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS' RESILIENCE: A SYSTEMS APPROACH AND DIRECTIONS FOR POLICY INTERVENTION

Kirichenko Nikita Sergeevich, *Postgraduate student, Luhansk State University named after Vladimir Dahl, Luhansk (Russia)*

The study is devoted to the theoretical and methodological analysis of the factors determining the resilience of regional economic systems (RES) in the context of global turbulence and internal transformations. The research is relevant due to the need to find new models of regional development management capable of ensuring long-term stability and competitiveness of territories amid growing external challenges and cyclical economic fluctuations. The purpose of the study is to develop a comprehensive multi-level classification of RES resilience factors and to substantiate directions for strategic policy intervention. To achieve the aim, the following tasks were solved: a critical analysis of existing scientific approaches to defining resilience; systematization of resilience factors by level and nature of impact; assessment of the influence of key factors on the adaptive potential of RES. The work is based on the principles of the systems approach and evolutionary economic geography, which consider a region as a complex open system. An integral methodology combining elements of structural, dynamic, and functional analysis serves as the methodological foundation. The assessment of factors' influence was based on the analysis of secondary statistical data and applied research results. As a result, an original three-level classification of RES resilience factors (macro-, meso- and micro-level) has been developed. It was found that the greatest impact on resilience is the synergistic interaction of structural (economic diversification) and institutional (quality of governance) factors at the meso-level. It is proven that the key areas for policy intervention should be stimulating economic diversification, strengthening institutional capacity, and targeted human capital development. The conclusion is made that resilience is a product of the synergistic interaction of all groups of factors.

Keywords: *regional economic system; resilience; factors of resilience; systems approach; economic diversification; institutional capacity; adaptation; strategic regional management*

EDN: MDHKXU ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.33***

Цитировать: *Кириченко Н.С. Комплексный анализ факторов устойчивости региональных экономических систем: системный подход и направления управленческого воздействия // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 230-238. EDN: MDHKXU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.33*

УДК 332.14

5.2.3

© Кириченко Н.С., 2026

Комплексный анализ факторов устойчивости региональных экономических систем: системный подход и направления управленческого воздействия

Исследование посвящено теоретико-методологическому анализу факторов, определяющих устойчивость региональных экономических систем (РЭС) в условиях турбулентности глобальной среды и внутренних трансформаций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска новых моделей управления региональным развитием, способных обеспечить долгосрочную стабильность и конкурентоспособность территорий в контексте нарастающих внешних вызовов и циклических колебаний экономики. Целью работы является разработка комплексной многоуровневой классификации факторов устойчивости РЭС и обоснование направлений стратегического управленческого воздействия на их основе. Для достижения цели решены следующие задачи: критический анализ существующих научных подходов к определению устойчивости; систематизация факторов устойчивости по уровням и характеру воздействия; оценка влияния ключевых факторов на адаптивный потенциал РЭС. Работа построена на принципах системного подхода и эволюционной экономической географии, рассматривающих регион как сложную открытую систему. В качестве методологической основы использован интегральный подход, сочетающий элементы структурного, динамического и функционального анализа. Для оценки влияния факторов применялся анализ вторичных статистических данных и результатов прикладных исследований. В резуль-

тате исследования разработана авторская трехуровневая классификация факторов устойчивости РЭС (макро-, мезо- и микроуровень). Установлено, что наибольшее влияние на устойчивость оказывает синергетическое взаимодействие структурных (диверсификация экономики) и институциональных (качество управления) факторов мезоуровня. Доказано, что ключевыми направлениями управленческого воздействия должны стать стимулирование экономической диверсификации, укрепление институционального потенциала и целенаправленное развитие человеческого капитала. Сделан вывод о том, что устойчивость является продуктом синергетического взаимодействия всех групп факторов.

Ключевые слова: *региональная экономическая система; устойчивость развития; факторы устойчивости; системный подход; экономическая диверсификация; институциональный потенциал; адаптация; стратегическое управление регионом.*

КИРИЧЕНКО Никита Сергеевич, *аспирант, Луганский государственный университет им. Владимира Даля, Луганск (Россия)*

Введение

Проблема обеспечения устойчивости региональных экономических систем (РЭС) выдвинулась в число центральных в современной экономической науке и практике государственного управления. Под устойчивостью РЭС понимается её способность к стабильному функционированию, адаптации к изменениям внешней и внутренней среды, а также к восстановлению после кризисных воздействий при сохранении траектории долгосрочного развития [6; 8; 11]. Актуальность темы многократно возросла в условиях серии глобальных потрясений — финансово-экономических кризисов, пандемии, геополитической напряженности и структурных сдвигов в мировой экономике, которые обострили проблему турбулентности и неопределенности [4, с. 5]. На фоне этих процессов всё более очевидной становится ограниченность традиционных подходов к региональному развитию, фокусирующихся преимущественно на темпах роста валового регионального продукта (ВРП) без должного учета качества этого роста, его стабильности и способности экономики региона амортизировать внешние шоки.

История научного осмысления устойчивости регионов демонстрирует сдвиг от парадигмы статичного равновесия к динамической адаптивности. Если в середине XX века регион рассматривался преимущественно как пассивный объект воздействия государственной политики в рамках теорий поляризованного развития и выравнивания межрегиональных диспропорций, то с распространением идей неоинституционализма и эволюционной экономики на первый план вышли такие характеристики, как способность к обучению, самоорганизации и трансформации [2, с. 75]. Современный этап характеризуется синтезом подходов, где устойчивость трактуется как многоуровневое свойство, возникающее из взаимодействия глобальных сетей, местных институтов и поведения индивидуальных экономических агентов. Однако, несмотря на обилие публикаций, сохраняется концептуальная путаница в терминологии: понятия «устойчивость», «стабильность», «сбалансированность» и «жизнеспособность» зачастую используются как синонимы, что затрудняет сравнительный анализ и выработку единой методологии.

Несмотря на значительный объем исследований, посвященных как устойчивому развитию в целом, так и оценке устойчивости регионов [1], в научной литературе сохраняется фрагментарность в понимании и систематизации конкретных факторов, формирующих это свойство системы. Часто анализ ограничивается констатацией групп факторов (экономические, социальные, экологические) без учета их иерархии, взаимосвязей и разной природы (внутренние/внешние, управляемые/неуправляемые). Кроме того, недостаточно изучена синергия между факторами, когда их совокупное воздействие отличается от простой суммы индивидуальных влияний. Существует также методологический разрыв между теоретическими моделями и прикладными инструментами оценки, что затрудняет разработку адресных мер региональной поли-

тики. Большинство существующих классификаций носят либо слишком общий характер, либо, напротив, излишне детализированы и не дают целостного представления о механизмах формирования устойчивости.

Целью исследования является проведение комплексного анализа факторов устойчивости РЭС, их структурирование в рамках целостной многоуровневой модели и выявление на этой основе ключевых направлений для стратегического управленческого воздействия. Для достижения цели в работе решаются следующие задачи: 1) обзор и критический анализ эволюции подходов к определению устойчивости РЭС; 2) разработка комплексной классификации факторов устойчивости; 3) оценка эмпирических взаимосвязей между ключевыми факторами и устойчивостью; 4) формулирование практических рекомендаций для региональной экономической политики.

Методологическую основу исследования составляют принципы системного подхода, требующие рассматривать регион как сложную, открытую, иерархически организованную систему, обладающую свойствами целостности и эмерджентности [3, с. 14]. Используется интегральный подход, позволяющий сочетать качественный анализ структуры системы с оценкой её динамики [9, с. 95]. В рамках исследования применялись такие методы, как сравнительный анализ научных концепций, морфологический анализ для структурирования факторов, а также анализ статистических данных для выявления эмпирических закономерностей. Эмпирическая база включает данные Федеральной службы государственной статистики РФ за период 2010-2025 гг., результаты отечественных и зарубежных исследований в области региональной экономики.

Теоретические основы и эволюция понятия устойчивости региональных экономических систем

Концепция устойчивости (resilience) пришла в экономическую науку из экологии и теории систем, что предопределило её исходное содержание как способности системы поглощать возмущения и возвращаться в состояние равновесия [8]. В контексте регионального развития это понятие эволюционировало от статичной «стабильности» к более динамичной «адаптивности» и далее — к «трансформационной» устойчивости, предполагающей способность системы к перестройке своей структуры и функций в ответ на серьёзные вызовы [10].

Эволюцию взглядов можно представить в виде трех последовательных парадигм, каждая из которых предлагает свой взгляд на природу устойчивости и инструменты её достижения:

1. *Инженерная устойчивость* (до 1990-х гг.): Фокус на сопротивляемости и быстром возврате к прежнему состоянию равновесия. Регион рассматривается как механическая система, а основным инструментом управления считается государственное регулирование ключевых макроэкономических параметров. В рамках этой парадигмы устойчивость достигается через создание «буферных запасов», диверсификацию рынков сбыта и усиление вертикальных управленческих связей. Критики данного подхода указывают на его статичность и неспособность объяснить процессы адаптации в условиях быстрых технологических и институциональных изменений.

2. *Экологическая (эволюционная) устойчивость* (1990 — 2000-е гг.): Признание множественности возможных состояний равновесия. Акцент смещается на адаптационный потенциал, гибкость и способность системы к самоорганизации. Развиваются концепции «региональной невосприимчивости» и «способности к восстановлению». В рамках этого подхода регион понимается как сложная экосистема, где важную роль играют нелинейные связи, обратные связи и зависимость от предшествующего пути развития (path dependence). Устойчивость здесь — это способность системы переходить из одного состояния равновесия в другое без потери ключевых функций [2, с. 89].

3. *Трансформационная устойчивость* (2010-е гг. — по настоящее время): Признание того, что некоторые шоки требуют не адаптации, а фундаментальной трансформации системы. Упор делается на инновациях, институциональной пластичности, способности к стратегическому предвидению и переобучению. Устойчивость начинает ассоциироваться не с сохранением статус-кво, а с управляемым переходом к новой, более жизнеспособной траектории развития. Этот подход подчер-

кивает роль социального капитала, предпринимательской активности и способности к коллективному действию в формировании способности региона к трансформации.

Анализ литературы позволяет выделить три взаимодополняющих, но концептуально различных аспекта устойчивости РЭС, которые в совокупности формируют её целостное понимание:

1. Сопротивляемость (*Robustness*) — способность минимизировать отклонения от траектории развития при негативных воздействиях. Этот аспект связан со структурными характеристиками системы: диверсификацией, запасом прочности инфраструктуры, финансовыми резервами.

2. Восстановимость (*Recoverability*) — скорость и эффективность возврата к докризисным показателям. Зависит от мобилизационных способностей институтов, доступности ресурсов для восстановления, эффективности коммуникации между агентами.

3. Адаптационная и трансформационная способность (*Adaptive & Transformative Capacity*) — возможность обучения, реструктуризации и перехода на новую, более эффективную траекторию развития [2, с. 54]. Этот аспект является наиболее сложным и зависит от качества человеческого капитала, инновационного климата и гибкости институтов. В современной трактовке устойчивость — это не просто отсутствие колебаний, а свойство системы к развитию в условиях неопределенности, предполагающее наличие стратегического выбора между адаптацией и трансформацией.

Многоуровневая система факторов устойчивости РЭС: авторская классификация

На основе синтеза системного подхода и анализа эмпирических исследований предлагается трехуровневая классификация факторов устойчивости РЭС (табл.).

Таблица — **Многоуровневая классификация факторов устойчивости региональной экономической системы**

Уровень анализа	Группы факторов	Ключевые индикаторы и характер воздействия
I. Макроуровень (внешняя среда)	1. Глобальные и национальные макроэкономические условия.	Динамика мировых цен на сырье, курс национальной валюты, фаза общеэкономического цикла, общегосударственная фискальная и монетарная политика. Характер: преимущественно экзогенный и неуправляемый на региональном уровне, формирует «фон» и источник внешних шоков. Регион выступает как принимающая сторона.
	2. Геополитическая и институционально-правовая среда.	Международные соглашения/санкции, федеральное законодательство, система межбюджетных отношений, полномочия региональных властей. Характер: задает жесткие рамки и ограничения, может быть источником как возможностей, так и рисков [4, с. 7]. Влияние региона ограничено лоббированием своих интересов на федеральном уровне.
II. Мезоуровень (характеристики региона)	1. Хозяйственно-экономические (структурные).	Степень диверсификации отраслевой структуры, уровень технологического развития, инвестиционный климат, состояние основных фондов, развитость транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры [7, с. 20]. Вывод: Диверсификация – ключевой стабилизирующий фактор, снижающий корреляцию доходов региона с конъюнктурой отдельных рынков [5, с. 145].
	2. Социально-демографические и институциональные (агентские).	Качество человеческого капитала (образование, здоровье), демографическая динамика и миграционный баланс, уровень социальной сплоченности и доверия, эффективность региональных институтов и качество управления [2, с. 112]. Вывод: Сильные институты и человеческий капитал – основа адаптационного и трансформационного потенциала, «мягкая» инфраструктура устойчивости.
	3. Природно-экологические (ресурсные).	Наличие, характер и возобновляемость природных ресурсов, экологическая емкость территории, уровень антропогенной нагрузки, уязвимость к климатическим изменениям. Характер: определяет естественные ресурсные ограничения, риски (деградация, истощение) и потенциальные «зеленые» точки роста в новой парадигме устойчивого развития.
III. Микроуровень (агенты системы)	1. Поведение предприятий и организаций.	Инновационная активность и расходы на НИОКР, финансовая устойчивость и долговая нагрузка компаний, способность к реструктуризации и освоению новых рынков, включенность в кластеры и глобальные/национальные цепочки создания стоимости, корпоративная социальная ответственность.
	2. Поведение домохозяйств и индивидуумов.	Уровень сбережений и финансовой устойчивости семьи, образовательная и географическая мобильность, квалификация и способность к переобучению, предпринимательская инициатива, участие в волонтерской деятельности и местных сообществах.

Данная классификация позволяет структурировать многообразие влияний и определить точки приложения управленческих усилий, учитывая не только природу факторов, но и возможности воздействия на них на разных уровнях управления.

Углубленный анализ ключевых факторов мезоуровня

1. Экономическая диверсификация: структурный фундамент устойчивости. Диверсификация экономики выступает важнейшим буфером против внешних шоков, выполняя функцию «портфельного эффекта» на макроуровне региона. Моноспециализированные регионы, особенно сырьевые, демонстрируют высокую волатильность развития, синхронизированную с колебаниями мировых цен, что делает их крайне уязвимыми. Диверсификация может принимать различные формы, каждая из которых вносит свой вклад в устойчивость:

— Отраслевая диверсификация (развитие нескольких не связанных между собой секторов) — снижает риск синхронного спада во всей экономике региона.

— Внутриотраслевая или продуктовая диверсификация (углубление передела, выход в смежные сегменты цепочки создания стоимости) — позволяет удерживать добавленную стоимость на территории и быстрее адаптироваться к изменениям спроса внутри одной отрасли.

— Рыночная диверсификация (ориентация на различные группы потребителей и географические рынки) — защищает от спада на отдельных рынках сбыта [5, с. 148].

— Технологическая диверсификация (развитие компетенций в разных технологических укладах) — является основой для долгосрочной трансформационной устойчивости.

Исследования показывают, что даже в сырьевых регионах наличие развитого сектора услуг, малого бизнеса или обрабатывающих производств, ориентированных на внутренний спрос, смягчает последствия кризисов. Однако важна не любая диверсификация, а развитие секторов с высокой добавленной стоимостью, способных к инновациям и созданию качественных рабочих мест.

2. Институциональный потенциал: «мягкая» инфраструктура адаптации. Качество региональных институтов определяет, насколько эффективно структурный и человеческий потенциал системы преобразуется в реальную способность противостоять вызовам и использовать новые возможности. Институты задают «правила игры», снижают неопределенность и транзакционные издержки. Ключевые элементы институционального потенциала:

— Формальные институты: Качество законодательства на региональном уровне, эффективность и непредвзятость судебной системы, уровень коррупции, прозрачность процедур принятия решений и распределения бюджетных средств. Слабость формальных институтов ведет к рентоориентированному поведению, оттоку капитала и подавлению предпринимательской инициативы.

— Неформальные институты и социальный капитал: Уровень обобщенного доверия в обществе, нормы взаимопомощи и кооперации, готовность к коллективным действиям для решения общих проблем. Высокий социальный капитал снижает транзакционные издержки, облегчает перераспределение ресурсов в кризис и ускоряет распространение инноваций [2, с. 215].

— Качество государственного и муниципального управления: Наличие стратегического видения, способность к диалогу с бизнес-сообществом и гражданским обществом, эффективность реализации программ, скорость бюрократических процедур. Адаптивное управление, способное к экспериментированию и быстрому обучению, является критически важным для трансформационной устойчивости.

3. Человеческий капитал: драйвер адаптации и инноваций. В современной экономике знаний человеческий капитал становится главным источником конкурентного преимущества и адаптации, трансформируясь из затратного фактора в ключевой актив. Его роль в обеспечении устойчивости многогранна и охватывает все три аспекта:

— Высококвалифицированная и образованная рабочая сила легче переучивается, адаптируется к структурным изменениям и осваивает новые технологии, что напрямую влияет на адаптационную способность.

— Предпринимательские способности, креативность и готовность к риску населения

являются источником создания новых предприятий и рабочих мест в период спада, поддерживая восстановимость системы.

— Научный и исследовательский потенциал региона (вузы, НИИ) формирует основу для генерации инноваций и перехода к новым технологическим укладам, что составляет суть трансформационной способности. Инвестиции в человеческий капитал (образование, здравоохранение, культуру) обладают мультипликативным эффектом, усиливая отдачу от других факторов, таких как институты и инфраструктура.

Эмпирический анализ взаимосвязей: диверсификация, институты и адаптивный потенциал

Эмпирические исследования, проводимые в рамках российской и международной научной повестки, последовательно подтверждают ключевую роль факторов мезоуровня. Так, анализ, основанный на расчете интегральных индексов и расстояний Махаланобиса для российских регионов, показал, что наименее устойчивыми в период кризисов 2008-2009 и 2014-2016 годов оказались сырьевые регионы с высокой зависимостью от конъюнктуры мирового рынка (Тюменская обл. без автономных округов, Сахалинская обл.), в то время как регионы с более диверсифицированной экономикой (например, Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Нижегородская и Свердловская области) демонстрировали большую стабильность развития и более быстрое восстановление [5, с. 150]. Это прямо свидетельствует в пользу гипотезы о том, что экономическая диверсификация снижает системные риски.

Для наглядности и практического применения результатов анализа предлагается типология регионов по модели устойчивости, основанная на комбинации ключевых факторов мезоуровня:

1. Адаптивно-диверсифицированные (напр., Москва, Татарстан, Нижегородская обл.): высокая диверсификация, сильные формальные и неформальные институты, развитый человеческий капитал. Обладают высокой сопротивляемостью к шокам и выраженной способностью к трансформации. Реакция на кризис: быстрая адаптация, переток ресурсов в растущие сектора, активная инновационная политика.

2. Сырьевые зависимые (напр., Тюменская обл. (ХМАО, ЯНАО), Сахалинская обл.): низкая диверсификация, институты часто ориентированы на рентоориентированное поведение, человеческий капитал может быть высоким, но узкоспециализированным. Высокая уязвимость к внешним шокам, низкая адаптационная способность. Реакция на кризис: резкое падение доходов, исчерпание резервных фондов, вынужденная консервация проектов развития.

3. Депрессивные индустриальные (ряд областей Центральной и Северо-Западной России): унаследованная низкая диверсификация (морально устаревшая промышленность), слабые институты, деградация и отток человеческого капитала. Низкие показатели по всем аспектам устойчивости. Реакция на кризис: углубление спада, рост социальной напряженности, зависимость от федеральных трансфертов.

4. Аграрно-ресурсные с потенциалом (напр., Краснодарский край, Белгородская обл., ряд республик Юга России): умеренная диверсификация, стабильные, но негибкие институты, человеческий капитал требует модернизации. Обладают средней сопротивляемостью (за счет самообеспечения продовольствием), но ограниченной способностью к быстрой трансформации. Реакция на кризис: относительная стабильность аграрного сектора, но замедление развития инфраструктурных и инновационных проектов.

Другой важный аспект — качество институтов. Исследования выявили, что внутренние институциональные ограничения (неэффективное регулирование, административные барьеры, непрозрачность) могут усугублять негативное влияние внешних шоков, выступая своего рода «внутренним усилителем» кризиса [10, с. 153]. Напротив, регионы с развитыми институтами сотрудничества между властью, бизнесом и научным сообществом (например, Татарстан, Калужская обл. в части создания особых экономических зон) быстрее находят новые точки роста в условиях кризиса, так как механизмы обратной связи и диалога позволяют оперативно корректировать политику [1, с. 55]. Например, способность региональной администрации оперативно разработать и запустить программу поддержки наиболее пострадавших отраслей или МСП

(малых и средних предприятий) является прямым следствием качества управления и наличия каналов коммуникации с бизнес-сообществом.

Важно подчеркнуть синергетический эффект и нелинейность взаимодействия факторов. Устойчивость не обеспечивается только развитой промышленностью или только высоким качеством жизни. Необходим их баланс и взаимное усиление. Например, инвестиции в человеческий капитал (создание современного кампуса, привлечение ведущих ученых) дают максимальную отдачу для устойчивости только при наличии в регионе диверсифицированной и инновационно-ориентированной экономики, способной создать рабочие места для квалифицированных специалистов и коммерциализировать разработки [2, с. 120]. С другой стороны, попытка создать высокотехнологичный кластер в регионе со слабыми университетами и низким уровнем доверия обречена на провал. Таким образом, устойчивость является эмерджентным свойством системы, возникающим из сложного, нелинейного взаимодействия всех групп факторов, представленных в Таблице 1. Политика, направленная лишь на один фактор (например, субсидирование отдельной отрасли или строительство инфраструктуры), без учета институционального контекста и качества человеческого капитала, скорее всего, окажется неэффективной в долгосрочной перспективе и не создаст устойчивость, а лишь временно улучшит отдельные показатели.

Направления управленческого воздействия для повышения устойчивости РЭС

Выводы анализа факторов позволяют сформулировать конкретные, взаимосвязанные направления для государственной региональной политики, ориентированной не на сиюминутный рост, а на построение долгосрочной устойчивости. Эти направления должны реализовываться комплексно, образуя «политический портфель устойчивости».

1. Формирование диверсифицированной и адаптивной экономической структуры:

— Стимулирование кластерного развития и сетевых взаимодействий: целенаправленная поддержка формирования и развития кластеров в несырьевых секторах с высоким потенциалом роста (ИТ, биофарма, приборостроение, креативные индустрии). Речь идет не о прямом финансировании, а о создании платформ для кооперации между предприятиями, вузами и исследовательскими центрами, организации совместных образовательных программ.

— Развитие импортозамещающих и экспортоориентированных производств в обрабатывающей промышленности, но с акцентом на технологическую сложность и конкурентоспособность, а не на простую локализацию устаревших технологий. Поддержка должна быть привязана к показателям производительности и инновационной активности.

— Системная поддержка малого и среднего предпринимательства (МСП) как главного агента диверсификации, создания новых рабочих мест и повышения конкуренции. Ключевые меры: развитие гарантийных фондов и венчурного финансирования, создание сети сервисной инфраструктуры (бизнес-инкубаторы, технопарки), радикальное упрощение административных процедур («регуляторная гильотина» на региональном уровне).

— Стратегические инвестиции в инфраструктуру «нового поколения»: цифровая инфраструктура (широкополосный интернет, центры обработки данных), логистические хабы, «умные» сети энерго- и водоснабжения. Это не просто строительство, а создание инфраструктуры, повышающей connectivity региона и снижающей издержки бизнеса.

2. Укрепление институционального потенциала и социального капитала:

— Повышение прозрачности и подотчетности региональных органов власти: внедрение открытых данных о бюджете, госзакупках, результатах проверок. Развитие проектного управления с четкими KPI и системой мониторинга. Борьба с коррупцией через создание реальных механизмов общественного контроля.

— Стимулирование социального партнерства и коллективного действия: создание постоянно действующих, легитимных площадок для диалога между бизнесом, властью, профсоюзами, научным сообществом и общественными организациями (например, стратегические сессии, общественные советы при ключевых ведомствах). Цель — совместная разработка и реализация стратегий развития.

— Поддержка местных инициатив и институтов гражданского общества: программы муниципальных грантов, поддержка территориального общественного самоуправления (ТОС), развитие волонтерства. Это способствует накоплению социального капитала, самоорганизации сообществ для решения локальных проблем, что критически важно в кризис.

3. Инвестиции в человеческий капитал как в стратегический актив:

— Адаптация системы профессионального образования: глубокое взаимодействие колледжей и техникумов с ведущими предприятиями региона для формирования актуальных образовательных программ. Развитие системы непрерывного образования и программ переобучения для взрослого населения, особенно в отраслях, подверженных трансформации.

— Создание привлекательных условий для удержания и притока талантов: развитие современной городской среды, научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ), программ жилищной поддержки для молодых специалистов и ученых. Борьба с «утечкой мозгов» через создание в регионах центров притяжения для высококвалифицированных кадров.

— Прямая поддержка исследований и разработок (R&D): создание региональных фондов научно-технического развития, софинансирование исследований в приоритетных для региона технологических направлениях, создание венчурных фондов «посевной» стадии для коммерциализации местных разработок.

4. Внедрение системы мониторинга, диагностики и стратегического планирования устойчивости:

— Разработка и регулярный расчет интегрального индекса устойчивости региона, включающего показатели всех трех уровней (макро, мезо, микро) и трех аспектов (сопротивляемость, восстановимость, адаптационность). Индекс должен стать инструментом не для рейтингования, а для внутренней диагностики и выявления «слабых звеньев».

— Создание системы сценарного планирования и стресс-тестирования региональной экономики на предмет устойчивости к различным типам шоков (ценовым, логистическим, демографическим, климатическим). Это позволит перейти от реагирования на уже наступивший кризис к подготовке к потенциальным рискам.

— Интеграция принципов устойчивости в основные стратегические документы региона (Стратегию социально-экономического развития, бюджет), включая оценку регулирующего воздействия новых нормативных актов с точки зрения их влияния на устойчивость.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие развернутые выводы, реализующие поставленную цель и решающие сформулированные задачи.

1. Устойчивость региональной экономической системы является комплексным, динамическим и многоаспектным свойством, включающим три взаимосвязанных компонента: сопротивляемость, восстановимость и адаптационно-трансформационную способность. Это свойство формируется под воздействием сложной, иерархически организованной системы факторов, действующих на разных уровнях — от глобального (макро) до уровня характеристик самого региона (мезо) и поведения отдельных экономических агентов (микро). Игнорирование любого из уровней ведет к неполному пониманию природы устойчивости.

2. Разработанная в статье трехуровневая классификация факторов устойчивости позволяет преодолеть фрагментарность существующих подходов и создать целостную картину детерминант региональной устойчивости. Классификация подчеркивает, что наибольший потенциал для целенаправленного управленческого воздействия сосредоточен на мезоуровне — уровне характеристик самого региона, где взаимодействуют структурные (диверсификация), агентские (институты, человеческий капитал) и ресурсные факторы.

3. Эмпирический анализ подтверждает, что ключевыми факторами, определяющими высокую устойчивость РЭС, являются не изолированные показатели, а их синергетические комбинации: диверсифицированная и технологически развитая отраслевая структура экономики, снижающая зависимость от внешних шоков; эффективные формальные и неформальные институты вместе с развитым человеческим капиталом, формирующие ос-

нову для адаптации, обучения и инноваций. Устойчивость является эмерджентным свойством, возникающим именно из этого взаимодействия.

4. Основные направления стратегического управленческого воздействия, вытекающие из проведенного анализа, должны фокусироваться не на изолированных, точечных мерах, а на комплексном, системном изменении институциональной и экономической среды региона. Политика должна быть нацелена на:

— стимулирование качественной экономической диверсификации через поддержку сетевых взаимодействий (кластеры), МСП и создание современной инфраструктуры;

— целенаправленное и последовательное инвестирование в человеческий капитал и радикальное укрепление институциональной среды, понимая, что эти направления взаимно усиливают друг друга;

— внедрение в управленческую практику инструментов мониторинга и проактивного управления устойчивостью (индексы, стресс-тесты), что позволит перейти от борьбы с последствиями кризисов к управлению рисками.

Управление устойчивостью должно стать центральным, сквозным элементом стратегического планирования регионального развития, оттеснив устаревшую парадигму погони за количественным ростом любой ценой. Это требует перехода от реактивной политики «латания дыр» к проактивному формированию такой структуры экономики, таких общественных институтов и такого качества человеческого капитала, которые способны не только противостоять кризисам, но и использовать их как возможность для обновления и перехода на новую, более жизнеспособную траекторию развития. Перспективой дальнейшего исследования является количественная верификация предложенной классификации с помощью методов эконометрического моделирования (панельная регрессия, анализ сдвигов-долей) на данных по регионам, а также разработка на её основе дифференцированной типологии регионов, для каждого типа которой будут предложены специфические пакеты мер политики управления устойчивостью.

Литература

1. Бородин С.Н. Модель оценки устойчивого развития региона на основе индексного метода // Экономика региона. — 2023. — Т. 19, №1. — С. 48–62.
2. Булетова Н.Е. Оценка устойчивости региональной экономики в системе стратегического управления развитием территории: дис. … д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2019. — 433 с.
3. Журавлев Д.М. Региональная социально-экономическая система: устойчивость и конкурентоспособность // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2018. — №10(116). — С. 13–17.
4. Климанов В.В., Михайлова А.А. Устойчивость регионов России в условиях кризиса // Общественные финансы. — 2020. — №40. — С. 4–10.
5. Малкина М.Ю. Оценка устойчивости развития региональных экономик на основе расстояний Махаланобиса // Terra Economicus. — 2020. — Т. 18, №3. — С. 140–159.
6. Мартин Р., Санли П. Эволюционная экономическая география и устойчивость регионов // Пространственная экономика. — 2018. — №1. — С. 12–42.
7. Прохорова О.В. Факторы устойчивости региональной экономической системы в условиях турбулентности // Молодой ученый. — 2015. — №21.1(101.1). — С. 18–22.
8. Сижажева С.С., Шурдумова Э.Г., Нагоев А.Б. Факторы региональной устойчивости и сбалансированности // Фундаментальные исследования. — 2014. — №12-12. — С. 2612-2615.
9. Сорокина Н.Ю. Оценка устойчивости социально-экономического развития региона с позиций интегрального подхода // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2015. — №4. — С. 92–100.
10. Уразмухаметов Д.Е. Факторы устойчивости региональных экономических систем в условиях глобальных трансформаций // Современные научные исследования и инновации. — 2024. — №9-2(115). — С. 152–154.
11. Boschma R. Towards an Evolutionary Perspective on Regional Resilience // Regional Studies. — 2015. — Vol. 49, №5. — P. 733–751.

CONVENIENT TIME SCALE AS A STRUCTURING COMPONENT OF LONG-TERM BUSINESS LOAN OFFERS

Kurlyandsky Viktor Vladimirovich, *PhD of Technical sciences, Associate Professor*

Kuzmin Andrey Vladimirovich, *Postgraduate graduate*

Kireenko Aleksandr Sergeyevich, *Postgraduate graduate*

Moscow International Academy, Moscow (Russia)

A convenient time scale as a structure-forming component of long-term business loan offers and a methodological basis for improving commercial bank services to legal entities. Specific features of the convenient time scale developed by the authors. Objective: To demonstrate the rationale for varying time scales when developing the terms of financial services provided by banks using the example of long-term business loan offers. Methodology: Classical scientific research methods were used: scientific abstraction, logical, functional, and systems analysis and synthesis, induction, deduction, and dialectics. Results: A convenient time scale for long-term business lending has been developed. Its advantages are described, and recommendations for its use by commercial banks are provided. Conclusions: It is economically rational to modify the traditional decision-making model for developing payment schedules for long-term business loans, taking into account recommendations for using a convenient time scale.

Keywords: *time scale; long-term business loan; offer; financial service; economic interest; annual interest rate.*

EDN: MNQSAF ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.34***

Цитировать: *Курляндский В.В., Кузьмин А.В., Киреенко А.С. Удобная шкала времени как структурообразующий компонент предложений долгосрочных бизнес-кредитов // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 239-242. EDN: MNQSAF. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.34*

УДК 336.77
5.2.4

УДОБНАЯ ШКАЛА ВРЕМЕНИ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДОЛГОСРОЧНЫХ БИЗНЕС-КРЕДИТОВ

Удобная шкала времени как структурообразующий компонент предложений долгосрочных бизнес-кредитов и методологическое основание совершенствования обслуживания коммерческими банками юридических лиц. Особенности разработанной авторами удобной шкалы времени. Цель — доказательство рациональности варьирования шкалами времени при разработке условий предоставления банками финансовых услуг на примере предложения долгосрочных бизнес-кредитов. Методология — использованы классические методы научного исследования: научной абстракции, логического, функционального и системного анализа и синтеза, индукции, дедукции и диалектики. Результаты. Разработана удобная шкала времени для долгосрочного бизнес-кредитования. Описаны ее преимущества и даны рекомендации по использованию коммерческими банками. Выводы: экономически рационально внесение изменений в традиционную модель принятия решений при разработке графиков платежей при долгосрочном бизнес-кредитовании с учетом рекомендаций по использованию удобной шкалы времени.

Ключевые слова: *шкала времени; долгосрочный бизнес-кредит; предложение; финансовая услуга; экономический интерес; годовая процентная ставка.*

© Курляндский В.В., Кузьмин А.В., Киреенко А.С., 2026

КУРЛЯНДСКИЙ Виктор Владимирович, *кандидат технических наук, доцент*

КУЗЬМИН Андрей Владимирович, *аспирант*

КИРЕЕНКО Александр Сергеевич, *аспирант*

Московская международная академия, Москва (Россия)

Введение

При долгосрочном бизнес-кредитовании время должно быть описано однозначно, полно, непротиворечиво, точно. Из единиц

Признательность. Авторы выражают благодарность и глубокую признательность Генеральному директору УК «МЕТРОПОЛЬ» Александру Константиновичу Захарову за советы и ценные замечания при работе над данной статьей.

измерения времени, применяемых в экономике, сформулированному требованию не соответствуют месяц, квартал, полугодие, год, в отличие от секунды, минуты, часа, суток, недели. Актуальность проблемы возросла в эпоху цифровой экономики. Незавершенное, требующее пояснений описание времени, например, ошибка разработчиков компьютерных программ, допускающая многовариантное толкование смысла понятия «год», может привести к снижению объяснимости результатов искусственного интеллекта. Как результат нарастают тенденции отказа участников экономической деятельности от попыток решить проблему комплексно, универсально. Предприниматели пошли по пути разработки альтернативных единиц измерения времени. Алгоритмическая неточность оценки больших интервалов времени при долгосрочном бизнес-кредитовании становится фактором, снижающим эффективность бизнеса. В статье на основе анализа и синтеза цифровых алгоритмов в описании времени в экономике обсуждается концепция разработки единицы измерения времени, которая была бы оптимальной для использования при долгосрочном бизнес-кредитовании. Результатом исследования стали практические рекомендации, позволяющие разрабатывать и применять единицы измерения времени, максимально отвечающие задачам цифровизации экономики.

Продолжительность времени в 25 лет равна при измерении в днях 9131 или 23 × 397 дней. 25 лет делится на 23 равные отрезка времени без остатка. Все, кто пользуется программой для работы с электронными таблицами, входящей в пакет Microsoft Office, может проверить утверждение и правильность составления таблицы 1, которая представляет 397 дней, как единицу измерения времени, и демонстрирует пример шкалы времени, построенной с помощью этой единицы времени. Любая дата, любой день недели могут стать точкой отсчета времени на шкале. Но представленные в таблице 1 структура дат, отстоящих друг от друга во времени на расстояние в 397 дней, и логика формирования последовательности дней недели останутся неизменными, как на любой шкале времени. Представленная шкала времени удобна для многих видов деятельности. 23 равных отрезка времени отмеряют ровно 25 лет и это повторяется при отсчитывании 50, 75, 100 лет. При этом, 1 год, как единицу измерения времени, можно сравнивать с 397 днями только с оговорками, поскольку продолжительность времени в 1 год не равна целому числу дней. На финансовом рынке представленная шкала удобна для формулирования взаимных обязательств заемщиков и кредиторов при обсуждении условий получения долгосрочных кредитов.

Методологические функции шкалы времени с единицей измерения 397 дней

Таблицы 1 и 2 демонстрируют алгоритм, формирующий шкалу времени с ритмом событий, происходящих с последовательностью, подобной ряду натуральных чисел. Единица измерения времени в шкале: 397 дней. Обязательства кредитополучателя в процентах годовых пересчитываются на период 397 дней с помощью числового множителя 25/23.

Таблица 1 — **Удобная шкала времени для долгосрочного бизнес-кредитования**

№	Даты, отстоящие на 397дн.	День недели	№	Даты, отстоящие на 397 дн.	День недели
0	31.12.2000	Воскресенье			
1	01.02.2002	Пятница	24	01.02.2027	Понедельник
2	05.03.2003	Среда	25	04.03.2028	Суббота
3	05.04.2004	Понедельник	26	05.04.2029	Четверг
4	07.05.2005	Суббота	27	07.05.2030	Вторник
5	08.06.2006	Четверг	28	08.06.2031	Воскресенье
6	10.07.2007	Вторник	29	09.07.2032	Пятница
7	10.08.2008	Воскресенье	30	10.08.2033	Среда
8	11.09.2009	Пятница	31	11.09.2034	Понедельник
9	13.10.2010	Среда	32	13.10.2035	Суббота
10	14.11.2011	Понедельник	33	13.11.2036	Четверг
11	15.12.2012	Суббота	34	15.12.2037	Вторник
12	16.01.2014	Четверг	35	16.01.2039	Воскресенье
13	17.02.2015	Вторник	36	17.02.2040	Пятница
14	20.03.2016	Воскресенье	37	20.03.2041	Среда
15	21.04.2017	Пятница	38	21.04.2042	Понедельник
16	23.05.2018	Среда	39	23.05.2043	Суббота
17	24.06.2019	Понедельник	40	23.06.2044	Четверг
18	25.07.2020	Суббота	41	25.07.2045	Вторник
19	26.08.2021	Четверг	42	26.08.2046	Воскресенье
20	27.09.2022	Вторник	43	27.09.2047	Пятница
21	29.10.2023	Воскресенье	44	28.10.2048	Среда
22	29.11.2024	Пятница	45	2049-11-29	Понедельник
23	31.12.2025	Среда	46	2050-12-31	Суббота

Источник: составлено авторами

Возможность выстраивания банком на шкале времени с высочайшей точностью дат, запланированных для выплат денежных сумм по обязательствам контрагентов кредитных договоров, задолго до начала пере-

говоров с будущими заемщиками денег, создает условия для развития цифровизации кредитования.

Таблица 2 — **Калькулятор расчета процентной ставки долгосрочного бизнес-кредитования**

№	Дата	День недели	Период между датами, дни	Ставка за период из расчета 0,01% в день, %
0	23.01.2026	Пятница		
1	24.02.2027	Среда	397	3,97%
При дневной процентной ставке 0,01% процентная ставка за период 397 дней: 3,97% что соответствует годовой процентной ставке 23/25 × 3,97% = 3,6524% годовых				

Источник: составлено авторами.

Удобная шкала времени может стать для коммерческого банка преимуществом на финансовом рынке и, как следствие, структурообразующим компонентом построения дополненной реальности в рекламе предложений долгосрочных бизнес-кредитов.

397 дней как экономическая категория

В экономике при описании временных интервалов, используются традиционные единицы измерения времени и отдается предпочтение округлению чисел. Не может быть формулы расчета интервала времени 397 дней, как суммы 1 года, 1 месяца и не меняющегося количества дней, поскольку продолжительность года и месяцев, записанная в днях, переменна. Поэтому в интернете авторы статьи нашли единственное упоминание словосочетания «397 дней» [1] и не в связи с банковским услугами и финансовым рынком. Это было сообщение о выборе компанией — разработчиком программного обеспечения срока, в течение которого действует лицензия на право законного использования ее продукта, не содержащее объяснения причин отказа от традиционных единиц измерения времени. Но, поскольку умножение 397 дней на 23 дает точное значение 25 лет и, фактически, построена бесконечная шкала времени, единицей измерения которой является 397 дней, то можно утверждать: «отрезок времени, продолжительностью 397 дней» стал «научной категорией», а в связи с проблемой, обсуждаемой в настоящей статье, «экономической категорией».

Особенность расчета годовой процентной ставки при планировании долгосрочного бизнес-кредитования с использованием удобной шкалы времени

В григорианском календаре средняя продолжительность календарного года принимается равной 365,2425 суток [2]. Но методологически неправильно просто перемножить дневную процентную ставку на это количество дней. Поскольку информацию из внешнего источника надо проверять, что нарушает системность методологических рекомендаций. Всегда найдется кто-то, кто поставит под сомнение надежность источника и достоверность внешней информации, например, искусственный интеллект. Оставаясь в рамках концепции «Удобная шкала времени», надо последовательно выполнить две расчетные операции, не требующие существования внешних источников информации, используя следующие формулы, как это было сделано при составлении таблицы 2:

Процентная ставка за период 397 дней = Дневная процентная ставка × 397 дней

Годовая процентная ставка = Процентная ставка за период 397 дней × 23/25

При дневной процентной ставке D × 0,01% рассчитываемые ставки будут равны: процентная ставка за период 397 дней равна D × 3,97% и годовая процентная ставка равна D × 3,97% × 23/25 = D × 3,6524% В этом расчете 3,6524% получено не в результате умножения 0,01% на среднюю продолжительность календарного года в григорианском календаре 365,2425 суток, значение которой взято из внешнего информационного источника, а после перемножения 397 на 23/25 и затем на 0,01%

График платежей по кредиту при долгосрочном бизнес-кредитовании с использованием удобной шкалы времени

Алгоритм «Удобной шкалы времени» позволяет одним изменением даты и дня недели в первой строчке таблицы 1 получить информацию о датах и днях недели всех строчек на любое время в будущем. И, все же, поскольку коммерческие банки не станут без явной выгоды отказываться от традиционной логики

составления графиков платежей по кредитам, авторы статьи предлагают сочетать две шкалы — предложенную и традиционную. Таблица 3 демонстрирует такое сочетание шкал.

Таблица 3 — **Разница в количестве дней между датами сравниваемых шкал времени**

Даты, отстоящие на 397 дней	Даты, отстоящие на 1 год	Количество дней между ближайшими датами объединенных шкал времени	
31.12.2000	31.12.2000		
	31.12.2001		365
01.02.2002	31.12.2002	(01.02.2002 – 31.12.2001 =) 32	333
05.03.2003	31.12.2003	64	(31.12.2003 – 05.03.2003 =) 301
05.04.2004	31.12.2004	96	270
07.05.2005	31.12.2005	127	238
08.06.2006	31.12.2006	159	206
10.07.2007	31.12.2007	191	174
10.08.2008	31.12.2008	223	143
11.09.2009	31.12.2009	254	111
13.10.2010	31.12.2010	286	79
14.11.2011	31.12.2011	318	47
15.12.2012	31.12.2012	350	16

Источник: составлено авторами

Преимущество заложения шкал состоит в неодинаковости и в изменении по математически несложной зависимости количества дней между ближайшими датами объединенных шкал времени. Этим можно воспользоваться в назначении дат выплат заемщиком по его обязательствам. Можно случайным образом назначать даты, а можно пользовать более структурно сложной объединенной шкалой.

Заключение

Цифровизация экономики делает актуальным повышение точности описания времени в долгосрочных договорах, и использование единицы измерения времени «год» становится препятствием в решении проблемы. Результатами исследования стали, во-первых, обоснование необходимости и концепция разработки альтернативных единиц измерения времени для бизнеса и, во-вторых, практические рекомендации по применению при долгосрочном бизнес-кредитовании единицы измерения времени 397 дней и построенной на ее основе шкалы времени как структурообразующих компонентов предложений долгосрочных бизнес-кредитов, максимально отвечающих задачам современного развития российской экономики. Возможность выстраивания банком на шкале времени дат, запланированных для выплат денежных сумм по обязательствам контрагентов кредитных договоров с точностью более высокой по сравнению с практикой использования календаря, основанного на единице измерения времени «год», причем, задолго до начала переговоров с будущими заемщиками денег, создает условия для развития цифровизации долгосрочного кредитования. Удобная шкала времени может стать для коммерческого банка конкурентным преимуществом на финансовом рынке и, как следствие, структурообразующим компонентом построения дополненной реальности в рекламе предложений долгосрочных бизнес-кредитов.

Источники

1. 397 Day Maximum TLS Certificate Validity // GlobalSign NV SA. URL: https://support.globalsign.com/ssl/general-ssl/397-day-maximum-tls-certificate-validity
2. Григорианский календарь // Большая Российская энциклопедия: [в 35 т.] / Российская академия наук; науч. — ред. совет: Ю. С. Осипов (пред.) [и др.]; [отв. ред. С. Л. Кравец]. — Том 7. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. — 746 с.: ил.

A MULTI-CIRCUIT DIGITAL MODEL OF THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL FORMATIONS

Laypanova Zulfiya Mudalipovna, *PhD of Economics, Associate Professor, North Caucasian State Academy, Cherkessk (Russia)*

This article presents a critical analysis of the existing organizational and economic mechanism for the development of agricultural entities, identifying its key contradictions: fragmentation, low efficiency of the innovation component, and disunity between science and production. It substantiates the need to transition from a hierarchical and state-centric system to a multi-loop adaptive management model integrating digital tools, network interactions, and ESG factors. The proposed model is built on the synergy of four interconnected loops: intra-farm (focus on technological modernization and human capital development), infrastructure and cooperation (creation of a unified digital ecosystem and service cooperation), government (a dynamic support system based on an integrated efficiency rating), and research and innovation (technology transfer centers and foresight centers for strategic planning). A strategic innovation of the model is the implementation of the Unified Agro-Industrial Digital Ecosystem (UAEDE), which ensures end-to-end data transfer and feedback between all levels of governance. An integrated performance rating (IPR) has been developed, taking into account economic, innovative, environmental, and social parameters, with flexible weighting adjustments based on government priorities. A step-by-step roadmap for implementing the model has been proposed: from piloting and regulatory preparation to scaling up, followed by a transition to a self-regulating digital system. The model's implementation is aimed at developing a sustainable, competitive, and innovative agricultural sector capable of effectively responding to the challenges of the modern economy and ensuring the balanced development of all types of agricultural entities over the long term.

Keywords: *organizational and economic mechanism; innovative development; agrarian formations; multi-circuit model; digital transformation; integrated efficiency rating; government regulation.*

EDN: NDVXVZ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.35***

Цитировать: *Лайпанова З.М. Многоконтурная цифровая модель организационно-экономического механизма инновационного развития аграрных формирований // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 243-253. EDN: NDVXVZ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.35*

Многоконтурная цифровая модель организационно-экономического механизма инновационного развития аграрных формирований

УДК 338.434
5.2.3

© Лайпанова З.М., 2026

В статье представлен критический анализ существующего организационно-экономического механизма развития аграрных формирований, выявлены его ключевые противоречия: фрагментарность, низкая эффективность инновационной составляющей, разобщенность науки и производства. Обоснована необходимость перехода от иерархичной и государственно-центричной системы к многоконтурной адаптивной модели управления, интегрирующей цифровые инструменты, сетевые взаимодействия и ESG-факторы. Предложенная модель строится на синергии четырех взаимосвязанных контуров: внутрихозяйственного (фокус на технологической модернизации и развитии человеческого капитала), инфраструктурно-кооперационного (создание единой цифровой экосистемы и сервисной кооперации), государственного (динамическая система поддержки на основе интегрального рейтинга эффективности) и научно-инновационного (центры трансфера технологий и форсайт-центры для стратегического планирования). Стратегической инновацией модели является внедрение Единой агропромышленной цифровой экосистемы (ЕАЦЭС), обеспечивающей сквозную передачу данных и обратную связь между всеми уровнями управления. Разработан интегральный рейтинг эффективности (ИРЭ), учитывающий экономические, инновационные, экологические и социальные параметры, с гибким регулированием весовых коэффициентов в зависимости от государственных приоритетов. Предложена поэтапная дорожная карта реализации модели: от пилотирования и нормативной подготовки

ЛАЙПАНОВА Зульфия Мудалиповна, кандидат экономических наук, доцент, Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск (Россия)

до масштабирования с последующим переходом к саморегулирующейся цифровой системе. Реализация модели нацелена на формирование устойчивого, конкурентоспособного и инновационного аграрного сектора, способного эффективно отвечать на вызовы современной экономики и обеспечивать сбалансированное развитие всех типов аграрных формирований на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: *организационно-экономический механизм; инновационное развитие; аграрные формирования; многоконтурная модель; цифровая трансформация; интегральный рейтинг эффективности; государственное регулирование.*

Введение

Современное развитие аграрного сектора России сопровождается углублением структурных дисбалансов, нарастанием диспропорций в обеспечении ресурсами, а также устареванием механизмов управления, не способных обеспечить необходимое качество инноваций и устойчивый рост. Несмотря на определённые успехи в обеспечении продовольственной безопасности по отдельным товарным группам, действующая организационно-экономическая модель развития аграрных формирований демонстрирует ряд системных противоречий: высокая межведомственная разобщённость, малый удельный вес проактивного управления, а также недостаточно развитые обратные связи между наукой, бизнесом и государством. Административные барьеры и унификация инструментов поддержки обостряют различия между крупным и малым агробизнесом, усиливают неравенство доступа к ресурсам и сдерживают общий инновационно-инвестиционный потенциал отрасли. На фоне общемировой тенденции к цифровой трансформации, интеграции ESG-подходов и формированию промышленных экосистем становится очевидной необходимость комплексной перестройки организационно-экономических механизмов.

Ведущие мировые практики показывают успешность многоуровневых, сетевых моделей регулирования, ориентированных на динамические изменения внешней и внутренней среды. Для аграрных формирований в России трансформация управленческого механизма неизбежно связана с внедрением цифровых платформ, операционализацией ESG-критериев, усилением роли человеческого капитала, а также развитием кооперационных и инфраструктурных форм. Основная научная проблема заключается в том, чтобы построить гибкую, адаптивную и цифровую модель организационно-экономического механизма, способную не только преодолеть имеющиеся ограничения, но и проактивно формировать устойчивую среду для инновационного развития. В связи с этим первоочередной задачей данного исследования выступает теоретическая и практическая проработка многоконтурной модели, интегрирующей интересы государства, бизнеса, науки и развития человеческих ресурсов, а также создание эффективных инструментов оценки, сопровождения и стимулирования субъектов аграрного сектора на всех уровнях.

Цель научного исследования состоит в разработке концептуально и методологически целостной многоконтурной цифровой модели ОЭМР АФ, описание инструментов оценки её эффективности и обоснование практических дорожных карт внедрения на уровне региона и страны.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный критический анализ существующего организационно-экономического механизма развития аграрных формирований выявил его системное исчерпание и несоответствие вызовам новой экономической реальности. Несмотря на достигнутые успехи в решении задач по обеспечению продовольственной безопасности по отдельным товарным группам, действующая модель демонстрирует ряд фундаментальных противоречий, которые сдерживают качественное развитие аграрного сектора и углубляют структурные дисбалансы. Ключевыми из них являются:

1. Фрагментарность и межведомственная разобщенность, которые приводят к отсут-

ствию целостного, синергетического воздействия на отрасль и создают высокие административные барьеры для хозяйствующих субъектов.

2. Реактивный характер управления, ориентированный на устранение последствий уже возникших кризисов, а не на проактивное формирование устойчивой среды для развития.

3. Недостаточная дифференциация инструментов поддержки, которая не учитывает специфику и потребности различных типов аграрных формирований, что приводит к усилению неравенства между крупным агробизнесом и малыми формами хозяйствования.

4. Низкая эффективность инновационной составляющей, выражающаяся в слабой связи между наукой и производством и отсутствии действенных стимулов для внедрения передовых технологий.

5. Игнорирование социально-экологических факторов, что ведет к деградации природных ресурсов и обострению социальных проблем на селе.

Дальнейшая модернизация аграрного сектора путем частичных улучшений и корректировок этого механизма представляется малоэффективной. Требуется не «ремонт» отдельных элементов, а переход к принципиально новой парадигме управления, основанной на принципах системности, адаптивности, гибкости и субъектной ориентированности [1; 2].

В ответ на этот научный и практический вызов предлагается авторская концепция — Многоконтурная адаптивная модель организационно-экономического механизма развития аграрных формирований (ОЭМР АФ). Данная модель представляет собой отход от традиционной, преимущественно иерархической и государственно-центричной системы регулирования в пользу динамичной, сетевой и интеллектуальной экосистемы. Концептуальная основа модели заключается в формировании четырех взаимосвязанных контуров воздействия (внутрихозяйственного, инфраструктурно-кооперационного, государственного и научно-инновационного), которые комплексно охватывают все уровни управления — от микроуровня отдельного хозяйства до мета-уровня стратегического прогнозирования. «Адаптивность» модели обеспечивается внедрением механизмов обратной связи, основанных на цифровом сборе и анализе данных, что позволяет системе самонастраиваться и гибко реагировать на изменения внешней и внутренней среды в режиме реального времени.

Главная цель разработки и внедрения многоконтурной адаптивной модели ОЭМР АФ — формирование саморегулирующейся, цифровой и устойчивой организационно-экономической среды, обеспечивающей переход от экстенсивного, количественного роста к качественному, интенсивному и сбалансированному развитию всех типов аграрных формирований на инновационной основе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие взаимосвязанные задачи:

1. Создать условия для повышения внутренней эффективности и инновационного потенциала каждого аграрного формирования (микроуровень). Это включает разработку механизмов целевой поддержки технологической модернизации, стимулирование развития управленческих компетенций и кадрового потенциала, а также повышение финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов.

2. Сформировать единую цифровую и кооперационную инфраструктуру, снижающую транзакционные издержки и обеспечивающую равный доступ к ресурсам и рынкам (мезоуровень). Задача предполагает развитие сетевых форм взаимодействия, стимулирование сервисной кооперации и создание интегрированной цифровой экосистемы, объединяющей производителей, потребителей, поставщиков услуг и финансовые институты.

3. Осуществить переход от прямого, унифицированного государственного регулирования к адаптивной, основанной на данных системе стимулирования (макроуровень). Это требует разработки и внедрения интеллектуальных инструментов господдержки (таких как Интегральный рейтинг эффективности), которые поощряют не валовые показатели, а экономическую эффективность, инновационную активность, а также социальный и экологический вклад агробизнеса.

4. Построить опережающую систему генерации, трансфера и внедрения знаний и инноваций (мета-уровень). Задача направлена на укрепление связи между аграрной наукой

и производством, создание эффективных механизмов коммерциализации технологий и формирование системы стратегического форсайта для своевременной адаптации отрасли к будущим вызовам.

5. Обеспечить синергетическую интеграцию всех элементов и контуров модели посредством цифровых платформ и механизмов обратной связи, превратив разрозненный набор инструментов в единый, целостный и саморазвивающийся организм.

Предлагаемая модель обладает значительной научной новизной, заключающейся в системном, многоуровневом подходе к проектированию ОЭМР АФ, в разработке принципов адаптивного управления на основе объективных данных и в интеграции ESG-факторов непосредственно в экономические стимулы. Практическая значимость модели состоит в том, что она представляет собой комплексный инструментарий для органов государственной власти и дорожную карту для бизнеса, позволяющие повысить конкурентоспособность отечественного АПК, обеспечить его устойчивое развитие и укрепить продовольственную безопасность страны на долгосрочную перспективу. Представим детальное описание архитектуры и механизмов функционирования каждого из четырех контуров предложенной модели (рис. 1).

Первый, базовый контур предлагаемой модели — внутрихозяйственный — нацелен на формирование и укрепление внутреннего потенциала роста каждого аграрного формирования. Он выступает в роли фундамента, без прочности которого любые внешние меры поддержки и регулирования, реализуемые на других уровнях, окажутся малоэффективными.

Ключевыми направлениями работы в рамках данного контура являются технологическая модернизация на проектной основе и развитие человеческого капитала, включая управленческие компетенции. Для решения задачи технологического перевооружения предлагается запуск комплексной программы «Цифровой фермер/Агропредприятие 4.0» [3]. Ее принципиальное отличие и научная новизна заключаются в отказе от практики бессистемного субсидирования покупки отдельной техники в пользу целенаправленного, проектного подхода к развитию каждого конкретного хозяйства.

Механизм программы предполагает трехэтапную реализацию. На первом этапе для хозяйства, вступающего в программу, проводится независимый технологический аудит силами аккредитованных государством консалтинговых центров. Цель аудита — выявление производственных «узких мест» и определение точек роста.

На основе полученных данных разрабатывается второй этап — индивидуальная дорожная карта цифровизации, представляющая собой пошаговый план внедрения технологий, от базовых (например, GPS-мониторинг техники) до продвинутых (дифференцированное внесение удобрений, системы управления стадом).

Только после утверждения дорожной карты цифровизации наступает третий этап — предоставление целевого финансирования в виде льготных кредитов (под 1–3% годовых) или компенсации до 50% затрат именно на те решения, которые заложены в дорожную карту.

Однако технологическая модернизация невозможна без параллельного роста управленческой культуры и профессиональных компетенций [4]. Для решения этой задачи вводится второй ключевой инструмент микроуровня –ваучерная система на управленческий консалтинг и образование. Данный механизм предполагает, что каждое аграрное формирование, в особенности малые и средние предприятия, ежегодно получает от государства электронный ваучер на определенную сумму. Этот ваучер становится целевым платежным средством, которое можно использовать для оплаты услуг аккредитованных консалтинговых компаний или для прохождения обучения в аграрных вузах по современным программам, таким как MBA в сфере агробизнеса, курсы по риск-менеджменту, финансовой грамотности или цифровому маркетингу.

Внедрение такой системы позволяет достичь двойного эффекта: с одной стороны, формируется конкурентный рынок консалтинговых и образовательных услуг, а с другой — сам аграрий получает свободу выбора и реальный инструмент для повышения своей квалификации и квалификации своих сотрудников [5].

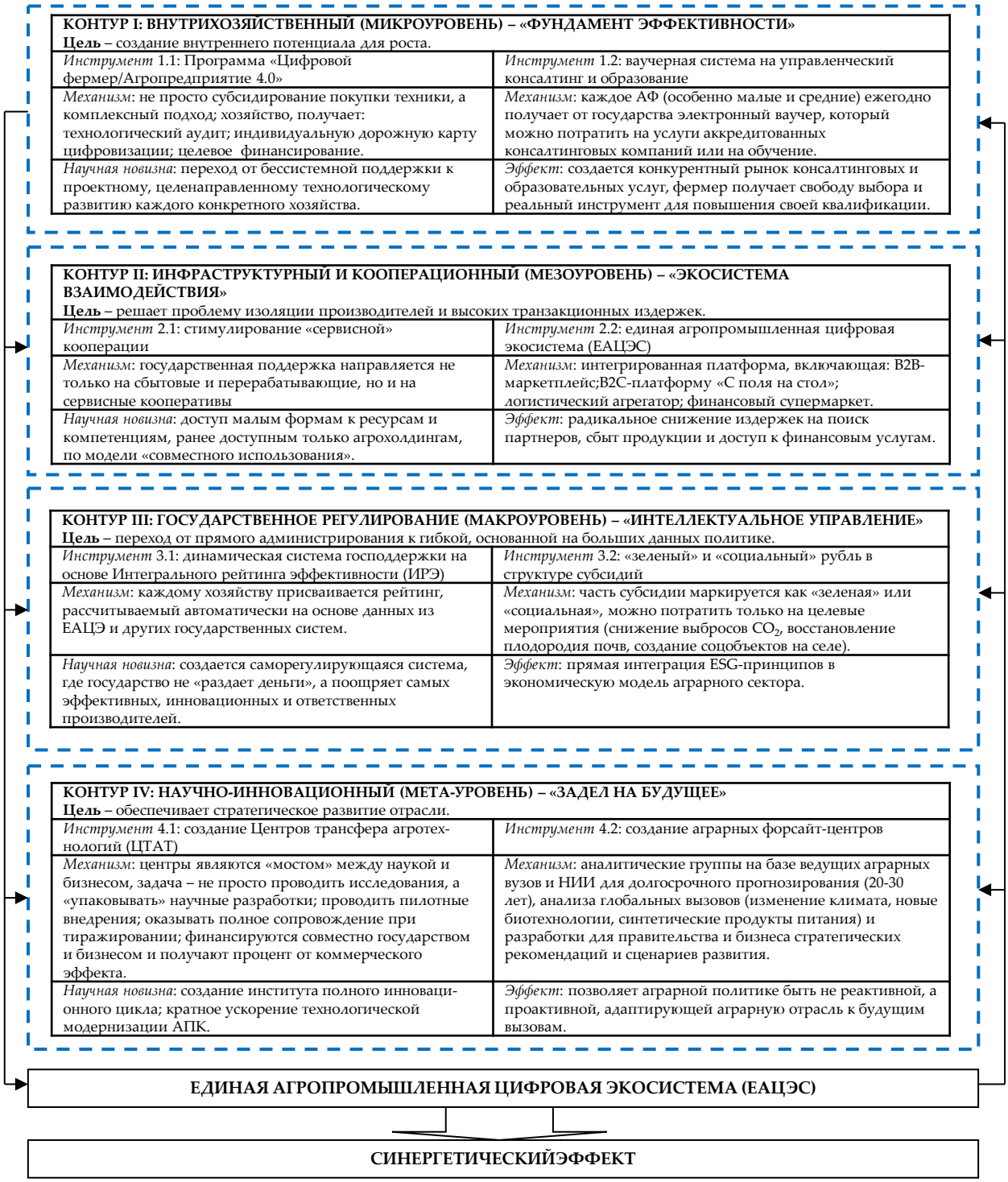

Рисунок 1 — **Многоконтурная адаптивная модель организационно-экономического механизма инновационного развития аграрных формирований** *(авторская разработка)*

Таким образом, внутрихозяйственный контур комплексно решает проблему низкой эффективности на микроуровне, синхронно стимулируя как технологическое, так и интеллектуальное развитие аграрных формирований, что создает прочную основу для их дальнейшего устойчивого роста.

Второй контур предлагаемой модели — инфраструктурный и кооперационный — функционирует на мезоуровне и направ-

лен на решение одной из наиболее острых проблем современного аграрного сектора: преодоление изоляции производителей и снижение их высоких транзакционных издержек. Если внутрихозяйственный контур создает внутренний потенциал, то данный контур формирует внешнюю среду, способствующую эффективной реализации этого потенциала через развитие сетевых связей и цифровой инфраструктуры.

Ключевым инструментом в рамках этого контура является стимулирование развития «сервисной» кооперации. В отличие от традиционных подходов, фокусирующихся на поддержке сбытовых и перерабатывающих кооперативов, предлагается сместить акцент на создание и поддержку кооперативов, предоставляющих своим членам производственные и управленческие услуги. Такие кооперативы могут совместно владеть и эксплуатировать дорогостоящую технику (комбайны, сеялки), содержать современные лаборатории для анализа почв, использовать парк беспилотных летательных аппаратов для мониторинга полей или иметь в штате высококвалифицированных специалистов — агрономов, ветеринаров, юристов, — услуги которых доступны всем участникам [6].

Научная новизна данного подхода заключается в переносе модели «совместного использования» в аграрную сферу. Это позволяет малым и средним формам хозяйствования получить доступ к ресурсам, технологиям и компетенциям, ранее доступным исключительно крупным агрохолдингам, тем самым выравнивая их конкурентные возможности.

Центральным системообразующим элементом, связывающим всех участников рынка, выступает второй инструмент — Единая агропромышленная цифровая экосистема (ЕАЦЭС). Важно подчеркнуть, что ЕАЦЭС — это не просто информационный сайт, а многофункциональная интегрированная платформа, выполняющая несколько ключевых задач:

— во-первых, она включает B2B-маркетплейс, предоставляющий инструментарий для заключения фьючерсных контрактов и реализации крупных партий продукции переработчикам и экспортерам;

— во-вторых, в ее состав входит B2C-платформа «С поля на стол», которая функционирует как некий агрегатор для фермеров, позволяя им осуществлять прямые продажи продукции конечным потребителям, предприятиям общественного питания и розничным сетям;

— в-третьих, платформа содержит логистический агрегатор — сервис для оперативного поиска транспорта и построения оптимальных маршрутов доставки;

— в-четвертых, в экосистему интегрирован финансовый супермаркет, обеспечивающий бесшовное взаимодействие с банками и страховыми компаниями для упрощенной подачи заявок на кредиты и страховые продукты в режиме онлайн.

Таким образом, инфраструктурный и кооперационный контур создает единое цифровое и организационное пространство. Его внедрение приводит к радикальному снижению издержек на поиск партнеров, организацию сбыта продукции и доступ к финансовым услугам, формируя прозрачную и эффективную экосистему взаимодействия для всех участников аграрного рынка.

Третий контур модели — государственное регулирование — функционирует на макроуровне и знаменует собой парадигмальный сдвиг от прямого, зачастую неэффективного администрирования и валового субсидирования к гибкой, интеллектуальной политике, основанной на объективных данных. Его задача — трансформировать роль государства из простого распределителя ресурсов в стратегического модератора, который создает стимулы для качественного и устойчивого развития отрасли [7].

Центральным элементом этого контура является динамическая система государственной поддержки, основанная на интегральном рейтинге эффективности (ИРЭ). Обоснуем методический подход к расчету интегрального рейтинга:

$$ИРЭ = k_1 \times (Экономическая\ эффективность) + k_2 \times (Инновационная\ активность) + k_3 \times (Экологический\ след) + k_4 \times (Социальный\ вклад), \quad (1)$$

где k_1, k_2, k_3, k_4 — весовые коэффициенты значимости;

экономическая эффективность — урожайность, продуктивность, рентабельность);

инновационная активность — доля затрат на НИОКР, использование цифровых технологий;

экологический след — использование ресурсосберегающих технологий, органическое земледелие;
социальный вклад — создание рабочих мест, участие в развитии сельских территорий.

Интегральный рейтинг эффективности (*ИРЭ*) является моделью взвешенной суммы. В этой модели каждый из четырех критериев (экономика, инновации, экология, социальный вклад) оценивается отдельно, а затем «взвешивается» с помощью специальных коэффициентов k_1, k_2, k_3, k_4 для получения итогового, комплексного показателя.

Основная функция весовых коэффициентов значимости — отразить стратегические приоритеты государственной аграрной политики на текущем этапе развития. Коэффициенты определяют, какой из четырех аспектов деятельности аграрного формирования является наиболее важным для государства в текущий момент. Они являются инструментом стратегического управления. Если государство ставит целью продовольственную безопасность и рост экспорта, коэффициент k_1 (экономическая эффективность) будет самым высоким. Если приоритетом становится устойчивое развитие и «зеленая» повестка, наибольший вес получит k_3 (экологический след).

Сумма коэффициентов всегда должна быть равна единице (или 100%): $k_1+k_2+k_3+k_4=1$. Это стандартное требование для моделей взвешенной суммы, которое показывает, что мы распределяем 100% значимости между четырьмя направлениями. То есть, весовые коэффициенты — не технические константы, а гибкие, настраиваемые параметры, которые превращают формулу *ИРЭ* из простого набора показателей в инструмент реализации государственной политики.

Определение значений весовых коэффициентов — это сложная аналитическая и экспертная задача, которая не решается простым математическим расчетом. Это многоэтапный процесс, основанный на основополагающих принципах стратегического планирования и научного анализа и состоит из определенных этапов (табл. 1).

Апробируем предложенный методический подход на примере модельных агроформирований АПК Ставропольского края. Учитывая, что на современном этапе развития АПК государственные приоритеты направлены на максимальное импортозамещение и повышение рентабельности отрасли, а также результаты экспертной оценки, примем следующие уровни значимости весовых коэффициентов:

— k_1 (экономика): 0,5 (50% значимости — главный приоритет);

— k_2 (инновации): 0,2 (20% — важны для роста эффективности);

— k_3 (экология): 0,1 (10% — поддерживающий приоритет);

— k_4 (социум): 0,2 (20% — важно для стабильности на селе);

— сумма: 0,5 + 0,2 + 0,1 + 0,2 = 1,0.

Таблица 1 — **Методика установления и актуализации стратегических весовых коэффициентов ИРЭ**

Этап	Наименование этапа	Характеристика этапа
Этап I	Определение стратегических приоритетов	Определяются ключевые цели для аграрного сектора на среднесрочную перспективу.
Этап II	Экспертная оценка и ранжирование	Перевод качественных целей в количественные веса на основе экспертных оценок и научных методов.
Этап III	Нормативное закрепление	Результаты экспертной работы утверждаются на правительственном уровне и закрепляются в нормативном акте, регулирующем порядок предоставления господдержки, что обеспечивает прозрачность и единство применения методики по всей стране.
Этап IV	Динамический пересмотр	Значения весовых коэффициентов не являются статичными (пересматриваются с определенной периодичностью или при смене стратегических приоритетов аграрной политики государства.

Выполним расчеты на модельных агроформированиях: два хозяйства подали заявку на субсидию. Их показатели (для простоты приведены по 100-балльной шкале) рассчитаны на основе данных из ЕАЦЭ:

— хозяйство «А» (крупный интенсивный агрокомплекс): экономическая эффективность — 90 баллов; инновационная активность — 80 баллов; экологический след — 40 баллов (использует много химии); социальный вклад — 60 баллов;

— хозяйство «Б» (органическая ферма, кооператив): экономическая эффективность — 65

баллов (урожайность ниже); инновационная активность — 50 баллов; экологический след — 95 баллов (сертифицированное производство); социальный вклад — 85 баллов (создает много рабочих мест на селе).

Рассчитав *ИРЭ* по хозяйствам получаем:

$$ИРЭ\ (А) = (0{,}5 \times 90) + (0{,}2 \times 80) + (0{,}1 \times 40) + (0{,}2 \times 60) = 45 + 16 + 4 + 12 = 77;$$

$$ИРЭ\ (Б) = (0{,}5 \times 65) + (0{,}2 \times 50) + (0{,}1 \times 95) + (0{,}2 \times 85) = 32{,}5 + 10 + 9{,}5 + 17 = 69.$$

Оценивая полученные расчеты, следует отметить, что несмотря на выдающиеся экологические и социальные показатели, хозяйство «Б» получит меньший объем поддержки, так как его экономическая эффективность, являющаяся главным приоритетом для государства в данный момент, ниже. Хозяйство «А», в свою очередь, получает четкий сигнал: для дальнейшего роста рейтинга ему необходимо улучшать экологические и социальные показатели.

Таким образом, весовые коэффициенты являются ядром предложенного механизма, превращая его в интеллектуальный инструмент, который не просто оценивает, а направляет развитие всей отрасли в соответствии со стратегическими целями государства. Механизм предполагает, что каждому хозяйству автоматически присваивается рейтинг на основе верифицированных данных, поступающих из Единой агропромышленной цифровой экосистемы (ЕАЦЭС) и других государственных информационных систем [8-10].

Рейтинг представляет собой взвешенную сумму ключевых показателей, отражающих всесторонний вклад агроформирования в развитие:

— экономическую эффективность (урожайность, продуктивность, рентабельность);

— инновационную активность (доля затрат на НИОКР, уровень цифровизации);

— экологический след (применение ресурсосберегающих технологий, участие в органическом земледелии);

— социальный вклад (создание качественных рабочих мест, участие в развитии сельских территорий).

Размер субсидий, процентная ставка по льготным кредитам и доступ к приоритетным государственным программам напрямую зависят от результатов рейтинга, создавая четкую и прозрачную мотивацию: хозяйства с высоким *ИРЭ* получают максимальную поддержку. Научная новизна предлагаемого подхода заключается в создании саморегулирующейся системы, где государство поощряет не объемы производства как таковые, а наиболее эффективных, инновационных и ответственных производителей.

Вторым инструментом, дополняющим и конкретизирующим рейтинговую систему, является внедрение механизма «зеленого» и «социального» рубля в структуре субсидий. Его суть заключается в целевом маркировании части государственной поддержки, например, 10–15 %. Эти средства хозяйство может направить исключительно на мероприятия, соответствующие принципам устойчивого развития: внедрение технологий по снижению выбросов CO_2, проекты по восстановлению плодородия почв, создание или модернизацию объектов социальной инфраструктуры на селе в виде фельдшерско-акушерского пункта или детской площадки. Такой подход обеспечивает прямую и гарантированную интеграцию ESG-принципов в экономическую модель аграрного сектора, переводя декларации о социальной и экологической ответственности в плоскость реальных финансовых механизмов.

Таким образом, контур государственного регулирования трансформирует экономические рычаги из инструмента поддержания текущей деятельности в мощный стимул для качественного роста, обеспечивая достижение не только производственных, но и стратегических национальных целей в социальной и экологической сферах.

Четвертый, завершающий, контур модели — научно-инновационный –выполняет функцию стратегического обеспечения долгосрочной конкурентоспособности отрасли. Если предыдущие контуры направлены на оптимизацию и развитие существующих процессов, то данный контур отвечает за формирование «задела на будущее», обеспечивая аграрный сектор передовыми знаниями, технологиями и способностью адаптироваться к грядущим вызовам.

Первым ключевым инструментом этого контура является создание сети Центров трансфера агротехнологий (ЦТАТ). Эти структуры призваны решить фундаментальную проблему разрыва между научными иссле-

дованиями и их практическим внедрением в производство, выполняя роль эффективного «моста» между наукой и бизнесом.

Деятельность ЦТАТ не ограничивается проведением исследований; их основная задача — коммерциализация знаний. Это достигается через три последовательные функции:

— во-первых, «упаковка» научных разработок в готовые коммерческие продукты и технологии с просчитанным экономическим эффектом;

— во-вторых, проведение пилотных внедрений на базе «опытных полигонов» — реальных фермерских хозяйств-партнеров, что позволяет апробировать технологию в производственных условиях;

— в-третьих, оказание полного консультационного и технического сопровождения при тиражировании успешных решений на других предприятиях.

Финансирование ЦТАТ осуществляется на смешанной основе (государственно-частное партнерство) и включает получение процента от коммерческого эффекта внедренных технологий, что мотивирует центры работать на конечный, практически значимый результат.

Вторым стратегическим инструментом являются аграрные форсайт-центры, создаваемые на базе ведущих аграрных вузов и научно-исследовательских институтов. В отличие от традиционного прогнозирования, эти постоянно действующие аналитические группы занимаются долгосрочным стратегическим предвидением на горизонте 20–30 лет. Их задача состоит в системном анализе глобальных трендов и вызовов, таких как изменение климата, прорывы в биотехнологиях, развитие рынка синтетических продуктов питания и трансформация потребительских предпочтений.

На основе результатов анализа форсайт-центры разрабатывают для органов государственной власти и бизнес-сообщества различные сценарии будущего развития, стратегические рекомендации и дорожные карты технологического развития. Внедрение этого инструмента позволяет перевести аграрную политику из реактивного режима, отвечающего на уже случившиеся проблемы, в проактивный, заблаговременно готовящий отрасль к будущим вызовам и возможностям.

Таким образом, научно-инновационный контур формирует интеллектуальное ядро всей модели, создавая непрерывный цикл генерации, адаптации и внедрения знаний. Он обеспечивает не только текущую технологическую модернизацию, но и стратегическую готовность аграрного сектора к долгосрочным изменениям, закладывая фундамент его устойчивого развития на десятилетия вперед.

Представленные четыре контура — внутрихозяйственный, инфраструктурный, регуляторный и научно-инновационный — не являются изолированными блоками, а представляют собой элементы единой, целостной системы.

Научная новизна и практическая значимость предлагаемой модели заключается не столько в выделении отдельных инструментов, сколько в синергетическом эффекте, возникающем при их скоординированном взаимодействии. Для обеспечения этой взаимосвязи и превращения статичной структуры в динамичный, саморегулирующийся организм необходим центральный интегрирующий элемент и четкая последовательность шагов по его внедрению.

Ключевым связующим элементом, выполняющим роль цифрового «позвоночника» всей модели, выступает Единая агропромышленная цифровая экосистема (ЕАЦЭС). Именно она обеспечивает бесшовную циркуляцию данных и управленческих сигналов между всеми уровнями, формируя единое информационное пространство и обеспечивая обратную связь:

1. Переход от микро- к мезоуровню: первичные данные, генерируемые на Контуре I (данные о технологических операциях, урожайности, продуктивности скота, затратах), в режиме реального времени поступают в ЕАЦЭ. На Контуре II эта информация становится основой для функционирования рыночных сервисов: она используется для построения оптимальных логистических цепочек, формирования товарных партий на B2B-маркетплейсе, подтверждения качества продукции для B2C-платформы и служит базой для оценки рисков при обращении за финансовыми услугами.

2. Переход от мезо- к макроуровню: агрегированные и обезличенные данные из ЕАЦЭ, отражающие состояние дел в отрасли, на Контуре III становятся объективной основой для интеллектуального государственного

управления. Они используются для автоматического расчета Интегрального рейтинга эффективности (ИРЭ) каждого хозяйства, что позволяет перейти к динамической и справедливой системе господдержки. Анализ больших данных позволяет правительству в режиме реального времени отслеживать эффективность аграрной политики, выявлять системные проблемы и оперативно корректировать регуляторные меры.

3. Формирование запроса для мета-уровня: проблемы, «узкие места» и технологические запросы, выявленные на всех трех уровнях (например, потребность в новых засухоустойчивых сортах, зафиксированная через данные об урожайности; запрос на технологии точного земледелия от хозяйств с высоким ИРЭ; логистические проблемы, выявленные на маркетплейсе), транслируются в виде конкретного технического задания для Контура IV. Таким образом, научно-инновационная деятельность Центров трансфера агротехнологий и Форсайт-центров становится не абстрактной, а напрямую отвечающей на практические, верифицированные данные запросы отрасли.

Практическая реализация столь масштабной модели требует взвешенного, поэтапного подхода, минимизирующего риски и обеспечивающего плавную адаптацию всех участников рынка. Предлагается трехэтапная дорожная карта реализации разработанной модели (табл. 2).

Таблица 2 — **Трехэтапная дорожная карта внедрения модели ОЭМР АФ: от пилотирования к саморазвитию** *(разработано автором)*

Этап	Горизонт реализации этапа	Наименование этапа	Характеристика этапа
Этап I	1–2 года	Пилотирование и создание нормативной базы	Апробация предложенных инструментов в ограниченном масштабе и формирование необходимого правового поля.
Этап II	3–5 лет	Масштабирование и интеграция	Основываясь на успешном опыте пилотных проектов, начинается поэтапное развертывание ЕАЦЭ и всех сопутствующих инструментов на территорию всей страны. Происходит масштабирование наиболее эффективных практик.
Этап III	Свыше 5 лет	Оптимизация и переход к саморазвитию	Модель выходит на полную проектную мощность. Основной фокус смещается с внедрения на оптимизацию.

На первом этапе ключевая задача состоит в апробации предложенных инструментов в ограниченном масштабе и формировании необходимого правового поля. Это включает запуск пилотных проектов по каждому инструменту (например, «Цифровой фермер», ваучерная система, сервисный кооператив) в 2–3 регионах с различной аграрной спецификой. Параллельно ведется разработка и принятие пакета нормативно-правовых актов, регулирующих функционирование ЕАЦЭ, статус ИРЭ, правила ваучерной системы и другие аспекты модели.

На втором этапе, с учетом успешного опыта пилотных проектов начинается поэтапное развертывание ЕАЦЭ и всех сопутствующих инструментов на территорию всей страны. Происходит масштабирование наиболее эффективных практик. Ключевой задачей этого этапа является полная интеграция всех существующих государственных информационных систем (Росстат, Россельхознадзор, Минсельхоз и др.) в единый контур ЕАЦЭ для исключения дублирования данных и формирования целостной картины отрасли.

На третьем этапе модель выходит на полную проектную мощность. Основной фокус смещается с внедрения на оптимизацию. Накопленный массив больших данных позволяет задействовать технологии искусственного интеллекта для аналитики и прогнозирования рыночных тенденций, а также настройки всего организационно-экономического механизма в режиме реального времени. Система из управляемой превращается в саморегулирующуюся и саморазвивающуюся, способную проактивно адаптироваться к внутренним и внешним вызовам.

Таким образом, предложенная детализация взаимодействия контуров и дорожная карта их внедрения превращают концептуальный каркас в полноценную, работоспособную и научно обоснованную модель совершенствования организационно-экономического механизма развития аграрных формирований.

Заключение

Проведённый анализ и апробация многоконтурной адаптивной

модели организационно-экономического механизма инновационного развития аграрных формирований подтверждают её научную состоятельность и широкий спектр прикладных возможностей. Главный результат работы — переход от частных и фрагментарных мер стимулирования к построению комплексной, цифровой и адаптивной системы, направленной на повышение реальной эффективности, инновационной активности и устойчивого развития всех форм аграрного бизнеса. Практическая значимость модели проявляется в поэтапной дорожной карте внедрения: запуск пилотных регионов, формирование нормативной платформы, последовательное масштабирование и оптимизация.

В целях успешной реализации модели рекомендуется:

— в краткосрочной перспективе сосредоточить ресурсы на развитии внутрихозяйственных цифровых решений и программ повышения компетенций управленческих кадров;

— параллельно создавать условия для сервисной кооперации, формирования единого цифрового пространства (ЕАЦЭС) и вовлечения малых и средних хозяйств в сетевые экосистемы;

— незамедлительно внедрять систему интегрального рейтинга эффективности с чёткой процедурой экспертного пересмотра коэффициентов значимости и прозрачным нормативным закреплением;

— внедрять механизм «зелёного» и «социального рубля» для гарантированной интеграции социальной и экологической компоненты в системе господдержки;

— обеспечить долгосрочное финансирование создания и функционирования центров трансфера технологий и форсайт-центров, чтобы вывести исследования и инновации на прикладной уровень.

В перспективе целесообразно расширять цифровую платформу, внедрять средства автоматизированного анализа больших данных и предиктивной аналитики на основе искусственного интеллекта. Необходимо проводить сквозной мониторинг результатов внедрения модели, регулярно адаптировать механизмы государственной поддержки в соответствии с меняющимися стратегическими приоритетами и запросами агробизнеса. Комплексная реализация модели позволит не только повысить конкурентоспособность отечественного АПК, но и обеспечить лидерство страны в вопросах продовольственной безопасности, устойчивого развития сельских территорий и внедрения инноваций в аграрной сфере.

Литература:

1. Агаркова Л.В. Система мониторинга и оценки эффективности механизмов государственного стимулирования цифровой трансформации агроформирований / Л.В. Агаркова, О.В. Ельчанинова, Р.И. Сафиуллаева // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 5, №11(164). — С. 177-184.
2. Алтухов А.И. Организационно-экономические механизмы и меры по обеспечению продовольственной безопасности Союзного государства / А.И. Алтухов, А.Г. Папцов, Н.Д. Аварский [и др.]; Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства. — М., 2025. — 196 с.
3. Артемова Е.И. Внедрение цифровых технологий в аграрных организациях / Е.В. Плотникова, Е.И. Артемова // Труды Кубанского государственного аграрного университета. — 2022. — №96. — С. 47-52.
4. Барчо М.Х. Актуальные аспекты государственного регулирования технологического развития АПК России / М.Х. Барчо, П.Р. Лысенко, И.Е. Иваньшин // Современные технологии управления. — 2024. — №1(105). EDN: XCYIGI
5. Винничек Л.Б., Шумилкина Е.А. Организационно-экономический механизм: теория вопроса // В кн.: Проблемы и перспективы развития агропромышленного производства. — Пенза: Пензенский ГАУ, 2018. — С. 43-58. EDN: YXMLET
6. Нечаев В.И. Методические аспекты синергетического эффекта от реализации национальных проектов и федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства / В.И. Нечаев, И.С. Санду, А.В. Семёнов, Н.А. Поддубный // АПК: экономика, управление. — 2025. — №7. — С. 3–12.
7. Нечаев В.И. Государственная поддержка как основной инструмент технологической модернизации отечественного АПК / В.И. Нечаев, Н.А. Поддубный // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2023. — №2. — С. 8-13.
8. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. — Вып. 8 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Бредихин и др.; под ред. Л.М. Гохберга; ВШЭ. — М.: НИУ ВШЭ, 2023. — 260 с.
9. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. — Вып. 9 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Артёмов и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; ВШЭ. — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. — 248 с.
10. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. — Вып. 10 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Артёмов, и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; ВШЭ. — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.

REDUCING TRANSACTION COSTS IN PORT LOGISTICS: INSTITUTIONAL BARRIERS AND REGULATORY SOLUTIONS

Melikyan Lusine Feliksovna, *Postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow (Russia)*

The article analyzes mechanisms for reducing transaction costs in port logistics that arise during the coordination of a vessel's port call, cargo handling, and the completion of control and clearance procedures. The purpose of the study is to identify institutional barriers to digital coordination and to propose regulatory solutions that enable measurable reductions in operational time and total costs for supply chain participants. To achieve this purpose, the study addresses the following objectives: structuring the standard sequence of port procedures and identifying points where transaction costs occur; systematizing academic approaches to port digitalization based on a review of publications from 2023–2025; quantitatively assessing the components of transaction costs and the effects of digital integration. The methodology combines an institutional analysis of procedures with computational and empirical methods, including the decomposition of transaction costs into information, coordination, compliance, and control components; the assessment of labor intensity using the TDABC method; the formalization of the effect of information system compatibility through an index I; and verification procedures. The results show that the largest contribution to transaction costs is driven by fragmented mandates and requirements, heterogeneity of data and interfaces, legal uncertainty regarding the status of electronic exchange and the allocation of responsibility for data, as well as weak incentives for the sustained use of platforms. A package of measures is substantiated, including the "once-only" principle for data submission, integration of the maritime single window and the port information system, mandatory requirements for system compatibility and data quality, risk-based control, and KPI/SLA mechanisms aimed at reducing cargo dwell time in the port and the number of repeated operations. The scientific novelty lies in linking the transaction-cost approach to the architecture of port digital platforms and in developing a "barrier–solution" matrix and a calculation toolkit suitable for designing port digital transformation programs. A limitation of the study is the use of scenario-based calculations that require calibration using data from a specific port.

Keywords: *transaction costs; port logistics; port information system; maritime single window; system compatibility; institutional barriers; data governance; risk-based control; trade facilitation.*

EDN: NGMCJX ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.36***

Цитировать: *Меликян Л.Ф. Снижение транзакционных издержек в портовой логистике: институциональные барьеры и регуляторные решения // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 254-262. EDN: NGMCJX. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.36*

УДК 339.9
5.2.5

© Меликян Л.Ф., 2026

Снижение транзакционных издержек в портовой логистике: институциональные барьеры и регуляторные решения

В статье анализируются механизмы снижения транзакционных издержек в портовой логистике, возникающих при координации захода судна в порт, обработке грузов и прохождении контрольных и оформительских процедур. Цель исследования — выявить институциональные барьеры цифровой координации и предложить регуляторные решения, обеспечивающие измеримое сокращение времени операций и совокупных затрат участников цепочки поставок. Для достижения цели решаются задачи: структурирование типовой цепочки портовых процедур и точек возникновения издержек; систематизация научных подходов к цифровизации портов на основе обзора публикаций 2023–2025 гг.; количественная оценка компонентов транзакционных издержек и эффектов цифровой интеграции. Методология включает институциональный анализ процедур и расчетно-эмпирические методы: декомпозицию транзакционных издержек на информационные, координационные, комплаенс— и контрольные компоненты; оценку трудоемкости операций методом TDABC; формализацию эффекта совместимости информационных систем через индекс I; а также процедуры верификации результатов. Установлено, что наибольший вклад в транзакционные издержки формируют фрагментация полномочий и требований,

неоднородность данных и интерфейсов, правовая неопределенность статуса электронного обмена и распределения ответственности за данные, а также недостаточные стимулы к устойчивому использованию платформ. Обоснован пакет мер: принцип однократного предоставления данных, интеграция «единого окна» и портовой информационной системы, требования к совместимости и качеству данных, риск-ориентированный контроль и KPI/SLA, ориентированные на сокращение времени пребывания груза в порту и числа повторных операций. Научная новизна заключается в увязке транзакционно-издержкового подхода с архитектурой портовых цифровых платформ и разработке матрицы «барьер–решение» и расчетного инструментария для программ цифровой трансформации портов. Ограничение связано с использованием сценарных расчетов, требующих калибровки на данных конкретного порта.

Ключевые слова: *транзакционные издержки; портовая логистика; портовая информационная система; единое морское окно; совместимость систем; институциональные барьеры; управление данными; риск-ориентированный контроль; упрощение процедур торговли.*

МЕЛИКЯН Лусинэ Феликсовна, *аспирант, Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва (Россия)*

SPIN-код: 3319-6909

Введение

Транзакционные издержки в портовой логистике проявляются не только как затраты на оформление документов, но и как совокупность издержек поиска и верификации информации, координации действий множества участников (судовладелец/агент, терминал, портовая администрация, таможня и иные контрольные органы, экспедиторы, перевозчики), выполнения обязательных требований и контроля их соблюдения, а также разрешения спорных ситуаций. В условиях высокой взаимозависимости операций (заход судна в порт, планирование постановки к причалу, обработка груза, выпуск и вывоз) даже небольшие задержки и несогласованность данных приводят к каскадному росту времени и затрат вдоль всей цепочки поставок.

Актуальность исследования определяется тем, что порты становятся узловыми элементами цифровых транспортно-логистических коридоров и одновременно точками концентрации регуляторных требований, что усиливает транзакционные издержки участников международных поставок. В аналитических материалах международных организаций подчеркивается связь портовой эффективности со снижением задержек и транзакционных издержек, а также отмечается роль цифровых решений и мер по упрощению процедур торговли.

Несмотря на значительный массив работ по цифровизации портов и внедрению платформ обмена данными, в литературе сохраняются методические разрывы:

— недостаточно системно описаны институциональные барьеры цифровой координации, порождающие транзакционные издержки;

— ограниченно представлены инструменты увязки таких барьеров с измеримыми показателями времени и затрат;

— остаётся дискуссионным вопрос о регуляторных механизмах, обеспечивающих устойчивое использование цифровых платформ всеми участниками портового сообщества. В связи с этим исследовательский вопрос формулируется следующим образом: какие институциональные барьеры цифровой координации в порту являются ключевыми источниками транзакционных издержек и какие регуляторные меры позволяют измеримо сократить время операций и затраты участников.

Цель исследования — определить механизмы снижения транзакционных издержек в портовой логистике через выявление институциональных барьеров цифровой координации и обоснование регуляторных решений. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) классифицировать транзакционные издержки по этапам портовой логистики и операциям; 2) выявить институциональные барьеры, увеличивающие транзакционные издержки; 3) систематизировать международные рекомендации и регуляторные подходы к

цифровому обмену данными и координации контрольных процедур; 4) сформировать пакет регуляторных мер и показатели оценки результатов их внедрения.

Научная новизна заключается в увязке транзакционно-издержкового подхода с институциональным анализом цифровых платформ портовой логистики и разработке матрицы «барьер — регуляторное решение», пригодной для проектирования реформ и программ цифровой трансформации портов.

Исследование выполнено в рамках комбинированного дизайна, объединяющего обзор современной литературы, институциональный анализ типовой цепочки портовых процедур и сравнительный анализ регуляторных документов. Эмпирическая база включает: научные публикации 2023–2025 гг., посвященные цифровизации портов, платформам портового сообщества, зрелости «умных портов», совместимости информационных систем и управлению данными [6-10; 12-18]; нормативные и методические материалы международных организаций, содержащие стандарты и рекомендации по цифровому обмену данными [1]; аналитические отчеты, отражающие подходы к оценке портовой эффективности и меры по упрощению процедур торговли [2].

Методологический инструментарий

Методологический инструментарий включает три взаимодополняющих подхода. Во-первых, применяется контент-анализ источников с их кодированием по типам транзакционных издержек (информационные, координационные, комплаенс-издержки, издержки контроля/принуждения, адаптационные). Во-вторых, используется институциональный анализ типовой цепочки портовых процедур, учитывающий структуру участников и распределение полномочий, что позволяет выявить точки возникновения издержек и институциональные «разрывы» координации. В-третьих, проводится сравнительный анализ регуляторных решений, направленных на цифровую стандартизацию, обеспечение совместимости систем и управление рисками, включая киберриски и вопросы ответственности за данные.

Логика получения результатов строится последовательно: на первом этапе формируется карта транзакционных издержек по этапам и операциям портовой логистики; на втором — идентифицируются институциональные барьеры, усиливающие издержки; на третьем — подбираются и обосновываются регуляторные механизмы их устранения, после чего результаты сводятся в матрицу «барьер — решение».

Для перехода от качественного описания институциональных барьеров к количественной оценке эффекта регуляторных реформ используется расчетная модель транзакционных издержек на уровне захода судна в порт и (или) отдельной партии груза. Совокупные транзакционные издержки ТС трактуются как сумма затрат на сбор и верификацию информации, координацию действий, ком-

---

[1] International Maritime Organization. Guidelines for harmonized communication and electronic exchange of operational data for port calls (FAL.5/Circ.52). 31 March 2023. (регуляторный документ). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/OurWork/Facilitation/FAL%20related%20nonmandatory%20documents/FAL.5-Circ.52.pdf

International Maritime Organization. Guidelines on Port Community Systems (FAL.5/Circ.54). 25 April 2024. (регуляторный документ). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/OurWork/Facilitation/FAL%20related%20nonmandatory%20documents/FAL.5-Circ.54.pdf

International Maritime Organization. Maritime Single Window (MSW) mandatory as from 2024. URL: https://www.imo.org/en/OurWork/Facilitation/Pages/MaritimeSingleWindow-default.aspx

World Customs Organization; International Association of Ports and Harbors. Guidelines on Cooperation between Customs and Port Authorities. September 2025. (методические рекомендации/технический отчет). URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/instruments-and-tools/tools/wco-iaph-guideline/wco-iaph-guidelines-on-cooperation-between-customs-and-port-authorities_en.pdf

[2] UNCTAD. Review of Maritime Transport 2024. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2024. (отчет международной организации). URL: https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2024

UNCTAD. Review of Maritime Transport 2025: Port performance and maritime trade facilitation (Chapter IV). Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2025. P. 95–130. (отчет международной организации). URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2025ch4_en.pdf

World Bank; S&P Global Market Intelligence. Container Port Performance Index 2024: a comparable, enhanced comprehensive measure of port performance. Washington, DC: World Bank, 2024. (отчет международной организации). URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/b020fedd-c43e-4a8d-a3f5-cb0c6f77b212

плаенс-процедуры, контроль/принуждение и адаптацию к изменениям.

$$TC = TCинф + TCкоорд + TCкомпл + TCконтр + TCадапт, \quad (1)$$

где *TCинф* — информационные издержки (поиск, сверка, повторный ввод данных); *TCкоорд* — координационные издержки (планирование причала, согласование ресурсов, обмен статусами); *TCкомпл* — комплаенс-издержки (исполнение регуляторных требований, подготовка документов и сообщений); *TCконтр* — издержки контроля и принуждения (дополнительные проверки, ожидание решений, разбирательства); *TCадапт* — адаптационные издержки (изменение процессов/ИТ, обучение, переходные издержки).

Оценка каждой компоненты *TCx* может быть представлена в виде совокупности трудозатрат, прямых платежей и ожидаемых потерь от ошибок/сбоев:

$$TCx = wx * tx + cx * nx + px * Lx, \quad (2)$$

где *wx* — стоимость человеко-часа (или ставки ресурса) участников, вовлеченных в компоненту *x*; *tx* — затраты времени; *cx* — удельные транзакционные платежи/сборы; *nx* — количество транзакционных действий (сообщений, согласований, исправлений); *px* — вероятность ошибки/несоответствия или события риска; *Lx* — потери (штрафы, простой, дополнительные операции). Такая спецификация позволяет интегрировать показатели качества данных и киберрисков в расчет ожидаемых транзакционных издержек [8, с. 617–621; 26].

Для анализа влияния цифровой стандартизации используется индекс интероперабельности $I \in [0;1]$, отражающий степень совместимости данных, интерфейсов и процессов в связке MSW-PCS [11; 12]. В рамках сценарного анализа предполагается нелинейная зависимость снижения *TC* от роста *I* (эффект насыщения):

$$TC(I) = TC0 * [1 - \alpha * (1 - exp(-k*I))], \quad (3)$$

где *TC*0 — базовый уровень транзакционных издержек; α — максимальный потенциал снижения ($0<\alpha<1$); *k* — параметр скорости насыщения. Величина *I* может конструироваться на основе чек-листа (наличие «once-only», единых справочников, стандартов порт-колла, API-интеграции, электронного статуса юридически значимых сообщений).

Концептуальная схема обмена данными между участниками портовой логистики при интеграции MSW и PCS приведена на рисунке 1. Роль управления качеством данных для порт-колл оптимизации и сокращения задержек отмечается в прикладных исследованиях портового сообщества [3].

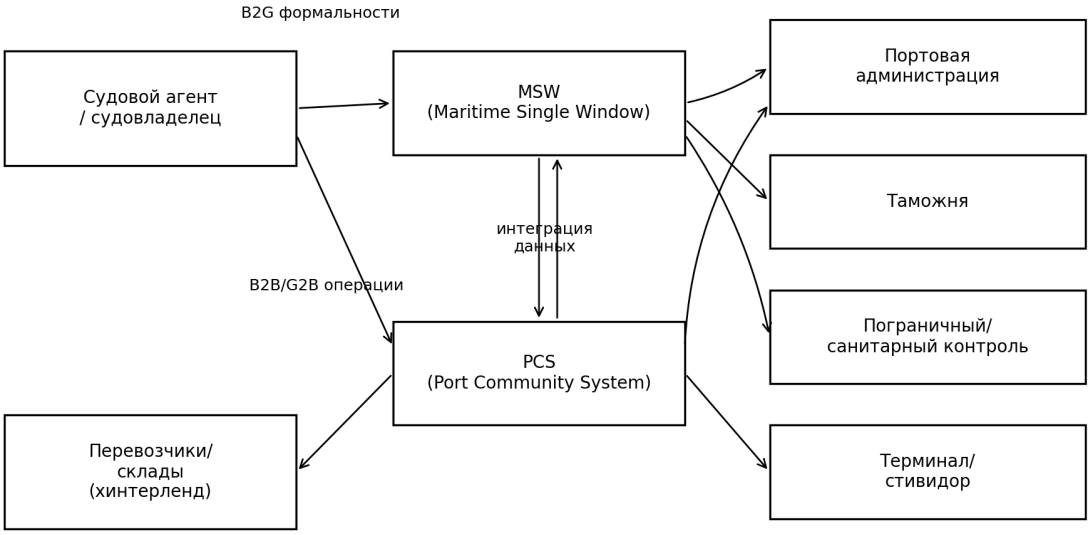

Рисунок 1 — **Архитектура обмена данными в связке MSW-PCS**
(концептуальная схема составлена автором)

[3] Port Call Optimization through Data Quality. 2024. (технический отчет). URL: https://sustainableworldports.org/wp-content/uploads/IAPH_chainPORT_JIT_Study_2024.pdf

Для обеспечения научной воспроизводимости и верификации выводов предлагается комбинировать несколько методических подходов, каждый из которых фокусируется на разных каналах формирования транзакционных издержек:

Эконометрическая идентификация эффекта реформ по панельным данным портов/терминалов:

$$ypt = \beta 0 + \beta 1(Treatp*Postt) + \gamma Xpt + \mu p + \\ + \tau t + \varepsilon pt, \quad (4)$$

где ypt — время порт-колла/длительность оформления или dwell time; μp и τt — фиксированные эффекты порта и времени.

Анализ относительной технической эффективности портов методом DEA (ориентированная на выпуск CCR/BCC постановка): Max θ при ограничениях

$$\Sigma \lambda j\ yrj \geq \theta\ yr0\ и\ \Sigma \lambda j\ xij \leq xi0,\ \lambda j \geq 0. \quad (5)$$

Метод позволяет сопоставлять порты по входам (ресурсы) и выходам (объем, время, качество), включая показатели цифровизации [16, с. 1–24].

Процессный анализ и анализ процессов по журналам событий портовой информационной системы и единого морского окна: реконструкция фактических цепочек согласований и выявление «петель» повторного ввода данных, задержек и точек риска.

Имитационное моделирование очередей для оценки эффекта синхронизации ресурсов (причал, краны, контроль) и изменения правил приоритетов (например, риск-ориентированный контроль).

Расчетно-сценарный анализ и анализ чувствительности для оценки диапазона эффекта при различных уровнях интероперабельности и качества данных.

Интеграция количественных методов с институциональным анализом позволяет сопоставить изменения в регуляторной архитектуре (обязательность единого морского окна, развитие портовой информационной системы и внедрение гармонизированных данных о судозаходе) с наблюдаемыми изменениями во времени процедур и в показателях портовой эффективности.

Результаты исследования и их обсуждение

Современные исследования подчеркивают, что цифровые платформы порта снижают затраты на повторный ввод данных, ускоряют согласования и сокращают ошибки за счет стандартизации и прозрачности процедур. Количественное исследование по MSW демонстрирует, что цифровое оформление может снижать административную нагрузку и повышать управляемость процедур [14].

Вместе с тем эффекты платформ зависят от устойчивости использования и качества данных. Кейс по Швеции показывает, что прекращение использования или формальное применение портовых информационных систем объясняется не только уровнем технологической оснащённости, но и организационными и регуляторными механизмами, которые напрямую влияют на удовлетворённость пользователей и качество формируемой информации [12].

Работы по интеграции информации на уровне порта фиксируют положительную связь между порт-центрированной информационной интеграцией и показателями производительности: чем выше степень интеграции и согласованности данных, тем ниже издержки координации и выше предсказуемость операционной деятельности [9, с. 470–474].

Эти результаты согласуются с практическими оценками портовой эффективности [4] и аналитическими выводами о роли цифровизации и упрощения процедур торговли в сокращении задержек.

Отдельная линия исследований указывает, что ключевые ограничения цифровизации сосредоточены в сфере управления данными: отсутствие формализованных правил обеспечения качества данных, их принадлежности, доступа и ответственности, а также процедур устранения несоответствий снижает доверие к цифровым каналам и приводит к росту издержек контроля [8, с. 617–630].

Систематический обзор по применению блокчейна в MSW/PCS подтверждает, что при потенциальных преимуществах прозрачности и доверия барьеры концентрируются

[4] World Bank; S&P Global Market Intelligence. Container Port Performance Index 2024: a comparable, enhanced comprehensive measure of port performance. Washington, DC: World Bank, 2024. (отчет международной организации). URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/b020fedd-c43e-4a8d-a3f5-cb0c6f77b212

вокруг масштабируемости, интероперабельности, стандартов и правового статуса цифровых записей [13].

Исследования портового управления показывают, что институциональная фрагментация и множественность центров принятия решений создают системные транзакционные издержки: возрастают издержки согласований и возникает дублирование процедур [17].

Обзоры и модели зрелости «умных портов» [6, с. 1748–1758; 7, с. 447–465; 15, с. 57–62] также демонстрируют, что зрелость определяется не количеством технологий, а степенью стандартизации процессов, совместимости систем и устойчивости управления изменениями.

Институциональный анализ типовой цепочки портовых процедур позволяет выделить пять зон возникновения транзакционных издержек:

1) информационные издержки: поиск статуса судна/груза, сверка и верификация данных, многократное подтверждение идентификаторов и справочников;

2) координационные издержки: согласование времени прибытия и операций, синхронизация ресурсов (причал, техника, персонал), управление окнами под контроль и обработку;

3) комплаенс-издержки: выполнение разрозненных требований разных ведомств, подготовка документов в различных форматах, повторные запросы;

4) издержки контроля и принуждения: дополнительные проверки из-за низкого качества данных, задержки из-за слабой интеграции риск-профилей, издержки споров и санкций;

5) адаптационные издержки: перенастройка процессов и ИТ при изменениях норм и форматов, обучение, сопротивление участников, разрывы использования платформ [12].

На основе обзора литературы и анализа документов выделены пять ядровых барьеров:

B1. Фрагментация полномочий и требований: несогласованность регуляторных требований и интерфейсов ведет к росту административной нагрузки и комплаенс-издержек [17].

B2. Несовместимость данных и интерфейсов (низкая интероперабельность): отсутствие гармонизации данных поддерживает ручные сверки, ошибки и задержки; руководства IMO ориентированы на гармонизированный электронный обмен операционными данными порт-колла.

B3. Дефицит управления данными: отсутствие правил качества и ответственности повышает издержки контроля и снижает доверие к платформам [8, с. 617–630].

B4. Правовая неопределенность цифрового обмена и распределения ответственности: неопределенность статуса цифровых записей и ответственности за данные увеличивает риск, споры и дублирование процедур [13].

B5. Слабые стимулы к совместному использованию платформ и устойчивой эксплуатации: часть акторов остается вне цифрового контура или использует его формально, что снижает эффект от PCS [12].

Сформирован пакет регуляторных решений, соотносимый с барьерами B1-B5.

1. Принцип «однократного предоставления» и обязательная цифровая подача данных: внедрение MSW как единого канала подачи и обмена информацией при заходе судов, обязательного с 2024 г. Механизм снижает комплаенс-издержки и издержки ожидания за счет устранения повторного ввода и противоречивых требований.

2. Интеграция MSW и PCS в единую портовую цифровую экосистему: MSW покрывает B2G-процедуры, тогда как PCS обеспечивает B2B и G2B взаимодействия и сервисы портового сообщества. Регуляторно целесообразно закреплять модель управления, правила подключения и минимальный набор сервисов PCS.

3. Гармонизация операционных данных захода судна в порт и стандартизация информационного обмена: применение руководств Международной морской организации по унифицированным данным портового захода снижает издержки интеграции и количество ошибок, повышает предсказуемость процедур и ускоряет координацию действий участников.

4. Формализованная система управления данными и киберустойчивость: закрепление ролей и ответственности за данные, правил доступа, требований к качеству информации и управления киберрисками [8, с. 617–630]. Это снижает издержки контроля и потери, связанные с инцидентами.

5. Межведомственная координация и скоординированное управление границей: институционализация сотрудничества таможни и портовых властей, согласование процессов и данных, обмен риск-профилями.

6. Управление изменениями и стимулы участия: KPI использования, SLA к качеству данных, совместное финансирование и меры поддержки пользователей для предотвращения деградации использования PCS [12].

Таблица 1 — **Матрица «барьер — решение»**

Институциональный барьер	Следствие для ТИ	Приоритетное регуляторное решение
B1 Фрагментация требований	рост комплаенс-издержек, задержки	MSW как единая точка подачи + межведомственные процедуры
B2 Несовместимость данных	ошибки, ручные сверки	Гармонизация данных портового захода судов и интерфейсов информационного обмена
B3 Слабая система управления данными	недоверие, рост контроля	закрепление ролей и ответственности за данные, правила доступа и качества
B4 Правовая неопределенность	риски, споры, дублирование	правовой режим электронного обмена + стандарты и интероперабельность
B5 Низкая устойчивость использования	параллельные процессы, ручной труд	управление изменениями, KPI/SLA, стимулы участия

В дополнение к институциональному анализу выполнен расчетно-сценарный пример, иллюстрирующий порядок влияния интероперабельности (MSW-PCS), принципа «однократного предоставления» и улучшения качества данных на величину ТС. Расчет носит демонстрационный характер и предназначен для методической валидации уравнений (1)-(3); фактические значения должны калиброваться по данным конкретного порта/терминала.

Таблица 2 — **Декомпозиция транзакционных издержек и эффект пакета мер (условные единицы на порт-заход)**

Компонента	До	После мер	Δ, ед.	Δ, %
Информационные	30.0	18.0	12.0	40.0
Координационные	25.0	17.5	7.5	30.0
Комплаенс	35.0	28.0	7.0	20.0
Контроль/ принуждение	7.0	6.3	0.7	10.0
Адаптационные	3.0	2.7	0.3	10.0
Итого	100	72.5	27.5	27.5

Составлено автором на основе обработки данных.

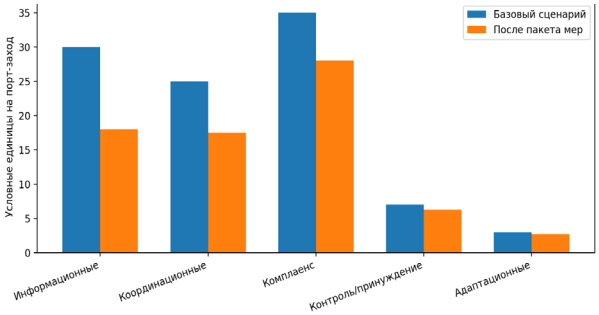

Рисунок 2 — **Структура транзакционных издержек по компонентам до и после пакета мер**

Составлено автором на основе обработки данных.

Совокупные транзакционные издержки в базовом сценарии составляют $TC0 = 100.0$ усл. ед., после применения пакета мер — $TC1 = 72.5$ усл. ед.; относительное снижение $\Delta TC/TC0 = 27.5\%$. Структура сокращения по компонентам показана на рисунке 2.

Для проверки устойчивости результатов выполнен анализ чувствительности ТС к индексу интероперабельности I по уравнению (3). При росте I снижение издержек имеет эффект насыщения: наибольший вклад дает переход от фрагментированных «точечных» интеграций к унифицированным справочникам, стандартным сообщениям порт-колла и юридически значимому электронному обмену. Результаты сценарного анализа представлены на рисунке 3.

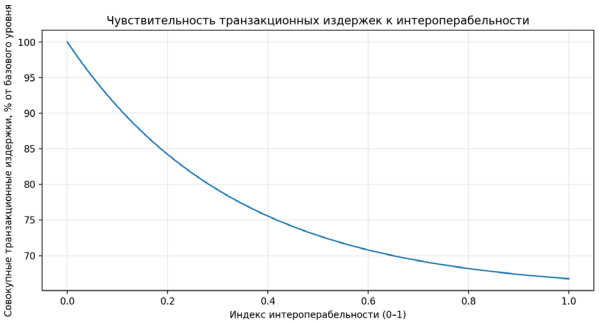

Рисунок 3 — **Чувствительность совокупных транзакционных издержек к интероперабельности**

Составлено автором на основе обработки данных.

Сокращение времени процедур отражает эффект согласованного планирования

порт-колла и «сквозных» статусов в PCS, а также уменьшение повторной подачи данных в рамках MSW. В прикладных рекомендациях портового сообщества акцентируется, что улучшение качества данных является необходимым условием для port call optimization и сокращения задержек. Графическое сравнение временных параметров приведено на рисунке 4.

Таблица 3 — **Сокращение времени ключевых процедур (условный пример, часов)**

Процедура	До	После	Δ, ч	Δ,%
Предварительное уведомление/ формальности	6	2	4	66.7
Планирование причала и ресурса	8	5	3	37.5
Таможенный выпуск/контроль	24	16	8	33.3
Вывоз/гейт-операции	12	8	4	33.3

Составлено автором на основе обработки данных.

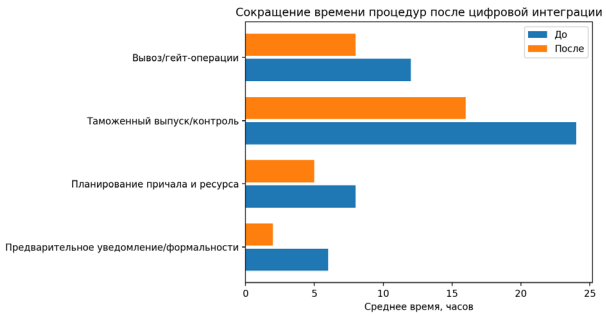

Рисунок 4 — **Сокращение времени процедур после цифровой интеграции**

Составлено автором на основе обработки данных.

Для оценки экономической целесообразности цифровой интеграции (MSW-PCS, harmonized port call data, data governance) целесообразно применять расчет затрат и выгод (CBA) с приведением потоков во времени:

$$NPV = \Sigma t=0..T\ (Bt\ —\ Ct)\ /\ (1 + r)^t. \qquad (6)$$

В условном примере: CAPEX = 1200 ед. в момент t=0, годовые выгоды B = 500 ед., годовые эксплуатационные затраты C = 100 ед., ставка дисконтирования r = 0.10, горизонт T = 5 лет. Тогда $NPV \approx 316.3$ ед. > 0, что означает экономическую оправданность проекта при заданных параметрах. На практике B и C формируются из (i) сокращения трудозатрат и времени простоя; (ii) снижения ошибок/штрафов; (iii) повышения пропускной способности и предсказуемости операций.

Первый вывод состоит в том, что снижение транзакционных издержек в порту является преимущественно институциональной задачей: технологии MSW/PCS дают потенциал, но реализуют его только при наличии согласованных правил участия, стандартов данных и ответственности. Это соответствует выводам о влиянии институциональной фрагментации на управляемость портовых реформ [17] и наблюдениям о регуляторно-организационных факторах, подрывающих устойчивость использования PCS [12].

Второй вывод: эффект цифровизации на транзакционные издержки нелинеен. На ранних стадиях неизбежен рост адаптационных издержек (настройка интеграций, обучение, реинжиниринг процессов). Поэтому регуляторный пакет должен включать не только обязательность цифрового обмена, но и механизмы управления изменениями, качества данных и киберустойчивости, что согласуется с подходом IMO к PCS как к инфраструктуре межорганизационного взаимодействия.

Третий вывод: центральную роль играет управление данными. В современных цепочках «порт — судно — контроль — терминал — хинтерленд» транзакционные издержки все чаще являются издержками плохих данных (несовместимость, неполнота, поздняя актуализация, отсутствие доверия). Гармонизация данных порт-колла и конвергенция портовых и таможенных данных выступают прямыми механизмами снижения таких издержек.

Ограничение исследования: работа носит концептуально-прикладной характер и не выполняет эконометрической оценки эффектов «до/после» для конкретного порта. Перспективно сочетать предложенную матрицу барьеров с количественными индикаторами портовой эффективности и данными цифровых платформ.

Заключение

В статье показано, что транзакционные издержки в портовой логистике формируются на стыке институтов и данных: множественность регуляторов и требований, несовместимость форматов, слабое управление данными и неопределенность ответственности приводят к росту комплаенс— и координационных затрат, задержкам и дублированию операций.

Получены основные результаты: предложена карта транзакционных издержек по этапам портовой логистики; выделены пять институциональных барьеров (B1–B5), объясняющих ограничения цифровой координации; обоснован пакет регуляторных мер снижения транзакционных издержек, включающий обязательную цифровую подачу данных через MSW, развитие PCS с юридической рамкой и механизмами управления, гармонизированный обмен данными порт-колла, межведомственную координацию и конвергенцию данных [26], а также механизмы устойчивого использования платформ.

Практическая ценность результатов состоит в том, что матрица «барьер — решение» может использоваться портовыми администрациями и регуляторами при разработке дорожных карт цифровизации, при проектировании требований к интероперабельности и при согласовании процедур контрольных органов.

Направления дальнейших исследований включают количественную оценку вклада отдельных механизмов (риск-ориентированный контроль, KPI качества данных) в сокращение времени портовой очистки и затрат участников, а также анализ оптимальных моделей управления оператором PCS (публичная, государственно-частная, консорциумная).

Литература

1. Куроптев Н.Б. О совершенствовании деятельности таможенных органов по совершению таможенных операций и проведения таможенного контроля при прибытии товаров и транспортных средств на таможенную территорию ЕАЭС морским транспортом // Бюллетень инновационных технологий. — 2025. — Т. 9, №4(36). — С. 46–49.
2. Марс Р.С., Сылко А.С. Концепция «сухого порта» и перспективы развития подобного объекта на Дальнем Востоке России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Морская техника и технология. — 2024. — №4. — С. 106–110.
3. Парфенов А.В., Сюй Наймин Стратегические направления и перспективы развития в РФ логистической информационной платформы LOGINK // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. — 2023. — №4. — С. 87–95.
4. Чернов О.А. Совершенствование модели межинституционального взаимодействия для повышения экономической эффективности морского транспорта на рынке логистических услуг // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. — 2025. — №4. — С. 102–112.
5. Шепелин Г.И., Чижанькова И.В., Ниязбекова Ш.У. Проблематика цифровой и интеллектуальной трансформации в деятельности российских морских портов // Управленческий учет. — 2023. — №6. — С. 320–325.
6. Basulo-Ribeiro J., Pimentel C., Teixeira L. What is known about smart ports around the world? A benchmarking study // Procedia Computer Science. — 2024. — Vol. 232. — P. 1748–1758.
7. Boullauazan Y., Sys C., Vanelslander T. Developing and demonstrating a maturity model for smart ports // Maritime Policy & Management. — 2023. — Vol. 50, №4. — P. 447–465.
8. Gao J., Sun Y., Rameezdeen R., Chow C. Understanding data governance requirements in IoT adoption for smart ports: a gap analysis // Maritime Policy & Management. — 2024. — Vol. 51, №4. — P. 617–630.
9. Jiang B., Haider J., Li J., Wang Y., Yip T.L., Wang Y. Exploring the impact of port-centric information integration on port performance: the case of Qingdao Port // Maritime Policy & Management. — 2023. — Vol. 50, №4. — P. 466–491.
10. Liu L., Lai K.-H., Wong C.W.Y., Lun Y.V., Xin J. Smart ports for sustainable shipping: concept and practices revisited through the case study of China's Tianjin port // Maritime Economics & Logistics. — 2025. — Vol. 27, №1. — P. 50–95.
11. Matekenya W., Siyanda B. Technical efficiency of Southern African Customs Union ports: a data envelopment analysis approach // Journal of Shipping and Trade. — 2025. — Vol. 10. Article 19.
12. Mubder A.A.A.M., Fredriksson A. Mechanisms supporting the continuance use of Port Community Systems: a Swedish case study // Transportation Research Interdisciplinary Perspectives. — 2025. — Vol. 34. — Article 101715.
13. Nasser A., Ouzayd F., Ech-cheikh H. Blockchain technology in maritime single window and port community systems: a bibliometric analysis and systematic literature review // Telematics and Informatics Reports. — 2025. — Vol. 18. — Article 100206.
14. Peynirci E. The rise of emerging technologies: a quantitative-based research on "maritime single window" in Turkey // Research in Transportation Business & Management. — 2023. — Vol. 46. — Art. 100770.
15. Pham T.Y. A smart port development: systematic literature and bibliometric analysis // The Asian Journal of Shipping and Logistics. — 2023. — Vol. 39, №3. — P. 57–62.
15. Tsvetkova A., Wang Y., Zhang W., Li L., Li Z., Ren R. Digitalisation in RoPax ports: a categorisation framework of port digitalisation solutions // Maritime Policy & Management. — 2025. — Vol. 52, №4. — P. 535–558.
17. Wilmsmeier G., Pallis A.A., Schorch S.L., Trujillo D.L. Port governance and the implications of institutional fragmentation: lessons from Colombia // Research in Transportation Business & Management. — 2024. — Vol. 56. — Article 101179.
18. Zeng F., Chen A., Xu S., Chan H.K., Xu L. Digitalization of the maritime shipping service: defining the digital freight forwarder // International Journal of Physical Distribution & Logistics Management. — 2025. — Vol. 55, №8. — P. 869–893.

IMPROVING THE MANAGEMENT STRATEGY OF SOCIAL AND CULTURAL ORGANIZATIONS BASED ON THE PRINCIPLES OF SOCIAL RESPONSIBILITY

Ratnikov Artem Mikhailovich, *Postgraduate student, Moscow University "Synergy", Moscow (Russia)*

Skiter Natalia Nikolaevna, *DSc of Economics, Associate Professor, Volgograd State Technical University; Moscow University "Synergy", Moscow (Russia)*

The article focuses on the problem of integrating social responsibility principles into the strategic management of socio-cultural organizations, using the "Tsaritsynskaya Opera" theater in Volgograd as a case study. The relevance of the research is driven by the need to find sustainable management models that harmonize artistic objectives, social impact, and the economic viability of cultural institutions amidst the transformation of social values. The purpose of the study is to develop theoretical and methodological provisions and practical recommendations for improving the theater management strategy based on the principles of social responsibility. The study revealed the absence of a formalized strategy and mission at the "Tsaritsynskaya Opera" theater. Based on the analysis of the internal and external environment, a new socially oriented mission of the theatre, a strategic goal and a system of decomposed subgoals are proposed. A set of practical measures within the framework of functional strategies is developed: operational, marketing, financial, innovation, and human resources, all aimed at implementing the principles of social responsibility. Key proposals include creating a multi-level educational environment, introducing social marketing, building an ecosystem of responsible financing, digital transformation, and developing human capital. The article's conclusions indicate that the systemic integration of social responsibility principles into strategic management can become a source of competitive advantage for a regional theater, strengthen its legitimacy, ensure long-term sustainability, and fulfill its mission as an agent of positive socio-cultural change. The proposed model can be adapted for other cultural institutions.

Keywords: *strategy of cultural institutions; cultural sphere; strategic management; functional strategies; social responsibility; creation of shared values; sustainable development.*

EDN: NONXIU ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.37***

Цитировать: *Ратников А.М., Скитер Н.Н. Совершенствование стратегии управления организациями социально-культурной сферы на основе принципов социальной ответственности // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 263-271. EDN: NONXIU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.37*

УДК 338.46
5.2.6

Совершенствование стратегии управления организациями социально-культурной сферы на основе принципов социальной ответственности

© Ратников А.М., Скитер Н.Н., 2026

Статья посвящена проблеме интеграции принципов социальной ответственности в стратегическое управление организациями социально-культурной сферы на примере театра «Царицынская опера» г. Волгоград. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска устойчивых моделей управления, гармонизирующих художественные задачи, социальный эффект и экономическую устойчивость учреждений культуры в условиях трансформации общественных ценностей. Цель исследования — разработать теоретико-методические положения и практические рекомендации по совершенствованию стратегии управления театром на основе принципов социальной ответственности. В результате исследования выявлено отсутствие формализованной стратегии и миссии у театра «Царицынская опера». На основе анализа внутренней и внешней среды предложена новая социально ориентированная миссия театра, стратегическая цель и система декомпозированных подцелей. Разработан комплекс практических мер в рамках функциональных стратегий: операционной, маркетинговой, финансовой, инновационной, кадровой, направленных на реализацию принципов социальной ответственности. Ключевые предложения включают создание многоуровневой образовательной среды, внедрение социального маркетинга, построение экосистемы ответственного финансирования, цифровую трансформацию и развитие человеческого капитала. Выводы статьи свидетельствуют о том, что системная интеграция принципов социальной ответственности в стратегическое

РАТНИКОВ Артём Михайлович, *аспирант, Московский университет «Синергия», Москва (Россия)*

SPIN-код: 8153-6438

СКИТЕР Наталья Николаевна, *доктор экономических наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет; Московский университет «Синергия», Москва (Россия)*

SPIN-код: 1877-1866
ORCID ID: 0000-0003-1060-0184
ResearcherID: Y-6653-2018

управление способна стать источником конкурентных преимуществ для регионального театра, укрепить его легитимность, обеспечить долгосрочную устойчивость и выполнение миссии как агента позитивных социокультурных изменений. Предложенная модель может быть адаптирована для других учреждений культуры.

Ключевые слова: *стратегия учреждений культуры; сфера культуры; стратегическое управление; функциональные стратегии; социальная ответственность; создание общих ценностей; устойчивое развитие.*

Введение

В современных условиях трансформации общественных ценностей и усиления роли нематериальных активов организации социально-культурной сферы сталкиваются с необходимостью поиска новых устойчивых моделей управления. Традиционные административно-хозяйственные подходы зачастую оказываются недостаточными для решения задач социальной интеграции, формирования культурного капитала территории и обеспечения долгосрочной конкурентоспособности. В этой связи теоретическая актуальность работы обусловлена потребностью в научном осмыслении и интеграции принципов социальной ответственности в управленческий стратегический аппарат организаций социально-культурной сферы, что расширяет границы таких дисциплин, как стратегический менеджмент, социокультурное проектирование и теория корпоративной социальной ответственности (КСО). Практическая актуальность определяется острой необходимостью для учреждений культуры, в частности театров, в действенных инструментах, позволяющих гармонизировать художественные задачи, социальный эффект и экономическую устойчивость. Внедрение стратегии, основанной на принципах социальной ответственности, способно стать ключевым фактором укрепления легитимности организации в глазах общества, власти, спонсоров и аудитории, а также инструментом управления репутацией и формирования лояльного сообщества. Научная актуальность исследования видится в преодолении фрагментарности изучения социальной ответственности применительно к некоммерческому и креативному сектору. Большинство существующих моделей социальной ответственности разработаны для коммерческих корпораций, в то время как их адаптация к реалиям театра требует учета его миссионерской и просветительской функций.

Проблема исследования заключается в наличии противоречия между признанной значимостью принципов социальной ответственности для развития организаций социально-культурной сферы и недостаточной разработанностью методического и стратегического аппарата по их системной интеграции в практику стратегического управления конкретными учреждениями, например, такими как репертуарные театры. Объектом исследования является стратегия управления организацией социально-культурной сферы (на примере театра «Царицынская опера», г. Волгоград). Предметом исследования выступает процесс интеграции принципов социальной ответственности в элементы стратегического управления театром «Царицынская опера». Цель исследования строится на разработке теоретико-методических положений и практических рекомендаций по совершенствованию стратегии управления театром на основе принципов социальной ответственности.

Выбор театра «Царицынская опера» в качестве кейса для анализа не случаен. Будучи крупным музыкальным театром в регионе с уникальным историко-культурным контекстом, он является репрезентативным примером организации, находящейся на пересечении вызовов сохранения академических традиций, необходимости инновационного развития и выполнения ожидаемой социальной роли в городской среде. Исследование управленческих практик театра «Царицынская опера» позволит выявить как типичные проблемы, так и специфические возможности для построения социально-ответственной стратегии управления.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа исследования базируется на принципах системного подхода, что позволяет сформировать комплекс

взаимодополняющих методов, адекватных поставленным задачам. На общенаучном уровне применяются методы теоретического познания: индукция и дедукция, анализ и синтез, сравнение, абстрагирование и обобщение. Специальные методы исследования направлены на сбор и интерпретацию эмпирических данных и включают: анализ документов, в том числе системный анализ и синтез научной литературы, контент-анализ текстовой и медийной информации, дискурс-анализ публичных коммуникаций. Синергия указанных методов направлена на обеспечение достоверности, объективности и полноты научного поиска, что является необходимым условием для достижения цели и получения валидных результатов.

Научный дискурс в области стратегического управления для некоммерческих организаций и учреждений сферы культуры представлен трудами ряда ключевых зарубежных и отечественных исследователей. Зарубежная научная мысль консолидирована вокруг таких исследователей, как: Г. Хагурт, Ш.М. Остер, Ф. Котлер, М.Х. Мур, Д.Ф. Вольф, Дж.М. Брайсон, чьи работы заложили теоретико-методологические основы стратегического менеджмента и маркетинга в некоммерческом секторе; Р.Л. Линч, П.Б. Дюшесн, Ф. Колбер, сконцентрировавших свои исследования на специфике стратегического управления и маркетинга непосредственно в области искусства и культуры. Отечественные исследования в данной области, представленные работами Е.А. Байкова, В.В. Чижикова, С.Г. Коленько, Е.Л. Шековой, Г.Л. Тульчинского, Т.В. Катковой, М.Л. Фокиной, развиваются в контексте адаптации общих стратегических подходов.

Вопрос интеграции концепции социальной ответственности в стратегию организаций стал предметом глубокого изучения многих зарубежных и отечественных ученых. Их работы демонстрируют эволюцию от понимания КСО как филантропии до стратегического подхода, создающего ценность для бизнеса и общества. Среди зарубежных авторов, разработавших ключевые модели интеграции, следует отметить А. Кэрролла, Э. Фримена, М. Портера, М. Крамера, Дж. Элкингтона, С. Харта, Л. Бурка, Дж. Логсдона, Д. Чендлера. Российские исследователи, такие как Ю.Е. Благов, А.Н. Шохин, В.С. Ефремова, И.Ю. Беляева, активно адаптируют и развивают западные концепции в контексте национальной экономики и управления.

Анализ существующих исследований позволяет констатировать диссонанс между широкой теоретико-методологической базой в области стратегического управления и концепции социальной ответственности, с одной стороны, и фрагментарностью их применения к специфике организаций сферы культуры, с другой стороны. Выявленный теоретико-методологический пробел определяет актуальность эмпирического исследования, нацеленного на систематизацию имеющихся подходов и разработку концептуальных основ стратегического управления, основанного на парадигме социальной ответственности, с последующей их апробацией на примере конкретного учреждения культуры.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных условиях глобализации и цифровой трансформации, характеризующихся высокой динамичностью рынков, эффективная деятельность хозяйствующих субъектов немыслима без комплексного учёта интересов человека и общества. Формирование данной парадигмы напрямую связано с возведением концепции устойчивого развития в ранг глобального императива. Ключевым постулатом этой концепции является необходимость удовлетворения потребностей настоящего времени без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные нужды.

Концепция социальной ответственности зародилась в середине XX века как ответ на растущие социальные ожидания к бизнесу, акцентировала свое внимание на добровольном вкладе в общественное благо и этичном поведении. Социальная ответственность долгое время считалась как часть личного выбора каждой организации и носила хаотичный характер, однако в дальнейшем эта теория становится новой идеологией развития бизнеса [8, с. 1054]. Генезис концепции социальной ответственности бизнеса предшествовал оформлению комплексной концепции устойчивого развития. Однако в современном научном и практическом поле эти концепции образуют диалектическое единство. В этой

связи концепция социальной ответственности выступает не как обособленный набор благотворительных практик, а как операционная и стратегическая проекция принципов устойчивого развития на уровень отдельной организации. Она представляет собой механизм, посредством которого компании интегрируют социальные и экологические аспекты в свою основную деятельность, учитывая интересы всех стейкхолдеров.

Развивая данную мысль, следует отметить, что реализация КСО эволюционирует от патерналистской модели разовых социальных инвестиций к модели стратегической социальной ответственности. В последней социальные и экологические цели системно согласуются со стратегией организации, что позволяет трансформировать соответствующие вызовы в источники инноваций и конкурентных преимуществ. Таким образом, КСО становится неотъемлемым элементом управления долгосрочной ценностью компании, способствуя минимизации нефинансовых рисков, то есть репутационных, регуляторных, кадровых, укрепляя легитимность организаций в обществе и обеспечивая устойчивость его цепочек создания стоимости.

Более того, наиболее прогрессивной формой данной интеграции выступает концепция создания общих ценностей. Разработка концепции создания общих ценностей в основе своей имеет идеи известных экономистов М. Е. Портера и М. Р. Крамера, которые в 2011 г. ввели в экономический оборот термин «создание общих ценностей» [2, с. 83]. Понятие «общей ценности» можно определить как постоянные практики, способствующие повышению конкурентоспособности компании и одновременно стимулирующие формирование более благоприятных социально-экономических условий в сообществах, в которых осуществляется деятельность организации. Создание общих ценностей нацелено на выявление и укрепление взаимосвязей между общественным и экономическим прогрессом [11, с. 67]. То есть концепция создания общих ценностей предполагает перепроектирование самой бизнес-модели компании для решения социальных проблем параллельно с извлечением экономической прибыли. В данном контексте КСО, устойчивое развитие и создание общих ценностей образуют взаимосвязанную систему: устойчивое развитие задаёт целевую рамку и систему координат, КСО предоставляет базовый инструментарий управления, воздействуя на стейкхолдеров, а создание общих ценностей предлагает механизм глубинной стратегической конвергенции интересов организаций и общественных интересов.

Специфика учреждений культуры как гибридных организаций, продуцирующих в качестве основного результата культурный опыт и социальный капитал, требует индивидуализации подхода к определению их социальной ответственности. Такой подход должен интегрировать художественную миссию, социальные эффекты и экономические реалии, выходя за рамки традиционных корпоративных схем КСО. На основании вышесказанного, социальная ответственность организаций культуры — это стратегический подход, при котором учреждение рассматривает себя как активного агента позитивных изменений, выходя за рамки своей основной деятельности. Это выражается в обеспечении и максимальной доступности культурных благ, работе с локальными сообществами, сохранении наследия и внедрении этичных и экологичных практик во все аспекты своей работы [5, с. 205].

Оптимальная модель внедрения принципов и элементов КСО предполагает их органичное включение на всех этапах разработки стратегии для культурных организаций. Данный процесс носит системный характер и охватывает всю иерархию стратегического управления: от базовых установок, то есть видения и миссии до стратегических целей и конкретных стратегий корпоративного, конкурентного и функционального уровней.

Стратегическое управление представляет собой процесс, состоящий из последовательности взаимосвязанных этапов. В научной литературе представлены различные варианты моделей, детализирующих данный процесс. В качестве одной из репрезентативных и структурно завершенных может рассматриваться модель, предложенная М. Месконом, которая определяет конкретную последовательность осуществления процесса стратегического управления в организации: формирование миссии организации; обозначение целей организации; оценка и анализ внешней среды; управленческое обследование сильных и сла-

бых сторон; анализ стратегических альтернатив; выбор стратегии; реализация стратегии; оценка стратегии [3, с. 256]. Следует отметить, что важной особенностью структуры стратегического управления является обратная связь, то есть обратное влияние процессов друг на друга и на всю совокупность [1, с. 133].

В методологии стратегического управления миссия выступает в качестве первичного концептуального фундамента, базиса для формулирования стратегических целей высшего порядка и обеспечения целостности планирования. Как перманентный ориентир, миссия не ограничена временными рамками достижения, а устанавливает направление деятельности. Миссия организации выражает ее философию и смысл существования, то есть сформулированная миссия выступает в качестве официального заявления руководства об общественно значимых намерениях организации, сфере деятельности, о ключевых ценностях и принципах работы организации [6, с. 167].

Анализ открытых источников свидетельствует об отсутствии у театра «Царицынская опера» формализованной миссии и утвержденной комплексной стратегии. Ключевым маркером публичного позиционирования в данном контексте выступает слоган, который гласит «Великому городу — великая музыка!». [1] Он в данном случае выполняет функцию лаконичного публичного тезиса.

Опираясь на научные рекомендации формулировки миссии, а также ориентируясь на принципы социально ответственной деятельности, предлагается ее следующее изложение для театра: «Царицынская опера» — это театр-мост, соединяющий великую историю Царицына-Сталинграда-Волгограда с его созидательным будущим через силу музыки и драмы. Мы создаем среду, где оперное и балетное искусство становится языком взаимопонимания и личностного роста для каждого жителя Волгоградского региона». В соответствии с данной миссией историческая память становится ресурсом, который театр направляет на две ключевые цели: социальную консолидацию сообщества и личностное развитие жителей. В этой роли «Царицынская опера» выступает агентом преобразований, где искусство формирует инклюзивную среду и конструирует образ созидательного будущего.

Стратегические цели представляют собой операционализацию миссии организации, обеспечивая её конкретизацию. Данные цели базируются на критериях измеримости и временной определённости. Процесс стратегического целеполагания характеризуется не формулированием изолированной цели, а построением системы скоординированных целевых установок. Кроме того, представляется необходимым сонастроить все второстепенные цели организации с главной целью, миссией и согласовать всё вместе с конкретными действиями. Данная задача решается с помощью построения дерева целей [9, с. 91; 10, с. 420]. Такой подход предполагает визуализацию иерархической системы целей, обеспечивая их структурированное отображение по уровням управления: от генеральной стратегической цели на вершине до тактических задач на нижних уровнях. Это позволяет декомпозировать общую цель на подцели первого уровня, которые, в свою очередь, детализируются в цели последующих уровней.

На основе сформулированной ранее миссии предлагается следующая стратегическая цель для театра «Царицынская опера»: «Стать к 2030 году ведущим культурно-общественным центром Волгоградского региона, где мировые стандарты оперного и балетного искусства служат катализатором социальной сплочённости, культурной идентичности и личностного развития жителей, укрепляя статус Волгограда как города мирового культурного наследия и современного творчества». Декомпозировать данную цель, основываясь на социально ответственном поведении, можно на следующие подцели: обеспечить синтез эталонного исполнения академического репертуара и экспериментальных художественных практик посредством формирования сбалансированного репертуара; разработать и институционализировать тематическую программную линию, транслирующую нарративы локальной истории через призму музыкально-сценических жанров; сформировать непрерывную многоуровневую систему художественно-образовательных услуг, адресованных различным возрастным и социальным

[1] Официальный сайт театра «Царицынская опера»: сайт. URL: https://tzaropera.ru/

группам; минимизировать социокультурные и экономические барьеры для приобщения к театральному искусству целевых групп, находящихся в зоне риска культурной эксклюзии; сформировать конкурентоспособную и устойчивую кадровую модель театра, основанную на принципах профессионального роста, социальной защищенности и благоприятной организационной культуры для обеспечения высочайшего художественного качества и долгосрочной лояльности сотрудников.

В контексте развития управленческой мысли различные школы стратегического менеджмента конструируют уникальные методологические системы для проведения анализа внешней и внутренней среды организации. Среди основных методов стратегического анализа внешней и внутренней среды можно выделить: модель Р. Гриффина, метод 5*5 М. Мескона, SNW-анализ, SWOT-анализ, GAP-анализ, PEST-анализ, SPACE-анализ, портфельный анализ, модель Мак-Кинси, пять сил Портера, R-анализ, риск-анализ [7, с. 218].

В научной и управленческой практике доминирующее положение занимает SWOT-анализ, методологическая основа которого была предложена Альбертом Хамфри. Данный метод применяется для систематизации информации посредством её распределения в рамках матрицы по четырём категориям: сильные и слабые стороны, рассматриваемые как внутренние атрибуты объекта, а также возможности и угрозы, относящиеся к внешней среде. На рисунке приведен SWOT-анализ театра «Царицынская опера».

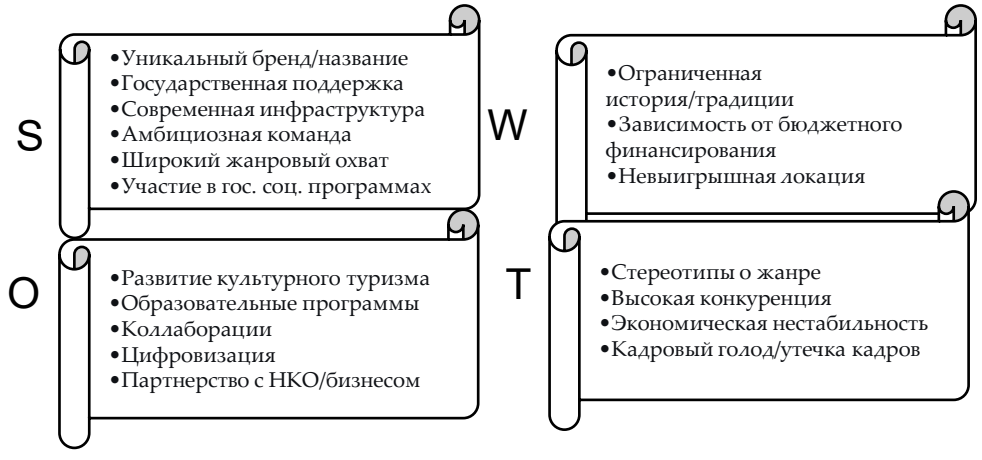

Рисунок 1 — **SWOT-анализ театра «Царицынская опера» (г. Волгоград)**

Театр имеет солидный стратегический потенциал, основанный на сильной институциональной поддержке и грамотной внутренней политике. Однако для обеспечения долгосрочной устойчивости и роста ему необходимо проработать слабые стороны, особенно финансовую зависимость и проблемы локации и активно использовать возможности для нейтрализации внешних угроз. Ключевыми направлениями развития видятся диджитализация, партнерства и системная просветительская работа с аудиторией.

В рамках стратегического управления анализ конкурентной среды является важнейшим элементом, требующим идентификации и характеристики субъектов рынка. В этой связи необходимо упоминать специфику рынка, в рамках которого существуют организации культуры. На данном рынке свободное время, то, как люди распоряжаются своим досугом, является предметом жесткой конкурентной борьбы различных организаций культуры, причем борьбы как между собой, так и с другими досуговыми учреждениями. А это во многом расширяет рынок культурных продуктов, превращая его в досуговый рынок. [4, с. 64]. В контексте анализа конкурентной среды целесообразно дифференцировать рыночных агентов на основе характера их воздействия на потребительский выбор аудитории культурного учреждения. Косвенными конкурентами являются все субъекты, функционирующие в сфере досуга и развлечений региона: кинотеатры, концертные площадки, клубы, рестораны, а также цифровые медиаплатформы: стриминговые сервисы, социальные сети. Их конкурентное давление опосредовано, и они предлагают альтернативные формы проведения досуга. К прямым конкурентам относятся учреждения, принадлежащие к той же институциональной категории и осуществляющие аналогичную деятельность в сфере исполнительских искусств. Конкуренция здесь носит прямой и отраслевой характер, разворачиваясь в

плоскости борьбы за уникальный символический капитал, художественную репутацию, лояльность узкой аудитории театралов, а также за кадровые и финансовые ресурсы. Эта конкуренция стимулирует художественную диверсификацию и поиск уникального позиционирования в рамках общего театрального ландшафта.

Волгоградский регион характеризуется ограниченным количеством профессиональных театральных коллективов. На рисунке 2 представлены ключевые конкуренты.

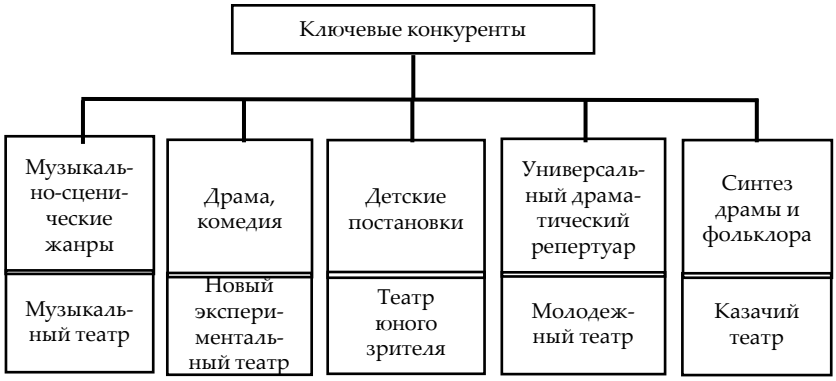

Рисунок 2 — **Ключевые конкуренты** [2]

Таким образом, конкурентная сфера характеризуется наличием, как узкоспециализированных учреждений (музыкальных театров, детских театров), так и организаций с широкой или смешанной репертуарной политикой, что формирует дифференцированное театрально-зрелищное предложение в регионе. Однако стоит отметить уникальную специализацию театра «Царицынская опера» в академических жанрах оперы и балета в пределах Волгоградского региона. Это формирует его ключевое конкурентное преимущество — статус локального монополиста в данной нише. Это позволяет театру концентрировать ресурсы на развитии уникального культурного предложения, минимизировать прямую внутриотраслевую конкуренцию и укреплять свой символический капитал как единственного института такого профиля. Однако данное положение накладывает особую ответственность за развитие жанра и требует от театра активных усилий по расширению аудитории, чтобы избежать рисков инерции, связанных с отсутствием прямых аналогов.

Кроме того, на основании проведенного анализа контента официальных сайтов и публичной документации ведущих театров Волгограда можно констатировать системное отсутствие формализованных стратегических документов, стратегий развития, сформулированных миссий и признаков применения инструментов стратегического управления. Данная ситуация является проявлением неосознанного копирования практик друг друга в региональной культурной среде, где организации следуют общим рутинным моделям управления, фокусируясь на операционной деятельности.

В этом контексте разработка и внедрение комплексной стратегии развития, интегрирующей принципы социальной ответственности, предоставит театру «Царицынская опера» существенные конкурентные преимущества, позволяющие осуществить стратегический прорыв.

Основой предлагаемого стратегического подхода является приоритет социальной ответственности. Исходя из установленных миссии и стратегических целевых ориентиров, предлагается система практических мер, реализуемых в разрезе отдельных функциональных стратегий.

В рамках операционной стратегии по культурно-просветительскому и образовательному направлению предлагается реализация системного проекта, нацеленного на создание многоуровневой образовательно-культурной среды. Его ядро составят два взаимосвязанных блока:

[2] Официальный сайт ГБУК «Волгоградский государственный Новый экспериментальный театр»: сайт. Волгоград. URL: https://net-volgograd.ru/

Официальный сайт ГБУК Волгоградский музыкально-драматический «Казачий театр»: сайт. Волгоград. URL: https://kazachiy-theatre.ru/

Официальный сайт ГБУК «Волгоградский театр юного зрителя»: сайт. Волгоград. URL: https://tuz-volgograd.ru/

Официальный сайт МУК «Волгоградский молодежный театр»: сайт. Волгоград. URL: https://vmt34.ru/

Официальный сайт МУК «Волгоградский музыкальный театр»: сайт. Волгоград. URL: https://www.muzteatr-vlg.ru

1. Художественно-исторический блок. Создание и реализация тематического концертного цикла «Царицынский цикл», выполняющего функцию культурной рефлексии и художественного осмысления ключевых этапов исторического развития города.

2. Образовательный блок. Формирование трехуровневой долгосрочной образовательной экосистемы, структурированной по возрастному и целеполагающему принципам. В неё войдут: «Арт-старт: мир искусства для детей» — первые шаги в мир музыкального искусства; «Диалоги об искусстве» — программа для взрослой аудитории, направленная на расширение кругозора в сфере культуры; «Творческий цех: от идеи к воплощению» — практико-ориентированная программа для подростков, которые хотят связать себя профессионально с работой в театре.

В рамках разработки комплексной маркетинговой стратегии предлагается осуществить стратегический переход от традиционной социодемографической сегментации к потребностно-ориентированной кластеризации аудитории. В контексте социального направления маркетинговой стратегии предлагается реализация пакета инициатив: внедрение программы «Социальный абонемент», предусматривающей предоставление билетов по символической стоимости представителям уязвимых социальных групп; резервирование 5% билетного фонда на каждую премьерную постановку для реализации по льготной цене; регулярное проведение адаптированных показов для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) с интеграцией специальных сервисов, таких как тифлокомментирование, субтитры; организация сенсорно-адаптированных спектаклей для детей с расстройством аутистического спектра (РАС), характеризующихся смягченными параметрами звукового и светового оформления, а также возможностью свободного перемещения в пространстве; инициирование совместных проектов с медицинскими реабилитационным центрами, в рамках которых театральные практики, такие как музыка и движение, включаются в качестве неотъемлемого компонента в терапевтические и реабилитационные программы; учреждение в партнерстве с некоммерческими организациями (НКО) регулярного «Дня благотворительного спектакля», предполагающее направление части выручки от продажи билетов в пользу благотворительного фондов.

Ключевым элементом для финансовой стратегии предлагается смена парадигмы привлечения ресурсов: от иждивенческой модели запроса безвозмездной поддержки к построению экосистемы ответственного финансирования на основе общих ценностей и целей. Это предполагает переход к проектной работе со стейкхолдерами различных секторов: институциональными фондами, бизнес-сообществом, органами местной власти и НКО.

В рамках инновационной стратегии театра предлагается реализация проекта цифровой трансформации, направленного на расширение доступности культурного продукта и формирование инклюзивной цифровой экосистемы. Стратегической инициативой в данной области является запуск системного проекта «Царицынская опера online», которая предполагает систематическую профессиональную видеодокументацию спектаклей и их публикацию на специализированных цифровых платформах, ориентированных на культурный контент. А также их трансляцию в социальных учреждениях: школах, интернатах, домах престарелых, интегрированных в их образовательную и досуговую деятельность.

В контексте реализации комплексной социально ориентированной стратегии театра «Царицынская опера» формирование эффективной кадровой стратегии приобретает ключевое значение. Её цель заключается в создании устойчивой системы привлечения, удержания и развития высококвалифицированных творческих и административных специалистов, что является основополагающим условием для достижения художественного и операционного превосходства. Предлагаемая кадровая стратегия включает следующий комплекс мероприятий: разработка конкурентоспособной гибкой системы оплаты труда и бонусов за участие в премьерных и гастрольных проектах; внедрение нефинансовых льгот, таких как корпоративный ДМС, абонементы в спортивные учреждения; утверждение финансирование программы повышения квалификации, предусматривающей стажировки и мастер-классы; внедрение института наставничества; создание прозрач-

ной системы коммуникаций с регулярным проведением встреч руководства с работниками; реализация программы нематериального признания и поощрения в виде ежегодной премии «артист сезона»; проведение регулярных мероприятий по командообразованию, адаптированных под специфику работы творческих коллективов.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что в современных условиях социальная ответственность перестает быть факультативным элементом деятельности организаций, превращаясь в критический фактор их устойчивости, легитимности и долгосрочной конкурентоспособности. Для учреждений культуры, чья деятельность по своей сути является социально ориентированной, интеграция принципов социальной ответственности и устойчивого развития в стратегическое управление представляет собой не просто дань моде, а необходимое условие выполнения их миссии в динамично меняющейся среде.

На примере театра «Царицынская опера» продемонстрировано, как классические инструменты стратегического управления: формулировка миссии, построение дерева целей, SWOT-анализ, анализ конкурентной среды могут быть эффективно адаптированы и наполнены содержанием, отражающим специфику социально-культурной сферы. Разработанные в рамках исследования стратегические ориентиры и практические рекомендации показывают путь трансформации театра из учреждения, ориентированного преимущественно на художественный результат, в ведущий культурно-общественный центр региона.

Ключевым выводом работы является необходимость перехода от фрагментарных благотворительных акций к системной стратегической социальной ответственности. Предложенная модель, включающая конкретные меры по развитию доступности, инклюзии, просвещения, цифровой трансформации и кадрового потенциала, представляет собой практический инструментарий для театра «Царицынская опера». Ее реализация позволит учреждению не только укрепить свои позиции на региональном рынке культурных услуг, но и стать признанным агентом позитивных социальных изменений.

В более широком контексте данное исследование вносит вклад в теорию и практику стратегического управления в сфере культуры, демонстрируя методологию интеграции концепций устойчивого развития и КСО в деятельность гибридных организаций, производящих общественные блага.

Литература:

1. Глотова Е.А. Стратегическое управление: анализ концепций / Е.А. Глотова, В.В. Глотова // Известия ДВФУ. Экономика и управление. — 2021. — №1.– С. 126–136.
2. Гуреева Е.А. Концепция создания общей ценности массового спорта / Е.А. Гуреева // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. — 2024. — Т. 10. — №3. — С. 81-96.
3. Мескон М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури; пер. с англ. — М.: Дело, 1997. — 704 с.
4. Платонов М.Ю. Арт-менеджмент: предмет и границы дисциплины / М.Ю. Платонов // Известия Сенкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2015. — №6(96). — С. 61-68.
5. Ратников А.М. Интеграция концепции социальной ответственности в стратегию управления организациями социально-культурной сферы / А.М. Ратников // Дискуссия. — 2025. — №9(142). — С. 200-209.
6. Решетников Д.А. Влияние миссии компании на развитие и обеспечение конкурентоспособности организации / Д.А. Решетников // Вестник науки. — 2024. — Т. 2, №5(74). — С. 166-169.
7. Сидорчукова Е.В. GAP-анализ как эффективный аналитический инструмент / Е.В. Сидорчукова, В.А. Сергеева, Е.А. Стеблева // Естественно-гуманитарные исследования. — 2024. — №4(54). — С. 216-222.
8. Смирнова М.А. Корпоративная социальная ответственность как ведущая концепция современного бизнеса / М.А. Смирнова // Экономика и социум. — 2021. — №10(89). — С. 1053-1059.
9. Шамина О.А. Основы стратегического целеполагания в печатном средстве массовойц информации / О.А. Шамина // Modern Science. — 2020. — №9-1. — С. 91-94.
10. Шохнех А.В. Функционально-управленческий подход к социально-экономическому развитию региона: аспекты децентрализации / А.В. Шохнех, Н.Н. Скитер, Е.А.Теткина // Экономика и предпринимательство. — 2023. — №3(152). — С. 419-422.
11. Porter M.E., Kramer M.R. Creating Shared Value / M.E. Porter, M.R. Kramer // Harvard Business Review. — 2011. — №89(1-2). — Pp. 62–77.

AN ALGORITHM FOR RISK–BASED MONITORING OF THE INTEGRATION OF REMOTE AND CONTACT SUPERVISION OF COLLECTIVE INVESTMENT MARKET SUBJECTS

Romazanov Ruslan Rafailevich, *Postgraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow (Russia)*

The purpose of the research is to develop an algorithm for risk-based monitoring of the integration of remote and contact supervision of subjects of the collective investment market. The paper considers the current system of supervision of the Bank of Russia in the collective investment market and analyzes the specifics of the interaction of remote and contact forms of supervisory activities. Based on the analysis, the author identified the institutional limitations of the functioning of the existing supervisory model, primarily related to the organizational separation of analytical monitoring and inspection control. In the process of achieving this goal, the author also analyzes the risks that arise during the transformation of the supervisory system and suggests tools for managing these risks based on the use of a risk-based monitoring algorithm. The scientific novelty of this study lies in the development of methodological approaches to the organization of supervisory activities of the Bank of Russia and the justification of mechanisms for integrating remote and contact supervision based on a risk-based approach. As a result of the research, an algorithm for risk–based monitoring of the integration of remote and contact supervision has been developed, based on a systematic classification of risks and their formalized quantitative assessment, ensuring a transition from a disparate qualitative risk analysis to their regular measurement, comparison and inclusion in the outline of management decisions of the Bank of Russia. The practical significance of the results achieved lies in the fact that the proposed algorithm makes it possible to systematize risk management arising from the integration of remote and contact supervision, to ensure their regular identification, quantification and monitoring in the process of institutional transformation of the supervisory system.

Keywords: *Bank of Russia; collective investment market; remote supervision; contact supervision; risk-based monitoring; supervisory activities of the Bank of Russia.*

EDN: NZHOPW **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.38**

Цитировать: *Ромазанов Р.Р. Алгоритм риск–ориентированного мониторинга интеграции дистанционного и контактного надзора за субъектами рынка коллективных инвестиций // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 272-279. EDN: NZHOPW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.38*

УДК 336.76

5.2.4

© Ромазанов Р.Р., 2026

АЛГОРИТМ РИСК–ОРИЕНТИРОВАННОГО МОНИТОРИНГА ИНТЕГРАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО И КОНТАКТНОГО НАДЗОРА ЗА СУБЪЕКТАМИ РЫНКА КОЛЛЕКТИВНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Цель исследования — разработка алгоритма риск-ориентированного мониторинга интеграции дистанционного и контактного надзора за субъектами рынка коллективных инвестиций. В работе рассмотрена действующая система надзора Банка России на рынке коллективных инвестиций и проанализированы особенности взаимодействия дистанционных и контактных форм надзорной деятельности. На основе проведённого анализа автором были выявлены институциональные ограничения функционирования существующей надзорной модели, связанные, прежде всего, с организационным разделением аналитического мониторинга и инспекционного контроля. В процессе достижения поставленной цели автором также проанализированы риски, возникающие в процессе трансформации надзорной системы и предложены инструменты управления указанными рисками, основанные на применении алгоритма риск-ориентированного мониторинга. Научная новизна исследования заключается в развитии методических подходов к организации надзорной деятельности Банка России и обосновании механизмов интеграции дистанционного и контактного надзора на основе риск-ориентированного подхода. В результате исследования разработан алгоритм риск-ориентированного мониторинга интеграции дистанционного и контактного надзора, основанный на системной классификации рисков и их формализованной количественной оценке, обеспечивающий переход от разрозненного качественного анализа рисков к

их регулярному измерению, сопоставлению и включению в контур управленческих решений Банка России. Практическая значимость достигнутых результатов заключается в том, что предложенный алгоритм позволяет систематизировать управление рисками, возникающими при интеграции дистанционного и контактного надзора, обеспечить их регулярную идентификацию, количественную оценку и мониторинг в процессе институциональной трансформации надзорной системы.

Ключевые слова: *Банк России; рынок коллективных инвестиций; дистанционный надзор; контактный надзор; риск-ориентированный мониторинг; надзорная деятельность Банка России.*

РОМАЗАНОВ Руслан Рафаилевич, *аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва (Россия)*

Введение

На российском рынке коллективных инвестиций (далее — РКИ) наблюдается устойчивый рост масштабов деятельности, сопровождающийся увеличением объема активов, находящихся под управлением финансовых организаций. Согласно данным Банка России, в 2025 году совокупная стоимость активов РКИ достигла 32,6 трлн руб., увеличившись на 4,1% по сравнению с предыдущим кварталом и на 24,2% в годовом выражении. Основным драйвером роста активов управляющих компаний стал приток средств в паевые инвестиционные фонды, прежде всего, открытые паевые инвестиционные фонды облигаций, интерес к которым усилился со стороны частных инвесторов. Одновременно наблюдался рост портфелей клиентов в сегменте доверительного управления, объем которых достиг 3,3 трлн руб., увеличившись на 4% по сравнению с предыдущим кварталом и на 17% в годовом выражении [1].

Развитие рынка коллективных инвестиций сопряжено с усложнением финансовых инструментов и увеличением числа неквалифицированных инвесторов, вовлечённых в инвестиционные процессы, вследствие чего возрастает значение эффективного надзора со стороны Банка России, направленного на поддержание устойчивости финансового рынка, обеспечение прозрачности деятельности его участников и защиту прав инвесторов [5]. Надзорная деятельность регулятора представляет собой комплексную систему взаимодействия с поднадзорными субъектами, включающую различные формы мониторинга и контроля, ориентированные на предупреждение и минимизацию финансовых рисков.

В сложившейся практике надзор за субъектами рынка коллективных инвестиций осуществляется посредством сочетания дистанционного и контактного видов надзора. Вместе с тем существующая модель взаимодействия дистанционного и контактного надзорных блоков не всегда обеспечивает достаточную оперативность и целостность надзорного процесса. Разделение функций между аналитическим мониторингом и инспекционной деятельностью может приводить к институциональным разрывам в процессе выявления и проверки рисков, снижающим эффективность превентивного регулирования и усложняющим своевременное реагирование на возникающие отклонения в деятельности участников РКИ. Рост сложности финансовых продуктов и повышение требований к качеству регулирования актуализирует проблематику повышения качества надзорной деятельности Банка России.

Целью данного исследования является разработка алгоритма риск-ориентированного мониторинга интеграции дистанционного и контактного надзора за субъектами рынка коллективных инвестиций. Цель исследования определила необходимость решения следующих задач: 1) проанализировать действующую систему надзора Банка России за субъектами рынка коллективных инвестиций и выявить институциональные ограничения существующей модели взаимодействия дистанционного и контактного надзора; 2) обосновать направления совершенствования надзорной деятельности на основе интеграции

[1] Обзор ключевых показателей управляющих компаний за IV квартал 2025 года // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59736/rewiew_uk_25Q4.pdf

дистанционных и контактных форм контроля и определить ключевые риски, возникающие в процессе трансформации надзорной системы; 3) разработать алгоритм риск-ориентированного мониторинга интеграции надзорных блоков, обеспечивающий системное управление рисками внедрения обновлённой модели надзора.

Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач в исследовании было осуществлено критическое осмысление эффективности и результативности надзорной деятельности Банка России на рынке коллективных инвестиций, а также проанализированы нормативные источники, посвященные вопросам организации и развития надзорной практики в финансовом секторе. В процессе исследования применялись диалектический метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также логический метод. Материалами исследования выступили данные годового отчета Банка России [2] и положения приказа Банка России от 26.02.2024 №ОД-295 (ред. от 14.07.2025) «О распределении полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства Российской Федерации субъектами рынка коллективных инвестиций, профессиональными участниками рынка ценных бумаг, центральным депозитарием, клиринговыми организациями, центральными контрагентами, организаторами торговли, репозитариями, операторами платформенных сервисов, кредитными рейтинговыми агентствами, а также саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка, объединяющими субъектов рынка коллективных инвестиций и профессиональных участников рынка ценных бумаг, и об отмене приказа Банка России от 23.07.2020 №ОД-1151 и приказа Банка России от 31.05.2022 №ОД-1127» [3].

Теоретической базой исследования послужили научные труды В.Б. Зайцева и С.М. Тернового [1], А.О. Кулакова [2], В.А. Кунина и И.В. Упоровой [3], а также Д.Д. Накостика [5] и др., посвященные вопросам организации надзорной деятельности Банка России.

Практическая значимость достигнутых результатов заключается в том, что предложенный алгоритм позволяет систематизировать управление рисками, возникающими при интеграции дистанционного и контактного надзора, обеспечить их регулярную идентификацию, количественную оценку и мониторинг в процессе институциональной трансформации надзорной системы.

Результаты исследования

Основу надзорной деятельности Банка России за субъектами РКИ составляет многоуровневая система мониторинга, ориентированная на обеспечение финансовой устойчивости поднадзорных организаций, поддержание стабильности финансового рынка и защиту интересов инвесторов. В структуре надзорного процесса особое значение имеет использование различных форм взаимодействия с поднадзорными субъектами, среди которых ключевую роль играют дистанционный и контактный надзор [2]. Сочетание дистанционного и контактного надзора позволяет регулятору осуществлять как регулярный мониторинг деятельности участников рынка, так и углубленную проверку отдельных аспектов их функционирования.

Дистанционный надзор представляет собой системный мониторинг деятельности субъектов рынка коллективных инвестиций, основанный на анализе информации, предоставляемой поднадзорными организациями в рамках установленной отчетности и раскрытия данных. В рамках дистанционного надзора Банк России анализирует финансовую отчетность участников рынка, проверяет корректность раскрытия информации о

[2] Годовой отчет. 2024. // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf

[3] Приказ Банка России от 26 февраля 2024 г. №ОД-295 «О распределении полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства Российской Федерации субъектами рынка коллективных инвестиций, профессиональными участниками рынка ценных бумаг, центральным депозитарием, клиринговыми организациями, центральными контрагентами, организаторами торговли, репозитариями, операторами платформенных сервисов, кредитными рейтинговыми агентствами, а также саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка, объединяющими субъектов рынка коллективных инвестиций и профессиональных участников рынка ценных бумаг, и об отмене приказа Банка России от 23.07.2020 №ОД-1151 и приказа Банка России от 31.05.2022 №ОД-1127».

фондовых активах и оценивает соблюдение установленных нормативов и стандартов регулирования [2].

Дистанционный надзор за субъектами РКИ включает несколько взаимосвязанных направлений. Одним из ключевых элементов является пруденциальный надзор, в рамках которого регулятор анализирует достаточность капитала, структуру активов, уровень ликвидности, а также эффективность системы управления рисками. Другим видом дистанционного надзора является поведенческий надзор, направленный на контроль соблюдения финансовыми организациями стандартов добросовестного поведения при взаимодействии с инвесторами. Поведенческий надзор может осуществляться как в реактивной форме, то есть в ответ на поступающие жалобы и обращения потребителей финансовых услуг, так и в проактивной форме, когда инициатива проведения надзорных мероприятий исходит непосредственно от регулятора на основе анализа имеющейся информации и профессионального суждения сотрудников надзорного блока [3]. Дополнительным элементом дистанционного надзора выступает проверка финансовой отчетности и раскрытия информации с целью выявления потенциальных отклонений и нарушений.

Преимуществом дистанционного надзора является возможность осуществления регулярного мониторинга деятельности значительного числа участников рынка без необходимости прямого физического вмешательства в их деятельность. Дистанционный надзор выполняет функцию первичного аналитического фильтра, формирующего информационную основу для дальнейших надзорных действий.

В то же время для более детального изучения деятельности поднадзорных организаций Банк России применяет контактный (выездной) надзор, который предполагает непосредственное присутствие инспекторов в поднадзорной организации и проведение комплексного анализа ее деятельности. В рамках контактного надзора изучаются первичные документы, внутренние регламенты, решения органов управления, а также проводится оценка корпоративных и операционных процессов. Кроме того, инспекционные мероприятия включают интервью с ключевыми должностными лицами организации и анализ практики реализации инвестиционной политики.

Контактный надзор позволяет выявлять скрытые риски, связанные с организацией внутренних бизнес-процессов, системой внутреннего контроля, корпоративным управлением и практикой взаимодействия с клиентами [7]. Таким образом, контактный надзор выступает инструментом подтверждения или уточнения выводов, полученных в рамках дистанционного мониторинга.

Несмотря на взаимодополняющий характер указанных форм надзора, их взаимодействие в рамках действующей модели надзорной деятельности характеризуется рядом институциональных особенностей. Организация надзорного процесса предполагает функциональное разграничение дистанционного и контактного блоков, при котором дистанционный надзор формирует аналитическую основу для проведения проверок, а инспекционный блок осуществляет непосредственную реализацию контрольных мероприятий.

Взаимодействие дистанционного и контактного надзорных блоков представлено на рисунке 1.

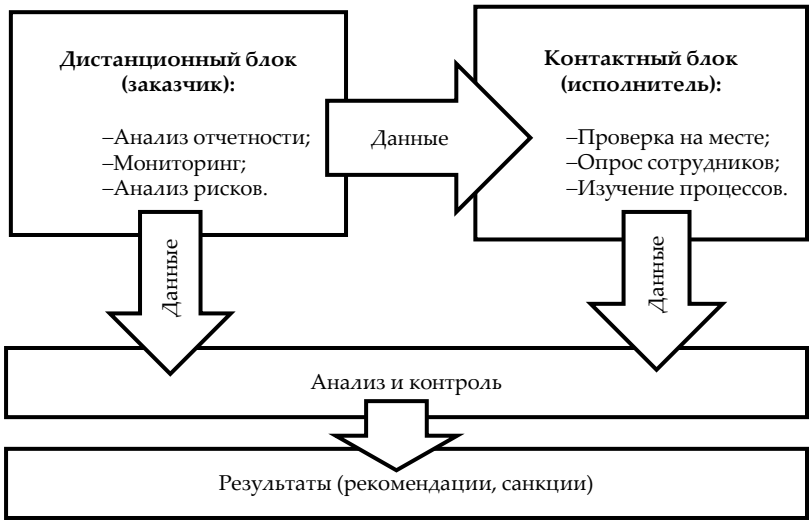

Рисунок 1 — **Взаимодействие дистанционного и контактного надзора Банка России за субъектами РКИ**

Источник: составлено автором.

В рамках такой модели дистанционный блок определяет направленность проверок и формирует задания для инспекционных подразделений, тогда как контактный блок уточняет содержание проверок с учетом имеющихся ресурсов и планов инспекционной деятельности. Однако система распределения функций приводит к возникновению определённых организационных ограничений. Передача материалов между подразделениями, необходимость согласования задач и соблюдение установленной плановой процедуры проведения проверок нередко снижают оперативность надзорного реагирования. В ряде случаев выявленные в рамках дистанционного мониторинга отклонения требуют дополнительного времени для трансформации в конкретные инспекционные мероприятия, что может приводить к задержкам в проведении проверок.

Кроме того, существующая модель взаимодействия дистанционного и контактного надзора предполагает значительный объем координационных процедур, увеличивающих административную нагрузку на сотрудников надзорных подразделений. Разделение функций по принципу «аналитический мониторинг — инспекционное реагирование» создает дополнительные этапы согласования и передачи информации, что в конечном итоге влияет на скорость реализации надзорных решений.

Отдельного внимания заслуживает проблема поведенческого надзора, который в рамках существующей системы зачастую носит преимущественно рекомендательный характер. В значительной части случаев выявленные нарушения стандартов добросовестного поведения приводят к применению мягких форм надзорного реагирования, таких как рекомендации, письма или надзорные встречи. При этом дистанционные инструменты мониторинга не всегда позволяют своевременно выявлять фактические отклонения в поведении участников рынка, особенно в части взаимодействия с инвесторами.

Совокупность указанных факторов свидетельствует о наличии целого ряда институциональных ограничений в действующей модели надзорной деятельности, связанных прежде всего с недостаточной интеграцией дистанционного аналитического мониторинга и механизмов контактного контроля. В связи с этим возникает необходимость разработки интегрированной модели надзорного мониторинга, способной обеспечить более тесное взаимодействие дистанционного и контактного надзора и повысить оперативность выявления и проверки рисков.

Анализ действующей системы надзора показал, что одним из ключевых институциональных ограничений современной модели является разделение дистанционного и контактного надзорных блоков. Организационная фрагментация снижает согласованность надзорных процедур и затрудняет формирование единого подхода к оценке рисков. Преодоление данного ограничения возможно посредством интеграции дистанционного и контактного надзора.

Несмотря на то, что объединение указанных блоков позволяет устранить институциональную фрагментацию надзорного процесса, непосредственно переход к интегрированной модели предполагает перераспределение полномочий между подразделениями, адаптацию информационных систем и формирование новых процедур обмена данными. Подобная институциональная трансформация неизбежно сопровождается возникновением ряда рисков, которые должны учитываться при реализации реформы.

К числу наиболее значимых относится риск технологической разбалансированности, связанный с необходимостью адаптации существующей IT-инфраструктуры к новой логике надзорных процессов. В переходный период возможны технологические сбои и снижение эффективности отдельных процедур дистанционного и контактного контроля. Существенным риском является также вероятность дублирования функций и информационных потоков, возникающая вследствие сложной организационной структуры рынка коллективных инвестиций, когда одна управляющая компания может одновременно управлять несколькими типами фондов, что приводит к пересечению сфер ответственности различных инспекторов.

Дополнительные риски связаны с расширением применения цифровых технологий в надзорной деятельности. Поскольку ряд аспектов функционирования финансовых организаций, таких как корпоративная куль-

тура, качество внутреннего контроля и особенности взаимодействия с инвесторами, не поддается полной формализации и может быть оценён только в ходе контактных проверок, автоматизация аналитических процедур является источником риска утраты контекста при интерпретации данных. Одновременно интеграция информационных потоков и централизованный обмен данными повышают уязвимость системы к информационной асимметрии и киберугрозам.

Сохраняет значение и влияние человеческого фактора при проведении контактных проверок, которое может приводить к расхождению между результатами автоматизированного мониторинга и выводами инспекционных мероприятий. Кроме того, на переходном этапе возможно временное замедление принятия надзорных решений, связанное с необходимостью адаптации организационных процедур и информационных систем. Отдельным риск-фактором выступает также недостаточная цифровая и организационная готовность отдельных поднадзорных субъектов к интенсивному дистанционному взаимодействию с регулятором.

Интеграция дистанционного и контактного надзора сопряжена с рядом организационных, технологических и институциональных рисков. В этой связи внедрение интегрированной модели надзора предполагает использование алгоритма риск-ориентированного мониторинга, позволяющего системно управлять возникающими рисками трансформации.

Алгоритм управления рисками внедрения интегрированной модели надзора основывается на предпосылке, что возникающие в процессе трансформации риски выступают управляемыми параметрами институциональной перестройки, подлежащими системному мониторингу и включению в контур принятия управленческих решений. Логика алгоритма управления предполагает поэтапное формирование системы идентификации, количественной оценки и управленческого реагирования на возникающие риски интеграции.

На первом этапе алгоритма формируется реестр рисков трансформации и закрепляется риск-матрица интеграции надзорных блоков (рис. 2), в структуру которой включаются ключевые группы рисков, выявленные в ходе анализа институциональных ограничений действующей модели надзора. Идентификация рисков позволяет структурировать возможные негативные эффекты институциональной трансформации и обеспечить их последующее системное наблюдение.

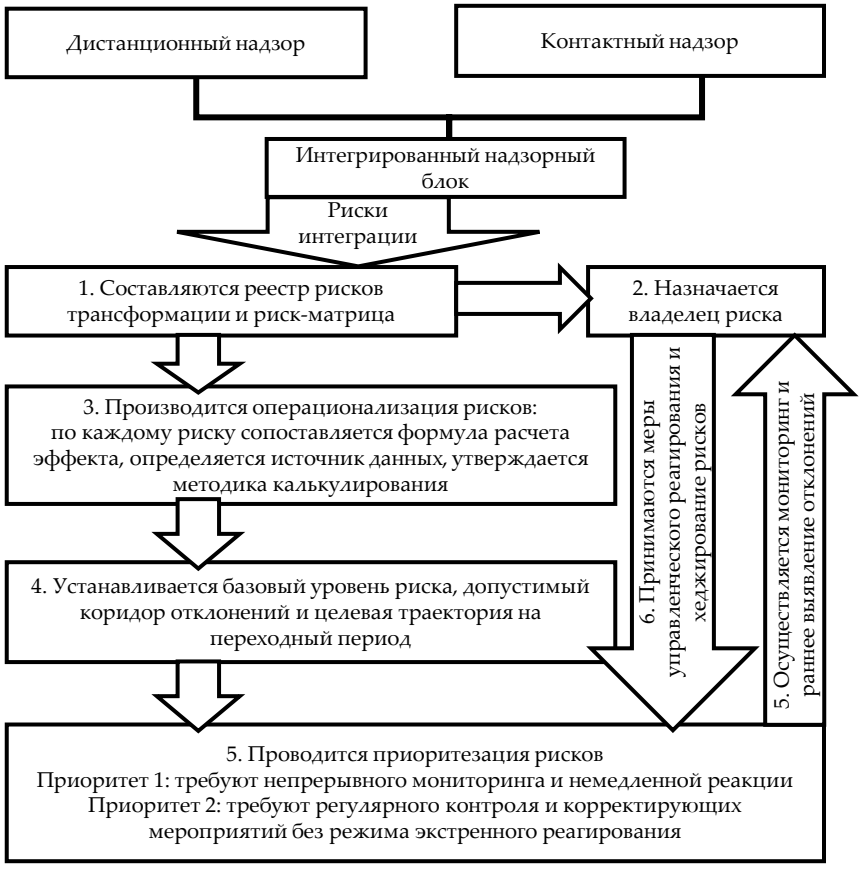

Рисунок 2 — **Алгоритм риск–ориентированного мониторинга интеграции дистанционного и контактного надзора за субъектами РКИ**

Источник: составлено автором.

Следующим этапом алгоритма является закрепление ответственности за управление выявленными рисками. Для каждого элемента риск-матрицы назначается владелец риска, на которого возлагается персональная ответ-

ственность за идентификацию, оценку, мониторинг и управление конкретным риск-фактором.

На третьем этапе осуществляется операционализация рисков: каждому риску сопоставляется формализованная модель оценки его воздействия, включающая формулу расчёта эффекта, используемые параметры и источники исходных данных. Результатом данного этапа становится переход от качественного описания рисков к количественной модели их измерения, что позволяет анализировать динамику рисковых факторов во времени и учитывать ее при принятии управленческих решений. Далее, на четвертом этапе определяется базовый уровень риска и устанавливаются целевые значения показателей.

Пятым этапом алгоритма является приоритезация рисков. На основе оценки потенциального воздействия и вероятности реализации риски распределяются по уровням значимости. К числу критических рисков (приоритет первого уровня) могут быть отнесены технологическая разбалансированность надзорной инфраструктуры, утрата контекста при автоматизации аналитических процедур и киберугрозы. Критические риски требуют наиболее частого мониторинга и предполагают возможность оперативного управленческого реагирования. Риски дублирования функций, субъективности при контактных проверках, замедления принятия решений и недостаточной готовности поднадзорных субъектов относятся к рискам средней значимости (приоритет второго уровня), управление данными рисками предполагает регулярный контроль и проведение корректирующих мероприятий без применения режима экстренного реагирования.

После установления приоритетов реализуется этап мониторинга и управленческого реагирования. Владельцы рисков осуществляют регулярное наблюдение за динамикой соответствующих показателей, анализируют отклонения от целевых значений и инициируют корректирующие меры. В рамках алгоритма такие меры рассматриваются, как инструменты хеджирования рисков, под которым понимается институциональное и организационно-технологическое сглаживание возможных негативных эффектов интеграции надзорных блоков. Хеджирование может включать совершенствование регламентов взаимодействия подразделений, модернизацию информационных систем, уточнение методик анализа данных и развитие механизмов кибербезопасности.

Предложенный алгоритм формирует институционализированную систему управления рисками интеграции дистанционного и контактного надзора. В рамках данной модели риски перестают выступать абстрактными ограничениями реформирования и трансформируются в измеряемые и сопоставимые показатели, включенные в контур управленческого контроля.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования обоснована необходимость совершенствования действующей модели надзорной деятельности посредством интеграции дистанционного и контактного надзора. Показано, что объединение аналитических и инспекционных функций в рамках единой системы надзорного сопровождения способно повысить согласованность надзорных решений, усилить риск-ориентированный характер регулирования и обеспечить более оперативное реагирование на возникающие угрозы устойчивости рынка коллективных инвестиций.

Одновременно установлено, что реализация интегрированной модели надзора сопровождается рядом организационных, технологических и институциональных рисков. К основным из них относятся риск технологической разбалансированности информационной инфраструктуры, вероятность дублирования функций и информационных потоков, риск утраты контекста при автоматизации аналитических процедур, усиление информационной асимметрии и киберугроз, влияние человеческого фактора при проведении контактных проверок, возможное замедление принятия надзорных решений на переходном этапе, а также недостаточная цифровая готовность отдельных участников рынка к интенсивному взаимодействию с регулятором.

В целях минимизации указанных рисков в работе предложен алгоритм риск–ориентированного мониторинга интеграции дистанционного и контактного надзора, основанный на системной классификации рисков и их формализованной количественной оценке,

обеспечивающий переход от разрозненного качественного анализа рисков к их регулярному измерению, сопоставлению и включению в контур управленческих решений Банка России.

Разработанный алгоритм включает последовательные этапы идентификации рисков трансформации, формирования риск-матрицы, закрепления ответственности за управление рисками, их операционализации и количественной оценки, определения базовых значений и целевых ориентиров, приоритезации рисков и организации постоянного мониторинга с применением инструментов управленческого реагирования.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования предложенного алгоритма в процессе совершенствования надзорной деятельности Банка России на рынке коллективных инвестиций. Применение риск-ориентированного мониторинга интеграции надзорных блоков может способствовать повышению эффективности взаимодействия дистанционного и контактного надзора, оптимизации распределения надзорных ресурсов и повышению качества превентивного регулирования финансового рынка.

Литература

1. Зайцев В.Б., Терновой С.М. О некоторых аспектах реализации надзорной функции Банка России // Банковские услуги. — 2020. — №4. — С. 20-24.
2. Кулаков А.О. Макропруденциальное регулирование — ключ финансовой стабильности государств // Юридическая наука. — 2020. — №6. — С. 72-75.
3. Кунин В.А., Упорова И.В. Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: международный опыт и особенности применения в российских условиях // Экономика и управление. — 2019. — №2(160). — Р. 59-68.
4. Мирошник С.В. Совершенствование контрольно-надзорных полномочий Банка России // Государственное управление III тысячелетия: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. — Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. — С. 12-15.
5. Накостик Д.Д. Риски увеличения недобросовестных участников финансового рынка в условиях санкций // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — №5.
6. Ромазанов Р.Р. Проблемы надзора за субъектами российского рынка коллективных инвестиций // Финансовые рынки и банки. — 2025. — №1. — С. 172-177.
7. Ромазанов Р.Р. Надзор Банка России за субъектами рынка коллективных инвестиций и его особенности // Вестник экономической безопасности. — 2024. — №3. — С. 231-238.

QUALITY MANAGEMENT OF TOURIST SERVICES IN THE MODERN DOMESTIC MARKET

Sviridova Natalia Dmitrievna, *DSc of Economics, Professor*

Medyanik Adriana Viktorovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk, LPR (Russia)

The main problem in the development of tourism in the constituent entities of the Russian Federation is the incomplete implementation of the rich natural resource and recreational potential in the tourism and recreation sector, as well as the insufficient quality of the tourism services provided, which does not meet the changing macroeconomic, digital, and market expectations, as well as the modern criteria for consumer loyalty. In this situation, the natural solution for the tourism industry is to focus on continuously improving the quality of tourism services and finding new ways to meet consumer demand. The purpose of the research is to identify the essential aspects of the process of managing the quality of tourism services in the current conditions of the domestic market. The scientific novelty lies in substantiating the role of the quality of tourist services in attracting consumers of domestic tourism through creating favorable conditions for improving the quality of tourist services, including the formation of interconnections at all subject levels of this process. As a result, it has been proven that the priority direction for improving the quality of tourist services should be the development of effective scientific and methodological approaches and mechanisms that allow for creating competitive advantages and reducing the spatial and territorial disparities of individual regions.

Keywords: *tourism; tourist service; quality; quality management system; tourist potential; quality management; process.*

EDN: OALCRA **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.39**

Цитировать: *Свиридова Н.Д., Медяник А.В. Управление качеством туристских услуг в современных условиях отечественного рынка // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 280-286. EDN: OALCRA. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.39*

УДК 336.76
5.2.4

© Свиридова Н.Д., Медяник А.В., 2026

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА

СВИРИДОВА Наталья Дмитриевна, *доктор экономических наук, профессор*

МЕДЯНИК Адриана Викторовна, *кандидат экономических наук, доцент*

Луганский государственный университет имени В. Даля, Луганск, ЛНР (Россия)

Ключевым препятствием на пути развития туристской отрасли в регионах России является неполноценное использование обширного природного и рекреационного потенциала для туристской деятельности. К тому же, качество предлагаемых туристских услуг зачастую не соответствует современным требованиям, обусловленным изменившейся макроэкономической обстановкой, цифровизацией, новыми ожиданиями рынка и актуальными представлениями потребителей о лояльности. В этих условиях для индустрии туризма логичным выходом становится сосредоточение на непрерывном улучшении качества услуг и поиске инновационных способов удовлетворения растущего спроса. Цель исследования — выявить сущностные основы процесса управления качеством туристских услуг в современных условиях отечественного рынка. Научная новизна заключается в обосновании роли качества туристских услуг в привлечении потребителей внутреннего туризма через создание благоприятных условий повышения качества туристских услуг, включая формирование взаимосвязей на всех субъектных уровнях данного процесса. В результате доказано, что ключевой задачей для улучшения качества услуг в туризме является формирование результативных научно-методических оснований и инструментов. Это позволит обеспечить конкурентные преимущества и уменьшить территориальную неравномерность развития отдельных регионов.

Ключевые слова: *туризм; туристская услуга; качество; система управления качеством; туристский потенциал; менеджмент качества; процесс.*

Введение: постановка вопроса

Современная экономическая ситуация отмечает быстрый рост туристической отрасли, выступающей стратегически важной составляющей социально-экономического прогресса территорий и государств. Туристическая отрасль обеспечивает около 3,9% валового внутреннего продукта России. Субъекты РФ располагают существенным потенциалом для формирования благоприятной среды в сфере туризма и отдыха, а также для становления конкурентоспособных рыночных образований.

Восстановление туристской отрасли в постпандемийный период высветило необходимость адаптации к изменяющимся потребительским запросам, которые становятся всё более детализированными, а также к возросшим требованиям к качеству и технологическому оснащению. Это обуславливает необходимость разработки обновлённых критериев для оценки потенциала территорий, ключевым из которых становится уровень и динамика внедрения цифровых инструментов в социально-экономические процессы. Таким образом, основное конкурентное преимущество на рынке внутреннего туризма будет принадлежать тем регионам, которые сумеют создать оптимальные условия для роста качества предлагаемых туристских услуг. Ключевым фактором здесь станет налаживание чёткого взаимодействия между всеми сторонами, задействованными в данной отрасли. Таким образом, в ходе проработки сущностных основ процесса управления качеством туристских услуг в современных условиях отечественного рынка, были решены следующие задачи: 1) установлена роль баланса между стоимостью и потребительскими свойствами предлагаемых туристских услуг в обеспечении конкурентоспособности предприятий — субъектов туристского рынка; 2) углублены принципы системы менеджмента качества; 3) определена последовательность процедуры контроля и совершенствования качества туристских услуг в рамках использования подходов всеобщего управления качеством (TQM) для обеспечения качества в туристской отрасли.

Для достижения поставленной цели исследования были применены следующие методы исследования: компаративного, диалектического, системного анализа, которые выступили основанием для формирования механизма повышения качества туристских услуг в современных условиях отечественного рынка.

Теоретической базой исследования послужили отечественные и зарубежные работы, посвященные общетеоретическим вопросам терминологии туризма, туристских услуг, качества предоставления туристских услуг ученых (А.С. Басюк, Г.А. Булатовой, М.В. Гладковой, А.В. Гугелева, А.З. Исмаиловой, И.В. Зорина, В.А. Квартальнова, М.В. Кобяк, В.В. Колочевой, Ф. Котлера, Д.Р. Макеевой, В.С. Сенина, С.Ю. Цёхла, А.Д. Чудновского и др.). Специфика применения инструментов регулирования качества услуг в туризме, вопросы организации институциональной среды туризма рассматриваются в работах Л.В. Баумгартена, М.В. Гудковских, Э.Н. Кудла, Г.Р. Хамидулиной, П.П. Чуваткина и др.

Имеющиеся на практике инструменты контроля качества позволили выделить в качестве первоочередной задачи совершенствование турпродукта через создание результативных научных и методологических систем, а также механизмов, открывающих пути к достижению конкурентоспособности и устранению дисбаланса развития территорий.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема качества, рассматриваемая сквозь призму экономики, приобрела значимость с прогрессом производственной сферы и возникновением услуг, нацеленных на удовлетворение повседневных потребностей общества. В нынешних условиях выживание и закрепление предприятия на туристском рынке напрямую связано с его конкурентоспособностью. А последняя, в свою очередь, обусловлена балансом между стоимостью и потребительскими свойствами предлагаемых услуг.

Возможность компании продолжать свою деятельность напрямую зависит от успешной доставки качественного продукта или услуги конечному потребителю. Соответствие предоставляемых услуг изначальным ожиданиям или установленным стандартам — фундаментальный аспект качества. Для поддержания требуемого уровня услуг компаниям необходимы не только новейшие технологии, адек-

ватные ресурсы и квалифицированный персонал, но и эффективная организация трудовых процессов, результативное руководство, а также имплементация системы управления качеством.

Развитие сферы туризма шло рука об руку с эволюцией инструментов, предназначенных для управления качеством. По мере того, как цивилизация прогрессировала, менялись запросы потребителей и расширялись производственные возможности. Эти изменения, в свою очередь, стимулировали появление и непрерывное совершенствование подходов к контролю, планированию и повышению качества туристских услуг.

Формирование способов повышения качества туристских услуг основывается на принципах и подходах, сформированных в условиях соперничества за внимание клиентов, роста доходности, улучшения деловой репутации и формирования уникального бренда. Категория «качество туристских услуг» неотделима от степени удовлетворённости туристов, поэтому его измерение непосредственно обусловлено свойствами оказываемого обслуживания.

В современном мире динамичного развития общества потребительские ожидания в туристской отрасли активно трансформируются. Это обусловлено распространением технологических инноваций Индустрии 4.0, а также новыми социально-экономическими условиями, сложившимися после пандемии. Важной задачей является прогнозирование влияния данных тенденций на комплексный процесс формирования туристского предложения.

Что касается отдельных территорий — регионов, то основным инструментом управления в сфере туризма служит комплекс нормативно-правовых установок. Данные нормы создают стабильные правовые рамки, которые обеспечивают безопасность и соблюдение прав туристов, субъектов туристского бизнеса, а также способствуют сохранению общественных интересов и природной среды.

На мезоуровне управления и проектирования в туристской сфере ключевое значение имеет анализ туристско-рекреационного потенциала региона. Данный процесс предполагает комплексное изучение территории на предмет ее привлекательности, а также оценку существующих рисков для организации посещений. В этих целях применяется ряд специализированных критериев и индикаторов, среди которых можно выделить следующие:

— привлекательность региона — проводит анализ туристической привлекательности территории, исходя из её значимости и определяемой путём исследования естественных и рукотворных достопримечательностей, находящихся в пределах данной местности;

— репеллентность — свойство, указывающее на уровень угрозы, связанной с пребыванием в конкретной местности.

Оценка качества услуг в туризме на региональном уровне соотносится с понятиями туристического потенциала и ресурсов, что предполагает применение статистических методов анализа и оценок экспертов.

Для проведения комплексного анализа возможностей туристской индустрии, а также для выявления направлений улучшения качества услуг, критически важна разработка комплексной системы индикаторов, позволяющей оценить перспективы развития туризма в определенном регионе. Применение этого ресурса в качестве средства для стратегического развития и оптимизации туристских возможностей помогает определить ключевые векторы роста, обогащает цифровую туристскую экосистему актуальной информацией и, в результате, делает данные более доступными, а также укрепляет уверенность путешественников в регионе.

Привлекательность региона для вложения капитала и организации досуга возрастает в тех случаях, когда ожидаемые преимущества превосходят вероятные угрозы в туристской индустрии. Таким образом, для анализа позиционирования конкретной территории (государства или региона) на рынке турусслуг и в рамках всей отрасли первостепенное значение приобретают понятия «туристский потенциал» и «туристские ресурсы». В соответствии с правовыми нормами, устанавливающими принципы организации туристической деятельности, к туристским ресурсам относят природные территории, объекты культурно-исторического наследия, привлекательные для путешественников, а также прочие ресурсы, способные отвечать их интеллектуальным и иным запросам, гарантировать удобства проживания и содействовать

восстановлению сил [1]. В расширенной трактовке потенциал определяется как сочетание всех имеющихся перспектив, инструментов и наличных резервов.

Туристические возможности — туристский потенциал региона определяются в виде комплекса элементов:

— естественных условий окружающей среды и климата;

— социокультурного своеобразия, сформированного в ходе истории;

— степени социально-экономического прогресса и реализации инициатив по поддержке туризма, с учетом качества транспортной сети, безопасности региона и развития цифровых технологий.

Выявление потенциала территории для развития туризма состоит из ряда последовательных шагов [8, с. 102]:

— определение компонентов туристского потенциала, требующих оценки;

— определение системы оценки;

— сбор и обработка статистической информации;

— вычисление итоговой оценка туристического потенциала территории.

На микроуровне применяемые инструменты контроля и оценки качества услуг в туризме характеризуются повышенной конкретикой и детальной проработанностью.

Часто система менеджмента качества (СМК) внедряется на предприятии не по самостоятельному решению руководства, а вследствие влияния внешних факторов. К ним целесообразно отнести:

— условия, которые устанавливают потребители продукции;

— ожидания отечественных и иностранных компаний, выступающих партнерами;

— правовые нормы и регулирующие документы, принятые в Российской Федерации и зарубежных странах;

— потребность в сотрудничестве на международном уровне и соблюдении общепризнанных мировых норм.

Система менеджмента качества (СМК) способствует достижению целей и решению задач предприятия, установленных его политикой и стратегическим планированием. Она создает согласованность и обеспечивает удовлетворение в отношении применяемых методов, ресурсов, технологий и прочих элементов, охватывая все стороны работы — от анализа требований клиентов до их выполнения на каждом шаге взаимодействия. В виду этого снижение продаж и значительное уменьшение или отсутствие прибыли часто становятся причинами, которые побуждают к повышению уровня качества выпускаемых товаров или оказываемых услуг. Разработка и внедрение СМК на предприятии выступают инструментами для решения данных проблем [2, с. 31].

Ключевыми компонентами системы управления качеством служат документация, процессы и персонал. Документированной информацией считается информация, записанная на материальном носителе и имеющая все требуемые реквизиты для своей идентификации.

Ключевые критерии для документации включают: четкую организацию содержания, отсутствие двусмысленности при распознавании, полноту охвата темы, ясность формулировок и актуальность информации [1, с. 54].

Еще одним ключевым компонентом выступает процесс. Согласно определению, зафиксированному в международном нормативном документе — стандарте, под процессом понимается совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности, которые преобразуют входные ресурсы в запланированный результат. Внедрение процессной модели управления позволяет выявить наиболее значимые процессы и сконцентрировать усилия на их своевременном развитии. Данный подход также ведет к повышению эффективности работы предприятия и рациональному использованию ресурсов. Стандарт ISO 9001 предъявляет к процессам ряд обязательных требований, среди которых: их идентификация, определение входов и выходов, установление критериев результативности, назначение владельцев процессов, а также анализ возможных рисков и перспектив.

Для внедрения работоспособной системы управления качеством, которая обеспечит выпуск товаров и предоставление услуг, соответствующих высоким стандартам, предприятию требуется располагать необходимыми человеческими ресурсами. Это обусловлено

[1] Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 г. №132-ФЗ.

тем, что результат всего производственного цикла в конечном счете определяется профессионализмом сотрудников. Существенную роль также играют иные ресурсные категории: материальные, технологические, финансовые, информационные и прочие.

Все указанные компоненты вытекают из базовых принципов системы менеджмента качества. Основой любой подобной системы служат ключевые принципы, которые формируют её архитектуру и порядок работы. Данные принципы представляют собой основополагающие нормы, создающие фундамент для результативного управления качеством и задающие особенности функционирования всей системы [3, с. 23]. Данные принципы сгруппированы в таблице 1.

Таблица 1 — **Принципы системы менеджмента качества**

Принцип	Содержание
Ориентация на потребителя	предприятия находятся в прямой зависимости от своих клиентов, следовательно, им необходимо осознавать их настоящие и прогнозируемые нужды, удовлетворять предъявляемые запросы и стараться превосходить сформировавшиеся представления о должном
Лидерство	менеджмент всех уровней внутри предприятия гарантирует согласованность задач и векторов развития, а также формирует благоприятную среду, где сотрудники активно участвуют в реализации целей предприятия в сфере качества
Взаимодействие людей	фундаментальным фактором для успешного функционирования предприятия является наличие квалифицированных работников, наделенных достаточными правами и активно участвующих в создании добавленной стоимости. Для обеспечения продуктивного и результативного управления необходимо привлекать всех сотрудников на каждом уровне к соответствующим видам деятельности
Процессный подход	система менеджмента качества предприятия обеспечивается взаимосвязанными процессами. Осознание принципов функционирования данной системы, включая все составляющие ее элементы – процедуры, ресурсы, подходы к управлению и их взаимовлияние, и как они влияют на конечные результаты, позволяет предприятиям усовершенствовать свою работу
Улучшение	процветающее предприятие непрерывно стремится к прогрессу. Совершенствование играет ключевую роль в поддержании дееспособности предприятия, адаптации к трансформациям как внутри, так и за его пределами, а также для генерации инновационных перспектив
Принятие решений, основанных на свидетельствах	использование выводов, полученных в ходе анализа и оценки данных, значительно повышает вероятность достижения поставленных целей
Менеджмент взаимоотношений	Для того, чтобы предприятие могло стабильно преуспевать, необходимо эффективно управлять взаимодействием с заинтересованными сторонами, например, с поставщиками

Внедрение указанных принципов содействует улучшению результативности деятельности предприятия. Также их использование приводит к выстраиванию наиболее рациональной структуры. Задача формирования данных элементов — построить управленческий механизм, гарантирующий постоянное развитие операционных процессов. Это создает основу для устойчивой и последовательной работы в сфере повышения качества выпускаемой продукции или оказываемых услуг.

Классические методы оценки уровня качества продукции и услуг базируются на концепции Джурана, состоящей из трех ключевых элементов, являющихся базисом для создания качественного продукта [5, с. 79]:

— установление конкретных целевых значений для параметров качества и выбор наиболее эффективных путей их достижения — этап планирования;

— представленные этапы и методики реализации заданных качественных критериев, с недвусмысленным определением временных интервалов и зон ответственности — этап контроля;

— повышение «планки» качества в сравнении с прежними свойствами товара или услуги — процесс улучшения.

К инструментам, направленным на обеспечение и постоянное улучшение качества, относятся такие статистические методы, как: стратификация, диаграмма Парето, контрольный листок, диаграмма разброса, диаграмма Исикавы и гистограмма [4, с. 65]. Данные инструменты, основанные на принципах статистики, применяются для системного повышения уровня качества.

Данные методы допускают применение в произвольной последовательности, определяемой целями работы, имеющимися ресурсами и спецификой изучаемого объекта.

Концепция всеобщего управления качеством (Total Quality Management — TQM) позволяет компаниям выйти на уровень качества, ожидаемый потребителями. Данные фундаменталь-

ные принципы доказали свою эффективность и практическую ценность для различных предприятий. TQM является современной и востребованной философией менеджмента для любого предприятия [6, с. 82].

Успешное внедрение и реальное функционирование философии всеобъемлющего менеджмента качества основывается на применении подходов и механизмов для мониторинга и регулирования уровня качества. Главная задача такой системы заключается в обеспечении непрерывного совершенствования качественных показателей, а не только в сохранении достигнутого состояния.

В рамках использования подходов всеобщего управления качеством (TQM) для обеспечения качества в туристской отрасли, процедуры контроля и совершенствования качества туристских услуг могут быть организованы в следующей последовательности:

— фаза планирования: определение задач для каждого элемента управленческой структуры, прогнозирование и оценка потенциальных результатов; формирование стратегических ориентиров развития туристской отрасли, предусматривающих формирование исключительного имиджа региона и внедрение актуальных цифровых технологий;

— фаза реализации: воплощение одобренных проектов в жизнь, непосредственное оказание туристских услуг, проведение запланированных мероприятий и программ;

— фаза оценки: определение реальных результатов и анализ успешности реализованных управленческих мер и выбранных подходов;

— фаза оптимизации: выявление узких мест и внесение изменений для исправления недостатков и оптимизации рабочих процедур.

Внедрение принципов системы управления качеством в индустрии туризма требует учета специфических аспектов, а именно [7, с. 1065]:

— эффективность системы качества в туриндустрии напрямую зависит от компетентности, мотивации и профессионального уровня персонала;

— в туриндустрии мнения, запросы и обращения потребителей служат ключевым ресурсом для совершенствования и роста операционной работы;

— прогресс цифровых средств радикально трансформирует методы получения данных и способы предоставления сервиса в данной сфере.

Средства контроля и оценки качества услуг в сфере туризма, доступные конечным потребителям, имеют отличия от ранее описанных методов в силу особенностей наноуровня взаимодействия.

— клиенты туриндустрии не входят в управленческую архитектуру предприятий и действуют автономно в принятии решений;

— у тех, кто приобретает туристские услуги, отсутствует цель увеличения доходности или укрепления рыночных позиций организаций, чьи предложения они используют;

— при подборе туристских предложений покупатели ищут разумное соотношение цены и качества, однако представление о наилучшем варианте индивидуально для каждого клиента;

— в туристской сфере решения клиентов во многом формируются под влиянием оценок других людей, рекомендаций и отзывов.

Характерной особенностью наноуровня является трудность в планировании и предвидении, что ведёт к нехватке конкретных методов — инструментария для оценивания качества услуг в сфере туризма (табл. 2).

Таблица 2 — **Инструменты управления качеством туристских услуг на наноуровне**

Метод	Явные оценки	Неявные оценки
Изучение рейтингов	балльные оценки или звездочки рядом с товаром или услугой, количество лайков	количество пользователей, которые приобрели товар или услугу
Использование рекомендаций	авто-рекомендации на основе предыдущих интернет-запросов; персональные рекомендации, полученные от знакомых; рекомендации, размещенные в персональных аккаунтах	количество сообщений о готовности рекомендовать приобретенный товар или услугу
Система отзывов	изучение отзывов, размещенных на сайте компаний, предоставляющей товар или услугу	размещение подробного описания всех товаров и услуг на сайте компаний, предоставляющих товар или услугу

Сегодня множество предприятий в сфере туризма увеличивают свою онлайн-активность, обслуживают клиентов через цифровые коммуникации и совершенствуют взаимодействие с клиентами через свои веб-ресурсы.

Поэтому цифровая репутация приобретает особую значимость, а интернет-отзывы и оценки потребителей становятся основным механизмом для контроля качества услуг.

Заключение

В современной экономической ситуации индустрия туризма переживает активный рост, становясь стратегически значимой для социального и экономического развития как на уровне отдельных территорий, так и целых стран.

Следовательно, в современных условиях успех в сфере туризма напрямую зависит от постоянного совершенствования услуг, внедрения новых методов для соответствия запросам потребителей и максимального применения цифровых ресурсов территории. Значительный мультипликативный эффект сферы туризма обусловливает потребность в повышении качества и результативности работы каждого рыночного субъекта. В результате это ведет к пополнению региональных бюджетов, открытию дополнительных вакансий, снижению безработицы и росту инвестиционного потенциала региона.

Для достижения высокого уровня качества необходим комплексный подход, основанный на системной стратегии. Создание и воплощение подобных планов осуществимо лишь при условии наличия целостной управляющей системы. Именно такой системный подход может обеспечить качество, полностью отвечающее требованиям потребителей.

В настоящее время все большее число компаний в сфере туризма усиливает свою активность в цифровом пространстве, обрабатывая заявки клиентов с помощью онлайн-каналов и улучшая сервис через собственные интернет-ресурсы. По этой причине репутация в сети приобретает первостепенное значение, а механизм оценки и комментариев от потребителей в интернете служит основным способом контроля за уровнем предоставляемых услуг.

Литература

1. Антохина Ю.А. Современные инструменты менеджмента и качества. — СПб.: ГУАП. 2017. — 238 с.
2. Аронов И. Стандарты ИСО 9000 в жизни. Рисованный комментарий к ГОСТ РИСО 9001-2001 «Системы менеджмента качества. Требования». — 2-е изд. — М.: КДУ. 2016. — 96 с.
3. Басюк А.С. Формирование и развитие системы менеджмента качества в туристско-рекреационной сфере. // Научные труды КубГТУ. — 2015. — №14. — С. 20-29.
4. Баумгартен Л.В. Управление качеством в туризме. — М.: КНОРУС, 2016. — 284 с.
5. Глудкин О.П. Всеобщее управление качеством. — М.: Горячая линия-Телеком, 2001. — 600 с.
6. Горбашко Е.А. Управление качеством в эпоху глобальной цифровизации. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. — 171 с.
7. Кафидов В.В. Определение качества и цены туристских услуг (в условиях Калининградского региона) // Экономика и предпринимательство. — 2016. — №10-2(75). — С. 1064-1067.
8. Орлова В.С. Определение уровня туристского потенциала территории (на примере Северо-Западного федерального округа) // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2017. — №1-2(27). — С. 100-103.

Структура и динамика глобальной экономики в XXI веке. XIX. Корреляция ВВП и численности населения для Донжона Глобального Юга в 2010–2024

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Темненко Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь (Россия)

Цель исследования — изучение корреляции ВВП и численности населения для стран Донжона Глобального Юга. Процедура исследования состоит в построении ежегодных распределений стран Донжона на плоскости экономических индексов {D, P} и вычислении ежегодных параметров уравнения линейной корреляции на этой плоскости. Для этих статистических параметров предложена определенная экономическая интерпретация. Статистические параметры Донжона Глобального Юга сопоставлены с аналогичными статистическими характеристиками Глобального Севера. Научная новизна заключается в вычислении статистических характеристик Донжона Глобального Юга и выявлении их устойчивости во времени. Представленные данные в результате формируют новый уровень понимания экономической динамики Глобального Юга.

Ключевые слова: *Глобальная Экономика; масштабированные экономические индексы; Глобальный Север; Глобальный Юг; линейная регрессия; коэффициент детерминации.*

EDN: OLXTVN ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.40***

Цитировать: *Seidametova Z.S., Temnenko V.A. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XIX. Correlation of GDP and population for the Donjon of the Global South in 2010–2024 // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 287-292. EDN: OLXTVN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.40*

Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XIX. Correlation of GDP and population for the Donjon of the Global South in 2010-2024

УДК 339.97

5.2.5

The purpose of the research is to examine the correlation between GDP and population size for the countries of the Global South Donjon. The research procedure consists of plotting annual distributions of the Donjon countries on a plane of economic indices {D, P} and calculating the annual parameters of the linear correlation equation on this plane. A specific economic interpretation is proposed for these statistical parameters. The statistical parameters of the Global South Donjon are compared with similar statistical characteristics of the Global North. The scientific novelty lies in the calculation of the statistical characteristics of the Global South Donjon and the identification of their stability over time. The presented data, as a result, form a new level of understanding of the economic dynamics of the Global South.

Keywords: *Global Economy; scaled economic indices; Global North; Global South; linear regression; coefficient of determination.*

© Seidametova Z.S., Temnenko V.A., 2026

SEIDAMETOVA Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

TEMNENKO Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol (Russia)

Introduction

The paper [1] describes a structural formula of the Global South, containing the Donjon of the Global South as a structural component of the second level. The Donjon of the Global South consists of from three structural elements Global South: the "medium economies of the Global South," GS(m); the "small economies of the Global South," GS(s) and the "smallest economies of the Global South," GS(st); [2]. The total number of the Donjon countries is about fifty. It changes slightly over the years. The distribution of the Donjon countries among the three structural elements that form the Donjon also changes slightly.

The Donjon (or the "Main Tower of the Global South") was identified by us as a certain subset of the countries of the Global South, located on the plane of economic indices {D, P} in a certain narrow neighborhood of the main diagonal of this plane, i.e. the line P=D, with P<D. Here P and D are a pair of scaled and normalized indices

calculated based on the annual value GDP and population (POP):

$$P = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{GDP}{\max\{GDP\}}}, D = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{POP}{\max\{POP\}}}. \quad (1)$$

The formula (1) for calculation the Product Index P uses the normalization divisor max{GDP} — the maximum value of GDP achieved in the same year in a certain country in the world (for many decades this has been the USA). When calculating the Demographic Index D you must use the normalization divisor max{POP} — the population of the most populous country (in the same year). These global parameters — max{GDP} and max{POP} — form an expanding framework of the Global Economy in dimensional quantities. In dimensionless economic indices {D, P}, the Global Economy is a point cloud consisting of approximately two hundred country points unevenly distributed in a fixed square of size 100×100 on the plane of these indices.

We identified the Donjon of the Global South as a kind of "structural partner" of the Global North. All countries in the Global North have P>D. All countries in the Donjon have P<D. The Global North, like the Donjon of the Global South, is a second-level structural component of the Global Economy.

The Global North (GN) consists of three different structural elements: the "Giants of the Global North" GN(g); the "Big Economies of the Global North" GN(b) and the "Medium Economies of the Global North" GN(m) [3]. However, the approximately fifty countries that comprise the structural elements GN(g), GN(b), GN(m) have, in some sense, something in common in their behavior on the plane {D, P}. Individual countries on this plane move relative to each other, but for the Global North as a whole, the linear correlation parameters of the indices P and D are almost preserved. The linear regression line on this plane for the Global North has the form

$$P = k_{GN} \cdot D - P_{p.c.,GN} \quad (2)$$

with a slightly changing coefficient k_{GN} (slope coefficient) and $P_{p.c.,GN}$ (penalty coefficient) over fifteen years, from 2010 to 2024 [4].

Coefficient of determination R^2_{GN} the linear regression equation level (2) for the Global North was quite high during the fifteen years studied:

$$R^2_{GN} \gtrsim 0.91. \quad (3)$$

This level R^2_{GN} means that the Global North is statistically homogeneous.

It is certainly of interest to study the behavior of the Donjon of the Global South as a structural partner of the Global North.

The purpose of this paper is to study the correlation between GDP and population size for the Donjon of the Global South in 2010-2024. This goal involves solving the following problems: 1) constructing annual distributions of the Donjon countries of the Global South on the plane of indices {D, P}, which are calculated based on the population and GDP of each Donjon country; 2) finding the parameters of the Donjon linear regression equations on the plane {D, P}, which has the form:

$$P = k_{dj} \cdot D - P_{p.c.,dj}, \quad (4)$$

where k_{dj} is the slope of the linear regression line for the Donjon, and $P_{p.c.,dj}$ is the "penalty coefficient" for the Product Index P for the Donjon; 3) transforming the linear regression equation (4) in order to identify the characteristic Productivity Index Π_{dj} of the Donjon of the Global South and the "defect of the Demographic Index" δD_{dj}; 4) interpreting the transformed linear regression formula. The theoretical basis for this study was previous studies of the structure of the Global Economy (see, for example, [5], [6], [7]). The practical significance of this study lies in deepening the understanding of the statistical regularities of the Global Economy.

Statistical data

All data on the Donjon countries in 2010-2024 are taken from the electronic appendix [1] to the paper [1]. In addition to information on the Donjon countries, this appendix contains, in particular, the annual fundamental parameter of the Global Economy Π_c:

$$\Pi_c = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{\max\{GDP\}}{\max\{POP\} \cdot \{GDP/PC\}_{e.v.}}}, \quad (5)$$

where $\{GDP/PC\}_{e.v.}$ is some "etalon value" GDP per capita (GDP/PC), for which we use the GDP

[1] Electronic appendix — Donjon countries in 2010-2024: http://t.ly/pHgMq

per capita of Luxembourg, the most productive country in the Global North [5].

Transformation of the linear regression equation on the plane of indices {D, P} for the Donjon of the Global South

Using the well-known index identity linking the three economic indices P, D, Π (see, e.g., [8], [9]):

$$P = \frac{\Pi}{\Pi_c} \cdot D, \tag{6}$$

where Π is the scaled and normalized Productivity Index:

$$\Pi = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{GDP/PC}{\{GDP/PC\}_{e.v.}}}, \tag{7}$$

the linear regression equation (4) can be rewritten in a form similar to identity (6):

$$P = \frac{\Pi_{dj}}{\Pi_c} \cdot \widetilde{D}, \tag{8}$$

where $\widetilde{D}$ is a reduced demographic index:

$$\widetilde{D} = D - \delta D_{dj}, \tag{9}$$

and δD_{dj} there is a "Demographic Index defect" for the Donjon countries:

$$\delta D_{dj} = \frac{P_{p.c.,dj}}{k_{dj}}, \tag{10}$$

and Π_{dj} is the characteristic Productivity Index of the Donjon:

$$\Pi_{dj} = k_{dj} \cdot \Pi_c. \tag{11}$$

A possible economic interpretation of the "Demographic Index Defect"

Formulas (8) and (9) yield the following possible interpretation of the "Demographic Index Defect" δD_{dj}. This number provides an estimate of the size of that portion of the population that does not make a statistically significant contribution to GDP. This portion of the population is either employed in the country's shadow economy or subsists on subsistence farming.

Due to the nonlinear relationship between the Demographic Index D and the population size POP (see formula (1)), formulas (9) and (10) do not allow one to calculate the share of the "lost population" not contributing to the creation of GDP based on the "defect" δD_{dj}. If $\delta D_{dj} \ll D$, then the following approximate estimate is valid for calculating the "lost population" δ(POP):

$$\frac{\delta(POP)}{POP} \simeq 4\,\frac{\delta D_{dj}}{D}. \tag{12}$$

Table of Integral Characteristics of the Donjon of the Global South in 2010-2024

Table 1 presents some annual integral characteristics of the Donjon of the Global South in 2010-2024. The list of integral characteristics includes parameters k_{dj} and $P_{p.c.,dj}$ of the linear Donjon regression equation on the plane {D, P} (4), as well as the determination coefficient R^2_{dj} for this equation. Parameters k_{dj}, $P_{p.c.,dj}$ and R^2_{dj} are determined numerically when processing the distribution of the Donjon countries on the plane {D, P} in Microsoft Excel. In addition to these three parameters, Table 1 includes the annual value of the fundamental parameter Π_c, calculated by formula (5), as well as the statistical characteristics of the transformed linear regression equation (8), (9), i.e. parameters Π_{dj} and δD_{dj}, calculated by formulas (10) and (11).

Table 1 — **Annual integral characteristics of the Donjon of the Global South on the plane {D, P} in 2010-2024**

year	k_{dj}	$P_{p.c.,dj}$	R^2_{dj}	Π_c	Π_{dj}	δD_{dj}
2010	1.0299	5.3033	0.8981	56.497	58.124	5.15
2011	1.0363	5.0702	0.8871	55.871	57.899	4.89
2012	1.0027	4.5059	0.8692	57.141	57.295	4.49
2013	1.0063	4.5155	0.8677	56.641	56.998	4.49
2014	1.0060	4.6275	0.8671	56.712	57.052	4.60
2015	0.9328	3.4968	0.8709	59.473	55.476	3.75
2016	0.9301	3.6723	0.8691	59.581	55.416	3.95
2017	0.9402	3.7428	0.8597	59.649	56.082	3.38
2018	0.9811	4.4260	0.8735	59.500	58.375	4.51
2019	0.9490	3.9449	0.8683	60.586	57.496	4.16
2020	0.9257	3.8753	0.8869	59.775	55.334	4.19
2021	0.9187	3.5964	0.8709	59.276	54.457	3.91
2022	0.9447	4.2902	0.8694	61.539	58.136	4.54
2023	0.9225	3.9938	0.8605	62.210	57.389	4.33
2024	0.92	3.6745	0.8488	61.840	56.231	4.04

The Donjon determination coefficient R^2_{dj} changes little over the fifteen years shown in the table ($R^2_{dj} \simeq 0.85$-0.90). This relatively high and relatively stable value indicates a relatively high statistical homogeneity of the Donjon and a relatively high stability over this time scale of the Donjon as a coherent statistical entity within the Global Economy. The typical value of this parameter for the Global North, given above, R^2_{GN} slightly exceeds the value R^2_{dj}. Despite the small difference between R^2_{GN} and R^2_{dj}, it should perhaps be considered that the Global North is more statistically homogeneous than the "looser" Donjon of the Global South.

The slope of the Donjon linear regression k_{dj} is very close to unity. Consequently, the linear regression line is almost parallel to the main diagonal of the {D, P} index plane. The slope is slightly greater than unity in the first five years of the time interval under consideration ($k_{dj} \simeq$ 1.00-1.04) and less than unity during the decade 2015–2024 ($k_{dj} \simeq$0.91-0.98). The characteristic Productivity Index Π_{dj} is concentrated in a narrow interval from Π_{dj}=54.46 to Π_{dj}=58.38. If we calculate the characteristic Donjon GDP per capita value using this index Π_{dj}, this value will be approximately one tenth of the "etalon value" GDP per capita for Luxembourg: from ≈8.8% to 11.6% in different years.

The numerical value of the "Demographic Index Defect" δD_{dj}, according to Table 1, varies within a narrow range, from $\delta D_{dj} \approx 4$ to $\delta D_{dj} \approx 5$. If the economic interpretation of this value proposed above is correct, then even for the largest Donjon countries, the share of the population not contributing to statistically significant GDP is quite large, at least 40 percent. For smaller Donjon countries, with a D≈of 15-25, this share is even higher. However, perhaps the Donjon linear regression equation requires some other interpretation.

Distribution of the Donjon countries of the Global South on the index plane {D, P} in 2010-2024

Fifteen figures (Fig. 1–Fig. 15) show the distribution of the Donjon countries of the Global South on the index plane {D, P} in 2010-2024. Each figure shows the contours of three structural elements of the Donjon: GS(m), GS(s), and GS(st). The dotted line shows the linear regression line (4), the parameters of which (k_{dj}, $P_{p.c.,dj}$, R^2_{dj}) are given in Table 1. This line is a certain conditional axis on which the structural elements of the Donjon are "strung". Undoubtedly, each Donjon country makes its own individual contribution to the statistical characteristics of k_{dj}, $P_{p.c.,dj}$, R^2_{dj}, but the presented figures (Fig. 1–Fig. 15) create a persistent visual impression that the Donjon's "minor" structural elements GS(s) and GS(st) belong to the Donjon only as some integral elements. Within each of these elements, GS(s) and GS(st), its own hidden statistical regularities may be at work. These regularities may be completely different from the linear regression equation (4), which governs the statistics of the Donjon of the Global South.

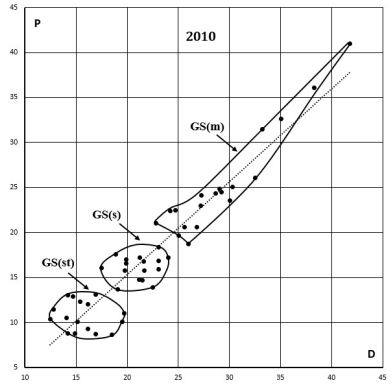

Fig. 1

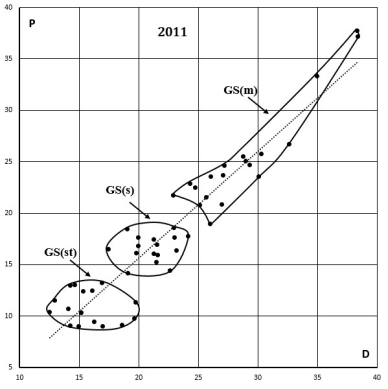

Fig. 2

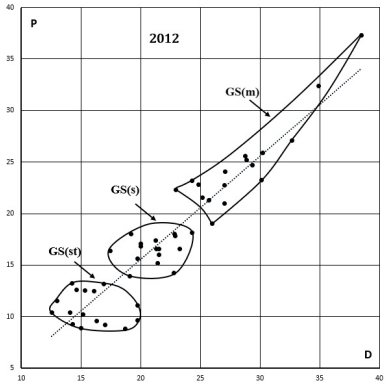

Fig. 3

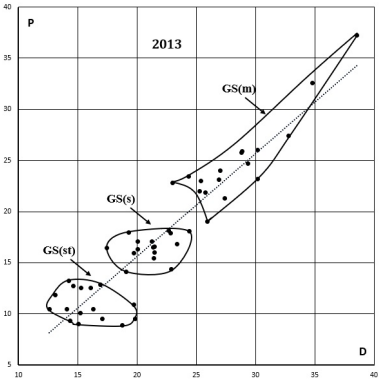

Fig. 4

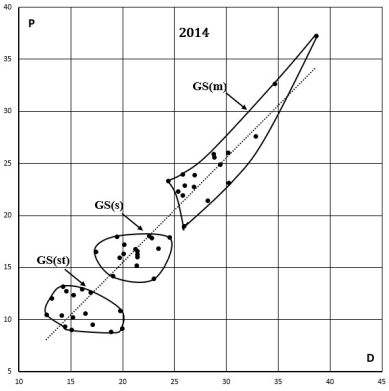

Fig. 5

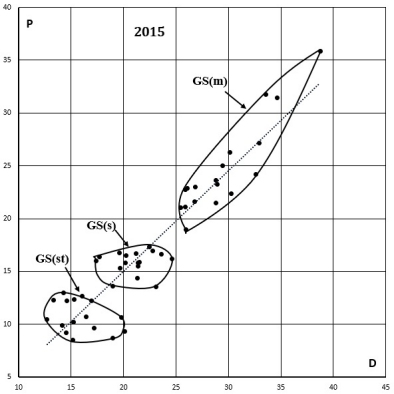

Fig. 6

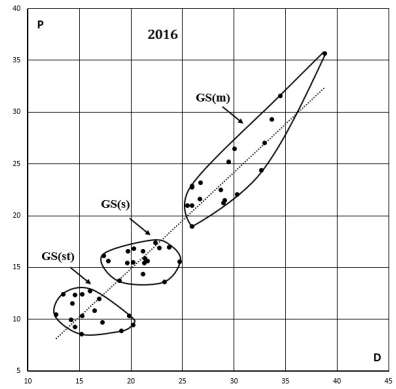

Fig. 7

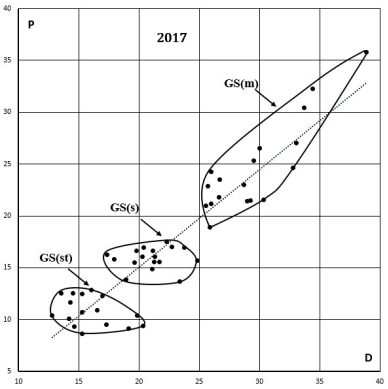

Fig. 8

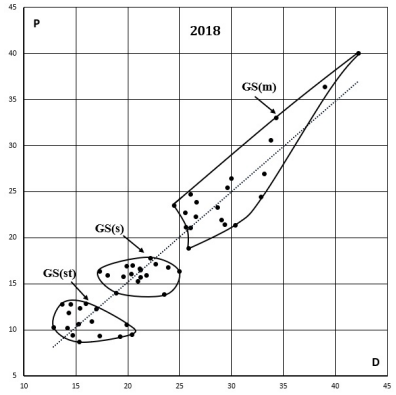

Fig. 9

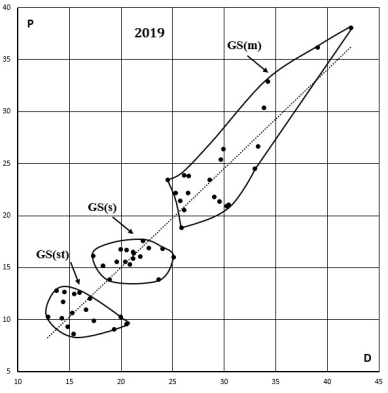

Fig. 10

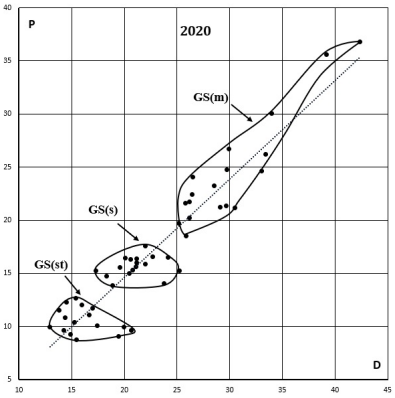

Fig. 11

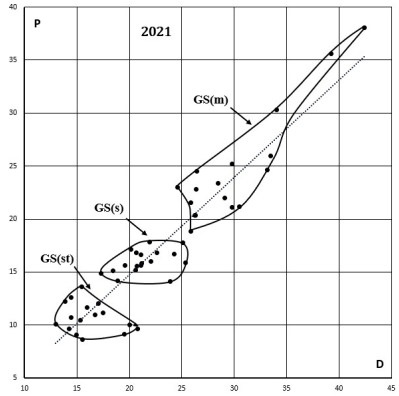

Fig. 12

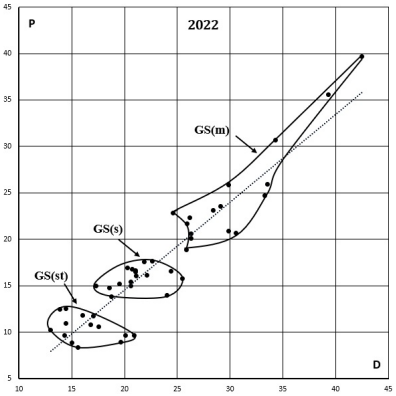

Fig. 13

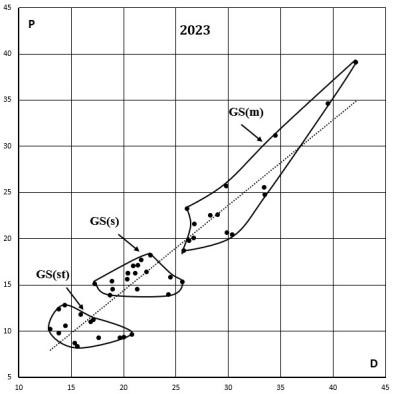

Fig. 14

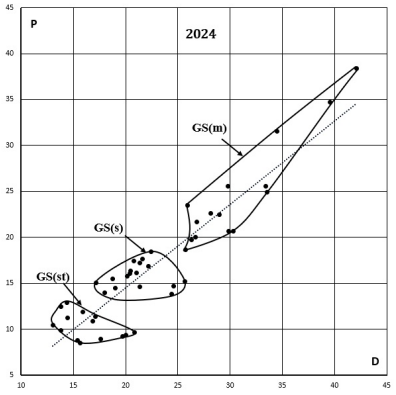

Fig. 15

Fig. 1-15. **Structural elements of the Donjon of the Global South and the linear regression line of the Donjon on the plane of indices {D, P} in 2010-2024**

The presented figures 1–15 demonstrate, in our opinion, the fundamental property of the Global Economy: a combination of mobility, dynamism of all points of the countries and high structural stability.

Conclusions

The paper demonstrates that the previously proposed procedure for identifying the Donjon of the Global South [1] is statistically sound and correct. This procedure is based on representing the Donjon as a second-level structural unit consisting of three structural elements of the Global Economy GS(m), GS(s), and GS(st). The linear regression equation for the Donjon countries of the Global South on the plane of indices {D, P} has a very high coefficient of determination R^2_{dj}. This coefficient of determination is somewhat smaller than the corresponding coefficient of determination R^2_{GN} of the Global North. Consequently, the Donjon of

the Global South, which contains approximately the same number of countries as the Global North, is statistically "looser" than the Global North. It was found that the "small" structural elements of the Donjon, GS(s) and GS(st), considered separately from the Donjon, may be subject to some other, their own statistical dependencies, different from the statistical dependencies' characteristic of the Donjon as a goal.

References

1. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XV. Donjon of the Global South and other structural elements / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2026. — №1(58). — C. 289-295.
2. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XVI. The Donjon of the Global South: Changes in Composition and Unchanged Marker Countries in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2026. — №1(58). — C. 296-302.
3. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. IX. Structural elements in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. 2025. — №4(57). — C. 126-143.
4. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XIII. Correlation of GDP and population for the Global North in 2010-2024 / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №1(91). — C. 202-210.
5 Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. I. Scaled indices and the expanding framework for the global economy / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №2(88). — C. 257-265.
6. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. II. Two levels of the structural elements of the global economy / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №2(88). — C. 265-273.
7. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. III. Methodology for identifying structure / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2025. — №2(55). — C. 162-171.
8. Seidametova Z.S. Minimal statistical description of the Global Economy: Base index pairs and their transformations / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2023. — №4(82). — C. 167-175.
9. Seidametova Z.S. The Global Economy 2022. I. One-dimensional distributions by four basic economic indices / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2023. — №4(82). — C. 176-184.

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В XXI ВЕКЕ. XX. «МАЛЫЕ» И «МЕЛЬЧАЙШИЕ» ЭКОНОМИКИ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА В 2010-2024

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Темненко Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь (Россия)

Цель исследования — дать описание статистических характеристик двух небольших структурных элементов Глобального Юга с помощью специально введенных геометрических объектов (P/П-хорда и D/П-хорда). Эти геометрические объекты позволяют описать характер связей между некоторыми экономическими индексами в ситуации невысокой статистической достоверности уравнения линейной регрессии. Научная новизна заключается во введении и использовании этих новых эмпирических характеристик распределения стран структурных элементов Глобального Юга на плоскостях пар экономических индексов. Этот инструментарий в результате может использоваться для изучения динамики структурных элементов Глобальной Экономики на достаточно больших промежутках времени.

Ключевые слова: *Глобальная Экономика; экономические индексы; Донжон Глобального Юга; структурные элементы.*

EDN: OPGFAD ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.41***

Цитировать: *Seidametova Z.S., Temnenko V.A. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XX. The "Small Economies" and the "Smallest Economies" of the Global South in 2010-2024 // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 293-303. EDN: OPGFAD. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.41*

STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE GLOBAL ECONOMY IN THE 21ST CENTURY. XX. THE "SMALL ECONOMIES" AND THE "SMALLEST ECONOMIES" OF THE GLOBAL SOUTH IN 2010-2024

УДК 339.97

5.2.5

The purpose of the research is to describe the statistical characteristics of two small structural elements of the Global South using specially introduced geometric objects (a "P/П-chord" and a "D/П-chord"). These geometric objects allow us to describe the nature of the relationships between certain economic indices in situations where the statistical significance of the linear regression equation is low. The scientific novelty lies in the introduction and use of these new empirical characteristics of the distribution of countries within the structural elements of the Global South on the planes of pairs of economic indices. This toolkit, as a result, can therefore be used to study the dynamics of structural elements of the Global Economy over relatively long time periods.

Keywords: *Global Economy; economic indices; the Donjon of the Global South; structural elements.*

© Seidametova Z.S., Temnenko V.A., 2026

SEIDAMETOVA Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

TEMNENKO Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol (Russia)

Introduction

The previous paper in this issue of the journal analyzed the dynamics of the Donjon of the Global South on the plane of economic indices {D, P} in 2010-2024. In this analysis, the Donjon of the Global South was considered as an integral structural unit of the Global Economy. The concept of the Donjon of the Global South as a second-level structural unit was first introduced in paper [1]. This structural unit consists of three previously identified and stable over time structural elements of the Global South: GS(m), the "Medium Economies of the Global South," GS(s), the "Small Economies of the Global South" and GS(st), the "Smallest Economies of the Global South" [1]. The Donjon of the Global South, composed of these three structural elements, as shown in the previous paper, demonstrates a high and stable linear correlation between the Demographic Index D and the Product Index P (i.e., the correlation between the population and the GDP). The coefficient of determination R^2 of this linear regression has remained almost unchanged over the past fifteen years (2010-2024): R^2=0.86–0.90. A high value R^2, close to one, indicates the statistical homogeneity of the Donjon of the Global South. In the paper [2], this statistical homogeneity and stability of the

Donjon of the Global South was studied on the plane of economic indices {Π, Q}, where Π is the " Productivity Index", calculated by the value of GDP per capita (GDP/PC), and Q is the "Absolute Power Index", proportional to the geometric mean of P and D. Definitions of indices P, D, Π, Q, as well as a complete description of the ensemble of structural elements of the Global Economy can be found, for example, in [3].

The elements of the "Small" and "Smallest" economies of the Global South, GS(s) and GS(st), considered as certain sets of countries, have narrow, almost one-dimensional distributions on the index plane {D, P}, oriented almost orthogonally to the straight line of the linear regression describing the Donjon of the Global South as an integral object of the Global Economy. Consequently, it can be assumed that, along with some general law of the Global Economy, manifested in the stability of the linear regression for the entire Donjon of the Global South and the large value of the coefficient R^2, there exist some local regularities that manifest themselves only within the structural elements GS(s) and GS(st).

The purpose of the paper is to identify and describe these local regularities in the distribution of countries belonging to the structural elements GS(s) and GS(st) on planes of some pairs of economic indices. This purpose involves solving the following tasks: 1) constructing annual distributions of countries belonging to the structural elements GS(s) and GS(st) on the plane of indices {P, Π} for the period 2010–2024 and calculating the linear regression parameters for each of these two structural elements on the plane {P, Π}; 2) introducing the concept of the "P/Π-chord" of a structural element as a visual characteristic of the interdependence of indices P and Π countries belonging to the structural element, and calculating the annual parameters of the "P/Π-chord" for the structural elements GS(s) and GS(st); 3) constructing annual distributions of countries belonging to the structural elements GS(s) and GS(st) on the plane of indices {D, Π} for the same period. 4) calculation of annual parameters of the "D/Π-chord" for structural elements GS(s) and GS(st); 5) analysis of the identified local regularities characterizing the structural elements GS(s) and GS(st) on the planes of pairs of indices {P, Π} and {D, Π}.

The theoretical basis for this study was our previous studies of the structure of the Global Economy of the 21st century (see, for example, [1], [2], [3], as well as [4], [5], [6], [7], [8]). The practical significance of this study lies in deepening the understanding of the structure of the Global Economy and in formation of an idea of local regularities. These regularities characterize individual structural elements of the Global Economy and exist alongside the large-scale laws of the Global Economy. These laws characterize the Global Economy as a whole or certain large groups of countries of the Global Economy (e.g., the Global North or the Donjon of the Global South).

Linear regression equations on the index plane {P, Π} for countries belonging to the structural elements GS(s) and GS(st)

The linear regression equation on the plane {P, Π} for the structural element GS(st) can be written as follows:

$$\Pi=\alpha_P \cdot P-\beta_P, \quad (1)$$

where positive numbers α_P and β_P are the parameters of this equation. The index P of these parameters reminds us that they correspond to the plane {P, Π}. These parameters are calculated based on annual data on the indices P and Π for each country belonging to the structural element GS(st). These indices are calculated based on the values of GDP and GDP/PC available in the World Bank database [9]. The statistical significance of equation (1) is determined by the value of the determination coefficient R^2: the closer it is to one, the more statistically homogeneous is the set of points with the linear regression equation (1). The smaller the determination coefficient R^2, the worse equation (1) describes the geometry of the distribution of points on the plane {P, Π}.

The linear regression equation describing the distribution of countries of the structural element GS(s) on the plane of indices {P, Π} can be conveniently represented in the following form:

$$\Pi=\alpha_P \cdot P+\beta_P, \quad (2)$$

where positive numbers α_P and β_P are the parameters of the linear regression equation. We retain the same notations for the parameters of the equation for the structural element GS(s) in the regression equation (2) as for the structural element GS(st) (equation (1)). We draw the

reader's attention to the change in sign before the free term β_P in equation (2). As will be seen from the numerical results presented below, the slope of the linear regression line α_Pfor the structural element GS(s) is significantly lower than for the structural element GS(st). It is this decrease α_P that leads to the change in sign before the free term β_P.

Figures 1, 2, 3 give some selective representation of the distribution of countries belonging to GS(st) (Fig. 1a, 2a, 3a) and GS(s) (Fig. 1b, 2b, 3b) on the plane of indices {P, П}. Figure 1 shows the distribution of these countries in 2010, Figure 2 shows this distribution in 2015. Figure 3 shows the distribution in 2020. In each of these figures, the dotted line shows the straight line of linear regression. This line satisfies equation (1) for the structural element GS(st) and equation (2) for the structural element GS(s). Table 1 presents the annual values of the parameters α_P and β_P of the linear regression equations for GS(st) and GS(s) in the time period from 2010 to 2024. The same table also shows the values of the coefficient of determination R^2 for GS(st) (equation (1)) and GS(s) (equation (2)). Table 1 also shows the minimum value of the Product Index P (minP) and the maximum value of the Product Index P (maxP) for GS(st) and GS(s) in each year of the period under consideration.

Table 1 — **Parameters of the linear regression equation α_P, β_P, R^2 for the structural elements GS(st) and GS(s) on the index plane {P, П} in 2010-2024 and the smallest and largest values of the Product Index P in these structural elements**

parame-ters / year	GS(st)					GS(s)				
	α_P	β_P	R^2	min P	max P	α_P	β_P	R^2	min P	max P
2010	4.10	4.68	0.63	8.67	13.11	2.25	7.02	0.37	13.73	18.38
2011	4.05	4.78	0.62	9.00	13.26	2.24	6.91	0.35	14.20	18.59
2012	4.27	6.23	0.64	8.83	13.23	1.95	12.57	0.29	13.95	18.16
2013	4.49	9.11	0.65	8.88	13.22	1.78	14.93	0.24	14.14	18.13
2014	4.62	10.50	0.68	8.82	13.15	2.04	10.75	0.29	13.92	18.03
2015	4.88	11.44	0.68	8.53	12.95	2.50	5.55	0.27	13.57	17.33
2016	5.00	12.70	0.66	8.58	12.74	2.37	7.69	0.26	13.60	17.40
2017	4.95	12.35	0.68	8.62	12.88	2.45	6.53	0.26	13.67	17.54
2018	4.96	12.67	0.68	8.72	12.84	2.22	10.16	0.21	13.81	17.77
2019	5.18	14.32	0.69	8.65	12.79	1.87	16.25	0.16	13.86	17.59
2020	4.77	10.43	0.59	8.73	12.70	1.49	21.24	0.11	13.84	17.00
2021	4.60	9.20	0.64	8.63	13.63	0.92	29.86	0.06	14.10	17.85
2022	5.37	15.69	0.65	8.36	12.51	1.47	23.03	0.14	13.87	17.67
2023	5.63	17.71	0.69	8.36	12.84	2.04	14.54	0.24	13.94	18.25
2024	5.82	19.97	0.72	8.53	12.90	2.31	10.18	0.31	13.86	18.44

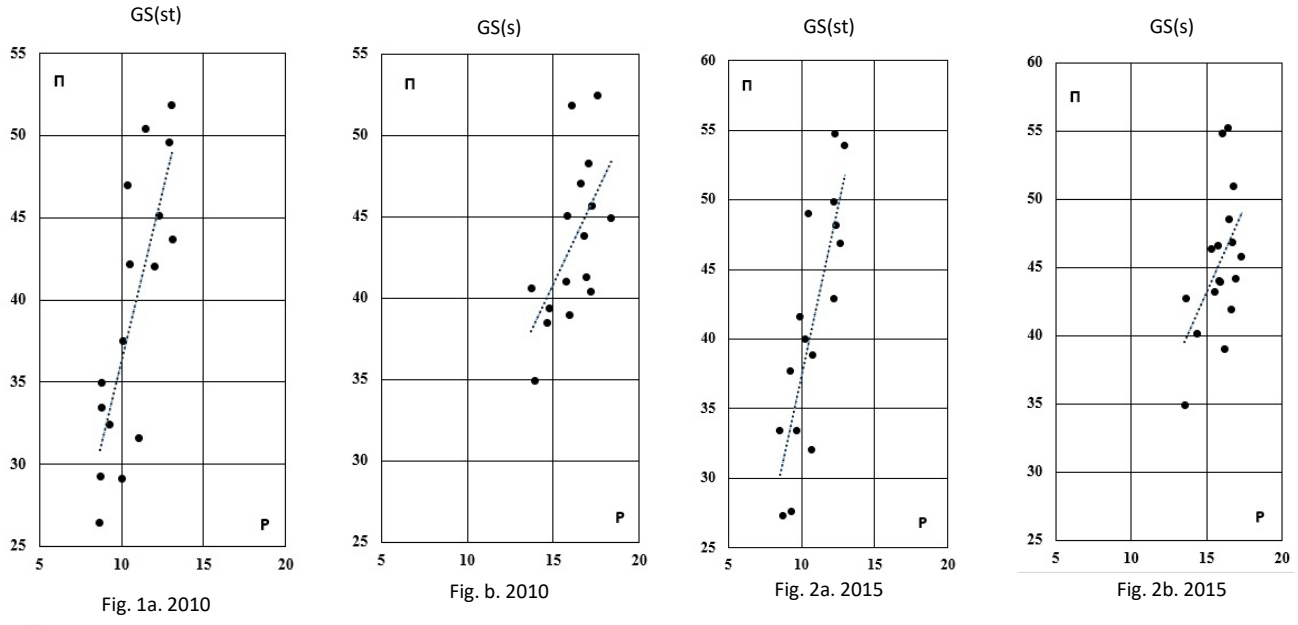

Fig. 1a. 2010 Fig. b. 2010 Fig. 2a. 2015 Fig. 2b. 2015

Fig. 1-2 — Distribution of countries of structural elements GS(st) and GS(s) on the plane of indices {P, П} and a straight line of linear regression

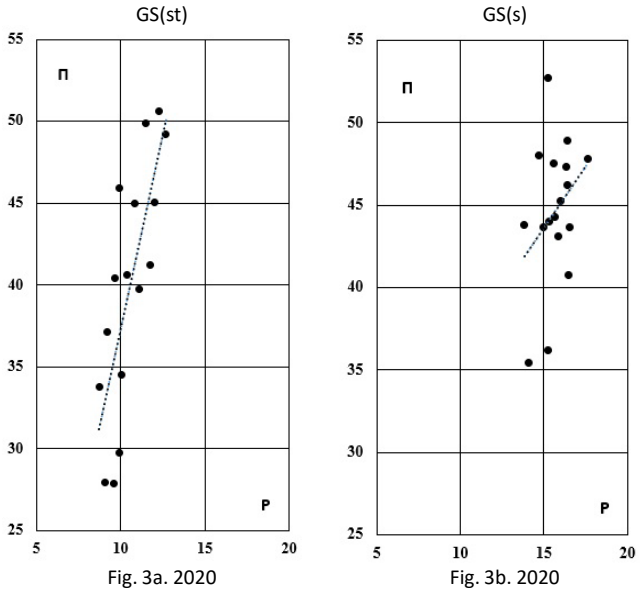

Fig. 3a. 2020 Fig. 3b. 2020

Fig. 3 — Distribution of countries of structural elements GS(st) and GS(s) on the plane of indices {P, П} and a straight line of linear regression

What conclusions can be drawn from Table 1 and Figs. 1, 2, 3?

1. The linear regression. For the structural element GS(st), the coefficient of determination R^2 is sufficiently high and stable over time: thirteen out of fifteen years R^2 fall within a fairly narrow interval from R^2=0.62 to R^2=0.69. Only once R^2 is it less than 0.6 and once greater than 0.7. This range of values R^2 shows that this small group of countries belonging to GS(st) is not statistically homogeneous enough. Therefore, a tool other than the linear regression equation (1) may be useful for describing the statistics of the structural element GS(st).

For the structural element GS(s), the coefficient of determination of the linear regression equation is small and unstable. The smallest value R^2 is 0.06. The largest value R^2 is 0.37. This range of coefficient values R^2 shows that the linear regression equation (2) describes the statistics of the structural element GS(s) very poorly. The small slope of the linear regression line (2) α_p for GS(s) (α_p=0.92–2.50) does not correspond to the visual perception of a "more vertical" orientation of the distribution of countries GS(s) on the plane {P, П}. Consequently, to describe the distribution of countries of the structural element GS(s), it is desirable to use some other geometric characteristic of this distribution.

Following the methodological principle of the unity of toolkit, we will use one geometric characteristic of the distribution of countries of two structural elements GS(st) and GS(s) on the planes of indices {P, П} and {D, П}. We still have to choose this characteristic.

2. The width of the distribution of countries of the structural elements GS(st) and GS(s) along the P-axis. Both structural elements under consideration are concentrated in narrow and non-overlapping intervals along the P-axis. The narrowness of these intervals and the non-intersection of these intervals, in fact, were the conditions for the visual identification of the structural elements GS(st) and GS(s) [5], [6]. The lower bound of the Product Index P for GS(st) min P ranges from 8.36 to 9.00 in different years over the period 2010-2024. The upper bound of this index for GS(st) max P ranges from 12.51 to 13.63. For the structural element GS(s) during these years min P=13.57–14.20, max P=17.33–18.59. Comoros is most often the country with the lowest P value in the structural element GS(st): 11 years out of 15. Four years out of these fifteen, Guinea-Bissau has the minimum P value in GS(st). In the structural element GS(s), the minimum value of the index P is shown by Mauritania (8 years out of 15) or Kosovo (7 years out of 15). Bosnia and Herzegovina most often has the maximum value of the index P in the structural element GS(s) (11 out of 15 years). This maximum occurred once in Congo, Rep. In the last three years of the period under review, the maximum P in the GS(s) element occurred in Georgia.

There was intense competition for first place in the index P (i.e., GDP size) in the structural element GS(st) over these 15 years. Suriname won first place four times, Fiji and Montenegro three times each, Guyana and Eswatini twice each, and the Maldives once.

The small width of the intervals along the P-axis occupied by the structural elements GS(st) and GS(s), combined with the rather large spread of the Productivity Index П values for the countries of these structural elements, suggest a certain geometric idea for describing the nature of the statistical relationship between the indices P and П (as well as between the indices D and П) for these structural elements.

The P/П-chord and the D/П-chord of the structural elements GS(st) and GS(s)

Let us call the "P/П-chord" of the structural element GS(st) a straight-line segment connecting

on the plane {P, Π} the country with the maximum value of the Productivity Index Π in this structural element with the country with the lowest value of the Productivity Index Π in this element. Similarly, we define the "P/Π-chord" for the structural element GS(s).

The equation of the P/Π-chord can be conveniently written as:

$$\Pi = k_P (P - P_f), \quad (3)$$

where k_P is the slope coefficient of the P/Π-chord, and P_f is the free term of this equation. Using the standard equation of a straight line passing through two non-coinciding points (see, for example, [10], p. 2.2-1(5)), one can express the parameters of the P/Π-chord through the economic indices of the countries that have the maximum value Π(=maxΠ) and the minimum value of the index Π(=minΠ) in each structural element of GS(st) and GS(s):

$$k_P = \frac{\max \Pi - \min \Pi}{P(\max \Pi) - P(\min \Pi)}; \quad (4)$$

$$P_f = \frac{\max \Pi \cdot P(\min \Pi) - \min \Pi \cdot P(\max \Pi)}{\max \Pi - \min \Pi}. \quad (5)$$

In these formulas P(max Π), is the value of the index P for the country that has the maximum value of the index Π in the given structural element, and P(min Π) is the value of the index P for the country that has the minimum value of the index Π. For the P/Π-chord, the coefficient is $k_P > 0$.

On the plane {D, Π} structural elements GS(st) and GS(s) have a negative slope of the D/Π-chord. The equation of the D/Π-chord can be conveniently written as follows:

$$\Pi = k_D (D_f - D), \quad (6)$$

where the parameter k_D ($k_D > 0$) characterizes the slope of the D/Π-chord, and D_f ($D_f > 0$) is the free term in equation (6).

Comparing (6) with the standard equation of a straight line passing through two points [10], we can obtain the following expression for the parameters of the D/Π-chord:

$$k_D = \frac{\max \Pi - \min \Pi}{D(\min \Pi) - D(\max \Pi)}, \quad (7)$$

$$D_f = \frac{\max \Pi \cdot D(\min \Pi) - \min \Pi \cdot D(\max \Pi)}{\max \Pi - \min \Pi}. \quad (8)$$

In equations (7) and (8) D(min Π)is the Demographic Index of the country with the minimum value of the Productivity Index Π, and D(max Π) is a Demographic Index of the country with the highest productivity Π in a given structural element (GS(st) or GS(s)).

Table 2 shows the annual values of the parameters P/Π-chord and D/Π-chord for elements GS(st) and GS(s) in 2010-2024.

Commenting on Table 2, it can be noted that the parameters of the P/Π-chord and the D/Π-chords vary over time much less chaotically than would be expected from parameters dependent on the annual independent movements of several countries. The most stable ones are parameters of the D/Π-chords for GS(s). For this structural element, over all fifteen years from 2010 to 2024, the same country has the lowest Productivity Index Π (Mauritania). The maximum value Π in GS(s) in the first three years belongs to Gabon. Mauritius ranks first Π for the remaining twelve years.

Table 2 — **Parameters P/Π-chord and D/Π-chord for structural elements GS(st) and GS(s) in 2010-2024**

parame-ters / year	GS(st)				GS(s)			
	k_P	P_f	k_D	D_f	k_P	P_f	k_D	D_f
2010	5.80	4.11	5.92	22.97	4.78	6.61	4.90	29.61
2011	6.12	4.66	5.35	23.74	4.58	6.65	4.48	29.48
2012	5.92	4.27	5.87	23.29	4.74	6.70	5.00	29.91
2013	5.93	4.37	5.68	23.50	8.68	10.29	3.26	36.31
2014	6.56	5.20	4.60	25.63	7.50	9.34	3.47	34.44
2015	7.71	5.17	4.86	24.60	8.09	9.26	3.47	33.19
2016	9.18	6.41	4.00	27.15	8.13	9.31	3.47	33.30
2017	8.65	6.30	4.04	27.35	8.06	9.34	3.51	33.30
2018	8.57	6.27	4.11	27.16	8.28	9.58	3.44	33.67
2019	8.52	6.18	4.13	27.40	8.78	10.51	3.15	36.09
2020	8.62	6.40	3.68	28.43	14.53	15.26	2.68	36.96
2021	9.62	6.80	3.58	28.49	20.09	12.36	2.43	38.29
2022	7.74	5.32	4.75	25.54	17.32	11.93	2.61	37.36
2023	9.73	5.60	3.87	28.27	16.36	11.81	2.67	37.71
2024	9.70	6.69	3.84	28.30	16.21	11.70	2.63	37.76

This change in the leader is manifested (albeit not very significantly) in the parameters k_D and D_f. In the first three years $k_D \approx 4.5–5.0$, in the remaining years $k_D \approx 2.5–3.5$. The parameter D_f in the first three years is ≈30. In the following 12 years, it is somewhat larger ($D_f \approx 33–38$). The parameters of the P/Π-chord for the structural

element GS(s) have a large spread (for small countries, annual fluctuations in economic indices P and Π are significantly greater than changes in the Demographic Index D). But this spread of parameters k_P and P_f is not excessive. It is impossible to estimate the statistical usefulness of the parameters of the P/Π-chord and of the D/Π-chords. But, undoubtedly, the coefficients k_P and k_D quite reliably describe the dependencies in pairs of indices {P, Π} and {D, Π}: a sharp increase Π with a small increase in P and a fairly rapid decline in productivity Π with an increase in the Demographic Index D. It should be emphasized that these dependencies reflect instantaneous (annual) statistical features of the family of countries included in the structural elements GS(s) and GS(st). This interdependence: a decline in productivity with population growth is not evolutionary and does not allow us to predict the changes of productivity index Π with changes in the population of any particular country. We do not have the tools for such predictions. We noted a very similar dependency earlier for the countries of the Global North: a decline in maximum achievable productivity with population growth [11].

Donjon of the Global South on the planes of index pairs {P, Π} and {D, Π}

Figure 4-18 presents the distribution of the Donjon countries of the Global South on the planes of index pairs {P, Π} (groups of figures with label "a") and {D, Π} (groups of figures with label "b"), for 15 years from 2010 to 2024. The dashed lines in each figure show the P/Π-chord and D/Π-chord for the structural elements GS(st) and GS(s). These figures, in our opinion, demonstrate a fundamental feature of the global economy: the inextricable connection between high dynamism and the fluidity of economic indices of many countries and the structural stability of the families of countries that comprise the structural elements of the global economy, as well as the stability of the statistical and geometric characteristics of these structural elements.

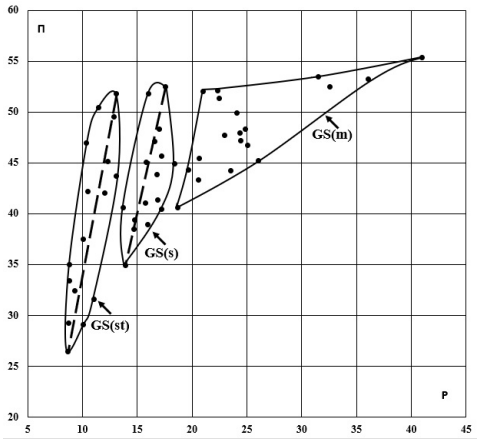

Fig. 4a. 2010

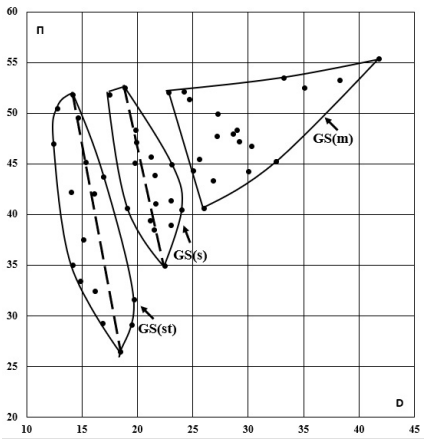

Fig. 4b. 2010

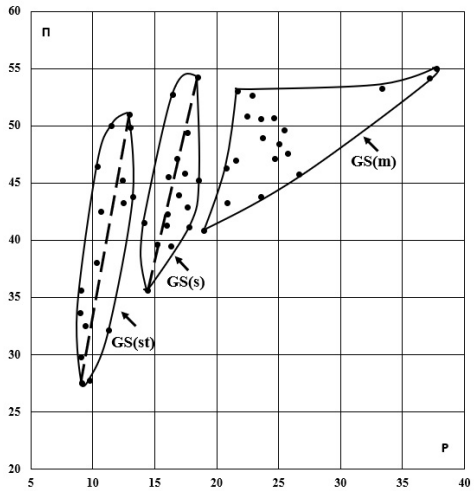

Fig. 5a. 2011

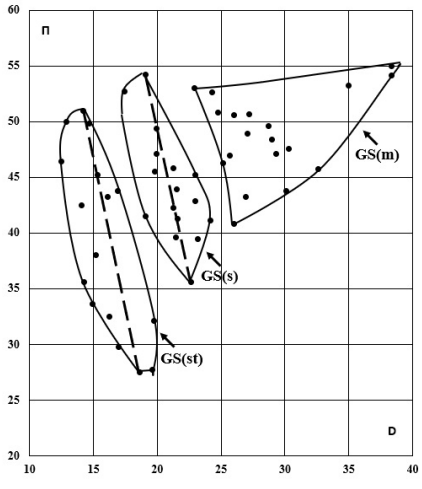

Fig. 5b.2011

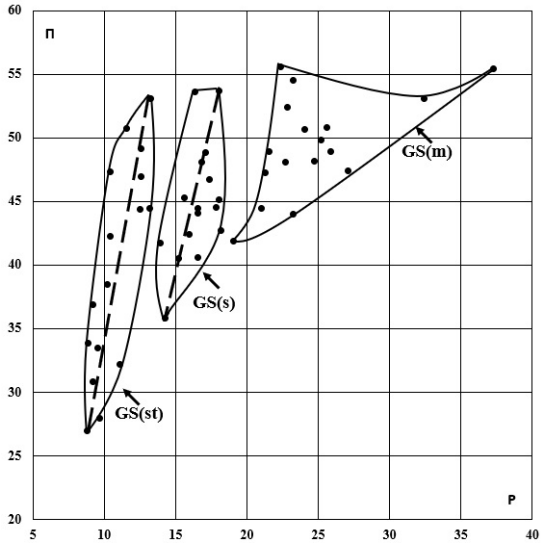

Fig. 6a.2012

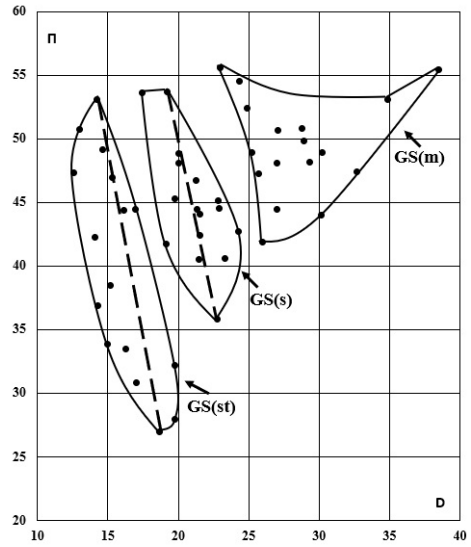

Fig. 6b.2012

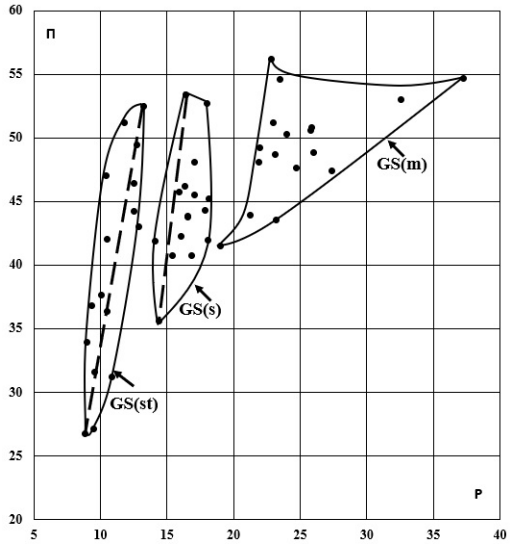

Fig. 7a. 2013

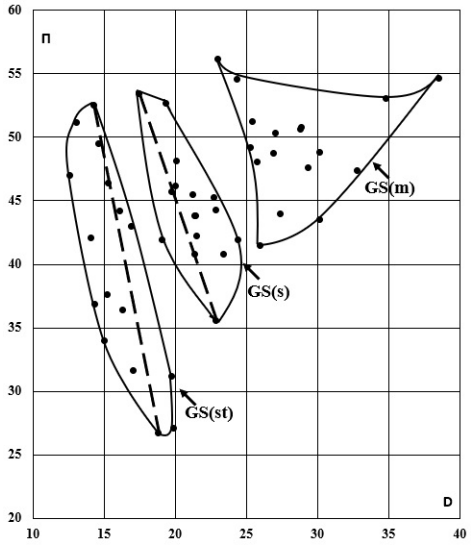

Fig. 7b. 2013

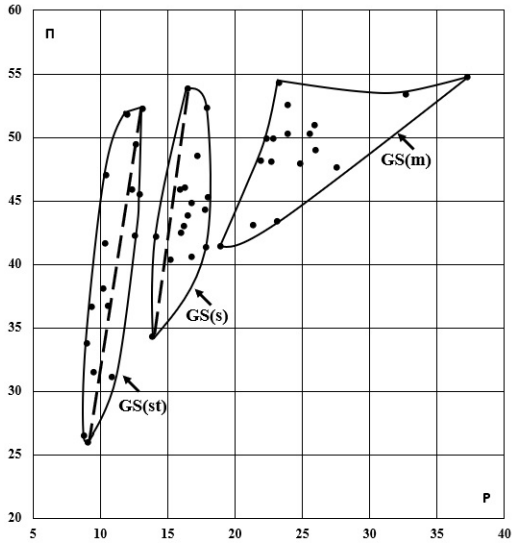

Fig. 8a. 2014

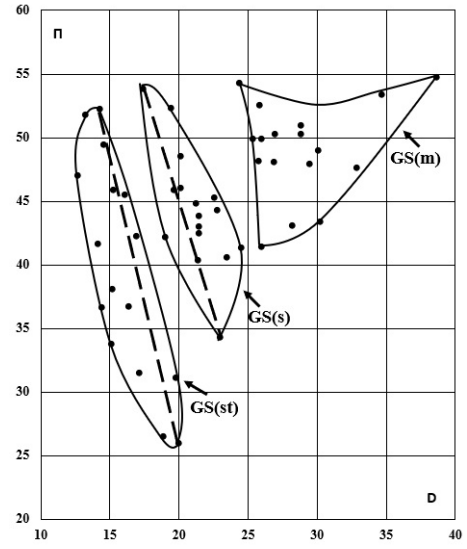

Fig. 8b. 2014

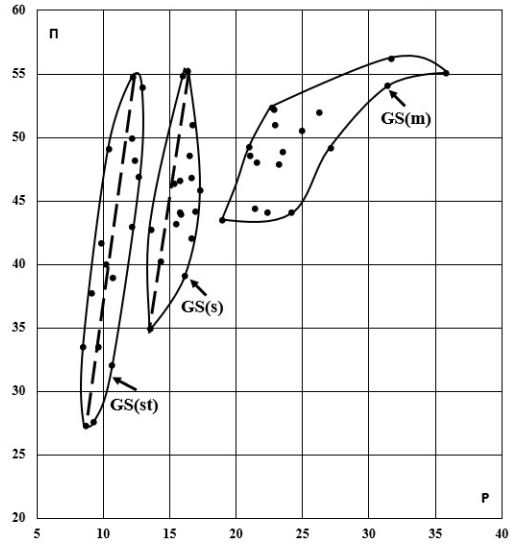

Fig. 9a. 2015

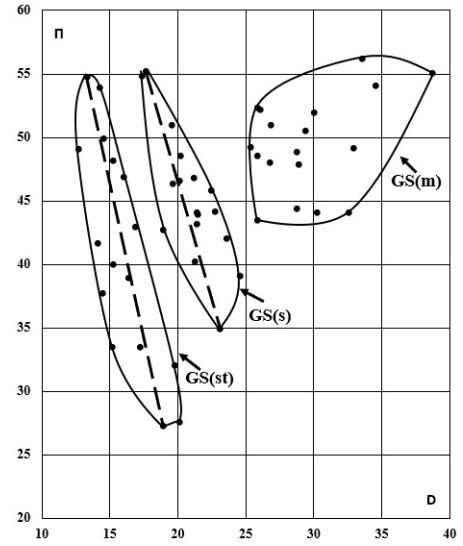

Fig. 9b. 2015

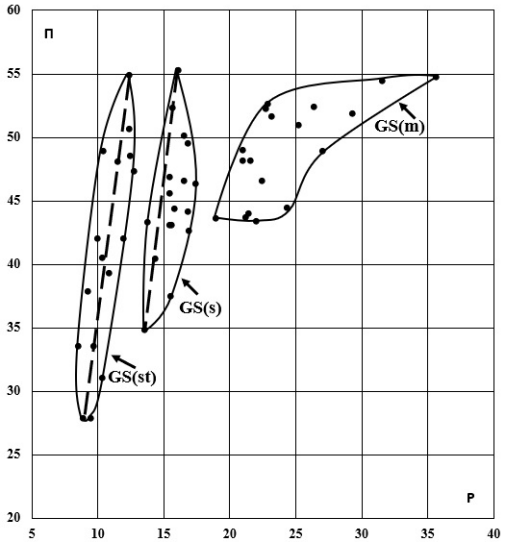

Fig. 10a. 2016

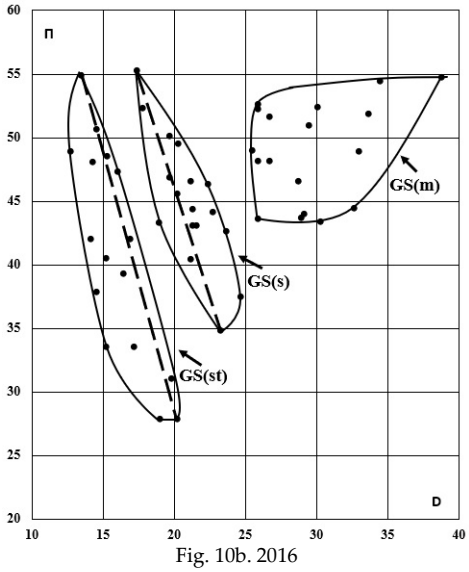

Fig. 10b. 2016

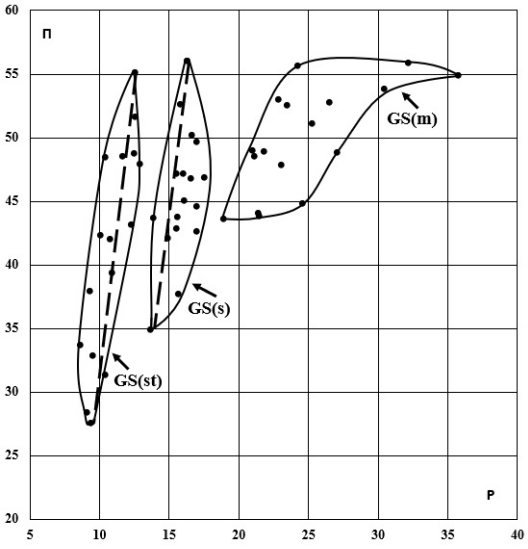

Fig. 11a. 2017

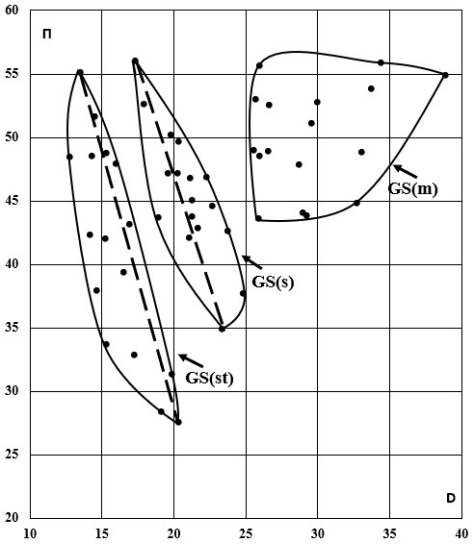

Fig. 11b. 2017

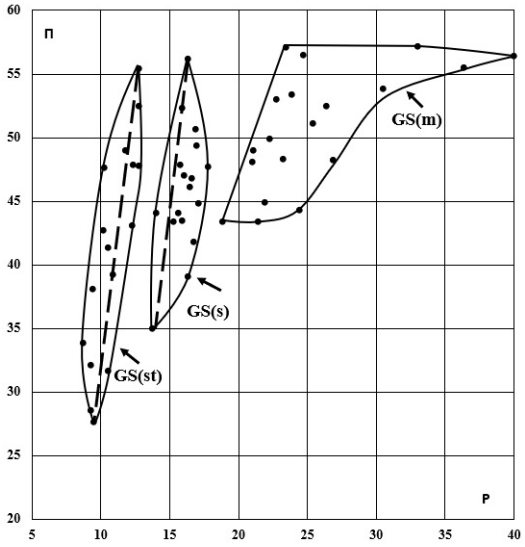

Fig. 12a. 2018

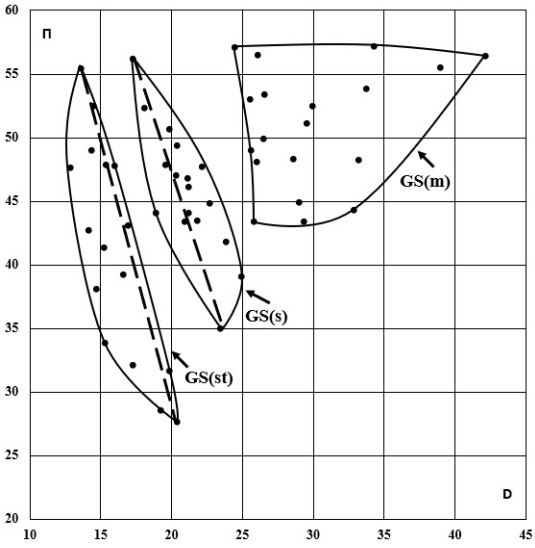

Fig. 12b. 2018

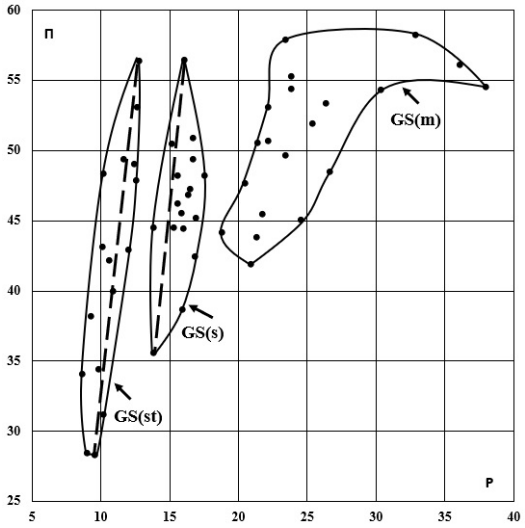

Fig. 13a. 2019

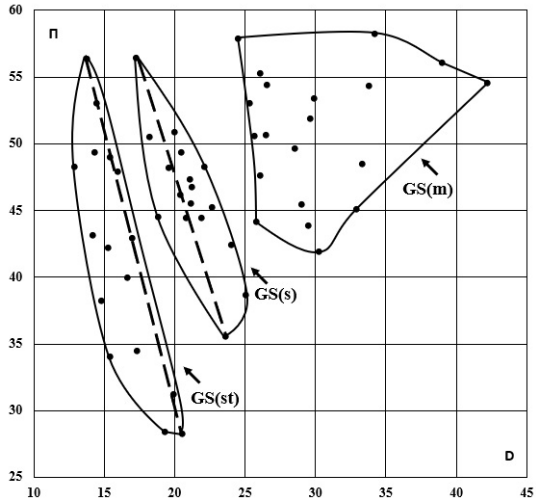

Fig. 13b. 2019

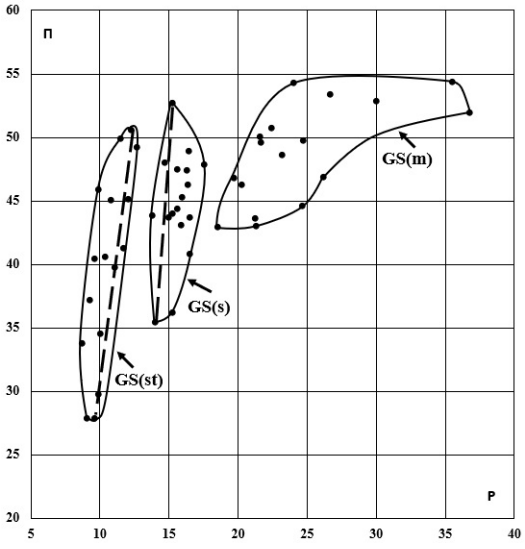

Fig. 14a. 2020

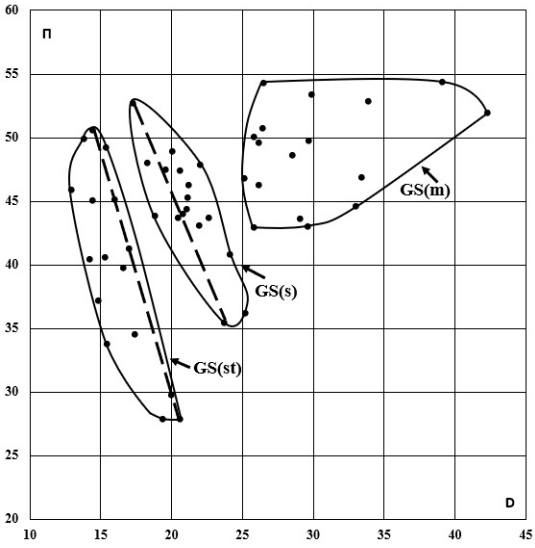

Fig. 14b. 2020

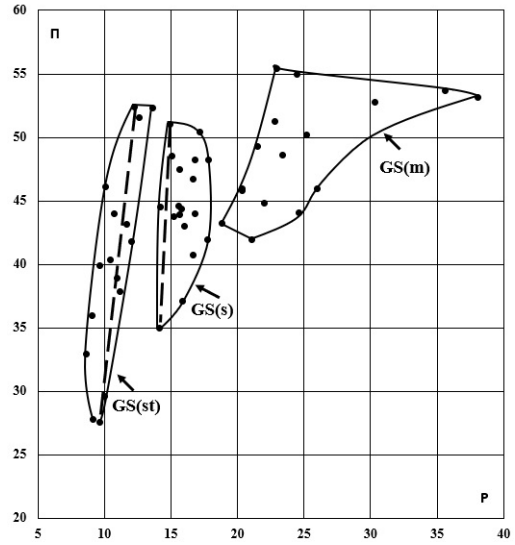

Fig. 15a. 2021

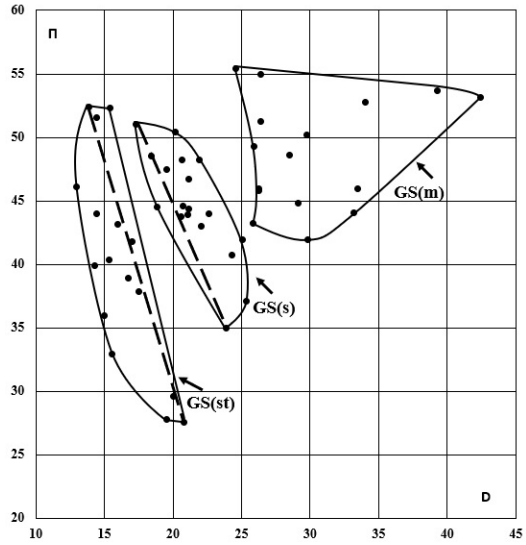

Fig. 15b. 2021

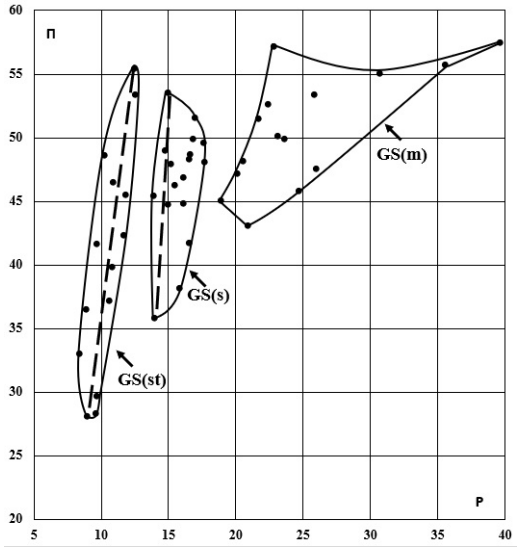

Fig. 16a. 2022

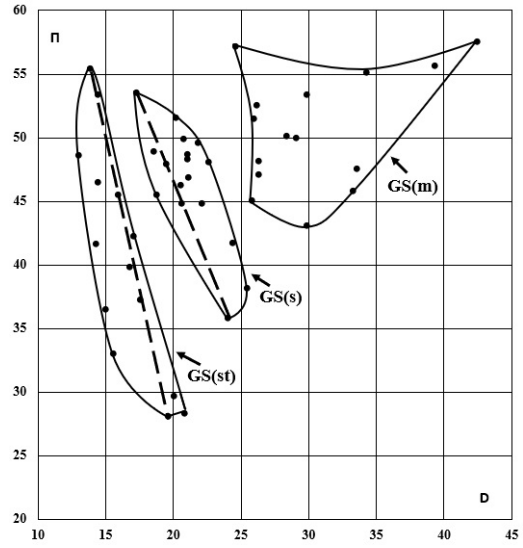

Fig. 16b. 2022

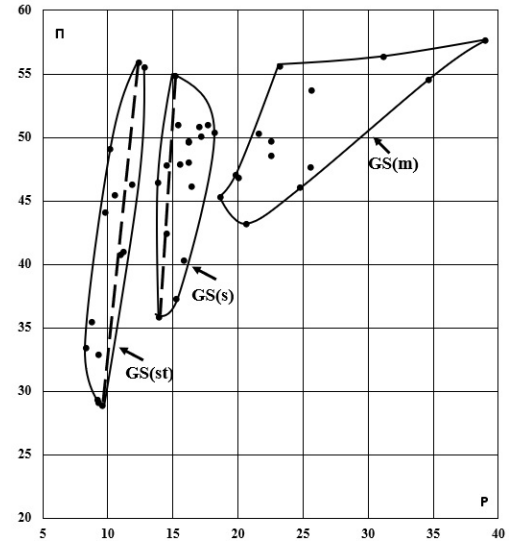

Fig. 17a. 2023

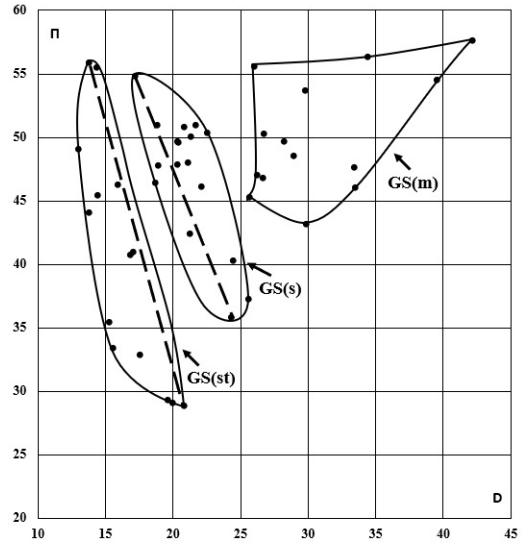

Fig. 17b. 2023

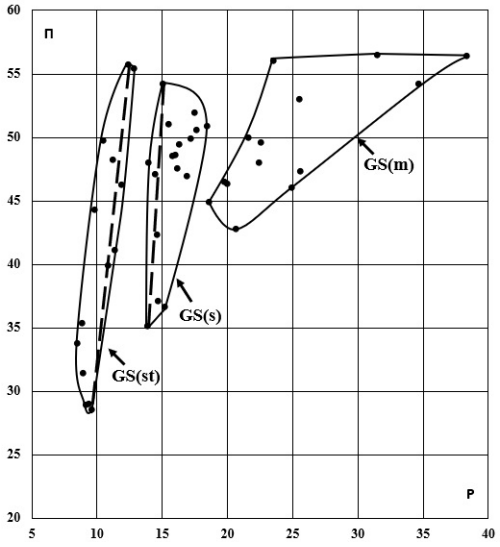

Fig. 18a. 2024

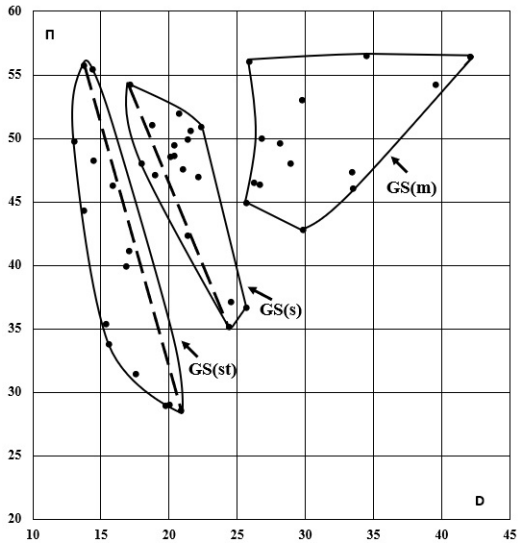

Fig. 18b. 2024

Fig. 4-18 — **Distribution of the Donjon countries of the Global South on the planes {P, П} and {D, П}, 2010–2024**

Conclusions

The data presented in this paper strengthen our confidence in the sustainable existence of the structural elements of the Global Economy we visually identified earlier. The new geometric characteristics of the distribution of countries within the structural elements of the Global Economy introduced in this paper (the P/П-chord and the D/П-chord) can be used to describe the statistical properties of these structural elements (at least in cases where the linear regression equations have low statistical reliability).

References

1. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XV. Donjon of the Global South and other structural elements / Z.S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT. — 2026. — №1(58). — C. 289-295.
2. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XVI. The Donjon of the Global South: Changes in Composition and Unchanged Marker Countries in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2026. — №1(58). — C. 296-302.
3. Seidametova Z.S. Ensemble of structural components of the Global Economy / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства. — 2026. — Вып. 12. — С. 481-485.
4. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. I. Scaled indices and the expanding framework for the global economy / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №2(88). — С. 257-265.
5. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. II. Two levels of the structural elements of the global economy / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №2(88). — С. 265-273.
6. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. III. Methodology for identifying structure / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 162-171.
7. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. IV. Initial Period (2000-2004) / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 172-181.
8. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. V. Structural elements in 2005-2009 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 129-139.
9. GDP. Population. GDP/PC. 2024/The World Bank. Indicators [e-resource]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/
10. Korn G.A., Korn T.M. Mathematical Handbook for Scientists and Engineers. Definitions, Theorems, and Formulas for Reference and Review/Part of series: Dover Civil and Mechanical Engineering. — NY, US: Dover Publications, Inc., 2003. — 1152 p.
11. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XVII. The Global North on a plane {the Demographic Index, the Productivity Index} in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №2(92). — С. 177-194.

IMPROVEMENT OF FINANCIAL MODELING AND ADAPTATION OF MARKETING STRATEGIES OF RESIDENTIAL REAL ESTATE DEVELOPERS USING BANK CREDITS

Serikov Denis Andreevich, *PhD of Economics, Lecturer, Kuban State University, Krasnodar (Russia)*

Stavriyanov Grigorii Vladimirovich, *Undergraduate student, Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow (Russia)*

The purpose of this study is to quantify the impact of the Russian development industry's transition to project financing using escrow accounts on the sensitivity of net present value (NPV). Given that this transition has led to a change in the structure of cash flows and increased developers' dependence on bank lending, the identified patterns require the development of a set of practical recommendations for market participants, which will minimize interest rate risks and improve the sustainability of investment projects. Based on the analysis of investment projects in the Republic of Crimea, a statistically significant increase in the sensitivity of NPV to changes in the discount rate has been confirmed compared to the traditional shared construction scheme. It is established that the key determinants of this sensitivity are project duration, profitability, and the share of borrowed funds. Practical recommendations have been developed to improve the financial sustainability of projects, including the use of interest rate risk hedging instruments and the enhancement of financial modeling approaches. It is shown that under project financing conditions, the developer's marketing policy, including pricing strategy, sales pace management, and product structure, affects the stability of investment projects. The results of the study can be used in assessing the efficiency and risks of housing projects, as well as in shaping the strategies of development companies and bank lending policies.

Keywords: *project financing; financial modeling; investment project; discount rate; net present value (NPV); housing construction; regional housing market; housing marketing; pricing policy; real estate demand.*

EDN: PWGPHE ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.42***

Цитировать: *Сериков Д.А., Ставриянов Г.В. Совершенствование финансового моделирования и адаптация стратегии маркетинга девелоперов жилой недвижимости в условиях банковского финансирования // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 304-309. EDN: PWGPHE. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.42*

УДК 339.13

5.2.3

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И АДАПТАЦИЯ СТРАТЕГИИ МАРКЕТИНГА ДЕВЕЛОПЕРОВ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В УСЛОВИЯХ БАНКОВСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

© Сериков Д.А., Ставриянов Г.В., 2026

СЕРИКОВ Денис Андреевич, *кандидат экономических наук,, Кубанский государственный университет, Краснодар (Россия)*

SPIN-код: 3340-0586

ORCID ID: 0009-0001-4666-5740

СТАВРИЯНОВ Григорий Владимирович, *магистрант, Московский физико-технический институт, Москва (Россия)*

Цель исследования — количественно оценить влияние перехода российской девелоперской отрасли к проектному финансированию с использованием эскроу-счетов на чувствительность чистой приведенной стоимости (NPV). В связи с тем, что переход привёл к изменению структуры денежных потоков и усилению зависимости застройщиков от банковского кредитования, на основе выявленных закономерностей требуется разработка комплекса практических рекомендаций для участников рынка, что позволит минимизировать процентные риски и повысить устойчивость инвестиционных проектов. На основе анализа инвестиционных проектов жилой недвижимости в Республике Крым подтверждено статистически значимое увеличение чувствительности NPV к изменению ставки дисконтирования по сравнению с традиционной схемой долевого строительства. Установлено, что ключевыми факторами чувствительности выступают срок реализации проекта, его рентабельность и доля заемных средств. Разработаны практические рекомендации по управлению финансовой устойчивостью проектов, включая инструменты хеджирования процентного риска и совершенствование финансового моделирования. Показано, что в условиях проектного финансирования маркетинговая политика девелопера, включая ценовую стратегию, управление темпами продаж и структуру предложения, оказывает влияние на устойчивость инвестиционных проектов. Результаты исследования могут быть использованы при оценке эффективности и рисков жилищных проектов, а также при формировании стратегий

маркетинга девелоперских компаний, управлении ценовой, сбытовой и продуктовой частью комплекса маркетинга.

Ключевые слова: *проектное финансирование; инвестиционный проект; ставка дисконтирования; чистая приведенная стоимость; жилищное строительство; региональный рынок жилья; маркетинг жилья; ценовая политика; спрос на недвижимость.*

Введение

Переход жилищной отрасли на проектное финансирование с использованием эскроу-счетов, инициированный поправками в Федеральный закон № 214-ФЗ, стал одним из наиболее значительных институциональных изменений последних лет. Средства дольщиков, ранее поступавшие застройщику напрямую и служившие основным источником финансирования строительства, теперь аккумулируются на специальных счетах до момента ввода объекта в эксплуатацию. Это привело к смещению положительных денежных потоков на конец инвестиционного цикла и резкому возрастанию роли банковского кредитования [5; 7].

В условиях макроэкономической нестабильности, характеризующейся высокой волатильностью ключевой ставки Банка России и стоимости заемных ресурсов, подобная трансформация порождает новые риски. Ключевым из них становится повышенная чувствительность чистой приведенной стоимости (NPV) проектов к изменению ставки дисконтирования, которая теперь отражает не только альтернативную доходность, но и стоимость обслуживания значительного по объему и длительного по срокам долга [8]. В связи с этим появляется необходимость количественно оценить влияние перехода на эскроу-счета на чувствительность NPV и на основе выявленных закономерностей разработать комплекс практических рекомендаций для участников рынка, направленных на минимизацию процентного риска и повышение устойчивости инвестиционных проектов.

Эмпирическую базу составили 60 инвестиционных проектов жилищного строительства, реализуемых на территории Республики Крым с использованием эскроу-счетов на основе данных портала «наш.дом.рф» и проектных деклараций, уточненных в ходе экспертных интервью. Для каждого проекта были построены две альтернативные финансовые модели:

— модель с эскроу-счетами (реальная структура финансирования);

— традиционная модель (гипотетическая, соответствующая схеме долевого строительства до 2019 г.).

Моделирование осуществлялось методом дисконтированных денежных потоков (DCF) с помесячным шагом. В качестве меры чувствительности использовалось относительное изменение NPV при варьировании ставки дисконтирования в диапазоне ±1% от базового значения (ΔNPV/NPV, %) [6].

Описательные статистики выборки проектов представлены в таблице 1. Средний объем инвестиций составил 2 729 млн руб., средний срок реализации — 40 месяцев, доля заемных средств — 78%, средняя рентабельность — 22,8%.

Таблица 1 — **Характеристика выборки инвестиционных проектов жилой недвижимости**

Параметр	Среднее	Ст. отклонение	Минимум	Максимум
Объем инвестиций, млн руб.	2 729	420	287	12 227
Срок реализации, мес.	40	10	23	66
Доля заемных средств, %	78	12	45	92
Рентабельность, %	22,8	9,9	0,7	37,6

Результаты исследования

Анализ зависимости чувствительности от характеристик проектов выявил, что проекты с высокой рентабельностью (более 22%) и коротким сроком реализации (менее 35 месяцев) демонстрируют существенно меньшую чувствительность. Регрессионный анализ подтвердил значимое влияние доли заемных средств (отрицательный вклад) и рентабельности (положительный вклад — снижает чувствительность).

Высокая рентабельность проекта выступает стабилизирующим фактором, компенсируя возросшие риски, связанные с эскроу-схемой. Проекты с высокой маржинальностью

имеют больший «запас прочности» против колебаний стоимости капитала.

Таблица 2 — **Зависимость чувствительности NPV от срока реализации проекта (для традиционной схемы и схемы с эскроу-счетами)**

Срок реализации, месяцев	Количество проектов в группе	Среднее отклонение NPV при изменении ставки на 1%		Отклонение абсолютное	Отклонение относительное
		эскроу-счета	традиционная		
До 35	20	7,61%	1,71%	5,90%	4,45
36 – 40	13	10,06%	2,51%	7,55%	4,01
Более 40	27	11,24%	2,73%	8,51%	4,12

Таблица 3 — **Зависимость чувствительности NPV от рентабельности проекта (для традиционной схемы и схемы с эскроу-счетами)**

Уровень рентабельности	Количество проектов в группе	Среднее отклонение NPV при изменении ставки на 1%		Отклонение абсолютное	Отклонение относительное
		эскроу-счета	традиционная		
Менее 22%	23	13,34%	2,72%	10,62%	4,90
22%	Среднее значение	9,77%	2,34%	7,43%	4,18
Более 22%	37	7,56%	2,21%	5,35%	3,42

Полученные результаты согласуются с теоретическими положениями о дюрации денежных потоков: смещение выручки к концу проекта увеличивает его чувствительность к ставке дисконтирования [4]. Высокая долговая нагрузка усиливает этот эффект, тогда как высокая рентабельность создает «подушку безопасности».

Обсуждение

Выявленные закономерности позволяют сформулировать комплекс мер, направленных на повышение устойчивости девелоперских проектов в условиях проектного финансирования.

Одним из достаточно очевидных, но, тем менее, важных факторов роста устойчивости является увеличение доли собственных средств. Регрессионный анализ показал, что рост доли заемных средств на 1 п.п. увеличивает чувствительность NPV на 0,45 п.п. (p = 0,015). Рекомендуется поддерживать долю собственного капитала на уровне не менее 20-25 % от общего объема инвестиций. Это не только снижает процентный риск, но и улучшает условия кредитования [7].

Проекты с длительностью менее 35 месяцев демонстрируют на 25–30 % меньшую чувствительность. Эффективными инструментами для сокращения сроков строительства являются оптимизация графиков строительства (методы CPM/PERT), внедрение технологий быстрого возведения, параллельное ведение работ по получению разрешительной документации и синхронизация графиков продаж с этапами строительства.

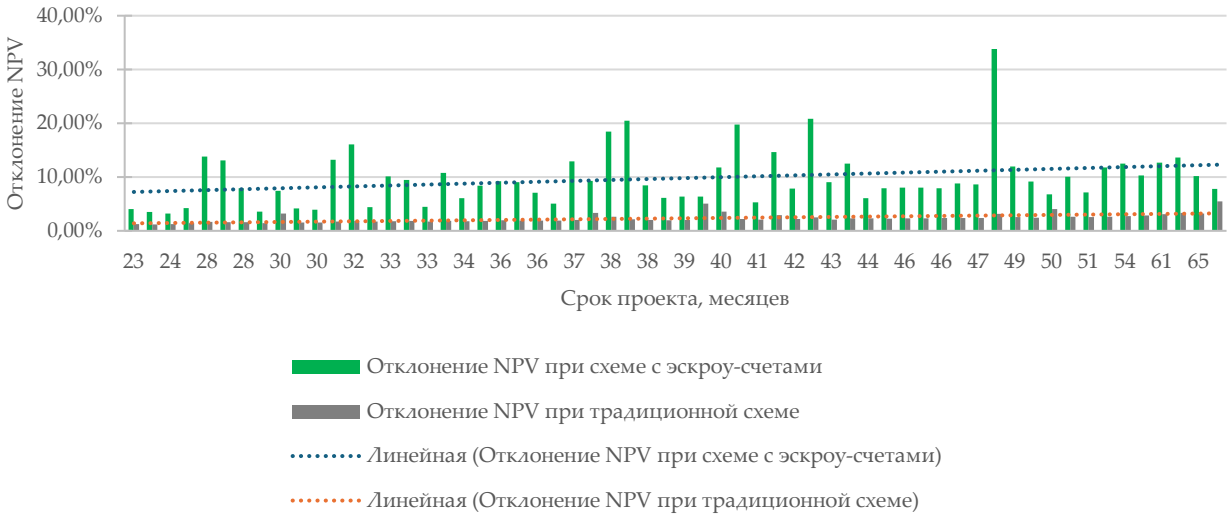

Рисунок 1 — **Зависимость отклонения NPV от рентабельности проекта**

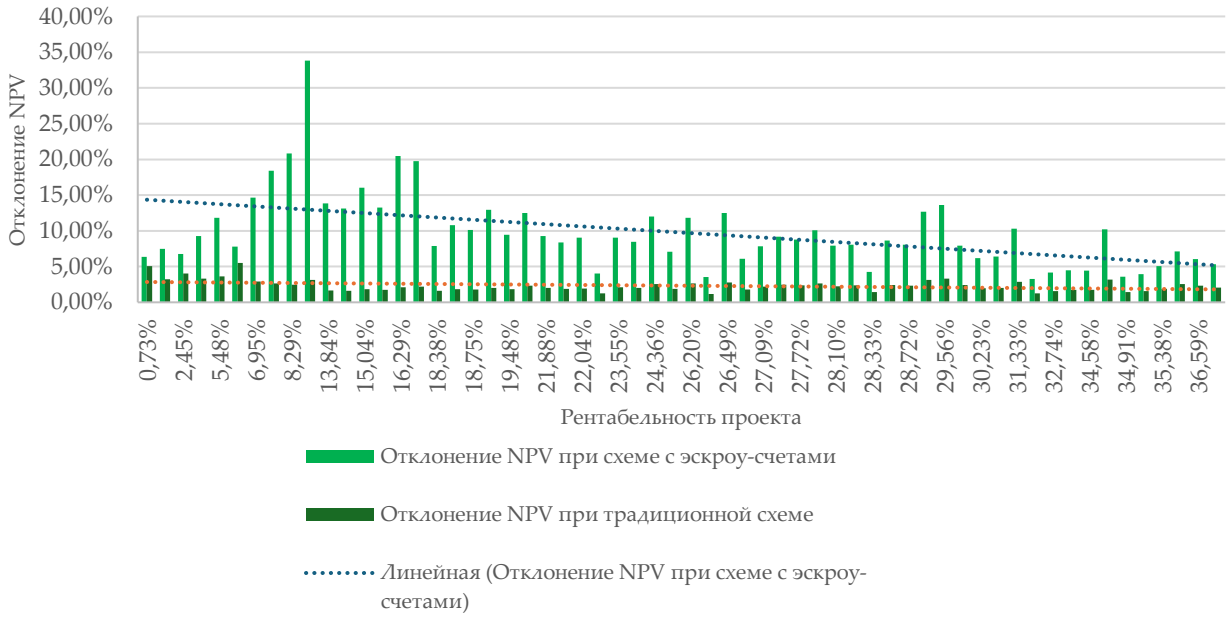

Рисунок 2 — **Сравнение модели с эскроу-счетами и модели с традиционной схемой финансирования**

Использование наряду с банковским кредитованием таких инструментов, как проектное облигационное финансирование, привлечение средств институциональных инвесторов, бридж-кредитование под будущую прибыль, позволяет снизить зависимость от колебаний ставки одного кредитора [4].

Хеджирование процентного риска. Ключевым фактором неопределенности в эскроу-модели является волатильность процентных ставок. Для его снижения могут применяться следующие финансовые инструменты. Процентный своп (IRS) позволяет обменять плавающую ставку по кредиту на фиксированную, полностью устраняя неопределенность. Рекомендуется хеджировать 70–80 % суммы долга на срок не менее 2 лет. Опцион-кэп (Cap) устанавливает верхний предел ставки; девелопер платит премию, но сохраняет возможность выиграть от снижения ставок. Оптимален для проектов со средним сроком инвестиционного цикла (2–4 года). Коллар (Collar) — комбинация кэпа и флора (нижнего предела), которая позволяет снизить стоимость хеджирования до нуля, но ограничивает выгоду от падения ставок. Сравнительная характеристика инструментов представлена в таблице 4.

Таблица 4 — **Сравнительный анализ методов хеджирования процентного риска**

Инструмент	Преимущества	Недостатки	Рекомендуемая область применения
Процентный своп (IRS)	Полное устранение неопределенности, высокая эффективность	Требует уплаты разницы при неблагоприятном движении рынка, сложность досрочного расторжения	Крупные проекты с длительным сроком и высокой долей заемных средств
Кэп (Cap)	Защита от роста ставок + возможность участвовать в их снижении; известная upfront стоимость	Необходимость уплаты премии	Проекты со средним сроком (2–4 года), умеренной долговой нагрузкой
Коллар (Collar)	Нулевая или низкая upfront стоимость	Ограничение выгоды от снижения ставок	Проекты с ограниченным бюджетом на хеджирование
Рефинансирование	Отсутствие прямых затрат	Неопределенность сроков, транзакционные издержки	Проекты с длительным сроком (>4 лет)

Количественная оценка показывает, что применение инструментов хеджирования позволяет существенно снизить волатильность NPV (до 45%) и улучшить показатели риска, такие как стоимость под риском (VaR), повышая вероятность сохранения положи-

тельного финансового результата в стрессовых сценариях.

Также предлагаются следующие адаптационные мероприятия в части непосредственного финансового моделирования:

— учет лага в поступлении выручки и моделирование эскроу-счетов;

— дифференциация ставки дисконтирования по этапам проекта;

— включение кредитных ковенантов в систему контроля модели;

— применение вероятностного моделирования.

В модели необходимо выделять специализированный модуль, аккумулирующий средства на эскроу-счетах и переносящий их в денежный поток застройщика только после ввода объекта и регистрации прав собственности. Игнорирование этого лага завышает NPV на 15–20 % и более для проектов с длительным сроком. Риски на предынвестиционной фазе реализации инвестиционного проекта, этапе строительства (финансирование за счет кредита), операционной фазе (если проект не завершился после ввода объекта в эксплуатацию). Рекомендуется применение различных ставок с учетом возникающих рисков.

Модель должна на ежемесячной или ежеквартальной основе рассчитывать показатели LTV, DSCR, LLCR и сравнивать их с пороговыми значениями, установленными банком. Это позволяет своевременно выявлять риски нарушения условий кредитования.

Обязательное применение вероятностного моделирования (метод Монте-Карло). Детерминистическая оценка NPV недостаточна. Моделирование случайных колебаний ключевых параметров (ставка, цена, себестоимость) с учетом корреляций позволяет получить распределение возможных исходов, оценить вероятность отрицательного NPV и VaR. Для эскроу-проектов вероятность отрицательного NPV, рассчитанная методом Монте-Карло, оказалась в 2–3 раза выше, чем в традиционной модели, что должно учитываться при принятии инвестиционных решений [2; 6].

Выявленные в работе закономерности имеют не только финансовое, но и прямое управленческое значение для формирования маркетинговой политики девелоперских компаний в условиях проектного финансирования. Ключевые адаптационные меры в составе комплекса маркетинга сводятся к следующим рекомендациям:

— управление темпами продаж как инструмент снижения финансовых рисков;

— ценовая политика с учётом чувствительности NPV;

— продуктовая стратегия и рентабельность проекта;

— сокращение сроков реализации через маркетинговые инструменты;

— синхронизация маркетинга и финансовой модели проекта.

Гибкое и адаптивное управление темпами продаж является в текущих условиях одним из ключевых методов снижения финансовых рисков и обеспечения устойчивости девелоперов. Поскольку в условиях эскроу-модели выручка фактически смещена на конец проекта, ускорение темпов продаж не приводит к немедленному поступлению денежных средств, однако оказывает критическое влияние на снижение кредитной нагрузки, уменьшение общих рисков проектного финансирования. В этой связи маркетинговая политика должна быть ориентирована на обеспечение равномерного и прогнозируемого темпа продаж на протяжении всего инвестиционного цикла. На практике это означает усиление pre-sale стратегий, запуск продаж на ранних стадиях, применение динамического ценообразования.

Ценовая политика должна строится с учётом чувствительности NPV проекта. Рост чувствительности NPV к ставке дисконтирования означает, что даже незначительные отклонения в цене реализации существенно влияют на финансовый результат проекта. Следовательно, ценовая стратегия как часть концепции 4p-маркетинга должна учитывать стоимость заемного капитала, включать сценарный анализ (price sensitivity), постоянно балансировать между скоростью продаж и маржинальностью. В условиях эскроу-модели цена становится не только маркетинговым, но и финансовым инструментом управления устойчивостью проекта.

В исследовании показано, что высокая рентабельность снижает чувствительность проекта к ставке. Это означает, что маркетинг должен быть направлен не только на объем продаж, но и на формирование более маржинального продукта, сегментацию предложения для разных целевых аудиторий. Поэтому рекомендуется увеличение доли более лик-

видных форматов квартир и коммерческих помещений, оптимизация продуктовой линейки, фокус на сегментах аудитории с более высокой платёжеспособностью.

Поскольку длительность проекта является ключевым фактором роста чувствительности NPV, маркетинговая политика должна способствовать сокращению инвестиционного цикла через ускорение реализации квартир, минимизацию периода экспозиции объектов, повышение конверсии продаж. Это достигается за счёт цифровых каналов продаж, персонализированных предложений, программ стимулирования спроса.

В условиях проектного финансирования маркетинговая функция перестаёт быть автономной и должна интегрироваться с финансовым моделированием. Это означает согласование планов продаж с графиком кредитного финансирования, учет ковенантов банка при формировании маркетинговых планов, включение маркетинговых сценариев в DCF-модели. Маркетинговая стратегия становится частью системы управления финансовыми рисками проекта.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что переход на проектное финансирование с использованием эскроу-счетов приводит к статистически значимому повышению чувствительности чистой приведенной стоимости инвестиционных проектов к изменению ставки дисконтирования. Средняя чувствительность в эскроу-модели в четыре раза выше, чем в традиционной, при этом наиболее уязвимыми являются проекты с длительным сроком реализации и высокой долей заемных средств.

Выявленные количественные зависимости позволили разработать комплекс практических рекомендаций, включающий меры по управлению финансовой устойчивостью (повышение доли собственных средств, сокращение сроков, диверсификация финансирования, создание резервов ликвидности), инструменты хеджирования процентного риска (свопы, кэпы, коллары) и усовершенствованные методики финансового моделирования (учет лага эскроу, дифференцированные ставки, контроль ковенантов, вероятностное моделирование). Внедрение этих рекомендаций в практику девелоперских компаний и банков позволит повысить обоснованность инвестиционных решений, снизить риски и обеспечить устойчивость жилищного строительства в условиях новой институциональной среды.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в условиях проектного финансирования маркетинговая политика девелопера трансформируется из инструмента продвижения в элемент системы управления инвестиционными рисками. Эффективная стратегия продаж, ценообразования и продуктового позиционирования позволяет снижать чувствительность проектов к финансовым параметрам и повышать их устойчивость.

Литература

1. Беланова Н.Н. Источники и механизмы финансирования девелоперских проектов в сфере жилищного строительства / Н.Н. Беланова, А.В. Гаршин // Фундаментальные исследования. — 2024. — №1. — С. 8-13.
3. Данько Е.В. Исследование чувствительности математической модели экспертизы инвестиционного проекта // Известия АлтГУ. — 2021. — №4. — С. 91-96.
7. Коган А.Б., Чаецкий А.А. Анализ эффективности девелоперских проектов, финансируемых с использованием счетов эскроу // Экономический анализ: теория и практика. — 2019. — Т. 18, №8. — С. 1464–1477.
8. Ламасов Д.А. Финансовое моделирование как инструмент проектного финансирования: международный опыт и перспективы развития в России // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — Т. 13, №12(153). — С. 128-135.
9. Малолетков И.Ю. Проблемы финансовых рисков инвестиционных проектов в строительстве на условиях применения эскроу-счета // Экономика и предпринимательство. — 2019. — №6(107). — С. 951-955.
10. Оценка риска и влияние условий финансирования на эффективность инвестиционного проекта / Н.А. Юдина, Э.З. Бадретдинова, Е.В. Чекашова, Э.И. Вафина // Естественно-гуманитарные исследования. — 2025. — №3(59). — С. 596-600.
11. Сериков Д.А., Ставриянов Г.В. Влияние проектного финансирования на чувствительность инвестиционных проектов в жилищном строительстве и маркетинговую концепцию девелоперов // Экономика устойчивого развития. — 2025. — №4(64). — С. 245-248.
12. Титов А.Н., Тазиева Р.Ф., Фадеева Е.П. Моделирование оптимальной ставки дисконтирования и выбор её вероятностной модели // Вестник Технологического университета. — 2018. — Т. 21, №4. — С. 193-201.
13. Ушакова Е.О. Анализ рисков инвестиционных проектов в сфере жилищного строительства / Е.О. Ушакова, Д. П. Соловцова // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — №11(87). — С. 35-39.

THE PRACTICE OF APPLYING ANTI-CORRUPTION TOOLS OF DIGITAL GOVERNANCE IN THE SYSTEM OF "STATE — PUBLIC CONTROL": PROSPECTS AND RISKS

Tikhonchuk Roman Georgievich, *PhD of Economics, Associate Professor*

Kokovikhin Alexander Yurievich, *PhD of Economics, Associate Professor*

Surnina Nadezhda Matveevna, *DSc of Economics, Professor*

Ural State University of Economics, Russia, Ekaterinburg (Russia)

This study presents a critical analysis of existing approaches to creating effective anti-corruption governance, identifies the potential and challenges in using new management tools in the interaction between the state and public sectors of the economy, and defines development directions taking into account the complexity and feasibility of developing human-machine monitoring systems in the Russian Federation. The objective of the study is to identify the principles, opportunities, threats, strategies, and appropriate areas for implementing these tools in governance through a comparative analysis of specific artificial intelligence (AI) technologies, models, and algorithms. Methodologically, the study is based on a logical, systematic study of the theory and practice of two opposite but complementary anti-corruption approaches: top-down government control and bottom-up public control, their process and comparative analysis in various regions, and the use of international experience. Depending on the features of the identified systems, the study presents general and specific characteristics of database formation, requirements for their completeness, reliability, accessibility, restrictions on publishing results, and the feasibility of costs. The analysis resulted in the identification of appropriate directions and priorities for the implementation of effective management tools, the use of artificial intelligence models and algorithms in combating corruption within the framework of "state-public control" at the current stage of development in various regions of the Russian Federation.

Keywords: *state-public control system; digital governance tools; corruption monitoring technologies; developing anti-corruption measures; anti-corruption tools using AI technologies.*

EDN: PZTNKB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.43***

Цитировать: *Тихончук Р.Г., Коковихин А.Ю., Сурнина Н.М. Практика применения антикоррупционных инструментов цифрового управления в системе «государственный — общественный контроль»: перспективы и риски // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 310-317. EDN: PZTNKB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.43*

УДК 332.025
5.2.6

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИФРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ — ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ»: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

© Тихончук Р.Г., Коковихин А.Ю., Сурнина Н.М., 2026

ТИХОНЧУК Роман Георгиевич, *кандидат экономических наук, доцент*

КОКОВИХИН Александр Юрьевич, *кандидат экономических наук, доцент*

СУРНИНА Надежда Матвеевна, *доктор экономических наук, профессор*

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург (Россия)

В исследовании представлен критический анализ существующих подходов к созданию результативного антикоррупционного управления, выявлен потенциал и проблемы в сфере использования новых управленческих инструментов при взаимодействии государственного и общественного секторов экономики, а также определены направления развития с учетом сложности и целесообразности формирования человеко-машинных систем мониторинга в РФ. Цель исследования: на основе компаративного анализа практик использования специфичных технологий, моделей и алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) выявить принципы, возможности, угрозы, стратегии и целесообразные сферы внедрения данных инструментов в управлении. Методологически исследование базируется на логическом, системном изучении теории и практики двух разнонаправленных, но комплементарных антикоррупционных подходов: государственного контроля — «сверху вниз» и общественного контроля — «снизу вверх», их процессном и компаративном анализе в различных регионах с привлечением международного опыта. В зависимости от особенностей выделенных систем, показаны общие и специфичные характеристики формирования баз данных, требования к их полноте, достоверности, доступности, ограничения при опубликовании результатов, целесообразность затрат. Результатом анализа явилось определение целесообразных на данном этапе раз-

вития в различных регионах Российской Федерации направлений и приоритетов внедрения инструментов результативного управления, использования моделей и алгоритмов искусственного интеллекта в противодействии коррупции в системе «государственный — общественный контроль».

Ключевые слова: *система «государственный — общественный контроль»; инструменты цифрового управления; технологии мониторинга коррупциогенности; формирование противодействия коррупции; антикоррупционные инструменты, использующие технологии ИИ.*

Введение

В условиях взаимодействия существующих рыночной и административно-распределительной комплементарных институциональных матриц, характеризующихся разно векторными этическими императивами, в системе взаимодействия государственного управления экономикой и субъектами предпринимательской деятельности становится все более актуальной потребность создания действенных инструментов минимизации правовых рисков и противодействия коррупции. Масштабные финансово-экономические санкции в отношении России, возросшая потребность укрепления суверенитета стимулирует повышение эффективности взаимодействия государственного и общественного управления на основе внедрения новых управленческих и технологических возможностей, в особенности в сфере формирования противодействия коррупции. Системный характер коррупции, отмечаемый в ряде сфер управления, обусловил необходимость применения системного подхода к проектированию комплекса соответствующих мер и инструментов, их дизайну и архитектуре.

В государственном и корпоративном управлении повышенной коррупциогенностью обладают такие сферы, как государственные закупки, распределение государственных субсидий и иных ресурсов, реализация государственных программ, получение мер поддержки, контрольная, надзорная и разрешительная деятельность, уголовное преследование и уголовное судопроизводство в отношении предпринимателей и др. [2]. Возможности современных информационных технологий, и прежде всего больших языковых моделей (LLM), позволяют реализовать важнейшие принципы борьбы с коррупцией и противоправным поведением должностных лиц — неотвратимость наказания для нарушителей, устраняя субъективизм человека, обеспечивая объективность и беспристрастность результатов применения технологий [6; 7]. Технологические особенности обработки больших данных устраняют вмешательство, корректировку и оказание влияния на результат автоматизированного процесса. Кластеризация занятых в органах управления в государственном и корпоративном секторе, выделение в группу повышенного риска нарушителей, позволяют разработать действенные меры освобождения от лиц, склонных к неправовому поведению и коррупции [1; 4].

Предпосылками повышения результативности в контуре государственно-общественного управления являются достигнутый уровень цифровизации процессов государственного управления и оказания государственных услуг. Доступность государственных и частных специализированных баз данных в настоящее время позволяют повысить результативность систематического правового и антикоррупционного мониторинга исполнения должностных функций в указанных коррупционно опасных сферах на основе индикаторов правовых и коррупционных рисков, формируемых экспертно. Кроме того, создано основание для организации машинного обучения — базы данных, которые уже сосредоточены в различных государственных и общественных институтах, занимающихся рассмотрением обращений различных групп: получателями государственных услуг и подконтрольными (поднадзорными) лицами, предпринимателями и прочими гражданами, подающими жалобы на нарушение их законных прав.

Научная и практическая потребность повышения результативности процесса управления, с точки зрения предупреждения коррупциогенности как в самой системе госу-

правления, так и при вовлечении общественного сектора, предопределила цель исследования — на основе компаративного анализа практик использования специфичных технологий и алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) выявить принципы, возможности, угрозы, стратегии и целесообразные сферы использования данных цифровых инструментов в управлении.

Материал и методы исследования

Изучение международного опыта свидетельствует о положительных результатах внедрения управленческих технологий и инструментов, созданных на основе искусственного интеллекта, LLM как в сферах государственного управления, так и в корпоративном секторе, в первую очередь, при осуществлении комплаенс-функции: анализа правовых рисков — соответствия существующей нормативно-правовой базе деятельности конкретной компании, проверки благонадежности контрагентов, внутренних расследований, автоматизации юридической функции и иных направлений.

Методологические возможности использования уникального инструмента на основе ИИ для управленческой технологии мониторинга коррупциогенности базируется на логическом, системном изучении теории и практики двух разнонаправленных, но комплементарных антикоррупционных подходах: государственный контроль — «сверху вниз» и общественный контроль — «снизу вверх», их процессном и компаративном анализе. Оба эти методологических подхода имеют особенности при использовании технологии искусственного интеллекта, результативность ее потенциала зависит от: входных данных, разработки алгоритмов, институциональной реализации (табл. 1).

Системные особенности изучены через призму потенциалов (возможностей) и рисков (угроз) проектируемых инструментов управления, которые проявляются при использовании инструментов искусственного интеллекта и обусловливают релевантность полученных результатов (табл. 2).

С точки зрения результативности управления, внедрение инструментов, ИИ требует процессного подхода, учитывающего ловушки, потенциальные возможности и особенно проявленные в практике негативные аспекты. Разработка новых системных решений включает, помимо указанных преимуществ технологий искусственного интеллекта, выявление и учет ограничений, которые, несмотря на относительно недавнее его использование, уже начали проявляться при внедрении данных технологических решений в управленческий процесс.

Таблица 1 — **Особенности проектирования управленческой технологии антикоррупционного мониторинга в контуре государственного и общественного контроля при разнонаправленных подходах**

Признаки системы	Подход к проектированию антикоррупционного инструмента на основе искусственного интеллекта	
	«сверху-вниз» (государственный контроль)	«снизу-вверх» (общественный контроль)
Участники	Органы государственного контроля, надзора и следствия, корпоративные контролёры, аудиторы	Субъекты общественного контроля
Используемые данные	Закрытые (в т.ч. секретные) и открытые государственные данные, данные социальных сетей, краудсорсинг данных, данные средств массовой информации	Открытые государственные данные, утечки данных, краудсорсинг данных, данные социальных сетей, данные средств массовой информации
Калибровка (дизайн) алгоритмов	Минимизировать частоту ложноотрицательных результатов	Минимизировать частоту ложноположительных результатов
Институциональное воплощение	Исключение человека из программного цикла, чтобы избежать «коррупционной ловушки»	Включение человека в программный цикл, для обеспечения законности
Наличие и особенности управленческих механизмов снижения риска потери репутации из-за ложного обвинения	Механизм внутренних сдержек и противовесов риска потери (общественной) репутации. Решения, принимаемые ИИ, передаются внутри компании ответственному за соблюдение требований для проверки обоснованности выявленных подозрений. После подтверждения он решает, какие действия предпринять дальше.	Механизмы сдержек и противовесов, как правило, отсутствуют, случаи подозрений напрямую публикуются. Ложные обвинения в коррупции влекут за собой колоссальные репутационные потери.

Примечание: составлена авторами на основе [3; 5]

Таблица 2 — **Возможности и угрозы формирования системы проектирования человеко-машинной системы управления антикоррупционного мониторинга на этапах внедрения**

Этапы формирования системы	Потенциал (возможности)	Риски (угрозы)
Формирование входных данные	1. Внутренние и нераскрытые правительственные данные. 2. Открытые правительственные данные описывают базы данных, содержащие информацию, собранную и предоставленную правительством, такую как данные о внутренних контрактах и процедурах. 3. Утечки данных. 4. Данные, полученные с помощью краудсорсинга-усилия граждан по разоблачению коррупции. 5. Тексты в социальных сетях.	1. Этические проблемы, особенно при использовании данных, раскрытых непреднамеренно. 2. Нарушение права на неприкосновенность частной жизни. 3. Угроза законности использования некорректных данных, подрывает легитимность антикоррупционных усилий.
Оценка качества данных	Оценка качества информации, её валидности и надежности, т.е. являются ли они 1) хорошими косвенными показателями коррупции или 2) последовательным представлением базового фактора меры.	1. Нейтрализация концепции «мусор на входе, мусор на выходе», в машинном обучении - реализация принципа «наземной истиной». 2. Использование спорных и ненадежных инструментов, источников данных, такие как распознавание изображений лиц и т.п. 3. Систематические смещения, обусловленные предвзятостью данных при машинном обучении алгоритмов ИИ.
Алгоритмическое проектирование, калибровка алгоритмов	1. ИИ имеет не только технологическое, но идеологическое воздействие на антикоррупционный процесс управления, что определяется точностью прогнозов. 2. Решения о том, как программировать данный алгоритм, имеют далеко идущие, ценностно-обусловленные последствия.	Точность прогнозов зависит от компромисса между ложноположительными и ложноотрицательными ошибками, ведущим: 1) либо к необратимым репутационным потерям, 2) либо к издержкам для общества, связанным с необнаружением реальных случаев коррупции.
Внедрение	1. При правильной калибровке ИИ позволяет решить одну из многих проблем в борьбе с коррупцией: коррупционную ловушку; стать автономным, неподкупным агентом, принимающим решения, в которые не смогут вмешаться (коррумпированные) лица, принимающие решения. 2. Требуется критическая оценка необходимости применения инструментов ИИ для реального сокращения масштабов данной коррупционной схемы. 3. Способность вовлечения граждан, беспрецедентная роль в развитии гражданского общества. 4. Роль доверия к таким технологиям.	Небрежное внедрение ИИ может привести к значительной негативной реакции – 1) со стороны государственных чиновников, что влечет утрату доверия из-за чрезмерного контроля, демотивация работников, отток талантливых кадров), 2) со стороны журналистов и граждан, получающих слишком много (неточных) новостей о коррупции.

Примечание: составлена авторами на основе источников [3; 5; 6; 8].

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ практик применения антикоррупционных инструментов, использующих технологии ИИ в странах АТЭС, демонстрирует обширный спектр возможностей и угроз [5].

Специалисты по проектированию и использованию новых инструментов и технологий, наряду с неравномерным страновым развитием инфраструктуры, выделяют несколько групп общих проблем, среди которых:

1. Качество, доступность и релевантность входных данных. Указанные характеристики являются ключевым фактором успеха применения искусственного интеллекта. Благодаря большим данным обеспечиваются качество и объем доступных входных данных. Среди источников данных на современном этапе цифровизации госуслуг, развития электронных правительств можно выделить: во-первых, открытые, общедоступные правительственные базы данных, содержащие информацию, собранную и предоставленную правительством, например данные о внутренних контрактах и процедурах. Второй источник — данные в следствии утечек нераскрытых данных, их раскрытие хакерами или информаторами. Среди громких случаев

утечки данных можно привести «Панамские документы», которые помогли раскрыть резонансные случаи коррупции [8].

В управленческой практике в результате применения различных подходов к мониторингу формируются два источника необходимой для мониторинга информации, базирующиеся на прямой и на косвенной информации. Известным примером использования прямой информации является индийский краудсорсинговый портал *Ipaidabribe*.com, демонстрировавший более 197 000 таких сообщений от граждан по разоблачению коррупции [8]. Косвенную информацию получают в результате применения еще одной практики: технологии в области обработки естественного языка (NLP), как например, масштабный анализ текстовых источников данных, упоминающих вымогательство взяток в социальных сетях в Испании.

Масштабный анализ прямых и косвенных данных используется для предотвращения и прогнозирования будущих случаев коррупции на региональном уровне. Так, создание специального твитбота *Botivist* автоматически связывающегося с теми, кто пишет в Twitter о коррупции, побуждает их к коллективным действиям по борьбе с коррупцией, например, к подписанию петиций [8].

Выстраивая процесс мониторинга и нейтрализации рисков, например, в Бразильском департаменте исследований и стратегической информации при Управлении Генерального контролера Бразилии рассчитывается индивидуальный индекс коррупции, когда машинный алгоритм обучен на нераскрытых правительственных данных [6; 8]. Практика нейтрализации возникающих рисков доступности и этики более результативна в управленческих системах «сверху вниз», чем «снизу вверх», что обусловлено разной степенью доступности и открытости данных.

Угроза невосполнимой утраты доверия, связанная с этическими проблемами, обусловлена способами раскрытия информации, особенно непреднамеренно используемых данных: утечки конфиденциальных данных, раскрытие информации без проверки. Например, некоторые данные, утекшие в *WikiLeaks*, игнорируют вопросы конфиденциальности [8]. Нарушение права на неприкосновенность частной жизни, даже в отношении потенциальных коррупционеров, не только ставит под угрозу законность использования таких данных, но и подрывает воспринимаемую легитимность подобных антикоррупционных усилий. Этические проблемы проявляются как некорректные часто анонимные обвинения лиц, занимающих государственные должности, на порталах для подачи жалоб. Для решения этих проблем при использовании краудсорсинговых данных (*Ipaidabribe*) указанный портал фильтрует анонимные обращения людей, снижая возможности ложных обвинений.

Вторая основная проблема для ИИ связана с качеством данных. Вопрос качества данных становится особенно важным в сфере коррупции, поскольку получение достоверных и надежных данных о коррупции (так называемых эталонных данных — *Ground truth data*) изначально представляет собой сложную задачу. Концепция качества информации на входе и на выходе предполагает, что большие объемы цифровых данных также требуют тщательной оценки на предмет валидности, то есть являются ли они хорошими косвенными показателями коррупции, и надежности, то есть являются ли они последовательным представлением базового фактора меры. В рассмотренных практиках имеются два полярных примера. С одной стороны, данные, собранные через упомянутый краудсорсинговый портал *Ipaidabride*, являются валидными показателями мелкой коррупции, поскольку они отражают повседневный опыт граждан с коррумпированными государственными служащими. С другой стороны, качество информации обусловлено и тем, что существуют инструменты ИИ, которые уже рассчитывают «оценки риска преступности и коррупции», используя весьма спорные и ненадежные источники данных, такие как изображения лиц.

Архитектурным аспектом проектирования качества данных являются систематические «смещения», обусловленные обучению алгоритмов на предвзятых наборах данных. Алгоритмы воспроизводят и усугубляют существующие в обществе предубеждения. Примером является бразильский проект MARA, который рассчитывает индивидуальный индекс коррупции на основе алгоритма, обученного на данных о предыдущих судимостях, часто смещенных в сторону меньшинств

или каких-либо групп [8; 9]. Алгоритмические прогнозы будут искажены и будут воспроизводить смещения.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта в противодействии коррупции прямо зависят от качества используемых данных, от доступа к полезным данным, где нисходящие усилия имеют общее преимущество перед восходящими, опирающимися на (добровольно или недобровольно) опубликованные данные. Более того, после получения доступа, полезность прогнозов искусственного интеллекта зависит от качества данных — как с точки зрения наличия в них достоверного показателя коррупции, так и с точки зрения степени предвзятости данных. Имея качественные входные данные, следующим шагом процесса выстраивания антикоррупционной технологии управления становится техническая калибровка алгоритма.

Причинно-следственные связи лежат в основе алгоритмического проектирования как этапе формирования результативной системы мониторинга и управления. Понимание искусственного интеллекта как задающего паттерны поведения выводят его из технологической в сферу управленческой идеологии, формируют решения, как программировать данный алгоритм с учетом далеко идущих ценностно-обусловленных последствий. В случае искусственного интеллекта технические требования к правильной калибровке самого алгоритма существенно различаются при использовании указанных подходов «сверху вниз» и «снизу вверх». Чтобы обеспечить точность прогнозов — ключевую характеристику, учитываемую при алгоритмическом проектировании, необходимо разрешить компромисс между двумя типами ошибок: ложноположительными (несправедливое обвинение обусловленное необратимо ошибочной классификацией) и ложноотрицательными, которые влекут за собой издержки, связанные с невыявлением реальных случаев коррупции, означающие существенные издержки для государственных учреждений и общества в целом). При калибровке точности прогнозов алгоритма проектируются сложные компромиссы, базирующиеся на выборе переменных, включаемых в модель ИИ, и типов ошибок, которые следует уменьшить. Эти компромиссы по-разному используются в процессе управления при подходах «сверху вниз» и «снизу вверх», поскольку ошибки приводят к асимметричным затратам. В случае нисходящих решений ИИ, в основном циркулируют внутри компании, например, передаются ответственному за соблюдение требований. В идеале этот сотрудник затем дополнительно проверяет обоснованность выявленных подозрений и, после подтверждения, решает, какие действия предпринять дальше. Благодаря этому организационному механизму внутренних сдержек и противовесов риск потери общественной репутации из-за ложного обвинения значительно снижается. Поэтому при подходах «сверху вниз», возможно, важнее калибровать алгоритмы для минимизации доли ложноотрицательных результатов, а не доли ложноположительных, чтобы избежать необнаружения коррупционных правонарушений.

Однако в восходящих подходах подобные механизмы сдержек и противовесов, как правило, отсутствуют, поскольку случаи подозрений извлекаются из публикаций. Ложные срабатывания обвинений в коррупции влекут за собой огромную цену в виде ярлыка, от которого часто трудно избавиться, даже после того, как обвинения оказываются ложными. Были задокументированы первые случаи неправомерных обвинений в преступлениях, основанных на неисправных алгоритмах распознавания лиц. После таких ложных срабатываний обвиняемые в коррупции, как правило, преждевременно привлекаются к ответственности в суде общественного мнения и несут необратимые потери репутации. Поэтому при использовании алгоритмов ИИ «снизу вверх» сокращение ложных срабатываний, возможно, является более насущной задачей.

Институциональная реализация технологических управленческих решений предполагает следующие аспекты:

Критическую оценку возможностей инструментов ИИ действительно в сокращении масштабов конкретных коррупционных схем или это дань её новизне и привлекательности. Возможно более целесообразным будет применение статистической ИКТ или простой модели регрессионного прогнозирования.

Обеспечение доверия к новым технологиям путем вовлечения общественности в

процесс принятия решения о внедрении и открытостью работы самих алгоритмов. При нисходящей системе использование конфиденциальных данных для предотвращения коррупции и сопутствующее ощущение постоянного контроля может иметь негативные реакции государственных служащих: уклонение от работы, потеря доверия к своим сотрудникам, отток талантливых кадров.

Обратные эффекты при подходе «снизу вверх», угрозы заключаются в «спаме» граждан случаями коррупции, независимо от того, соответствуют они действительности или нет. Ложные обвинения, распространяемые искусственным интеллектом, могут оказывать как утрату чувствительности граждан к проблеме коррупции (десенсибилизирующее воздействие), так и росту цинизма под воздействием негативных, хотя и правдивых новостей (так называемая «гипотеза медийного недомогания»). Нейтрализовать указанные риски можно также путем использования цифровых инструментов таким образом, чтобы уменьшить количество ложных срабатываний и, возможно, предоставлять пакетные отчёты о случаях коррупции, а не непрерывный поток отчётов.

Кроме того, успешная институциональная реализация цифровых инструментов требует учета калибровки различной степени автономности алгоритмов. В научной литературе различают два типа инструментов:

Во-первых, с участием лиц, принимающих решения («человек в контуре управления» — human-in-the-loop), когда алгоритмы просто сообщают о подозрительных случаях следователям-людям, которые затем работают на основе таких сообщений ИИ. В других случаях человеку может не потребоваться активно взаимодействовать с делом, а только подтверждать или накладывать вето на решения алгоритма.

Во-вторых, исключающим участие людей («человек вне контура управления» — *human-out-of-the-loop*), когда в более крайних формах алгоритмической автономии искусственный интеллект раскрывает подозрительные случаи без механизма проверки человеком. Так, бразильский твитбот под названием «*Rosie da Serenata*» на основе общедоступных правительственных данных о требованиях возмещения расходов государственных служащих самостоятельно выявляет подозрительные случаи и автоматически публикует информацию о таких случаях в Твиттере своим подписчикам. Особую важность при исключении человека из управленческого цикла внедрения цифровых инструментов с использованием ИИ приобретает риск коррупционной ловушки, когда многие субъекты могут стремиться коррумпировать антикоррупционный процесс [9]. При правильной калибровке инструмент ИИ может стать автономным, неподкупным агентом, принимающим решения, в которые не смогут вмешаться (коррумпированные) лица, принимающие решения. С другой стороны, признание важности человеческого фактора в этих решениях требует учитывать специфику взаимодействия, интерфейса создаваемых гибридных человеко-машинных команд.

Заключение

В ходе изучения практик внедрения инструментов цифрового управления в системе «государственный — общественный контроль» получены следующие основные результаты, имеющие значение для повышения их результативности:

Может способствовать вовлечению, активному участию граждан в обеспечении ответственности государственных служащих и, таким образом, сыграть беспрецедентную роль в развитии гражданского общества.

Осознанное применение инструментов предполагает учет специфики управленческих процессов, разные возможности и угрозы при подходах формирования информационных потоков «сверху вниз» — нисходящих и «снизу вверх» — восходящих.

Непродуманная архитектура процессов встраивания цифровых инструментов в процесс управления ведет к негативной реакции как со стороны государственных чиновников, теряющих доверие из-за чрезмерного контроля, так и со стороны общественности из-за большого числа неточных новостей о коррупции.

На данном этапе развития в Российской Федерации представляется целесообразным использование моделей и алгоритмов искусственного интеллекта в противодействии коррупции в системе «государственный — общественный контроль» в следующих сферах мониторинга: проведение первичного ана-

лиза коррупциогенности правовых актов и их проектов, анализ цифровых следов, выявление неправомерных действий в сфере уголовного преследования предпринимателей, сфера корпоративного комплаенса, подбор кадров на государственную службу и в коммерческие компании (политика противодействия коррупции), контрольная и надзорная деятельность.

Литература

1. Актуальные направления противодействия коррупции: использование ИТ и ИИ // Антикоррупционный портал. — 2025.
2. Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействии коррупции: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Е.А. Артеменко, А.М. Волкова, Р.О. Долотов и др.; под науч. ред. Д.В. Крыловой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — С. 35-40.
3. Коковихин А.Ю., Плахин А.Е., Огородникова Е.С. Факторы интенсивности использования цифровых платформ населением Российской Федерации // Journal of Applied Economic Research. — 2023. — Т. 22, № 4. — С. 1087-1112.
4. Крылова Д.В., Максименко А.А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // Государственное управление. Электронный вестник. — 2021. — №84. — С. 241-255. doi:10.24412/2070-1381-2021-84-241-255
5. Köbis N., Starke C., Rahwan I. Artificial Intelligence as an Anti-Corruption Tool (AI-ACT) Potentials and Pitfalls for Top-down and Bottom-up / Max-Planck-Institute for Human Development, Center for Humans and Machines. https://doi.org/10.48550/arXiv.2102.11567
6. Measuring the Effectiveness of Anti-Corruption Agencies. A research methodology / Samuel De Jaegere, Charmaine Rodrigues. — 2025. — Vol. 1. — 52 p.
7. Resources ACA Effectiveness Dashboard // IASA. Report last refreshed 21.05.2025.
8. Technologies for Preventing, Detecting, and Combating Corruption. Reports APEC Secretariat // APEC. — 2025.

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE OZON MARKETPLACE IPO

Uglitskikh Olga Nikolaevna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Sizon Yuliya Evgenievna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Stavropol State Agrarian University, Stavropol (Russia)

The purpose of the study is to comprehensively assess the effectiveness of Ozon's initial public offering on the Moscow Exchange. This paper examines the theoretical aspects of the IPO, including its nature, objectives, stages, and alternative mechanisms. It also analyzes the prerequisites for Ozon's IPO, the key parameters of the offering, and its short-term results. The scientific novelty of this work lies in the study of the long-term effectiveness of IPOs based on an analysis of the dynamics of company share prices, their comparison with market indices and analogues, as well as the achievement of stated strategic and financial goals. As a result, key practical recommendations were identified for e-commerce companies planning a public offering.

Keywords: *digital economy; public offering of shares (IPO); marketplace; e-commerce; fintech ecosystem; platform business models.*

EDN: QECIAE ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.44***

Цитировать: *Углицких О.Н., Сизон Ю.Е. Оценка эффективности проведенного IPO маркетплейса Ozon // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 318-323. EDN: QECIAE. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.44*

УДК 33
5.2.4

© Углицких О.Н., Сизон Ю.Е., 2026

Оценка эффективности проведенного IPO маркетплейса Ozon

УГЛИЦКИХ Ольга Николаевна, *кандидат экономических наук, доцент*

СИЗОН Юлия Евгеньевна, *кандидат экономических наук, доцент*

Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь (Россия)

Цель исследования — комплексная оценка эффективности первичного публичного размещения акций компании Ozon на Московской бирже.В работе изучены теоретические аспекты проведения IPO, включая его сущность, цели, этапы и альтернативные механизмы, проводится анализ предпосылок выхода Ozon на IPO, ключевых параметров размещения и его краткосрочных результатов. Научная новизна работы заключается в исследовании долгосрочной эффективности IPO на основе анализа динамики котировок акций компании, их сравнения с рыночными индексами и аналогами, а также достижения заявленных стратегических и финансовых целей. В результате определены основные практические рекомендации для компаний сектора электронной коммерции, планирующих публичное размещение акций.

Ключевые слова: *цифровая экономика; публичное размещение акций (IPO); маркетплейс; электронная коммерция; финтех-экосистема; платформенные бизнес-модели.*

Введение

В условиях динамичного развития цифровой экономики и расширения проникновения интернет-технологий рынок электронной коммерции демонстрирует высокие темпы роста. Для компаний этого сектора, находящихся в фазе активного масштабирования, критически важным становится доступ к долгосрочному капиталу. Первичное публичное предложение (IPO) представляет собой один из ключевых механизмов привлечения финансирования, обеспечивающий не только значительные финансовые ресурсы, но и переход компании на новый уровень корпоративного развития, повышение прозрачности и рыночной узнаваемости. В Российской Федерации выход на IPO крупных технологических компаний, таких как Ozon, является знаковым событием, способствующим углублению национального фондового рынка и формированию нового класса публичных активов для инвесторов. Анализ эффективности подобных размещений позволяет оценить не только сиюминутный успех, но и долгосрочное влияние на стратегию бизнеса, что определяет актуальность исследования.

Цель исследования сформулировала следующие задачи: 1) рассмотреть основы проведения IPO для компаний сектора электронной коммерции; 2) проанализировать

предпосылки выхода маркетплейса Ozon на IPO, ключевые параметры размещения и его краткосрочных результатов; 3) предложить практические рекомендации для маркетплейсов, планирующих публичное размещение акций. Методологическую базу работы составляют общенаучные методы познания: анализ и синтез, сравнение, систематизация, а также специальные финансово-аналитические методы, включая сравнительный анализ мультипликаторов, расчет доходности и недооценки акций при их размещении, оценку динамики финансовых и операционных показателей. К проблеме обращаются в своих работах А.Е. Абрамов и М.И. Чернова [1] (комплексный анализ рынка публичных размещений акций российских компаний с 1996 года по июль 2024 года и особенностей новой волны сделок IPO с 2022 г.); А.И. Соснило [3] (оценка эффективности IPO российских компаний при помощи расчета показателей средневзвешенной стоимости капитала и экономической добавленной стоимости); В.В. Стрельникова [4] (анализ эффективности различных стратегий проведения первичных публичных размещений акций российскими банками через призму финансовых показателей, рыночной капитализации и долгосрочной устойчивости бизнес-моделей) и др.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы потенциальными инвесторами для формирования более взвешенного подхода к оценке будущих процедур IPO для компаний сектора электронной коммерции.

Основы проведения IPO для компаний сектора электронной коммерции

Initial Public Offering (IPO) — первичное публичное размещение акций компании на фондовой бирже — является переломным моментом в развитии бизнеса, поскольку влечет за собой существенные изменения в корпоративном управлении, раскрытии информации и отношениях с инвесторами [5]. На российском фондовом рынке IPO, особенно для компаний сектора электронной коммерции (маркетплейсов), выступает важным, хотя и относительно редким событием, способствующим развитию всего рынка капитала [2].

Подготовка и проведение процедуры IPO является сложным, многоэтапным и строго регламентированным процессом [1]. Этапы проведения IPO приведем на рисунке 1.

Выбор андеррайтера	Инвестиционный банк формирует синдицированный пул под руководством ведущего андеррайтера для распространения акций среди инвесторов.
Дью дилижанс	Проверка финансового и юридического состояния компании, подготовка проспекта эмиссии и регистрационных документов.
Букбилдинг	Формирование ценового диапазона (price range) и сбор заявок от институциональных и частных инвесторов для определения цены предложения.
Ценообразование	Утверждение окончательной цены в конце роадшоу на основе спроса, после чего фиксируется цена размещения.
Листинг и торговля	После закрытия книги заявок акции начинают свободно торговаться на бирже, открывая доступ к капиталу и повышая корпоративную прозрачность.

Рисунок 1 — **Этапы проведения IPO для компаний-эмитентов**

Предпосылки выхода маркетплейса Ozon на IPO

В рамках исследования рассмотрим процесс проведения IPO маркетплейса Ozon — компании сектора электронной коммерции. Переход от классической электронной торговой площадки до платформенной экосистемы стал решающим фактором, для принятия решения о проведении IPO.

На момент решения о выходе на публичный рынок во второй половине 2020 года Ozon демонстрировал исключительно высокие темпы роста, характерные для технологической компании на этапе масштабирования. Ключевые финансовые и операционные показатели за период 2018-2020 гг. представлены в таблице 1.

Анализ данных таблицы 1 позволяет выделить три фундаментальные предпосылки для успешного IPO. Первой особенностью стали впечатляющие темпы роста: GMV (совокупная стоимость всех товаров или услуг, проданных через торговую площадку за определённый период времени) последовательно ускорялся, достигнув 144% в 2020 году, что свидетельствовало о высоком по-

тенциале масштабирования и захвата доли рынка. Второй ключевой аспект — характер убытков. Значительные чистые убытки носили инвестиционный характер, будучи направлены на агрессивное развитие логистической инфраструктуры и привлечение клиентов, что типично для растущих технологических компаний и не воспринималось рынком как фундаментальная слабость бизнес-модели. Третьей и, возможно, наиболее важной предпосылкой была стремительная трансформация бизнес-модели. Рост доли маркетплейса в GMV с 17% до 48% всего за год подтвердил успешный переход к более маржинальной и масштабируемой платформенной модели, что существенно повышало долгосрочную привлекательность для инвесторов.

Таблица 1 — **Ключевые финансовые и операционные показатели Ozon накануне IPO**

Показатель	2018	2019	2020
GMV, млрд руб.	53,9	80,7	197,4
Выручка, млрд руб.	37,4	51,5	125,6
Чистый убыток, млрд руб.	6,3	19,3	22,3
Количество заказов, млн шт.	-	31,8	73,9
Активные покупатели, млн	-	7,8	13,8
Доля маркетплейса в GMV, %	5-10	17	48

Конкурентная среда накануне IPO была динамичной. К концу 2020 года безусловным лидером по GMV оставался Wildberries, однако Ozon демонстрировал наиболее агрессивные темпы роста числа продавцов и инвестиций в логистику, активно наращивая свою долю на фоне общего бума онлайн-торговли, усиленного эффектами пандемии COVID-19 [3]. В инвестиционном меморандуме компания четко обозначила цели использования привлекаемых средств: развитие логистической инфраструктуры (строительство фулфилмент-центров), технологические инвестиции в платформу, развитие финтех-экосистемы, а также привлечение и удержание продавцов и покупателей. Эти цели логично вытекали из стратегии масштабирования платформенной бизнес-модели.

Ключевые параметры размещения и его краткосрочных результатов

IPO компании Ozon состоялось 24 ноября 2020 года с параллельным листингом на биржах NASDAQ (основное размещение) и Московской бирже. Ключевые параметры размещения отражены в таблице 2.

Таблица 2 — **Параметры IPO компании Ozon**

Дата размещения	24 ноября 2020 г.	Срок размещения (1-3 дня)
Биржи листинга	NASDAQ, Мосбиржа, СПБ Биржа	Первичный листинг на NASDAQ
Первоначальный ценовой диапазон, долл.	22,5 – 27,5	Верхний предел был поднят в ходе букбилдинга
Финальная цена размещения	30	На 9% выше верхней границы начального диапазона
Количество размещенных ADS, млн долл.	33	
Объем привлеченных средств, млн долл.	990	
Координаторы размещения	Morgan Stanley, Goldman Sachs, Citigroup, UBS	Привлечение топ-инвестиционных банков

Параметры размещения свидетельствуют об исключительно высоком спросе со стороны инвесторов. Этот спрос позволил не только установить цену в верхней части заявленного диапазона, но и превысить его, а также полностью реализовать опцион андеррайтеров. Выбор ведущих международных инвестиционных банков в качестве организаторов сыграл ключевую роль, снизив асимметрию информации и повысив доверие к процессу со стороны глобальных институциональных инвесторов.

Краткосрочная эффективность IPO, оцениваемая по результатам первого дня торгов, полностью подтвердила высокий рыночный интерес. Недооценка (underpricing), рассчитанная как отклонение цены закрытия первого дня ($40,18) от цены размещения ($30), составила 34%. Этот показатель существенно превышает средние исторические значения для развитых рынков, находящиеся в диапазоне 10-15 %.

Феномен столь высокой недооценки (underpricing) можно объяснить совокупностью факторов. Во-первых, глобальный бум спроса на акции технологических компаний в 2020-2021 годах создал уникально благоприятный фон. Во-вторых, репутация андеррайтеров (Morgan Stanley, Goldman Sachs) минимизировала воспринимаемые риски инвесторов, позволяя им соглашаться на размещение по относительно низкой цене в ожидании роста

на вторичном рынке. В-третьих, дефицит публичных IT-активов подобного масштаба на российском рынке создавал эффект редкости. Важно отметить, что для самой компании высокий underpricing означал упущенную выгоду — потенциально она могла привлечь те же средства, продав меньший пакет акций по более высокой цене. Объем торгов в первый день был высоким, а рыночная капитализация по итогам закрытия достигла примерно $7.1 млрд. Динамика котировок в первый месяц после IPO характеризовалась продолжением «ралли», с ростом до 40-73 % относительно цены размещения к началу декабря 2020 года, что подкреплялось позитивными операционными новостями от компании.

Долгосрочная эффективность IPO оценивается на горизонте в несколько лет. Динамика котировок Ozon на Московской бирже после размещения позволяет выделить четыре отчетливые фазы, которые отражены в таблице 3.

Таблица 3 — **Динамика стоимости акций Ozon в пост-IPO период (ноябрь 2020 г. — декабрь 2023 г.)**

Период	Дата	Цена на Мосбирже, руб.	Доходность к цене IPO, %	Ключевые события периода
IPO	24.11.2020	2 272	-	Цена размещения
6 месяцев	24.05.2021	3 800 – 4 000	67 – 76	Рост стоимости до апреля 2021
12 месяцев	24.11.2021	3 200 – 3 500	41 – 54	Коррекция
24 месяца	24.11.2022	1 000 – 1 200	(56 – 47)	Геополитический кризис, санкции, обвал рынка
36 месяцев	24.11.2023	2 300 – 2 500	1 – 10	Восстановление, возврат к уровню IPO

Первая фаза, продлившаяся до апреля 2021 года, была периодом стремительного роста на волне глобального оптимизма в отношении технологического сектора и сильных квартальных отчетов компании.

Вторая фаза, до конца 2021 года, представляла собой коррекцию после перегрева, однако котировки оставались существенно выше цены IPO, что свидетельствовало о сохранении базовой позитивной оценки.

Третья, кризисная фаза 2022 года, привела к резкому обвалу котировок из-за геополитических событий и макроэкономической турбулентности. Это был экзогенный шок, не связанный с операционными показателями бизнеса.

Четвертая фаза, начавшаяся в 2023 году, ознаменовалась постепенным восстановлением, и к концу 2023 года цена акций вернулась к уровню IPO, демонстрируя устойчивость бизнес-модели в новых условиях.

Для корректной оценки результатов компании необходимо сравнить ее доходность с рыночным бенчмарком — индексом Московской биржи (IMOEX). Расчет избыточной доходности представлен в таблице 4.

Таблица 4 — **Сравнение доходности акций Ozon и индекса IMOEX, %**

Период	Доходность акций Ozon	Доходность индекса IMOEX	Избыточная доходность	Оценка доходности относительно рынка
6 месяцев	67	5	62	Выше
12 месяцев	41	(2)	43	Выше
24 месяца	(47)	(30)	(17)	Ниже
36 месяцев	5	(15)	20	Выше

Анализ таблицы 4 показывает, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе (6-12 месяцев) Ozon значительно превзошел рыночный индекс. В кризисный 2022 год бумаги компании показали большее падение, чем индекс, что связано с повышенной волатильностью технологического сектора и санкционными рисками. Однако, на полном трехлетнем горизонте, несмотря на все риски, Ozon продемонстрировал избыточную доходность в 20% относительно рынка. Это означает, что инвестор, купивший акции на IPO и удержавший их в течение трех лет, получил бы доходность, на 20% превышающую доходность инвестиций в широкий рыночный индекс, что подтверждает долгосрочную инвестиционную привлекательность компании.

Дополнительную оценку дает анализ сравнительных мультипликаторов с peer-группой (Wildberries, Яндекс.Маркет) по состоянию на конец 2023 года [4].

Последствия санкционного кризиса 2022 года не значительно повлияли на акции Ozona, торговля с мультипликатором P/S в диапазоне 1,8-2,2, что было сопоставимо с аналогами, и демонстрировала более высокие темпы роста GMV (50-80 % в 2023 г.), наращи-

вая долю рынка. Что указывает на сохранение рыночного доверия к стратегии маркетплейса в части улучшения операционной активности компании.

Проведенный анализ показывает, что проведенное IPO компании Ozon было успешным, с точки зрения краткосрочных параметров. Долгосрочная динамика котировок акций подверглась сильному влиянию внешних макроэкономических и геополитических факторов 2022 года, однако к концу 2023 года компания не только восстановилась до уровня цены выхода на IPO, но и показала превышение доходности над рыночным индексом, подтвердив свою фундаментальную устойчивость и способность создавать долгосрочную стоимость активов для инвесторов.

Данные о выполнении целевых показателей компании-эмитента за период с 2020 по 2025 год обобщены в таблице 5.

Таблица 5 — **Достижение целевых показателей Ozon**

Целевой показатель	Заявлено в проспекте	Достигнуто к 2024-2025 г.	Оценка выполнения показателей
Привлечение капитала	990 млн долларов	Целевой показатель + 490,5 млрд руб.	Превышение показателя
Развитие логистики	Расширение ФЦ и доставки	30+ ФЦ в регионах; доставка за день по РФ; технология кросс-докинга	Превышение показателя
Развитие маркетплейса	Увеличение доли на рынке	От 48% в 2020 до 60% в 2024-2025	Достигнуто
Рост GMV	Ускорение роста	От 197,4 млрд руб. до 2,87 трлн руб.	Значительное превышение
Прибыльность	Не заявлено	2023: первая положительная EBITDA; 2024: EBITDA 40,1 млрд; Q3 2025: чистая прибыль 2,9 млрд	Превышение показателя
Расширение финтеха	Развитие сервисов	Ozon Bank, Ozon Card; выручка финтеха +110% в 2025	Значительное превышение

Эффективность IPO маркетплейса основана на трансформации финансовой модели компании. Проведенный анализ динамики выручки и скорректированной EBITDA (прибыль компании до вычета налогов, процентов по кредитам и амортизации) показывает, что Ozon прошел сложный путь от торговой площадки до прибыльного акционерного общества. На начальном этапе проведения IPO (2020-2022) прослеживался инвестиционный рост, Ozon осознанно жертвовал краткосрочной прибылью ради расширения деятельности, при этом выручка росла. В 2023 году компания достигла положительной EBITDA, а в 2024 году ее рост увеличился в 4 раза, такие показатели говорят о фундаментальном улучшении операционной эффективности маркетплейса. В 2025 году компания не только повысила прогноз по EBITDA, но и впервые вышла на квартальную чистую прибыль, что стало положительным эффектом от проведенной трансформации бизнеса.

Заключение

Таким образом, маркетплейс Ozon вышел на фондовый рынок в период исключительно благоприятной конъюнктуры, что обеспечило высокий спрос. Однако устойчивость компании впоследствии обеспечила не столько удачное время, сколько зрелость бизнес-модели и четкий путь к прибыльности.

Не менее важна подробная и честная коммуникация целей и рисков в инвестиционном меморандуме. Ozon реалистично описала амбициозные планы и сопутствующие риски, что сформировало адекватные ожидания рынка. Стратегия «недообещать и перевыполнить» оказалась более эффективной для долгосрочного доверия, чем завышенные прогнозы.

Ключевым фактором успеха Ozon стала стратегия диверсификации доходов через развитие маркетплейса и финтеха. Компаниям следует использовать привлеченный капитал не только для масштабирования ядра бизнеса, но и для инвестиций в смежные высокомаржинальные направления, которые могут стать драйверами прибыльности в будущем. Параллельно необходимы инвестиции в собственную технологическую и операционную инфраструктуру, как это сделала Ozon с логистикой, что создает долгосрочное конкурентное преимущество и экономию от масштаба проводимых мероприятий.

Перспективы развития Ozon на ближайшие годы, основаны на текущих трендах и прогнозах менеджмента, остаются позитивными. Ожидается дальнейший рост GMV и выручки, увеличение маржи EBITDA и закре-

пление устойчивой чистой прибыльности. Ключевыми драйверами роста должны стать финтех-направление, редомициляция компании в Россию для включения в основные индексы, а также развитие B2B-направлений и географическая экспансия. Однако компания продолжит сталкиваться с рисками, включая ужесточение антимонопольного регулирования, высокую конкурентную интенсивность, макроэкономическую волатильность и капиталоемкость логистического развития. Успешное управление этими рисками будет определять способность Ozon сохранить свою рыночную позицию и инвестиционную привлекательность.

Литература

1. Абрамов А.Е. IPO акций российских компаний: теория, индикаторы, тренды и перспективы / А.Е. Абрамов, М.И. Чернова // Финансовый журнал. — 2024 — Т. 16, №6 — С. 42- 60.
2. Погорелова В.М. Практические аспекты применения IPO, в России, на примере компаний рынка информационных технологий / В.М. Погорелова, Д.Е. Колпащикова, Т.В. Бакунова // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докладов XVIII Международной конференции (Екатеринбург, 16-18 ноября 2023 г.). — Екатеринбург: Ажур, 2023. — С. 1132-1136.
3. Соснило А.И. Анализ и оценка эффективности IPO Российских компаний / А.И. Соснило, А.С. Оноре, Г.С. Оноре // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». — 2023. — №1. — С. 27-34.
4. Стрельникова В.В. Оценка эффективности стратегий выхода российских банков на рынок акционерного капитала / В.В. Стрельникова // Вестник евразийской науки. — 2025 — Т. 17, №s5. https://esj.today/PDF/24FAVN525.pdf.
5. Ульяницкая А.И. IPO как фактор привлечения капитала и повышения стоимости бизнеса (анализ, эффективность, оценка влияния на стоимость компании) / А.И. Ульяницкая // Вестник науки. — 2021. — Т. 1, №12(45). — С. 66-74.

INSTITUTIONAL ARROGANCE, INSTITUTIONAL FRICTION AND THE PANIC SHIFT OF NASH EQUILIBRIUM: A THEORETICAL MODEL OF THE STABILITY OF COALITION HIERARCHIES

Chaus Lyubov Vyacheslavovna, *Institute of International Economic Relations (IMES), Moscow (Russia)*

This article develops a comprehensive theoretical model integrating three interrelated phenomena of institutional dynamics: institutional arrogance as a parameter of distorted stability perception, institutional friction as a mechanism of endogenous transaction cost growth, and panic shift of Nash equilibrium as a critical point of systemic coalition collapse. A typology of institutional arrogance is proposed (low, medium, high levels), with structural characteristics, reaction mechanisms to external pressure, and exit strategies described for each type. A formal model linking the level of arrogance (α) to real transaction costs (TCr = TCf /(1 − α)) is introduced, demonstrating nonlinear cost escalation as α approaches unity. A theorem is proven stating that hierarchies with unhealthy levels of institutional arrogance systematically select strategies with higher transaction costs, erroneously interpreting them as stability strategies. It is shown that the panic shift occurs at the moment of desynchronization between subjectively acceptable and objectively observed cost levels. The model is illustrated with empirical examples from corporate governance, public regulation, and financial coalitions.

Keywords: *institutional economics; institutional arrogance; transaction costs; institutional friction; panic shift of Nash equilibrium; coalitions; managerial hierarchies; organizational stability.*

EDN: QUTHRR **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.45**

Цитировать: *Чаус Л.В. Институциональное высокомерие, институциональное трение и панический сдвиг равновесия Нэша: теоретическая модель устойчивости коалиционных иерархий // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 324-333. EDN: QUTHRR. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.45*

УДК 330.42
5.2.1

© Чаус Л.В., 2026

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЫСОКОМЕРИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ТРЕНИЕ И ПАНИЧЕСКИЙ СДВИГ РАВНОВЕСИЯ НЭША: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОСТИ КОАЛИЦИОННЫХ ИЕРАРХИЙ

В статье разработана комплексная теоретическая модель, объединяющая три взаимосвязанных феномена институциональной динамики: институциональное высокомерие как параметр искаженного восприятия устойчивости, институциональное трение как механизм эндогенного роста трансакционных издержек, и панический сдвиг равновесия Нэша как критическая точка системного распада коалиций. Предложена типология институционального высокомерия (низкий, средний, высокий уровни), для каждого типа описаны структурные признаки, механизмы реакции на внешнее давление и стратегии выхода из коалиции. Введена формальная модель связи между уровнем высокомерия (α) и реальными трансакционными издержками (TCr = TCf /(1 − α)), демонстрирующая нелинейный рост издержек при приближении α к единице. Доказана теорема о том, что иерархия с нездоровым уровнем институционального высокомерия систематически выбирает стратегии с более высокими трансакционными издержками, ошибочно интерпретируя их как стратегии устойчивости. Показано, что панический сдвиг возникает в момент рассинхронизации субъективно допустимого и объективно наблюдаемого уровней издержек. Модель проиллюстрирована эмпирическими примерами из корпоративного управления, государственного регулирования и финансовых коалиций.

Ключевые слова: *институциональная экономика; институциональное высокомерие; трансакционные издержки; институциональное трение; панический сдвиг равновесия Нэша; коалиции; управленческие иерархии; устойчивость организаций.*

ЧАУС Любовь Вячеславовна, *Институт международных экономических связей (ИМЭС), Москва (Россия)*

ORCID: 0009-0000-2137-179X

Статья подготовлена на основе оригинальных теоретических разработок автора в области институциональной экономики и теории коалиций. Все концепции, модели и теоремы являются результатом синтеза существующих подходов и авторской интерпретации институциональной динамики.

Введение: проблема устойчивости в условиях институциональной плотности

Современные управленческие иерархии функционируют в условиях высокой институциональной плотности — одновременного действия формальных правил, неформальных норм, регламентов, процедур и устойчивых практик поведения. В таких системах устойчивость управления определяется не только структурой подчинения, но и качеством институционального взаимодействия между уровнями и элементами иерархии. Однако классические управленческие модели, как правило, рассматривают иерархию как относительно однородную и рационально управляемую систему, не уделяя достаточного внимания внутренним издержкам координации и механизмам их накопления. Институциональная экономика, начиная с работ Р. Коуза [9] и О. Уильямсона [13; 14], показала, что любые формы организации экономической деятельности связаны с трансакционными издержками. Эти издержки неизбежно возрастают по мере усложнения структуры управления и могут оказывать системное влияние на эффективность и устойчивость иерархий. Особый интерес представляет анализ тех ситуаций, когда рост трансакционных издержек приобретает нелинейный характер и приводит к резкому изменению поведения управленческих акторов — феномену, который мы называем паническим сдвигом равновесия Нэша.

Цель исследования — разработать целостную теоретическую модель, объединяющую три ключевых концепта:

— институциональное высокомерие — как параметр искаженного восприятия собственной устойчивости и неуязвимости в коалиции;

— институциональное трение — как совокупность издержек, возникающих при взаимодействии формальных и неформальных институтов внутри сложных организационных структур;

— панический сдвиг равновесия Нэша — как предельная форма проявления институционального трения, приводящая к резкому переходу иерархии из устойчивого состояния в режим дезорганизации.

Эти три феномена образуют причинно-следственную цепочку: высокомерие порождает искаженную оценку допустимых издержек → это ведет к накоплению институционального трения → трение достигает критического порога → происходит панический сдвиг равновесия.

Теоретические основы: институциональная экономика и трансакционные издержки иерархий

От рынка к иерархии: классическая парадигма. Р. Коуз в своей знаменитой работе «Природа фирмы» [9] поставил фундаментальный вопрос: почему в условиях совершенной конкуренции существуют фирмы — иерархические структуры, внутри которых распределение ресурсов осуществляется административным, а не рыночным путём? Ответ Коуза заключался в существовании трансакционных издержек на открытом рынке — издержек поиска информации, ведения переговоров, заключения контрактов и их исполнения. Фирма возникает тогда, когда издержки организации трансакции внутри иерархии ниже, чем на рынке.

Оливер Уильямсон развил эту идею, введя понятие специфичности активов и асимметрии информации как ключевых факторов, определяющих выбор между рыночной и иерархической формами координации [13; 14]. Согласно его модели, иерархия эффективна при:

— высокой специфичности активов;

— значительной асимметрии информации;

— частоте повторяющихся трансакций.

Однако Уильямсон также предупреждал о иерархической инерции — склонности бюрократических структур к самосохранению даже тогда, когда их существование становится экономически неоправданным. Эта идея лежит в основе нашего анализа институционального высокомерия.

Институциональная среда как детерминант поведения. Дуглас Норт подчеркивал, что институты представляют собой «правила игры в обществе», формирующие структуру стимулов и ограничений для участников взаимодействия [12]. Институты делятся на:

— формальные: конституции, законы, правила, контракты;

— неформальные: нормы, традиции, обычаи, корпоративная культура.

Ключевой вклад Норта — концепция институциональной траектории (path dependence): прошлые решения и институциональные аранжировки определяют будущие возможности выбора, создавая «локальные оптимумы», из которых трудно выйти даже при наличии более эффективных альтернатив.

Эта идея критически важна для понимания механизма институционального высокомерия: прошлый успех и накопленный ресурс формируют искаженную оценку текущих возможностей системы.

Трансакционные издержки в управленческих иерархиях. В рамках институционального подхода трансакционные издержки в управленческих иерархиях включают [14, 1] (табл. 1).

Таблица 1 — **Типология трансакционных издержек в управленческих иерархиях**

Тип издержек	Содержание	Примеры в иерархии
Издержки поиска и обработки информации	Сбор, фильтрация, интерпретация данных	Многоуровневые отчеты, согласования, экспертизы
Издержки координации	Согласование действий между подразделениями	Совещания, регламенты, процедуры утверждения
Издержки контроля и мониторинга	Наблюдение за исполнением решений	Аудиты, проверки, отчётность, KPI
Издержки защиты от оппортунизма	Предотвращение злоупотреблений	Двойное подписание, разделение полномочий
Репутационные и правовые издержки	Риски потери статуса или санкций	Юридическое сопровождение, пиар-защита

Критически важно: в отличие от рыночных трансакций, где издержки явно проявляются в цене, в иерархиях значительная часть трансакционных издержек интернализована и не отражается в учёте. Это создаёт иллюзию эффективности и является питательной средой для роста институционального трения.

А. Институциональное высокомерие: концепция и типология

Определение и концептуализация. Под институциональным высокомерием (α), в рамках данной работы, понимается расхождение между фактическими заслугами и репутацией субъекта и его самооценкой устойчивости и неуязвимости в коалиции. Это не психологическая характеристика отдельного лица, а институциональная черта, проявляющаяся в правилах, процедурах и механизмах принятия решений организации.

Формально уровень институционального высокомерия можно выразить как функцию: $\alpha \approx f$ (заслуги, репутация, историческая устойчивость, ресурсная обеспеченность).

Однако ключевой момент: при высоком α эта функция становится искаженной — система начинает переоценивать собственную устойчивость относительно объективных показателей. Допустимый уровень высокомерия — это такой уровень, при котором α соразмерно реальному положению участника в иерархии, его институциональному капиталу и проверенной способности переживать кризисы. Любое отклонение от этого баланса создаёт структурную уязвимость.

Типология институционального высокомерия. На основе анализа структурных признаков и поведенческих паттернов выделяются три типа институционального высокомерия.

1) Низкий уровень институционального высокомерия ($\alpha \to 0$). Структурные признаки:

— Недавнее или случайное попадание в коалицию (отсутствие долгосрочной приверженности);

— Участие максимум в одной коалиции (ограниченный опыт взаимодействия);

— Отсутствие институциональной памяти (низкая способность к адаптации в кризисе);

— Плоская или формальная иерархия (слабая структура управления);

— Искусственно завышенные характеристики (высокая должность без подкрепления репутацией).

Парадокс низкого высокомерия: На первый взгляд, низкое высокомерие воспринимается как достоинство (скромность, умеренность). Однако на практике такие участники становятся уязвимыми, поскольку их формальный статус не подкреплен реальным институциональным капиталом. Они не обладают устойчивыми горизонтальными связями и репутационной историей, что делает их зависимыми от внешней легитимации.

Механизм реакции на давление: При возникновении панического сигнала коалиция реагирует крайне быстро:

— Информация мгновенно передается наверх;

— Решение принимается на высшем уровне без задержки;

— Время принятия решения о выходе минимально: $T_{decision} \to \min$.

Такие участники покидают коалицию первыми, поскольку не рассматривают ее как нечто ценное для себя. Их рациональность проявляется в минимизации ожидаемых издержек: при росте TCstay они интуитивно выбирают выход, когда $E(TC_{stay}) > E(TC_{exit})$.

Экономическая интерпретация: Игрок с низким α демонстрирует институциональную рациональность — он минимизирует трансакционные издержки за счет раннего выхода из неэффективных коалиций, а не за счет силы или статуса.

2) Средний уровень институционального высокомерия ($\alpha \approx 0.6$–0.8). Структурные признаки:

— Участие более чем в двух коалициях (накопленный опыт в разных системах);

— Сложная иерархия управления (обычно более трех уровней);

— Сильная внутренняя корпоративная идентичность;

— Наличие внутреннего гегемона — фигуры, контролирующей решения внутри коалиции;

— Системная защита низовых уровней иерархии.

Внутренняя дилемма заключенного: Внутри таких систем возникает классическая дилемма:

— Признание ошибки или нарушения ведёт к подрыву доверия внутри иерархии;

— Сокрытие ошибки приводит к увеличению внешнего репутационного риска.

Каждый уровень иерархии действует рационально с локальной точки зрения (защита собственного статуса, коллег, подчинённых), но глобально такое поведение иррационально — оно увеличивает общий системный риск. Накапливаются внутренние противоречия между уровнями управления, между формальными регламентами и фактическими действиями.

Почему такие структуры кажутся устойчивыми:

— Давление сначала гасится внутри коалиции;

— Система минимизирует утечки информации, защищает сотрудников, формализует ответы;

— Однако задержка реакции на внешние угрозы возрастает с каждым решением.

Механизм панического сдвига (двухэтапный):

— Этап 1: Разрушение внутренних связей — фиксируются нарушения внутренних регламентов, выявляются конфликты между уровнями иерархии, что подрывает доверие в управленческом слое. Внутренняя фрагментация растет $\varphi_{internal} \uparrow$.

— Этап 2: Активация внутреннего гегемона — внутренний гегемон берет на себя роль принятия решения о выходе из коалиции, когда совокупное давление превышает критический порог устойчивости: $F_{internal} + F_{external} > V_{coalition}$.

Средний уровень α — наиболее устойчивый и одновременно наиболее уязвимый тип. Для его дестабилизации недостаточно прямой внешней атаки — необходима целенаправленная работа по разрушению внутренних связей.

3) Высокий уровень институционального высокомерия ($\alpha \to 1$). Структурные признаки:

— Участие в множестве коалиций (широкий опыт и возможности для маневра);

— Идеально выстроенные регламенты и четкое разделение ответственности;

— Высокая публичность и профессиональный риск-менеджмент;

— Всегда обладает статусом внешнего гегемона — имеет реальные инструменты воздействия на других участников коалиции (регуляторные, финансовые, репутационные, правовые).

Парадокс высокого высокомерия: На внешнем уровне такие системы кажутся непробиваемыми, однако:

— Репутационные потери для них чрезвычайно дороги;

— Публичный риск усиливается нелинейно;

— Страх перед ошибками становится доминирующим фактором принятия решений.

Механизм выхода из коалиции: Решение о выходе не мгновенное — оно требует расчета. Однако когда совокупное давление (внутреннее + внешнее) превышает критический порог, выход становится неизбежным. Формально:

$$P_{coalition} < R_{public} + R_{collusion} \Rightarrow \text{выход}$$

где $P_{coalition}$ — прибыль/выгода от участия в коалиции;

R_{public} — риск публичной дискредитации;
$R_{collusion}$ — риск быть уличенным в сговоре или неиспользовании надзорных полномочий.

Ключевой момент: сам факт неиспользования статуса внешнего гегемона, когда он должен быть использован, уже является косвенным признаком участия в сговоре. Поэтому в критический момент бездействие становится доказательством вины, а использование полномочий — единственным способом самозащиты.

Геометрическая прогрессия уязвимости: Каждый новый внешний запрос или вмешательство умножает вероятность ошибок внутри системы:

$$Ошибки_n = Ошибки_n{-}1 \cdot (1 + \gamma),$$

где γ — коэффициент усиления ошибок, отражающий рост количества точек давления при каждом новом внешнем воздействии.

Выход внешнего гегемона разрушает коалицию мгновенно, а не постепенно, поскольку он начинает использовать свои полномочия против бывших партнеров, подтверждая, что мог влиять и раньше.

Б. Институциональное трение: механизм эндогенного роста издержек

Концепция институционального трения. Понятие трения традиционно используется в физике для обозначения силы, препятствующей движению. В экономическом и институциональном контексте институциональное трение проявляется в виде дополнительных издержек, замедляющих или искажающих процессы принятия и реализации управленческих решений.

Определение: Институциональное трение — это совокупность трансакционых и координационных издержек, возникающих вследствие несоответствия между формальной институциональной архитектурой и фактическими практиками управления.

Источники институционального трения. Основные источники институционального трения приведены в таблице 2.

Таблица 2 — **Источники институционального трения**

Источник	Механизм возникновения	Пример
Дублирование функций	Пересечение зон ответственности между подразделениями	Два отдела одновременно готовят один отчет
Избыточные уровни согласования	Многоступенчатая процедура утверждения решений	Решение проходит семь уровней согласования вместо трех необходимых
Конфликт целей	Расхождение KPI между подразделениями	Отдел продаж максимизирует объем, финотдел — маржинальность
Институциональное высокомерие	Ориентация на защиту регламента вместо решения проблемы	Отказ от адаптации процедуры даже при очевидной неэффективности
Страх персональной ответственности	Избегание принятия решений без «крыши» сверху	Перенаправление запроса вышестоящему руководителю

В терминах Уильямсона такие издержки не являются случайными — они системно воспроизводятся в иерархиях с высокой степенью специфичности активов и асимметрии информации.

Формализация институционального трения. Общий уровень институционального трения можно выразить как сумму издержек по уровням управления:

$$T_{inst} = \frac{\Sigma_n}{i=1} (C_{coord,i} + C_{info,i} + C_{control,i}) ,$$

где T_{inst} — общий уровень институционального трения;
$C_{coord,i}$ — издержки координации на уровне i;
$C_{info,i}$ — издержки передачи и обработки информации на уровне i;
$C_{control,i}$ — издержки контроля и мониторинга на уровне i;
n — количество уровней управления.

Критически важно: на ранних стадиях рост институционального трения может маскироваться внешней стабильностью — формальные процедуры соблюдаются, сроки выдерживаются, решения принимаются. Однако фактическая эффективность управления при этом снижается.

Институциональное трение и коалиционное поведение. По мере накопления институционального трения внутри иерархии фор-

мируются устойчивые коалиции, основной функцией которых становится не достижение целей организации, а минимизация индивидуальных рисков. Такие коалиции можно охарактеризовать как порочные, поскольку они:

— перераспределяют ответственность;

— блокируют признание ошибок;

— усиливают бюрократическую инерцию;

— повышают институциональное высокомерие.

В отличие от здоровых коалиций, ориентированных на общий результат, порочные коалиции усиливают институциональное трение и создают замкнутый контур воспроизводства управленческих искажений.

B. Панический сдвиг равновесия Нэша: формальная модель критического перехода

Равновесие Нэша в условиях институционального трения. В рамках теории игр равновесие Нэша описывает устойчивое состояние системы, при котором ни один из участников не заинтересован в одностороннем изменении стратегии [11]. Однако классические модели предполагают рациональность и относительную стабильность институциональной среды.

При высоком уровне институционального трения равновесие приобретает искажённый характер: стратегии акторов ориентированы не на оптимальный результат, а на избегание санкций и персональных рисков. Формально, пусть S_i — стратегия актора i, тогда равновесие Нэша определяется условием:

$$u_i(S_i^*, S_{-i}^*) \geq u_i(S_i, S_{-i}^*) \; \forall S_i,$$

где u_i — функция полезности актора i,
а S^*_{-i} — стратегии остальных участников.

При высоком институциональном трении функция полезности искажается:

$$ui = -TC_{real} + S(\alpha),$$

где $S(\alpha)$ — полезность сохранения статуса, лица, иерархии, зависящая от уровня институционального высокомерия α.

При высоком α: $\frac{dS}{d\alpha} \gg \frac{dTCreal}{dt}$, то есть система рационально выбирает более дорогую стратегию, потому что она «дешевле» в институциональном смысле (сохраняет лицо, статус, иерархию).

Панический сдвиг как фазовый переход. В условиях внешнего давления (жалобы, проверки, иски) такая система может перейти в состояние панического сдвига равновесия Нэша, при котором:

— прежние стратегии перестают быть устойчивыми;

— коалиции распадаются или радикально перестраиваются;

— управленческие решения становятся реактивными и фрагментированными.

Вероятность панического сдвига можно формализовать как функцию:

$$P_{shift} = f(T_{inst}, \alpha, S_{ext}),$$

где S_{ext} — интенсивность внешнего сигнала (жалобы, проверки, кризис),
а f — возрастающая функция: чем выше трение и α, тем выше вероятность резкого перехода.

Точка сдвига: рассинхронизация метрик издержек. Панический сдвиг возникает в момент, когда система перестаёт «чувствовать» рост реальных издержек. Введём две функции:

1) Объективные трансакционные издержки: $TC_{real}(t)$ — реальные издержки системы во времени (процедуры, согласования, потери времени, репутационные и судебные риски). Они монотонно растут при наличии хоровода (система перекидывает ответ на разные отделы, включается цепочка исполнителей, намного превышающая для выполнения задачи), блокировки решений, внутренних конфликтов.

2) Субъективно допустимые издержки:

$$TC_{acceptable} = f(A, R_{past}),$$

где A — уровень институционального высокомерия;
R_{past} — накопленный ресурс (финансовый, статусный, властный).

Ключевое расхождение: в норме система корректирует поведение, когда $TC_{real} > TC_{acceptable}$. Но в иерархии с высоким α возникает:

$$\frac{dTC_{acceptable}}{dTC_{real}} \approx 0$$

То есть реальные издержки растут, а допустимость не пересматривается — обратная связь разорвана. Это и есть институциональная слепота.

Панический сдвиг — это точка рассинхронизации метрик, когда система продолжает выбирать стратегию, которая:

— раньше была допустимой;

— теперь объективно убыточна;

— но субъективно все еще считается «нормальной».

Теорема об институциональном высокомерии и трансакционных издержках

Формулировка теоремы

Теорема 1. Иерархия с нездоровым уровнем институционального высокомерия систематически выбирает стратегии с более высокими трансакционными издержками, ошибочно интерпретируя их как стратегии устойчивости, что приводит к эндогенному росту издержек и снижению адаптивной эффективности системы.

Доказательство

Шаг 1. Искажение оценки альтернатив. Иерархия с высоким α переоценивает:

— устойчивость текущей коалиции;

— эффективность существующих процедур;

— способность подавлять или игнорировать сигналы среды.

Следовательно, при выборе между адаптацией (изменение правил, выход из коалиции) и сохранением формы (усиление контроля, усложнение процедур) выбирается второе.

Шаг 2. Эндогенный рост трансакционных издержек. Для сохранения иерархической формы вводятся:

— дополнительные регламенты;

— уровни согласования;

— контрольные процедуры;

— юридические и бюрократические барьеры.

Каждый из этих элементов локально рационален (защищает от конкретного риска), но глобально увеличивает ТС.

Шаг 3. Формальная зависимость. Обозначим:

TC_f — формально учитываемые трансакционные издержки;

TC_r — реальные трансакционные издержки;

$\alpha \in [0; 1)$ — уровень институционального высокомерия.

Тогда:

$$TC_r \frac{TC_f}{1-\alpha}$$

Интерпретация формулы:

при $\alpha \to 0$: $TC_r \approx TC_f$ — рациональная система;

при $\alpha = 0.5$: реальные издержки в 2 раза выше осознаваемых;

при $\alpha = 0.8$: $TC_r = 5 \cdot TC_f$;

при $\alpha \to 1$: $TC_r \to \infty$, но система продолжает считать себя устойчивой.

Шаг 4. Ошибочная интерпретация устойчивости. Рост формализованных процедур воспринимается как:

— усиление управляемости;

— снижение рисков;

— повышение стабильности.

На деле происходит:

— замедление принятия решений;

— рост координационных издержек;

— снижение гибкости.

Таким образом, рост трансакционных издержек маскируется под устойчивость.

Система не осознаёт роста издержек по четырём причинам:

1. Распределенность издержек: никто не видит всей суммы — издержки распределены по подразделениям, уровням, временным периодам.

2. Отложенность во времени: издержки не попадают в текущие KPI — их эффект проявляется с лагом, когда ответственные лица уже не несут ответственности.

3. Институционализация: издержки считаются «нормой» — они закреплены в регламентах, штатном расписании, бюджете.

4. Подмена рациональности высокомерием: «мы крупные, значит устойчивые» — статус подменяет анализ эффективности.

Это ровно то, о чем писали:

— Уильямсон (иерархическая инерция) [13, 14];

— Аузан (институциональные ловушки) [1];

— Норт (институциональная траектория) [12].

Теорема о слепоте институционального высокомерия

Формулировка теоремы

Теорема 2. Иерархия с высоким уровнем институционального высокомерия систематически недооценивает рост трансакционных издержек, поскольку допустимый уровень издержек определяется прошлой ресурсной обеспеченностью и статусом коалиции, а не текущей экономической эффективностью.

Панический сдвиг равновесия Нэша возникает в момент расхождения субъективной допустимости и объективного роста издержек.

Доказательство

Шаг 1. Субъективная функция допустимости. Для иерархии с высоким α допустимый уровень издержек определяется не текущей эффективностью, а прошлым опытом:

$$TC_{acceptable} = f(R_{past}, \alpha)$$

где R_{past} — накопленный ресурс (финансовый, статусный, репутационный).

Шаг 2. Объективная функция издержек. Реальные издержки растут монотонно с накоплением институционального трения:

$$\frac{dTC_{real}}{dt} > 0 \text{ при } T_{inst} \uparrow$$

Шаг 3. Рассинхронизация метрик. При высоком α:

$$\frac{dTC_{acceptable}}{dTC_{real}} \approx 0$$

Обратная связь между ростом реальных издержек и пересмотром допустимого уровня разорвана. Система продолжает действовать по старым правилам, несмотря на рост TC_{real}.

Шаг 4. Точка панического сдвига. Панический сдвиг происходит в момент t^*, когда:

$TCreal(t^*) >> TCacceptable$ и система осознает разрыв

Осознание происходит не постепенно, а скачкообразно — через внешний сигнал (проверка, скандал, кризис), который делает разрыв видимым.

Шаг 5. Последствия сдвига. После точки t^*:

— прежние стратегии становятся невыгодными;

— коалиция распадается или радикально перестраивается;

— внешний гегемон (если он есть) начинает использовать свои полномочия против бывших партнеров.

Эмпирические иллюстрации

Крупные корпорации. Исследования показывают, что в крупных вертикально интегрированных структурах:

— расходы на внутреннюю координацию растут быстрее выручки [10];

— число регламентов и процедур увеличивается экспоненциально с ростом числа сотрудников;

— адаптация к рыночным изменениям замедляется нелинейно.

Это соответствует росту α и скрытому увеличению TC_r. Пример: падение Kodak — компания с высоким α (лидер рынка фотоплёнки) не смогла адаптироваться к цифровой революции, продолжая инвестировать в устаревающие технологии и процедуры.

Государственные иерархии. В публичном управлении:

— усиление нормативного регулирования часто трактуется как повышение устойчивости;

— фактически возрастает стоимость исполнения решений (издержки соблюдения);

— снижается доверие и растёт оппортунизм агентов.

Пример: избыточное регулирование в сфере малого бизнеса в России — формально направлено на защиту потребителей и бюджета, фактически создает барьеры для входа и повышает трансакционные издержки предпринимателей в разы [1].

Таблица 3 — **Сравнительная характеристика игроков с разным уровнем институционального высокомерия**

Характеристика	Низкий α	Средний α	Высокий α
Время реакции на сигнал	Минимальное ($T_{decision} \rightarrow$ min)	Среднее (требуется разрушение связей)	Длительное (требуется накопление ошибок)
Стратегия выхода	Ранний выход, минимизация издержек	Выход через внутреннего гегемона	Выход через внешнего гегемона (резкий, разрушительный)
Оценка издержек	Интуитивная минимизация	Локальная рациональность, глобальная иррациональность	Игнорирование до критической точки
Роль в коалиции	Случайный участник	Стабилизатор (до точки сдвига)	Внешний гегемон
Пример	Малый бизнес в регулируемой отрасли	Сбербанк в банковской коалиции	ЦБ как регулятор

Финансовые коалиции и регуляторы. Центральные банки и крупные финансовые институты часто демонстрируют высокий уровень α:

— ЦБ РФ как внешний гегемон по отношению к банковской системе;

— при кризисе 2014–2015 гг. ЦБ сначала защищал системно важные банки («сохранение коалиции»);

— затем, при росте репутационных рисков (Rpublic ↑), резко сменил стратегию

— начал отзывать лицензии массово.

Это классический пример панического сдвига внешнего гегемона: до критической точки — защита коалиции, после точки — использование полномочий против бывших партнёров.

Сравнение поведения игроков с разным α (табл. 3, см. выше).

Заключение и перспективы исследований

Теоретические выводы

1. Институциональное высокомерие, институциональное трение и панический сдвиг равновесия Нэша образуют единую причинно-следственную цепочку, объясняющую динамику устойчивости коалиционных иерархий.

2. Предложена типология институционального высокомерия (низкий, средний, высокий уровни) с описанием структурных признаков, механизмов реакции на давление и стратегий выхода из коалиции для каждого типа.

3. Доказана теорема о связи между уровнем институционального высокомерия (α) и реальными трансакционными издержками ($TC_r = TC_f /(1 - \alpha)$), демонстрирующая нелинейный рост издержек при приближении α к единице.

4. Доказана теорема о слепоте институционального высокомерия: иерархия с высоким α систематически недооценивает рост издержек, поскольку допустимый уровень определяется прошлым ресурсом, а не текущей эффективностью.

5. Показано, что панический сдвиг равновесия Нэша возникает в момент рассинхронизации субъективно допустимого и объективно наблюдаемого уровней издержек — это точка фазового перехода системы из устойчивого состояния в режим дезорганизации.

6. Игрок с низким α демонстрирует институциональную рациональность — минимизирует издержки за счёт раннего выхода, в то время как иерархии с высоким α систематически выбирают стратегии с более высокими издержками, ошибочно интерпретируя их как стратегии устойчивости.

Практические импликации

1. Диагностика управленческого риска: уровень институционального трения и высокомерия может служить индикатором устойчивости организации задолго до наступления кризиса.

2. Стратегия коалиционного взаимодействия: для дестабилизации коалиции с разным α требуются разные подходы:

— низкий α — минимальное давление достаточно для выхода;

— средний α — необходимо целенаправленное разрушение внутренних связей;

— высокий α — требуется накопление ошибок до критической точки.

3. Управление адаптивностью: снижение институционального высокомерия через:

— регулярную калибровку допустимых издержек относительно текущей эффективности;

— создание механизмов обратной связи, преодолевающих иерархическую инерцию;

— поощрение «здорового скептицизма» к собственным процедурам.

Перспективы дальнейших исследований

1. Эмпирическая верификация: разработка методики измерения α и T_{inst} на основе анализа регламентов, процедур согласования, скорости принятия решений.

2. Динамическое моделирование: построение агент-ориентированных моделей для симуляции панического сдвига при различных параметрах α и структуры коалиции.

3. Междисциплинарная интеграция: связь с теорией организаций (Минцберг), теорией принятия решений (Саймон), поведенческой экономикой (Канеман, Тверски), теорией ограничений (Голдратт).

4. Прикладные кейсы: анализ исторических кризисов коалиций (финансовых, политических, корпоративных) через призму предложенной модели.

Литература

1. Аузан А.А. Институциональная экономика: новая институциональная теория. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 478 с.
2. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. — М.: Гардарика, 2018. — 560 с.

3. Коуз Р. Природа фирмы // Экономические проблемы трансакционных издержек. — М.: Новое издательство, 2007. — С. 15–38.
4. Ланглуа Р.Н. Исчезающая рука: меняющаяся динамика индустриального капитализма // Industrial and Corporate Change. — 2003. — Т. 12, №2. — С. 351–385.
5. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации. — СПб.: Питер, 2012. — 416 с.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997. — 184 с.
7. Саймон Г. Административное поведение. — М.: Экономика, 2001. — 312 с.
8. Сторпер М. Мир в городе: экономическая география урбанизации. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2013. — 424 с.
9. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. — СПб.: Лениздат, 1996. — 320 с.
10. Coase R.H. The Nature of the Firm // Economica. — 1937. — Vol. 4, No. 16. — P. 386–405.
11. Nash J. Non-Cooperative Games // Annals of Mathematics. — 1951. — Vol. 54, № 2. — P. 286–295.
12. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
13. Williamson O.E. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. — New York: Free Press, 1975.
14. Williamson O.E. The Economic Institutions of Capitalism. — New York: Free Press, 1985.
15. Williamson O.E. Transaction Cost Economics: The Governance of Contractual Relations // Journal of Law and Economics. — 1979. — Vol. 22, №2. — P. 233–261.

MANAGERIAL BARRIERS IN THE IMPLEMENTATION OF DATABASES IN ORGANIZATIONS: TYPOLOGY AND METHODS OF OVERCOMING

Engelhardt Ivan, *Postgraduate student, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg (Russia)*

Successful implementation of database management systems in modern organizations requires overcoming significant management barriers, which are often ignored when focusing on technological aspects. The urgency of the problem is due to the growing number of unsuccessful digitalization projects in Russia and the lack of tools adapted to the domestic context for diagnosing and overcoming organizational resistance. Existing foreign models require verification and adaptation, taking into account the specifics of Russian management. The purpose of the research is to identify, systematize and analyze management barriers in the implementation of databases, as well as to develop practical methods to overcome them. The key task is to establish the nature of the synergistic interaction between different types of barriers, since their combined impact significantly exceeds the cumulative effect. The research is based on the integration of theoretical approaches to organizational behavior (E. Shane's concepts of organizational culture, J. P. Cotter's model of change management, E. Rogers' theory of innovation diffusion) with the methodology of system analysis. Qualitative methods were applied (a systematic review of the literature in scientific databases; expert interviews in eight organizations in various sectors of the economy) and quantitative methods (expert assessment on a 9-point scale, the method of analytical hierarchies, factor analysis). The results of the study include a typology of seven main types of management barriers; a matrix of synergistic interaction of management barriers with the identification of three self-reinforcing cycles; a methodology for calculating an integrated Barrier index with contextual weights for six types of organizations; an interactive HTML diagnostic application. It has been established that motivational and cultural barriers are critical, and overcoming them requires simultaneous impact on the strategic, organizational and operational levels. Four strategic directions for the implementation of digital transformation are proposed, taking into account the identified patterns.

Keywords: *managerial barriers; databases; digital transformation; synergy interaction; organizational resistance; barrier index; change management.*

EDN: RDSSWW **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.46**

Цитировать: *Энгельгардт И. Управленческие барьеры при внедрении баз данных в организациях: типология и методы преодоления // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 334-340. EDN: RDSSWW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.46*

УДК 338.24
5.2.6

© Энгельгардт И., 2026

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ПРИ ВНЕДРЕНИИ БАЗ ДАННЫХ В ОРГАНИЗАЦИЯХ: ТИПОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Успешное внедрение систем управления базами данных в современных организациях требует преодоления значительных управленческих барьеров, которые часто игнорируются при фокусе на технологических аспектах. Актуальность проблемы обусловлена растущим числом неудачных проектов цифровизации в России и отсутствием адаптированного к отечественному контексту инструментария диагностики и преодоления организационного сопротивления. Существующие зарубежные модели требуют верификации и адаптации с учетом специфики российского менеджмента. Целью исследования является выявление, систематизация и анализ управленческих барьеров при внедрении баз данных, а также разработка практических методов их преодоления. Ключевая задача — установить характер синергийного взаимодействия между различными типами барьеров, поскольку их совместное воздействие значительно превышает просуммированный эффект. Исследование построено на интеграции теоретических подходов организационного поведения (концепции организационной культуры Э. Шейна, модель управления изменениями Дж. П. Коттера, теория диффузии инноваций Э. Роджерса) с методологией системного анализа. Применены качественные методы (систематический обзор литературы в научных базах данных; экспертные интервью в восьми организациях различных секторов экономики) и количественные методы (экспертное оценивание по 9-балльной шкале, метод аналитических иерархий,

факторный анализ). Результаты исследования включают типологию из семи основных типов управленческих барьеров; матрицу синергийного взаимодействия управленческих барьеров с выявлением трех самоусиливающихся циклов; методику расчета интегрированного Барьерного индекса с контекстными весами для шести типов организаций; интерактивное HTML-приложение для диагностики. Установлено, что мотивационные и культурные барьеры являются критическими, а их преодоление требует одновременного воздействия на стратегический, организационный и операционный уровни. Предложены четыре стратегических направления реализации цифровой трансформации с учетом выявленных закономерностей.

Ключевые слова: *управленческие барьеры; базы данных; цифровая трансформация; синергийное взаимодействие; организационное сопротивление; барьерный индекс; управление изменениями.*

ЭНГЕЛЬГАРДТ Иван,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург (Россия)
SPIN-код: 5522-1873
ORCID: 0009-0000-6978-3443

Введение

В условиях цифровой экономики базы данных (БД) обеспечивают трансформацию разрозненной информации в структурированный организационный актив, необходимый для повышения конкурентоспособности. Однако исследования показывают, что при внедрении информационных систем в организациях на первый план выходят препятствия не в технологической плоскости, а в сфере управленческих барьеров и организационного сопротивления [1].

Большинство руководителей организаций продолжают фокусироваться исключительно на технических аспектах внедрения, игнорируя социально-психологические процессы и управленческие механизмы, необходимые для успешной трансформации. Это приводит к неэффективному использованию инвестиций, замораживанию проектов на критичных этапах и снижению потенциальных выгод от цифровизации.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами: отсутствием системной типологии управленческих барьеров при внедрении БД и практических механизмов, адаптированных к российскому организационному контексту; растущим числом неудачных проектов цифровизации в России; отсутствием комплексных инструментов оценки готовности организации, учитывающих синергетический эффект взаимодействия барьеров.

Исходя из этого, целью исследования является выявление, классификация и систематизация управленческих барьеров при внедрении БД в организациях, анализ их синергийного взаимодействия и разработка практических рекомендаций по их преодолению.

Обзор литературы

Управленческие барьеры при внедрении БД в организацию можно рассматривать через призму теории организационных изменений, которая трактует сопротивление как естественную реакцию организации на нарушение равновесия. В 1947 году К. Левин предложил трехфазную модель изменений — «размораживание», изменение и «замораживание» [16], подчеркивающую необходимость управлять силами сопротивления на каждом этапе. Существенное развитие модель Левина получила в работах Дж. П. Коттера, который показал, что провалы трансформаций связаны со стратегическими и тактическими барьерами: отсутствием чувства срочности, слабой руководящей коалицией, неясным видением, его недостаточной коммуникацией и непринятием мер по устранению ключевых препятствий [15].

Современные исследования выделяют несколько уровней анализа барьеров организационных изменений: индивидуальный (психологические особенности личности), групповой (динамика межличностных отношений в команде, групповые нормы поведения) и организационный (структурные характеристики организации, культурные

[1] Аналитика, вып. 6. Основные препятствия для внедрения цифровых технологий российскими организациями в 2024 году, 2025. URL: https://technet.spbstu.ru/news/9206

установки, системные процессы) [4, 10, 14]. Каждый уровень требует специфических управленческих подходов и инструментов воздействия. Игнорирование любого уровня приводит к неполной эффективности преобразований [7].

Особое значение для исследования цифровой трансформации имеет концепция цифрового сопротивления. К.А. Багратиони и Т. Тернер показывают, что цифровое сопротивление имеет как рациональные основания, так и иррациональные компоненты [2]. Эта двойственная природа делает преодоление барьеров более сложной управленческой задачей.

Причины различной степени принятия технологических решений объясняет теория диффузии инноваций Э. Роджерса, выделяющая характерные группы работников в зависимости от их готовности к изменениям [9]. При этом ключевую роль организационной культуры как детерминанты успеха трансформации раскрывает концепция организационной культуры Э. Шейна, согласно которой именно глубинные культурные установки и базовые предположения определяют готовность организации к инновациям и ее способность преодолевать сопутствующие барьеры [11].

В отечественных исследованиях ключевое внимание уделяется следующим аспектам цифровой трансформации: систематизации барьеров и драйверов с акцентом на организационно-культурные факторы [13]; адаптивным стратегиям управления в динамичной среде [3]; применению системного подхода для формирования целостной стратегии в российском бизнес-контексте [5]; а также архитектурной модели, увязывающей технологические изменения с трансформацией бизнес-процессов и организационной структуры [6].

Методика исследования

Для достижения поставленной в исследовании цели выявления и классификации управленческих барьеров при внедрении БД в организациях, а также анализа механизмов их синергийного взаимодействия были применены методы качественного анализа (систематический обзор литературы, анализ кейсов, экспертные интервью), количественного анализа (экспертное оценивание, метод аналитических иерархий, факторный анализ) и синтетического анализа (построение матриц взаимодействия, индексное моделирование).

В рамках исследования был осуществлен систематический анализ академических статей по проблематике управленческих барьеров цифровой трансформации и внедрения информационных систем. Проведены экспертные интервью в восьми организациях, представляющих различные сектора экономики. Интервью проводились в период с ноября 2024 по ноябрь 2025 года; каждое интервью продолжалось 60-90 минут и охватывало историю проекта внедрения, ключевые управленческие вызовы, причины «замораживания» или успеха проекта, а также практические рекомендации руководителей по преодолению барьеров.

На основе данных экспертных интервью и их анализа была построена матрица синергийного взаимодействия управленческих барьеров. Матрица разработана на основе пяти критериев оценки: причинно-следственная связь между барьерами; частота совместного возникновения; амплитуда усиления эффекта; скорость развития обратной связи; сложность разрешения. Каждая пара барьеров оценивалась группой из пяти экспертов по 9-балльной шкале, где 1 означает минимальное взаимодействие (барьеры действуют практически независимо), 9 — максимальное (полная синергия; невозможно преодолеть один без другого).

Для комплексной оценки управленческих барьеров разработана методика расчета Барьерного индекса (BI), представляющая трехуровневую систему оценки: первый уровень — оценка интенсивности каждого из семи типов барьеров на основе четырехвопросного опросника (шкала 1-7, конвертируется в 0-100); второй уровень — расчет синергийного эффекта на основе матрицы взаимодействия; третий уровень — применение контекстных весов, специфичных для различных типов организаций.

Результаты исследования

На основе проведенного анализа научной литературы и интеграции эмпирических данных выявлены семь основных типов управленческих барьеров при внедрении БД в организациях:

1. Мотивационные барьеры (МБ) связаны с отсутствием явной связи между целями проекта и индивидуальными интересами работника, вследствие чего инициатива воспринимается как добавочная нагрузка без компенсации.

2. Культурные барьеры (КБ) коренятся в организационных ценностях и убеждениях, культивирующих индивидуальную конкуренцию и рассматривающих стандартизацию как угрозу профессиональной автономии.

3. Структурные барьеры (СБ) обусловлены отсутствием явной интеграции проекта в корпоративную стратегию, недостаточной приверженностью высшего руководства и слабыми механизмами координации между уровнями управления.

4. Технические барьеры (ТБ) вытекают из неготовности информационно-технологической инфраструктуры, дефицита цифровых компетенций персонала и сложности интеграции с унаследованными системами.

5. Ресурсные барьеры (РБ) проистекают из восприятия проектов как издержек, а не инвестиций, что приводит к хроническому недофинансированию и перегрузке компетентных сотрудников.

6. Коммуникационные барьеры (КмБ) возникают из асимметричного распределения информации, однонаправленности коммуникации и семантического разрыва между техническим языком и практическими интересами пользователей.

7. Регулятивные и правовые барьеры (РегБ) вытекают из требований законодательства о защите персональных данных, отраслевых норм и внутренних регламентов.

Традиционные подходы к анализу управленческих барьеров рассматривают их как независимые факторы [1]. Однако практика внедрения БД в российских организациях показывает, что барьеры взаимодействуют нелинейно, усиливая друг друга и создавая каскадные эффекты сопротивления, значительно превышающие прогнозируемое воздействие [8].

Синергийное взаимодействие барьеров

Проведенное исследование выявило систему парных взаимодействий между всеми семью типами барьеров, которая может быть представлена в виде матрицы синергийного взаимодействия, представленной в таблице 1.

Таблица 1 — **Матрица синергийного взаимодействия управленческих барьеров**

	МБ	КБ	СБ	ТБ	РБ	КмБ	РегБ
МБ	8	8	7	6	6	8	4
КБ	8	8	7	5	5	7	4
СБ	7	7	9	7	8	8	6
ТБ	6	5	7	8	8	5	5
РБ	6	5	8	8	8	7	6
КмБ	8	7	8	5	7	8	5
РегБ	4	4	6	5	6	5	7

Источник: составлено автором.

Анализ данной матрицы выявил три самоусиливающихся цикла:

— первый цикл (Структура-Коммуникация-Мотивация): жесткая структура управления предотвращает информационный обмен (S=8), что порождает информационный вакуум (S=8), который усиливает персональные страхи сотрудников (S=8);

— второй цикл (Структурный-Ресурсный-Технический): функциональные «силосы» ведут к конкуренции и распылению бюджета (S=8). Недостаток ресурсов (S=8) вынуждает к выбору упрощенных или устаревших технических решений;

— третий цикл (Ресурсный-Коммуникационный-Структурный): отсутствие целевого бюджета на управление изменениями делает коммуникацию неэффективной (S=7). Плохая коммуникация усиливает изоляцию подразделений (S=8).

Диагональные элементы матрицы (8-9) описывают самоусиление каждого барьера. Например, культурные барьеры обладают механизмом самоусиления: консервативная культура делает открытый диалог затруднительным, что еще более консервирует культуру.

Практический вывод заключается в том, что стратегия преодоления должна быть сетевой, а не точечной. Воздействие на барьер-хаб вызывает ослабление сразу нескольких связанных с ним барьеров. Например, создание кросс-функциональных рабочих групп одновременно улучшает коммуникацию, рационализирует использование ресурсов и снижает уровень неопределенности [12].

Для комплексной оценки управленческих барьеров и измерения прогресса в их преодолении разработана методика расчета

Барьерного индекса (BI) — интегрированного показателя готовности организации к внедрению БД, учитывающего как интенсивность отдельных барьеров, так и синергетические эффекты их взаимодействия.

Методика предусматривает трехуровневую систему оценки. На первом уровне каждый из семи типов барьеров оценивается непосредственно на основе четырехвопросного опросника, где респондентам предлагается оценить согласие с утверждениями по шкале 1–7 (где 1 означает полное несогласие, 7 — полное согласие). Исходные оценки затем конвертируются в шкалу 0-100, где 0 обозначает минимальный, а 100 — максимальный барьер.

На втором уровне на основе матрицы синергетического взаимодействия рассчитывается общий синергийный эффект:

$$BI_{synergy} = \Sigma_i \left[B_i \times B_j \times \left(S_{ij} / 9\right)\right] / \\ /(N \times (N-1) / 2) \times 100 / M \quad , \quad (1)$$

где B_i, B_j — интенсивность барьеров i и j (0-100);
S_{ij} — коэффициент синергии (1-9);
$N = 7$ (количество барьеров);
M — количество пар в матрице синергии (отражает, насколько сильно барьеры усиливают друг друга).

На третьем уровне вводятся контекстные веса для разных типов организаций, так как влияние каждого барьера на успех различается в зависимости от организационного контекста, таблица 2.

Таблица 2 — **Контекстные веса по типам организаций**

Вид деятельности организации	МБ	КБ	СБ	ТБ	РБ	КмБ	Рег Б
Традиционное производство	0,15	0,15	0,20	0,10	0,20	0,10	0,10
Финансовые услуги	0,10	0,12	0,15	0,15	0,18	0,12	0,18
IT/Tech компания	0,08	0,10	0,12	0,25	0,12	0,18	0,15
Госучреждение	0,12	0,18	0,22	0,08	0,12	0,10	0,18
Стартап	0,05	0,15	0,10	0,20	0,25	0,15	0,10
Здравоохранение	0,10	0,15	0,15	0,12	0,15	0,12	0,21

Источник: составлено автором.

Интегрированный Барьерный индекс рассчитывается по формуле:

$$BI_{integrated} = \Sigma_i (B_i \times w_i) + BI_{synergy} \times 0{,}3 \quad , \quad (2)$$

где $\Sigma_i (B_i \times w_i)$ — взвешенная сумма интенсивностей барьеров (вес 0,7);
$BI_{synergy} \times 0{,}3$ — синергийное усиление (вес 0,3).

Результаты интерпретируются по следующей шкале: 0-15 (минимальные барьеры), 16-30 (низкие), 31-50 (умеренные), 51-65 (высокие), 66-80 (очень высокие), 81-100 (критические).

Для практического применения методики разработано HTML-приложение для диагностики, включающее пять модулей: регистрация организации (сектор, размер, этап проекта); интерактивный опросник (28 вопросов); вычислительное ядро (расчет *BI* с применением контекстных весов); визуализация результатов (*BI*-показатель, таблица сравнения, радарная диаграмма); генератор персонализированных рекомендаций (три наиболее интенсивных барьера и специфичные действия на первые 1-2 месяца проекта). Калькулятор обеспечивает быструю диагностику с персонализацией и экспортом результатов.

Таким образом, матрица синергии, методика BI и калькулятор образуют инструментарий, позволяющий объективно оценивать управленческие вызовы, обосновывать ресурсы и отслеживать эффективность программ изменений.

Рекомендации по преодолению барьеров

Успешное внедрение баз данных и преодоление барьеров, возникающих на его пути, требует системного подхода, интегрирующего стратегические, организационные и операционные меры.

1. Комплексная стратегия цифровой трансформации должна связывать цифровизацию с ключевыми бизнес-целями и включать: приоритеты внедрения по подразделениям, план ресурсного обеспечения, этапы реализации с измеримыми вехами, систему показателей эффективности. Критична интеграция в общую бизнес-стратегию и активная коммуникация через многоканальные системы.

2. Кросс-функциональная проектная структура под эгидой высшего руководства с представителями ИТ-департамента, ключевых бизнес-подразделений и HR-службы должна иметь достаточные полномочия для

оперативного принятия решений и доступа к стратегическим ресурсам.

3. Дифференцированные управленческие мероприятия по преодолению барьеров:

— мотивационные: включение в KPI и систему бонусов, кампании по разъяснению личных выгод, гарантии занятости;

— культурные: создание сообществ практики, демонстрация успехов топ-менеджерами:

— структурные: формирование кросс-функциональных рабочих групп, видимая поддержка высшего руководства;

— технические: внедрение непрерывного дифференцированного обучения и формирование пула экспертов;

— ресурсные: выделение 20-30 % бюджета на управление изменениями, резервный фонд 15-20 %;

— коммуникационные: регулярные (раз в две недели) сессии обратной связи;

— регулятивные: превентивный нормативный аудит и включение экспертов в проектную команду.

4. Пилотное внедрение в подразделении с высокой готовностью позволяет отработать полный цикл внедрения и документировать успехи как социальное доказательство, формируя позитивный нарратив для всей организации.

Заключение

Проведенное комплексное исследование позволяет сделать следующие обоснованные выводы:

1. Системный и синергийный характер барьеров. Управленческие барьеры имеют комплексный характер и взаимно усиливают друг друга, что требует системного подхода к их преодолению.

2. Приоритет человеческого фактора. Наиболее значимыми являются мотивационные и культурные барьеры. Техническое совершенство системы недостаточно без преодоления социально-психологических препятствий.

3. Комплексное управленческое воздействие. Преодоление требует одновременного воздействия на стратегию, команду управления, культуру, компетенции и поэтапное внедрение.

4. Критическая роль высшего руководства. Поддержка руководства и наличие лидеров изменений являются необходимыми условиями успеха.

5. Практическая применяемость. Разработанная типология и рекомендации могут быть адаптированы организациями различного размера и отраслей с учетом их специфики.

Ограничения исследования включают ограниченную территориальную базу (восемь организаций в РФ), субъективный характер экспертных оценок при приемлемом уровне согласованности мнений (W Кендалла = 0,78) [17], и необходимость масштабной апробации HTML-приложения на более широкой выборке организаций.

Практическое применение результатов актуально для руководителей организаций при планировании цифровой трансформации, консультантов по управлению изменениями, исследователей в области менеджмента, а также образовательных учреждений при подготовке будущих специалистов.

Перспективные направления дальнейших исследований включают: изучение отраслевой специфики управленческих барьеров в различных секторах экономики; разработку количественных методов оценки интенсивности барьеров; анализ влияния размера организации и цифровой зрелости на характер барьеров; исследование роли цифровой компетентности высшего руководства в успешном преодолении барьеров; анализ влияния технологий искусственного интеллекта на системы управления знаниями и их воздействие на сопротивление внедрению.

Литература

1. Бабаев Э.О., Баша Н.В., Томша П.П. Понятие «big data». Показатель готовности перехода компании на новые технологии работы с большим объемом данных // Международный научно-исследовательский журнал. — 2014. — №5-1 (24). — С. 45-46.
2. Багратиони К., Тернер Т. Сопротивление менеджеров среднего звена цифровой трансформации // Форсайт. — 2023. — Т. 17, №2. — С. 49-60. — DOI: 10.17323/2500-2597.2023.2.49.60.
3. Борреманс А.Д., Ануфриева В.Д. Стратегические подходы к управлению цифровой трансформацией в организациях // НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». — 2024. — №4. — С. 39-48. — DOI: 10.17586/2310-1172-2024-17-4-39-48.
4. Гринберг Дж., Бэйрон Р. Организационное поведение: от теории к практике / пер. с англ. О.В.

Бредихина, В.Д. Соколова. — М.: Вершина, 2004. — 878 с.
5. Ермолаева В.Р., Шаравова О.И. Системный принцип формирования стратегии цифровой трансформации бизнеса в России // Век качества. — 2025. — №2. — С. 143-157.
6. Киселев Д.А. Архитектурный подход к разработке стратегии цифровой трансформации предприятия // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — Т. 15, №4. — С. 2229-2244. — DOI 10.18334/epp.15.4.122991
7. Кондратенко Н.А., Волков А.В. Современные подходы к управлению организационными изменениями стратегический, поведенческий и трансформационный аспекты // Естественно-гуманитарные исследования. — 2025. — №3(59). — С. 819-825.
8. Костянова Е.С., Филюшина Е.В. Автоматизация экономических процессов при помощи баз данных // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2022. — Т. 2. — С. 430-431.
9. Лисафьев С.В., Секерин В.Д. Основные этапы развития теории диффузии инноваций // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2012. –№8. — С. 74-77.
10. Мкртычян Г.А., Исаева О.М. Причины сопротивления персонала организационным изменениям: взгляд менеджеров как агентов перемен // Организационная психология. — 2015. — Т. 5, №1. — С. 22-33.
11. Одинцова О. Н. Организационная культура: сущность и методология анализа Э. Шейна // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. — 2014. –№42. — С. 59-63.
12. Репина Е.А. Цифровая трансформация как стратегический приоритет современного менеджмента // Вестник Академии знаний. — 2025. — №3(68). — С. 936-941.
13. Савзиханова С.Э., Эминова Н.Э. Ключевые проблемы цифровой трансформации организации // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. — 2023. — №1. — С. 60-65. — DOI 10.24412/2412-2025-2023-1-60-65.
14. Javadi M.H.M., Dastjerdia M.D. Evaluation effect of management information system implementation on personnel resistance causes in Isfahan power plant management corporation in Iran // Procedia Computer Science. — 2011. — T. 3. — С. 1296-1303.
15. Kotter J.P. Leading change: Why transformation efforts fail // Harvard Business Review. — 1995. –Vol. 73. — №2. — P. 59-67.
16. Levin K. Frontiers in group dynamics: Concept, method and reality in social science; social equilibria and social change // Human Relations. — 1947. — Vol. 1. — №1. — P. 5-41.
17. Saaty T. L. Analytic hierarchy process // Encyclopedia of operations research and management science. — Springer, Boston, MA. — 2013. — С. 52-64.

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' SOCIAL ENGAGEMENT IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

Abramenko Natalya Yurievna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Pacific State University, Khabarovsk (Russia)*

Ma Chao, *Postgraduate student, Amur State University named after Sholom- Aleichem, Birobidzhan (Russia)*

The purpose of the study is to justify and develop organizational and pedagogical conditions that foster the development of students' social activity during their professional development. The scientific novelty of this study lies in clarifying the role of social activity as a structural characteristic of students' professional development, as well as in providing a theoretical justification for the set of organizational and pedagogical conditions necessary for its development. It is demonstrated that the organizational and pedagogical conditions for the development of students' social activity during their professional development are: the involvement of students in research activities; the use of project-based learning methods in the educational process; and the targeted stimulation of academic activity aimed at fostering students' intrinsic motivation. As a result, the conclusion is drawn that the development of students' social activity in the process of professional formation is ensured only through the comprehensive implementation of interrelated organizational and pedagogical conditions, which, taken together, act as necessary and sufficient conditions, forming the basis for the formation of students' subjective stance and readiness for active professional and social activity.

Keywords: *organizational and pedagogical conditions; students' social activity; professional development; higher education; educational process.*

EDN: RNCCKM **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.47**

Цитировать: *Абраменко Н.Ю., Ма Ч. Организационно-педагогические условия развития социальной активности студентов в процессе профессионального становления // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 341-346. EDN: RNCCKM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.47*

УДК 378.147
5.8.1

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

© Абраменко Н.Ю., Ма Ч., 2026

Цель исследования состоит в обосновании и разработке организационно-педагогических условий, обеспечивающих развитие социальной активности студентов в процессе профессионального становления. Научная новизна исследования заключается в уточнении роли социальной активности как структурной характеристики профессионального становления студентов, а также теоретическом обосновании совокупности организационно-педагогических условий её развития. Показано, что организационно-педагогическими условиями развития социальной активности студентов в процессе профессионального становления являются: включённость студентов в научно-исследовательскую деятельность; использование проектных форм обучения в образовательном процессе; целенаправленное стимулирование учебной деятельности, направленное на формирование внутренней мотивации обучающихся. В результате формулируется вывод о том, что развитие социальной активности студентов в процессе профессионального становления обеспечивается только при комплексной реализации взаимосвязанных организационно-педагогических условий, которые в своей совокупности выступают как необходимые и достаточные, формируя основу для становления субъектной позиции и готовности студентов к активной профессиональной и социальной деятельности.

Ключевые слова: *организационно-педагогические условия; социальная активность студентов; профессиональное становление; высшее образование; образовательный процесс.*

АБРАМЕНКО Наталья Юрьевна, *кандидат педагогических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск (Россия)*

ORCID: 0000-0002-9352-537X

МА Чао, *аспирант, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Биробиджан (Россия)*

Введение

Проблематика профессионального становления студентов в системе высшего образования приобретает все более комплексный характер вследствие усложнения требований к личности будущего специалиста. Рынок труда, ориентированный не только на уровень профессиональной подготовки, но и способность выпускника к социальному взаимодействию, инициативной деятельности, ценностной рефлексии и включению в профессионально-общественные процессы, предопределяет необходимость переосмысления содержания и результатов высшего образования. В этой связи профессиональное становление целесообразно рассматривать как многомерный процесс, включающий развитие социальной активности студентов как одного из ключевых факторов их успешной профессиональной и жизненной самореализации.

Социальная активность студентов в контексте профессионального становления отражает степень их готовности к участию в общественно значимой деятельности, принятию ответственных решений, осмысленному построению собственной образовательной и профессиональной траектории. Вместе с тем, анализ педагогической теории и образовательной практики показывает, что развитие социальной активности зачастую носит эпизодический характер и не рассматривается как системно организованный результат образовательного процесса, что снижает потенциал профессиональной подготовки в целом.

Актуальность данного исследования подтверждается рядом противоречий между возросшими социальными требованиями к способности личности понимать смыслы своей жизнедеятельности, осуществлять ценностную рефлексию и недостаточной разработанностью механизмов смыслообразования как основы формирования социально активной позиции студента; между наличием значительного массива научно-теоретических исследований, посвящённых вопросам профессионального становления и социальной активности, и недостаточной степенью их интеграции в целостные педагогические модели, ориентированные на практику высшего образования; между объективной необходимостью сближения образовательного процесса с реальной профессиональной и социальной практикой студентов и недостаточной разработанностью организационно-педагогических условий, обеспечивающих развитие социальной активности в процессе профессионального становления.

Выявленные противоречия позволяют констатировать наличие научной проблемы, заключающейся в необходимости теоретического обоснования и разработки организационно-педагогических условий развития социальной активности студентов в процессе их профессионального становления.

Цель исследования состоит в обосновании и разработке организационно-педагогических условий, обеспечивающих развитие социальной активности студентов в процессе профессионального становления. Достижение цели сопряжено с решением ряда взаимосвязанных задач: 1) проанализировать научные представления о профессиональном становлении студентов; 2) выявить особенности и факторы развития социальной активности студентов в процессе профессионального становления; 3) обосновать и охарактеризовать организационно-педагогические условия, обеспечивающие целенаправленное развитие социальной активности студентов в образовательном процессе.

Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач в работе применялись теоретические методы исследования, включающие анализ и обобщение философской, психолого-педагогической и социологической литературы по проблемам профессионального становления личности и развития социальной активности студентов, изучение диссертационных исследований и монографий, посвящённых данной проблематике.

Теоретической базой исследования выступают научные труды отечественных исследователей, посвящённые проблемам профессионального становления личности, развития социальной активности студентов, проектирования педагогических условий и мотивации учебной деятельности.

Сущность и особенности профессионального становления студентов в системе высшего образования раскрыты на основе трудов М.С. Алексеевой [1], Г.В. Редькиной и Ю.В. Романовой [9]. Проблемы развития социальной активности студентов систематизиро-

ваны на основе исследований О.И. Кузнецовой, Л.В. Сильчевой [4] и других авторов, рассматривающих педагогические аспекты её формирования. Вопросы включения студентов в активные формы образовательной деятельности проанализированы на примере научных работ И.В. Быковой, Е.С. Зябловой, Е.В. Удовенко [2] и других исследователей.

Результаты исследования и их обсуждение

Профессиональное становление студентов в системе высшего образования рассматривается в современной педагогической науке как сложный, многоуровневый процесс, включающий не только овладение профессиональными компетенциями, но и формирование личностных качеств, обеспечивающих успешную интеграцию в профессиональную и социальную среду. В работах М.С. Алексеевой [1], а также Г.В. Редькиной и Ю.В. Романовой [9] показано, что профессиональное становление носит деятельностный характер и реализуется через включение обучающегося в различные виды активности, приближенные к реальным условиям будущей профессиональной деятельности. Социальная активность студентов как характеристика, отражающая уровень их субъектности, инициативности и способности к социальному взаимодействию, приобретает особое значение в процессе профессионального становления, поскольку обеспечивает включенность личности в систему профессионально значимых отношений и практик.

Вместе с тем, в научной статье О.И.Кузнецовой и Л.В. Сильчевой [4] доказано, что развитие социальной активности студентов не происходит стихийно и требует целенаправленной педагогической организации. В реальной образовательной практике у значительной части студенческой молодежи наблюдается недостаточный уровень сформированности социальной активности, проявляющийся в слабой выраженности чувства социальной ответственности, преобладании внешней мотивации над внутренней, а также в недостаточном понимании содержания и значимости социальной активности как личностного и профессионального ресурса. Дополнительно З.С. Джанхуватова и А.А.Соколова [3] фиксируют наличие ценностных деформаций, выражающихся в доминировании прагматических и эгоистических установок, отсутствии устойчивого интереса к социальной деятельности и неспособности к рефлексивному анализу собственных действий.

В сущности, анализ научных источников обосновывает необходимость организации системной педагогической работы, ориентированной на формирование социальной активности через совокупность специально создаваемых психолого-педагогических условий, способствующих развитию их социальной активности и профессиональной субъектности.

Понятие «педагогические условия» занимает одно из ключевых мест в категориальном аппарате педагогики и рассматривается как фундаментальная характеристика любого педагогического процесса. В процессе анализа педагогические условия обнаруживают себя во всех сферах образовательной реальности — от стихийных форм социализации до институционализированного обучения в системе образования. В этом смысле они выступают не внешним по отношению к обучению фактором, а внутренним структурным элементом педагогического процесса, обеспечивающим его направленность на достижение образовательных результатов.

Т.Ф. Орехова и Т.В. Кружилина [8] рассматривают педагогические условия как компонент педагогической системы, обеспечивающий целенаправленное формирование и развитие личности обучающегося на различных уровнях образования, включая профессиональную подготовку в высшей школе. Педагогические условия интерпретированы как целенаправленно сконструированный проект педагогической деятельности, ориентированный на организацию образовательного процесса и достижение конкретных результатов развития личности обучающихся. Эффективность реализации данного проекта определяется, с одной стороны, уровнем профессиональной компетентности педагога, включая его способность проектировать и реализовывать образовательные ситуации, а с другой — уровнем субъектной активности обучающихся, выражающейся в их готовности к включению в образовательную деятельность, принятию её целей и смыслов.

Таким образом, в контексте данного исследования педагогические условия целесообразно рассматривать как системно организованный, научно обоснованный комплекс педагогических воздействий и организационных характеристик образовательного процесса, направленных на развитие социальной активности студентов в процессе их профессионального становления, при обязательном учёте двустороннего характера педагогического взаимодействия и активной позиции обучающихся.

Исходя из данного понимания педагогических условий, их содержательное наполнение в рамках настоящего исследования связано с организацией таких форм и видов образовательной деятельности, которые обеспечивают не только усвоение профессиональных знаний, но и развитие субъектной позиции студентов, расширение их опыта социального взаимодействия и формирование устойчивой внутренней мотивации. В этом контексте принципиальное значение приобретает не изолированное использование отдельных педагогических средств, а их системная интеграция в образовательный процесс, ориентированная на достижение личностно и профессионально значимых результатов.

Результаты, представленные в научных статьях В.В. Шипицыной, Ю.А. Баландиной, Е.В. Чагановой [11], а также И.В. Быковой, Е.С. Зябловой и Е.В. Удовенко [2], позволяют уточнить, какие именно характеристики образовательной деятельности обладают наибольшим потенциалом в развитии социальной активности студентов. Существенным является включение обучающихся в такие формы работы, которые предполагают самостоятельный поиск, осмысление и интерпретацию информации, а также представление результатов собственной деятельности в профессионально ориентированной среде. В данном случае речь идет о научно-исследовательской работе (НИР) студентов, понимаемой как особый вид учебно-профессиональной деятельности, связанный с постановкой исследовательской задачи, анализом научных источников, сбором и обработкой данных, формулированием выводов и публичной репрезентацией полученных результатов.

Участие студентов в НИР создает условия для развития самостоятельности, инициативности, ответственности за результаты собственной деятельности, навыков аргументации и публичного представления своей позиции. Одновременно формируется опыт научной коммуникации, взаимодействия с преподавателями, научными руководителями, другими студентами и профессиональным сообществом в целом. Именно в процессе представления результатов НИР студент осваивает нормы академического и профессионального общения, учится отстаивать результаты собственной работы, воспринимать критику, соотносить индивидуальные достижения с коллективными задачами и включаться в совместную деятельность. Как следствие, научно-исследовательская работа приобретает значение не только средства интеллектуального и профессионального развития, но и фактора повышения социальной активности студентов в процессе профессионального становления.

Следовательно, включённость студентов в научно-исследовательскую работу является первым организационно-педагогическим условием развития социальной активности в процессе профессионального становления.

Вместе с тем проведённый анализ позволяет утверждать, что данное условие не является единственным, обеспечивающим развитие социальной активности студентов. Так, в научной статье Ю.В. Мальковой, Е.М.Кот, О.С. Горбуновой, И.Ф. Пильниковой и С.В.Петряковой [5] выявляется значимость организации деятельности, ориентированной на решение практико-ориентированных задач в ситуациях, моделирующих реальные условия будущей профессиональной деятельности. В отличие от традиционного обучения, проектная деятельность строится на принципах самостоятельности, междисциплинарности и коллективного взаимодействия.

Практическая реализация проектной деятельности в образовательном процессе может осуществляться в различных формах, к числу наиболее распространённых относятся выполнение курсовых и выпускных проектов, участие в междисциплинарных проектных командах, разработка прикладных решений в рамках учебных дисциплин, а также участие в проектных интенсивных форматах — хакатонах, мастер-классах, проектных сессиях и конкурсах студенческих ини-

циатив. Дополнительно, согласно подходу Д.О.Нагорного и С.М. Щербакова [7], проектная деятельность может быть интегрирована в практическую подготовку студентов через учебную и производственную практику, выполнение индивидуальных заданий, ориентированных на решение реальных задач организаций и предприятий.

Участие студентов в проектной деятельности создает условия для формирования ключевых компонентов социальной активности. Во-первых, происходит развитие коммуникативных навыков и опыта взаимодействия в группе, поскольку проект предполагает распределение ролей, согласование решений и коллективную ответственность за результат. Во-вторых, формируется инициативность и способность к принятию решений в условиях неопределенности, так как проектная работа требует самостоятельного поиска решений и оценки альтернатив. В-третьих, развивается ответственность за результат деятельности, поскольку проект ориентирован на получение конкретного практического продукта, имеющего значимость для внешнего или внутреннего заказчика. Таким образом, вторым организационно-педагогическим условием, обеспечивающим развитие социальной активности в процессе профессионального становления, является проектная деятельность студентов.

Вместе с тем, включение студентов в различные виды научно-исследовательской работы и проектной деятельности не гарантирует их активной позиции без формирования устойчивой внутренней мотивации. К.А. Марцинкевич и П.С. Минакова [6] определяют внутреннюю мотивацию как систему побуждений, непосредственно обусловленных содержанием учебной и учебно-профессиональной деятельности, при которой активность личности определяется не внешними стимулами, а познавательным интересом, стремлением к саморазвитию и личностному росту.

В отличие от внешней мотивации, основанной на оценивании, контроле или ожиданий окружающих, внутренняя мотивация обеспечивает самостоятельную регуляцию поведения и устойчивость учебной активности, поскольку сама деятельность приобретает для студента личностный смысл. Это означает, что студент включается в образовательный процесс не формально, а осознанно, проявляя инициативу, стремление к углублению знаний и готовность к преодолению возникающих трудностей.

В соответствии с позицией Р.Т.А. Сапаты [10], отсутствие внутренней мотивации приводит к тому, что учебная деятельность воспринимается как внешне заданная и обязательная. Как результат, приоритетом студентов становится ориентация на выполнение требований, а не на осмысленное освоение содержания учебных задач. В таких условиях участие студентов в различных формах активности носит формальный характер и не сопровождается развитием их субъектной позиции и социальной активности. В этой связи особую значимость приобретает целенаправленное стимулирование учебной деятельности, предполагающее создание таких педагогических условий, при которых студент осознает ценность приобретаемых знаний, видит их связь с будущей профессиональной деятельностью, испытывает удовлетворение от процесса обучения и стремится к самореализации.

Третьим организационно-педагогическим условием развития социальной активности студентов в процессе профессионального становления является целенаправленное стимулирование учебной активности, обеспечивая переход от внешне обусловленного участия в образовательном процессе к осознанной, инициативной и социально значимой деятельности.

Проведённый анализ позволяет обосновать, что развитие социальной активности студентов в процессе профессионального становления обеспечивается совокупностью взаимосвязанных организационно-педагогических условий, включающих включённость в научно-исследовательскую деятельность, использование проектных форм обучения и целенаправленное стимулирование учебной активности. Их комплексная реализация формирует основу для развития субъектной позиции студента и его готовности к активной профессиональной и социальной деятельности.

Заключение

В результате исследования выявлены и теоретически обоснованы организационно-педагогические условия развития социальной

активности студентов в процессе профессионального становления. К числу таких условий отнесены: включённость студентов в научно-исследовательскую работу, обеспечивающую формирование исследовательской позиции, опыт профессиональной коммуникации и ответственности за результаты деятельности; использование проектной деятельности, способствующее развитию инициативности, навыков взаимодействия и способности к принятию решений в условиях неопределённости; а также целенаправленное стимулирование учебной деятельности, нацеленное на формирование внутренней мотивации как основы устойчивой и осмысленной активности студентов. Реализация указанных организационно-педагогических условий обеспечивает переход от репродуктивной модели обучения к деятельностной, в рамках которой студент выступает как субъект образовательного и социального взаимодействия.

Особое значение в рамках исследования приобретает анализ взаимосвязи выделенных организационно-педагогических условий. Установлено, что само по себе включение студентов в научно-исследовательскую и проектную деятельность не обеспечивает автоматического повышения их социальной активности в процессе профессионального становления. При отсутствии внутренней мотивации участие обучающихся в данных видах деятельности приобретает формальный характер, не сопровождается осмысленным включением в деятельность и, как следствие, не приводит к формированию субъектной позиции и социальной активности.

В этой связи внутренняя мотивация рассматривается как системообразующий и опосредующий компонент, обеспечивающий целостность и результативность реализации остальных условий. Именно внутренняя мотивация обеспечивает переход от внешне заданного участия студентов в образовательных практиках к их осознанной, инициативной и социально значимой деятельности, интегрируя научно-исследовательскую и проектную деятельность в единый процесс профессионального и личностного развития.

Литература

1. Алексеева М.С. Структура и механизмы формирования профессионально важных качеств студентов в процессе обучения в вузе // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. — 2022. — Т. 23, №1. — С. 12–16. — DOI: 10.35854/2541-8106-2022-1-12-16. EDN: HRXHLN
2. Быкова И.В., Зяблова Е.С., Удовенко Е.В. Роль студента в учебном процессе: участие в конференциях // Управление образованием: теория и практика. — 2023. — №8(66). — С. 214-222. — DOI 10.25726/k9870-5182-2931-w. EDN: SYKSHW
3. Джанхуватова З.С., Соколова А.А. Особенности формирования ценностных ориентаций современной молодежи: теоретический аспект // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. — 2023. — №4(66). — С. 39-46. DOI: 10.46845/2071-5331-2023-4-66-39-46 EDN: GQZSLN
4. Кузнецова О.И., Сильчева Л.В. Педагогические аспекты формирования социальной активности студенческой молодежи // Социально-гуманитарные технологии. — 2023. — №2(26). — С. 120-127. EDN: EUSRPZ
5. Малькова Ю.В., Кот Е.М., Горбунова О.С., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В. Совершенствование компетенций у студентов в процессе обучения // Образование и право. — 2023. — №4. — С. 327-334. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-4-327-334 EDN: EXIVVI
6. Марцинкевич К.А., Минакова П.С. Место мотивации в учебной деятельности // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — №106-1. — С. 184-188. — DOI 10.18411/trnio-02-2024-54. EDN: BJPLMB
7. Нагорный Д. О., Щербаков С. М. Проектная деятельность в вузе: особенности, проблемы, технологии управления // Информатизация в цифровой экономике. — 2021. — Т. 2, №4. — С. 167-180. — DOI 10.18334/ide.2.4.113393. EDN: LCTQFG
8. Орехова Т.Ф., Кружилина Т.В. Педагогические условия как предмет творчества и профессиональной деятельности педагога-исследователя // Преподаватель XXI век. — 2025. — №2. — Часть 1. — С. 46–57. — DOI: 10.31862/2073-9613-2025-2-46-57. EDN: LHQVJC
9. Редькина Г.В., Романова Ю.В. Проблемы профессионального воспитания в системе подготовки молодых специалистов // Проблемы общественных наук в России и за рубежом: история и современность: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции / под ред. И.А. Загайнова, О.Г. Купцовой. — Йошкар-Ола: Межрегиональный открытый социальный институт, 2022. — С. 274-278. EDN: RCQCLF
10. Сапата Р.Т.А. Мотивация в обучении студентов в современном образовательном процессе // Казачество. — 2024. — №75(2). — С. 198-203. EDN: WOQVZQ
11. Шипицына В.В., Баландина Ю.А., Чаганова Е.В. Развитие личности студента вуза в процессе самостоятельной учебной деятельности // Медицинское образование сегодня. — 2023. — №4(24). — С. 62-69. EDN: HSSHNY

INTEGRATIVE METHODOLOGY FOR TEACHING LOCALIZATION IN THE TRANSLATION OF JAPANESE MANGA TEXTS

Aleksandrov Kirill Alekseevich, *teacher, Institute of Foreign Languages, The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia)*

This article presents the theoretical underpinnings of the developed methodology for teaching localization in the translation of Japanese manga texts and the results of a pilot study. The aim of the study is to describe and test the developed integrative methodology for localizing Japanese manga texts in translation instruction, as well as to analyze the results of its application in educational practice. The scientific novelty of the study lies in the development and pilot testing of a methodology that combines competency-based, personal-activity-based, sociocultural, cognitive, discursive, and ecocognitive approaches to teaching manga localization, and in assessing its effectiveness in developing the knowledge, skills, and personal qualities necessary for future translators. As a result, an integrative modular methodology for teaching future translators the localization of Japanese manga texts has been proposed and tested.

Keywords: *integrative approach; localization training; Japanese manga texts; translator-localizer; integrative methodology; modern education; polycode texts.*

EDN: RZZBLS ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.48***

Цитировать: *Александров К.А. Интегративная методика обучения локализации при переводе японских текстов «манга» // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 347-354. EDN: RZZBLS. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.48*

ИНТЕГРАТИВНАЯ МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЯПОНСКИХ ТЕКСТОВ «МАНГА»

УДК 378
5.8.2

© Александров К.А., 2026

В рамках статьи описаны теоретические обоснования разработанной методики обучения локализации при переводе японских текстов «манга» и результаты опытного обучения. Цель исследования заключается в описании и апробации разработанной интегративной методики локализации японских текстов «манга» в процессе обучения переводу, а также в анализе результатов её применения в образовательной практике. Научная новизна исследования состоит в разработке и опытной проверке методики, объединяющей компетентностный, личностно-деятельностный, социокультурный, когнитивный, дискурсивный и экокогнитивный подходы при обучении локализации текстов «манга», и в оценке её эффективности с точки зрения формирования необходимых для будущих переводчиков знаний, умений и личностных качеств. В результате предложена и апробирована интегративная модульная методика обучения будущих переводчиков локализации при переводе японских текстов «манга».

Ключевые слова: *интегративный подход; обучение локализации; японские тексты «манга»; переводчик-локализатор; интегративная методика обучения; современное образование; поликодовые тексты.*

АЛЕКСАНДРОВ Кирилл Алексеевич,
педагог дополнительного образования, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), Москва (Россия)
SPIN-код: 8924-9947
ORCID: 0000-0002-2000-4119

Введение

В условиях глобализации и интенсивного межкультурного обмена локализация становится одним из ключевых направлений профессиональной деятельности переводчика. Современный перевод всё чаще выходит за рамки исключительно лингвистического преобразования текста и предполагает комплексную адаптацию продукта с учётом социокультурных ожиданий целевой аудитории. В этой связи особую значимость приобретает подготовка переводчиков, способных эффективно работать с поликодовыми текстами, в которых вербальные элементы неразрывно связаны с визуальным и культурным контекстом [1, с. 321].

Будучи этнокультурно специфическим жанром графической литературы, японские тексты «манга» представляют собой письменный текст, изобразительные элементы, ономатопею, особенности японской системы письма, вариативность речевых регистров и многочис-

ленные социокультурные коды. Указанные особенности существенно осложняют как понимание и интерпретацию исходного текста, так и его последующую передачу на языке перевода, что делает тексты «манга» сложным, но в то же время методически ценным материалом обучения локализации [2, с. 1804].

Актуальность исследования обусловлена существующим противоречием между возросшим спросом на качественную локализацию японских текстов «манга» для русскоязычной аудитории и недостаточной разработанностью методик обучения локализации данных текстов в рамках подготовки переводчиков. Несмотря на растущий интерес исследователей к проблемам перевода и адаптации «манга», а также к использованию данных текстов в языковом и переводческом обучении, вопросы формирования компетентности переводчиков-локализаторов на материале «манга» остаются недостаточно систематизированными [2].

Современные исследования в области переводоведения и лингводидактики подчёркивают продуктивность интегративного подхода к обучению переводу, предполагающего рассмотрение переводческой деятельности как целостного процесса — от анализа исходного текста и условий коммуникации до создания функционально эквивалентного и культурно адаптированного продукта [7]. Однако применительно к обучению локализации японских текстов «манга» данный подход пока не получил достаточного обоснования и методического описания, включая анализ результатов обучения.

Для достижения поставленной в работе цели необходимо было решить следующие задачи: 1) разработать модульную структуру интегративной методики обучения локализации при переводе японских текстов «манга»; 2) провести апробацию разработанной методики; 3) оценить эффективность методики на основе анализа результатов обучения.

В качестве методов исследования применялись анализ и обобщение научных трудов отечественных и зарубежных исследователей в области переводоведения, лингводидактики, поликодового дискурса; моделирование, использованное при разработке структуры интегративной методики обучения локализации при переводе японских текстов «манга» и выделении её основных компонентов (личностный, предметный и контекстный); дискурсивный анализ текстов «манга», рассматриваемых как поликодовые тексты, который позволил выявить социокультурные, прагматические и экстралингвистические элементы, оказывающие влияние на процесс перевода и локализации, а также определить типичные переводческие трудности, возникающие у обучающихся при работе с данным жанром; опытное обучение, направленное на апробацию разработанной интегративной методики обучения переводу и локализации японских текстов «манга», качественную и количественную оценку переводческих решений по заранее определённым критериям.

Материалом для исследования послужили аутентичные тексты «манга» на языке оригинала, профессиональный стандарт «Специалист в области перевода» министерства труда и социальной защиты РФ, ФГОС ВО Перевод и переводоведение.

Теоретической базой выступили исследования в области интегративного подхода к обучению переводу (Е.Р. Поршнева, А.В. Козуляев, Н.Н. Гавриленко), компетентностного (И.А. Зимняя, В.В. Липатова, А.В. Литвинов), личностно-деятельностного подхода (А.А. Вербицкий, Л.С. Выготский, И.А. Зимняя), социокультурного (И.И. Халеева, В.С. Сафонова, М.П. Брандес), когнитивного (А.Н. Щукин, Е.И. Пассов, М.В. Ляховицкий), дискурсивного (Н.Н. Гавриленко, С.К. Гураль) и экогонитивного подходов (Е.В. Чистова, В.Н. Карпухина, Д.В. Валько, Д.В. Соломко), модульной технологии обучения (Г.В. Лаврентьев, В.М. Монахов), положения дидактики переводческой деятельности (Н.Н. Гавриленко, И.В. Волкова, Е.Р. Поршнева, Л.П. Тарнаева, Т.А. Дмитренко).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования предложенной методики и полученных результатов при разработке учебных курсов, учебно-методических пособий и практико-ориентированных заданий по обучению переводу и локализации японских поликодовых текстов, в частности, текстов «манга».

Содержание разработанной методики обучения локализации

Цель разрабатываемой методики заключается в формировании у обучающихся

знаний, умений и личностных качеств, необходимых для осуществления перевода и локализации японских текстов «манга». В рамках данной методики приоритет отводится подготовке специалистов, обладающих следующим перечнем знаний, умений и личностных качеств [2, с. 1807-1808] (табл. 1).

Таблица 1 — **Знания, умения и личностные качества переводчика-локализатора**

Знания	Умения	Личностные качества
грамматики, лексики, синтаксиса, стилистики и других разделов исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ)	понимать и точно передавать смысл текста на разных уровнях, от отдельных слов до сложных конструкций	понимание культурных и социальных различий носителей ИЯ и ПЯ
языковых особенностей, связанных с использованием устойчивых выражений, идиом и фразеологических оборотов	понимать структуру текста, выделять его коммуникативные задачи и основные идеи	понимание особенностей и требований целевой аудитории
информационных технологий и других жанрово-специфических дисциплин и отраслей	разбираться в терминологии и специфике области для адекватной передачи смысла и точности перевода	креативное мышление
норм, традиций, культурных реалий и особенностей носителей ИЯ и ПЯ	учитывать контекст при переводе	широкий кругозор
общественного поведения рассматриваемой культуры, тенденций и предпочтений	проводить дискурсивный анализ текстов «манга» с целью обеспечения понимания и интерпретации содержащихся в них социокультурных элементов и выработки подходящей стратегии перевода и адаптации	
особенностей текстов «манга» как жанра поликодового дискурса	переводить на ПЯ и адаптировать для принимающей целевой аудитории социо-культурно и лингвистически специфические элементы в текстах «манга», в частности игру слов и юмор, ономатопею, особенности стиля речи и категории вежливости	
	производить творческую трансформацию экстралингвистических и визуальных элементы в текстах «манга» в соответствии с ожиданиями целевой аудитории работать в команде	

Важное значение для разрабатываемой методики приобретают надпрофессиональные умения, понимаемые как совокупность универсальных знаний, умений и личностных качеств, обеспечивающих эффективность профессиональной деятельности вне зависимости от конкретной специализации [3]. К числу таких умений, релевантных деятельности переводчика-локализатора, относятся мультиязычность и межкультурная компетентность, управление проектами и процессами, а также цифровые компетенции. Актуальность формирования данных умений обусловлена современными требованиями рынка труда, ориентированного на специалистов, обладающих комплексной профессиональной компетентностью на этапе завершения обучения [9].

Именно интегративный подход к обучению локализации позволяет сформировать у студентов комплексную профессиональную компетентность [1, с. 321]. Применение данного подхода обусловливает также необходимость применения в разрабатываемой методике следующих *методических подходов*:

— применение компетентностного подхода к обучению локализации позволяет уточнить структуру профессиональной подготовки переводчика и определить компоненты компетентности, требующие целенаправленного формирования;

— личностно-деятельностный подход обеспечивает формирование профессионально значимых личностных качеств переводчика-локализатора, включая мотивацию, рефлексию, самостоятельность, креативность и готовность к деятельности в условиях неопределённости. Применение данного подхода к обучению локализации обосновано спецификой деятельности, ориентированной на передачу прагматического эффекта текста для новой целевой аудитории, а также необходимостью активного включения обучающихся в решение практико-ориентированных задач. Использование текстов «манга» как учебного материала способствует повышению учебной

мотивации и созданию условий для самостоятельного освоения социокультурных и жанровых особенностей локализуемых текстов;

— социокультурный подход обусловливает целесообразность использования текстов «манга» при обучении локализации, поскольку данные тексты содержат значительное количество социокультурных элементов, требующих адаптации с учётом особенностей целевой культуры. Применение данного подхода обеспечивает формирование у обучающихся умений анализа и интерпретации культурно обусловленных элементов текста, что является необходимым условием качественной локализации произведений, ориентированных на иную целевую аудиторию;

— когнитивный подход обеспечивает целенаправленное развитие мыслительных процессов, задействованных в понимании и интерпретации исходного текста, выборе переводческой стратегии и реализации локализации. Его применение в обучении способствует формированию профессионального мышления переводчика-локализатора, развитию памяти и способности к осознанному усвоению новых знаний с учётом индивидуальных особенностей обучающихся. В сочетании с социокультурным подходом он позволяет формировать умения интерпретации культурно обусловленных концептов и прогнозирования реакции целевой аудитории, что является необходимым условием успешной локализации текстов «манга»;

— дискурсивный подход обеспечивает формирование у обучающихся умений комплексного анализа текстов «манга» в социальном, культурном и коммуникативном контексте, выходящего за рамки их лингвистической структуры;

— экокогнитивный подход позволяет рассматривать локализацию как деятельность в открытой когнитивной системе, где специалист взаимодействует с цифровыми инструментами и другими участниками проекта. Интеграция этого принципа в обучение позволяет сформировать у будущих переводчиков креативное мышление и умение адаптироваться к изменениям, необходимые для работы в технологически насыщенной среде.

В результате анализа дидактических, методических и частных принципов обучения, были выделены основные принципы обучения локализации при переводе японских текстов «манга»:

— дидактические — цифровой грамотности, профессиональной ориентированности, сознательности и активности, наглядности, систематичности и последовательности;

— методические — коммуникативной направленности, интегративности и междисциплинарности;

— частные — межкультурной адаптации, мультимодальности, многоуровневого анализа текста.

Применение вышеперечисленных принципов позволило сформировать необходимые для будущих переводчиков-локализаторов текстов «манга» знания и умения, которые были распределены по трем ключевым *компонентам содержания* разрабатываемой методики:

— личностный — знания, умения и профессионально важные качества, составляющие портрет переводчика-локализатора;

— предметный — специфика текстов «манга» как поликодовых текстов и необходимые для их перевода и адаптации знания и умения;

— контекстный — экстралингвистические факторы, включая анализ целевой аудитории, типовых коммуникативных ситуаций и доступных технологических ресурсов [1, с. 1805].

Подобная целостная структура обеспечивает системное и иерархическое освоение всех необходимых этапов обучения (табл. 2).

Таблица 2 — **Поэтапная структура обучения локализации при переводе японских текстов «манга»**

Этап	Модуль и задача
Профессионально-ориентирующий	•Модуль I – формирование мотивации, понимания базовых понятий локализации, понимание специфики профессии переводчика-локализатора; •Модуль II – формирование понимания базовых понятий, связанных с текстами «манга» и их особенностей как жанра поликодового дискурса.
Аналитический	•Модуль III – развитие умений переводческого анализа исходного текста «манга» с учетом его поликодовой природы; •Модуль IV – развитие умений переводческого анализа исходного текста «манга» с учетом социокультурного контекста для выработки стратегии локализации.

Продолжение табл. 2

Этап	Модуль и задача
Синтезирующий	•Модуль V – формирование умений создания локализованного текста «манга» с использованием различных стратегий адаптации и транскреации (творческой трансформации) при работе с социокультурными элементами; •Модуль VI – формирование умений создания локализованного текста «манга» с акцентом на работу с техническими аспектами.
Корректирующий	•Модуль VII – обучение самостоятельной проверке и редактированию созданных на ПЯ текстов; •Модуль VIII – обеспечение рефлексии результата собственной практической деятельности учащегося.

В свою очередь, поэтапное обучение позволяет применить модульную технологию, в основе которой лежит личностно-деятельностный подход (И.А. Зимняя, А.Н. Леонтьев и др.), концепция развивающего обучения (Л.С. Выготский, Л.В. Занков и др.) и ориентация на взрослого обучаемого (М.С. Ноулз, А.А. Вербицкий и др.). За основу была взята последовательность обучения профессиональной деятельности переводчика [5]. В каждом из этапов обучения были разработаны по два модуля, каждый из которых решает определенную задачу.

Для достижения задач каждого модуля, предлагается использовать следующие *методы и приемы* обучения:

— смешанное обучение — интеграция цифровых и традиционных технологий, сочетание онлайн-лекций и очных занятий, что обеспечивает гибкость образовательной среды, повышает цифровую грамотность и может применяться на всех этапах обучения [6; 8; 11];

— интерактивные мультимедийные технологии — использование профессиональных графических редакторов (Clip Studio Paint, MediBang Paint, Adobe Photoshop) для непосредственной интеграции теста перевода в цифровую версию «манга», что способствует формированию умений локализации и цифровой компетентности;

— кейсовый метод — анализ и решение конкретных профессиональных ситуаций. На примере фрагментов «манга» и официальных локализаций обучающиеся сравнивают стратегии перевода, что развивает мотивацию и профессиональные компетенции [4; 12; 14];

— задачно-ориентированный метод — последовательное выполнение реальных языковых и переводческих задач, что дополняет кейсовый метод и обеспечивает поэтапное овладение процессом локализации, от понимания текста до его полной адаптации [13; 18; 19; 20; 21];

— геймификация — внедрение игровых элементов (баллы, уровни, рейтинги) для моделирования коммуникативных ситуаций и закрепления переводческих приемов [15; 16]. В рамках локализации «манга» метод может реализовываться через конкурсы на лучшее переводческое решение или адаптацию социокультурных концептов;

— проектно-ориентированный метод — организация учебного процесса через выполнение проектов, моделирующих профессиональные задачи. В локализации это предполагает поэтапное создание перевода главы «манга», распределение ролей, сбор информации, подготовку продукта, защиту и рефлексию. Метод применяется на завершающем этапе обучения для оценки освоения программы [10; 17];

— работа в малых группах — дискуссии в небольших группах способствуют развитию коммуникативных и управленческих навыков, а также подготовке к выполнению итогового проекта.

Для выполнения задач на каждом из модулей, обучение предлагается организовать по следующей структуре: задача модуля → алгоритм решения поставленной задачи (мини-лекция) → практические упражнения и задания→ консультация и рекомендации → итоговый контроль.

Результаты опытного обучения

С целью проверки эффективности разработанной методики обучения локализации при переводе японских текстов «манга» было проведено опытное обучение на базе Института иностранных языков Российского университета дружбы народов (ИИЯ РУДН), участие в котором приняли студенты третьего и четвертого курсов дневного отделения направления «Лингвистика» профиля «Перевод и переводоведения», изучающие японский язык как второй иностранный, а также студенты третьего года обучения по программе

дополнительного образования «Переводчик. Японский язык» Центра дополнительного образования (ЦДО) ИИЯ РУДН. Всего в опытном обучении приняли участие 66 человек.

Для реализации методики обучения использовалась отечественная образовательная платформа Stepik, обеспечившая интеграцию основного учебного процесса с изучением специализированного курса. Формат обучения обеспечивал индивидуальный темп освоения материала, удобство прикрепления изображений для заданий по адаптации визуальных и экстралингвистических элементов «манга», а преподавателю позволял контролировать усвоение курса и выявлять проблемные этапы на основе статистики времени прохождения модулей. Эффективность методики оценивалась по результатам выполнения обучающимися итогового проекта в малых группах по проведению дискурсивного анализа и полной локализации предложенной главы «манга», по критериям, в основу которых легла разработанная последовательность дискурсивного анализа текстов «манга» [2, с. 1805] (табл. 3).

Таблица 3 — **Критерии оценки итогового проекта**

№	Критерий оценки	Кол-во баллов
1	Проведен анализ темы и подтем произведения	1
2	Выделены цели и коммуникативные функции произведения	2
3	Определен формат и целевая аудитория произведения	1
4	Выявлены авторские характеристики, способные повлиять на условия создания произведения	1
5	Проведен анализ логико-смысловой структуры произведения	1
6	Выделены выделение социально-, культурно- и лингвистически специфические элементы произведения	3
7	Проведен анализ экстралингвистических (визуальных) элементов	1
8	Определены приемы и стратегия перевода и адаптации выделенных элементов	10
9	Переведены и адаптированы социально-, культурно- и лингвистически специфические элементы произведения	20
10	Проведена адаптация экстралингвистических элементов	10
Итого		50

По окончании итогового проекта были получены следующие результаты (табл. 4).

Результаты опытного обучения показывают, что последовательный процесс обучения локализации при переводе текстов «манга» способствует постепенному и целостному освоению необходимых знаний и умений, а применение поэтапного подхода и модульной технологии в обучении по разработанной методике значительно повышает мотивацию студентов к обучению и формировании необходимых для локализации знаний и умений.

Таблица 4 — **Баллы по группам за итоговый проект**

Критерий №	Группа «А»	Группа «Б»	Группа «В»
1	1	1	1
2	2	2	1
3	1	1	1
4	1	0	1
5	1	1	0
6	2	3	3
7	1	1	1
8	9	8	6
9	14	18	12
10	7	10	3
Итого	39	45	29

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

— применение интегративного подхода в сочетании с компетентностным, личностно-деятельностным, социокультурным, когнитивным, дискурсивным и экокогнитивным подходами в обучении локализации по разработанной методике позволило в ходе опытного обучения сформировать у студентов совокупность знаний, умений и личностных качеств, необходимых для осуществления локализации японских текстов «манга» на русский язык;

— благодаря поэтапной структуре разработанной методики и применению модульной технологии обучение носило системный и последовательный характер, что способствовало осознанному усвоению теоретических положений и их практической реализации в процессе выполнения профессионально ориентированных заданий;

— использование описанных в статье методов обучения, ориентированных на активную и самостоятельную деятельность обучающихся, положительно сказалось на уровне учебной мотивации, развитии рефлексии и формировании умений командной работы, что имеет принципиальное значение для подготовки переводчиков-локализаторов;

— результаты опытного обучения подтверждают эффективность разработанной методики формирования у обучающихся умений дискурсивного анализа текстов «манга», выбора адекватной стратегии перевода и локализации, а также развития способности адаптировать социокультурно и визуально обусловленные элементы с учётом особенностей целевой аудитории;

— полученные данные позволяют говорить о целесообразности включения текстов «манга» в образовательный процесс как методически ценного материала для обучения локализации поликодовых текстов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы и проведением многоэтапных экспериментальных исследований с участием обучающихся различных уровней подготовки, что позволит уточнить воспроизводимость и универсальность разработанной методики. Представляется целесообразным дальнейшее уточнение критериев оценки качества локализации с учётом жанровых особенностей текстов «манга» и характеристик целевой аудитории, а также адаптация методики для обучения локализации других типов поликодовых и аудиовизуальных текстов. Отдельным направлением дальнейших исследований может стать анализ возможностей интеграции цифровых инструментов локализации в образовательный процесс с позиций экокогнитивного подхода.

Литература

1. Александров К.А. Локализация в процессе подготовки современного переводчика / К.А. Александров // KANT. — 2025a. — № 2(55). — С. 318-322.
2. Александров К.А. Потенциал использования японских текстов «манга» в обучении локализации будущих переводчиков / К.А. Александров // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2025b. — Т. 10, №11. — С. 1803-1810.
3. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. — М.: Интеллектуальная Литература, 2020. — 456 с.
4. Воробьева О.В. Внедрение кейс-метода в обучение английскому языку в вузе / О.В. Воробьева // Гуманитарный научный журнал. — 2015. — №1. — С. 30-31.
5. Гавриленко Н.Н. Основы дидактики переводческой деятельности: специальный/отраслевой перевод: монография. — М.: ФЛИНТА, 2021. — 560 с.
6. Каракозов С.Д. Смешанное обучение в педагогическом вузе: из опыта МПГУ / С.Д. Каракозов, В.Г. Маняхина // Информатика и образование. — 2017. — №8(287). — С. 7-11.
7. Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / А.В. Козуляев. — М., 2019. — 234 с.
8. Колосова Н.Н. Смешанное обучение в системе высшего педагогического образования // Проблемы современного педагогического образования. — 2021. — №70(2). — С. 102-104.
9. Куликов Н.Ю. Подготовка переводчика подкованного: опыт базовой кафедры/ Н.Ю. Куликов, М.В. Берендяев, Е.С. Коканова // DIDACTICA TRANSLATORICA. — 2024. — №1. — С. 19-21.
10. Куприянчик Т.В. Проектно-ориентированное обучение в контексте преподавания иностранного языка для специальных целей / Т.В. Куприянчик, Н.А. Ермякина // Современные наукоемкие технологии. — 2021. — №7. — С. 136-142.
11. Ломоносова Н.В. Система смешанного обучения в условиях информационного обеспечения высшего образования: автореф. дис. … канд. пед. наук. / Н.В. Ломоносова. — М., 2019. — 28 с.
12. Лукина Н.А. Практико-ориентированный подход в обучении иностранным языкам будущих инженеров-строителей с использованием кейс-технологии / Н.А. Лукина // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — №6(85). — С. 216-218.
13. Сорокина С.Г. Задача-ориентированный подход в обучении английскому языку: опыт подготовки к собеседованию / С.Г. Сорокина // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 102-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2023 г. — Минск: БГУ, 2023. — С. 139-145.
14. Степанова М.М. Применение метода кейсов в обучении устному переводу / М.М. Степанова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2018 — № 4. — С. 162-171.
15. Царев Р.Ю. Применение Kahoot! При геймификации в образовании / Р.Ю. Царев // International Journal of Advanced Studies. — 2017. — Т. 7, №1. — С. 9-17.
16. Чеботарева И.Н. Геймификация как новая образовательная технология в современном высшем образовании / И.Н. Чеботарева, Д.О. Чистилина, А.В. Лясковец // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. — 2023. — №13(1). — С. 136-148.
17. Швец И.М. Проектно-ориентированное обучение как инструмент формирования и развития исследовательских навыков студентов-биологов / И.М. Швец, Дятлова К.Д., Ю.В. Синицына, И.В. Стручкова, И.А. Колпаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2021. — №2(62). — С. 152-160.

18. Gonzalez-Lloret M. Technology and Task-Based Language Teaching / M. Gonzalez-Lloret // Language, Education and Technology. — 2017. — P. 193-205.
19. Levina E.A. Using a role-playing game as a practice-oriented task in teaching a foreign language in a pedagogical university / E.A. Levina, L.A. Lazutova // Philological science. Questions of theory and practice. — 2018. — №8(86). — P. 207-210.
20. Llena A.C. Communicative Language Teaching in Selected Students: Basis for Proposed Use of Task Based Learning Approach in Developing Speaking Skills / A.C. Llena, W.H.G. Maravilla, J.B. Maming // International Journal of Multidisciplinary: Applied Business and Education Research. — 2022. — Vol. 3, №11. — P. 2185-2190.
21. Suleimanova O.A. Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices / O.A. Suleimanova // Training, Language and Culture. — 2020. — Vol. 4, №4. — P. 39-50.

DEVELOPMENT OF RESEARCH COMPETENCIES OF STUDENTS OF DEPARTMENTAL EDUCATION BY MEANS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Andreeva Antonina Andreevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Institute of Energy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg (Russia)*

The article examines the development of research competencies among participants of continuing professional education (CPE) programs in the context of using artificial intelligence (AI) technologies. The aim of the study is to identify the nature of transformations in learners' research activity when AI is integrated into key stages of academic work. The empirical basis of the study is the author's professional development program "Artificial Intelligence in Research", implemented at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, within which multi-level tasks were designed to engage participants in authentic research activities. The analysis of educational artifacts revealed differences in learners' levels of autonomy and patterns of AI use. The scientific novelty of the study lies in the operationalization of research competencies through the analysis of learners' outputs and in substantiating the role of AI as a factor transforming the structure of research activity. The results demonstrate that the transition from instrumental use of AI to its conscious and critical application is associated with increased autonomy and depth of research activity. The article proposes practical approaches to designing tasks aimed at developing research competencies within CPE programs.

Keywords: *artificial intelligence; research competencies; continuing professional education; instructional design.*

EDN: SYWUFW ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.49***

Цитировать: *Андреева А.А. Развитие исследовательских компетенций слушателей ДПО средствами искусственного интеллекта // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 355-361. EDN: SYWUFW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.49*

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СЛУШАТЕЛЕЙ ДПО СРЕДСТВАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

УДК 378
5.8.7

© Андреева А.А., 2026

Статья посвящена анализу особенностей развития исследовательских компетенций слушателей программ дополнительного профессионального образования (ДПО) в условиях использования технологий искусственного интеллекта (ИИ). Цель анализа — выявить характер трансформации исследовательской деятельности обучающихся при включении ИИ в выполнение ключевых этапов научной работы. В качестве эмпирической базы выступает авторская программа повышения квалификации «Искусственный интеллект в научной работе», реализованная в СПбПУ Петра Великого, в рамках которой были разработаны многоуровневые задания, направленные на выполнение реальных исследовательских задач. Анализ образовательных артефактов позволил выявить различия в уровне автономности обучающихся и характере использования ИИ. Научная новизна исследования заключается в операционализации исследовательских компетенций через анализ продуктов деятельности и в обосновании роли ИИ как фактора трансформации структуры исследовательской деятельности. Результаты исследования демонстрируют, что переход от инструментального использования ИИ к его осознанному применению связан с ростом автономности и глубины исследовательской деятельности. В статье предложены практические подходы к проектированию заданий, направленных на развитие исследовательских компетенций в системе ДПО.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; исследовательские компетенции; дополнительное профессиональное образование; педагогический дизайн.*

АНДРЕЕВА Антонина Андреевна, *кандидат педагогических наук, доцент, Институт энергетики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург (Россия)*

Введение

Современная система дополнительного профессионального образования (ДПО) развивается в условиях цифровой трансформации, что обусловливает необходимость интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ)

в образовательный процесс. При этом, как подчеркивается в рекомендациях UNESCO, использование генеративного ИИ в образовании требует сохранения человеческой ответственности за результаты интеллектуальной деятельности и выстраивания этически обоснованных практик его применения [7]. Это смещает фокус с технологического освоения инструментов на педагогическое переосмысление их роли в обучении и исследовательской деятельности.

В отличие от предыдущих этапов цифровизации (электронные базы данных, электронные библиотеки, системы управления обучением, онлайн-курсы и пр.) современные ИИ-системы включаются непосредственно в процессы анализа, интерпретации и генерации научного знания. Это трансформирует структуру исследовательской деятельности обучающихся. Как отмечают П.В. Сысоев и Е.М. Филатов, вопрос использования ИИ в научной работе студентов сегодня формулируется не в логике запрета, а в логике обучения осознанному и критическому применению технологий [1]. В более поздней работе П.В. Сысоев и М.Н. Евстигнеев подчеркивают, что ИИ может выступать эффективным инструментом поддержки исследовательской деятельности при условии развития у обучающихся навыков критической оценки и верификации результатов [2].

В зарубежном научном дискурсе исследовательские компетенции рассматриваются как комплексная система знаний, умений и навыков, разворачивающихся на континууме автономности обучающегося от выполнения заданий по инструкции к самостоятельной постановке и решению исследовательских задач. В рамках модели «*Research Skill Development*» Дж. Уиллисона исследование трактуется как активный процесс поиска и конструирования нового знания, включающий такие фасеты, как постановка проблемы, поиск информации, оценка источников и рефлексия результатов [9]. При этом информационная грамотность, согласно рамке Association of College and Research Libraries, понимается как способность осуществлять «поиск как стратегическое исследование» и «исследование как итеративный процесс уточнения вопросов» [3], что напрямую соотносится с задачами научной работы в системе ДПО.

Одновременно с этим в исследованиях последних лет фиксируется двойственный эффект использования генеративного ИИ. С одной стороны, метаанализ Дж. Ван и В. Фан показывает, что применение ChatGPT способствует улучшению учебных результатов и развитию высших когнитивных навыков, включая аналитическое и критическое мышление [8]. С другой стороны, эмпирические исследования демонстрируют ограничения ИИ как самостоятельного исследовательского агента. Так, М. Соллини и соавторы доказывают, что при выполнении сложных научных задач, таких как написание систематического обзора, результаты, полученные с использованием больших языковых моделей, уступают работам, выполненным исследователями-людьми, в части точности, полноты и корректности интерпретации данных [6]. Ключевым ограничением генеративных моделей является феномен «галлюцинаций», подробно описанный в обзоре П. Саху и соавторов, где подчеркивается, что высокая связность текста не гарантирует его фактической достоверности и требует обязательной процедуры проверки [5]. Это усиливает значимость формирования у обучающихся навыков критической оценки источников и результатов, полученных с использованием ИИ.

В педагогическом контексте данная проблема напрямую связана с принципами педагогического дизайна. Согласно концепции конструктивного выравнивания (*constructive alignment*) Дж. Биггса, образовательный процесс должен строиться таким образом, чтобы целевые результаты обучения, виды деятельности и способы оценивания были согласованы между собой [4]. В условиях использования ИИ это означает необходимость проектирования таких заданий, которые требуют от обучающихся проявления исследовательских компетенций, а не воспроизводства сгенерированных ответов.

Несмотря на активное развитие исследований в области применения ИИ в образовании, анализ научной литературы показывает, что влияние генеративного ИИ на развитие исследовательских компетенций обучающихся в системе ДПО остается недостаточно изученным. В частности, недостаточно проработан вопрос о том, какие именно компетенции трансформируются под воздействием ИИ и

какие педагогические условия обеспечивают их развитие. Особую значимость данная проблема приобретает поскольку аудитория характеризуется высокой степенью разнородности по уровню подготовки, профессиональному опыту и исследовательской культуре. В этих условиях возникает необходимость разработки педагогических моделей, позволяющих использовать ИИ не только как инструмент оптимизации работы, но и как средство развития исследовательских компетенций.

Цель данного исследования заключается в попытке выявить особенности развития исследовательских компетенций слушателей программ ДПО в условиях использования технологий ИИ. Эмпирической основой исследования выступает авторская программа повышения квалификации «Искусственный интеллект в научной работе» [1] реализуемой в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого, в рамках которой реализованы многоуровневые практические задания, направленные на выполнение исследовательских действий с использованием ИИ. Анализ образовательных артефактов позволяет оценить трансформацию исследовательской деятельности обучающихся и выявить влияние ИИ на структуру формируемых компетенций. Научная новизна работы заключается в рассмотрении исследовательских компетенций через призму образовательных продуктов обучающихся и в обосновании роли ИИ как фактора трансформации исследовательской деятельности в системе ДПО.

Методы

Исследование реализовано в логике квазиэкспериментального педагогического дизайна, ориентированного на анализ исследовательской деятельности слушателей программ ДПО в условиях использования технологий ИИ. В отличие от традиционных подходов, основанных на оценке декларативных знаний, в настоящей работе в качестве основного объекта анализа выступают образовательные продукты обучающихся, отражающие выполнение ими реальных исследовательских задач.

Авторская программа повышения квалификации включала серию практико-ориентированных заданий, направленных на выполнение ключевых этапов исследовательской деятельности с использованием ИИ-инструментов. Ключевым элементом педагогического дизайна выступили многоуровневые задания, дифференцированные по степени сложности и самостоятельности выполнения (базовый, продвинутый, экспертный уровни):

— На базовом уровне задания были направлены на освоение базовой логики научного исследования и инструментального использования ИИ. Например, слушателям предлагалось проанализировать список победителей научных грантов за предыдущие годы с использованием ИИ-модели, выделить основные направления исследований и на основе этого сформулировать тему собственного проекта, подготовить аннотацию и перечень ключевых слов. Данный тип заданий предполагал работу по заданной структуре и использование готовых алгоритмов взаимодействия с ИИ.

— Продвинутый уровень предполагал усложнение исследовательской деятельности за счёт расширения зоны самостоятельности. Слушателям предлагалось сформулировать несколько вариантов тем исследования, провести сравнительный анализ научных источников с использованием различных ИИ-инструментов (например, Perplexity, Research Rabbit, ChatPDF), а также разработать структуру научной статьи или грантовой заявки, включающую цель, задачи, методы и ожидаемые результаты. Дополнительно вводился элемент самооценки: участники должны были использовать ИИ как «виртуального эксперта» для выявления слабых мест работы и критически оценить полученные рекомендации.

— Экспертный уровень был ориентирован на выполнение комплексной исследовательской задачи. Слушатели разрабатывали мини-проект, включающий формулировку научной проблемы, обоснование новизны, выбор методов исследования и описание ожидаемых результатов. Существенным элементом задания являлась двойная проверка: сначала с использованием ИИ-инструментов, затем посредством самосто-

[1] Программа повышения квалификации «Искусственный интеллект в научной работе» https://do.spbstu.ru/pk/povyshenie-kvalifikacii-iskusstvennyj-intelllekt-v-nauchnoj-rabote/

ятельного анализа и верификации данных. Кроме того, участники выполняли рефлексивное задание, в котором анализировали границы применимости ИИ, выявляли риски его использования и определяли зоны, требующие обязательного экспертного контроля.

Данные уровни соотнесены с континуумом автономности исследовательской деятельности, описанным в модели «Research Skill Development» [9], и отражают переход от выполнения действий по заданной инструкции к самостоятельной постановке и решению исследовательских задач (табл. 1).

Таблица 1 — **Уровни исследовательской деятельности в заданиях с использованием ИИ**

Уровень	Характер автономности (по RSD)	Роль обучающегося	Характер исследовательской деятельности	Использование ИИ
Базовый	Предписанный / частично ограниченный (Prescribed / Bounded Research)	Выполняет задания по заданной структуре	Формулирует тему и аннотацию по образцу, работает с заданными источниками, использует предложенные алгоритмы действий	Использует ИИ по заданным инструкциям (поиск, генерация текста), опирается на готовые промпты, проверка результатов минимальна
Продвинутый	Частично самостоятельный, со структурной поддержкой (Scaffolded Research)	Выбирает подходы и уточняет решения в рамках заданных параметров	Формулирует несколько вариантов темы, выстраивает структуру исследования, анализирует источники, начинает критически оценивать результаты	Использует ИИ как инструмент анализа и структурирования, варьирует промпты, частично проверяет достоверность и корректность результатов
Экспертный	Самостоятельный / открытый (Open-ended Research / приближение к Unbounded)	Сам ставит исследовательскую задачу и определяет стратегию	Формулирует проблему, новизну, цели и методы, интегрирует источники, выстраивает логически завершённое исследование	Использует ИИ как когнитивный инструмент: формулирует сложные запросы, критически оценивает результаты, проводит верификацию, осознанно ограничивает использование ИИ

Единицей анализа в исследовании выступали образовательные артефакты, созданные слушателями в процессе выполнения заданий. К таким артефактам относились: формулировки тем исследования, аннотации, элементы обзора литературы, структурированные исследовательские планы, а также тексты проектных и грантовых заявок. Дополнительно учитывались сопроводительные материалы, отражающие взаимодействие обучающихся с ИИ, включая используемые инструменты, формулировки запросов и стратегии проверки полученных результатов.

Методологическая основа анализа строилась на сочетании количественных и качественных методов. В качестве основного метода использовался контент-анализ образовательных артефактов, направленный на выявление характеристик исследовательской деятельности обучающихся. Анализ осуществлялся по ряду параметров, отражающих ключевые исследовательские компетенции: способность к навигации в научном поле, критическая оценка источников, формулирование исследовательской проблемы и гипотез, а также характер использования ИИ в исследовательской работе (табл. 2).

Для повышения объективности оценки применялась рубричная модель, позволяющая сопоставлять результаты выполнения заданий различного уровня сложности. Рубрика включала показатели, отражающие как когнитивные аспекты исследовательской деятельности (глубина анализа, логика аргументации, обоснованность выводов), так и метакогнитивные характеристики, связанные с осознанностью использования ИИ (наличие верификации, критическое отношение к результатам, самостоятельность формулировок). Дополнительно проводился сравнительный анализ образовательных артефактов, полученных на разных уровнях заданий, что позволило выявить различия в характере исследовательской деятельности и проследить связь между степенью автономности обучающихся и качеством выполняемых ими исследовательских действий. Выбранный дизайн исследования

позволяет рассматривать развитие исследовательских компетенций не как усвоение отдельных знаний, умений или навыков, а как изменение структуры исследовательской деятельности обучающихся в условиях использования ИИ.

Таблица 2 — **Развитие исследовательских компетенций на разных уровнях заданий**

Компетенция	Базовый уровень	Продвинутый уровень	Экспертный уровень
Навигация в научном поле	Использует предложенные источники и готовые подборки, ориентируется по заданным ключевым словам	Самостоятельно ищет и отбирает источники, использует несколько инструментов, сопоставляет материалы	Строит собственную стратегию поиска, работает с научными базами, выявляет исследовательские пробелы
Критическая оценка источников	Принимает информацию без глубокой проверки, ориентируется на формальные признаки	Сравнивает источники, частично оценивает достоверность, выявляет очевидные несоответствия	Проводит системную оценку источников, выявляет ограничения, проверяет данные, учитывает риски ИИ (галлюцинации)
Формулирование исследовательской проблемы и гипотезы	Формулирует тему и цель по образцу или с опорой на ИИ	Предлагает несколько вариантов темы, уточняет проблему, формулирует элементы новизны	Самостоятельно формулирует проблему, гипотезу и научную новизну, выстраивает логически связанную исследовательскую модель
Работа с ИИ как инструментом исследования	Использует ИИ по инструкции, применяет готовые промпты, не всегда проверяет результат	Адаптирует промпты под задачу, использует ИИ для анализа и структурирования, частично верифицирует ответы	Осознанно управляет взаимодействием с ИИ, проверяет и интерпретирует результаты, использует ИИ как инструмент, а не источник истины

Результаты

В исследовании приняли участие слушатели программы повышения квалификации «Искусственный интеллект в научной работе» (N = 43). Выборка характеризовалась высокой степенью разнородности: в нее вошли магистранты, кандидаты и доктора наук, а также преподаватели различных дисциплинарных областей (гуманитарные, естественнонаучные и технические направления). Это позволило рассматривать полученные результаты как отражающие особенности исследовательской деятельности в условиях междисциплинарной аудитории.

Анализ образовательных артефактов показал, что большинство слушателей (67%) выбрали базовый уровень выполнения заданий, 26% — продвинутый и лишь 7% — экспертный. Такое распределение указывает на преобладание низкого и среднего уровня автономности исследовательской деятельности, что соответствует исходной установке на использование ИИ как инструмента упрощения работы.

1. Навигация в научном поле. На базовом уровне слушатели преимущественно опирались на результаты, сгенерированные ИИ, без дополнительной верификации. В 72% работ источники либо не проверялись, либо проверка носила формальный характер. Типичная формулировка: «*Список литературы был сформирован с помощью ChatGPT, все источники выглядят релевантными теме исследования*». При переходе к продвинутому уровню наблюдается изменение стратегии: 58% слушателей использовали несколько инструментов (например, Perplexity, Research Rabbit), сопоставляли результаты и уточняли поисковые запросы. Однако только 34% работ содержали явные признаки системного поиска. На экспертном уровне фиксируется качественно иной подход: слушатели выстраивали собственную стратегию поиска, комбинируя ИИ-инструменты с научными базами данных. В отдельных работах отмечалось: «*Первичный список статей был получен через Perplexity, затем уточнен через Scopus и eLIBRARY, после чего проведена ручная проверка релевантности*».

2. Критическая оценка источников оказалась наиболее проблемной компетенцией. На базовом уровне 81% слушателей принимали информацию без анализа достоверности. В ряде случаев фиксировались признаки некритического доверия ИИ: «*Grok указал данные исследования, поэтому считаю их корректными*». На продвинутом уровне 49% слушателей предпринимали попытки сопоставления

источников, однако оценка ограничивалась внешними признаками (год, журнал, наличие DOI). Лишь 22% работ демонстрировали анализ содержания и выявление противоречий. На экспертном уровне наблюдается переход к системной верификации. Слушатели фиксировали ограничения источников и отдельно указывали риски использования ИИ: «Часть ссылок, предложенных ИИ, не подтвердилась при проверке, поэтому была исключена из анализа».

3. Формулирование исследовательской проблемы и гипотезы. На базовом уровне формулировки тем и целей носили обобщенный характер и часто воспроизводили структуру, предложенную ИИ. В 64% работ тема формулировалась без явного указания научной проблемы: «*Цель исследования — изучить возможности использования ИИ в образовании*». На продвинутом уровне слушатели предлагали несколько вариантов тем и уточняли проблемное поле. В 53% работ появлялись элементы новизны и попытки конкретизации: «*Проблема заключается в недостаточной разработанности методов интеграции ИИ в исследовательскую деятельность преподавателей*». На экспертном уровне фиксируется качественное изменение: формулировки становятся более точными, появляется логическая связка между проблемой, целью и ожидаемыми результатами. Например: «Научная проблема исследования связана с отсутствием моделей формирования исследовательских компетенций в условиях использования генеративного ИИ».

4. Работа с ИИ как инструментом исследования. На базовом уровне ИИ использовался преимущественно как генератор текста. В 76% работ применялись готовые промпты без их адаптации, а результаты не подвергались проверке. На продвинутом уровне наблюдается усложнение взаимодействия: 61% слушателей модифицировали запросы, уточняли формулировки и использовали ИИ для структурирования материала. При этом только 38% работ содержали явные признаки верификации результатов. На экспертном уровне ИИ рассматривался как вспомогательный инструмент, а не источник готовых решений. Слушатели демонстрировали осознанное управление взаимодействием с моделью: «Ответ ИИ был использован как предварительная гипотеза, после чего проведена проверка по научным источникам».

Сравнительный анализ образовательных артефактов позволил выявить общие паттерны исследовательской деятельности. Во-первых, использование ИИ существенно повышает скорость выполнения заданий, однако не гарантирует их качество. В 68% работ, выполненных на базовом уровне, фиксируется высокая формальная завершенность при недостаточной глубине анализа. Во-вторых, развитие исследовательских компетенций связано не столько с самим фактом использования ИИ, сколько с характером его применения. Слушатели, демонстрирующие более высокий уровень автономности, использовали ИИ как инструмент поддержки мышления, тогда как на базовом уровне он выполнял функцию замещения отдельных этапов работы. В-третьих, переход к более высоким уровням заданий сопровождается изменением роли ИИ: от источника готовых ответов к инструменту постановки и проверки исследовательских гипотез.

Заключение

Проведенное исследование позволяет зафиксировать, что использование технологий ИИ в системе ДПО не приводит к линейному упрощению исследовательской деятельности, а трансформирует её структуру и перераспределяет когнитивные функции между обучающимся и интеллектуальными инструментами. Анализ образовательных артефактов показал, что ключевым фактором развития исследовательских компетенций является не сам факт использования ИИ, а характер его включения в деятельность. На базовом уровне ИИ преимущественно выполняет функцию замещения отдельных этапов работы, что приводит к формальной завершённости результатов при недостаточной глубине анализа. На более высоких уровнях автономности наблюдается качественное изменение: ИИ начинает использоваться как инструмент поддержки исследовательского мышления, а не как источник готовых решений.

Полученные данные также подтверждают, что развитие исследовательских компетенций в условиях использования ИИ возможно только при соответствующем педагогическом дизайне. Многоуровневые задания, со-

отнесённые с континуумом автономности, позволяют выстроить постепенный переход от выполнения действий по инструкции к самостоятельной исследовательской деятельности. При этом ключевым условием выступает включение в задания элементов, требующих анализа, оценки и обоснования, а не воспроизведения сгенерированных ответов. ИИ выступает не фактором упрощения исследовательской деятельности, а фактором повышения требований к её качеству. В условиях доступности генеративных моделей ценность научного результата определяется не способностью получить текст, а способностью его критически оценить, интерпретировать и встроить в логическую структуру исследования. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенной модели многоуровневых заданий для проектирования образовательных программ в системе ДПО. Теоретическая значимость связана с уточнением структуры исследовательских компетенций в условиях использования ИИ и обоснованием роли педагогического дизайна как ключевого условия их развития.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы, уточнением инструментов оценки исследовательских компетенций и разработкой моделей интеграции ИИ в образовательный процесс с учётом дисциплинарной специфики и уровня подготовки обучающихся.

Литература

1. Сысоев П.В. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? / П.В. Сысоев, Е.М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 28, №2. — С. 276-301. — DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301.
2. Сысоев П.В. Использование технологий искусственного интеллекта в исследовательской работе студентов / П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2025. — Т. 28, №1. — С. 85-101. — DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-6.
3. Association of College and Research Libraries. Framework for Information Literacy for Higher Education / Association of College and Research Libraries. — Chicago: ACRL, 2016. — 18 p.
4. Biggs J. Constructive alignment in university teaching // HERDSA Review of Higher Education. — 2014. — Vol. 1. — P. 5–22.
5. Sahoo P., Singh A., Saha S., Jain V., Mondal S., Chadha A. A comprehensive survey of hallucination in large language, image, video, and audio foundation models // arXiv.org. — 2024. https://doi.org/10.48550/arXiv.2405.09589
6. Sollini M., Pini C., Lazar A., Gierlani F., Ninatti G., Bauckneht M., Chiti A., Kirienko M. Human researchers are superior to large language models in writing a medical systematic review in a comparative multitask assessment // Scientific Reports. — 2025. — Vol. 15, №1. — P. 2020. — https://doi.org/10.1038/s41598-025-28993-5
7. UNESCO. Guidance for generative AI in education and research / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. — Paris: UNESCO, 2023. — 48 p.
8. Wang J., Fan W. The effect of ChatGPT on students' learning performance, learning perception, and higher-order thinking: insights from a meta-analysis // Humanities and Social Sciences Communications. — 2025. — Vol. 12, №1. — P. 621. — https://doi.org/10.1057/s41599-025-04787-y
9. Willison J. W. Research skill development spanning higher education: critiques, curricula and connections // Journal of University Teaching and Learning Practice. — 2018. — Vol. 15, №4. — P. 1–15.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING CONCERT PERFORMING SKILLS IN DOMRA CLASSES

Arsenyeva Olga Pavlovna, *Postgraduate student, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod (Russia)*

The article examines the pedagogical conditions aimed at the formation of theoretical knowledge, skills and concert performance skills in the field of musical performance, pre-concert training, the ability to use musical expression, psychophysiological self–regulation, the development of personal qualities of a soloist — university student in the domra class.; The purpose of this article is the theoretical substantiation of pedagogical conditions, including the organization of subject-subject pedagogical interaction in a coaching format, the comprehensive development of musical expression, and the focus on creating an author's interpretation of a student's work. The article analyzes the results of a survey of domra class students on the formation of concert and performing skills, reflects the influence of pedagogical conditions on their formation during the pedagogical process. The methodological basis is based on personality-oriented, culturological and competence-based approaches. Research methods: analysis of scientific literature, questionnaires, pedagogical observation, quantitative and qualitative analysis of the results. The scientific novelty lies in the development, justification and implementation of a set of pedagogical conditions that play a key role in the development of professional competencies that allow performers to be relevant and in demand in a modern cultural environment.

Keywords: *pedagogical conditions; domra; concert performance skills; coaching; self-regulation; and concert preparation.*

EDN: TSGNVT **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.50**

Цитировать: *Арсеньева О.П. Педагогические условия формирования концертно-исполнительских навыков у студентов в классе домры // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 362-367. EDN: TSGNVT. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.50*

УДК 378
5.8.2

© Арсеньева О.П., 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕРТНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ В КЛАССЕ ДОМРЫ

АРСЕНЬЕВА Ольга Павловна, *аспирантка, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород (Россия)*

В статье рассматриваются педагогические условия, направленные на формирование теоретических знаний, умений и концертно-исполнительских навыков в сфере музыкального исполнительства, предконцертной подготовки, способности применения средств музыкальной выразительности, психофизиологической саморегуляции, развитость личностных качеств солиста — студента вуза в классе домры. Целью исследования является теоретическое обоснование педагогических условий, включающих организацию субъект-субъектного педагогического взаимодействия в коучинговом формате, комплексное освоение средств музыкальной выразительности, ориентацию на создание авторской интерпретации исполняемого произведения студентом. В статье проанализированы результаты анкетирования студентов класса домры по сформированности концертно-исполнительских навыков, отражено, влияние педагогических условий на их становление во время педагогического процесса. Методологическую основу составляют личностно-ориентированный, культурологический и компетентностный подходы. Научная новизна заключается в разработке, обосновании и внедрении комплекса педагогических условий, которые играют ключевую роль в становлении профессиональных компетенций, позволяющих исполнителю быть актуальным и востребованным в условиях современной культурной среды.

Ключевые слова: *педагогические условия; домра; концертно-исполнительские навыки; коучинг; саморегуляция; концертная подготовка.*

Введение

Уверенное концертное исполнительство — важнейшее условие профессиональной деятельности музыканта, которое подразумевает под собой способность к психофизиологической саморегуляции, высокий уровень мастерства звукоизвлечения, виртуозность, способность к выражению авторской интерпретации. Обучение в вузе — этап, во время которого происходит формирование необходимых компетенций для становления концертного исполнителя высокого уровня. Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС), выпускник вуза по классу домры должен обладать универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями.

Развитость профессиональных компетенций на высоком уровне позволяет музыканту совершенствовать мастерство концертного исполнительства и быть востребованным в профессии. Е.Г. Замолоцких, А.С. Огнев, Э.В. Лихачева, С.Н. Гончар, И.В. Кондратенко утверждают, что преодолению «помех» при построении эффективной индивидуальной образовательной траектории содействует «ориентация не на механический набор учебных дисциплин, а на формирование компетенций и развитие способностей, которые помогают решать важные для различных видов его деятельности задачи» [3, с. 161]. Этот тезис подразумевает воспитанием личности музыканта, которое в последствии позволит достичь исполнительского мастерства. В представлении С.Е. Фейнберга, «*качество пианиста определяется «четыреххвосткой»: на первом месте — человек, на втором — художник, на третьем — музыкант и на четвертом — пианист*» [10, с. 153].

В этой связи, педагогические условия формирования концертно-исполнительских навыков требует переустановки ракурса по мере социокультурных изменений, то есть по мере того, как меняется мир вокруг. В рамках исследования теоретическое обоснование педагогических условий включает организацию субъект-субъектного педагогического взаимодействия в коучинговом формате, комплексное освоение средств музыкальной выразительности, а также ориентацию на создание авторской интерпретации исполняемого произведения студентом. Методологическую основу составляют личностно-ориентированный подход, обеспечивающий индивидуализацию образовательного процесса и становление лидерских качеств солиста; культурологический подход, рассматривающий педагогический процесс в классе домры и студентов, с точки зрения создания будущего субъекта культуры; компетентностный подход, направленный на формирование профессиональных компетенций студентов вузов в классе домры.

Теоретическая разработанность отдельных аспектов формирования исполнительского мастерства представлена в работах Н.Г. Пановой [10], Т.И. Стражниковой и В.Ю. Фоломеева [13], А.В. Волковой [1], О.П. Сильда [12].

Обсуждению методов подготовки к концертному выступлению посвящены работы Г.М. Цыпина, Г.М. Когана, В.И. Григорьева.

Результаты исследования и их обсуждение

Современный этап цифровизации, который характеризуется доступностью информации, компьютерных игр, социальных сетей оказывает влияние на личностные особенности современных студентов, их психологическое восприятие, ценности, когнитивные функции, формы восприятия информации [11]. Вместе с тем деятельность музыканта требует высокого уровня концентрации внимания, осознанности, лидерства, сформированности психофизиологической саморегуляции во время концертного выступления и подготовки к нему.

Молодые музыканты — современное поколение, чье мышление формируется в условиях «клиповости», многозадачности и постоянной смены визуальных образов, демонстрируют высокую скорость переработки информации, но при этом испытывают трудности с концентрацией внимания на выполнении длительных задач, например, самостоятельные занятия или концертное выступление. Традиционная модель обучения, основанная на авторитарной передаче знаний, многократном техническом повторении, не учитывает эти психологические особенности, что приводит к снижению уровня мотивации, некачественному освоению материала, негативной психофизиологической регуляции в момент сценического стресса.

Преобладающими формами обучения в классе домры в вузах являются индивидуальные занятия с преподавателем по специальности и самостоятельные занятия (с инструментом и без). Такие форматы способствуют достижению образовательных целей. Однако, эффективность занятий во многом зависит от логичности и последовательности образовательного процесса — от комплекса педагогических условий, обеспечивающих целенаправленное развитие профессиональных компетенций. О.А. Овсянникова утверждает, что «для успешного личностного роста воспитанника в учебном заведении <…> необходимо соблюдать определенные психологические и педагогические условия осуществления учебно-воспитательного процесса» [9, с. 142]. В.Г. Максимов считает, что педагогические условия являются совокупностью объективных и субъективных факторов, необходимых для обеспечения эффективного функционирования всех компонентов образовательной системы [2; 7].

В контексте формирования концертно-исполнительских навыков и профессиональных компетенций домриста, обучающегося в вузе, педагогические условия приобретают ключевую роль, так как процесс становления солиста-исполнителя включает не только становление исполнительского аппарата, овладение репертуаром, но и формирование позитивной психофизиологической реакции на сценический стресс, способности к интерпретационной работе, осознанное применение средств музыкальной выразительности, адаптированных под домровое звукоизвлечение. Сформированность таких компетенций позволяет исполнителю быть востребованным и конкурентноспособным в условиях современных требований работодателей в концертных организациях в качестве солиста, артиста оркестра и ансамбля.

Важную роль в становлении художественного мастерства исполнителя играют звукоизвлечение, артикуляция, слуховой контроль, качество звучания [1], а также сформированность технических и исполнительских приемов: двигательно-технических, звуковых, слуховых, метроритмических, художественно-образных навыков [13].

Анализ результатов исследования среди студентов 1-4 курсов направления подготовки 53.03.02 «Музыкально-инструментальное искусство (Баян, аккордеон и щипковые струнные инструменты: домра, балалайка, гитара)» Белгородского государственного института искусств и культуры показал, что психофизиологические реакции музыкантов в ситуации концертного выступления проявляются неконтролируемо: — 31% — испытывали негативные эмоции; у 40% опрошенных состояние перед выходом на сцену зависело от настроения, в котором они пребывали; и только 29% — ощущали ресурсное состояние. Анализ показал, что более 70% студентов испытывают трудности в управлении сценическим волнением, вниманием, в психофизиологической регуляции в момент концертного выступления, формирование концертно-исполнительских навыков требует особого внимания во время образовательного процесса.

Анкетирование среди студентов класса домры (26 чел.) подтвердило необходимость разработки и внедрения комплекса педагогических условий: уровень сформированности мотивационного компонента всего лишь составил в контрольной группе (КГ) — 34,2%, в экспериментальной группе (ЭГ) — 37,3%, когнитивного компонента в КГ — 66,7%, в ЭГ — 64,6% и рефлексивного компонента в КГ — 53,6%, в ЭГ — 52,5%.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости разработки педагогических условий, которые будут направлены на: а) воспитание личностных характеристик, обеспечивающих успешность сольной исполнительской деятельности; б) формирование готовности к созданию авторской интерпретации исполняемого музыкального произведения; в) освоение приемов выстраивания артистического образа, адекватного художественному содержанию исполняемого произведения; г) овладение техниками психологии и коучинга для создания уверенного концертного исполнительства, которые базируются на требованиях Федерального государственного образовательного стандарта к профессиональным компетенциям и учитывают как индивидуально-личностные характеристики современных студентов, так и их поколенческие особенности, что позволяет в полной мере реализовать их профессиональный потенциал. Рассматривая специфику образовательной и концертной деятельности музы-

канта, важно учитывать, что эффективность формирования профессиональных компетенций напрямую зависит от создания таких условий, которые обеспечивают не только трансляцию знаний и умений, но и активизацию внутренних ресурсов студента, раскрытие его личностных лидерских качеств, проявление их во время сценического выступления.

Разработан комплекс из трех взаимодополняющих педагогических условий, включающий организацию субъект-субъектного педагогического взаимодействия в коучинговом формате, комплексное освоение средств музыкальной выразительности, ориентацию на создание собственной интерпретации исполняемого произведения студентом.

Первое педагогическое условие — организация субъект-субъектного педагогического взаимодействия в коучинговом формате определяет характер коммуникации в системе «преподаватель — студент» как равноправное. Каждый субъект взаимоотношений выполняет свою функцию и роль, несет ответственность за ее осуществление. Наделение ответственностью студента способствует активизации его познавательной деятельности, личностных лидерских качеств и развитию критического мышления. Важным элементом представленного педагогического условия является создание психологически безопасной образовательной среды, ошибка воспринимается как естественный этап учебного процесса и ориентир в выборе вектора для дальнейшего профессионального развития. При реализации педагогического условия используется коучинговый инструментарий, позволяющий усилить влияние качественного педагогического взаимодействия. Л.В. Курицкая отмечает, что коучинговый подход в образовательном процессе вуза опирается на возрастные и личностные особенности студентов, которые уже готовы к построению доверительных, партнерских отношений с педагогом. Такая модель взаимодействия предполагает осознанное разделение ответственности за успешность обучения между его участниками. Педагог в данном случае выступает не как транслятор готовых целей и требований, а как организатор ситуации, в которой студенты самостоятельно формулируют собственные образовательные задачи [5].

В подобной модели взаимодействия студент выступает активным субъектом образовательного процесса, осваивая навыки аргументированного диалога и самостоятельной интерпретации музыкального произведения, а преподаватель реализует наставническую функцию, обеспечивая поддержку в решении исполнительских, концертных и образовательных задач. На основе индивидуальности студента создается траектория индивидуального развития.

Внедрение данного педагогического условия играет ключевую роль в формировании профессиональных компетенций и концертно-исполнительских навыков в процессе обучения в вузе.

О.П. Сильд отмечает навыки музыканта: «под профессиональными навыками мы понимаем выработанные музыкантом в процессе учебы автоматизированные компоненты его деятельности, то есть частичную автоматизированность сенсорных, перцептивных, моторных и т.д. процессов» [12, с. 70-71].

В рамках совершенствования концертного исполнительства ведущее место занимают навыки, так как именно их сформированность обусловливает необходимую для публичного выступления стабильность, психологическую надежность и уверенность исполнителя, одновременно высвобождая когнитивные ресурсы студента для воплощения художественно-творческих задач.

Процесс становления музыканта-исполнителя в условиях обучения в вузе представляет собой многоуровневый процесс, предполагающий планомерное развитие системы специализированных навыков. В рамках исследования были определены концертно-исполнительские навыки, обеспечивающие сформированность профессиональных компетенций студентов класса домры: навык концертного исполнительства, саморегуляции, навык концертно-исполнительского саморазвития.

Организация субъект-субъектного педагогического взаимодействия в коучинговом формате способствует формированию навыка саморегуляции, который отражается в психоэмоциональной устойчивости, уверенном концертном состоянии в условиях сценического дистресса, осознанном управлении своим психофизиологическим состоянием, способностью к мобилизации внутренних

ресурсов и преодолению кризисных моментов во время концертного исполнения и предконцертной подготовки; концентрации внимания на исполнительских задачах и целях, реализации стратегии совладающего поведения. Навык саморегуляции позволяет сформировать позитивное профессиональное самовосприятие, способствует становлению необходимых качеств характера у исполнителя, способного к сольному концертному выступлению высокого уровня, лидерству, артистизму. Л.А. Мищенко дает характеристику личности солиста: «поскольку солист-инструменталист оркестра — это никто иной, как самоактуализирующаяся личность, для которой характерно непрерывное стремление к более полному проявлению и постоянному совершенствованию своих творческих исполнительских возможностей, то именно такая личность является не только примером для подражания, но способствует совершенствованию профессионального мастерства каждого оркестранта» [8, с. 145].

Е.П. Красовская отмечает: «публичное исполнение выученного музыкального произведения важнейшей частью формирования личности интерпретатора и неоднократно подчёркивали огромное влияние результатов эстрадных выступлений на его дальнейшую карьеру» [4, с. 204].

Овладение навыком саморегуляции позволяет студенту получить возможность уверенного и артистичного проявления на сцене, способствует развитию личностных лидерских качеств солиста, значимых для формирования специалиста высокого уровня подготовки.

Второе педагогическое условие — комплексное освоение средств музыкальной выразительности в исполнительстве на домре является содержательной основой занятий по специальности и самостоятельных занятий, подразумевает неразрывную связь между развитием техники игрового аппарата и выражением художественного результата, позволяет предотвратить такие проблемы, как неуверенное звукоизвлечение, отсутствие концепции исполняемого произведения целиком и его отдельных фрагментов (в особенности кульминации). «Чаще всего музыкальные произведения обладают сложной фактурой, состоящей из множества музыкальных звуков, провести анализ которых возможно лишь при наличии определённых знаний, навыков и умений, полученных в курсах сольфеджио, гармонии, полифонии, в практике анализа музыкальных форм, не говоря уже о синтезе, то есть превращении определённого количества звуков, расположенных по вертикали и горизонтали, в музыкальное произведение» [14, с. 66] — подчеркивает значимость комплексного изучения музыкального произведения в его практическом освоении С.Н. Федин.

Большую часть репертуара домристов составляют переложения музыкальных произведений для других инструментов: скрипки, клавесина, голоса и др. С одной стороны, это расширяет возможности концертного репертуара, а с другой — требует тщательной теоретической и исполнительской подготовки в адаптации под особенности звукоизвлечения на домре. Важным элементом реализации условия являются освоение законов исполнения фразировки, гармонии, артикуляции, фактуры, использование тембровой окраски при ансамблевой игре с концертмейстером, способность восприятия произведения целостно, интонирование.

Третье педагогические условие — ориентация на создание собственной интерпретации исполняемого произведения студентом направлено на становление студента в качестве артиста, способного к созданию собственной интерпретации и демонстрации ее во время сценического выступления. При реализации педагогического условия происходит воспитание способности к самостоятельному прочтению и изучению стилевого, жанрового и исторического контекста создания музыкального произведения, поиску способов воплощения и передачи художественного образа.

Музыкант, выходя на сцену, несет определенную исполнительскую ответственность как перед композитором, так и перед слушателем, «становится не только интерпретатором продукта композиторского творчества, но и «коммуникатором» — человеком, стремящимся к активному взаимодействию со слушательской аудиторией посредством целенаправленной передачи ей художественной информации, содержащейся в музыкальном тексте, и организации на этой основе художественного общения» [6, с. 27].

Практическое применение разработанных педагогических условий позволило повысить уровень сформированности компонентов

концертно-исполнительских навыков: в ЭГ уровень мотивационного компонента вырос на 30,1%, и составил 67,4%, когнитивного — на 30,0%, всего стало — 94,2%, рефлексивного — на 25,9%, в итоге — 78,4%. В контрольной группе уровень мотивационного компонента повысился на 20,4% и составил 54,6%, когнитивного — на 11,6%, всего — 78,3% рефлексивного– на 13,2%, в итоге — 66,8%.

Внедрение комплекса из трех педагогических условий позволил студентам экспериментальной группы:

— повысить уровень мотивации к профессиональному саморазвитию, овладеть коучинговыми инструментами целеполагания и планирования;

— проанализировать результаты прошлых концертных выступлений и выявить причинно-следственную связь;

— повысить уровень знаний о средствах музыкальной выразительности, основах создания авторской интерпретации, практически приметь знания во время концертных выступлений.

Заключение

Педагогические условия являются ключевым элементом в образовательном процессе в вузе в классе домры, позволяют сформировать необходимые профессиональные компетенции, концертно-исполнительские навыки, повысить уровень сценического мастерства студентов.

Таким образом, представленная система из трех педагогических условий направлена на создание благоприятной образовательной среды, позволила повысить уровень владения концертно-исполнительскими навыками (концертного навыка, навыков саморегуляции и концертно-исполнительского саморазвития) и заложить основы будущего выпускника — конкурентоспособного профессионального музыканта высокого уровня.

Литература

1. Волкова А.В. Воспитание концертно-исполнительских навыков учащихся фортепианного класса в современных условиях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 185. С. 176-183. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-185-176-183 EDN: FROSXC
2. Горбунова Н.В. Педагогические условия формирования коммуникативной компетентности будущего педагога-филолога // Педагогический вестник. — 2018. — №3. — С. 15-16. EDN: YPEMTJ
3. Замолоцких Е.Г., Огнев А.С., Лихачева Э.В., Гончар С.Н., Кондратенко И.В. Компетентностный подход к решению проблемы построения индивидуальных образовательных траекторий // Мир образования — образование в мире. — 2014. — №4. — С. 159-164. EDN: THRAUV
4. Красовская Е.П. Психолого-педагогические аспекты подготовки учащихся-музыкантов к управлению сценическим волнением // Развитие современного образования: теория, методика и практика. — 2015. — № 4(6). — С. 201-211. EDN: VBLRRH
5. Курицкая Л.В. Коучинговый подход в работе со студентами концертмейстерского класса // Манускрипт. — 2019. — №11. — С. 265-269. DOI: 10.30853/manuscript.2019.11.49 EDN: YDQJUQ
6. Лукьянова Е.П. Роль исполнительской практики в системе профессиональной подготовки студентов консерватории / Е.П. Лукьянова, В.А. Ивакина // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. — 2020. — №20. — С. 25-33. EDN: AUYNJX
7. Максимов В.Г. Формирование профессионально-творческой направленности личности учителя: автореф. дис.... д-ра пед. наук. — Л., 1994. — 34 с.
8. Мищенко Л.А. Хрестоматия по дирижированию: сборник партитур для народного оркестра и клавиров для фортепиано: хрестоматия: в 2-х ч. / Л.А. Мищенко, С. Н. Марченко, Л. Ф. Семеренко. — Белгород: БГИИК, 2019 — Часть 1: Сборник партитур для народного оркестра. — 2019. — 202 с.
9. Овсянникова О.А. Психолого-педагогические условия личностного развития учащегося-музыканта // Альманах современной науки и образования. — 2010. — №4(35). — С. 141-143. EDN: OPNIUJ
10. Панова Н.Г. К вопросу о педагогических условиях развития исполнительских умений и навыков обучающихся-музыкантов // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — №3(88). — С. 153-155. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-153-155 EDN: BFMXQG
11. Сапа А.В. Поколение z — поколение эпохи ФГОС / А.В. Сапа // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2014. — №2. — С. 24-30. EDN: SBCMMJ
12. Сильд О.П. Структура комплекса профессиональных навыков и умений скрипача: диссертация кандидата искусствоведения / О.П. Сильд. — Ленинград: Ленинградская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова, 1987. — 177 с.
13. Стражникова Т.И., Фоломеев В.Ю. Педагогические аспекты формирования исполнительского мастерства студентов-музыкантов в процессе обучения в вузе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — №120. — С. 438-448. EDN: WHGIND
14. Федин С.Н. О необходимости создания методологии сольного концертного исполнительства / С.Н. Федин, О.Н. Харсенюк // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2019. — №49. — С. 64-72. DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-64-72 EDN: TQCUFW

THE TRANSFORMATION OF THE ASSESSMENT SYSTEM OF VOCATIONAL SCHOOLS IN THE CONTEXT OF MODERN EDUCATIONAL POLICY IN RUSSIA

Artamonova Ekaterina Valerievna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Aituganova Zhanna Ilevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Kazan State Power Engineering University, Kazan (Russia)

This article explores some aspects of the transformation of assessment and evaluation systems in contemporary vocational education in the context of ongoing modernization processes in Russia. Current educational policy requires vocational schools to not simply record the level of material mastery but to develop reliable tools for assessing graduates' readiness for professional work. The relevance of this topic stems from a shift in the educational paradigm: the transition from a "knowledge-based" approach to a "competency-based" one, necessitating a revision of not only the content but also the tools, methods, and procedures for assessing educational outcomes. Focused on integrating labor market requirements and professional standards, modern educational policy challenges vocational schools to develop reliable, measurable, and objective tools capable of assessing not so much the volume of information mastered, but rather the level of professional competencies and the graduate's readiness for independent professional work in a constantly changing socioeconomic environment. This paper analyzes the current state of the assessment and evaluation system, examines key vectors of change, and identifies the nature of the problems associated with individual elements of assessment and evaluation procedures amid the modernization of Russian vocational education in recent decades. The analysis suggests that the transformation of assessment and evaluation practices in vocational schools is systemic but uneven, with further development requiring not only the improvement of the instrumental base but also changes in functionality, specifically, a shift from assessment to student support and development. Finding solutions to these identified problems is essential for ensuring the quality of vocational education, its transparency, and its alignment with current economic and societal demands.

Keywords: *higher education; quality of education; Bologna Process; monitoring and evaluation of educational outcomes; tools of the assessment system.*

EDN: TUBOJY ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.51***

Цитировать: *Артамонова Е.В., Айтуганова Ж.И. Трансформация контрольно-оценочного аппарата профессиональной школы в контексте современной образовательной политики в России // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 368-373. EDN: TUBOJY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.51*

УДК 378

5.8.1

© Артамонова Е.В., Айтуганова Ж.И., 2026

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО АППАРАТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Статья затрагивает некоторые аспекты трансформации контрольно-оценочного аппарата в современном профессиональном образовании в контексте происходящих процессов модернизации в России. Современная образовательная политика требует от профессиональной школы не просто констатации уровня усвоения материала, а формирования надежного инструментария для оценки готовности выпускника к профессиональной деятельности. Актуальность темы обусловлена сменой образовательной парадигмы: переходом от «знаниевого» подхода к «компетентностному», что обуславливает пересмотр не только содержания, но и инструментов, методов и процедур оценки образовательных результатов. Ориентированная на интеграцию требований рынка труда и профессиональных стандартов современная образовательная политика ставит перед профессиональной школой задачу формирования надежного, измеримого и объективного инструментария, способного оценить не столько объем усвоенной информации, сколько уровень сформированности профессиональных компетенций и готовности выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности в постоянно меняющихся социально-экономических условиях. В работе анализируется текущее состояние контрольно-оценочного аппарата, рассматриваются ключевые векторы изменений, определяется характер проблем, связанных с отдельными элементами контрольно-оценоч-

ных процедур в условиях модернизации отечественного профессионального образования последних десятилетий. Анализ позволяет заключить, что трансформация контрольно-оценочной практики в профессиональной школе носит системный, но неравномерный характер, при этом дальнейшее развитие предполагает не только совершенствования инструментальной базы, но и изменение функциональности, в частности, переход от функции контроля к функции сопровождения и развития обучающегося. Поиск путей решения выявленных проблем представляет собой необходимое условие для обеспечения качества профессионального образования, его прозрачности и соответствия актуальным запросам экономики и общества.

Ключевые слова: *высшее образование; качество образования; Болонский процесс; контроль и оценка качества образовательных результатов; инструментарий системы контрольно-оценочных мероприятий.*

АРТАМОНОВА Екатерина Валерьевна, *кандидат педагогических наук, доцент*
SPIN-код: 1085-2350
ORCID ID: 0000-0002-4931-9931
Researcher ID: B-9932-2019

АЙТУГАНОВА Жанна Илевна, *кандидат педагогических наук, доцент*
SPIN-код: 4233-5188
ORCID ID: 0000-0003-3505-401X

Казанский государственный энергетический университет, Казань (Россия)

Введение

Процессы глубокой трансформации социально-экономической сферы в России последние десятилетия, связанные с вызовами глобализации, стремительным и повсеместным развитием технологий и изменением парадигмы общественного развития, отразились напрямую и на тенденциях развития отечественной профессиональной школы в этот период.

В современной реальности качество человеческого капитала становится главным фактором национального суверенитета. Стратегические ориентиры в этой сфере до 2030 года задает Указ Президента РФ № 474. Если для школьного образования цель сформулирована конкретно (вхождение в топ-10 по качеству), то для профессиональной школы документ определяет иной, более сложный вектор развития. Ключевой тенденцией становится повышение глобальной конкурентоспособности. Это подразумевает не просто формальное присутствие, а укрепление позиций российских университетов в мировых академических рейтингах (THE, QS, ARWU), как логическое продолжение программы «Проект 5-100», которая выступала в качестве ключевого инструмента реализации политики по вхождению в мировые рейтинги и действовала до 2020 года. Профессиональное образование перестает восприниматься как изолированная область, становясь фундаментом для достижения всех национальных целей. Согласно Указу, перед профессиональным образованием поставлен ряд ключевых задач, призванных трансформировать систему в эффективный, конкурентоспособный на мировом уровне механизм.

В данном контексте особый интерес представляет контрольно-оценочный компонент системы профессионального образования, который стал одним из наиболее сложных и дискуссионных элементов этой трансформации. В этот период процесс контроля и оценки качества полученных результатов профессионального образования начинает рассматриваться, как институт, выполняющий ключевые функции обратной связи, управления качеством и социального отбора. Если в индустриальную эпоху оценочные мероприятия выполняли преимущественно функцию административного учёта и отбора (через жёсткие нормативы и фиксированные стандарты), то в постиндустриальном, информационном обществе их роль кардинально меняется. Теперь процесс контроля и оценивания результатов обучения позиционируется как инструмент развития, диагностики индивидуального прогресса, формирования межпредметных компетенций и мотивации и тесно связан с термином «lifelong learning» (обучение через всю жизнь или непрерывному обучению), введенным в широкий оборот докладом комиссии ЮНЕСКО под руководством Ж. Делора [5] и укрепившим свои позиции именно в этот период.

Результаты исследования и их обсуждение

Вопрос трансформации контрольно-оценочной практики в современном отечественном образовании носит, отчасти, «вынуж-

денный характер», определяя необходимость разрешения ряда критических противоречий, накопившихся на стыке образовательной политики, педагогической теории и массовой практики.

Среди наиболее фундаментальных, на наш взгляд, можно выделить следующие.

1. Между новой образовательной парадигмой с тенденцией к персонализации и гуманизации оценки, где во главе угла ориентация на формирующее (формативное) оценивание (портфолио, критериальные методики и пр.), призванное стать инструментом обратной связи и коррекции индивидуальной образовательной траектории, и повсеместное использование устаревших оценочных инструментариев, исторически и институционально заточенных под итоговое (суммативное) оценивание с ярко выраженной селективной и административно-контрольной функцией. К тому же, функционирует данный компонент образовательного процесса уже более века без изменений «традиционно» в виде пятибалльной шкалы (а фактически четырехбалльной: неудовлетворительно, удовлетворительно, хорошо, отлично) в массовой практике российской школы.

2. Между заявленным во ФГОС третьего поколения переходом на «компетентностный» и «системно-деятельностный» подходы и преобладанием «знаниевого», опорой которого являются репродуктивные измерители в ключевых аттестационных процедурах, таких как ОГЭ и ЕГЭ, имеющие, несмотря на модернизацию, проблемные точки, и оставаясь до настоящего времени в центре дискуссионного поля. Современная дидактика провозглашает в качестве целевого ориентира формирование универсальных учебных действий, межпредметных компетенций и личностных качеств обучающегося. Однако научно-методический аппарат, адекватный для измерения и оценки этих сложных, комплексных образовательных результатов, разработан в недостаточной степени. Существует острый дефицит валидных и надежных педагогических измерителей, способных выйти за рамки проверки репродуктивных знаний и формальных умений. Таким образом, теория опережает практику измерения, создавая разрыв между декларируемыми целями и реальными возможностями их диагностики.

Именно в условиях «компетентностного» подхода в современных реалиях отечественного профессионального образования все более активно звучит термин «soft skills» или «мягкие навыки». Их формирование перестает быть факультативом и становится обязательным требованием российского ФГОС. Успех выпускника теперь определяется не только знанием предмета (hard skills), но и способностью эффективно применять эти знания в сложной, неопределенной социально-технической среде, что и обеспечивают прописанные во ФГОС УК (универсальные компетенции). При этом пройдя путь от дополнительной и неакадемичной надстройки (коммуникабельность, работа в команде, лидерство) и являясь, зачастую, характеристикой внеучебной деятельности (студсовет, волонтерство), и в противовес «hard skills» (профессиональные, технические навыки), на сегодняшний день «soft skills» — это нормативно закрепленный компонент действующих в России образовательных стандартов.

3. Между современным запросом общества на развитие критического мышления, креативности и «soft skills» [1; 4], которые становятся более значимыми в образовательном процессе и существующей системой оценивания результатов учения, которая слабо приспособлена для измерения этих комплексных образовательных результатов, фокусируясь на формальных аспектах. При этом, отечественные авторы [2; 3], занимающиеся вопросом формирования мягких навыков отмечают, что невозможно сформировать у студента универсальные мягкие навыки, которые были бы всегда стабильны и фиксированы, поскольку их главная задача — гибкость, адаптированность специалиста к работе в меняющихся условиях. Речь в данном случае идет о сложности измерения «soft skills», в отличие от предметных знаний и умений «hard skills», что приводит к тому, что развитие этих навыков часто остаётся на периферии основного учебного процесса, а существующие методики их измерения ограничиваются преимущественно анкетированием, самооценкой или субъективной обратной связью.

По сути, soft skills = УК + часть ОПК/ПК.

Универсальные компетенции (УК) — это база, но многие «гибкие» навыки также встроены в профессиональные блоки. Например,

«ведение переговоров» может быть в УК-3, но конкретно «ведение коммерческих переговоров» уже будет в профессиональной компетенции (ПК) экономиста или юриста.

Переложение термина на практическую почву и его нормативное закрепление оформлено на данный момент списком и набором определенных компетенций, прописанные в Федеральном государственный образовательном стандарте высшего образования (ФГОС ВО 3++), как результат освоения программы.

Все УК являются едиными (инвариантными) для всех направлений подготовки (специальностей). Отличаться могут только профессиональные компетенции. Так, современный выпускник должен обладать следующими универсальными компетенциями (УК):

— УК-1: Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации.

— УК-2: Способен определять круг задач в рамках поставленной цели.

— УК-3: Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде.

— УК-4: Способен применять современные коммуникативные технологии.

— УК-5: Способен анализировать и учитывать разнообразие культур.

— УК-6: Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития.

Так, Указ Президента №474 задает тенденцию возможного развития: технологический суверенитет и глобальная конкурентоспособность. В условиях стремительного устаревания знаний на первый план выходят не энциклопедические знания, а ключевые компетенции, о которых мы говорили выше, так достижение целей, обозначенных в указе, напрямую зависит от того, насколько успешно университеты смогут интегрировать развитие этих «гибких» навыков в свои образовательные программы, готовя специалистов, способных решать нестандартные задачи завтрашнего дня. И объективно встает вопрос, как оценивать то, что «хочется получить».

Именно в период реформирования отечественной контрольно-оценочной системы профессионального образования появляется важное системное понятие КОС (контрольно-оценочные средства), которое становится центральным, вытесняя «устаревшие» ЗУН (знания, умения, навыки), отличающиеся сильной долей субъективизма («знает/не знает», «умеет/не умеет») без детализированных внешних критериев и не обладающие единой централизованной, методологически и методически подкрепленной основой.

На передний план выходит оценивание не только и не столько знания (хотя и их тоже), сколько сформированности профессиональных и общих компетенций.

Объектом процесса оценивания в данном контексте выступают уже не элементы учебного материала (тема, параграф), а интегральный результат — компетенция (действие в контексте профессии), а суть оценки смещается с воспроизведения информации на продуктивность деятельности (создание нового продукта, решение проблемы).

С этих позиций реальный «прорыв» в развитии современного профессионального образования заключается в переходе от «знаниевого» подхода к компетентностному через КОС, которые представляют собой обязательный нормативный документ, входящий в основную образовательную программу (ООП) для обеспечения объективной оценки компетенций студентов.

Концепция и термин «КОС» в его современном, системном значении относительно профессионального образования законодательно закреплены и стали обязательными с внедрением именно ФГОС третьего поколения для высшего образования с 2011 года (Приказы Минобрнауки №1367, №337 и др.). и ФГОС для СПО с 2014 года (Приказ Минобрнауки №1061).

Эволюция КОС последние годы связана с оформлением нового содержания под влиянием профстандартов, демонстрационного экзамена, практико-ориентированности. КОС становится не просто средством контроля, а инструментом управления качеством подготовки именно в период перехода на следующие поколения ФГОС 3+, затем ФГОС 3++ и ФГОС 4 (на стадии разработки и обсуждения, внедряются только на нескольких «пилотных» площадках, а в массовом порядке еще не введены в действие), где акцент сделан на практико-ориентированность и гибкость, усилив опору на практико-ориентированность контрольно-оценочных мероприятий в профессиональной школе, максимально интегрируя

КОС с условиями реального производства, где процесс оценивания проводится с участием внешних экспертов от работодателей. Новые поколения ФГОС 3+ и ФГОС 3++ (актуально по настоящее время) потребовали от образовательного учреждения вне зависимости от их уровня и направленности разработать и иметь фонды оценочных средств (ФОС) для проведения текущего контроля и промежуточной аттестации. Именно ФОС становятся ядром КОС с практической реализацией в виде банка конкретных заданий и критериев для всех видов контроля:

Ключевыми компонентами КОС в системе профессионального образования выступает «традиционная триада» средства оценки, критерии оценки, методические материалы, дополненные и усиленные новыми формами и содержанием:

1. Фонд оценочных средств (ФОС)

2. Контрольно-измерительные материалы (КИМ)

— Текущий контроль: Тесты, контрольные работы, кейсы, защита лабораторных, устные опросы.

— Промежуточная аттестация (зачет/экзамен): экзаменационные билеты, комплексные практические задания, проекты.

— Государственная итоговая аттестация (ГИА): Темы и требования к выпускной квалификационной работе (ВКР), задания для демонстрационного экзамена.

3. Методические материалы, определяющие процедуру оценивания (как проводится экзамен, как защищается проект).

4. Нормативная база: положения о проведении разных видов контроля, экзаменов, порядке апелляции.

И еще одна важная принципиальная характеристика КОС в разрезе модернизации контрольно-оценочных мероприятий в профессиональной школе — это его нормативный характер. Сравнивая предыдущий опыт контрольно-оценочных мероприятий в профессиональной школе, который в большей степени носил методически-рекомендательный характер, КОС — это не рекомендация, а обязательный, системный инструмент, призванный объективно измерить компетенции, а не только знания. Его качество — прямой показатель выполнения требований ФГОС.

В заключении, хотелось бы отметить, что социально-экономические изменения в России как ответ на переход к постиндустриальному обществу напрямую отразились и на системе профессионального образования, инициировав смену «знаниевой» парадигмы на компетентностную, где акцент сместился с субъективной оценки знаний (ЗУН) на критериальное измерение компетенций (КОС), что нормативно закреплено во ФГОС 3++. Однако на пути реализации этой модели сохраняется фундаментальное противоречие: между целями ФГОС, декларирующими переход к гуманизации, персонализации и оценке метапредметных результатов (soft skills, универсальные компетенции)) и массовой практикой ключевых аттестационных процедуры (ЕГЭ, традиционный экзамен), продолжающей опираться на преимущественно репродуктивный инструментарий и фактически «четырехбалльную» шкалу оценивания («неудовлетворительно», «удовлетворительно», «хорошо», «отлично»).

Появление понятия КОС ознаменовало отказ от философии «проверки памяти» (ЗУН) в пользу философии «проверки действий».

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Смена образовательной парадигмы. Стратегический вектор, заданный Указом Президента №474, ориентирует профессиональное образование на достижение глобальной конкурентоспособности, где качество человеческого капитала становится основой национального суверенитета, а трансформация социально-экономической сферы России последних десятилетий обусловила переход системы профессионального образования от «знаниевой» к «компетентностной» модели.

2. Эволюция контрольно-оценочного компонента. Ключевым инструментом реализации «компетентностного» подхода стало появление и нормативное закрепление понятия «контрольно-оценочные средства» (КОС). Внедрение ФГОС третьего поколения (3++) ознаменовало принципиальный отказ от философии «проверки памяти» (субъективная оценка ЗУН) в пользу философии «проверки действий». КОС трансформировался из методической рекомендации в обязательный

системный документ, нацеленный на критериальное оценивание профессиональных и универсальных компетенций.

3. Институционализация «soft skills». Важной тенденцией стало нормативное закрепление универсальных компетенций (УК) во ФГОС, которые являются аналогом «мягких навыков». Это перевело их из дополнительной характеристики внеучебной деятельности либо личного качества в разряд обязательных требований к подготовке конкурентоспособного специалиста, способного к непрерывному развитию (lifelong learning) и эффективному действию в условиях профессиональной деятельности.

4. Сохранение фундаментальных противоречий. Несмотря на прогрессивные изменения в теории и нормативной базе, сохраняется разрыв между традиционной системой контроля (ориентированной на оценку знаний) и новыми требованиями к оценке компетенций и профессиональной деятельности. Использование традиционной «четырехбалльной» шкалы и доминирование суммативного подхода в ключевых аттестационных процедурах (ЕГЭ, традиционные экзамены) не позволяют в полной мере объективно измерить сложные, комплексные образовательные результаты, что указывает на необходимость обновления структуры и содержания контрольно-оценочного аппарата, где ключевым вектором развития может выступать интеграция требований работодателей и профессиональных стандартов в оценочные процедуры профессиональной школы.

Таким образом, эволюция контрольно-оценочной деятельности в профессиональном образовании представляет собой сложный процесс институционализации новых требований, который, однако, еще не завершен и требует разрешения выявленных противоречий в части поиска научно обоснованных путей корреляции оценочной политики в области образования с ведущими целями в этой сфере, где контрольно-оценочные мероприятия выступают полноценным инструментом улучшения обучения и развития человеческого потенциала страны

Литература

1. Авдеева Н.Н., Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Мягкие навыки: концепции, проблемы, исследования // Современная зарубежная психология. — 2025. — Т. 14, №1. — С. 57–68. DOI 10.17759/jmfp.2024000002.
2. Жадько Н.В., Безруких М.М. Формирование «мягких» навыков в профессиональном обучении // Профессиональное образование. Столица. — 2011. — №8. — С. 14–15. EDN NYENGT.
3. Семтина Е.А. Возможности формирования soft skills студентов в образовательном процессе вуза // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время — новые решения». — 2022. — №1-3. — С. 315–319. EDN NMGFGE.
4. Шайхутдинова Х.А. Формирование soft skills в процессе подготовки студентов к успешной профессиональной деятельности // Поволжский педагогический вестник. — 2020. — Т. 8, №2(27). — С. 99–106. EDN OTUNDT.
5. Delors J. et al. Learning: The Treasure within. Report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-First Century. — UNESCO Publishing, 1996. https://doi.org/10.7788/ijbe.1996.24.1.253
6. Shysholin A. Functioning of entrepreneurial universities as subjects of the system of international knowledge transfer // Technology audit and production reserves. — 2017. — Vol. 4, №4(36). — P. 38–42. DOI 10.15587/2312-8372.2017.108844. EDN ZEHIEV.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCIES RELATED TO THE USE OF FIREARMS: CURRENT PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Bludov Ivan Romanovich, *Postgraduate student, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh (Russia)*

The article discusses the current problems of the formation of professional competencies related to the use of firearms and physical force in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The purpose of this study is to identify current problems in the system of professional training of law enforcement officers and to find optimal solutions that enhance the effectiveness of the educational process. In the course of the research, the normative legal acts establishing the requirements for the professional training of graduates of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as scientific works devoted to topical issues of professional training of employees of internal affairs bodies (hereinafter referred to as ATS), were studied and analyzed. As a result of the analysis, significant problems were identified in the fire training system for police officers, negatively affecting the educational process. The search for possible solutions has been carried out. Special attention is paid to improving the educational process of cadets and trainees through the introduction of modern pedagogical technologies. The didactic basis of this direction is the method of situational modeling, the means of which are exercises performed on a service-applied obstacle course. As a result of the research, a structural model of the organization of the training session has been developed. Practical examples of using the proposed model in the framework of training sessions are described. Recommendations are formulated that contribute to the intensification of the process of professional competence formation.

Keywords: *professional competencies; weapon training; obstacle course; situational modeling method.*

EDN: UHHVJG ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.52***

Цитировать: *Блудов И.Р. Формирование профессиональных компетенций, связанных с применением огнестрельного оружия: современные проблемы и пути их решения // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 374-379. EDN: UHHVJG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.52*

УДК 378
5.8.7

© Блудов И.Р., 2026

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

БЛУДОВ Иван Романович, *адъюнкт, Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Воронеж (Россия)*

SPIN-код: 1929-5671
ORCID ID: 0009-0009-4880-4271
ResearcherID: RID139364

В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования профессиональных компетенций, связанных с применением огнестрельного оружия и физической силы, в образовательных организациях МВД России. Цель исследования состоит в выявлении современных проблем в системе профессиональной подготовки сотрудников силовых структур и поиска оптимальных решений, способствующих повышению эффективности образовательного процесса. В ходе исследования изучены и проанализированы нормативно-правовые акты, устанавливающие требования к профессиональной подготовке выпускников образовательных организаций МВД России, а также научные труды, посвященные актуальным проблемам профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД). В результате анализа были выявлены существенные проблемы в системе огневой подготовки сотрудников ОВД, негативно влияющих на образовательный процесс. Осуществлен поиск возможных путей решения. Особое внимание уделяется совершенствованию образовательного процесса курсантов и слушателей, посредством внедрения современных педагогических технологий. Дидактической основой данного направления обозначен метод ситуационного моделирования, средствами которого выступают упражнения, выполняемые на служебно-прикладной полосе препятствий. В результате исследования разработана структурная модель организации учебного занятия. Описаны практические примеры использования предложенной модели в рамках учебных занятий. Сформулированы рекомендации, способствующие интенсификации процесса формирования профессиональных компетенций.

Ключевые слова: *профессиональные компетенции; огневая подготовка; служебно-прикладная полоса препятствий; метод ситуационного моделирования.*

Введение

Формирование профессиональных компетенций у будущих выпускников образовательных организаций МВД России, связанных с применением огнестрельного оружия и физической силы, имеет решающее значение для эффективного выполнения оперативно-служебных задач. Ряд геополитических событий, происходящих на международной арене, обуславливает тенденцию повышенного внимания к профессиональной подготовке квалифицированных кадров для правоохранительной системы. В рамках выступления на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, В.В. Путин подчеркнул важность организации эффективной деятельности правоохранительных органов для обеспечения общественной безопасности на территориях, вновь принятых в состав Российской Федерации, отметив значимость подготовки специалистов для различных подразделений силовых структур. Однако, рассматривая современную систему огневой подготовки сотрудников ОВД, возникают существенные противоречия, снижающие эффективность процесса формирования профессиональных компетенций [9]. Вышеизложенные обстоятельства обуславливают потребность совершенствования методики профессиональной подготовки специалистов для правоохранительных органов.

Результаты и обсуждение

Профессиональные компетенции, связанные со способностью сотрудника ОВД правомерно и эффективно применять огнестрельное оружие, обеспечивать личную и общественную безопасность, включают в себя освоение теоретических, практических, правовых и тактических аспектов профессиональной подготовки [7]. Наличие необходимых компетенций обеспечивает самостоятельную деятельность выпускников образовательных организаций МВД России при исполнении обязанностей в профессиональной служебной деятельности, а также при выполнении задач в особых условиях [5].

Для определения сущности и содержания профессиональных компетенций, необходимых сотруднику ОВД для качественного и эффективного выполнения оперативно-служебных задач, был проведен анализ нормативно-правовых актов, устанавливающих обязательные требования и стандарты к реализации высшего образования в системе МВД России.

Системный анализ квалификационных требований к профессиональной подготовке выпускников, прошедших обучение по специальности — «Правовое обеспечение национальной безопасности» (40.05.01), способствовал установлению ряда универсальных (далее — УК), общепрофессиональных (далее — ОПК) и профессиональных компетенций (далее — ПК). Среди них выделены УК–7: способность обеспечивать полноценную социальную и профессиональную деятельность, путем поддержания должного уровня физической подготовленности; ОПК– 7: способность проявлять нетерпимость к противоправному поведению, руководствуясь нормами права при обеспечении законности и правопорядка; ОПК-10: способность правомерно и эффективно действовать при осуществлении силового задержания, в том числе с применением специальных средств и огнестрельного оружия; ПК-5: способность осуществлять профессиональную деятельность в период действия особых правовых режимов, а также при несении службы в особых условиях; ПК-8: способность обеспечивать личную безопасность и безопасность граждан в повседневной профессиональной служебной деятельности; ПК-13: способность оказывать первую помощь и самопомощь, принимать меры по эвакуации пострадавших и их транспортировке.

Стоит отметить, что нормативно-правовые акты, устанавливающие требования к профессиональной подготовке специалистов для правоохранительных органов, имеют ряд отличий и основаны на специфике профессиональной служебной деятельности сотрудника ОВД. Однако профессиональные компетенции, связанные со способностью обеспечивать

законность и правопорядок, личную и общественную безопасность, применять силовые методы воздействия на правонарушителей являются неотъемлемой частью профессиональной подготовки и необходимы каждому сотруднику полиции, вне зависимости от освоенной специальности в процессе обучения.

Анализ особенностей профессионального образования позволяет констатировать значительные проблемы в профессиональной подготовке сотрудников ОВД. Зачастую они связаны с несоответствием средств и методов обучения и специфике выполнения оперативно-служебных задач. В таком случае, эффективность процесса формирования профессиональных компетенций является крайне низкой и не обеспечивает должного развития знаний, умений и навыков, необходимых выпускникам образовательных организаций [3].

Системный анализ примерной рабочей программы по дисциплине «Огневая подготовка», разработанной Главным управлением по работе с личным составом МВД России — «Профессиональная подготовка лиц среднего и старшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и имеющих высшее или среднее профессиональное (юридическое) образование по должности служащего «Полицейский»» позволил констатировать ряд несоответствий.

Положения, содержащиеся в рабочей программе, предусматривают реализацию целей и задач учебной дисциплины «Огневая подготовка» в рамках 100 часов (8 ч. — занятия лекционного типа; 72 ч. — занятия семинарского типа; 10 ч. — самостоятельная подготовка; 2 ч. — зачет; 2 ч. — консультация; 6 ч. — экзамен). При этом тематическим планом предусмотрены занятия, направленные на формирование и развитие знаний об организации огневой подготовки в ОВД, назначения, тактико-технических характеристик и устройства основных видов оружия, состоящих на вооружении МВД России, а также навыков обращения с оружием, при выполнение учебных и контрольных стрельб из 9-мм пистолета Макарова и автомата Калашникова. Из общего числа учебной нагрузки на учебные стрельбы из пистолета Макарова отводится 50 часов, в рамках которых обучающиеся выполняют: подготовительные упражнения №№ 1, 2, 3, 4; учебные упражнения №№ 5, 6, 7, 8, 9; учебно-специальные упражнения №№ 10, 11, 12, 13, 14,15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, предусмотренные Приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних».

Сравнительно-сопоставительный анализ положений, предусмотренных в рабочей программе, позволяет констатировать низкую эффективность образовательного процесса формирования курсантов и слушателей. Значительная часть учебных упражнений стрельб не позволяет развивать профессиональные компетенции, необходимые для эффективного применения табельного оружия в реальной ситуации. Это объясняется тем, что подавляющее большинство учебных и специальных упражнений стрельб исключают специфическое воздействие стрессовых факторов на стрелка, так как выполняются в благоприятных условиях, не соответствующих реальному применению оружия [10]. При этом предполагаемая учебная нагрузка исключает возможность освоения всех перечисленных упражнений стрельб, ввиду дефицита времени отводимых на дисциплину. Возникающие противоречия в организации огневой подготовки сотрудников ОВД негативно сказываются на образовательном процессе. Однако, стоит отметить, что увеличение количества академических часов будет способствовать повышению учебной нагрузки на профессорско-преподавательский состав, аудиторный фонд, а также повлечет за собой превышение норм положенности по израсходованию боеприпасов.

С целью повышения эффективности формирования профессиональных компетенций, связанных с применением огнестрельного оружия, мы предлагаем использовать в образовательном процессе междисциплинарный и практико-ориентированный подходы. Дидактической основой данного направления станет метод ситуационного моделирования, средствами которого выступают упражнения, выполняемые на служебно-прикладной полосе препятствий (далее — СППП). В рамках данного подхода, полученные теоретические знания будут реализованы на учебных и практических занятиях, максимально приближенных к реальным условиям, которые позволят

сформировать у обучающегося комплекс необходимых профессиональных компетенций.

Ряд исследователей и специалистов в области профессионального образования отмечают значимость метода ситуационного моделирования в огневой подготовке сотрудников ОВД [8; 11].

Преимущество использование ситуационного моделирование заключается в наиболее эффективном усвоении учебного материала обучающимися. Сущность данного подхода заключается в отработке конкретных сценариев вооруженного сопротивления, позволяющих обучающимся, подготовиться к возможным рискам и угрозам, возникающим в процессе решения профессиональных задач [4]. Такое направление позволяет обучающимся получать не только теоретические знания, но и сделать образовательный процесс практико-ориентированным, тем самым повышая и укрепляя готовность к применению табельного оружия.

Организация учебных занятий предполагает использование различных форм активных тренировок, способствующих формированию практических навыков и первоначально-служебного опыта действий в различных условиях. При этом использование СППП будет способствовать комплексному развитию навыков применения огнестрельного оружия в сочетании с физической подготовкой.

СППП представляет собой комплекс элементов, оборудованных на спортивной площадке и размещенных на дистанции 100 метров, включающих в себя 8 последовательно расположенных препятствий. Преодоление полосы препятствий состоит в скоростном передвижении между искусственными сооружениями («брусья», «стена», «пеньки», «ров», «лабиринт», «бум», «завал», «подземный переход»). СППП включает в себя силовые, координационные и аэробные нагрузки различной интенсивности, которые моделируют условия, схожие с реальным преследованием и задержанием правонарушителя [12].

При организации учебного процесса необходимо учитывать ряд педагогических принципов построения учебного занятия:

1. Систематичность и последовательность процесса обучения: постепенный переход от простых, контролируемых упражнений по преодолению отдельных элементов СППП к комплексной отработке сценариев применения огнестрельного оружия в условиях с повышенной напряженностью.

2. Практико-ориентированность учебного процесса: разработка сценариев, имитирующих условия реального вооруженного столкновения.

3. Интеграция навыков: формирование и развитие физических и стрелковых навыков, а также психологической устойчивости в целостной картине моделируемой ситуации.

4. Обратная связь и оценка результатов: анализ имеющихся ошибок у обучающихся, при отработке отдельных сценариев.

При организации образовательного процесса возможно использовать типовую структуру учебного занятия, которая содержит следующие компоненты: вводную, подготовительную, основную и заключительную части [1].

Вводная часть включает в себя постановку конкретной цели учебного занятия и разъяснения особенностей решения задач, предусмотренных моделируемыми ситуациями, проведение инструктажа по мерам безопасности. В частности, перед обучающимся возможна постановка задачи по преследованию и осуществлению силового задержанию лица, которое было застигнуто в момент совершения тяжкого или особого тяжкого противоправного деяния, посягающего на жизнь, здоровье или собственность. Для решения указанной задачи курсантам и слушателям необходимо владеть правовыми, техническими и тактическими аспектами применения оружия и преодоления СППП.

Подготовительная часть предполагает формирование отдельных физических и стрелковых навыков в контролируемых условиях. На данном этапе особое внимание стоит уделить отработке отдельных двигательных и тактических навыков преодоления отдельных элементов СППП, а также совершенствованию стрелковой техники при работе «в холостую». Примером является, преодоление обучающимся препятствия «подземный переход», с последующей подачей команды о намерении применить огнестрельное оружие, извлечением оружия из кобуры, приведения его в готовность и производство выстрела «в холостую». Выполнение указанного упражнения должно сопровождаться четкостью

подаваемой команды и технических действий по преодолению препятствия, принятию изготовки для стрельбы, извлечению оружия и приведение его в готовность, прицеливания и производство «холостого» выстрела [2]. Стоит отметить, что подготовительный этап исключает наличие интенсивных физических нагрузок и направлен на адаптацию обучающегося к условиям выполнения упражнений.

Основная часть содержит комбинированный блок, в котором курсанты и слушатели преодолевают одно или несколько препятствий СППП в сочетании со стрелковыми упражнениями. В качестве моделируемой ситуации могут быть использованы различные сценарии и упражнения. В частности, сотрудник на исходном рубеже по команде «Заряжай!» вставляет снаряженный магазин в основание рукоятки, убирает оружие в кобуру и докладывает о готовности к стрельбе. Проверив готовность сотрудника к стрельбе, руководитель стрельб подает команду «Вперед!». По этой команде сотрудник преодолевает препятствие «подземный переход» и выдвигается на огневой рубеж, одновременно подавая команды: «Стой! Полиция! Буду стрелять!». На огневом рубеже 10 метров принимает изготовку к стрельбе стоя и производит два прицельных выстрела по заданной цели — силуэт ног (мишень № 3), зоны поражения обозначаются руководителем стрельб. По окончании стрельбы сотрудник докладывает.

Заключительный этап включает в себя оценку и обратную связь с обучающимися. При оценке выполняемых задач моделируемой ситуации стоит уделить внимание на объективные физические и поведенческие показатели [2]. Стоит учитывать время, затраченное на скоростное передвижение между препятствиями от линии старта до финишной черты, качество выполнения поставленной задачи в рамках раздела огневой подготовки, правомерность применения огнестрельного оружия, ошибки в стрелковой технике и преодолении конкретных препятствий СППП, а также соблюдение мер безопасности при обращении с оружием. Особенно важно в процессе обучения контролировать действия обучающихся и при необходимости корректировать их, тем самым формируя устойчивые навыки преодоления стрессовых ситуаций и готовности применять огнестрельное оружие.

Заключение

Таким образом, возникающие проблемы в системе профессионального образования сотрудников ОВД требуют современных методологических решений. Процесс формирования и развития профессиональных знаний, умений и навыков, в части применения огнестрельного оружия является неотъемлемой и необходимой частью образовательного процесса курсантов и слушателей. Использование в педагогическом процессе метода ситуационного моделирования, средствами которого выступают физические и стрелковые упражнения на СППП, послужит прочной основой для повышения уровня физической и стрелковой подготовки, а также будет способствовать формированию психологической устойчивости к несению службы в экстремальных условиях. Важно отметить, что использование ситуационного моделирования формирует и развивает способность своевременно оценивать оперативную обстановку, принимать обоснованные решения о применении табельного оружия, формировать устойчивые психофизические реакции организма на стрессовые состояния. В рамках учебных занятий необходимо последовательно моделировать стрессовые ситуации, в зависимости от физической, стрелковой и психологической подготовки обучающихся. Степень сложности и разнообразности имитируемых условий зависит от изобретательности и педагогического мастерства преподавателя. Примером ситуационных моделей также могут являться: преодоление СППП с табельным оружием и в средствах индивидуальной бронезащиты, отработка сценариев, включающих принятие решение о применении огнестрельного оружия, пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, отражения вооруженного нападения, освобождение заложников, ведение огня из различных положений и из-за укрытия, в условиях ограниченной видимости, устранение задержек при стрельбе, производство первого (инстинктивного) выстрела после скоростного преодоления одного или нескольких препятствий СППП.

Литература

1. Глубокий В.А. Методическая подготовка слушателей образовательной организации МВД России по физической и огневой подготовке сотрудников ор-

ганов внутренних дел / В.А. Глубокий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. — 2021. — С. 81-82. DOI: 10.51980/2021_2_81 EDN: GWDDBQ

2. Дауров А.И. Методы организации практического обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов / А.И. Дауров // Право и управление. — 2023. — №. 10. — С. 235-239. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-10-235-239 EDN: VNCJMI
3. Иноценко В.А. О некоторых проблемах формирования профессиональных компетенций при обучении огневой подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России / В.А. Иноценко, В.В. Калинин // Редакционная коллегия. — 2020. — С. 86. EDN: RKVVUW
4. Калашников А.Ф. О принципиальной модели учебно-профессиональной деятельности, ориентированной на формирование готовности сотрудников ОВД к обеспечению личной безопасности / А.Ф. Калашников, С.А. Моськин // Актуальные проблемы развития физической культуры слушателей образовательных организаций МВД России. — 2018. — С. 80-84.
5. Кулиничев А.Н. Профессионально-прикладная физическая подготовка как элемент формирования профессиональных компетенций курсантов образовательных организаций МВД России / А.Н. Кулиничев, А.Н. Воротник, А.Н. Волков // Педагогическая перспектива. — 2025. — №. 3 (19). — С. 11-19. DOI: 10.55523/27822559_2025_3(19)_11. EDN: COWBQI
6. Комплексно-контрольные упражнения как средство проверки, оценки физической подготовленности и физического совершенствования военнослужащих / О.С. Боцман, С.А. Трапезников, О.А. Федоренко, Ш.З. Хуббиев // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. — 2020. — № 4. — С. 103-109. EDN: UXPQJK
7. Лапов И.Н. Особенности формирования профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел для выполнения задач в особых условиях / И.Н. Лапов, Е.Г. Светличный, М.М. Хамгоков // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — № 79-2. — С. 238-240. EDN: CXUGWB
8. Лупырь В.Г. Междисциплинарная методология ситуационного подхода в огневой подготовке курсантов МВД России / В.Г. Лупырь // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2023. — Т. 28. — №. 2 (93). — С. 210-216. DOI: 10.24412/1999-6241-2023-293-210-216. EDN: PUFWQJ
9. Мезакс Ю.Ю. Проблемы совершенствования средств обучения и методики проведения занятий по огневой подготовке курсантов МВД / Ю.Ю. Мезакс // Аллея науки. — 2018. — Т. 2, №7(23). — С. 938-940. EDN: XWOPIT
10. Никоноров Е.А. Дидактические средства формирования профессиональных компетенций по силовому пресечению правонарушений / Е.А. Никоноров, А.Н. Кулиничев, А.Н. Воротник // Психология и педагогика служебной деятельности. — 2020. — №3. DOI: 10.24411/2658-638X-2020-10089. EDN: YOZYSX
11. Синянский В.А. Роль метода ситуационного моделирования в формировании профессиональных компетенций сотрудников ОВД / В.А. Синянский, Р.В. Романов, С.В. Кравцов // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9. — №. 2 (31). — С. 167-169. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0902-0042. EDN: AHTVLP
12. Чураков А.А. Преодоление полосы препятствий со стрельбой как эффективная форма повышения физической готовности курсантов и слушателей высших учебных заведений МВД России к выполнению служебных задач / А.А. Чураков, Е.В. Стрельская // Наука-2020. — 2022. — №. 6 (60). — С. 227-231. EDN: UKPJGG

METHODS FOR WORKING WITH PROFESSIONAL TEXTS IN THE CONTEXT OF GENERATION Z AND GENERATION ALPHA IMMERSION IN THE DIGITAL ELECTRONIC ENVIRONMENT

Vorobyeva Oxana Michailovna, *Senior lecturer*

Dyoshina Lyudmila Anatolievna, *Senior lecturer*

Levchenko Victoria Victorovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Moscow University "Synergy", Moscow (Russia)

This study examines methods for working with professionally oriented texts in "Foreign Language in Professional Activity" classes and examines the impact of the digital electronic environment (DEE) on students' cognitive abilities. A review of approaches and concepts used to study this problem, as well as the results of a scientific and practical experiment, led to the conclusion that it is necessary to replace the linear presentation of educational material with an informational basis. The research methods used included empirical observation of attention retention on educational material and testing for memorization of educational information. The following methods for presenting and consolidating information were proposed: visual content, fragmentation, encoding, and dialogic speech practice. Consequently, the proposed changes in teaching methods for working with professionally-oriented texts due to the current changes in cognitive abilities of the generation Z enhance attention concentration duration on learning material, consequently leading to better memorization of learning information and efficiency in process of learning.

Keywords: *the English language; teaching methods; types of reading; professionally-oriented texts; cognitive abilities; digital electronic environment; digital generation; generation Z; generation Alfa; concentration of attention; intensive reading.*

EDN: VCLTII **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.53**

Цитировать: *Воробьева О.М., Дёшина Л.А., Левченко В.В. Методика работы с текстами профессиональной направленности в условиях погружения поколений Z и альфа в цифровую электронную среду // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 380-385. EDN: VCLTII. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.53*

УДК 378.147
5.8.7

© Воробьева О.М., Дёшина Л.А., Левченко В.В., 2026

МЕТОДИКА РАБОТЫ С ТЕКСТАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОГРУЖЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ Z И АЛЬФА В ЦИФРОВУЮ ЭЛЕКТРОННУЮ СРЕДУ

ВОРОБЬЕВА Оксана Михайловна, *старший преподаватель*
SPIN-код: 3577-3465
ORCID: 0009-0009-8500-4943

ДЁШИНА Людмила Анатольевна, *старший преподаватель*
SPIN-код: 7803-1574
ORCID: 0009-0007-4987-4330

ЛЕВЧЕНКО Виктория Викторовна, *кандидат педагогических наук, доцент*
SPIN-код: 6638-2885
ORCID: 0000-0001-9583-6975

Московский университет "Синергия", Москва (Россия)

Исследование посвящено методике работы с профессионально-направленными текстами на занятиях «Иностранный язык в профессиональной деятельности» и обусловлено степенью воздействия цифровой электронной среды (ЦЭС) на когнитивные способности обучающихся. На основе обзора подходов и концепций, используемых для изучения проблемы, а также по результатам проведенного научно-практического эксперимента удалось сделать заключение о необходимости замены линейной подачи учебного материала на информационную основу. В качестве методов исследования применены эмпирическое наблюдение за удержанием внимания на учебном материале, тестирование на запоминание учебной информации. Предложены следующие формы представления и закрепления информации: визуальный контент, фрагментирование, кодирование, практика диалогической речи. В результате, предлагаемое усовершенствование в методике работы с профессионально-ориентированными текстами в соответствии с изменениями когнитивных способностей молодого поколения, способствует удержанию фокуса внимания студентов на учебном материале, что в следствии, приводит к лучшему запоминанию учебного материала и повышению, в целом, эффективности образовательного процесса.

Ключевые слова: *английский язык; методика обучения чтению; виды чтения; изучающее чтение; профессионально-ориентированные тексты; когнитивные способности; цифровая электронная среда (ЦЭС); цифровое поколение; поколение Z; поколение Альфа; концентрация внимания.*

Введение

Тексты профессиональной направленности являются основным учебным материалом, с которым работают обучающиеся на занятиях «Иностранный язык в профессиональной деятельности». Учебные цели работы с текстами включают: 1) обучение эффективной коммуникации на профессиональные темы, что предполагает: знание терминологии, правильное использование языковых стилей, знание этикета, умение находить, анализировать и использовать информацию; быстрое оценивание коммуникативной ситуации на высоком профессиональном уровне и планирование коммуникативных действий. [16, с. 52]; 2) обучение работе с литературой профессиональной направленности на иностранном языке, что подразумевает умение находить необходимую информацию, анализировать и критически оценивать ее.

Тем не менее, профессионально-ориентированные тексты способствуют закреплению материала по профильным предметам в сокращённой форме (из-за малого количества часов, отведенных по учебной программе курса «Иностранный язык в профессиональной деятельности»).

Как показывает практика, иногда упущенный учебный материал по профильным дисциплинам студенты восполняют на занятиях в рамках курса «Иностранный язык в профессиональной деятельности».

Эффективные методы обучения на занятиях по английскому языку выступают в качестве дополнительного ресурса, повышающего мотивацию студентов изучать ту или иную профильную дисциплину.

Традиционно для работы с текстом использовались следующие этапы и виды чтения (классическая методика):

1) подготовительный этап:

просмотровое чтение — первичное ознакомление с текстом для представления о нем в общем: тема, какие вопросы рассматриваются, прогнозирование содержания текста;

поисковое чтение, цель которого — быстро найти в тексте конкретные данные, конкретную информацию.

2) основной этап:

ознакомительное чтение — извлечение основной информации из текста;

изучающее чтение — полное понимание всей содержащейся в тексте информации.

Данная классификация видов чтения принадлежит К.С. Фоломкиной [14], в словаре Э.Г. Азимова к указанным целям изучающего чтения есть дополнение: «анализ прочитанного; сохранение в долговременной памяти» [1, с. 76], данное уточнение наиболее полно соответствует целям современного этапа обучения. С.А. Капсаргиной, О.В. Мартыновой [7], О.Н. Лебеденко [10] и Е.Л. Черкашиной [15] достаточно подробно описан опыт работы и разработки по методике работы с указанными видами чтения, но при этом не учитывается фактор погружения в цифровую электронную среду, в постоянном взаимодействии с которой находятся поколения Z и альфа, что приводит к трансформации их когнитивных способностей.

Клиповое мышление. Многие исследователи отмечают, что из-за перегруженности информацией из цифровой среды поколение Z отличается фрагментарным, поверхностным восприятием её содержания [4; 11, с. 53; 13, с. 271; 18]. Время на детальное изучение максимально ограничено. Следовательно, скорость обработки получаемых сведений значительно увеличена, при этом анализ и критическая оценка в большинстве случаев отсутствуют, что приводит к рискам развития мышления и памяти [5, с. 430; 20], к проблемам для рефлексивного обучения [18]. Происходит снижение креативных способностей, отмечаются трудности в принятии решений и логических рассуждениях, в способности анализа и полного понимания предоставляемой им информации [4; 8; 9, с. 264].

Скользящее внимание: цифровое поколение живет одновременно в двух реальностях: в физическом мире и в цифровом, постоянно переключая свое внимание с одной реальности на другую. Поэтому внимание поколения Z по результатам многих исследований можно охарактеризовать как «рассеянное, скользящее.» [12, с. 14; 17]

Сокращение времени концентрации внимания: короткие видео в социальных сетях с увеличенной скоростью речи привели к тому, что время концентрации внимания значительно сократилось примерно до шести секунд. [18] Эти данные не являются научно доказанными. Тем не менее, возможно, следует учитывать влияние маркетинговых приемов, формирующих привычки потребителей, на

время концентрации внимания. По данным исследования Глории Марк, в настоящий момент доказанным является тот факт, что время концентрации внимания при перегруженности информацией из цифровой среды и переключении с одного источника на другой равно 47 секундам. [19]

Кодирование информации. Поколение Z использует символы, знаки, схемы и таблицы, заменяя ими словесную информацию. [13, с. 271] Восприятие текстовой основы переходит к доминированию визуального восприятия информации, что обусловлено требованием ускорения процесса обработки получаемых данных. Воспринимаемой информацией является не печатное слово, а «медиаобраз» (картинка, короткий текст, схема) [2, с. 41]

В большинстве исследователи приходят к заключению, что современное молодое поколение в связи с постоянным погружением в цифровую электронную среду уже не может обучаться на текстовой основе. [18; 13, с. 272] Под текстовой основой в данном случае имеется в виду линейный текст, читаемый от начала и до конца [3, с 60], без других форм подачи информации.

Прежде всего, требует внимания вопрос, как работает поколение Z с текстами по классической методике, описанной выше (опыт работы авторов статьи с конкретной группой студентов, принимающих участие в эксперименте, описанном далее).

Просмотровое чтение

Задание: озаглавить весь текст.

Группа студентов быстро просматривает первый абзац предложенного текста, после чего делает неверный вывод. При рекомендации преподавателя еще раз просмотреть текст, студенты продолжают отстаивать ранее выдвинутую версию без аргументов. И это вполне объяснимо, при просмотре множества информации в интернете в условиях многозадачности они поступают именно таким образом, успевают прочесть первый абзац и, считая, что им понятно, о чем информация в целом, переходят к следующей ссылке.

Поисковое чтение

При получении задания по поисковому чтению $^{2}/_{3}$ аудитории участников эксперимента не обращаются к изучаемому тексту, чтобы найти там информацию, а переключаются на поиск ответов в интернете, объясняя это тем, что таким образом справиться с заданием быстрее. Минус такого результата: вместо того, чтобы работать с информацией, подобранной преподавателем для оптимально эффективного усвоения учебного материала (терминологии и содержания), студенты обращаются к информации, суть которой, и в том числе перевод найденных в качестве ответов фрагментов, им не ясна. В итоге они теряют концентрацию внимания на занятии в целом.

Изучающее чтение

Студенты теряют интерес к тексту (1600 печатных знаков), начинают отвлекаться, при списке вопросов после всего текста, участники эксперимента не могут на них ответить или задают вопросы чату GPT.

Таким образом, действительно, поколение Z испытывает значительные трудности в работе с текстовой основой.

Следовательно, использовавшаяся ранее методика нуждается в адаптации к современным условиям.

Цель данного исследования — адаптировать методику работы с профессионально-ориентированными текстами в соответствии с изменениями когнитивных способностей молодого поколения. Данная адаптация одновременно должна быть направлена на развитие навыков анализа, логического мышления, критического мышления и памяти. Именно это поможет избежать рисков в развитии мышления и памяти цифрового поколения. Полученные в ходе практического эксперимента данные позволяют судить об эффективности применения усовершенствованной методики работы с профессиональными текстами для цифрового поколения.

Описание адаптированной методики

В связи с тем, что молодое поколение не может воспринимать учебный материал на текстовой основе, назовём восприятие материала «информационной основой». Другими словами, учебный материал доносится до молодого поколения в различных формах, в которых они способны воспринимать его, являясь в конечном итоге информацией, которую нужно закрепить и запомнить, чтобы работать с ней в дальнейшем.

Далее будут рассмотрены, какие формы восприятия информации доступны молодо-

му поколению в сложившихся вышеуказанных условиях.

Подготовительный этап работы с информацией по теме

Визуальный контент со списком лексики. На данном этапе студенты видят картинку к тексту (схему, графическое изображение, ментальную карту) и максимум 10 единиц, необходимых терминов и лексики для минимального общего понимания, какая учебная информация будет представлена на занятии.

Читая термины и лексику, обучающиеся могут составить несколько предложений об основном содержании информации занятия или обсудить в группах и спрогнозировать общие вопросы темы.

Например:

лексика по теме: cancer, treatment, tumor, brain, drill holes, advancement, ancient, Egypt… [1].

В этом случае студенты, соотнося изображение и лексику, могут определить, что информация на занятии будет о лечении рака в древнем Египте и, возможно, о других достижениях медицины этого древнего государства.

Такой способ подачи учебного материала при соотнесении визуального контекста и новых слов, работа по составлению предложений, анализ и обсуждение является своеобразным кодированием, и способствует сохранению информации в памяти. [6, с. 48]

Основной этап работы с информацией. Детальное изучение

Чтение фрагментов текста. Учитывая то, что внимание поколения Z является рассеянным, скользящим (см. выше характеристику внимания поколения Z), текст для удержания внимания разбит на малые тематические отрывки-фрагменты, с учетом клипового, фрагментарного восприятия информации: 450-700 печатных знаков, читаемых в среднем за 47 секунд (в соответствии с данными [19]. Данные получены авторами статьи экспериментальным путем: время 47 секунд понадобилось студентам для осознанного чтения отрывка в среднем в 450-700 печатных знаков.

Профессиональные термины выписываются по ходу чтения малых отрывков также для сохранения концентрации внимания.

Небольшие задания между отрывками помогают обучающимся закрепить информацию. Задания направлены на развитие аналитического мышления на основе информации читаемых отрывков (кейсы, сопоставительный анализ, ошибочные данные) и систематизацию.

В этом случае суммировать информацию для лучшего запоминания основных данных текста можно повторно, после завершения работы с целым текстом, выполняя еще раз по 1-2 задания к отрывкам текста.

В таком случае тест, пройденный сразу после работы с текстом, даст хорошие результаты и это будет дополнительной мотивацией к дальнейшему изучению дисциплины.

Поиск информации. Задание по поиску информации (называемое в классическом методе поисковым чтением) так же дается к малому отрывку текста.

Кодирование информации. Студентам предлагается кодированная информация и задания закодировать информацию.

Например,

GPT invented the acronym for the steps of the procedure. Do you consider it useful? Discuss it.

To document the procedure of filling a tooth, the acronym D.R.E.A.M. is used for the involved steps.

D.R.E.A.M.

- *D — Diagnosis*
- *R — Removal of Decayed Material*
- *E — Examination of Cavity*
- *A — Application of Filling Material*
- *M — Maintenance and Polishing*

Получение информации через диалоги. Информация в одном или двух отрывках (в зависимости от общего объема текста) вводится в виде диалоговых заданий: новые термины записываются на доске, задание сообщается устно.

Например,

термины: incantations, pyramids, poison, praise to god, sacrifice to god…,

задание: используя термины представить себя в роли врача в Египте и посоветовать пациенту способ лечения, выслушав его жалобы. Переключение внимания в данном случае от текста к другой форме подачи информации продолжает удерживать фокус студентов на изучаемом материале. Диалоги, составляемые, в этом случае, студентами самостоятельно, способствуют запоминанию терминологии, дают возможность практики профессиональной коммуникации.

[1] Картинка: https://www.history.com/articles/ancient-egyptian-medicine-cancer-treatment

Закрепление информации в коротких видео. Маркетинговые приемы, применяемые сейчас для рекламы в форме коротких видео, привели к значительному сокращению времени концентрации внимания цифрового поколения. Учитывая этот факт, рассмотрим использование коротких видео для закрепления учебного материала. Видео должны быть продолжительностью 1-2 минуты, с фрагментом информации, повторяющей содержание одного из отрывков, на которые разбит целый текст. Это позволит переключить внимание обучающихся с одной формы подачи информации на другую, продолжит способствовать сохранению концентрации внимания и лучшему запоминанию материала.

Таким образом, с учетом изменения когнитивных способностей молодого поколения мы адаптировали методику работы с профессионально-ориентированным текстом, и одновременно приложили усилия к развитию аналитического мышления и памяти.

Далее была проведена апробация (эксперимент) по предложенным изменениям в методике работы с профессионально-направленными текстами.

Результаты и обсуждение применения адаптированной методики

В эксперименте приняли участие 136 студентов медицинского факультета Московского университета «Синергия», обучающиеся по специальностям лечебное дело, стоматология, 2-3 курсы. Студенты работали по вышеуказанному алгоритму с октября 2024 года по июнь 2025 года, всего 8 месяцев с перерывом на зимнюю сессию и каникулы.

Эмпирическое наблюдение показало, что обучающиеся в ходе эксперимента меньше отвлекались на то, чтобы параллельно изучать информацию, не относящуюся к занятию, в своих телефонах. Следовательно, приемы удержания внимания, описанные в данной статье, можно считать эффективными.

Для того, чтобы выяснить, способствовало ли удержание внимания на учебном материале лучшему запоминанию информации, было проведено тестирование.

Тестирование было направлено на проверку, насколько хорошо студенты воспроизводят в памяти учебный материал профильного направления, данный в аутентичном тексте на английском языке. Тестирование содержало стандартные виды тестовых заданий — множественный выбор, сопоставление, заполнение пропусков, упорядочивание.

Тестирование проводилось в три этапа:

1 этап — сразу после занятия,

2 этап — через месяц (общее, по вопросам к учебному материалу, изучаемому в течение месяца),

3 этап «остаточные знания» — через три месяца (общее, по вопросам к учебному материалу, изучаемому в течение трех месяцев).

Результаты тестирования:

Период: октябрь-декабрь:

— после занятия (присутствовало, в целом, в 6 группах, 130 человек):

81% правильных ответов;

— через месяц (123 человека)

67,3% правильных ответов;

— через три месяца (125 человек)

53% правильных ответов

Период: февраль-апрель (новый учебный материал):

— после занятия (127 человек):

87% правильных ответов;

— через месяц (120 человека)

69% правильных ответов;

— через три месяца (134 человек)

51,7% правильных ответов.

Заключение

Данные тестирования подтверждают, что предложенные методы работы с аутентичными текстами профессиональной направленности являются более эффективными. Они адаптированы под изменение когнитивных способностей поколения Z, способствуют удержанию внимания на учебном материале, что приводит в свою очередь к лучшему запоминанию его содержания.

Таким образом, методику работы с учебными материалами следует адаптировать под современные условия.

Исследования по эффективности изменений в методике других учебных дисциплин, построенной на настоящий момент в основном на текстовой основе, в связи с изменениями когнитивных способностей поколения Z следует продолжать, чтобы образовательный процесс был более успешным. Особенно если учесть тот факт, что систему высшего

образования ожидает вызов следующего за поколением Z поколения Альфа, еще более зависимого от ЦЭС.

Проведенное исследование является определенным вкладом и этапом в формировании осознанного, контролируемого взаимодействия молодого поколения с ЦЭС. Как продолжать формировать эту осознанность — тема будущих научных трудов и научно-практических экспериментов.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: ИКАР, 2009. — 448 с. EDN: XQRFTT
2. Богомолова Е.С., Лангуев К.А. Влияние цифровой среды на мышление и умственную работоспособность учащихся // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2021): сб. статей II-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 11—12 ноября 2021 г. / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. — М.: МГППУ, 2021. — С. 36–48.
3. Бразговка О.В., Микова ОП. Визуальное представление информации // Решетневские чтения. — 2014. — №3(18). — С. 60-61.
4. Браславская Е.А. Проблема и опыт создания учебного пособия по английскому языку для студентов с клиповым мышлением // Международный журнал экспериментального образования. — 2023. — №1. С. 5-9. DOI: 10.17513/mjeo.12113 EDN: NUWQTX
5. Воробьева О.М. Интеграция ИИ в образование: методы преодоления рисков в развитии мышления и памяти / О.М. Воробьева, В.В. Белов // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 429-433. DOI 10.24923/2222-243X.2025-54.66. EDN WJUHHC.
6. Воробьева О.М. Практическое использование ментальных репрезентаций современной жизни для запоминания информации на иностранных языках / О.М. Воробьева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — №4. — С. 47-49. DOI 10.37882/2223-2982.2024.04.06. EDN RUSAQR.
7. Капсаргина С.А., Мартынова О.В. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2024. — Т. 13, №3(48). — С. 69-71. EDN: NLZALN
8. Колобаев В.К. Понятийно-логическое мышление vs клиповое мышление / В.К. Колобаев, Т.А. Синицына // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — №26. — С. 1159-1164. EDN VWAEZW.
9. Крайнов А.Л. Клиповое мышление в контексте образовательных практик: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. — 2019. — Т. 19, вып. 3. — С. 262-266. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-3-262-266
10. Лебеденко О.Н. Особенности работы с профессионально-ориентированными текстами при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. — 2020. — №4(23). EDN: JSFTXL
11. Пендикова И.Г. Клиповое и концептуальное мышление как разные уровни процесса мышления // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. — 2016. — №1. — С. 53-56. EDN XXIDDT.
12. Солдатова Г.У., Никонова Е.Ю., Кошевая А.Г., Трифонова А.В. Медиамногозадачность: от когнитивных функций к цифровой повседневности // Современная зарубежная психология. — 2020. — Т. 9, №4. — С. 8-21. DOI 10.17759/jmfp.2020090401. EDN ZOHXVT.
13. Старицына О.А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2018. — №2(23). — С. 270–274.
14. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. — М: Высшая школа, 2005. — 253 с.
15. Черкашина Е.Л. Изучающее чтение как ведущий вид речевой деятельности при обучении языку специальности иностранных магистрантов (на материале текстов архитектурно-строительного профиля) // Современное педагогическое образование. — 2022. — №8. — С. 69-75. EDN NFILTB.
16. Шелудько Л.Н. Цели обучения профессионально ориентированному иностранному языку в технических вузах // Среднее профессиональное образование. — 2020. — №7(299). — С. 51-53. EDN NBBEBP.
17. Firth J., Torous J., Stubbs B., Firth J.A., Steiner G.Z., Smith L., Alvarez-Jimenez M., Gleeson J., Vancampfort D., Armitage C.J., Sarris J. The “online brain”: how the Internet may be changing our cognition // World Psychiatry. — 2019. — Vol. 18. — Pp. 119–129.
18. Gross T. Zerrouki Y. Hamood A. Clip Thinking — What We Know So Far. — 2024.
19. Mark G. Multitasking, distraction, and vulnerability: human security in a digital age // The Journal of Intelligence, Conflict, and Warfare. — 2025. — №7(3). — Pp. https://doi.org/10.21810/jicw.v7i3.6878
20. Moustaghfir S., Brigui H. Navigating Critical Thinking in the Digital Era: An Informative Exploration // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. — 2024. — №7. — Pp. 137-143. DOI 10.32996/ijllt.2024.7.1.11x

STUDENTS' COMPETITIVENESS IN THE CONTEXT OF INTERNAL MONITORING OF EDUCATIONAL OUTCOMES

Glushchenko Olga Pavlovna, *Lecturer, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar (Russia)*

The article examines students' competitiveness in the context of internal monitoring of educational outcomes as a problem of pedagogical regulation within the university educational environment. The relevance of the study is determined by the fact that, in higher education practice, internal monitoring is often reduced to the recording of academic performance and control procedures, while its potential for organising a development-oriented comparison of students' achievements and for regulating the educational environment remains insufficiently conceptualised. The purpose of the article is to provide a theoretical substantiation of competitiveness as a pedagogically regulated phenomenon emerging within the framework of internal monitoring of educational outcomes at the level of an academic programme. In accordance with this purpose, the study addresses three objectives: to clarify the pedagogical meaning of internal monitoring, to reveal its role in limiting destructive competition, and to substantiate the correlation between monitoring criteria and different types of students' competitiveness. The methodological framework is based on environmental, systemic, and analytical-regulatory approaches to the organisation of the educational process, on the principles of pedagogical qualimetry, and on the concept of multi-axis comparison of educational outcomes, which makes it possible to consider them in normative, dynamic, activity-based, and reflexive dimensions. The study demonstrates that the pedagogical productivity of competitiveness depends not on the mere fact of comparing achievements, but on the nature of comparison criteria, the transparency of procedures, the availability of targeted feedback, and the rejection of dominant ranking. The scientific novelty of the article lies in revealing internal monitoring as an analytical-regulatory and environment-forming mechanism for the pedagogical ordering of competitiveness, and in substantiating a criteria-based model in which completeness of learning outcomes, their stability, operationality, and achievement dynamics generate different modes of comparing educational achievements and create conditions for students' reflexive educational advancement.

Keywords: *students' competitiveness; internal monitoring; educational outcomes; academic programme; educational environment; pedagogical regulation; internal quality assurance system; multi-axis comparison; higher education.*

EDN: VDXBFW ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.54***

Цитировать: *Глущенко О.П. Состязательность обучающихся в условиях внутреннего мониторинга образовательных результатов // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 386-392. EDN: VDXBFW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.54*

УДК 378.14
5.8.1

© Глущенко О.П., 2026

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕГО МОНИТОРИНГА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В статье рассматривается состязательность обучающихся в условиях внутреннего мониторинга образовательных результатов как проблема педагогического регулирования образовательной среды вуза. Актуальность исследования обусловлена тем, что в практике высшего образования внутренний мониторинг нередко редуцируется к фиксации успеваемости и контрольным процедурам, тогда как его потенциал в организации развивающего сопоставления достижений обучающихся и педагогической регуляции образовательной среды остаётся недостаточно осмысленным. Цель исследования состоит в теоретическом обосновании состязательности как педагогически регулируемого феномена, формирующегося в контуре внутреннего мониторинга образовательных результатов на уровне образовательной программы. В соответствии с поставленной целью решаются задачи уточнения педагогического смысла внутреннего мониторинга, раскрытия его роли в ограничении деструктивной конкуренции и обоснования сопряжения критериев мониторинга с различными видами состязательности обучающихся. Методологическую основу исследования составляют средовой, системный и аналитико-регулятивный подходы к организации образовательного процесса, положения педагогической квалиметрии, а также концепция многоосевого сопоставления образовательных результатов, позволяющая рассматривать их в нормативном, динамическом, деятельностном и

рефлексивном измерениях. Установлено, что педагогическая продуктивность состязательности определяется не фактом сравнения достижений как таковым, а характером критериев сопоставления, прозрачностью процедур, адресной обратной связью и отказом от доминирующего ранжирования. Научная новизна исследования заключается в раскрытии внутреннего мониторинга как аналитико-регулятивного и средообразующего механизма педагогического упорядочивания состязательности, а также в обосновании критериальной модели, в рамках которой полнота освоения результатов, их устойчивость, операциональность и динамика достижения задают различные режимы сопоставления образовательных достижений и формируют условия для рефлексивного образовательного продвижения обучающихся.

Ключевые слова: *состязательность обучающихся; внутренний мониторинг; образовательные результаты; образовательная программа; образовательная среда; педагогическая регуляция; внутренняя система оценки качества образования; многоосевое сопоставление; высшее образование.*

ГЛУЩЕНКО Ольга Павловна, *преподаватель, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар (Россия)*
SPIN-код 1807-8771
ORCID ID: 0009-0004-3059-1670

Введение

В высшем образовании проблема обеспечения качества все в большей степени связывается не только с внешними процедурами контроля, но и с развитием внутренних механизмов оценки, позволяющих фиксировать, интерпретировать и использовать данные об образовательных результатах в логике управления образовательной программой. Если в более ранних подходах акцент делался преимущественно на нормативном соответствии и институциональных формах контроля качества, то в исследованиях последних лет все заметнее смещение внимания к внутренней системе оценки качества образования, мониторингу реализации образовательных программ и использованию его результатов как информационной базы для управленческих решений [3; 13; 17; 18]. Однако сама по себе ориентация на результаты еще не гарантирует развивающего характера образовательного процесса. На практике внутренние процедуры оценки нередко редуцируются к учету успеваемости, фиксации дефицитов или формальному накоплению данных, тогда как их аналитический и регулятивный потенциал остается реализованным лишь частично [12; 13]. Вследствие этого внутренний мониторинг образовательных результатов по-прежнему нередко воспринимается как техническое сопровождение контроля, а не как самостоятельный педагогический механизм, способный влиять на организацию образовательной среды и характер образовательного продвижения обучающихся [3; 17; 18].

Одновременно в образовательной практике сохраняется и другая проблемная линия, связанная с присутствием в учебном процессе различных форм сравнения, сопоставления и оценочного соотнесения достижений обучающихся. В работах В.В. Баранова и И.Д. Белоновской, В.В. Плетникова, Н.И. Наумкина с соавторами, а также в современных исследованиях по педагогике высшей школы отмечается, что при описании данного феномена нередко пересекаются категории соперничества, соревновательности, агональности, конкурентности и состязательности [4; 6; 14; 16]. При отсутствии прозрачных критериев, понятных процедур и адресной обратной связи состязательность легко смещается в сторону внешне ориентированной конкуренции, рейтингового давления и статусного распределения обучающихся [4; 11; 16]. Напротив, при педагогически организованном сопоставлении результатов она способна становиться внутренним стимулом образовательного продвижения, усиливать рефлексивную позицию обучающегося и поддерживать его движение по индивидуальной траектории [6; 8; 14].

В существующей литературе прослеживаются две относительно самостоятельные линии анализа. В первой внутренний мониторинг рассматривается преимущественно как компонент внутренней системы оценки качества образования, как инструмент управ-

ленческой аналитики, квалиметрического описания образовательных программ и повышения объективности оценивания. Так, А.А. Макеев, У.М. Дмитриева и О.А. Дураченко описывают мониторинг качества реализации образовательных программ как компонент ВСОКО и показывают его связь с риск-ориентированным и ресурсным подходами [13]. Е.В. Кислякова обосновывает квалиметрический подход к построению системы оценки качества образовательных программ [10]. С.А. Барашкова, Е.Ю. Березнева и Д.Б. Авдеев акцентируют проблему объективности оценивания результатов обучения и необходимость развития внутренней системы оценки качества образования [5]. Н.А. Ахметова и А.Ж. Едилханов рассматривают мониторинг как действенный инструмент управления качеством образования [3], а Е.Н. Карлова и А.Ю. Григоров связывают современные подходы к оценке качества высшего образования с использованием мониторинговых данных как основания для принятия управленческих решений [9]. Во второй линии исследуются педагогический потенциал состязательности, ее структура, формы проявления и ограничения использования соревновательных механизмов в образовательной среде [1; 6; 14; 15]. Вместе с тем сопряжение этих линий разработано недостаточно: внутренний мониторинг редко осмысливается как средообразующий механизм педагогического регулирования состязательности, а состязательность, в свою очередь, редко рассматривается через критериальную рамку мониторинга образовательных результатов.

В этом контексте принципиальным становится вопрос о том, каким образом внутренний мониторинг образовательных результатов влияет на характер состязательности обучающихся и при каких педагогических условиях это влияние приобретает развивающий, а не конкурентно-иерархический характер. В настоящем исследовании внутренний мониторинг рассматривается как институционально регламентированный, циклически организованный аналитико-регулятивный механизм, локализованный на уровне образовательной программы и не сводимый ни к аттестации, ни к санкционной процедуре, ни к рейтинговому ранжированию. Его методологическая продуктивность связана с тем, что он обеспечивает наблюдаемость результатов в динамике, их сопоставимость и педагогическую интерпретацию, а также создает основания для корректировки условий реализации образовательной программы [3; 7; 13]. Тем самым формируется возможность такого типа состязательности, при котором обучающийся соотносит свои достижения не только с внешним нормативом, но и с собственной динамикой, проявлением результата в деятельности и его рефлексивным осмыслением.

Несмотря на заметное развитие исследований в области внутренней оценки качества образования и, отдельно, в области состязательности обучающихся, связь внутреннего мониторинга и состязательности до настоящего времени не получила самостоятельного теоретико-методологического осмысления. В исследованиях по мониторингу внимание сосредоточено главным образом на нормативных, квалиметрических, организационных и аналитических аспектах оценки качества программ, тогда как в работах по состязательности преобладают мотивационные, средовые и организационно-педагогические интерпретации. Вследствие этого остается недостаточно раскрытым вопрос о том, каким образом мониторинговые процедуры и формы обратной связи могут выступать механизмом педагогического упорядочивания состязательности.

Цель данного исследования состоит в теоретическом обосновании состязательности обучающихся как педагогически регулируемого феномена, формирующегося в условиях внутреннего мониторинга образовательных результатов. В ходе анализа решены три взаимосвязанные задачи: уточнен педагогический смысл внутреннего мониторинга образовательных результатов; выявлена его роль в ограничении деструктивной конкуренции и переводе сравнения в развивающий режим; обосновано сопряжение критериев внутреннего мониторинга с различными видами состязательности обучающихся. Методологическую основу исследования составляют средовой, системный и аналитико-регулятивный подходы к организации образовательного процесса, а также положения педагогической квалиметрии и концепция многоосевого сопоставления образовательных результатов, позволяющая рассматривать их в нормативном, динамическом, деятельностном и рефлексивном измерениях.

Аналитико-регулятивная функция внутреннего мониторинга

Внутренний мониторинг образовательных результатов в структуре образовательной программы выполняет не контрольную и не аттестационную, а аналитико-регулятивную функцию: он обеспечивает систематическое получение сопоставимых данных о характере образовательного продвижения обучающихся, выявление устойчивых дефицитов и перевод полученных результатов в педагогические решения для образовательной среды [14; 17]. В этих условиях состязательность приобретает педагогически допустимый характер лишь тогда, когда сопоставление результатов строится по прозрачным основаниям, не нарушает субъектной позиции обучающегося и не превращает различие достижений в статусную иерархию. Тем самым в контуре внутреннего мониторинга состязательность выступает как регулируемое отношение к собственному и чужому результату, организованное через критерии, интерпретируемую обратную связь и многоосевое сопоставление достижений.

Принципиальное значение имеет процессуальная организация внутреннего мониторинга. Его действие не исчерпывается этапом сбора данных: мониторинговый цикл включает целеполагание, отбор критериев, получение сопоставимых результатов, их педагогическую интерпретацию, формирование адресной обратной связи, принятие корректирующих решений и последующее изменение условий реализации образовательной программы. Лишь в такой циклической конфигурации мониторинг начинает выполнять средообразующую функцию. Тогда данные о результатах становятся не материалом для формального учета и не основанием для публичного ранжирования, а ресурсом педагогической регуляции. Отсюда вытекает и принципиальное условие продуктивной состязательности: она возникает не там, где обучающихся просто сравнивают между собой, а там, где это сравнение встроено в прозрачную критериальную рамку, соотнесено с индивидуальной динамикой, сопровождается развернутой обратной связью и ориентировано на следующий шаг образовательного продвижения.

Критериальная рамка и многоосевое сопоставление результатов

Дальнейшее рассмотрение требует обращения к критериальной рамке внутреннего мониторинга. Критериями сопоставления выступают полнота освоения результатов, их устойчивость, операциональность и динамика достижения; вместе с тем педагогическая интерпретация этих данных позволяет рассматривать образовательные результаты в нормативном, динамическом, деятельностном и рефлексивном измерениях. Благодаря этому состязательность приобретает многоосевой характер: результат соотносится с нормативным ориентиром образовательной программы, с индивидуальной динамикой продвижения, с его проявлением в деятельности и с возможностью рефлексивного осмысления достигнутого результата и сохраняющихся дефицитов. При этом рефлексивное измерение в настоящем исследовании не образует самостоятельного критерия внутреннего мониторинга и не вводит отдельного вида состязательности; оно носит сквозной характер и возникает как результат педагогической интерпретации мониторинговых данных, их включения в развернутую обратную связь и использования обучающимся для осмысления дефицитов и проектирования последующего шага образовательного продвижения. Такой сдвиг позволяет удержать развивающий потенциал состязательности и одновременно ограничить риски ее превращения в деструктивную конкуренцию. Указанное сопряжение может быть представлено следующим образом (табл.).

Сопоставление, представленное в таблице, позволяет увидеть, что в условиях внутреннего мониторинга состязательность не является однородным феноменом. Она реализуется в нескольких педагогически различимых режимах, определяемых не внешней организацией соревнования, а характером критерия, положенного в основу сопоставления. При доминировании критерия полноты освоения результатов на первый план выходит нормативная состязательность, связанная с соотнесением достигнутого и требуемого. Критерий устойчивости переводит сопоставление в личностно-ориентированную плоскость, где существенной становится воспроизводимость собственного образовательного продвижения.

Таблица — **Сопряжение критериев внутреннего мониторинга с видами состязательности обучающихся**

Критерий внутреннего мониторинга	Вид состязательности	Педагогический механизм
Полнота освоения образовательных результатов	Нормативная состязательность	Сопоставление достигнутых результатов с планируемыми результатами образовательной программы и установленными критериями их достижения.
Устойчивость образовательных результатов	Личностно-ориентированная состязательность	Соотнесение текущих достижений обучающегося с его предшествующими результатами, выявление стабильности и воспроизводимости образовательного продвижения.
Операциональность образовательных результатов	Деятельностная состязательность	Сопоставление способности применять освоенные знания и умения в практических, проектных и профессионально ориентированных ситуациях.
Динамика достижения образовательных результатов	Индивидуально-траекторная состязательность	Анализ темпа, направленности и характера образовательного продвижения обучающегося без сведения результата к позиционному ранжированию.

В свою очередь, операциональность и динамика достижения делают значимыми деятельностное и индивидуально-траекторное измерения результата. Их педагогическая интерпретация через обратную связь дополнительно выводит рефлексивное измерение, в котором результат становится основанием не только для сравнения, но и для осмысления последующего шага образовательного продвижения.

Педагогические условия и средообразующая функция мониторинга

Педагогическая продуктивность внутреннего мониторинга определяется не самим фактом сопоставления образовательных результатов, а условиями, в которых это сопоставление осуществляется. Состязательность сохраняет развивающий характер при прозрачности критериев, сопоставимости процедур, адресной развернутой обратной связи и отказе от публичной персонализированной иерархии. При доминировании рейтинговой логики мониторинг усиливает внешнюю конкуренцию и формализует отношение к результату; при опоре на индивидуальные профили продвижения, деятельностные проявления и рефлексивное использование обратной связи он, напротив, поддерживает педагогически допустимую состязательность.

Внутренний мониторинг регулирует не только индивидуальное продвижение обучающихся, но и реализацию образовательной программы в целом. Как показывают А.В. Антонов и соавторы, «мониторинг учебных достижений студентов как организационно-педагогическое средство повышения качества подготовки позволяет в ходе учебного процесса создать для студентов благоприятные условия, а для преподавателей — эффективные инструменты информирования субъектов учебного процесса об учебных достижениях студентов, их педагогического сопровождения в реальном масштабе времени подготовки …» [2, с. 46]. Аналитические результаты мониторинга становятся основанием для корректировки содержания и логики реализации образовательной программы, усиления практико-ориентированного компонента, пересмотра форм обратной связи и настройки оценочных средств. Тем самым мониторинг воздействует не на статус обучающегося, а на условия формирования и проявления образовательных результатов. В этом заключается его средообразующая функция: данные о достижениях переводятся в решения, направленные на повышение управляемости образовательного процесса и поддержание такой формы состязательности, которая стимулирует продвижение, но не воспроизводит деструктивную конкуренцию.

Заключение

В ходе проведенного теоретического анализа установлено, что внутренний мониторинг образовательных результатов в условиях реализации образовательной программы не сводится к контрольным или аттестационным процедурам, а выступает институционально организованным аналитико-регулятивным механизмом, обеспечивающим систематическое получение, сопоставление и педагогическую интерпретацию данных о характере образо-

вательного продвижения обучающихся. Его методологическая значимость определяется тем, что образовательные результаты становятся наблюдаемыми в динамике и переводятся из плоскости формальной фиксации в плоскость педагогического анализа и последующей коррекции условий реализации образовательной программы. Такой подход позволяет рассматривать мониторинг не как вспомогательную учетную процедуру, а как внутренний механизм повышения управляемости образовательного процесса.

Показано, что в этих условиях состязательность приобретает не конкурентно-иерархический, а педагогически регулируемый характер. Ее формирование определяется не внешним соперничеством, а педагогически организованным многоосевым сопоставлением достижений по прозрачным критериям, связанным с полнотой освоения результатов, устойчивостью их проявления, операциональностью и динамикой достижения. Педагогическая интерпретация этих данных позволяет рассматривать образовательные результаты в нормативном, динамическом, деятельностном и рефлексивном измерениях. В результате сравнение утрачивает функцию позиционного распределения и начинает работать как средство рефлексивного образовательного продвижения, ориентированного на следующий шаг обучающегося в освоении программы.

Проведенное рассмотрение показывает, что критериальная рамка внутреннего мониторинга задает различные педагогические режимы сопоставления результатов — нормативный, личностно-ориентированный, деятельностный и индивидуально-траекторный, тогда как их педагогическая интерпретация через развернутую обратную связь формирует сквозное рефлексивное измерение образовательного продвижения. Именно это дает основание рассматривать внутренний мониторинг как механизм педагогического упорядочивания состязательности и как средообразующий фактор, влияющий не только на индивидуальное продвижение обучающихся, но и на реализацию образовательной программы в целом. Полученные положения могут быть использованы при разработке локальных моделей внутреннего мониторинга, построении критериальных рамок сопоставления образовательных достижений, построении развернутой обратной связи и отказе от доминирующей рейтинговой логики в пользу аналитически интерпретируемых профилей образовательного продвижения. В перспективе представленные положения могут быть использованы как теоретико-методологическая основа для дальнейшей эмпирической проверки условий педагогически продуктивной состязательности на уровне конкретных образовательных программ и различных категорий обучающихся.

Литература

1. Аниськин В.Н. Влияние конкурсной творческой состязательности на повышение качества профессиональной подготовки студентов вуза / В.Н. Аниськин, А.Л. Бусыгина, Т.В. Добудько [и др.] // Балтийский гуманитарный журнал. — 2023. — Т. 12, №1(42). — С. 7-11. — DOI 10.57145/27129780_2023_12_01_01. — EDN OULHQI.
2. Антонов А.В. Практика мониторинга учебных достижений студентов средствами электронной информационной образовательной среды вуза / А.В. Антонов, Ю.С. Гришачева, В.В. Усманов // Проблемы современного педагогического образования. — 2024. — №84-3. — С. 42-46. — EDN DAJOQP.
3. Ахметова Н.А. Мониторинг как действенный инструмент управления качеством образования / Н.А. Ахметова, А.Ж. Едилханов // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2024. — Т. 24, №2. — С. 122-126. — DOI 10.36979/1694-500x-2024-24-2-122-126. — EDN ZEVXTE.
4. Баранов В.В. Принцип состязательности (агональности) в формировании конкурентного ресурса студента / В.В. Баранов, И.Д. Белоновская // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — №2. — С. 169. — EDN SBWEOZ.
5. Барашкова С.А. Повышение объективности оценивания результатов обучения / С.А. Барашкова, Е.Ю. Березнева, Д.Б. Авдеев // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2024. — Т. 18, №2. — С. 95-105. — DOI 10.57015/issn1998-5320.2024.18.2.9. — EDN QAVKKJ.
6. Глущенко О. П. Обеспечение состязательности обучающихся вузов МВД России: критический анализ существующих подходов / О.П. Глущенко // Научно-методический электронный журнал "Концепт". — 2026. — №1. — С. 90-104. — DOI 10.24412/2304-120X-2026-11006. — EDN CJEPUO.
7. Горбатов С.В. Цифровые инструменты и регулярные диагностики: новая парадигма внутренней оценки качества образования / С.В. Горбатов, Е.А. Краснова // Наука и культура России. — 2025. — Т. 1. — С. 222-226. — EDN ZHVPLW.
8. Камакина О.Ю. Мониторинг удовлетворенности студентов участием в комплексных экзаменах /

О.Ю. Камакина // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — №78-1. — С. 157-160. — EDN EHGWUU.

9. Карлова Е.Н. Современные подходы к оценке качества высшего образования в России / Е.Н. Карлова, А.Ю. Григоров // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2025. — №3(111). — С. 23-27. — EDN CGGYMI.
10. Кислякова Е.В. Квалиметрический подход к построению системы оценки качества сетевых образовательных программ / Е.В. Кислякова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". — 2024. — №9. — С. 96-110. — DOI 10.24412/2304-120X-2024-11140. — EDN GIIVXR.
11. Копий А.Г. Развитие творческой активности студентов в условиях рейтинговой оценки качества образования / А.Г. Копий, О.А. Гришина, А.А. Латышева // Проблемы современного педагогического образования. — 2024. — №85-2. — С. 192-196. — EDN XMFBXE.
12. Майоров А.Н. Мониторинг в образовании: в 2 кн. — Кн. 1 / А.Н. Майоров. — СПб.: Образование-Культура, 1998. — 342 с.
13. Макеев А.А. Система мониторинга качества реализации образовательных программ высшего образования (опыт ФГБОУ ВО «НГПУ») / А.А. Макеев, У.М. Дмитриева, О.А. Дураченко // Вестник педагогических инноваций. — 2025. — №1(77). — С. 14-28. — DOI 10.15293/1812-9463.2501.02. — EDN AEXORR.
14. Наумкин Н.И. Обучение инновационной инженерной деятельности в состязательной образовательной среде / Н.И. Наумкин, Н.Н. Шекшаева, Е.В. Забродина // Образование и наука. — 2021. — Т. 23, №5. — С. 64-98. — DOI 10.17853/1994-5639-2021-5-64-98. — EDN YYMEOR.
15. Наумкин Н.И. Разработка структуры состязательности и анализ форм ее проявления, как мотивирующей части деятельности человека / Н.И. Наумкин, Н.Н. Шекшаева, Р.И. Каграманова, С. В. Забродин // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12, №5. — EDN XCMCCU.
16. Плетников В.В. Агональность как тип состязательности: характеристика и сущностные черты / В.В. Плетников // Социум и власть. — 2017. — №4(66). — С. 114-121. — EDN ZWQSFD.
17. Тарасова И.Б. Мониторинг, контроль и оценка качества образования на муниципальном уровне / И.Б. Тарасова, С.Л. Сидоркина, А.В. Малкин // Народное образование. — 2018. — №8-9(1470). — С. 53-63. — EDN YQHTJZ.
18. Шубина И.В. Мониторинг образовательной среды вуза как показатель его развития / И.В. Шубина // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — №87-3. — С. 337-339. — EDN JKTSOK.

PROBLEMS OF IMPROVING THE QUALITY ASSESSMENT OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION: AN ANALYSIS OF POSITIVE AND NEGATIVE TRENDS IN MODERN PRACTICE

Drondin Alexander Leonidovich, *PhD of Pedagogy, Associate Professor, Moscow University "Synergy", Moscow (Russia)*

The article discusses the problems of improving the quality assessment of domestic higher education in accordance with the current needs of the labor market and the need to provide it with specialists who can effectively solve the challenges facing the country in the current geopolitical environment. The entire post-Soviet period has been characterized by the evolution of the views of higher education management bodies and the academic community on the methodological foundations of education quality assessment, which is reflected in publications on this topic. The contradictory opinions expressed by various experts about the necessary approaches to assessing the quality of higher education make it relevant to develop recommendations for solving the identified problems. The positive consequences of the state's democratization in assessing the quality of higher education, the expansion of accreditation indicators in the direction of increasing the participation of various stakeholders in the assessment of the educational process, which was demonstrated earlier in the framework of the independent assessment of the quality of educational programs preceding professional and public accreditation, have been confirmed. It has been shown that focusing on the compliance of educational programs with Federal State Educational Standards during state accreditation narrows the scope of assessment and does not provide universities with specific recommendations for improving the quality of higher education. The author's recommendations are aimed at harmonizing the interaction of all stakeholders in the educational process when assessing the quality of higher education. The author proposes a systematic shift in the focus of higher education quality control activities from quantitative to qualitative indicators.

Keywords: *higher education, quality of education, employer, labor market, educational program, accreditation, assessment, standard.*

EDN: VFFSZV ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.55***

Цитировать: *Дрондин А.Л. Проблемы совершенствования оценки качества российского высшего образования: анализ позитивных и негативных тенденций в современной практике // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 393-398. EDN: VFFSZV. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.55*

Проблемы совершенствования оценки качества российского высшего образования: анализ позитивных и негативных тенденций в современной практике

УДК 378.14
5.8.1

© Дрондин А.Л., 2026

Рассматриваются проблемы совершенствования оценки качества отечественной высшей школы в соответствии с современными потребностями рынка труда, необходимостью его насыщения специалистами, способными эффективно решать задачи, стоящие перед страной в рамках сложившейся геополитической обстановки. Весь постсоветский период характеризуется эволюцией взглядов органов управления высшим образованием и академического сообщества на методические основы оценки качества образования, что находит свое отражение в публикациях на эту тему. Высказываемые различными специалистами достаточно противоречивые суждения о необходимых подходах к оценке качества высшей школы обусловливают актуальность выработки рекомендаций по разрешению выявленных проблем. Целью исследования является анализ реалий оценки качества отечественного высшего образования сквозь призму запросов его основных интересантов: государства, сообщества работодателей, обучающихся, образовательных организаций. Подтверждаются положительные последствия демонополизации роли государства в оценке качества высшей школы, расширение аккредитационных показателей в направлении повышения участия в оценке образовательного процесса различных его интересантов, что было продемонстрировано ранее в рамках независимой оценки качества образовательных программ, предшествующей профессионально-общественной аккредитации. По результатам анализа выявлено,

ДРОНДИН Александр Леонидович, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры организационного менеджмента, Московский университет «Синергия», Москва (Россия)*
SPIN-код: 1910-6870
ORCID: 0000-0001-7272-5615

что сосредоточение внимания при проведении государственной аккредитации лишь на соответствии образовательных программ Федеральным государственным образовательным стандартам обедняет содержание оценки, не вооружает вузы конкретными рекомендациями по совершенствованию качества высшей школы. Авторские рекомендации направлены на гармонизацию взаимодействия всех интересантов образовательного процесса при проведении оценки качества высшего образования, предлагается планомерное смещение акцента деятельности по контролю качества высшей школы от количественных на качественные показатели.

Ключевые слова: *высшее образование; качество образования; работодатель; рынок труда; образовательная программа; аккредитация; оценка; стандарт.*

Введение

Современная геополитическая ситуация диктует необходимость серьезных усилий по отстаиванию независимости и стратегических приоритетов нашей страны, которые должны опираться на соответствующий кадровый потенциал. Неоспоримую роль в подготовке такого потенциала играет отечественная высшая школа. При этом во многих исследованиях констатируется несоответствие потребностей рынка труда и вузовских образовательных программ [12], что обусловливает высокую актуальность исследования ее качества.

Понятие «качество образования» зафиксировано Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», однако продолжает обсуждаться в академическом сообществе, инициируя достаточно противоречивые суждения. Одной из болевых точек является дискуссия о необходимости учета в оценке качества высшего образования запросов его различных интересантов.

Целью статьи является исследование подходов к оценке качества современной отечественной высшей школы, в том числе государственной и негосударственной оценки, а также определение направлений разрешения выявленных проблем. В круг задач исследования входит: 1) уточнение понятия качества высшего образования; 2) анализ практики оценки высшей школы с точки зрения качества образования; 3) выработка рекомендаций по совершенствованию методологии оценки с учетом современных требований.

Научная новизна исследования выражается в авторской оценке позитивных и негативных тенденций в современной практике оценки качества высшего образования. Методология, использованная для достижения цели исследования, основана на принципах теории качества образования. Первоначальный этап исследования заключался в систематизированном обзоре научных публикаций, посвященных оценке качества высшей школы. Кроме того, обобщен практический опыт оценки качества вузовского образования как со стороны государства, так и негосударственных органов. Эмпирическая база опирается на результаты проектов по независимой оценке качества образовательных программ. Данные проекты были организованы по заказам московских и региональных вузов аккредитационными агентствами, входящими в реестр организаций, которые имеют право проводить профессионально-общественную аккредитацию. Заключительный этап исследования предусматривал комплексное использование теоретических и эмпирических методов, что позволило обобщить проблемы современной оценки качества высшей школы и предложить пути их решения.

Понятие качества высшего образования

Понятие «качество образования» прошло в постсоветский период определенную эволюцию вместе со всей системой образования. Понятно, что высшая школа в СССР готовила кадры для существовавшей тогда макроэкономической системы, которая позиционируется сегодня как близкая к командной. При этом не стоит забывать безусловно позитивное влияние на качество образования выстроенного взаимодействия вузов с предприятиями, в которые выпускники вузов распределялись.

Многие вузы, например, Московский институт радиотехники, электроники и автоматики, практиковали деление учебного процесса старшекурсников, начиная с четвертого курса, с одной стороны, на продолжение изучения учебных дисциплин, а с другой стороны, на работу в объеме половины ставки должности техника на базовом предприятии. При этом учебные дисциплины на старших курсах читали, в основном, не штатные преподаватели вуза, а представители руководящего состава базового предприятия. В этим считывается, несомненно, активное участие работодателя в подготовке выпускников, а также связь теории с практикой, которые исключены из реалий современного образования.

Статья 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" связывает качество образования, прежде всего, с соответствием образовательной деятельности и подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС). Экспертиза качества высшего образования при государственной аккредитации основных профессиональных образовательных программ направлена именно на это, что обусловливает логичность утверждения некоторых авторов о том, что в России качество образования понимается как соответствие ФГОС [7]. При этом другие авторы считают, что понятие «качество образования» требует уточнения [1], очевидно, имея в виду вторую часть определения данного понятия Федеральным законом, в которой качество образования увязывается со степенью соответствия образовательной деятельности потребностям физического или юридического лица, в интересах которого она осуществляется. Вот здесь и возникает проблема максимального учета запросов этих физических и юридических лиц при том, что эти запросы в ряде случаев бывают достаточно противоречивыми. Не теряет актуальности давно известное утверждение о необходимости сохранения баланса между интересами вуза и выполнением требований государства и общества [13]. Л.В. Рудакова представила сравнительный анализ различных аспектов качества высшего образования сквозь призму интересов различных стейкхолдеров высшей школы, в частности, государства, работодателей, студентов, самих образовательных организаций [14]. Представляется актуальным дополнить этот анализ еще одним важным аспектом: как эти стейкхолдеры участвуют в оценке качества высшего образования.

Анализ практики оценки высшей школы с точки зрения качества образования

Участие государства в оценке качества высшей школы в постсоветский период претерпевало серьезные изменения. Доставшаяся в наследство от СССР монополия государства в данной сфере была нарушена в рамках принятого в 1992 году Законе РФ «Об образовании», который дополнил государственную аккредитацию высшего образования возможностью проведения в образовательных структурах общественной (общественно-профессиональной) аккредитации. Данная возможность в 1990-е гг. была, по сути, декларативной, поскольку фактов о проведении в тот период независимой оценки качества образования с выходом на общественную (общественно-профессиональную) аккредитацию не зафиксировано. Реальные проекты в данной сфере появились в 2000-е гг. и неслучайно совпали с вступлением России в Болонский процесс, который, наряду с «видимой частью айсберга», выразившейся в переходе от специалитета к бакалавриату и магистратуре, содержал требования по активному внедрению независимой оценки качества образования [3]. При этом надо признать, что широкого распространения в отечественной высшей школе эти проекты не получили, а методология их проведения базировалась, в основном, на западноевропейском опыте проведения подобных процедур.

Вступивший в силу с сентября 2013 года Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» не только изменил название аккредитации с общественно-профессиональной на профессионально-общественную, но и назвал работодателей и уполномоченные ими организации в качестве органов, принимающих решение о данной аккредитации, а также озвучил возможность предоставления сведений о результатах профессионально-общественной аккредитации при проведении государственной аккредитации. Последовавшее в 2014 году учреждение

Национального совета по профессиональным квалификациям при Президенте РФ и инициированное им создание профессиональных стандартов, укрепило критериальную базу профессионально-общественной аккредитации. В конце 2010-х гг. даже появилось предложение, родившееся после изучения опыта управления высшим образованием западноевропейских стран: сохранить за государством институциональную оценку вузов, делегировав оценку качества образовательных программ профессионально-общественному сообществу [11]. Однако с выходом нашей страны из Болонского процесса подобные предложения стихли.

Сегодня представителем государства в части реализации функции контроля качества высшей школы в настоящее является Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). Многие исследователи отмечают, что процедура государственной аккредитации не дает дифференцированной оценки выполнения вузом требований ФГОС [5]. Решение в рамках государственной аккредитации по-прежнему остается бинарным: да или нет, и данная категоричность не позволяет осуществить всестороннее консультирования вуза в части направлений совершенствования качества образования. Нельзя не отметить положительной тенденции в части включения в требования ФГОС необходимости учета при разработке образовательных программ вузами, как минимум, одного профессионального стандарта и привлечения вузом к проведению регулярной внутренней оценки качества высшей школы работодателей и их объединений. Важным шагом видится включение в аккредитационные показатели по образовательным программам высшего образования результатов анкетирования работодателей и опросов педагогических работников. Отметим, что данные тенденции во многом корреспондируются с методической базой, на которую опиралась в 2010-е гг. профессионально-общественная аккредитация [4]. При этом трудно не согласиться с В.А. Зерновым, И.В. Дардой и Г.А. Шабановым, предлагающим дальнейшую корректировку аккредитационных показателей [6].

Отдельного обсуждения требует участие в оценке качества высшей школы такого важного интересанта, как сообщество работодателей. Отталкиваясь от упомянутого выше советского опыта выстраивания диалога вуз–работодатель, обратимся к сегодняшнему дню данного взаимодействия в области оценки качества образовательных программ высшего образования. В рамках участия России в Болонском процессе можно отметить постепенное возрастание роли работодателей при проведении профессионально-общественной аккредитации. Разработанные под эгидой Национального совета по профессиональным квалификациям при Президенте РФ профессиональные стандарты вывели на новый уровень профессионально-общественную аккредитацию, однако методическая готовность организаций, включенных Министерством науки и высшего образования в число имеющих право проводить профессионально-общественную аккредитацию, мягко говоря, различная.

Выход нашей страны из Болонского процесса не должен снижать значимости профессионально-общественной аккредитации. В свете современных реалий стала очевидна поспешность решения по вхождению в единую зону европейского высшего образования. Однако это не умаляет полезности учета в отечественной системе оценки качества высшей школы международного опыта придания оценке качества образовательной деятельности государственно-общественного характера [2]. Целесообразным выглядит более жесткий подход к попаданию аккредитационных агентств в реестр организаций, имеющих право проводить профессионально-общественную аккредитацию, с одновременным обязательным учетом результатов профессионально-общественной аккредитации в аккредитационных показателях по образовательной программе. Хорошей идеей видится дополнение принятой в 2010-е гг. ориентации критериальной базы профессионально-общественной аккредитации на западноевропейские методики, например, подходами, принятыми в Китае и США, которые были выработаны вдалеке от Болонского процесса, однако имеют существенные преимущества [8].

Еще одной проблемой гармонизации участия в оценке качества высшей школы различных интересантов остается недостаточная вовлеченность в этот процесс самих обучаю-

щихся. Опыт независимой оценки качества образовательных программ, предваряющей процедуру профессионально-общественной аккредитации, неоднократно высвечивал серьезные сложности вузов при демонстрации достижения такого критерия качества образовательных программ, как участие обучающихся в определении содержания образовательных программ, и сейчас эта проблема никуда не ушла. Определенный прогресс в ее решении может быть связан с использованием системы студенческой оценки преподавания, которая предусматривает интеграцию обратной связи от обучающихся как о качестве работы преподавателей, так и о различных сторонах учебного процесса. Данная практика положительно зарекомендовала себя в вузах США, Европы, Австралии [10]. И хотя реалистичный взгляд на ситуацию показывает, что в большинстве отечественных вузов студенческая оценка преподавания находится лишь на стадии становления [9], безусловно, следует считать ее действенным инструментом совершенствования качества высшего образования.

Наконец, важным участником оценки качества высшей школы являются сами вузы. Внутренние системы оценки качества образования, которые существуют в ведущих образовательных организациях уже продолжительное время, стали с 2021 года необходимыми, с точки зрения аккредитационных показателей по образовательной программе. Показатель считается выполненным, если, кроме наличия положения о внутренней системе оценки качества образования, систематически проводятся опросы работодателей, преподавателей и студентов [15]. Тем самым реализуется роль внутренней системы оценки качества высшей школы как важного инструмента интеграции запросов различных интересантов высшей школы. Поддерживая развитие института внутренних систем оценки качества высшего образования, обратим внимание на необходимость расширения ракурса контрольных мероприятий в его рамках, что позволит уйти от ориентации на единственную цель: подготовки вуза к государственной аккредитации. Также хочется предостеречь и от избыточного использования квалиметрических показателей эффективности обучения. Понятно, что легче зафиксировать, назвал ли преподаватель компетенции, приобретаемые обучающимися в рамках данного занятия, и не забыл ли очередной раз сообщить список дополнительной литературы. Этой фиксацией, кстати, вполне может заняться и искусственный интеллект, использование которого при оценке качества образования должно быть, на наш взгляд, чрезвычайно осторожным и выверенным. Но гораздо труднее учитывать тот факт, что студенты слушают преподавателя, затаив дыхание, причем не только потому, что предстоит сложный экзамен по его дисциплине. А учитывать надо, если мы хотим достичь действительно высокого уровня качества высшего образования.

Заключение

Исследование показывает, что к актуальным рекомендациям по совершенствованию системы оценки качества высшего школы следует отнести следующие:

— максимально гармонизировать в рамках государственной аккредитации запросы всех интересантов высшего образования;

— развивать институт профессионально-общественной аккредитации, дополняя методическую базу независимой оценки качества образования использованием разнообразного международного опыта;

— активнее вовлекать в оценку качества образовательных программ обучающихся, используя студенческую оценку преподавания;

— при встраивании внутренних систем оценки качества образования сбалансировано учитывать мнения всех интересантов высшей школы, дозируя квалиметрические показатели эффективности обучения.

Литература

1. Булат Р.Е., Байчорова Х.С. Качество образования: рост, развитие или преобразование? // Юрист ВУЗа. — 2023. — №5. — С. 3-10.
2. Буриков А.В., Петренко Д.Г., Рубинштейн И.А. Оценка качества образовательной деятельности в системе высшего образования // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — №6(156). — С. 1-6.
3. Долгоруков А.М., Зырянов В.В. и др. Опыт разработки процедур профессионально-общественной аккредитации для социально-гуманитарной сферы российского образования // Высшее образование в России. — 2015. — №10. — С. 5-15.
4. Дрондин А.Л. Независимая оценка качества высшего образования как научная проблема и практическая задача // Высшее образование сегодня. — 2019. — №3. — С. 17-23.

5. Звонников В.И. Как поднять эффективность аккредитации профессиональных образовательных программ и снизить ее нагрузку на вузы? // Высшее образование сегодня. — 2019. — №3. — С. 11-16.
6. Зернов В.А., Дарда И.В., Шабанов Г.А. Государственная аккредитация и аккредитационные показатели — высшее образование: вектор развития // Высшее образование сегодня. — 2025. — №1. — С. 2–10.
7. Княгинина Н.В., Янкевич С.В., Тихонов Е.О. Использование принципов «регуляторной гильотины» и методов вычислительного права для анализа требований к качеству высшего образования // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — №1. — С. 78–100.
8. Крылова К.М. Анализ зарубежных подходов к оценке качества высшего образования // Высшее образование сегодня. — 2025. — №3. — С. 65-70.
9. Лисова Т.А., Двойнин А.М. Студенческая оценка преподавания в университетах: актуальные проблемы в контексте российского опыта // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12, №6. — С. 1-14.
10. Мельникова В.В. Студенческая оценка преподавания: ограничения использования и перспективы развития // ЦИТИСЭ. — 2025. — №2(44). — С. 385-399.
11. Мотова Г.Н. Эволюция системы аккредитации в сфере высшего образования России // Высшее образование в России. — 2017. — №10(216). — С. 13-25.
12. Ногина А.А. Качество высшего образования: ключевые направления // Педагогика современности. — 2025. — №2-2(32). — С. 22-23.
13. Похолков Ю.П., Чучалин А.И., Могильницкий С.Б., Боев О.В. Обеспечение и оценка качества высшего образования // Высшее образование в России. — 2004. — №2. — С. 12–27.
14. Рудакова Л.В. Обеспечение качества в современном высшем образовании // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 7, №7. — С. 209–218.
15. Тишкина К.О. Роль студента в обеспечении качества высшего образования: анализ результатов исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2025. — Т. 1, №3(106). — С. 43-55.

DIGITAL TRANSFORMATION OF CAREER GUIDANCE WORK WITH HIGH SCHOOL STUDENTS: MODELS, TOOLS, EFFECTIVENESS

Egorova Ekaterina Vladimirovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don (Russia)*

Rynkevich Anna Vladimirovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State Institute of Fine Chemical Technologies; MIREA — Russian Technological University, Moscow (Russia)*

The study examines the actual problems of the global digital transformation of education and the need for a scientific understanding of changes in career guidance work with high school students, for whom digital environments are a natural space for life. The purpose of the study is a theoretical justification and empirical analysis of the processes of digital transformation of career guidance work with high school students, including the systematization of existing models and tools, as well as an assessment of their effectiveness. The objectives of the research are: to identify the main directions of digital transformation of career guidance work with high school students; to develop a typology of digital models and career guidance tools; to analyze domestic and foreign experience in using digital career guidance platforms and services; an empirical study of the effectiveness of various digital tools in shaping the readiness of high school students for professional choice; to identify promising areas for the development of digital career guidance. The research methodology includes theoretical analysis, comparative analysis of digital platforms, questionnaires (210 school students and 45 teachers), pedagogical experiment, methods of mathematical statistics. As a result of the research, the author's typology of digital career guidance models (instrumental, platform-based, AI-oriented, ecosystem-based) has been developed; digital tools have been systematized according to their functional purpose.; The effectiveness of a mixed career guidance model combining digital platforms and pedagogical support has been empirically confirmed (an increase in readiness for professional self-determination by 23.6% in the experimental group). The analysis of the digital transformation of career guidance as an integral process allowed us to obtain not only technological solutions, but also to develop criteria for evaluating the effectiveness of digital career guidance tools. The results obtained can be used to optimize career guidance in educational organizations, select effective digital tools, and prepare teachers to work in the context of digital transformation.

Keywords: *digital transformation; career guidance; high school students; digital career guidance platforms; personalization; effectiveness of career guidance; professional self-determination.*

EDN: VSWLGO ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.56***

Цитировать: *Егорова Е.В., Рынкевич А.В. Цифровая трансформация профориентационной работы со старшеклассниками: модели, инструменты, эффективность // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 399-404. EDN: VSWLGO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.56*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ СО СТАРШЕКЛАССНИКАМИ: МОДЕЛИ, ИНСТРУМЕНТЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

УДК 37.048

5.8.2

© Егорова Е.В., Рынкевич А.В., 2026

Данное исследование рассматривает актуальные проблемы глобальной цифровой трансформации образования и обусловлено необходимостью научного осмысления изменений в профориентационной работе со старшеклассниками, для которых цифровые среды являются естественным пространством жизнедеятельности. Цель исследования — теоретическое обоснование и эмпирический анализ процессов цифровой трансформации профориентационной работы со старшеклассниками, включая систематизацию существующих моделей и инструментов, а также оценку их эффективности. Задачами исследования являются: определение основных направлений цифровой трансформации профориентационной работы со старшеклассниками; разработка типологии цифровых моделей и инструментов профориентации; анализ отечественного и зарубежного опыта применения цифровых профориентационных платформ и сервисов; эмпирическое исследование эффективности различных цифровых инструментов в формировании готовности старшеклассников к профессиональному выбору; определение перспективных направлений развития цифровой профориентации. Методология исследования включает в себя теоретический анализ, сравнитель-

ЕГОРОВА Екатерина Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону (Россия)
SPIN-код: 4814-3803
ORCID: 0000-0002-0868-9311
ResearcherID: AAS-9242-2020

РЫНКЕВИЧ Анна Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный институт тонких химических технологий имени М.В. Ломоносова; МИРЭА — Российский технологический университет, Москва (Россия)
SPIN-код: 1160-3276
ORCID: 0000-0001-8624-5663
ResearcherID: AEB-4393-2022

ный анализ цифровых платформ, анкетирование (210 старшеклассников и 45 педагогов), педагогический эксперимент, методы математической статистики. В результате разработана авторская типология моделей цифровой профориентации (инструментальная, платформенная, AI-ориентированная, экосистемная); систематизированы цифровые инструменты по функциональному назначению; эмпирически подтверждена эффективность смешанной модели профориентации, сочетающей цифровые платформы и педагогическое сопровождение (прирост показателей готовности к профессиональному самоопределению на 23,6% в экспериментальной группе). Проведенный анализ цифровой трансформации профориентации как целостного процесса позволило получить не только технологические решения, а также разработать критерии оценки эффективности цифровых профориентационных инструментов. Полученные результаты имеют возможность использования их для оптимизации профориентационной работы в образовательных организациях, выбора эффективных цифровых инструментов и подготовки педагогов к работе в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: *цифровая трансформация; профориентация; старшеклассники; цифровые профориентационные платформы; персонализация; эффективность профориентации; профессиональное самоопределение.*

Введение

Цифровая трансформация образования является одним из глобальных трендов современности, закрепленных в национальных программах многих стран, включая Россию. Этот процесс затрагивает все аспекты образовательной деятельности, включая профориентационную работу со старшеклассниками [2; 4; 5]. Актуальность исследования определяется рядом факторов. Во-первых, современные старшеклассники относятся к поколению «цифровых аборигенов» — они выросли в среде, насыщенной цифровыми технологиями, и привыкли получать информацию, общаться и решать жизненные задачи через цифровые каналы. Игнорирование этого факта снижает эффективность традиционных профориентационных форматов. Во-вторых, цифровые технологии открывают принципиально новые возможности для персонализации профориентационной работы, учета индивидуальных особенностей, интересов и способностей каждого учащегося. В-третьих, существует противоречие между активным внедрением цифровых технологий в образование и недостаточной разработанностью научно-обоснованных подходов к цифровой трансформации именно профориентационной работы.

Несмотря на наличие отдельных исследований, посвященных применению цифровых инструментов в профориентации [1; 3; 6; 8], отсутствуют комплексные работы, объединяющие анализ моделей цифровой профориентации, классификацию инструментов и оценку их эффективности. Остается недостаточно исследованным вопрос о том, каким образом цифровая трансформация изменяет цели, содержание, формы и методы профориентационной работы со старшеклассниками.

Цель данного исследования заключается в теоретическом обосновании и критическом анализе процессов цифровой трансформации профориентационной работы со старшеклассниками, включая систематизацию существующих моделей и инструментов, а также оценку их эффективности. В задачи исследования входят вопросы типологизации основных направлений цифровой трансформации профориентационной работы со старшеклассниками и исследование эффективности различных цифровых инструментов в формировании готовности старшеклассников к профессиональному выбору для определения перспективных направлений развития модели цифровой профориентации.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют теории цифровой

трансформации образования, концепции профессионального самоопределения в цифровую эпоху, системный и компетентностный подходы к оценке эффективности профориентации, а также современные исследования в области человеко-цифрового взаимодействия [7; 9; 10].

Результаты и их обсуждение

Цифровую трансформацию профориентации следует отличать от простой цифровизации. Если цифровизация предполагает использование цифровых инструментов в рамках традиционных моделей работы (например, компьютерное тестирование вместо бумажного), то трансформация означает качественное изменение целей, содержания, форм, методов и ролей участников профориентационного процесса.

Анализ литературы позволяет выделить следующие ключевые направления цифровой трансформации профориентации.

1. Персонализация — адаптация профориентационных материалов и рекомендаций к индивидуальным особенностям, интересам и способностям каждого учащегося на основе анализа цифровых следов и данных психометрического тестирования.

2. Интерактивность — создание условий для активного взаимодействия старшеклассников с профессиональными средами через игровые форматы, симуляторы, виртуальные профессиональные пробы.

3. Доступность — обеспечение равного доступа к качественным профориентационным ресурсам независимо от места проживания (особенно актуально для сельских и удаленных территорий).

4. Непрерывность — создание возможности для профориентационного сопровождения на всех этапах профессионального самоопределения, включая постшкольный период.

5. Аналитика на основе больших данных — использование данных о поведении, предпочтениях и успешности учащихся для прогнозирования оптимальных карьерных траекторий.

Психолого-педагогические особенности профориентации старшеклассников в цифровую эпоху связаны с двумя основными факторами. Во-первых, старший школьный возраст (15-17 лет) характеризуется готовностью к жизненному и профессиональному самоопределению. В цифровую эпоху этот процесс приобретает новые черты. Современные старшеклассники обладают специфическими особенностями восприятия информации: клиповое мышление, предпочтение визуальных форматов, высокая скорость переключения внимания, ориентация на интерактивность. Это требует пересмотра традиционных профориентационных форматов (лекций, экскурсий) в сторону более динамичных и вовлекающих. Во-вторых, под влиянием цифровой экономики трансформируется и сам мир профессий. Появляются новые профессии (дата-сайентист, разрабочик нейроинтерфейсов), изменяются требования к компетенциям в традиционных сферах. Старшекласснику все сложнее ориентироваться в этом многообразии без цифровых инструментов навигации.

На основе анализа отечественного и зарубежного опыта выделены четыре основные модели цифровой профориентации:

1. Инструментальная модель (аддитивная) — цифровые инструменты (онлайн-тесты, профориентационные сайты) используются как дополнение к традиционной профориентационной работе. Цифровые и традиционные форматы сосуществуют параллельно, без глубокой интеграции. Характерна для школ с начальным уровнем цифровизации.

2. Платформенная модель (интегративная) — создание единой цифровой платформы, объединяющей диагностические, информационные, коммуникационные и аналитические модули. Примеры: российские платформы «ПроеКТОриЯ», «Билет в будущее». Платформа становится центром профориентационной работы, аккумулируя данные об учащемся и предлагая персонализированные рекомендации.

3. AI-ориентированная модель (адаптивная) — использование алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта для персонализации профориентационных рекомендаций. Системы анализируют большие массивы данных (результаты тестирования, цифровые следы, успешность выпускников) и на их основе предлагают оптимальные карьерные траектории. Примеры: зарубежные платформы YouScience, Xello, FRCD (Future Ready Career-Duck).

4. Экосистемная модель (сетевая) — интеграция в единой цифровой среде множества субъектов: школ, организаций профессионального образования, вузов, работодателей, центров занятости, общественных организаций. Цифровая экосистема обеспечивает непрерывное сопровождение профессионального самоопределения на всех этапах — от школы до трудоустройства. Пример: платформа Exponential Pathways.

Анализ существующих цифровых ресурсов позволяет выделить следующие группы инструментов по функциональному назначению (табл. 1).

Таблица 1 — **Цифровые инструменты для профориентационной деятельности**

Группа инструментов	Функции	Примеры
Диагностические	Онлайн-тестирование способностей, интересов, личностных особенностей; психометрические платформы	YouScience, Xello, платформа для Индонезии
Информационно-навигационные	Атласы профессий, навигаторы по образовательным траекториям, базы данных учебных заведений	«ПроеКТОриЯ», «Поступи онлайн»
Интерактивно-игровые	Геймифицированные профориентационные платформы, веб-квесты, симуляторы	STEM-квесты, профессиональные симуляторы
Иммерсивные	Виртуальная и дополненная реальность для профессиональных проб	VR-тренажеры профессиональных навыков
Коммуникационные	Чат-боты, виртуальные ассистенты, платформы для связи с профессионалами и наставниками	Чат-боты на основе NLP, платформы наставничества
Аналитические	Системы на основе искусственного интеллекта для прогнозирования карьерных траекторий, анализа цифровых следов	FRCD, системы рекомендаций на основе ML

Анализ отечественных цифровых платформ показал, что наиболее развитыми и востребованными являются:

1) платформа «ПроеКТОриЯ» — федеральный проект, включающий интерактивный конструктор, позволяющий соотносить свои интересы и способности с требованиями профессий; открытые онлайн-уроки с участием ведущих специалистов и работодателей; форум профессиональной навигации; диагностические материалы;

2) проект «Билет в будущее» — платформа, реализуемая в рамках нацпроекта «Образование», который включает трехэтапную диагностику (интересы, способности, готовность к выбору); практические профессиональные пробы на базе организаций профессионального образования; формирование цифрового профиля учащегося с рекомендациями.

Экспертная оценка (по 10-балльной шкале) выявила следующие результаты (табл. 2).

Анализ зарубежных исследований показывает активное развитие цифровых профориентационных инструментов. Исследование, проведенное в Kerinci Regency (Индонезия), представило разработку и оценку веб-платформы профориентации для учащихся средней школы. Платформа включала модули самооценки, интерактивный профориентационный контент и инструменты отслеживания прогресса. Апробация на 39 учащихся и 7 консультантах показала статистически значимые улучшения в самосознании, уверенности в принятии решений и управлении временем при планировании карьеры. После внедрения 85% учащихся отметили, что лучше понимают свои таланты и интересы, а 82% — выразили повышенную уверенность в выборе образовательных и карьерных путей. Исследование VUONG QUOC TUAN предлагает четыре группы управленческих решений для организации профориентации в эпоху цифровой трансформации: целеполагание и планирование, реализация, мониторинг, оценка и последующее планирование. Цифровые технологии интегрируются на каждом этапе для усиления персонализированного взаимодействия с учащимися и повышения эффективности связей с предприятиями через онлайн-платформы. Также в настоящее время активно развиваются системы на основе машинного обучения, такие как FRCD (Future Ready Career-Duck), для прогнозирования карьерных траекторий учащихся на основе анализа их профилей и образовательных результатов.

Обобщение теоретического анализа и практического опыта позволяет представить разработанную нами типологию моделей цифровой профориентации (табл. 3).

Таблица 2 — **Экспертная оценка отечественных профориентационных платформ**

Критерий	«ПроеКТОриЯ»	«Билет в будущее»	Региональные платформы
Полнота функционала	8,5	9,2	5,8
Научная обоснованность	7,8	8,9	5,2
Персонализация	7,2	8,5	4,8
Интерактивность	8,8	7,5	5,5
Удобство интерфейса	8,0	8,2	6,0
Интеграция с образовательным процессом	7,5	8,0	6,5
Итоговый балл	8,0	8,4	5,6

Также проведенное исследование позволило выявить следующие группы барьеров:

1) технологические барьеры, возникающие на основе неравенства доступа к цифровой инфраструктуре (особенно в сельских школах), недостаточное техническое оснащение, ограниченная пропускная способность интернет-каналов;

2) организационно-педагогические барьеры из-за недостаточной подготовки педагогов к использованию цифровых профориентационных инструментов, отсутствие методик интеграции цифровых ресурсов в образовательный процесс, фрагментарность использования цифровых инструментов, отсутствие системного подхода;

3) психологические барьеры для участников процесса, возникающие в результате риска снижения роли живого общения, недостаточное доверие к AI-рекомендациям, цифровой разрыв между педагогами и учащимися;

4) методологические барьеры, обоснованные отсутствием единых критериев эффективности цифровой профориентации, недостаточная научная обоснованность некоторых цифровых диагностических инструментов.

Таблица 3 — **Типология моделей цифровой профориентации**

Модель	Уровень интеграции	Ключевая характеристика	Примеры	Целевая аудитория
Инструментальная (аддитивная)	Низкий	Цифровые инструменты дополняют традиционные форматы	Онлайн-тесты, сайты профессий	Школы с базовым уровнем цифровизации
Платформенная (интегративная)	Средний	Единая платформа с комплексным функционалом	«ПроеКТОриЯ», «Билет в будущее», индонезийская платформа	Региональные и федеральные проекты
AI-ориентированная (адаптивная)	Высокий	Персонализированные рекомендации на основе ML/AI	YouScience, Xello, FRCD	Школы с высоким уровнем цифровизации
Экосистемная (сетевая)	Максимальный	Интеграция множества субъектов в цифровой среде	Exponential Pathways (CAEL)	Крупные образовательно-профессиональные кластеры

Заключение

Цифровая трансформация профориентационной работы со старшеклассниками представляет собой многоаспектный процесс, включающий изменение целей, содержания, форм и методов работы под влиянием цифровых технологий. Основными направлениями трансформации являются персонализация, интерактивность, доступность, непрерывность и аналитика на основе больших данных.

Разработана авторская типология моделей цифровой профориентации, включающая инструментальную (аддитивную), платформенную (интегративную), AI-ориентированную (адаптивную) и экосистемную (сетевую) модели. Каждая модель характеризуется определенным уровнем интеграции цифровых технологий и решает специфические задачи.

Систематизированы цифровые инструменты профориентации по функциональному назначению: диагностические, информационно-навигационные, интерактивно-игровые, иммерсивные, коммуникационные, аналитические. Анализ отечественных и зарубежных платформ показывает высокий потенциал развития всех групп инструментов.

Эмпирически подтверждена эффективность смешанной модели профориентации, сочетающей использование цифровых платформ («Билет в будущее», «ПроеКТОриЯ») с педагогическим сопровождением.

Выявлены основные барьеры цифровой трансформации: технологические (неравенство доступа), организационно-педагогические (недостаточная подготовка педагогов, фрагментарность использования), психологические (риск снижения роли живого общения) и методологические (отсутствие единых критериев эффективности).

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой научно-обоснованных критериев эффективности цифровой профориентации, изучением долгосрочных эффектов использования AI-систем, созданием моделей интеграции цифровых платформ в единую профориентационную экосистему.

Литература

1. Андреева А.А. Персонализация и индивидуализация программ дополнительного профессионального образования средствами искусственного интеллекта // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 293-300.
2. Гамаюнова О.В. Цифровые инструменты в профориентационной деятельности педагога // Молодой ученый. — 2025. — №18(569). — С. 413-415.
3. Колесова А.С., Сараева О.Н. Перспективы применения искусственного интеллекта в профориентационной деятельности // Креативная экономика. — 2023. — №7. — С. 2475-2490.
4. Орлов Д.С. Персонализация профориентации старшеклассников в условиях цифровой трансформации: проблемы, барьеры и концепция интегрированной цифровой платформы // Бизнес и общество. — 2025. — №4(48).
5. Пазухина С.В., Миронов А.С. Инновационная программа профориентационной работы с обучающимися цифрового поколения для повышения мотивации выбора профессии психолога // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2025. — №4. — С. 120–135.
6. Садыкова А.А., Атемова К.Т., Гелишли Ю. Цифровые технологии как средство формирования профессиональной ориентации старшеклассников // Вестник университета имени Ахмета Ясави. — 2025. — №1. — С. 176-191.
7. Томюк О.Н., Дьячкова М.А., Кириллова Н.Б., Дудчик А.Ю. Цифровизация образовательной среды как фактор личностного и профессионального самоопределения обучающихся // Перспективы науки и образования. — 2019. — №6(42). — С. 422-434.
8. Хлобыстова А.О., Абрамов М.В., Столярова В.Ф. Исследование тенденций взаимосвязи между профориентационными предпочтениями пользователей и их цифровыми следами в социальной сети // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. — 2023. — №3. — С. 564-574.
9. Царско А.А., Белгибаев Р., Костюкова Т.А. Анализ результатов эффективности профориентационного тестирования в цифровой среде (на примере цифровой платформы "HR+") // KANT. — 2023. — №3(48). — С. 271-278.
10. Яковлева Е.В., Гольцова Н.В. Игровые механики геймификации в профориентации и профессиональном самоопределении детей разных возрастных групп // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2022. — №1(106). — С. 188-199.

STRUCTURAL AND CONTENT CHARACTERISTICS OF THE COMPETENCE OF SELF-ANALYSIS OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS' PEDAGOGICAL ACTIVITIES

Zagorodnyuk Anastasia Nikolaevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Marakushina Irina Gennadievna, *PhD of Psychological sciences, Associate Professor*

Starostina Elena Nikolaevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk (Russia)

The article attempts to provide a theoretical structural and content analysis of the essence of the competence of self-analysis of pedagogical activity in relation to such a professional group as primary school teachers. This approach allows us to justify the features of the formation of this competence through a set of pedagogical skills in professional activity. The purpose of this article is to substantiate the structural and content characteristics of the competence of self-analysis of pedagogical activity of primary school teachers in the logic of the step-by-step development of pedagogical skills specific to primary school teachers. Research objectives: to describe and substantiate approaches to the structure of self-analysis of pedagogical activity; to characterize the competence of self-analysis through a set of pedagogical skills; and to describe recommendations for the higher education system on the design of educational programs for training primary school teachers. The hypothesis is the assumption that the structural and substantive characteristics of the competence of self-analysis of pedagogical activity of a future primary school teacher is the ability and readiness to carry out a set of pedagogical skills in the field of professional activity, due to the presence of the future teacher's functional qualification characteristics of a primary school teacher, necessary for the implementation and self-improvement of professional activity in the field of primary general education. Research methods: analysis, survey, modeling, generalization. The results achieved include the description of the content and essence of the competence of self-analysis of pedagogical activity through the consistent and gradual development of pedagogical skills, which allows for the formulation of recommendations for the development and improvement of basic professional educational programs for training future primary school teachers.

Keywords: *primary school teacher; future primary school teacher; pedagogical activity; pedagogical skills; self-analysis competence; structural and content analysis.*

EDN: VUQZMQ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.57***

Цитировать: *Загороднюк А.Н., Маракушина И.Г., Старостина Е.Н. Структурно-содержательная характеристика компетенции самоанализа педагогической деятельности учителя начальных классов // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 405-409. EDN: VUQZMQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.57*

УДК 378

5.8.7

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЕТЕНЦИИ САМОАНАЛИЗА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

© Загороднюк А.Н., Маракушина И.Г., Старостина Е.Н., 2026

В статье предпринята попытка теоретического структурно-содержательного анализа сущности компетенции самоанализа педагогической деятельности в отношении такой профессиональной группы, как учитель начальных классов. Этот подход позволяет обосновать особенности формирования данной компетенции через комплекс педагогических умений в профессиональной деятельности. Целью исследования является обоснование структурно-содержательной характеристики компетенции самоанализа педагогической деятельности учителя начальных классов в логике поэтапного развертывания специфических для учителя начальных классов педагогических умений. Задачи исследования: описать и обосновать подходы к структуре самоанализа педагогической деятельности; дать характеристику компетенции самоанализа через комплекс педагогических умений; описать рекомендации для системы высшего образования по проектированию образовательных программ подготовки учителей начальных классов. Гипотезой является предположение о том, что структурно-содержательная характеристика компетенции самоанализа педагогической деятельности будущего учителя начальных классов заключается в способности и готовности к осуществлению

ЗАГОРОДНЮК Анастасия Николаевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

МАРАКУШИНА Ирина Геннадьевна, *кандидат психологических наук, доцент*

СТАРОСТИНА Елена Николаевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск (Россия)

совокупности педагогических умений в области профессиональной деятельности, обусловленной наличием у будущего педагога функциональных квалификационных характеристик учителя начальных классов, необходимых для осуществления и самосовершенствования профессиональной деятельности в сфере начального общего образования. Методы исследования: анализ, опрос, моделирование, обобщение. Достигнутые результаты: описаны содержание и сущность компетенции самоанализа педагогической деятельности через последовательное поэтапное развертывание педагогических умений, что дает возможность сформулировать рекомендации по разработке и совершенствованию основных профессиональных образовательных программ подготовки будущего учителя начальных классов.

Ключевые слова: *учитель начальных классов; будущий учитель начальных классов; педагогическая деятельность; педагогические умения; компетенция самоанализа; структурно-содержательный анализ.*

Введение

В современных условиях развития образования особую значимость приобретает способность педагога к осмыслению собственной профессиональной деятельности. Самоанализ выступает не просто инструментом оценки, а механизмом личностного и профессионального роста педагога. В связи с этим, становится важным фиксировать вступление будущего учителя начальных классов в стадию своих профессиональных качеств, умений, установок для становления специалиста как личности, так и профессионала. Изучение самоанализа на этапах профессиональной подготовки учителя начальных классов нуждается в тщательной проработке, так как от уровня его сформированности будет зависеть успешность и эффективность будущей педагогической деятельности. Конкурсы педагогического мастерства и анализ отзывов руководителей образовательных организаций свидетельствуют о том, что компетенция самоанализа, особенно у начинающих педагогов, требует совершенствования, что затрудняет их готовность к саморазвитию в профессии [1; 2]. Все вышесказанное обуславливает необходимость более глубокого изучения структуры и содержания компетенции самоанализа педагогической деятельности.

Структурно-содержательная характеристика компетенции самоанализа подразумевает наличие ряда подходов к сущности данного феномена. В частности, Л.Н. Бережнова предлагает трехкомпонентную модель самоанализа педагогической деятельности, которая включает ценностный, содержательно-процессуальный и рефлексивный компоненты [1]. Успешность освоения самоанализа поставлена в зависимость от взаимосвязанности этих компонентов друг с другом и нацеленности на достижение ориентиров в области знаний и ценностно-смысловых характеристик.

В исследованиях структуры педагогической деятельности обращает на себя внимание подход И.А. Зимней, опирающейся на труды Н.В. Кузьминой и А.К. Марковой, в котором ядром педагогической деятельности в структурном плане определяются этапы и компоненты педагогической деятельности, педагогические умения и функции. Логическая схема структуры педагогической деятельности представлена как совокупность педагогических умений [3; 5]. Это может быть принято за основу формирования компетенций будущего учителя. Содержание компетенции, в нашем случае компетенции самоанализа, конкретизируется через специфические для трудового поста учителя начальной школы педагогические умения.

При анализе ФГОС ВО (бакалавриат) по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) нами установлено, что термин «самоанализ» в документе не упоминается совсем, а поэтапность формирования компетенций не обозначается как необходи-

мое условие проектирования основных профессиональных образовательных программ. Тем не менее, образовательная практика показывает, что к современному педагогу начальной школы как государством, так и родителями обучающихся предъявляются требования, выходящие за рамки владения предметным содержанием и методикой преподавания. Существенным профессиональным требованием становится умение осмысливать свою педагогическую деятельность, т.е. выявлять ее сильные и проблемные стороны, а также прогнозировать и проектировать направления своего профессионального становления. Это подчеркивает необходимость изучения компетенции самоанализа, которая рассматривается учеными, исследователями и педагогами как совокупность личностных установок, знаний и умений, направленных на рефлексивное отношение к своей профессиональной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

В современном вузе важно ориентировать будущего педагога на развитие аналитических компетенций, определяющих в последующем готовность специалиста планировать и осуществлять работу системно, оценивать ее эффективность в рамках своих полномочий. Это особенно значимо для будущего учителя начальных классов, так как в силу ряда специфических характеристик профессии он несет ответственность за становление ученика как субъекта учебной деятельности и своим примером определяет траекторию развития личности младших школьников. Подчеркнем также, что в профессиональном стандарте педагога в отношении учителя начальных классов выделены особые требования, что делает данную профессию актуальной для научного изучения, а главное — важно грамотно спроектировать и организовать подготовку данных специалистов в современном университете.

В настоящее время в методологии педагогических и психолого-педагогических исследований представлено большое разнообразие видов исследовательского анализа: системный, структурный, компетентностный, содержательный, операционный и т.д. Данное исследование обращено к содержательной характеристике структуры изучаемого феномена и структурно-содержательной характеристике компетенции самоанализа как этапе проектирования программы подготовки учителя в вузе.

Характеристика компетенции самоанализа педагогической деятельности и комплекс педагогических умений, отражающий специфику трудового поста учителя начальной школы представлена через подготовительный, процессуальный и рефлексивно-аналитический этапы (табл.).

Таблица — **Соотношение этапов педагогической деятельности с педагогическими умениями учителя начальных классов**

Этап	Характеристика педагогических умений
1. Подготовительный	Умение выявлять в целостной педагогической ситуации проблему в отношении ребенка младшего школьного возраста в частности, ив начальном общем образовании в целом; умение строить планы развития своей педагогической деятельности применительно к целевым ориентирам ФГОС начального общего образования.
2. Процессуальный	Умение подбирать содержание (с учетом многопредметности в рамках начального общего образования, а также междисциплинарных связей и культурологической ценности для возрастного этапа младшего школьного возраста) и проектировать собственную деятельность (с учетом динамики становления личности и субъектности ученика).
3. Рефлексивно-аналитический	Умение выявлять показатели обученности и стимулировать личностное развитие ученика начальных классов (с учетом индивидуальной динамики его психического развития); умение оценивать результативность своей полифункциональной педагогической деятельности, выявлять причины затруднений и определять направления дальнейшего профессионального роста.

Составлено авторами на основе опроса действующих учителей начальной школы и заместителей руководителя образовательных организаций города Архангельска и Архангельской области, общая выборка составила 136 человек.

Описанные этапы педагогической деятельности могут быть представлены раздельно только для теоретического анализа, в реальной же практике они носят целостный характер, что делает данный комплекс педагогических умений важным ориентиром для проектирования основных профессиональных образовательных программ подготовки учителя начальных классов в вузах.

В этой связи, стоит выделить подход Н.В. Корепановой [4] к градации уровней сформированности компетенции самоанализа, позволяющий проектировать этапы и уровни формирования компетенции самоанализа в период обучения будущих учителей. Согласно этому подходу, низкий уровень компетенции самоанализа базируется на эмоциях и чувствах и играет ключевую роль для начальных курсов погружения в профессию и проектирования ознакомительной практики. Средний уровень обозначен как осознаваемый и предполагает реальное планирование действий к прохождению первой самостоятельной практики проведения уроков и воспитательной работы в школе. И, наконец, высокий уровень отнесен к систематизации, его потенциал раскрывается по окончании учебы в университете, в период адаптации и на начальном этапе профессиональной деятельности молодого педагога.

Таким образом, совокупность педагогических умений представляет собой целевой ориентир в профессиональном становлении учителя. На рисунке представлена структура феномена компетенции самоанализа через функциональные квалификационные характеристики и содержательное представление педагогических умений. Ключевая центральная часть схемы определяет взаимосвязь педагогических умений учителя начальных классов с компонентами самоанализа. В нижней части рисунка показана диалектическая роль структурных компонентов профессиональной педагогической деятельности: когнитивно-знаниевого и мотивационно-личностного, определяющих специфику функциональных квалификационных характеристик для сферы начального общего образования.

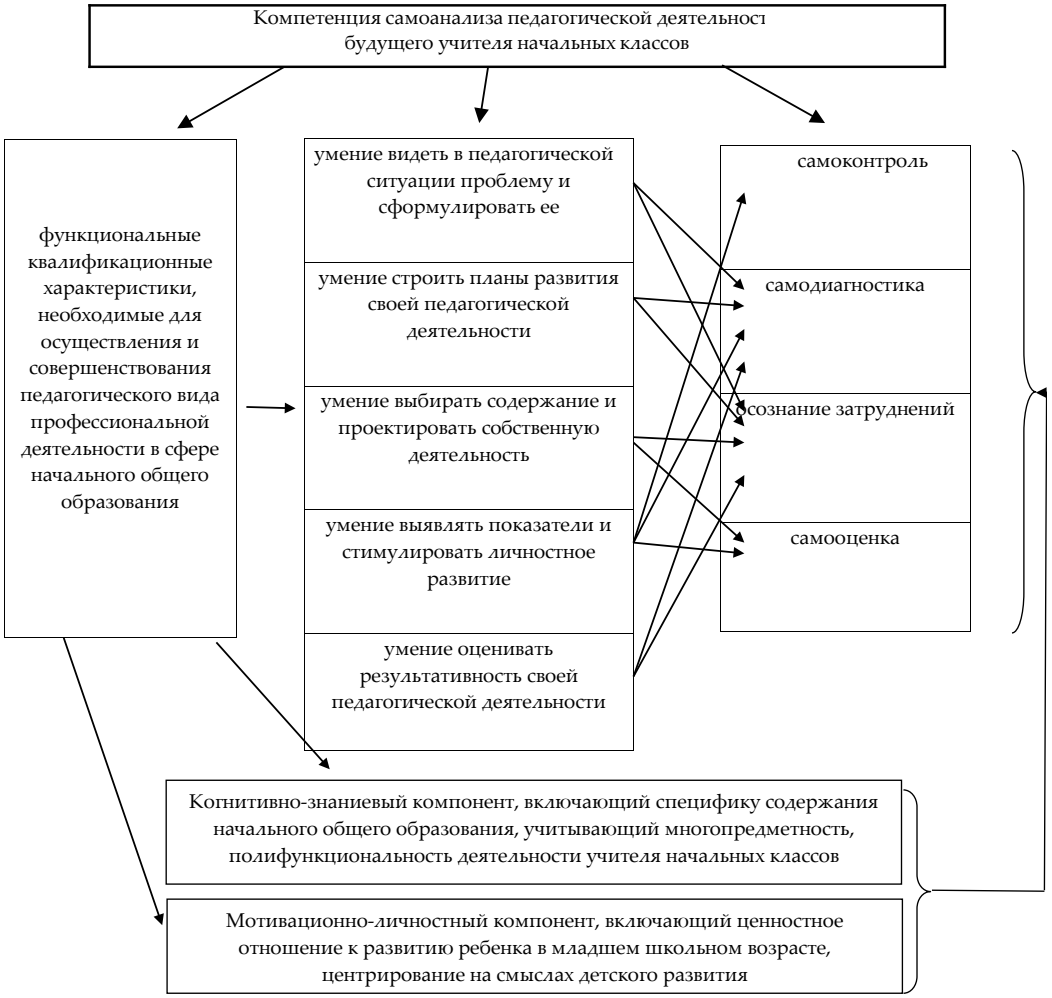

Рисунок — **Содержательные характеристики компетенции самоанализа педагогической деятельности будущего учителя начальных классов**

Представленный рисунок позволяет наглядно проследить соотношение компонентов самоанализа с педагогическими умениями в структуре педагогической деятельности учителя начальных классов. Необходимо отметить, что нелинейность этой связи обусловлена тем, что оценка возможна только в системном ключе, то есть комплексно. Такой взгляд на изучаемый феномен важен, на наш взгляд, и потому, что сама профессия учителя начальных классов полифункциональна, многопредметна и обладает целым рядом отличительных черт как в психолого-педагогическом аспекте, так и в управленческом. Для характеристики отдельных компонентов компетенции самоанализа педагогической деятельности учителя начальных классов необходимо использовать несколько «профильных» умений педагогической деятельности. Такой концептуальный аналитический подход позволяет в качестве диагностических параметров изучения уровня сформированности компетенции самоанализа использовать такие компоненты, как самоконтроль, самодиагностика, осознание затруднений и самооценка.

Заключение

Для педагога середины XXI века стремление к саморазвитию становится качеством, опережающим по значимости целый ряд других параметров в связи с мощной интенсификацией объема содержания и образования, его организационной специфики в связи с развитием цифровых технологий и искусственного интеллекта. Учитель как профессионал сегодня немыслим без высокой аналитичности в проектировании и организации деятельности себя самого и своих учеников.

Анализ нормативных документов и практики работы педагогов начальной школы определил как крайне недостающее по объему внимание к формированию аналитических компетенций учителя. При этом сам термин самоанализ не упоминается в стандартах вузовского образования, формирование компетенций не представлено в структурно-содержательном контексте в основной образовательной программе вуза, что затрудняет подходы к проектированию процесса подготовки учителя будущего. Для подготовки такой многофункциональной профессии как учитель начальных классов в основу проектирования основных образовательных программ необходимо заложить систему специфических педагогических умений, отражающих этапы профессиональной деятельности и сущность компетенции самоанализа.

Структурно-содержательный анализ компетенции самоанализа педагогической деятельности представляет теоретическую основу для проектирования обучения будущего учителя самостоятельному профессиональному самосовершенствованию.

Литература

1. Бережнова Л.Н. Формирование навыков профессионального самоанализа у студента // Армия и общество. — 2014. — №4(41). — С. 97-106.
2. Загороднюк А.Н. Особенности формирования компетенции самоанализа педагогической деятельности будущего учителя начальных классов // Перспективы науки. — 2022. — №12(159). — С.257-260.
3. Зимняя И.А. Единая социально-профессиональная компетентность выпускника университета: понятие, подходы к формированию и оценке / И.А. Зимняя. — М., 2008. — 54 с.
4. Корепанова Н.В. Профессионально-личностное становление и развитие педагога // Педагогика. — 2003. — №3. — С. 66-71.
5. Маркова А.К. Психология труда учителя: книга для учителя / А.К. Маркова. — М.: Просвещение, 1993. — 192 с.

IMPLEMENTATION OF AN INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRACK IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO POSTGRADUATE STUDENTS

Kirichenko Anna Mikhailovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Synergy University, Moscow (Russia)*

The article deals with current issues in the foreign language training of postgraduate students in the context of the new federal state requirements for doctoral programmes. The aim of the research is to develop a model of an individual educational track for the discipline 'Foreign Language' in postgraduate studies based on definite components. The relevance of the study is determined by the existing contradictions between the regulatory expectations for the level of foreign language proficiency required for professional communication and the actual level of foreign language proficiency of students enrolled in postgraduate programs. The article also highlights problems related to group heterogeneity, low motivation, language anxiety, and cognitive overload. Personalization of learning is defined as an effective way to improve the quality of foreign language teaching at the postgraduate level. The article presents a comparative analysis of the concepts of 'individualization' and 'personalization', highlighting their similarities and differences. It notes that both approaches increase learning motivation, but individualization operates within the framework of a general curriculum, while personalization transforms it. Based on the interpretation of individualization and personalization, an analysis of the concept of 'personalized learning' is presented, and its relationship with individualization and personalization is highlighted. The author concludes that the implementation of an individual educational learning track increases student engagement in the process of mastering the discipline 'Foreign Language' and also contributes to the development of foreign language communicative competence. The proposed model of an individual educational track includes diagnostic, preparatory, practical and assessment stages. A number of challenges that should be considered while testing the model are also highlighted. There such problems as technical fragmentation, static nature the curriculum and low teachers' competences of working with the AI-instruments.

Keywords: *foreign language teaching; personalization of study; individualization of study; individual educational track; communicative competence; federal state requirements; AI-instruments.*

EDN: WFBNCT ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.58***

Цитировать: *Кириченко А.М. Реализация индивидуального образовательного маршрута в обучении иностранному языку аспирантов // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 410-416. EDN: WFBNCT. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.58*

УДК 372.881.1
5.8.2

© Кириченко А.М., 2026

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРШРУТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ АСПИРАНТОВ

Статья посвящена актуальным проблемам языковой подготовки аспирантов в контексте новых федеральных государственных требований к программам аспирантуры. Целью исследования является разработка модели индивидуального образовательного маршрута обучения по дисциплине «Иностранный язык» в аспирантуре на основе выделенных компонентов. Актуальность исследования обусловлена существующими противоречиями между нормативными ожиданиями к уровню владения иностранным языком, необходимом для профессиональной коммуникации, и реальным уровнем владения иностранным языком у обучающихся по программам аспирантуры. В статье также отмечены проблемы, связанные с гетерогенностью групп, низкой мотивацией, языковой тревожностью и когнитивной перегрузкой. Персонализация обучения определена как эффективный способ повышения качества обучения по иностранному языку на уровне послевузовского образования. В статье представлен сравнительный анализ понятий «индивидуализация» и «персонализация», выделены их сходства и различия. При том, что оба подхода повышают мотивацию обучения, индивидуализация работает в рамках общей программы обучения, а персонализация трансформирует ее. Основываясь на трактовках индивидуализации и персонализации, представлен анализ понятия «персонифицированное обучение», выделена взаимосвязь понятий. Результаты исследования позволяют заключить, что реализация индивидуального образовательного маршрута обучения повышает вовлеченность

обучающихся в процессе освоения дисциплины «Иностранный язык», а также способствует развитию иноязычной коммуникативной компетенции. Предложенная модульная модель индивидуального образовательного маршрута включает диагностический, подготовительный, практический, аттестационный этапы. Кроме того, выделен ряд проблем, которые следует учитывать при апробации модели. К ним относятся: техническая фрагментация, статичность модулей образовательных программ, низкий уровень компетенций преподавателей в работе с ИИ-инструментами.

Ключевые слова: *обучение иностранному языку; персонализация обучения; индивидуализация обучения; индивидуальный образовательный маршрут; коммуникативная компетенция; федеральные государственные требования; инструменты ИИ.*

КИРИЧЕНКО Анна Михайловна, *кандидат педагогических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва (Россия)*
SPIN-код 1047-7193
ORCID: 0009-0002-1645-3007
Researcher ID PQO-7760-2026

Введение

Проблема подготовки аспирантов по иностранному языку обретает особую актуальность в связи с обновлением федеральных государственных требований к программам аспирантуры и усилением внимания государства к качеству научной коммуникации. Обучающиеся в аспирантуре независимо от профиля подготовки представляют результаты исследовательской деятельности в международном научном сообществе, что предполагает владение иностранным языком на уровне, позволяющем публиковаться в рецензируемых журналах, выступать на конференциях и работать в международных коллективах. В Федеральных государственных требованиях к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре, утвержденных приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 20.10.2021 № 951, дисциплина «Иностранный язык» закрепляется как обязательный компонент программ аспирантуры, ориентированный на развитие умений научной коммуникации. Изучение дисциплины ориентировано на усовершенствование и углубление знаний и умений в области профессионального иностранного языка для подробного изучения иноязычной научной литературы в сфере специализации и для ведения научных исследований и представления их результатов на изучаемом иностранном языке как в устной, так и в письменной формах.

Однако следует отметить ряд противоречий: между нормативным требованием готовности аспиранта к научной коммуникации на иностранном языке и реальным уровнем языковой подготовки выпускников; между необходимостью междисциплинарных исследований и ограниченными возможностями использования иностранного языка в профессионально ориентированной среде. Дополнительный исследовательский интерес вызывает вариативность реализации требований: при единых федеральных ориентирах конкретные образовательные организации по-разному конструируют содержание дисциплины «Иностранный язык» в аспирантуре, определяя объем, формы контроля и степень интеграции языка в научно-исследовательскую работу. Это создает потребность в научном анализе эффективности действующих моделей языковой подготовки аспирантов различных специальностей и в разработке методических подходов, обеспечивающих достижение заданных результатов в рамках новых Федеральных государственных требований. Среди задач, на достижение которых направлено обучение, развитие умений самостоятельной работы с аутентичными источниками и информационными ресурсами является необходимым для всех специальностей подготовки научных кадров. Учебная нагрузка распределена таким образом, что большая часть отводится на самостоятельное изучение дисциплины. В связи с этим проблема персонализации и персонификации учебной траектории аспирантов в рамках обучения иностранному языку остается актуальной.

Ряд исследований подтверждают необходимость и эффективность разработки индивидуальных сценариев обучения по программам аспирантуры. Так, авторы М. Ким, Ш. Блэк, Дж. Клифтон определяют эффективность

персонализированных подходов для аспирантов, но подчеркивают проблемы адаптации к специфике PhD-программ, а также низкую мотивацию и культурные различия в восприятии автономии. Исследование, опубликованное в журнале «Frontiers in Public Health» в 2025 году, показало, что персонализация обучения с использованием инструментов искусственного интеллекта (далее ИИ) снижает тревогу у студентов, но требует учета когнитивной нагрузки для аспирантов разных дисциплин [11]. В свою очередь, в исследовании выявлены такие проблемы, как миграция внимания к мобильным платформам перемещает фокус в сторону от развития коммуникативной и дискурсивной компетенций аспирантов гуманитарных специальностей. Также отмечается, что снижение мотивации в персонализированном обучении языку взаимосвязано с проблемой потери интереса у обучающихся из-за отсутствия междисциплинарной интеграции [12]. Исследователи выделяют разный уровень иноязычной коммуникативной компетенции аспирантов в учебных группах, неравномерную нагрузку во время обучения по программам аспирантуры [13].

Российские исследования подтверждают эффективность применения инструментов ИИ в построении персонализированной траектории обучения аспирантов технических специальностей. М.Н. Бочарова утверждает, что «…при использовании персонализированных технологий происходит улучшение навыков понимания прочитанного на 40%, повышение точности письменной речи на 34%, увеличение мотивации студентов на 25% и ускорение усвоения материала на 30%» [2, с. 85]. Среди трудностей развития персонализированного обучения выделяются проблемы защиты конфиденциальности данных, недостаточный уровень подготовки преподавателей к работе с технологически насыщенными образовательными средами.

Индивидуализация и персонализация как ключевые подходы к оптимизации обучения иностранным языкам

В лингводидактике индивидуализация и персонализация представляют ключевые подходы к оптимизации обучения иностранным языкам, учитывая особенности обучаемых. Эти понятия эволюционировали от общих педагогических идей к специализированным методам в контексте языковой подготовки [5]. Индивидуализация обучения трактуется как адаптация образовательного процесса к индивидуально-психологическим особенностям учащихся, включая темп усвоения. Авторы подчеркивают роль дифференциации заданий, индивидуальных занятий и самостоятельной работы для повышения эффективности. Персонализация, в отличие от индивидуализации, фокусируется на создании уникальной траектории обучения с учетом интересов, мотивации и субъектной позиции студента, часто с использованием ИИ и цифровых технологий [1, с. 250]. Вопросы индивидуализации обучения отражены в работах в Ф. Шлейермахера, Л.С. Выготского, В.В. Давыдова и др. Современные авторы (Н.Л. Байдикова, Н.С. Давиденко) выделяют ее как шаг к максимальной вовлеченности. А.Г. Асмолов определяет персонализацию как включение индивидуализации с акцентом на развитие личности. В.М. Розин связывает индивидуализацию с созданием условий для обучения, а персонализацию — с развитием субъекта обучения. Сравнение данных понятий можно представить в виде таблицы.

Таблица — **Сравнительный анализ данных подходов к оптимизации обучения иностранным языкам**

Аспект	Индивидуализация	Персонализация
Фокус	Психологические особенности, дифференциация	Личные интересы, субъектность
Методы	Индивидуальные задания, проектная работа	Дальтон-план (Е. Паркхерст), внедрение инструментов ИИ
Цель	Адаптация обучения к индивидуальным возможностям	Активное соучастие обучающегося в отборе содержания

Сравнительный анализ дает основания заключить, что оба подхода повышают мотивацию обучения, но индивидуализация работает в рамках общей программы обучения, а персонализация трансформирует ее.

Основываясь на представленных выше трактовках индивидуализации и персонализации, имеет смысл обратиться к определению «персонифицированное обучение». Исследователи определяют его как «образование, ориентированное на самостоятельное

проектирование обучающимися содержания и технологий своей учебно-познавательной деятельности, индивидуальной траектории учения и критериальной оценки своих достижений» [4]; «систематическая адаптация обучения к индивидуальности учащихся, где персонализация и индивидуализация синонимичны» [10]; «личностно-деятельный подход, учитывающий индивидуальные особенности, мотивацию и активность в учебной деятельности» [1, с. 250].

В данном случае заметно присутствие тесной взаимосвязи индивидуализации и персонификации. При этом реализация индивидуальной образовательной траектории является одним из критериев эффективности программы обучения и рассматривается как «технология эвристического обучения, которая имеет персональный путь реализации личностного потенциала каждого обучающегося в образовании» [8, с. 49]. В частности, М.В. Литвиненко определяет ее как «личностно значимый путь освоения образовательной программы, с содержанием и структурой, учитывающими образовательные потребности и индивидуальные особенности обучающегося» [6]. Это подчеркивает важность субъектности и вовлеченности обучаемого в процесс обучения, определение личностно значимых целей во взаимосвязи с целями обучения в рамках выбранной образовательной программы. Итогом реализации индивидуальной образовательной траектории является проектирование индивидуального образовательного маршрута обучающегося.

Построение индивидуального образовательного маршрута: проблемы и пути решения

Построение индивидуального образовательного маршрута (ИОМ) по дисциплине «Иностранный язык» для аспирантов сопряжено с рядом проблем, которые исследуются в научной литературе и обсуждаются практикующими педагогами. Эти проблемы касаются как методологических аспектов, так и организационных, психологических и технологических трудностей, возникающих при реализации индивидуализации языковой подготовки аспирантов. Можно выделить несколько групп проблем.

1. Проблемы в образовательной практике. В данную группу можно отнести высокую психологическую нагрузку. Изучение языка сопровождается когнитивной перегрузкой, выраженной языковой тревожностью, академическим стрессом; студенты боятся тестов, публичных выступлений и испытывают хроническое напряжение, что подрывает не только успеваемость, но и общее психическое благополучие. Амбивалентное влияние ИИ систем также отмечаются исследователями. С одной стороны, адаптивные задания, мгновенная обратная связь и персонализированные траектории потенциально снижают тревожность и повышают интерес; с другой — автоматизированный мониторинг, прозрачность учебных данных вызывают у части студентов ощущение постоянного контроля, формируя «технологическую» тревожность [6]. Отсутствие встроенных механизмов эмоциональной регуляции в ИИ средах не позволяет учитывать эмоциональный компонент при разработке индивидуального образовательного маршрута. Современные системы персонализированного обучения в основном оптимизированы под когнитивную эффективность (подбор задач, траекторий), но недостаточно учитывают эмоциональное состояние: не интегрируют адаптивную эмоциональную обратную связь, элементы социального взаимодействия, направленные на снижение тревоги и поддержание самооценки.

2. Проблемы теоретического и эмпирического знания. К ним относится недостаточная изученность психологических последствий ИИ обучения. Большинство работ посвящены краткосрочным эффектам влияния ИИ на эмоциональное состояние человека. Поверхностно исследована временная эволюция эмоций и мотивационных установок при взаимодействии с ИИ.

Федеральные государственные требования (далее ФГТ) к программам аспирантуры определяют иноязычную коммуникативную компетенцию как элемент образовательного компонента, интегрированного с научной деятельностью. Компетенция включает лингвистический (лексика, грамматика, фонетика), дискурсивный (логическое построение текстов), социокультурный (адаптация к академической культуре), стратегический и прагматический компоненты, обеспечиваю-

щие чтение оригинальной литературы, подготовку публикаций в наукоемких базах (например, Scopus/Web of Science) и участие в международных проектах. *Образовательный компонент* ФГТ (дисциплины, практика, аттестация) предусматривает модули дисциплины «Иностранный язык» для развития коммуникативных умений, ориентированных на научные задачи: перевод оригинальных источников, аннотирование, реферирование текстов по специальности. *Дискурсивный компонент* коррелирует с требованием доступа к международным базам данных. Аспиранты готовят публикации, отражающие основные результаты диссертационных исследований. *Социокультурный* и *стратегический компоненты* проявляются в построении индивидуального плана работы, или индивидуального образовательного маршрута, включая практику по научной коммуникации [7, с. 83] *Лингвистический компонент* реализуется во всех видах речевой деятельности.

В отношении освоения дисциплины в Федеральных государственных требованиях указывается уровень языка B2+ по общеевропейской шкале (CEFR): чтение и перевод научных текстов с словарем, устная презентация исследований, деловая устная и письменная коммуникация в рамках выбранной научной сферы. Прагматический компонент реализуется посредством публикаций в индексируемых изданиях. Промежуточная аттестация оценивает интеграцию этих компонентов, обеспечивая соответствие научному потенциалу вуза. Однако результаты исследований, проводимые за последние 5 лет, определяют проблемы обучения на данном уровне образования. Среди проблем авторы выделяют низкий исходный уровень владения иностранным языком. Многие аспиранты имеют слабые навыки говорения и письма, сформированные на предыдущих ступенях образования. В исследовании, проведенном Э.В. Бурцевой, О.А. Чепак, указано, что гетерогенность групп по возрасту, специальности и опыту усугубляет ситуацию, что требует разработки индивидуальных образовательных маршрутов обучения. Также отмечается низкая мотивация обучения, поскольку язык воспринимается как формальность для экзамена, а не ресурс для карьеры [3, с. 135].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что персонализация и построение индивидуального образовательного маршрута (далее ИОМ) являются необходимыми и основными факторами успешного обучения в аспирантуре, в частности, в рамках освоения дисциплины «Иностранный язык».

Модульная модель индивидуального образовательного маршрута

Разработка ИОМ в обучении иностранному языку основана на предлагаемой модели, которая апробирована в пилотном исследовании с аспирантами первого курса в Университете «Синергия». Рассмотрим данную модель. Она представляет собой способ организации научно-педагогической подготовки, ориентированный на принципы персонализации обучения. Традиционные линейные программы аспирантуры часто не учитывают вариативность мотивационных профилей, стилей обучения и профессиональных потребностей аспирантов, что приводит к снижению эффективности подготовки. Предлагаемая модель преодолевает эти ограничения посредством модульной архитектуры, обеспечивающей диагностику стартовых возможностей обучающихся, формирование персонализированной траектории и мониторинг прогресса обучения. Теоретическая основа модели опирается на компетентностный подход (Р. Уайт, Н. Хомский, И.А. Зимняя, А.В. Хуторской и др.), теорию индивидуализации обучения (И. Унт, Ф. Уилсон, В.Д. Шадриков и др.) и принципы адаптивного обучения в цифровой среде (Г. Паск). Представленная модель интегрирует ИИ-инструменты для профилирования и LMS-платформы индивидуальных образовательных траекторий. Архитектура модели ИОМ носит модульную структуру, состоящую из последовательных и циклически связанных блоков:

— диагностического;

— формирующего персонализированную траекторию;

— мониторингового.

Диагностический блок функционирует как входной фильтр, выявляя профиль аспиранта по ключевым параметрам: мотивация (внутренняя/внешняя по шкале AMS — Academic Motivation Scale), стиль обучения (по моде-

ли VARK: визуальный, аудиальный, чтение/письмо, кинестетический), уровень метапредметных компетенций (CEFR для языков, цифровая грамотность по DigComp 2.0). Взаимодействие модулей данной модели основано на теоретических аспектах системного подхода (Л. Фон Берталанфи, В.П. Беспалько, В.Э. Загвязинский, Э.Н. Гусинский), где каждый модуль автономен, но интегрируется в общую траекторию через API-интерфейсы LMS. Это обеспечивает масштабируемость: от индивидуального плана обучения для отдельных обучающихся до групповых кластеров по различным научным специальностям.

Итоговым мероприятием курса по иностранному языку является кандидатский экзамен. Все виды контактной и самостоятельной работы направлены на подготовку по всем типам заданий. Традиционно допуском к сдаче кандидатского экзамена является реферирование и перевод научных работ по проблеме исследования. Индивидуальный образовательный маршрут позволяет аспирантам сосредоточиться на изучении материалов в соответствии с выбранной проблематикой, отработать речевые образцы для устной презентации исследования на иностранном языке.

Заключение

Таким образом, в работе теоретически обоснована эффективность модели реализации индивидуального образовательного маршрута аспирантов в процессе обучения иностранному языку. Однако, можно отметить проблемы, с которыми могут столкнуться как преподаватели, так и обучающиеся. К таким слабым сторонам относится техническая реализация: отсутствие интеграции с LMS-платформами и API приводит к фрагментации траекторий, затрудняя мониторинг прогресса и адаптацию под специфику научных дисциплин; отсутствие динамических фреймворков делает программу индивидуального образовательного маршрута статичной, неспособной реагировать на индивидуальные темпы обучения аспирантов. В области методической поддержки определены следующие «слабые» стороны: учебные планы и программы обучения по иностранному языку не предполагают ориентацию процесса обучения на профиль аспиранта по ключевым параметрам: мотивация, стиль обучения.

Данные проблемы становятся целью дальнейшего практического исследования, направленного на реализацию предложенной теоретической модели. Особое внимание следует обратить на внедрение ИИ-инструментов в работе с аспирантами. Несмотря на описанные выше недостатки использования инструментов ИИ, потенциал их применения в обучении иностранному языку на послевузовском этапе очевиден.

Литература:

1. Абалян Ж.А. Персонализированный подход в обучении. Ретроспективный анализ и обзор современных определений // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — №1(104). — С. 249-252. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-1104-249-252
2. Бочарова М.Н. Персонализированное обучение иностранным языкам на основе анализа больших данных: вызовы и возможности // Педагогика. — 2025. — №7. — С. 84-90.
3. Бурцева Э.В., Чепак О.А. Обучение иностранному языку в аспирантуре: основные проблемы и пути их решения // Банзаровские чтения: сб. ст. Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ-БГУ. В 2-х частях. — Ч. 2 / под науч. ред. В.В. Номогоева. — Улан-Удэ, 2022. — С. 133–139. https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1755-7-133-139
4. Зеер Э.Ф., Крежевских О.В. Концептуально-теоретические основы персонализированного образования // Образование и наука. — 2022. — Т. 24, №4. — С. 11-19. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-4-11-39
5. Касаткина Н.Н., Титова Л.А. Индивидуализация обучения иностранному языку на основе построения языкового профиля обучающегося // Ярославский педагогический вестник. — 2022. — №6(129). — С. 76-82. https://doi.org/10.20323/1813-145X-2022-6-129-76-82
6. Литвиненко М.В. Структурно-функциональная модель индивидуальной траектории обучения в условиях информатизации образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Моск. пед. гос. ун-т. — М., 2007. — 48 с.
7. Ториков В.Е., Резунова М.В. Особенности иноязычной подготовки аспирантов: теоретический и практический подходы // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. — 2016. — №3(55). — С. 82-88.
8. Хуторской А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? — М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. — 383 с.
9. Kim M., Black Sh., Clifton J. Evidence-Based Holistic Approach to Supporting International Students' English Language Proficiency Needs and Wellbeing: The Impact of Personalized Autonomous Learning // Applied Linguistics. — 2025. — Vol. 46, iss. 4. — P. 668–690. https://doi.org/10.1093/applin/amae038

10. Tetzlaff L., Schmiedek F., Brod G. Developing Personalized Education: A Dynamic Framework // Educational Psychology Review. — 2021. — Vol. 33. — P. 863–882. https://doi.org/10.1007/s10648-020-09570-w
11. Yan J., Wu C., Tan X., Dai M. The influence of AI-driven personalized foreign language learning on college students' mental health: a dynamic interaction among pleasure, anxiety, and self-efficacy // Frontiers in Public Health. — 2025. — Vol. 13. https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1642608
12. Zhang F., Xu H. Exploring foreign language learners' cognitive motivation in the learning process and subsequent language use. Humanit Soc Sci Commun. — 2025. — Vol. 12. https://doi.org/10.1057/s41599-025-05683-1
13. Zhou M., Wang X., Wang R. Foreign language learning's role in the development of global competence: A latent profile analysis // Acta Psychologica. — 2025. — Vol. 254. Article 104850. https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.104850

FORMING AN ANTI-CORRUPTION WORLDVIEW AMONG FUTURE LAWYERS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Lang Petr Petrovich, *DSc of Judicial sciences, Associate Professor, Samara State University of Economics, Samara (Russia)*

The study is devoted to the urgent problem of forming an anti-corruption worldview among future lawyers in the context of the digital transformation of society. The relevance of this topic is due to the dual impact of digitalization on the legal profession: on the one hand, the emergence of technological tools for increasing transparency, and on the other hand, the emergence of new, previously unknown forms of corruption risks in cyberspace. The article substantiates the need to revise traditional approaches to anti-corruption education, which do not take into account the ethical dilemmas caused by the introduction of artificial intelligence, smart contracts, and big data technologies in law enforcement practice. The purpose and objectives of the study are to develop a comprehensive pedagogical concept that is adequate to the challenges of the digital era. The focus of the study is on resolving the key contradictions between the traditional content of anti-corruption education and the new realities of professional activity, as well as between the international nature of corruption threats and the national limitations of educational programs. To achieve this goal, the study aims to determine the structure of an anti-corruption worldview and to justify the ways of updating the content and technologies of professional training. The methodological framework of the study is based on the unity of three approaches: the axiological approach (which ensures the formation of values of transparency and honesty as the basis of professional identity), the competence-based approach (which specifies the goals of training through a system of anti-corruption competencies), and the context-based digital approach (which allows for the modeling of professional situations in the educational process that are saturated with digital risks). The author has theoretically substantiated a pedagogical model for the formation of an anti-corruption worldview, which includes a target, content, technological, and evaluative-resultative component. It has been established that the key condition for effectiveness is the integration of knowledge about the specifics of digital corruption risks and international experience into educational programs. It has been proven that the training of future lawyers should not only ensure the assimilation of ethical norms, but also prepare them to actively use digital tools for combating corruption.

Keywords: *anti-corruption worldview; legal education; digital transformation; professional ethics of a lawyer; corruption risks; digitalization; pedagogical model; anti-corruption competence; training of lawyers; legal education.*

EDN: WFBTGR ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.59***

Цитировать: *Ланг П.П. Формирование антикоррупционного мировоззрения будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 417-425. EDN: WFBTGR. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.59*

Формирование антикоррупционного мировоззрения будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества

УДК 378
5.8.7

© Ланг П.П., 2026

Исследование посвящено актуальной проблеме формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества. Своевременность обращения к теме обусловлена двойственным влиянием цифровизации на юридическую профессию: с одной стороны, появлением технологических инструментов повышения прозрачности, с другой — возникновением новых, ранее неизвестных форм коррупционных рисков в киберпространстве. В статье обосновывается необходимость пересмотра традиционных подходов к антикоррупционному воспитанию, которые не учитывают этические дилеммы, порождаемые внедрением искусственного интеллекта, смарт-контрактов и технологий обработки больших данных в правоприменительную практику. Цель и задачи работы заключаются в разработке целостной педагогической концепции, адекватной вызовам цифровой эпохи. Фокус исследования направлен на разрешение ключевых противоречий между традиционным содержанием антикоррупционного воспитания и новыми реалиями профессиональной деятельности, а также между интернациональным характером коррупционных угроз и национальной ограниченностью образовательных программ. Для достижения цели решаются задачи по определению структуры анти-

коррупционного мировоззрения и обоснованию путей обновления содержания и технологий профессиональной подготовки. Методологическую основу исследования составляет единство трех подходов: аксиологического (обеспечивающего формирование ценностей прозрачности и честности как основы профессиональной идентичности), компетентностного (конкретизирующего цели подготовки через систему антикоррупционных компетенций) и контекстно-цифрового (позволяющего моделировать в образовательном процессе ситуации профессиональной деятельности, насыщенные цифровыми рисками). Автором теоретически обоснована педагогическая модель формирования антикоррупционного мировоззрения, включающая целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный компоненты. Установлено, что ключевым условием эффективности выступает интеграция в учебные программы знаний о специфике цифровых коррупционных рисков и международного опыта. Доказано, что подготовка будущих юристов должна обеспечивать не только усвоение этических норм, но и готовность к активному использованию цифровых инструментов противодействия коррупции.

Ключевые слова: *антикоррупционное мировоззрение; юридическое образование; цифровая трансформация; профессиональная этика юриста; коррупционные риски; цифровизация; педагогическая модель; антикоррупционная компетенция; подготовка юристов; правовое воспитание.*

ЛАНГ Петр Петрович,
доктор юридических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)
ORCID ID: 0009-0006-0923-1368

Введение

Современное общество переживает период глубокой трансформации, обусловленной стремительным развитием цифровых технологий. Данный процесс, охватывающий все сферы общественной жизни, предъявляет качественно новые требования к системе профессионального образования вообще и к подготовке юридических кадров в особенности. Юридическая профессия, традиционно считающаяся одной из наиболее консервативных, сегодня сталкивается с беспрецедентными вызовами, среди которых особое место занимает проблема сохранения этических основ профессиональной деятельности в условиях повсеместной цифровизации.

Актуальность исследования формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов детерминирована несколькими факторами принципиального характера. Во-первых, цифровая трансформация общества создает не только новые возможности для противодействия коррупционным проявлениям, но и порождает ранее неизвестные формы коррупционных рисков. Одновременно с расширением инструментов прозрачности возникли новые формы коррупционных рисков, связанные с киберпространством и так называемым цифровым разрывом [1]. Данное обстоятельство требует переосмысления традиционных подходов к воспитанию будущих правоприменителей.

Во-вторых, сам характер юридической деятельности претерпевает существенные изменения под влиянием технологического прогресса. Искусственный интеллект, технологии обработки больших данных (BIG DATA), блокчейн и смарт-контракты становятся неотъемлемыми элементами повседневной практики юриста, будь то судья, сотрудник правоохранительных органов, адвокат или корпоративный юрист. В этих условиях формирование устойчивого антикоррупционного мировоззрения не может ограничиваться трансляцией традиционных этических норм, но должно учитывать специфику их реализации в цифровой среде.

В-третьих, анализ современного состояния юридической профессии свидетельствует о наличии серьезных проблем в сфере профес-

[1] Чиркова С. Фестиваль юридического образования / Казанский (Приволжский) федеральный университет. — 2025. — 01.12. URL: https://kpfu.ru/new_print?p_cid=476344

сиональной этики. Данное обстоятельство актуализирует необходимость поиска эффективных педагогических механизмов формирования антикоррупционной устойчивости будущих юристов еще на этапе их профессиональной подготовки.

Особого внимания заслуживает тот факт, что проблема формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов приобретает международный характер и становится предметом обсуждения в различных странах и на различных международных площадках. Проведение специализированных конференций, семинаров и разработка совместных образовательных программ свидетельствуют о признании значимости данной проблематики мировым образовательным и профессиональным сообществом.

Следует отметить, что проблематика формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества находится на пересечении нескольких научных направлений: педагогики профессионального образования, юридической этики, теории цифрового права и социологии коррупции. Многоаспектность изучаемого феномена обусловливает необходимость обращения к широкому кругу источников, представляющих различные исследовательские традиции и подходы.

В области педагогики профессионального образования значительный вклад в разработку проблем формирования профессионального сознания будущих юристов внесли такие исследователи, как А.М. Столяренко [7], В.Я. Кикоть [5], Н.В. Сюзева [8] и другие. В их трудах обосновывается положение о том, что профессиональное становление юриста не может быть сведено исключительно к формированию совокупности знаний, умений и навыков, но необходимо включает в себя развитие ценностно-смысловой сферы личности. Особое значение в этом контексте приобретает проблема формирования так называемой антикоррупционной устойчивости как интегративного качества личности, включающего мотивационные, когнитивные и поведенческие компоненты.

Исследования, посвященные непосредственно антикоррупционному воспитанию в системе юридического образования, представлены работами Н.В. Щедрина [11], А.Ф. Ноздрачева [4] и других авторов. В этих трудах раскрываются содержание и методы формирования антикоррупционного поведения, анализируются возможности учебных дисциплин в профилактике коррупционных проявлений. Вместе с тем, как справедливо отмечают участники дискуссий, проходивших в рамках Фестиваля юридического образования в Казанском федеральном университете, кодексы профессиональной этики должны быть актуализированы с учетом цифровых реалий, а правовое образование должно делать больший акцент на формировании этического сознания будущих юристов.

Проблема влияния цифровой трансформации на профессиональную деятельность и профессиональное образование юристов становится предметом все более пристального внимания исследователей. В этом контексте особого упоминания заслуживает опыт Иорданского университета, где в партнерстве с Комиссией по борьбе с коррупцией реализуется магистерская программа «Управление и противодействие коррупции», в учебный план которой интегрирован специальный курс «Цифровизация и противодействие коррупции» [12]. Данный опыт свидетельствует о признании необходимости специальной подготовки будущих юристов к решению антикоррупционных задач в цифровой среде.

Международное измерение исследуемой проблемы представлено в деятельности Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН, UNODC от United Nations Office on Drugs and Crime), реализующего инициативу «Образование для правосудия» (Education for Justice — E4J). Как отмечается в материалах Открытого университета Великобритании, данная инициатива направлена на предотвращение преступности и продвижение законности путем предоставления образовательных ресурсов в области добропорядочности и этики для школ, колледжей и университетов по всему миру [13, с. 73]. Особую ценность представляет разработанный в рамках данной инициативы подход, предполагающий не просто трансляцию знаний, но формирование у студентов активной позиции и готовности к участию в решении проблем, подрывающих верховенство закона.

Значительный интерес представляют исследования, посвященные трансформации правового регулирования и юридической практики в цифровую эпоху. В частности, профессор Шань Юн из Нанкинского университета, анализируя трансформацию уголовно-правового регулирования в цифровую эпоху, обращает внимание на переход от реактивной модели правового регулирования, ориентированной на наказание за уже совершенные деяния, к превентивной модели, нацеленной на предотвращение правонарушений на стадии возникновения рисков [2]. Данная логика в полной мере может быть экстраполирована на проблему формирования антикоррупционного мировоззрения: формирование устойчивых антикоррупционных установок на этапе профессиональной подготовки выступает важнейшим элементом превенции коррупционных проявлений.

Вопросы использования цифровых технологий в противодействии коррупции рассматриваются в работах таких исследователей, как Д.А. Авдеев [1], М.В. Клеандров [3], А.Р. Азимов [2] и другие. В этих трудах анализируются следующие инструменты: электронное правительство, открытые реестры, блокчейн-технологии для минимизации коррупционных рисков. Как справедливо отмечается в ходе дискуссий на международной конференции в Ташкенте, эти технологии рассматриваются как мощный инструмент для повышения прозрачности и подотчетности, однако их внедрение должно сопровождаться развитием кадрового потенциала правоохранительных органов, прокуроров и практикующих юристов [3].

Особого внимания заслуживают исследования, посвященные феномену цифрового разрыва и его влиянию на коррупционные риски. Данная проблематика, хотя и не получила еще достаточного освещения в педагогической литературе, представляется крайне важной для понимания специфики формирования антикоррупционного мировоззрения в условиях цифровой трансформации. Неравенство в доступе к цифровым технологиям и в уровне цифровой компетентности создает предпосылки для новых форм злоупотреблений, что должно учитываться при проектировании содержания профессиональной подготовки юристов.

Проведенный анализ научной литературы и образовательной практики позволяет сформулировать ключевую проблему исследования, которая заключается в наличии противоречия между объективной потребностью общества в юристах, обладающих устойчивым антикоррупционным мировоззрением и способных эффективно противодействовать коррупционным проявлениям в условиях цифровой трансформации, и недостаточной разработанностью теоретико-методологических основ и технологического обеспечения процесса формирования данного личностного образования в системе профессиональной подготовки.

Данное противоречие конкретизируется в ряде частных противоречий, требующих своего разрешения. Во-первых, существует противоречие между традиционным пониманием антикоррупционного воспитания как процесса трансляции этических норм и ценностей, сложившихся в доцифровую эпоху, и необходимостью учета принципиально новых этических дилемм и коррупционных рисков, порождаемых цифровой трансформацией общества. Традиционные подходы к формированию антикоррупционного поведения оказываются недостаточно эффективными в ситуациях, где коррупционные проявления приобретают виртуальный, опосредованный характер, а границы между допустимым и недопустимым размываются под влиянием технологических новаций.

Во-вторых, обнаруживается противоречие между возрастающей ролью технологических инструментов в противодействии коррупции и недостаточной подготовленностью будущих юристов к их использованию в профессиональной деятельности. Как

---

[2] The 46th session of the HaiRan Foundation Academic Lecture Series: Professor Shan Yong from School of Law of Nanjing University was Invited to give lectures / School of Law, Jiangsu University. 2025, September 30. URL: https://law.ujs.edu.cn/info/1258/26204.htm

[3] Пресс-служба Представительства ЕС в Узбекистане / Консорциум ЕС продвигает экспертные обсуждения по верховенству права = EU Consortium advances expert discussions on the rule of law / Delegation of the European Union to Uzbekistan: официальный сайт. — URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan/

справедливо отмечалось на конференции Нигерийской ассоциации преподавателей права, внедрение технологий и интеграция этики и антикоррупционного образования в учебные программы необходимы для укрепления юридической профессии и помощи в преодолении системных проблем [4]. Однако степень разработанности соответствующих методик и технологий обучения остается явно недостаточной.

В-третьих, прослеживается противоречие между интернациональным характером коррупционных вызовов в цифровую эпоху и преимущественно национальной ориентацией содержания антикоррупционного образования. Коррупционные практики все чаще приобретают трансграничный характер, однако подготовка будущих юристов к противодействию таким практикам зачастую ограничивается национально-правовым контекстом и не учитывает международный опыт, накопленный, в частности, в рамках инициативы УНП ООН «Образование для правосудия» [13, с. 73].

Результаты исследования и их обсуждение

Сущность исследуемой проблемы заключается в необходимости разработки такой педагогической концепции формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов, которая была бы адекватна вызовам цифровой эпохи и позволяла бы готовить специалистов, способных не только соблюдать антикоррупционные стандарты в собственной деятельности, но и выступать активными субъектами противодействия коррупции в условиях стремительно меняющейся технологической среды. При этом, мировоззрение понимается не как простая совокупность знаний о коррупции и способах борьбы с ней, а как целостная система взглядов, ценностей и установок, определяющая устойчивое неприятие любых форм коррупционного поведения и готовность к активному противодействию коррупции.

Решение обозначенной проблемы предполагает разработку целостной педагогической концепции формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества. Данная концепция, по мнению автора публикации, должна опираться на методологические подходы, обеспечивающие учет как традиционных ценностей юридической профессии, так и новых реалий цифровой эпохи. Представляется, что в качестве таких подходов могут выступать аксиологический, компетентностный и контекстно-цифровой подходы в их органическом единстве.

Разрабатываемая педагогическая модель находит свое обоснование в трудах современных исследователей. В частности, подход Ю.С. Сергеевой [9, с. 82], предлагающей структурно-содержательную модель формирования соответствующей компетентности, подтверждает продуктивность выделения целевого, содержательного и оценочно-результативного компонентов, которые автором рассматриваются применительно к условиям цифровой трансформации.

Аксиологический подход обеспечивает ориентацию процесса профессиональной подготовки на формирование устойчивой системы ценностей, исключающей возможность коррупционного поведения. В условиях цифровой трансформации особое значение приобретает осмысление таких ценностей, как прозрачность, подотчетность, честность в их применении к профессиональной деятельности в цифровой среде. Важно, чтобы будущие юристы не просто усваивали декларируемые ценности, но интериоризировали их, превращая во внутренние регуляторы поведения. Как справедливо отмечалось на семинаре в Казанском федеральном университете, борьба с коррупцией — это не только вопрос технологий, но и вопрос воспитания внутренней культуры неприятия любых неправомерных действий, причем антикоррупционное поведение должно стать личным выбором и неотъемлемой частью профессиональной идентичности каждого юриста.

Значимость ценностно-смыслового фундамента в подготовке юристов подчеркивается и в исследованиях отечественных педагогов. Как отмечает Н.А. Штукарев [10, с. 217], эффективное формирование антикоррупционной культуры будущего специалиста в области права возможно лишь на основе ценностно-о-

[4] Erunke J. (2025, October 15). NALT 2025: Law teachers push for legal education reform, technology integration, national Devt // Vanguard. 2026. March 4. URL: https://www.vanguardngr.com/2025/10/nalt-2025-law-teachers-push-for-legal-education-reform-technology-integration-national-devt/amp/

риентированной модели, которая позволяет актуализировать аксиологический и культурологический потенциал юридического образования. Данный вывод коррелирует с необходимостью, обозначенной в нашем исследовании, рассматривать мировоззрение не просто как сумму знаний, а как систему внутренних регуляторов поведения.

Компетентностный подход позволяет конкретизировать цели и результаты формирования антикоррупционного мировоззрения в терминах компетенций, подлежащих целенаправленному формированию. В структуре антикоррупционной компетенции будущего юриста могут быть выделены следующие компоненты: когнитивный (знания о природе коррупции, ее формах и способах противодействия в условиях цифровизации), мотивационно-ценностный (устойчивая система антикоррупционных установок и ценностей), операционально-деятельностный (способность выявлять коррупционные риски, применять правовые и технологические инструменты противодействия коррупции) и рефлексивный (способность к критическому анализу собственного поведения и профессиональной среды на предмет коррупционных рисков).

Контекстно-цифровой подход предполагает моделирование в образовательном процессе ситуаций, максимально приближенных к реальным условиям профессиональной деятельности юриста в цифровую эпоху, что означает необходимость включения в содержание подготовки таких тем, как правовой статус цифровых активов, смарт-контракты, электронное правосудие, использование искусственного интеллекта в юридической практике, и рассмотрение их сквозь призму возможных коррупционных рисков и способов их минимизации.

На основе обозначенных методологических подходов может быть разработана следующая педагогическая модель формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов, включающая целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный компоненты.

Целевой компонент модели ориентирован на формирование антикоррупционного мировоззрения как интегративного личностного образования, включающего единство антикоррупционных знаний, ценностей и поведенческих установок, реализуемых в условиях цифровой трансформации профессиональной деятельности.

Содержательный компонент предполагает обновление содержания профессиональной подготовки будущих юристов путем включения модулей, раскрывающих специфику коррупционных рисков в цифровой среде и способы противодействия им. Важным источником обновления содержания может служить международный опыт. Особого внимания заслуживает опыт включения в учебный план специального курса «Цифровизация и противодействие коррупции», что представляется крайне перспективным направлением развития содержания подготовки будущих юристов.

Конкретизация содержания подготовки предполагает не просто перечисление цифровых феноменов, но и выявление их коррупциогенного потенциала в рамках существующих учебных дисциплин. Например, при освоении темы «Смарт-контракты» в курсе гражданского или информационного права следует акцентировать внимание не только на юридической силе автоматизированных соглашений, но и на рисках намеренного внедрения уязвимостей в программный код с целью последующего хищения активов или уклонения от обязательств. При работе с технологиями больших данных (BIG DATA) целесообразно моделировать ситуации, в которых нецелевое использование массивов информации государственными структурами или корпорациями может создавать условия для злоупотреблений и коррупционных сговоров. Такое предметное наполнение, по мнению автора публикации, позволяет будущим юристам не только знать о существовании цифровых рисков, но и формировать конкретные алгоритмы их выявления и предотвращения.

Технологический компонент модели предполагает использование активных и интерактивных методов обучения, позволяющих моделировать сложные ситуации профессиональной деятельности, связанные с этическими дилеммами и коррупционными рисками. К числу таких методов могут быть отнесены анализ конкретных ситуаций (кейс-стади), деловые игры, моделирующие профессио-

нальную деятельность в условиях цифровой среды, проектные методы, предполагающие разработку студентами предложений по минимизации коррупционных рисков в конкретных сферах юридической практики. Особую роль могут сыграть технологии электронного обучения, включая использование специализированных платформ, подобных онлайн-сервису «Укрепление национальной антикоррупционной экосистемы в Узбекистане», созданной в рамках проекта Европейского Союза в Узбекистане и направленной на повышение знаний населения и государственных служащих в области противодействия коррупции.

Важным направлением технологического обеспечения процесса формирования антикоррупционного мировоззрения выступает разработка и внедрение так называемых уроков добропорядочности и онлайн-практикумов, направленных на формирование культуры нетерпимости к коррупции. Данные формы работы позволяют сочетать теоретическое осмысление проблем с практической отработкой навыков антикоррупционного поведения в условиях, максимально приближенных к реальным.

Оценочно-результативный компонент модели предполагает разработку критериев и показателей сформированности антикоррупционного мировоззрения будущих юристов. В качестве таких критериев могут выступать полнота и системность антикоррупционных знаний, осознанность антикоррупционных ценностных ориентаций, устойчивость антикоррупционных установок, готовность к реализации антикоррупционного поведения в условиях цифровой среды. Важно, чтобы оценка не сводилась к констатации наличия знаний, но позволяла судить о реальной готовности выпускников к противодействию коррупционным проявлениям.

Фундаментальный характер воспитательной составляющей в подготовке юристов был обоснован в классических работах А.В. Петрова и М.К. Горбатовой [6, с. 269], которые подчеркивали, что правовое воспитание, в отличие от обучения, направлено на ориентацию студента в системе основных социальных и профессиональных ценностей. Этот тезис приобретает особую актуальность сегодня, когда формирование антикоррупционного мировоззрения требует не просто трансляции знаний, но и развития способности к критическому анализу (рефлексивный компонент) собственного поведения в условиях появления новых этических дилемм, порождаемых цифровизацией.

Особого внимания в рамках разработки путей решения исследуемой проблемы заслуживает вопрос о подготовке преподавателей, способных реализовать предложенную модель в образовательном процессе. По мнению автора публикации, повышение квалификации преподавателей права через непрерывное профессиональное развитие является необходимым условием модернизации юридического образования. Преподаватели должны не только владеть современными знаниями о коррупции и способах противодействия ей, но и быть готовыми к использованию инновационных образовательных технологий, включая цифровые инструменты обучения.

Значительным потенциалом в решении исследуемой проблемы обладает развитие сетевого взаимодействия образовательных организаций с органами государственной власти, правоохранительными органами, антикоррупционными структурами. Примером эффективного такого взаимодействия может служить сотрудничество Иорданского университета с Комиссией по борьбе с коррупцией, результатом которого стала разработка и реализация магистерской программы, ориентированной на формирование у студентов компетенций, необходимых для продвижения добропорядочности и подотчетности [12]. Подобное взаимодействие позволяет обеспечивать актуальность содержания подготовки, привлекать к образовательному процессу практикующих специалистов, создавать условия для прохождения студентами практики в структурах, непосредственно занимающихся противодействием коррупции.

Важным направлением решения проблемы выступает также разработка учебно-методического обеспечения процесса формирования антикоррупционного мировоззрения, включая создание специализированных учебных пособий, практикумов, электронных образовательных ресурсов. При разработке таких материалов целесообразно опираться на уже апробированные международные образцы, адаптируя их к российским условиям.

Таким образом, решение проблемы формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества требует комплексного подхода, предполагающего обновление целей, содержания, технологий и оценочных средств профессиональной подготовки, а также развитие кадрового потенциала и укрепление взаимодействия образовательных организаций с профильными структурами, занимающимися противодействием коррупции.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что проблема формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов приобретает особую остроту и специфику в условиях цифровой трансформации общества. Цифровизация, с одной стороны, создает новые инструменты повышения прозрачности и подотчетности, снижающие коррупционные риски, а с другой стороны, порождает новые, ранее неизвестные формы коррупционных проявлений, требующие адекватного реагирования со стороны юридического сообщества.

Формирование антикоррупционного мировоззрения будущих юристов не может более рассматриваться как второстепенная задача профессиональной подготовки, но должно стать одним из приоритетных направлений развития юридического образования. При этом, данная задача не может быть решена путем простого дополнения существующих курсов отдельными темами антикоррупционной направленности, но требует разработки целостной педагогической концепции, обеспечивающей системное воздействие на все компоненты профессионального сознания будущих юристов.

Ключевым условием эффективности такой концепции выступает ее адекватность вызовам цифровой эпохи, что предполагает интеграцию в содержание подготовки знаний о специфике коррупционных рисков в цифровой среде, формирование у студентов готовности к использованию цифровых инструментов противодействия коррупции, развитие способности к решению этических дилемм, порождаемых внедрением новых технологий в юридическую практику.

Значительный потенциал в решении исследуемой проблемы заложен в использовании международного опыта, накопленного в рамках деятельности УНП ООН, Европейского Союза, национальных антикоррупционных структур различных государств. Адаптация этого опыта к российским условиям с учетом национальных особенностей правовой системы и образовательных традиций позволит существенно повысить эффективность процесса формирования антикоррупционного мировоззрения будущих юристов.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с разработкой и экспериментальной проверкой педагогических моделей формирования антикоррупционного мировоззрения применительно к различным специализациям юридической профессии, исследованием возможностей использования искусственного интеллекта и других цифровых технологий в антикоррупционном образовании, а также с изучением долгосрочных эффектов реализации антикоррупционных образовательных программ на поведение выпускников в реальной профессиональной деятельности.

Литература

1. Авдеев Д.А. Цифровая этика, этикет и право: особенности взаимодействия (на примере регламентации частной жизни) / Д.А. Авдеев // Вестник Академии права и управления. — 2024. — №1(76). — С. 6-9. — https://doi.org/10.47629/2074-9201_2024_1_6_9
2. Азимов А.Р. Перспективные направления использования системы искусственного интеллекта в противодействии коррупции в России / А.Р. Азимов // Молодой ученый. — 2024. — №21(520). — С. 431-434.
3. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость / М.И. Клеандров. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. — 424 с.
4. Противодействие коррупции в федеральных органах исполнительной власти: научно-практическое пособие / Т.А. Едкова, Н.В. Кичигин, А.Ф. Ноздрачев [и др.]; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2024. — 184 с.
5. Профессиональная этика и служебный этикет: учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России / под ред. В.Я. Кикотя. — М.: ЮНИТИ; Закон и право, 2012. — 559 с.: ил., портр.
6. Петров А.В. Подготовка юридических кадров: воспитательная и антикоррупционная составляющие

/ А.В. Петров, М.К. Горбатова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2009. — №6-1. — С. 263–269.

7. Столяренко А.М. Юридическая педагогика: курс лекций / А.М. Столяренко. — М.: ЭКМОС, 2000. — 495 с.
8. Сюзева Н.В. Организация антикоррупционного воспитания в системе профессионального образования / Н.В. Сюзева // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2015. — №4(20). — С. 180-186.
9. Сергеева Ю.С. Формирование у студентов будущих юристов-бакалавров компетентности в сфере противодействия коррупции / Ю.С. Сергеева, А.В. Морозов // Управление образованием: теория и практика. — 2018. — №1(29). — С. 70–82.
10. Штукарев Н.А. О результатах педагогического эксперимента по формированию антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции / Н.А. Штукарев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2022. — №205. — С. 209–218.
11. Щедрин Н.В. Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования / Н.В. Щедрин, И.А. Дамм, Е.А. Акунченко // Актуальные проблемы экономики и права. — 2017. — Т. 11, №3. — С. 147-160.
12. Addo A., Senyo PK. Digitalization and Government Corruption in Developing Countries: Towards a Framework and Research Agenda // Academy of Management Proceedings. — 2020. https://doi.org/10.5465/AMBPP.2020.16765abstract
13. Horovitz S. Education for Justice (E4J): Promoting the Rule of Law through Integrity and Ethics Education // Białostockie Studia Prawnicze. — 2018. — Vol. 23, №3. — P. 67-74. https://doi.org/10.15290/BSP.2018.23.03.05

Assessment and verification of educational outcomes in integrating slang and jargon into RFL courses for Chinese learners *

Li Gengwei, *PhD of Pedagogical sciences, Senior Lecturer, Changchun University, Changchun (China)*

The article addresses the issue of assessing and verifying educational outcomes resulting from the integration of slang and jargon into Russian as a Foreign Language (RFL) courses for Chinese learners. The relevance of the study is determined by the need to develop sociolinguistic and pragmatic components of communicative competence in the context of digitalization and the expansion of informal communication registers. The research is grounded in communicative-activity and competence-based approaches; the empirical framework includes a pedagogical experiment, testing of receptive and discourse-related skills, and qualitative analysis of learners' argumentative responses. The paper presents the results of implementing a specialized B1–B2 instructional module at the Changchun University, demonstrating a statistically significant improvement in the comprehension and pragmatic evaluation of slang vocabulary. A multi-dimensional assessment model is substantiated, focusing on register appropriateness, conscious language choice, and reflective interpretation of communicative decisions, thereby enhancing the pedagogical effectiveness of RFL instruction in an intercultural context.

Keywords: *Russian as a Foreign Language; slang and jargon; communicative competence; sociolinguistic competence; pragmatic competence; assessment of learning outcomes; Chinese learners.*

EDN: WLCFDG ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.60***

Цитировать: *Ли Г. Оценка и верификация образовательных результатов при интеграции сленга и жаргона в курсы РКИ для китайской аудитории // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 426-431. EDN: WLCFDG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.60*

УДК 372.881
5.8.2

© Ли Г., 2026

*Оценка и верификация образовательных результатов при интеграции сленга и жаргона в курсы РКИ для китайской аудитории ***

В статье рассматривается проблема оценки и верификации образовательных результатов при интеграции сленговой и жаргонной лексики в курсы русского языка как иностранного для китайской аудитории. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования социолингвистической и прагматической составляющих коммуникативной компетенции обучающихся РКИ в условиях цифровизации и расширения неформальных регистров общения. Методологическую основу составляют коммуникативно-деятельностный и компетентностный подходы; в эмпирической части применены педагогический эксперимент, тестирование рецептивных и дискурсивных умений, а также качественный анализ аргументации обучающихся. Представлены результаты апробации специализированного учебного модуля уровня B1–B2, реализованного в Чанчуньском университете, демонстрирующие статистически значимый рост показателей понимания и прагматической оценки сленговой лексики. Обоснована многоаспектная оценка образовательных результатов, ориентированная на регистровую уместность, осознанный языковой выбор и рефлексивную интерпретацию коммуникативных решений, что позволяет повысить педагогическую эффективность обучения РКИ в межкультурном контексте.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный; сленг и жаргон; коммуникативная компетенция; социолингвистическая компетенция; прагматическая компетенция; оценка образовательных результатов; китайская аудитория.*

Ли Гэнвэй, *кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Чанчуньский университет, Чанчунь (Китай)*

SPIN-код: 1589-0820

* This research paper presents the final results of the Changchun University research project "Research into Slangs and Jargons of Modern Russian." Project number: 2023JBE03W07

** Данная научная статья посвящена конечным результатам научно-исследовательского проекта Чанчуньского университета «Исследования в сленгах и жаргонах современного русского языка». Номер проекта:2023JBE03W07

Введение

Актуальность исследования обусловлена трансформацией современного коммуникативного пространства, характеризующейся цифровизацией общения, расширением неформальных каналов коммуникации и возрастанием роли сетевого дискурса, что требует адекватного отражения данных процессов в системе преподавания русского языка как иностранного. В этих условиях сленг и жаргон утрачивают периферийный статус и рассматриваются как значимые элементы языковой системы, обеспечивающие выражение социального опыта, ценностных установок и прагматических смыслов [7, с. 56]. Формирование полноценной коммуникативной компетенции обучающихся РКИ, особенно на уровнях B1–B2, предполагает развитие социолингвистической и прагматической составляющих, включающих умения распознавать, интерпретировать и оценивать некодифицированные разговорные высказывания. Включение сленговой и жаргонной лексики в учебный процесс в данном контексте выступает не факультативным, а методически необходимым условием подготовки инофонов к реальному межкультурному взаимодействию [2, с. 250].

Для китайской аудитории освоение неформальной лексики русского языка представляет особую методическую задачу, обусловленную значительной лингвокультурной дистанцией и традиционной ориентацией преподавания РКИ в Китае на нормативный литературный язык и письменные жанры. Такая установка, как отмечается в исследованиях М.Я. Каплуновой и А.К. Новиковой, приводит к формированию формально корректной, но функционально ограниченной коммуникативной компетенции, затрудняющей участие в спонтанном неофициальном общении [4, с. 62; 8, с. 70]. В ответ на данную проблему современные лингводидактические подходы обосновывают необходимость системного и педагогически организованного включения сленга и жаргона в курсы РКИ как средства формирования вторичной языковой личности [5, с. 157].

Несмотря на возросший интерес к проблеме интеграции сленга и жаргона в курсы РКИ, вопросы оценки и верификации соответствующих образовательных результатов остаются недостаточно разработанными. Методические исследования (С. Ван, А.В. Курьянович, В. Ли, Л. Ван) показывают, что преподаватели РКИ, включая работающих с китайской аудиторией, испытывают затруднения при формулировании целей обучения, определении критериев успешности и выборе инструментов контроля, что приводит к фрагментарному и методически неустойчивому включению неформальной лексики в учебный процесс и снижает его педагогическую эффективность [9, с. 84; 6, с. 88]. В результате возникает разрыв между теоретическим признанием значимости сленговой и жаргонной лексики и отсутствием системных механизмов фиксации и анализа образовательных эффектов её освоения.

Особую методическую сложность представляет соотнесение результатов обучения некодифицированной лексике с компонентами коммуникативной компетенции, принятыми в методике РКИ, поскольку данные результаты не могут оцениваться лишь на уровне воспроизведения или узнавания. В центре оценивания должны находиться умения прагматической интерпретации, регистровой дифференциации и осознанного языкового выбора, что актуализирует необходимость разработки многоаспектной системы оценки.

Целью данной статьи является аналитическое осмысление результатов исследования, направленного на разработку и апробацию специализированного образовательного модуля, интегрированного в курс РКИ уровня B1–B2 для студентов (50 чел.) Чанчуньского университета, а также на обоснование оценки образовательных результатов, связанных с формированием у обучающихся социолингвистической и прагматической компетенции, включающей умения осознанного и рефлексивного использования сленговой и жаргонной лексики в соответствии с коммуникативной ситуацией.

Методы

Методологическую основу исследования составили компетентностный и коммуникативно-деятельностный подходы, традиционно применяемые в современной лингводидактике и методике преподавания русского языка как иностранного. Данные подходы позволили рассматривать освоение сленговой и жаргонной лексики не как изолированное

усвоение языковых единиц, а как процесс формирования интегративных умений, обеспечивающих адекватное речевое поведение в различных коммуникативных регистрах.

В ходе работы был проведён теоретический анализ и синтез научной литературы по проблемам преподавания РКИ, социолингвистики и межкультурной коммуникации. Анализ источников позволил сформировать концептуальные основания исследования, определить педагогическую интерпретацию понятий «сленг» и «жаргон» применительно к задачам РКИ, а также выработать критерии отбора учебного материала и параметров оценки образовательных результатов [10, с. 217]. Теоретическое осмысление существующих подходов послужило базой для разработки экспериментального учебного модуля и инструментов его верификации.

Центральным прикладным методом исследования стал метод педагогического проектирования, использованный для конструирования структуры и содержания учебного модуля, интегрированного в курс РКИ уровня B1–B2. В рамках проектирования были разработаны учебные задания, ориентированные на формирование рецептивных и продуктивных умений, а также контрольно-измерительные материалы, направленные на фиксацию динамики усвоения сленговой и жаргонной лексики.

Эмпирическая часть исследования реализовывалась в форме педагогического эксперимента, включавшего констатирующий и контрольный этапы, проведённый в виде тестового среза среди 50 студентов Чанчуньского университета. Обработка полученных данных осуществлялась с применением методов количественного анализа, предусматривавших подсчёт процентных показателей успешного выполнения заданий и сопоставление результатов по отдельным параметрам оценки. Это позволило зафиксировать типичные трудности обучающихся и определить исходную точку для последующей верификации образовательных результатов экспериментального модуля.

Результаты

В соответствии с принципами градуальности и функциональной направленности обучения [1, с. 305] в рамках экспериментальной части исследования был разработан и внедрён в основной курс РКИ уровня B1–B2 для студентов 2–3 годов обучения филологических специальностей Чанчуньского университета специальный учебный модуль, ориентированный на освоение сленговой и жаргонной лексики в контексте цифрового и неформального общения. Проектирование модуля исходило из понимания сленга как динамического компонента социолингвистической компетенции, требующего поэтапного формирования рецептивных, интерпретационных и оценочных умений [9, с. 559]. Общий объём модуля составил 12 ак. ч. и был распределён между вводно-аналитическими занятиями, практико-ориентированной работой и контрольными процедурами. Лексический материал отбирался на основе частотности и актуальности функционирования в современной русскоязычной коммуникации и был адаптирован с учётом уровня языковой подготовки обучающихся; при этом задания, представленные в статье, отражают лишь репрезентативную часть разработанного комплекса и не исчерпывают всего спектра использованных упражнений.

Педагогический эксперимент включал констатирующий и контрольный этапы, что позволило проследить динамику формирования целевых умений. На констатирующем этапе диагностировался исходный уровень рецептивного понимания сленговых единиц и способности к прагматической оценке высказываний. Результаты первичного тестирования показали, что большинство студентов испытывают трудности не столько в формальном распознавании отдельных лексических единиц, сколько в интерпретации их контекстуального значения и оценке уместности употребления в зависимости от коммуникативной ситуации. Так, средний показатель успешности выполнения заданий рецептивного характера составил 58%, тогда как задания, направленные на дискурсивную оценку уместности, были успешно выполнены лишь в 41% случаев, что подтверждает наличие разрыва между формальным знанием и прагматической компетенцией.

В ходе реализации модуля обучение строилось на сочетании контекстуальной семантизации, элементов сравнительного анализа и контролируемой продуктивной практики. Сравнительный компонент был направлен

на осмысление сходств и различий в функционировании неформальной лексики в русском и китайском языках, что, как показывают исследования, способствует снижению интерференции и развитию осознанного языкового выбора. Практические задания предполагали анализ аутентичных фрагментов коммуникации, обсуждение прагматических эффектов и аргументированную оценку языковых решений, что создавало условия для формирования рефлексивного отношения к использованию сленга. Например, использовались задания следующего типа: «*Проанализируйте сообщение, адресованное преподавателю: "Я не шарил за задание". Оцените коммуникативную адекватность высказывания и обоснуйте своё решение*». Подобные задания формировали у студентов навыки рефлексивной оценки языкового поведения и способствовали осознанию статусно-ролевых ограничений.

По завершении цикла занятий был проведён контрольный срез, включавший задания различного уровня сложности, направленные на оценку динамики рецептивных и дискурсивных умений. Количественные результаты контрольного этапа свидетельствуют о статистически значимом росте показателей по всем анализируемым параметрам. В таблице 1 представлены обобщённые данные по уровню сформированности рецептивных умений до и после внедрения модуля.

Таблица 1 — **Динамика рецептивных умений понимания сленговой лексики (n = 50)**

Этап диагностики	Средний процент успешности
Констатирующий	58%
Контрольный	79%

Рост показателей указывает на повышение способности обучающихся распознавать и интерпретировать значение сленговых и жаргонных единиц в контексте письменной и устной речи. При этом наибольшие трудности сохранялись в заданиях, требующих интерпретации оценочной и экспрессивной составляющей, что подтверждает сложность данного аспекта для иноязычной аудитории.

Отдельное внимание уделялось оценке дискурсивных умений, связанных с определением уместности употребления неформальной лексики с учётом статусно-ролевых отношений и коммуникативной ситуации. Результаты по данному параметру представлены в таблице 2.

Таблица 2 — **Динамика дискурсивных умений оценки уместности (n = 50)**

Этап диагностики	Полностью корректные ответы	Частично корректные ответы
Констатирующий	41%	29%
Контрольный	68%	22%

Полученные данные демонстрируют не только количественный рост доли полностью корректных ответов, но и качественные изменения в аргументации обучающихся. Если на начальном этапе объяснения носили фрагментарный и интуитивный характер, то по итогам модуля большинство студентов опирались на осознанные критерии регистровой уместности, статусных отношений и прагматического эффекта высказывания. Это особенно проявлялось в заданиях, требующих объяснения выбора, например: «*Определите, допустимо ли употребление слова краш в разговоре с преподавателем, и обоснуйте свой ответ*». Подобные формулировки позволяли выявить степень осознанности языкового выбора и сформированность метаязыковой рефлексии.

Дополнительный исследовательски интерес представляет блок заданий сравнительного и переводческого характера, направленных на выявление способности сопоставлять сленговые единицы двух языков и комментировать особенности их употребления, например: «*Подберите китайский эквивалент к слову залипать (в значении длительного неконтролируемого использования телефона) и прокомментируйте сходство и различие коммуникативных ситуаций*». Итоговые результаты показали, что 82% студентов успешно справились с подбором функционально близких эквивалентов, однако лишь 44% смогли дать развёрнутый комментарий, отражающий различия в коннотациях и коммуникативных нормах. Данный результат указывает на то, что переводческая адекватность на уровне подбора эквивалента формируется быстрее, чем способность к метаязыковому анализу, что следует учитывать при дальнейшей доработке модуля.

В целом результаты эксперимента подтверждают эффективность интеграции

специализированного модуля в курс РКИ и демонстрируют положительную динамику формирования социолингвистической и прагматической составляющих коммуникативной компетенции китайских обучающихся. Полученные количественные и качественные данные создают эмпирическую основу для последующей верификации предложенной модели оценки и её адаптации к другим образовательным контекстам.

Обсуждение

Обсуждение полученных результатов позволяет констатировать, что интеграция сленговой и жаргонной лексики в курс РКИ для китайской аудитории при условии её методически выверенной организации оказывает значимое влияние на формирование социолингвистической и прагматической компетенции обучающихся, что подтверждается зафиксированной положительной динамикой показателей экспериментального обучения. Рост рецептивных умений, выраженный в увеличении среднего процента успешности с 58% на констатирующем этапе до 79% на контрольном этапе, а также повышение доли полностью корректных дискурсивных оценок уместности с 41% до 68% подтверждают гипотезу о том, что трудности китайских инофонов связаны не столько с объёмом лексических знаний, сколько с отсутствием систематизированных представлений о регистровой дифференциации и прагматических ограничениях употребления некодифицированной лексики. Полученные количественные данные свидетельствуют о педагогической эффективности контекстуального и функционального подхода, при котором сленг и жаргон осваиваются не как изолированные языковые факты, а как элементы коммуникативного поведения, встроенные в конкретные социальные и статусно-ролевые ситуации.

Верификация результатов осуществляется за счёт сопоставления данных констатирующего и контрольного этапов, а также анализа качественных изменений в аргументации обучающихся. Существенным представляется тот факт, что увеличение доли полностью корректных ответов сопровождалось сокращением частично корректных ответов с 29% до 22% и переходом от интуитивных объяснений к осознанному использованию терминологии регистровой уместности, прагматического эффекта и коммуникативного риска. Это позволяет говорить о формировании элементов метаязыковой рефлексии, рассматриваемой в методике РКИ как важный показатель зрелости вторичной языковой личности.

С методической точки зрения, результаты исследования подтверждают целесообразность разработки специальных оценочных инструментов, выходящих за рамки традиционного тестирования лексического знания. Предложенная модель оценки, ориентированная на фиксацию рецептивных, дискурсивных и рефлексивных умений, демонстрирует достаточную валидность и может рассматриваться как воспроизводимая в аналогичных образовательных условиях. Вместе с тем ограниченность выборки и краткосрочный характер эксперимента предполагают необходимость дальнейших исследований, направленных на проверку устойчивости достигнутых результатов и их корреляции с уровнем спонтанной устной коммуникации обучающихся в аутентичной среде.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что системная интеграция сленга и жаргона в курсы РКИ для китайской аудитории является не только лингвистически оправданной, но и педагогически продуктивной при условии её опоры на принципы функциональности, контекстуальности и рефлексивного обучения. Освоение некодифицированной лексики в предложенном формате способствует преодолению разрыва между нормативным владением языком и реальными коммуникативными потребностями обучающихся, что особенно важно на уровнях B1–B2.

Полученные результаты позволяют рассматривать разработанный модуль и систему оценки как перспективное направление развития методики преподавания РКИ в китайском образовательном контексте. Практическая значимость исследования заключается в возможности адаптации предложенной модели к другим национальным аудиториям и уровням владения языком, а также в расширении инструментария оценки социолингвистической и прагматической компетенции, что отвечает современным требованиям к подготовке инофонов к межкультурному взаимодействию.

Литература:

1. Артамонова В.В., Аксенова Д.А. Лингводидактическая система изучения русской сленговой лексики в иностранной аудитории // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — №62-1. — С. 304–309.
2. Ван С. Русские и китайские молодежные жаргонизмы как проявление национальной лингвокультуры и объект научного исследования // Сибирский филологический журнал. — 2017. — №3. — С. 248–256.
3. Ван С., Курьянович А.В. К вопросу об интерпретации и употреблении русской жаргонной лексики китайскими инофонами // Вестник ТГПУ. — 2018. — №2(191). — С. 80–85.
4. Каплунова М.Я. Русский язык в современном Китае // Социолингвистика. — 2023. — №1(13). — С. 60–71.
5. Латышева Е.Г. Использование молодежного сленга в рамках формирования лексической компетенции (китайский язык) // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. — 2021. — №4(39). — С. 156–159.
6. Ли В., Ван Л. Преподавание русского языка в Китае: история и проблемы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. — 2023. — Т. 15, №3. — С. 84–94.
7. Ли Я. Лексико-семантическое поле «межличностное общение в Интернете» в современном русском языке (на фоне китайского языка): дис. … канд. филол. наук. — М., 2023. — 182 с.
8. Новикова А. К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности // Полилингвиальность и транскультурные практики. — 2021. — №1. — С. 68–75.
9. Павлова О.В., Раджабова Л.К. Анализ словообразовательных механизмов формирования сленговых выражений молодежной среды в китайском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, №2. — С. 559–563.
10. Чжан В. Проблемы применения молодежного сленга на уроке русского языка как иностранного в Китае // Образование и право. — 2020. — №7. — С. 215–217.

LINGUISTIC INFERIORITY SYNDROME IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN: STRUCTURE, FORMATION FACTORS AND PEDAGOGICAL TECHNIQUES FOR OVERCOMING IT

Likhushina Marina Vladimirovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor of the Department, Don State Technical University, Rostov-on-Don (Russia)*

The article examines the problem of linguistic inferiority syndrome (LLS) in younger schoolchildren as a stable psycho-emotional complex that hinders successful speech communication and academic integration. The relevance of the research is due to the multiculturalism of the modern educational environment, the early start of learning foreign languages and the insufficient attention of pedagogical practice to the affective component of language learning. The purpose of the work is a theoretical substantiation of the phenomenon of linguistic inferiority syndrome, an analysis of its structure, age-related features of manifestation in primary school age and factors of formation. The methodological basis was formed by the concept of the «affective filter» by S. Krashen, studies of linguistic anxiety by E. Horvitz, and the provisions of humanistic pedagogy by K. Rogers, as well as a theoretical analysis of psychological and pedagogical literature. The article reveals the three-component structure of the syndrome: cognitive (dysfunctional beliefs about one's own linguistic incompetence), emotional-affective (fear, shame, anxiety) and conative (strategies for avoiding speech activity) components. The key groups of determinants of linguistic inferiority syndrome formation have been identified: pedagogical (authoritarian style, dysfunctional feedback), socio-psychological (unfavorable classroom climate, family expectations) and individual-personal (increased anxiety, perfectionism). The age-related features of the manifestation of linguistic inferiority syndrome in children aged 7-11 are described: high somatization of anxiety, dependence on the assessment of significant adults and peers, generalization of fear to other learning situations, destructive influence on the formation of self-esteem and learning motivation. An integrative model of correctional work is proposed that combines communicative and personality-oriented approaches, I.Y. Shekhter's emotional and semantic method, as well as specific psychological and pedagogical techniques: game technologies, visual supports, breathing exercises, and cognitive load reduction techniques. It is concluded that it is necessary to shift the focus of pedagogical attention from the cognitive component to the affective one for effective prevention and correction of linguistic inferiority syndrome, which implies the creation of a psychologically safe educational environment that minimizes the effect of the affective filter.

Keywords: *linguistic inferiority syndrome; younger schoolchildren; language anxiety; affective filter; communicative approach; psychological safety; foreign language education; correctional work; emotional and semantic method; prevention.*

EDN: WQIMIW ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.61***

Цитировать: *Лихушина М.В. Синдром лингвистической неполноценности у младших школьников: структура, факторы формирования и педагогические техники его преодоления // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 432-437. EDN: WQIMIW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.61*

УДК 37.015

5.8.1

© Лихушина М.В., 2026

СИНДРОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: СТРУКТУРА, ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассматривается проблема синдрома лингвистической неполноценности (СЛН) у младших школьников как устойчивого психоэмоционального комплекса, препятствующего успешной речевой коммуникации и академической интеграции. Актуальность исследования обусловлена поликультурностью современной образовательной среды, ранним началом изучения иностранных языков и недостаточным вниманием педагогической практики к аффективному компоненту языкового обучения. Цель исследования — теоретическое обоснование феномена СЛН, анализ его структуры, возрастных особенностей проявления в младшем школьном возрасте и факторов формирования. Методологическую основу составили концепция «аффективного фильтра» С. Крашена, исследования языковой тревожности Э. Хорвиц, положения гуманистической педагогики К. Роджерса, а также теоретический анализ психолого-педагогической литературы. В статье раскрыта трехкомпонентная структура синдрома: когнитивный (дисфункциональные убеждения о собственной языковой некомпетентности), эмоционально-аффективный (страх, стыд,

тревога) и конативный (стратегии избегания речевой деятельности) компоненты. В результате исследования выявлены ключевые группы детерминант формирования СЛН: педагогические (авторитарный стиль, дисфункциональная обратная связь), социально-психологические (неблагоприятный климат в классе, семейные ожидания) и индивидуально-личностные (повышенная тревожность, перфекционизм). Составлены характеристики возрастных особенностей проявления СЛН у детей 7-11 лет: высокая соматизация тревоги, зависимость от оценки значимых взрослых и сверстников, генерализация страха на другие учебные ситуации, деструктивное влияние на формирование самооценки и учебной мотивации. Предложена интегративная модель коррекционной работы, объединяющая коммуникативный и личностно-ориентированный подходы, эмоционально-смысловой метод И.Ю. Шехтера, а также конкретные психолого-педагогические техники: игровые технологии, визуальные опоры, дыхательные упражнения, приемы снижения когнитивной нагрузки. В ходе анализа сформулированы выводы о необходимости смещения фокуса педагогического внимания с когнитивной составляющей на аффективную для успешной профилактики и коррекции СЛН, что предполагает создание психологически безопасной образовательной среды, минимизирующей действие аффективного фильтра.

Ключевые слова: *синдром лингвистической неполноценности; младшие школьники; языковая тревожность; аффективный фильтр; коммуникативный подход; психологическая безопасность; иноязычное образование; коррекционная работа; эмоционально-смысловой метод; профилактика.*

ЛИХУШИНА Марина Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону (Россия)
ORCID: 0000-0003-4300-8507
ResearcherID: 57224925845

Введение

В современной поликультурной образовательной среде, характеризующейся миграционными процессами и ранним включением иностранных языков в учебные программы, психологический комфорт обучающегося становится не менее важным фактором успеха, чем методическое обеспечение. Особую актуальность приобретает проблема синдрома лингвистической неполноценности (СЛН) — устойчивого комплекса негативных психоэмоциональных реакций, возникающих у индивида в ситуациях речевой деятельности на неродном или недостаточно освоенном языке. Данный синдром, проявляясь в формах коммуникативного избегания, страха ошибки, «ментального блока» и соматических реакций, выступает серьезным барьером на пути социальной, академической и профессиональной интеграции личности.

Традиционная педагогическая практика зачастую фокусируется на когнитивной составляющей языкового обучения (грамматика, лексика), оставляя без внимания аффективный компонент. С. Крашен отмечал, что «аффективный фильтр» — психологический барьер, формируемый страхом, тревогой или низкой самооценкой — блокирует восприятие и продуцирование речи даже при наличии формальных знаний [7, с. 45]. У младших школьников, чья эмоциональная сфера крайне лабильна, а самооценка напрямую зависит от оценок взрослых, СЛН может формироваться быстро и иметь долгосрочные последствия, выражаясь в устойчивой нелюбви к предмету «иностранный язык» или даже к родной речи в публичных ситуациях.

Несмотря на значительный объем теоретических исследований в области языковой тревожности, психолингвистики и коммуникативных методик, в практическом поле ощущается дефицит систематизированных, готовых к применению методических материалов, адресованных педагогу для целенаправленной работы именно с синдромом, а не с языковыми ошибками. Цель работы — теоретическое обоснование феномена СЛН, анализ его структуры, возрастных особенностей

проявления в младшем школьном возрасте и факторов формирования, а также обобщение подходов к коррекции.

Феномен, исследуемый в данной работе, находится на пересечении психологии, педагогики и лингвистики, что обуславливает множественность подходов к его определению. СЛН является логическим развитием и углублением концепции «иностранной языковой тревожности», системно исследованной Э. Хорвиц. Если языковая тревожность понимается как ситуативная, специфическая реакция на угрозу самооценке в контексте изучения языка, то СЛН представляет собой более интериоризированную и стабильную структуру — «личностную диспозицию», которая актуализируется не только в учебной, но и в потенциально любой коммуникативной ситуации [6, с. 52]. Это различие носит принципиальный характер: тревожность — это состояние, синдром — это свойство.

Результаты и их обсуждение

Синдром лингвистической неполноценности может быть представлен тремя взаимосвязанными компонентами. Когнитивный компонент включает в себя дисфункциональные убеждения и катастрофические мысли о собственной языковой некомпетентности: «Мой язык уродлив», «Я всегда делаю глупые ошибки», «Носители языка будут презирать мое произношение», «Лучше промолчать, чем показать свое незнание». Эти автоматические мысли формируют негативный внутренний диалог, который парализует речемыслительные процессы, приводя к известному феномену «когнитивного блока» или «пустоты в голове» в момент коммуникации.

Эмоционально-аффективный компонент проявляется в интенсивных негативных переживаниях: от смущения и застенчивости до панического страха. Характерными являются чувства унижения, стыда, фрустрации и раздражения на себя. Этот компонент непосредственно связан с теорией «аффективного фильтра» С. Крашена, согласно которой высокий уровень тревоги создает психический барьер, блокирующий доступ к усвоенным знаниям и препятствующий получению нового «понятного входа» [7, с. 48].

Конативный (поведенческий) компонент выражается в стратегиях избегания, направленных на минимизацию психологического дискомфорта. К ним относятся: коммуникативное уклонение, отказ от участия в устных заданиях и проектах, пропуски уроков языка, выбор стратегии «минимального риска». В долгосрочной перспективе это ведет к вторичной педагогической запущенности: избегая практики, обучающийся лишает себя возможности совершенствовать язык, что лишь укрепляет исходное чувство неполноценности.

Ключевая характеристика СЛН — это несоответствие между реальным уровнем языковых знаний и возможностью их реализации. Индивид может обладать достаточным лексико-грамматическим потенциалом, но аффективный барьер делает этот потенциал нефункциональным. Это отличает СЛН от объективной языковой некомпетентности и требует принципиально иных, психолого-ориентированных методик вмешательства.

Младший школьный возраст (7-11 лет) представляет собой сензитивный период для формирования как учебной деятельности, так и самооценки ребенка в новой социальной роли ученика. В контексте изучения иностранного языка этот этап характеризуется специфическими психологическими и социальными условиями, которые определяют уникальную картину проявления СЛН.

Из-за возрастной незрелости механизмов психологической защиты и эмоциональной регуляции тревога, связанная с иностранным языком, у младших школьников отличается высокой интенсивностью и тенденцией к генерализации [1, с. 222]. Неудачный опыт на уроке иностранного языка может спровоцировать страх перед любыми ситуациями устного ответа, чтения вслух, публичного выступления, переносясь и на другие учебные предметы. Более того, эмоциональное напряжение часто проявляется невербально, через соматические симптомы: частые жалобы на головную боль или боль в животе перед уроком, повышенная утомляемость, заметное мышечное напряжение, дрожь в голосе и руках. Такая «маскировка» тревоги под физическое недомогание является защитным механизмом и требует от педагога особой наблюдательности для корректной интерпретации поведения ребенка.

Для ребенка 7-10 лет учитель является фигурой, олицетворяющей не только знание, но

и моральный авторитет. Его оценка воспринимается как тотальная оценка личности ученика: «Я ошибся» равносильно «Я плохой» [5, с. 215]. В этом контексте реакция педагога на ошибку становится ключевым триггером СЛН. Прямое, публичное исправление, строгий тон, взгляд разочарования или сравнение с более успешными одноклассниками интерпретируются ребенком как подтверждение его некомпетентности и отвержение. Это формирует устойчивый страх совершить ошибку, который блокирует любую речевую инициативу.

Учебная деятельность в начальной школе носит выраженный коллективный характер. Мнение и реакции одноклассников приобретают огромный вес. Страх социального осуждения — быть осмеянным, получить прозвище, стать объектом насмешек из-за акцента или неудачного высказывания — является одним из самых сильных факторов, провоцирующих СЛН [4, с. 22]. Ребенок оказывается в ситуации двойного оценивания: со стороны учителя и со стороны группы. Это зачастую приводит к выбору стратегии избегания: ученик предпочитает казаться пассивным, незаинтересованным или даже нарушителем дисциплины, лишь бы не рисковать и не подвергать себя потенциальному унижению.

Младший школьный возраст — период активного становления системы представлений о себе, своих способностях и возможностях. Устойчивые переживания неудачи и стыда на уроках иностранного языка способствуют формированию негативного компонента «Я-концепции» — устойчивого убеждения «Я неспособен к языкам». Эта установка быстро начинает работать: ребенок, уверенный в своей неспособности, перестает прилагать усилия, что закономерно ведет к ухудшению результатов и дальнейшему укреплению негативного самовосприятия [3, с. 54]. Таким образом, СЛН напрямую подрывает внутреннюю учебную мотивацию, заменяя познавательный интерес мотивацией избегания неудачи.

Ключевым диагностическим критерием СЛН служит стабильность, интенсивность и интерференционный характер реакций: тревожные проявления носят устойчивый характер, их интенсивность не снижается в поддерживающей обстановке, а их влияние деструктивно препятствует как учебному процессу, так и социально-эмоциональному благополучию ребенка в классе.

Теоретико-методологической основой для разработки коррекционной работы с СЛН выступает синтез целостных педагогических подходов и конкретных психолого-педагогических техник, направленных на деструкцию его ключевых компонентов — когнитивного, эмоционального и поведенческого.

Наиболее радикально на снятие аффективного барьера направлен эмоционально-смысловой метод И.Ю. Шехтера. Его фундаментальный принцип — «право на ошибку» на начальном этапе обучения — институционализирует безопасность речевой попытки [12, с. 80]. Намеренное игнорирование педагогом грамматических и фонетических погрешностей в процессе драматизации и ролевой игры позволяет ребенку пережить опыт свободного, неоценочного говорения, что разрушает связь между речевым актом и ожиданием негативной «санкции».

Психологическим фундаментом, обеспечивающим действенность перечисленных методик, являются принципы гуманистической педагогики К. Роджерса, в центре которой находится безусловное позитивное принятие ученика, эмпатия и конгруэнтность педагога [5, с. 278]. В системе отношений, построенных на доверии и поддержке, учитель выступает не как контролер, а как фасилитатор, что позволяет ребенку с СЛН воспринимать учебное пространство как безопасное для проявления уязвимости и экспериментирования с языком.

Для регуляции эмоционально-аффективного компонента применяются техники психофизиологической саморегуляции: дыхательные упражнения, помогающие осознанно управлять вегетативными симптомами тревоги; голосовые и артикуляционные разминки в игровой форме, снимающие мышечные зажимы речевого аппарата; внедрение устойчивых ритуальных практик на этапах инициации и завершения учебного занятия, формирующих предсказуемые опорные точки.

Для ослабления когнитивного компонента и предотвращения «ментального блока» используется стратегия «опор»: визуальные, вербальные и тактильные опоры, структурирующие будущее высказывание и снимающие когнитивную перегрузку. Техника

«кумулятивной речи», разбивающая коммуникативную задачу на микроэтапы, гарантирует переживание успеха на каждом шаге. Прием «запланированной паузы», дающий время на обдумывание и обсуждение ответа с партнером перед публичным предъявлением, снижает стресс мгновенной реакции.

Игровые технологии служат основным механизмом трансформации учебной ситуации. Ролевые игры и драматизация позволяют говорить «от лица» персонажа, снижая личную ответственность за возможные ошибки. Коммуникативные игры с языковыми правилами создают естественный, увлекательный контекст для говорения, где язык является средством победы, а не объектом оценки. Творческие проекты смещают фокус внимания ребенка с языковой формы на творческий продукт, делая речевые погрешности менее значимыми.

Методологическую основу коррекции СЛН составляет интегративная модель, объединяющая макроуровень поддерживающих педагогических подходов и микроуровень конкретных психолого-педагогических техник. Их объединяет общая цель — создать условия, в которых речевая деятельность будет связана для ребенка не с угрозой и оценкой, а с интересом, игрой и чувством компетентности, что позволяет последовательно разрушать патологические связи, лежащие в основе синдрома.

Заключение

Проведенный критический анализ позволяет сделать вывод, что синдром лингвистической неполноценности у младших школьников представляет собой сложный психолого-педагогический феномен, имеющий трехкомпонентную структуру (когнитивный, эмоционально-аффективный и конативный компоненты) и формирующийся под влиянием педагогических, социально-психологических и индивидуально-личностных факторов. Возрастные особенности детей 7-11 лет — высокая соматизация тревоги, зависимость от оценки значимых взрослых и сверстников, генерализация страха — делают эту возрастную группу особенно уязвимой для развития СЛН.

Эффективная профилактика и коррекция СЛН требует смещения фокуса педагогического внимания с когнитивной составляющей на аффективную. Интегративная модель коррекционной работы, сочетающая коммуникативный и личностно-ориентированный подходы, эмоционально-смысловой метод и конкретные психолого-педагогические техники (игровые технологии, визуальные опоры, дыхательные упражнения), позволяет создать психологически безопасную образовательную среду, минимизирующую действие аффективного фильтра. Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой диагностического инструментария для выявления СЛН и экспериментальной апробацией предложенной модели коррекции в условиях начальной школы.

Литература:

1. Алиев З.Г. Способы формирования лексических навыков на начальном этапе обучения иностранному языку / З.Г. Алиев, Р.Н. Абдулаева, Л. М. Тетакаева // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — №6(85). — С. 221–223. — DOI 10.24412/1991-5500-2020-685-221-223. — EDN EFDMLU.
2. Арсарык А.А. Использование игровых технологий в обучении младших школьников лексике иностранного языка / А.А. Арсарык // Молодой ученый. — 2022. — №49 (444). — С. 159–162. — EDN NLYDBV.
3. Батурина Э.Р. Формирование лексических навыков у младших школьников на основе игровых ситуаций при изучении английского языка / Э.Р. Батурина, Н. Х. А. Боренова // Проблемы лингвистики, онтолингвистики и раннего обучения иностранным языкам: сб. науч. тр. — М.: Московский государственный областной университет, 2021. — С. 17–25. — EDN RGVOKP.
4. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — СПб.: Питер, 2021. — 398 с.
5. Бочанцева Л.И. Групповой тренинг как психологическое средство коррекции школьной тревожности у детей младшего школьного возраста / Л.И. Бочанцева, А.Н. Завьялова // Проблемы современного образования. — 2024. — №1. — С. 49–60.
6. Володарская Е.Б. Использование игровых методов обучения для развития лексических навыков речи у учащихся начальных классов / Е.Б. Володарская, А.С. Гришина, Е.Н. Тарасова // Современные наукоемкие технологии. — 2024. — №2. — С. 44–48. — DOI 10.17513/snt.39930. — EDN CUQTEJ.
7. Добрынина А.В. Развитие лексических навыков обучающихся основной общеобразовательной школы с помощью платформы Quizlet / А.В. Добрынина // Исследования молодых ученых. — 2023. — №3(48). — С. 4–6.

8. Дубровина И.В. Психологическое благополучие школьников / И.В. Дубровина. — М.: ЮРАЙТ, 2023. — 140 с.
9. Кривошапкина Ю.Г. Комплексная программа коррекции тревожности детей младшего школьного возраста / Ю.Г. Кривошапкина, В.В. Находкин // Инновационные аспекты развития науки и техники. — 2020. — №2. — С. 161–168.
10. Омелаенко Н.В. Формирование лексических навыков на иностранном языке / Н. В. Омелаенко // Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — №5(94). — С. 132–136.
11. Прохорова М.Е. Вариативность методов и приемов обучения иностранному языку на раннем этапе / М.Е. Прохорова, Е.И. Зимина, Н.Н. Кондакова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 26, №192. — С. 78–86.
12. Смирнова Е.А. Современные методики преподавания иностранных языков / Е.А. Смирнова. — Казань: Феникс, 2021. — 210 с.
13. Соколова А.А. Специфика проявления тревожности у младших школьников / А.А. Соколова // Вестник науки и образования. — 2024. — №1(144)-1.– С. 104–105.
14. Чернышов С. В. Теория и методика обучения иностранным языкам : учебник / С.В. Чернышов, А.Н. Шамов. — М.: КНОРУС, 2022. — 442 с.
15. Эльконин Д.Б. Детская психология / Д.Б. Эльконин. — М.: Академия, 2021. — 384 с.

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF PERSONALIZED LEARNING IN THE DIGITAL ERA: ISSUES OF LEARNER AGENCY AND RESPONSIBILITY

Malivenko Maxim Vadimovich, *Assistant Professor, Southern Federal University; Postgraduate student, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don (Russia)*

The article presents a theoretical and methodological analysis of the axiological foundations of personalized learning in the context of the digital transformation of higher education. The relevance of the study is determined by the growing contradiction between the technological capabilities of digital personalization and the value foundations of education aimed at developing student subjectivity. The purpose of the article is to identify the axiological conditions under which personalized learning in a digital educational environment preserves and fosters student subjectivity. To achieve this purpose, the following objectives are addressed: (1) conceptual demarcation of personalization, individualization, differentiation, and adaptive learning; (2) identification of the axiological conflict between educational values and the logic of digital platforms; (3) explication of the paradox of digital personalization; (4) analysis of the problem of responsibility diffusion; and (5) formulation of the axiological conditions for subject-oriented personalization. The methodological framework of the study comprises the axiological approach in pedagogy (the conception of value orientations developed by A.V. Kiryakova; the pedagogical axiology of V.A. Slastenin and G.I. Chizhakova) and the subject-oriented approach in psychology and pedagogy (the conception of the subject advanced by S.L. Rubinstein and A.V. Brushlinsky; the psychological anthropology of V.I. Slobodchikov and E.I. Isaev). The research methods employed include theoretical analysis and hermeneutic interpretation of scholarly sources, as well as the method of conceptual and terminological analysis. As a result of the study, the following findings have been obtained: (1) a fundamental distinction between personalization, individualization, and adaptive learning has been established based on the criterion of the learner's subjective position; (2) a systemic axiological conflict between educational values and the logic of digital platforms has been identified; (3) the paradox of digital personalization has been formulated; (4) the problem of responsibility diffusion has been substantiated; and (5) five axiological conditions for subject-oriented personalization have been proposed: the priority of value-based goal-setting, axiological transparency of the environment, the right to difficulty and mistake, the preservation of pedagogical presence, and the cultivation of a culture of digital reflection.

Keywords: *personalized learning; axiology of education; student subjectivity; digital educational environment; adaptive learning; pedagogical responsibility; digital transformation of education; educational values; artificial intelligence in education.*

EDN: XCVUFA ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.62***

Цитировать: *Маливенко М.В. Аксиологические основы персонализации обучения в цифровую эпоху: проблема субъектности и ответственности // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 438-447. EDN: XCVUFA. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.62*

УДК 37.013
5.8.1

© Маливенко М.В., 2026

Аксиологические основы персонализации обучения в цифровую эпоху: проблема субъектности и ответственности

Статья посвящена теоретико-методологическому анализу аксиологических оснований персонализации обучения в условиях цифровой трансформации высшего образования. Актуальность исследования определяется нарастающим противоречием между технологическими возможностями цифровой персонализации и ценностными основаниями образования, ориентированного на развитие субъектности обучающегося. Цель исследования — выявить аксиологические условия, при которых персонализация обучения в цифровой образовательной среде сохраняет и развивает субъектность обучающегося. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) провести понятийную демаркацию персонализации, индивидуализации, дифференциации и адаптивного обучения; 2) выявить аксиологический конфликт между ценностями образования и логикой цифровых платформ; 3) раскрыть парадокс цифровой персонализации; 4) проанализировать проблему диффузии ответственности; 5) сформулировать аксиологические условия субъектно-ориентированной персонализации. Методологическую базу исследования составляют аксиологический подход в педагогике (концепция ценностных ориентаций А.В. Кирьяковой, педагогическая аксиология

В.А. Сластёнина и Г.И. Чижаковой) и субъектный подход в психологии и педагогике (концепция субъекта С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского; психологическая антропология В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева). Для решения поставленных задач применялись теоретический анализ и герменевтическая интерпретация научных источников, а также метод понятийно-терминологического анализа. В результате исследования: 1) установлено принципиальное различие между персонализацией, индивидуализацией и адаптивным обучением по критерию субъектной позиции обучающегося; 2) выявлен системный аксиологический конфликт между образовательными ценностями и логикой цифровых платформ; 3) сформулирован парадокс цифровой персонализации; 4) обоснована проблема диффузии ответственности; 5) предложены пять аксиологических условий субъектно-ориентированной персонализации: приоритет ценностного целеполагания, аксиологическая прозрачность среды, право на трудность и ошибку, сохранение педагогического присутствия, формирование культуры цифровой рефлексии.

Ключевые слова: *персонализация обучения; аксиология образования; субъектность обучающегося; цифровая образовательная среда; адаптивное обучение; педагогическая ответственность; цифровая трансформация образования; ценности образования; искусственный интеллект в образовании.*

МАЛИВЕНКО Максим Вадимович, *ассистент, Южный федеральный университет; аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону (Россия)*
SPIN-код: 3680-3265
ORCID: 0009-0007-3364-2551

Введение

Цифровая трансформация образования, стремительно развивающаяся в последнее десятилетие и получившая дополнительный импульс в условиях глобальных социальных вызовов, существенно изменила представления о возможностях организации образовательного процесса. Одним из центральных концептов, определяющих вектор этих изменений, стала персонализация обучения — идея выстраивания образовательного процесса с учётом индивидуальных особенностей, потребностей, предпочтений обучающегося. [23]. Технологические решения — адаптивные платформы, системы искусственного интеллекта, инструменты анализа данных — предоставляют уникальные возможности для реализации персонализированных образовательных траекторий [10; 36].

Вместе с тем исследователями фиксируется существенное расхождение между декларируемыми целями персонализации и её реальными эффектами. Цифровая образовательная среда обладает значительным дидактическим потенциалом, однако одновременно порождает риски снижения субъектности: пользователь делегирует выбор способа решения той или иной задачи цифровым алгоритмам, тем самым снимает с себя необходимость самостоятельного целеполагания и ценностного выбора [14].

Данное противоречие имеет не только дидактический, но и глубинный аксиологический характер. Образование традиционно рассматривается как пространство формирования личности, становления субъектности, освоения ценностей свободы, автономии, ответственности и саморазвития [16 с. 70]. Однако логика цифровых платформ — ориентация на эффективность, предсказуемость, оптимизацию пользовательского опыта — вступает в конфронтацию с этими ценностями.

Таким образом, проблема исследования формулируется следующим образом: каковы аксиологические основания и условия, при которых персонализация обучения в цифровой образовательной среде сохраняет и развивает субъектность обучающегося?

Цель исследования — осуществить теоретико-методологический анализ аксиологических оснований персонализации обучения в контексте цифровой трансформации образования, выявить противоречия между технологической логикой персонализации и ценностными основаниями образования, определить условия сохранения субъектности и ответственности обучающегося.

Методологическую базу исследования составляют аксиологический подход к анализу образовательных феноменов [8; 16], субъектный подход в педагогике и психологии [4; 15; 18], а также теоретический анализ, синтез и герменевтическая интерпретация научных источников.

Логика изложения предполагает последовательное рассмотрение: понятийной демаркации персонализации обучения и смежных концептов; аксиологического измерения образования в условиях цифровизации; феномена субъектности в контексте цифровой персонализации; проблемы ответственности; аксиологических условий субъектно-ориентированной персонализации.

Теоретико-понятийные основы персонализации обучения

Анализ аксиологических оснований персонализации обучения требует предварительного уточнения понятийного аппарата. В современном педагогическом дискурсе термин «персонализация» используется как синоним индивидуализации, дифференциации или адаптивного обучения, что порождает концептуальную неопределённость. Между тем различия между ними носят сущностный характер, определяющий принципиально разные позиции обучающегося в образовательном процессе.

Индивидуализация обучения — исторически наиболее разработанный концепт, получивший теоретическое обоснование в отечественной дидактике во второй половине XX века. И.Э. Унт считает, что индивидуализация предполагает «учёт в процессе обучения индивидуальных особенностей учащихся во всех его формах и методах, независимо от того, какие особенности и в какой мере учитываются» [20, с. 8]. Ключевая характеристика индивидуализации состоит в том, что субъектом адаптации выступает педагог: именно он диагностирует особенности обучающихся, подбирает методы и средства, варьирует темп и сложность материала. Обучающийся занимает преимущественно объектную позицию — он является адресатом педагогических воздействий, но не участвует в проектировании процесса.

Дифференциация обучения, согласно определению И.Э. Унт, также подразумевает учет индивидуальных способностей и деление учащихся на группы «на основании каких-либо особенностей для отдельного обучения», при этом признаком дифференциации могут быть как индивидуальные особенности, так и возрастной, половой, национальный и прочие признаки [20, с. 8]. Как и в случае индивидуализации, ключевые решения принимаются педагогом или администрацией, а обучающийся оказывается в заранее определённой для него траектории.

Адаптивное обучение — концепт, получивший распространение в контексте цифровизации образования. Согласно определению Ф. Керра, адаптивное обучение представляет собой автоматизированный, динамический и интерактивный процесс, цель которого — создание персонального опыта [30]. Существенно, что субъектом адаптации здесь выступает алгоритм: автоматическая система анализирует цифровой след пользователя, но сам пользователь не определяет ни целей, ни ценностных ориентиров этой адаптации.

Здесь обнаруживается принципиальное различие между адаптивным обучением и персонализацией в её гуманистически ориентированном понимании. Персонализация — концепт, восходящий к идеям гуманистической педагогики (К. Роджерс, А. Маслоу), а в современном контексте получивший развитие в работах М. Фуллана, М. Лэнгворти и других исследователей [28]. Персонализация предполагает активное участие обучающегося в проектировании собственного образовательного пути: определении целей, выборе содержания, форм и темпа обучения, рефлексии результатов. Как отмечают М.Л. Бернацки с соавторами, принципиальным является вопрос: «персонализация кем, для чего и каким образом?» [23]. Персонализация, осуществляемая «для» обучающегося, но «без» его субъектного участия, утрачивает свой сущностный смысл и редуцируется к технологической адаптации.

Сравнивая между собой индивидуализацию и адаптивное обучение, следует отметить, что они зачастую являются ценностно нейтральными инструментами повышения эффективности. Персонализация же по определению включает ценностное измерение: она предполагает, что обучающийся совершает ценностный выбор — определяет, что для него значимо, к чему он стремится, какой

смысл видит в своём образовании. Без этого компонента персонализация превращается в «персонализацию без личности» — технологическую симуляцию индивидуального подхода при фактическом отсутствии субъекта обучения [33].

Проведённый анализ определений позволяет зафиксировать проблему современного образовательного дискурса: терминологическое смешение персонализации и адаптивного обучения ведёт к концептуальной подмене, при которой технологическая адаптация контента выдаётся за подлинную персонализацию [31]. Обучающийся, взаимодействующий с адаптивной системой, может воспринимать себя как субъекта персонализированного обучения, тогда как фактически он занимает позицию пользователя, чьи действия анализируются и оптимизируются алгоритмом.

Для целей настоящего исследования персонализация обучения определяется как организация образовательного процесса, при которой обучающийся выступает субъектом проектирования собственной образовательной траектории, осуществляя целеполагание, ценностный выбор содержания и форм обучения, рефлексию результатов и принимая ответственность за свой образовательный путь. Таким образом, данное определение акцентирует субъектную позицию обучающегося и ценностное измерение персонализации, что позволяет отграничить её от технологической адаптации и создаёт основу для дальнейшего аксиологического анализа.

Аксиологический анализ цифровой трансформации образования

Проведённая понятийная демаркация показала, что персонализация обучения в её подлинном смысле неразрывно связана с ценностным самоопределением обучающегося. Это требует обращения к аксиологическому анализу образования — рассмотрению тех ценностных оснований, которые определяют смысл и нормы образовательной деятельности и которые оказываются под вопросом в условиях цифровой трансформации.

Аксиологический подход, разработанный в отечественной педагогике Б.М. Бим-Бадом, В.А. Сластёниным, Г.И. Чижаковой, А.В. Кирьяковой и другими исследователями, исходит из понимания образования как ценностно нагруженной деятельности, несводимой к передаче знаний и формированию компетенций [2; 8; 17]. В рамках аксиологического подхода ценности выступают конституирующим основанием образовательного процесса — тем, что определяет его направленность, критерии качества и границы допустимого.

Среди базовых принципов данного подхода, образующих аксиологическое ядро образования, выделяются: признание учителем личностных ценностей учащихся важнейшим источником мотивов поведения, его внутренними регуляторами; владение учителем методами перевода духовных ценностей человечества во внутренние ценности воспитанника; активизация ценностного поиска воспитанников как в учебной, так и во внеурочной деятельности [13, с. 136].

Цифровая трансформация создаёт условия, в которых реализация этих принципов становится проблематичной. Цифровые платформы и системы искусственного интеллекта функционируют в логике, которая в ряде отношений вступает с образовательными ценностями и принципами в напряжение.

Первый аспект этого напряжения связан с доминированием ценности эффективности в технологическом дискурсе. Цифровые платформы проектируются с ориентацией на оптимизацию: сокращение времени освоения, повышение результативности, минимизацию когнитивных затрат [35, с. 11]. Абсолютизация эффективности ведёт к смещению функции образования к «производству результатов», при которой неизмеримые аспекты — формирование ценностной позиции, становление субъектности — оказываются за пределами внимания. Г. Биеста обозначил эту тенденцию термином «*learnification*» — сведение образования к измеримым результатам научения [25]. В цифровой среде данная тенденция усиливается: алгоритмы фиксируют клики и результаты тестов, но не способны уловить ценностные сдвиги в сознании обучающегося.

Второй аспект касается ценности свободы и автономии. Адаптивные системы направляют обучающегося по оптимальной (с точки зрения алгоритма) траектории через архитектуру интерфейса, рекомендательные системы. «Мягкая власть» алгоритма особенно

проблематична тем, что не воспринимается как принуждение: обучающийся субъективно ощущает себя свободным, однако пространство его выбора заранее сконструировано, а «рекомендации» основаны на прошлом опыте и способны манипулировать выбором обучающегося [27]. Свобода выбора из предложенных алгоритмом опций принципиально отличается от свободы целеполагания.

Третий аспект затрагивает ценность диалога и педагогического отношения. Цель образования в гуманистической традиции понимается как развитие уникальной целостной личности обучающегося, для чего необходимо создать определенные условия [6]. Данная цель не может быть достигнута без непосредственного взаимодействия между педагогом и обучающимся. Здесь возникает непреодолимая на текущий момент проблема. Несмотря на то, что системы искусственного интеллекта способны имитировать диалоговое взаимодействие, они никаким образом не могут заменить педагога — система не может взять на себя ответственность за развитие личности обучающегося.

Проведённый анализ позволяет зафиксировать аксиологический конфликт: персонализация апеллирует к ценностям свободы, автономии, развития, но её технологическая реализация осуществляется в логике эффективности, оптимизации и предсказуемости. Преодоление этого конфликта требует осознанного проектирования цифровой образовательной среды с опорой на аксиологический подход.

Субъектность обучающегося в условиях цифровой среды

Анализ аксиологического конфликта закономерно приводит к центральной категории настоящего исследования — субъектности обучающегося. Именно субъектность выступает понятием, в котором сходятся аксиологическое и антропологическое измерения образования: она описывает способность человека быть автором своей деятельности, действовать на основании собственных ценностей и принимать ответственность за свои решения.

Понятие субъектности рассматривалось рядом исследователей — так, Д.А. Леонтьев определял субъектность как способность выступать «действующим лицом, движущей силой действия» [9]. С.Л. Рубинштейн определяет субъект как высший уровень развития человека, основными характеристиками которого являются активность, способность к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию [1, с. 34]. Продолжая традиции Рубинштейна, А.В. Брушлинский рассматривает субъектность как характеристику человека, раскрывающую «неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д.» [3]. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев рассматривают субъектность как «многообразие психологических способностей и механизмов», что, по их мнению, является центральной категорией психологии человека [18].

В современной науке субъектность трактуется как интегративная характеристика, системное качество личности, определяющее специфику поведения человека [5]. Близкий концепт агентности (agency), активно разрабатываемый в зарубежной педагогике, определяется как взаимосвязь между обучающимся и его окружением, равно как способность обучающегося оказывать влияние на собственное обучение [34; 29].

Обращение к теоретическому содержанию субъектности позволяет сформулировать парадокс цифровой персонализации: технологии, декларируемые как инструменты персонализации, в своей реальной логике функционирования зачастую действуют вопреки субъектности, подменяя её симуляцией. Адаптивная система получает данные о действиях обучающегося и формирует «персонализированную» траекторию. С технологической точки зрения это действительно персонализация: траектория уникальна и основана на индивидуальных данных. Однако обучающийся в этой системе не определяет цели обучения, не выбирает содержание, не осуществляет рефлексию образовательного пути — все эти функции в полной мере делегированы алгоритму. Все конститутивные признаки субъектности — инициативность, рефлексивность, ответственность — оказываются переданы системе, а обучающийся занимает позицию, близкую к объектной, несмотря на присутствующие внешние атрибуты «персонализированного» взаимодействия.

Этот парадокс усиливается логикой проектирования цифровых платформ, восходящей к концепции пользовательского опыта (User Experience, UX). Данное определение было введено Д. Норманом и в широком смысле означает опыт взаимодействия пользователя с той или иной системой или продуктом [24]. UX-дизайн стремится устранять «точки трения» — моменты, в которых пользователь испытывает затруднения. Когда платформа систематически устраняет трудности, она устраняет условия, необходимые для становления субъектности. Обучающийся лишается опыта преодоления, когнитивного конфликта, необходимости пересмотра сложившихся убеждений — того опыта, который формирует субъектность.

Ещё одним механизмом подавления субъектности является алгоритмическая фильтрация. Рекомендательные алгоритмы предлагают контент, подобный тому, с которым пользователь уже взаимодействовал, порождая в образовательном контексте аналог «информационного пузыря» или «стены фильтров» [12, с. 19]. Образование призвано расширять горизонты, знакомить с тем, что выходит за пределы привычного опыта, однако алгоритмическая персонализация действует противоположным образом: замыкает обучающегося в пространстве уже известного ему. Иными словами, алгоритмическая среда создаёт условия технической активности при экзистенциальной пассивности.

Проблема распределения ответственности в цифровом образовании

Анализ субъектности в условиях цифровой персонализации закономерно выводит на проблему ответственности. Связь между этими категориями носит сущностный характер: осознание ответственности является одним из основных признаков субъектности. Вместе с тем ответственность в образовании — многомерная категория, описывающая распределение обязательств между всеми участниками образовательного процесса. Цифровая трансформация радикально усложняет эту структуру, порождая феномен размывания ответственности, а именно её границ и субъектов.

В философской традиции ответственность рассматривается как условие этического существования. Г. Йонас обосновывает, что технологическая эпоха требует переосмысления этики ответственности: «современная техника принесла с собой действия столь нового масштаба, распространяющиеся на столь небывалые объекты и влекущие за собой столь небывалые последствия, что рамки прежней этики более не в состоянии их вместить» [7, с. 47]. Этот тезис применим к искусственному интеллекту в образовании: воздействие адаптивных систем на образовательные траектории и личностное развитие обучающихся масштабно и в большинстве случаев непрозрачно.

Цифровая персонализация вводит в структуру ответственности новых агентов — адаптивные системы, алгоритмы, образовательные платформы, — чей статус, с точки зрения ответственности, остаётся неопределённым. Они принимают решения, влияющие на траектории обучающихся, но не обладают сознанием, ценностями и способностью к моральному суждению [19]. Решения принимаются, но ответственность за них отсутствует.

Проблема ответственности разработчиков заслуживает особого внимания. Создатели адаптивных систем определяют, какие ценности заложены в логику алгоритмов: что считается «успешным» результатом, какие паттерны поощряются, какие цели оптимизации приоритетны. Эти решения имеют глубокое аксиологическое содержание, однако принимаются исходя из технологических или коммерческих соображений [22].

Однако проблему ответственности нельзя сводить к нормативному регулированию. Аксиологический анализ требует перехода от вопроса «кто отвечает юридически?» к вопросу «кто отвечает педагогически?». В этом измерении центральной остаётся фигура педагога. Педагогическая ответственность состоит не в соблюдении регламентов, а в заботе о развитии личности — в том, что Биеста называет «ответственностью за субъектификацию» [26]. Эта ответственность неделегируема: её нельзя передать алгоритму или платформе. Между тем цифровая персонализация создаёт условия, в которых педагог рискует утратить свою ответственную позицию, оказываясь в роли оператора системы. Симуляция педагогической деятельности средствами ИИ создаёт иллюзию педагогического присутствия при его фактическом отсутствии.

Проблема ответственности обучающегося также обостряется. Цифровые адаптивные системы, принимая решения за обучающегося, формируют иллюзию ответственного выбора: формально он «сам» движется по персонализированной траектории, фактически же его путь определён алгоритмом. Опыт действительной ответственности — переживание реальных последствий собственного выбора — является условием личностного созревания. Систематическое замещение этого опыта взаимодействием с алгоритмами ставит под угрозу формирование ответственной субъектной позиции.

Таким образом, этико-аксиологический анализ фиксирует три взаимосвязанных риска: диффузию ответственности между множеством агентов, делегирование педагогической ответственности алгоритму и редукцию ответственности обучающегося. Преодоление этих рисков требует осознанного аксиологического проектирования персонализированной образовательной среды.

Аксиологические условия субъектно-ориентированной персонализации

Проведённый анализ зафиксировал комплекс противоречий, характеризующих персонализацию обучения в цифровую эпоху. Вместе с тем было бы некорректным ограничиться их констатацией: аксиологический анализ предполагает не только выявление конфликтов, но и поиск оснований для их преодоления.

Под аксиологическими условиями субъектно-ориентированной персонализации мы понимаем совокупность ценностно обоснованных принципов проектирования персонализированного обучения, обеспечивающих приоритет образовательных ценностей над технологической логикой оптимизации. Принципиально, что речь идёт об аксиологических, а не технологических условиях: вопрос состоит не в том, какие инструменты использовать, а в том, какие ценности должны определять логику их применения.

Первым условием является приоритет ценностного целеполагания над алгоритмической оптимизацией. Преодоление редукции субъектности требует возвращения целеполагания в зону ответственности обучающегося. Алгоритм может быть использован как инструмент навигации, но в первую очередь должен реализовывать цели, сформулированные самим обучающимся, а не подменять процесс их формулирования. Это предполагает включение в образовательный процесс практик ценностной рефлексии, в которых обучающийся осмысливает свои образовательные приоритеты. Роль педагога здесь незаменима — не как транслятора знаний, а как фасилитатора образовательного процесса, помогающего сопровождать обучающегося в учении и формулировать собственные образовательные смыслы [11].

Вторым условием является аксиологическая прозрачность цифровой образовательной среды. Алгоритмы адаптивных систем, как правило, функционируют как «чёрные ящики» (*black box*) — системы, функционирование которых остается непонятным как для разработчиков, так и для пользователей. [32] Алгоритмы лишают обучающегося возможности критически оценить предлагаемую траекторию и соотнести её со своими ценностями, так как субъектный выбор возможен лишь при понимании оснований, на которых строятся предлагаемые опции. Следовательно, необходимо перейти к более прозрачным моделям функционирования адаптивных систем, обеспечивая педагогическую интерпретируемость алгоритмов. Это позволит учащемуся понимать логику формирования своей траектории, превращая цифровую среду из инструмента управления в пространство для осознанного развития и проявления образовательной самостоятельности.

Третьим условием выступает право на ошибку в условиях цифровой среды. Стремление цифровых платформ к оптимизации ведёт к систематическому устранению затруднений. Аксиологически обоснованная персонализация должна сохранять пространство для столкновения обучающегося с трудным и непонятным. В современной педагогике приобретает актуальность ошибко-ориентированное обучение, в котором ошибка рассматривается не как сбой, а как естественный и необходимый этап обучения, обладающий высоким развивающим потенциалом [21]. Действительная ответственность возможна лишь там, где есть реальный риск неудачи. Персонализация должна не устранять трудности, а помогать обучающемуся

встречать их с достаточной поддержкой, которая не снимает ответственность, но создаёт условия для её принятия. Для достижения данного условия предполагается проектирование ситуаций преодоления и когнитивного конфликта вместо их устранения посредством алгоритмов.

Четвёртым условием является сохранение педагогического присутствия как функции личностной поддержки. Цифровые технологии обладают неоспоримыми преимуществами: они могут освобождать педагога от рутинных операций, обеспечивать доступ к ресурсам, поддерживать мониторинг. Однако ни один алгоритм не может замещать его в сущностной роли субъекта, несущего ответственность за развитие личности обучающегося. В этой связи следует помнить о том, что преподаватель является ключевым звеном образовательного процесса, а педагогическое воздействие на обучающегося — наиболее значимым фактором формирования его личности.

Пятым условием является формирование культуры цифровой рефлексии — способности субъектов образования критически осмыслять своё взаимодействие с цифровой средой, понимать логику алгоритмических рекомендаций, осознавать риски пассивного следования предложенным траекториям. Преподаватель, обладающий высоким уровнем культуры цифровой рефлексии, способен соотносить предлагаемые алгоритмами опции с собственными ценностями. Развитие этой культуры — задача как индивидуального, так и институционального уровня.

Совокупность сформулированных условий образует контуры аксиологически обоснованной модели персонализации, в которой технологические возможности подчинены образовательным ценностям. Цифровые технологии в данной модели выполняют исключительно инструментальную роль, а логика их применения определяется педагогическими ценностями: уважением к достоинству и автономии обучающегося, ориентацией на его развитие, сохранением пространства для свободного и ответственного выбора.

Аксиологически обоснованная персонализация представляет собой ценностно ориентированное педагогическое проектирование цифровой образовательной среды, в котором вопрос «как сделать обучение эффективным?» всегда предваряется вопросом «каким ценностям должно служить это обучение и развивает ли оно субъектность обучающегося?».

Заключение

Проведённое теоретико-методологическое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Понятийная демаркация показала, что персонализация обучения принципиально отличается от индивидуализации, дифференциации и адаптивного обучения по критерию субъектной позиции обучающегося. Отождествление персонализации с алгоритмической адаптацией контента является концептуальной подменой, при которой обучающийся оказывается не субъектом образования, а пользователем адаптивной системы.

Аксиологический анализ выявил структурное напряжение между ценностями образования — свободой, автономией, достоинством, ответственностью — и логикой цифровых платформ, ориентированных на эффективность и оптимизацию. Это напряжение отражает различие между образованием как ценностно нагруженной деятельностью и цифровым сервисом как инструментом оптимизации.

Сформулирован парадокс цифровой персонализации: алгоритмически опосредованное обучение в ряде случаев подавляет субъектность, делегируя алгоритму функции целеполагания, выбора и рефлексии, создавая условия технической активности при экзистенциальной пассивности обучающегося.

Зафиксирован феномен диффузии ответственности: появление новых агентов образовательного процесса размывает традиционную структуру педагогической ответственности, не создавая новых механизмов её закрепления.

Предложены пять аксиологических условий субъектно-ориентированной персонализации: приоритет ценностного целеполагания перед алгоритмической автоматизацией; аксиологическая прозрачность цифровой образовательной среды; право на трудность и ошибку в условиях цифровой среды; сохранение педагогического присутствия как неделегируемой алгоритму функции личностной поддержки; формирование культуры цифровой рефлексии.

Теоретическая значимость исследования состоит в концептуализации персонализации обучения как аксиологической проблемы, в описании парадокса цифровой персонализации и феномена диффузии ответственности, в формулировании аксиологических условий, создающих теоретическую основу для эмпирических исследований.

Ограничения исследования определяются его теоретическим характером: сформулированные положения требуют эмпирической верификации. Перспективы связаны с разработкой диагностического инструментария для оценки субъектности в условиях цифровой персонализации, проектированием и апробацией педагогических моделей, реализующих обозначенные условия, а также сравнительным анализом институциональных практик аксиологически обоснованной персонализации.

Литература

1. Абульханова К.А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения / К.А. Абульханова // В кн.: Психология индивидуального и группового субъекта. — М.: Пер Сэ, 2002. — С. 34-50. EDN: SIPZIZ
2. Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология: курс лекций / Б.М. Бим-Бад. — М.: УРАО, 2002. — 208 с. EDN: VRQGXB
3. Брушлинский А.В. О критериях субъекта / А.В. Брушлинский // В кн.: Психология индивидуального и группового субъект. — М.: Пер Сэ, 2002. — С. 9-33. EDN: SHSVNH
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта / А.В. Брушлинский. — СПб.: Алетейя, 2003. — 272 с.
5. Гусакова М.А. Феномен субъектности в теории и практике педагогики / М.А. Гусакова // Педагогическое образование в России. — 2015. — №4. — С. 90-95. EDN: TWFCDN
6. Иванова С.В. Гуманизация образования: цели, задачи и условия / С.В. Иванова // Ценности и смыслы. — 2010. — №2(5). — С. 91-109. EDN: MWJZID
7. Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технол. цивилизации; Наука как персональный опыт / Г. Йонас; пер. И.И. Маханькова. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 479 с.
8. Кирьякова А.В. Теория ориентации личности в мире ценностей / А.В. Кирьякова. — Оренбург: Южный урал, 1996. — 188 с. EDN: WBSJXL
9. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. — 2000. — №1(21). — С. 15-25.
10. Магомеддибирова З.А., Сорокопуд Ю.В., Осмаева Э.И. Трансформация вузовской цифровой образовательной среды средствами дидактических возможностей ИИ / З.А. Магомеддибирова, Ю.В. Сорокопуд, Э.И. Осмаева // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — №5(148). — С. 364-367. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-6115-364-367 EDN: AUTNQU
11. Монахова Л.Ю., Рябоконь Е.А., Цымбалюк Л.Н. Фасилитатор образовательного процесса в цифровую эпоху — роль, компетенции, поддержка / Л.Ю. Монахова, Е.А. Рябоконь, Л.Н. Цымбалюк // Человек и образование. — 2025. — № 3(84). — С. 77-89. DOI: 10.54884/1815-7041-2025-84-3-77-89 EDN: XKXUVI
12. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Э. Паризер; пер.с англ. А. Ширикова. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. — 304 с.
13. Педагогика современной школы: Основы педагогики. Дидактика. Курс лекций / И.И. Цыркун, А.И. Андарало, Е.Н. Артеменок, А.Р. Борисевич и др.; под общей редакцией И.И. Цыркуна. — Минск, 2011. — 384 с.
14. Просолупова Н.А. О проблемах развития субъектности студентов вуза в эпоху цифровой трансформации // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста: сб. ст. XX Международной научно-практической Internet-конференции (Тамбов, 29 мая–05 июня 2024 года). — Тамбов: Державинский, 2024. — С. 58-63. EDN: LYKMJI
15. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2003. — 512 с. EDN: LBQEST
16. Сластенин В.А. Педагогика: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению "Педагогическое образование" / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. — 12-е изд., стер. — М.: Академия, 2014. — 607 с.
17. Сластенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию / В.А. Сластенин, Г.И. Чижакова. — М.: Академия, 2003. — 192 с. EDN: RYWBXR
18. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 384 с.
19. Согомонов А.Ю. Цифровая этика для цифрового образования в цифровом мире / А.Ю. Согомонов // Ведомости прикладной этики. — 2021. — №58. — С. 17-30. EDN: SDCUUM
20. Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения / Э.И. Унт. — М.: Педагогика, 1990. — 192 с. EDN: SUSDWD
21. Фурер О.В., Кузменко В.А. Ошибко-ориентированное обучение как инструмент формирования устойчивых знаний // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. — 2026. — №04 (117). EDN: KSFJCX
22. Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права. / Ю.С. Харитонова, В.С. Савина, Ф. Паньини // Вестник Пермского уни-

верситета. Юридические науки. — 2021. — №53. — С. 488-515. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-488-515 EDN: EUKCPY

23. Bernacki M. L., Greene M. J., Lobczowski N. G. A Systematic Review of Research on Personalized Learning: Personalized by Whom, to What, How, and for What Purpose(s)? Educational Psychology Review, 2021, vol. 33, №4, pp. 1675-1715. DOI: 10.1007/s10648-021-09615-8 EDN: EADRAB
24. Berni A., Borgianni Y. From the definition of user experience to a framework to classify its applications in design. Proceedings of the Design Society, 2021, vol. 1, pp. 1627-1636. DOI:10.1017/pds.2021.424. EDN: QDBSRB
25. Biesta G.J.J. Good education in an age of measurement: on the need to reconnect with the question of purpose in education. Educational Assessment, Evaluation and Accountability, 2009, vol. 21, №1, pp. 33-46. DOI:10.1007/s11092-008-9064-9. EDN: OBGHLE
26. Biesta G.J.J. Beautiful Risk of Education. New York, Routledge, 2015, 178 p.
27. Botes, M. Autonomy and the social dilemma of online manipulative behavior. AI and Ethics, 2022, vol. 3, pp. 315-323. DOI:10.1007/s43681-022-00157-5. EDN: MJUOKU
28. Fullan M., Langworthy M. A rich seam: How new pedagogies find deep learning. London, Pearson, 2014. 88 p.
29. Jääskelä P., Poikkeus A.-M., Vasalampi K., Valleala U.M., Rasku-Puttonen H. Assessing agency of university students: validation of the AUS Scale. Studies in Higher Education, 2017, vol. 42, №11, pp. 2061-2079. DOI:10.1080/03075079.2015.1130693.
30. Kerr P. Adaptive learning. ELT Journal, 2016, vol. 70, №1, pp. 88-93. DOI: 10.1093/elt/ccv055.
31. Kerr, P. Personalization of language learning through adaptive technology: Part of the Cambridge Papers in ELT series. Cambridge University Press, 2016, 15 p.
32. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2015, 307 p.
33. Selwyn N. Should Robots Replace Teachers?: AI and the Future of Education (Digital Futures). Polity, 2019, 160 p.
34. Vaughn M. What is student agency and why is it needed now more than ever? Theory Into Practice, 2020, vol. 59, №2, pp. 109-118. DOI:10.1080/00405841.2019.1702393.
35. Williamson B. Big Data in Education: The Digital Future of Learning, Policy and Practice. London, SAGE, 2017, 256 p.
36. Zawacki-Richter O., Marín V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education — where are the educators? International Journal of Educational Technology in Higher Education, 2019, vol. 16, №1, p. 39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0. EDN: HQOQKY

VALUE-SEMANTIC ASPECT OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS FOR DEVELOPING PUPILS' INTELLECTUAL AND CREATIVE ABILITIES IN AN INCLUSIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Mamontova Kristina Viktorovna, *Postgraduate student, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk (Republic of Belarus)*

Modern professional training of future teachers increasingly focuses on the formation of a value-based position that ensures their ability to support the intellectual and creative development of pupils in an inclusive educational environment. The purpose of the study is to reveal the value-semantic foundations of professional training of future teachers for supporting the intellectual and creative development of pupils in an inclusive educational environment. The study pays special attention to developing the ability of pedagogical college students to engage in value-oriented pedagogical interaction aimed at fostering the creative and intellectual potential of pupils with special educational needs. This purpose determines the research objectives: to specify the value-semantic foundations of professional training and to reveal the significance of the pedagogical subjectivity of the future teacher in supporting the intellectual and creative development of pupils. The methodological basis of the study includes L. S. Vygotsky's cultural-historical theory, the activity-based approach of A.N. Leontiev and V.V. Davydov, the ideas of pedagogical subjectivity developed by V.I. Slobodchikov and E. I. Isaev, as well as the axiological logic of professional education. The novelty of the study lies in substantiating the methodological status of the value-semantic aspect, which determines the orientation of the future teacher's professional readiness to work in an inclusive educational environment. The article reveals professional training strategies, including reflective, heuristic, and project-based methods for developing creative thinking. The presented results form a theoretical and methodological basis for designing and implementing educational programs for teacher training in the system of secondary specialized education.

Keywords: *intellectual and creative abilities; creativity; educational strategies; cognitive development; professional education; methodology of teaching and education.*

EDN: XPDUKY **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.63**

Цитировать: *Мамонтова К.В. Ценностно-смысловой аспект профессиональной подготовки будущих педагогов к развитию интеллектуально-творческих способностей воспитанников в условиях инклюзивной образовательной среды // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 448-456. EDN: XPDUKY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.63*

УДК 37.04
5.8.7

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К РАЗВИТИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ВОСПИТАННИКОВ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

© Мамонтова К.В., 2026

Современная профессиональная подготовка будущих педагогов всё более отчётливо ориентируется на формирование ценностной позиции, обеспечивающей способность к сопровождению интеллектуально-творческого развития воспитанников в условиях инклюзивной образовательной среды. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления задач среднего специального педагогического образования в условиях гуманизации, цифровизации и реализации принципа инклюзии. Внимание акцентируется на формировании у учащихся педагогических колледжей способности к аксиологически ориентированному педагогическому взаимодействию, направленному на развитие творческого и интеллектуального потенциала воспитанников с особыми образовательными потребностями. Цель исследования заключается в раскрытии ценностно-смысловых оснований профессиональной подготовки будущих педагогов к сопровождению интеллектуально-творческого развития воспитанников в инклюзивной образовательной среде. Поставленная цель определяет исследовательские задачи: конкретизацию ценностно-смысловых оснований профессиональной подготовки и раскрытие значения педагогической субъектности будущего педагога в процессе сопровождения интеллектуально-творческого развития воспитанников. Методологическую основу составляют куль-

турно-историческая концепция Л.С. Выготского, деятельностный подход А.Н. Леонтьева, идеи педагогической субъектности В.И. Слободчикова, а также аксиологическая логика профессионального образования. Научная новизна заключается в обосновании методологического статуса ценностно-смыслового аспекта, определяющего направленность профессиональной готовности будущего педагога к работе в инклюзивной образовательной среде. Раскрываются стратегии профессиональной подготовки, включающие рефлексивные, эвристические и проектные методы развития креативного мышления. Сформулированные положения конкретизируют теоретические основания проектирования программ профессиональной подготовки педагогических кадров в системе среднего специального образования.

Ключевые слова: *интеллектуально-творческие способности; креативность; образовательные стратегии; профессиональное образование; когнитивное развитие; методология обучения и воспитания.*

МАМОНТОВА Кристина Викторовна, *аспирант, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск (Республика Беларусь)*
SPIN-код: 7113-4662
ORCID ID: 0009-0009-8354-6511

Введение

Развитие интеллектуально-творческого потенциала личности представляет собой системообразующий элемент современной педагогической парадигмы. Как свидетельствуют исследования в области психологии творчества, когнитивные и креативные задатки имманентно присущи каждому индивиду, однако их актуализация требует целенаправленного педагогического воздействия, особенно в условиях, где необходимо учитывать ограничения и компенсаторные механизмы развития. Труды В.Д. Бакулова [2], А.В. Барзых [3], Т.П. Гордиенко [4], О.В. Дикуновой [6], С.П. Золотарева [7], А.В. Козловой [10], Г.В. Моргунова [14], З.Н. Хабибуллиной [22] и других подчёркивают необходимость дифференцированного подхода к формированию творческой компетентности, особенно в рамках коррекционно-развивающего обучения и воспитания. Историко-философский анализ позволяет установить, что интерес к индивидуальности как источнику интеллектуально-творческой деятельности носит трансисторический характер. Уже в античной философии Протагор, формулируя антропоцентрический принцип «человек — мера всех вещей», акцентировал значимость субъективного восприятия в контексте познавательной активности. Последователи скептицизма Пиррон, Секст Эмпирик и гедонизма Аристипп раскрыли роль эмоционально-чувственного компонента в становлении креативного мышления, в то время как Сенека, Марк Аврелий обосновали взаимосвязь волевой регуляции и интеллектуальной продуктивности.

Принципиальное значение для коррекционной педагогики имеет диалектика материального и идеального в структуре индивидуальности, исследуемая в трудах Демокрита, Сократа и Платона. Если Демокрит акцентировал детерминирующую роль внешних факторов, то Платон, утверждая примат души над телесным началом, заложил основы теории самоактуализации, релевантной современным концепциям личностно-ориентированного образования. Данная антиномия получила развитие в работах Пифагора и Парменида, чьи идеи о дуализме телесного и духовного легли в основу методов гармонизации когнитивных и творческих процессов.

В педагогическом проектировании проблема развития интеллектуально-творческих способностей раскрывается на пересечении философского осмысления индивидуальности и психолого-педагогического анализа условий её становления. В исследованиях А.А. Грибкова [5], В.В. Ильина [8], И.С. Качай [9], А.Н. Самсоновой [18], Е.А. Сергиенко [19], С.С. Федорцовой [21], Ф.В. Шарипова [24] акцентируется значение персонифицированного обучения, ориентированного на учёт когнитивных стилей и эмоциональных паттернов [22, с. 43-44]. Наряду с этим подчёркивается роль эвристических методов, стимулирующих дивергентное мышление, включая мозговой штурм и ТРИЗ-технологии [2, с. 6-8], а также рефлексивных приёмов, обеспечивающих осознание и преодоление внутренних барьеров креативности [16, с. 183-184].

Философское осмысление творчества в сочетании с современными педагогическими подходами позволяет определить методологические ориентиры проектирования образовательных систем, направленных на становление интеллектуально-творческого потенциала личности. В этом аспекте особое значение приобретает социокультурная направленность образования, ориентированная на поддержку индивидуальности, творческой самостоятельности и ценностного самоопределения человека.

Значимым историко-философским рубежом в осмыслении данной проблемы стала эпоха Возрождения, в которой отход от средневековой схоластической традиции сопровождался утверждением антропоцентрического взгляда на человека и его творческие возможности. Ренессансное понимание творческого потенциала связано с самостоятельностью мышления, междисциплинарностью и способностью преодолевать заданные схемы познания. В педагогическом отношении эти положения соотносятся с эвристическими методами, стимулирующими дивергентное мышление, и с идеей целостного соединения гуманитарного и естественнонаучного знания как условия формирования гибкости интеллектуально-творческой деятельности.

Обращение к культуре Возрождения позволяет уточнить педагогический смысл креативности через автономию мышления, связь художественного и рационального способов познания, а также социальную направленность творческого действия. В образовательной практике данные положения соотносятся с диалоговыми формами обучения, междисциплинарной организацией содержания и ориентацией творческих задач на социально значимый результат [7, с. 113]. Философское наследие Ренессанса формирует теоретическую основу для проектирования образовательных систем, ориентированных на развитие метакогнитивных компетенций и креативной инициативы. Как отмечает Ж. Пиаже, «интеллект есть адаптация, а творчество — её высшая форма», что подтверждает необходимость ревизии традиционных дидактических подходов в свете ренессансных идей [17, с. 86]. Современная педагогика призвана не только транслировать знания, но и создавать условия для «ренессанса индивидуальности» — свободного, осознанного и социально ориентированного творческого акта.

Проведённый философско-педагогический анализ позволяет обоснованно выделить креативность как интегративную характеристику профессионального становления будущего педагога, реализующего свою деятельность в условиях инклюзивной образовательной среды. Понимание интеллектуально-творческого потенциала личности как культурно и ценностно обусловленного явления открывает методологические перспективы для проектирования системы профессиональной подготовки, ориентированной на формирование педагогической субъектности и готовности к сопровождению индивидуальных траекторий развития [19, с. 52].

Методология исследования

Антропоцентрическая философская традиция, утвердившаяся в европейской мысли XVIII века, заложила мировоззренческие и аксиологические основания педагогических концептов, ориентированных на формирование многомерной индивидуальности как субъекта культуры, познания и действия.

Положения эмпирической философии о роли чувственного опыта и сенсорного восприятия в становлении интеллектуальных структур сохраняют методологическую значимость для современных моделей проективного обучения. Проблемные, экспериментальные и эвристические формы такой организации образовательной деятельности направлены на активизацию эмпирического познания и развитие креативной инициативы. В исследовании применены методы системного и сравнительно-исторического анализа, направленные на целостное рассмотрение антропоцентрических концептов и их влияния на современную образовательную практику. Метод концептуального анализа позволяет выявить ключевые смысловые основания формирования педагогической субъектности, аксиологический подход — проследить интеграцию ценностных аспектов в структуру профессионального сознания педагога. Методологическую основу составляют принципы историзма, культуросообразности, диалогичности и деятельностного единства, необходимые для согласования теоретических моделей с задачами раскрытия

интеллектуально-творческого потенциала личности в условиях инклюзивной образовательной среды. Гуманизация образования усиливает значимость идеи формирования ценностных ориентаций как смыслового ядра творческого развития [4, с. 250].

Немецкая классическая философия структурировала методологические основания педагогического мышления.

И. Кант сформулировал идею продуктивного взаимодействия априорного и чувственного как условия становления критического мышления.

И. Фихте обосновал концепт деятельностного единства теоретического и практического, ставший методологической основой компетентностного подхода.

Г. Гегель разработал диалектику сознания и труда как образовательную стратегию развития soft skills.

Л. Фейербах акцентировал значимость телесности и эмпатии, что получило развитие в современных инклюзивных практиках [9, с. 142-145; 23, с. 189].

Философское наследие XVIII века очерчивает методологический контур педагогического проектирования, ориентированного на интеграцию когнитивного, эмоционального и этического аспектов личности.

Педагогическая практика, основанная на синтезе гегелевской диалектики, фихтеанского активизма и натуралистической антропологии Ж.-Ж. Руссо, обретает статус пространства субъектного становления, в котором образование выходит за рамки трансляции знаний и раскрывается как форма смыслопорождающего педагогического взаимодействия.

Обсуждение

Проблема формирования интеллектуально-творческих способностей индивида в контексте его социальной детерминации представляет собой предмет междисциплинарного исследования, корни которого уходят в античную и средневековую философскую мысль, где вопросы общественного статуса и самореализации личности уже находились в фокусе внимания. Однако системный научный анализ взаимосвязи социальных структур и творческой индивидуальности начал складываться лишь во второй половине XIX века.

Анализ историко-философского дискурса XX века демонстрирует, что уже в эпоху индустриализации была осознана дилемма между стандартизацией образования и сохранением индивидуального начала личности. Противоречие между унификацией, обусловленной массовизацией общества, и необходимостью культивации творческой уникальности стало концептуальной основой для переосмысления целей воспитания. Последние, как подчёркивается в работах Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, В.П. Зинченко, должны быть соотнесены с задачами формирования культуры, которая выступает социальным наследием и одновременно пространством становления индивидуальности. Как подчёркивает В.И. Слободчиков, индивидуальность как «авторство собственной жизни» имманентно содержит творческий потенциал, требующий педагогической поддержки через индивидуализацию обучения, проектные методы и формирование метакогнитивных навыков [20, с. 36].

Системный подход, дополненный диалектическим осмыслением развития, определяет логику проектирования образовательных практик, ориентированных на раскрытие интеллектуально-творческих способностей. Это предполагает переход от узкотехнологических методов к антропоцентричной педагогике, где учёт многоуровневой структуры индивидуальности становится основой для формирования креативной компетентности в условиях быстро меняющегося мира [3, с. 79]. Исторически сложившаяся трактовка психологии как науки о «проявлениях психики» ограничивала анализ творческого потенциала рамками изолированных психических функций, игнорируя холистическую природу интеллектуально-творческого акта. Образовательная система, как ключевой институт социализации, призвана преодолевать бинарность индивидуалистских и коллективистских парадигм, синтезируя их аксиологические составляющие. Это предполагает не механическое совмещение противоположностей, а создание полифонической среды, где коллективные нормы служат основой для проявления уникальности [24, с. 161].

Система образования, выступая исходной платформой для личностного и интеллектуального становления индивида, формирует

основу для раскрытия многомерного творческого потенциала. Этот процесс осуществляется через развитие интеллектуальной компетентности, включающей критическое мышление и креативные навыки, способствующие осознанной регуляции познавательной деятельности. Важным направлением также является формирование коммуникативной культуры, опирающейся на эмпатию, диалогичность и толерантность к неопределённости. Наряду с этим обеспечивается овладение социальными практиками, среди которых особую роль играют проектная деятельность, коллаборация и развитие гражданской ответственности как ключевых компонентов социального участия и самореализации личности [25, с. 79].

Формирование интеллектуально-творческих способностей целесообразно рассматривать с учётом эволюции психологических концепций, раскрывающих взаимосвязь биологических и социальных детерминант человеческого развития. Обращение к истории психологической науки позволяет установить, что становление психологии как дисциплины, ориентированной на изучение креативного потенциала, берёт начало в поздневикторианскую эпоху с работ З. Фрейда, заложившего основы психодинамического подхода.

Дальнейшая дифференциация научной мысли в первой половине XX века, представленная трудами А. Адлера, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и Б.М. Теплова, акцентировала роль социально-культурного контекста в генезисе высших психических функций, что создало методологический базис для понимания когнитивных механизмов творчества. Во второй половине XX века гуманистическая школа, представленная К. Роджерсом и А. Маслоу, наряду с бихевиоральным направлением, связанным с работами Б. Ф. Скиннера, расширила представления о внешних и внутренних стимулах интеллектуальной активности, актуализировав тезис о том, что «недостаток знания о людях — это не пустая, а главная угроза жизни». С позиции антропоцентричной педагогики данный тезис позволяет подчеркнуть, что игнорирование генотипического многообразия индивидуальности ведёт к нивелированию творческого потенциала личности [5, с. 47; 14, с. 362].

Современная парадигма психолого-педагогического знания, как отмечает Ф.В. Шарипов, предполагает переход от анализа фенотипических проявлений к изучению генетически детерминированных ведущих тенденций, выступающих системообразующим фактором интеллектуально-творческого развития [24, с. 83]. Эти глубинные паттерны охватывают разные уровни онтогенеза и проявляются в конституциональных особенностях, свойствах темперамента, индивидуальном темпе переработки информации и избирательности мотивационно-ценностных ориентаций, определяющих направленность творческого поиска. Признание врождённой вариативности когнитивных стилей имеет существенное значение для педагогического проектирования: проявления импульсивности или рефлексивности, полезависимости или поленезависимости требуют разработки дифференцированных стратегий развития креативности. В логике идей А.Н. Леонтьева преодоление кризиса стандартизированного образования связано с ревитализацией игровых практик, которые в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского осмысливаются как инструмент «освоения мира» и одновременно выступают катализатором спонтанной познавательной активности. Интеграция игровых методов в образовательный процесс трансформирует его в полипарадигмальную среду, где обучающийся становится соавтором знания, а педагог — медиатором, фасилитирующим диалог между индивидуальным опытом и культурными образцами. Связь импровизации и структурированного обучения соответствует логике теории зоны ближайшего развития, раскрывающей условия становления творческого действия.

Важнейшим условием реализации такой модели является синтез достижений дифференциальной психофизиологии, представленных исследованиями генетически заложенных ведущих тенденций Е.А. Сергиенко, и экосистемного подхода В.И. Вернадского, в рамках которого творчество рассматривается как форма энергии, преобразующей социоприродные системы. Педагогическая стратегия должна быть ориентирована на выявление и диагностику индивидуальных когнитивных стилей обучающихся, что создаёт условия

для разработки персонализированных образовательных траекторий. Особое значение приобретает моделирование ситуаций познавательного вызова, которые побуждают к преодолению устойчивых мыслительных схем и стимулируют проявление эвристических и продуктивных решений [19, с. 49-50]. Одновременно необходимо формировать метакогнитивные навыки, обеспечивающие способность к рефлексии, корректировке и оптимизации творческого процесса на разных этапах его протекания.

В современной педагогической науке формирование интеллектуально-творческих способностей рассматривается как системообразующий элемент развития цивилизации, где центральная роль отводится человеку — носителю уникального творческого потенциала [5, с. 51]. Следовательно, формирование интеллектуально-творческих способностей в XXI веке требует перехода от механистической логики к гуманитарно-экологической, в которой образование становится пространством для раскрытия того, что В.И. Слободчиков определяет как «авторство собственной жизни». Трансформация педагогических практик и внедрение антропопрактик, ориентированных на целостность человека-творца, позволяют преодолеть разрыв между информационной насыщенностью и духовной опустошённостью, создавая условия для порождения знаний и смыслов, определяющих будущее цивилизации [20, с. 55-56].

Проведённый анализ историко-философских и психолого-педагогических оснований формирования интеллектуально-творческих способностей позволяет обосновать необходимость трансформации содержания профессионального образования будущих педагогов. Современная педагогическая модель, ориентированная на развитие креативной субъектности, требует отказа от стандартизированных подходов в пользу дифференцированных стратегий, учитывающих индивидуальные когнитивные стили, мотивационно-ценностную структуру личности и её психофизиологические особенности. Формирование интеллектуально-творческого потенциала становится ключевой задачей профессиональной подготовки, направленной на развитие педагогической субъектности, способной к рефлексии, инициативному проектированию образовательных сред и сопровождению творческого развития личности в условиях инклюзивной образовательной среды [1, с. 164].

Подобный синтез создаёт предпосылки для формирования метакогнитивных способностей — умения рефлексировать, проектировать смыслы и выходить за пределы социокультурных шаблонов [23, с. 202].

Интеграция этих положений в образовательную практику предполагает:

— диагностику генетически обусловленных паттернов поведения через призму теории ведущих тенденций;

— конструирование полипарадигмальных сред, сочетающих техники акселерации, ориентированные на «быстрые» когнитивные стили, и инкубации идей, адресованные «медленным» типам;

— формирование метапредметных компетенций, позволяющих осознанно использовать свои биопсихологические особенности как ресурс для решения творческих задач [14, с. 365-366].

Синтез исторически сложившихся психологических школ с достижениями современной дифференциальной психофизиологии открывает новые возможности для педагогики, ориентированной на развитие уникального интеллектуально-творческого профиля личности [18, с. 227]. Это требует переосмысления традиционных дидактических моделей в пользу антропопрактик, где учёт генотипического разнообразия становится краеугольным камнем персонализированного образовательного процесса.

Современные работы в области педагогики творчества Н.П. Крохиной [12] и Ф.В. Шарипова [24] акцентируют необходимость перехода от стандартизированных методик к индивидуально-адаптивным способам организации образовательного процесса. Такие стратегии предполагают учет визуальных, кинестетических и аудиальных когнитивных профилей, особенностей темперамента, включая уровень тревожности, ритмичность и свойства нервной системы, а также социокультурного контекста, формирующего ценностные ориентиры творческой деятельности [11, с. 119].

Практическая реализация этих принципов проявляется в проектировании полимодальных образовательных сред, сочетающих

игровые технологии, элементы, стимулирующие спонтанное экспериментирование, и междисциплинарные проекты, направленные на развитие дивергентного мышления. Концепция Дж.П. Гилфорда, рассматривающая креативность как дивергентную способность когнитивной системы, хотя и структурно обоснована, ограничивается рамками нейропсихологической регуляции и не охватывает личностно-смысловое напряжение творческого акта [10, с. 171]. Её контрастная интерпретация в трудах А.Н. Наумчика раскрывает креативность как энергетически насыщенное интегральное качество личности, складывающееся на пересечении когнитивных, эмоционально-волевых и смысловых векторов. Творческий потенциал при таком подходе рассматривается как результат ценностной самоконфигурации субъекта.

Сложность и динамичность этого процесса обусловливают необходимость включения деятельностных и культурно-исторических подходов в качестве методологических медиаторов педагогического проектирования [15, с. 38]. Современные образовательные траектории всё более отчётливо соотносятся с задачами развития гибких компетенций, таких как критическое мышление, адаптивность, способность к инициативному действию. В исследованиях О.В. Дикуновой [6] и Н.П. Крохиной [12] подчёркивается, что креативность — это не только навык, но и проявление глубинной личностной позиции, связанной с поиском смыслов и возможностью бытийной самореализации в условиях быстро меняющейся образовательной среды. Творчество выходит за рамки прикладного навыка и соотносится с педагогической практикой, в которой учащийся признаётся субъектом смыслообразования, ценностного выбора и построения собственной образовательной траектории [6, с. 23].

Компетентностный подход, методически обоснованный и адаптированный Т.В.Лисовской к задачам инклюзивного образования, рассматривается как ресурс формирования инклюзивной готовности будущих педагогов. Его применение смещает акцент педагогической подготовки с усвоения отдельных знаний на развитие ценностно-смысловой, коммуникативной, социальной и учебно-познавательной компетенций, необходимых для проектирования индивидуально ориентированных образовательных стратегий в работе с детьми с особенностями психофизического развития. Овладение данным подходом обеспечивает подготовку будущего педагога к созданию образовательной среды, способствующей социальной адаптации и раскрытию индивидуального интеллектуально-творческого потенциала [13, с. 10].

Вызовы XXI века, обозначенные П.Г.Щедровицким, подчёркивают необходимость переоценки технологий работы с человеческими ресурсами, где конкурентоспособность личности определяется способностью к синергии интеллекта и творчества. Кризис традиционной педагогики, сводящей развитие к количественным показателям, преодолевается через концепцию креативно-педагогической цивилизации, ориентированной на целостное развитие обучающегося в гармонии с социоприродными системами [25, с. 307]. Современная педагогическая парадигма, интегрируя достижения дифференциальной психофизиологии, культурно-исторической теории и ноосферного подхода, смещает фокус с унификации на культивацию уникального интеллектуально-творческого профиля.

Заключение

Образование XXI века ориентировано на создание условий для осмысленного самоопределения обучающегося, раскрытия его креативного потенциала и включения в социально значимую деятельность. Проведённый анализ показывает, что формирование интеллектуально-творческих способностей личности имеет многоуровневый характер и связано с взаимодействием философских, психофизиологических и педагогических оснований. Системный подход в сочетании с положениями культурно-исторической теории и дифференциальной психофизиологии позволяет рассматривать развивающие образовательные стратегии как условие становления креативной субъектности [8, с. 54].

Ценностно-смысловой аспект профессиональной подготовки будущих педагогов выступает онтологическим ядром образовательного процесса, определяющим направленность становления субъекта педагогической культуры в условиях инклюзивной образовательной среды. Выявленное в ходе исследования сопряжение креативности с

феноменом смыслопорождения позволило рассматривать интеллектуально-творческую активность как акт целенаправленного, аксиологически мотивированного самоопределения, не сводимый к проявлению познавательной дивергентности. Именно это преобразующее измерение придаёт педагогике статус смысловой практики, а будущему педагогу — позицию «архитектора индивидуальных образовательных миров».

Литература

1. Абдувалиева Д.Н. Развитие интеллектуально-творческой компетентности будущих педагогов / Д.Н. Абдувалиева // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. — 2022. — Т. 19, №4. — С. 159-170. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2022.4.13 EDN: LWUBLN
2. Бакулов В.Д. Проблема разработки эвристических методов познания на основе теории научного творчества М.К. Петрова / В.Д. Бакулов, С.В. Силенко // Научная мысль Кавказа. — 2023. — №4(116). — С. 5-14. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-116-5-14 EDN: YTCZME
3. Барзых А.В. Теоретические подходы к трактовке понятия "креативность" / А.В. Барзых, О.В. Морозова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2023. — №4. — С. 76-80. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.04.05 EDN: WTUBKF
4. Гордиенко Т.П. Смарт-образование как новая парадигма современной системы образования / Т.П. Гордиенко, Г.Э. Меметова // KANT. — 2023. — №1(46). — С. 246-252. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.44 EDN: ENVNPC
5. Грибков А.А. Творчество как имплементация представления о целостности мира / А.А. Грибков // Философская мысль. — 2024. — №3. — С. 44-53. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.70034 EDN: ATWDXF
6. Дикунова О.В. Компетенции XXI века и актуальность развития soft skills обучающихся / О.В. Дикунова // Вестник профессионального образования. — 2021. — №2(16). — С. 20-25. EDN: IAYUUV
7. Золотарев С.П. Понятие креативности и инноваций — современный философский анализ / С.П. Золотарев // KANT. — 2022. — №2(43). — С. 110-115. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-43.19 EDN: OJXNWU
8. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология / В.В. Ильин. — М.: Проспект, 2018. — 176 с.
9. Качай И.С. Онтологическое, гносеологическое и антропологическое измерение творчества в эпоху классической философии / И.С. Качай // Человек и культура. — 2023. — №6. — С. 137-152. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69277 EDN: DTEPPZ
10. Козлова А.В. Методологический анализ когнитивных исследований творчества на примере концепции Дж.П. Гилфорда / А.В. Козлова // Credo New. — 2022. — №3(111). — С. 161-179. EDN: HBQNEU
11. Колесова О.В. Философское осмысление понятия креативности, его элементов, инструментов и их оптимальной реализации / О.В. Колесова // KANT. — 2022. — №4(45). — С. 115-122. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-45.20 EDN: LECZYO
12. Крохина Н.П. Философия творчества как итог нового времени / Н.П. Крохина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №6(144). DOI: 10.60797/IRJ.2024.144.5 EDN: LVRPQM
13. Лисовская Т.В. Компетентностный подход во включённом (инклюзивном) образовании / Т.В. Лисовская // Дэфектало́гія. — 2006. — №5. — С. 9-13. EDN: XNFFGC
14. Моргунов Г.В. Творчество как неотъемлемая часть образовательного процесса / Г.В. Моргунов, Р.В. Хандогин // Идеи и идеалы. — 2022. — Т. 14, №1-2. — С. 360-375. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-360-375 EDN: EZDLNR
15. Наумчик В.Н. Воспитание свободой. Теория и практика альтернативной педагогики / В.Н. Наумчик. — Минск: Четыре четверти, 2005. — 200 с.
16. Некрасов С.И. Особенности творческой деятельности: комплексный философский анализ / С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2021. — Т. 10, №6А. — С. 181-188. DOI: 10.34670/AR.2021.24.60.024 EDN: FEBSTN
17. Пиаже Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. — М.: Просвещение, 1969. — 659 с.
18. Самсонова А.Н. Творческие способности как предмет исследования в психологии: обзор публикаций / А.Н. Самсонова, А.А. Лаврик, А.А. Савин // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. — 2021. — №4. — С. 225-228. DOI: 10.37691/2311-5351-2022-0-4-225-228 EDN: HNVXLQ
19. Сергиенко Е.А. Субъектно-бытийный подход к личности в системе координат современных научных подходов / Е.А. Сергиенко // Южно-российский журнал социальных наук. — 2024. — Т. 25, №2. — С. 46-62. DOI: 10.31429/26190567-25-2-46-62 EDN: FGLNIK
20. Слободчиков В.И. Ключевые категории мышления профессионального педагога: введение в антропологию образования / В.И. Слободчиков, С.М. Зверев. — М.: Спутник+, 2013. — 106 с.
21. Федорцова С.С. Творческий интеллект (креативность) в системе интеллектуальных способностей специалиста организации / С.С. Федорцова, Ю.А. Стеценко // Colloquium-Journal. — 2021. — №9-3(96). — С. 46-49. DOI: 10.24412/2520-6990-2021-996-46-49 EDN: VDMMQN
22. Хабибуллина З.Н. Творческий поиск как акт самосознания / З.Н. Хабибуллина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2023. — Т. 12, №8-1. — С. 40-45. DOI: 10.34670/AR.2023.83.78.006 EDN: JIBVEA

23. Цаликова И.К. Научные исследования по вопросам формирования soft skills: обзор данных в международных базах Scopus, Web of Science / И.К. Цаликова, С.В. Пахотина // Образование и наука. — 2019. — №21(8). — С. 187-207. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-7-187-207 EDN: IIPUUE
24. Шарипов Ф.В. Психология и педагогика творчества и обучение исследовательской деятельности. Педагогическая инноватика / Ф.В. Шарипов. — М.: Логос; Университетская книга, 2016. — 584 с.
25. Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума: работы 1985-2004 годов / П.Г. Щедровицкий. — М.: Политическая энциклопедия, 2021. — 551 с. EDN: HSEBNY

TEACHING ADOLESCENTS POP-JAZZ SINGING USING NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES

Moiseev Evgeny Olegovich, *Postgraduate student, Moscow Pedagogical State University, Moscow (Russia)*

The article examines the pedagogical potential of neural network technologies in teaching adolescents pop-jazz singing within the context of the digital transformation of music education. The relevance of the study is determined by the contradiction between adolescents' active engagement in digital environments and the insufficient development of scientifically grounded pedagogical methods for the meaningful integration of artificial intelligence into vocal training. This situation necessitates a theoretical and methodological reconsideration of neural network technologies not only as technical tools, but as pedagogical instruments contributing to the development of artistic thinking, creative independence, and the sociocultural orientation of learners' personalities. The purpose of the study is to identify and substantiate the pedagogical potential of neural network technologies in the development of vocal performance skills in adolescents engaged in pop-jazz singing. The objectives include the theoretical justification of the use of neural network technologies in vocal education and the empirical assessment of their impact on the formation of vocal, interpretative, and motivational components of students' musical development. The methodological framework of the research is based on the principles of Russian music pedagogy, sociocultural and learner-centered approaches, as well as the concepts of digital didactics and the integrative application of artificial intelligence in education. The research employed methods of pedagogical modeling, comparative analysis, and a pedagogical experiment conducted in control and experimental groups of adolescents. The scientific novelty of the study lies in the development and experimental validation of a pedagogical model for teaching pop-jazz singing based on the interaction algorithm "teacher — neural network — learner," which ensures the integration of neural network technologies into the structure of vocal training as a means of diagnostic support, individualized feedback, and creative development. The results of the study demonstrate that the systematic use of neural network technologies contributes to a significant increase in learning motivation, improvement in vocal performance accuracy, and the development of interpretative and improvisational skills. It is established that neural network technologies function as an effective pedagogical mediator that enhances the individualization of the educational process while preserving the leading role of the teacher. The findings substantiate the necessity of developing pedagogically grounded methodologies for integrating neural network technologies into vocal education, ensuring the unity of technical skill development and the formation of learners' artistic and sociocultural competence.

Keywords: *digitalization of education; neural network technologies; pop-jazz singing; digital educational resources; adolescents; sociocultural orientation; music education; artificial intelligence; digital pedagogy.*

EDN: ZDATYU ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.64***

Цитировать: *Моисеев Е.О. Обучение подростков эстрадно-джазовому пению с применением нейросетевых технологий // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 457-464. EDN: ZDATYU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.64*

Обучение подростков эстрадно-джазовому пению с применением нейросетевых технологий

УДК 37.013
5.8.2

© Моисеев Е.О., 2026

Статья посвящена исследованию педагогических возможностей применения нейросетевых технологий в обучении подростков эстрадно-джазовому пению. Актуальность работы обусловлена противоречием между высокой вовлечённостью подростков в цифровую среду и недостаточной разработанностью научно обоснованных методик педагогически целесообразного использования искусственного интеллекта в вокальном образовании. В условиях цифровой трансформации музыкально-педагогической практики возникает необходимость осмысления нейросетевых инструментов не только как средств технической поддержки, но и как факторов развития художественного мышления и социокультурной направленности личности обучающихся. Цель исследования — определить педагогические возможности нейросетевых технологий для развития вокальных умений при обучении подростков эстрадно-джазовому пению. Задачи состоят в теоретическом обосновании необходимости применения нейросетевых технологий в обучении подростков эстрадно-джазовому пению и выявлении их влияния на развитие вокально-исполнительских умений обучающихся. Методологическую основу составляют положения отечественной музыкальной педагогики, социокультурный и личностно-ориентированный подходы, а

также концепции цифровой дидактики и интегративного применения искусственного интеллекта в образовании. В ходе исследования привлечены методы педагогического моделирования и педагогического эксперимента, реализованного в контрольной и экспериментальной группах подростков. Научная новизна заключается в разработке и экспериментальном обосновании модели обучения эстрадно-джазовому пению с использованием нейросетевых технологий, основанной на алгоритме взаимодействия «педагог — электронный образовательный ресурс — обучающийся». В результате удалось установить, что применение нейросетевых сервисов способствует повышению учебной мотивации, развитию вокально-исполнительских умений и формированию устойчивого интереса подростков к музыкальному искусству. Обоснована необходимость разработки методик педагогически управляемого применения нейросетевых технологий, обеспечивающих единство технического и социокультурного развития личности обучающегося.

Ключевые слова: *цифровизация образования; нейросетевые технологии; эстрадно-джазовый вокал; электронные образовательные ресурсы; подростки; социокультурная направленность; музыкальная педагогика; искусственный интеллект; цифровая дидактика.*

МОИСЕЕВ Евгений Олегович, *аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия)*

Введение

Цифровизация образования становится системообразующим фактором трансформации музыкально-педагогической практики. Подростки вступают в обучение уже включёнными в медиасреду, что требует переосмысления традиционных методик вокальной подготовки. Этот контингент обучающихся в сфере дополнительного музыкального образования обладает стойким интересом к эстрадному искусству, а также к многообразию имеющихся цифровых средств коммуникации. Значительным потенциалом для воспитания у подростков эстетического восприятия и культурных ценностей, которым обладает музыкальное образование, показали исследования Э.Б. Абдуллина [1; 2], И.А. Корсакова [15], А.А. Телегина [24]. Рассматривая трансформационные процессы в музыкальной индустрии, которым активно способствует применение нейросетей, А.Г. Левин отмечает, что «преподавателю искусственный интеллект позволяет оптимизировать образовательные задачи, например, облегчить подготовку контента для обучения, повысить уровень интерактивности, или играть сопровождающую функцию» в то время как «для обучающегося искусственный интеллект предоставляет возможности в индивидуализации, например, поиск дифференцированных по сложности музыкальных произведений в конкретном жанре, может помочь с собственным творчеством в рамках обучения, и, опять же, стать эффективным наставником-помощником» [16, с. 124].

В работах, посвящённых применению цифровых технологий обработки звука, подчёркивается, что их использование расширяет педагогические возможности анализа и коррекции вокального исполнения и способствует совершенствованию методов вокально-педагогической работы [20].

Методологическую основу статьи составили фундаментальные положения отечественной музыкальной педагогики, разработанные Э.Б. Абдуллиным, Е.В. Николаевой, В.В. Медушевским, а также исследования, раскрывающие дидактико-методологические основания цифровизации и применения ИИ в образовании (С.Д. Каракозов), практико-ориентированные аспекты использования ИКТ в профессиональной деятельности педагога (М.Ю. Глотова), проблематику рисков и перспектив ИИ в музыкальном образовании (И.А. Корсакова), влияние ИИ на музыкальную индустрию и образовательные практики (А.Г. Левин), а также работы, акцентирующие психолого-педагогический потенциал ИИ в контексте творчества и одарённости (Л.М.Нарикбаева [22]).

Философия музыкального образования рассматривает цифровые средства как ин-

струмент развития личности, а не самоцель педагогики. Ученые, занимающиеся проблемами цифровой дидактики, отмечают необходимость методической архитектуры внедрения ИИ. Так, например, С.Д. Каракозов с соавторами, считает, что внедрение искусственного интеллекта в образование должно строиться на интегративном подходе, предполагающем связь цифровых инструментов с содержанием конкретной предметной области и целями воспитания личности [11]. В последние годы проблематика искусственного интеллекта в образовании оформляется как самостоятельное, междисциплинарное направление, что подтверждается появлением специализированных обзоров и научно-вспомогательных изданий, фиксирующих широкий массив публикаций и практик внедрения ИИ в образовательную среду [10]. В музыкально-педагогической подготовке цифровые технологии, искусственный интеллект, нейросети рассматриваются как средство расширения методического инструментария педагога и индивидуализации обучения, при этом подчёркивается необходимость их интеграции с традиционными формами художественного воспитания [14]. Вместе с тем, в области музыкального образования, в частности обучения подростков эстрадно-джазовому пению, методически выверенные модели применения ИИ пока представлены фрагментарно, что и определяет цель настоящего исследования [11].

При организации современного процесса обучения цифровые технологии, с одной стороны, предоставляют уникальные возможности для индивидуализации вокальной подготовки: обучающийся получает доступ к средствам объективного анализа голоса, к гибкой работе с тональностью и темпом, к созданию аранжировок и импровизационных моделей. С другой стороны, возникает методическая проблема осмысленного педагогического включения этих средств в воспитательно-образовательный процесс, направленный на формирование у подростков не только вокальных умений, но и ценностного отношения к музыкальной культуре. Особое значение в данном контексте приобретают нейросетевые сервисы, позволяющие:

— осуществлять автоматический анализ интонационной точности и тембровых характеристик голоса;

— генерировать аккомпанемент с учётом индивидуального диапазона подростка;

— разделять музыкальные треки на стемы для учебной работы;

— моделировать упражнения по развитию ритма, дикции и импровизации.

Специфика именно эстрадно-джазового пения, как известно, заключается в необходимости сочетания технической свободы голоса, стилевой осознанности и коммуникативной выразительности. Подросток должен овладеть не только певческими приёмами (бэлтинг, субтон, микст, работа с микрофоном), но и навыками интерпретации, импровизации, сценического взаимодействия. Именно поэтому цифровые инструменты могут стать значимым медиатором между педагогом, музыкальным материалом и личным опытом обучающегося.

Выдающийся советский ученый Л.С. Выготский отмечал, что в подростковом возрасте происходит интенсивная перестройка мотивационно-потребностной сферы личности: временные детские интересы быстро угасают и уступают место постоянным интересам, связанным с осознанием своего места в жизни, профессиональным и личностным самоопределением [8]. Данное положение открывает значительные возможности для приобщения подростков к ценностям музыкальной культуры, развития у них устойчивых художественно-эстетических интересов.

Как отмечают Ю.Ф. Катханова и А.И. Корыгин, цифровые технологии оказывают системное влияние на художественную деятельность, трансформируя способы создания, интерпретации и восприятия произведений искусства и формируя новые модели взаимодействия исполнителя и аудитории. Ученые в своем исследовании дают следующее определение «цифровые технологии — это знания, навыки, технологические и технические решения для создания, обработки, передачи и использования цифровых данных, а также системы и процедуры для их практической реализации». [12, с. 222].

Ряд трудов, опубликованных в рамках диссертационного исследования, автор данной статьи, посвятил раскрытию функций электронных образовательных ресурсов (ЭОР) в эстрадном вокале, описав их диагностическую, коррекционную, мотивационную и

культурно-ориентирующую составляющую и описав классификацию ЭОР в соответствии с их педагогическим потенциалом. [17-22].

Кроме этого, в одном из исследований, дана классификация электронных образовательных ресурсов образовательных ресурсов, которая предполагает деление на:

— классы: образовательные, демонстрационные, обучающие, справочные;

— типы: презентативные, креативные, тренинговые, текстовые, гипертекстовые;

— виды: учебные пособия, презентация, синтезатор, тренажёр, модуль проверки знаний, электронная библиотека [19].

Обращаясь к анализу уже выполненных в данном направлении научных работ, следует подчеркнуть, что большинство исследований сосредоточено либо на технической стороне вокальной подготовки, либо на общих вопросах информатизации музыкального образования. В сфере эстрадно-джазового пения это означает недопустимость подмены художественного руководства алгоритмическими рекомендациями, так как при обучении подростков требуется сохранения приоритета художественного замысла над алгоритмической обработкой звука. Эффективными средствами формирования у подростков вокально-исполнительских навыков выступают специализированные музыкально-обучающие программы и онлайн-сервисы:

— приложения для развития музыкального слуха и чувства ритма (EarMaster, Sight Reading Factory);

— программы для постановки певческого голоса и дыхания (VoceVista Video, Singing Tutor);

— виртуальные тренажёры для отработки техники эстрадно-джазового пения (iReal Pro, Scatability);

— веб-платформы для создания аранжировок и минусовых фонограмм (Jamkazam, Soundtrap).

Результаты исследования и их обсуждение

Особое внимание в исследовании уделено алгоритму взаимодействия «педагог — электронный ресурс — обучающийся». Данный алгоритм предполагает последовательное прохождение этапов: диагностика голоса, работа с цифровой записью, аналитическая рефлексия, творческая импровизация. «Под электронным образовательным ресурсом подразумевается целая система представленного при помощи компьютерной техники упорядоченного учебного материала (в формате текстов, графических изображений, аудио, видео и т. п.), предполагающая его активное освоение обучаемыми с целью формирования у них совокупности знаний и практических навыков в определённой научной области» [24]. Таким образом, цифровая среда перестаёт быть лишь техническим приложением и превращается в значимый компонент педагогического процесса.

Опытно-поисковая работа проводился на базе Академии эстрады и телевидения в Останкино. Экспериментом в общей сложности было охвачено более 50 подростков в возрасте от 13 до 17 лет. В контрольной и экспериментальной группах было по 25 человек обучающихся. В контрольной группе после первичных диагностических срезов занятия осуществлялись по традиционной методике обучения эстрадному пению. В экспериментальной группе процесс обучения строился в соответствии с предлагаемой теоретико-методической моделью и программой обучения эстрадному пению с использованием ЭОР. Сравнительный анализ показателей специальной вокальной подготовленности испытуемых экспериментальной группы, выявил следующую динамику: от начала эксперимента (на констатирующем этапе) к его окончанию (на контрольной стадии) с очевидностью продемонстрировал, что специальные вокально-исполнительские умения и навыки, а также мотивационная составляющая подростков к процессу обучения эстрадному пению, существенно выросли. В контрольной группе, где применялись апробированные временем методики развития голоса, комплекс средств, направленных на развитие мотивации к обучению, художественно-эстетических и технических возможностей подростков, обучающихся эстрадному пению, специальные вокально-исполнительские умения и навыки, остались практически на том же уровне. При сравнительном анализе данных констатирующего и контрольного этапов опытно-поисковой работы по этому показателю были получены следующие результаты, которые отражены на диаграмме (рис.).

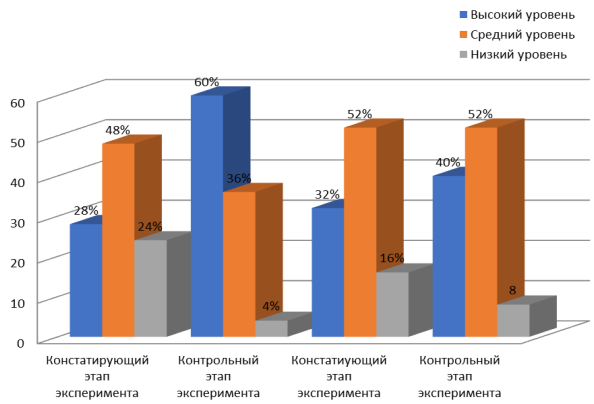

Рисунок — **Динамика сформированности специальных вокальных умений и навыков отдельных подростков в контрольной и экспериментальной группах на констатирующем и контрольном этапах эксперимента**

Полученные данные позволяют утверждать, что систематическое использование цифровых инструментов и электронных образовательных ресурсов способствует:

— росту учебной мотивации и вовлечённости подростков;

— повышению устойчивости интереса к музыкальной деятельности;

— более осознанному отношению к стилю и репертуару;

— улучшению интонационных и ритмических показателей.

Согласно авторской позиции, электронные образовательные ресурсы следует рассматривать как цифровую форму представления учебной информации, включающую специализированные вокально-педагогические данные, предметное содержание и программные средства, обеспечивающие организацию и сопровождение процесса обучения подростков эстрадному пению [17, с. 154].

Сопоставительный анализ структуры взаимодействия субъектов цифрового вокального обучения позволяет установить функциональную и методологическую идентичность алгоритмов «педагог — электронный образовательный ресурс — обучающийся» и «педагог — нейросеть — обучающийся». В разработанной теоретико-методической модели электронный образовательный ресурс рассматривается как средство педагогического сопровождения, обеспечивающее передачу, обработку и интерпретацию учебной информации, а также организацию обратной связи между педагогом и обучающимся. Нейросетевые технологии, реализуемые в форме специализированных цифровых сервисов анализа, генерации и адаптации учебного материала, представляют собой разновидность электронных образовательных ресурсов, обладающих расширенными аналитическими и интерактивными возможностями. Таким образом, нейросеть функционирует в структуре педагогического взаимодействия не как самостоятельный субъект обучения, а как инструментальная среда, выполняющая те же дидактические функции, что и электронный образовательный ресурс, но на более высоком уровне автоматизации и адаптивности.

Функциональная эквивалентность указанных алгоритмов подтверждается совпадением выполняемых ими педагогических задач и этапов учебного процесса. В обоих случаях педагог определяет цели обучения, задаёт художественно-исполнительские ориентиры и осуществляет интерпретацию результатов, цифровой ресурс (включая нейросетевой) обеспечивает диагностику параметров вокального исполнения, фиксацию результатов и предоставление объективной обратной связи, а обучающийся осуществляет исполнительскую деятельность, её анализ и последующую коррекцию. При этом использование нейросетевых сервисов позволяет повысить точность диагностических процедур и индивидуализировать образовательный процесс, однако не изменяет принципиальной логики педагогического взаимодействия, основанной на опосредованной связи между педагогом и обучающимся через цифровую образовательную среду.

Алгоритм «педагог — нейросеть — обучающийся» является структурно и функционально тождественным алгоритму «педагог — электронный образовательный ресурс — обучающийся» и представляет собой его частный технологически специализированный вариант. Инвариантной основой обоих алгоритмов выступает триадическая модель педагогического взаимодействия, в которой цифровой ресурс выполняет посредническую, диагностическую, рефлексивную и коррекционную функции. Это позволяет рассматривать нейросетевые технологии как закономерный этап развития электронных образовательных ресурсов и обосновывает

правомерность их включения в разработанную педагогическую модель без изменения её концептуальной и методологической структуры. По мнению И.А. Корсаковой, использование искусственного интеллекта в музыкальном образовании требует педагогически контролируемого внедрения, поскольку его некритичное применение может привести к снижению творческой самостоятельности обучающихся и усилению стандартизации исполнительской деятельности [14]. Поэтому нейросетевые сервисы должны выступать средством поддержки, а не замещения художественного руководства педагога.

Разработанная алгоритмическая схема взаимодействия «педагог — нейросеть — обучающийся» соответствует интегративному подходу к обучению искусственному интеллекту, обоснованному С.Д. Каракозовым и соавторами, согласно которому цифровые технологии должны функционировать как педагогический инструмент, включённый в предметную деятельность обучающегося и обеспечивающий достижение целей обучения и развития личности [11]. В данной ситуации педагог задаёт художественные цели, нейросеть обеспечивает аналитическую обратную связь, а обучающийся осваивает приёмы саморегуляции. Такой подход соответствует положениям цифровой дидактики, согласно которым педагог сохраняет ведущую роль в организации образовательного процесса, а цифровые технологии выполняют инструментальную функцию [4].

Эффективность процесса обучения подростков эстрадно-джазовому пению с использованием нейросетей достигается при соблюдении условий:

— отбор нейросетевых инструментов в соответствии с возрастными особенностями;

— сочетание цифровых упражнений с живым вокальным показом;

— ориентация на развитие музыкально-эстетического вкуса.

Вместе с тем, как отмечают Ю.Ф. Катханова и А.И. Корыгин, цифровые технологии оказывают существенное влияние на художественное творчество, при этом их неконтролируемое использование может приводить к унификации художественного выражения и ослаблению индивидуального начала, что требует педагогически выверенного внедрения цифровых средств в образовательный процесс [12].

Разработанная модель обучения соответствует положениям о необходимости интеграции цифровых технологий в музыкально-педагогическую подготовку на основе их сочетания с традиционными методами формирования исполнительской культуры. При этом использование нейросетевых инструментов требует от преподавателя развития новых профессиональных компетенций, связанных с отбором цифровых ресурсов и их педагогически обоснованным применением в образовательном процессе [13].

Отдельного внимания в контексте подросткового эстрадно-джазового вокала заслуживают нейросетевые сервисы «генерации музыкального материала» и «интеллектуальной обработки фонограмм», поскольку они расширяют функции цифровых средств от «контроль-коррекции» к «педагогике творчества». Так, генеративные платформы (например Suno AI) позволяют создавать цельные музыкальные заготовки (минус, гармоническую схему, фактурный рисунок, иногда — текстовую основу и вокальные референсы) по заданным параметрам стиля и настроения. В педагогическом плане это переводит работу с репертуаром из режима простого подбора произведения в режим проектирования учебной ситуации, где подросток выступает соавтором музыкального продукта: задаёт жанровые маркеры, темп, характер, формулирует художественный замысел и затем проверяет его вокально-исполнительской реализацией.

Нейросетевые сервисы разделения фонограмм на стемы (например, MVSEP) усиливают именно дидактический контроль сложности и обеспечивают «ступенчатую» тренировку слуха и ансамблевой координации: педагог получает возможность варьировать плотность фактуры (убрать вокал/оставить ритм-секцию/выделить гармонический инструмент), создавать тренировочные версии минуса и организовывать сравнение «эталон — собственное исполнение» в формате цифровой рефлексии. Тем самым нейросети становятся не только технологическим дополнением, но и «инструментом педагогического опосредования музыкального материала, поддерживая алгоритм взаимодействия «педагог — нейросеть — обучающийся» «педагог

— нейросеть — обучающийся» и обеспечивая переход от технической отработки к осмысленной интерпретации и импровизации. Использование нейросетевых инструментов в процесс обучения эстрадно-джазовому вокалу можно включать в структуру занятия как управляемую педагогом цепочку: постановка художественной задачи → цифровая проба → интерпретация результата → корректировка техники/стиля → творческое усложнение (вариативность фразировки, ритмические смещения, элементы скэта, работа с микрофонной подачей). Принципиально важно, что «цифровой ответ» нейросети трактовался не как итоговая норма, а как «материал для обсуждения» и развития навыков саморегуляции (слышать, сравнивать, объяснять, улучшать).

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что целенаправленная интеграция нейросетевых сервисов, включающих автоматизированный анализ интонационной точности, интеллектуальную генерацию аккомпанемента, работу со стемами и использование адаптивных вокальных тренажёров, оказывает статистически и педагогически значимое влияние на процесс обучения подростков эстрадно-джазовому пению. Зафиксировано повышение уровня учебной мотивации обучающихся, углубление осознанности художественно-исполнительской интерпретации и формирование устойчивого интереса к эстрадно-джазовому искусству как значимой сфере музыкальной культуры. Установлено, что наибольшая эффективность достигается при реализации педагогически организованного алгоритма взаимодействия «педагог — электронный образовательный ресурс/нейросеть — обучающийся», предусматривающего последовательное включение этапов цифровой диагностики вокальных параметров, аналитической рефлексии результатов и творческой интерпретации музыкального материала. Полученные данные позволяют обосновать необходимость разработки научно обоснованных методик применения нейросетевых технологий в вокальном обучении, ориентированных на обеспечение единства технического совершенствования вокально-исполнительских навыков и формирования социокультурной направленности личности обучающегося.

Таким образом, педагогический потенциал нейросетей проявляется в трёх взаимосвязанных эффектах:

— персонализация траектории (тональность/темп/фактура под конкретного подростка),

— рефлексивная обратная связь (сравнение записей, обсуждение стилевых решений),

— проектно-творческая активность (соавторство, импровизация, интерпретация).

Именно эта связка позволяет избежать подмены художественного развития технологическим тренингом и удерживать приоритет музыкально-эстетических целей, заявленных в исследовании

Перспективы применения нейросетей должны рассматриваться с позиции развития творческой индивидуальности подростка и поддержки его одарённости. Применение нейросетевых технологий в образовательной практике раскрывает существенные возможности для реализации принципа персонализации обучения и оптимизации профессиональной деятельности преподавателя. Анализ функционирования современных образовательных платформ, интегрирующих инструменты искусственного интеллекта, свидетельствует о том, что адаптивные цифровые системы способны динамически учитывать уровень подготовленности обучающихся, их когнитивные особенности и индивидуальный темп освоения материала. Это обеспечивает формирование вариативного образовательного контента, максимально соответствующего образовательным потребностям конкретного обучающегося, что, в свою очередь, способствует повышению результативности усвоения знаний и общей эффективности образовательного процесса.

Перспективным направлением обучения подростков в музыкальном образовании является разработка вариативных методик работы с нейросетями на основе интегративного подхода. Дальнейшее развитие методики предполагает учитывать не только технические возможности нейросетей, но и риски, связанные с трансформацией художественного мышления и исполнительской индивидуальности. В связи с тем, что подготовка подростков к работе в условиях цифровой музыкальной индустрии предполагает формирование компетенций взаимодействия с ИИ-

сервисами, которые в ближайшем будущем станут неотъемлемой частью профессиональной деятельности музыканта. Необходимо будет провести процедуру обновления содержания подготовки педагогов-вокалистов с учётом интеграции цифровых технологий в музыкально-педагогический процесс. При этом несомненным атрибутом является тот факт, что применение нейросетевых технологий в обучении эстрадному вокалу должно рассматриваться с учётом влияния цифровой среды на художественное восприятие и творческую деятельность обучающихся.

Литература:

1. Абдуллин Э.Б., Николаева Е.В. О философии музыкального образования: сущность, направленность // Философские науки. — 2010. — №1. — С. 144–153.
2. Аванесова Т.П. К вопросу об анализе программ нейросети в контексте изучения английского языка в морском вузе / Т.П. Аванесова, М.В. Мефлех, Е.Ю. Задорожная, Н.А. Фаттахова // Педагогическое образование в России. — 2024. –№4. — С. 156–162.
3. Айзман Р.И. Образование в цифровом мире. — М.: Просвещение, 2020.
4. Алексеев Н.Г. Цифровая дидактика. — М.: ИНФРА-М, 2021.
5. Баранников А.Ю. ИИ в образовательной среде // Образование и наука. — 2022. — №1. — С. 88–95.
6. Букина Т.В. ИИ в образовании // Общество: социология, психология, педагогика. — 2025. — №1. — С. 76–82.
7. Бутабаева М. Потенциал ИИ в образовании // Лингвоспектр. — 2025. — Т. 2, №1. — С. 329–335.
8. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. — М., 2001. — 211 с.
9. Глотова М.Ю., Самохвалова Е.А. Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности педагога: учебное пособие / Глотова М.Ю., Самохвалова Е.А. — М.: МПГУ, 2020. — 252 с.
10. Искусственный интеллект в образовании: научно-вспомогательный библиографический указатель / сост.: Н.А. Сумро, Е.А. Шешина, Д.С. Мосеева, Д.Г. Газизова. — М.: ГПНТБ России, 2024. — 210 с.
11. Каракозов С.Д. Вариативное обучение основам искусственного интеллекта в общем образовании на основе интегративного подхода: монография / С.Д. Каракозов, Н.Н. Самылкина, А.А. Салахова, Е.А. Самохвалова. — М.: МПГУ, 2024. — 360 с.
12. Катханова Ю.Ф. Влияние цифровых технологий на искусство / Ю.Ф. Катханова, А.И. Корыгин // Преподаватель XXI век. — 2024. — №2-1. — С. 222-231. — DOI 10.31862/2073-9613-2024-2-222-231. — EDN ODYMGT.
13. Кашлев Н.М. Искусственный интеллект и трансформация образования. — Казань: КФУ, 2020. — 144 с.
14. Колесникова И.А., Сидорова М.В. Интеграция цифровых технологий в музыкально-педагогическую подготовку // Современное образование. — 2023. — №4. — С. 87–99.
15. Корсакова И.А. Риски и перспективы развития цифровых технологий и искусственного интеллекта в музыкальном образовании // Музыкальное искусство и образование. — 2024. — Т. 12, №2. — С. 24–34.
16. Левин А.Г. Искусственный интеллект в музыке. Его влияние на музыкальную индустрию в будущем // Молодой учёный. — 2024. — №8(507). — С. 123–129.
17. Моисеев Е.О. Современные проблемы и перспективы применения ЭОР в процессе обучения подростков эстрадному пению // Вестник КемГУКИ. — 2018. — №45-1. — С. 150–156.
18. Моисеев Е.О. Информационно-коммуникативные (компьютерные) технологии в музыкальном искусстве эстрады: педагогический аспект // Музыкальное искусство и образование. — 2019. — Т. 7, №4. — С. 158–175.
19. Моисеев Е.О. Электронные образовательные ресурсы как педагогический инструментарий в процессе обучения эстрадному пению // Музыкальное искусство и образование. — 2020. — Т.8. — №2. — С. 161–176.
20. Моисеев Е.О. Потенциал программы Melodyne // Музыкальное искусство и образование. — 2021. — Т.9, №2. — С. 158–166.
21. Моисеев Е.О. Цифровая трансформация вокального образования подростков // Педагогическая наука и образование в диалоге со временем: сб. ст. конференции. — Астрахань, 2025. — С. 214–219.
22. Нарикбаева Л.М. Искусственный интеллект и современное образование / Л.М. Нарикбаева, Н.Ф. Батырбаева // Психология одаренности и творчества: сб. науч. тр. V Международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 14–15 ноября 2023 года. — М.: Известия института педагогики и психологии образования, 2023. — С. 37-42. — EDN XCLGGT
23. Орлов И.А. Нейросети в образовании: практическое применение для персонализации обучения и повышения эффективности работы преподавателя / И.А. Орлов, А.В. Орлов // Молодой учёный. — 2024. — №12(511). — С. 85–91.
24. Телегин А.А. Цифровые технологии в музыкальном образовании / А.А. Телегин. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. — 156 с.

EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE IDEAL TEACHER IN DOMESTIC AND FOREIGN PEDAGOGICAL THOUGHT (FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT): RETROSPECTIVE ANALYSIS *

Sidorova Valentina Nikolaevna, *Postgraduate student, Melitopol State University, Melitopol (Russia)*

The article presents a retrospective analysis of the evolution of the image of the ideal teacher. The purpose of this study is to comprehensively examine the evolution of the image of the ideal teacher from Antiquity to the present day, identify the key stages, characteristics, and factors that directly influence its formation in various historical and cultural contexts. The scientific novelty of this study lies in the understanding and design of the image of the ideal teacher in modern times. The results of the study provide a professional and personal portrait of the ideal teacher in the 21st century. In the process of scientific analysis, the author attempted to systematize the evolution of the image of the ideal teacher according to the era, which allowed him to identify the fundamental components characteristic of the ideal teacher from Antiquity to the present day.

Keywords: *image of an ideal teacher; mentor; student; education and upbringing; teacher; child.*

EDN: ZDJWDM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.65***

Цитировать: *Сидорова В.Н. Эволюция образа идеального педагога в отечественной и зарубежной педагогической мысли (от античности до наших дней): ретроспективный анализ // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 465-470. EDN: ZDJWDM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.65*

УДК 371.12
5.8.1 / 5.8.2

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОГО ПЕДАГОГА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ): РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ **

В материалах статьи представлен ретроспективный анализ эволюции образа идеального педагога. Целью данного исследования является комплексное изучение эволюции образа идеального педагога от Античности до наших дней, идентификация ключевых этапов, характеристик и факторов, оказывающих непосредственное влияние на его формирование в различных историко-культурных условиях. Научная новизна заключается в осмыслении и проектировании образа идеального педагога современности. По результатам исследования представлен профессионально-личностный портрет идеального педагога XXI века. В процессе научного анализа автор осуществил попытку систематизации процесса эволюции образа идеального педагога в соответствии с эпохой, что позволило определить наличие фундаментальных составляющих, характерных для идеального педагога от Античности до наших дней.

Ключевые слова: *образ идеального педагога; наставник; ученик; обучение и воспитание; педагог; ребенок.*

© Сидорова В.Н., 2026

СИДОРОВА Валентина Николаевна, *аспирант, Мелитопольский государственный университет, Мелитополь (Россия)*
SPIN-код: 7690-8440
ORCID ID: 0009-0004-3626-0557

Образ идеального педагога является фундаментом любой педагогической системы и демонстрирует превалирующие ценности, цели и общественное восприятие принципов воспитания и образования. На протяжении многих тысячелетий этот образ подвергался серьезным трансформациям, вызванным изменениями в обществе, адаптировался к новой социальной, культурной, экономической и философской действительности. Ретроспективный анализ эволюции образа идеального педагога в отечественной и зарубежной педагогической мысли позволит: во-первых, выявить закономерности исто-

* The publication materials were prepared as part of the state assignment on the topic "Axiological foundations of the strategy for the development of modern pedagogy in the post-Soviet educational space" (FRRS-2026-0008).

* Материалы публикации подготовлены в рамках выполнения государственного задания на тему «Аксиологические основы стратегии развития современной педагогики на постсоветском образовательном пространстве» (FRRS-2026-0008).

рической динамики педагогических идей, во-вторых, определить общие характеристики, которые не теряют актуальности на протяжение тысячелетий, в-третьих, разобраться в специфике национальных подходов.

Образ педагога в Древней Греции ассоциировался с идеальным образом гражданина и философа. Софисты (Протагор, Горгий) видели в педагоге человека-ритора, способного убеждать, обладающего красноречием, имеющего практические навыки к научению этому других. Образ идеального софиста-педагога отождествлялся с эрудицией, гибкостью мышления и умением достичь гармонии в общении с учеником [9, с. 78-80].

Кардинально иное видение образа идеального педагога предложил Сократ. В его понимании идеальный педагог способен помочь ученику найти истину в процессе диалога, используя майевтику, позволяющую собеседнику извлечь философские мысли из своего ума с помощью наводящих вопросов, критическое мышление, способствующее проявлению логики и возможности делать обоснованные выводы, а также самопознание, развивающее в ученике ресурс лучшего понимания себя, своих ценностей, убеждений, эмоций, желаний и потребностей. Сократом были определены главные качества идеального педагога — мудрость, скромность, любовь к истине, способность пробуждать мысль [20]. В трудах Платона, особенно в «Государстве», образ идеального педагога представлен в виде философа-правителя, имеющего глубокие знания, обладающего мудростью, способностью вести учеников к осмыслению мира. Кроме того, он должен быть строгим, но справедливым, способным формировать нравственность, благородство, честность и служение народу [11]. Наставник, способный развивать в ученике логос, благочестие и фронезис, являющийся знатоком различных наук, обладающий логическим мышлением, умеющий сопоставлять обучение со способностями ученика — образ идеального педагога в научной мысли Аристотеля [12]. Отметим, что педагогическая мысль Античности, оказала огромное влияние на последующие эпохи и положила начало европейской цивилизации.

Приоритетом педагогики Римской империи, базирующейся на греческой, стала практическая подготовка оратора и гражданина. Так, в работах Цицерона прослеживается акцент на необходимость всестороннего развития оратора, которое включало в себя не только красноречие, а и его образованность, и добродетельность. В свою очередь, Цицерон в образе идеального педагога видел наставника, который умеет подготовить ученика-оратора, наделенного глубокими знаниями в философии, истории, праве и литературе [3]. Наиболее исчерпывающие представление об образе идеального педагога создал Квинтилиан в труде «Риторические наставления» [2; 7]. Этот образ ассоциировался с такими качествами, как человек безупречный (являющийся эталоном добродетели, честности и справедливости), эрудированный (владеющий знаниями всех наук, необходимых оратору), понимающий и принимающий индивидуальность учеников, способный вызвать интерес и умеющий мотивировать ученика к учебе, взыскательным, но беспристрастный, способный сочетать требовательность и уважение к ученику, а также умеющий вдохновить его к постоянному совершенствованию.

Что касается эпохи Средневековья и Возрождения, то события внесли новые преобразования в образ идеального педагога, дополнили понимание роли и качеств педагога. Образование в эпоху Среднего века главным образом осуществлялось священнослужителями, а образ идеального педагога ассоциировался с учителем, который представлял собой монаха, священника или ученого-схоласта, способного доносить до ученика божественную истину и моральные ценности, а его главная задача — привести ученика к спасению души, обучить его скромности, смирению и вере [16]. Помимо этого, характеристиками идеального педагога были глубокие религиозные убеждения, знания в области теологии, латыни и церковных обрядов. Педагог отождествлялся и с образом строгого, но справедливого наставника, способного к наказанию во имя спасения души, а также блюстителем традиций и транслятором знаний, но не их творцом.

Анализ гуманистического мировоззрения эпохи Возрождения (Ренессанса) позволяет выделить отход от теоцентризма к антропоцентризму, а возобновление интереса к античной культуре и искусству, переход к гуманизму и научному мышлению оказали

значительное влияние на образ идеального педагога. Таким образом, идеальный педагог в эпоху Ренессанса — это просвещенный гуманист, знающий латинский и греческий языки, литературу, историю, разбирающийся в философии, искусстве и естественных науках. Он способствовал разностороннему интеллектуальному развитию своего ученика, формированию мужества, чистоты помыслов и гражданственности [1]. Учителя-гуманисты отмечали важность принятия во внимание индивидуальных особенностей ученика, его личную заинтересованность и способности. Кроме того, педагог представлял собой квинтэссенцию идеала гуманистического человека — был образованным, культурным, имел высокие нравственные устои и активную позицию гражданина. В работе учителя-гуманиста, в отличие от учителей-монахов эпохи Средневековья, отмечалась тенденция к более приятному и увлекательному обучению, что давало возможность заинтересовать и вдохновить своего ученика.

Перейдя к описанию особенностей культуры Нового времени, научной революции, стоит акцентировать внимание на том, что Просвещение и образование национальных государств внесли значительное преобразование в образ идеального педагога и оказали глубокое влияние на педагогическую мысль в целом.

Философы эпохи Просвещения переосмыслили роль мыслительных способностей и природы в воспитании. Так, в понимании Дж. Локка, идеальный педагог был представлен как «воспитатель разума» (educator of the mind) [8] и его основная задача — воспитать человека с чистой душой, свободного от ошибочных представлений о жизни и страстей. Он способствовал научению ученика самостоятельно размышлять, анализировать и делать умозаключения, содействовать физическому развитию и закаливанию. Учителю необходимо вести наблюдение за учеником в процессе обучения, обращать внимание на его индивидуальные особенности и персонализировать методы обучения. Совершенно новаторский взгляд на образ идеального педагога представлен в трактате «Эмиль, или о воспитании» Ж.-Ж. Руссо [14]. В его видение идеальный педагог должен следовать естественным законам развития ребенка, ограждая последнего от воздействия цивилизации и общества и создавать ситуации, которые позволят ребенку самостоятельно разобраться в законах природы и общества с помощью личного опыта. В своих изречениях Ж.-Ж. Руссо считал, что учитель должен не только передавать ученику свои знания, а в первую очередь развивать его чувства, мыслительные способности и самостоятельность, а также уважать ребенка, ориентироваться на его потребности и интересы, не навязывая своих взглядов.

Размежевание педагогики от области философских знаний и становление ее как самостоятельной науки, произошедшие в XIX веке, позволили дополнить новыми чертами образ идеального педагога. Так, в разработанной И.Ф. Гербартом теории воспитания и обучения, образ идеального педагога был тесно связан с его значимостью в формировании «многосторонне развитой личности» [5]. Педагог ассоциировался с очень образованным человеком, знающим психологию и педагогику, умеющим конкретно и упорядоченно излагать материал, применяя логические приемы и методы. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию в деятельности педагога, основанное на личном примере. Не менее важный вклад в развитие образа идеального педагога внес и К.Д. Ушинский — основатель научного подхода к педагогике в России. Он считал, что педагог, помимо глубоких научных знаний, должен понимать законы развития ребенка, любить детей, в совершенстве владеть искусством обучения и образования, быть человеком с нестандартным мышлением, способным находить новые подходы, быть образцом нравственности, культуры и гражданственности, а также транслировать свой опыт и знание ученикам, воспитывая в них любовь к Родине, своему народу [18].

Свои коррективы в образ идеального педагога внес и XX век, наполненный социальными изменениями в обществе, массой научных открытий и педагогических экспериментов. Сторонники реформаторской педагогики начала XX века отмечали, что помимо традиционных, на тот момент, подходов к обучению и воспитанию необходимо в образовательной деятельности учитывать активность ребенка и его личностные качества. В понимании Д. Дьюи, идеальный педагог — это человек, способный стать наставником ученика в про-

цессе обучения. Он строит процесс обучения, основываясь на принцип «обучение через делание» — организовывает эксперименты, исследования, которое позволяют ученику решать реальные проблемы и, соответственно, приобретать знания [4]. Идеальный педагог учит детей критически мыслить, анализировать и делать выводы. Вклад в образ идеального педагога внесла и М. Монтессори [17]. В её представлении идеальный педагог — это наблюдатель и помощник, способный стимулировать ребенка к самостоятельной работе, давая ему возможность самостоятельно выбирать направление деятельности и темпоритм ее ведения. При этом педагог обязан контролировать развитие каждого ученика и, при необходимости, предлагать свою помощь. А также образ педагога в поведенческом контексте должен быть примером для подражания.

Основатель вальдорфской педагогики, Р. Штайнер, представлял идеального педагога в образе художника и духовного наставника [6]. По его мнению, идеальный педагог должен направлять свою деятельность на гармоничное развитие не только интеллектуальных и практических способностей ученика, но и на развитие его творческих возможностей, используя в процессе обучения музыку, живопись, лепку и пр. и, непременно, учитывать возрастные и индивидуальные особенности ребенка. Обучение должно проходить в атмосфере взаимоуважения и понимания, а сам педагог должен быть духовно развитой личностью.

В постреволюционной советской педагогике образ идеального педагога был пронизан принципами коллективизма, коммунистического воспитания и становление нового человека. Идеальный педагог, в определении А.С.Макаренко, — это образец коммунистической морали, трудолюбия и гражданской позиции, умеющий работать с трудными детьми, опираясь на их потенциал [9]. Педагогу отводится роль воспитателя-наставника, способного организовать воспитание через коллектив, в котором каждый его член является ответственным за себя и других, а также обладает необходимыми навыками поддержания строгой дисциплины, но при этом уважать каждого воспитанника. Представление советского педагога-новатора середины XX века В.А. Сухомлинского об идеальном педагоге позволило создать образ мастера воспитания, который воспитывая сердцем, акцентирует внимание на развитие эмоционального интеллекта ребенка, стремится сделать школу местом, где дети чувствуют себя счастливыми [13]. Такой педагог должен не только мотивировать их к познанию мира и развитию творческого потенциала, а также фокусировать внимание на нравственном воспитании, делая акцент на формировании гражданственности и умению жить в обществе.

Процессы, происходящие в обществе во второй половине XX века в западных странах, внесли свои коррективы в образ идеального педагога. Представители гуманистического подхода (К. Роджерс, А. Маслоу и др.) интерпретировали образ педагога как «фасилитатора», который способствует раскрытию внутреннего потенциала ребенка и реализации его возможностей через атмосферу доверительных отношений, благоприятствующей безопасности ученика [15]. Педагог помогает найти смысл в обучении, а не насаждает свои взгляды. Представитель критической педагогики П. Фрейре в образе идеального педагога видел «освободителя», стремящегося оказать ученику помощь в пробуждении критического осмысления социальных, политических и экономических процессов, происходящих в обществе [19], способного не только учить, а и мотивировать учеников к борьбе за достойный уровень жизни для всех. При этом обучение является диалогическим, а педагог не транслирует свои знания ученикам, а побуждает их к проявлению инициативы на пути познания и преобразования окружающей действительности.

Начало XXI века, характеризующееся скоростными темпами развития технологий, глобальными изменениями в обществе, внесло изменение в представление о знании и об обучении, а также положило начало формированию нового образа идеального педагога.

Для понимания этого образа и составления его характеристики нами был проведен опрос среди студентов второго курса, обучающихся по направлению подготовки Психолого-педагогическое образование Мелитопольского государственного университета. В опросе приняли участие 34 человека. На вопрос «Какое качествами должен обладать идеальный педагог XXI века?» 22 (65%) респондента акцентировали внима-

ние на профессионализме образа идеального педагога, в том числе 41% — отметили необходимость цифровой грамотности, 32% — акцентировали внимание на необходимости высокого уровня профессионализма и методической подготовки педагога, 12% — наличие у педагога современности способность работать с различными категориями учеников, а 15% — указали на организационные способности педагога. 12 (35%) опрошенных не представляют педагога современности без проявления личных качеств: эмпатии и харизмы (27%), навыков коммуникации (18%), справедливости в отношении учеников (13%), стремления к постоянному самосовершенствованию (16%), порядочность (10%), патриотизм и гражданственность (16%).

На основании полученных данных нами был спроектирован образ идеального педагога XXI века. Итак, современный образ идеального педагога у представителей студенческой среды ассоциируется с образом цифрового наставника, способного указать на приоритетные траектории в потоке информационных технологий и коуча, обеспечивающего поддержку в процессе критического оценивания информационного потока. Он оказывает содействие в освоении цифровой грамотности и соблюдении этических принципов поведения в сети, а также в процессе обучения и воспитания использует как традиционные, так и цифровые ресурсы и инструменты, эксплицируя при этом высокий уровень профессионально-методической подготовки.

Принимая во внимание специфику современной образовательной парадигмы, направленной на формирование компетенций, идеальный педагог имеет потенциал для организации учебно-воспитательного процесса таким образом, чтобы он способствовал их овладению обучающимися — развивал аналитические способности и творческий потенциал, способствовал формированию коммуникационных компетенций и продуктивного взаимодействия. Современный идеальный педагог имеет возможность создавать индивидуальные образовательные траектории и поддерживать их, оказывать содействие обучающимся в формировании умений ставить цели, способности к рефлексии, навыков саморегуляции. Мотивируя обучающихся к образовательной деятельности, идеальный педагог стремится к созданию таких условий, которые позволят каждому из них ощущать себя успешным и самореализованным, а также отслеживать их развитие, адаптировать методы обучения под потребности каждого. Утопично представить образ идеального педагога без понимания эмоциональной составляющей своих учеников и помощи в период эмоциональной нестабильности, способности заинтересовать своим предметом, умения не только слушать, но и слышать, объективно оценивать каждого. Идеальный педагог современности способен к саморазвитию, обновляет свои знания, изучает новые методики в соответствии с реалиями настоящего времени, ищет оригинальные решения для обучения и воспитания подрастающего поколения. Он — эталон, обладающий незыблемыми моральными и этическими принципами, культурой поведения, позиционирующего себя гражданином и патриотом своей страны.

Заключение

Анализ научно-педагогического наследия о вопросах эволюции образа идеального педагога позволил проследить изменяющиеся в хронологической последовательности требования и отобразить становление человеческой цивилизации, философских воззрений на представление о человеке, обществе в целом и осознание смысла образования. Начиная от античного мудреца и до современного наставника и коуча, прослеживается стойкое стремление к идеальному совершенству в процессе обучения и воспитания, а такие фундаментальные качества, как любовь к ученикам и их уважение, стремление к справедливости и нравственные амбиции, умение вдохновлять к познанию и самосовершенствованию, остаются неизменными. Идеальный педагог был и остается тем, кто видит в каждом обучающемся колоссальный потенциал, а также способен оказать содействие в раскрытии и дальнейшем становлении его как личности.

Полученные результаты исследования позволили спроектировать сложный и многогранный образ идеального педагога XXI века. Перспективы дальнейших научных поисков видим в разработке и апробации комплекса тренинговых программ для будущих педагогов «Учитель будущего: стремление к идеальному образу».

Литература

1. Абдрафикова А.Р. Тенденции раннего развития гуманистической парадигмы в истории философии образования // Вестник ЮУрГГПУ. — 2014. — №1. — С. 20-27. EDN: SBTWSV
2. Аракчаа А.Б.-О. К вопросу становления и развития современной теории элокуции. Часть 1 // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. — 2022. — №3(96). — С. 68-79. DOI: 10.24412/2072-8980-10.24411/2221-0458-2022-96-68-79 EDN: SIDDRK
3. Володин В.В., Лукина Е. Ю. Компоненты готовности будущих учителей к проявлению педагогической заботы // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2021. — №1. — С. 116-122. DOI: 10.30853/ped210001 EDN: IBRZAP
4. Дьюи Д. Школы будущего / проф. Джон Дьюи, Эвелина Дьюи; с предисл. автора Джона Дьюи; пер. с англ. Р. Ландсберг. — М.: Работник просвещения, 1922. — 152 с.
5. Зотова О.А. Педагогические идеи И.Ф. Гербарта // Форум молодых ученых. — 2019. — №11(39). — С. 164-166. EDN: PPMUBJ
6. Калашников И.А. Вальдорфская школа: к осмыслению педагогических идей и опыта Калашников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2018. — Т. 16, №1-2. — С. 9. DOI 10.24411/2227-9490-2018-11043. EDN YABUNF.
7. Квинтилиан. Риторические наставления. — Кн. 2. — СПб: Императорской Российской Академии, 1834. — 100 с.
8. Локк Дж. (1632-1704). Мысли о воспитании: С портр. Локка и очерком его жизни и деятельности / Джон Локк; Пер. с англ. А. Басистова. — 3-е изд. — Москва: К.И. Тихомиров, 1913. — 238 с.
9. Макаренко А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. — М.: Просвещение, 2024. — 438 [2] с.
10. Марру А.-И.: История воспитания в античности (Греция) / пер. с фр. А.И. Любжина, М.А. Сокольской, А.В. Пахомово — М.: ГЛК, 1998. — 428 с.
11. Платон. Государство / Платон; пер. с др.-греч. А.Н.Егунова. — М.: Колибри, АЗБУКА, 2025. — 544 с.
12. Ракитянская А.И., Козлов В.И., Бакшеев А.И. Философские идеи и концепции, повлиявшие на развитие педагогической риторики // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. — 2023. — №3. — С. 197-202. EDN: DQWGTE
13. Репринцев А.В. Образ идеального учителя в философско-педагогической концепции В.А. Сухомлинского: диалектика идеального и реального // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2013. — №2(261). — С. 14-19. EDN RPYJJP.
14. Руссо Ж.-Ж. (1712–1778). Эмиль, или О воспитании / Жан Жак Руссо; пер. с фр. М. А. Энгельгардта. — СПб.: Шк. и жизнь, 1912. — 491 с.
15. Сперанская Н.И. Развитие и становление Западной гуманистической педагогики // Теория и практика общественного развития. — 2015. — №20. — С. 310-312. EDN: UNVYVP
16. Скрябина Т.О. Педагогическая мысль Византии в эпоху раннего средневековья // Проблемы современного педагогического образования. — 2024. — №85-1. — 330-332. EDN: JAPXXR
17. Соловьев Г.Е. Педагогико-антропологические идеи Марии Монтессори // Ярославский педагогический вестник. — 2025. — №4(145). — С. 29-38. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-4-145-29 EDN: VACEQY
18. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения / К.Д. Ушинский; сост. В.Я. Струминский; под ред. Е.Я. Струминский. — М.: Учпедгиз, 1945. — 565 с.
19. Фрейре П. Педагогика угнетенных / пер. М. Мальцевой-Самойлович, И. Пивень. — М.: КоЛибри, 2018. — 288 с.
20. Хушбоков О.У. Исторические и современные философские взгляды учителя и новые вызовы // Вестник науки. — 2023. — №9(66). — С. 135-139. EDN: BALKVK

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL COMPETENCIES OF FUTURE CHINESE MUSIC TEACHERS IN THE VOCAL CLASS THROUGH THE CASE-STUDY

Xiao Siyuan, *Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia)*

This article examines the use of new technologies in Chinese music education universities, specifically the case study method. The method involves modeling specific learning situations and creatively exploring their solutions. A case study represents an artistic and performance matrix, the successful implementation of which involves numerous variations. This method facilitates the acquisition of skills for independently searching for variable interpretations of a musical work, the development of internal motivation and the need for creative self-realization, and an understanding of the importance of professional and pedagogical competencies in the professional work of a music teacher. The purpose of the study is to substantiate the practice-oriented nature of the case study method, focusing on the development of analytical, creative, and communicative skills. Mastering these skills enables the transition from passive theoretical assimilation to active solution of professionally oriented tasks and problems in vocal music education. Based on the study's results, a systematization of the cases and their step-by-step implementation in the preparation of students in the vocal classroom is proposed.

Keywords: *music education; modern technologies; case-study method; future Chinese music teachers.*

EDN: ZJBLVY ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.66***

Цитировать: *Сяо С. Развитие профессионально-педагогических компетенций у будущих китайских учителей музыки в вокальном классе средствами кейс-метода // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 471-475. EDN: ZJBLVY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.66*

УДК 378
5.8.2

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ КИТАЙСКИХ УЧИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ В ВОКАЛЬНОМ КЛАССЕ СРЕДСТВАМИ КЕЙС-МЕТОДА

© Сяо С., 2026

В статье рассматриваются проблемы использования в китайских музыкально-педагогических вузах новых технологий и, в частности, кейс-метода (case-study), суть которого заключается в моделировании конкретных учебных ситуаций и творческий поиск их решения. Кейс представляет собой художественно-исполнительскую матрицу, успешная реализация и воплощение которой содержит множество вариаций. Использование данного метода способствует овладению навыками самостоятельного поиска вариативного прочтения музыкального произведения, формирования внутренней мотивации и потребности в творческой самореализации, а также осмысления значимости профессионально-педагогических компетенций в профессиональной деятельности учителя музыки. Цель исследования — обосновать практико-ориентированную направленность использования метода кейсов на развитие аналитических, творческих и коммуникативных навыков, овладение которыми позволяет перейти от пассивного усвоения теории к активному решению профессионально-ориентированных задач и проблем вокально-педагогического обучения музыке. По результатам исследования предлагается систематизация кейсов и их поэтапная реализация в подготовке студентов в вокальном классе.

Ключевые слова: *музыкально образование; современных технологии; кейс-метод в музыкальном образовании; будущие китайские учителя музыки.*

СЯО Сыюань, *аспирант Московского педагогического государственного университета, Москва (Россия)*

Введение

Особое значение в современных условиях подготовки будущих учителей музыки в КНР приобретает использование технологий, ориентированных на приобретение профессионально-педагогических компетенций. Эффективность работы учителей музыки в образовательных учреждениях Китая предо-

пределяется навыками использования современных методик, методических приемов и технологий, способствующих осведомлённости студентов о значении музыкального образования в развитии культуры, понимания значимости музыкального воспитания в культурном становлении школьников, овладение методами музыкально-педагогического воздействия, направленного на осознание многообразия средств художественно-эстетического воспитания детей.

В Китае широко применяются различные образовательные технологии, которые связаны с построением педагогического процесса с ориентацией на гарантированный результат, достигаемый на основе совершенствования средств, методов и форм обучения [15]. Одним из эффективных технологий, направленных на развитие творческого развития — является кейс-метод, использование которого направлено на самостоятельный поиск информации и активное участие студентов вокального класса в вузе. Такими проблемными ситуациями, которые должны решать студенты в процессе обучения являются: формирование внутренней мотивации, понимание значимости профессионально-педагогических компетенций студентов в развитии музыкально-эстетических ценностей обучаемых, возможности внедрения инновационных методов преподавания, учитывающих содержательно-методическую работу учителя музыки [6].

Использование метода case-study (ранее носил название «метод казусов») стало распространяться в первой половине XX века: первые кейсы были опубликованы в 1925 году в Отчетах Гарвардского университета. В процессе развития профессионально-педагогических компетенций у будущих китайских учителей музыки в вокальном классе используются кейсы, разработанные в Гарварде (Америка) и Манчестере (европейская система). Однако предпочтение было отдано манчестерской модели кейс-метода, предлагающим вариантность и диверсификацию решения проблемы в освоении методик постановки голоса и овладения педагогическими компетенциями.

В музыкальном образовании использование технологии case-study, пока еще мало распространено и, в основном, они используются для освоения, как утверждают Ю.В. Кузнецова, М.В. Плотников, О.С. Чернявская [9], навыков практического обучения, позволяющих изучить и определить пути решения сложной ситуации, наметить возможные пути решения проблемы.

Рассмотрению возможностей использования метода кейсов представлено преимущественно в исследованиях, посвященных преподаванию экономических, медицинских, юридических, общеобразовательных и других дисциплин [11]. В музыкальном образовании этот метод представлен не так широко: имеются не многочисленные статьи о применении кейс-метода в учреждениях музыкального и профессионального образования. В работах А.Г. Сенцова [5], Е.Р. Сизовой, В.В. Белобородовой [13], рассматривается применение кейс-метода на уроках музыки в общеобразовательной школе, в классе инструментальной подготовки музыкальной школы, подчеркивается его значение для развития личности обучающихся.

Использование метода кейсов в системе профессионального музыкального образования рассматривают Р.Н. Валиуллина [3], И.А. Корсакова [8], которые анализируют использование кейс-метода в практике преподавания музыкально-теоретических дисциплин у студентов музыкальных вузов. Исследований, связанных с использованием кейс-метода в практике развития профессионально-педагогических компетенций, до настоящего момента не предпринималось.

Результаты исследования и их обсуждение

Кейс-метод стал интенсивно использоваться в Китае в начале XXI в. В работах Се Сянкэ [12], Чжоу Юйхан [16] предлагается решать такие проблемы, как совершенствование своего профессионального мастерства на основе использования современных методик, методических приемов и технологий.

Для развития профессионально-педагогических компетенций у студентов в вокальном классе вуза, далее систематизированы кейсы, направленные на решение учебных вопросов: а) поиск и анализ информации по имеющимся вокальным методикам; б) сбор и обработка методической информации с использованием многовариантности в принятии решения по вокально-педагогической проблеме у

обучаемых; в) использование эффективных методик и возможности их применения с обучающимися различного уровня вокальной подготовки; г) реализация творческого подхода к конкретной ситуации.

Для решения проблемы педагогического сопровождения, ориентированного на стимулирование внутренних ресурсов, на стремление к саморазвитию для будущих учителей музыки была разработана структура кейса, содержащая сюжет, предполагающий пояснение преподавателем практических действий, осмысление имеющегося опыта известных вокальных педагогов.

Как подтверждает практика, наиболее эффективной структурой кейса является следующий алгоритм: название кейса, его направленность на решение учебно-образовательных задач в вокально-педагогической подготовке студентов; описание проблемы, которая нуждается в решении; реализации системы «вопрос-ответ», при помощи которой определяется проблема, требующая решения; использования учебно-методических разработок и раздаточного материала (вокальные упражнения, пьесы, распевки, имеющиеся аудио и видеоматериалы и др.). Используемая структура позволила реализовать кейс, ориентированный на отбор цели вокально-педагогической деятельности, который рекомендуется использовать на начальном этапе развития вокально-педагогических качеств у студентов.

Для реализации названного кейса в процессе педагогической практики в образовательных учреждениях Китая были определены задачи будущих учителей музыки, которые заключались в необходимости изучения опыта вокальной подготовки обучаемых (разного уровня задатков и способностей) в работах китайских и российских ученых, рассмотрения методик и приёмов работы на основе изучения особенностей строения и работы голосового аппарата певца, подробно рассмотренных в исследованиях В.А. Багадурова «Очерки по истории вокальной методологии» [2], Д.Л. Аспелунд «Развитие певца и его голоса» [1], и китайских авторов: Юй Дуган [17]; «Методы преподавания вокала» Ян Лиган [18]. В результате изучения работ педагогов-практиков, студентам предлагались ситуации в виде вопросов, которые требовали решения: в чем проявляются недостатки звучания голоса; как преодолеть певческие дефекты; какие методы наиболее эффективны; как организовать работу над исправлением основных недостатков звучания голоса; что такое — форсированный голос; как достичь опоры звука; как преодолеть «нечистую» интонацию и т.д. Решение проблемных ситуаций в кейсе, ориентированном на достижение цели, студенты демонстрировали реализацию своих действий, свидетельствующих о закреплении знаний, умений и навыков в принятии решений в данной ситуации, выстраивание процесса обучения вокалу на основе поэтапного достижения поставленной цели.

Значимым для развития профессионально-педагогических компетенций студентов в вокальном классе вуза стал кейс на определение уровня организации самостоятельной вокально-педагогической деятельности будущих учителей музыки. Результативность педагогического сопровождения заключается в постепенном снижении педагогического участия в самостоятельной работе студентов. Вместе с тем, педагогическое сопровождение в вокальном классе ориентировано на видение целевых установок, на достижение вокально-педагогической компетенции в контексте психофизиологической, технико-художественной составляющих, что требует участия преподавателя на всех этапах подготовки. Особое внимание уделяется формированию вокально-педагогической интерпретации, что по мнению музыкантов-исполнителей [4; 7; 10], формирует навыки наглядно-образного, абстрактно-логического самостоятельного мышления.

Кейсы, ориентированные на приобретение навыков самостоятельной работы у будущих учителей музыки, включают различные виды вокально-педагогической деятельности. Овладение навыками самостоятельной работы в вокальном классе будущих учителей музыки осуществлялось на основе этапов педагогического сопровождения разработанных обучающих кейсов:

1) диагностический этап: определение уровня владения навыками анализа и творческого обобщения изучаемых вокально-педагогических особенностей учебного материала, его систематизации; б) осуществление анализа структуры музыкального произведения,

определение формы пьесы; в) определение на слух устойчивых интонационных оборотов (пентатоника; мелодические обороты с восходящими и нисходящими ступенями; полные каденции и т.д.); г) особенности штрихов (легато, стаккато, вибрато, пунктирный ритм и др.);

2) рефлексивный этап организации самостоятельной вокально-педагогической деятельности студентов вокалистов предполагает формирование навыков анализа преодоления образовательных трудностей, развитие стойкости и упорства в достижении результата. Студенты изучают книги, электронные источники, анализировали свой опыт, приобретенный в процессе педагогической практики. В процессе использования метода кейсов китайские студенты в вокальном классе закрепляют знания теоретических основ диагностики музыкального опыта (на основе разработок Л.В.Школяр и работ Ян Бо); навыки самооценки, имеющихся музыкальных навыков в области вокального исполнительства.

Наличие диагностического и рефлексивного этапов при методе кейсов, направленном на вокально-педагогическую деятельность будущих учителей музыки в вокальном классе определяют алгоритм работы при развитии профессионально-педагогических компетенций. Кейсы на отбор цели вокально-педагогической деятельности, на развитие самостоятельности — углубляют представления о вокально-педагогической деятельности у будущего учителя музыки, формируют навыки рационального расставления приоритетов, определяют наиболее эффективные технологии, средства и приёмы для осуществления вокально-педагогической деятельности. Кейсы — способствуют внедрению практических навыков на основе решения проблемных ситуаций, предполагают использование других методов обучения (например, игровых технологий), формируют аналитическое мышления, активизируют мыслительную деятельность у студентов.

Заключение

Проблема использования современных технологий в системе музыкального образования в Китае и, в частности — кейсов, в настоящее время является весьма актуальной, что связано с необходимостью ориентации на формирование профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, развитие таких способностей студентов, как умение работать с массивами информации, обретения своего индивидуального педагогического стиля. Кроме того, сегодня предъявляются повышенные требования к качеству подготовки учителя музыки, который должен обладать способностью оптимального поведения в различных ситуациях, отличаться системностью мышления и эффективностью действий в современном информационном пространстве.

Существует необходимость использования метода кейсов в образовательных программах студентов музыкантов при решении следующих проблем: 1) при доминировании ситуативных задач, требующих не стандартных решений, привлечения большого объема литературы и имеющегося практического опыта известных ученых в области музыкальной педагогики и исполнительства; б) использование метода кейсов в единстве с другими интерактивными средствами обучения, которые направлены на использование знаний в условиях новой ситуации, когда требуется гибкость, мышления, развитые аналитические навыки; в) при реализации основных функций процесса обучения студентов в вокальном классе (обучающая, воспитывающая, организующая, исследовательская), метод кейсов способствует интегративной подготовке будущих учителей музыки; г) многообразие и эффективность дидактического арсенала кейсов способствует глубокому «живому» овладению использования достижений методики и дидактики в образовательном процессе китайского вуза.

Литература

1. Аспелунд Д.Л. Развитие певца и его голоса / под ред. М. Львова. — М.: Ленинград; Музгиз, 1952. — 192 с.
2. Багадуров В.А. Очерки по истории вокальной методологии / В.А. Багадуров. — Ч. 3, вып. 1. — М.: Госиздат. Муз. сектор, втор. издание 1937. — 254 с.
3. Валиуллина Р.Н. Кейс-метод в курсе сольфеджио // Казахский национальный педагогический университет имени Абая. — 2016. — №3(25). — С. 96-98.
4. Ван Мин. Объем понятия национальной вокальной музыки и вопросы ее стилистики // Журнал Нанкинской академии музыки. — 2017. — №5. — С. 15-17.
5. Воспитательный потенциал кейс-технологии в становлении нравственных представлений млад-

ших школьников на уроках музыки / А.Г. Сенцова // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. — 2021. — №1. — С. 103-108.
6. Земскова А.С. Использование кейс-метода в образовательном процессе / А.С. Земскова // Совет ректоров. — 2008. — №8. — С. 12-16.
7. Корноухов М.Д. Интерпретация музыкального произведения — от теории к практике / М.Д. Корноухов // Музыкальное исполнительство и образование. — 2016. — №3. — С. 81–96.
8. Корсакова И.А. Музыкальная коммуникации в пространстве культуры / И.А. Корсакова, Н.И. Ануфриева, А.И. Щербакова; Российский гос. социальный ун-т. — Тула: Тульский полиграфист, 2012. — 392 с.
9. Кузнецова Ю.В., Плотников М.В., Чернявская О.С. Технология case-study / учебно-методическое пособие. — Нижний Новгород, 2014 — 208 с.
10. Лун Лицзюаня. Влияние теории оперной китайской музыки на развитие китайской национальной вокальной музыки // Журнал Северо-Западного университета национальностей. — 2011. — №11. — С. 55-58.
11. Матяш Н.В. Инновационные педагогические технологии. Проектное обучение: учеб.пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н.В. Матяш. — М.: Академия, 2011. — 144 с.
12. Се Сянкэ. Разработка технологии вокального обучения китайских студентов в российских музыкально-педагогических вузах // Управление образованием: теория и практика. — 2023. — Т.13, №11-12. — С. 259-263.
13. Сизова Е.Р., Белобородова В.В. Применение кейс-метода в классе фортепиано // Современные проблемы науки и образования. — 2025. — №6.Тараева Е.Е. Компьютер и инновации в музыкальной педагогике: в 3-х книгах. — Кн. 3: Интерактивное тестирование / Г.Р. Тараева. 2008. — 128 с.
15. Чжоу Юйхан. Методологические подходы к анализу реализации российских традиций вокальной педагогики в музыкальном образовании Китая / Юйхан Чжоу // Исследования молодых ученых: сб. ст. CVII Междунар. науч. конф. (Казань, сентябрь 2025 г.). — Казань: Молодой ученый, 2025. — С. 163-182.
16. Юй Дуган. Вокальная педагогика / Юй Дуган. — Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2009. — 254 с.
17. Ян Лиган. Методы преподавания вокала / Ян Лиган. — Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2007. — 342 с.

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL MODEL OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGY OF FORMATION OF ARTISTIC-PERFORMING SKILLS IN PIANO CLASS OF STUDENTS IN CHINESE UNIVERSITIES

Chen Long, *Postgraduate student*

Turovets Natalia Romanovna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia)

This article examines the pressing issue of developing artistic performance skills in piano students in China's higher music education system. The study analyzes the historical prerequisites and cultural characteristics that determine the specifics of this process. Based on a synthesis of the principles of the Russian piano school and modern pedagogical technologies, a structural and functional model is proposed aimed at the comprehensive development of technical mastery and artistic interpretation skills in piano students. The presented model relies on a systematic approach to the design and application of methods and techniques that facilitate the development of creative, physiological, and emotional resources. It includes a number of interconnected modules and structural components: 1) a diagnostic and prognostic module aimed at diagnosing the initial level of preparation and determining the trajectory of ability development; 2) a content-operational module implemented through the development of performance technique and a series of exercises; and 3) a control and results module for assessing the level of skill development. The results of the study allow us to conclude that the holistic approach underlying the model meets the objectives of the pedagogical technology for developing artistic performance skills in the process of training students, including work on sound production, style, figurative content, and the psychology of performance.

Keywords: *piano pedagogy; artistic performance skills; Chinese universities; pedagogical technology; music education; teaching methods.*

EDN: ZSAIVN ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.67***

Цитировать: *Чэнь Л., Туравец Н.Р. Структурно-функциональная модель педагогической технологии формирования художественно-исполнительских навыков в фортепианном классе у обучающихся в китайских вузах // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 476-480. EDN: ZSAIVN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.67*

УДК 378
5.8.2

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ НАВЫКОВ В ФОРТЕПИАННОМ КЛАССЕ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В КИТАЙСКИХ ВУЗАХ

© Чэнь Л., Туравец Н.Р., 2026

ЧЭНЬ Лун, *аспирант*

ТУРАВЕЦ Наталья Романовна, *доктор педагогических наук, профессор*

Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия)

В статье рассматривается актуальная проблема формирования художественно-исполнительских навыков у студентов-пианистов в системе высшего музыкального образования Китая. Исследование включает анализ исторических предпосылок и культурных особенностей, обуславливающих специфику данного процесса. На основе синтеза принципов российской фортепианной школы и современных педагогических технологий предлагается структурно-функциональная модель, направленная на комплексное развитие технического мастерства и навыков художественной интерпретации, сформированных у студентов-пианистов. Представленная модель полагается на системный подход проектирования и применения методов и приемов, способствующих раскрытию творческого, физиологического и эмоционального ресурсов. В состав входят ряд взаимосвязанных модулей и структурных компонентов: 1) диагностико-прогностический модуль, направленный на диагностику исходного уровня подготовки и определение траектории развития способностей; 2) содержательно-операционный модуль, реализующийся в системе развития техники исполнения и серии упражнений, и 3) контрольно-результативный модуль оценки уровня сформированности навыков. Результаты исследования позволяют заключить, что целостный подход, заложенный в основе модели, отвечает задачам педагогической технологии формирования художественно-исполнительских навыков в процессе подготовки об-

учаемых, включая работу над звукоизвлечением, стилем, образным содержанием и психологией исполнительства.

Ключевые слова: *фортепианная педагогика; художественно-исполнительские навыки; китайские вузы; педагогическая технология; музыкальное образование; методика преподавания.*

Введение

Современное состояние высшего музыкального образования в Китае характеризуется динамичным развитием и значительными достижениями в подготовке технически и художественно оснащенных пианистов. Однако, системный анализ образовательных результатов выявил устойчивый дисбаланс между высоким уровнем технической подготовки и недостаточной сформированностью художественно-интерпретационных компетенций. Указанное противоречие актуализирует необходимость разработки целостной педагогической технологии, адаптированной к культурно-образовательному контексту Китая, в которой теоретическое обоснование и структурное описание будет направлено на совершенствование процесса формирования художественно-исполнительских навыков у студентов-пианистов китайских вузов.

Фортепианное образование в Китае исторически сложилось под значительным влиянием зарубежной и российской (советской) пианисткой школы. Труды таких мастеров, как Г.Г. Нейгауз («Об искусстве фортепианной игры») и А.Д. Алексеев («Методика обучения игре на фортепиано»), заложили фундаментальные принципы, в соответствии с которыми техническое мастерство рассматривается не как самоцель, а как средство раскрытия художественного замысла композитора [1; 11]. Кроме того, значительный вклад привнесли работы С.Е. Фейнберга [16], в которых представлены методологические основы достижения технического мастерства как необходимых, но недостаточных условий художественного исполнения. Китайскими исследователями (например, Чжоу Гуанжэнь [17]) адаптированы принципы формирования пианистических компетенций к национальным образовательным реалиям, что привело к формированию уникального синтеза культурных традиций.

Для китайской педагогической традиции характерны: высокая степень дисциплинированности и исполнительской точности; тщательность технической проработки исполнительских деталей; ориентация на эталонный образец исполнения; превалирование коллективных форм обучения над индивидуальным творческим поиском. Данные особенности, обеспечивая безупречное техническое исполнение, могут одновременно ограничивать развитие креативного потенциала, художественной индивидуальности и эмоциональной спонтанности студентов [2; 17]. При разработке педагогической технологии формирования художественно-исполнительских навыков в фортепианном классе у обучающихся в китайских вузах интегрированы такие качества исполнительства, как техническая строгость китайской методики с художественно-образным и личностно-ориентированным подходом российской школы.

Педагогическая технология формирования художественно-исполнительских навыков в фортепианном классе

Педагогическая технология рассматривается как вид деятельности, ориентированный на достижение результативности подготовки студентов. Авторы по-разному трактуют понятие «педагогическая технология»: как искусство, основанное на интуиции, и технологии (Е.Н. Беспалько [4, с. 5]); как проект, определяющий структуру и содержание учебно-познавательной деятельности обучаемых (Ю.К. Бабанский [3]); как система, основанная на последовательности осуществления педагогической деятельности, ориентированной на результат (М.М. Левина [9]).

Важнейшим для определения сущности и структуры педагогической технологии формирования художественно-исполнительских навыков в фортепианном классе у обучающихся в китайских вузах является систематизация данного феномена. Г.К. Селевко [14] включает критерии, определяющие уровень сформированности рассматриваемых качеств

студентов: концептуальность (опора на известные и апробированные теории); системность (выстраивание структурных элементов учебного процесса, ориентированных на подготовку студентов-пианистов); управляемость (анализ и корректировка процесса формирования навыков с направленностью на достижение необходимо результата); эффективность (достижение обоснованного результата); воспроизводимость (возможность использовать разработанную структуру и содержание педагогической технологии в фортепианной педагогике).

Использование педагогической технологии в процессе подготовки студентов-пианистов в вузе, как считают исследователи [12; 13], должно быть направлено на формирование у студентов мотивации, ориентированной на профессиональное самосовершенствование и способности воспринимать новые тенденции в фортепианном исполнительском искусстве. Использование педагогической технологии в вузе при подготовке студентов-пианистов учитывает интенсивность организации и достижения их исполнительского мастерства. Это возможно с направленностью на: индивидуализацию работы со студентами в соответствии с их задатками, способностями, познавательными интересами; развитие способностей к творческой интерпретации; проектирование достижения исполнительского стиля; мобилизации профессионально-личностных качеств студентов, понимание значения раскрытия своего исполнительского и интеллектуального потенциала, способности к саморазвитию.

Системный подход и ключевые компоненты структурно-функциональной модели

Следовательно, педагогическая технология формирования художественно-исполнительских навыков в фортепианном классе у обучающихся в китайских вузах — это системный подход проектирования и применения методов и приемов, способствующих раскрытию творческого, физиологического и эмоционального ресурсов.

Предлагаемая педагогическая технология представляет собой системную многоуровневую модель, состоящую из взаимосвязанных структурных компонентов. *Диагностико-прогностический модуль* включает следующие компоненты: комплексная диагностика исходного уровня подготовки (технические навыки, музыкальный слух, ритмическое чувство); выявление индивидуально-психологических особенностей студента; определение зоны ближайшего развития художественно-исполнительских способностей; формирование индивидуальной образовательной траектории.

Содержательно-операционный модуль реализуется через систему взаимосвязанных компонентов технико-исполнительского блока: дифференцированная работа над постановочно-двигательным аппаратом; система упражнений для развития темброво-динамического контроля; специализированные этюды для освоения различных видов техники. Техника в таком контексте рассматривается как средство выразительности и предполагает работу над постановкой рук, звукоизвлечением и педализацией с учетом историко-культурологического стиля конкретного музыкального материала; этюды и гаммы увязываются с аналогичными техническими трудностями в художественных произведениях.

Музыкально-теоретическая подготовка в контексте педагогической технологии предполагает: гармонический и структурный анализ музыкальных произведений; изучение историко-стилевых особенностей фортепианной музыки; освоение принципов музыкальной формы и драматургии. Гармонический, структурный и формообразующий анализ произведения (на основе принципов, изложенных в трудах С.Е. Фейнберга) является обязательным этапом для осознанного исполнения [10; 15]: студент должен понимать «архитектонику» пьесы.

Художественно-интерпретационный блок включает: создание исполнительского плана произведения; методы эмоционально-образного воплощения музыкального содержания; развитие навыков собственной интерпретационной концепции. Преподаватель вуза направляет студента не на простое копирование, а на поиск собственного прочтения в рамках стиля и замысла композитора. Реализация данного блока позволяет преодолеть характерный для китайской исполнительской школы приоритет технического совершенства над художественной выразительностью.

Культурологический компонент направлен на: изучение культурно-исторического контекста исполняемых произведений; освоение принципов стилевой аутентичности; развитие межкультурной музыкальной компетенции. При исполнении произведений западноевропейских и русских композиторов важно преодолевать чисто внешнее восприятие, объясняя их через призму человеческих ценностей, что облегчает китайским студентам эмоциональное восприятие сочинения.

Контрольно-результативный модуль представляет собой систему обратной связи и анализа педагогических методов, используемых для объективной оценки уровня сформированности художественно-исполнительских навыков. Используются многомерные критерии оценки, выходящие за рамки технической точности, с акцентом на художественную выразительность. Система оценки включает следующие критерии: уровень технического мастерства и владения различными видами исполнения; качество звукоизвлечения и педализации; обоснованность интерпретационных решений; целостность художественного воплощения; степень оригинальности исполнительской концепции.

Принципы интеграции, культурной соотнесенности, индивидуального подхода и сознательности

Методическая реализация предложенной педагогической технологии основывается на соблюдении комплекса фундаментальных педагогических условий, обеспечивающих её целостность и эффективность. Ключевыми являются принципы интеграции, культурной соотнесенности, индивидуального подхода и сознательности.

Принцип интеграции предполагает органичное соединение технической работы с художественно-образным развитием. Методическое воплощение реализуется через разработку интегративных упражнений, через систему «художественного инструментария» и использование метода «образно-технических параллелей».

Принцип культурной соотнесенности [7; 8] базируется на положениях кросс-культурной педагогики и теории музыкального восприятия. Реализуется данный принцип через сравнительный анализ интерпретационных моделей, применения методов культурного посредничества и включение в репертуар произведений китайских композиторов, мирового фортепианного искусства.

Принцип индивидуального подхода основан на положениях личностно-ориентированного образования и теории множественного интеллекта Г. Гарднера [5]. Методический инструментарий включает диагностику когнитивного стиля, проектирование персональных образовательных траекторий и организацию индивидуальных творческих проектов.

Принцип сознательности [6; 18] направлен на формирование осознанного, рефлексивного отношения к процессу художественного творчества. Практическая реализация предполагает внедрение системы аналитических заданий, использование методов сравнительно-интерпретационного анализа, разработку эвристических вопросов и ведение «творческих дневников». Синергетическое единство данных принципов создаёт комплексную методическую систему, обеспечивающую не только профессиональный уровень подготовки, но и личностное, культурное и интеллектуальное развитие будущего музыканта.

Особое значение приобретает использование активных методов обучения, таких как: сравнительный анализ различных исполнительских интерпретаций; проблемно-поисковые ситуации в работе над музыкальным произведением; мастер-классы с приглашёнными специалистами; участие в творческих дискуссиях и круглых столах, представление своих исполнительских достижений на конкурсах и фестивалях.

Заключение

Формирование художественно-исполнительских навыков у китайских студентов-пианистов является комплексной задачей, требующей технологически выверенного подхода. Разработанная структурно-функциональная модель обеспечивает комплексное развитие как технических, так и художественных компонентов исполнительского мастерства и способствует: повышению качества фортепианного образования; созданию современных информационно-коммуникативных средств обучения, направленных на проектирование и распространение фортепианных достижений студентов-пианистов в их исполнительской

деятельности; повышению мотивации студентов к педагогической и исполнительской деятельности; формированию многовекторности в интерпретации музыкальных произведений мировой классики и современных сочинений композиторов; последовательному осуществлению индивидуализации обучения на основе педагогической технологии, имеющей личностно-ориентированный характер.

Ключевым условием успеха является преодоление разрыва между техническими и художественными компонентами обучения. Воспитание не только исполнителя, но и мыслящего музыканта-интерпретатора, способного к глубокому и самостоятельному художественному высказыванию, должно стать основной целью фортепианного образования в китайских вузах.

Литература:

1. Алексеев А.Д. Методика обучения игре на фортепиано. — М.: Музыка, 1971. — 278 с.
2. Арановская И.В., Орлова Т.С. Теоретико-методические основы процесса профессиональной подготовки будущих музыкантов-исполнителей из КНР в российских вузах искусств // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2024. — №10(193). — С. 61-69.
3. Бабанский Ю.К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса / Ю.К. Бабанский. — М.: Просвещение, 1982. — 182 с.
4. Беспалько Е.Н. Слагаемые педагогической технологии / Е.Н. Беспалько. — М.: Педагогика, 1989. — 192 с.
5. Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта: Теория множественного интеллекта: [юбилейное издание с новым предисловием автора] / Говард Гарднер; пер. с англ. А.Н. Свирид. — М.: Вильямс, 2007. — 501 с.
6. Го Бинжу. Методология анализа сопоставления образовательных практик обучения детей игре на фортепиано в Китае и России // Исследования молодых ученых: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, сентябрь 2025 г.). — Казань: Молодой ученый, 2025. — С. 117-138.
7. Корсакова И.А. Музыкальная коммуникация: генезис и историко-культурные трансформации: автореф. дис. … докт. культурологии: 24.00.01 / И.А. Корсакова. — М., 2014. — 50 с.
8. Коу Ю Межкультурная коммуникация в контексте мультикультурного музыкального образования // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — С. 54-57.
9. Левина М.М. Технологии профессионального педагогического образования: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М.М. Левина. — М.: Академия, 2001. — 272 с.
10. Маряч А.Ю. Реализация педагогических и исполнительских принципов С.Е. Фейнберга в контексте теории фортепианного интонирования в условиях музыкально-инструментальной подготовки студентов педагогического вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2024. — №11. — С. 1090-1100.
11. Нейгауз Г.Г. Об искусстве фортепианной игры. — М.: Музыка, 1967. — 218 с.
12. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е.С. Полат. — М.: Академия, 2003. — 272 с.
13. Самвелян Т.Э. Интеграция западных и национальных традиций в методике преподавания игры на фортепиано в музыкальном образовании Китая // Педагогический журнал. — 2022. — Т. 12, № 4А. — С. 689-697.
14. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Г.К. Селевко. — М.: Народное образование, 1998. — 256 с.
15. Фейнберг С. Е. Пианизм как искусство. — М.: Музыка, 1969. — 335 с.
16. Цыпин Г.М. Психология музыкальной деятельности: теория и практика. — М.: Академия, 2003. — 284 с.
17. Чжоу Гуанжэнь. Искусство фортепианного исполнения. — Пекин: Народное музыкальное издательство, 1990. — 215 с.
18. Чжоу Чжэнмао. Достижения и проблемы в обучении игре на фортепиано в вузах Китая // Актуальные проблемы современной науки. — 2008. — №2. — С. 122-123.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE INTEGRATION OF AN INNOVATIVE COMPLEX INTO THE PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE MILITARY CONDUCTORS

Yakushev Igor Vladimirovich, *Senior Lecturer, Department of Instrumentation and Score Reading, Military Institute (Military Conductors), Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Alexander Nevsky, Moscow (Russia)*

This article examines the integration of an innovative system into the professional training of conductors, focusing on pedagogical conditions, their multifaceted nature, and their importance in ensuring the functionality of the educational process and generating essential competencies. The study focuses on the results of implementing the innovative system in the educational process of cadets of the military institute (military conductors) of the Military University. A direct link is noted between the effectiveness of innovations and the scientific basis of the ideas, the personality of the innovative teacher, and the involvement of the teaching staff in the innovation process. The purpose of the study of innovative methods is to improve the intellectual, motivational, and emotional spheres of cadets, as well as the anagenesis of individual abilities. The results of two experiments are described, proving the expediency of studying and applying in practice the innovative developments of the Department of Military Band Instruments, and in particular, the performance breathing simulator (TIDB) and other elements of the innovative complex help cadets, future military conductors, to reach a high professional level.

Keywords: *innovative complex; pedagogical conditions; pedagogical innovation; innovative teacher; cadets — future military conductors; visualizer simulator; experiment.*

EDN: MVUGLE ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-59.68***

Цитировать: *Якушев И.В. Педагогические условия интеграции инновационного комплекса в профессиональную подготовку курсантов — будущих военных дирижеров // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 481-489. EDN: MVUGLE. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.68*

УДК 378
5.8.7

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИНТЕГРАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ КУРСАНТОВ — БУДУЩИХ ВОЕННЫХ ДИРИЖЕРОВ

© Якушев И.В., 2026

В данной статье рассматривается интеграция инновационного комплекса в профессиональную подготовку дирижеров с акцентом на педагогические условия с их многоплановостью и важностью для обеспечения функциональности образовательного процесса и генерирования необходимых компетенций. Исследование сфокусировано на результатах внедрения инновационного комплекса в учебный процесс курсантов военного института (военных дирижеров) Военного университета. Отмечается прямая связь эффективности инноваций с научным обоснованием идей, личностью педагога-новатора, вовлеченностью педагогического коллектива в инновационный процесс. Целью исследования инновационных методов является совершенствование интеллектуальной, мотивационной и эмоциональной сфер курсантов, а также анагенез индивидуальных способностей. Представлены результаты двух экспериментов, доказывающих целесообразность изучения и применения на практике инновационных разработок кафедры инструментов военного оркестра, и, в частности, тренажера-измерителя исполнительского дыхания (ТИИД), и других элементов инновационного комплекса, помогающих достичь высокого профессионального уровня курсантам — будущим военным дирижерам.

Ключевые слова: *инновационный комплекс; педагогические условия; педагогическая инноватика; педагог-новатор; курсанты — будущие военные дирижеры; тренажер-измеритель исполнительского дыхания; эксперимент.*

ЯКУШЕВ Игорь Владимирович,
ст. преподаватель кафедры инструментовки и чтения партитур военного института (военных дирижеров), Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Москва (Россия)

SPIN-код: 3551-7181

Введение

Говоря об интеграции инновационного комплекса в профессиональную подготовку дирижеров, следует остановиться на понятии «педагогические условия», которые так необходимы для внедрения данного процесса. Исследователи рассматривают различные типы подобных условий, среди которых организационно-педагогические (с точки зрения В.А. Беликова [5; 6], Е.И. Козыревой [11], С.Н.Павлова [19]), психолого-педагогические (А.В. Лысенко [13]) и дидактические (М.В.Рутковская [23]). Трактовке данного понятия уделялось немало внимания со стороны педагогической науки, где условия являются составным элементом, отражающим комплекс эвентуальности образовательной среды. Кроме того, можно говорить о внешних и внутренних условиях, когда внешние — это совокупность объективных начал (политических, культурных и т.д.), а внутренние — имеющие особенность преобразовываться в соответствии с поставленными целями и задачами. То есть, педагогические условия как компонент педагогической системы, воспроизводящий совокупность возможностей образовательной среды.

Важное место в данной работе отводится общенаучным методологическим подходам (системно-комплексному, структурно-функциональному, процессуальному). Широкое применение нашли такие виды эмпирических методов, как различные категории педагогических наблюдений, беседы, опросы, мониторинг теоретических знаний и практических навыков, экспертные оценки опытных педагогов. Тщательный анализ показателей деятельности участников образовательного процесса и статистической обработки данных, оформленных в виде таблиц, математических графиков, помогающих оценить итоги и возможность их внедрения в учебный процесс путём составления наглядных и учебно-методических пособий, были получены в результате проведения экспериментов по внедрению инновационного комплекса в учебный процесс. В них принимали участие курсанты военного института (военных дирижеров) Военного университета.

Результаты исследования и их обсуждение

Инновационные процессы представляют собой «многофункциональные сложные процессы по созданию, освоению, использованию и распространению новшеств» [3, с. 351]. Успешность внедрения подобных инноваций в учебный процесс зависит от многих составляющих, но в большей мере от педагогических условий, созданных в рамках класса того или иного преподавателя, на кафедре и в самом учебном заведении. В частности, Н.Г. Баженова [4] обращает внимание на типологию, согласно которой условия можно классифицировать по принципу: определяющихся личностными качествами учащихся и отдельно преподавателя; связанных с интерсубъективным сотрудничеством между педагогом и учащимися; и материально-технических, которые координируют педагогический процесс. Поскольку понятие «условие» выступает своего рода категорией отношения какого-либо предмета к находящимся рядом объектам, процессам или явлениям, благодаря которым возможно существование и развитие данного предмета, в педагогическом аппарате условие обеспечивает успешность процесса образования, морфогенез личности, формирование востребованных компетенций у обучающихся. Иначе говоря, педагогические условия или такой их конгломерат служат гарантией высококачественного результата в выборе задачи образования.

С позиции О.В. Штейнмарка, педагогические условия подразумевают определенный контекст процесса обучения и воспитания, являющийся результатом отбора, проектирования и функционирования элементов содержания, форм, методов и средств обучения и воспитания, благоприятствующих качественному умозаключению в решении определенных задач. «Специфической чертой понятия «педагогические условия» является то, что оно включает в себя элементы всех составляющих процесса обучения и воспитания: цели, содержание, методы, формы, средства» [26, с. 211]. В свою очередь, Н.М. Борытко связывает понятие с внешним обстоятельством, оказывающем существенное влияние на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательно сконструированного педагогом, предполагающего достижение определенного результата [7]

Бесспорно, эффективность применения инноваций напрямую зависит от достойной, уникальной, прогрессивной и научно-обо-

снованной идеи. Принципиальное значение имеет творческая личность самого педагога, участвовавшего в этом процессе, приверженность педагогического коллектива кафедры и вуза, а также степень вовлеченности администрации учебного заведения в инновационные процессы [3, с. 352].

Следовательно, «педагогическая инновация как понятие отражает достаточно значимую область педагогической деятельности. Содержательно педагогические инновации проявляются в различных аспектах и стратегиях совершенствования образовательных систем» [3, с. 357]. Это касается и формирования концепций развития, и саморазвития, модернизации содержания преподавания, трансформации или проектирования новых принципов, методик, инновационной педагогики, просвещения и развития личности. И, соответственно, инновационный процесс предполагает организацию педагогических репликаций и дополнительных исследований.

Анализируя инновационную деятельность, нельзя не акцентировать внимание на особенностях личности педагога-новатора, одержимого определенными идеями, отстаивающего свою оригинальную точу зрения, занимающегося постоянным самообразованием, осуществляющего прогрессивные задачи и стремящегося к творческой самореализации.

По мнению Н.Ш. Чинкиной [25], наиболее значимыми ассертивными элементами творческого самосовершенствования педагога является стремление к профессиональному росту, творческая инициатива, профессиональная компетентность, способность к самоанализу, осознанию своих достоинств и недостатков, значительный креативный потенциал, интеллигентность и уровень общей культуры, профессионализм и педагогическое мастерство.

В результате, различные инновации, имеющие отношение к любой профессиональной деятельности, оказывающиеся объектом исследования, анализа и имплементации, не появляются сами по себе, а представляют собой результат научных изысканий, передового педагогического опыта как отдельных преподавателей, так и всего коллектива в целом. Этот процесс не происходит стихийно, он управляем и структурирован.

Содержание инновационной деятельности подразумевает формирование профессиональных компетенций, создание инновационных учебных комплексов, способных интегрировать в процесс обучения, включающий использование инновационных технологий, мультимедийных средств, обучение преподавателей (переподготовка, повышение квалификации, знакомство с новыми технологиями). Внедрение инновационных методов предполагает использование инновационных оценочных материалов, позволяющих анализировать знания и умения курсантов. Среди них адаптивные тесты, выявляющие точную оценку знаний и навыков, кейс-метод, оценивающий сформированные цели, принятые решения, балльно-рейтинговая система, позволяющая учесть показатели изучения предмета или дисциплины, оценивание и обратная связь для анализа своих ошибок и постоянного улучшения получаемых результатов.

Цифровизация общества в настоящее время коснулась практически всех сфер жизни. Увеличение объема информации способствует ускорению темпа жизни людей. В связи с этим информатизация образования предполагает ориентацию в многообразии информационных ресурсов, необходимую как преподавателю, так и студенту. Использование современных средств может помочь не только повышению эффективности образовательного процесса, но и применению различных технических новинок, способствующих улучшению качества подготовки курсантов — будущих военных дирижеров.

В данном контексте, как было сказано выше, важной основой являются педагогические условия, которые включают в себя:

1) цель как ожидаемый результат;

2) систему предложенных преподавателем задач, решение которых позволит устранить имеющуюся проблему;

3) отсутствие строгой последовательности усвоения учебного материала;

4) самостоятельный выбор способов взаимодействия участников учебного процесса;

5) апробация различных моделей на практике.

Подготовка курсантов — будущих военных дирижеров предполагает собой наличие широкого кругозора, эрудиции, педагогических

и воспитательных навыков и умений, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности, а также компетенций, формируемых в процессе обучения. Для достижения определенных вершин мастерства и соответствия высокому уровню военный дирижер должен предварительно освоить на высоком профессиональном уровне исполнительские навыки на одном из инструментов военного духового оркестра, а также овладеть в достаточной степени игрой на всех без исключения инструментах военного оркестра, иначе говоря, приобрести в определенной степени качества мультиинструменталиста.

Цель применения инновационных методов обучения включает в себя формирование и развитие интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной и других сфер, а также анагенез индивидуальных способностей курсанта. Для осуществления поставленной задачи в рамках педагогических условий создан и применяется на практике инновационный комплекс, состоящий из двух основных частей: 4 электронных цифровых модуля и более 15 элементов предметной части.

Результаты первого эксперимента. Для более детального изучения возможностей в области инновационных разработок, используемых на кафедре в процессе обучения курсантов игре на медных духовых инструментах, был проведен эксперимент рекуперации тренажера-измерителя исполнительского дыхания (далее ТИИД). Помимо этого, в сфере пристального внимания оказались и другие части элементов инновационного комплекса, в значительной степени влияющие на качество звука. Из электронной части — модуль звуковых осциллограмм, а из предметной — тренажер-визуалайзер, учебный мундштук, механический амбушюрный измеритель, тренажер контроля выдоха, активатор исполнительского дыхания. Кроме того, результаты исследования и изменения, произошедшие через полгода после активного применения данных элементов инновационного комплекса, были проверены с помощью методики учёта амбушюрной нагрузки и модуля звуковых спектрограмм.

Педагогическая ценность данного испытания заключается в определении степени полезности перечисленных устройств как средства для становления и развития профессиональных качеств курсантов, и, в том числе, повышения их исполнительского уровня, а также — определения их роли в качестве помощника преподавателя.

Примененные оценочные материалы и, в частности, адаптивные тесты позволили определить уровень апперцепции учебного ресурса, наличия факторов, повлиявших на результативность применения инновационного комплекса, эффективность методов и средств, используемых в процессе эксперимента.

Так, устройство тренажер-измеритель исполнительского дыхания, характеризуется двумя отличительными функциями. С одной стороны — это полноценный тренажер, на котором исполнитель имеет возможность практиковать свои дыхательные мышцы, устанавливая различное сопротивление для направляемой в прибор воздушной струи, путём увеличения или уменьшения выпускным клапаном выходного отверстия. С другой — он (ТИИД) полноправно может называться исследовательским прибором, используемым для выявления различных параметров исполнительского выдоха. Изобретателем данного устройства является автор статьи в сотрудничестве с коллегами по кафедре, что подтверждается патентом за № 2792836 от 24.03.2023 года [28].

Конструкция данного прибора представляет собой воздушную полость, заключённую в металлическую оболочку, в которой имеется три отверстия: первое — служит для мундштука любого медного духового инструмента, в который направляется воздушная струя; второе — для датчика давления, показывающего возможность курсанта достигать и фиксировать определённый уровень атмосферного давления при закрытом выпускном клапане; третье — предназначено для выпускного клапана, соединённого с ареометром, показывающим скорость воздушного потока.

Одна из целей преподавателя — создать такую педагогическую среду, атмосферу, в которой курсант будет иметь возможность под руководством педагога, вносящего необходимые коррективы в процесс обучения, приобрести навыки владения собственным дыханием, контролем исполнительского аппарата, отслеживанием динамики своего прогресса или регресса.

Итак, на первом этапе под началом наставника происходит знакомство курсанта с прибором и порядком его использования. Задача педагога — рекомендовать произвести замер воздушного давления, которое может создать исполнитель, используя силу своих легких. Это требует необходимости выдоха максимальной силы, и фиксации полученного результата при закрытом выпускном клапане. Затем определить и зафиксировать скорость воздушного потока, продуцируемого каждым курсантом.

В эксперименте приняли участие 40 курсантов первого, второго и третьего курсов военного института (военных дирижеров) Военного университета, разделенных на две группы по двадцать человек (экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ). Проведенные испытания преследовали несколько педагогических целей: выявить уровень и качество подготовки курсантов, выяснить отражаются ли эти реальные результаты при работе с тренажером, существует ли необходимость использования данного изобретения в учебном процессе.

В рамках первого этапа, который проходил с 6-го по 10-е сентября 2025 учебного года, был произведен контрольный замер определения уровня дыхательных возможностей указанных курсантов. Второй этап, длившийся шесть месяцев, предполагал активное использование курсантами тренажера-измерителя в своих индивидуальных занятиях и под руководством педагога. В среднем, режим использования тренажера составил от пяти до пятнадцати минут за одно занятие в день и соответственно три раза в неделю на протяжении тридцати минут. Следовательно — около двух часов в месяц, а в целом, в период проведения эксперимента, составляющего шесть месяцев — 12 часов на каждого курсанта.

Третий, заключительный этап, проходил со 2 по 6 марта 2026 года и предполагал проведение повторного замера, в целях определения и фиксации изменений, произошедших с дыхательной сферой за шесть месяцев, а также фиксацию, сравнение и анализ полученных результатов с формулированием выводов, касающихся степени полезности ТИИД.

В Результате проведенного эксперимента были подведены итоги и отмечены достижения, анализ которых выявил, что средний уровень воздушного давления, созданный курсантами с помощью датчика, установленного на корпусе тренажера измерителя, составил 35.38%.

Затем были зафиксированы данные, которые получены при помощи использования ареометра вследствие измерения у курсантов скорости исходящей воздушной струи при выдохе после открытия выпускного воздушного клапана. Средний показатель сорока человек при исследовании этого параметра — 40.12%.

По истечении шестимесячного срока тренировок и занятий с помощью ТИИД, преподавателем был произведён повторный замер, где общий средний результат заключительного этапа оказался равным 56.62%. В итоге прирост среднего показателя качества работы с тренажером достиг уровня 21.24%.

В конечном счете, полученные данные эксперимента позволяют говорить о значимом уровне такого средства педагогического воздействия, как Тренажер-измеритель исполнительского дыхания. Применение преподавателем представленного устройства в учебном процессе дает возможность определять уровень и качество подготовки курсантов — будущих руководителей военных оркестров, способствовать становлению и развитию профессиональных качеств, исследовать различные параметры исполнительского дыхания, получать и оценивать реальные результаты при работе с тренажером, полноценно тренировать дыхание, устанавливая различное сопротивление путём увеличения или уменьшения выпускного отверстия для исходящего воздушного потока, использовать данное устройство как средство личного контроля.

Музыкальная педагогика в области духового исполнительства всегда стремилась соответствовать техническому прогрессу, способствующему созданию и совершенствованию музыкальных инструментов. На определённых исторических этапах социальные запросы общества, выражаемые в возрастающих требованиях к уровню исполнительства и педагогическим поискам, приводили к созданию новых и совершенствованию имеющихся музыкальных инструментов, способов и приёмов игры на них, появлению новых тембров, технических возможностей, что в свою очередь

способствовало изменению педагогических подходов в обучении, продвижению новых прогрессивных форм и методов музыкального мышления. Данный процесс продолжается и сегодня и, по-видимому, его развитие имеет спиралевидную форму. Педагогическое осознание новых инноваций, форм, способов, методов игры и обучения является ключом к общему развитию исполнительского мастерства и всего музыкального искусства в целом.

Результаты второго эксперимента, проводившегося параллельно с первым. Для проведения второго испытания были использованы модуль звуковых осциллограмм и тренажер-визуалайзер для медных духовых инструментов. Функционирование кейс-метода и его внедрение в процесс обучения является в достаточной мере актуальной задачей в деятельности кафедры инструментов военных оркестров. Подобная работа позволяет выявить проблемы курсанта и найти решения в сложных ситуациях. Наряду с этим, использование данного кейса стимулирует учащихся к нестандартному мышлению. Именно кейс-технология становится обучением, способствующим развитию самостоятельной деятельности курсантов, имеющих возможность самим участвовать в формировании своих умений и навыков. Инициативная индивидуальная работа с кейс-заданиями способствует развитию творческого мышления и интеллектуальных способностей.

Главным активом любого музыканта-исполнителя является качество продуцируемого им звука. Для всевозможных оркестрово-ансамблевых коллективов важнейшим фактором и критерием, подлежащим оценке, служит общее совокупное качество звучания данного музыкального коллектива в целом, являющееся его визитной карточкой и главной особенностью, инспирировавшей на успешность и популярность.

Искусственный интеллект дает определение музыкального звука как периодического акустического колебания определенной высоты, отличающегося тембром, громкостью и длительностью, использующегося как строительный материал в музыке, в противоположность с немузыкальными шумами, имеющими случайные колебания. Музыкальный звук в контексте теории музыки представляется наименьшим структурным элементом. По традиции он наделен, в отличие от шума, высотой, тембром, длительностью и громкостью. Считается, что к самому совершенному инструменту, продуцирующему звук, относится человеческий голос.

В фокусе данного исследования — музыкальные звуки, извлекаемые на инструментах военно-духового оркестра при помощи губ исполнителя. Общим и важнейшим компонентом, необходимым для возникновения звука, выступает воздушная струя, поддерживающая вибрацию колеблющегося тела и направляемая в духовой инструмент. Мышцы всего организма, в особенности амбушюра, гортани, языка, лёгких и т.д. действуют как единое целое, образовывая оптимальную форму ротовой полости, степень напряжения различных групп мышц от диафрагмы до колеблющихся эпителий губ. Именно реализация качественного звука определяет педагогические задачи, степень воздействия на курсанта в дихотомии педагог-курсант. При этом, педагог направляет своё внимание на те элементы исполнительского аппарата, которые, по его мнению, мешают извлечению наиболее подходящего звука. Среди них сила давления воздушной струи, направление воздушного потока в мундштук в соответствии с определенным углом наклона, ротовая полость и гортань, имеющие необходимый объём и форму, что влияет на эффективность извлекаемого звука, степень напряжения различных групп мышц или их части, окружающих воздушный столб.

При проведении второго эксперимента приняли участие те же сорок курсантов младших курсов военного института (военных дирижеров) Военного университета, которые участвовали в первом исследовании. Они были также разделены на две группы по двадцать человек (экспериментальная (ЭГ) и контрольная (КГ) группы).

В данном случае применение выбранных элементов для обучения в экспериментальной группе позволило достаточно рельефно выявить педагогический импакт с учетом синергетического эффекта. В ходе эксперимента было произведено сравнение между рядом выбранных элементов инновационного комплекса экспериментальной группы курсантов и контрольной группы, продолжавшей обучение по традиционным методикам.

Модуль звуковых осциллограмм визуализирует на экране извлекаемый обучаемым звук на духовом инструменте, который через микрофон поступает на компьютер и в виде графического изображения отражается на экране. Под руководством педагога и, впоследствии, самостоятельно, сравнивая собственное исполнение нот различными штрихами с эталонным в режиме реального времени, обучаемый приобретает возможность путём внесения корректив улучшать качество звука, получая объективную обратную связь. Ранее подобная методика была предложена Г. Абаджяном [1].

Тренажер-визуалайзер для медных духовых инструментов [27], разработанный на основе теоретических работ Ю. Гриценко [8], позволяет привить навыки управления углом наклона воздушной струи, направляемой в мундштуки медных духовых инструментов. Тренажер контроля выдоха представляет собой закреплённое на специальном устройстве стекло. Курсант имеет возможность проводить тренировку дыхательных мышц путём направления выдыхаемой воздушной струи через мундштук на стекло с делениями. При этом, он визуально может контролировать результаты своих действия и путём тренировки добиваться их улучшения. Данное устройство также имеет статус рационализаторского предложения.

Наряду с адаптивными тестами, кейс-методом, преподаватели используют балльно-рейтинговую систему, учитывающую все результаты, полученные курсантами в процессе изучения предмета либо дисциплины. Уже к концу первого месяца обучения курсант — будущий военный дирижер должен владеть полной информацией о количестве баллов, необходимых для той или иной оценки своей работы. В результате полученных показателей, он обязан критично подходить к своим достижениям, уметь их самостоятельно проанализировать, выявить способы, необходимые для решения задач в рамках своей профессиональной деятельности. Оценивание своей работы и обратная связь с преподавателем помогают произвести необходимый разбор своих ошибок и найти способы их устранения.

Заключение

Стремительные информационно-технологические изменения в настоящей действительности и очередная научно-техническая революция, генерирующая множество цифровых инструментов, призывают к кардинальному пересмотру педагогических подходов к обучению и их трансформации. Высшие военные учебные заведения, являющиеся важной и неотъемлемой частью общеобразовательного пространства нашей страны, вносящие весомый вклад в национальную систему образования, представляют собой некие полигоны для эксперимента новаторских идей.

Цель подобных проведенных педагогических экспериментов — это получение конкретного, качественно ожидаемого резуль¬тата, для достижения которого требуется определенное время, усилия, желание, условия, среда. К основным критериям данной цели можно отнести ясную формулировку, ожидаемый результат, пути и способы ее достижения, контроль и самоконтроль за действиями курсанта в процессе реализации эксперимента, выводы и оценку деятельности.

Полученные результаты тестирований подтвердили гипотезу о важности и необходимости использования элементов инновационного комплекса в процессе подготовки курсантов — будущих военных дирижеров. Для их внедрения и применения в учебном процессе необходимы определенные педагогические условия и рекомендации, включающие в себя совокупность действий по широкому внедрению данных инноваций в учебный процесс в музыкально-образовательных учреждениях нашей страны, а также при совершенствовании специальной подготовки музыкантов в оркестрах Вооруженных Сил Российской Федерации. К ним можно отнести следующие параметры, отвечающие за развития студента как творчески самосовершенствующейся личности:

— развитие методологической культуры, научно-экспериментальной деятельности;

— использование рейтинговой системы оценки полученных результатов;

— проведение разного рода тренингов, конкурсов на лучшую студенческую работу, выступление;

— организация встреч, диспутов с выдающимися учеными и музыкантами;

— обращение внимания на креативность мышления студентов;

— проведение ряда всероссийских, внутривузовских творческих и профессиональных

фестивалей и конкурсов, способствующих развитию профессиональных качеств студентов.

Одна из многообещающих задач относительно педагогической инноватики — создание банка педагогических идей и нововведений, созданного в рамках одного конкретного вуза или кафедры на отдельный учебный год или всего процесса обучения в целом. Это касается разработки программы инновационной деятельности, включающей в себя электронные модули, предметную часть и изобретения, разработанные в данном конкретном случае профессорско-преподавательским составом кафедры инструментов военных оркестров.

Вместе с тем, применение инновационного комплекса требует совершенно нового подхода к обучению и получению результатов экспериментальной деятельности. По мнению Андреева, более всего этому способствует педагогический мониторинг, как система диагностики качества функциональности совершенствования образовательной системы [2]. В связи с этим он предлагает к рассмотрению отдельные приоритетные проблемы, касающиеся содержания и оценки учебных программ, современных педагогических технологий, эффективности традиционных и инновационных форм и методов обучения и др.

Однако новые формы и технологии в обучении курсантов — будущих военных дирижеров не смогут заменить живого общения с преподавателем и подчас выступают в качестве вспомогательных в самостоятельной работе и поддержке преподавателя в ходе конструирования учебного процесса.

Представленные элементы инновационного комплекса, а также описанные варианты методик их применения позволяют заинтересовать и привлечь внимание широкого круга педагогического сообщества, интересующегося проблематикой духового музыкального исполнительства к вариантам решения стоящих образовательных задач.

Создание новаций должно применяться наряду с развитием и внедрением рациональных методик по их использованию. Создание частных и выработка общих методологий применений — важнейшая задача музыкальной педагогики. Педагогическое сообщество, оценив, должно отобрать полезные элементы и включить их в частные программы подготовки по специальностям отдельных инструментов и в целом определить их место и роль в общих подходах к обучению и подготовке кадров для всех уровней музыкального образования нашей страны.

Литература

1. Абаджян Г. Методика развития исполнительских приемов на духовых инструментах с помощью визуального индикатора / Г. Абаджян // Вопросы музыкальной педагогики: сб. ст. — Вып. 4 / ред.-сост. Ю.А. Усов. — М.: Музыка, 1983. — С. 19-32.
2. Андреев В.И. Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс / В.И. Андреев. — Казань: Центр инновационных технологий, 2013. — 500 с.
3. Бабанский Ю.К. Педагогика / Ю.К. Бабанский. — М.: Просвещение, 1988. — 432 с.
4. Баженова Н.Г., Хлудеева И.В. Педагогические условия, ориентированные на развитие: теоретический аспект / Н.Г. Баженова, И.В. Хлудеева. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. — С. 217-222.
5. Беликов В.А. Актуальность исследования педагогических условий решения проблем образования личности / В.А. Беликов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2018. — №6. — С. 23-38.
6. Беликов В.А. Философия образования личности: деятельностный аспект / В.А. Беликов. — М.: ВЛАДОС, 2004. — 356 с.
7. Борытко Н.М. В пространстве воспитательной деятельности / Н.М. Борытко. — Волгоград: Перемена, 2001. — 181 с.
8. Гриценко Ю.И. Некоторые закономерности звукоизвлечения на валторне: диссертация кандидата искусствоведения. — М., 1980. — 166 с.
9. Ильичев Л.Ф. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — 840 с.
10. Исманалиева Ж.А., Касымов А.А. Сущность и классификация педагогического состояния / Ж.А. Исманалиева, А.А. Касымов // Бюллетень науки и практики. — 2024. — Т. 10, №3.– С. 533-540.
11. Козырева Е.И. Школа педагога-исследователя как условие развития педагогической культуры / Е.И. Козырева // Методология и методика естественных наук. — Вып. 4. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. — 24 с.
12. Лаврик М.В. Формирование навыков исполнительского дыхания у курсантов-духовиков в военном вузе: технологический подход: дисс. … канд. пед. н. — СПб., 2024. — 209 ст.
13. Лысенко А.В. 2005. Психолого-педагогические условия формирования Профессионально-ценностных ориентаций будущего учителя музыки: дисс. ... канд. пед. наук. — Майкоп, 2005. — 203 с.
14. Малыхин А.О. Воспитание морального сознания учеников 5–7 классов на уроках трудового обуче-

ния: автореф. дис... канд. пед. наук. — Киев, 2000. — 20 с.
15. Мануйлов В.Н. Педагогические условия формирования исполнительских компетенций у курсантов — будущих военных дирижеров, обучающихся на медных духовых инструментах в военном вузе: дисс. …канд. пед. наук. — СПб.: РГПУ 2023. — 215 с.
16. Михневич С.Н. Самоорганизация студентов–первокурсников в период адаптации к обучению в вузе / С.Н. Михневич // Человек и современное общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам XII международной научно-практической конференции. — Ч. II. — Новосибирск, СибАК, ЭКОР-книга, 2012. — 160 с.
17. Немов Р.С. Психология: словарь-справочник: в 2 ч. — Ч. 2. — М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.– 352 с.
18. Низамова Ч.И., Добротворская С.Г. Анализ и уточнение дефиниции и классификационных групп педагогических условий / Ч.И. Низамова, С.Г. Добротворская // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 38, №4. — С. 623-628.
19. Павлов С.Н. Организационно-педагогические условия формирования общественного мнения органами местного самоуправления: автореф. дисс. … канд. пед. н. — Магнитогорск, 1999. — 23 с.
20. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. — М.: Высшая школа, 2004. — 512 с.
21. Педагогика: учебное пособие для педагогических институтов / под ред. Ю.К. Бабанского. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Просвещение, 1988. — 478 с.
22. Пушечников И. Особенности дыхания при игре на гобое / И. Пушечников // Вопросы музыкальной педагогики. — 1991. — №10. — С. 42-60.
23. Рутковская М.В. Формирование мотивов выбора педагогической профессии у старшеклассников: автореф. дисс. ... канд. пед. н. — Л.: Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. 1955. — 14 с.
24. Ситникова М.И. Педагогические условия творческой самореализации личности молодого учителя: дис. …канд. пед. наук. — Белгород, 1995. — 214 с.
25. Чинкина Н.Ш. Педагогические основы стимулирования мотивации творческого саморазвития учителя в условиях инновационной деятельности: автореф. дисс. ... д-ра пед. н. — Казань, 2000. — 46 с.
26. Штейнмарк О.В. Педагогические условия эффективного использования компьютерных технологий в педагогическом процессе / О. В. Штейнмарк // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — №1. — С. 211-215.
27. Якушев И. Тренажер-визуалайзер для медных инструментов с воронкообразными мундштуками. Гос. реестр изобретений РФ №2585531 от 05.05.2016 г.
28. Якушев И.В. Тренажер-измеритель исполнительского дыхания Гос. реестр изобретений РФ №2792836 от 26.03.2023 г.